

Англія.

Бельгія

Ирландія

Голландія

ЖИЗНЬ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ

томъ II

ЖИТЕЛИ СѢВЕРА

Е.Н.ВОДОВОЗОВОЙ.

съ рисунками
Васнецова
и
Панова

Швейцарія

Норвегія

В.Васнецовъ

В.Пановъ

ЖИЗНЬ

АБОНЕМЕНТЪ

9/4)
62

ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

С

ТОМЪ II.

ЖИТЕЛИ СЪВЕРА

съ 26 рисунками худ. Васнецова и Панова.

Издание 4-ое, совершенно переработанное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1899.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 5-го Октября 1898 г.

Текстъ печатанъ въ типографіи „В. С. Балашевъ и Ко“. Фонтанка, 95.

Рисунки и обертка—въ типографіи „Эдуарда Гоппе“: Вознесенскій просп., № 53.

Оглавление.

А Н Г Л И Я.

Стр.

<i>Лондонъ.</i> —Уличная суета и подвижность.—Городъ объявленій.—Уличные доктора и ораторы.—Туманы.—Лордъ-мэръ и лондонскій Сити.	1
<i>Диковинки Лондона.</i> —Столичные желѣзныя дороги.—Кристалльный дворецъ.—Александровскій дворецъ.—Доки и корабли	9
<i>Восточная и западная части Лондона.</i> —Роскошь Вестъ-Энда.—Восточные кварталы—очагъ бѣдноты.—Лондонскіе пролетаріи: ихъ жилища и положеніе.—Парки и любовь англичанъ къ природѣ.—Сентъ-Джемскій паркъ.—Гайдъ-Паркъ.—Страсть къ верховой ѣздѣ.—Внѣшность дамъ, мужчинъ и дѣтей.—Лондонскій сезонъ и его значеніе для столицы	17
<i>Монументальный Лондонъ.</i> —Памятники и статуи.—Характеръ лондонскихъ построекъ.—Лондонскіе дома, церкви и часовни.—Соборъ св. Павла.—Вестминстерское аббатство.—Уголь поэтовъ	26
<i>Уличная музыка.</i> —Странствующие музыканты и пѣвцы.—Разнообразное содержаніе ихъ пѣсенъ.—Авторы уличныхъ пѣсенъ.—Ихъ жалкая жизнь.—Пончъ и Джюди.—Происхожденіе и характеръ Понча.—Любовь къ нему народа.—Жизнь уличныхъ артистовъ	28
<i>Уличная промышленность.</i> —Ковентгарденскій и Биллингсетскій рынки.—Лондонскій уличный торговецъ и исторія его жизни.—Летучая газетная торговля.—Искатели окурковъ.—Чистильщики	32
<i>Воры, сыщики и полисмэны</i>	37
<i>Ллойдъ.</i> —Купцы Сити.—Черная книга	41
<i>Клубы.</i> —Характеръ прежнихъ клубовъ и ихъ вліяніе.—Нынѣшніе клубы.—Ихъ внѣшній видъ и замѣчательная роскошь.—Частные клубы.—«Греки и голуби».—Страсть къ пари и къ азартнымъ играмъ.—Чѣмъ объяснить пристрастіе англичанъ къ клубамъ.—Хорошія и дурныя стороны этихъ учреждений.—Типъ «клубиста».—Его жизнь и надежды.—Клубы рабочихъ.—«Союзъ клубовъ рабочихъ» и его огромное значеніе.—Клубы работницъ	42
<i>Религія англичанъ.</i>	52
<i>Сектанты.</i> —Методисты.—Баптисты.—Квакеры.—Жизнь, понятія и вѣрованія этихъ сектантовъ.	54
<i>Какъ проводятъ англичане воскресный день.</i> —Церковь и богослуженіе.—Уличные проповѣдники.—Небольшая перемяна во времяпрепровожденіи воскреснаго дня	60
<i>Жизнь англичанъ среднихъ и высшихъ классовъ общества.</i> —Наружность англичанъ.—Домъ и его убранство.—Порядокъ, дисциплина, чистота и комфортъ въ домашнемъ быту.—Прислуга, ея жизнь и отношеніе къ господамъ.—Гувернеры и гувернантки.—Что ѣдятъ и пьютъ въ Лондонѣ.—Англійская семья.—Воспитаніе дѣтей.—Ихъ отношеніе къ родителямъ.—Авторитетъ отца.—Англійскіе юноши.—Что такое джентльменъ.—Гостепріимство и отношеніе къ иностранцамъ.—Женщины и дѣвушки.—Ихъ значеніе и права.—Характеръ англичанъ: ихъ хорошія и дурныя стороны	63
<i>Могущественное вліяніе печати</i>	80

Предисловіе.

Во второй томъ книги „Жизнь Европейскихъ Народовъ“ вошло описаніе англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, голландцевъ, бельгийцевъ, норвежцевъ, шведовъ и датчанъ. При изображеніи ихъ жизни мы держались того же плана, какъ и въ первомъ томъ нашего труда. Мы обращали особенное вниманіе на внутреннее содержаніе этой жизни; описаніе природы и здѣсь занимаетъ болѣе значительное мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она имѣетъ рѣшительное вліяніе на весь складъ жизни народа.

Въ Англіи прежде всего поражаютъ необыкновенное развитіе промышленности и блестящая всемірная торговля,—этимъ отраслямъ экономической дѣятельности народа я посвятила особые очерки. Наиболѣе выдающимися чертами характера англійскаго народа являются его склонность ко всевозможнымъ организаціямъ и его любовь къ атлетическимъ забавамъ,—вотъ потому-то я особенно подробно описываю разнообразные союзы среди англичанъ всѣхъ классовъ общества, ихъ клубы, митинги, а также скачки, боксъ, гимнастическія упражненія, однимъ словомъ спортъ всевозможныхъ видовъ. Въ своемъ трудѣ я обращаю также серьезное вниманіе на оригинальное воспитаніе, которое англичане даютъ своимъ дѣтямъ дома и въ учебныхъ заведеніяхъ, направленное прежде всего на развитіе какъ физической силы, такъ и мужества, самостоятельности, выносливости, то есть на выработку характера вообще. Англійскій парламентъ, имѣющій такое могущественное значеніе во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни, далъ мнѣ возможность посвятить особый очеркъ государственному устройству этой страны. Мнѣ приходится останавливаться и на менѣ существенныхъ чертахъ характера англичанъ, такъ какъ и онѣ сами по себѣ представляютъ не мало интереса для размышленія. Въ англійской жизни рѣзко выступаютъ контрасты какъ въ частной, такъ и въ общественной и даже въ политической жизни. Передъ вами встаютъ то картины жизни замѣчательно комфортабельной, полной безумной роскоши, съ какою живетъ здѣшняя аристократія и огромный классъ негоціантовъ, проживая царскіе доходы, то огромная армія безработныхъ. Любовь англичанина къ свободѣ идетъ у него рука объ руку съ деспотизмомъ общественнаго мнѣнія и рабскимъ ему подчиненіемъ. Глубоко уважая права общества и каждой отдѣльной личности, англичанинъ терпитъ аристократическія привилегіи. Немногіе народы въ такой степени содѣйствовали прогрессу, и въ тоже время ни одинъ народъ не проникнуть въ такой степени, какъ англичане уваженіемъ къ принятымъ обычаямъ и преданіямъ. Никто болѣе

англичанъ не стремился къ уничтоженію невольничества, и никто болѣе ихъ не умѣлъ обездоливать поработенный народъ. Исторія Ирландіи ясно показываетъ, что англичане до тѣхъ поръ угнетали эту страну, пока не сдѣлали весь народъ нищими. Отсюда безграничная, до фанатизма доходящая ненависть къ нимъ всѣхъ побѣжденных народовъ. Не меньше поражаетъ и противорѣчіе въ складѣ характера каждаго англичанина: съ одной стороны всепожирающая страсть къ деньгамъ и наживѣ, съ другой отсутствіе всякаго скопидомства и всегдашняя готовность пожертвовать огромныя деньги на общественное дѣло. Не меньше мѣста въ нашей книгѣ занимаютъ картины жизни фабричнаго и сельскаго люда съ его невзгодами и надеждами на лучшее будущее, залогомъ которыхъ служатъ свободныя учрежденія страны.

Не только быстрое распространеніе грамотности, но и необыкновенный подъемъ умственныхъ и духовныхъ интересовъ среди низшихъ классовъ англійскаго народа, а также высшее образованіе, которое все болѣе широкой волной разливается среди него въ настоящее время, краснорѣчиво говорятъ, что эти надежды не лишены основаній. Тоже самое подтверждается демократизаціей высшаго англійскаго общества и перемѣной его воззрѣній на свои общественныя задачи. Все это явленія недавняго времени; они представлены рядомъ очерковъ, или заново написанныхъ, или совершенно переработанныхъ для этого четвертаго изданія.

При описаніи Ирландіи мы должны были прежде всего остановиться на прошлой судьбѣ народа: положеніе ирландцевъ въ настоящее время, ихъ національные пороки и достоинства, ихъ бѣдность, ужасающая по своей численности эмиграція съ родины, смертельная ненависть къ англичанамъ, побуждавшая ихъ составлять преступныя тайныя общества съ цѣлью постоянно держать въ тревогѣ своихъ враговъ, убивать ихъ, поджигать ихъ жилища, однимъ словомъ жестоко мстить своимъ поработителямъ, наконецъ упадокъ въ странѣ земледѣлія, промышленности и торговли, все это совсѣмъ не будетъ понятно тому, кто незнакомъ съ прошлою судьбою многострадальнаго ирландскаго народа. Вмѣстѣ съ историческимъ очеркомъ мы даемъ описанія нравовъ и обычаевъ ирландцевъ, ихъ пищи, жилища, одежды и экономическаго положенія въ разныхъ частяхъ страны, а также современнаго отношенія Англіи къ Ирландіи, выразившагося рядомъ реформъ съ 1886 по 1898 г. (см. очеркъ, вновь написанный для этого 4-го изданія, подъ названіемъ „современное положеніе Ирландіи“).

Въ первобытной дикой Шотландіи въ борьбѣ съ препятствіями для водворенія человѣка было затрачено не мало ума и энергіи. Это заставило меня при описаніи этой страны не только остановиться на суровомъ величій и поразительныхъ красотахъ ея природы, но обратить вниманіе и на то, какое вліяніе оказали на жителей культура скудной, туго поддающейся обработкѣ почвы Шотландіи и усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ. Чтобы наглядно показать это, мы дали очеркъ нравовъ какъ древнихъ шотландскихъ кельтовъ, населявшихъ страну, такъ и ея нынѣшнихъ мирныхъ обитателей, подавленныхъ тяжкою зависимостью отъ землевладѣльцевъ.

При описаніи Голландіи мы прежде всего остановились на изумительныхъ сооруженіяхъ голландцевъ, на ихъ плотинахъ, шлюзахъ, каналахъ, вѣтряныхъ мельницахъ, на осушеніи огромныхъ водныхъ бассейновъ,

на неустанной борьбѣ съ моремъ и наводненіями, которую вынуждены вести голландцы, такъ какъ оригинальная природа страны наложила неизгладимую печать на весь складъ характера, привычекъ и нравовъ народа. Но въ Голландіи мы даемъ описаніе не только природы, но и жизни людей средняго достатка, а также и земледѣльческаго и фабричнаго люда, его источниковъ пропитанія, заработковъ и образованія.

Бельгія—страна городовъ, и потому въ ней мы отводимъ значительное мѣсто описанію городской жизни. Весьма характерною чертою въ жизни бельгійскаго народа является сильное вліяніе на него католическаго духовенства, которое замѣтиѣ всего сказывается въ народномъ образованіи. Поэтому мы обращаемъ особенное вниманіе на народное образованіе въ Бельгіи, тѣмъ болѣе, что и само по себѣ оно играетъ въ странѣ самую видную роль и тѣсно связано съ политическою и экономическою жизнію народа, относящагося съ лихорадочнымъ интересомъ къ малѣйшимъ переменамъ въ школьномъ дѣлѣ. Изданіе того или другого школьнаго закона немедленно заинтересовываетъ всю страну и обыкновенно вызываетъ страстную, ожесточенную борьбу партій, горячую полемику въ печати, иногда даже кровопролитныя столкновенія. Не менѣе видное мѣсто отвели мы блестящимъ успѣхамъ бельгійскаго земледѣлія, а вмѣстѣ съ этимъ и земледѣльческому рабочему люду, его жизни, характеру и экономическому положенію. Въ промышленномъ отношеніи Бельгія занимаетъ видное мѣсто среди европейскихъ государствъ, — вотъ почему мы останавливаемся и на промышленности этой страны, а слѣдовательно и на положеніи фабричныхъ рабочихъ. Наконецъ, не мало мѣста удѣлили мы правамъ и обычаямъ бельгійскаго люда вообще, характерѣ всего проявляющимся въ сходахъ, въ устройствѣ самыхъ разнообразныхъ обществъ съ различными цѣлями, въ состязаніяхъ, во всевозможныхъ выставкахъ, въ юбилейныхъ торжествахъ, въ церковныхъ братствахъ, въ религіозныхъ процессіяхъ, въ ярмаркахъ, празднествахъ и увеселеніяхъ.

Мы считали необходимымъ изобразить грандіозную природу Норвегіи, — эту страну водопадовъ, громадныхъ ледниковъ, величественныхъ снѣжныхъ горъ и скалъ, мрачныхъ ущелій, миловидныхъ фіордовъ, скалистыхъ острововъ, поэтическихъ свѣтлыхъ ночей, сѣвернаго сіянія, — такъ какъ эта оригинальная природа имѣла неотразимое вліяніе на весь складъ характера и жизни норвежскаго народа, но это не помѣшало намъ отвести еще болѣе мѣста описанію жизни норвежцевъ. Норвегія—страна крестьянъ, съ большимъ умѣніемъ ведущихъ не только свои личныя, но и общественныя дѣла, какъ мѣстныя, такъ и всего государства. Норвежцы, принимающіе такъ мало участія въ политической жизни цивилизованной Европы, выработали себѣ однако гуманные принципы и свободныя учрежденія, которыя вполне привились къ ихъ общественной и гражданской жизни и о которыхъ часто только мечтаютъ во многихъ уголкахъ остальной Европы. Норвегія—страна равенства: въ ней не существуетъ ни привилегій, ни дворянства, и ядро государства, главную его силу представляетъ народъ. Человѣка, составившаго себѣ состояніе собственнымъ трудомъ, норвежцы весьма уважаютъ, но богатство не кумиръ народа, и бѣдняга цѣнятъ здѣсь болѣе, чѣмъ богача, если онъ уменъ, образованъ и въ то же время не брезгаетъ простымъ физическимъ трудомъ. Честность норвежцевъ и замѣ-

чательно широкое распространение грамотности среди народа побудили меня остановиться и на этих характерных чертах жизни норвежцев.

Правы, обычаи, суевѣрія и празднества шведовъ имѣютъ много общаго съ норвежскими и датскими, и потому мы отвели имъ довольно значительное мѣсто. Но въ нашей книгѣ есть очерки, и специально посвященные жизни и воззрѣніямъ шведовъ, ихъ земледѣлію и лѣсному хозяйству, ихъ національной промышленности—добыванію рудъ и обработкѣ металловъ, а это повело насъ къ описанію жизни шведскаго рабочаго вообще и къ знакомству съ другими промыслами народа. Въ Швеціи, какъ и въ другихъ странахъ, мы не ограничиваемся описаніемъ одного рабочаго класса, но даемъ также очеркъ жизни средняго сословія и дворянскихъ семей.

Въ Даніи мы знакомимъ съ наиболѣе характерными явленіями природы этой страны и посвящаемъ отдѣльный очеркъ занятіямъ народа.

Описывая ту или другую страну, я старалась прежде всего быть совершенно безпристрастною и объективною: указывая на заслуги народа, на его достоинства, на его роль въ современномъ прогрессѣ, я въ то же время не скрывала его недостатковъ и пороковъ. Стараясь уяснить характеръ народа, я обращала вниманіе, на сколько мнѣ позволяли мѣсто и планъ книги, на его прошлое и на окружающую его природу. Вообще въ описаніе каждаго народа прежде всего вошли слѣдующія стороны его жизни: пища, одежда, жилище, суевѣрія, домашняя и общественная жизнь, народное и высшее образованіе, религія народа и государственное устройство, экономическое положеніе сельскаго и фабричнаго люда. Я не ограничиваюсь однако очерками жизни рабочаго люда: чтобы представить возможно полную и всестороннюю характеристику народа, я даю описаніе жизни среднихъ и высшихъ классовъ общества, если только они имѣютъ въ странѣ какое нибудь значеніе.

Необыкновенное обиліе за послѣднее десятилѣтіе статей и отдѣльныхъ сочиненій о различныхъ сторонахъ жизни и положенія того или другого класса общества почти всѣхъ народовъ западной Европы дало мнѣ возможность переработать по новымъ матеріаламъ не только большую часть очерковъ 2-го тома этого четвертаго изданія, но очень многіе изъ нихъ и написать совершенно заново.

Е. Водовозова.

<i>Праздники и развлечения.</i> —Рождество.—Приготовление къ этому дню.—Какъ англичанки украшаютъ въ этотъ день свои дома.—Рождественская литература.—Первый день праздника.—Англійскій театр.—Пошлость и ничтожество современныхъ драматическихъ представлений въ Англіи.—Причина этого явленія.—Музыкальныя комедіи.—Отношеніе публики къ представленіямъ.—Рождественскія пантомимы на лондонскихъ театрахъ и въ частныхъ домахъ.—Странствующие актеры.—Канунъ Нового Года.—Какъ проводятъ Новый Годъ.—Праздникъ плуга.—День св. Валентина.—Значеніе майскихъ праздниковъ.—Окончаніе жатвы	82
<i>Скачки.</i> —Ипсомскія скачки.—Ихъ значеніе для англичанъ.—Пари.—Путешествіе въ Ипсомъ.—Оживленіе Дерби.—Возвращеніе.—Дубовыя и Аскотскія скачки.—Ньюмаркетскія конюшни.—Какъ воспитываютъ лошадей.—Тренеры, грумы и жокеи.—Ихъ жизнь и положеніе	92
<i>Игры и гимнастическія упражненія.</i> —Страсть англичанъ къ крикету.—Скороходы.—Ихъ воспитаніе.—Плаваніе.—Гонка шляпокъ на Темзѣ.—Боксъ—любимое развлеченіе англичанъ.—Боксеры: ихъ наружность и воспитаніе, ихъ жаргонъ и нравы	101
<i>Среднія учебныя заведенія.</i> —Школьные порядки.—«Общественныя школы».—Полнѣйшая свобода воспитанниковъ.—Атлетическія забавы.—Дисциплина и тѣлесныя наказанія.—Монотонная система и ея значеніе.—«Fagging» и страданіе дѣтей въ очень недавнее время.—Тьюторы.—Преподаваніе.—Ученическія собранія, клубы и журналы.—Результаты воспитанія въ «общественныхъ школахъ»	109
<i>Англійскіе университеты.</i> —Оксфордскій университетъ.—Коллегіи.—Какъ управляется университетъ.—Степендіаты, служащіе и «своекоштные» студенты.—Экзамены.—Правила и наказанія.—Жизнь, нравы, удовольствія, праздненства и кутежи студентовъ.—Городскіе торговцы.—Перемена въ возрѣвіяхъ англійскихъ профессоровъ и студентовъ	118
<i>Духовенство.</i> —Внѣшняя обстановка дома сельскаго священника.—Его жизнь, привычки, отношеніе къ окружающимъ и его общественное положеніе.—Клубы и вечеринки, устраиваемыя священниками для поселянъ	129
<i>Матросы.</i> —Возвращеніе судна.—Вербовщики.—Жизнь, характеръ и привычки англійскаго матроса.—«Sailor's home».—Стремленіе англійскихъ юношей сдѣлаться моряками	133
<i>Земледѣльцы, фермеры и крупныя землевладѣльцы.</i> —Почва и климатъ Англіи.—Сельское хозяйство.—Какое значеніе придаютъ здѣсь овцамъ.—Крупный скотъ и скаковая лошадь.—Какъ устраиваютъ скотные дворы.—Обработка земли.—Упадокъ сельскаго хозяйства и его причины.—Землевладѣніе.—Богатство крупныхъ землевладѣльцевъ и ихъ значеніе.—Фермеры: ихъ жизнь и положеніе прежде и теперь.—Дѣятельность Гирдльстона и Юсифа Арча.—Выселеніе земледѣльческихъ рабочихъ.—Земледѣльческіе союзы прежде и теперь.—Положеніе рабочихъ въ недавнее время и теперь.—Ихъ заработокъ и жилища.—Сельская жизнь.—Различіе между англійскимъ городомъ и селомъ	137
<i>Ньюкастль.</i> —Черные алмазы.—Громадное значеніе каменнаго угля.—Жилища углекоповъ.—Ихъ заработокъ и жизнь	159
<i>Манчестеръ.</i> —Видъ города и его блестящая хлопчатобумажная промышленность.—Хлопчатобумажные лорды и рабочіе Манчестера.—Заработокъ рабочихъ въ хлопчатобумажной, шерстяной и льняной промышленности	160
<i>Рабочіе.</i> —Жестокое положеніе дѣтей на фабрикахъ до 1847 г.—Законъ 1878 г. о фабрикахъ и мастерскихъ.—Выселеніе рабочихъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Новый законъ о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи.—Отвращеніе къ рабочимъ домамъ.—Характеръ англійскихъ рабочихъ.—Какъ рабочій проводитъ субботу и воскресенье.—Недѣля фабричныхъ каникулъ	162
<i>Что дѣлаютъ англійскіе рабочіе для улучшенія своего положенія.</i> —Митинги.—Замѣчательная склонность ко всевозможнымъ организаціямъ и объединенію.—Рабочіе союзы.—Потребительныя артели	173
<i>Образованіе народа.</i> —Участіе правительства и общества въ дѣлѣ просвѣщенія народа.—Народныя школы.—Вечерніе курсы.—Народный дворецъ.—Арнольдъ Тойнби.—Университетское поселеніе въ восточномъ Лондонѣ.—Клубы для рабочихъ.—Распространеніе университетскаго образованія среди народа	185

Государственное устройство.—Парламентъ и его могущественное значеніе.—
Вѣдущій видъ парламента.—Палата лордовъ.—Англійская аристократія.—Право пер-
вородства.—Старшіе и младшіе сыновья лордовъ.—Палата общинъ.—Выборы. . . . 196

ШОТЛАНДІЯ.

Природа и народъ.—Горная Шотландія.—Гэлы.—Ихъ языкъ, одежда и
нравы прежняго времени 211
Жизнь нынѣшнихъ гэловъ.—Ихъ жилища, обстановка и пища.—Крофтеры;
ихъ положеніе и отношеніе къ нимъ лэндъ-лордовъ.—Билль 1887 г. и его зна-
ченіе.—Сувѣтріе шотландцевъ.—Ихъ праздники и обряды; ихъ пѣсни и музыкаль-
ные инструменты.—Различіе между шотландцами и англичанами 216
Городъ Викъ и ловля сельдей. 225
Образованіе и религія.—Образованіе въ Шотландіи.—Религія шотландцевъ.—
Шотландская пресвитеріанская церковь.—Богослуженіе.—Воскресный день. 226

ИРЛАНДІЯ.

Природа и народъ.—Природа страны и ея климатъ.—Жилища ирландцевъ;
ихъ одежда и пища 231
Городская жизнь. 235
Прошлая судьба ирландцевъ.—Историческое прошлое Ирландіи.—Древніе
обитатели.—Обезземеленіе народа.—Его страданія и нищета.—Религіозныя преслѣдо-
ванія.—Мятежи.—Упадокъ земледѣлія, промышленности и торговли.—Жестокое отно-
шеніе землевладѣльцевъ къ народу.—Смертельная ненависть ирландцевъ къ англи-
чанамъ.—Тайныя общества и ихъ значеніе: «бѣлые парни» и «рибонмены».—
Ирландская земельная лига.—Ассоціація феніевъ.—Уступки со стороны Англіи.—
Положеніе Ирландіи въ концѣ XVIII-го в.—Какъ жилось ирландцамъ въ началѣ
XIX-го в.—Положеніе страны въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.—Болѣзнь кар-
тофеля.—Сороковые и пятидесятые годы.—Эмиграція.—Жестокія изгнанія народа съ
родины и разрушеніе жилищъ.—Билль 1870 г. и новый земельный билль 1881 г. . . 237
Современное положеніе.—Положеніе Ирландіи въ концѣ 80-хъ и въ началѣ
90-хъ гг. XIX столѣтія.—«Национальная лига».—Реформа мѣстнаго самоуправленія
въ 1898 г.—«Гомруль» и его значеніе.—Жизнь арендаторовъ и сельскихъ рабо-
чихъ.—Земледѣліе и сельское хозяйство въ настоящее время.—Характеръ народа. . . 256

ГОЛЛАНДІЯ.

Внѣшній видъ страны.—Первое впечатлѣніе.—Вѣтряныя мельницы.—Ихъ
значеніе и польза.—Каналы и ихъ разнообразныя услуги 262
Борьба съ природою.—Наводненія и несчастія.—Море—врагъ и защитникъ
голландцевъ.—Плотины, шлюзы и дюны.—Ихъ значеніе.—Осушеніе озеръ и болотъ.—
Гарлемское озеро: его прошлое и настоящее. 267
Пути сообщенія.—Бѣда въ трешкотѣ.—Хижины на водѣ.—Картины гол-
ландской жизни и природы.—Дороги и экипажи 276
Страсть къ цвѣтамъ.—Климатъ.—Знаменитое голландское садоводство.—
Тюльпанная горячка. 281
Люди среднего достатка.—Дома: ихъ внѣшній видъ и внутреннее устройство.
—Стойла.—Любовь къ анстанъ.—Голландская опрятность.—Пристрастіе къ китайскимъ
бездѣлушкамъ и фарфору.—Кухня и домашняя обстановка.—Образъ жизни и при-
вычки.—Времяпрепровожденіе.—Развлеченія.—Загородныя дома 284
Нравы и обычаи.—Свадьба.—Крестины.—Похороны.—Конскій бѣгъ.—Бѣ-
ганье на конькахъ.—Кермессъ: необыкновенное оживленіе народа и обычаи въ эти дни . . 292
Характеръ народа, его религія и образованіе.—Характеръ общественной
и семейной жизни голландцевъ.—Ихъ достоинства и недостатки.—Внѣшность и одежда
мужчинъ и женщинъ.—Религія народа.—Его общественная и религіозная жизнь.—

Характеръ церквей.—Благотворительность.—Языкъ голландцевъ.—Современное положеніе народнаго образованія.—Среднее образованіе молодыхъ людей обоаго пола.—Лейденскій университетъ.—Его блестящее положеніе въ прошлое время и современный упадокъ.—Отсутствіе высшихъ идеаловъ и упадокъ духовной жизни въ странѣ .	298
<i>Занятія народа и его положеніе.</i> —Ловля сельдей и трески.—Городъ Флардингенъ.—Рыбаки и ихъ жены.—Страхъ и надежда женщинъ.—Одежда жителей.—Торфъ и его значеніе.—Охота на птицъ и ловля утокъ.—Скотоводство.—Городъ Алькмаръ и сыровареніе.—Земледѣліе и положеніе земледѣльцевъ.—Богатые и бѣдные крестьяне.—Фабричные рабочіе.—Пища, заработокъ и жилища рабочаго люда.—Отношеніе между рабочими и хозяевами	312
<i>Амстердамъ.</i> —Видъ этого города и его прошлая судьба.—Уличная жизнь и движеніе.—Каналы.—Амстердамскіе купцы.—Характеръ домовъ.—Замѣчательныя постройки.—Клубы и ихъ значеніе.—Театры.—Евреи: ихъ прошлое и настоящее положеніе въ Голландіи.—Шлифованіе алмазовъ	326

БЕЛЬГІЯ.

<i>Страна и народъ.</i> —Фламандцы и валлоны.—Природа страны.—Языкъ.—Фламаноманы и результаты ихъ стремленій.—Характеръ народа.—Права и привилегіи бельгійцевъ.—Католическое духовенство и его вліяніе.—Буржуазія и ея значеніе.—Прежніе выборы и реформа въ конституціи 1893 г.	333
<i>Общественная жизнь и развлеченія.</i> —Свобода сходакъ и устройство различныхъ обществъ.—Цѣль и средства этихъ обществъ.—Ихъ громадное значеніе въ странѣ и увеселенія.—Любовь къ музыкѣ и къ театральнымъ представленіямъ.—Бельгійская пивная.—Состязанія.—Общества стрѣлковъ прежде и теперь.—Общества болдерсовъ.—Общества поощренія игры въ шахматы, въ шашки и кости.—Состязаніе между собою членовъ общества въ подражаніи иѣтушему крику и куриному хлоптанью.—Цвѣточные выставки.—Ихъ значеніе для бельгійцевъ.—Выставки скота.—Головы быковъ, увѣнчанныя лавровыми вѣнками.—Общества распространенія голубей и канареекъ.—Раздача призовъ.—Съ какимъ восторгомъ чувствуютъ побѣдители.—Торжественныя встрѣчи королей.—Торжества новѣйшаго времени.—Церковныя братства.—Шествіе великановъ.—Святые бельгійцевъ и путешествія къ святымъ мѣстамъ.—Процессіи въ честь святыхъ.—Процессія въ Вѣрне.—Проглатываніе живой рыбы.—Фламандскія и валлонскія игры на ярмаркахъ.—Карнавалъ: балы, увеселенія и обычаи этого времени.—Праздники для дѣтей	342
<i>Кампина.</i> —Характеръ мѣстности и нравы жителей.—Геель.—Колонія сумашедшихъ.—Ихъ жизнь и отношеніе къ окружающимъ	359
<i>Прибрежные жители.</i> —Дюны и жилища въ нихъ.—Прибрежные жители, ихъ жизнь и занятія.—Ловля креветокъ, рыбы, устрицъ, ракушекъ	364
<i>Характеръ бельгійскихъ городовъ.</i> —Страна городовъ.—Зданіе городской ратуши и вѣжевая башня.—Гентъ.—Памятники прошлаго и нынѣшнія постройки.—Цвѣтоводство.—Хлопчатобумажное производство.—Жизнь бегиненъ; ихъ нравы, обычаи и занятія.	369
<i>Брюссель и Лувенъ.</i> —Положеніе бельгійской столицы и ея значеніе.—Характеръ жителей.—Древнія и современныя постройки.—Соборъ св. Гудулы.—Народный домъ.—Лувенъ.—Ратуша.—Высшее образованіе въ Бельгіи.—Жизнь студентовъ.—Лувенскій университетъ	377
<i>Народное образованіе.</i> —Лихорадочное отношеніе общества къ дѣлу народнаго образованія.—Законъ 1842 г.—Вліяніе католическаго духовенства и его послѣдствія.—Законъ 1879 г.—Современное положеніе школьнаго дѣла.—Заведенія для маленькихъ дѣтей отъ 3 до 6 лѣтъ.—Народныя училища.—Школы іезуитовъ и монашествующихъ орденовъ.—Распространеніе просвѣщенія въ настоящее время	381
<i>Земледѣльское населеніе.</i> —Землевладѣніе.—Крупные землевладѣльцы.—Средніе арендаторы и средніе собственники: ихъ жизнь и страстная привязанность къ землѣ.—Мелкіе арендаторы и мелкіе собственники.—Земледѣльческіе рабочіе: ихъ заработокъ, рабочій день и пища.—Производство брабантскихъ кружевъ.—Трудъ, заработокъ и положеніе кружевницъ.—Плетеніе соломы.—Громадное количество каба-	

ковъ.—Исключительно благоприятное положеніе крестьянъ въ Арденнахъ.—Блестящіе успѣхи земледѣлія и тяжелый трудъ землепашца.—Что дѣлаютъ правительство и общество для развитія земледѣлія.—Провинція Фландрія	387
<i>Промышленные рабочіе.</i> —Промышленность страны.—Положеніе фабричныхъ.—Каменноугольная промышленность.—Хозяева угольныхъ копей.—Новые фабричные законы.—Безработица.—Продолжительность рабочаго дня.—Рабочая плата.—Пища.—Жилища.—Одежда.—Характерныя качества бельгійскихъ рабочихъ.—Награды и развлеченія.—Бельгійская рабочая партія.—Кооперативныя булочныя	395

НОРВЕГІЯ.

<i>Природа страны.</i> —Фіорды, шхеры и водовороты.—Норвежскіе горы, лѣса, глетчеры и озера.—Безчисленное множество водопадовъ.—Бури и ихъ причины.—Пути сообщенія	407
<i>Лѣто и зима.</i> —Пробужденіе природы.—Желѣзныя ночи.—Свѣтлыя лѣтнія ночи.—Сѣнокосъ и жатва въ деревняхъ.—Жестокое преслѣдованіе ядовитыми комарами и москитами.—Возвращеніе скота и пастухи.—Сѣверное сіяніе.—Норвежскія лыжи и сани	413
<i>Норвежцы.</i> —Характеръ народа: его честность, прямодушіе и любовь къ животнымъ.—Широкое гостепріимство.—Чувство равенства.—Трудолюбіе и безпечность.—Пьянство въ прошлое время.—Обычаи народа.—Улучшеніе расы.—Женщина и ея положеніе.—Самостоятельность дѣтей.—Населеніе и болѣзни.—Образованіе.—Религія.—Внѣшній видъ народа и его языкъ.—Пища.—Одежда.—Жилища.	418
<i>Занятія норвежцевъ.</i> —Ничтожное развитіе промышленности.—Кустарныя издѣлія.—Земледѣліе.—Бондеры.—Гусмѣнды.—Лѣсная промышленность.—Рыбная ловля—главный промыселъ норвежцевъ.—Ловля сельдей, трески и другихъ даровъ моря.—Промыслы норвежцевъ на Шпицбергенѣ.—Тюлений промыселъ и преслѣдованіе китовъ.—Добываніе гагачьяго пуха.—Горное производство	433
<i>Христіанія.</i> —Немногочисленность городовъ.—Внѣшняя фізіономія столицы и ея окрестности.—Университетъ и жизнь студентовъ	442
<i>Норвежская конституція.</i> —Стортингъ: его права и значеніе.—Одельстингъ.—Латингъ.—Значеніе короля и его veto.—Стремленія современныхъ норвежцевъ и ихъ вражда къ шведамъ.	445

ШВЕЦІЯ.

<i>Природа страны.</i> —Скогъ.—Обиліе озеръ.—Шоненъ и Норландъ; характеръ этихъ мѣстностей	450
<i>Праздники.</i> —Канунъ Рождества и торжественныя приготовленія къ этому празднику.—Подарки.—Рождественскій старикъ и старуха.—Домовой и его значеніе для шведскихъ и норвежскихъ крестьянъ.—Рождественскіе куклы и козелъ.—Святочные игры, гаданія и удовольствія.—Обычаи и суетвѣрія.—Канунъ новаго года.—Юноши съ Вилеємской звѣздой.—Пасха.—Празднованіе перваго мая.—Весенній выгонъ скота	454
<i>Свадьба</i>	463
<i>Характеръ и занятія народа.</i> —Жизнь и понятія шведовъ.—Ихъ національныя добродѣтели и пороки.—Грамотность и обученіе въ школахъ ручному труду.—«Крестьянскіе университеты» и ихъ замѣчательное вліяніе на крестьянъ.—Общества трезвости и ихъ значеніе.—Жилища, пища и одежда шведовъ.—Карріоль—знаменитый экипажъ скандинавскаго полуострова.—Дороги въ странѣ.—Землевладѣніе.—Сельское и лѣсное хозяйство.—Скотоводство.—Земледѣліе.—Арендаторы-фермеры, торпары, сельскіе рабочіе: ихъ трудъ и заработокъ.—Промышленность и шведскія фабрики.—Отношеніе между хозяевами и рабочими.—Характеръ шведскихъ рабочихъ и ихъ положеніе.—Горное дѣло и Даннеморскіе рудники.—Кустарная промышленность.—Охота и рыбная ловля	466
<i>Дворяне.</i> —Ихъ обстановка, семейная жизнь, нравы, обычаи и удовольствія .	485
<i>Религія.</i> Духовенство. Сектанты	488

<i>Государственное устройство.</i> —Четырехсословное представительство и вред такой системы для народа.—Шведскій сеймъ послѣ реформы.—Шведское правитель-	
ство.—Власть короля.—Значеніе риксдага	491
<i>Стокгольмъ.</i> —Первое впечатлѣніе.—Улицы столицы и ея зданія.—Дьюргар-	
денъ, его увеселенія и празднества.—Окрестности города.—Меларъ	494
<i>Университеты.</i> —Жизнь студентовъ.—Съ какимъ торжествомъ въ Швецію	
даютъ ученые степени.—Печать	499

ДАНІЯ.

<i>Природа Ютландіи.</i> —Восточное и западное побережье.—Что еще недавно представляла изъ себя западная Ютландія и что представляет она теперь.—Дѣятельность Далгаса и ея громадное значеніе для страны.—Остатки языческихъ	
временъ	502
<i>Деревня.</i> —Деревенская интеллигенція.—Религія и образованіе.—Деревенская газетка и ея значеніе для деревни.—Характеръ, одежда, пища, домъ и домашняя	
обстановка сельскаго жителя.—Оригинальный обычай датскихъ крестьянъ	504
<i>Занятія народа.</i> —Сельское хозяйство.—Силькеборгъ—родина деревянныхъ башмаковъ.—Картина ютландской степи и ея жители.—Пожаръ въ степи—При-	
вычка вязать чулки.—Верескъ и его значеніе.—Ваарде—родина ютландскихъ горшковъ.—Блокгаузъ—мѣстонахожденіе янтаря.—Жители Скагена и его маякъ.—	
Рыбная ловля.—Промышленность и города страны	508
<i>Списокъ источниковъ</i>	516
<i>Объявленія</i>	522

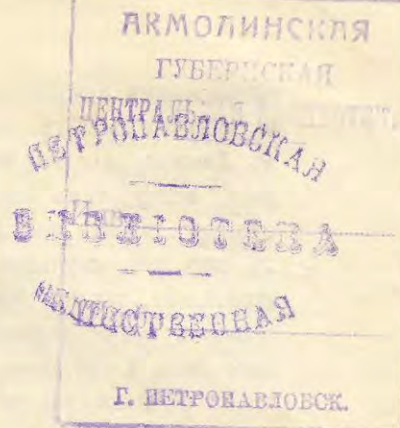
АНГЛІЯ.

ЛОНДОНЪ.

Уличная суета и подвижность.—Городъ объявленій.— Уличные доктора и ораторы. — Ту-маны.—Лордъ-мэръ и лондонскій Сити.

Лондонъ—величайшій городъ въ свѣтѣ. Сама природа способствовала могуществу Великобританіи: окруженная морями, она удобно и легко можетъ сообщаться со всѣми странами міра, что издавна благоприятствовало развитію въ ней мореходства. Близость океана не могла не отразиться на характерѣ населенія, которое, вслѣдствіе вѣчной борьбы со стихіею, выработало въ немъ замѣчательную настойчивость въ достиженіи цѣли и предпримчивость,—наиболѣе характерныя качества англичанъ. Владѣнія Великобританіи, этой «владычицы морей», раскинуты во всѣхъ частяхъ земного шара, что краснорѣчиво говоритъ о ея силѣ, могуществѣ и неотразимомъ вліяніи на весь міръ. Страна эта славится своими прекрасными гаванями, неистощимыми богатствами каменнаго угля, своею промышленностью, міровою торговлею и несмѣтными богатствами, а ея народъ — мужествомъ, трудолюбіемъ, предпримчивымъ духомъ и непоколебимымъ стремленіемъ къ свободѣ и самостоятельности.

Нѣтъ другого города на свѣтѣ, который равнялся-бы Лондону по величинѣ и многолюдью. Въ немъ почти шесть миллионъ жителей, что несравнено болѣе всего населенія Даніи, Греціи, Норвегіи, Швеціи, Швейцаріи и многихъ другихъ странъ. Можно себѣ представить, какая идетъ сутолока въ улицахъ этого колоссальнаго города, который численностью своего населенія превосходитъ цѣлыя европейскія государства. Такіе большіе города, какъ Петербургъ и Берлинъ, кажутся мертвыми сравнительно съ Лондономъ. Трудно дать понятіе о баснословномъ шумѣ и движеніи въ улицахъ этого громаднѣйшаго изъ всѣхъ громадныхъ городовъ міра! Каждый, кто въ первый разъ попадаетъ сюда, совершенно ошеломленъ этою неугомонною, кипучею уличною суетою, шумомъ и движеніемъ и съ изумленіемъ спрашиваетъ себя, какимъ образомъ эта безконечная, непрерывная масса экипажей, всадниковъ, пѣшихъ можетъ двигаться въ такой давкѣ. Неаполь очаровываетъ своимъ чуднымъ заливомъ, небомъ и вѣчно дымящимся Везувіемъ, Римъ—своими памятниками, Венеція—необыкновенною архитектурою зданій, Парижъ—блескомъ; при видѣ же Лондона васъ прежде всего и болѣе всего поражаетъ его громадность, шумъ и невѣроятное, ни на минуту не останавливающееся движеніе на улицахъ. «Громадно, необъятно!»—вотъ слова, которыя срываются съ устъ каждого, въ первый разъ сюда попавшаго путешественника. Чтобы осмотрѣть весь Лондонъ, видѣть массу его блестящихъ,

ежедневныхъ выставокъ, заглянуть въ его узкіе отдаленные закоулки, немного будетъ и двухъ-трехъ лѣтъ. Рассказываютъ, что одно коронованное лицо, прїѣхавши однажды въ Лондонъ поздно вечеромъ, подумало, что городъ иллюминированъ собственно для него, между тѣмъ это было ежедневное освѣщеніе столицы. Если бы ему удалось пѣшкомъ пройти по многолюднымъ улицамъ Лондона, онъ, навѣрно, сказалъ бы, что въ тотъ день случился въ столицѣ страшный пожаръ или вспыхнулъ мятежъ. И дѣйствительно, трудно себѣ представить этотъ неумолкаемый стукъ экипажей среди улицъ, голоса и самые разнообразные звуки со всѣхъ сторонъ, тысячи самаго разнообразнаго люда и суетливое движеніе пѣшеходовъ по тротуарамъ. Эту суету и движеніе, кромѣ Лондона, вы не встрѣтите ни въ одной столицѣ, ни въ одномъ уголкѣ міра.

Тутъ невозможно тихо ходить или зѣвать по сторонамъ. Приходится бѣжать съ этой занятой, молчаливой толпой, спокойно и безстрастно обдѣляющей всѣхъ встрѣчныхъ толчками въ бокъ, въ спину, въ грудь. Крики со всѣхъ сторонъ, несутъ корзины и всякую кладь горами, на каждомъ шагу перебиваютъ тебѣ дорогу. Остановиться нельзя,—изомнута, затопчута, не обративъ даже вниманія. Громады домовъ поднимаются безъ конца одні надъ другими; цѣлые лѣса башенъ, высокихъ трубъ, узкихъ кровель видѣются въ сизомъ туманѣ; паровозы свистятъ и гудятъ со всѣхъ сторонъ: съ боку, надъ головой и подъ ногами. Вотъ по узкому виадуку, черезъ улицу, наравнѣ съ кровлями, катитъ машина, застилая и безъ того сѣрое небо клубами дыма, а тутъ сквозь рѣшетку изъ-подъ ногъ вырывается гулъ и свистъ подземной желѣзной дороги, заглушающій стукъ экипажей. По улицамъ катятъ во всѣ стороны дилижансы съ кучами пассажировъ наверху, не проходитъ пяти минутъ, чтобы не проѣзжало нѣсколько десятковъ дилижансовъ, исписанныхъ сверху до низу объявленіями. Вотъ несутся фіакры, кэбы съ сидящими высоко позади извозчиками, катятъ возы съ корзинами, подобными по высотѣ башнямъ.

Среди этой суеты и движенія сейчасъ замѣтишь настоящаго англичанина: никакой шумъ и крикъ не собьютъ его съ толку, онъ ни на минуту не остановится; гдѣ нужно, онъ посторонится, свернетъ съ тротуара, вильнетъ въ бокъ, никогда не выразивъ на своей серьезной фізіономіи ни малѣйшаго удивленія или испуга. Свою величавую осанку онъ не измѣняетъ даже и тогда, когда къ нему подойдетъ какой-нибудь иностранецъ спросить дорогу. Гордый джентльменъ, вмѣсто отвѣта, указываетъ на полицейскаго или на другое официальное лицо, къ которому слѣдуетъ обратиться. Но таковы лишь англичане поважнѣе; люди простого званія чрезвычайно услужливы, хотя услужливость эта иногда грубовато-докучная. Обратившагося съ какимъ-нибудь вопросомъ иностранца англичанинъ возьметъ за плечо, показываетъ ему дорогу съ разными наглядными приѣмами, какъ ребенку въ школѣ, разъ десять повторить одно и то же, и при этомъ, продолжая его держать за плечо, поворачиваетъ то въ ту, то въ другую сторону.

Лондонъ—городъ объявленій: на каждомъ перекресткѣ, на каждомъ углу улицы васъ поразятъ какія-то ходячія объявленія. У старика въ рваной шапкѣ, отъ подбородка до ступни ногъ, спереди и сзади, повѣшены двѣ огромныя доски, на которыхъ крупными буквами извѣщается о какомъ-нибудь спектаклѣ, концертѣ, митингѣ, о продажѣ книгъ, модныхъ платьевъ, о всевозможныхъ пьесахъ, которыя даютъ сегодня въ томъ или въ другомъ театрѣ. По бокамъ его, опять-таки сверху донизу, афиши съ различными объявленіями; рука, выставленная изъ-подъ досокъ и локтевъ, которыми онъ сплошь окутанъ и унизанъ, держитъ пачку брошюръ самаго крошечнаго формата, которыя онъ бесплатно старается всунуть каждому встрѣчному. Когда, по возвращеніи домой, вы начнете раздѣваться, у васъ вылетаютъ изъ кар-

мановъ, изъ кашюшона бурнуса десятки маленькихъ книжекъ. Однѣ изъ нихъ служатъ объявленіями: подробно означенъ адресъ того или другого магазина, цѣны товаровъ; другія распространяютъ главныя основанія ученія той или другой секты, нѣкоторыя изъ нихъ совѣтуютъ держаться въ религіи обрядовъ, другія совершенно отвергаютъ ихъ, тѣ отрицаютъ всякую религію, эти предлагаютъ вспомнить то или другое изреченіе Св. Писанія и сообразно съ нимъ устроить свою жизнь. А это что такое? На улицѣ—каторжники! И дѣйствительно, четырнадцать человѣкъ попарно подвигаются подъ конвоемъ солдатъ. Ихъ головы выбриты, они скованы по двое, одѣты въ одежду каторжниковъ, и на ихъ курткахъ красуется цифра 14. Оказывается, что какъ каторжники, такъ и солдаты, ихъ конвоирующие,—разносчики объявленій пьесы подъ названіемъ: «14 дней тюремнаго заключенія»; у нихъ на спинѣ и на груди повѣшены доски, на которыхъ самымъ разнообразнымъ шрифтомъ объявлена пьеса только-что названная, и мѣсто, гдѣ ее будутъ давать. А это что за процессія торжественно выступаетъ по улицамъ? Впереди ѣдетъ крошечная карета, изящная, какъ бонбоньерка: она сплошь вся украшена цвѣтами. Въ эту оригинальную карету-бонбоньерку впряжена пара пони, но до такой степени крошечнаго роста, что они скорѣе напоминаютъ собакъ большой величины. Внутри кареты необыкновенно изящно разложены самыя разнообразныя конфекты и коробочки. За миниатюрной каретой—коляска, въ которой сидятъ четыре богато одѣтыя дамы; каждая изъ нихъ держитъ въ рукахъ знамя, обвитое цвѣтами и на которомъ можно прочесть объявленіе кондитера и рекламу о его кондитерской. За коляской слѣдуетъ раззолоченная карета въ шесть лошадей пугомъ, съ кучеромъ и лакеями на запяткахъ, въ ливреяхъ и парикахъ. Въ этой каретѣ не видно людей, а на разукрашенной подставкѣ возвышается свадебный пирогъ. Уличная торговка ходитъ подъ огромнымъ зонтикомъ,—онъ весь испещренъ объявленіями. И какая хитрая выдумка эти ходячія афиши! И встрѣчный прочтетъ, и кто обгонитъ прочтетъ, и, проѣзжая на лету, вы можете разобрать все, такъ какъ черныя буквы очень четко и рѣзко выдѣляются на бѣлой бумагѣ. Передъ маленькими лавками стоятъ деревянные истуканы въ курткахъ; они увѣшаны листами и билетиками съ надписями: «обратите вниманіе на качество и цѣны».

И гдѣ только вы не найдете здѣсь объявленій: на стѣнахъ домовъ, на загородахъ около новыхъ построекъ, на крышахъ фуръ, на стѣнахъ и на потолкахъ omnibusовъ, на фонарныхъ столбахъ, даже на аркахъ мостовъ. Проѣзжая въ лодкѣ или на пароходѣ подъ мостомъ, вы, можетъ быть, вздумаете взглянуть вверхъ на темный сводъ моста,—и тутъ вы не избавлены отъ объявленій. Вечеромъ вамъ безпрестанно встрѣчаются люди, у которыхъ на головѣ фонарь, или, лучше сказать, чрезвычайно высокая шляпа изъ цвѣтной проклеенной бумаги, внутри прилѣпленъ восковой огарокъ, который горитъ и освѣщаетъ изнутри объявленія. Бѣдутъ небывалаго вида экипажи, съ воздвигнутыми на нихъ картонными фигурами или движущимися пирамидами, разумѣется, сплошь унизанными объявленіями. Нерѣдко торжественно проходитъ передъ вами цѣлая процессія съ знаменами, украшенными объявленіями, или просто съ длинными шестами, на верху которыхъ развѣваются разноцвѣтные листы. Вотъ идутъ человѣкъ тридцать по парамъ, все оригинально и пестро разодѣтые: тѣ, которые поменьше,—впереди, затѣмъ повыше и въ послѣднихъ рядахъ—самыя высокіе. Они выступаютъ нога въ ногу и держатъ въ рукахъ громадныя, самыхъ яркихъ цвѣтовъ знамена, которыя сверху донизу исписаны объявленіями известнаго магазина. А вотъ знаменитая зеленая телѣжка, которая почти каждый день мозолитъ глаза. Объявленія, которыми она оклеена, обыкновенно извѣщаютъ о перемѣнѣ мѣста жительства того или другого лавочника и торговца. На спинѣ лошади, которая та-

щитъ такую телѣжку, сидитъ собачка, конечно, искусно для этого выдрессированная; она оборачивается то въ одну, то въ другую сторону и неистово звонко лаетъ. Этимъ она обращаетъ вниманіе прохожихъ и проезжающихъ, которые вълѣдствіе этого невольно прочитываютъ крупное объявленіе. Желанное распространяютъ также и посредствомъ крика. Такой глашатай кричитъ прямо въ уши каждому прохожему, кричитъ и вдаль, и возгласъ его достигаетъ нерѣдко до конца улицы. Здѣшнее простонародье вообще отличается богатырскою грудью и здоровымъ голосомъ. Стоя на запяткахъ, кондукторы omnibusовъ безпрестанно оборачиваются то въ ту, то въ другую сторону, громко возглашая главный пунктъ, куда ѣдетъ omnibusъ, и названія всѣхъ мѣстъ и улицъ по дорогѣ. Такъ какъ omnibusовъ здѣсь въ каждомъ пунктѣ тѣмъ-тѣмущая, то каждый изъ кондукторовъ старается если не перекричать другихъ, то, по крайней мѣрѣ, взять такую рѣзкую ноту, которая отличила бы его отъ всѣхъ остальныхъ. Однако, нѣкоторыя улицы до того многолюдны, что кричать нѣтъ никакой возможности, и кондукторы ограничиваются тѣмъ, что поднимаютъ руку вверхъ. Между omnibusами и фурами тѣсняются пестрые возы булочниковъ, мясниковъ, торговцевъ рыбою и зеленью, продавцовъ «обѣдковъ для собакъ и кошекъ». Всѣ эти подвижныя лавки украшены замысловатыми надписями. Между этими оригинальными экипажами иногда быстро катитъ нѣчто въ родѣ самоката, которымъ управляетъ человѣкъ ногами, а руками въ то же время вяжетъ филе или какое-нибудь грубое кружево. На спинѣ его приколоты афиши и различныя объявленія, а самъ онъ монотонно и однообразно, часто въ стихахъ, воспѣваетъ тотъ или другой магазинъ, тотъ или другой складъ товаровъ. Всю эту пестроту въ серединѣ улицы отгнѣняютъ черныя кэбы, четырехколесныя кареты, двухколесныя крытыя кабріолеты съ кучеромъ на запяткахъ, пробирающіеся съ большою ловкостью въ промежуткахъ между огромными фурами и omnibusами.

Во второстепенныхъ улицахъ стоятъ уличныя паровыя машины, на которыхъ жарятъ каштаны, колбасы, картофель, и тысячи торговцевъ выкрикиваютъ свои товары. Самые разнообразныя звуки музыки слышатся со всѣхъ сторонъ. Въ одномъ углу показываютъ китайскія тѣни, тамъ шарманка наигрываетъ марсельезу, здѣсь слышится шотландская волынка, нѣсколько дальше цѣлый хоръ музыкантовъ-негровъ со скрипками, барабанами и кларнетами. А вотъ и Пончъ (нѣчто въ родѣ нашего Петрушки): онъ рѣзко свиститъ, бьетъ въ барабанъ и раскидываетъ свой уличный театръ. Недалеко отъ него какой-то человѣкъ всходитъ на подставку: это—продавецъ медицинскихъ товаровъ. Около него съ одной стороны высокій столикъ, на которомъ разложены различныя снадобья, съ другой—его служитель, одѣтый въ красную куртку: онъ бьетъ въ барабанъ изо всей силы, и публика тотчасъ его окружаетъ. Тогда уличный докторъ беретъ со стола ярко раскрашенные анатомическіе рисунки и показываетъ публикѣ. «Лэди и джентльмены», ораторствуетъ онъ, «всякая болѣзнь можетъ кончиться смертью, если не обратиться къ врачу. Но что такое наши врачи? Заполучивъ документы по своей профессіи, они обставляютъ себя роскошно, желая увѣрить такую обстановкою, что у нихъ много практики. Лэди и джентльмены, вы очень легковѣрны! Вы, какъ ночныя бабочки, бросаетесь на огонь и платите доктору огромныя цѣны за его хорошую обстановку, поддерживаете эксплуатацію, такъ какъ онъ въ заговорѣ съ аптекой и прописываетъ вамъ дорогія лѣкарства. Я тоже докторъ, я тоже могъ бы явиться передъ вами въ роскоши и блескѣ, но презираю мишуру,—я другъ народа, и долженъ являться передъ вами въ обстановкѣ, съ которой вы сроднились. Я говорю подъ сводомъ неба потому, что подъ нимъ живетъ простой людъ, которому я только и хочу служить. (Въ публикѣ громкія руко-

плесканія и одобреніе). Благодарю васъ за одобреніе, лэди и джентльмены! Вѣрьте, я готовъ вамъ служить до послѣдней капли крови и докажу это на дѣлѣ. Посмотрите на эту коробочку съ порошками противъ кашля. Это средство давно употребляется въ семействахъ королевы. Правда, съ нея берутъ за коробочку по гинеѣ,—мнѣ она стоила три пенса, я продаю вамъ ее за четыре. Вы знаете,—это на пятьсотъ процентовъ, а скорѣе даже и гораздо больше, чѣмъ на пятьсотъ процентовъ, однимъ словомъ въ миллионъ разъ дешевле, чѣмъ аптекаря продадутъ ее вамъ. Но я другъ народа, я помню, какимъ потомъ достаются вамъ деньги, и не хочу быть причисленнымъ къ лику людей, пьющихъ народную кровь... «Браво, браво, очень хорошо!» кричатъ слушатели. Чѣмъ болѣе краснорѣчивъ такой ораторъ, чѣмъ болѣе онъ высыпетъ фразъ о любви къ народу, тѣмъ болѣе раскупать его снадобья.

А вотъ и другая толпа народа: посреди стоитъ на возвышеніи человѣкъ и читаетъ курсъ о домашней экономіи. Какъ на первѣйшее средство сбереженія, онъ указываетъ на подсвѣчники, при которыхъ сгораетъ вся свѣча до послѣдняго кусочка фитиля. «Вы видите во мнѣ единственнаго торговца желѣзными вещами изъ Шеффилда. Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы добывать деньгу, а единственно въ интересъ публики. Вотъ письмо,—къ сожалѣнію, мнѣ некогда его вамъ прочесть,—въ которомъ мнѣ предлагаютъ большія деньги, если только я соглашусь отсюда уѣхать. Но я ни за что этого не сдѣлаю! Могу ли я бросить васъ на жертву крупныхъ лавочниковъ, которые наживаютъ своею торговлею болѣе, чѣмъ сто на сто. Я долженъ научить васъ понимать всѣ скандальныя продѣлки этихъ господъ. «Я долженъ открыть вамъ глаза».—«Не вѣрьте», говоритъ другой, «моимъ словамъ: большаго обманщика нѣтъ на свѣтѣ. Это искусство я пріобрѣлъ съ самой колыбели. Всякій разъ, когда я забывалъ соврать, мать давала мнѣ пощечину, а отецъ угощалъ пинками. Вы не слушайте меня, а смотрите товаръ и покупайте. Вы можете быть увѣрены, что мой товаръ дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Я беру его въ кредитъ и никогда не плачу долговъ»...

Нужно замѣтить, что большинство уличныхъ ораторовъ получило коекакое образованіе, но, вслѣдствіе сильнаго пристрастія къ джину, недостатка усидчивости и неспособности къ серьезной работѣ, они падали все ниже и ниже. Получивъ одобреніе въ какой-нибудь тавернѣ между ремесленниками, они смѣло берутъ на себя роль уличнаго оратора. Съ этой минуты они уже ни на что не промѣняють своего ремесла, и въ нихъ развивается сильнѣйшее самолюбіе, стремленіе быть оригинальными, вызывать аплодисменты и одобреніе уличной толпы, которую они въ душѣ презирають, такъ какъ считаютъ себя выше ея цѣлой головой. Такой человѣкъ никогда не смѣшивается съ уличными торговцами, никогда просто не отнесется къ фабричному и ремесленнику: они слишкомъ необразованны для него, и онъ ведетъ знакомство только съ такими же уличными ораторами, какъ и онъ самъ.

Не меньше толпится народъ около какой-то машинки, на которой стоитъ нѣчто въ родѣ огромнаго чана: тутъ варится супъ съ угрями. Торговка наливаетъ чашку супа то одному, то другому желающему; но вотъ одинъ, окончивъ свою порцію, воспользовался приливомъ новой толпы и исчез незамѣтно, не заплативъ. Торговка бросаетъ все, пускается за мошенникомъ, котораго узнаетъ тотчасъ по надвинутой на глаза шляпѣ, колотитъ его по спинѣ, сколько хватаетъ силъ, и возвращается на мѣсто совершенно успокоенная.

Родина англичанъ, Великобританія, славится своими туманами, особенно ужасными въ Лондонѣ, гдѣ они соединяются съ страшнымъ чадомъ, копотью и чернымъ дымомъ, которые поднимаются изъ безчисленныхъ трубъ лондонскихъ фабрикъ и за-

водовъ и плотнымъ облакомъ заволакиваютъ небо и все окружающее. Чистое небо вообще большая рѣдкость въ Лондонѣ, и яркое солнце здѣсь никогда не рѣжетъ глазъ. Въ самые ясные дни воздухъ не прозраченъ, очертанія предметовъ не ясны, цвѣта не ярки. Но бываютъ дни, когда туманъ совершенно плотно окутываетъ столицу, и тогда въ полномъ смыслѣ слова наступаетъ египетскій мракъ. Туманъ бываетъ двухъ родовъ: черный и желтый. Когда въ полдень разстилается черный туманъ, наступаетъ такой мракъ, какъ ночью,—тогда повсюду зажигаютъ газъ. Этотъ туманъ держится большею частью въ довольно высокихъ слояхъ атмосферы и не опускается до земли; онъ обращаетъ день въ ночь, но не мѣшаетъ газу ярко свѣтить, и движеніе на улицахъ не прекращается.

Но самый страшный изъ тумановъ—желтый; онъ затрудняетъ духаніе и производитъ удушье. Этотъ желтый туманъ такъ плотно обволакиваетъ всѣ предметы, что въ двухъ шагахъ рѣшительно ничего не видно. Въ это время газъ совершенно бесполезенъ; даже наткнувшись на фонарный столбъ, если вы и замѣтите огонь, то примете его за огонь потухающей сигары. Движеніе на улицахъ въ такое время совершенно прекращается, работы останавливаются, и громадный городъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, кажется вымершимъ и погребеннымъ подъ непроглядной мглой. «Стукъ, стукъ, стукъ», слышится тогда здѣсь и тамъ звукъ ударовъ палкою по тротуару. «Провожатаго, провожатаго кому надо?» монотонно распѣваетъ кто-то, очевидно, аккомпанируя свою унылую пѣсню ударами трости по тротуару. Трость служитъ провожатымъ слѣпцу, предлагающему теперь себя въ провожатые. Въ дни лондонскаго мрака всѣ ослѣпшіе бѣдняки, если здоровье имъ позволяетъ, выполняютъ изъ своихъ конуръ на улицу и промышляютъ. Слепцы водятъ зрячихъ. Зрячій пропадаетъ, когда погружается въ мракъ,—для слѣпца нѣтъ мрака, потому что для него нѣтъ свѣта, и онъ среди непрогляднаго тумана гуляетъ по родному городу такъ же тихо, такъ же осторожно и такъ же увѣренно, какъ въ самые яркіе солнечные дни.

Работа, торговля, уличное движеніе,—все останавливается въ такіе дни. Сотни тысячъ людей лишаются заработка, и несчастія на улицахъ, на желѣзныхъ дорогахъ случаются десятками. Лондонъ не даромъ пользуется репутацией туманнаго города; даже весь островъ называется туманнымъ Альбіономъ. Дѣйствительно,—въ самые ясные дни воздухъ не прозраченъ, очертанія не ясны, цвѣта не ярки. Но этихъ, такъ называемыхъ, желтыхъ тумановъ въ цѣломъ году выпадаетъ не болѣе 15-ти. Несмотря, однако, на вѣчные туманы, статистика смертности въ Лондонѣ показываетъ, что этотъ городъ въ гигиеническомъ отношеніи гораздо здоровѣе другихъ столицъ Европы, и смертность въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ Вѣнѣ, Мадридѣ, Берлинѣ и Парижѣ.

Лондонъ не только величайшій городъ въ свѣтѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшій рынокъ, и величайшая банкирская контора на земномъ шарѣ. Этимъ Лондонъ прежде всего обязанъ своему географическому положенію: онъ занимаетъ почти самый центръ земного шара; Англія, «царица морей», съ своей замѣчательно судоходной Темзой удобно и легко можетъ сообщаться со всѣми народами міра. Первенствующее положеніе Лондона въ торговомъ и финансовомъ отношеніяхъ можно также объяснить свободными учрежденіями страны, свободою политическою и гражданскою, которою пользуются англичане.

Сити, по лѣвую сторону Темзы, считается въ Лондонѣ главнымъ торговымъ и складочнымъ мѣстомъ товаровъ; онъ не только центральный пунктъ лондонской торговли, но и главная сокровищница всего лондонскаго богатства. Стоитъ только упо-

мануть о лондонскомъ Сити, чтобы тотчасъ представить себѣ уголь, желѣзо, хлопокъ, сукно, однимъ словомъ всю англійскую промышленность, сохраняемую въ громаднѣйшихъ складахъ. Тутъ всѣ зданія или представляютъ оптовые склады испанскихъ размѣровъ, или сверху донизу заняты конторами, страховыми обществами и комиссіонерскими домами. Здѣсь ежедневно производятъ миллионныя обороты, рѣшаются колоссальныя торговыя предпріятія. Однимъ словомъ, здѣсь все величественно, пестро и громадно: зданія, улицы, толкотня. Большинство домовъ Сити построено болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Пестрые гербы покрываютъ сверху донизу фронтоны домовъ. Громадныя окна пестрѣютъ товарами, выставленными для продажи. Нѣкоторые дома сверху до низу расписаны и разрисованы вывѣсками. Но купцы, которые имѣютъ здѣсь свои лавки и конторы, живутъ въ другихъ частяхъ столицы. Сюда собираются люди только работать и наживать деньги, но всячески избѣгаютъ здѣсь жить. Финансисты покрупнѣе имѣютъ въ окрестностяхъ Лондона роскошныя дома; они рано утромъ отправляются въ свою контору въ Сити, въ которой они работаютъ до 5-ти часовъ, и затѣмъ возвращаются каждый день вечеромъ въ свое семейство обѣдать и ночевать. Нѣкоторымъ изъ нихъ на ѣзду по желѣзнымъ дорогамъ каждый день приходится тратить по 2 и по 3 часа. «Время—деньги», говорятъ англичане, но не считаютъ потеряннымъ время, потраченное на ѣзду. Ызда и моціонъ усиливаютъ кровообращеніе, а это укрѣпляетъ нервы и здоровье, которое англичанинъ считаетъ главнымъ рычагомъ для наживы капитала. Англійскіе купцы дѣятельно слѣдятъ за политикой и особенно за всѣми усовершенствованіями въ той области торговли, которою они занимаются; это заставляетъ ихъ ежедневно прочитывать множество газетъ и брошюръ,—время ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ они и употребляютъ на чтеніе. Въ 8 ч. утра въ Сити господствуетъ еще полнѣйшая тишина; но уже полчаса спустя до тѣхъ поръ пустыя улицы быстро наполняются народомъ, почти исключительно мужчинами. Весь этотъ людъ собрался сюда заниматься дѣлами, и тогда Сити превращается въ самый людной, самый дѣятельный центръ Лондона. Движеніе и суета продолжаютъ здѣсь только до 5-ти часовъ; затѣмъ конторы закрываются, улицы пустѣютъ, и къ 9-ти ч. вечера наступаетъ тишина. Эта необыкновенная дѣловитость Сити и точно распредѣленный порядокъ дня совершенно измѣняютъ свой характеръ 9-го ноября.

Сити уже издавна пользуется, сравнительно съ другими частями Лондона, особыми правами и совершенно особымъ городскимъ управленіемъ. Управляется лондонское Сити такъ-же, какъ и много столѣтій тому назадъ, *лордомъ-мэромъ, ольдермэнами и совѣтниками*. Званіе лорда-мэра считается въ высшей степени почетнымъ. Выборъ на эту должность уже много столѣтій совершается съ какимъ-то театральнымъ торжествомъ, которое измѣняется лишь въ мелочахъ и носитъ характеръ вполне средневѣковый. Лорда-мэра выбираютъ только на одинъ годъ.

Каждый годъ, 29 сентября, собираются всѣ, имѣющіе право выбирать (т.-е. вольные граждане Сити, уплачивающіе въ годъ 30 шиллинговъ налоговъ) на будущій годъ новаго лорда-мэра. Въ 12 часовъ дня лордъ-мэръ, состоящій въ это время въ должности, отправляется въ полной парадной формѣ въ Гильдъ-Голль (дума). Передъ нимъ идутъ барабанщики, за которыми слѣдуетъ конвой, состоящій изъ маршала, носильщика жезла и оруженосца, который несетъ длинную шпагу; затѣмъ выступаетъ и самъ лордъ-мэръ, окруженный ольдермэнами и совѣтниками. Въ Гильдъ-Голль его торжественно встрѣчаютъ ольдермэны всѣхъ округовъ и представители корпорацій въ мундирахъ, со всѣми знаками отличія, съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ. Затѣмъ собравшіеся отправляются въ церковь, гдѣ выслушиваютъ обѣдню и проповѣдь, ска-

занную по этому поводу. По окончаніи богослуженія, торжественною процессією отправляются въ палату ольдэрменовъ, а оттуда въ большую залу, гдѣ и занимаютъ мѣста. Когда молчаніе водворилось, «глашатель» открываетъ засѣданіе, произнося небольшую рѣчь, принятую въ такихъ случаяхъ, а одно изъ «должностныхъ лицъ» объявляетъ собравшимся, что они явились сюда «съ цѣлью воспользоваться высокимъ и древнею своею привилегіею выбрать лорда-мэра лондонскаго Сити на слѣдующій годъ». Баллотировка производится не шарами, а вставаньемъ избирателей съ мѣста. Но новый лордъ-мэръ вступаетъ въ свою должность не 29-го сентября, а 9-го ноября—день, когда происходитъ главное торжество по поводу его избранія.

Вновь избранному лорду-мэру отводятъ огромный дворецъ, одно убранство котораго стоитъ болѣе 2-хъ милліоновъ, но въ которомъ онъ не живетъ, а только принимаетъ. Ни жалованья, ни какого бы то ни было иного денежнаго вознагражденія лордъ-мэръ не получаетъ, между тѣмъ расходы, сопряженные съ этимъ званіемъ, чрезвычайно велики. Несмотря, однако, на огромный расходъ, множество крупныхъ капиталистовъ изъ всѣхъ силъ помогаютъ чести сдѣлаться лордомъ-мэромъ. Почему же всѣ такъ стремятся занять этотъ постъ? Какія привилегіи онъ даетъ? Прежде всего онъ даетъ право носить платье, обшитое горностаемъ, и золотой знакъ этого сана, который переходитъ отъ одного лорда-мэра къ другому. Это платье и знакъ мэръ надѣваетъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Затѣмъ два раза въ годъ онъ имѣетъ возможность быть героемъ торжества, наконецъ онъ, лордъ-мэръ, принимаетъ иностранныхъ государей и знатныхъ иностранцевъ, когда они посѣщаютъ Лондонъ, устраиваетъ для нихъ великолѣпные обѣды, на которыхъ играетъ роль хозяина. Если назначается какой-нибудь важный митингъ, не имѣющій партійнаго характера, лордъ-мэръ обыкновенно является предсѣдателемъ его. Мэра приглашаютъ также почти на всѣ общественные обѣды и торжества; его просятъ присутствовать на всѣхъ приходскихъ благотворительныхъ базарахъ, на актахъ въ школахъ и тому подобныхъ собраніяхъ. Но самую главную приманкою служить то, что въ концѣ своей дѣятельности онъ можетъ надѣяться получить королевскую грамоту на баронетское достоинство.

Вотъ какъ происходитъ главное торжество по поводу избранія лорда-мэра. 9-го ноября, въ 12 час. утра, раздается неистовый звонъ колоколовъ, — процессія двинулась. Передъ этимъ уже всѣ улицы посыпаны пескомъ, вездѣ вывѣшено красное сукно, флаги; но лучше всего разукрашены тѣ улицы Сити, по которымъ будетъ проходить процессія: здѣсь и тамъ встрѣчаются триумфальныя арки, устроены аллеи мачтъ съ флагами; многія улицы сплошь заставлены кипарисами. На папертяхъ церквей и на крылечкахъ школъ дѣти поютъ привѣтственные гимны. Торговцы овощнаго рынка искусно убрали свои лавки, фонари и столбы — морковью, кочнами капусты, зеленымъ лукомъ и различными осенними цвѣтами. Суда и пароходы на Темзѣ разукрашены флагами.

Несмѣтныя толпы народа высыпаютъ на улицу; окна и балконы кишатъ разодѣтыми женщинами и дѣтьми, уличные ребятишки взбираются даже на крыши и газовые фонари. Вдругъ раздаются звуки музыки, — процессія приближается. Сначала показывается авангардъ полисменовъ верхами, за ними въ воздухѣ развѣваются безконечныя лѣса знаменъ: это знамена разныхъ городскихъ корпорацій, членовъ городского управленія. Каждый, имѣющій знамя, можетъ изобразить на немъ свой девизъ, и нѣкоторые изъ нихъ очень остроумны. Безконечныя ряды знаменосцевъ разнообразятся хорами музыки. Каждая корпорація прислала сюда свой особый хоръ музыки, и музыканты каждой корпораціи одѣты въ особые костюмы. Шагомъ ѣдутъ

парадные экипажи, въ которыхъ сидятъ ольдермэны и совѣтники. Всѣ они разодѣты— въ мантияхъ, цѣпяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ и въ огромныхъ парикахъ. За ними выступаютъ музыканты, наигрывающіе торжественный маршъ. Затѣмъ слѣдуютъ, наряженные по карнавалному, иногда съ эмблемою своего ремесла, рабочіе: бочары, стекольщики, маляры, портные. Сзади выступаютъ отряды войскъ, затѣмъ опять музыканты, опять экипажи съ городскими сановниками, опять хоры музыки, опять знаменосцы. Наконецъ, показывается спасительная лодка, стоящая на колесницѣ, которую влекутъ 8 лошадей. Она напоминаетъ собравшимся, что всегда готова для спасенія погибающихъ кораблей съ товарами богатыхъ негоціантовъ Сити. Эту колесницу съ лодкой окружаютъ матросы въ оригинальномъ костюмѣ—обвитые канатомъ и съ длинными веслами въ рукахъ. Сзади нихъ цѣлый отрядъ мальчиковъ въ бѣлыхъ матросскихъ курткахъ съ большими синими воротниками, съ шалками, сдвинутыми на затылокъ. За ними опять хоры музыки, знамена, отряды войскъ, представители власти въ экипажахъ и наконецъ блестящая, классическая карета лорда-мэра, которую скорѣе слѣдуетъ назвать фурой громаднхъ размѣровъ. Она еще изда- лека блеститъ, такъ какъ вся изъ золота и зеркальныхъ стеколъ. Эта знаменитая карета запряжена шестерней пугомъ; кучеръ на козлахъ въ огромномъ напудренномъ парикѣ, и его одежда тоже разукрашена золотомъ. Эту карету окружаютъ скороходы, также въ одеждѣ съ блестящими украшеніями и въ бѣлыхъ чулкахъ. Въ каретѣ сидитъ лордъ-мэръ, въ пурпуровой мантии и въ золотой цѣпи; онъ, какъ маятникъ, раскачивается то вправо, то влѣво, такъ какъ ему постоянно приходится расклани- ваться съ привѣтствующею его публикою. Подлѣ него, въ полномъ облаченіи, сидитъ священникъ, а противъ нихъ «глашатый» и «меченосецъ» съ длиннѣйшимъ мечомъ. Крики и говоръ безконечной толпы, звуки музыки, звонъ колоколовъ—все это сли- вается въ одинъ общій страшный гулъ, который далеко разносится по городу. Лордъ- мэръ отправляется въ зданіе парламента, въ Вестминстеръ. Когда процессія прибли- зилась, загудѣлъ колоколъ вестминстерскаго аббатства; звуки музыки безчисленныхъ хоровъ раздались еще громче. Въ залу входятъ знаменосцы, затѣмъ лица, которыя имѣли честь нести знаки власти лорда-мэра: его жезлъ, нѣчто въ родѣ скипетра, его мечъ, палицу и проч.; затѣмъ вступили городскія власти. Передъ входомъ лорда-мэра въ залу герольды трубятъ въ трубы. Навстрѣчу ему выступаетъ верховный судья въ красной мантии, въ громадномъ напудренномъ парикѣ, булки котораго падаютъ у него по плечамъ; онъ окруженъ другими властями, тоже въ мантияхъ и парикахъ. При этой встрѣчѣ «докладчикъ» рекомендуетъ верховному судѣ новаго лорда-мэра. Послѣ рекомендаціи, поздравленій и привѣтственныхъ рѣчей, всѣ торопятся поскорѣе разойтись, чтобы дома переодѣться и затѣмъ снова явиться на чрезвычайно па- радный и торжественный обѣдъ новаго лорда-мэра. Этотъ обѣдъ особенно любопы- тенъ въ томъ отношеніи, что лордъ-мэръ принимаетъ своихъ сановитыхъ гостей, стоя подъ балдахиномъ; при этомъ о вступленіи въ залу особенно важныхъ сановниковъ герольды возвѣщаютъ трубными звуками.

ДИКОВИНКИ ЛОНДОНА.

Столичныя желѣзныя дороги.—Кристалльный дворецъ.—Александровскій дворецъ.—Доки и корабли.

Если говорить о всѣхъ диковинкахъ Лондона, краснорѣчиво доказывающихъ богатство англичанъ, ихъ высокую образованность, ихъ громадныя знанія во всѣхъ

областяхъ труда, будь то торговая, фабричная, литературная или кораблестроительная дѣятельность, пришлось-бы написать цѣлые томы. Здѣсь возможно указать лишь на значеніе нѣсколькихъ изумительныхъ, изъ ряду вонъ выходящихъ диковинъ; одна изъ нихъ—*подземная желѣзная дорога*.

Выше было сказано, что въ Лондонѣ, безъ малаго, шесть миллионъ жителей. Такимъ образомъ по числу жителей Лондонъ многочисленнѣе Пекина, всегда считавшагося величайшимъ изъ человѣческихъ муравейниковъ, несравненно многочисленнѣе онъ и всѣхъ остальныхъ европейскихъ столицъ, превосходить многочисленностью даже многія европейскія страны. Не только величайшіе современные города, но самые знаменитые города древности по многочисленности населенія не могутъ состязаться съ Лондономъ: въ Оивахъ, въ Вавилонѣ, въ Ниневіи, даже въ Римѣ во время ихъ наибольшаго разцвѣта никогда не было столько жителей, сколько въ Лондонѣ. Мало того, населеніе Лондона постоянно возрастаетъ во всѣхъ частяхъ города, за исключеніемъ Сити, гдѣ оно, напротивъ, значительно уменьшается, такъ какъ прежніе жильцы не перестаютъ отсюда выселяться, и Сити все болѣе обращается въ сплошной рядъ банкирскихъ конторъ. Согласно съ постояннымъ и быстрымъ увеличеніемъ и безъ того громаднаго населенія, столица постоянно увеличивается и въ своемъ объемѣ.

Съ каждымъ годомъ все увеличивающееся движеніе въ столицѣ грозило въ будущемъ окончательно оглушить жителей страшнымъ, несмолкаемымъ шумомъ; въ особенности въ Сити, въ его трудовые часы, оно возрасло до того, что иногда совсѣмъ нельзя было двигаться: экипажамъ и пѣшеходамъ приходилось пережидать по полчаса. Англичане и стали думать, какъ бы выгадать мѣсто, чтобы можно было легче сообщаться между собою. Для этого не было другого средства, какъ прорыть тунель подъ Темзой, подъ городомъ создать другой городъ, улицы устроить подъ улицами, провести одну желѣзную дорогу, какъ у всѣхъ на землѣ, другую—поверхъ на вѣдукахъ надъ домами, третью—подъ землею. Пышный, хотя и небольшой лондонскій театръ Критеріонъ устроенъ въ подземельѣ; мастерскія, кладовыя, столовыя людей небогатыхъ, кухни—устроены подъ землею. И говорить нечего о томъ, что если рѣшились спуститься подъ землю, то на землѣ расширяютъ и очищаютъ все, что только можетъ увеличить пространство: проложили множество новыхъ улицъ и расширили старыя, увеличили число мостовъ, устроили новые тротуары и переходы черезъ улицы, подъ мостами.

Подземная желѣзная дорога—одна изъ замѣчательнѣйшихъ диковинъ Лондона, поистинѣ гигантское подземное сооруженіе. Трудно представить, какія затрудненія пришлось испытать при ея постройкѣ. Это чудо цивилизаціи служить лучшимъ доказательствомъ необыкновенной предпріимчивости англичанъ, ихъ желѣзной воли, терпѣнія и несметныхъ богатствъ страны. Прокопать подземную желѣзную дорогу было еще гораздо тяжелѣе, чѣмъ сдѣлать надземную. Чтобы понять затрудненія, какія должна встрѣчать въ Лондонѣ всякая подземная работа, надо вспомнить, что подъ землей, кромѣ фундаментовъ зданій, тянутся трубы водопроводныя, газопроводныя, телеграфныя проволоки и множество другихъ, самыхъ разнообразныхъ, трубъ и проволокъ. При прорытіи подземной желѣзной дороги не только приходилось остерегаться, чтобы какъ нибудь не повредить одну изъ этихъ трубъ, но также необходимо было укрѣплять сводами мѣста, которыя казались ненадежными. Подземный Лондонъ, какъ и человѣческій организмъ, полонъ венъ и артерій. Трубы водопроводовъ и клоаки, газовыя трубы и телеграфныя проволоки, все это такъ же близко лежитъ другъ подлѣ друга, какъ нервы, мускулы, вены и артеріи. Инженеры подземной желѣзной дороги,

отводя въ сторону существующіе трубы и каналы, чтобы дать мѣсто новому тунелю, должны были дѣйствовать съ такою же осторожностью, какъ хирургъ во время операціи: при малѣйшей неосторожности была бы затоплена вся, уже сдѣланная, работа, и это могло бы повести къ издержкамъ въ сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ, между тѣмъ какъ это гигантское сооруженіе и безъ того поглотило неимоверныя суммы: пришлось не только затрачивать громадныя деньги на борьбу съ препятствіями при прорытіи тунелей, но и выплачивать огромныя суммы частнымъ лицамъ за дома и земли, подъ которыми проведена подземная желѣзная дорога.

Подземная желѣзная дорога образуетъ два круга: одинъ обхватываетъ весь внутренний городъ съ Гайдъ-Паркомъ, другой, большой кругъ, обнимаетъ и предместья; все ея протяженіе доходитъ до сотни верстъ. На улицахъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, вы видите вывѣски съ надписью: «къ станціи» и съ изображеніемъ перста; идите по этому направленію, и вы сейчасъ найдете станцію. Нужно замѣтить, что станціи эти устроены на всѣхъ главныхъ пунктахъ города: въ большинствѣ случаевъ это небольшія постройки съ вывѣской. Входя внутрь, вы берете билетъ и спускаетесь внизъ по одной изъ двухъ лѣстницъ: одна ведетъ къ платформѣ, съ которой вы можете поѣхать направо, а другая спускается къ противоположной платформѣ, откуда вы можете отправиться нѣскольکو сажень внизъ; вы наконецъ очутитесь въ длинной галлерей, на длинной платформѣ. Отъ васъ вправо и влѣво теряются во мракѣ отверстія тунеля. Мѣсто, гдѣ садятся, служить его продолженіемъ, но сверху оно не покрыто, и вы на платформѣ находитесь хотя и внизу, но подъ открытымъ небомъ. Въ воздухѣ чувствуется гарь и дымъ отъ только что умчавшагося паровоза. Стѣны сплошь заклеены и увѣшаны самыми фантастическими объектами: квадратныя, продолговатыя, круглыя, синія, бѣлыя, оранжевыя, пунцовыя, мелкія и крупныя въ сажень длины, съ аршинными буквами, съ картинами и безъ картинъ, они напираютъ одно на другое. Достаточно ихъ проглядѣть, чтобы получить понятіе о томъ, чѣмъ Лондонъ въ данную минуту интересуется, гдѣ онъ веселится, что читаетъ, что ѣстъ. Театры выставляютъ портреты популярнѣйшихъ актрисъ и актеровъ, торговцы съѣстными припасами—самыя привлекательныя и аппетитныя изображенія яствъ. Выставки, концерты, скачки, митинги, открытіе монументовъ, празднества, — однимъ словомъ здѣсь подъ землею, точно такъ же, какъ и на землѣ, вы узнаете обо всемъ, что въ данную минуту происходитъ въ столицѣ. Но вотъ подъѣзжаетъ поѣздъ, и вы торопитесь сѣсть потому, что онъ останавливается лишь на минуту. Тутъ вы въѣзжаете въ темный тунель и до новой станціи мѣстами видите въ толетыхъ стѣнахъ, или, вѣрнѣе, въ толщѣ земли, какія то амбразуры, выложенныя бѣлымъ, гладкимъ, какъ зеркало, кафелемъ: это окна, отдушины, связывающія подземелье съ виѣшнимъ міромъ. Всюду темно, черно, душно, сыро и мрачно, какъ въ могилѣ, и вдругъ стукъ паровоза слышится отчетливѣе. Поѣздъ вылетаетъ изъ подъ арки и подкатываетъ къ платформѣ на новую станцію. Въ тунелѣ вы могли видѣть только при помощи лампъ, а здѣсь васъ опять озарилъ дневной свѣтъ. Вы читаете названія станцій, напечатанныя крупными буквами въ нѣсколькихъ мѣстахъ на стѣнахъ, и узнаете, выходитъ вамъ или ѣхать дальше.

Кристалльный дворецъ—другое замѣчательное чудо, нѣчто въ родѣ музея музеевъ. Онъ расположенъ на вершинѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы. Все зданіе цѣликомъ выстроено изъ желѣза и стекла и съ окружающимъ его паркомъ занимаетъ болѣе 73 десятинъ земли. Громадное зданіе этого дворца необыкновенной вышины и величины.

По обѣимъ сторонамъ Кристаллаго дворца высятся башни и флигеля, окаймляющіе паркъ, съ фонтанами, бесѣдками, статуями, группами высокихъ деревьевъ

и съ цвѣточными куртинами. Трудно даже перечислить все, что можно найти въ въ Кристалльномъ дворцѣ, въ его паркѣ, садахъ, различныхъ пристройкахъ и башняхъ: тутъ растительность всѣхъ странъ, тамъ громаднѣйшія залы съ предметами промышленности и искусства современныхъ народовъ. Вотъ зала, гдѣ находится органъ, который можетъ замѣнить огромный оркестръ и съ которымъ не можетъ соперничать ни одинъ подобный инструментъ въ мірѣ какъ по своему достоинству, такъ и по размѣрамъ; подлѣ этой залы театръ для десятитысячной толпы; далѣе «зала оперы», затѣмъ «зала концертовъ». Болѣе всего этотъ дворецъ славится научными и историческими отдѣлами, гдѣ посѣтитель наглядно знакомится съ жизнью, правами и искусствомъ разныхъ народовъ, какъ новыхъ, такъ и древнихъ.

Аллея со сфинксами ведетъ въ *египетскій залъ*, стѣны и колонны котораго покрыты барельефами и наружными украшеніями храма временъ Птолемея. Капители украшены листьями лотоса, пальмы и папируса, на фризахъ—іероглифы. Изъ этой залы можно пройти въ обширный дворъ, который представляетъ преддверіе египетскаго храма. Въ отдѣленіи египетскихъ памятниковъ всѣ древности египтянъ, какъ настоящія, такъ и воспроизведенныя, даютъ исторически вѣрное и строго научное понятіе о жизни египтянъ въ разные періоды ихъ развитія.

Въ *греческомъ отдѣлѣ*—модели храмовъ Паронона, снимки со всѣхъ знаменитыхъ статуй; въ *римскомъ залѣ*, фасадъ которой представляетъ часть наружной стороны Колизея, вы найдете много различныхъ моделей римскаго Пантеона, Колизея и Форума. Особенно много знаменитыхъ статуй и бюстовъ главныхъ римскихъ императоровъ; тутъ вы также можете познакомиться съ римскими банями. А вотъ и копія Альгамбры,—древняго дворца, построеннаго маврами въ Испаніи. Онъ расположенъ такимъ образомъ, что даетъ полное понятіе о мавританской архитектурѣ. Стѣны залы покрыты арабесками изъ цвѣтовъ и надписями изъ поэтовъ и корана. Затѣмъ слѣдуютъ одна за другой залы *византійская и романская, отдѣленіе англійскаго ютическаго искусства, французская и итальянская, зала Возрожденія, зала стиля эпохи Елизаветы*. Вездѣ картины, статуи, снимки съ памятниковъ, съ церквей. Какую бы залу вы ни начали изучать, вы изъ каждой выносите полное представленіе о жизни и искусствѣ того народа, произведенія котораго здѣсь выставлены.

Нѣсколько залъ посвящены выставкѣ *промышленности* различныхъ народовъ; ихъ отдаютъ въ наемъ фабрикантамъ, и онѣ представляютъ постоянную выставку. Всѣ эти залы трудно и перечислить: зала французскихъ продуктовъ, зала фарфора и фаянса, нѣсколько дальше зала кристалловъ, зала стеклянныхъ издѣлій, упряжи и экипажей, зала бумагъ, бирмингемская и шеффилдская залы, мелочныхъ желѣзныхъ товаровъ и различныхъ предметовъ. Залы промышленности даютъ основательное понятіе о современныхъ произведеніяхъ и степени искусства различныхъ странъ.

Но нигуда такъ много не стекается посѣтителей, какъ въ ту часть зданія, которая посвящена предметамъ естественной исторіи; она расположена такимъ образомъ, чтобы показать, какъ люди, животныя и растенія распредѣляются по поверхности земли. Вотъ Новый Свѣтъ. Первая группа представляетъ мексиканцевъ въ борьбѣ съ ягуаромъ, схватившимъ козулю. Между животными, которыя ихъ окружаютъ, вы замѣчаете особый родъ оленя, бразильскаго страуса, разныхъ ламъ, сопровождаемыхъ туземцами, тапира, бобра, муравьѣдовъ. Далѣе слѣдуетъ группа жителей Бразиліи, съ чрезвычайно свирѣпыми фizioноміями; у нихъ въ ушахъ и губахъ вставлены куски дерева. Миновавъ коллекцію птицъ сѣверной Америки, вы видите налѣво группу краснокожихъ, танцующихъ военный танецъ; они окружены

мѣстными животными и деревьями. А вотъ и представители центральной Америки: пума и дикобразъ. Около нихъ возвышается американская агава, окруженная фуксіями. Налѣво—группы индѣйцевъ Сѣверной Америки: ловящіе рыбу и охотящіеся караибы, туземцы Гвианы и индѣйцы береговъ Амазонки. Нѣсколько далѣе полярный поясъ: всюду снѣгъ, ледяныя поля, ледяныя горы; въ углу два самоѣда, одинъ изъ нихъ держитъ лыжи. Ближе находится группа лапландцевъ; направо гренландецъ въ кожаномъ челнокѣ и съ орудіями охоты. Тутъ вы встрѣчаете: бѣлаго медвѣдя, сѣвернаго оленя, эскимосскую собаку, тюленя и другихъ.

По другую сторону—Старый Свѣтъ. Тутъ вамъ прежде всего представляется группа кафровъ, окруженная бушменами. На вершинѣ скалы—горный африканскій кроликъ; внизу подъ пальмою лемуры (полуобезьяны) и другія животныя съ острова Мадагаскара. Далѣе посѣтитель замѣчаетъ жителей Абиссиніи, ведущихъ верблюда на водопой. Затѣмъ, миновавъ леопарда, антилопу и другихъ животныхъ, вы поворачиваете направо и видите передъ собою группу негровъ изъ Гвинеи. Леопарды, газели, львы, варварійская обезьяна, степной баранъ мелькаютъ передъ вами, какъ живые, въ самыхъ характерныхъ сценахъ. Представителями растительнаго царства сѣверной Африки являются апельсинныя и лимонныя деревья, финиковыя пальмы, лавровыя деревья. Въ отдѣлѣ, посвященномъ Азіи, замѣчаетъ группу индусовъ, принадлежащихъ къ различнымъ кастамъ; ихъ окружаютъ характерныя растенія, свойственныя этой странѣ.

Чего только не найдешь на громадномъ пространствѣ занимаемомъ Кристалльнымъ дворцомъ и его паркомъ. Тутъ бьютъ фонтаны, устроены террасы, усѣяныя цвѣточными куртинами, лужайки для игры въ крикетъ, мишени для стрѣльбы въ цѣль.

А вотъ и геологическій бассейнъ (это чуть ли не самая любопытная диковинка Кристалльнаго дворца), наглядно представляющій исторію земной коры. Пространство, посвященное этому практическому курсу геологіи, занимаетъ три десятины, и чтобы представить различныя слои, составляющіе земную кору, пришлось перевезти сюда сотни кубическихъ метровъ различныхъ геологическихъ формаций изъ разныхъ частей Великобританіи. Входя на маленькій мостъ, на берегу озера, увидишь береговой утесъ, который представляетъ различныя слои одинъ надъ другимъ, составлявшіе кору земного шара задолго еще до существованія человѣка. На нихъ размѣщены соотвѣтствующія имъ изображенія допотопныхъ животныхъ: лабиринтодонъ, диссинодонъ и др. Далѣе виденъ другой островъ, покрытый ужасными животными: ихтиозавръ, телеозавръ, напоминающій крокодиловъ Ганга, плезиозавръ—чудовище съ головою крокодила, съ шеей змѣи, съ плавниками кита. Затѣмъ вы замѣчаете маленькихъ птеродактилей и замѣчательно громадную ящерицу. Налѣво—большіе птеродактили,—все громаднаго чудовища. Третій островъ представляетъ четвероногихъ, похожихъ по своей формѣ на животныхъ, существующихъ еще и теперь на поверхности земли; болѣе другихъ бросается въ глаза мегатеріумъ, напоминающій нынѣшняго тихохода или лѣннивца, который опрокидывалъ деревья, чтобы питаться ихъ листьями.—Новый Александровскій дворецъ (Alexandra Palace) представляетъ подражаніе Кристалльному дворцу, и хотя во многомъ ему уступаетъ, но тоже называется въ высшей степени любопытнымъ учрежденіемъ. Онъ расположенъ на Мосуэльскомъ холмѣ, на сѣверъ отъ Лондона, въ разстояніи 1¼ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. На продолговатой вершинѣ холма возвышается огромное зданіе. По отлогимъ покатоостямъ холма, во всѣ стороны вокругъ зданія, разбитъ огромный паркъ, въ яркой зелени котораго сверкаютъ озера, пруды, мелькаютъ павильоны, пестрятъ флаги. Стекланная крыша зданія сверкаетъ на солнцѣ и своимъ блескомъ рѣжетъ глаза.

Широкая стеклянная галерея вводитъ васъ въ огромную центральную залу; въ ней устроены мѣста для 12,000 человѣкъ и для 2,000 исполнителей. Зала необыкновенно свѣтла, такъ какъ ея полукруглый сводъ почти весь стеклянный. Тутъ огромный органъ, обставленный цвѣтами и бюстами великихъ музыкантовъ, мѣхи котораго въ подвальномъ этажѣ и который приводится въ движеніе двумя паровыми машинами въ 20 лошадиныхъ силъ. По бокамъ залы колонны, между которыми разставлены статуи всѣхъ королей Англіи.

Кромѣ этой колоссальной залы, тутъ есть нѣсколько другихъ поменьше, а также большой театръ и огромная столовая. Сверхъ этихъ апартаментовъ, въ Александровскомъ дворцѣ огромная картинная галерея. Есть здѣсь и богатая коллекція монетъ, и интересный историческій арсеналъ, въ которомъ вы найдете всѣхъ видовъ ручное огнестрѣльное оружіе, со временъ Эдуарда III до нашихъ дней; существуетъ здѣсь и отдѣлъ архитектурный. Нѣсколько залъ заняты естественно-историческими коллекціями, представляющими высокій научный интересъ: все собрано знатоками и любителями. Этнографическія коллекціи не уступаютъ по богатству и интересу естественно-историческимъ. Публика толпится около нихъ и съ особеннымъ любопытствомъ разсматриваетъ жилища разныхъ народовъ, выставленныя въ ихъ настоящихъ размѣрахъ. Для входа въ Александровскій дворецъ многіе берутъ билетъ на круглый годъ и платятъ за него три гинеи. Онъ даетъ право всей семьѣ англичанина посѣщать это зданіе и проводить въ немъ цѣлый день. Хозяйка дома, вставъ рано по утру и закупивъ для хозяйства овощей и мяса, такъ какъ только этихъ припасовъ она не можетъ найти въ Alexandra Palace, отправляется туда съ ранняго утра, окруженная дѣтьми. Она работаетъ за столикомъ въ чудномъ паркѣ, читаетъ журналы, книги, отправляется въ комнату, гдѣ она можетъ расположиться для серьезнаго умственного труда, такъ какъ громадная библіотека дворца каждую минуту можетъ снабдить ее всевозможными книгами и журналами по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы. Кончила литературный трудъ,—можетъ отдать его печатать въ здѣшнюю типографію. Случилась надобность написать письмо,—и къ ея услугамъ множество столиковъ съ письменными принадлежностями. У слуги она всегда найдетъ почтовую марку и можетъ тотчасъ опустить свое письмо въ почтовый ящикъ, который стоитъ тутъ же на каминѣ и изъ котораго почтальоны вынимаютъ письма по три раза въ день. Не безпокоя себя выходомъ изъ зданія дворца и ни одной минуты не оставляя дѣтей безъ надзора, она можетъ отправить и получить телеграмму. На стѣнѣ висятъ свѣжія депеши о событіяхъ, только что совершившихся въ разныхъ углахъ земного шара, доставляемыя во дворецъ каждый часъ. Если она занимается шитьемъ или другою какою работою, она можетъ купить здѣсь рѣшительно все на базарѣ галантерейныхъ товаровъ, находящемся тутъ же, въ одной изъ залъ. Между тѣмъ дѣти ея прекрасно заняты. Они бѣгаютъ по зеленымъ лужайкамъ парка, катаются съ нянею въ лодкѣ, играютъ въ крикетъ, занимаются различными гимнастическими упражненіями, играютъ въ прекрасной роцѣ, которая отгорожена отъ остальнаго парка рѣшеткою. А какое хорошее наглядное воспитаніе мать можетъ дать здѣсь своимъ дѣтямъ. Въ паркѣ и его оранжереяхъ — богатый міръ растений всего земнаго шара. Кѣтки съ фазанами, колибри, попугаи, различные животныя и птицы могутъ дать хорошее понятіе о зоологіи. Безпрепятственный входъ въ библіотеку развиваетъ страсть къ чтенію; картинныя галереи, музыка, концерты, театры усовершенствуютъ художественный вкусъ, и если они не развиваютъ въ неартистической душѣ англичанина таланта къ искусству, то по крайней мѣрѣ расширяютъ его кругозоръ и пріучаютъ впоследствии находить удовольствіе въ

искусствъ. Но всего важнѣе то, что небогатое семейство, за небольшую плату, можетъ извлечь здѣсь много пользы для себя и дѣтей, каждый день, посѣщать театры, слушать музыку и концерты.

Но чудо изъ чудесъ представляютъ собою лондонскіе доки и корабли. Чтобы составить себѣ хотя какое-нибудь представленіе объ Англіи, необходимо сказать нѣсколько словъ о ея богатствахъ. И дѣйствительно, сравнительно съ другими государствами, несмѣтные богатства ея изумительны, и это прежде всего сказывается въ торговлѣ. Англія ведетъ такую громадную торговлю, что слава ея далеко превосходитъ славу знаменитыхъ торговыхъ городовъ древности: Тира, Сидона, Кароагена, Александрии. Ея «деревянные стѣны», какъ называютъ ея корабли, не только защищаютъ британскіе берега отъ всякаго иноземнаго нашествія, но и ввозятъ продукты самыхъ отдаленныхъ странъ; доки служатъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ сокровищъ міра; дворцы промышленности, для изученія которыхъ нужно потратить цѣлые десятки лѣтъ, банки, гдѣ золото потокомъ льется изъ рукъ кассировъ,—все говоритъ о побѣдѣ труда, о несмѣтныхъ сокровищахъ страны. Ни одно государство не владѣетъ такими обширными колоніями, какъ Англія: въ Азіи ей принадлежитъ болѣе половины Индіи, страны, замѣчательно богатой разными произведеніями. Цѣлая часть свѣта—Австралія, пространство которой въ десять разъ больше пространства Германіи, составляетъ также англійскую колонію.

Чтобы составить себѣ надлежащее представленіе объ англійскомъ богатствѣ, о ея миллионныхъ предпріятіяхъ, ея обширной торговлѣ, необходимо прежде всего познакомиться съ громадными сооруженіями этой страны, съ ея доками. Они состоятъ изъ трехъ главныхъ частей: бассейновъ, набережныхъ и магазиновъ. Достоинства этихъ бассейновъ заключаются въ томъ, что, будучи наполнены постоянно одинаковымъ количествомъ воды, они защищаютъ стоящія въ нихъ суда отъ вліянія приливовъ и отливовъ. Прежде, во время приливовъ и отливовъ, корабли, даже при выгрузкѣ товаровъ, приходили въ сильное движеніе и затѣмъ вдругъ сразу удалялись отъ берега на средину рѣки. Товары при этомъ падали въ воду, и необходимо было употреблять много лишнихъ рукъ и нерѣдко портить цѣнные тюки. Въ настоящее время корабли покойно стоятъ въ бассейнахъ какъ во время прилива, такъ и отлива и, не касаясь земли, не терпятъ лишнихъ поврежденій отъ тренія. На великолѣпныхъ гранитныхъ набережныхъ этихъ бассейновъ складываются, на опредѣленномъ для каждаго судна мѣстѣ, какъ выгруженные, такъ и готовящіеся къ выгрузкѣ товары, а по бокамъ ихъ тянутся обширные магазины. Это громадные кирпичныя постройки съ окнами, закрываемыми ставнями, со стѣнами, унизанными блоками, по которымъ на цѣпяхъ, вооруженныхъ крюками, поднимаютъ съ земли въ верхніе этажи зданія тяжелые тюки.

Одна часть доковъ назначена для привозныхъ, а другая для вывозимыхъ товаровъ. Такое раздѣленіе много облегчаетъ торговые сдѣлки. Товары, привезенные изъ дальнихъ странъ или вышедшіе съ фабрикъ Великобританіи, переходя изъ рукъ въ руки, перемѣщаются изъ одного склада въ другой посредствомъ простой записки.

«Лондонскій портъ, съ своей громадной системой доковъ, простирается отъ Лондонскаго моста. Насколько громаденъ этотъ единственный въ свѣтѣ торговый портъ, можно судить всего нагляднѣе по разсказу одного путешественника. Пройдя первый докъ Св. Екатерины, онъ вошелъ въ Лондонскій докъ и, долго странствуя по нескончаемымъ улицамъ, окаймленнымъ стѣнами магазиновъ, кладовыхъ и проч., онъ наконецъ остановился и спросилъ у одного рабочаго, въ какомъ онъ докѣ. «Въ Лондонскомъ».—Какъ въ Лондонскомъ? Я вошелъ въ его ворота съ полчаса тому

назадъ. — «Развѣ вы не знаете, что въ одномъ табачномъ отдѣленіи Лондонскаго дока около мили?» — Когда же я достигну Индѣйскаго дока? — «Вы поѣдете къ нему по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ?» — Я хочу пойти пѣшкомъ. — «Не знаю, какъ вы дойдете: туда около 4 или 5 миль». — А что на этихъ 4 или 5 миляхъ? — «Дома, магазины, кладовыя, конторы, доки, фабрики»... — Безъ промежутковъ? — «Да». — А что будетъ послѣ Индѣйскаго дока? — «Внѣшній докъ». — А сколько до него миль? — «Около 5-ти». — И тамъ также все дома и кладовыя? — «Да». — А послѣ внѣшняго дока что? — «Гриничъ». — Въ какомъ разстояніи? — «Въ двухъ или трехъ миляхъ». — И все жилье кругомъ? — «Все». — А послѣ Гринича? — «Остъ-Индскій привозный докъ». — Онъ далеко отъ Гринича? — «Въ восьми миляхъ». — И все по-прежнему тянутся дома, доки и кладовыя? — «Да». — А потомъ? — «То же самое». — Гдѣ же конецъ? — «А кто его знаетъ!»

Дѣйствительно, такое именно впечатлѣніе и выносить путешественникъ, отправляясь на пароходѣ отъ Лондонскаго моста внизъ по Темзѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вы движетесь среди цѣлаго лѣса судовъ, и куда вы ни взглянете, — вездѣ корабли, пароходы, мачты, паруса, трубы, громадныя кладовыя, груды товара, улицы, переулки, желѣзныя дороги, дома, толпа рабочихъ, самая лихорадочная дѣятельность, самая пестрая смѣсь всѣхъ національностей, флаговъ, одеждъ, языковъ. И эта картина, сначала приводящая васъ въ изумленіе, а потомъ гнетущая своею громадностью, тянется миля за милей, часъ за часомъ. Вотъ уже прошло 4 часа, пароходъ все летитъ. Темза расширяется, вы чувствуете приближеніе моря, и все-таки передъ вами все тотъ же лѣсъ мачтъ, а по сторонамъ все тянутся доки за доками, бассейны за бассейнами, магазины за магазинами, позади, впереди, направо, налево все еще Лондонъ, громадный, чудовищный Лондонъ, работающій и обогащающійся.

Доки составляютъ одну изъ самыхъ любопытныхъ достопримѣчательностей Лондона. Какъ извѣстно, — докъ искусственный бассейнъ со плузами, чрезъ которые во время прилива впускаютъ суда и которые закрываютъ во время отлива, чтобы удерживать уровень воды въ бассейнѣ на нужной высотѣ. Докъ окруженъ каменной набережной, вдоль которой устроены навѣсы для сохраненія товара отъ непогоды тотчасъ послѣ ихъ выгрузки. Далѣе возвышаются громадныя магазины въ нѣсколько этажей, гдѣ въ огромныхъ залахъ складываются всевозможные товары въ порядкѣ и по сортамъ. Вдоль набережныхъ стоятъ журавли или краны для поднятія товара, ручные, гидравлическіе и паровые. Рядомъ съ этими большими бассейнами находятся маленькіе, около 40 на обоихъ берегахъ Темзы; это, такъ называемые, сухіе доки для починки караблей. Нѣкоторые изъ доковъ окружены стѣнами и, строго говоря, каждый докъ составляетъ цѣлый портъ, для котораго Темза служитъ передней гаванью. Большихъ доковъ въ Лондонѣ 8; они покрываютъ 900 десятинъ земли и воды.

Изъ всѣхъ доковъ самый любопытный Лондонскій. Его кладовыя очень обширны: чай, кофе, какао, сахаръ, пряности, шелкъ, шерсть, хлопокъ, юфть, кожи, сало и пр. имѣютъ особыя громадныя залы, переполненныя ящиками, тюками, бочками, боченками. Это цѣлый музей естественной исторіи; чего только нѣтъ въ этомъ докѣ? И слоновою костью изъ центральной Африки, и рыбій клей съ Антильскихъ острововъ, и ладонь съ береговъ Чермнаго моря, и страусовыя перья изъ Абиссиніи, и перламутръ съ Таити. Нельзя вообразить себѣ никакого произведенія природы, которое бы не нашлось на этомъ всесвѣтномъ базарѣ, куда все везутъ отовсюду и откуда потомъ все развозятъ повсюду.

При входѣ въ доки и кругомъ ихъ васъ поразитъ кипучая дѣятельность: всюду движутся тачки, нагруженные товарами, летятъ двухколески, маленькія и большія паровыя машины. Когда эта дѣятельность стихнетъ, что бываетъ тогда, когда рабочіе отправятся обѣдать, можно осмотрѣть корабли.

Множество громадныхъ кораблей, безконечная сѣть снастей, огромные канаты, — все это говоритъ о великихъ предиріятіяхъ, о великихъ капиталахъ, о громадной торговлѣ. Внутри нѣкоторые изъ кораблей — настоящіе дорожные дворцы съ салонами изъ розоваго и лимоннаго дерева, съ великолѣпною мебелью и всѣми утонченностями роскоши. Интересны названія кораблей и скульптурныя изображенія на носу каждаго изъ нихъ; многіе изъ нихъ получаютъ названіе тѣхъ странъ, которыя они посѣщаютъ, другіе носятъ классическія названія. Здѣсь «Улиссъ» съ каскою на головѣ; грудь покрыта панциремъ, на которомъ развѣвается красный шарфъ и съ рукою, угрожающе врагамъ. Дальше «Центурионъ» — тяжелый корабль, на которомъ вы замѣчаете изображеніе римлянина, вооруженнаго съ головы до ногъ, надо полагать, однако, безъ особенной исторической вѣрности. Матросъ предпочитаетъ исторіи чудесное и аллегорію. Посмотрите, какъ на одномъ кораблѣ изображенъ Язонъ, съ копьемъ въ одной рукѣ, съ золотымъ руномъ въ другой и съ дракономъ подъ ногами. Въ этихъ изображеніяхъ часто смѣшиваются вмѣстѣ басня, вымыселъ и христіанская міеологія. Обратите вниманіе на носъ корабля «Калькутта», на которомъ рядомъ съ ангелами вы видите Центавра, держащаго голову Медузы на подобіе щита. Еще болѣе любятъ мореплаватели изображать фей, ундиновъ, наядовъ: на одномъ кораблѣ водяная нимфа — молодая дѣвушка, увѣнчанная листьями, съ бѣлымъ покрываломъ, наброшеннымъ на плечи, и съ позолоченнымъ кувшиномъ въ рукѣ. Современная литература и жизнь даютъ также типы для морской скульптуры: нерѣдко встрѣчаешь на носу кораблей героевъ и героинь замѣчательныхъ англійскихъ романовъ, государственныхъ дѣятелей, благотворительницъ. Иногда украшаютъ корабль деревянной позолоченной статуей, которая изображаетъ англійскую красавицу, какъ понимаетъ красоту морякъ, т. е. веселую, здоровую дѣвушку съ правильными чертами лица. Къ сожалѣнію, эти «невѣсты моря», какъ называютъ ихъ моряки, прикрѣпленные къ носу корабля, обыкновенно теряютъ руки въ борьбѣ, которую приходится имъ выдерживать съ вѣтрами и волнами. Матросы питаютъ къ этимъ изображеніямъ глубочайшее уваженіе, и бѣда тому, кто осмѣлится оскорбить ихъ святыню.

ВОСТОЧНАЯ И ЗАПАДНАЯ ЧАСТИ ЛОНДОНА.

Роскошь Веста-Энда. — Восточные кварталы — очагъ бѣдности. — Лондонскіе пролетаріи: ихъ жилища и положеніе. — Парки и любовь англичанъ къ природѣ. — Сентъ-Джемскій паркъ. — Гайдъ-Паркъ. — Страсть къ верховой ѣздѣ. — Виѣшность дамъ, мужчинъ и дѣтей. — Лондонскій сезонъ и его значеніе для столицы.

Англійская столица состоитъ изъ двухъ частей: западной (Вестъ-Энда) и восточной (Истъ-Энда). Самая лучшая, самая аристократическая — западная часть города, застроенная богатѣйшими зданіями. Чтобы предохранить ее отъ зловонія, постарались соединить всѣ условія деревенской жизни съ городскою: тутъ расположены сады и огромные парки. Здѣшнія улицы — широки и чисты; дома нерѣдко отдѣлены отъ тротуаровъ группами деревьевъ и цвѣтовъ, которые придаютъ имъ видъ дачъ. Среди площадей западной части города обыкновенно разбиты садъ, окру-

женный желѣзной рѣшеткой, съ виду похожій на зеленый коверъ и окаймленный красивыми деревьями. Все, что можетъ оскорбить зрѣніе или обоняніе, удалено отъ главныхъ улицъ: конюшни помѣщены въ узкихъ проходахъ, позади домовъ. Тотъ, кто будетъ прогуливаться по улицамъ западной части города, составитъ неправильное понятіе о Лондонѣ, какъ объ исключительно блестящемъ городѣ. Въ восточныхъ кварталахъ Лондона, еще 20—25 лѣтъ тому назадъ, можно было натолкнуться на полуразрушенныя лачужки, на дома, скорѣе напоминающіе хлѣва, чѣмъ человѣческія жилища, на кучи грязи, на груды поломанныхъ построекъ, на ямы съ гніющими отбросами. Лохмотья, повѣшенныя на дворахъ домовъ, загораживали и безъ того скудный свѣтъ жалкихъ жилищъ и, вмѣстѣ съ грязью улицъ, распространяли отвратительныя зловонія. Мало-мальски порядочно одѣтый человѣкъ не рѣшался вечеромъ проникать въ улицы этихъ ужасныхъ кварталовъ. Одинъ изъ нихъ, а именно Уайтчепель, особенно отличался своею грязью, зловонными испареніями своихъ улицъ и отвратительными жилищами, переполненными самою жалкою бѣднотою.

За послѣдніе годы внѣшній видъ этихъ кварталовъ сильно измѣнился. Наиболѣе широкія улицы, въ томъ числѣ и Уайтчепель, теперь очищены отъ мусорныхъ кучъ, помойныхъ ямъ, отъ полуразрушенныхъ построекъ и застроены каменными домами. Между ними, здѣсь и тамъ, теперь немало попадаются домовъ, специально предназначенныхъ для народныхъ чтеній, библиотекъ, читаленъ, концертныхъ залъ, помѣщеній для театральныхъ представлений и всевозможныхъ зрѣлищъ, клубовъ для рабочихъ, куда каждый вечеръ тысячами стекается простой народъ, еще недавно находившій удовольствіе только въ кабакахъ. Мало того, въ царствѣ отупѣнія и одичалости, въ Уайтчепелѣ, этомъ гнѣздѣ отчаянной грязи и безысходной нищеты, построено въ настоящее время два народныхъ университета (о нихъ будетъ сказано ниже). Понятно, что всѣ эти перемѣны благотворно повліяли на англійское просто-народье, — одичалость и безграмотность быстро исчезли. Еще недавно здѣсь рѣдко можно было встрѣтить грамотнаго, теперь большая рѣдкость найти безграмотнаго; прежде простой людъ массами направлялся только къ кабакамъ и подобнымъ притонамъ, теперь громадныя толпы идутъ въ концерты, клубы, спектакли, въ помѣщенія, гдѣ слушаютъ чтеніе по различнымъ предметамъ, въ народные университеты. Но и теперь еще въ восточныхъ кварталахъ Лондона немало закоулковъ, переполненныхъ вредными жилищами.

Въ настоящее время бѣдняки ютятся преимущественно въ узкихъ улочкахъ и переулкахъ Истъ-Энда (восточная часть Лондона), лежащихъ между главными улицами. Хотя въ послѣднее время и въ нихъ все болѣе уничтожаются ужасныя жилища и человѣческія берлоги, вмѣсто которыхъ строятъ большіе дома, но въ нихъ квартиры несравненно дороже, чѣмъ въ прежнихъ полуразрушенныхъ лачугахъ. Вслѣдствіе этого въ Лондонѣ образовалась цѣлая группа пролетаріевъ (нищихъ), совсѣмъ не имѣющихъ не только жилища, но даже самаго жалкаго угла. Когда у этихъ несчастныхъ окажется въ карманѣ нѣсколько копѣекъ, они почуютъ въ ночлежномъ домѣ, а нѣтъ и ихъ—подъ открытомъ небомъ, гдѣ-нибудь за досками и кирпичами вновь отстраиваемаго дома, а то и подъ телѣгами и даже въ пустыхъ бочкахъ. Когда эти пролетаріи случайною работою, а еще чаще нищенствомъ, воровствомъ или другимъ преступленіемъ добудутъ нѣсколько больше денегъ, они начинаютъ себѣ на недѣлю-другую уголъ въ комнатѣ дома или барака. Проходя по большимъ улицамъ Истъ-Энда, красиво застроеннымъ прекрасными домами, можно совсѣмъ не замѣтить этихъ барачковъ, такъ какъ они нерѣдко расположены за большими, прекрасными постройками. За небольшую комнату въ этихъ помѣщеніяхъ

платить сравнительно громадную цѣну: 1 р. 50 к., 2 и даже 3 рубля въ недѣлю. Поэтому-то бѣднякъ никогда не пользуется одинъ такимъ помѣщеніемъ, а раздаетъ въ наемъ все углы другимъ жильцамъ; обыкновенно въ такой комнатѣ помѣщаются два и даже три семейства. Ужасающая тѣснота, грязь, сырость, мракъ, вонь—характерныя особенности этихъ жилищъ, хотя внѣшность домовъ и не поражаетъ болѣе своимъ отвратительнымъ видомъ.

Лондонскихъ бѣдняковъ Истъ-Энда можно раздѣлить на пять классовъ: 1) самый низшій изъ нихъ состоитъ изъ подонковъ всемірнаго города, изъ бродягъ, нищихъ, мелкихъ уличныхъ разносчиковъ и продавцовъ, праздношатающихся, ворюшекъ и всевозможныхъ преступниковъ. Среди нихъ можно найти и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей. Хотя опредѣлить точно число этихъ пролетаріевъ очень трудно, такъ какъ многіе изъ нихъ или совсѣмъ не имѣютъ жилищъ, или пользуются ими лишь временно, но все же высчитано, что ихъ въ Лондонѣ болѣе 11 тысячъ. Этотъ классъ людей ведетъ отчаянную борьбу съ нищетою, которая иногда смѣняется случайнымъ изобиліемъ, добытымъ воровствомъ, попрошайничествомъ, вымогательствомъ или другимъ преступленіемъ. Ихъ главная потребность — водка. Въ тѣхъ закоулкахъ восточныхъ кварталовъ, гдѣ ютится эта голь и нищета, уличные скандалы—самое обыкновенное явленіе: между женщинами постоянно происходятъ свалки, потасовки, драки; между ними всегда есть нѣсколько пьяныхъ, валяющихся въ канавахъ. Дѣтей этихъ пролетаріевъ обыкновенно называютъ «уличными арабами»: они вытаскиваютъ изъ кармановъ прохожихъ кошельки и платки, воруютъ въ рынкахъ и принимаются за этотъ промыселъ, какъ за серьезное ремесло, подъ руководствомъ опытныхъ родителей и старшихъ, которые за каждый промахъ въ воровствѣ осыпаютъ новичковъ градомъ колотушекъ и отборною бранью. Оборванные, грязные, вѣчно голодные, они отличаются необыкновенною наглостью и цинизмомъ. Безысходная нужда, лишенія и преждевременная развращенность наложили клеймо на ихъ лица,—вотъ каковы эти уличные «арабы», большинство которыхъ не вышло еще изъ самаго нѣжнаго возраста.

Ко второму классу пролетаріевъ принадлежитъ еще большее количество людей, а именно 100.000. Это тоже люди крайне бѣдные, но среди нихъ большинство занимается какою-нибудь работою. Это обыкновенно безработные, потерявшіе работу по болѣзни и другимъ случайнымъ причинамъ, или принадлежащіе къ разряду временныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ необходимъ лишь въ извѣстный сезонъ: иногда въ ихъ работѣ нуждаются три-четыре мѣсяца въ году, иной разъ въ теченіе большаго срока, а то и меньше. Къ этому классу людей причисляютъ также всевозможныхъ мастеровыхъ и приказчиковъ, однимъ словомъ всѣхъ такъ или иначе выбитыхъ изъ колеи, и, наконецъ, громадное количество вдовъ и покинутыхъ женъ съ дѣтьми. Они преимущественно пробиваются поденной или случайной работою, которая многимъ изъ нихъ перепадаетъ не часто, такъ что все они терпятъ хроническую нужду, не могутъ удовлетворять самымъ насущнымъ потребностямъ, что вконецъ истощаетъ ихъ физическія силы.

Между людьми перваго и втораго разряда не существуетъ большой разницы: человѣкъ, испробовавшій все средства въ поискахъ за работою и потерявшій всякую надежду на полученіе ея, измученный голодомъ и нуждою, нерѣдко волей-неволей переходитъ въ разрядъ воровъ и мошенниковъ. Судьба всѣхъ этихъ пролетаріевъ одна и та же, — тѣ и другіе становятся жертвой всевозможныхъ болѣзней. Лихорадки, тифъ, но болѣе всего чахотка страшно опустошаютъ ихъ ряды.

Главное прибіжище лондонскихъ бѣдняковъ — рабочіе дома и общественная

благотворительность. И англійское правительство, и частныя лица оказываютъ вспомошествованіе бѣднымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но на здѣшнюю огромную армію пролетаріевъ (нищихъ) и людей, безпрестанно остающихся безъ всякой работы, никакой помощи не хватаетъ. Что же касается рабочихъ домовъ, то англійскіе бѣдняки ненавидятъ ихъ и смотрятъ на нихъ, какъ на тюрьму; нѣкоторые предпочитаютъ даже умирать съ голоду, чѣмъ идти въ эти рабочіе дома. Но все же очень многимъ изъ нихъ приходится отправляться туда на нѣкоторое время.

Люди, причисляемые къ третьему и четвертому классу лондонскихъ бѣдняковъ, — мелкіе торговцы, служащіе, чернорабочіе. Хотя и у нихъ тоже случаются перерывы въ заработкѣ, но въ общемъ они заняты работой большую часть года, слѣдовательно могутъ удовлетворять самымъ насущнымъ потребностямъ. Но трудъ ихъ настолько плохо вознаграждается, что они не могутъ дѣлать ни малѣйшихъ сбереженій, и при перерывахъ въ работѣ они тоже терпятъ большія лишенія. Въ Истѣ-Эндѣ ихъ болѣе 200.000 человекъ.

Итакъ, два первые класса людей принадлежатъ къ совершеннымъ пролетаріямъ, а два другихъ — къ очень бѣднымъ; такимъ образомъ въ Лондонѣ оказывается громадная армія бѣдняковъ, въ которой считаютъ 311.000 чел. Остальная часть лондонскаго простонародья не причисляется уже ни къ пролетаріямъ, ни къ бѣднякамъ.

Пятый классъ состоитъ изъ людей съ болѣе или менѣе правильнымъ доходомъ; къ нему принадлежатъ болѣе обеспеченные уличные торговцы, мелкіе лавочники и другіе, получающіе отъ 21 до 30 шиллинговъ *) въ недѣлю. При большой семьѣ такого заработка не всегда хватаетъ на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, особенно если случится какая-нибудь болѣзнь или пріостановка въ работѣ. Это самый многочисленный классъ среди населенія Истѣ-Энда, а именно 377.000 чел. Остальной рабочей людъ Лондона имѣетъ заработокъ больше 15 рублей въ недѣлю.

Вездѣ бѣдняку жить тяжело, но въ Англіи онъ особенно несчастенъ. Тамъ, гдѣ природа менѣе сурова, какъ, напримѣръ, на югѣ Европы, народъ не имѣетъ нужды во многомъ, что здѣсь является первою необходимостью. Въ южныхъ странахъ человекъ можетъ большую часть года обходиться безъ топлива и мяса; множество рыбъ, разнообразная растительная пища — каштаны, финики, кукуруза, винныя ягоды — растутъ почти безъ всякаго ухода. Сама природа предлагаетъ человеку множество здоровыхъ удовольствій: прогулку на чистомъ воздухѣ, подъ чуднымъ голубымъ небомъ, прекрасные виды, роскошную растительность. Въ Великобританскомъ же королевствѣ, обуреваемомъ свирѣпыми вѣтрами, дождями и туманами, человекъ страдаетъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: сырость, туманы, холодъ заставляютъ его большую часть года проводить въ четырехъ стѣнахъ. Темнота въ домахъ отъ постоянныхъ тумановъ такова, что зимою зачастую съ самаго утра приходится сидѣть съ огнемъ; дожди, сырость и темнота увеличиваютъ страданія бѣдняковъ. Вмѣстѣ съ постоянною потребностью въ топливѣ, освѣщеніи и хорошей квартирѣ, которая защищала бы отъ непогоды, при здѣшнемъ сыромъ климатѣ, англичане чувствуютъ и большую потребность въ питательной пищѣ. Холодъ, дождь, грязь, туманы и естественное стремленіе каждаго человека отдохнуть, забыться отъ страданія толкаютъ бѣдняка къ джину, портеру и другимъ спиртнымъ напиткамъ. Вслѣдствіе такой суровой обстановки и жизни, полной лишеній, человекъ огрубѣлъ и сдѣлался мрачнымъ. Здѣсь на бѣдняка взглянуть страшно: истомленный, худой, какъ

*) Гиней или фунтъ стерлингъ = 21 шиллингу и приблизительно 9½ руб. на наши деньги.

скелетъ, съ безсмысленно блуждающимъ взоромъ, въ одеждѣ, много лѣтъ назадъ сброшенной съ барскаго плеча, онъ производитъ самое удручающее впечатлѣніе. Если вы встрѣтите здѣсь человѣка въ грубой курткѣ, въ изорванныхъ и запачканныхъ углемъ или смолою штанахъ,—это работникъ; онъ не оставляетъ такого ужаснаго впечатлѣнія, такъ какъ вы знаете, что онъ имѣетъ хотя какой-нибудь заработокъ. Но видъ пролетаріевъ, одѣтыхъ въ платья, брошенные богатыми людьми, производитъ такое же впечатлѣніе, какъ румянецъ на трупѣ.

Англія положительно страна крайностей: она, дѣйствительно, можетъ гордиться не только замѣчательно образованными и уметвенно развитыми людьми, но и величайшими мыслителями и писателями. Шекспиръ, Байронъ, Диккенсъ, Дарвинъ, Гладстонъ и множество другихъ величайшихъ мыслителей и писателей — англичане. Въ изобрѣтеніяхъ и примѣненіи научныхъ открытій къ удобствамъ жизни англичане опередили всѣхъ другихъ европейцевъ. Одинъ изъ нихъ, Уаттъ, открылъ силу пара (въ 1768 г.), другой англичанинъ, Фультонъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія примѣнилъ эту силу къ практической жизни. Первая желѣзная дорога построена англичаниномъ и въ Англіи.

Великобританія—страна величайшихъ богатствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неслыханной въ мірѣ нищеты и бѣдности, страна тихаго семейнаго счастья—наряду съ самыми ужасными преступленіями и ловкимъ мошенничествомъ, страна, въ которой не только словомъ, но и дѣломъ сочувствуютъ бѣднякамъ, для пользы которыхъ сдѣлано болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и въ то же время нигдѣ въ мірѣ нельзя найти такого множества людей, которые бы въ такой степени презрительно-высокомерно, какъ въ Англіи, относились не только къ человѣку въ лохмотьяхъ, но ко всякому, кто не можетъ одѣться вполне по-барски.

Самое характерное явленіе британской столицы—зелень, цвѣты, чудные парки, сады и скверы повсюду. Парковъ и окруженныхъ рѣшетками садиковъ, находящихся на многочисленныхъ площадяхъ города, здѣсь насчитываютъ болѣе двухсотъ. Такимъ образомъ очищается воздухъ столицы, и небогатые люди, не имѣющіе средствъ ѣхать за городъ, могутъ здѣсь подышать свѣжимъ воздухомъ. Парки, занимающіе въ центрѣ города десятки и сотни десятинъ земли, придаютъ англійской столицѣ видъ деревни. И дѣйствительно, количество этихъ чудныхъ парковъ съ старыми деревьями и зелеными лужайками и ихъ величина просто поразительны: отъ самаго центра Лондона парками можно доѣхать до Ричмонда, Кью и другихъ прелестныхъ загородныхъ мѣстъ, почти не видя городскихъ строеній.

Лондонскіе парки чрезвычайно оригинальны: они расположены не въ предместьяхъ, какъ во многихъ другихъ столицахъ, а лежатъ посреди города; это даже не сады, а смѣсь луговъ, лѣсовъ и воды. Это просто предлестная деревня среди роскошной столицы. Зеленый дернъ, великолѣпныя деревья, особенно дубы и буки,—главное украшеніе англійскаго парка. Прежде всего поражаетъ въ нихъ ихъ громадность, а затѣмъ ихъ вѣчная, неувядающая зелень и роскошные, самые разнообразные цвѣты круглый годъ. Лондонскіе парки никогда не перестаютъ быть зелеными: теплота и влажность воздуха не допускаютъ снѣжнаго покрова, и зелень ихъ луговъ блеститъ даже среди зимы. Англійскіе садовники славятся необыкновеннымъ искусствомъ украшать эти парки и ухаживать за цвѣтами и растеніями. Они такъ хорошо примѣнились къ своимъ паркамъ, что у нихъ круглый годъ цвѣтутъ цвѣты. Лишь только послѣ роскошнаго расцвѣта одни изъ нихъ начинаютъ увядать, уже тысяча другихъ распускается во всемъ блескѣ своей красоты. Въ хорошее время года, когда цвѣты блестятъ, какъ разноцвѣтные драгоценные камни, когда ясенъ

опускаетъ свои вѣтви въ озера, окутанныя туманомъ, когда зелень различныхъ оттѣнковъ подъ вліяніемъ свѣта и тѣни представляется глазу въ тысячѣхъ переливовъ, тогда англійскій паркъ производитъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Ароматъ, который свободно несется по широкимъ лугамъ, чувствуется еще издали. Его вдыхаешь полной грудью, когда только вступаешь въ паркъ, его чувствуешь уже тогда, когда ѣдешь по улицамъ, близкимъ къ нему.

Очутившись въ англійскомъ паркѣ, вы находитесь въ городѣ и въ деревнѣ въ одно и то же время: вы въ тѣсномъ Лондонѣ—на просторной зеленой равнинѣ, вы, только что дышавшіе дымомъ и копотью, теперь чувствуете чудный запахъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Хотя въ этихъ паркахъ и нѣтъ недостатка въ красивыхъ группахъ деревьевъ, но нѣтъ такихъ густыхъ аллей, которыя составляютъ гордость французскихъ и нѣмецкихъ парковъ. Англичане прежде всего любятъ просторъ луга и безпрепятственное теченіе воздуха, а этому могла бы мѣшать влажная листва аллей, да въ нихъ и не чувствуется большой потребности. Здѣшнее солнце никогда не свѣтитъ особенно ярко, никогда не томитъ, не печетъ, поэтому тѣнь и прохлада не такъ нужны англичанамъ, какъ народамъ южнымъ. Въ англійскихъ паркахъ нѣтъ также ни искусственныхъ водопадовъ, ни фонтановъ, тѣмъ не менѣе воды здѣсь очень много: огромные пруды кажутся настоящими озерами,—для этого берега выкопаны неправильными изгибами. Англійскій паркъ—открытый лугъ, по краямъ котораго находятся сады и лѣса. Трудно себѣ представить, какая тишина царствуетъ въ нѣкоторыхъ уголкахъ парка; когда вы войдете въ глубь его, вамъ кажется, что вы перенеслись въ какую-нибудь уединенную сельскую деревушку, гдѣ совсѣмъ не слышно городского шума.

Сентъ-Джемскій паркъ—одинъ изъ лучшихъ въ столицѣ. Онъ имѣетъ видъ совершенной деревни: громадные, старыя деревья, настоящіе луга, огромные пруды съ утками и другими плавающими птицами. Тутъ обыкновенно гуляютъ люди небогатые съ своими женами и дѣтьми. Публика пользуется полною свободою гулять по всѣмъ лугамъ парка, которые очень велики и роскошны. Стада овецъ и коровъ пасутся тутъ же на свѣжей травѣ парка и придаютъ ему еще больше прелести и совершенно сельскій видъ.

Гайдъ-паркъ величайшій изъ лондонскихъ парковъ, съ огромными лугами, долинами и холмами, съ рѣкою и озеромъ, съ тѣнистыми деревьями, съ пасущимися стадами коровъ и овецъ, съ отличнымъ шоссе. Это большая, чудная деревня, перенесенная въ центръ столицы. Слава парка—Роттенъ-Роу, широкая песчаная дорога, обсаженная съ обѣихъ сторонъ деревьями. Она идетъ отъ Гайдъ-паркскихъ воротъ до покрытаго цвѣтами берега Серпентины. Во время сезона вы видите здѣсь все красивое, молодое, родовитое и сановитое въ Соединенномъ Королевствѣ. Въ пять часовъ пополудни—гулянье амазонокъ: всюду покрытые пѣною, встающіе на дыбы, кони, съ стройными, смѣлыми, гибкими, голубоглазыми дѣвушками, съ длинными, свѣтлыми распущенными волосами, въ суконовыхъ платьяхъ въ обтяжку, въ желтыхъ перчаткахъ и съ хлыстикомъ въ рукахъ. На лошадяхъ вы встрѣтите не только молодыхъ дѣвушекъ: около юныхъ амазонокъ бодро и ловко сидятъ на лошадяхъ ихъ полныя мамы, съ сѣдыми бровями на вискахъ или съ колечками изъ сѣдыхъ волосъ по обѣимъ сторонамъ лица. Тутъ цѣлыя семейства отъ старика отца до шестилѣтней дѣвочки, всѣ гарцуютъ и сдерживаютъ своихъ горячихъ коней. Верховая ѣзда такая же страсть англичанъ обою пола, какъ у испанцевъ страсть къ танцамъ. Мужъ съ женою, или все семейство вмѣстѣ, каждое утро выезжаютъ верхами въ Гайдъ-паркъ, а если они живутъ въ своемъ помѣстьѣ, то въ свой собственный паркъ или на бе-

регъ моря. Хотя верховая ѣзда и отнимаетъ у англичанъ каждый день часа полтора, но остальное время они не сидятъ безъ дѣла, и эти полтора потерянные часа они умѣютъ наверстать на другомъ: рѣдко бываютъ въ театрахъ, на балахъ и на пикникахъ. Верховая же ѣзда считается здѣсь необходимой для здоровья, и молодыя дѣвушки и дѣти катаются въ паркѣ даже и во время дождя. Всадники и амазонки—обыкновенно съ толпою лакеевъ и жокеевъ; два-три лакея, принадлежащихъ одному семейству, часто одинаковаго роста. Богатые англичане подбираютъ для дома лакеевъ одного роста, какъ лошадей для экипажа. Ростъ лакея имѣетъ здѣсь большое значеніе для знатнаго человѣка, и каждый стремится нанять высокаго, статнаго и красиваго. Видъ ихъ долженъ свидѣтельствовать о достоинствѣ и богатствѣ дома: англійскіе лакеи знаютъ это и гордятся этимъ; оттого ихъ величественная глупость вошла даже въ пословицу. Лакей за блестящей каретой аристократа иногда бываетъ такъ красивъ и ловко одѣтъ, что похожъ на красивую куклу. Деревенскіе мальчишки простодушно вѣрятъ, что за каретами господъ ставятъ манекена и нерѣдко щиплютъ его за икры, чтобы узнать, живой это человѣкъ или чучело.

У прогуливающихъ въ паркѣ англичанъ, какъ у мужчинъ, такъ и у дамъ, прекрасные свѣжіе костюмы, здоровый, выхоленный видъ. Англичанинъ—высокъ ростомъ; лицо его широкое, красноватое, съ мягкими, отвислыми щеками, большими рыжими бакенбардами и голубыми, безстрастными глазами. Женщины, какъ и мужчины, нерѣдко тоже очень высокаго роста: у тѣхъ и другихъ длинная шея, глаза нѣсколько на выкатѣ и нѣсколько выдавшіеся передніе зубы. Но это не мѣшаетъ здѣсь молодымъ дѣвушкамъ быть очень красивыми. Особенно хороши онѣ на лошади; лошадь горячится, несется, встаетъ на дыбы, и только тогда вы видите всю грацію англичанки. Никакого испуга въ лицѣ, напротивъ—улыбка удовольствія на губахъ; она вся точно приросла къ сѣдлу, волны ея чудныхъ, свѣтлыхъ волосъ смѣшиваются съ гривой лошади,—и она несется во весь опоръ. Въ иныхъ случаяхъ типъ выходитъ изъ своихъ естественныхъ предѣловъ, и особенности англійскаго лица выступаютъ чрезвычайно рѣзко: голова длинная, зубы выдаются впередъ, такъ что ротъ даже не закрывается, голубые, стеклянные глаза совсѣмъ на выкатѣ. Нерѣдко встрѣчаются вамъ между мужчинами и женщинами лица безъ всякаго выраженія. «Цвѣтъ лица изъ розъ и лилій, снѣга и молока», такъ описываетъ англійскую красавицу одна извѣстная французская писательница, «плечи, руки, грудь и ноги изъ воска, но все это безъ души и безъ воздуха. Лицо ея прелестно, но это всегда одно и то же лицо, точно она вынимаетъ его утромъ изъ футляра и, ложась спать, снова туда же укладываетъ, не употребляя его въ теченіе дня». Эти слова мѣтко характеризуютъ многихъ англійскихъ красавицъ. Но, какъ бы то ни было, молоденькія англичанки отличаются необыкновенною свѣжестью лица и наслаждаются полнымъ здоровьемъ. Женщины и дѣвушки средняго и высшаго классовъ жалуются на свое здоровье во всѣхъ государствахъ Европы, только въ Англіи онѣ пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ. Этимъ онѣ обязаны верховой ѣздѣ, купаньямъ, большимъ прогулкамъ на воздухѣ, правильной и дѣятельной жизни и болѣе всего умѣренности, которую онѣ не забываютъ какъ во время труда, такъ и въ наслажденіи.

Дѣти, прыгающія по парку и смѣло гарцующія верхомъ, точно живые цвѣты: толстыя щеки, крѣпость мускуловъ—все обѣщаетъ, что изъ нихъ выйдутъ коренастые юноши и здоровыя женщины. До восьми, девяти лѣтъ у дѣтей преобладаетъ физическое развитіе: вы почти не встрѣтите ни у одного изъ нихъ умныхъ, живыхъ и глубокихъ глазъ, какъ у дѣтей итальянцевъ, а чаще это бѣленькія, красненькія, веселенькія, толстенныя, красиво расписанныя куклы безъ всякаго выраженія, безъ живой мысли въ глазахъ.

Лошади, экипажи, наряды дамъ, мужчинъ, дѣтей и слугъ—все свѣжо, богато, великолѣпно, все точно для выставки, но это только такъ кажется съ перваго раза. Въ этомъ отношеніи англичанинъ совершенная противоположность французу; какъ тотъ живетъ прежде всего для выставки, только и думаетъ, какъ бы только выдѣлиться изъ общаго уровня, выказать свой умъ, талантъ и находчивость, туалетъ своей жены, свой экипажъ, такъ англичанинъ весь живетъ прежде всего и больше всего для себя. Онъ любитъ хорошій экипажъ, горячую лошадь, свѣжій костюмъ, мягкое кресло, богатую библіотеку, такъ какъ его природѣ свойственна любовь къ комфорту, стремленіе къ умственной жизни. Англичанки пріѣзжаютъ въ Гайдъ-паркъ не для того, чтобы показать свой туалетъ, но потому, что имъ нуженъ воздухъ, скачка на горячемъ конѣ и костюмъ на нихъ самый удобный для верховой ѣзды.

Нарядныя платья, кружева, бархаты, блестящіе экипажи, замѣчательно красивыя лошади, толпа слугъ—все это показываетъ большую зажиточность здѣшнихъ высшихъ и среднихъ классовъ. Если бѣднякъ здѣсь бѣднѣе и несчастнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то богатый человѣкъ—богаче, счастливѣе и живетъ въ тысячу разъ роскошнѣе и комфортабельнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Да и вообще богатый классъ здѣсь гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Мы уже не говоримъ о негоціантахъ, которые наживаютъ миллионы разными торговыми операціями, объ аристократахъ, которые по наслѣдству владѣютъ крупною собственностью—громадными помѣстьями, дающими царскіе доходы, но лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, живутъ здѣсь ученые, профессора, литераторы, журналисты, доктора, учителя среднихъ учебныхъ заведеній. Урокъ музыки, за который въ Германіи, Франціи и Россіи большой платой считается 3 руб. на наши деньги, тамъ оплачивается 1 фунт. стерл.; знаменитости получаютъ вдвое и втрое болѣе. У насъ профессоръ получаетъ три тысячи, во Франціи столько же, въ Оксфордѣ же онъ получаетъ до 22 тысячъ руб. на наши деньги. Наиболѣе извѣстные писатели и журналисты наживаютъ въ Англіи громадныя состоянія, тогда какъ у насъ и въ Германіи они еле сводятъ концы съ концами. Великобританія—царица промышленности, и нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы какая-нибудь другая страна достигла такого изумительнаго благосостоянія. Богатство частныхъ лицъ поразительно. Трудно даже представить себѣ, съ какою роскошью нужно здѣсь жить, чтобы обратить этимъ на себя вниманіе.

Но вотъ въ паркѣ совсѣмъ смерклось: богатые люди возвращаются домой. Паркъ пустѣетъ. Наступаетъ темная ночь, которая нерѣдко бываетъ свидѣтельницею отчаянной борьбы между жизнью и смертью, принимаетъ послѣдній вздохъ несчастнаго. Черезъ Серпентину ведетъ мостъ, который называется «мостомъ вздоховъ». И дѣйствительно, несчастные приходятъ сюда ночью, чтобы покончить съ жизнью. Чтобы спасти погибающихъ, около рѣки построенъ домъ «королевскаго человеколюбиваго общества», служащіе котораго употребляютъ всѣ средства, предписанныя наукою, чтобы вернуть къ жизни несчастныхъ. Ванны, теплыя постели, электрическія машины и механизмы, которыми производятъ искусственное дыханіе, находятся въ комнатѣ, куда вносятъ утопленника.

Гайдъ-паркъ бываетъ не только свидѣтелемъ искусной верховой ѣзды амазонокъ, отчаянныя нищеты, но и служитъ центромъ всевозможныхъ митинговъ и собраний. Столяры, плотники, каменщики, фабричныя рабочіе, музыканты, ремесленники, каждый классъ народа составляетъ здѣсь отъ времени до времени митинги. Митингами называютъ собранія, сходки извѣстнаго круга людей, которые заявляютъ публично о своихъ нуждахъ и желаніяхъ и нерѣдко предлагаютъ различныя мѣры къ искорененію зла.

Къ числу оригинальныхъ обычаевъ англичанъ принадлежитъ давно установившійся обычай проводить весну и лучшую пору лѣта въ столицѣ, не смотря на то, что каждый болѣе или менѣе зажиточный человѣкъ имѣетъ отличное помѣстье, обставленное со всевозможнымъ комфортомъ. Но разъ обычай существуетъ, какъ бы онъ ни былъ страненъ, ни одинъ англичанинъ, хорошо воспитанный, не осмѣлится его нарушить. Англичанинъ, совершенно свободный въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ, строго подчиняется общественной дисциплинѣ и укоренившемуся обычаю. Нѣтъ народа въ Европѣ, у котораго обычай возводился бы въ такой неприкосновенный законъ. Оказывая совершенную терпимость ко всякаго рода мнѣніямъ, сужденіямъ и вѣрованіямъ, англичанинъ требуетъ полнѣйшей терпимости и къ своимъ оригинальнымъ обычаямъ. Выкажите ему удивленіе, что онъ, гражданинъ такой великой націи, такой свободной страны, равнодушно относится ко всевозможнымъ формальностямъ, и онъ выслушаетъ ваши слова съ полнымъ презрѣніемъ. «Ваши понятія», отвѣтитъ онъ, «можетъ быть и дики для меня, но я вамъ этого не высказываю; оставьте же и меня при моихъ странностяхъ».

Аристократическая часть Лондона, т.-е. Вестъ-Эндъ, совершенно пустая и тихая зимою, съ наступленіемъ весны, когда начинается *сезонъ*, наполняется своими великолѣпными обитателями и роскошными экипажами. Лондонскій сезонъ обыкновенно продолжается во все время засѣданій парламента, т.-е. начиная съ самой ранней весны до августа. Осень и зима посвящается на житіе въ помѣстьяхъ, на охоту и на путешествія. Нужно, однако, замѣтить, что здѣшняя зима далеко не такъ сурова, какъ въ средней Европѣ. Поля и кустарники зеленѣютъ почти во все время зимы, а климатъ столицы, такой непривлекательный отъ ноября до марта, весьма сносенъ отъ апрѣля до сентября. Съ наступленіемъ апрѣля всякій, считающій себя джентльменомъ, т.-е. мало-мальски порядочнымъ человѣкомъ, стремится въ Лондонъ. Тѣ, которымъ обстоятельства не позволяютъ провести весь сезонъ въ столицѣ или которые боятся высокихъ сезонныхъ цѣнъ на жизненные потребности, стараются пріѣхать туда хотя на одну, на двѣ недѣли. Меблированные квартиры, отели, театры, концерты, всѣ публичные зрѣлища наполняются огромными толпами народа. Аристократы въ это время стремятся въ Лондонъ, а за ними и остальные, такъ какъ они даютъ тонъ всѣмъ богатымъ людямъ страны. Другіе ѣдутъ на сезонъ въ Лондонъ уже и потому, что къ этому времени собираются сюда всѣ лучшіе артисты и предстоитъ множество удовольствій. Люди торговые, директора театровъ, устроители концертовъ и выставокъ, антрепренеры увеселительныхъ зрѣлищъ и разныхъ праздниковъ привыкли все организовать, все фабриковать, все готовить только въ ожиданіи сезона. Число концертовъ и театральныхъ представленій увеличивается по крайней мѣрѣ въ десять разъ противъ зимняго, т.-е. несезоннаго времени. Въ это время устраивается множество выставокъ и самыхъ разнообразныхъ удовольствій. Послѣ выставокъ картинъ открываются выставки лошадей, цвѣтовъ, собакъ, кошекъ. А какое множество скачекъ; дамскія скачки, университетскія скачки, наконецъ скачки въ Ипсомѣ.

Но вотъ наступаетъ августъ, и городъ совершенно пустѣетъ. Наилучшее общество Лондона, самое богатое, родовитое и сановитое—все отправляется путешествовать: на морскія купанья, или въ Швейцарію, Италію, а если нельзя такъ далеко, то хотя въ Брайтонъ, городокъ недалеко отъ Лондона,—всюду, исключая столицы.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ЛОНДОНЪ.

Памятники и статуи.—Характеръ лондонскихъ построекъ.—Лондонскіе дома, церкви и часовни.—Соборъ Св. Павла.—Вестминстерское аббатство.—Уголь поэтовъ.

Монументальный Лондонъ далеко не удовлетворителенъ: въ паркахъ и на площадяхъ много памятниковъ и статуй, но они мало украшаютъ улицы. Мраморная арка въ Гайдъ-паркѣ скорѣе напоминаетъ громадный шкафъ съ проходными дверцами, чѣмъ триумфальныя ворота. Громадный памятникъ въ честь принца Альберта въ томъ же Гайдъ-паркѣ представляетъ чудовищную массу гранита, колоннъ, мозаикъ, статуй, барельефовъ съ изображеніемъ болѣе двухсотъ историческихъ лицъ и безконечнаго количества аллегорическихъ фигуръ. Также мало привлекательна колонна Нельсона въ Трафальгарскомъ скверѣ. Не менѣе антихудожественны и простыя статуи, какъ напр. статуя королевы Анны на площадкѣ передъ церковью Св. Павла и др. Къ болѣе удачнымъ можно отнести статуи Роберта Пиля въ Чипсайдѣ и Джона Стюарта Милля на набережной Викторіи.

Если отъ монументальнаго Лондона мы перейдемъ къ архитектурному, то впечатлѣніе будетъ болѣе благопріятное. Многія изъ общественныхъ зданій, клубовъ, богатыхъ частныхъ домовъ и громадныхъ отелей положительно великолѣпны, хотя лишь очень немногіе изъ нихъ отличаются изящными виѣшними украшеніями. Цѣлыя улицы къ сѣверу отъ Гайдъ-парка и по направленію къ Реджентъ-парку представляютъ ряды великолѣпныхъ виллъ. Террасы, балконы, сверху донизу увитые виноградомъ и плющемъ, красивыя купы обдуманно разсаженныхъ деревьевъ, вездѣ густая, темная зелень, изъ-за которой игриво выглядываютъ статуи, колонны, балюстрады, прелестнѣйшія клумбы цвѣтовъ ярке пестрѣютъ у всѣхъ оконъ.

Однако, какъ дома богачей, такъ и другія зданія въ Лондонѣ, въ большинствѣ случаевъ, выглядятъ какъ-то мрачно и имѣютъ темносѣрый цвѣтъ. Здѣшнія постройки вообще отличаются однообразіемъ, можетъ быть потому, что нерѣдко цѣлую улицу застраиваетъ одна компанія строителей. Среди прежней сплошной массы маленькихъ двухъ и трехъэтажныхъ домиковъ, въ которыхъ англійскія семейства любятъ жить особнякомъ, теперь возводятъ въ высшей степени высокія постройки въ 8, 9 и иногда даже 14 этажей. Но какъ бы то ни было, даже дома въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ живетъ буржуазія, красивы и поражаютъ необыкновенною опрятностью; стекла въ рамахъ блестятъ, какъ зеркала, почти у каждаго дома палисадникъ съ цвѣтами. Вокругъ парковъ дома побогаче, въ два, три и четыре этажа, носятъ дачный характеръ: каждый изъ нихъ стоитъ особнякомъ, окруженъ маленькимъ зеленымъ лужкомъ и деревьями. Всѣ они блестятъ своей безукоризненной чистотой; статуй и рѣзбы мало, но зато въ огромныя, прекрасныя окна входитъ много воздуха и свѣта; цвѣты на подоконникахъ свѣшиваются на стѣны; конюшни и сараи въ углубленіи, чтобы не оскорблять зрѣнія и обонянія. Снаружи дома имѣютъ всегда такой видъ, точно они только-что выштукатурены: нигдѣ ни одного пятна, ни слѣда грязи или пыли; деревья, дернъ, цвѣты—все содержится въ самомъ превосходномъ видѣ.

Но если архитектура лондонскихъ домовъ въ настоящее время весьма улучшается, то нельзя сказать того же относительно церквей. Кстати замѣтимъ, что въ Лондонѣ ихъ чрезвычайно много, болѣе 1100 церквей всевозможныхъ исповѣданій. Кромѣ собора Св. Павла и Вестминстерскаго аббатства, многочисленныя лондонскія храмы всевозможныхъ исповѣданій не отличаются красивой архитектурой и изящной,

художественной отдѣлкой внутри; большею частью это обнаженные, мрачныя зданія безъ украшеній, кромѣ аллегорическихъ фигуръ, каѳедры и рядовъ деревянныхъ скамеекъ.

Среди этого огромнаго количества храмовъ заслуживаютъ вниманіе лишь два изъ нихъ: соборъ Св. Павла и Вестминстерское аббатство. Соборъ Св. Павла не только самое величественное, но и самое высокое зданіе въ англійской столицѣ: съ какой бы стороны вы ни приближались къ Лондону, вы всегда увидите его первымъ. Англичане считаютъ его чуть ли не равнымъ по величію и красотѣ римскому собору Петра. Соборъ св. Павла въ Лондонѣ, дѣйствительно, грандіозное, огромное, прекрасное зданіе, но ему далеко до римскаго собора Петра. Соборъ Павла въ два этажа колоннъ, нижнія совсѣмъ черны, верхнія, недавно поставленныя, еще бѣлы, но уже и на нихъ угольная копоть наложила свою печать. Къ тому же эти колонны, постройки и орнаменты въ греческомъ и итальянскомъ вкусѣ совсѣмъ не подъ стать лондонскому небу и климату.

Какъ ни великъ соборъ св. Павла теперь, онъ былъ еще больше до лондонскаго пожара 1666 г.; но и въ настоящую минуту онъ кажется громаднымъ и съ виду чрезвычайно прочнымъ. Дождь и вѣтеръ чисто вымываютъ верхнюю половину южной стороны собора, между тѣмъ какъ нижняя половина покрыта чернымъ налетомъ, который такъ обыченъ на лондонскихъ домахъ: всѣ лондонскіе дворцы и церкви покрыты имъ. Вслѣдствіе страшной копоти изобрѣли особые, поглощающіе дымъ, дымовыя трубы, и парламентскій актъ предписалъ употреблять ихъ на фабрикахъ и пароходахъ на Темзѣ, и потому, въ тѣхъ частяхъ Лондона, гдѣ находятся большія фабрики, зданія всего менѣе страдаютъ отъ дыма.

Внутри собора прежде всего бросается въ глаза громадность его размѣровъ; вокругъ стѣнъ бѣлѣетъ множество изваяній, — памятники разнымъ знаменитостямъ, преимущественно морскимъ и военнымъ. Всѣ эти памятники сдѣланы довольно безвкусно.

Отъ храма св. Павла, по ровнымъ, прямымъ и красивымъ улицамъ, идущимъ вверхъ по Темзѣ, вы подходите къ дѣйствительно замѣчательному памятнику въ Лондонѣ въ архитектурномъ и историческомъ отношеніяхъ — Вестминстерскому аббатству. Это зданіе основано было еще въ VII столѣтіи, но возобновлено впоследствии въ XIII столѣтіи. Здѣсь коронованы были всѣ англійскіе короли и королевы, начиная отъ Эдуарда Исповѣдника (1041 г.) до королевы Викторіи (1837 г.), и большая часть изъ нихъ погребена внутри аббатства. Внѣшняя сторона зданія поражаетъ своею древностью и разнообразіемъ архитектуры: это одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній готическаго зодчества, полное гармоніи и оригинальности въ цѣломъ, не смотря на то, что оно строилось не сразу, не въ одинъ пріемъ, а съ остановками и измѣненіями въ планѣ. Это зданіе представляетъ смѣсь древне-британской, греческой и готической архитектуры.

Храмъ Вестминстерскаго аббатства внутри особенно поражаетъ своимъ изяществомъ, что составляетъ поразительный контрастъ съ остальными лондонскими церквями. Но и тутъ рядомъ съ чудными художественными памятниками стариннаго искусства нагромождены новѣйшіе памятники, нерѣдко просто безобразные. Впрочемъ, Вестминстерское аббатство производитъ впечатлѣніе не только своей готической красотой и памятниками стариннаго искусства, но и тѣми воспоминаніями, которыя витаютъ въ немъ: здѣсь хоронятъ не только коронованныхъ особъ, но и королей мысли и слова.

Отворивъ дверь южнаго притвора этого храма, вы очутитесь на кладбищѣ, которое кажется тѣмъ величественнѣе и производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что

надъ нимъ не синѣтъ небо, что эти могильные памятники не осѣнены деревьями. Вся внутренность церкви представляется одною большою могилою. Отъ стѣнъ и половъ вѣетъ холодомъ и сыростью; свѣтъ скудно проходитъ въ стрѣльчатые окна сквозь расписныя стекла. Нѣкоторые памятники представляютъ цѣлыя мраморныя сцены и лѣнятся по стѣнѣ такъ высоко, что надо закидывать голову, чтобы рассмотреть ихъ въ подробности, да и это не всегда удается при сумракѣ, господствующемъ въ церкви. Почти у самаго входа скромный уголъ съ наиболѣе скромными памятниками посвященъ людямъ, составляющимъ славу и честь англійской литературы. Этотъ скромный уголъ называется «угломъ поэтовъ», и надписи на ихъ памятникахъ воскрешаютъ передъ вами всю богатую исторію англійской литературы.

УЛИЧНАЯ МУЗЫКА.

Странствующие музыканты и пѣвцы.—Разнообразное содержаніе ихъ пѣсенъ.—Авторы уличныхъ пѣсенъ.—Ихъ жалкая жизнь.—Пончъ и Джюди.—Происхожденіе и характеръ Понча.—Любовь къ нему народа.—Жизнь уличныхъ артистовъ.

Въ невообразимомъ лондонскомъ шумѣ и движеніи съ утра до вечера рѣзко выдѣляются звуки различныхъ инструментовъ. Уже къ девяти часамъ утра, когда толпа, какъ бурный потокъ, разливается по улицамъ, огромная армія странствующихъ пѣвцовъ и музыкантовъ направляется въ разныя стороны. Эта уличная музыка не отличается мелодичностью, но англичане съ удовольствіемъ прислушиваются къ ней у открытыхъ оконъ; особенно любитъ ее простой народъ, вѣроятно потому, что она затрогиваетъ въ своихъ пѣсняхъ самыя чувствительныя струны въ сердцѣ каждаго. Репертуаръ этихъ странствующихъ музыкантовъ чрезвычайно разнообразенъ: нерѣдко они наигрываютъ и напѣваютъ старыя баллады, которыя пѣвали встарину: «Жиль былъ чеботарь въ своей лавочкѣ», «Кокленскій призракъ», «Дѣти въ лѣсу»; при этомъ голосъ пѣвца или пѣвицы напоминаетъ проходящему дрожащій голосъ его бабушки; въ другой разъ они поютъ мѣстныя народныя аріи. Валлисцамъ они говорятъ объ ихъ горахъ, ирландцамъ объ озерахъ зеленого Эрина, англичанамъ—о равнинахъ, верескѣ, о влажныхъ лугахъ. Нерѣдко услышите вы и національныя пѣсни: «Смерть Нельсона», «О, Британія гордость океана»,—странствующие музыканты знаютъ, кому чѣмъ угодить. Въ лондонскомъ портѣ они чаще всего играютъ и поютъ баллады, содержаніе и слова которыхъ относятся къ жизни матросовъ: «Далеко, далеко на морѣ», «Бѣдный Джо-морякъ», «Прощай, прекрасная дѣвушка». Любовь служить, разумѣется, главнымъ матеріаломъ пѣсенъ: «Кити Тирель свѣжа какъ утренняя роза», «Энни Лори съ бѣлоснѣжнымъ лбомъ» и множество другихъ.

Между странствующими музыкантами можно видѣть немало индѣйцевъ, которые поютъ и ударяютъ въ томъ-томъ, извлекая изъ этого инструмента печальные звуки, напоминающіе о несчастьяхъ далекаго отечества. Китайцы бряцаютъ на инструментѣ въ родѣ мандолины и поютъ дрожащимъ отъ стужи голосомъ какіе-то странные речитативы. Негры играютъ на тамбуринѣ; впрочемъ эти послѣдніе—очень часто негры только по цвѣту лица, т. е. они просто выкрасили свои лица, чтобы казаться неграми.

Пѣніе и музыка въ улицахъ Лондона, какъ и во всѣхъ большихъ англійскихъ городахъ, представляетъ особую отрасль промышленности, которая даетъ заработокъ огромному числу бѣдняковъ. Обязанности пѣвца, поэта и музыканта нерѣдко соединяются въ одномъ лицѣ; въ большинствѣ случаевъ, однако сочинители пѣсенъ для

уличныхъ пѣвцовъ составляютъ совершенно особый классъ людей. Уличные авторы получаютъ весьма немного за свои произведенія, но если издатель особенно доволенъ стихами, то онъ прибавляетъ нѣсколько пенсовъ къ ихъ скудному вознагражденію. Уличные писатели касаются всевозможныхъ сюжетовъ: ихъ воодушевляютъ войны, побѣды, политическія событія. Впрочемъ имъ болѣе всего удается сатира. Конечно, въ ней нечего искать таланта высокой пробы, тѣмъ не менѣе ихъ остроуміе совершенно въ національномъ духѣ.

Пѣвецъ обыкновенно самъ себя аккомпанируетъ. Часто роли раздѣляются: мужчина играетъ, а женщина поетъ. Пѣвецъ держитъ въ рукахъ пачку книжекъ—произведенія уличныхъ авторовъ, которыя онъ только-что пѣлъ. Слушателямъ иногда такъ понравится та или другая пѣсня уличнаго пѣвца, что они вмигъ раскупаютъ всѣ книжки. Такъ какъ уличные пѣвцы касаются въ своихъ пѣсняхъ различныхъ сторонъ жизни, то нерѣдко случается, что они возбуждаютъ одновременно и горячую симпатію однихъ, и неудовольствіе другихъ. Одно время своими сатирическими пѣснями противъ папы они собирали много мелкихъ монетъ, но тутъ же нерѣдко тотчасъ послѣ аплодисментовъ, ихъ осыпали градомъ колотушекъ ирландцы, отставившіе папу.

Лондонскіе уличные музыканты играютъ на различныхъ инструментахъ: одного вы видите съ арфой, другого съ гитарой, съ флейтой, съ віолончелью, контрабасомъ, скрипкою и другими инструментами. Иногда въ одиночку, а то и толпами отправляются они путешествовать по разнымъ селамъ и городамъ Англіи. Между ними, когда они предпринимаютъ какое-нибудь музыкальное странствованіе или бродятъ по столицѣ, всегда существуетъ особаго рода договоръ. На общемъ совѣтѣ каждый изъ нихъ объявляетъ, куда приблизительно онъ отправляется, а у тѣхъ, которые остаются въ Лондонѣ, самымъ точнымъ образомъ раздѣленъ весь городъ на округа, и никто изъ нихъ не потерпитъ, чтобы другой охотился на его землѣ. Между странствующими музыкантами шотландскій пѣвецъ обращаетъ на себя наиболѣе вниманія. Его оригинальный костюмъ и первобытный звукъ его волынки привлекаютъ къ нему вниманіе проходящихъ. Къ тому-же въ Лондонѣ нѣтъ улицы, гдѣ бы не жило нѣсколько шотландскихъ семействъ, а для истиннаго каледонскаго сердца эти аріи—голосъ родины, эхо его чудныхъ горъ.

Но самая любимая уличная музыка та, которая возвѣщаетъ начало представленія Понча. Хозяева театра Понча (нѣсколько напоминающаго нашего уличнаго Петрушку) выбираютъ для своихъ представленій мѣсто, гдѣ менѣе всего проѣзжаютъ экипажи. Ходятъ они обыкновенно вдвоемъ. Одинъ изъ нихъ несетъ театръ; къ его шеѣ привязаны дудки или свистки: въ одинъ свистокъ онъ говоритъ, другой у него для пѣнія, а остальные для того, чтобы онъ могъ говорить за нѣсколькихъ лицъ и слѣдовательно съ каждымъ новымъ лицомъ мѣнять свой голосъ; этотъ самый человекъ дуетъ въ свистокъ и бьетъ въ барабанъ передъ началомъ представленія. Его товарищъ носитъ довольно объемистый ящикъ съ маріонетками (куклами). При первыхъ ударахъ барабана и рѣзкихъ звукахъ свистка, толпы народа, и въ особенности дѣтей, выбѣжали изъ всѣхъ улицъ и окружили театръ Понча. «Леди и джентльмены!» говоритъ Пончъ, «я намѣренъ дать вамъ сегодня самое лучшее представленіе, какое только вы могли видѣть до сихъ поръ. Если оно найдетъ въ васъ одобреніе, оно будетъ длиться цѣлый часъ, и вѣрьте, что оно превзойдетъ все, что донинѣ было занесено въ лѣтописи исторіи». Занавѣсъ поднимается. Сцена представляетъ тюрьму съ рѣшетками въ окнахъ. Во время представленія всѣ взоры сосредоточиваются на деревянныхъ куклахъ (маріонеткахъ), которыя одна за другой появляются на сценѣ,

жестикулируютъ, разговариваютъ другъ съ другомъ (хозяева маріонетокъ говорятъ за нихъ разными голосами и поютъ) и обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что бьютъ другъ друга палкою.

Представленіе начинается тѣмъ, что слышится пѣніе Понча; потомъ онъ входитъ со словами: «Вотъ и я—мистеръ Пончъ, вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга. Сыграйте-ка намъ», говоритъ онъ, обращаясь къ музыкантамъ, и затѣмъ танцуетъ. «Однако, гораздо пріятнѣе танцовать съ женой. Джюди, Джюди!» кричитъ онъ. «Милое созданіе, идите сюда». Джюди входитъ.

Пончъ. Что за чудное созданіе! (При этомъ нѣжно гладитъ ее по лицу и пѣлуетъ). Будемъ танцовать. (Танцуютъ, но черезъ минуту онъ начинаетъ ее толкать). Идите лучше нянчить ребенка, вы совѣмъ не умѣете танцовать.—Джюди уходитъ и возвращается съ ребенкомъ на рукахъ.

Джюди. Побудьте съ нимъ, пока я приготовлю кушанье.

Пончъ. (Садится и напѣваетъ ребенку): Спи, мой голубчикъ, твой отецъ—рыцарь, твоя мать—прекестная леди. (Пончъ продолжаетъ укачивать ребенка, но тотъ все кричитъ; тогда онъ нетерпѣливо его встряхиваетъ). Что за противный ребенокъ! (Колотитъ его о стѣну и выбрасываетъ пзъ окошка. Является Джюди).

Пончъ. О, я несчастный! ребенокъ былъ такъ несносенъ, что я выбросилъ его за окошко.

Джюди начинаетъ рыдать, съ ней дѣлается истерическій припадокъ; оправившись, она вскакиваетъ, схватываетъ палку и начинаетъ бить Понча. Тотъ въ свою очередь выхватываетъ палку у жены и начинаетъ колотить ее, сколько хватаетъ силъ.

Джюди. О, въ такомъ случаѣ я иду за констеблемъ!

Пончъ. Идите хоть къ самому чорту.

Джюди выходитъ, а Пончъ, въ ту же минуту позабывъ и ссору, и несчастье, котораго онъ былъ виновникомъ, беззаботно затягиваетъ веселую пѣсню. Входитъ полицейскій.

Пончъ. Здравствуйте, пріятель! (При этомъ бьетъ его по головѣ палкой, такъ что тотъ падаетъ, но тотчасъ встаетъ).

Полицейскій. Знаете-ли вы, что у меня въ карманѣ приказъ васъ арестовать.

Пончъ. А у меня приказъ васъ бить. (Бьетъ его).

При этомъ начинается страшнѣйшая потасовка; полицейскій убѣгаетъ. За нимъ является клоунъ и одинъ за другимъ нѣсколько лицъ. Они пляшутъ, поютъ въ одиночку и съ Пончемъ, и всѣ дерутся, чѣмъ попало и какъ попало.

Джюди умираетъ отъ жестокаго обращенія мужа; Понча это нисколько не печалитъ: беззаботный и веселый, какъ всегда, онъ спокойно распѣваетъ пѣсни и превозноситъ удовольствіе и счастье вдовства. Въ эту минуту на сценѣ появляется тѣнь. Джюди; она медленно приближается къ мужу и даетъ ему звучную пощечину. Оглушенный ударомъ, испуганный видѣніемъ, Пончъ дрожитъ, какъ осиновый листъ, вскакиваетъ и бѣжитъ въ сторону; тѣнь жены его преслѣдуетъ. Истомленный преслѣдованіемъ и сверхъестественно быстрымъ бѣгомъ, страшно перепуганный, онъ падаетъ въ припадкѣ на полъ, бьется въ бѣшенствѣ и кричитъ: «Доктора! Зовите доктора! Я заплачу ему пятьдесятъ тысячъ фунтовъ!» Привидѣніе исчезаетъ. Пончъ вытягивается, какъ мертвый. Входитъ докторъ и осматриваетъ его.

Докторъ. Ба, да это мой пріятель, господинъ Пончъ. Бѣдный! какъ онъ блѣденъ! Э, Пончъ, да вы умерли!

Пончъ. (Палкой пѣлится въ голову доктора, затѣмъ бросается на него, начинается драка).

Полмцейскій. А, вы опять! Въ тюрьму!

Задняя кулиса поднимается и открываетъ внутренность тюрьмы. Пончъ смотритъ черезъ рѣшетку тюрьмы и напѣваетъ веселую пѣсню. Входитъ палачъ Джэкъ-Кетчъ. Начинаются приготовленія къ казни Понча.

Джэкъ-Кетчъ. Ну, мистеръ Пончъ, за то, что вы убили свою жену, выбросили изъ окошка невиннаго младенца, отколотили констебля, вы будете казнены черезъ повѣшеніе,—и онъ ведетъ Понча къ висѣлицѣ; тотъ выступаетъ впередъ совершенно беззаботно.—Ну вотъ, мой милый, говоритъ палачъ, это висѣлица. Вставляйте сюда голову.

Пончъ. Куда? Сюда или повыше?

Джэкъ. Ниже, ниже!

Пончъ. Пожалуста, сэръ, покажите мнѣ дорогу; я никогда прежде не вѣшался и не знаю, какъ за это взяться. Научите меня, и я принесу вамъ мою искреннѣйшую благодарность.

Джэкъ. Хорошо. Вы такъ со мной любезны, что я въ свою очередь сдѣлаю вамъ удовольствіе и покажу дорогу. Ну вотъ, мой милый, голову слѣдуетъ вставлять сюда. (Палачъ кладетъ свою голову въ петлю). Это прямая и настоящая дорога. Веревка, какъ видите, должна лежать подъ подбородкомъ. Затѣмъ я выну свою голову и вставлю сюда вашу. Когда ваша голова будетъ въ петлѣ, вы можете сказать леди и джентльменамъ: «прощайте».

Пончъ. (Затягивая веревку на шеѣ палача) Прощайте, прощайте! Теперь я снова свободенъ для шутокъ и проказъ. (Зоветъ клоуна).

Клоунъ. Что это, мистеръ Пончъ, вы повѣсили человѣка?

Пончъ. Онъ такъ промокъ насквозь, что я долженъ былъ повѣсить его просушить. Но чтобы онъ не прозябъ, положимъ-ка его въ эту табакерку. (Показываетъ на гробъ. Они снимаютъ тѣло, разбираютъ висѣлицу, затѣмъ уходятъ.)

Пончъ—любимѣйшее развлеченіе англійскаго простолюдина, истинно народный и дѣтскій театръ. Бѣднякъ обязанъ ему лучшими минутами своей жизни: во время представленія онъ забываетъ о лишеніяхъ, несчастіяхъ и о своемъ тяжеломъ трудѣ. Но не одно простонародье увлекается этими представленіями. Въ огромной толпѣ народа, которая всегда окружаетъ этотъ маленькій театръ и слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ все, что говоритъ Пончъ, вы всегда можете замѣтить множество джентльменовъ, у которыхъ не менѣе, чѣмъ у дѣтей, оживляется физіономія въ критическіе моменты жизни этого героя. На театрѣ Понча играютъ разныя пьесы, но «Пончъ и Джюди» самая любимая и популярная. Необыкновенная симпатія народа къ этой пьесѣ нерѣдко заставляетъ давать ее на ярмаркахъ и на провинціальныхъ театрахъ, и тогда уже представляютъ не маріонетки, а актеры.

Познакомившись съ уличнымъ театромъ, читатель навѣрно прежде всего спроситъ, почему порочный типъ Понча сталъ такимъ популярнымъ въ Англіи. Несмотря на свое звѣрское обращеніе съ ребенкомъ и съ женой, Пончъ вездѣ выказываетъ замѣчательное присутствіе духа и находчивость—отличительныя черты англійскаго характера. Англичанамъ болѣе всего правится въ немъ то, что онъ съ непоколебимою твердостью борется съ житейскими невзгодами. У нихъ захватываетъ духъ, когда Пончъ, презирая ужасы темницы, хладнокровно выслушиваетъ свой смертный приговоръ и бодро идетъ на висѣлицу. Но болѣе всего аплодируетъ ему толпа въ ту минуту, когда онъ не только избѣгаетъ висѣлицы, но еще вѣшаетъ своего палача. Развязка безнравственная; но бѣда тому владѣльцу маріонетокъ, который попытается измѣнить заключеніе. Одного такого реформатора забросали за это грязью и чуть не убили камнями.

Пончъ въ Англіи имя такое популярное, что одинъ редакторъ далъ это названіе своему журналу, самому остроумному изъ всѣхъ сатирическихъ англійскихъ изданій.

Владѣлецъ маріонетокъ обыкновенно философъ: онъ мало заботится о своемъ костюмѣ, который вслѣдствіе этого чрезвычайно небреженъ. Несмотря однако на его бѣдное платье и на то, что доходъ его основывается на добровольныхъ даваніяхъ, сочувствіе публики къ нему такъ велико, что онъ зарабатываетъ гораздо больше, чѣмъ остальной странствующій людъ. Понятно, что доходъ зависитъ болѣе всего отъ искусства Понча: онъ долженъ всегда разнообразить свою пьесу, вводить новыя лица, но такъ, чтобъ это было совершенно въ духѣ слушателей. Слѣдовательно, онъ долженъ имѣть тактъ, знаніе публики, находчивость. Намеки на политическія событія уличная публика принимаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Жизнь этихъ людей то же, что и жизнь всѣхъ странствующихъ музыкантовъ. Они ѣдятъ и пьютъ, что попало, спятъ въ ночлежныхъ пріютахъ; днемъ улица — ихъ домъ, таверна — ихъ гостиница, куда они нерѣдко заходятъ освѣжить свой голосъ.

УЛИЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Ковентгарденскій и Биллингсетскій рынки.—Лондонскій уличный торговецъ и исторія его жизни.—Летучая газетная торговля.—Искатели окурковъ.—Чистильщики.

Въ Англіи огромный классъ людей исключительно существуетъ мелкою уличною промышленностью: въ одномъ Лондонѣ ихъ насчитываютъ болѣе 50 тысячъ чело-
вѣкъ.

Лондонскіе уличные промышленники раздѣляются на три группы: на продавцовъ, искателей и чистильщиковъ. Уличные торговцы закупаютъ свои товары на рынкахъ.

Ковентгарденскій рынокъ—самый большой въ Лондонѣ; это рынокъ по преимуществу плодовъ, зелени и цвѣтовъ. Онъ весь покрытъ кучами земляники, гороха, ароматическихъ травъ и апельсиновъ. Тутъ всегда толпа мелкихъ торговцевъ и зеленщиковъ, носильщиковъ съ колонною круглыхъ корзинъ на головѣ и молодыхъ букетчицъ съ фіалками. Подъ арками, окружающими рынокъ, кофейни на открытомъ воздухѣ, защищенные зимою отъ вѣтровъ ширмами и навѣсами. Эти кофейни незатѣйливы: на столахъ—громадные жестяные сосуды, изъ которыхъ желающимъ наливаютъ черную дымящуюся влагу, и тутъ же лежатъ кучи кусковъ хлѣба, намазанныхъ масломъ.

Если желаешь хорошенько познакомиться съ Ковентгарденскимъ рынокъ, нужно выйти изъ дому очень рано: около шести часовъ утра на немъ уже полная дѣятельность. Большія, тяжелыя телѣжки, которыя ночью катились по улицамъ, выгружаютъ теперь здѣсь свой товаръ. Корзины пахучихъ южныхъ фруктовъ распаковываются въ лавкахъ. А тамъ, на срединѣ, безпрестанно перелетаютъ съ одного мѣста на другое желтыя коренья съ пучками зелени, громадные кочни капусты, рѣпа; зелень сортируютъ и убираютъ по кучамъ. Люди въ кожаныхъ передникахъ разгружаютъ телѣги съ различныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ. Вотъ горохъ съ полей прекрасной Нормандіи; здѣсь каштаны изъ Нидерландъ; тутъ стоитъ то, что привезла южная желѣзная дорога: яблоки, вишни съ острова Джерзея; тамъ виноградъ изъ Германіи; дальше дыни и апельсины изъ Испаніи и Португаліи. Но еще больше

привезено сюда овощей и цвѣтовъ изъ садовъ и огородовъ, окружающихъ Лондонъ. На границѣ предметей вы видите математически точно размѣренныя полосы земли, мелькаютъ стекла парниковъ,—это и есть знаменитые рыночные огороды и сады Лондона. Между тѣмъ какъ вездѣ собираютъ одну жатву, здѣсь посредствомъ искусственной обработки и обильнаго удобренія ихъ получаютъ пять. Но возвратимся къ Ковентгардену. Сотни уличныхъ продавцовъ съ телѣжками, ручными или запряженными ослами, или съ корзинками на головѣ, представляющими родъ башни, стоятъ, тѣсняя около овощей. Нагрузивъ себя товарами, они съ шумомъ расходятся въ разныя стороны. Тогда начинаютъ мыть рынокъ. Артезіанскій колодезь въ двѣ минуты наполняетъ водою всю площадь рынка и смываетъ съ нея шелуху, остатки зелени и нечистотъ. Затѣмъ являются женщины, располагаются у различныхъ кучъ гороха и начинаютъ его шелушить. Ровно черезъ полтора часа ихъ смѣняетъ другая толпа женщинъ, которыя очищаютъ грецкіе орѣхи отъ шелухи. И вотъ, несмотря на артезіанскій источникъ, тутъ опять черезъ нѣсколько минутъ куча мусора и грязи. Но запахъ розъ, нарцисовъ и фіалокъ заглушаетъ рѣшительно все.

Въ Биллингетскомъ рынкѣ чувствительнѣе всего запахъ рыбы. Чтобы ознакомиться съ нимъ, необходимо посѣтить его въ пятницу—день наибольшаго его оживленія. Въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ Лондона живетъ много ирландцевъ, которые соблюдаютъ требованія католической церкви и потому въ пятницу покупаютъ рыбу. Съ другой стороны англійскіе рабочіе, получающіе плату по субботамъ, накануне сидятъ обыкновенно безъ денегъ, поэтому невольно постыятся и покупаютъ рыбу, которая здѣсь не дорога. Народъ съ любопытствомъ останавливается у набережной, гдѣ выгружаютъ рыбу, и разсматриваетъ палтусовъ, лососей съ перламутровой чешуей и треску съ раскрытою пастью. Морской утренній воздухъ, шорохъ барочныхъ и корабельныхъ веревокъ, еще влажныхъ отъ соленой воды, все напоминаетъ прибрежье океана. Вмѣстѣ съ рыбою тутъ четвериками продаютъ устрицъ: стоитъ множество столиковъ, на которыхъ разставлены бутылки съ уксусомъ, перечницы и продаются устрицы по мелочамъ рабочему люду. Наиболѣе зажиточные торговцы увозятъ отсюда свой товаръ въ телѣжкахъ, запряженныхъ пони или осломъ, а побѣднѣе—въ ручныхъ телѣжкахъ или уносятъ на головахъ. Между хозяиномъ и животнымъ существуетъ нѣжная привязанность; уличный торговецъ дѣлитъ свой завтракъ на двѣ части: одну беретъ себѣ, другую подаетъ своему ослу или пони.

Главная характерная черта уличныхъ торговцевъ — множество дѣтей, которыя обыкновенно идутъ по стопамъ родителей и уже съ раннихъ лѣтъ дѣлаются торговцами. Мало кто изъ нихъ торгуетъ на свои деньги: одни занимаютъ ихъ для покупки товара, другіе занимаютъ самый товаръ, нѣкоторые берутъ напрокатъ даже ручную телѣжку, осла, корзинки, нерѣдко вѣсы и мѣры. Проценты, которые они платятъ, доходятъ до 20 на сто въ недѣлю. Всего печальнѣе то, что этотъ ужасный налогъ падаетъ какъ на несчастныхъ торговцевъ, такъ и на рабочіе классы, которымъ они доставляютъ провизію. Большинство этихъ уличныхъ торговцевъ чрезвычайно быстро мужаетъ, и въ семь лѣтъ они становятся уже совершенно дѣловыми людьми. Молодые торговки благословляютъ небо за хорошій день и за салакушку, которая, по ихъ словамъ, подарокъ бѣднымъ людямъ, ниспосланный небомъ. И у торговцевъ, какъ у истыхъ англичанъ, является отъ времени до времени потребность подышать чистымъ воздухомъ, и тогда они отправляются торговать по деревнямъ, иногда даже за много миль отъ Лондона. Какъ всѣ бродячіе классы, уличные торговцы ведутъ жизнь суровую и трудовую, тѣмъ не менѣе чувствуютъ сильную привязанность къ своему ремеслу. Однажды одно семейство взяло къ себѣ въ услуженіе

уличную торговку. Хорошая обстановка примирила ее на время съ новою жизнью, но когда она услыхала, что на рынкѣ большой привозъ салакушекъ, она со слезами бросилась къ своимъ господамъ, упрасивая, чтобы ее отпустили. Она созналась, что она и раньше тосковала по прежней жизни, а теперь тоска такъ овладѣла ею, что она ничего не можетъ дѣлать.

Заработокъ уличныхъ торговцевъ очень ничтоженъ и подверженъ большимъ колебаніямъ. Продавцы зелени и мороженой рыбы выручаютъ до трехъ пенсовъ въ день; продавцы цвѣтовъ, плодовъ и свѣжей рыбы—около десяти пенсовъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые уличные торговцы съ помощію энергіи, воздержности, предприимчивости и практичности нерѣдко выбиваются изъ нищеты. Вотъ какъ рассказываетъ одинъ торговецъ исторію своей жизни, которая можетъ познакомить съ жизнью всѣхъ уличныхъ торговцевъ.

Никто никогда не говорилъ мнѣ о томъ, гдѣ и когда я родился, да это ни на что и не могло бы мнѣ пригодиться. Насъ было три брата и двѣ сестры, и всѣ мы, какъ только начинали ходить, въ то же время начинали и торговать. Чтобы заставить торговать шесть, семь человекъ дѣтей, у насъ достаточно четверика картофеля и нѣсколькихъ пучковъ зелени. Вечеромъ мы приносили нашимъ родителямъ все, что успѣвали заработать, и этимъ расплачивались съ ними за ночлегъ, который они намъ давали, такъ какъ кормиться и находить себѣ пріютъ днемъ мы должны были сами. Несчастіе всѣхъ была моя младшая сестра: въ семь лѣтъ она уже таскала по улицамъ корзинку съ салатомъ. Такой крошечный ребенокъ изъ нашего класса, разнося свой товаръ по улицамъ, не приобретаетъ, разумѣется, средствъ къ своему существованію, — онъ идетъ только медленной дорогой къ голодной смерти. Бѣдная дѣвочка никогда не осмѣливалась возвратиться домой безъ ничего и, когда ей ничего не удавалось продать, она оставалась ночевать на улицѣ. Однажды я засталъ, какъ она собирала на дворѣ крошки хлѣба, которыя служанки бросали птицамъ. «Неправда-ли», сказала она, увидавъ меня, «вѣдь это не значитъ красть, если я возьму нѣсколько крошекъ у птицъ. У нихъ крылья, и онѣ быстро могутъ слетать въ поле и достать зеренъ, не боясь полисменовъ». Такъ какъ я былъ старшій, то я всего чаще сопровождалъ отца: я скоро понялъ его ремесло; моею школою была улица и рынокъ. Жизнь моя была не особенно сладкая: на ногахъ нужно быть съ трехъ, четырехъ часовъ утра и часто цѣлый день не присѣсть до десяти часовъ вечера: ходя ѣсть, пить, отдыхать и въ то же время никогда не переставать работать, т. е. тащить телѣжку, выкрикивать товаръ, бѣжать за прохожимъ, подносить корзинки къ окнамъ.

Мнѣ исполнилось тринадцать лѣтъ,—это самый критическій возрастъ для дѣтей нашего класса, когда мальчикъ уже привыкъ къ ремеслу и начинаетъ желать самостоятельности. Наши родители сознаютъ это и начинаютъ относиться къ намъ холодно. Я поссорился въ это время съ моимъ отцомъ и вотъ изъ-за чего. Онъ сталъ замѣчать съ каждымъ днемъ, что мой голосъ дальше разносится по улицамъ, чѣмъ его старый и дрожащій, что я легче могу нагнать прохожаго, живо показать ему сразу весь товаръ. Отецъ сталъ завидовать мнѣ, придрался къ первому пустяку и прогналъ меня. Я навсегда покинулъ родительскій кровъ, занялъ шесть шиллинговъ и телѣжку. Этого для насъ совершенно достаточно, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ. И то правда, хотя у меня не было ни золота, ни серебра, зато было много выдержки. Уличнымъ торговцемъ нужно родиться: нужно умѣть во время рискнуть, имѣть понятіе, когда и чего больше куиить, иначе вѣчно останешься жалкимъ бродягой, который, каждый разъ, прежде чѣмъ отправиться торговать, долженъ занять

все: и корзинку, и вѣсы, и телѣжку, и самый товаръ. Въ шестнадцать лѣтъ мнѣ наскучило вести уединенную жизнь и пришла мысль жениться. Для этого я отправился однажды вечеромъ въ танцевальный залъ, гдѣ, какъ я слышалъ, устраиваются сердечныя дѣла. Тамъ я встрѣтилъ много молодыхъ дѣвушекъ, зарабатывавшихъ свой хлѣбъ уличною торговлею. Дѣвушки нашего класса здоровы, сильны и красивы. Одна изъ нихъ сразу обратила на себя мое вниманіе. Ловко сидѣвшая на ней коротенькая юбка позволяла видѣть хорошо обутую ногу, а мы торговцы прежде всего любимъ видѣть на женщинѣ хорошую обувь. Это была бѣлокурая дѣвушка съ свѣжимъ лицомъ. Правда, другой нашелъ бы, что голосъ ея хриплый, но мнѣ это еще болѣе понравилось въ ней; это доказывало, что она храбро кричала на улицахъ и могла торговать безъ чужой помощи. Я тотчасъ угостилъ ее и, когда кончился вечеръ, предложилъ проводить ее до дому и снести ей корзину. Она согласилась; черезъ недѣлю мы поженились и наняли комнату за четыре шиллинга въ недѣлю. Днемъ каждый изъ насъ занимался торговлею, вечеромъ мы иногда ходили въ танцевальныя залы, въ концерты и театры въ пенни. Мы уличные торговцы очень любимъ развлеченія. Наша жизнь такая мрачная, дѣловая, что мы ищемъ случая развлечься.

Наша торговля процвѣтала, моя жена была образцовою женщиной: она содержала комнату въ чистотѣ и была необыкновенно предприимчива въ торговлѣ. Наши жены вообще гораздо лучше насъ: онѣ не играютъ, а насъ игра совсѣмъ губить. Игра и пьянство—пороки, которые мы, дѣти улицы, всасываемъ съ молокомъ матери. Я считалъ подлымъ бить такую хорошую жену, но, когда я былъ пьянъ, я нерѣдко поднималъ на нее руку, хотя на другой же день раскаявался въ своемъ дурномъ обращеніи. Я вамъ говорю все откровенно, какъ худое, такъ и хорошее, но когда вы опишите мою жизнь, я васъ прошу, не говорите объ этомъ. У насъ было трое дѣтей, всѣ они, разумѣется, сдѣлались уличными торговцами, и въ настоящую минуту всѣ они торгуютъ самостоятельно и давно уже не живутъ съ нами. Но когда я ихъ встрѣчаю на рынкѣ или на улицѣ, мнѣ никогда не приходится краснѣть, что я не выполнилъ относительно нихъ своихъ обязанностей. Теперь моя мечта нанять лавочку для продажи плодовъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей уже достигли этого и имѣютъ свой голосъ на выборахъ, тѣмъ не менѣе они не отвернулись отъ меня, и я по прежнему ихъ пріятель.

Маленькіе мальчики, снующіе по всѣмъ направленіямъ Лондона съ газетами въ рукахъ,—въ высшей степени характерное явленіе лондонскихъ улицъ. Несмѣтное число дешевыхъ газетъ и листовъ въ Лондонѣ породило цѣлый классъ людей, занимающихся ихъ продажей. И гдѣ вы только ни встрѣтите этихъ мальчиковъ въ оборванной одеждѣ, съ лицомъ въ синякахъ и съ пучкомъ газетъ подъ мышкою? Кажется, рѣшительно нѣтъ такого мѣста въ столицѣ: они на всѣхъ станціяхъ подземной и надземной желѣзной дороги, на пароходахъ, мостахъ, у подъѣздовъ всѣхъ зданій. Они кричатъ прямо въ уши, бѣгутъ за прохожимъ и за проѣзжающимъ, отважно карабкаются на верхъ вагона и всегда успѣваютъ въ одну минуту разсовать сидящимъ множество нумеровъ. Публика не успѣваетъ расплатиться съ мальчикомъ, который не можетъ оставить своего мѣста на тротуарѣ, — по это не бѣда: деньги бросаютъ прямо въ грязь и, хотя омнибусъ уже отѣхалъ, мальчикъ ихъ всегда найдетъ. Маленькіе продавцы газетъ избираютъ эту профессію преимущественно потому, что они не обучены никакой другой, — къ тому же она требуетъ затраты самаго ничтожнаго капитала. Дѣти эти хотя и принадлежатъ къ бѣднѣйшему классу населенія, вовсе не нищіе или бездомные бродяги. У большинства есть свое посто-

янное жилище, и весьма многіе изъ нихъ на свой заработокъ содержатъ даже своихъ родителей. Отправляясь торговать, они запасаются для обѣда маленькимъ хлѣбцемъ и мозговой колбасой, которую они съѣдаютъ, стоя у какого-нибудь зданія, не отрываясь отъ своего дѣла. Нѣжный дѣтскій возрастъ, суходѣніе, сырость, туманъ и постоянный дождь британской столицы—все это весьма быстро разстраиваетъ здоровье маленькихъ разносчиковъ. Чуть свѣтъ громадными толпами отправляются они въ Сити, гдѣ печатаются почти всѣ газеты. Такъ какъ желающихъ торговать газетами много, то въ конторахъ газетъ имъ приходится выдержать съ своими товарищами нѣсколько сраженій. Тѣмъ не менѣе число этихъ разносчиковъ увеличивается съ каждымъ годомъ вмѣстѣ съ большимъ распространеніемъ газетъ въ массѣ населенія; нѣкоторыхъ изъ нихъ нанимаютъ распродавать газеты за четыре, за шесть пенсовъ въ день. Каждый изъ нихъ старается изъ этого ничтожнаго заработка сколотить себѣ нѣсколько пенсовъ, чтобы самому закупить себѣ пачку газетъ и распродавать по своему усмотрѣнію; послѣдній способъ даетъ прибыли вдвое болѣе. Сколотивъ девять пенсовъ, онъ уже можетъ купить себѣ пачку газетъ и получить на эту сумму прибыль въ четверть стоимости своего товара. Распродавъ одну пачку, ребенокъ бѣжитъ за другою и такимъ образомъ до полудня успѣваетъ иногда продать до трехъ пачекъ. Вечеромъ выходятъ вечернія газеты и иллюстрированные журналы, и его торговля опять оживляется. Они нерѣдко промышляютъ и тѣмъ, что даютъ эти газеты на прочтеніе. Передъ Рождествомъ или во время знаменитыхъ процессовъ заработокъ этихъ маленькихъ торговцевъ нѣсколько увеличивается.

Разъ замѣтивъ на извѣстныхъ пунктахъ лица этихъ маленькихъ торговцевъ, вы можете быть увѣрены, что будете ихъ встрѣчать всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они совсѣмъ выбываютъ вслѣдствіе болѣзни. Извѣстно, что во всякой торговлѣ есть мѣста болѣе и менѣе бойкія, но кто занялъ уже извѣстное мѣсто, тотъ не покидаетъ его никогда. Нерѣдко случается, что кто-нибудь изъ нихъ опаздываетъ и мѣсто его бываетъ уже занято, но разъ появляется тотъ, кто прежде стоялъ, припелецъ уступаетъ ему тотчасъ его мѣсто. Отнять мѣсто у кого-нибудь, даже и въ томъ случаѣ, когда это очень выгодно, считается позоромъ.

Къ уличному міру принадлежитъ и другая группа людей, хотя и менѣе многочисленная, чѣмъ та, котою мы только-что описали, но не менѣе заслуживающая вниманія: это группа «искателей». Между ними одни занимаются тѣмъ, что собираютъ окурки сигаръ. Рано утромъ, къ каждому казино, ко входу въ театры и въ концерты и въ различные аристократическіе кварталы направляется множество мальчиковъ искать окурковъ. Эти окурки они сваливаютъ кучами въ бѣдныхъ кварталахъ и распродаютъ за самую ничтожную сумму бѣдному люду. Съ большими надеждами «искатели» отправляются рано утромъ въ Гравезендъ, когда морской отливъ уже начался. Группы этихъ дѣтей разсыпаются на берегу и ждутъ, пока рѣка обнажитъ по берегамъ длинныя полосы влажной и тинистой земли. Когда отливъ достигаетъ высшей степени, дѣти, между которыми вы увидите много дѣвушекъ и старыхъ женщинъ, разсыпаются между барками, которыя стоятъ теперь на мели. По колѣно въ грязи, толпа бѣгаетъ по отмели, нагибается, ощупываетъ руками влажную землю, — это и есть «искатели». Но что же можно найти на этихъ бесплодныхъ берегахъ? Несчастные собираютъ въ корзинки кусочки древеснаго угля и дерева, гвозди, а иногда найдутъ и нѣсколько мелкихъ монетъ. Нѣкоторымъ изъ этихъ дѣтей не болѣе шести лѣтъ; почти всѣ старыя женщины чрезвычайно дряхлы, а жалкія лохмотья дѣлаютъ ихъ совсѣмъ отвратительными. Дѣти одѣты въ цвѣтныя рубашки, панталоны, поднятыя до колѣнъ, и въ шапки, плетенныя изъ тростника. Однако, большинство

просто въ какихъ-то лохмотьяхъ. Эти молчаливые, сосредоточенныя дѣти Темзы рѣдко разговариваютъ между собой и еще рѣже съ посторонними. Попросивъ милостыню, они истощаютъ весь свой словарь. Несмотря на то, что ремесло это мало прибыльно, «искатели» питаютъ къ нему какую-то роковую привязанность. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ кузницу, но онъ тосковалъ, когда видѣлъ прежнихъ товарищей, бѣгущихъ ждать отлива. Кому-то удалось развязать его языкъ, и онъ на яву сталъ бредить о корабляхъ, на всѣхъ парусахъ входящихъ въ Темзу, радостно вскрикивалъ при видѣ парохода, изъ котораго клубился паръ. Онъ бросилъ, наконецъ, кузницу и, увлекаемый непреодолимымъ влеченіемъ, возвратился на берега Темзы.

Третьею группою уличнаго люда можно назвать «чистильщиковъ». Къ нимъ принадлежатъ мальчики, которые чистятъ сапоги прохожимъ, и дѣти, которыя подметаютъ улицы Лондона. На углу каждой улицы можно замѣтить мальчика, который уже съ ранняго утра стоитъ на своемъ посту и вынимаетъ щетки изъ небольшого четырехугольнаго ящика. Лишь только показывается прохожій, порядочно одѣтый, — мальчикъ предлагаетъ ему свои услуги его вычистить. Почистивъ пальто, онъ подставляетъ подъ ногу джентльмена ящикъ и чиститъ ему сапоги. Эти мальчики необходимы въ Лондонѣ, гдѣ, при вѣчной слякоти и дождѣ, нескончаемое движеніе экипажей постоянно забрызгиваетъ грязью пѣшеходовъ. Въ награду за услуги чистильщиковъ имъ даютъ мелкую монету.

ВОРЫ, СЫЩИКИ И ПОЛИСМЭНЫ.

Лондонъ издавна славится замѣчательною ловкостью своихъ воровъ и мошенниковъ. Виною этому бѣдность народа въ Англіи, а также и то, что въ этой странѣ всегда чрезвычайно много людей, остающихся безъ всякаго заработка. Несомѣнно также и то, что скопленіе воровъ и мошенниковъ именно въ Лондонѣ зависитъ отъ чрезмѣрнаго населенія столицы и отъ расположенія товарныхъ складовъ въ необитаемыхъ частяхъ города. Помогаютъ воровству и узкіе переходы и переулки Лондона, которые перекрещиваются по всѣмъ направленіямъ. Чаше всего воровство происходитъ съ телѣжекъ, въ то время, когда возница зазѣвается или отойдетъ въ сторону поболтать съ пріятелемъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, мошенники выжидаютъ наибольшаго скопленія людей въ одномъ мѣстѣ, давки, паденія лошади, брани извозчика съ сѣдокомъ, драки, толкотни при разѣздахъ изъ театровъ и баловъ. Нерѣдко являются они и въ церковь, когда тамъ идетъ особенно торжественная служба. Разодѣтый по послѣдней модѣ мошенникъ усердно молится, но его вниманіе исключительно приковываютъ золотые часы богатой женщины, прикрѣпленные къ поясу брильянтовой булавкой. Онъ какъ будто усиливаетъ усердіе къ молитвѣ, и между тѣмъ тонкая, едва замѣтная проволока, съ небольшимъ крючкомъ на концѣ, легко касается ея булавки, и въ то время, какъ мошенникъ приблизился къ ней, точно отъ внезапнаго толчка сзади, часы сосѣдки, со всѣми драгоценными украшеніями, уже у него въ карманѣ. Между англійскими мошенниками особенно громкую славу стяжали карманные воры. Если и бываютъ на лондонскихъ улицахъ происшествія въ родѣ того, что мошенникъ хватить дубиною или кистенемъ запоздалаго прохожаго, все-же это случается чрезвычайно рѣдко. Англійскіе мошенники отличаются отвращеніемъ къ крови и убійствамъ, къ которымъ они прибѣгаютъ лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, но зато въ воровствѣ они достигли виртуозности, даже

геніальности. Да и неудобна кровавая расправа на англійскихъ улицахъ, за порядкомъ въ которыхъ такъ бдительно наблюдаютъ полимены. Когда шайка воровъ рѣшается устроить большое дѣло, т.-е. ограбить магазинъ золотыхъ дѣлъ мастера, какой-нибудь складъ товаровъ или другое заведеніе, основательно охраняемое, они дѣйствуютъ по правиламъ акціонерныхъ обществъ: складываются по двѣсти-триста руб. съ человѣка и принимаются за мошенничество, какъ за серьезное предпріятіе.

Но если мошенники доводятъ свое ремесло до совершенства, то и поимка ихъ обратилась теперь въ настоящую науку. Нужно замѣтить, что англичане издавна отличаются страстью къ охотѣ, но нѣтъ добычи, которую бы они преслѣдовали съ большимъ рвеніемъ, остроуміемъ и находчивостью, чѣмъ мошенниковъ. Замѣчательныхъ лондонскихъ сыщиковъ еще не превзошли сыщики ни одной націи. При каждой части лондонской полиціи находится нѣсколько сыщиковъ, на которыхъ возлагаютъ самыя сложныя обязанности. Человѣкъ, посвятившій себя такой обязанности, долженъ изучить до малѣйшихъ подробностей характеръ и привычки вора, его изобрѣтательность, выраженіе его физіономіи, значеніе каждой его улыбки, взгляда. Кромѣ глубокаго знанія человѣческой природы, сыщикъ долженъ обладать необыкновеннымъ присутствіемъ духа для того, чтобы никогда не выдать себя ни жестомъ, ни словомъ. Ему необходимо приучить себя къ неутомимой дѣятельности и даже развить въ себѣ способности актера. Ему приходится играть всевозможныя роли, переодѣваться въ костюмы различныхъ сословій англійскаго народа и различныхъ національностей.

Въ одномъ изъ складовъ украли однажды огромное количество дорогихъ матерій. Оказалось, что въ трактирѣ, гдѣ останавливались мясники, пріѣзжавшіе изъ провинціи, мошенники устроили складъ ворованныхъ вещей. Одинъ изъ сыщиковъ переодѣвается мясникомъ и является въ трактиръ, заявляя, что ему необходимо добыть себѣ мѣстечко въ столицѣ и простодушно обращается къ присутствующимъ, упрашивая ихъ хлопотать за него при случаѣ. Его засаленная одежда, неповоротливость, застѣнчивость, жирно-напомаженные волосы, все это подтверждало что онъ тотъ самый, за кого себя выдаетъ. Скоро новаго мясника полюбила вся компанія мошенниковъ, посѣщавшая трактиръ. Онъ такъ простодушно рассказывалъ имъ о диковинкахъ, которыя онъ видалъ въ Лондонѣ, такъ отъ души заставлялъ смѣяться надъ своимъ невѣжествомъ новыхъ товарищей, выглядѣлъ такой простофилей, такъ уморительно по-деревенски пѣлъ и плясалъ передъ ними, что они совершенно довѣрились ему и нисколько съ нимъ не стѣснялись. Между тѣмъ простодушный мясникъ, поплясывая и распѣвая, не только узнаетъ потаенную комнату, куда прячутъ мошенники свои вещи, но открываетъ многія другія преступленія, совершенныя ими. Наконецъ, выслѣдивъ главныхъ воровъ и узнавъ, откуда достались имъ краденныя вещи и кому онѣ передавались, сыщикъ-мясникъ даетъ знать полиціи, когда она лучше можетъ накрыть шайку мошенниковъ.

Одѣтый не въ форменное, а въ обыкновенное платье джентльмена, сыщикъ спокойно прогуливается по улицамъ и наблюдаетъ все, что дѣлается вокругъ: не дымитъ-ли гдѣ труба не въ обыденное время, не выходитъ-ли кто изъ подозрительнаго для него дома. Вдругъ онъ замѣчаетъ, что въ одной изъ трубъ дома показалась струйка дыма, а затѣмъ на улицу выбѣгаетъ какой-то поваръ. Агентъ подходит къ нему, проситъ его сжарить ему котлету, говоря, что только-что пріѣхалъ изъ провинціи и боится ѣсть что нибудь въ гостиницѣ, наслышавшись, что въ столицѣ прекрасныя кушанья готовятъ изъ плохихъ матеріаловъ. «Въ это время, сэръ, въ частныхъ домахъ нѣтъ огня». — «Но изъ дома, изъ котораго вы вышли...»

—«Господа сами себя что-то готовят».—Но этого для агента еще мало: он подстерегает горничную, которая выходит из того же дома, расспрашивает ее о дороге, говорит ей, что хочет нанять комнату, спрашивает ее, не уступят ли ему жильцы небольшого помещенія, и мало-по-малу узнает все, что ему нужно. Тогда уже съ полной увѣренностью он стучитъ въ дверь и на отказъ осторожнаго вора впуститъ его для какихъ-то переговоровъ прямо говорить: «я васъ арестую именемъ королевы».

Слѣдственные агенты командируются иногда открывать воровства чрезвычайно запутанныя. Воръ не оставилъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда, но опытность агента слѣдственной полиціи прямо указываетъ ему путь, совершенно невозможный для обыкновеннаго человѣка. Въ гостиницѣ опустошили чемоданъ одного путешественника, и подозрѣвать кого нибудь не было ни малѣйшаго повода. Агентъ уже выходилъ изъ спальни, въ которой стоялъ опустошенный чемоданъ, какъ вдругъ съ ковра онъ поднялъ рубашечную пуговку. Онъ тотчасъ сравнилъ ее съ пуговками рубашекъ, оставленныхъ въ чемоданѣ, и оказалось, что она не подходила къ нимъ. Ни слова не говоря, онъ вышелъ изъ гостиницы, перемѣнилъ платье, увеличилъ баки, измѣнилъ нѣсколько фizioномію и съ пледомъ на рукахъ черезъ полчаса вошелъ въ ту же гостиницу нанимать себѣ номеръ, какъ путешественникъ, прѣхавшій съ желѣзной дороги и не подозрѣваемый слугами гостиницы, которые его только-что выпустили. Черезъ 10 минутъ онъ выходитъ изъ номера гулять, пропуская впередъ нѣсколькихъ дамъ и мужчинъ,—они не возбуждаютъ его подозрѣнія, но вотъ проходитъ молодой человѣкъ, прекрасно одѣтый, въ свѣжихъ перчаткахъ, какъ видно только что вышедшій на прогулку. Онъ какъ-бы нечаянно сталкивается съ нимъ на лѣстницѣ, проситъ у него извиненія и говоритъ ему: «вы, кажется, сэръ, потеряли пуговку», наклоняется, поднимаетъ пуговку, которая у него все время была въ рукахъ и подаетъ ее господину. Этимъ самымъ движеніемъ онъ ловко сличаетъ эту пуговку съ пуговками щеголя и безъ всякаго колебанія говоритъ роковое: «арестую именемъ королевы».—«Пожалуйста, безъ шума», отвѣчаетъ ему на это поблѣднѣвшій щеголь и безпрекословно слѣдуетъ за агентомъ. Мошенникъ знаетъ, что всякое сопротивленіе напрасно и можетъ только ему повредить, такъ какъ именемъ королевы агентъ можетъ заставить каждаго слугу поступить съ нимъ такъ, какъ это онъ найдетъ необходимымъ. Въ вокзалѣ желѣзной дороги закусываютъ дамы и мужчины; вмѣстѣ съ другими гостями также скромно сидятъ молодые люди и ждутъ заказанныхъ блюдъ. Но вотъ имъ подаютъ приборы и кушанье. Продолжая оживленный разговоръ, одинъ изъ нихъ, еле замѣтно, барабанитъ по черенку серебряной вилки; другой, точно случайно, перевортываетъ ложку, гдѣ обозначена проба; третій, въ упоръ глядя на товарища, отрицательно качаетъ головой. Молодые люди кончаютъ обѣдъ и, весело болтая, выходятъ изъ-за стола, но въ ту минуту, когда они собираются оставить залу, къ нимъ подходитъ молодой человѣкъ и, наклоняясь къ нимъ, тихо говоритъ: «вы не останетесь на гулянье и съ этимъ же поѣздомъ отправитесь въ Лондонъ. Впрочемъ, я приду съ вами проститься»... и господинъ, вѣжливо приподнимая передъ ними шляпу, исчезаетъ въ толпѣ. Черезъ полчаса раздается звонокъ, и знакомые намъ молодые люди садятся въ вагонъ. На дебаркадерѣ они дѣйствительно опять сталкиваются съ новымъ знакомымъ, т.-е. съ агентомъ, который такъ деспотически лишилъ ихъ прогулки. Они улыбаются ему, приподнимаютъ шляпы и поѣздъ мчитъ ихъ въ столицу въ то время, когда они надѣялись разгуливать по парку, рассчитывая на какую-нибудь поживу.

Несмотря, однако, на ловкость сыщиковъ и изворотливость чиновниковъ слѣд-

ственной полиціи, число воровъ и мошенниковъ въ Лондонѣ съ каждымъ годомъ все увеличивается. Какъ бы ни были искусны полицейскіе чиновники, они, при сравнительно незначительномъ количествѣ, не могутъ имѣть надзора и за 20-ю частью мошенниковъ столицы.

Лондонскій полисменъ представляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ и характерныхъ фигуръ какъ въ аристократическихъ, такъ и въ плебейскихъ улицахъ. Каждый прѣзжающій въ Лондонъ иностранецъ испытываетъ весьма пріятное впечатлѣніе, когда ему приходится имѣть дѣло съ полисменомъ. Знаменитый итальянскій патріотъ Гарибальди съ восторгомъ вспоминалъ этихъ симпатичныхъ людей въ войлочныхъ каскахъ и во время своего пребыванія въ Лондонѣ, при встрѣчѣ съ ними, всегда снималъ передъ ними шляпу въ знакъ своего уваженія. Уваженіемъ и довѣріемъ пользуются полисмены и отъ своихъ согражданъ. Попасть на службу въ полицію здѣсь не совсѣмъ легко. Для этого прежде всего необходимо имѣть рекомендацію отъ пользующейся уваженіемъ духовной особы или отъ другого лица, извѣстнаго своимъ безупречнымъ поведеніемъ; кандидатъ на эту должность долженъ быть вполне грамотнымъ, совершенно здоровымъ, имѣть вполне приличный видъ и хладнокровный темпераментъ. Но если онъ и добьется должности полисмэна, еще прежде, чѣмъ онъ приступитъ къ исполненію своихъ обязанностей, его посылаютъ въ специальную приготовительную школу, гдѣ ему объясняютъ и преподаютъ всѣ приемы его важной и деликатнаго свойства службы. Въ свободное время онъ обязательно долженъ присутствовать при судебно-полицейскихъ разбирательствахъ. Въ программу его обученія входятъ также и тѣлесныя упражненія; каждый новичекъ обязанъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, подъ руководствомъ особаго учителя, обучаться разнымъ маневрамъ въ казармахъ. Когда вся наука пройдена, полисменъ обязывается честнымъ словомъ посвящать все свое время служебнымъ обязанностямъ, не заниматься ничѣмъ постороннимъ и не позволять даже своей женѣ содержать какую нибудь лавку или вести торговлю. Затѣмъ новобранца ставятъ на менѣ оживленный участокъ, гдѣ, уже находясь на своемъ посту, онъ все еще въ продолженіе нѣкотораго времени дѣйствуетъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ приставленнаго къ нему болѣе опытнаго и старшаго полисмэна. Его одежда состоитъ изъ синихъ суконныхъ панталонъ и синей куртки, плотно застегивающейся до верха, съ стоячимъ воротникомъ, на которомъ вышиты: буква, обозначающая отдѣленіе, къ какому онъ принадлежитъ, и номеръ, подъ которымъ онъ извѣстенъ полиціи; на головѣ у него войлочная каска, предохраняющая отъ удара или отъ пораненія острымъ оружіемъ. Вооруженіе полисмэна состоитъ изъ коротенькаго жезла, въ кожаномъ футлярѣ, къ помощи котораго онъ долженъ прибѣгать только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Его главная обязанность предупреждать нарушеніе порядка на улицѣ, но онъ обязанъ удерживаться отъ излишняго вмѣшательства, которое должно проявляться лишь тогда, когда чья нибудь жизнь или имущество подвергаются опасности или когда начинается уличная ссора. Онъ присутствуетъ на сходкахъ, какъ «представитель официальной власти», но не для того, чтобы вмѣшиваться въ то, что говорится, но дѣйствовать тогда, когда дѣло дойдетъ до рукопашной расправы. Англичане оказываютъ замѣчательное послушаніе распоряженіямъ полисмэна: ему стоитъ только поднять свою маленькую палочку, не въ видѣ угрозы, а какъ символъ закона, и безконечная суетящаяся лондонская толпа мгновенно исполняетъ его малѣйшее приказаніе, зная, что оно всегда клонится къ обезпеченію спокойствія и безопасности населенія. Англійская публика не только мгновенно подчиняется его приказаніямъ, но и выказываетъ ему полное довѣріе и уваженіе: его почти всегда выбираютъ

судьбою во время ссоръ, затѣянныхъ на улицѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ѣзда экипажей такъ велика, что женщины или дѣти не рѣшаются переходить улицу, внимательный полицманъ беретъ ихъ за руку и переводитъ на другую сторону.

ЛЛОЙДЪ.

Купцы Сити.—Черная книга.

Въ Лондонѣ, въ центрѣ Сити, возвышается каменное зданіе съ портикомъ, коринтскими колоннами, фронтономъ, статуями и башнями: это лондонская биржа. Въ этомъ зданіи существуетъ бюро для тѣхъ, кто, отправляясь въ далекій путь, хочетъ застраховать свою жизнь; тутъ также страхуютъ дома и различную собственность противъ пожаровъ и кораблекрушеній, но изъ всѣхъ этихъ учреждений самое замѣчательное—«Ллойдъ», который вполне посвященъ мореплаванію и торговлѣ. Судьба очень многихъ купцовъ Сити тѣсно связана съ океаномъ. Если ночью разыгрывается юговосточный шквалъ, купцу уже грезится разореніе его семейства. Утромъ онъ бѣжитъ въ Ллойдъ, гдѣ онъ узнаетъ всѣ новости о своемъ кораблѣ. Сердце его сильно бьется, ноги подкашиваются, но, если только онъ настоящій негоціантъ, онъ ни передъ кѣмъ не выкажетъ своей слабости. Онъ спокойно раскланивается со своими знакомыми, кого нужно—забрасываетъ даже вопросами о здоровьѣ и погодѣ, между тѣмъ тысяча самыхъ тревожныхъ вопросовъ обуреваютъ его. «Что-то говоритъ телеграфъ? Какіе корабли достигли отдаленныхъ портовъ? Какіе прибыли въ Англію?» На эти вопросы и на многіе другіе онъ находитъ отвѣты уже написанными на стѣнахъ передней Ллойда. Листы и извѣщенія, выставленные въ рамкахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, представляютъ морской бюллетень за весь день. Поднявшись по высокой лѣстницѣ черезъ створчатую дверь въ огромную комнату, онъ подходитъ къ высокому пюитру, на которомъ лежитъ «черная книга»: въ ней занесены свѣдѣнія о всѣхъ погибшихъ корабляхъ. День за днемъ вы можете прослѣдить въ ней исторію кораблекрушеній всѣхъ англійскихъ кораблей. Число листовъ, покрытыхъ этими мрачными свѣдѣніями, сильно измѣняется, смотря по времени года. Лѣтомъ и въ спокойное время довольно одной или двухъ страницъ для краткаго разсказа о трагическихъ событіяхъ на морѣ, между тѣмъ какъ зимой и вслѣдъ за большими вѣтрами иногда на двѣнадцать страницахъ вы найдете перечень о несчастіяхъ и потеряхъ. Языкъ этихъ депешъ отличается необыкновенною сжатостью: имя потонувшаго корабля, мѣсто его назначенія, чѣмъ онъ былъ нагруженъ, берега, противъ которыхъ онъ исчезъ. Какъ ни умѣетъ владѣть собою англійскій негоціантъ, но руки его сильно дрожатъ, перелистывая страницы роковой книги.

Ассоціація негоціантовъ, которые такъ заинтересованы въ судьбѣ кораблей, имѣетъ своихъ агентовъ во всѣхъ частяхъ міра и во всѣхъ портахъ океана и Средиземнаго моря. Это учрежденіе снабжаетъ всѣ англійскіе журналы новостями, касающимися мореплаванія; кромѣ того оно само издаетъ ежедневную газету. Для того, кто чуждъ морскимъ предпріятіямъ, эта газета представляетъ мало интереса, но для купцовъ, судьба которыхъ связана съ мореплаваніемъ, она положительно необходима. Нѣкоторые наблюденія, собранныя въ морѣ достоверными свидѣтелями и переданныя въ нѣсколькихъ строкахъ, напр. о томъ, что такой-то корабль въ виду мыса Горна встрѣтилъ ледяныя массы, заставляютъ негоціанта быть насторожѣ и принять въ слѣдующую экспедицію различныя предосторожности. Кромѣ того такія извѣстія имѣютъ большое вліяніе на рынокъ всякій разъ, когда нужно застраховать какой-

нибудь грузъ, который долженъ пройти тѣ-же мѣста. Морское страхованіе составляетъ главный предметъ дѣятельности Ллойда. Обычай гарантировать себя болѣе или менѣе остроумными мѣрами противъ опасностей на морѣ восходитъ къ весьма древней эпохѣ. Англичане давно поняли, что въ большихъ предпріятіяхъ необходимо раздѣлить между собою рискъ и потери, иначе были бы безпрестанныя банкротства. Но что же такое Ллойдъ? Это ассоціація негоціантовъ, судохозяевъ, банкировъ и другихъ капиталистовъ, соединившихся между собою, чтобы благоприятствовать развитію мореплаванія и торговли, но особенно чтобы противиться ущербамъ, причиняемымъ моремъ. Члены этой ассоціаціи собираются въ зданіе, которое мы только что описали и которое поэтому также называется Ллойдъ.

Страхованіе товаровъ—вопросъ жизни для купца. Тотъ, кто беретъ на себя страхъ, долженъ принять во вниманіе множество обстоятельствъ: онъ ставитъ ставку противъ страшнаго игрока—противъ моря. Старъ или новъ карабль, изъ чего и кѣмъ онъ построенъ, какими товарами нагруженъ, въ какую часть свѣта и въ какое время года онъ отправляется, опытенъ-ли начальствующій имъ капитанъ, все это данныя, на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ свои расчеты. Одно изъ важныхъ обстоятельствъ—состояніе атмосферы; на него приходится этимъ людямъ постоянно обращать вниманіе. Поэтому посѣтителі Ллойда имѣютъ передъ глазами два чудесныхъ инструмента: барометръ и анемометръ, которые сами записываютъ полученные результаты, особенно анемометръ, означающій карандашемъ на бумагѣ силу и направленіе вѣтра въ каждый часъ дня и ночи. Во время бури эта невидимая рука, которая чертитъ таинственные знаки на стѣнѣ залы, переноситъ воображеніе на пиръ Валтасара, такъ какъ она тоже пишетъ рѣшеніе судьбы.

Тутъ есть особая комната, въ которой находится множество всевозможныхъ картъ на подвижныхъ рулькахъ. Слѣдующая комната занята огромною библіотекою. Въ громадной залѣ для чтенія можно найти на всѣхъ языкахъ морскіе журналы, газеты и книги, однимъ словомъ всю литературу морской торговли.

Какимъ образомъ можетъ существовать подобное учрежденіе, расходы котораго превышаютъ 10 тысячъ ф. ст. въ годъ? Ллойдъ существуетъ всего болѣе подпиской, взносами членовъ и нѣкоторыми другими доходами. Къ тому же купцы Сити имѣютъ хорошее обыкновеніе всегда жертвовать большія суммы для этого учрежденія, когда ихъ карабль благополучно достигаетъ береговъ. Ассоціація Ллойда чрезвычайно богата; часть своихъ сбереженій она употребляетъ для вспоможенія пострадавшимъ отъ кораблекрушеній, на защиту англійскихъ матросовъ и особенно на вознагражденіе людей, отличившихся въ спасеніи пострадавшихъ при кораблекрушеніяхъ.

К Л У Б Ы.

Характеръ прежнихъ клубовъ и ихъ вліяніе.—Нынѣшніе клубы.—Ихъ внѣшній видъ и замѣчательная роскошь.—Частные клубы.—«Греки и голуби.»—Страсть къ пари и къ азартнымъ играмъ.—Чѣмъ объяснить пристрастіе англичанъ къ клубамъ.—Хорошія и дурныя стороны этихъ учреждений.—Типъ «клубиста».—Его жизнь и надежды.—Клубы рабочихъ.—«Союзъ клубовъ рабочихъ» и его огромное значеніе.—Клубы работницъ.

Ни въ одной европейской столицѣ нѣтъ ничего подобнаго англійскимъ клубамъ: это самая характерная особенность Лондона. Эти клубы прежде всего даютъ понятіе о странѣ, давно привыкшей пользоваться свободными учреждениями, граждане которой и въ мелочахъ не поступятся своими оригинальными правами, при-

вычками, а главное—своею независимостью въ самомъ полномъ и широкомъ смыслѣ слова. Клубы въ Англіи существуютъ давно; устраивать ихъ прежде всего заставило желаніе каждаго англичанина какъ можно тѣснѣе сближаться съ людьми, сходными по своимъ убѣжденіямъ, наклонностямъ и характеру. Въ исторіи клубовъ мы находимъ и исторію англійскаго національнаго характера, и постепенный ходъ его развитія. Въ характерѣ прежнихъ клубовъ болѣе замѣтно веселое, остроумное настроеніе старой «merry England» (веселой Англіи); теперешніе клубы болѣе служатъ отраженіемъ современнаго практическаго англійскаго общества, съ его любовью къ роскоши и къ комфорту, съ его вполне сложившимися понятіями о самоуправленіи и дисциплинѣ.

Любовь къ клубу въ англичанинѣ такъ же сильна, какъ любовь къ семейству, къ отечеству, какъ и его потребность къ физическимъ упражненіямъ. Клубы въ Англіи появились вмѣстѣ съ развитіемъ свободы. До царствованія Елизаветы ихъ не существовало. Первые клубы образовались въ Лондонѣ въ вѣкъ, называемый золотымъ вѣкомъ англійской поэзіи. Вѣроятно потому первыми клубами были клубы *литературные*. Вскорѣ послѣ нихъ явились *политическіе* клубы. Весь цвѣтъ интеллигенціи стремился какъ въ тѣ, такъ и въ другіе клубы: тамъ читали еще не появившіяся въ печати вещи, разсуждали о томъ или другомъ явленіи общественной жизни. Сдѣлаться членомъ клуба было уже достаточною рекомендаціей порядочности и таланта. На другой день послѣ собранія въ клубѣ въ городѣ только и говорили о томъ или другомъ мѣткомъ словѣ, сказанномъ здѣсь, остротѣ или критикѣ. Эти первые клубы имѣли замѣчательно благотворное вліяніе: они были колыбелью свободы слова, что составляетъ нынѣ главнѣйшую отличительную черту англичанъ, содѣйствовали развитію политической свободы, развитію самобытной личности англичанина, его терпимости къ чужому мнѣнію.

Съ каждымъ годомъ число клубовъ возрастало, и скоро каждый могъ выбрать клубъ, совершенно подходившій къ его привычкамъ, склонностямъ и понятіямъ. Люди, любившіе поговорить, вступали въ «клубъ болтливыхъ»; люди невѣрующіе или сомнѣвающіеся въ религіи вступали въ «клубъ философовъ»; но въ него допускались только тѣ, которые могли словесно представить какой-нибудь серьезный доводъ, оправдывающій ихъ сомнѣніе. Какими бы причудами ни отличался человѣкъ, онъ всегда могъ найти товарищей, готовыхъ раздѣлять съ нимъ его странности. Любители птицъ собирались въ «клубъ птичниковъ», любители цвѣтовъ—въ «цвѣточномъ клубѣ», щеголи—въ «клубѣ красавцевъ», и тутъ болѣе всего говорилось о модахъ и нарядахъ; люди угрюмые и ворчливые записывались въ «угрюмый клубъ», — тамъ они ворчали противъ всего и нападали другъ на друга. Торговые люди, понесшіе потери, утѣшали другъ друга въ «несчастномъ клубѣ». Было множество такихъ клубовъ, которые отличались необыкновенными странностями. Вотъ «клубъ лганья»: его первое правило непремѣнно лгать между шестью и десятью часами вечера. Кто скажетъ хотя слово правды, платитъ штрафъ; лгать требовалось чрезвычайно искусно; за неправдоподобный и грубовымышленный разсказъ точно также брали штрафъ. Президентъ клуба сидѣлъ въ синей шапочкѣ съ краснымъ перомъ; но если кому-нибудь изъ членовъ удавалось въ продолженіе вечера сказать ложь болѣе смѣлую и замысловатую, нежели ложь президента, послѣдній уступалъ побѣдителю кресло и знакъ своего достоинства. «Клубъ безобразныхъ» пользовался огромною извѣстностью. Онъ былъ основанъ въ Кембриджѣ въ царствованіе Карла II и начался обѣдомъ, къ которому были приглашены самые безобразные люди въ городѣ. Нѣкоторые изъ приглашенныхъ уклонились отъ такой чести, тѣмъ не менѣе

клубъ скоро состоялся. За пиршествомъ, которымъ открылся клубъ, одинъ изъ студентовъ королевской коллегіи, прозванный вслѣдствіе своей невзрачности «ракомъ», принялъ званіе казначея. Выбрать президента было труднѣе, потому что всѣ отклоняли отъ себя эту честь. Никто не допускался въ члены, кто не имѣлъ какого-нибудь поразительнаго физическаго недостатка. Новоизбранный, при своемъ вступленіи, угощалъ общество закускою и произносилъ рѣчь въ похвалу Эзопа; портретъ этого горбача вмѣстѣ съ другими знаменитыми уродами украшалъ залу собранія. Не меньшую популярностью пользовался «клубъ толстяковъ»; зала этого клуба имѣла два входа: одинъ немного шире обыкновеннаго, а другой — большой, съ двустворчатыми дверями. Каждый, желающій сдѣлаться членомъ клуба, сначала проходилъ чрезъ первый входъ; если по своей тучности онъ не могъ пройти въ него иначе, какъ бокомъ, то его вели черезъ другой входъ, открывали для него двустворчатую дверь, и онъ вступалъ въ залу при громкихъ рукоплесканіяхъ и при единодушныхъ крикахъ: «здравствуй, братъ!» Въ противоположность «клубу толстяковъ» былъ «клубъ худощавыхъ», затѣмъ «клубъ рослыхъ людей», «клубъ малорослыхъ». Во всѣхъ этихъ клубахъ всегда можно было слышать разсужденія о знаменитыхъ историческихъ личностяхъ, отличавшихся черзчуръ большимъ или малымъ ростомъ, тучностью, худобою или тѣмъ или другимъ безобразіемъ, названіе котораго носилъ клубъ. Всякое горе, несчастье, неудача, безобразіе не только находили себѣ товарища, вполне сочувствующаго, но и цѣлое общество себѣ подобныхъ несчастливцевъ, которые дружно, весело, отпуская направо и налево остроты, бодро смотрѣли въ глаза зло подшутившей надъ ними природѣ. Многихъ, сильно унывавшихъ прежде и чуждавшихся общества вслѣдствіе своего безобразія, теперь ободряло сочувствіе другъ къ другу, шутовское отношеніе къ факту, а серьезныя разсужденія о знаменитыхъ историческихъ личностяхъ, страдавшихъ тѣми же недостатками, напоминали, что и имъ не закрытъ путь къ славѣ и величію.

Любовь служила также поводомъ образовывать клубы. Изъ нихъ особенно замѣчательными были: «клубъ обшитой кружевами перчатки» и «клубъ вздыхателей». Чтобы быть принятымъ въ одинъ изъ этихъ клубовъ, необходимо было написать стихи, въ которыхъ кандидатъ обязанъ былъ излить свои чувства къ любимой особѣ. Членъ этого общества, входя въ залу, прежде чѣмъ раскланиваться съ товарищами, кидался въ кресло, закрывалъ лицо руками и съ отчаяннымъ пафосомъ произносилъ что-нибудь въ этомъ родѣ: «Увы, что со мною! Я ее видѣлъ! Ничто не можетъ сравниться съ ея красотою!» Другіе ничего не произносили, но, бросаясь въ кресло и испуская глубокій вздохъ, прижимали къ груди кусочекъ ленточки, кружевъ, перчатку. Послѣ этого вступленія членъ клуба вскакивалъ и начиналъ опоражнивать рюмку за рюмкой и именно столько рюмокъ, сколько было буквъ въ имени особы, которую онъ любилъ. Былъ клубъ «освищенныхъ театраловъ». Въ члены допускались только тѣ, которые имѣли какую-нибудь неудачу на театрѣ, а именно драматическіе писатели и актеры. Чѣмъ полнѣе была неудача, чѣмъ сильнѣе былъ освищенъ актеръ или писатель, тѣмъ охотнѣе принимали его членомъ этого клуба. Президентъ общества носилъ въ петлѣ своего фрака серебряный свистокъ, составлявшій гербъ клуба.

Нынѣшніе англійскіе клубы нѣсколько измѣнились: въ настоящее время ихъ задачею являются скорѣе практическія цѣли, и въ ихъ характерѣ менѣе отражается веселое, остроумное, оживленное настроеніе прежней старой, веселой Англіи. Тѣмъ не менѣе и теперешніе клубы Англіи отличаются несравненно большею оригинальностью, чѣмъ подобныя учрежденія въ другихъ странахъ. Прежнія скромныя зданія клубовъ выросли теперь въ великолѣпные мраморные дворцы, обставленные съ баснословною

роскошью и комфортомъ. Вы найдете здѣсь клубы политическіе, дипломатическіе, литературные, финансовыя, военныя, драматическіе, морскіе, филантропическіе, клубы рабочихъ обоюго пола, клубы спортсменовъ, музыкальныя, религіозныя, клубы, члены которыхъ специально занимаются тѣмъ или другимъ искусствомъ, однимъ словомъ клубы безъ конца. Недавно устроенный клубъ «антисамоубійцы» насчитываетъ уже болѣе 300 членовъ. Ими дѣлаются люди, покушавшіеся на самоубійство. Задача членовъ этого клуба совершенно измѣнить мрачный взглядъ на жизнь меланхоликовъ, людей унылыхъ и разочарованныхъ, однимъ словомъ всѣхъ, имѣющихъ наклонность къ самоубійству. Члены этого клуба постоянно устраиваютъ всевозможныя пикники, загородныя гулянья, организуютъ путешествія и, судя по отчету, насчитываютъ съ самаго основанія этого клуба лишь трехъ рецидивистовъ, т. е. такихъ, которые все-таки въ концѣ концовъ покончили съ собой. Небольшое число рецидивистовъ заставляетъ членовъ клуба предполагать, что ихъ цѣль достигнута: они ведутъ сообща образъ жизни, исполненный здоровыхъ впечатлѣній, устраняя общими усилиями тѣ причины, которыя повели несчастныхъ къ попыткѣ на самоубійство. И дѣйствительно, это все имѣетъ весьма благотворное вліяніе на людей, еще недавно страдавшихъ отчаянной меланхоліей. Особенно быстро мѣняется здѣсь настроеніе тѣхъ, кто впалъ въ меланхолію влѣдствіе матеріальныхъ невзгодъ. Нуждающимся выдаютъ пособие изъ фондовъ клуба, доставляютъ работу, мѣсто. Средства клуба очень велики, благодаря вкладамъ нѣсколькихъ щедрыхъ жертвователей. Въ этотъ клубъ привлекаютъ наиболѣе опытныхъ врачей, которые зорко наблюдаютъ за членами, даютъ во время совѣты или отправляютъ въ больницы. Выздоровѣвшихъ меланхоликовъ члены принимаютъ снова съ распростертыми объятіями.

И теперь еще въ Англіи существуетъ немало въ высшей степени эксцентричныхъ клубовъ, напр. клубъ «вѣчныхъ странниковъ». Его члены даютъ обѣтъ въ теченіе года лишь одинъ день проводить дома. Всѣ члены клуба «фруктофдовъ» — вегетеріанцы; а вотъ и клубъ «сандалий», члены котораго разгуливаютъ въ сандаляхъ. Немало здѣсь клубовъ, члены которыхъ покровительствуютъ тѣмъ или другимъ животнымъ; члены одного изъ нихъ даютъ слово ѣздить только на осликахъ и, дѣйствительно, развѣзжаютъ въ кареткахъ, запряженныхъ четверкой маленькихъ ословъ.

Наиболѣе вліятельныя и извѣстныя изъ англійскихъ клубовъ: Карльтонъ — средоточіе консервативной партіи, клубъ Реформы — центръ либераловъ и Бруксъ, гдѣ собираются предводители либеральной партіи. Такимъ образомъ, кромѣ обычной бесѣды между знакомыми, или, лучше сказать, во время ея здѣсь затрогиваютъ наиболѣе важныя вопросы, обсуждаютъ и предлагаютъ законы, разсматриваемыя потомъ въ парламентъ и имѣющіе громадное значеніе для страны. Консерваторы и либералы учредили клубы конституціонный и національно-либеральный; цѣль того и другого не только быть дешевыми ресторанами, но и служить центромъ, гдѣ избиратели могли бы обмѣниваться взглядами, организовать свою партію и обсуждать свои дѣла. Есть еще масса другихъ клубовъ: у консерваторовъ — Консервативный клубъ, у либераловъ — Девонширскій, существуетъ Сентъ-Джемскій клубъ, клубъ «пословъ и дипломатовъ», есть, наконецъ, «клубный домъ путешественниковъ». Прежде чѣмъ сдѣлаться членомъ клуба «путешественниковъ», каждый, хотя разъ въ жизни, долженъ по крайней мѣрѣ на 500 миль отъѣхать отъ Лондона. Чѣмъ болѣе человекъ путешествовалъ, тѣмъ скорѣе примутъ его въ этотъ клубъ. Страны, имѣя посѣщенныя, путевыя приключенія, нравы жителей, встрѣча съ дикими животными — любимыя предметы разговоровъ въ этомъ клубѣ. Молодые люди, получившіе университетское

образование, обыкновенно посѣщаютъ «клубъ дебатовъ»: здѣсь преслѣдуютъ развитіе дара слова. Такіе клубы существуютъ во всѣхъ большихъ городахъ Англіи; они по большей части чужды вопросамъ политическихъ: въ нихъ разсуждаютъ о предметахъ права, нравственности, литературы. Въ одномъ изъ такихъ клубовъ былъ предложенъ вопросъ: какое чувство доставляетъ человѣку больше удовольствія—обоняніе или вкусъ? Когда молодые ораторы истощили всѣ доказательства *pro* и *contra*, говорившій въ пользу вкуса попросилъ вошедшаго слугу подать ему стаканъ пунша; онъ выпилъ его залпомъ и, поднося пустой стаканъ къ носу пріятеля, говорившаго за обоняніе, сказалъ: «а вы понюхайте и скажите, кто изъ насъ двоихъ болѣе правъ».

Еще большаго вниманія заслуживаетъ «альпійскій клубъ», девизомъ котораго служить: «кто выше взберется». Каждый членъ клуба старается принести сюда какой-нибудь осколокъ скалы съ вершины той или другой гигантской горы. Каждый изъ нихъ много разъ подвергалъ свою жизнь величайшимъ опасностямъ. Члены клуба—все смѣльчаки, приводившіе въ изумленіе даже альпійскихъ проводниковъ и охотниковъ. Тутъ только и слышишь разговоры о неприступныхъ вершинахъ, о глубокихъ пропастяхъ, глетчерахъ и узкихъ ущельяхъ.

Однако не слѣдуетъ представлять себѣ, что англійскіе клубы отличаются строгою исключительностью; такъ, напр., въ клубѣ Реформы найдется по крайней мѣрѣ нѣсколько сотъ членовъ, не только совершенно равнодушныхъ, но даже индифферентныхъ къ политикѣ. Очень многіе дѣлаются членами того или другого клуба, чтобы быть въ обществѣ и хорошо пообѣдать. И дѣйствительно, въ здѣшнихъ клубахъ можно чрезвычайно хорошо и сравнительно дешево поѣсть и при этомъ за умеренную плату пользоваться всѣми удобствами блестящаго, комфортабельнаго помѣщенія, снабженнаго превосходной библіотекой, билліардами, массою газетъ.

Нынѣшніе клубы раздѣляются на два разряда: на частные и общественные; первые устраиваются частными предпринимателями, которые, за извѣстную плату при входѣ или за опредѣленный годовой взносъ, обязываются доставлять членамъ все необходимое. Другіе основываются на счетъ нарочно для этого составившагося общества. Частные клубы называются по имени содержателя: клубъ Крокфорда, Брукса, Уайта, Будля. Членами этихъ клубовъ нерѣдко бываютъ очень извѣстныя личности въ парламентѣ и литературѣ, и, несмотря на это, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ господствуютъ не только картежныя, но даже азартныя игры.

Хотя азартныя игры и звѣрскія зрѣлища запрещены въ странѣ, но англичане всѣхъ слоевъ общества страстно любятъ посѣщать всевозможныя мѣста, гдѣ происходятъ травли крысъ, боксъ, бюро, гдѣ быются объ закладъ, и т. под. Трудно себѣ представить, до чего въ Англіи распространена страсть къ пари: не только взрослые люди быются объ закладъ, не только скачки даютъ возможность держать пари, но рѣшительно всякая малость даетъ къ этому поводъ, и даже между самыми маленькими дѣтьми распространена эта страсть. Завтракая, мальчикъ говоритъ товарищу: «угадай, сколько я стѣмъ хлѣбцевъ; будемъ биться объ закладъ на пенни». «Пари-пенни», говоритъ дѣвочка, взлѣзая на дерево, своему брату, «что въ этомъ гнѣздѣ три птенчика».

Вслѣдствіе картежной игры, въ частныхъ клубахъ можно встрѣтить особый классъ людей, которыхъ называютъ «греками», — это тоже англичане, но игроки по профессіи и люди далеко небезупречные. Свое искусство они практикуютъ на глуповатыхъ сынкахъ богатыхъ родителей, которые посылаютъ въ эти клубы своихъ дѣтей, чтобы какъ-нибудь заставить ихъ завязать связи съ знатными людьми. «Греки» завязываютъ знакомство съ этими юношами, которые въ то же время вы-

казываютъ желаніе играть, и въ началѣ нарочно проигрываютъ имъ. Дѣлаютъ это они для того, чтобы потомъ половче опутать ихъ; и дѣйствительно, эти юноши въ три, четыре года совсѣмъ увлекаются игрой и окончательно проигрываются. Молодыхъ людей, вовлеченныхъ такимъ образомъ въ игру, называютъ «голубями». Содержатели клубовъ даютъ изрядное вознагражденіе «грекамъ» за то, что они приманиваютъ въ клубъ «голубей». Показывая вначалѣ простоватому юношѣ расположеніе и дружбу, «грекъ» начинаетъ обходиться съ нимъ съ пренебреженіемъ или вовсе его не замѣчаетъ, когда съ него уже нечего взять.

Гораздо болѣе распространены клубы общественные, члены которыхъ собираютъ огромный капиталъ, нанимаютъ или строятъ домъ, пріобрѣтаютъ все необходимое для общества. Хозяйство этихъ «клубныхъ домовъ», ихъ внѣшность и убранство—все поставлено здѣсь на аристократическую ногу. Путешественника, пріѣхавшаго въ Лондонъ и посѣтившаго окрестности Сентъ-Джемскаго парка, болѣе всего поражаетъ видъ великолѣпныхъ зданій, возвышающихся въ недалекомъ разстояніи одно отъ другого и придающихъ этой части столицы характеръ богатства и величія. Но его удивленію не будетъ границъ, когда онъ войдетъ въ улицу Пель-Мелль. Тутъ дворцы слѣдуютъ за дворцами, съ богатыми колоннадами, портиками, барельефами и другими архитектурными украшеніями. Это въ одно и то же время отели, кофейни, залы, мужскіе будуары, библіотеки, кабинеты для чтенія и бесѣдъ. Болѣе другихъ поражаетъ своимъ великолѣпіемъ и грандіозностью «Карльтонскій клубъ»: колонны изъ краснаго полированного мрамора украшаютъ фасадъ его зданія, надъ которымъ сдѣлана терраса, обнесенная баллюстрадой изъ обтесаннаго камня.

Входная зала въ клубѣ Реформы вся блеститъ мраморомъ и золотомъ. Съ мозаичнаго пола поднимаются колонны шафраннаго цвѣта, поддерживающія галерею и рѣзной потолокъ. Двери изъ дорогого дерева ведутъ въ разные аппартаменты: въ залу для чтенія, въ столовую, въ уборную. Окна всѣхъ комнатъ сдѣланы изъ цѣльнаго стекла, потолки украшены фестономъ и изящными карнизами, стѣны покрыты фресками, всюду висятъ блестящія люстры, вездѣ стоитъ роскошная, удобная и подходящая къ назначенію комнаты мебель. Во второй, третій и четвертый этажи ведетъ лѣстница, на украшеніе которой строители не пожалѣли ни мрамора, ни денегъ.

Во всѣхъ клубахъ, кромѣ залъ, гостиныхъ, библіотекъ, множество и другихъ комнатъ: существуютъ особыя комнаты для карточной игры, комната, гдѣ можно брать ванну, и особые курительные аппартаменты. Одинъ клубъ истратилъ 50 тысячъ ф. ст. на устройство только одного зданія для куренія. Во всѣхъ клубамъ курительныя комнаты необыкновенно высоки и съ превосходно устроенною вентиляціею, которая дѣлаетъ массу дыма совершенно незамѣтною. Послѣ этихъ комнатъ роскошныя умывальныя, гдѣ находятся всевозможныя мыла, чтобы умыться послѣ куренія и не оставить слѣда табачнаго запаха.

Гостиныя въ большей части клубныхъ домовъ представляютъ такую роскошь убранства, что даже сами англичане считаютъ ее непомѣрною. Стѣны обтянуты парчею или бархатомъ, колонны изъ дорогого мрамора, потолки съ позолоченною лѣпною работою, полы устланы мягкими коврами. Во дворцѣ королевы Викторіи едва ли можно найти что-нибудь болѣе изящное. Библіотеки отличаются множествомъ самыхъ избранныхъ книгъ, обширностью своихъ залъ, мраморными колоннами. Въ третьемъ и четвертомъ этажѣ помѣщены бильярдныя. При постройкѣ клубовъ строители, видимо, имѣли задачей соединить въ нихъ характеръ аристократическаго замка со всѣми удобствами самыхъ лучшихъ въ мірѣ гостиницъ. Поэтому среди роскоши не забыты и кухни, которыя представляютъ верхъ совершенства по чистотѣ, по осо-

бому устройству печей, вертеловъ, по блеску и богатству кухонной посуды, по опрятности поваровъ.

Несмотря на множество клубныхъ домовъ, построенныхъ въ послѣднее время и ежегодно воздвигаемыхъ въ Лондонѣ, желающихъ сдѣлаться членами того или другого клуба гораздо болѣе, чѣмъ эго возможно. Въ каждое засѣданіе кандидаты толпами собираются въ эти дворцы. Лишь только открывается вакансія, назначается день баллотировки. Отъ выбираемыхъ въ члены джентльменовъ требуется ничѣмъ не запятнанное имя. Въ нѣкоторыхъ клубахъ достаточно одного чернаго шара на десять бѣлыхъ, а въ другихъ даже одного на все число бѣлыхъ, чтобы быть отвергнутымъ. Плата въ нихъ очень разнообразна: въ нѣкоторыхъ клубахъ каждый членъ платитъ ежегодно 300 руб. и болѣе, въ другихъ гораздо меньше, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ членскій взносъ такъ незначителенъ, что даетъ возможность и людямъ весьма небогатымъ дѣлаться членами клубовъ. Разъ джентльменъ выбранъ членомъ клуба, онъ тамъ совершенно, какъ у себя дома: читаетъ, пишетъ, работаетъ, обѣдаетъ отдѣльно отъ другихъ, а когда хочетъ, то и съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ, вступаетъ въ общій разговоръ или вѣчно молчитъ, какъ заколдованный, пользуется всѣми журналами и газетами.

Клубъ управляется комитетомъ, избираемымъ изъ среды членовъ. Внутреннее устройство клубовъ и ихъ управленіе напоминаютъ представительное правленіе Англіи. Хозяйственною частью распоряжаются сами члены, и такъ какъ запасы требуются въ большомъ количествѣ, то все покупается гораздо дешевле. Вслѣдствіе этого каждый изъ членовъ всегда можетъ имѣть по прейсъ-куранту всѣ съѣстные припасы, всѣ жизненныя потребности, всѣ литературныя произведенія и всевозможную роскошь. Вотъ почему въ этихъ клубахъ самый превосходный обѣдъ можно получить за ту же цѣну, за какую даютъ самый скверный въ лондонскихъ гостиницахъ; а ужъ разумѣется ту сервировку, которою отличаются клубные дома, рѣдко имѣютъ лучшія гостиницы. Въ ярко освѣщенныхъ столовыхъ клубныхъ домовъ все блеститъ чистымъ золотомъ и серебромъ, вездѣ разставленъ настоящий хрусталь и фарфоръ. Кушанья подаются изъ кухни посредствомъ подъемной машины.

Клубъ, за сравнительно небольшія деньги, доставляетъ членамъ возможность окружать себя замѣчательною роскошью, комфортомъ, употреблять пищу лучшаго качества и наилучшимъ образомъ приготовленную, пить отмѣнныя вина, слѣдить за всѣмъ, что выходитъ лучшаго въ литературѣ и въ наукѣ, какъ у себя, такъ и во всемъ свѣтѣ. Уже одно пристрастіе англичанъ къ комфорту и хорошему столу составляетъ многихъ изъ нихъ искать возможности сдѣлаться членомъ какого нибудь клуба.

Клубъ считается святилищемъ, тайнъ котораго нельзя нарушить безнаказанно. Дерзость или насмѣшка надъ однимъ изъ членовъ, разглашеніе разговора, происшедшаго въ клубѣ, нарушеніе довѣрія, которое, по мнѣнію англичанъ, должны имѣть другъ къ другу люди благовоспитанные, служатъ поводомъ къ исключенію. Быть исключеннымъ изъ клуба за какія-нибудь дрязги считается позоромъ между порядочными людьми. Сближеніе съ людьми, болѣе или менѣе близкими по образу мыслей, пренія по всѣмъ вопросамъ литературы и политики способствуютъ развитію краснорѣчія и поддержанію свободы слова.

Многочисленность клубовъ, существующихъ въ Англіи, показываетъ, до какой степени эти учрежденія соотвѣтствуютъ потребностямъ и характеру британца. И дѣйствительно, они какъ нельзя лучше подходятъ къ понятіямъ и нравамъ англичанъ. Никто не умѣетъ такъ строго распредѣлить своего времени, какъ англичанинъ. Онъ

чрезвычайно много работаетъ, но всегда находитъ время и отдохнуть. Въ часы, назначенные для труда, онъ работаетъ, не разгибая спины, напрягая все умственные и физическія силы, въ свободное время—онъ вполне отдается удовольствіямъ. Поэтому весь день до обѣда, т.-е. до пяти-шести часовъ, онъ занимается въ клубѣ, дома или въ конторѣ; вечеромъ онъ отдыхаетъ въ клубѣ среди товарищей, и при этомъ какой стихъ на него найдетъ, такъ онъ и проводитъ свое время: или въ оживленной бесѣдѣ, или въ самомъ глубокомъ молчаніи. Англичанинъ все любитъ дѣлать основательно: примется говорить, такъ говоритъ много и красно, а ужъ начнетъ молчать, такъ не проронитъ ни слова. Разъ онъ замѣчаетъ, что сосѣдь его собирается промолчать весь вечеръ, онъ ни за что не заговоритъ съ нимъ; точно также требуетъ онъ, чтобы и его молчаніе было уважено. Нигдѣ, кромѣ англійскихъ клубовъ, нельзя найти двухъ людей, встрѣчающихся каждый вечеръ въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ и не проронившихъ между собою ни одного слова. Скажу больше: только въ одной Англіи можно найти людей, которые встрѣчаются другъ съ другомъ десятки лѣтъ чуть не каждый вечеръ и которые не говорятъ ни о себѣ, ни о своей семьѣ. Часто, вступая между собою въ споры по поводу различныхъ вопросовъ, они болѣе чѣмъ кто-нибудь умѣютъ оставить въ тѣни свою личность. Англичанинъ чувствуетъ сильную потребность въ обществѣ, но никто лучше его не умѣетъ уединяться среди многочисленныхъ друзей. Не нарушая приличія, по понятіямъ своей страны, онъ умѣетъ отлично быть самъ собою среди огромной толпы, предаваться своимъ размышленіямъ, дѣлать все, что ему угодно, никогда не стѣсняя ни себя, ни другихъ.

Распространеніе клубныхъ домовъ породило въ англійскомъ обществѣ чрезвычайно любопытный типъ «клубиста». Для него ничего не существуетъ внѣ его клуба, и человѣкъ, не принадлежащій ни къ какому клубу, для него не человѣкъ. Онъ изъ клубнаго дома сдѣлалъ свой родной кровъ, свое гнѣздо, свое общество. Онъ только не почувствуетъ въ немъ, но зато проводитъ буквально весь день, съ девяти часовъ утра до полуночи. Тамъ онъ дѣлаетъ свой туалетъ поутру, работаетъ, получаетъ депеши, пишетъ письма, читаетъ журналы, прогуливается изъ зала въ залъ, стоитъ по цѣлымъ часамъ у окна. Такой человѣкъ скорѣе забудетъ о томъ, какъ идутъ его собственные дѣла, но зато онъ всегда знаетъ до мелочей все, что относится къ его клубу. Онъ обращаетъ вниманіе на закупки и на все хозяйственные заботы, на все смотритъ, какъ на свое личное дѣло, какъ на свой доходъ и убытокъ. Спросите его, въ какой годъ, въ какой мѣсяцъ и день бордосское вино клуба разлито по бутылкамъ, и онъ отвѣтитъ вамъ безъ заминки. Для него нѣтъ ни завтраковъ, ни обѣдовъ лучше тѣхъ, которые подаютъ ему на мраморномъ столѣ его клуба, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ; его долговременная опытность дастъ ему возможность съ точностью барометра угадывать тѣ бури и оживленные споры, которые должны будутъ возникнуть по поводу того или другого явленія, того или другого вопроса. Онъ превосходно изучилъ характеръ каждаго члена и, бросивъ только бѣглый взглядъ на собраніе, онъ въ ту же минуту угадываетъ результатъ спора и цифру большинства. Все его разговоры начинаются словами: «клубъ полагаетъ», «клубъ желаетъ», «клубъ постановилъ». Если ему приходитъ мысль о смерти, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что кто-нибудь изъ членовъ позаботится о его погребеніи, что имя его будетъ красоваться въ клубѣ на доскѣ въ спискѣ «опочившихъ»: это его эпитафія, надгробное слово, въ этомъ все его тщеславіе.

Самые образованные люди страны считаютъ учрежденіе и распространеніе клубовъ наиболѣзньшимъ усовершенствованіемъ общественной жизни. Клубы даютъ воз-

возможность жить хорошо, дешево и беззаботно. Наслаждаясь всеми выгодами цивилизации и самой комфортабельной житейской обстановкой, членъ клуба не имѣетъ нужды надзирать за слугами, заботиться о хозяйствѣ. Въ клубѣ онъ можетъ вести жизнь такую независимую, какаѣ невозможна даже въ семействѣ, а англичанинъ прежде всего цѣнитъ въ жизни независимость. Онъ обѣдаетъ въ клубѣ, когда и какъ хочетъ, пользуется обществомъ, которое не налагаетъ на него никакихъ обязательствъ; ни визитовъ, ни пріемовъ у себя и соединенныхъ съ этимъ расходовъ. Наиболее гуманные люди страны находятъ плодотворное вліяніе клубовъ въ томъ, что они постепенно сближаютъ людей различныхъ классовъ общества. Если теперь вы видите у камина клуба въ одушевленной бесѣдѣ епископа вмѣстѣ съ простымъ викаріемъ англійской церкви, ученаго, художника, литератора подлѣ пары королевства, то это сближеніе произошло прежде всего вслѣдствіе распространенія клубовъ. Сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, эти люди, столь различные по положенію, не могли сидѣть вмѣстѣ, не могли безъ особенной нужды вести общую бесѣду; тогда одна мысль о такомъ сближеніи была уже признакомъ скорого и бѣдственнаго общественнаго переворота. Постоянное сближеніе между джентльменами всевозможныхъ политическихъ отгѣнковъ нѣсколько сбило спѣсъ, которою такъ отличалось дворянство старой Англіи.

Однако многія женщины недовольны существованіемъ клубовъ, въ которыхъ мужчины проводятъ большую часть своего свободнаго времени. Увлечшись клубами, говорятъ онѣ, мужчины все холоднѣе и равнодушнѣе относятся къ семейнымъ интересамъ, къ женѣ и дѣтямъ. Но самое серьезное и основательное обвиненіе заключается въ томъ, что клубы такъ удовлетворяютъ неженатыхъ людей, что у нихъ является наклонность вѣчно вести холостую жизнь.

Чрезвычайно много клубовъ и у рабочаго класса; во всей Англіи ихъ насчитываютъ теперь болѣе 4.000, а всѣхъ членовъ въ нихъ 2 милліона. Прежде чѣмъ познакомить съ ними читателей, необходимо дать понятіе объ очень оригинальномъ учрежденіи, о «союзѣ англійскихъ клубовъ». Изъ четырехъ тысячъ клубовъ для простонародья 600 объединены въ одинъ общій союзъ, который называется «союзомъ англійскихъ клубовъ». Число членовъ въ этихъ объединенныхъ клубахъ достигаетъ 200.000 ч. Главное управленіе этимъ союзомъ находится въ Лондонѣ и помѣщается въ собственномъ домѣ. Этотъ «союзъ клубовъ» образовался съ цѣлью помогать рабочимъ организовать все большее количество клубовъ. Съ нашей точки зрѣнія кажется, что четыре тысячи клубовъ—огромное число, но наиболѣе разумные англійскіе рабочіе находятъ, что ихъ въ этой странѣ все еще недостаточно, что, давая возможность трудящимся классамъ встрѣчаться въ нихъ для бесѣдъ, для отдыха и пополненія умственнаго развитія, клубы приносятъ такую громадную пользу рабочему люду, что необходимо употреблять всѣ усилія, чтобы постоянно увеличивать ихъ число.

Вотъ этою цѣлью специально и задается «союзъ англійскихъ клубовъ». И дѣйствительно, за 20 л. своего существованія путемъ митинговъ и всевозможныхъ брошюръ «союзу» удалось организовать свыше тысячи клубовъ. Когда тотъ или другой клубъ выразитъ желаніе присоединиться къ «союзу», всѣ его члены должны единовременно уплатить по 5 шиллинговъ и затѣмъ ежегодно дѣлать взносы въ томъ же размѣрѣ. Далеко не каждый рабочій можетъ уплатить 5 шиллинговъ, тѣмъ болѣе что на каждомъ изъ нихъ лежатъ и другіе взносы, но большая часть клубовъ стремится къ объединенію въ «союзъ», такъ какъ англійскіе рабочіе теперь вполне понимаютъ выгоду, которую даетъ имъ такое объединеніе.

Англичане уже издавна чувствуютъ склонность къ объединенію, такъ какъ всякій союзъ представляетъ силу; къ тому же и выгоды, доставляемыя «союзомъ» от-

дѣльнымъ клубамъ, вступившимъ въ него, весьма цѣнны для рабочихъ. «Союзъ» выдаетъ членамъ присоединеннаго къ нему клуба билеты, что доставляетъ привилегію почетнаго членства въ всѣхъ клубовъ союза. Союзъ подаетъ указанія клубамъ относительно веденія отчетности, даетъ имъ разнаго рода юридическіе совѣты и является въ качествѣ третейскаго судьи по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, возникающимъ среди нихъ. Кромѣ того, союзъ организовалъ «подвижную библіотеку», изъ которой каждое лицо, состоящее членомъ въ клубѣ, принадлежащемъ къ союзу, можетъ брать книги бесплатно на 6 недѣль; онъ также снабжаетъ свои клубы волшебными фонарями, фотографіями для туманныхъ картинъ,—все это или бесплатно, или за очень ничтожное вознагражденіе. Мало того,—чтобы доставить членамъ клубовъ, примкнувшихъ къ нему, здоровыя и полезныя развлеченія, союзъ организуетъ всевозможныя экскурсіи подъ руководствомъ опытныхъ людей. Обыкновенно эти экскурсіи устраиваются или по субботамъ послѣ полудня, или по воскресеньямъ, когда рабочіе освобождаются отъ работы. Такимъ образомъ съ должными объясненіями были недавно осмотрѣны: —злата община, вестминстерское аббатство, типографія распространенной газеты и многое другое. Вообще «союзъ» старается всевозможными средствами вліять на свои клубы, подымая нравственный уровень его членовъ; для нихъ онъ устраиваетъ при клубахъ лекціи по тѣмъ или другимъ предметамъ, классы, въ которыхъ можно научиться французскому или другому иностранному языку, снабжаетъ желающихъ словарями,—однимъ словомъ его услуги неисчислимы.

Теперь познакомимся съ устройствомъ и дѣятельностью отдѣльныхъ клубовъ для рабочихъ. Ихъ главная цѣль—дать рабочимъ въ свободное время полезныя и здоровыя развлеченія и отвлечь ихъ отъ кабака и грубыхъ наслажденій. Первоначальный членскій взносъ и плата очень различны: есть клубы, гдѣ члены вносятъ единовременно отъ 20 до 25 коп., а затѣмъ ежемѣсячно по 12—15 коп., но есть и клубы съ болѣе высокою платою. Въ такихъ клубахъ есть комната комитета, комната для бесѣдъ, умывальная комната, газетная, библіотека, зала, гдѣ читаютъ элементарныя лекціи по всѣмъ предметамъ и снабженная маленькой сценой, на которой даютъ представленія; есть и буфетъ. Конечно, тутъ нѣтъ блеска клубовъ высшихъ слоевъ общества, но всѣ комнаты чисты, хорошо освѣщены, даютъ рабочему возможность читать газеты и книги. Эти клубы имѣютъ цѣлью за умеренную цѣну доставлять своимъ членамъ все необходимое, потому что они управляются рабочими, выбираемыми самими членами; такимъ образомъ наиболѣе опытные въ дѣлѣ хозяйства члены сами хозяйничаютъ и за всѣмъ присматриваютъ. Днемъ посѣтителей въ рабочихъ клубахъ бываетъ очень немного, но вечеромъ ихъ собирается множество, и большинство въ рабочей одеждѣ. Они читаютъ здѣсь газеты, книги, курятъ, разговариваютъ о своихъ дѣлахъ, спорятъ о политикѣ, а въ большой залѣ почти всегда происходятъ пренія по какому-нибудь политическому или общественному вопросу, а иногда вмѣсто этого идутъ театральныя представленія. Нерѣдко клубы рабочихъ посѣщаютъ гости—американскіе и германскіе рабочіе, или люди, сочувствующіе рабочему классу; ихъ немедленно окружаютъ хозяева, т.-е. англійскіе рабочіе, и разспрашиваютъ ихъ о положеніи рабочихъ на ихъ родинѣ. По воскресеньямъ рабочіе болѣе всего посѣщаютъ свои клубы, и въ нихъ почти всегда въ такіе дни читаютъ лекціи о какомъ-нибудь интересномъ для рабочаго люда предметѣ. Хотя клубы рабочихъ—учрежденіе сравнительно новое, но и теперь уже замѣчено, что они оказываютъ огромное вліяніе на уменьшеніе пьянства, этого страшнаго бича рабочихъ кварталовъ Лондона, но особенную пользу они приносятъ холостымъ, которые имѣютъ теперь мѣсто, гдѣ преклонить голову и провести пріятно и полезно свободное время.

Много устроено здѣсь клубовъ и для рабочихъ дѣвушекъ. Плата, взимаемая съ членовъ, весьма не значительна, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ недѣлю платятъ 10—15, въ другихъ 20—30 к. За очень бѣдныхъ плату вноситъ совѣтъ клуба, но состоять членомъ бесплатно рѣдко кто соглашается: англичане, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, находятъ, что даровая помощь унижаетъ человеческое достоинство.

Почти во всѣхъ подобныхъ клубахъ существуютъ вечерніе классы: желающіе могутъ выучиться здѣсь ариметикѣ, грамматикѣ, рукодѣлію, кройкѣ, шитью, бухгалтеріи. Кромѣ вечернихъ классовъ, въ каждомъ женскомъ клубѣ, какъ и въ мужскомъ, можно слушать лекціи по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Нѣкоторыя работницы предпочитаютъ «бесѣду». Это устраивается такимъ образомъ: нѣсколько дѣвушекъ, подъ руководствомъ опытнаго наставника, пишутъ сочиненіе на предложенную тему. Написанное прочитываютъ вслухъ, при этомъ, какъ наставникъ, такъ и каждая желающая дѣлаютъ замѣчанія, и всѣ собравшіеся ведутъ пренія.

Всѣ эти занятія вовсе не обязательны, и дѣвушки черезчуръ, утомленные дневною работою, могутъ проводить вечера въ полнѣйшемъ отдыхѣ, въ забавахъ, играхъ или только смотрѣть на нихъ, читать въ библіотекѣ книги и газеты, либо пересматривать гравюры и альбомы. Болѣе всего работницы любятъ танцы, и почти во всѣхъ клубахъ разъ въ мѣсяць устраиваютъ танцевальныя вечеринки, на которыя приглашаютъ и мужчинъ; въ остальное время дѣвушки танцуютъ только между собой. Въ этихъ клубахъ устраиваются также отъ времени до времени концерты и драматическія представленія. Мало того, при нѣкоторыхъ клубахъ «для рабочихъ дѣвушекъ» существуютъ даже «лѣтнія колоніи», куда во время лѣта отправляютъ для поправленія здоровья болѣе слабыхъ; при этомъ за ихъ содержаніе взимаютъ самую ничтожную плату.

РЕЛИГІЯ АНГЛИЧАНЪ.

До XVI-го столѣтія англичане исповѣдывали римско-католическую религію, и богослуженіе у нихъ совершалось на латинскомъ языкѣ. Въ 1547 г. на престолъ вступилъ Эдуардъ VI, расположенный къ протестантству. Онъ ограничилъ права католическихъ служителей церкви, между тѣмъ какъ протестанты могли проповѣдывать свое ученіе совершенно свободно.

По смерти Эдуарда на престолъ англійскій вступила Марія, которая объявила господствующею религію римско-католическую. Протестанты при ней подвергались страшному гоненію: очень многіе изъ нихъ бѣжали съ родины; тѣ же, которые не могли никуда уѣхать, совершали свое богослуженіе тайно и собирались для различныхъ совѣщаній въ подвалахъ и погребахъ. Но Марія не долго царствовала. Въ 1559 г. на престолъ вступила Елизавета, и протестантизмъ былъ возстановленъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ, англичане, по отношенію къ религіи, пережили три періода. Но ни въ одну изъ этихъ эпохъ не было составлено особаго вѣроисповѣданія. Несмотря ни на какія нововведенія правительства въ дѣлѣ вѣры, всегда оставались приверженцы старой религіи. Если нѣкоторые и измѣнили въ чемъ-либо свои религіозныя убѣжденія, зато во многомъ другомъ никакъ не хотѣли отстать отъ прежняго вѣроисповѣданія. Вслѣдствіе этого разномыслія образовалась та смѣсь понятій, почерпнутыхъ изъ двухъ религій—католической и протестантской, которая послѣдствіемъ вошла и въ самую религію преобразованной цер-

кви. Новая *англиканская* или *епископская церковь*, какъ господствующая въ государствѣ, была признана при Елизаветѣ, въ 1563 году.

Тридцать девять членовъ англиканскаго исповѣданія въры представляютъ такимъ образомъ смѣсь католицизма и протестантизма: такая религія была дѣломъ необходимости. Елизавета возшла на престолъ послѣ смутъ преобразованія и новаго обращенія къ католицизму. Ей нужно было примирить враждебныя другъ другу партіи, изъ которыхъ каждая хотѣла взять верхъ. Поэтому удержано было многое изъ католичества для приверженцевъ римской церкви, а для успокоенія протестантовъ, которые были въ это время еще въ большей силѣ, чѣмъ католики, въ новое вѣроученіе внесено было еще болѣе протестантскихъ мыслей. Эта неопредѣленная религія породила въ непродолжительномъ времени множество самыхъ разнообразныхъ сектъ, число которыхъ въ настоящее время доходитъ до 120; явились *методисты*, *индепенденты*, *баптисты*, *квакеры*, *социніане*, и множество другихъ. Непринадлежащихъ къ англиканской церкви стали называть *нонконформистами*, *диссидентами*, или *диссентерами* (несоединившіеся, раскольники, разномыслящіе). Государственные законы признаютъ англиканскую епископальную церковь господствующею въ британскомъ королевствѣ.

Но въ чемъ же заключаются главные основы этой религіи? Прежде всего англиканская церковь совершенно не зависитъ отъ папы и признаетъ короля; своимъ главою, какъ въ свѣтскихъ, дѣлахъ такъ и въ духовныхъ, но духовная власть его ограничивается только избраніемъ и утвержденіемъ епископовъ,—догматовъ же и вообще церковнаго управленія онъ не касается. Церковное управленіе находится въ рукахъ двухъ архіепископовъ.

Англиканская религія отвергаетъ преданія церкви и считаетъ, что и одного священнаго писанія совершенно достаточно для спасенія. Таинствъ она признаетъ только два: крещеніе и причащеніе. Остальныя пять таинствъ она считаетъ простыми обрядами. Признавая причащеніе, какъ таинство, она не вѣритъ въ то, что хлѣбъ и вино, которые при этомъ вкушаютъ, прелагаются въ дѣйствительное тѣло и кровь Христа. Относительно таинства крещенія, которое признаетъ англиканская церковь, она учитъ, что крещеніе не уничтожаетъ первороднаго грѣха. Англиканская церковь не считаетъ нужнымъ молиться за усопшихъ, не позволяетъ обращаться съ молитвою къ святымъ и Богородицѣ, запрещаетъ поклоненіе иконамъ. Какъ мы уже сказали, ученіе этой церкви проникнуто противорѣчіями, вслѣдствіе подражанія то протестантской, то католической религіи. Отвергнувъ возложеніе на себя крестнаго знаменія и многіе молитвенные знаки, которые встрѣчаются въ римско-католическомъ богослуженіи, англиканская религія позволяетъ сѣнять только что воспринятаго отъ купели младенца знаменіемъ креста. Не признавая святыхъ, она назначила, однако, особые дни для поминовенія нѣкоторыхъ великихъ сподвижниковъ и мучениковъ въры. Не признавая Богородицы, ангеловъ и святыхъ, она въ то же время посвящаетъ въ честь ихъ нѣсколько дней: такъ, дни въ честь Богородицы, напр. Благовѣщеніе, въ честь архангела Михаила и всѣхъ святыхъ ангеловъ, въ честь Іоанна Предтечи, апостоловъ и евангелистовъ. Въ эти дни при богослуженіи читаютъ особенныя молитвы, въ которыхъ англиканская церковь проситъ Бога о тѣхъ или другихъ милостяхъ *ради празднуемыхъ святыхъ*. Отвергая миропомазаніе и рукоположеніе, какъ таинства, она сохранила ихъ, какъ назидательные обряды. Англиканская церковь не признаетъ исповѣди, но въ то же время предлагаетъ умирающему исповѣдать свои прегрѣшенія священнику и уполномочиваетъ своихъ служителей утѣшать отходящую душу прощеніемъ грѣховъ. Англиканская

церковь заимствовала изъ римско-католической образцы молитвъ; но у католиковъ литургія совершается на латинскомъ языкѣ, а въ церкви англиканской на языкѣ страны.

Англичане самый религіозный народъ, и это понятно: все ихъ воспитаніе съ дѣтства, а также развитіе и образованіе, какъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ высшихъ, прежде всего и болѣе всего направлено къ тому, чтобы дѣлать изъ нихъ людей религіозныхъ. Но при описаніи празднованія воскреснаго дня мы узнаемъ, что на этой религіозности англичанъ лежитъ печать чего-то напускнаго, ханжескаго и фарисейскаго. Въ религіозномъ отношеніи англичанъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни относятся къ религіи, какъ къ официальному мундиру, который необходимо носить во что бы то ни стало, у другихъ религія сдѣлалась болѣзнью, маніей; въ послѣднемъ случаѣ религіозная идея поглощаетъ все другія. Не даромъ дома умалишенныхъ въ Англіи переполнены религіозными маніаками. «Во Франціи», говоритъ одинъ писатель, «при извѣстіи о крупномъ преступленіи, говорятъ «ищите женщину», такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ онѣ всегда играютъ главную роль,—здѣсь надо искать капеллу».

СЕКТАНТЫ.

Методисты.—Баптисты.—Квакеры.—Жизнь, понятія и вѣрованія этихъ сектантовъ.

Среди англичанъ множество сектантовъ,—поговоримъ о наиболѣе оригинальныхъ изъ нихъ. Ни одна секта по своему вліянію и распространенію не можетъ соперничать съ *методистами*, которые по численности слѣдуютъ немедленно за послѣдователями господствующей церкви. Методистами же ихъ называютъ вслѣдствіе щепетильной правильности, точности и регулярности въ образѣ жизни и въ поступкахъ.

Первою своею обязанностью методисты считаютъ проповѣдь. Проповѣдники методизма большею частію не имѣютъ никакого богословскаго и часто даже общаго образованія; отъ нихъ требуется прежде всего неутомимое рвеніе, энергическій духъ миссіонерства, практическій умъ и умѣнье дѣйствовать рѣчью на массы слушателей. Женщины не лишены права проповѣдывать. Одна молодая дѣвушка 17-ти лѣтъ недавно еще привлекала своими проповѣдями огромныя толпы народа.

Существенное отличіе *баптистовъ* отъ всехъ прочихъ сектъ—особый взглядъ на обрядъ крещенія. Они проповѣдуютъ, что человѣкъ только тогда имѣетъ право принимать крещеніе, когда онъ можетъ самъ отвѣчать за свои убѣжденія, т.-е. сдѣлавшись взрослымъ. Поэтому они ждутъ совершеннолѣтія человѣка и тогда уже допускаютъ его въ часовню, гдѣ священнослужитель и креститъ его. Но это еще не все. По ихъ мнѣнію, крестить должно не иначе, какъ погружая всего человѣка въ воду, а не возливаніемъ воды на голову, какъ это дѣлается по обрядамъ католической религіи.

Что это за зданіе съ греческимъ фронтономъ и съ коринтскими колоннами, которое возвышается въ Лондонѣ на Кесингтонъ-Роодъ? Это *табернаклъ* (скинія завѣта), храмъ баптистовъ. По внѣшнему виду это зданіе можно принять за театръ, и для дополненія сходства вы здѣсь встрѣтите каждое воскресенье вечеромъ огромную толпу народа, которая гораздо раньше начала богослуженія тѣснится передъ храмомъ. Наконецъ, въ 6^{1/2} часовъ двери открываются, все бросается ко входу. Вну-

тренность храма совершенно походить на концертный залъ. Она состоитъ изъ партера, обставленнаго скамейками, и двухъ рядовъ галлерей, одна надъ другою, ярко освѣщенныхъ газовыми рожками, которые блестятъ у капителей колоннъ. Однимъ словомъ зала вовсе не отличается религіознымъ характеромъ; только огромный циферблатъ часовъ, висящій на стѣнѣ, долженъ напоминать баптистамъ скоротечность времени. Въ 7 часовъ вечера на высокой эстрадѣ появляется господинъ въ черномъ, въ обычномъ платьѣ и бѣломъ галстухѣ,—это баптистскій пасторъ. Все, какъ по мановенію жезла, смолкаетъ въ ту же минуту. Онъ затягиваетъ гимнъ, приличный дню, и нѣсколько тысячъ присутствующихъ присоединяются къ нему, и такимъ образомъ составляется чудовищный хоръ. Голоса смолкли, и наступаетъ торжественное молчаніе; всѣ подвинулись впередъ, начинается проповѣдь, обыкновенно полная неподдѣльнаго жара и краснорѣчія.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ сценъ въ храмѣ баптистовъ—крещеніе взрослыхъ, что обыкновенно происходитъ въ четвергъ вечеромъ послѣ службы. Желаящіе креститься, мужчины и женщины, стоятъ недалеко отъ каюды. Молодые дѣвушки одѣты въ длинныя бѣлыя платья, въ бѣлый кружевной чепчикъ, плотно прилегающій къ головѣ, и въ длинную пелеринку, покрывающую плечи. Онѣ стоятъ очень скромно, почти не двигаясь, и ихъ позы и костюмъ напоминаютъ статуи святыхъ въ старинныхъ церквяхъ. Мужчины въ халатахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Посреди площадки резервуаръ съ водою, при входѣ въ который становятся два духовныхъ лица этой секты; одинъ изъ нихъ сходитъ по ступенямъ въ бассейнъ. Молодая дѣвушка тоже начинаетъ спускаться въ купель. Священникъ, поддерживая ее за руку, говоритъ: «въ силу твоей вѣры и по твоему собственному желанію, крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа», и въ тоже время погружаетъ ее въ воду. Также церемонія повторяется съ другими *сестрами* и всякій разъ, какъ одна изъ нихъ, совершенно мокрая, поднимается назадъ по ступенямъ бассейна, одно изъ духовныхъ лицъ набрасываетъ ей на плечи плащъ, а назначенная для того женщина уводитъ ее тотчасъ въ сосѣдную комнату.

Основателемъ секты *квакеровъ* (называемыхъ также «общество друзей») былъ Фоксъ, родившійся въ 1624 г. Родители его были бѣдные ремесленники. Едва онъ началъ читать, какъ отецъ отдалъ его въ обученіе къ сапожнику, который держалъ небольшое стадо. Хозяинъ поручилъ ученику присмотрѣть за овцами. Одинокая пастушеская жизнь еще болѣе развила въ мальчикѣ уже прежде обнаружившуюся мечтательность. Онъ сталъ носить съ собою въ поле библію и жадно читалъ ее по цѣлымъ днямъ. Но такъ какъ онъ многого не понималъ, то нерѣдко отпраплялся въ Лондонъ, къ священникамъ, съ просьбою разрѣшить его сомнѣнія, но они вовсе не могли удовлетворить его, и онъ вынесъ отъ нихъ только крайнее недовѣріе ко всѣмъ богословскимъ преніямъ и даже къ наукѣ вообще. Однажды ему представилось, что онъ чувствуетъ въ себѣ «необычайное движеніе Святого Духа» и божественный голосъ, который повелѣвалъ ему всячески уклоняться отъ общаго растлѣнія и развращенности человѣчества. Этотъ голосъ указывалъ ему, что обращеніе къ Богу возможно только подъ условіемъ совершеннаго перерожденія. Съ этой минуты Фоксъ чувствуетъ себя призваннымъ свыше къ общественной проповѣди. Онъ усиливаетъ свои посты и молитвы, избѣгаетъ всякаго общества, и ему все чаще слышится какой-то неземной голосъ, который побуждаетъ его начать реформу, возстановить христіанство, находящееся на краю гибели. Тогда Фоксъ окончательно рѣшается бросить свое ремесло, и въ 1648 году, на 23-мъ году своей жизни, выступаетъ на общественное служеніе. Онъ преодолеваетъ всѣ препятствія, голодъ и бѣдность, прене-

брегають оскорбленіями и насмѣшками и покрывается съ ногъ до головы простою кожею. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ высказывалъ свои мнѣнія, которыя его послѣдователями до сихъ поръ считаются главнымъ основаніемъ ихъ религіи. Онъ проповѣдывалъ, что христіане должны воздавать Богу почтеніе внутреннее, духовное, основанное на исполненіи добродѣтелей, а не на обрядахъ. Истинный духъ христіанства, по его понятіямъ, состоитъ въ укрощеніи своихъ страстей и въ любви къ своимъ братьямъ. «Я васъ спрашиваю, въ какомъ обществѣ вы найдете эту чистую, *внутреннюю* религію. Въ церкви римской или въ протестантскихъ обществахъ? Всѣ эти религіи возобновленіе Іудейства: ихъ литургія, таинства, обряды—остатки церемоній іудейскихъ, уничтоженныхъ Іисусомъ Христомъ. Соблюденіемъ пустыхъ, внѣшнихъ формальностей, обрядовъ и церемоній нельзя пріобрѣсти спасенія. Протестанты и католики изгоняють изъ своей среды людей, не исполняющихъ пустыхъ формальностей и обрядовъ, не обращая вниманія, насколько они сами ведутъ честную и добродѣтельную жизнь. Они принимаютъ въ лоно свое великихъ злодѣевъ, лишь бы они выполняли внѣшніе обряды, вели внѣшнимъ образомъ порядочную жизнь и исполняли общественныя предписанія. Всѣ ихъ школы распространяють ложь и тьму, такъ какъ ихъ наука и нравственность вся основана на внѣшности,—они не учатъ, какъ жить, а изучаютъ искусство казаться. Служители Господни проповѣдуютъ только о необходимости обрядовъ, а почему? Потому что выполненіе обрядовъ составляетъ источникъ ихъ доходовъ. Уплата десятины духовенству—изобрѣтеніе дьявола: они должны слушать ученіе нравственности и въ свое время передавать его другимъ безъ всякой платы. Покупная нравственность не можетъ принести пользы. Кто не чувствуетъ въ себѣ призванія безкорыстно отдаться этому дѣлу, тотъ не долженъ браться за него. Надо возвратитъ человѣка къ его первобытной чистотѣ и простотѣ, надо прекратитъ раздоры и войну, жить въ мирѣ, распространитъ вокругъ себя полнѣйшее равенство, никому не кланяться, говорить всѣмъ *ты*, никогда не давать клятвы ни правительству, ни королю, ни частному лицу. Правила для жизни и вѣры, говорилъ онъ, не въ писаніи, а во внутреннемъ откровеніи, въ божественномъ освященіи, совершаемомъ тѣмъ самымъ духомъ, который далъ писаніе. Духъ Святой низойдетъ на истинно вѣрующаго и божественный свѣтъ освѣтитъ его; такой человѣкъ и безъ помощи священниковъ можетъ сообщать этотъ свѣтъ другимъ. Всѣ вѣрующіе должны разливать вокругъ себя лучи этого свѣта и назидать взаимно другъ друга; для нихъ нѣтъ нужды ни въ храмахъ, ни въ праздникахъ, ни въ обрядахъ, ни въ пѣнопѣніяхъ и чтеніяхъ церковныхъ, ни въ учительствѣ, ни въ крещеніи, ни въ причащеніи. Внутреннее возношеніе къ Богу и тѣсное, духовное единеніе съ нимъ—вотъ христіанское служеніе!» Фоксъ говорилъ свои рѣчи, глубоко проникнутый убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ, возвышаясь до пафоса, рыдая. Публичныя мѣста, площади и частныя дома оглашались его поученіями, и при этомъ онъ заканчивалъ всѣ свои проповѣди тѣмъ, что все, что онъ говоритъ, онъ говоритъ не отъ себя, а по внушенію божественнаго Духа.

Число его послѣдователей, особенно между сельскими классами, возрастало съ такою быстротою, что скоро возбудило опасенія. Фокса приговорили къ тюремному заключенію и угрожали ему висѣлицею, если онъ не перестанетъ проповѣдывать. Но ни угрозы, ни тюрьма не устрасили его, онъ дѣлалъ своими послѣдователями всѣхъ служителей и тюремщиковъ, и его многочисленные приверженцы купили наконецъ ему свободу. По выходѣ Фокса изъ тюрьмы число его приверженцевъ возросло еще болѣе, такъ какъ всѣ теперь смотрѣли на него, какъ на страдальца за идею. Теперь онъ уже вступалъ открыто въ состязанія съ учеными богословами, прерывалъ рѣчи

проповѣдниковъ, которые ему не нравились, и однажды вошелъ въ храмъ и открыто изложилъ передъ цѣлымъ собраніемъ свое ученіе. Священники донесли объ этомъ начальству, и его потребовали на судъ, какъ нарушителя молитвенной тишины храма. Согласно съ своими убѣжденіями о безусловномъ и всеобщемъ равенствѣ, Фоксъ явился передъ судьей въ шапкѣ на головѣ. Одинъ изъ присутствующихъ ударилъ его по щекѣ, говоря: «невѣжа, развѣ ты не знаешь, что нужно являться передъ судьей съ непокрытой головой?» Фоксъ, не выражая никакого неудовольствія на это оскорбленіе и не снимая шапки, просилъ сержанта ударить его еще по другой ланитѣ. Судья на этотъ разъ хотѣлъ только взять съ него клятву не проповѣдывать болѣе; но Фоксъ отвѣчалъ ему: «знай, мой другъ, что я никогда не призываю имени Господа всеу». Фамиллярное *ты* и упорство Фокса оскорбили судью, и онъ приговорилъ его къ заключенію въ исправительный домъ на шесть мѣсяцевъ. Однако скоро узнали, что никакая тюрьма не удерживаетъ его отъ проповѣди, и снова вызвали его на судъ. Здѣсь, вмѣсто всякихъ оправданій и отвѣтовъ, онъ произнесъ сильную рѣчь въ защиту своего ученія, которая замѣчательна особенно тѣмъ, что дала поводъ называть его и его послѣдователей *квакерами*. Когда Фоксъ заключилъ свою рѣчь словами: «трепещите передъ словомъ Божиимъ», то одинъ изъ судей сказалъ съ насмѣшкою: «смотрите, вотъ трепетатель» (*quaker*)! Впослѣдствіи это прозвище, данное въ насмѣшку, секта стала считать почетнымъ и объясняла, что «квакеры» значить: трепещущіе передъ величіемъ Божиимъ. Впрочемъ сами себя квакеры называютъ «исповѣдниками свѣта», «народомъ Божиимъ», а чаще всего «обществомъ друзей».

Судъ, видя, что ничѣмъ нельзя остановить проповѣдническую дѣятельность Фокса, рѣшилъ отдать его въ солдаты. Но по ученію Фокса ничто такъ не богоненавистно, какъ война. Тутъ, говорилъ онъ, люди, которыхъ первый долгъ любить своихъ ближнихъ, и даже враговъ, дѣлаются дикими и свирѣпыми звѣрями и напиваются кровью своихъ братьевъ. «Зачѣмъ мнѣ быть солдатомъ», сказалъ Фоксъ, когда его привели къ вербовщику солдатъ. «Я и безъ того уже воинъ, только никому не наношу смертельныхъ ранъ». И онъ громко сталъ говорить свою проповѣдь. «Какой выйдетъ изъ него солдатъ?» сказалъ вербовщикъ, и его опять заключили въ тюрьму, гдѣ непрерывно били до полусмерти, но онъ все принималъ съ благодарностью отъ своихъ палачей, говоря что они этимъ доставляютъ великую пользу его душѣ. Много разъ онъ падалъ почти бездыханнымъ подъ ударами камней, но во всѣхъ своихъ страданіяхъ никогда не падалъ духомъ.

Англія скоро наполнилась толпами его послѣдователей: землевладѣльцы, ремесленники, солдаты, священники, женщины, словомъ люди всякаго пола, возраста и званія, принимали ученіе квакеровъ.

Трудно себѣ представить, сколько гоненій и преслѣдованій вынесла эта секта. Квакеры били, сѣкли, заключали въ темницы, морили голодомъ, предавали медленной смерти; у нихъ выдергивали волосы, связывали руки и ноги, и въ такомъ видѣ выносили на поля, оставляя ихъ беззащитными жертвами дикихъ звѣрей, голода и непогоды. Но такія жестокія, безчеловѣчныя мѣры, вмѣсто того, чтобы уничтожить ту или другую секту, всегда только ее распространяли,—такъ было и тутъ. Прежде послѣдователями Фокса былъ только простой народъ, теперь въ эту секту вступали люди высшихъ классовъ, богатые, вліятельные, образованные, и съ этихъ поръ положеніе квакеровъ начинаетъ замѣтно улучшаться. Посмотримъ-же, какова ихъ жизнь и понятія въ настоящее время.

До сихъ поръ квакеры остались вѣрны вышеизложенному ученію своего проповѣдника. «Общество друзей» не требуетъ отъ своихъ членовъ никакого исповѣда-

нія вѣры. Оно имѣетъ очень мало догматовъ. Глубокое вѣрованіе въ непосредственное вліяніе Духа Святого на душу человѣка—самое характерное вѣрованіе этой секты. Названіе мѣсяцевъ и дней, по ихъ мнѣнію, происходитъ изъ языческаго источника, и потому «друзья», вмѣсто того, чтобы давать мѣсяцамъ и днямъ общепринятые названія—«январь, февраль, понедѣльникъ, вторникъ», говорятъ: первый, второй мѣсяць, первый день, второй день. Въ спорныхъ дѣлахъ и въ тяжбахъ квакеры никогда не обращаются къ общественнымъ судамъ. Смотра по важности тяжбы, они передаютъ ее на разсмотрѣніе двухъ, трехъ своихъ собратій, а иногда и большаго числа лицъ, непременно изъ своей секты. Если тяжущійся отказывается повиноваться рѣшенію третейскихъ судей, то «друзья» переносятъ дѣло на митингъ. Правдивость—первая добродѣтель квакеровъ: они вѣрятъ другъ другу на слово, никогда не употребляютъ ни клятвы, ни божбы, отказываются отъ присяги даже и тогда, когда къ этому побуждаютъ ихъ англійскіе законы. Ихъ стойкость въ этомъ отношеніи всегда была для нихъ источникомъ самыхъ жестокихъ преслѣдованій. Теперь, однако, ихъ слова принимаютъ на судъ и въ государственныхъ дѣлахъ безъ всякой присяги. Какъ при своемъ знаменитомъ проповѣдникѣ, такъ и теперь, они съ ужасомъ ратуютъ противъ войны и съ такою же силою порицаютъ всякое посягательство на свободу совѣсти. Ихъ часовни, или, лучше сказать, мѣста ихъ собраній, не имѣютъ другой роскоши, кромѣ ослѣпительной чистоты стѣнъ, необыкновенно тщательно вымытаго пола и опрятныхъ скамеекъ, на которыя садятся всѣ безъ различія званія и богатства.

У квакеровъ нѣтъ никакихъ формъ и обрядовъ при богослуженіи; они не соблюдаютъ постовъ, не существуетъ у нихъ исповѣди. Такъ какъ они утверждаютъ, что всѣ древніе символы уничтожены новымъ закономъ, то они принимаютъ только *духовное крещеніе*, и ихъ причащеніе есть только внутренній душевный актъ безъ всякаго видимаго знака. Мужчины и женщины, богатые и бѣдные, ученые и невѣжды—всѣ одинаково могутъ проповѣдывать, если только они чувствуютъ къ этому вдохновеніе. Когда они находятся въ сборѣ, каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ начать говорить проповѣдь, считаетъ своею священною обязанностью почувствовать въ себѣ присутствіе Святого Духа, а ждать этого приходится иногда очень долго. Поэтому нерѣдко огромное собраніе квакеровъ сидитъ по получасу въ глубокомъ молчаніи; но когда и послѣ этого никто не почувствуетъ въ себѣ присутствіе Святого Духа, тогда встаетъ старшина и произноситъ рѣчь, чтобы поддержать порядокъ. Послѣ этого «друзья» тотчасъ расходятся въ глубокомъ молчаніи: вотъ потому то всякое молчаливое общество въ Англійи называется квакерскимъ митингомъ.

Бракъ между квакерами совершается также безъ всякаго участія священника и безъ всякаго формализма. Когда одинъ изъ членовъ общества вздумаетъ жениться, онъ предупреждаетъ объ этомъ митингъ мужчинъ, къ которому принадлежитъ; точно также невѣста сообщаетъ объ этомъ митингу своихъ подругъ. Затѣмъ митинги спрашиваютъ согласіе у родителей, жениха и невѣсты и, когда они убѣждаются въ томъ, что бракъ этотъ совершается безъ принужденія, выдаютъ свадебное свидѣтельство.

Похороны происходятъ съ тою же простотой; никакой погребальной пышности, никакого траура; мѣсто погребенія не обозначается у нихъ не только никакихъ памятниковъ, но даже и простымъ камнемъ.

Отличительная черта характера квакеровъ—совершенное безкорыстіе. Не даромъ Кромвель, который ихъ такъ сильно притѣснялъ, говорилъ объ нихъ: «Только на эту секту я не могъ дѣйствовать гинейми; это единственные люди въ мірѣ, которыхъ нельзя подкупить ни почестями, ни деньгами». Квакеры считаютъ позоромъ полу-

чать какое бы то ни было вознаграждение за выполнение религиозных обязанностей. Своимъ бѣднымъ они подаютъ щедрую милостыню, стараясь при этомъ, чтобы она доставалась не тунеядцамъ, а беспомощнымъ старикамъ и старухамъ, и въ особенности, чтобы она шла на воспитаніе дѣтей. Когда дѣла какого-нибудь негоціанта этой секты плохи, «друзья» являються къ нему на помощь и не даютъ ему разориться. Гуманные къ людямъ, они также гуманны и къ животнымъ. «Не заставляй быка проводить борозду, которая приведетъ его въ изнеможеніе»—вотъ, между прочимъ, одно изъ правилъ ихъ ученія. И они тщательно наблюдаютъ за дѣтьми, чтобы у нихъ еще въ раннемъ дѣтствѣ не укоренилась жестокость къ животнымъ, и не дозволяютъ имъ мучить ихъ.

Лучше всего можно изучить квакера въ его домашней жизни. Громадное большинство квакеровъ—люди зажиточные. Причину своего благосостоянія они обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что ихъ съ самаго ранняго возраста научили цѣнить время, и, дѣйствительно, квакеры отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ и умѣньемъ внушить ребенку любовь къ труду, необходимость быть полезнымъ членомъ семьи. Обезпечить благосостояніе своего семейства въ глазахъ квакера не только благоразуміе, обязанность мужа и отца, но и религиозный долгъ. Несмотря, однако, на зажиточность, въ домахъ даже самыхъ богатыхъ изъ нихъ вы не найдете особенной роскоши, изящной мебелировки. Самая большая роскошь, особенно въ деревняхъ,—сады и рѣдкія растенія. Впрочемъ, тотъ, кто можетъ, держитъ карету и лошадей, но ихъ экипажи всегда безъ гербовъ.

Характерный костюмъ женщинъ: шляпа старинной формы, сѣрое или темное платье безъ всякихъ украшеній и непременно шаль, высоко заколотая. Все это иногда бываетъ изъ очень дорогой матеріи, но никогда не бросается въ глаза ни новымъ изящнымъ фасономъ, ни яркимъ цвѣтомъ. По одеждѣ иностранцы часто принимаютъ ихъ за сестеръ милосердія. Квакерши на столько же стараются уничтожить блескъ своего костюма, на сколько другія женщины стремятся обратить имъ на себя вниманіе.

Въ разговорахъ между собой «друзья» избѣгаютъ говорить объ умершихъ членахъ семьи. По ихъ мнѣнію, умершіе принадлежатъ Богу, и людямъ не слѣдуетъ ихъ тревожить. Съ подчиненными и съ прислугою они обходятся не только гуманно, но ихъ отношенія съ людьми, какъ выше, такъ и ниже ихъ стоящими, нисколько не мѣняются. Прислуга присутствуетъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, при чтеніи библіи. Спокойная, тихая семейная жизнь, гуманные отношенія между собой, ровный характеръ, душевное спокойствіе ясно отражаются на кроткихъ лицахъ квакеровъ.

«Друзья» мало заботятся о распространеніи своей секты. «Не всякій квакеръ, кто этого хочетъ», говорятъ они, и съ большою осмотрительностью принимаютъ новыхъ членовъ; поэтому общество «друзей» не только не возрастаетъ въ числѣ, но приходитъ даже въ упадокъ. Говорятъ, что нынче въ этой сектѣ образовалась новая партія, члены которой женскаго пола носятъ цвѣты и ленты, а юноши квакеры вступаютъ въ волонтеры и такимъ образомъ осмѣливаются носить оружіе. Называясь квакерами, они употребляютъ во зло довѣріе, которое приобрѣла эта секта, прижимаютъ и обманываютъ, чтобы скопить себѣ капиталъ. Эти новые квакеры, къ которымъ съ презрѣніемъ относятся настоящіе квакеры стараго закала, къ ужасу послѣднихъ встаютъ даже на собраніяхъ, когда пьютъ за здоровье королевы. Истинные же квакеры, согласно съ обычаями своей секты, всегда сидятъ въ такихъ случаяхъ. По ихъ мнѣнію, уваженіе къ людямъ должно носить въ сердцѣ, а не выражать его внѣшними знаками и словами, которые унижаютъ всякое глубокое чувство.

КАКЪ ПРОВОДЯТЪ АНГЛИЧАНЕ ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ.

Церковь и богослужение.—Уличные проповѣдники.—Небольшая перемѣна во времяпрепровожденіи воскреснаго дня.

Въ 1781 г. парламентскимъ актомъ было установлено, что «всякій домъ, открытый въ воскресенье *за плату* для удовольствія публики или увеселеній, или въ цѣляхъ обсужденія какого-либо вопроса, разсматривается какъ безпорядочный домъ, и содержатель этого дома или другія лица, виновныя въ нарушеніи воскреснаго отдыха, подлежатъ штрафу отъ 50 до 200 ф. стерл.». Притомъ преслѣдовать по этому акту можетъ каждый, и штрафъ идетъ въ пользу преслѣдователя. Отъ времени до времени появлялись, однако, то частное лицо, то общество, которое рѣшалось нарушить это предписаніе и устраивало или серію «воскресныхъ вечеровъ для народа», или какой-нибудь концертъ, лекцію, но разъ это дѣлалось хотя съ самою ничтожною платою, въ это дѣло вмѣшивалось «общество охраненія воскреснаго дня», угрожая судебнымъ преслѣдованіемъ,—и все тотчасъ же прекращалось. Хотя въ 1895 г. былъ внесенъ въ парламентъ билль о томъ, чтобы изъять отъ дѣйствія закона 1781 г. общества, устраивающія концерты и лекціи по воскресеньямъ для публики не въ цѣляхъ своего обогащенія,—но онъ былъ отвергнутъ. Потерпѣвъ неудачу этотъ билль и въ 1897 г. Такимъ образомъ англичане до сихъ поръ живутъ подъ гнетомъ этого устарѣвшаго и уже отжившаго закона.

Воскресенье—единственный день, когда англичане, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, вполнѣ отдыхаютъ и предаются обязательной скукѣ. Въ этотъ день запрещены концерты, танцы, театры; всѣ магазины и лавки закрыты крѣпко-на-крѣпко. Въ воскресенье считается неприличнымъ принимать у себя гостей или играть на какомъ бы то ни было инструментѣ, однимъ словомъ нельзя ни развлекаться, ни заниматься чѣмъ бы то ни было. Правда, англичане вообще народъ въ высшей степени религіозный, но у громаднаго большинства къ этой религіозности примѣшивается что-то лицемѣрное и ханжеское.

Въ воскресенье, при первыхъ звукахъ благовѣста, англичане отправляются въ церкви. При этомъ у каждого въ рукахъ книги: библія, молитвенникъ и собраніе гимновъ. Церквей повсюду много. Утромъ улицы еще оживлены,—народъ отправляется въ церковь, но послѣ окончанія службы онъ совсѣмъ пустѣютъ. Даже желѣзныя дороги не ходятъ до второго часа. Почта тоже бездѣйствуетъ: вы можете опустить письмо, но оно пролежитъ до другого дня. Если вы иностранецъ и не закупите въ субботу зелени, мяса, хлѣба, въ воскресенье вамъ нечего будетъ ѣсть. Въ очень многихъ семействахъ кушанья готовятъ наканунѣ и въ воскресенье подаютъ все холодное. Даже газеты не выходятъ, кромѣ трехъ-четырехъ специально воскресныхъ изданій. Кого необходимость заставляетъ выйти на улицу, тотъ идетъ тихо, пѣсколько опустивъ голову, точно желая выказать этимъ свое крайнее сожалѣніе о томъ, что обстоятельства заставили его поступиться священнымъ обычаемъ.

Утромъ въ воскресенье каждый порядочный англичанинъ долженъ непременно отправиться въ церковь, слушать проповѣдь и затѣмъ проводить весь день въ чтеніи библіи и въ назидательныхъ бесѣдахъ. И этому *заказному благоговѣнію* до самаго послѣдняго времени предавались всѣ безъ исключенія, и знатные, и простые, и богатые, и бѣдные,—никто не смѣлъ выйти изъ рамокъ почитанія этого дня, предписаннаго еще предками; только совсѣмъ еще недавно началась небольшая перемѣна въ этомъ отношеніи.

Внутренность англиканской церкви отличается необыкновенною простотою. Англиканская религія не признаетъ иконъ, а потому въ церквахъ нѣтъ священныхъ изображеній, но тутъ распространенъ обычай разрисовывать стекла въ окнахъ, которыя нѣсколько напоминаютъ иконы: на одномъ окнѣ изображено распятіе Христа, на другомъ—событія изъ Его жизни или сцены изъ Ветхаго Заветъа. Прямо противъ входа въ церковь, у стѣны, освѣщенной разрисованнымъ стекломъ, стоитъ узенькій столикъ, на которомъ блеститъ крестъ и разставлены свѣчи. Церковь наполнена скамейками. Главная часть богослуженія состоитъ въ проповѣди, и каеэдра, съ которой ихъ произносятъ, находится сбоку. На подоконникахъ очень часто стоятъ растенія и цвѣты; ими украшена каеэдра, а также красивая подставка, на которой лежитъ евангеліе (обыкновенно противъ каеэдры), а иногда и простѣйки между оконъ.

Церковная одежда здѣшняго духовенства не имѣетъ ничего общаго съ парчевой ризой нашего православнаго священника. Поверхъ обыкновенной своей одежды священникъ англиканской церкви одѣваетъ только длинный, бѣлый, съ висячими рукавами стихарь, входитъ на каеэдру, и богослуженіе начинается.

Въ большей части англиканскихъ церквей ежедневная служба состоитъ изъ чтенія избранныхъ стиховъ изъ Священнаго Писанія и пѣнія подъ звуки органа. Богослуженіе проходитъ чинно; на лицахъ присутствующихъ не замѣтно ни горячаго участія къ богослуженію, ни умиленія. Въ извѣстныя минуты молящіеся преклоняютъ колѣна, очень стройно подпѣваютъ подъ звуки органа, молятся совершенно покойно, такъ сказать разсудительно, безъ увлеченія и душевнаго порыва, но съ благоговѣніемъ и сосредоточенно: никто изъ нихъ не развлекается разглядываніемъ нарядовъ сосѣдей; каждый добросовѣтно выполняетъ свою *молитвенную обязанность*. Если въ церковь входитъ иностранецъ, ему охотно даютъ мѣсто, предлагаютъ молитвенникъ, и затѣмъ уже никто на него не обращаетъ вниманіе.

По воскресеньямъ, послѣ богослуженія, въ улицахъ, въ паркахъ, однимъ словомъ на каждой площадкѣ, гдѣ есть мѣстечко для сборища, непременно увидишь что-нибудь въ такомъ родѣ: члены того или другого общества сидятъ и поютъ молитвы; гдѣ-нибудь подъ воротами стоитъ передъ народомъ на колѣняхъ человекъ и, закрывъ глаза, завывающимъ голосомъ произноситъ молитву, а тамъ проповѣдникъ неистово бросается то въ одну сторону, то въ другую, подвигается то назадъ, то впередъ, описываетъ круги, такъ что только развѣваются фалды его сюртука, а онъ съ отчаянными жестами неистово проповѣдуетъ о вѣчной жизни. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него господинъ въ черномъ сюртукѣ, съ черной шляпой въ одной рукѣ, съ библиєю въ другой, съ зонтикомъ подъ мышкою, читаетъ ту или другую главу библии многочисленной публикѣ, его окружающей. Другой, стоя на табуреткѣ и странно жестикулируя, кричитъ: «васъ заставляютъ работать не въ мѣру, и въ то же время эти господа, которые благоденствуютъ вслѣдствіе нашихъ непомѣрныхъ трудовъ, презираютъ васъ. Почему? потому что у васъ нѣтъ круглой шляпы, перчатокъ и манжетъ... Вы не джентльмены, говорятъ они, и этого достаточно, чтобы брезгать вами... Передъ Богомъ всѣ равны—джентльмены и неджентльмены, лордъ и ремесленникъ. Онъ отличаетъ только тѣхъ, кто больше трудится, а едва ли первый трудится больше второго».—Еще бы,—кричатъ въ толпѣ.—На одномъ изъ перекрестковъ толпится полдюжины проповѣдниковъ и между ними нѣсколько проповѣдницъ. Такая компанія, прежде чѣмъ начать проповѣдь, выстроившись въ совершенномъ порядкѣ, при монономѣ пѣніи торжественнаго гимна, по парамъ, обходитъ небольшое свободное пространство, чтобы такимъ образомъ привлечь вниманіе публики. Потомъ одинъ изъ нихъ отдѣляется отъ товарищей, обращается къ народу, его окружающему, снимаетъ

шляпу, читаетъ молитву и вдругъ, простирая впередъ руки, начинаетъ выкрикивать: «Готовы ли вы? Смерть близка! Она идетъ, она здѣсь! Готовы ли вы?» Народъ слушаетъ обыкновенно каждого такого проповѣдника молча и почитательно; эта тишина происходитъ не только отъ религіознаго настроенія, но и изъ уваженія къ свободѣ публичныхъ собраний, которыхъ въ Англіи никто не стѣсняетъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собравшейся кучки толпа народа вплотную окружаетъ проповѣдника—агента общества трезвости. «Эй, ты», кричитъ такой агентъ, замѣтивъ среди толпы рабочаго въ рваной одеждѣ и навеселѣ. «Ты каждый день носишь деньги кабатчику, ѣшь впроголодь, твои дѣти еле дышатъ отъ скверной пищи, между тѣмъ твой кабатчикъ жаритъ теперь превосходный кусокъ говядины на твои же деньги. Я такой же работникъ, какъ и ты. Посмотри, у меня теплое пальто, а я едва-ли получаю больше твоего; я съ удовольствіемъ буду приближаться сегодня къ дому: меня встрѣтитъ бодрая жена, веселыя дѣти и сытный обѣдъ, а ты лишь съ проклятіями будешь тащиться къ своей конурѣ: тебя тамъ ждутъ голодъ, холодъ, упреки. Почему же ты не хочешь послѣдовать моему примѣру? Я пью одну только воду, вотъ и весь секретъ моего благополучія!» Нѣкоторые возражаютъ на это что-нибудь въ такомъ родѣ: «Ну, и пей себѣ воду, сколько хочешь!» но у другихъ при этомъ текутъ слезы по щекамъ, и они вносятъ свои имена въ предлагаемые агентомъ списки.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи стала распространяться мысль о томъ, что нѣтъ грѣха въ менѣе суровомъ соблюденіи воскреснаго дня, чѣмъ это было до сихъ поръ. И дѣйствительно, въ самое послѣднее время все болѣе увеличивается число оркестровъ, играющихъ въ паркахъ по воскресеньямъ, концертовъ, немало въ этотъ день можно найти музеевъ, картинныхъ галлерей, читаленъ, которыхъ не закрываютъ болѣе, но все это предлагается бесплатно, а если и назначается плата, то устроители уже прямо идутъ на рискъ уплатить штрафъ «обществу охраненія воскреснаго дня», если оно рѣшится ихъ преслѣдовать, или если судьи не сумѣютъ оградить ихъ отъ штрафа, такъ какъ нѣкоторые пункты закона 1781 г., въ примѣненіи на практикѣ, допускаютъ различныя толкованія. Во всякомъ случаѣ мысль о необходимости съ пользою проводить воскресный день все болѣе распространяется. Даже церковная служба кое-гдѣ начинаетъ принимать болѣе свѣтскій характеръ: нѣкоторые священники уже показываютъ въ эти дни туманныя картины, устраиваютъ бесѣды для обсужденія различныхъ полезныхъ вопросовъ, предлагаютъ угощенія: «если вы желаете покурить, приходите въ это воскресенье, въ три часа пополудни, въ церковную задъ (сообщается адресъ). Чай и табакъ къ вашимъ услугамъ», объявляетъ одинъ священникъ. Конечно, во время такихъ собраний, подъ руководствомъ пастора, молятся, поютъ гимны, но, послѣ окончанія ихъ, не возбраняется покурить и вести обычный разговоръ. Лѣтъ десять тому назадъ ни одинъ священникъ ни подъ какимъ видомъ не допустилъ бы ни того, ни другого.

Но, разумѣется, такихъ англичанъ, которые болѣе сурово празднуютъ воскресенье; чѣмъ евреи свой субботній день, пока еще несравненно больше, чѣмъ допускающихъ какія бы то ни было развлеченія.

ЖИЗНЬ АНГЛИЧАНЪ СРЕДНИХЪ И ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ ОБЩЕСТВА.

Наружность англичанъ.—Домъ и его убранство.—Порядокъ, дисциплина, чистота и комфортъ въ домашнемъ быту.—Прислуга, ея жизнь и отношеніе къ господамъ.—Гувернеры и гувернантки.—Что ѣдятъ и пьютъ въ Лондонѣ.—Англійская семья.—Воспитаніе дѣтей.—Ихъ отношеніе къ родителямъ.—Авторитетъ отца.—Англійскіе юноши.—Что такое джентльменъ.—Гостепріимство и отношеніе къ иностранцамъ.—Женщины и дѣвушки.—Ихъ значеніе и права.—Характеръ англичанъ, ихъ хорошія и дурныя стороны.

Гдѣ бы вы ни встрѣтили англичанина, какъ вышаго, такъ и среднего класса общества, вы его отличите между всѣми: онъ высокъ ростомъ, лицо у него широкое, красноватое, съ мягкими, нѣсколько отвислыми щеками, рыжими бакенбардами и голубыми, спокойными глазами: выраженіе лица гордое, самоувѣренное и рѣшительное. Изъ среднихъ и высшихъ классовъ немало попадаетъ чрезвычайно красивыхъ и представительныхъ. Вообще англичане имѣютъ обыкновенно здоровый, часто даже выхоленный видъ и что-нибудь оригинальное въ одеждѣ: у одного на головѣ крошечная шапочка, не подходящая къ его продолговатому лицу, но въ которой такъ удобно спать въ вагонѣ, другой разгуливаетъ въ шляпѣ съ огромными полями, спереди и сзади съ длинной вуалю для защиты отъ солнца лица и спины, иной наброситъ на себя курьезный плащъ со всевозможными приспособленіями, въ которомъ его не проберетъ никакой ливень. Англичанинъ, даже очень знатный, хотя одѣтъ всегда безукоризненно и по модѣ, но не терпитъ вполнѣ рабски подчиняться ей: онъ думаетъ прежде всего объ удобствѣ и о той пользѣ, которую должна принести ему одежда. Удивленные взгляды и улыбки, которые онъ встрѣчаетъ на чужбинѣ, не только не смущаютъ его, но онъ не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Куда бы онъ ни явился, онъ нигдѣ не поступится своими привычками, напротивъ, всюду внесетъ свои обычаи, однимъ словомъ онъ вездѣ у себя дома. Богатая или бѣдная, аристократка или простолюдинка, англичанка тоже всегда существо самостоятельное. По ея походкѣ, по ея манерѣ говорить и держать себя, вы видите, что она не нуждается ни въ чьей поддержкѣ, ни въ какомъ заступничествѣ. Она смѣло высказываетъ свои взгляды, со вниманіемъ относится къ чужому мнѣнію, отъ кого бы оно ни исходило, окружена уваженіемъ семьи, какъ мать и жена, и, несмотря на то, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ она находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мужемъ, она во всемъ, что касается ея лично, дѣйствуетъ какъ вполнѣ самостоятельный человѣкъ.

Каждое семейство живетъ въ особомъ домикѣ въ два, три и даже въ четыре этажа; слѣдовательно, комнаты расположены не такъ, какъ у насъ, рядомъ, а находятся въ нѣсколькихъ этажахъ. Внизу входите въ переднюю или сѣни, убранная у богатыхъ цвѣтами и статуями. Какъ бы скромны ни были доходы хозяевъ, у каждого полъ устланъ ковромъ или, по крайней мѣрѣ, клеенкой. Голый полъ безъ ковра и даже безъ клеенки—признакъ большого недостатка.

Изъ передней, составляющей по большей части первый этажъ надъ подвальнымъ, можно войти въ кабинетъ хозяина; тутъ же самая главная комната—столовая (нерѣдко она бываетъ и во второмъ этажѣ). Въ столовой прежде всего бросается въ глаза огромный каминъ, который горитъ зимою съ ранняго утра до поздняго вечера и служитъ центромъ, около котораго группируется вся семья. Здѣсь завтракаютъ, обѣдаютъ, пьютъ чай; тутъ хозяйка раздаетъ приказанія, хозяинъ, положивъ ноги

на рѣшетку камина, слушаетъ игру на фортепіано своихъ дочерей. Яркій огонь камина озаряетъ спокойныя лица всего семейства и дорогую комфортабельную обстановку. Свободная стѣна занята массивнымъ буфетомъ. Надъ каминомъ большое зеркало, которое начинается отъ самаго потолка. Зеркалъ вообще очень много, даже и при обстановкѣ сравнительно скромной: вы видите ихъ не только надъ каминомъ, но надъ шифоньерками и надъ различными шкафчиками. Во второмъ этажѣ залъ и гостиная. Мебель во всемъ домѣ массивная, тяжелая; столы загромождены иллюстраціями, изящными альбомами и художественными изданіями. Желая достигнуть наибольшаго комфорта, англичане обыкновенно слишкомъ загромождаютъ мебелью свои комнаты, что придаетъ убранству очень мало элегантности. На тѣхъ столахъ, на которыхъ не навалены альбомы, стоятъ вазы съ цвѣтами, а на окнахъ и на балконахъ ставятъ горшки съ зеленью. Въ 3-мъ этажѣ помѣщаются спальни, въ которыхъ болѣе всего сосредоточивается комфортъ и роскошь, несмотря на то, что, по англійскимъ обычаямъ, въ спальню никогда не вводятъ посторонняго человѣка. Тутъ по всей комнатѣ разостланъ тяжелый коверъ. Подлѣ кровати, съ красивымъ балдахинномъ, другой коверъ поменьше, сверху котораго — клеенка; такіе небольшіе коврики съ клеенками у всѣхъ мѣстъ, на которыхъ приходится сидѣть или стоять: у столиковъ, у туалета, у мраморнаго умывальника. Отличительная черта этихъ комнатъ—множество вещей, приспособленныхъ къ туалету; обыкновенно два умывальника съ кружками различной величины: для горячей, для теплой и для холодной воды; нѣсколько умывальныхъ чашекъ, множество фарфоровыхъ чашечекъ для щетокъ самой разнообразной формы, нѣсколько мыльницъ, графиновъ, стакановъ. Одинъ изъ этихъ умывальныхъ столовъ очень низенькій, съ огромною чашкою и такимъ же кувшиномъ для утреннихъ обливаній. Вѣшалка со множествомъ различныхъ полотенецъ; салфетки и полотенца подъ всѣми чашками и кружками. Нѣсколько паръ подсвѣчниковъ,—нѣкоторые вдѣланы въ маленькіе переносные столы на колесахъ, которые подкатываются, куда угодно. Свѣчку никогда не задуваютъ: она снабжена нѣсколькими гасильниками. У каждой свѣчки стоятъ различныхъ родовъ спички. Столики съ различными подушечками и коробочками; различныхъ родовъ ножницы, ножики, щеточки для чистки ногтей, флаконы. Все блеститъ чистотой и свѣжестью, но болѣе всего отличается строгою обдуманностью и точнымъ расположеніемъ. Въ четвертомъ этажѣ дѣтскія комнаты и помѣщенія для гувернантокъ и нянекъ. Наконецъ, если домъ о пяти этажахъ, то обыкновенно небольшія горенки подъ кровлей назначаются для ночлега близкихъ знакомыхъ или родныхъ, пріѣзжающихъ издалека.

Лѣстница, ведущая изъ сѣней въ подвальный этажъ, гораздо уже той, которая проходитъ по остальнымъ этажамъ; но и здѣсь, въ кухнѣ и въ людскихъ комнатахъ, васъ поражаетъ чистота и опрятность: полы обиты цвѣтною клеенкой, окна завѣшены кисеей, уставлены горшками цвѣтовъ. Въ комнатѣ передъ кухнею—огромный каминъ: въ немъ цѣлый день пылаетъ уголь, и прислуга, въ свободное отъ занятій время, собирается вокругъ него. У каждого служащаго въ домѣ, мужчина это или женщина, своя, строго опредѣленная, обязанность. Работа точно распределена между всѣми служащими. Каждый изъ нихъ знаетъ часъ и минуту, когда начинается его дѣло, въ чемъ именно оно состоитъ, и когда оно кончается. Въ каждомъ домѣ очень много прислуги: есть слуги, специально обязанные мести полы, топить печи, зажигать лампы, встрѣчать посѣтителей. Въ нѣкоторыхъ домахъ одному изъ слугъ ввѣряютъ такую-то комнату, другому—другую. Слуга входитъ въ комнату извѣстное число разъ: четыре, пять и много шесть разъ; утромъ онъ приходитъ, чтобы поднять шторы и занавѣсы, открыть внутреннія ставни, взять для чистки обувь и платье, принести большое ведро

горячей воды съ шерстяною подстилкою, на которую ставятъ ноги; передъ завтракомъ и обѣдомъ онъ вноситъ воду помыться, наконецъ, появляется передъ ночью, чтобы закрыть окна, постлатъ постель, приготовить ванну, переѣмнѣть бѣлье. Все это лакей дѣлаетъ съ почтительностью, молча и съ чувствомъ собственного достоинства; всѣ обязанности выполняетъ онъ съ безукоризненною точностью и минута въ минуту. Слуги въ домахъ двухъ родовъ: высшіе и низшіе. Высшіе отвѣтственны и передаютъ всѣ распоряженія господъ низшимъ; во главѣ ихъ стоитъ «butler»—для мужчинъ и старшая горничная—для женщинъ. Если грумъ явится въ грязномъ платьѣ, господинъ ему ничего не замѣтитъ, но сдѣлаетъ выговоръ бутлеру; тоже самое относительно женской прислуги.

Разстояніе, существующее между господами и слугами въ богатыхъ домахъ, громадно. Англичанинъ почувствовалъ бы полнѣйшее омерзѣніе къ господину, который кричитъ на своего лакея, топаетъ на него ногами, но также былъ бы пораженъ, если бы ему пришлось увидѣть простыя, дружескія отношенія между ними. Несмотря на то, что громадное большинство англичанъ средняго и высшаго классовъ общества состоитъ членами различныхъ благотворительныхъ обществъ для распространенія просвѣщенія среди простонародья или для облегченія его матеріальнаго положенія, несмотря на то, что они жертвуютъ громадныя деньги на эти общества и затрачиваютъ свое время, которымъ они такъ дорожатъ,—къ своему слугѣ англичанинъ до сихъ поръ еще относится совершенно, какъ къ машинѣ: холодно и равнодушно. Правда, онъ никогда не выйдетъ изъ себя, требуетъ только то, что было выговорено въ условіи; но не получивъ отъ слуги то, что ему нужно, англичанинъ знать не хочетъ своей прислуги: не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на характеръ того или другого служащаго, на его горе, болѣзнь и страданія. Если прислуга заболѣетъ, ее отправляютъ въ лѣчебницу, берутъ другую, и уже завтра никто въ семействѣ не вспомнитъ о ней, хотя бы она передъ этимъ десять лѣтъ прослужила въ домѣ. Англичане считаютъ непростительною фамиллярностью входить въ семейныя дѣла своихъ служащихъ. Англійская прислуга считаетъ въ порядкѣ вещей высокомерное отношеніе къ себѣ своихъ господъ; мало того, здѣсь нерѣдки случаи, когда прислуга отказывается отъ мѣста только потому, что хозяйка не сдѣлала строгаго выговора провинціальной горничной, которая не тотчасъ встала съ своего мѣста при ея появленіи. Прислуга необыкновенно гордится важностью и высокомеріемъ своихъ господъ. Несмотря однако на это, хозяинъ дома считаетъ долгомъ быть духовнымъ руководителемъ своей прислуги. Ясно, что такое руководство ограничивается чисто офіціальными обязанностями. Каждое воскресенье вся прислуга вереницею, женщины впереди, мужчины позади, чинно, почтительно и серьезно входятъ въ гостиную. Тутъ уже въ сборѣ все семейство. Хозяинъ громко читаетъ главу изъ Библии, затѣмъ молитву. Въ заключеніе онъ читаетъ «Отче нашъ», и всѣ присутствующіе повторяютъ за нимъ каждое слово. Затѣмъ прислуга отдаетъ хозяину глубокій поклонъ и точно также молча и почтительно возвращается къ себѣ.

Вслѣдствіе строгаго распредѣленія обязанностей у служащихъ довольно свободного времени. Нѣкоторые изъ нихъ въ Лондонѣ имѣютъ свой клубъ и посѣщаютъ различныя общества. Въ богатыхъ домахъ хозяева устраиваютъ иногда нарочно для нихъ библіотеку и особую комнату для игръ: въ шашки, въ шахматы. Послѣ обѣда прислуга имѣетъ право по очереди уходить со двора.

Тѣ же перегородки, которыя существуютъ здѣсь между прислугой и господами, вы замѣчаете между хозяевами и воспитателями ихъ дѣтей. Гувернантка завтракаетъ за общимъ столомъ съ хозяевами, но обѣдаетъ отдѣльно съ дѣтьми и пьетъ съ ними

чай. Безъ особаго приглашенія гувернантка и гувернеръ никогда не присоединяется къ семейному кругу, и къ нимъ не обращаются, какъ къ членамъ семьи. Они должны сидѣть около своихъ воспитанниковъ, не принимать участія въ общемъ разговорѣ, развѣ только въ крайнихъ случаяхъ; всѣ ихъ помысленія должны быть исключительно направлены на ихъ питомцевъ, и они должны тотчасъ послѣ завтрака отправляться съ ними въ особые апартаменты.

Утромъ всѣ пьютъ чай, который сдѣлался теперь въ Англіи національнымъ напиткомъ, такъ что англійское хозяйство немыслимо безъ огромнаго чайника и безъ пылающаго камина. У англичанъ вмѣстѣ съ утреннимъ чаемъ сервированъ завтракъ, на которомъ присутствуютъ съ своей гувернанткой и дѣти постарше; самыя же маленькія дѣти и въ это время остаются въ своихъ спальняхъ. Какъ для завтрака, такъ и для обѣда столъ покрытъ бѣлоснѣжною скатертью и уставленъ разнообразною посудой. Солидность и изобиліе—характерный признакъ домашняго хозяйства англичанъ. Передъ стуломъ хозяйки дома—подносъ съ высокими чашками и чайникомъ; на полу, надъ горящими углями кипитъ огромный сосудъ съ водою. Англичане скорѣе варятъ чай, чѣмъ завариваютъ его, и кладутъ его чрезвычайно много въ чайникъ. Всѣ члены семьи—дѣти, отецъ, мать являются въ полномъ туалетѣ къ чайному столу. Какъ только вошла хозяйка дома, начинается завтракъ, который походитъ на какое-то священнодѣйствіе. У каждаго свое мѣсто, разъ навсегда опредѣленное. Пройдите всю Англію съ одного конца до другого, вы найдете въ каждомъ порядочномъ домѣ каминъ съ зеркаломъ, а по обѣимъ его сторонамъ ручки для звонковъ, точно такъ же и за столомъ: съ одной стороны мѣсто хозяина, съ другой мѣсто хозяйки; направо отъ отца старшая дочь, слѣва—старшій сынъ; справа и слѣва около матери—дѣти. Какъ только семейство усѣлось, отворяется дверь, и служанка, чисто одѣтая, въ бѣломъ передникѣ и въ бѣломъ чепчикѣ, несетъ большое блюдо съ серебряною крышкою. Чуть крышка снята, распространяется пряный запахъ жареной говядины или рыбы. Между тѣмъ какъ тарелки наполняются, маленькій серебряный сосудъ съ зажаренными кусочками хлѣба (toasts) обходитъ все общество. Любимымъ завтракомъ англичанъ служатъ яйца, ветчина, телячьи котлеты и бифштексъ, у болѣе зажиточныхъ облитый соусомъ изъ шампиньоновъ. Хлѣбъ ѣдятъ бѣлый пшеничный,—черный давно исчезъ даже со стола бѣдняковъ. Послѣ основательнаго завтрака въ 9 ч. англичанинъ ничего не ѣстъ до обѣда, который у нихъ бываетъ чрезвычайно поздно, между пятью и семью часами вечера. Дѣти не могутъ такъ долго ждать, и между первымъ и вторымъ часомъ имъ подаютъ обѣдъ, состоящій изъ овощей, мясного блюда и пудинга. Мать, хотя часто и не принимаетъ въ немъ участія, но всегда присутствуетъ при этомъ, несмотря даже на то, что вмѣстѣ съ дѣтьми непременно обѣдаетъ гувернантка. Умѣнье держать себя за столомъ—наука первой необходимости для джентльмена, и потому мать не щадитъ своего времени, лишь бы выучить дѣтей въ совершенствѣ всѣмъ этимъ тонкостямъ. Каждый долженъ сидѣть за столомъ прямо, не подымать локтей, не облокачиваться на столъ, извѣстнымъ образомъ держать вилку и ножъ, брать стаканъ, подносить его ко рту; полуразвернутая салфетка должна лежать на колѣняхъ. Относительно всѣхъ этихъ приличій англичане крайне строги, и самое ничтожное отклоненіе считается признакомъ дурнаго воспитанія и низкаго происхожденія.

Передъ 7—8 ч. вечера, когда накрываютъ обѣдъ для взрослыхъ, дамы, одна за другой, отправляются въ свои спальни, чтобы переодѣться. Обычай переодѣваться передъ обѣдомъ строго придерживаются всѣ англичанки.

Супъ не считается, какъ у насъ, неизбѣжною принадлежностью обѣда: онъ

является изрядка, и его подаютъ иногда даже въ одно время съ рыбою; обыкновенно выбираютъ то или другое. Кромѣ рыбы и жаркого подаютъ много пуддинговъ, тортовъ, паштетовъ. Любимый напитокъ эль и портеръ, и эти напитки употребляютъ въ Англіи въ немовѣрныхъ количествахъ. Послѣ обѣда въ домахъ людей зажиточныхъ подается десертъ—сырые или вареные въ сахарѣ плоды. Дамы встаютъ изъ за стола раньше мужчинъ; особенно этого придерживаются, когда есть гости, и только спустя полчаса они присоединяются къ дамамъ. Но если нѣтъ гостей, послѣ обѣда вступаетъ въ свои права тихая, задушевная, семейная жизнь. У камина сидитъ отецъ съ вечернею газетою въ рукахъ; противъ него хозяйка дома съ работою или книгою, а юношество читаетъ, разсматриваетъ картинки, занимается музыкою или какими нибудь играми. Всѣ за дѣломъ, но въ это вечернее время никто не погружается на столько въ свои занятія, чтобы оставаться совсѣмъ глухимъ къ семейнымъ разговорамъ, которые во весь вечеръ не прерываются окончательно, хотя иногда и бываютъ весьма отрывочными. Во время всего вечера не потухаетъ каминъ, этотъ домашній алтарь, который въ Англіи зорко оберегаютъ боги семейнаго счастья. И дѣйствительно, каминъ служитъ въ англійскихъ семействахъ сборнымъ пунктомъ. Зимой всѣ собираются у пылающаго камина, лѣтомъ его украшаютъ свѣжими цвѣтами и зелеными вѣтками.

Въ половинѣ десятаго дѣти ложатся спать. Когда они ушли, подаютъ вино, ликеръ и бисквиты, и вечеръ заканчивается непринужденной бесѣдой между оставшимися членами семьи.

На каждомъ англичанинѣ, гдѣ бы онъ ни жилъ, лежитъ печать его національности. Француза не всегда можно отличить отъ итальянца или испанца, но англичанина трудно смѣшать съ кѣмъ бы то ни было. Въ Петербургѣ, въ Парижѣ, въ Неаполѣ, въ Берлинѣ его узнаешь между тысячами, до такой степени рѣзко выдается его типическая личность. Куда бы онъ ни явился, онъ всюду внесетъ свои обычаи, свою манеру жить, нигдѣ и ни для кого не измѣнитъ своихъ привычекъ, онъ вездѣ у себя дома. Семья и домашній очагъ имѣютъ въ глазахъ англичанина огромное значеніе, играютъ въ его жизни первую роль. Нигдѣ нѣтъ такой замкнутости семейнаго очага и въ то же время нигдѣ члены семьи не пользуются такою свободою; нигдѣ нѣтъ того порядка, комфорта, той взаимной дѣятельности на пользу семьи и общества, какъ у англичанъ.

Семья достаточнаго англичанина обыкновенно весьма многочисленна: всегда очень много дѣтей, гувернантки, гувернеры, тетушки, масса прислуги. Несмотря на это, вы не встрѣтите здѣсь ни дразгъ, ни ссоръ, ни подпольныхъ семейныхъ интригъ. Все идетъ чинно, стройно, дѣльно. Хотя въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми много патріархальнаго, но немало внесено въ ихъ семейную жизнь и здоровыхъ элементовъ.

Въ семейной жизни англичанъ сразу бросаются въ глаза двѣ въ высшей степени характерныя черты: безусловное повиновеніе отцу семейства и необыкновенно тщательное физическое воспитаніе дѣтей. Мать семейства, ея взрослые и маленькія дѣти, тетушки, племянницы, однимъ словомъ рѣшительно всѣ члены семьи преклоняются передъ волею отца семейства. Онъ заботится о доставленіи матеріальныхъ средствъ своей семьѣ, объ ея удовольствіяхъ, спокойствіи, счастіи; онъ отвѣчаетъ за нее передъ Богомъ, обществомъ и закономъ, за все это хозяинъ дома пользуется необыкновеннымъ послушаніемъ и уваженіемъ отъ своихъ домашнихъ. Его приказаніе—законъ, которое всѣми членами семьи выполняется моментально, безъ всякихъ возраженій. Между сыновьями и отцомъ здѣсь не бываетъ товарищескихъ отноше-

ній: «отецъ—не товарищъ сына», говоритъ англичанинъ, «а глава семьи и отецъ», и дѣти смотрять на него прежде всего, какъ на своего ближайшаго начальника и попечителя, и затѣмъ уже, какъ на отца. Нерѣдко, сынъ обращаясь къ отцу, говоритъ ему «сэръ».

Первою своею обязанностью въ отношеніи дѣтей родители считаютъ необходимость дать имъ самое тщательное физическое воспитаніе. Громадное, первостепенное значеніе физическому воспитанію они придаютъ потому, что, по ихъ понятіямъ, для человѣка «быть хорошою животнымъ—первое условіе успѣха въ жизни, а быть націей хорошихъ животныхъ—первое условіе національнаго благоденствія». Вотъ потому-то англійскіе поэты, медики, философы, гигиенисты, всѣ единодушно проповѣдуютъ уваженіе и наибольшее вниманіе къ тѣлу, рекомендуютъ правильное его упражненіе, постепенное и постоянное его развитіе и совершенствованіе. Идеаль, общій всѣмъ англичанамъ,—образовать сильную націю изъ крѣпкихъ и здоровыхъ отдѣльныхъ личностей. И дѣйствительно, каждый англичанинъ стремится быть атлетомъ, старается укрѣпить свои мускулы, боится тучности и толстоты, какъ позора. И теперь чрезвычайно рѣдко встрѣтишь тучнаго, ожирѣвшаго англичанина, тогда какъ сто лѣтъ тому назадъ такіе попадались на каждомъ шагѣ.

Здѣсь мало родителей, которые особенно заботятся объ умственномъ развитіи своихъ дѣтей; толчокъ къ этому, по мнѣнію англичанъ, должно дать среднее учебное заведеніе, а затѣмъ собственное стараніе каждаго подростка, но чему они придаютъ громадное значеніе, такъ это тому, чтобы вмѣстѣ съ самымъ тщательнымъ физическимъ развитіемъ дитяти, вложить въ него твердый, мужественный характеръ, простую, сильную, откровенную, честную и независимую душу.

Всѣ члены англійской семьи называютъ другъ друга «вы»; обращеніе на „ты“ изгнано изъ англійскаго языка. По ихъ понятіямъ, со словомъ „ты“ можно обращаться только къ Богу. Другая характерная черта ихъ отношеній—полнѣйшая самостоятельность дѣтей, разъ они достигли совершеннолѣтія. Родители не только не подавляютъ въ дѣтяхъ общественныхъ инстинктовъ, но стараются развитъ ихъ всѣми силами. Тутъ семейная обстановка не отталкиваетъ: здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сантиментальныхъ, пустыхъ дѣвушекъ, жизнь которыхъ посвящена только нарядамъ, чтенію пустыхъ и глупыхъ романовъ. Здѣсь нѣтъ избалованныхъ до уродливости дѣтей, нерѣдко тирановъ всей семьи; еще рѣже встрѣчаете вы самодуровъ отцовъ, которые, чтобы поставить на своемъ, портятъ жизнь своего семейства.

Хорошее физическое воспитаніе, по понятію англичанъ, заключается не только въ гимнастикѣ и физическихъ упражненіяхъ, развивающихъ тѣло и укрѣпляющихъ мускулы, но совершенно столько же и въ томъ, чтобы подготовить ребенка къ перенесенію житейскихъ невзгодъ и переменчивости климата. Онъ много плаваетъ, упражняется въ гимнастикѣ, съ самаго ранняго дѣйства влѣзаетъ на высокія деревья, мастерски скачетъ на лошади. И дѣти обоихъ половъ очень рано развиваются физически и получаютъ страсть къ опасностямъ и отважнымъ забавамъ. Но за то англійскія дѣти не привлекутъ васъ къ себѣ живыми, умными отвѣтами, которые вы встрѣтите у французскихъ дѣтей, смѣткою престопаго русскаго мальчика, черными, глубокими глазами итальянскаго ребенка, его замѣчательною остротою ума, его порывистыми движеніями, полными огня и страсти. Англійскія дѣти—это голубоглазые херувимы, откормленные, какъ бульдоги въ барскомъ домѣ. Они, даже и въ аристократическихъ семьяхъ, поспорятъ съ дѣтьми всего свѣта въ умѣнности и ловкости лазить по деревьямъ и по корабельнымъ снастямъ, въ мужествѣ, терпѣннѣи и необыкновенной способности выносить всевозможныя лишенія, физическія страданія и уто-

мленіе. Сдѣлавъ привычку съ ранняго дѣтства бороться съ товарищемъ, упражняться въ боксѣ, плавать и купаться даже въ холодное и суровое время года, править лодкой, скакать на горячемъ конѣ черезъ рвы и заборы, жить болѣе чѣмъ $\frac{3}{4}$ дня на воздухѣ, а не въ комнатѣ, англичане закаляютъ свой организмъ и очень рано готовы бороться съ житейскими невзгодами и съ тяжелымъ трудомъ.

Мать и отецъ ведутъ хозяйство съ знаніемъ дѣла. Если у нихъ большое помѣстье,—они серьезно и научнымъ образомъ изучаютъ хозяйство, напередъ точно распредѣливъ между собою, какою отраслью хозяйства займется тотъ или другой изъ нихъ. Родители сдаютъ на руки дѣтямъ не разоренныя хозяйства, а приводятъ ихъ въ наилучшій видъ. Что же касается денегъ, они ставятъ себѣ въ первѣйшую обязанность наживать ихъ, какъ можно больше, но не съ тѣмъ, чтобы передавать ихъ въ наслѣдство, а чтобы жить самимъ съ семьею съ наивозможнымъ комфортомъ. Юноши, дѣвушки, лишь только выступили на самостоятельную дорогу,—не жалѣя своихъ силъ, стараются добывать какъ можно больше денегъ. Они любятъ деньги не ради денегъ, не ради того, чтобы обезпечить свое будущее, а чтобы въ свое удовольствіе, хорошо пожить въ настоящемъ. Хорошо пить, ѣсть, имѣть собственную, комфортабельно обставленную квартиру и добрую жену—первая мечта юноши. Англичанинъ или передаетъ своему сыну прекрасно устроенное имѣніе, въ свою очередь тоже полученное имъ отъ отца, или рѣшительно ничего не оставляетъ: какъ бы ни были велики деньги, которыя онъ зарабатываетъ, онъ не конитъ ихъ для дѣтей, а усиливаетъ роскошь и комфортъ своей обстановки. Его совѣсть по отношенію къ дѣтямъ совершенно покойна; они получаютъ такое воспитаніе, которое всегда дастъ имъ возможность сначала самостоятельно заработать свой насущный хлѣбъ, а потомъ также самостоятельно устроить роскошную и комфортабельную обстановку. Въ случаѣ внезапной смерти отца, дѣти всегда получаютъ порядочный кушъ изъ какого-нибудь страхового общества, въ которое при жизни отецъ аккуратно вносилъ проценты. Да и зачѣмъ англичанину оставлять много денегъ своимъ дѣтямъ? Онъ убѣжденъ въ томъ, что деньги изнѣживаютъ человѣка въ ту пору, когда онъ только и долженъ думать о томъ, какъ бы больше пріобрѣсти новыхъ познаній, какъ бы лучше устроить себѣ свое гнѣздышко. Пока юноша не женился и не обзавелся собственнымъ домомъ, онъ долженъ во всемъ себѣ отказывать, долженъ копить, пока не скопитъ достаточно, чтобы имѣть возможность жениться. Отецъ прежде всего заботится, чтобы поскорѣ поставить сына на ноги, воспитать его здоровымъ и выносливымъ и дать ему основательныя научныя познанія. Въ 20—22 г. отецъ уже объявляетъ сыну, что съ этихъ поръ онъ совершенно свободенъ и самъ долженъ думать о себѣ. Даже и въ очень богатыхъ семействахъ, не только юношамъ, но и взрослымъ дѣвушкамъ самимъ приходится заботиться о себѣ. Молодые люди, дѣвушки и юноши, нерѣдко жившіе въ родительскомъ домѣ съ замѣчательною роскошью, въ 20—22 г. безропотно отправляются, иногда въ другую часть свѣта, самостоятельно зарабатывать свой хлѣбъ. Дѣвушки ѣдутъ гувернантками въ Америку, Индію, въ Новую-Зеландію; юноши точно также въ разные концы свѣта: конторщиками, управителями фермъ, корреспондентами, служащими въ ту или другую банкирскую контору.

Чтобы понять вполне характеръ англичанина, его предпріимчивость, рѣшимость, непреклонную желѣзную волю, которую онъ успѣваетъ такъ рано развить въ себѣ, нужно посмотреть на англійскихъ юношей наканунѣ ихъ разлуки съ родительскимъ домомъ. Они получили отъ родителей самую небольшую сумму для проѣзда и для скромной жизни въ новомъ мѣстѣ мѣсяца на два, на три. Несмотря на это, лица

ихъ дышать необыкновенной энергіей и отвагой. „Первый годъ въ конторѣ“, говоритъ одинъ изъ юношей, „мнѣ обѣщали платить 100 фунтовъ, слѣдовательно, уже тогда можно будетъ отложить фунтовъ 20. Второй годъ удвояють жалованье молодымъ людямъ, которые умѣютъ обратить на себя вниманіе, слѣдовательно на второй годъ мнѣ можно будетъ отложить еще больше. Да, я непременно долженъ откладывать“ говоритъ онъ, что-то вспомнивъ и краснѣя, „и даже въ такомъ случаѣ, если мнѣ придется самому стричь овецъ, рубить дрова, таскать воду. Я долженъ черезъ пять-шесть лѣтъ приобрести капиталъ въ тысячу фунтовъ. Я вернусь въ Лондонъ, по моимъ расчетамъ, когда мнѣ будетъ 27 лѣтъ; миссъ Мери будетъ уже тогда 24 года“... глаза его при этомъ блестятъ мужествомъ, отвагой и счастьемъ. Вы можете быть увѣрены, что эти слова не бредъ юноши: всѣ его мечты сбываются еще раньше. Какую бы тяжелую работу ни пришлось исполнять англійскому юношѣ и изъ какого бы богатаго семейства онъ ни происходилъ,—вы подумаете, что онъ привыкъ къ этой работѣ съ ранняго дѣтства. Вотъ эта-то подготовленность ко всякому дѣлу, несмотря на комфортабельную обстановку и роскошь въ родительскомъ домѣ, самая характерная черта англійскихъ семействъ.

Покидая родительскій кровъ, въ которомъ юноша такъ безмятежно прожилъ всю жизнь, уѣзжая съ родины одинъ на другой конецъ свѣта, гдѣ онъ не имѣетъ ни одной знакомой души, гдѣ ожидаетъ его неизвѣстное будущее, онъ никогда не разрыдается. Да и какое право онъ имѣетъ на отчаянье? Участь его старшихъ сестеръ и братьевъ была такая-же, тоже будетъ съ младшими членами его семьи,—смѣетъ ли онъ роптать на судьбу за то, что, наконецъ, пришла и его очередь! Вся многочисленная семья проводить съ нимъ весь день наканунѣ отъѣзда. Отецъ даетъ совѣты, рассказываетъ объ условіяхъ жизни, которыя ждутъ его въ чужой странѣ. Всѣ члены семьи веселы, сестры острятъ по поводу тѣхъ или другихъ приключеній, которыя могутъ съ нимъ случиться. Минута отъѣзда торжественна: всѣ лица серьезны, но никогда не происходитъ раздирательныхъ сценъ; отецъ холодно прощается съ отъѣзжающимъ, сынъ почтительно пожимаетъ ему руку, но безъ особенной нѣжности, мать онъ обнимаетъ; подходя къ миссъ Мери, онъ крѣпко пожимаетъ ей руку и, краснѣя, спрашиваетъ ее: «увидимся ли мы съ вами, миссъ Мери, здѣсь черезъ пять-шесть лѣтъ?» — «Да, я буду васъ ждать», отвѣчаютъ ему просто, безъ всякаго жеманства. И миссъ Мери твердо помнитъ свое слово: она много лѣтъ ждетъ юношу, котораго она любила, ждетъ его безъ всякихъ укоровъ, даже безъ малѣйшей тѣни страха и сомнѣнія. Въ долгіе годы разлуки ей никогда не придетъ въ голову, что женихъ можетъ ее обмануть: это бываетъ здѣсь такъ рѣдко и случается только съ юношами, которые уже съ раннихъ лѣтъ заявили себя множествомъ дурныхъ поступковъ, а миссъ Мери дѣвушка хотя и очень молодая, но съ серьезнымъ образованіемъ, сама изъ порядочной семьи и не могла бы полюбить дурного юношу. Миссъ Мери сознательно, со всей чистотой молодой души, относится къ словамъ: «я буду васъ ждать»... Пусть тотъ, которому она сказала эти слова, остается на чужбинѣ долѣ назначеннаго ей срока, — «такъ, вѣроятно, нужно для нашего будущаго счастья, его задержали обстоятельства», говоритъ она. Во время разлуки съ любимымъ человѣкомъ англійской дѣвушкѣ некогда сантиментальничать, некогда распѣвать пошлые романсы, некогда изнывать: передъ ней серьезное дѣло, она также должна зарабатывать свой хлѣбъ. Она отправляется въ гувернантки или зарабатываетъ деньги уроками, переводами, литературнымъ трудомъ, и, чѣмъ бы она ни занималась, она всегда умудрится найти время познакомиться съ чѣмъ-нибудь новымъ и такимъ образомъ расширить кругъ своихъ познаній; къ тому-же, сколько бы она ни зарабатывала, она всегда дѣлаетъ

маленькія сбереженія, которыя увеличиваетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Теперь женихъ и она очень молоды, живутъ внѣ дома, слѣдовательно могутъ жить очень скромно, могутъ въ случаѣ надобности совѣмъ обходиться безъ прислуги, но когда они возвратятся на родину, поженятся, обзаведутся семьей,—о, тогда совѣмъ другое дѣло. Тогда уже нельзя будетъ думать о томъ, чтобы копить: тогда, если они считаютъ себя порядочными людьми, они должны обставить свой домъ богато, комфортабельно, должны содержать большой штатъ прислуги. И молодые люди такъ проникнуты этими убѣжденіями, что точно выполняютъ то, что отъ нихъ требуетъ общество и обычаи страны: они будутъ испытывать всякія лишенія внѣ родины, работать по 12 часовъ въ сутки, но непременно вернутся домой богатыми людьми и заживутъ точь-въ-точь, какъ ихъ родители. Въ ранней самостоятельности англійской молодежи много хорошаго; но въ то же время эта лихорадочная страсть къ наживѣ, суровая борьба и тяжелый трудъ только для того, чтобы свить себѣ теплое гнѣздышко, убиваетъ во многихъ изъ нихъ идеальныя стремленія.

У насъ, да почти и повсюду въ Европѣ, разбогатѣвъ, обыкновенно бросаютъ дѣла. Англичане же не отдыхаютъ и въ преклонныхъ лѣтахъ. Жизнь, полная самыхъ разнообразныхъ трудовъ для наживы денегъ, и въ то же время дѣятельное участіе въ дѣлахъ общественныхъ, такая жизнь дѣлается второй натурою англичанина; всѣ они увлечены политикой, различными обществами, школами. Каждый англичанинъ—членъ множества обществъ, а ни одно англійское общество не будетъ считать своимъ членомъ человѣка для себя бесполезнаго. Поэтому даже и въ преклонныхъ лѣтахъ, когда англичанинъ находитъ, что онъ можетъ меньше заниматься дѣлами для пріобрѣтенія, на его плечахъ множество заботъ общественныхъ: одинъ изъ нихъ ведетъ протоколы, другой служитъ кассиромъ, пишетъ проекты, рефераты для обсуждения въ предстоящемъ собраніи; это дѣлается уже совершенно безкорыстно, для какого-нибудь «общества покровительства бѣднымъ» такого-то квартала, для «общества пріисканія работъ бѣднымъ женщинамъ» или «общества покровительства животнымъ». Еще болѣе употребляетъ онъ времени на политику. Вотъ какъ одинъ писатель, долго изучавшій англійскіе нравы, описываетъ одно знакомое ему семейство, которое можетъ служить образцомъ множества другихъ семействъ средней руки. «М., сынъ мелкаго коммерсанта, имѣетъ четырехъ дѣтей. Отецъ М. далъ ему образованіе практическаго инженера, и какъ только молодому человѣку минуло 18 лѣтъ, приказалъ ему, не изъ грубости или холодности, но по принципу, добывать самому себѣ средства къ жизни. М. отправился въ Шотландію и самъ нашелъ себѣ мѣсто въ 30 или 40 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ отправленъ въ Индію ставить маякъ; при этомъ онъ уже получилъ 300 фунтовъ въ годъ. Маякъ удался, его посылаютъ ставить второй, и тутъ уже ему назначаютъ 400 ф. въ годъ и 100 фунтовъ награды. По возвращеніи онъ строитъ мостъ, подаетъ о немъ отчетъ, и за это его дѣлаютъ секретаремъ одной компаніи въ Лондонѣ, и онъ получаетъ новую прибавку къ своему желованью. Въ это время онъ женится на молодой гувернанткѣ, которую горячо полюбилъ, но у которой нѣтъ ни гроша. Теперь онъ, еще молодой человѣкъ, уже секретарь большого учрежденія и получаетъ болѣе 600 фунтовъ въ годъ. Онъ ходитъ туда каждый день, работаетъ въ своемъ бюро, не поднимая головы, до девяти часовъ, затѣмъ возвращается домой, обѣдаетъ и вечеромъ долженъ написать до 70 писемъ по дѣламъ, долженъ принять ежедневно до десяти посѣтителей, принимать отчеты отъ множества лицъ по дѣлу службы и въ то же время считаетъ своимъ долгомъ неустанно слѣдить за семьей, за обученіемъ и воспитаніемъ своихъ четырехъ дѣтей. Трудно себѣ представить, сколько дѣлъ и обязанностей онъ

исполнить въ одинъ вечеръ. Въ тѣ дни, когда у него менѣе посѣтителей и есть возможность не писать столько писемъ по дѣлу службы, онъ пишетъ для словаря греческихъ древностей. Для этого онъ сперва прочелъ древнихъ въ переводѣ; затѣмъ съ помощью своихъ ученыхъ друзей, издателей словаря, онъ добился того, что сталъ бѣгло читать классиковъ въ подлинникѣ. Къ тому же онъ нашелъ время хорошо изучить нѣмецкій и французскій языки, музыку, слѣдить за всѣмъ вновь выходящимъ. Онъ говоритъ, что ему необходима такая дѣятельность; однажды, проведя два дня въ полной праздности, онъ чуть не умеръ со скуки. Онъ утверждаетъ, «что эта потребность труда—англійскій фондъ: машина перетираетъ самое себя, если вертится безъ перерабатываемаго матеріала».

Рано стать самостоятельнымъ, жениться по любви на небогатой и умной женщинѣ, имѣть много дѣтей, зарабатывать много, но ничего не откладывать, жить съ полнымъ достаткомъ, работать какъ волъ, умѣть воспитать дѣтей, чтобы и они въ свою очередь умѣли работать и жить точно также, подчиняться всѣмъ общественнымъ требованіямъ, умны они или глупы, до глубокой старости пріобрѣтать новыя знанія, много путешествовать, и при этомъ не терять ни минуты времени, однимъ словомъ «всегда производить и всегда пріобрѣтать»—вотъ идеалъ англичанина, вотъ къ чему стремится каждый джентльменъ, чего онъ желаетъ для своихъ дѣтей. Люди другихъ странъ, если они перенесли въ своей жизни много горя, обыкновенно стараются избавить отъ него своихъ дѣтей,—англичанинъ никогда. Счастье, по его понятію, только тогда счастье, когда человекъ самъ себя его завоевалъ, и только трусъ, говоритъ англичанинъ, боится житейской борьбы, невзгодъ, труда и лишеній. Нравственный кодексъ англичанина: «работай, способствуй тому или другому полезному дѣлу, иначе ты не человекъ, не имѣешь права на уваженіе». Атлетическія упражненія и вообще разумное физическое воспитаніе, наконецъ, уравновѣшенный характеръ англичанина даютъ ему возможность довести до конца свою работу, какъ бы скучна и однообразна она ни была. Тѣ же качества помогли англійскому народу выработать твердую волю, характеръ и сдѣлаться замѣчательно хорошими работниками на всѣхъ поприщахъ дѣятельности.

Идеалъ англичанина, къ которому онъ стремится всю свою жизнь и понятіе о которомъ онъ старается дать своему сыну, это—какъ слѣдуетъ жить и держать себя, чтобы удостоиться вполнѣ названія *джентльмена*. Когда англичанинъ скажетъ про кого-нибудь—«да, онъ настоящий джентльменъ»—это значитъ, что тотъ, о комъ идетъ рѣчь, во всѣхъ отношеніяхъ порядочный человекъ, конечно, съ его точки зрѣнія. Въ Англии, чтобы быть признаннымъ настоящимъ джентльменомъ, нужно имѣть не только прекрасныя умственные и душевныя качества, но и значеніе въ обществѣ и жить съ извѣстной роскошью. Джентльменомъ называютъ въ Англии человека, хотя и не всегда принадлежащаго къ высшимъ слоямъ общества, но, во всякомъ случаѣ, отличающагося своимъ образованіемъ, тактомъ, разсудительностью и сдержанностью. Джентльменъ долженъ быть очень щедрымъ, но не показывать этого, а быть скромнымъ, гуманнымъ, мягкимъ и, главное, имѣть въ высшей степени *self-respect*, т.-е. то внутреннее чувство самоуваженія, которое вовсе не есть высокое понятіе о себѣ, а, напротивъ, строгое отношеніе ко всѣмъ своимъ поступкамъ. Джентльменъ—человекъ достойный власти, честный, безкорыстный, для хорошаго дѣла всегда способный жертвовать своимъ временемъ и деньгами, умѣющий *руководить и подчиняться*. Онъ долженъ отличаться невозмутимымъ хладнокровіемъ, самообладаніемъ, настойчивостью въ преслѣдованіи хорошей цѣли, всегда и во всемъ сохранять чувство собственного достоинства; въ немъ должно быть полнѣйшее отсутствіе

всякой аффектаціи, чванства или хвастливости, — вотъ идеалъ, къ которому направлены всѣ симпатіи страны. Англійское понятіе о джентльменѣ во многомъ сходно съ испанскимъ понятіемъ кабалеро, съ тою разницею, что испанцы прилагаютъ этотъ эпитетъ въ каждому порядочному человѣку, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ; въ Англии же идеалъ джентльмена начинается только съ достаточныхъ классовъ, потому что у англичанъ онъ прилагается непременно только къ людямъ, имѣющимъ независимое положеніе.

Кромѣ «джентльменства», свойственнаго преимущественно высшимъ классамъ, въ среднемъ классѣ общества, у людей торговыхъ свой идеалъ — *respectability*. Для достиженія его человѣкъ средняго класса долженъ отличаться религіозностью, усердіемъ къ церкви, участвовать въ благотворительныхъ обществахъ и прежде всего показывать примѣръ порядочности въ семейной жизни. Однако, большинство людей этого рода надѣваетъ лишь маску *respectability*, т.-е. ходитъ каждое воскресенье въ церковь, жертвуетъ на разныя благотворительныя общества, слѣдитъ не только за собой, но и за сосѣдями, чтобы они въ воскресный день не ударили палецъ о палецъ. Такіе люди въ большинствѣ случаевъ отличаются ханжествомъ, нетерпимостью въ дѣлѣ религіи и какимъ-то мѣщанскимъ чванствомъ. Если въ идеалѣ джентльмена чувствуется нѣкоторое отраженіе рыцарства среднихъ вѣковъ, то при словѣ *respectability* вспоминаешь идеалъ мѣщанства.

Какъ, однако, проводятъ свое время дѣти подъ родительскимъ кровомъ? Какое ихъ отношеніе къ родителямъ? Отецъ — властелинъ и глава семейства; онъ пользуется въ семьѣ полнѣйшимъ авторитетомъ. Отъ него идутъ всѣ главныя распоряженія, всѣ перемѣны въ семейной жизни: онъ заботится обо всемъ, что касается членовъ его семьи, и прежде всего поддерживаетъ между ними согласіе. И дѣйствительно, большая англійская семья съ тетюшками, бабушками, съ гувернерами, гувернантками, съ слугами и служанками, составляетъ цѣлое государство: отецъ его глава, его судья, высшая инстанція. Дѣти рано начинаютъ понимать тяжелую обязанность быть отцомъ, распоряжаться большими помѣстьями; у нихъ передъ глазами его трудовая жизнь, и они снисходительно относятся къ его мелочнымъ требованіямъ. «Такъ хочеть отецъ, такъ любить отецъ», и все это считается священнымъ. Впрочемъ, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей, отецъ требуетъ отъ дѣтей разумаго и даетъ имъ полнѣйшую свободу. Дочери нерѣдко однѣ совершаютъ большія путешествія. Окончивъ курсъ своего образованія, дѣвушки, согласно своимъ способностямъ, свободно выбираютъ себѣ родъ занятій: устраиваютъ школы, вступаютъ въ различныя общества, дѣлаются учительницами, гувернантками, литераторами. Родители не находятъ, какъ во многихъ странахъ, что самостоятельная трудовая жизнь и общественная дѣятельность — униженіе для женщины. Напротивъ, здѣсь относятся къ подобнымъ женщинамъ съ уваженіемъ, а дѣвушку, наклонную къ пустой жизни, отецъ такъ-же строго журить, какъ и сына. Англійскаго юношу увлекаетъ не пустая кукла, а дѣвушка занятая, которая, будучи моложе его, сумѣла дать ему уже нѣсколько добрыхъ совѣтовъ. Серьезныя требованія, предъявляемыя женщинамъ англійскимъ обществомъ, выработали здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, умныхъ женщинъ, которыя, кромѣ основательнаго общаго образованія, специально занимаются той или другой наукой. Въ семьяхъ достаточныхъ всѣ дѣвушки знакомятся съ нѣсколькими языками, французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, при помощи иностранныхъ нянекъ и гувернантокъ. Мало-малышечки увеличивается достатокъ семьи, — и воспитаніе дѣтей расширяется. Мало того, что всѣ образованныя дѣвушки бѣгло говорятъ на названныхъ языкахъ, дѣло этимъ никогда не ограничивается: онѣ читаютъ на этихъ языкахъ всѣхъ клас-

сиковъ. Можно смѣло сказать, что ни одна изъ нихъ не изучаетъ языкъ, чтобы блеснуть въ обществѣ; вы можете встрѣтить женщину, говорящую не только на важнѣйшихъ новыхъ, но и на древнихъ языкахъ, и только случайно узнаете, что она ихъ знаетъ; безъ нужды она не станетъ говорить на иностранномъ языкѣ. Страстные любительницы природы и путешествій, онѣ во время своихъ прогулокъ старательно изучаютъ минералы, растенія, раковины, составляютъ огромныя коллекціи. Многія дѣлаются основательными учеными. Талантъ—не рѣдкость между женщинами-писательницами; между ними есть таланты первостепенные. Множество произведеній нѣмецкой, французской и другихъ литературъ прекрасно переведены женщинами. Ни въ одной странѣ, кромѣ Англіи, нѣтъ такого огромнаго количества женщинъ, посвятившихъ всю свою жизнь на служеніе человечеству. Между ними—какъ богатые, такъ и бѣдныя женщины, какъ знатныя, такъ и принадлежащія къ семьямъ средняго класса общества. Онѣ организовали въ странѣ множество самыхъ разнообразныхъ учреждений для улучшенія матеріальнаго положенія бѣдняковъ всѣхъ возрастовъ и половъ, пріюты для призрѣнія слѣпыхъ, калѣкъ и несчастныхъ, учебныя заведенія для распространенія просвѣщенія среди нихъ. Несмотря ни на какія препятствія, онѣ съ удивительною энергіею и настойчивостью добиваются достиженія своихъ благородныхъ цѣлей: пишутъ брошюры, книги, созываютъ митинги. Кстати замѣтимъ, что очень многія англичанки совѣмъ не выходятъ замужъ. Это происходитъ оттого, что въ Англіи женщинъ рождается больше, чѣмъ мужчинъ, къ тому же страна эта немало теряетъ своего мужского населенія, уходящаго въ колоніи. Однимъ словомъ здѣсь много женщинъ, которыя уже роковымъ образомъ обречены оставаться дѣвами. Въ другихъ странахъ незамужество причиняетъ горе,—старая дѣва брюзжитъ и отравляетъ жизнь другимъ; здѣсь, напротивъ, армія незамужнихъ женщинъ представляетъ настоящую нравственную и умственную силу: онѣ занимаются здѣсь не только наукою, литературою, искусствомъ, но также торговлею и самыми разнообразными профессіями; ихъ роль особенно значительна на поприщѣ благотворительности: онѣ стоятъ во главѣ всѣхъ филантропическихъ учреждений.

Англіискія дѣвушки чрезвычайно просты въ обращеніи, но, несмотря на свои обширныя познанія, чрезвычайно конфузятся въ обществѣ. Когда дѣвушка видитъ новое лицо, она застѣнчиво краснѣетъ и молчитъ, пока сильный интересъ не вызоветъ ее на живой споръ. Впрочемъ, застѣнчивость—отличительная черта и молодыхъ людей: вы нерѣдко встрѣтите многихъ изъ нихъ на томъ или другомъ митингѣ, произносящихъ краснорѣчивыя рѣчи, и вспыхивающихъ, какъ дѣвочка, при входѣ новаго лица, неловко отвѣчающихъ на его вопросы. Богатая и знатная женщина, принимающая у себя множество посѣтителей, вдругъ страшно конфузится и становится втуникъ, если она встрѣчаетъ незнакомое лицо тамъ, гдѣ она этого не ожидала. Вообще англичанки скорѣе хорошія подруги, любящія сестры, добрые товарищи, прекрасныя хозяйки, но далеко не свѣтскія женщины. Онѣ не обладаютъ васъ потокомъ краснорѣчія, сарказмовъ и остроумія француженокъ и представляютъ имъ совершенную противоположность. вмѣстѣ съ недостаткомъ свѣтскости и любезности англичанки бросаются въ глаза тѣмъ, что не умѣютъ одѣться съ такимъ изяществомъ и вкусомъ, какъ француженки. Богатые англичанки наряжаются очень шикарно, женщины средняго состоянія стараются подражать имъ, наряжаются даже черезчуръ богато, но все это какъ-то бросается въ глаза, сидитъ не такъ элегантно, не показываетъ такого изящества и вкуса, какъ у француженки. Зато какъ неподражаемо-хороша англичанка на лошади! Простое, безъ украшеній суконное платье ловко обхватываетъ ея гибкую талію; ея смѣлая посадка и привычка къ лошади выказываютъ силу,

здоровье, гибкость всѣхъ движеній; маленькая соломенная шляпа съ узенькой ленточкой, кожаныя высокія ботинки говорятъ вамъ, что она хорошій ходокъ и чужда всякой изиѣженности. Неловкая въ роскошномъ платьѣ,—амазонкой англичанка является передъ вами граціознымъ созданіемъ, полнымъ жизни.

Многіе иностранцы, вслѣдствіе холодности англичанъ и недостатка свѣтскости ихъ женъ, дикости и конфузливости ихъ дочерей, сдѣлали совершенно ложное заключеніе, что англичане народъ негостепріимный. Правда, англичанинъ перѣдко встрѣчаетъ своего гостя словами «радъ видѣть», и затѣмъ, сказавъ еще двѣ-три такихъ же банальныхъ фразы, тутъ же погружается въ газеты, особенно если при этомъ васъ занимаетъ его жена. Но стоитъ англичанину узнать, что вы иностранецъ или челоѣкъ неопытный въ той мѣстности, въ которую явились, и онъ встрѣчаетъ васъ съ радушіемъ и предупредительностью. Нужно, однако, замѣтить, что это бываетъ только тогда, когда у васъ есть какое нибудь рекомендательное письмо, иначе онъ считаетъ васъ первымъ встрѣчнымъ и очень сдержанъ съ вами. Но англичанинъ, къ которому вы явились съ рекомендательнымъ письмомъ, считаетъ долгомъ оказываетъ вамъ всевозможныя услуги, запросто вводитъ васъ въ свой семейный кругъ и во всѣ свои семейныя интересы. Онъ приглашаетъ васъ на свои обѣды, доставляетъ вамъ всевозможныя книги и свѣдѣнія о мѣстности, которую вы изучаете, дѣлается путеводителемъ во всѣхъ вашихъ прогулкахъ, возитъ васъ въ свой клубъ, ведетъ въ свое общество, знакомитъ съ своею работою, представляетъ роднѣ и друзьямъ, приглашаетъ васъ къ себѣ гостить въ деревню и даетъ вамъ другія рекомендательныя письма. Тотъ же радужный пріемъ вы встрѣтите и тамъ, куда онъ васъ отрекомендуетъ, и перѣдко джентльменъ, котораго вы видите въ первый разъ, послѣ непродолжительнаго разговора искренно упраниваетъ васъ провести съ нимъ недѣлю въ его загородномъ домѣ. Если вы согласитесь на это, васъ примутъ тамъ, какъ члена семьи. И что васъ всего болѣе удивляетъ въ такихъ случаяхъ, такъ это то, что, послѣ двухъ-трехъ дней знакомства, вся семья съ вами совершенно откровенна, нисколько не стѣсняется, точно вы всѣхъ ихъ знаете уже много лѣтъ.

Сближеніе молодыхъ людей между собою въ Англіи совершенно свободно: они могутъ изучать и узнавать другъ друга, сколько имъ угодно, проводить безъ всякаго надзора цѣлыя вечера въ разговорахъ и чтеніи, ѣздить вдвоемъ верхомъ въ теченіи нѣсколькихъ сезоновъ кряду. Когда молодой челоѣкъ полюбитъ дѣвушку, онъ прежде всего дѣлаетъ предложеніе ей, а потомъ уже ея родителямъ.

Нѣтъ на свѣтѣ семейной жизни спокойнѣе и счастливѣе, чѣмъ въ Англіи, но нужно замѣтить, что это бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда мужъ мало-мальски порядочный челоѣкъ. И наоборотъ, трудно себѣ представить болѣе несчастное, безправное, беззащитное существо, какъ замужняя женщина въ Англіи, если только судьба связала ее съ дурнымъ челоѣкомъ. Мужъ, по закону, полнѣйшій властелинъ жены, и вслѣдствіе этого, при несчастномъ бракѣ, женщина не только совершенно поработчена, но и разорена. Законъ нисколько не защищаетъ замужней женщины, и мужъ по своему произволу можетъ обращаться съ нею совершенно деспотично. Поэтому лучшіе умы Англіи, какъ, напр., Джонъ Стюартъ Милль, такъ энергично возставали всю жизнь противъ закона, поработчающаго женщину въ Англіи гораздо болѣе, чѣмъ въ странахъ менѣе образованныхъ. По англійскимъ законамъ женщина, вышедшая замужъ, теряетъ какъ всѣ свои имущественныя права, такъ и челоѣческія. Дѣвушка или вдова вольна поступить съ своею собственностью, какъ ей вздумается: можетъ продать свое имѣніе и купить новое, можетъ завѣщать его, кому захочетъ, имѣетъ право входить въ различныя обязательства и вчинать иски. Въ

большинствѣ другихъ государствъ эти права остаются при ней и послѣ замужества; въ Англіи, напротивъ, женщина послѣ замужества теряетъ всѣ свои имущественныя права. Мало того, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ она получила право пользоваться и распоряжаться деньгами, заработанными личнымъ трудомъ. До 1870 г. прачки, актрисы, писательницы, швеи и всѣ остальные труженицы не могли за свою работу получить денегъ, если бы мужъ заявилъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ слѣдовала плата, что онъ самъ желаетъ получать ее. Въ такомъ случаѣ каждое учрежденіе, каждый частный человекъ обязаны были выдать деньги мужу, и тотъ имѣлъ право издержать ихъ даже на свои прихоти и не дать женѣ ни копѣйки. Безъ согласія мужа жена не имѣетъ права входить ни въ какія обязательства, не можетъ заключать ни съ кѣмъ никакихъ условій, не смѣетъ сдѣлать самаго ничтожнаго распоряженія въ домѣ, закупокъ по хозяйству. Она не можетъ принести жалобы на личное оскорбленіе постороннимъ лицомъ, если эта жалоба не поддерживается мужемъ. Зато, правда, и къ ней не можетъ быть предъявленъ никакой искъ, и она не можетъ быть привлечена къ отвѣтственности иначе, какъ вмѣстѣ съ мужемъ. Кромѣ случаевъ государственной измѣны и убійства, она не преслѣдуется судомъ ни за какія преступленія и проступки, если они были совершены въ присутствіи мужа. Она можетъ безнаказанно ограбить кого бы то ни было, такъ какъ законъ полагаетъ, что въ присутствіи мужа она совершила преступленіе подъ его вліяніемъ. Мужъ имѣетъ право принуждать жену къ повиновенію своей волѣ; онъ можетъ выгнать ее изъ дому, и если докажетъ, что сдѣлалъ это потому, что она ему не повиновалась, то будетъ совершенно оправданъ.

Хотя каждый нашъ очеркъ рисуетъ англичанина съ той или другой стороны и въ концѣ-концовъ даетъ болѣе или менѣе полное представленіе о его личности, мы находимъ необходимымъ сгруппировать общія черты характера англичанина, чтобы представить его еще рельефнѣе.

«Богъ и мое право!»—вотъ гордый девизъ сыновъ Альбіона, который руководить ими всю жизнь; однако, „мое право“ стоитъ у нихъ на первомъ мѣстѣ, а Богъ уже на второмъ. Предразсудки особенно живучи въ Англіи: несмотря на свою нелюбовь къ туалетамъ, весь высшій и средній классъ переодѣвается нѣсколько разъ въ день; на каждое время дня имѣется свой особый костюмъ: утромъ, къ обѣду, вечеромъ. Англичанки, даже если и не ждутъ гостей, непременно переодѣваются къ обѣду; англичане не носятъ ни орденовъ, ни золотого шитья, ни официальныхъ костюмовъ, ни мундировъ: всюду одинъ и тотъ же неизмѣнный черный фракъ. Зато изысканность въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ туалета иногда доходитъ до смѣшнаго.

Англичанинъ отличается хладнокровіемъ, стойкостью, гордостью и отвагою. Его гордость мѣшаетъ ему усомниться въ успѣхѣ задуманнаго имъ предпріятія; энергія и храбрость помогаютъ достиженію цѣли: свойства его темперамента позволяютъ ему хладнокровно взвѣсить выгоды и невыгоды задуманнаго предпріятія, а его постоянство помогаетъ ему ими воспользоваться. Англичане любятъ путешествія, приключенія и опасности. Необозримыя моря, высокія горы и восхожденія на нихъ, сопряженные съ большими опасностями, далекія экспедиціи въ малоизвѣстныя страны—вотъ ихъ налюбимѣйшія развлеченія. Англичанинъ, составляя программу своихъ путешествій, совершенно точно опредѣляетъ свой маршрутъ, и пунктуально выполняетъ разъ задуманное и точно занесенное въ записную тетрадку. Каждый англичанинъ умѣетъ превосходно управлять лодкой и лошадью, плаваетъ какъ рыба. Прекрасное физическое воспитаніе съ дѣтства закаляетъ его организмъ и развиваетъ въ немъ привычку къ физическимъ упражненіямъ и къ ходьбѣ пѣшкомъ. Въ любомъ се-

мействѣ вы встрѣчаете брата и сестру, только-что возвратившихся съ прогулки въ лодкѣ, которою они управляли по очереди, сдѣлавъ сразу 200—300 верстъ, молодыхъ людей, которые пѣшкомъ возвратились въ Лондонъ съ сѣверной границы Шотландіи. Необыкновенная привычка къ ходьбѣ сохраняется въ Англіи даже у стариковъ. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить весьма пожилыхъ людей, которые сдѣлали привычку ходить ежедневно по 15—20 верстъ. Можетъ быть влѣдствіе этого въ этой странѣ почти невозможно встрѣтить дряхлаго старика. И это понятно: въ преклонныхъ лѣтахъ каждый изъ нихъ продолжаетъ вести самую дѣятельную жизнь: съ утра, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, ежедневно обливается холодной водой, много ходитъ пѣшкомъ и потомъ садится за завтракъ; послѣ завтрака небольшая прогулка, а затѣмъ уже усидчивая работа. Англичанинъ понимаетъ отдыхъ только послѣ труда, и отдыхъ, по его мнѣнію, не долженъ быть бездѣльемъ, болтовнею съ пріятелемъ, а преимущественно какимъ-нибудь физическимъ упражненіемъ. Каждый изъ нихъ, хотя разъ въ годъ, долженъ предпринять какое-нибудь болѣе или менѣе отдаленное путешествіе: вотъ эта молодая чета объѣздила на лодкѣ значительную часть большихъ и малыхъ рѣкъ Европы, употребляя на это путешествіе одинъ мѣсяцъ въ году, другая исколесила на велосипедѣ всю Англію. Особенно въ послѣднія 10—15 лѣтъ все болѣе укореняется обычай для новобрачныхъ путешествовать вдвоемъ на велосипедѣ, переѣзжая изъ деревни въ деревню, изъ столицы въ столицу. Въ дорогѣ англичанинъ заботится только о себѣ: сидя въ омнибусѣ, онъ рѣдко уступитъ мѣсто дамѣ; если онъ прибѣжитъ скорѣе другого, онъ не постыдится перебить мѣсто у слабого и безъ стѣсненія дѣйствуетъ въ толпѣ локтями. „Соревнованіе“, говоритъ онъ хладнокровно, „открыто каждому, и болѣе способный всегда беретъ верхъ“.

Англичанинъ имѣетъ врожденную склонность ко всевозможнымъ приключеніямъ. Холодный и флегматикъ по натурѣ, онъ способенъ всю жизнь отдать разъ задуманной цѣли. Эта черта характера нерѣдко дѣлаетъ его смѣшнымъ, но въ то же время не только англійская нація, но даже человѣчество обязано ей великими результатами: важными географическими открытіями, научными и промышленными изобрѣтеніями. Одаренный смѣлымъ воображеніемъ, замѣчательною, недостижимою для другихъ націй энергіею, желѣзною волею, невозмутимымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ, англичанинъ, рѣшившись на самое отчаянное, повидимому даже на самое неосуществимое предпріятіе, не отступаетъ отъ него ни передъ какимъ препятствіемъ. Рядъ величайшихъ неудачъ не подѣйствуетъ на его, всегда спокойное, ровное расположеніе духа; онъ только подзадориваетъ его, увеличиваютъ его мужество, и чѣмъ больше затрудненій встрѣчаетъ онъ на своемъ пути, тѣмъ настойчивѣе стремится онъ къ достиженію своей цѣли. Это до такой степени выдающаяся черта характера англичанина, что если жизнь его складывается такимъ образомъ, что онъ лишенъ возможности вести тяжелую борьбу съ житейскими препятствіями, онъ начинаетъ страдать невыносимою хандрой, сплиномъ. Тогда отъ давящей его скуки онъ принимается искать развлеченія въ самыхъ странныхъ приключеніяхъ и находитъ какое-то наслажденіе совершать неслыханныя безумства. Всегда оригинальный, онъ дѣлается тогда величайшимъ эксцентрикомъ. Точно также и въ области искусства англичане любятъ всего грандіозность и оригинальность: взгляните на ихъ мосты, монументы, парки, корабли, доки, фабрики,—все это въ громадныхъ размѣрахъ: другой красоты они не понимаютъ.

Выше всего на свѣтѣ англичанинъ ставитъ свое *отечество*, свое *семейство* и *домашній очагъ*. Умственное воспитаніе юношества прежде всего направлено здѣсь къ тому, чтобы развить въ немъ до крайнихъ предѣловъ любовь къ родинѣ и національную гордость. Въ этомъ вы легко можете убѣдиться, взявъ наудачу первый

учебникъ по исторіи или по географіи: въ немъ, вмѣстѣ съ изложеніемъ историческихъ событій или болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ различныхъ странъ, непременно проведена параллель между Англіею и другими націями, и всѣ эти сопоставленія прежде всего клонятся къ тому, чтобы выставить Англію, какъ страну первую въ свѣтѣ по ея произведеніямъ, торговлѣ, богатству, какъ имѣющую наилучшее правительство, наилучшую религію, націю, которая можетъ гордиться наибольшимъ количествомъ гениальныхъ людей. Отсюда вытекаетъ тщеславіе, которымъ заражены всѣ англичане, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Англичанинъ увѣренъ, что въ его отечествѣ все идетъ лучше, чѣмъ въ остальномъ мірѣ. Онъ высокомерно утверждаетъ, что если у нихъ и есть что дурное, оно всетаки еще недостижимо хорошо для другихъ націй. Поэтому онъ смотритъ на иностранца съ высока или съ сожалѣніемъ, а нерѣдко и съ полнѣйшимъ презрѣніемъ.

Правда, англичане много путешествуютъ, но во всѣхъ своихъ путешествіяхъ они, по свойству своего ума, всегда стараются узнавать больше факты: они провѣряютъ свои научныя познанія, пріобрѣтенныя изъ книгъ о той или другой странѣ, составляютъ всевозможныя коллекціи, изучаютъ положеніе земледѣлія, фабричной промышленности, составъ почвы, испещряютъ свои записныя книжки цифрами и фактами, но не умѣютъ сближаться съ народомъ страны, которую изучаютъ. Этикетъ, гордость и непоминаніе чужихъ обычаевъ не позволяютъ имъ сближаться на чужбинѣ съ иностранцами. Это признаніе только своихъ силъ, эта увѣренность въ самомъ себѣ дѣлаютъ однако и великія чудеса. Ни одна страна въ мірѣ не выработала такихъ свободныхъ учрежденій, не пользуется такими морскими силами, не создала такой промышленности, какъ Англія. Въ то же время ни одинъ народъ не держится такъ крѣпко за свои предразсудки и за свое прошлое, какъ англичане, но это не мѣшаетъ имъ, хотя медленно, вводить разныя улучшенія и нововведенія. Въ этой странѣ ничто не приходитъ въ развалины, ничто не отживаетъ свой вѣкъ: рядомъ съ преданіями тѣнятся нововведенія. Любовь къ свободѣ у англичанина идетъ рука объ руку съ деспотизмомъ общественнаго мнѣнія и рабскимъ ему подчиненіемъ. Глубоко уважая права общества и каждой отдѣльной личности, англичанинъ выноситъ совершенно покойно аристократическія привилегіи; отдавая должное заслугамъ, образованію и личнымъ достоинствомъ, онъ въ то же время благоговѣетъ передъ титулами. Несмотря на то, что англичанинъ средняго сословія нерѣдко достигаетъ блестящей карьеры и огромнаго значенія въ странѣ, онъ въ то же время съ почтительностью и благоговѣніемъ относится къ старшему сыну аристократа, который будетъ лордомъ; брезгая всякимъ бѣднякомъ и глубоко его презирая, онъ жертвуетъ милліоны на филантропическія цѣли. Ни одинъ народъ не содѣйствовалъ болѣе прогрессу и ни одинъ народъ не проникнуть болѣе англичанъ уваженіемъ къ принятымъ обычаямъ и преданіямъ. Несмотря на множество чисто республиканскихъ учреждений, трудно найти страну, гдѣ было бы такое уваженіе къ королевской власти, доходящее почти до обожанія, какъ въ Англіи. Эти контрасты точно также встрѣчаются и въ частной жизни, какъ и въ общественной. Люди, поглощенные торговлею, вѣчно сидящіе у своихъ конторокъ, любятъ природу, деревню и цвѣты. Вы постоянно слышите отъ нихъ: «время—деньги», и, несмотря на то, множество негоціантовъ, обязанные цѣлый день проводить въ конторѣ въ Сити, живутъ далеко отъ Лондона, на 2 и на 3 часа ѣзды по желѣзной дорогѣ, и совершаютъ это путешествіе каждый день. Холодные, сдержанные, они предаются необузданнымъ взрывамъ гнѣва, веселости и кутежа, возвращаясь съ Ипсомскихъ скачекъ. Необыкновенно гуманные, англичане безпрестанно издаютъ законы, покровительствующіе жи-

вотнымъ и строго воспреещающіе мучить ихъ, и въ то же время—страстные любители посмотрѣть на борьбу сильнаго противъ слабаго, на боксъ, въ которомъ грубая кулачная расправа перѣдко смѣняетъ одно кровавое зрѣлище другимъ. Англичане ревностно заботятся объ уничтоженіи невольничества, между тѣмъ они не гнушались самыми варварскими средствами для сохраненія своей власти въ колоніяхъ и въ Ирландіи, не предпринимаютъ радикальныхъ мѣръ для уничтоженія въ собственной странѣ нищенства и самаго ужаснаго пролетаріата, такъ какъ для устраненія этихъ бѣдствій привилегированные классы общества должны были бы отказаться отъ тѣхъ привилегій, жертвовать которыми они вовсе не расположены и за которыя они слишкомъ крѣпко держатся.

«Деньги», говорятъ обыкновенно все, «кумиръ Англіи», и это справедливо, такъ какъ нигдѣ богатство не пользуется такимъ почетомъ, какъ здѣсь. Англія прежде всего нація торговая; въ ней преобладаетъ страсть къ приобрѣтенію и духъ разчета: каждый англичанинъ работаетъ съ утра до поздняго вечера и съ самыхъ раннихъ лѣтъ учить своихъ дѣтей отдыхать только послѣ труда. Каково бы ни было общественное положеніе англичанина, будетъ ли онъ ученый, адвокатъ, учитель или политическій дѣятель, онъ прежде всего коммерсантъ, на каждомъ поприщѣ онъ много посвящаетъ времени добыванію денегъ, его первая забота всегда и вездѣ какъ можно больше наживать. Но при этой необузданной страсти къ наживѣ, онъ вовсе не скупъ: онъ жертвуетъ громадныя деньги на бѣдныхъ, на филантропическія предпріятія, любитъ жить съ большимъ комфортомъ и на широкую ногу. Столь преданный деньгамъ и матеріальнымъ благамъ, англичанинъ въ то же время чловѣкъ религіозный. Ревность къ вѣрѣ и страсть къ религіознымъ преніямъ находятъ себѣ здѣсь широкую арену. Религія здѣсь не только управляетъ общественнымъ мнѣніемъ, но и требуетъ жертвъ. Для всякой реформы, для всякаго предпріятія, въ которомъ религія играетъ хотя какую-нибудь роль, сейчасъ найдутся деньги, и въ большомъ количествѣ. Библейское общество тратитъ каждый годъ громадныя средства на распространеніе Евангелія во всемъ мірѣ; для постройки церквей въ столицѣ англійское духовенство собрало въ 8 лѣтъ болѣе шести милліоновъ; методисты открыли кредитъ въ 5 милліоновъ для устройства школъ и вознагражденія учителей; даже работники маленькаго города Гайда въ одинъ годъ собрали по подпискѣ для сооруженія часовни болѣе 25,000 рублей—сумму огромную по ихъ средствамъ.

Что касается англійскаго ума и его направленія, то вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ ученый, долго изучавшій англійскій народъ: «Содержаніе англійской головы можно довольно точно сравнить съ путеводителемъ: много фактовъ и мало идей. Множество полезныхъ свѣдѣній, статистическія таблицы, множество цифръ, точныя и подробныя карты, нравственныя правила въ видѣ сентенцій, полное отсутствіе общихъ взглядовъ, — просто сводъ хорошихъ, достовѣрныхъ документовъ, удобная карманная справочная книжка, дающая возможность обходиться безъ посторонней помощи въ путешествіяхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ». Такое опредѣленіе можно признать слишкомъ рѣзкимъ и преувеличеннымъ относительно отдѣльныхъ личностей, но вполне справедливымъ по отношенію къ массѣ. Въ этой характеристикѣ мы, разумѣется, не говоримъ объ исключеніяхъ, такъ какъ каждому читателю извѣстно, что многіе англійскіе ученые и писатели—всесвѣтныя знаменитости, которыя внесли идеи, ставшія достояніемъ всего образованнаго свѣта.

Обыкновенная русская и французская молодежь (мы говоримъ о лучшей ея части), прежде чѣмъ выработать свои убѣжденія, долго колеблется, всматривается,

наблюдаетъ, увлекается и нерѣдко сегодня сжигаетъ то, чему вчера поклонялась. Англійскому юношѣ не нужно всматриваться и колебаться: онъ принимаетъ взгляды, вѣрованія, убѣжденія отца и идетъ по давно проторенной дорогѣ. Идеаль джентльменства выработанъ; всякій порядочный и воспитанный юноша непременно будетъ къ нему стремиться. Какъ для нравственной, такъ и для умственной жизни—рамки готовы.

МОГУЩЕСТВЕННОЕ ВЛІЯНІЕ ПЕЧАТИ.

Ни въ одной европейской странѣ періодическая печать не получила такого широкаго развитія, какъ въ Англіи, и нигдѣ журналистика не играетъ въ жизни народа такой важной роли. Печать въ Англіи въ полномъ смыслѣ слова сдѣлалась органомъ общественнаго мнѣнія. Она глубоко уважается какъ людьми развитыми, такъ и тѣми, которые получили ограниченное образованіе, и очень многіе изъ свѣтилъ политическаго міра были обязаны высокимъ положеніемъ своему перу журналиста. Хотя свобода печати въ Англіи существуетъ уже давно, но своею независимостью, могущественною, дѣятельною ролью, силой и властью въ государствѣ и, наконецъ, льготами отъ различныхъ налоговъ она стала пользоваться только въ наше время.

Громадная польза свободной печати, свободной журналистики, гласности такъ очевидны теперь каждому англичанину, что другой порядокъ вещей для него просто не мыслимъ. Онъ видитъ въ свободной печати четвертую, послѣ короны и обѣихъ палатъ парламента, народную власть, но въ дѣйствительности она даже и не четвертая, а первая сила въ государствѣ. Англіею въ полномъ смыслѣ слова управляютъ печать и общественное мнѣніе. Во остальныхъ европейскихъ странахъ печать далеко не пользуется такимъ могущественнымъ вліяніемъ, какъ въ Англіи. Печати въ этой странѣ принадлежитъ инициатива въ законодательствѣ: она контролируетъ министровъ, критикуетъ дѣйствія всѣхъ государственныхъ людей, даетъ направленіе политикѣ, имѣетъ неотразимое вліяніе на нравственность, просвѣщеніе, развитіе и образованіе юношества. Чѣмъ же можно объяснить это по истинѣ великое значеніе англійской печати въ жизни умственной, нравственной, политической и экономической? Причинъ для этого, конечно, чрезвычайно много. Въ англійской журналистикѣ хотя и встрѣчаются примѣры безсовѣстной продажности и корыстнаго служенія дѣлу, но громадное большинство журналовъ и газетъ представляютъ прогрессивную силу. Всѣ органы, имѣющіе извѣстное значеніе, приобрѣтены обществами или частными лицами, но не принадлежатъ непосредственно тому или другому министру, той или другой парламентской группѣ; вслѣдствіе этого они совершенно независимы и могутъ самостоятельно и произвольно давать то или другое направленіе, тотъ или другой характеръ своей газетѣ. Не связанныя никакими стѣснительными мѣрами, не поставленные въ необходимость курить еиміамъ кому бы то ни было, они являются могущественными поборниками интересовъ своей родины, ея блага, прогресса и цивилизаціи. Не менѣе важное значеніе въ развитіи могущества прессы имѣла и та неограниченная свобода, которою она теперь пользуется; все здѣсь обсуждается и критикуется: слишкомъ строгія или слишкомъ снисходительныя правительственныя распоряженія, политическіе или административные акты, рѣшительно все подвергается строгому разбору. На страницахъ своихъ органовъ печать сколько угодно можетъ порицать общественную дѣятельность государственныхъ людей, правительственныя распоряженія, даже членовъ королевскаго семейства, но она не имѣетъ права оскорблять частныхъ лицъ и дорого платится за

всякое неосторожное слово или нескромный намекъ на частную жизнь простого гражданина. Но разъ этотъ скромный гражданинъ сдѣлался общественнымъ дѣятелемъ, каждый писатель можетъ хвалить или порицать его дѣятельность, сколько душѣ угодно. Англійская печать создала себѣ высокое положеніе своею честностью и великими заслугами передъ обществомъ. Громадное большинство журналистовъ—люди въ высшей степени образованные, съ солидными знаніями и почтенные; къ своимъ статьямъ они умѣютъ внушить безусловное довѣріе и, критикуя другъ друга, всегда умѣютъ сохранить человѣческое достоинство и уваженіе къ мнѣніямъ своего собрата. Если мѣриломъ культуры является степень уваженія къ чужой личности, то Англія оказывается самою культурною страню во всемъ мірѣ.

Англійская печать оказывала и оказываетъ странѣ величайшія услуги: почти всеѣми своими великими реформами послѣдняго времени Англія обязана ей. Даже на отношенія Англіи къ другимъ государствамъ печать имѣетъ огромное вліяніе: если наиболѣе уважаемыя газеты высказываются въ пользу войны, правительство объявляетъ ее. Въ парламентѣ не возбуждается ни одного вопроса, который бы не былъ бы раньше со всѣхъ сторонъ обсужденъ въ газетахъ. Это вліяніе и могущество прессы отразилось и на положеніи писателей и журналистовъ. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ пользуются громкимъ авторитетомъ, большимъ почетомъ и значеніемъ и приняты въ самомъ высшемъ обществѣ. Въ парламентѣ для журналистовъ и репортеровъ существуетъ теперь даже особая трибуна; установлены телеграфныя сообщенія между редакціями и трибуною журналистовъ, а въ послѣднее время введены также телефонныя сообщенія. Трибуна журналистовъ значительно расширена, такъ какъ и провинціальнымъ газетамъ предоставлено теперь право посылать сюда собственныхъ корреспондентовъ. Приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить журналистамъ продолжительное и утомительное пребываніе въ парламентѣ. Въ ихъ исключительное распоряженіе предоставлены особая столовая, курительныя комнаты, читальня и нѣсколько комнатъ для занятій. Всѣ эти помѣщенія устроены со всевозможнымъ комфортомъ.

Безграничной свободы, могущества и вліянія англійская пресса достигла самостоятельно, путемъ тяжелой, упорной борьбы и величайшихъ услугъ, которыя она оказывала обществу. Для примѣра возьмемъ старѣйшую и наиболѣе извѣстную газету «Таймсъ», существующую уже болѣе ста лѣтъ. Хотя въ послѣднее время она сильно перемѣнила свое направленіе и сдѣлалась теперь защитницею интересовъ финансистовъ и купцовъ Сити, тѣмъ не менѣе свою громкую и почетную міровую извѣстность «Таймсъ» приобрѣлъ своимъ безпристрастіемъ, защитою угнетенныхъ и слабыхъ, энергичною проповѣдью просвѣщенія. «Таймсъ» первый предпринялъ крестовый походъ противъ чрезмѣрнаго обремененія работой дѣтей на фабрикахъ. Чтобы основательно изучить ихъ положеніе, редакція этой газеты снарядила специальныхъ инспекторовъ, и все, что они писали по этому поводу, приводило въ ужасъ англійское общество. Они сообщали тогда о семилѣтнихъ малюткахъ, прикованныхъ по семнадцать часовъ въ сутки къ ручкамъ колесъ станка, засыпающихъ на работѣ, но и во снѣ продолжающихъ автоматически двигать руками. Къ этой газетѣ мало-по-малу стали обращаться какъ къ защитницѣ человѣческихъ правъ, не только англичане, но и иностранцы. Король, требовавшій утерянныя престолъ, лакей, искавшій мѣста, мать, потерявшая ребенка, всѣ обиженные, униженные, безправные и оскорбленные обращались въ Таймсъ, однимъ словомъ онъ былъ убѣжищемъ угнетенныхъ всего міра. Вотъ это-то и создало газетѣ громкую, міровую славу и могущественное вліяніе на англійское общество. Теперь, когда она измѣнила своимъ прежнимъ идеаламъ и стала органомъ куп-

цовъ Сити, она утратила свое прежнее вліяніе. Но это, конечно, не касается достоинства свѣдѣній, сообщаемыхъ «Таймсомъ»: здѣсь ни одна газета не можетъ существовать, если содержаніе ея не удовлетворительно въ какомъ бы то ни было отношеніи. Всѣ ааглійскія газеты поражаютъ богатствомъ своего содержанія: политическія свѣдѣнія со всѣхъ концовъ міра, переданныя по телеграфу собственными корреспондентами, хроника жизни всѣхъ столицъ міра, и затѣмъ идутъ безконечные отчеты, которые всесторонне изображаютъ жизнь страны: они даютъ полное представленіе о засѣданіяхъ въ парламентѣ, о всѣхъ выдающихся лекціяхъ, митингахъ, о рабочемъ движеніи въ той или другой мѣстности, о скачкахъ, однимъ словомъ обо всемъ, что дѣлается. Наиболѣе извѣстныя газеты—страшно богаты, и ихъ иностранные корреспонденты часто получаютъ за свой трудъ больше, чѣмъ посланники великихъ державъ.

Въ настоящее время (въ 90-хъ гг.) въ Англіи выходитъ болѣе двухъ тысячъ періодическихъ изданій, утреннихъ и вечернихъ газетъ, недѣльных журналовъ, двухъ недѣльных, мѣсячныхъ и трехмѣсячныхъ. Каждая наука, профессія, искусство имѣютъ свои органы; каждый классъ общества: духовенство, юристы, фотографы, ремесленники, фабричные имѣютъ свои газеты. Есть журналы, специально посвященные интересамъ лицъ, желающихъ вступить въ законный бракъ, другіе специально занимаются интересами табачниковъ, нѣкоторые всецѣло служатъ интересамъ лѣсопромышленниковъ, кожевниковъ. Республиканцы, всевозможныя религіозныя секты и политическія направленія имѣютъ совершенно особые органы или своихъ представителей въ печати. Намъ, русскихъ, особенно поражаетъ, въ какомъ огромномъ количествѣ расходятся наиболѣе распространенныя газеты: Times—болѣе 100.000, Standard—250.000, а еженедѣльная: Lloyds Weekly—болѣе 600.000. Въ дни, ознаменованные особенными событіями или интересными новостями, газеты печатаются въ двойномъ и даже тройномъ количествѣ. Число читателей, разумѣется, гораздо больше числа выпускаемыхъ въ свѣтъ экземпляровъ различныхъ газетъ, хотя цифра всѣхъ экземпляровъ газетъ, взятыхъ вмѣстѣ,—громадна. Газеты, получаемыя семействами, прочитываются нѣсколькими лицами: затѣмъ огромное число бѣдняковъ читаетъ газету въ трактирахъ; часто даже люди состоятельные не имѣютъ времени читать газеты днемъ и во время отдыха прочитываютъ ихъ въ клубахъ. Большинство ежедневныхъ газетъ вдвое больше по формату нашихъ и, между тѣмъ, продаются по одному пенни; есть и такія, и, нужно замѣтить, совершенно порядочныя газеты, которыя продаются по-полъ пенни и даже по четверть пенни. Стоимость очень немногихъ газетъ превышаетъ одинъ пенни; «Times», впрочемъ, стоитъ три пенни. *)

ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Рождество.—Приготовленія къ этому дню.—Какъ англичанки украшаютъ въ этотъ день свои дома.—Рождественская литература.—Первый день праздника.—Англійскій театр.—Пошлость и ничтожество современныхъ драматическихъ представленій въ Англіи.—Причина этого явленія.—Музыкальныя комедіи.—Отношеніе публики къ представленіямъ.—Рождественскія пантомимы на лондонскихъ театрахъ и въ частныхъ домахъ.—Странствующие актеры.—Канунъ Новаго Года.—Какъ проводятъ Новый Годъ.—Праздникъ плуга.—День св. Валентина.—Значеніе майскихъ праздниковъ.—Окончаніе жатвы.

Большіе церковные праздники въ Англіи въ то же время и праздники семейные. Англичане во всемъ оказываются народомъ, глубоко уважающимъ преданія и обычаи. Многія религіозныя празднества совершенно исчезли въ Англіи, но тѣ, что остались,

*) Пенни равняется безъ малаго 4 к. на наши деньги.

празднуются точно такъ-же и съ такимъ же благоговѣніемъ ко всѣмъ обычаямъ, какъ и прежде. Самый любимый праздникъ англичанъ—Рождество. Наканунъ его стѣны самой бѣдной хижины украшены зеленью чертополоха и лавра. Убирать зеленью комнаты въ этотъ день—любимое занятіе дѣвушекъ, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ. Гирлянды, вѣнки, вензеля и букеты расположены по стѣнамъ такъ, что не видно пустого мѣста, и каждая комната представляетъ фантастическій зеленый гротъ. Здѣсь и тамъ свѣшивается вьющійся зеленый плющъ, а на нѣжной зелени остролистника ярко выдѣляются красныя ягоды, которыя, по словамъ старыхъ пѣсень, «увѣнчиваютъ голову мрачной зимы». «Лавръ», говорится въ одной пѣснѣ, «всего приличнѣе воинамъ и поэтамъ, дубъ—эмблема сильныхъ, миртъ нравится красавицамъ, а остролистникъ дорогъ сердцу каждого добраго англичанина». И потому-то, убирая комнаты, каждая англичанка старается добыть темную зелень остролистника съ его красными ягодами. Къ потолку прикрѣпляютъ вѣтку омелы, которая свѣшивается среди комнаты. Дѣвушка кончила свою работу и уже хочетъ отойти, но въ дверь вошелъ знакомый молодой человѣкъ, быстро подбѣжалъ къ вѣткѣ, и молодые люди звонко поцѣловались. Вѣтка омелы даетъ право мужчинѣ, хорошо принятому въ домѣ, поцѣловать каждую женщину, которую онъ застанетъ подъ ея священной зеленью. Этотъ обычай, повидимому не подходящий къ англійскимъ правамъ, строго выполняется даже самыми чопорными дѣвушками, но, конечно, только въ низшихъ и среднихъ классахъ,—аристократы считаютъ для себя этотъ обычай слишкомъ вульгарнымъ.

«Рождество пришло! здравствуй, старый дѣдушка Рождество! Ты опять пришелъ, добрый старикъ, съ твоею сѣдой бороною!»—вотъ крики дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ раньше зари, раньше пѣнія пѣтуха. Въ нѣкоторыхъ англійскихъ деревняхъ еще до сихъ поръ вѣрятъ, что пѣтухъ въ день Рождества привѣтствуетъ зарю новой эры и приноситъ счастье на весь годъ, и потому дѣвушки и дѣти стараются проснуться раньше пѣтуха и прокричать поздравленіе «доброму дѣдушкѣ Рождеству», котораго они такъ искренно любятъ.

Утро Рождества въ Лондонѣ. Улицы около восьми часовъ еще совсѣмъ пусты, слышится только звонъ тысячи колоколовъ въ сухомъ и холодномъ воздухѣ. Но вотъ разряженный народъ потянулся въ церкви. Сквозь занавѣсы даже самыхъ скромныхъ оконъ блеститъ огонь: это рождественское полѣно пылаетъ въ очагѣ и яркимъ пламенемъ освѣщаетъ веселыя лица. «Пылающій огонь въ каминѣ и добрая, улыбающаяся жена», по англійской пословицѣ, «лучшія сокровища каждого человѣка». И дѣйствительно, въ Англіи въ Рождество мало найдешь очаговъ, которые не свѣтятся, мало женщинъ, которыя не улыбаются. Разумѣется, Рождество не уничтожаетъ волшебствомъ всѣ страданія несчастныхъ пролетаріевъ, которые въ этой замѣчательно богатой столицѣ бѣднѣе и несчастнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тѣмъ не менѣе рѣдкій бѣднякъ не сидитъ въ этотъ день у пылающаго очага. Почти во всѣхъ деревняхъ и городахъ существуетъ родъ сберегательныхъ кассъ; дѣлая въ нихъ копѣечные вклады, большинство работниковъ получаетъ возможность отпраздновать этотъ великій для себя день гораздо лучше, чѣмъ всѣ остальные праздники въ году.

Часъ ѣды—самая священная минута въ жизни англичанина; въ праздникъ же она устраивается необыкновенно торжественно. Но Рождество безъ дѣтей—плохой праздникъ, и тотъ англичанинъ, у котораго нѣтъ дѣтей, самъ отправляется на обѣдъ къ роднымъ или друзьямъ. Вся семья чинно усаживается за столъ. На самомъ почетномъ мѣстѣ обыкновенно стоитъ пустое кресло,—на немъ какъ бы присутствовать предокъ или какой-нибудь покойный членъ семьи. Дѣти исподлобья и съ благого-

вѣніемъ посматриваютъ на пустой стулъ, и никто изъ присутствующихъ не позволить себѣ по этому поводу никакой остроты. Обѣдъ проходитъ чинно и торжественно, но когда подаютъ плумъ-пуддингъ *), всѣ сразу оживляются, дѣти кричатъ, хлопаютъ въ ладоши, топаютъ подъ столомъ ножками. Даже дѣдушка улыбается изъ-подъ тяжелыхъ очковъ, и игривое голубое пламя сразу превращаетъ молчаливую торжественность въ шумное веселье. Подаютъ десертъ, а въ нѣкоторыхъ домахъ появляется и елка, начинаются танцы, игры. Всѣ шумятъ, веселятся, бѣгаютъ, играютъ, между прочимъ въ жмурки и въ прятки. «Разскажите намъ, дѣдушка, о молодомъ Ловелѣ и о его прекрасной невѣстѣ», упрасиваютъ дѣти послѣ этой игры. Дѣдушка торжественно опускается въ кресло, на минуту раздается скрипъ подвигаемыхъ стульевъ, но когда онъ поправляетъ свои очки, все смолкаетъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла. «Давно, давно», начинаетъ свой разсказъ дѣдушка, «въ одномъ старинномъ замкѣ, въ семействѣ одного богатаго барона, дѣти и молодая дѣвушка со своими подругами, какъ и вы, играли въ этотъ день въ жмурки и въ прятки. Прекрасная дочь барона уже была невѣстою и просватана за молодого Ловеля. Желая помучить подругъ, молодая дѣвушка такъ спряталась, что прошли дни, мѣсяцы и годы въ самыхъ усердныхъ поискахъ, но ее нигдѣ не могли найти. Наконецъ, уже спустя нѣсколько лѣтъ, открыли тяжелый старинный сундукъ и тамъ нашли скелетъ съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ увядшихъ розъ на головѣ: это была прекрасная невѣста молодого Ловеля». Послѣ грустнаго разсказа общество не можетъ сразу перейти къ веселымъ забавамъ; но громкія пѣсни съ улицы, которыя во все горло поютъ дѣти и старики, снова оживляютъ всѣхъ.

Для взрослыхъ святки—праздникъ кутежа: балы, концерты, кристальный дворецъ съ своими зимними увеселеніями, вечера, пикники. Въ первые дни Рождества трудно найти англичанина въ дурномъ расположеніи духа. Все, что только можетъ польстить желудку, выставлено во всѣхъ магазинахъ съ истинно національною предусмотрительностью. Въ продолженіи всѣхъ святокъ на столѣ каждого появляются самыя любимыя національныя кушанья и питія: жареная индѣйка, ростбифъ, бифштексъ, у богатыхъ паншеты изъ дичи и голубей, и у всѣхъ непремѣнно плумъ-пуддингъ, портеръ и эль.

Но святки главнымъ образомъ торжество дѣтей. Для нихъ игрушечные торговцы выставляютъ самыя блестящія игрушки, кондитеры самыя вкусныя и затѣйливыя лакомства, у книгопродавцевъ оказываются для нихъ тысячи эстамповъ и раскрашенныхъ картинъ, множество дѣтскихъ книгъ, переплетенныхъ въ бархатъ и золото. Специально къ Рождественскимъ праздникамъ выходитъ множество изданій, и большинство изъ нихъ расходится въ изумительномъ, совершенно немыслимомъ у насъ количествѣ экземпляровъ. Такія изданія къ праздникамъ выпускаютъ въ свѣтъ десятками тысячъ экземпляровъ, а очень многія изъ нихъ даже сотнями тысячъ. Конечно, и между англійскою рождественскою литературой немало появляется изданій съ цѣлями исключительно спекулятивными, но между ними и множество такихъ, которыя заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Первоклассные таланты нерѣдко помѣщаютъ на страницахъ этихъ изданій свои лучшіе разсказы, что, безъ сомнѣнія, имѣетъ огромное вліяніе на распространеніе этихъ книгъ. Другая причина ихъ неи-

*) Плумъ-пуддингъ дѣлаютъ изъ булки, муки, сахару, изюму, корицы, цуката и другихъ пряностей и сладостей. Чтобы связать всю эту разнородную массу, въ нее кладутъ мозги изъ костей. Въ мелочахъ, разумѣется, это кушанье разнообразится до безконечности, но когда въ праздникъ его подаютъ, его обливаютъ ромомъ, который зажигаютъ, и такимъ образомъ пылающимъ приносятъ къ столу.

мовѣрно блестящаго успѣха—дешевая цѣна. «Рождественская книга» съ прекрасными картинками и политипажами, въ изящномъ переплетѣ стоитъ на наши деньги отъ 50 до 75 коп.

Кромѣ множества самыхъ разнообразныхъ изданій, во время святокъ для дѣтей открываютъ особые музеи, залы, гдѣ устраиваютъ всевозможныя игры, рассказываютъ сказки, показываютъ доступные для нихъ опыты. Въ эти дни вы постоянно читаете публикаціи о дѣтскихъ маскарадахъ, на которыхъ появляются люди-львы, люди-пѣтухи, люди-кувины, люди-индюки,—и все это самага ужасающаго размѣра и вида.

Первый день Рождества каждое семейство проводитъ у себя, въ кругу своихъ близкихъ и домашнихъ; на другой день дѣтей везутъ въ театръ, на новое пантомимное представленіе. Скажемъ нѣсколько словъ объ англійскомъ театрѣ.

Въ Лондонѣ отъ 40 до 50-ти театровъ и болѣе полусотни различныхъ музыкальных залъ, въ которыхъ, особенно во время сезона, даютъ концерты даже по два раза въ день. Вслѣдствіе этого съ перваго раза можно подумать, что англичане необыкновенно музыкальный народъ и что театръ ихъ стоитъ на высокой степени развитія. Въ дѣйствительности же выходитъ совсѣмъ другое. Странно, что нація, которая произвела такого великаго драматурга, какъ Шекспиръ, пересоздававшего театръ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и подарившаго своему народу такое множество гениальныхъ произведеній, не имѣетъ въ настоящее время хорошихъ театральныхъ представленій. На всѣхъ современныхъ англійскихъ драмахъ лежитъ печать замѣчательной пошлости, безвкусія и полнаго отсутствія мысли. Это происходитъ не только оттого, что Англія за послѣднее пятидесятилѣтіе не выдвинула ни одного талантливаго драматурга, но и оттого, что антрепренеры лондонскихъ театровъ выбираютъ пьесы, соотвѣтствующія лишь извѣстному шаблону. Ни одинъ театръ въ Англіи не возьметъ пьесы съ печальнымъ концомъ. Мало того, обыкновенно театральныи механикъ вдругъ придумываетъ въ декоративной области что-нибудь новенькое, съ необыкновеннымъ свѣтовымъ эффектомъ и въ то же время что-нибудь поразительно реальное, напр. штольню съ подземными машинами. Заправили театра рѣшаютъ, что подобное зрѣлище приманитъ массу публики, призываютъ писателя и заказываютъ ему написать пьесу, героями которой явились бы рудокопы. Если механику удастся изобрѣсти бурю съ настоящими волнами и погибающій корабль, писатель долженъ вывести героями моряковъ. Кромѣ того, если авторъ желаетъ, чтобы его пьеса очень понравилась публикѣ, чтобы ее долго не снимали съ репертуара, онъ долженъ давать эффектныя сценки, ввести въ нее военныя экзерциціи, маршировку, парадъ, или, по крайней мѣрѣ, красивый балетъ и катаніе на велосипедахъ. Такимъ образомъ, нынѣшній англійскій драматическій писатель долженъ считаться не только съ требованіями публики, не имѣющей никакого чутія къ истинно прекрасному, но и съ требованіемъ театральныхъ заправиль—давать пьесу не иначе, какъ съ счастливымъ концомъ, съ маршировкой солдатъ (особенно шотландскихъ полковъ въ національныхъ костюмахъ, что вызываетъ такой неописанный восторгъ присутствующихъ), а также и съ изобрѣтательностью театральнаго механика. Посмотримъ же, какія произведенія являются результатами такого творчества: описаніе измѣны влюбленныхъ, сильныхъ страстей, героевъ, отношенія которыхъ не освящены бракомъ,—современный англійскій театръ почти не допускаетъ. «Зато широкій просторъ дается другимъ страстямъ: грубая, животная месть, убійство, пытки и даже смертная казнь фигурируютъ очень часто на сценѣ. Если мотивы, побуждающіе героевъ убивать или мучить, фальшивы до невѣроятности, зато съ поразительнымъ реализмомъ

обставляется самое дѣйствіе. Въ одной драмѣ на сценѣ—гильотина. Палачъ связываетъ осужденнаго, медленно продѣлываетъ все, точно, дѣйствительно, собирается снести ему голову. Нужны стальные нервы, чтобы высидѣть до конца. Въ другой пьесѣ челоѵѣка распинаютъ и его руки приколачиваютъ гвоздями къ дереву. Сцена и безъ того тяжелая, а тутъ еще для «реализма» дерево обливаютъ красной краской. Получается впечатлѣніе, какъ будто передъ вами зарѣзали челоѵѣка. Иностранецъ сильно разстроитъ себѣ нервы, пока дожидется «счастливаго конца». Въ одной пьесѣ (White Heather), которая имѣла колоссальный успѣхъ въ театрѣ Дрюрилэнъ, декорации представляютъ чудо театральныя техники. Въ этой пьесѣ не одинъ „центральный эффектъ“, а цѣлый рядъ ихъ. Въ первомъ дѣйствіи—верещаекъ въ Шотландіи. Горы покрыты бурнымъ ковромъ вереска; вдали избы, изъ трубъ которыхъ валить „настоящій“ дымъ; на сценѣ пасутся „настоящія“ овцы; по косоугору ползутъ навьюченныя шотландскія пони. Потомъ является внутренность англійской биржи съ цѣлыми толпами маклеровъ, биржевыхъ игроковъ и т. п. Далѣе—шлюзы на Темзѣ; возлѣ нихъ—нищія мальчишки, какъ это обыкновенно бываетъ въ дѣйствительности. Они, какъ обезьяны, взбираются на стоящія въ водѣ столбы и выкидываютъ на вершинѣ ихъ разныя штуки, за которыя имъ бросаютъ пенсы. Изъ-подъ шлюзъ бьетъ „настоящая“ вода; по рѣкѣ плывутъ пароходики, набитые зрителями. Все это поразительно реально и точно воспроизводитъ дѣйствительность, но главный „гвоздь“ пьесы, наибольшій эффектъ производитъ та часть пьесы, гдѣ передъ публикою вдругъ открывается часть морскаго дна, на которомъ, полузакрытое въ илѣ, покрытое водорослями, лежитъ затонувшее судно. Вокругъ плывутъ стаи рыбъ, начиная отъ мелкихъ и кончая акулами. На днѣ копошатся краббы. Въ это время на поверхности воды показывается парусное судно, съ котораго опускается водолазъ. Подъ водой водолазъ встрѣчаетъ другого, и между ними начинается нѣмой бой. Всѣ любуются великолѣпной декорацией, совершенно не обращая вниманія на дѣйствующихъ лицъ, однимъ словомъ англійская драма все болѣе и болѣе превращается въ простое зрѣлище“.

Гораздо больше, чѣмъ драма, распространены теперь въ Лондонѣ „музыкальныя комедіи“—это ничто иное, какъ смѣсь грубаго фарса съ французской опереткой. Въ этихъ „музыкальныхъ комедіяхъ“ заботятся только о томъ, чтобы все вышло какъ можно забавнѣе и потѣшнѣе, и въ концѣ концовъ выходитъ какое-то сплошное шутство, безъ всякой мысли, даже безъ соли и остроумія. Трудно передать содержаніе этихъ музыкальныхъ комедій, такъ какъ его-то и не существуетъ въ нихъ. Дѣйствующія лица на сценѣ даютъ другъ другу затрешины, зуботычины, пощечины, затѣваютъ между собой драку, боксируютъ другъ съ другомъ. «Вперемежку съ оплеухами, со швыряніемъ другъ друга въ лохань да съ танцами идутъ нумера, т.-е. комическіе куплеты, которые потомъ распѣваются всѣмъ Лондономъ“.

Музыкальностью англійская публика тоже не отличается, хотя англичане, особенно среднихъ и высшихъ классовъ, считаютъ своею обязанностью очень часто посѣщать концерты и оперу. Директора оперъ платятъ громадныя суммы европейскимъ знаменитостямъ. Чтобы понять, какое впечатлѣніе производятъ на публику извѣстныя пѣвцы и пѣвицы, стоитъ посѣтить лондонскую оперу. Роскошно, по-балъному разодѣтыя дамы и мужчины наполняютъ ложи и партеръ, но Боже, какія равнодушныя и серьезныя у нихъ фیزیономіи. Они пріѣхали въ оперу, чтобы выполнить долгъ, который предписываетъ имъ кодексъ приличій и ихъ высокое положеніе. Тѣмъ не менѣе артистовъ выслушиваютъ съ большимъ вниманіемъ: англичане знаютъ, что передъ ними великія европейскія знаменитости, и совершенно довольны,

что присутствуют при ихъ пѣніи. Англичанамъ извѣстно, что весь свѣтъ приходитъ въ восторгъ отъ этихъ артистовъ,—какъ-же имъ, столь просвѣщенному народу, не выказать своего сочувствія? Точно также и относительно музыки. Англичане не создали ни одной музыкальной знаменитости, и молоденькія англичанки рѣдко артистически играютъ на фортепіано или поютъ, и еще рѣже съ увлеченіемъ.

Совсѣмъ не такъ относятся англичане къ рождественскимъ пантомимамъ. Хотя они и называютъ эти представленія дѣтскими и ѣдутъ на нихъ подъ предлогомъ проводить дѣтей въ театръ, но смѣхъ, шутки, остроты, восклицанія, громкіе, восторженные аплодисменты во время представленія и ложки, болѣе чѣмъ на половину занятые взрослыми, все это доказываетъ, что пантомимныя представленія—любимое развлеченіе не только дѣтей, но и взрослыхъ. Пантомимы существуютъ въ Англіи издавна, но прежде онѣ были не то, что теперь. Самое названіе «пантомимъ» къ нынѣшнимъ рождественскимъ представленіямъ подходитъ только на половину. Онѣ состоятъ теперь изъ двухъ отдѣльныхъ частей: въ одной изъ нихъ говорятъ, другая исполняется нѣмыми актерами. Прежде въ пантомимѣ актеры не говорили; но съ теченіемъ времени рѣшили какъ можно болѣе оживить эти безмолвныя представленія, хотя названіе за ними осталось прежнее. Пантомимы можно видѣть и у южныхъ народовъ, но у нихъ онѣ отличаются чрезвычайно живой игрой и необыкновенною экспрессіей фізіономіи; у англичанъ же отличительнымъ характеромъ является движеніе: бѣшенныя прыжки, скачки, въ которыхъ можно сломать себѣ шею, проявленіе необычайной силы, самыя необузданныя движенія,—вотъ что характеризуетъ нѣмую часть представленія. Ни одинъ не уходитъ со сцены не подравшись, а на маленькихъ театрахъ удары сыплются въ необыкновенномъ изобиліи. Искусство завѣдывающихъ машинами весьма велико, такъ какъ для одной сцены нужно приготовить гигантское птичье гнѣздо, въ которомъ могла бы помѣститься взрослая дѣвушка, изображающая добраго гения, для другой—гигантскую паутину, въ которой живетъ злой духъ, изображаемый актеромъ высокаго роста. И все это, и гнѣздо, и паутина, должны быть такія, какъ въ дѣйствительности, только громадныхъ размѣровъ. Въ составъ пантомимъ непременно входятъ представленія клоуновъ и кордебалетъ. Рождественское представленіе не можетъ быть безъ танцевъ, безъ процессій, безъ живыхъ картинъ,—для всего этого нужны женщины, поэтому каждый театръ и ангажируетъ ихъ огромное количество. Эти пантомимы напоминаютъ и оперу, и волшебную драму, и фарсъ, и итальянскую пантомиму и между тѣмъ въ цѣломъ носятъ печать національности. Сюжеты пьесы обыкновенно самый фантастическій: его берутъ изъ дѣтской сказки, изъ путешествія Гулливера, изъ приключеній Робинзона Крузо, прекрасной Розамунды, Джека, убивающаго гигантовъ, и другихъ исторій добраго стараго времени. Чѣмъ болѣе интрига запутана и фантастична, тѣмъ болѣе пригодна она для рождественской пантомимы, такъ какъ при этомъ въ пьесу удобно ввести и фантастическіе танцы, и магическія превращенія, эффектное освѣщеніе и самую затѣйливую обстановку. Но мы бы составили себѣ самое ложное представленіе объ этихъ пантомимахъ, если бы заключили по этому, что въ нихъ только и есть фантастическій вымыселъ съ грубыми выходками актеровъ въ родѣ бокса и драки. Англійская пантомима идетъ рука-объ-руку съ современною жизнью: въ ней иногда касаются смѣшныхъ сторонъ и явленій жизни, а то затрогиваютъ и политическія событія. Въ извѣстные годы въ ней на посмѣище выставляютъ вдругъ вспыхивающее пристрастіе общества къ вертящимся столамъ. Невидимые духи совсѣмъ выворачивали тогда міръ наизнанку: въ стѣнахъ, въ столахъ и въ потолкѣ слышались стук и голоса; стулья съ сидящими на нихъ людьми

поднимались на воздухъ и танцовали; музыкальные инструменты, безъ помощи пальцевъ, издавали всевозможные звуки; цвѣтной дождь сыпался на голову присутствующихъ. Нерѣдко берутъ историческіе сюжеты, но въ нихъ совсѣмъ нельзя искать исторической правды. Какой бы сюжетъ ни взяли для пантомимы—сказку, историческій или фантастическій сюжетъ, все въ концѣ-концовъ заканчивается арлекинадой: на сцену является обыкновенно мистеръ Пончъ, его супруга Джуди, констебль, палачъ и другіе герои уличнаго театра.

Эти рождественскія пантомимныя представленія проникли и въ самый народъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ театровъ, они даются странствующими актерами. Во время святокъ, въ различныхъ мѣстечкахъ въ провинціи, можно встрѣтить толпу людей, фантастично одѣтыхъ: это и есть странствующие актеры, изъ которыхъ большинство обыкновенно дѣти двѣнадцати-тринадцати лѣтъ; такихъ мальчиковъ называютъ «mummers». Ихъ зазываютъ въ каждый домъ, мимо котораго они проходятъ: богатый ли то замокъ, или жилище простолюдина. Хозяинъ дома извѣщаетъ объ этомъ ближайшихъ сосѣдей и своихъ служащихъ, и представленіе начинается. Характеръ этихъ представлений уже гораздо менѣе сложный, чѣмъ на лондонскихъ театрахъ, безъ фантастическихъ превращеній, безъ дорогихъ костюмовъ. Сюжетомъ для такихъ представлений обыкновенно служатъ легенды, между которыми самая извѣстная—легенда «о святомъ Георгіи и о борьбѣ его съ дракономъ». Дѣйствующія лица: дѣдушка Рождество—сѣдой старикъ въ большой маскѣ и длинномъ парикѣ, съ толстою палкою въ рукахъ. Святой Георгъ—рыцарь въ широкихъ штанахъ (онъ носитъ готовый къ бою мечъ; на его головѣ высокій шлемъ изъ папки, украшенный цвѣтною бумагою, бусами и кусочками зеркала; съ его шлема свѣшиваются внизъ до земли полосы лыка, украшенные цвѣтными тряпочками), египетскій король и турецкій рыцарь—у того и у другого на головѣ родъ тюрбана, докторъ—одѣтъ весьма комично въ родѣ паяца или арлекина (у него треугольная шляпа и размазанное лицо), драконъ и великанъ, одѣтый пестро; игрушечная лошадка обыкновенно также является въ этихъ представленіяхъ, дочь короля египетскаго—лицо, которое во время всего дѣйствія остается безъ рѣчей,—эта роль обыкновенно исполняется мальчикомъ.

Раздается стукъ въ дверь; входитъ турецкій рыцарь. «Отворите дверь и впустите меня», говоритъ онъ, «я надѣюсь заслужить ваше одобреніе. Святой Георгъ здѣсь и войдетъ сюда; если онъ это сдѣлаетъ, придетъ мой конецъ». Въ эту минуту входитъ египетскій король. «Это я, египетскій король, во всемъ своемъ величіи! Святой Георгъ, приди сюда, приди мой сынъ, мое единственное дитя!» Входитъ Георгъ. «Это я, святой Георгъ, британецъ по рожденію. Я хочу побѣдить дракона; я обрѣжу ему крылья, и онъ не станетъ болѣе летать».—«Кто ищетъ крови дракона?» кричитъ драконъ, «англійская собака хочетъ меня побѣдить; клянусь, онъ не уйдетъ отсюда живымъ, я съѣдаю такихъ по десятку». Святой Георгъ и драконъ дерутся,—послѣдній убитъ. «Нѣтъ-ли тутъ доктора,» говоритъ отецъ Рождество входя, «ученаго, разумнаго и искуснаго, который вылѣчилъ бы смертельную рану дракона, чтобы міръ не потерялъ этого героя?»—«Я ученый, искусный, ловкій докторъ, и могу излѣчить смертельную рану.»—«Сколько же ты хочешь за это, сынъ мой?»—«Пятнадцать фунтовъ моя обыкновенная плата, но за такую презрѣнную собаку я могу взять и половину. Ну-ка парень, прими моего флипъ-флопъ», говоритъ докторъ, поднося склянку дракону, «встань и дерись снова.» Драконъ оживаетъ, и битва возобновляется, но онъ опять убитъ. «Своимъ мечемъ я уже завоевалъ три короны, опять убилъ дракона и такимъ образомъ приобрѣлъ прекрасную дочь египетскаго царя. Кто послѣ этого осмѣлится выйти сразиться со мной?»—«Я,

рыцарь чистой турецкой крови, пришелъ изъ Турціи, чтобы сразиться съ Георгомъ. Онъ тутъ очень заважничалъ и думаетъ, что его оружіе непобѣдимо. Я его сдѣлаю болѣе уступчивымъ.» Георгъ и турецкій рыцарь дерутся; послѣдній побѣжденъ и падаетъ на колѣни. «Прости меня, святой Георгъ», говоритъ онъ, «сжался надо мною только сегодня, и я сдѣлаюсь твоимъ рабомъ.»—«Нѣтъ милости, нѣтъ пощады», отвѣчаетъ Георгъ. «Встань и дерись, нечего хныкать, какъ баба». Дерутся, и турецкій рыцарь также убитъ. Снова является отецъ Рождество и призываетъ доктора; затѣмъ является великанъ Турпинъ. «У всѣхъ народовъ», говоритъ онъ, «громить моя слава. Куда я ни приду, всѣ дрожать передо мною». Св. Георгъ: «Тутъ найдется человѣкъ, который посмѣетъ взглянуть тебѣ въ лицо». Они дерутся, Турпинъ убитъ. Нѣмая египетская принцесса падаетъ въ объятія Св. Георга. Отецъ Рождество: „Лѣди и джентльмены, ваша забава окончена. Прошу обратить вниманіе на шляпу“; подставляетъ шляпу, публика бросаетъ въ нее деньги. Даже образованная публика очень любитъ подобныя представленія, не смотря на ихъ наивность.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи, особенно у жителей верхней части Ланкашира, канунъ новаго года празднуется, такъ сказать, «сжиганіемъ стараго года». Съ этою цѣлью дѣти и молодежь собираютъ топливо: вѣтви, хворостъ и каменный уголь, все это складываютъ въ кучи на перекресткахъ. Около каждой такой кучи къ девяти часамъ вечера собирается огромная толпа народа. Кто-нибудь изъ присутствующихъ поджигаетъ костеръ, и всѣ собравшіеся стараются бросить въ него какой-нибудь новый кусокъ топлива. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти костры горятъ на холмахъ и отбрасываютъ фантастическій свѣтъ на близлежащую деревню. Огонь этихъ костровъ стараются поддерживать до полудня новаго года, такъ какъ въ этотъ день считается величайшимъ несчастьемъ дать кому-нибудь огня или вновь разводить его у себя. Когда наканунѣ новаго года очагъ потухаетъ, огонь стараются получить съ помощью горячей золы костра. Эти обряды остались въ странѣ, вѣроятно, еще отъ языческихъ временъ.

Рано утромъ въ новый годъ, когда уже въ трактирахъ и погребахъ кончились поминки по «старому Тому» (такъ величаютъ здѣсь старый годъ), улицы наполняются дѣтьми и парнями. Они во все горло поютъ слѣдующую пѣсню: «желаемъ вамъ счастливаго новаго года, денегъ полный карманъ, погребъ полный пивомъ, откормленную свинью; пусть все это будетъ у васъ круглый годъ. Лѣди и джентльмены, сидящіе у огня, пожалѣйте насъ бѣдняковъ, стоящихъ въ грязи». Въ послѣднее время первый день новаго года справляется безъ особенной торжественности, и единственнымъ выраженіемъ общественной радости служить веселый трезвонъ церковныхъ колоколовъ, провожающихъ старый годъ и возвѣщающихъ новый.

Молодежь изъ престопаго народа съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ *праздника плуга*: такъ называютъ здѣсь сельскій праздникъ, справляемый въ первый понедѣльникъ послѣ крещенія. Плугъ убираютъ разноцвѣтными лентами. Множество парней, украшенныхъ лентами огненнаго цвѣта, впрягаются въ этотъ «потѣшный плугъ» и съ музыкою тащатъ его отъ одного дома до другого. Впереди «воловоу плуга» (такъ называютъ разодѣтыхъ и тащущихъ плугъ парней) идутъ шутъ и Bessy; шутъ наряженъ въ телячью шкуру съ хвостомъ, а Bessy, большею частью, парень въ платьѣ старухи и съ кружкою въ рукахъ, въ которую бросаютъ деньги хозяева тѣхъ домовъ, передъ которыми остановится эта веселая компанія. Эта процессія дѣлается особенно оживленною, когда къ ней присоединяются молотильщики съ цѣпами, жнецы съ серпами и ямщики съ длинными кнутами, которыми они пощелки-

ваютъ. Въ этой компаніи вы нерѣдко замѣчаете кузнеца и мельника, такъ какъ первый точить плугъ, а послѣдній мелетъ зерна. Bessy нетерпѣливо гремитъ своею кружкою и, танцуя, дѣлаетъ такіе прыжки, что показываетъ публикѣ свои шерстяные чулки и полосатые плисовые панталоны. Ея увлеченіе доходитъ иногда до того, что у нея спадаетъ съ головы старушечій чепчикъ, локоны въ безпорядкѣ падаютъ на лицо и во время прыжковъ открываютъ усы, что болѣе всего приводитъ въ восторгъ публику. Вездѣ, гдѣ останавливается эта веселая компанія, двери открываются, и ей выносятъ деньги и вино; даже бѣднякъ, который остановится посмотрѣть, непременно броситъ хоть нѣсколько пенсовъ въ кружку Bessy. Но настоящая потѣха начинается подлѣ той фермы, хозяева которой считаются богатыми и которые въ то же время ничего не выносятъ «воламы плуга». Тогда Bessy начинаетъ гремѣть кружкою со всей силы, одни изъ пахарей отплясываютъ все болѣе энергично, другіе пронзительно трубятъ въ воловьіе рога и при этомъ вскрикиваютъ, что есть мочи. Но привѣтливый и богатый по внѣшности домикъ остается нѣмъ попрежнему. Тогда двадцать впряженныхъ парней дружно принимаются за дѣло, и земля передъ домомъ черезъ двѣ-три минуты покрывается бороздами и дѣлается обнаженною, какъ вновь вспаханное поле.

День Св. Валентина (14-го февраля)—праздникъ молодыхъ дѣвушекъ. Въ этотъ день юноши имѣютъ обыкновеніе посылать по почтѣ дѣвушкамъ, которыя имъ нравятся, анонимныя посланія въ прозѣ и въ стихахъ. Эти признанія написаны на маленькихъ листикахъ, изящно разрисованныхъ и украшенныхъ девизами и эмблемами аллегорическаго свойства. Эти посланія вкладываютъ въ пакеты, тоже украшенные цвѣтами и эпитафиями и непременно надушенные. вмѣстѣ съ этими пакетами посылаютъ и подарки: рабочіе ящики въ видѣ бесѣдки купидона, букеты съ вѣрами, цвѣточные корзины съ духами. Эти «валентины» посылаютъ самымъ таинственнымъ образомъ и нерѣдко употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы скрыть имя пославшаго: поручаютъ другому надписать адресъ, а чтобы почтовый штемпель не навелъ на настоящій слѣдъ, опускаютъ въ ящикъ не въ той мѣстности, гдѣ живутъ. Въ день Св. Валентина въ каждой семьѣ, гдѣ есть взрослые дѣвушки, замѣтно необыкновенное волненіе. Не менѣе дочери возбуждена и мать: ее сильно интересуетъ, многимъ-ли молодымъ людямъ она нравится. Когда слышится стукъ, мать и дочь бросаются къ двери, все семейство встаетъ и окружаетъ ихъ. Молодая дѣвушка должна быть очень непривлекательна, если останется въ этотъ день съ пустыми руками или получить только нѣсколько пакетовъ. Молодая дѣвушка дрожащими руками вскрываетъ пакетъ, читаетъ вслухъ посланіе, и затѣмъ все семейство принимается отгадывать, отъ кого оно можетъ быть и что можетъ означать та или другая аллегорія или эмблема.

Съ днемъ перваго мая связано множество процессій, торжествъ и обычаевъ; его начинаютъ праздновать еще наканунѣ. Во многихъ мѣстностяхъ югозападной Англіи молодежь обоого пола собирается въ какую-нибудь гостиницу или трактиръ и ждетъ, пока пробьетъ двѣнадцать часовъ. Тогда всѣ начинаютъ расхаживать по улицамъ города со скришками, барабанами и другими инструментами, звуками музыки приглашая желающихъ присоединиться къ нимъ. Когда собралась огромная толпа народа, съ пѣніемъ и музыкою отправляются на сосѣднія фермы, за четыре-пять миль отъ города, гдѣ ихъ угощаютъ и гдѣ въ заключеніе они танцуютъ. Угостившись, одни изъ нихъ отправляются «собирать май», другіе садятся гдѣ-нибудь на лужайкѣ и готовятъ «майскую музыку», которая, смотря по мѣстности, очень разнообразна, но обыкновенно напоминаетъ свистокъ. Въ пять или шесть ча-

совѣ утра, когда «май собранъ» и музыка готова, молодежь возвращается домой съ вѣтвями, наигрывая на различныхъ инструментахъ и свисткахъ. Когда толпа вступаетъ въ городъ, музыка усиливается, и танцы возобновляются. Если первое мая случится въ воскресный день, молодежь продѣлываетъ ту же церемонію до малѣйшихъ подробностей, кромѣ пляски по городу.

Въ Девонширѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ дѣвушки осаждаютъ всѣхъ владѣльцевъ цвѣтниковъ, упрашивая ихъ подарить имъ нѣсколько хорошенькихъ цвѣтковъ для «майскихъ куколъ»; обыкновенно всѣ охотно исполняютъ эту просьбу, такъ какъ цвѣты растутъ здѣсь въ большомъ изобиліи, и къ тому же отказать дѣвушкамъ въ исполненіи этого обычая считается неприличнымъ. Дѣвушки дѣлаютъ изъ цвѣтовъ гигантскія гирлянды, привязываютъ къ нимъ букеты, украшаютъ ихъ разноцвѣтными шелковыми лентами, къ букету прикрѣпляютъ куклу, великолѣпно одѣтую, которая изображаетъ флору, и носятъ ее изъ дома въ домъ съ разными обрядами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи парни, служащіе на фермахъ, отправляются наканунѣ перваго мая собирать «майскія вѣтки» и затѣмъ разносятъ ихъ по домамъ, оставляя въ каждомъ изъ нихъ столько вѣтокъ, сколько въ домѣ членовъ семьи. На другой день, а иногда въ тотъ же день, та же толпа парней, украсивъ свои шляпы лентами, отправляется въ тѣ дома, гдѣ они оставили вѣтки. Этой компаніей предводительствуетъ «майскій лордъ» и «майска лэди» или «Мэри». «Майскій лордъ» одѣтъ въ рубашку, убранныю лентами, а другой парень наряженъ дѣвухой и потому называется «лэди» или «Мэри»; у третьяго парня въ рукахъ шесть, на верхушкѣ котораго привязанъ платокъ въ видѣ флага, чтобы отгонять черезчуръ докучливую публику. Передъ каждымъ домомъ они останавливаются и поютъ „ старую майскую пѣсню“: „Лѣто приходитъ свѣжее, зеленое, веселое; мы пришли къ вамъ въ этотъ тихій вечеръ, чтобы рассказать о цвѣтахъ и почкахъ, которыя уже видны на каждомъ деревѣ. Близокъ веселый Май,—вставай хозяинъ, одѣвай свою золотую цѣпь, лѣто приходитъ такое свѣжее, зеленое, веселое. Не прогнѣвайся, что мы вошли въ твой домъ,—уже близокъ веселый мѣсяцъ Май. Вставай, хозяйка, укрась золотомъ свою грудь,—лѣто приходитъ такое свѣжее, зеленое, веселое. Вставайте, дѣти, приодѣньтесь,—всякій волосокъ вашихъ головъ блеститъ, какъ серебро,—уже близокъ веселый мѣсяцъ Май. Благослови, Господи, этотъ домъ, его богатства и запасы. Богъ да будетъ вамъ помощникомъ отнынѣ и во вѣки вѣковъ,—уже близокъ веселый мѣсяцъ Май. Прощайте, оставайтесь въ мирѣ и довольствіи. Отгнавъ отъ васъ холодную зиму своими пѣснями, мы не будемъ вамъ пѣть о Майѣ до будущаго года. Лѣто приходитъ такое свѣжее, зеленое, веселое“.

На улицахъ Лондона въ этотъ день, до самаго послѣдняго времени, встрѣчались процессіи трубочистовъ. Почему именно трубочисты празднуютъ первое мая, когда съ этихъ поръ уменьшаются ихъ работы,—неизвѣстно. Трубочисты въ этотъ день выбираютъ изъ своей среды «майскихъ лордовъ и лэди», украшаютъ себя и свои орудія весенними гирляндами и, странно переодѣвшись, распѣвая и приплясывая, двигаются по улицамъ. Посреди этой толпы виднѣется «Джэкъ въ зелени». «Джэкомъ въ зелени» называется человѣкъ, весь обвитый зеленью и цвѣтами.

Въ другихъ мѣстностяхъ, на лужайкахъ нѣкоторыхъ деревень, можно видѣть майскіе шесты, украшенные гирляндами. Деревенскія красавицы поднимаются въ этотъ день съ восходомъ солнца, съ цѣлью умыть себѣ лицо «майскою росой», и возвращаются домой въ полномъ убѣжденіи, что ихъ цвѣтъ лица улучшился отъ этой операціи.

Въ Ланкаширѣ каждый возница, имѣющій лошадей, по старинному обычаю,

украшаетъ ихъ перваго мая цвѣтами и лентами. Каждый изъ нихъ старается перещеголять другъ друга въ этомъ отношеніи. Всѣ лошади перваго мая великолѣпно разукрашены; на нихъ роскошная сбруя въ цвѣтахъ и лентахъ, блестящія бархатныя попоны, шитыя золотомъ и серебромъ; возницы въ новыхъ платьяхъ и щеголяютъ новыми кнутами.

Въ Вестморландѣ вечеромъ въ этотъ день собирается на лужку огромная толпа народа для состязанія. Призы уже выставлены; главный изъ нихъ — точильный камень; второй — брусокъ для бритвы и т.-п. Эти призы получаютъ тѣ изъ кандидатовъ, записавшихся на это состязаніе, которые превзойдутъ своихъ товарищей въ «искусствѣ вранья». Изъ публики выбираютъ судей. Каждый кандидатъ по очереди рассказываетъ исторію, подсказанную ему въ этотъ моментъ его собственной фантазіей. Чѣмъ фантастичнѣе рассказъ, чѣмъ болѣе въ немъ юмору и соли, тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ.

При окончаніи жатвы въ Англіи до сихъ поръ совершаются оригинальныя процессіи и торжества. Когда послѣдніе снопы отвезены домой, украшаютъ телѣги и рабочіе снаряды лентами и вѣнками, и веселая толпа рабочихъ становится въ телѣгу. Посреди ихъ возвышается сплетенная изъ послѣднихъ сноповъ фигура, «богиня жатвы». Такимъ образомъ, стоя въ телѣгѣ, двигаются къ дому, при огромномъ стеченіи народа. Тамъ эту фигуру изъ сноповъ торжественно снимаютъ, ставятъ посреди площади, начинаютъ танцовать и пѣть пѣсни. Послѣ этого рабочіе устраиваютъ сообща пиръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для этого дѣлаютъ палатки; въ другихъ, если погода позволяетъ, пируютъ подъ открытымъ небомъ. Для этого нарочно приготавливаютъ чрезвычайно длинный столъ, такъ какъ пирующихъ собирается иногда до пятисотъ человѣкъ. Предсѣдательствовать на пирѣ приглашаютъ духовное лицо. Огромное собраніе народа становится вокругъ стола, и предсѣдательствующій читаетъ молитву. Затѣмъ со словами: «ну, теперь», онъ втыкаетъ большой ножъ въ огромный кусокъ жареной говядины. Когда покончили съ говядиной, выступаетъ толпа женщинъ въ сопровожденіи музыкантовъ; онѣ раздѣляются на двѣ части: одна выступаетъ по одну сторону стола, другая по другую, при чемъ у каждой изъ нихъ въ рукахъ дымящійся паучъ-пуддингъ. Когда покончили съ этимъ кушаньемъ, четыре человѣка вносятъ на своихъ плечахъ громадный хлѣбъ, испеченный изъ новыхъ зеренъ. Вслѣдъ за ними нѣсколько человѣкъ несутъ еще болѣе колоссальный сыръ. Пиръ заканчивается обычными послѣобѣденными спичами.

СКАЧКИ.

Ипсомскія скачки.—Ихъ значеніе для англичанъ.—Пари.—Путешествіе въ Ипсомъ.—Оживленіе Дерби.—Возвращеніе.—Дубовыя и Аскотскія скачки.—Ньюмаркетскія конюшни.—Какъ воспитываютъ лошадей въ дрессировальныхъ школахъ.—Тренеры, грумы и жокеи.—Ихъ жизнь и положеніе.

То, что называется общимъ именемъ спорта и игръ, обнимаетъ охоту во всѣхъ ея видахъ, скачки, верховую ѣзду, плаваніе, рыбную ловлю, атлетическія игры, ѣзду въ яхтахъ, крикетъ, игры въ мячъ, боксъ, борьбу и стрѣльбу изъ лука. На скачкахъ англичане имѣютъ въ виду усовершенствовать лошадь, въ охотахъ за звѣрями — улучшить породу собакъ, а въ цѣломъ рядѣ игръ и упражненій преслѣдуютъ физическое развитіе человѣка. Эти тѣлесныя упражненія англичанъ — потребность ихъ организма. Къ этому приноровлена и вся система воспитанія юныхъ англичанъ: они

терпѣть не могутъ дѣтей-книжниковъ: во многихъ школахъ учатся только одну половину дня, а другую цѣликомъ посвящаютъ играмъ и физическимъ упражненіямъ. Англичане приписываютъ успѣхъ своихъ государственныхъ дѣятелей, генераловъ, путешественниковъ — привычкѣ, приобретаемой ими еще въ школѣ, рано закалять свою волю, характеръ и мускулы въ различныхъ атлетическихъ упражненіяхъ. Идеаль британскаго воспитанія — развивать сильную душу въ здоровомъ тѣлѣ.

Ипсомскія скачки (въ 3-хъ верстахъ отъ небольшого города Ипсوما) обыкновенно начинаются съ 23-го мая и продолжаются около недѣли; ихъ называютъ также Дерби, потому что въ 1780 году этотъ общественный праздникъ былъ открытъ графомъ Дерби; съ тѣхъ поръ лугъ, на которомъ происходятъ скачки, носитъ названіе Дерби. Скачки — первое удовольствіе англичанъ, ихъ величайшій праздникъ. Дерби — единственный день въ году, когда холодный, гордый, властолюбивый аристократъ не только смотритъ менѣе высокомерно на плебея, но даже дружественно относится къ нему. Дерби — время всеобщаго отдыха и веселья, когда всѣ англичане живутъ одними интересами, одною жизнію. Въ этотъ день — прощай дѣла, работы: парламентъ отдыхаетъ, тоже дѣлаетъ Сити, банкъ, лавки. Всѣ одинаково, съ лихорадочнымъ трепетомъ, начинаютъ ждать этого дня еще за цѣлую недѣлю: въ это время только и рѣчи, что о лошадяхъ и ихъ владѣльцахъ. Женщины, дѣти, старые и молодые, никто не можетъ избѣжать «лихорадки Дерби». Школьники, отправляющійся въ классъ съ нѣсколькими книгами, стянутыми ремнемъ, можетъ забыть выучить урокъ, но спросите у него имена лошадей, за которыхъ большинство держитъ пари, — онъ знаетъ ихъ наизусть. Въ салонахъ, тавернахъ, омнибусахъ, въ вагонахъ желѣзной дороги — толки, шумъ и споры о томъ, какая лошадь получитъ призъ. Къ скачкамъ заготовляютъ костюмы, покупаютъ зеленые вуали, вывшенныя у каждаго магазина, и которыми необходимо закрыть лицо отъ страшной пыли, перваго спутника этого празднества. Нищіе, дѣти, старики, продавая на улицахъ пачки почтовой бумаги, букетики и другой мелкій товаръ, становятся назойливѣе съ каждымъ днемъ. «Купите, сэръ», говорятъ они умоляющимъ голосомъ, «завтра Дерби, а у меня нѣтъ ни одного пенса». Англичане придаютъ Ипсомскимъ скачкамъ нисколько не менѣе важное значеніе, чѣмъ древніе греки придавали своимъ играмъ.

Громадное значеніе, которое приобрѣли у англичанъ скачки, можно объяснить ихъ страстью къ лошадямъ и верховой ѣздѣ. Еще предки англичанъ, древніе британцы, страстно любили лошадей и необыкновенно искусно умѣли ихъ объѣзжать. Лошади эти были такъ хорошо выдрессированы, что скакали во весь опоръ по самой каменистой землѣ и даже въ лѣсу. Эти умныя животныя вполне понимали каждое слово своего сѣдока и повиновались ему даже въ пылу сраженія: онѣ мгновенно останавливались и не трогались съ мѣста при первомъ звукѣ. Страсть къ скачкамъ и лошадямъ можно объяснить и любовью къ гимнастическимъ движеніямъ, которую англичане развиваютъ въ дѣтяхъ уже съ первыхъ дней жизни. Ни одинъ англичанинъ не проведетъ цѣлаго дня взаперти: онъ съ ранняго дѣтства чувствуетъ потребность гулять на свѣжемъ воздухѣ. Достаточные люди живутъ большую часть года въ деревнѣ, но такъ какъ въ этой сырой и грязной странѣ только и можно гулять верхомъ, то каждая мало-мальски зажиточная семья держитъ лошадь, спеціально назначенную для верховой ѣзды. Красивый конь — мечта дѣвушки и единственное удовольствіе старухи, ея матери; объ немъ мечтаетъ щеголь и франтъ столько же, какъ и человѣкъ, посѣдѣвшій въ трудахъ. Хорошая лошадь — первая необходимость каждаго благоустроеннаго хозяина, источникъ наслажденій его дѣтей, которыя съ трехъ-четырехъ лѣтъ скачутъ на лошадяхъ черезъ заборы. Все, что

касается воспитанія верховыхъ лошадей, скачекъ и охоты, все, гдѣ только выказываются качества блестящихъ скакуновъ, становится дѣломъ національнымъ. Такая любовь къ лошадямъ ведетъ къ Дерби, который и является особымъ, необыкновенно торжественнымъ празднествомъ.

Трудно представить себѣ, какой шумъ, суматоха и движеніе наступаютъ на лондонскихъ улицахъ передъ отъѣздомъ въ Ипсомъ. На перекресткахъ улицъ стоитъ цѣлая армія продавщицъ букетовъ: мужчины покупаютъ ихъ, выдергиваютъ одинъ цвѣточекъ, втыкаютъ его себѣ въ петлицу, а букетъ подаютъ дамѣ. На скачки отправляется весь Лондонъ, кромѣ больныхъ и людей, которымъ нельзя оставлять домъ пустымъ.

Ипсомъ находится въ 20-ти верстахъ отъ Лондона; нѣкоторые отправляются туда по желѣзной дорогѣ, но гораздо любопытнѣе сдѣлать это путешествіе на лошадяхъ. Вся дорога буквально покрыта народомъ и экипажами: тутъ вы увидите коляски въ четыре лошади съ почтальономъ на козлахъ, брички, кабриолеты, кэбы, омнибусы, фіакры, фаэтоны и даже маленькія телѣжки, запряженные осломъ. Почти въ каждомъ экипажѣ стоятъ огромныя корзины съ бутылками и провизіей: скачки возбуждаютъ особенный аппетитъ. Здѣсь и тамъ движутся двухколесныя телѣжки—походныя лавочки торговцевъ инбирнымъ пивомъ, тяжелыя повозки—подвижныя магазины съѣстныхъ припасовъ, фургоны, наполненные громко хохочущими молодцами. Для этого дня существуетъ свой особый костюмъ; мужчины—въ свѣтлой парѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ и въ сѣрой шляпѣ съ прикрѣпленною синею вуалью. У нѣкоторыхъ еще черезъ плечо надѣтъ кожаный ремень, на которомъ виситъ бинокль въ футлярѣ. Дамскій туалетъ отличается легкостью и нѣжными цвѣтами. Босоногія дѣти преслѣдуютъ кареты, выдѣлывая различные прыжки, чтобы получить пенни; толпы музыкантовъ дерутъ нещадно уши самыми дикими звуками, и такъ какъ англичане во всемъ стараются соединить полезное съ пріятнымъ, то передъ вами безпрестанно проѣзжаютъ шарабаны, украшенные знаменами, на которыхъ крупно написаны различныя объявленія. По дорогѣ вамъ приходится проѣхать нѣсколько деревень. Окна верхнихъ этажей домовъ, балконы гостиныхъ, сады и цвѣтники передъ домами—все наполнено народомъ, который съ любопытствомъ смотритъ на проходящихъ и присоединяется къ нимъ. На многихъ балконахъ дѣвушки выходятъ съ знаменами и приветствуютъ толпу, покачивая ими то въ одну, то въ другую сторону.

Гулъ и шумъ двигающагося народа и экипажей далеко разносится по окрестностямъ. Всѣ подсмѣиваются, острятъ, перекликаются; на всѣхъ лицахъ счастье и веселье. Это единственный день въ году, когда всѣ англичане оживлены и когда отъ нихъ совсѣмъ не вѣетъ чопорностью и холодомъ.

Но вотъ, наконецъ, достигли равнины Дерби. Съ одного ея края возвышаются длинныя ряды мѣстъ для публики. Напротивъ—палатки, бараки, сотни лавокъ, импровизированныя конюшни изъ полотна. Здѣсь и тамъ бродятъ цыгане, распряженные пони, обезьяны на лошадяхъ. Здѣсь слѣпецъ читаетъ библію, тутъ проповѣдникъ говоритъ о необходимости любви къ ближнему; нѣсколько дальше фокусникъ проглатываетъ цѣлыя стопы бумаги и выкидываетъ другія штуки; маленькія дѣвочки дуютъ въ кларнеты, акробаты кувыркаются; въ одномъ мѣстѣ идетъ стрѣльба въ цѣль, въ другомъ забавляются кеглями. Лошадей отпрягаютъ и привязываютъ; публика выходитъ изъ экипажей, вся покрытая бѣлою пылью. Маленькіе чистильщики, со щеткою въ одной рукѣ и съ ящикомъ въ другой, предлагаютъ свои услуги.

Уже полдень, но бѣгъ долженъ начаться въ часъ, и потому вся публика приступаетъ къ завтраку. Небольшая часть луга, непокрытая экипажами и народомъ,

теперь покрывается бѣлыми скатертями. Богатые люди завтракаютъ въ экипажахъ, изъ которыхъ то и дѣло мелькаютъ золотые подносы, севрскій фарфоръ и хрусталь; среднее сословіе не особенно церемонится и расположилось закусывать наверху омнибуса и даже на подножкахъ, но громадное большинство разбрелось по импровизированнымъ буфетамъ. То къ тому, то къ другому кружку подбѣгаютъ молодые люди и предлагаютъ билеты, которые даютъ возможность выиграть послѣ бѣга. На нихъ написаны цифры, соотвѣтствующія нумерамъ, которыми обозначены лошади на программѣ скачекъ; тотъ, кому достанется номеръ побѣдившей лошади, получаетъ всѣ ставки своихъ партнеровъ. Эта форма пари самая невинная изъ всѣхъ. Шумъ, крики, гамъ, музыка, зазыванье торговцевъ, предложеніе билетовъ, выкрикиванье товаровъ, лихорадочные споры, все это вмѣстѣ сливается въ одинъ общій адскій концертъ и разносится на много верстъ отъ Дерби. Прислушайтесь въ отдѣльныхъ кучкахъ къ разговорамъ и спорамъ,—вездѣ одинъ интересъ. „Ну, кажется, Мэри (лошадь; тутъ дѣло идетъ все о лошадяхъ) провела дурную ночь; я узналъ это отъ человѣка, которому можно вѣрить»—«Неужели!—я тогда потеряю двѣсти фунтовъ стерлинговъ». Болѣзни лошадей, участвующихъ въ скачкахъ, держатся въ величайшемъ секретѣ, какъ болѣзни королей. Такъ было и въ этотъ разъ: одинъ изъ героевъ дня, лошадь, называемая «Бомбардье», уже съ недѣлю тому назадъ была исключена изъ числа состязающихся вслѣдствіе болѣзни ноги, но никто не подозрѣвалъ этого, и множество джентльменовъ продолжали держать пари на эту лошадь. Лошади являются на этотъ день важными особами, о которыхъ всѣ говорятъ; на нихъ держатъ пари на громадныя суммы; зато онѣ не только испытываютъ всѣ неудобства величія, но нерѣдко платятся за него своею жизнью. Тутъ безпрестанно передаютъ другъ другу новость о попыткѣ умертвить ту или другую приготовленную для скачекъ лошадь. Вотъ поэтому за лошадьми, за нѣсколько времени до скачекъ, начинаютъ зорко наблюдать, и сторожа не оставляютъ ихъ ни днемъ, ни ночью. Въ нѣкоторыхъ конюшняхъ, въ эти дни, прежде чѣмъ поить лошадь, бросаютъ въ воду рыбу, чтобы узнать, пѣтъ ли въ ней ядовитыхъ веществъ. Мало того, тренеры, дрессирующие лошадей, сами отвѣдываютъ воду, которую они даютъ пить лошади.

Движеніе въ толпѣ даетъ знать, что первый бѣгъ скоро начнется. Ипсомская равнина тянется до самаго горизонта, и на всемъ ея протяженіи не видно теперь ни аршина дерна, не покрытаго толпою. Этотъ океанъ головъ или шляпъ, такъ какъ англичане снимаютъ ихъ только въ крайнемъ случаѣ, представляетъ поистинѣ величественное зрѣлище. Передъ вами простирается арена скачекъ, съ которой полисмены стараются удалить прогуливающихъ, а съ другой стороны возвышается черная и плотная масса каретъ, на которыхъ народъ держится толпами, ухватившись другъ за друга. Издали видѣется Гретъ-Стрендъ, или, если можно такъ выразиться, зданіе, построенное изъ человѣческихъ головъ, такъ какъ въ эту минуту оно покрыто тысячами любопытныхъ. Вблизи—это огромное, легкое зданіе, нарочно построенное къ этому знаменитому дню для зрителей. Тамъ въ галлерейхъ и ложахъ, обитыхъ богатыми тканями, собрались аристократы и владѣльцы лошадей, которые сейчасъ будутъ состязаться на аренѣ. Подъ Гретъ-Стрендомъ находится сводъ, который носитъ названіе „комнаты для взвѣшиванія“. Тамъ собираются жокеи—маленькіе люди, легкіе какъ перья. На первый взглядъ ихъ можно принять за дѣтей, но цвѣтъ лица, а нерѣдко и морщины на лбу показываютъ ихъ уже не молодые годы. Они являются сюда въ длинной темной одеждѣ, но, приближаясь къ вѣсамъ, сбрасываютъ ее и показываются въ оригинальныхъ, богатыхъ костюмахъ яркихъ цвѣтовъ. Одинъ за другимъ они садятся въ кресло, занимающее одну изъ площадокъ огромныхъ вѣ-

совъ. Эти жокеи во время скачекъ сидятъ на лошадяхъ, и успѣхъ той или другой лошади много зависитъ отъ нихъ.

Звонокъ звонитъ: наступаетъ часъ сѣдлать лошадей. Толпа любопытныхъ бросается къ оградѣ, гдѣ стоятъ лошади, чтобы присутствовать при церемоніи ихъ послѣдняго туалета. И дѣйствительно, туалетъ этотъ совершается съ большою торжественностью: сначала снимаютъ со спины полотняное покрывало, затѣмъ покрывало съ живота и, наконецъ, покрывало съ головы. Люди, которые раздѣваютъ лошадей и потомъ ихъ сѣдлаютъ, просто священнодѣйствуютъ: съ такимъ важнымъ и серьезнымъ видомъ дѣлаютъ они все это. Лошади, предназначенныя для скачекъ, необыкновенно статныя, красивыя, съ гладкою, блестящею, какъ атласъ, кожею; онѣ не бѣгаютъ, а летаютъ. Ихъ ведутъ къ огороженному мѣсту, гдѣ начинается скачка. Лишь только онѣ появились, лихорадка держать пари возобновляется съ необузданною силою. Обширная поверхность Ипсомской долины становится теперь огромнымъ зеленымъ полемъ игорнаго стола, гдѣ сверкаютъ золотыя монеты, на которомъ мѣняются банковыми билетами огромной стоимости. «Пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ за коня барона Ривьера». — «А я на Кетледремъ!» — «На Діофара!» — «На Дунди!» — «Какъ хорошо, что сегодня земля такая твердая» говорятъ дамы: «топотъ лошадей такъ славно будетъ раздаваться по твердой землѣ!»

Пунктъ, отъ котораго начинается скачка, дѣлается теперь предметомъ общаго любопытства. Управлять началомъ скачки дѣло весьма трудное, требующее большой опытности. Лошади, заслыша шумъ, крики и смятеніе, сами приходятъ въ волненіе, и многія изъ нихъ становятся въ эту минуту такъ нетерпѣливы, что могутъ вылетѣть на арену, какъ стрѣла, не дожидавшись другихъ. Опытная рука должна во время удерживать такихъ горячихъ лошадей. Когда, наконецъ, ихъ выровняли въ одну линію, человѣкъ, дающій сигналъ, втыкаетъ въ землю большую двухцвѣтную палку, которую онъ держитъ въ рукѣ, и громко кричитъ «го!» т.-е. пошелъ. «Выѣзжаютъ! ѣдутъ!» вотъ крики, которыми въ ту же минуту огласилась вся Ипсомская равнина. Эти чудные скакуны, съ легкими, блестящими жокеями на спинѣ, бросаются впередъ, потомъ заворачиваютъ, описываютъ на бѣгу кривую линію и, наконецъ, скрываются изъ виду. За палатками и бараками ихъ не видать въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, но это цѣлая вѣчность для любопытныхъ, самая ужасная минута неизвѣстности для держащихъ пари. Настаетъ гробовое молчаніе, но, какъ и всегда передъ бурей, вслѣдъ за этимъ раздается оглушающій крикъ: «Онѣ, онѣ, шапки долой!» Всѣ обнажили головы... Изъ показавшейся кучи лошадей ни одна не выдѣляется: шея къ шеѣ, голова къ головѣ, ноздри къ ноздрямъ. Въ эту минуту наступаетъ послѣдняя борьба. «Кетледремъ!» — «Нѣтъ, Дунди!» слышатся имена лошадей, нѣсколько опередившихъ другихъ... Раздаются неистовые аплодисменты, и флегматическія лица англичанъ вспыхиваютъ яркимъ румянцемъ. Обѣ лошади достигаютъ столба, напротивъ котораго воздвигается каѳедра судьи. Но кто изъ нихъ достигъ этого мѣста первый? Толпа, внѣ себя, бросается сюда со всѣхъ сторонъ, перепрыгиваетъ цѣпи, ограждающія арену, и подбѣгаетъ къ постройкѣ, на которой выставляютъ нумеръ побѣдительницы. Сегодня верхъ одержала Кетледремъ. Эта новость была принята съ крайнимъ удивленіемъ, такъ какъ Кетледремъ, уже получавшая призъ на другихъ скачкахъ, теперь считалась неопаснымъ противникомъ. Удивленіе скоро смѣнилось энтузіазмомъ: аплодисменты раздавались за аплодисментами въ честь Кетледремъ, и побѣдительницу съ яростью привѣтствовали тѣ самыя люди, которыхъ она заставила потерять значительныя суммы.

Лошадь, выигравшая на Дерби, какъ бы низко она ни цѣнилась до скачекъ,

дѣлается вдругъ знаменитостью, предметомъ почитанія и золотымъ рудникомъ для своего владѣльца: онъ получаетъ всѣ ставки, т.-е. суммы, выплаченныя впередъ тѣмъ, кто конкурируетъ на скачкѣ. Въ сложности сумма эта простирается на наши деньги до сорока, пятидесяти тысячъ руб., а нерѣдко и гораздо болѣе; но эта сумма еще ничего не значитъ: съ этой минуты владѣлецъ лошади получаетъ множество приглашеній на другія скачки, которыя въ свою очередь сразу могутъ составить ему громадное состояніе. Наконецъ, уже самая ея репутація составляетъ капиталъ. Всѣ англійскіе журналы, съ большою точностью, сообщаютъ генеалогію выигравшей лошади, даютъ ея біографію, называютъ имя ея владѣльца, коннозаводчика и жокея, который за нею ходитъ. Портретъ лошади гравировается, фотографируется, пишется масляными красками. Любители лошадей и скачекъ нарасхватъ раскупаютъ эти портреты и вѣшаютъ на стѣну своего кабинета. Немало этихъ портретовъ раскупаются клубами, редакціями листовъ, посвященныхъ скачкамъ, и тавернами. При слѣдующихъ скачкахъ уже многіе будутъ держать пари на эту лошадь.

Послѣ скачки всѣ бросаются въ буфеты, гдѣ происходитъ страшнѣйшая давка: всюду крикъ, поздравленія, споры, самыя тонкія замѣчанія знатоковъ относительно бѣга той или другой лошади, пророчества тому или другому владѣльцу, что онъ получитъ призъ на слѣдующей скачкѣ. На лугу происходитъ еще болѣе любопытное зрѣлище: стаи голубей, выпущенныя на воздухъ, описываютъ круги надъ океаномъ головъ и затѣмъ бросаются по разнымъ путямъ, унося подъ своими крыльями имя побѣдившей лошади. Этихъ оригинальныхъ воздушныхъ почтальоновъ пускаютъ для того, чтобы какъ можно скорѣе сообщить редакціямъ и различнымъ друзьямъ имя побѣдительницы.

Опять принимаются за закуску. Пробки то и дѣло хлопаютъ изъ бутылокъ шампанскаго. Высчитано, что въ этотъ день болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Что касается различныхъ винъ, то ихъ выпивается здѣсь такъ много, что невозможно высчитать. Одни изъ пирующихъ пьютъ въ честь своей побѣды, другіе, чтобы утѣшиться въ пораженіи. На лицахъ не выражается, однако, ни мрачнаго разочарованія послѣ скачекъ, ни безпокойства за будущее, а между тѣмъ сколько обманутыхъ надеждъ! Потерявшіе деньги не лишились аппетита и, кажется, еще съ большею яростью набрасываются на паштеты и на пирамиды холодной говядины, привезенныя въ каждой каретѣ. Нѣтъ человѣка, который бы не ѣлъ въ эту минуту, нѣтъ свободнаго мѣста, гдѣ бы кучка пріятелей или знакомыхъ не расположилась закусывать. Но что всего оригинальнѣе, такъ это то, что часто подлѣ блестящаго джентльмена можно видѣть и его кучера; часъ тому назадъ они бились объ закладъ, а теперь припили вмѣстѣ закусить и выпить.

День Дерби—день современныхъ британскихъ сатурналій. Эти праздники въ современной Англіи имѣютъ много общаго съ римскими праздниками въ честь Сатурна (богъ времени). Когда наступалъ этотъ праздникъ, въ Римѣ прекращались всѣ работы. Музыка, танцы, маскарады, пиры, веселость и свобода общаго карнавала овладѣвали всѣмъ городомъ, всѣми классами населенія. На это время исчезали границы, отдѣляющія бѣдныхъ отъ богатыхъ, патриціевъ отъ плебеевъ. Даже рабы во время сатурналій пользовались привилегіею свободы. Развязавшійся языкъ рабовъ бичевалъ пороки вчера еще страшныхъ имъ господъ. Всякое ихъ обличеніе, всѣ шутки въ это время проходили для нихъ безнаказанно. То же самое мы видимъ и въ Англіи, въ день Дерби. Англичане, суровые и строгіе исполнители всѣхъ мелочныхъ приличій, теперь теряютъ свою суровость, относятся одинаково какъ къ людямъ знатнаго происхожденія, такъ и къ людямъ, ниже себя поставленнымъ. Нѣкто-

рые, вполне respectable, молодые джентльмены сверху своих шарабановъ стрѣляютъ въ прохожихъ горохомъ изъ особыхъ трубочекъ. Дамы въ коляскахъ громко разговариваютъ, смѣются, пьютъ шампанское. Въ одну изъ такихъ каретъ входитъ совершенно незнакомый, изящно одѣтый молодой человѣкъ; онъ нѣсколько навеселѣ, чокается, шутитъ, остритъ; ему напоминаютъ, что съ нимъ незнакомы. «Сегодня Дерби», говоритъ онъ укоризненно и отходитъ.

Въ шесть часовъ вечера праздникъ кончается, и всѣ возвращаются домой. Въ коляскахъ, которыя ѣдутъ въ три и въ четыре ряда, у многихъ мужчинъ прикрѣплены къ шляпкамъ деревянныя фигурки. Это дѣлаютъ тѣ, кто выигралъ, но такъ какъ чрезвычайно много джентльменовъ, къ шляпамъ которыхъ прикрѣплены деревянныя куклы, то можно подуматъ, что они украсили себя этимъ трофеемъ, чтобы скрыть свое пораженіе. Многіе омнибусы представляютъ въ это время въ высшей степени комическое зрѣлище: они обставлены пустыми бутылками и выложены куриными костями, раковою шелухой, кусочками дерна. Всѣ возвращаются грязными, пыльными и навеселѣ.

Такихъ скачекъ, хотя и не столь блистательныхъ, нѣсколько въ году. На той же недѣлѣ и въ томъ же Ипсомѣ бываютъ, такъ называемыя, «Дубовыя скачки», —это день дамъ. Дамы въ роскошныхъ нарядахъ собираются сюда, держатъ пари на дюжину перчатокъ. Затѣмъ слѣдуютъ «Аскотскія скачки»—день аристократіи. Публика, стѣзжающаяся въ этотъ день въ Аскотъ, отличается необыкновеннымъ нишомъ и богатствомъ.

Чтобы лучше понять торжество скачекъ и значеніе лошади для англичанина, заглянемъ въ Ньюмаркетскія конюшни. Ньюмаркетъ (недалеко отъ Кембриджа)—городъ лошадей: онъ живетъ только скачками и промышленностью, съ ними связанною. Тутъ только и видишь жокеевъ, грумовъ, тренеровъ (дрессировальщики лошадей) и любителей скачекъ. Самое лучшее зданіе, которое вы находите въ этомъ городѣ, жокей-клубъ: въ немъ множество портретовъ лошадей, получившихъ въ разное время призы на скачкахъ, календарь скачекъ и многотомное сочиненіе о разведеніи лошадей. Тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Англіи, заведеній для дрессированія лошадей, и эти заведенія приобрѣли всеобщую славу. Нѣкоторые богачи и вельможи держатъ здѣсь конюшни, которыя по вѣщности напоминаютъ скорѣй дворцы, чѣмъ лошадиныя стойла. Сама природа содѣйствуетъ дрессированію здѣшнихъ лошадей: за городомъ тянется большое пространство, чрезвычайно удобное для этой цѣли.

Тренеръ—самая важная особа въ конюшнѣ. Прежде чѣмъ проникнуть въ конюшни, вы входите во дворъ, окруженный кирпичными постройками. Во всю длину зданія—двери, которыя ведутъ въ комнаты лошадей. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою отдѣльную, отлично устроенную спальню: это обыкновенно чрезвычайно высокія и свѣтлыя комнаты, стѣны которыхъ хорошо выбѣлены и покрыты желѣзными пластинками; тутъ же мраморныя ясли и постель изъ свѣжей соломы, которую мѣняютъ каждое утро. У каждой лошади свой грумъ (конюхъ), или мальчикъ не моложе двѣнадцати и не старше четырнадцати лѣтъ, который убираетъ комнату и смотритъ за лошадью. Эти грумы спятъ въ конюшняхъ на кроватяхъ, которыя днемъ поднимаются и принимаютъ форму комода. Туалетъ этихъ лошадей очень сложенъ: онъ требуетъ цѣлой связки губокъ, гребенокъ, щетокъ, полотенецъ и другихъ вещей, напоминающихъ будуаръ свѣтской дамы. Въ теплое время года лошади одѣты въ полотняныя покрывала, въ холодное—въ суконныя. Въ дрессировальныхъ школахъ всѣ лошади чистой арабской крови; однѣ изъ нихъ родились здѣсь, другія въ Йоркширѣ, этомъ разсад-

никѣ лучшихъ лошадей. Прежде всего, однако, нужно объяснить, что называютъ здѣсь лошадью чистой крови. Это—лошадь, генеалогію которой можно прослѣдить черезъ многія поколѣнія и которой предки пріобрѣли знаменитость на скачкахъ. Такія лошади происходятъ отъ арабской крови, варварійской или турецкой; но заботы, уходъ и даже климатъ Великобританіи еще значительно ихъ улучшили. Онѣ сдѣлались выше своихъ предковъ, длиннѣе, легче и въ то же время выиграли въ мускульной силѣ. Всякій разъ, когда англійская бѣговая лошадь состязалась съ лучшими арабскими лошадьми, она непременно одерживала побѣду. Лошадь, побѣдившая на многихъ скачкахъ и хотя разъ одержавшая верхъ въ Ипсомѣ, болѣе, чѣмъ всякая другая, даетъ громкое имя своимъ потомкамъ.

Каждая такая лошадь имѣетъ свой особый нравъ, привычки и капризы, которые тренеръ серьезно изучаетъ и на которые онъ заставляетъ обращать вниманіе своихъ грумовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лошадей любятъ послѣ фды получать лакомства, пирожки съ вареньемъ, яблоки, апельсины, пирожное; другія требуютъ, чтобы вмѣстѣ съ ними въ конюшнѣ жило какое-нибудь животное,—ягненокъ, кошка, къ которымъ многія изъ нихъ питаютъ необыкновенную нѣжность: осторожно поднимаютъ ихъ ртомъ себѣ на спину, задѣваютъ своимъ хвостомъ. Чуть не выполнишь каприза такой лошади,—она дѣлается печальна, перестаетъ ѣсть и слушаться.

Когда молодая лошадь чистой крови признается годною для скачекъ, ее посылаютъ въ дрессировальную школу, и въ большинствѣ случаевъ въ Ньюмаркетъ. По внѣшнему виду жеребенка трудно рѣшить, будетъ ли онъ годенъ для скачекъ или нѣтъ. Самые опытные въ этомъ дѣлѣ тренеры часто ошибаются, и такія ошибки становятся источникомъ жестокихъ разочарованій. На жеребенка блестящихъ родителей нерѣдко вся семья владѣльца смотритъ, какъ на спасителя своего, начинающаго приходить въ упадокъ, благостоянія. Всѣ члены семьи, возлагая на него огромныя надежды, холятъ, нѣжатъ, ласкаютъ такого жеребенка. Чуть онъ подросъ, его отправляютъ въ Ньюмаркетскую дрессировальную школу, въ которую платятъ за его воспитаніе большія деньги. Здѣсь для жеребенка открывается новая жизнь: свобода и праздность, которыми онъ до сихъ поръ пользовался, замѣняются строгою дисциплиною и тяжелымъ трудомъ во время упражненія.

Тренеры получаютъ за воспитаніе лошадей большія деньги, но такъ какъ большинство изъ нихъ принимаетъ на себя эту обязанность вслѣдствіе своей склонности и любви къ лошадямъ, то они всей душою отдаются этому дѣлу. Трудно представить, сколько безпокойства и волненій переживаютъ они передъ скачками. По этому поводу приводятъ въ примѣръ одного тренера, которому поручили приготовить къ ипсомскимъ скачкамъ лошадь, по имени Элеонору. По мѣрѣ того, какъ приближался день борьбы, тренеръ становился все безпокойнѣе. Онъ не ѣлъ, не спалъ и, наконецъ, заболѣлъ. Подумали, что онъ умираетъ, и пригласили къ нему приходскаго священника. Тренеръ разсѣянно слушалъ наставленія пастора, безпокойно метался по кровати и стоналъ. Наконецъ, пасторъ сказалъ ему: «Мой другъ, нѣтъ ли у васъ чего на совѣсти?»—«Да, есть», отвѣчалъ тотъ ему, «и я это скажу только вамъ: Элеонора—сомнительная лошадь». Однако, эта сомнительная лошадь скоро выиграла два большихъ приза, и при этомъ извѣстіи больной совершенно выздоровѣлъ.

Но вернемся къ воспитанію молодой лошади въ школѣ. Жизнь ея здѣсь далеко не красна: на ея, еще нѣжную, спину теперь садится жокей, вѣсъ котораго легокъ, но руки и колѣна котораго даютъ себя чувствовать уже съ первой минуты. Побѣдивши мелкимъ галопомъ, ее учатъ форсированному бѣгу, который увеличивается по мѣрѣ того, какъ развиваются ея силы. Во все время ея воспитанія качество и

количество пищи строго соразмѣряются съ ея работой. Если шея или плечи лошади кажутся черезъ чуръ разжирѣвшими, то эти части покрываютъ теплымъ покрываломъ, чтобы уменьшить жиръ посредствомъ выпотѣнія. Благодаря упражненіямъ и постояннымъ заботамъ, мускулы лошади дѣлаются крѣпки, какъ сталь, кожа блестяща и мягка, какъ атласъ. Дрессированіе иногда такъ измѣняетъ лошадь, что владелецъ часто самъ ея не узнаетъ. Когда молодая лошадь прошла весь курсъ своего обученія, для нея наступаетъ первое испытаніе передъ небольшимъ числомъ знатоковъ. Когда она съ достоинствомъ выдержала первый экзаменъ, ее начинаютъ отправлять на сельскія скачки, затѣмъ она поднимается все выше и выше и, наконецъ, появляется на зеленой равнинѣ Дерби.

Успѣхъ лошади иногда зависитъ отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ: нерѣдко она опережаетъ всѣхъ соперниковъ, но вдругъ въ самую рѣшительную минуту ей попадаетъ подъ ногу маленькій камешекъ, и этого бываетъ достаточно, чтобы остановить ея стремительный бѣгъ. Много зависитъ успѣхъ отъ характера лошадей, которыя въ эти минуты часто бываютъ капризны. По этому поводу знатоки рассказываютъ слѣдующее. Когда одна лошадь, по имени «Независимость», бывала въ хорошемъ расположеніи духа, она бѣжала по аренѣ съ быстротою ядра, выпущеннаго изъ пушки; когда же она была не въ духѣ, она прыгала и устранилась отъ состязанія, несмотря на всѣ усилія своего жокея. У нѣкоторыхъ изъ этихъ лошадей такая странность: онѣ замѣчаютъ, что наканунѣ скачекъ ихъ подвергаютъ особой дисциплинѣ и проводятъ ночь въ такомъ безпокойствѣ, что теряютъ силы, нужныя для бѣга. Въ такихъ случаяхъ опытные тренеры избѣгаютъ всего, что можетъ возбудить подозрѣніе животнаго. Можно подумать, что послѣ того, какъ воспитаніе лошади закончено, ей уже нечего дѣлать въ промежутки между скачками, но это ошибочно: упражненія для нихъ, какъ и для солдата, продолжаются всю жизнь. Хорошая бѣговая лошадь можетъ являться съ успѣхомъ на семи и восьми скачкахъ. Одна знаменитая лошадь участвовала въ 140 скачкахъ и побѣдила 71 разъ. Одержавши верхъ на блестящихъ турнирахъ, лошади переходятъ на скачки менѣе извѣстныя, призами которыхъ бываютъ какія-нибудь бездѣлушки. Затѣмъ знаменитая лошадь падаетъ еще ниже и, наконецъ, что нерѣдко случается, ее продаютъ подъ наемныя кареты. Нѣкоторымъ изъ нихъ, однако, судьба покровительствуетъ до послѣдняго издыханія. Обогативъ семью, такая лошадь становится идоломъ всѣхъ ея членовъ и умираетъ въ холѣ и нѣгѣ, въ отличномъ помѣщеніи, на рукахъ благодѣтельствованныхъ ею людей. Въ журналахъ, посвященныхъ спорту, появляются ея некрологи: «Мы должны извѣстить о смерти одной знаменитости, происшедшей въ прошлую субботу 20-го апрѣля. Она долго страдала отъ нарыва, вслѣдствіе котораго сдѣлалась настоящимъ скелетомъ. Никакое леченіе не могло остановить развитіе роковой болѣзни. Алисъ Хауторнъ (такъ какъ дѣло идетъ о ней) было 23 года: ея успѣхи принадлежатъ исторіи. Мы не будемъ подробно разсматривать ея продолжительную и почетную карьеру; вспомнимъ только, съ какимъ блескомъ она одержала побѣду на ипсомскихъ скачкахъ въ...» и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ длинный перечень ея побѣдъ.

Послѣ тренера успѣху лошади всего болѣе содѣйствуетъ жокей. Онъ, какъ и лошадь, пріобрѣтаетъ извѣстность, и чѣмъ искуснѣе жокей, управляющій лошадью, тѣмъ болѣе находится охотниковъ держать пари на эту лошадь. Большая часть жокеевъ начала свою службу грумами въ конюшняхъ тренера; въ четырнадцать-пятнадцать лѣтъ ихъ произвели въ жокеи, и теперь, вмѣсто того, чтобы постоянно находиться при лошади, они стали галопировать на ней по два, по

три часа по утрамъ. Эти жокеи проходятъ суровую школу: они должны привыкнуть къ самому строгому молчанію, къ суровой дисциплинѣ, къ безпрекословному повиновенію, иногда даже къ системѣ шпіонства, царствующей въ дрессировальныхъ заведеніяхъ. При встрѣчѣ съ жокеями и грумами другихъ конюшенъ они никогда не должны проговориться, что дѣлается у нихъ, и въ то же время выпытывать у товарищей, сколько лошадей и какая изъ нихъ подаетъ надежды. Жокеи обыкновенно не получаютъ никакого образованія, но должны уметь читать и писать. Ихъ главная школа—манежъ; ихъ фигура до такой степени типична, что ихъ тотчасъ отличишь между всѣми: они крошечнаго роста, въ 5 футовъ и два-три англійскихъ дюйма; несмотря на это, они необыкновенно мускулисты.

Когда грумъ выразитъ тренеру желаніе «идти дальше», т. е. сдѣлаться жокеемъ, его подвергаютъ особой дисциплинѣ и упражненіямъ. Всю свою жизнь онъ ѣстъ по строго опредѣленнымъ порціямъ, и, точно такъ-же, какъ лошадь, на которой онъ ѣздитъ, его стараются освободить отъ лишней полноты посредствомъ теплой одежды, съ помощью которой вызываютъ обильный потъ. Смѣлый, ловкій, гибкій, граціозный на лошади, жокей становится смѣннымъ, оставляя ее. Если онъ женится, то въ большинствѣ случаевъ не иначе, какъ на дѣвушкѣ своего сословія, т. е. на дочери тренера или жокея. Если жокей пользуется извѣстностью, въ газетахъ и журналахъ, посвященныхъ скачкамъ, возвѣщаютъ о его бракосочетаніи, какъ это дѣлается относительно принцевъ крови. Знаменитые жокеи бываютъ иногда очень богаты, и нѣсколько лучшихъ домовъ въ Ньюмаркетѣ принадлежатъ этому классу людей. Не даромъ джентльмены нерѣдко говорятъ, что «за столомъ ихъ жокеевъ больше серебра, чѣмъ за ихъ собственнымъ». И это понятно. Такъ какъ успѣхъ лошади находится въ сильной зависимости отъ жокея, то въ интересѣ ея владѣльца платить ему какъ можно больше. Нерѣдко владѣльцы лошадей, назначенныхъ къ скалкѣ, предлагаютъ жокею чужой лошади огромную сумму денегъ, если та лошадь, на которой онъ долженъ состязаться на аренѣ, потерпитъ пораженіе. Уже для того только, чтобы поставить жокея внѣ подобныхъ соблазновъ, владѣльцамъ скакуновъ приходится давать имъ большое содержаніе и дарить богатые подарки. Призъ, который назначаютъ за успѣхъ лошади, хозяинъ ея обыкновенно отдаетъ жокею. При этомъ онъ всегда получаетъ въ подарокъ не менѣе 1000 ф. ст. Жалованья жокеи получаютъ отъ 500 до 1000 ф. ст. въ годъ.

Жокеи живутъ не долго: это зависитъ отъ отчаянныхъ усилій, которыя они дѣлаютъ на скачкахъ, отъ страшныхъ волненій во время ихъ и еще больше отъ того образа жизни, который они должны вести, чтобы сдѣлаться настоящими жокеями. Если жокею не удастся подъ старость сдѣлаться тренеромъ, онъ на скопленные деньги беретъ ферму. Но кѣмъ бы онъ ни сдѣлался, онъ всегда будетъ самымъ аккуратнымъ посѣтителемъ всѣхъ скачекъ, и лишь только онъ на скачкахъ слышитъ сигналъ и крикъ «го», т. е. пошелъ, — сердце его начинаетъ сильно биться.

ИГРЫ И ГИМНАСТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ.

Страсть англичанъ къ крикету. — Скорходы. — Ихъ воспитаніе. — Плаваніе. — Гонка шлюпокъ на Темзѣ. — Боксъ—любимое развлеченіе англичанъ. — Боксеры: ихъ наружность и воспитаніе; ихъ жаргонъ и нравы.

Изъ всѣхъ игръ самая любимая—игра въ крикетъ; наиболѣе популярная изъ атлетическихъ упражненій—бѣгъ, кулачный бой и гребля въ лодкахъ.

Игра въ крикетъ распространена какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Великобританіи, какъ между богатыми, такъ и бѣдными классами, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ захолустьяхъ. Она требуетъ по одиннадцати человѣкъ съ каждой стороны и состоитъ изъ борьбы между двумя соперничающими отрядами. Для этой игры назначаютъ ровное и огороженное пространство; траву на немъ тщательно сохраняютъ и для этого ее отъ времени до времени поливаютъ. На приготовленномъ мѣстѣ, передъ началомъ игры, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, ставятъ двѣ загородки, которыя имѣютъ форму рѣшетки, въ три перекладыны, настолько удаленныхъ другъ отъ друга, что онѣ могутъ пропустить шаръ. У одной изъ загоронокъ становится «bowler», т.-е. тотъ, кто бросаетъ мячъ, у другой—«batter», или тотъ, кто длинною лопаткой защищаетъ загородку отъ удара мяча. Искусство «боулера» состоитъ въ томъ, чтобы пустить мячъ въ колья и опрокинуть ихъ; искусство «бэттера» въ томъ, чтобы встрѣтить этотъ мячъ лопаткой и ударить такимъ образомъ, чтобы онъ миновалъ цѣль и отлетѣлъ какъ можно дальше. Десять «fieldsmen», которыхъ можно назвать адъютантами боулера, бросаются за мячемъ, и въ это время бэттеръ быстро бѣжитъ отъ одной загородки къ другой. Отъ большого или меньшаго числа этихъ перебѣжекъ зависитъ побѣда. Мы дали только самое общее понятіе объ этой игрѣ, между тѣмъ какъ она очень сложна,—уставъ крикета заключаетъ въ себѣ не менѣе 38 статей.

Въ хорошій лѣтній вечеръ, гдѣ-бы вы ни проходили по деревнѣ, вы непременно услышите стукъ шара о деревянную палку. Вслѣдъ затѣмъ передъ вами открывается на лугу толпа веселыхъ дѣтей, которые, вырвавшись изъ школы, играютъ въ крикетъ. Не думайте, однако, что эта игра—забава дѣтей или школьниковъ; напротивъ, это гораздо больше развлеченіе взрослыхъ. Въ субботу вечеромъ рабочіе отдыхаютъ отъ недѣльнаго труда, соперничая другъ съ другомъ въ ловкости въ крикетъ. Эта игра возбуждаетъ сильный восторгъ между людьми всѣхъ профессій, всѣхъ классовъ общества; ее страстно любятъ молодые и старые, дѣти и даже женщины. Лѣтомъ вокругъ Лондона каждый лужекъ занятъ игроками, окруженъ любопытными и палатками, гдѣ игроки скрываются отъ жары. Этимъ гимнастическимъ упражненіемъ развлекаются, какъ мы уже говорили, въ часы досуга рѣшительно всѣ англичане, но, какъ и во всѣхъ упражненіяхъ этого рода, точно также и тутъ есть свои спеціалисты. Удары во время этой игры бываютъ иногда такъ опасны, что крикеры должны вооружаться набитыми шерстью перчатками и наколѣнниками, чтобы предохранить себя отъ нихъ. Эта игра, кромѣ вѣрности взгляда, сметки и подвижности, требуетъ большого самообладанія. Она укрѣпляетъ характеръ и силу воли,—эти чисто британскія добродѣтели, такъ какъ хорошій криктеръ не долженъ ни смущаться затрудненіемъ, ни увлекаться успѣхомъ. Это упражненіе чрезвычайно развиваетъ мускулы и поддерживаетъ здоровье.

Когда джентльмены устраиваютъ большую партію крикета, они всегда приглашаютъ къ себѣ нѣсколькихъ спеціалистовъ, т.-е. игроковъ по профессіи, и хорошо платятъ имъ за ихъ участіе. Самыя большія партіи состояются въ окрестностяхъ Лондона, въ присутствіи многихъ тысячъ зрителей. Въ крикетъ не играютъ зимою: это чисто лѣтняя игра. Глубоко укоренившись въ обычаяхъ страны, крикетъ до такой степени возбуждаетъ общественный интересъ, что для него существуютъ особые газеты, журналы, альманахи. Игроковъ по профессіи не только хорошо вознаграждаютъ, но ихъ подвиги заносятъ на столбцы журналовъ и газетъ, посвященныхъ этой игрѣ. Различныя англійскія графства ставятъ себѣ за честь считаться мѣстомъ родины того или другого извѣстнаго крикетера, и объ этомъ нерѣдко поднимаются

споры въ журалахъ. Наиболѣе прославившимся въ этой игрѣ даютъ разныя прозвища: «Страшный», «Неумолимый», «Непобѣдимый». Энтузіазмъ англичанъ къ знаменитостямъ крикета объясняется, по ихъ словамъ, характеромъ игры, которая требуетъ не только ловкости и силы членовъ, но и всѣхъ силъ ума. Полетъ шара, по ихъ мнѣнію, зависитъ не столько отъ рукъ, сколько отъ соображенія. Нѣкоторые знаменитые крикеры путешествуютъ изъ графства въ графство и поддерживаютъ эту любимую національную игру. При значительномъ числѣ игроковъ въ крикетъ въ какой-нибудь мѣстности составляются клубы, члены которыхъ избираются посредствомъ баллотировки и составляютъ подписку на содержаніе „cricket ground“ (поле крикета). Клубовъ этихъ безчисленное множество; они носятъ самыя разнообразныя названія: «клубъ цыганъ», «джентльменовъ Англіи, Оксфорда, Кембриджа, Гарроу, Итона и проч.». Провинціальныя клубы дѣлаютъ часто щедрыя подписки, чтобы пригласить къ себѣ извѣстныхъ крикеровъ на партію крикета. Обыкновенно знаютъ день ихъ пріѣзда, и толпа народа бѣжитъ встрѣчать ихъ на желѣзную дорогу. Имъ дѣлаютъ оваціи и окружаютъ царскимъ гостепріимствомъ.

При игрѣ въ крикетъ каждая партія назначаетъ судью, обязаннаго рѣшать всѣ спорные пункты. Судьи руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ предписанными правилами, но характеръ игры на столько сложенъ, что, несмотря на предписанные законы, требуется много опытности и соображенія, чтобы рѣшить правильно и безпристрастно, на чьей сторонѣ побѣда. Эта игра вызываетъ цѣлую вѣтвь промышленности. Нѣтъ ни одного большого города въ Англіи, гдѣ бы не было нѣсколькихъ лавокъ, исключительно посвященныхъ экипированію игроковъ въ крикетъ, и продажѣ предметовъ, необходимыхъ для этой игры. Куртка, фланелевыя панталоны цвѣта своего клуба, соломенная шляпа или легкая цвѣтная шапочка и большіе сапоги изъ бѣлой кожи—вотъ костюмъ крикера.

Женщины не только апплодируютъ игрокамъ, но и сами нерѣдко являются на аренѣ. Въ Берри устроилась партія молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ присутствіи всей публики; женщины одержали верхъ надъ дѣвушками. Если женщина и не имѣетъ особенной страсти къ крикету, тѣмъ не менѣе она сильно заинтересована въ этой игрѣ; въ ней всегда участвуетъ кто-нибудь изъ близкихъ ея сердцу: братъ, мужъ или сынъ. Нерѣдко можно видѣть дамъ, просиживающихъ по пяти часовъ сряду на скамейкахъ, подъ палящими лучами солнца, забывая о ѣдѣ: онѣ неустанно слѣдятъ за состязаніемъ двухъ клубовъ, въ которыхъ участвуютъ ихъ сыновья, и материнская гордость сильно пострадаетъ, если сынъ потерпитъ пораженіе.

Въ настоящее время всѣ казармы Великобританіи имѣютъ свой лужокъ для крикета и клубъ игроковъ. Всѣ военныя англійскіе корабли снабжены шарами, загородками и палками для отбиванія. Поэтому вездѣ, гдѣ только высаживаются на берегъ англійскіе солдаты и моряки, они устраиваютъ партію въ крикетъ, рискуя нарушить покой черепахъ, испугать птицъ и удивить туземцевъ. Не только города и деревни соперничаютъ между собой, но цѣлыя графства вызываютъ другъ друга на бой; съ-веръ Англіи посылаетъ вызовъ югу; крикеры переплываютъ океанъ, чтобы сразиться съ клубами Канады или Соединенныхъ Штатовъ. Почти каждую недѣлю въ специальныхъ журналахъ можно прочесть описаніе партіи крикета, составившейся на мысѣ Доброй Надежды, въ Индіи, въ Китаѣ, во всѣхъ концахъ свѣта. И этому всесвѣтному распространенію крикета прежде всего содѣйствуютъ англичане.

Въ основу почти всѣхъ удовольствій англичанъ легло упражненіе физическихъ силъ. Они страстно любятъ устраивать зимой большія охоты на лисицъ со скачкой черезъ кустарники. Молодыя дѣвушки, беззаботно сидя на лошадяхъ, перескакиваютъ

черезъ заборы, рвы, черезъ барьеры, мчатся по лѣсамъ, галопомъ спускаются въ овраги. И несмотря на то, что имъ приходится перескакивать черезъ преграды, вы находите ихъ всегда на своихъ лошадяхъ стройными и самоуверенными. Онѣ галопируютъ по берегу моря всей семьей, начиная отъ семидесятилѣтняго дѣдушки до шестилѣтней внучки. Очевидно, что имъ необходимъ свѣжій воздухъ и движеніе. На берегу моря, во время сильнаго вихря, дѣвушки бѣгаютъ по отмели, вѣтеръ развѣиваетъ ихъ волосы, волны сыплютъ на нихъ брызги, но все это только веселитъ и тѣшитъ ихъ. Ясно, что имъ не только нужно движеніе, но и бури природы, препятствія. Огромныя денежныя затраты, даже опасности не останавливаютъ, но возбуждаютъ англичанъ: они отправляются за двѣсти лье въ Шотландію удить лососей, стрѣлять сернъ или куропатокъ. Охотники, отправляющіеся на охоту далеко отъ родины, ѣдутъ по желѣзной дорогѣ съ лошадьми и собаками. Тотъ же характеръ виденъ и въ дѣтяхъ. Они не отличаются ни остроуміемъ, ни особенной сметкой, но зато превосходятъ всѣхъ смѣлостью, силой и твердостью воли. У тщедушнаго уличнаго мальчика болѣе развиты кулаки, чѣмъ языкъ. Дѣти богатыхъ людей не менѣе бѣдныхъ терпѣливы и выносливы. Они лезутъ по мачтамъ, нерѣдко отвязываютъ лодку и пускаются одни въ море, сбрасываютъ чулки и залѣзаютъ по колѣно въ воду, чтобы удить каракатицъ. Съ трехъ, четырехъ лѣтъ между англійскими дѣтьми, какъ между бѣдными, такъ и между богатыми, считается позоромъ расплакаться отъ ушиба, трусить въ темной комнатѣ.

Съ неменьшимъ нетерпѣніемъ, какъ и состязанія крикетеровъ, англичане ожидаютъ состязанія скороходовъ. Устраиваются эти состязанія обыкновенно на Копенгагенскомъ полѣ, недалеко отъ Лондона. Какая бы ни была погода, народа на это зрѣлище собирается нѣсколько тысячъ. Какъ и во всѣхъ состязаніяхъ, существуютъ призы стоимостью въ 30 или 35 ф. ст. и меньше.

Въ извѣстный часъ выстраиваются въ шеренгу 18, 20 и болѣе скороходовъ. Когда подають сигналъ начинать, они скорымъ шагомъ, а если бѣгуны состязаются въ бѣгъ, то скорымъ бѣгомъ, въ строго опредѣленномъ порядкѣ, подвигаются впередъ и такимъ образомъ нерѣдко дѣлаютъ одинъ, два круга, и между тѣмъ никто изъ нихъ не выдѣляется; но при третьемъ кругѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образуются ряды; нерѣдко изъ всѣхъ выдѣляются одинъ, два. Не только мужчины, но и женщины занимаются этимъ упражненіемъ. Не очень давно улицы Лондона были загромождены зрителями, сбѣжавшими со всѣхъ сторонъ посмотреть на дебютъ молодой женщины. Она обѣщала пройти въ 4½ часа пространство въ 20 англійскихъ миль. Она явилась одѣтая вся въ бѣломъ и, прижавъ локти къ бокамъ, держа прямо голову, однимъ словомъ по всѣмъ правиламъ искусства двинулась впередъ. Нечего и говорить, что она точно исполнила свое обѣщаніе. Перелистывая журналы спорта, можно насчитать иногда въ одну недѣлю до 90 состязаній этого рода. Нерѣдко джентльмены уговариваются не только пробѣжать въ извѣстное время извѣстное пространство, но пробѣжать это пространство съ разными препятствіями, напримѣръ, перепрыгивая на разныхъ разстояніяхъ черезъ кучи хвороста. Между скороходами—свои знаменитости.

Трудно представить себѣ, какую тяжелую школу проходятъ они, прежде чѣмъ стяжать себѣ славу. Первая забота профессора бѣганья—совершенно измѣнить діету организма своего воспитанника. Ученикъ долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ старыхъ привычекъ: онъ не смѣетъ болѣе употреблять спиртныхъ напитковъ, курить, даже пить кофе. Онъ долженъ ѣсть въ строго опредѣленное время, и его ѣда опредѣлена не только относительно количества, но и качества. Все, что онъ пьетъ и

бѣтъ, размѣрено и взвѣшено съ чрезвычайною точностью. Къ этому суровому образу жизни присоединяются и тяжелыя упражненія. Профессоръ бѣганья прежде всего старается избавить своего ученика отъ толстоты: толстый бѣгунъ почти навѣрно потерпитъ поражение и возбудитъ насмѣшки публики. Чтобы уничтожить этотъ недостатокъ, прибѣгаютъ къ выпотѣвнiю. Если дѣло идетъ только о томъ, чтобы сдѣлать худощавѣе одну какую-нибудь толстую часть тѣла, его заставляютъ бѣгать по нѣскольку часовъ сряду, закутавъ ее множествомъ теплыхъ одеждъ. Когда, напротивъ того, нужно дѣйствовать на всю массу тѣла, то ученика завертываютъ въ такихъ случаяхъ, какъ мумiю, сначала въ мокрое сукно, потомъ въ льняное покрывало; оставивъ на свободѣ только лицо, его кладутъ подъ перину и даютъ пить потогонное. Когда ученикъ готовъ, т.-е. когда онъ силенъ и худъ, учитель ведетъ его на мѣсто, назначенное для опытовъ бѣга, куда посторонніе зрители не допускаются. Тамъ учитель, который самъ долженъ быть отличнымъ бѣгуномъ, подаетъ примѣръ и возбуждаетъ соревнованіе ученика, не приводя его въ отчаяніе подавляющимъ превосходствомъ. Но вотъ для ученика наступаетъ критическій періодъ, который непосредственно предшествуетъ бѣгу. Самые лучшіе бѣгуны часто проигрываютъ въ состязаніяхъ отъ безпокойства и волненія, которыя овладѣваютъ ими за нѣсколько дней до испытанія. Тутъ уже обязанность наставника придумать для своего воспитанника развлеченія, которыя пришлись бы ему по вкусу, и главное внушить большую вѣру въ свои силы. Послѣ такого обученія ученикъ становится совѣтъмъ другимъ человѣкомъ. Чудеса такого превращенія признаются всѣми докторами и физиологами. Дряблѣе, мягкое, вздутое тѣло дѣлается крѣпкимъ и упругимъ. Всѣ члены принимаютъ надлежащіе размѣры, а кожа становится тонкою и гладкою. Послѣ этого обученія увеличиваются силы, уменьшается усталость: холодъ, дождь, вѣтеръ теперь не имѣютъ никакого вліянія на желѣзные нервы и члены молодого человѣка. Любопытно видѣть скороходовъ, когда они, являясь на арену, сбрасываютъ свой плащъ. Несмотря на худобу, они отличаются крѣпкими, выдающимися мускулами, необыкновенною гибкостью и силою членовъ. Знаменитымъ скороходамъ даютъ имена животныхъ, и это нерѣдко можетъ повести къ недоразумѣнію. Читая въ специальныхъ журналахъ отчетъ о бѣгѣ, можно подумать, что дѣло идетъ о звѣринцѣ: «на лондонскомъ «Оленѣ» нѣтъ ни унціи лишняго мяса. «Американская лань» сложена удивительно пропорціонально, и ея тѣло твердо, какъ копыто, «Антилопа» никогда не была такъ граціозна, какъ...» Правда, тутъ уже совѣтъмъ забываютъ о человѣкѣ и рассматриваютъ его какъ животное, но нужно помнить, что та же самая нація, которая такъ обожаетъ физическую силу, имѣетъ своихъ Диккенсовъ, Шекспировъ, Байроновъ, Теккереевъ, Боклей, уму которыхъ она тоже воздастъ должную дань. Однако, многіе въ настоящее время, даже и въ самой Англіи, начинаютъ возставать противъ этого излишняго развитія физики въ дѣтствѣ, и это совершенно справедливо. Конечно, теперь уже извѣстно каждому, что вполне здоровый умъ можетъ быть только въ здоровомъ тѣлѣ и что физическое развитіе имѣетъ громадное вліяніе на все будущее человѣка, но англичане въ этомъ отношеніи вдаются уже въ другую крайность. Самымъ тщательнымъ образомъ укрѣпляя мускулатуру тѣла, развивая въ дѣтяхъ любовь только къ физическимъ играмъ, забавамъ и зрѣлищамъ, они иногда забрасываютъ развитіе ума. Вслѣдствіе этого англійскій юноша нерѣдко напоминаетъ собой прекрасно выхоленнаго и откормленнаго молодого бычка: его идеаль—одержать верхъ въ боксѣ, въ крикетѣ, въ греблѣ, между тѣмъ онъ чувствуетъ полное отвращеніе къ чтенію и ко всякой другой умственной пищѣ.

Такъ какъ англичане живутъ на островѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ во-

дою, то неудивительно, что они отличные пловцы; тутъ также свои знаменитости, которыя совершаютъ чудеса. Извѣстно, что Байронъ, знаменитый англійскій поэтъ, переплылъ Геллеспонтъ; многимъ англичанамъ удалось переплыть Ла-Маншъ. Переплывая огромныя пространства, нѣкоторые показываютъ разныя штуки. Еще недавно одинъ англичанинъ, прежде чѣмъ поплыть, бросился съ высоты восьмидесяти фунтовъ и на пути выстрѣлилъ изъ пистолета два раза на воздухъ.

На морѣ и рѣкахъ бываетъ и другой родъ состязаній, весьма распространенный у англичанъ; я говорю о греблѣ на лодкахъ. Гонка шлюпокъ на Темзѣ—ихъ любимѣйшая забава. Поверхность рѣки въ такой день бываетъ сплошь усыяна шлюпками разнообразныхъ видовъ и размѣровъ; всѣ пристани унизаны толпами зрителей. Женщины и мужчины, отъ мала до велика, ожидаютъ гонки съ нетерпѣніемъ. Публика однако собирается сюда гораздо раньше начала, и въ эти дни въ близлежащихъ лавочкахъ происходитъ, въ неимоверныхъ количествахъ, продажа пива и табаку. Группы лодочниковъ собрались у разныхъ пристаней и разсуждаютъ о достоинствахъ гребцовъ, вступающихъ въ состязаніе. Хоры музыкантовъ наигрываютъ веселые мотивы. Бьетъ два часа, и всѣ взоры съ безпокойствомъ устремляются къ мосту, изъ-подъ котораго должны выступить соперники. Половина третьяго, и вниманіе публики начинаетъ утомляться, какъ вдругъ раздается выстрѣлъ, и громкое «ура» оглашаетъ оба берега рѣки. Зрители наклоняются впередъ. Шлюпки, стоявшія подъ мостомъ, какъ стрѣлы вылетаютъ оттуда. Крики восторга, апплодисменты вырываются у всѣхъ окружающихъ. Гребцы одѣты въ легкіе костюмы яркихъ цвѣтовъ, и сообразно съ ними каждый получаетъ извѣстную кличку. «Немного ходу, Розовый, и ты возьмешь...» кричитъ въ восторгѣ публика шлюпкѣ, которая на полвершка опередила другія. «Не теряй надежды, Красный...» «Сильнѣе, Желтый!» «Браво, Джорджъ... Только еще немножко больше ходу!» «Эхъ, Томъ, какъ ты отсталъ! Закидывай дальше свои весла!» «Двадцать фунтовъ на Желтаго...» Вотъ что только и можно разслышать въ эту минуту среди страшнаго шума. Каждый небольшой трактиръ безпрестанно стрѣляетъ изъ ружей и поднимаетъ флагъ надъ своимъ зданіемъ. Невозможно представить себѣ того шума, крика, брани, похвалъ, которыми заключается это торжество: изъ описанія читатель получаетъ о немъ весьма слабое понятіе. Портреты взявшихъ призь, какъ и всѣхъ побѣдителей на различныхъ физическихъ состязаніяхъ, фотографируются и пишутся масляными красками. Цвѣтъ одежды, въ которой побѣдитель состязался, становится моднымъ. Какъ и другіе борцы, гребцы готовятся къ этому публичному состязанію путемъ долгихъ упражненій.

Въ хорошій теплый день вы можете видѣть во всѣхъ концахъ Англіи, какъ въ столицѣ, такъ въ деревняхъ и маленькихъ городахъ,—боксъ или драку на кулакахъ. Двое здоровыхъ, мускулистыхъ мужчинъ становятся другъ противъ друга, чтобы показать силу и ловкость своихъ кулаковъ. Боксъ—наиболѣе любимое физическое упражненіе англичанъ. Битвы боксеровъ уже издавна имѣютъ для нихъ такое же значеніе, какъ битва гладиаторовъ для римскаго народа, какъ бой быковъ для испанцевъ. Американскій боксеръ Генанъ переплылъ моря, чтобы помѣряться силою и кулакомъ поддержать честь своей родины противъ англичанина Тома Сейерса, олицетворявшаго честь Англіи. Результатъ былъ тотъ, что хотя англичанинъ Сейерсъ былъ, сравнительно съ Генаномъ, не болѣе, какъ Давидъ передъ Голиафомъ, и хотя уже съ самаго начала боя Сейерсъ потерялъ возможность владѣть одною изъ своихъ рукъ, онъ все-таки остался, если не побѣдителемъ, то по крайней мѣрѣ и не побѣжденнымъ. Битва между англійскимъ и американскимъ боксерами была

чѣмъ-то въ родѣ національнаго событія. Сейерса привѣтствовали, какъ какого-нибудь триумфатора въ древнемъ Римѣ. Когда онъ вернулся на свою родину — Ливерпуль, ему сдѣлали такой пріемъ, какъ будто онъ былъ спасителемъ отечества. Городскія власти вышли къ нему на встрѣчу съ музыкою; женщины и дѣти бросали ему цвѣты. Между тѣмъ заслуга его заключалась въ томъ, что онъ подбилъ своему противнику глаза такъ, что тотъ почти ослѣпъ, хотя въ свою очередь Сейерсъ остался съ разможженнымъ носомъ.

Боксъ до такой степени любимое занятіе англичанъ, что имъ упражняются и развлекаются рѣшительно всѣ классы общества. Современные ученые и писатели, послѣ дня тяжелой умственной работы, считаютъ самымъ здоровымъ и полезнымъ развлеченіемъ провести два, три часа, боксируя съ пріятелемъ. Боксъ имѣетъ своихъ специалистовъ-борцовъ по профессіи, которые составляютъ совершенно особый классъ людей. Настоящаго боксера сейчасъ узнаешь въ толпѣ: у него низкій и узкій лобъ, страшно развитъ затылокъ, плоскій носъ, торчащіе уши, толстыя губы, плечи — косая сажень, богатырская грудь, шея просто воловья. Если бы современный художникъ пожелалъ изобразить Геркулеса, ему лучше всего для этого взять себѣ въ натурщики англійскаго боксера. Боксеры отличаются отъ прочихъ людей не только атлетическимъ сложеніемъ и геркулесовскою силою, но даже и особымъ языкомъ, нравами и образомъ жизни. Кровь они называютъ «кларетомъ» (напитокъ), голову «орѣхомъ», лобъ «фронтисписомъ», носъ «раковиной», волосы «льномъ», желудокъ «хлѣбной корзиной». Этотъ условный языкъ съ своими метафорами и аллегоріями скрываетъ для обыкновенныхъ смертныхъ нѣкоторыя подробности битвы, которыя на общеупотребительномъ языкѣ были бы возмутительны. Когда дѣло идетъ о томъ, что одинъ боксеръ выбилъ другому зубы кулакомъ, то на своемъ фигуральномъ языкѣ онъ выражается такъ: «Слоновая кость была вынута безъ помощи механическихъ снарядовъ». Когда отъ удара глаза исчезаютъ подъ опухолью вѣкъ, онъ находитъ болѣе удобнымъ сказать, что «свѣточи погасли подъ аркою фронтисписа».

Въ свободное время боксеры почти каждый день отправляются въ таверну, большая часть которыхъ украшена портретами знаменитостей бокса. Они заходятъ сюда не для того, чтобы выпить, такъ какъ боксеръ обыкновенно ведетъ чрезвычайно трезвую жизнь, но потому, что въ извѣстные часы дня они всегда найдутъ здѣсь кружокъ своихъ товарищей и людей, имъ сочувствующихъ. Боксеры обыкновенно имѣютъ о себѣ очень высокое мнѣніе, и, дѣйствительно, никакое превосходство не доказывается такъ ясно, какъ превосходство физической силы. Ихъ тщеславіе особенно раздувается специальными журналами спорта, которые на своихъ страницахъ помѣщаютъ ихъ портреты и сравниваютъ ихъ съ средневѣковыми рыцарями. Каждый, увидѣвшій геркулесовскую фигуру боксера и его въ высшей степени характерную фізіономію, непременно спроситъ: «Какъ произошелъ такой атлетъ?» Создала ли его такимъ сама природа, или онъ — произведеніе особаго воспитанія, специальныхъ упражненій. На это мы отвѣтимъ, что настоящіе боксеры должны непременно и родиться атлетами, но въ то же время совершенно особые упражненія должны усовершенствовать ихъ атлетическія формы.

Не каждый атлетъ дѣлается боксеромъ; иногда онъ уже очень поздно пойметъ свое «призваніе». Пока оно ему неизвѣстно, онъ занимается какимъ-нибудь другимъ ремесломъ, — кузнечнымъ или плотничнымъ; но въ одинъ прекрасный день онъ или надумаетъ самъ, или другіе наводятъ его на мысль, что онъ пошелъ не по своей дорогѣ. Онъ пытается свои силы въ стычкахъ передъ товарищами; тѣ поддерживаютъ вспыхнувшее въ немъ стремленіе къ боксу. Въ такомъ случаѣ, какъ бы

ни былъ онъ великъ ростомъ и годами, онъ поступаетъ мальчикомъ къ ветерану этого искусства, который обыкновенно держитъ таверну или гостиницу. Тамъ тотчасъ начинается воспитаніе будущаго геркулеса: его прежде всего учатъ говорить на условномъ языкѣ боксеровъ, подавать шары во время крикета, пробѣгать милою все скорѣе и скорѣе, а главное выносить тумаки и колотушки съ полнымъ терпѣніемъ, безъ единого звука, не мѣняя даже выраженія фizioноміи. Онъ долженъ прежде всего проникнуться мыслью, что его тѣло только затѣмъ и создано, чтобы по немъ колотили. Одно изъ самыхъ главныхъ правилъ боксерской науки, чтобы ученикъ всегда былъ въ наилучшемъ расположеніи духа и такимъ образомъ постепенно подготовлялъ бы себя къ высшему идеалу, къ которому считаетъ долгомъ стремиться каждый хорошій боксеръ; идеаль этотъ—быть готовымъ умереть отъ побоевъ каждую минуту и притомъ умереть не иначе, какъ смѣясь.

Наука не проходитъ даромъ, и новичекъ начинаетъ все болѣе отличаться отъ другихъ: его коротко-обрѣзанные волосы становятся жестки, какъ щетина; его скулы и челюсти выдаются все болѣе впередъ. Но до сихъ поръ онъ приобрѣталъ лишь элементарныя свѣдѣнія; теперь ему уже пора серьезно углубиться въ изученіе науки бокса. Для этого онъ прежде всего сводитъ знакомство съ міромъ боксеровъ: если тотъ или другой знаменитый боксеръ находитъ его человѣкомъ, подающимъ надежды, онъ беретъ его къ себѣ въ ученіе или даетъ ему извѣстную сумму займа, чтобы нанять себѣ настоящаго учителя. Обученіе боксеровъ немногимъ отличается отъ обученія скороходовъ и бѣгуновъ. Главное различіе въ томъ, что у скороходовъ болѣе развиваются ноги, а у боксеровъ руки и плечи. Тѣ и другіе ведутъ однообразно-правильную жизнь, держатъ строгую діету, встаютъ и ложатся вмѣстѣ съ солнцемъ. Каждое утро передъ завтракомъ боксеръ долженъ взять ванну, послѣ которой его вытираютъ съ головы до ногъ грубою волосяною перчаткою. По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ такой жизни учитель объявляетъ ему, что онъ совершенно подготовленъ къ своимъ обязанностямъ.

Боксеры, кажется, еще болѣе выносливы, чѣмъ скороходы. Жестокіе удары, отъ которыхъ другой истекъ бы кровью, у настоящаго боксера не вызываютъ обыкновенно никакого кровотеченія, а если и вызываютъ, то рѣдко, и притомъ самое ничтожное. Хотя публичныя представленія бокса, на которыя прежде собирались десятки тысячъ народа, запрещены, тѣмъ не менѣе и теперь боксъ практикуется всюду въ Англіи, и въ день бокса собирается громадная толпа народа. Да и что можетъ сдѣлать противъ бокса правительство, когда представители аристократіи, высшіе военные чины, члены палаты общинъ и палаты лордовъ, люди, наиболѣе вліятельные, сочувствуютъ боксу. Вотъ почему, несмотря на то, что публичная борьба боксеровъ запрещена закономъ, они не боятся суда; ихъ защищаютъ противъ правительства и законовъ народный энтузіазмъ и сочувствіе.

Арена для бокса—четыреугольникъ, окруженный кольями и веревками. Каждый изъ боксеровъ появляется въ толпѣ въ сопровожденіи двухъ друзей или свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ несетъ губку и полотенце, а другой держитъ въ рукѣ бутылку съ водой. Обязанности этихъ помощниковъ состоятъ въ томъ, чтобы вытереть покрытые потомъ члены борца и освѣжить его водою. Приблизившись къ аренѣ, боксеръ снимаетъ шапку. Если онъ уже извѣстенъ публикѣ, она встрѣчаетъ его громомъ аплодисментовъ, которые повторяются минуту спустя и въ пользу его противника. Если эти люди только въ первый разъ здѣсь встрѣтились между собой, они осматриваютъ другъ друга съ головы до ногъ, точно львы, встрѣтившіеся въ лѣсу. Затѣмъ борцы подходятъ другъ къ другу и обмѣниваются пожатіемъ руки, въ знакъ

того, что они не чувствуют никакой личной вражды. При этомъ пожатіи апплодисменты усиливаются. Затѣмъ боксеръ вынимаетъ жребій, кому какое занять мѣсто на аренѣ, что очень важно, такъ какъ невыгоды на сторонѣ того, кому въ глаза свѣтитъ солнце, дуетъ вѣтеръ, летитъ пыль. Когда всѣ формальности выполнены, боксеры обнажаются до пояса. Мускулистое тѣло борцовъ возбуждаетъ въ зрителяхъ новый взрывъ рукоплесканій. Еще секунда, и сраженіе начинается. Человѣкъ къ человѣку, кулакъ къ кулаку, они наносятъ удары и отражаютъ ихъ. Въ первую схватку боксеры знакомятся съ манерою и силою другъ друга; послѣ небольшого отдыха схватка слѣдуетъ за схваткой, и удары кулакомъ раздаются на твердомъ тѣлѣ, какъ удары молотка по наковальнѣ. До какой степени разжигаются страсти этихъ борцовъ во время схватки, можно видѣть изъ того, что законъ бокса нашелъ нужнымъ запретить во время состязаній вырывать другъ у друга мясо ногтями и хватать противника за горло. Едва посыпались удары, какъ глаза зрителей начинаютъ принимать дикое, звѣрское выраженіе. «Какъ можно смотрѣть безъ содроганія на такія возмутительныя зрѣлища? Вѣдь это во сто разъ хуже и отвратительнѣе, чѣмъ бои быковъ въ Испаніи», спросилъ однажды одинъ иностранецъ у своего знакомаго, въ высшей степени образованнаго англичанина, который съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за борьбою и лицо котораго, какъ и у другихъ, принимало звѣрское выраженіе... «Вы правы,—это ужасно, но это выше моей воли!.. это у меня въ крови... Мой отецъ былъ величайшій любитель бокса и эту любовь передалъ мнѣ въ наслѣдіе». Пока длится борьба, зрители все съ болѣею яростію держать пари. Это соединеніе спекуляціи и жестокости представляетъ что-то отвратительное.

Кулачный бой *можетъ составить бойцу карьеру*. Побѣдитель, въ свою очередь тоже избитый и обезображенный, получаетъ ставку своего противника; эти ставки иногда доходятъ до 500 ф. ст. Кромѣ того, у него есть друзья, которые держать на него пари, и отъ нихъ онъ получаетъ награды за свою побѣду. Въ промежуткахъ между боями, которые бывають лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ, какъ профессоръ бокса, даетъ уроки своего искусства за весьма высокую цѣну.

Боксеры весьма недолговѣчны: какъ бы ни былъ хорошо сложенъ человѣкъ, онъ не можетъ долго выдерживать подобныхъ схватокъ. Послѣ нѣсколькихъ блестящихъ побѣдъ, боксеръ, если только онъ не совсѣмъ искалѣченъ, оставляетъ свое ремесло и дѣлается содержателемъ таверны. Но охотнѣе всего онъ становится хозяиномъ или смотрителемъ какого-нибудь цирка или звѣринца.

Послѣ смерти друзья воздвигаютъ памятникъ болѣе знаменитымъ боксерамъ, а въ журналахъ спорта съ такимъ восторгомъ описываютъ ихъ жизнь и походы, съ такою скорбью извѣщаютъ о ихъ кончинѣ, какъ будто Англія въ лицѣ того или другого изъ нихъ потеряла своего національнаго героя.

СРЕДНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Школьные порядки.—«Общественныя школы».—Полнѣйшая свобода воспитанниковъ.—Атлетическія забавы.—Дисциплина и тѣлесныя наказанія.—Мониторіальная система и ея значеніе.—«Fagging» и страданіе дѣтей въ очень недавнее время.—Тьюторы.—Преподаваніе.—Ученическія собранія, клубы и журналы.—Результаты воспитанія въ «общественныхъ школахъ».

Правительство Англіи до самаго послѣдняго времени почти вовсе не вмѣшивалось въ дѣло средняго образованія. Относительно организаціи среднихъ учебныхъ

заведеній англійское общество было предоставлено почти исключительно собственной инициативѣ. Каждый англичанинъ, каждое общество,—а ихъ такъ много въ этой странѣ,—различныя корпораціи, акціонерныя компаніи, города, однимъ словомъ все желающіе могутъ открыть здѣсь школу съ какою угодно программой обученія и распоряжаться въ ней по своему усмотрѣнію. Только въ самое послѣднее время англичане начали находить, что государственная власть не должна такъ безразлично относиться къ судьбамъ средняго образованія, и такъ какъ это мнѣніе все болѣе распространяется, и правительство уже дѣластъ кое-что съ этою, цѣлью то можно смѣло сказать, что въ очень скоромъ времени англійское правительство будетъ играть видную роль въ устройствѣ средне-учебныхъ заведеній. Какъ относительно этихъ заведеній, такъ и всего образованія въ Англіи происходятъ въ послѣднее время всевозможныя преобразованія. Прежде юношество, получавшее образованіе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, принадлежало къ зажиточнымъ классамъ общества. Если дѣти бѣдняковъ и кончали курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то благодаря лишь стипендіямъ, выдаваемымъ лучшимъ ученикамъ народныхъ школъ. Но опытъ показалъ, что этихъ стипендій слишкомъ мало для того, чтобы все способныя дѣти низшихъ классовъ могли получать среднее образованіе, и къ тому же эти стипендіи не достаточны, такъ какъ онѣ покрывали обыкновенно лишь плату за ученіе, между тѣмъ необходимо, чтобы она вполне обеспечивала содержаніе ученика. Наиболее развитые люди въ странѣ все настоятельнѣе требуютъ, чтобы доступъ дѣтей рабочихъ классовъ въ средне-учебныя заведенія былъ облегченъ еще несравненно болѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, чтобы они учились въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, какъ и дѣти среднихъ и высшихъ классовъ, чтобы обо всемъ этомъ правительство заботилось такъ-же неустанно, какъ и общество, устраивая съ каждымъ годомъ все болѣе школъ съ платою, доступною для бѣдняковъ, чтобы эти бѣдняки по окончаніи средней школы могли пройти и высшее образованіе, чтобы они паравнѣ со всеми остальными были облагорожены высшими чувствами, понятіями и идеалами. Спеціальная комиссія, назначенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ для изслѣдованія вопросовъ, касающихся образованія, прямо заявляетъ: «правительству слѣдуетъ употребить все усилія къ тому, чтобы начальное образованіе *было доступно всемъ* и способности бѣдныхъ, но даровитыхъ дѣтей низшихъ классовъ не пропадали даромъ для націи, для чего необходимо сдѣлать среднее образованіе возможно болѣе доступнымъ для бѣдныхъ; вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ сильно увеличить число стипендій». Затѣмъ комиссія рекомендуетъ совершенно измѣнить характеръ обученія въ среднихъ школахъ; она напоминаетъ, что въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ большая часть населенія живетъ промышленностью и торговлею, должно быть прежде всего обращено вниманіе не на мертвые языки, какъ это было до сихъ поръ, не на формальное развитіе памяти, чего такъ добивались еще очень недавно, а болѣе всего на преподаваніе наукъ физико-математическихъ и естественныхъ, на развитіе въ ученикахъ способности къ наблюденію природы.

Очень многое изъ этихъ требованій и пожеланій осуществляется въ дѣйствительности. Теперь въ Англіи уже можно получить ученую степень, никогда не посѣщая никакого высшаго учебнаго заведенія. Въ Лондонскомъ университетѣ существуетъ постоянная комиссія для производства экзаменовъ на всевозможныя ученыя степени; при этомъ совсѣмъ не обращаютъ вниманія на то, *гдѣ и какъ* экзаменуемымъ пріобрѣтены знанія. Тутъ существуетъ уже немало примѣровъ того, что простой рабочий, прослушавшій рядъ публичныхъ курсовъ и самостоятельно подго-

творяясь по книгамъ и программамъ, является въ Лондонскій университетъ, сдаетъ экзаменъ и получаетъ ту или другую ученую степень. Средняя школа, выдавая все большее количество стипендій бѣднякамъ и взимая за обученіе ихъ все меньшую плату, тоже шире и шире раскрываетъ двери рабочимъ классамъ для полученія средняго, а слѣдовательно и высшаго образованія.

Въ Англіи, какъ было уже сказано, каждое общество и каждый частный человѣкъ можетъ открывать школу, не спрашивая на это разрѣшенія правительства, вести по своему усмотрѣнію хозяйственную часть и вводить какія угодно программы. Вслѣдствіе этого до сихъ поръ въ школахъ для средняго образованія въ Англіи царитъ удивительное разнообразіе. Многія изъ нихъ основаны въ давно прошедшія времена; нѣкоторыя существуютъ съ XIV в., но есть и болѣе древнія; однако, большинство изъ нихъ учреждено въ XVI и XVII вѣкахъ. Основателями ихъ являлись то знатные люди, то просто богатые коммерсанты, которые завѣщали послѣ своей смерти громадное состояніе той или другой школѣ, а нерѣдко дарили имъ еще и при жизни земли, замки, усадьбы, капиталы. Вмѣстѣ съ обогащеніемъ страны шло и обогащеніе этихъ школъ. Земли возвышались въ цѣнѣ, доходы съ усадебъ удесятились, капиталы, пущенные въ оборотъ, удвоились. Но здѣсь не мало средних учебныхъ заведеній и съ весьма скромными матеріальными средствами. Такое-же разнообразіе и въ учебныхъ программахъ: одни школы—классическія, другія—полуклассическія (съ однимъ латинскимъ языкомъ), въ третьихъ совсѣмъ не обучаютъ древнимъ языкамъ. Одни изъ школъ представляютъ закрытыя заведенія, другія устроены для приходящихъ; въ однихъ изъ нихъ воспитанники кончаютъ курсъ въ 18—19 лѣтъ, въ другихъ въ 16—17, въ третьихъ—въ 14—15 лѣтъ. Также разнообразна и плата за ученье: въ знаменитыхъ англійскихъ «общественныхъ школахъ», въ которыя до сихъ поръ своихъ дѣтей отдаютъ преимущественно знатные и богатые англичане, плата за каждаго воспитанника отъ 1.000 до 2.000 руб. въ годъ. Въ „общественныхъ школахъ“ воспитывается, сравнительно съ другими учебными заведеніями, небольшое количество воспитанниковъ, но даже и въ школахъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, плата въ высшей степени разнообразна,—какъ было сказано, отъ 1.000 до 2.000 р. въ годъ; можно себѣ представить, какое разнообразіе господствуетъ во всѣхъ остальныхъ школахъ. Въ виду того, что въ „общественныхъ школахъ“, а также въ нѣкоторыхъ другихъ плата очень высока, не слѣдуетъ однако думать, что въ данное время, когда въ среднемъ образованіи еще не совсѣмъ осуществлены всѣ намѣченныя преобразованія, средняя школа мало доступна для людей со скромными средствами. Небогатые люди въ Англіи и теперь не только имѣютъ возможность давать дѣтямъ среднее образованіе вслѣдствіе громаднаго количества стипендій, но и потому, что здѣсь уже существуетъ въ данное время немало среднихъ учебныхъ заведеній съ весьма умѣренной ежегодною платою въ 30 и 40 руб.; много среднихъ школъ и съ платою отъ 50 до 150 руб. въ годъ; можно сказать, что приблизительно около половины учащихся въ средней школѣ платитъ менѣе 90 руб. въ годъ. Эту плату можно считать весьма умѣренною въ Англіи, гдѣ все стоитъ очень дорого, гдѣ въ общемъ и жизнь, и вознагражденіе за трудъ дороже, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, гдѣ деньги дешевы, гдѣ, наконецъ, множество бѣдняковъ вслѣдствіе массы стипендій, имѣютъ возможность получать среднее образованіе даромъ. Несмотря на это, въ Англіи наиболѣе передовые люди находятъ и такую плату слишкомъ высокою и настойчиво требуютъ еще большаго удешевленія средняго образованія, еще большей его доступности для рабочихъ классовъ.

Самую громадную группу средне-учебныхъ заведеній представляютъ частныя

школы: одна из них составляют собственность директора школы,—ихъ здѣсь громадное большинство. Такимъ образомъ большая часть англичанъ, особенно женщинъ, получаютъ среднее образованіе въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Другая категория тоже частныхъ заведеній называется „компанейскими школами“,—такъ называютъ школы, основанныя по подпискѣ на средства какого-нибудь общества или компаніи частныхъ лицъ.

Вторую группу средне-учебныхъ заведеній составляютъ „надѣленные школы“ (endowed schools) т.-е. школы, пужды которыхъ обезпечены жертвователями. Между ними больше всего *грамматическихъ школъ*, большинство которыхъ классическія и полуклассическія; къ нимъ слѣдуетъ отнести и девять великихъ, такъ называемыхъ, „общественныхъ школъ“.

Хотя въ этихъ „общественныхъ школахъ“ воспитывается лишь незначительное число англійскаго юношества, и онѣ далеко не составляютъ большинства средне-учебныхъ заведеній, но я остановлюсь на описаніи именно этой группы школъ, такъ какъ онѣ до сихъ поръ давали тонъ всей организаціи средняго образованія и въ высшей степени характерно рисуютъ общественную жизнь англичанъ. Девять изъ этихъ „общественныхъ школъ“ получили наибольшую извѣстность; семь изъ нихъ—закрытыя учебныя заведенія. Вотъ они: Итонъ, Винчестеръ, Вестминстеръ, Чартерхаузъ, Гарроу, Рогби и Шрюзбери. Въ нихъ воспитываются мальчики отъ 10 до 19 лѣтъ—цвѣтъ англійской аристократіи, и плата въ нихъ очень высокая, отъ 1.000 до 2.000 руб. въ годъ. Въ этихъ школахъ получили образованіе очень многіе изъ величайшихъ людей Англіи, да и въ настоящее время въ нихъ преимущественно воспитываются дѣти, родители которыхъ пользуются наиболѣе вліятельнымъ положеніемъ въ странѣ. Въ каждой изъ этихъ школъ отъ 400 до 1.000 воспитанниковъ. Всѣ названныя выше семь „общественныхъ школъ“—закрытыя учебныя заведенія. Многіе англичане—большіе поклонники воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ: такія школы, по ихъ мнѣнію, болѣе, чѣмъ заведенія для приходящихъ, способствуютъ развитію духа товарищества и способности къ организаціи,—то и другое имѣетъ огромное значеніе въ глазахъ англичанъ.

Никто въ этой странѣ не можетъ представить себѣ воспитанія юношества въ душевной атмосферѣ, въ четырехъ крѣпко запертыхъ стѣнахъ. Англійскія школы, даже самыя извѣстныя и огромныя изъ нихъ, не имѣютъ вида казармъ, какъ въ другихъ странахъ Европы; это обыкновенно веселый поселокъ, множество строеній котораго раскинуты здѣсь и тамъ и группируются въ живописномъ безпорядкѣ вокругъ главнаго зданія, гдѣ находятся классныя комнаты. Вотъ капелла, рядомъ съ нею бібліотека, въ теченіе цѣлаго дня открытая для учениковъ; нѣсколько далѣе помѣщеніе для игры въ мячъ, обширныя мѣста для игры въ крикетъ. Здѣсь домъ старшаго учителя, тутъ помѣщенія для воспитанниковъ, красивые сельскіе коттеджи, съ выступающими балконами. Все имѣетъ видъ необыкновенно чистый, веселый, дышитъ отсутствіемъ какого-бы то ни было принужденія и казарменности.

Какъ только кончаются классы, каждый воспитанникъ совершенно свободенъ и становится полнымъ хозяиномъ своего времени, которымъ онъ и располагаетъ по своему усмотрѣнію. Всѣ окрестныя поля ему открыты; всѣ игры въ его распоряженіи. Онъ можетъ выходить изъ дому, куда ему угодно, и возвращаться назадъ, когда ему вздумается; онъ долженъ только придти къ началу урока, къ обѣду и къ тому часу, когда запираютъ ворота. Но на сколько здѣсь предоставлена воспитаннику безграничная свобода, на столько строго требуютъ отъ него выполненія предписанныхъ ему обязанностей. Онъ долженъ своевременно явиться, куда и когда приказано, от-

лично выполнить заданный урокъ; малѣйшая неточность, забывчивость влекутъ за собою строгое наказаніе. Такимъ образомъ, какъ говорятъ англичане, человѣкъ рано узнаетъ, что назначеніе его на землѣ быть вполнѣ свободнымъ, но отвѣтственнымъ за свои проступки.

Въ воспитаніи англійскаго юношества самое главное значеніе имѣютъ игры, и не только въ глазахъ учениковъ, но и учителей. Комнатныя забавы и кутежи въ родѣ игры въ карты, куренія, попоекъ строго запрещены, и воспитаннику, замѣченному въ этомъ, нерѣдко даже въ первый разъ грозитъ строгое наказаніе. Любимѣйшими играми здѣшней молодежи, которыя поощряетъ не только начальство школы, но и все общество, служатъ: игра въ мячъ, гребля, бѣганье взапуски и крикетъ. Отличившихся въ нихъ встрѣчаютъ съ такимъ почетомъ, съ такимъ энтузіазмомъ, какой воздавали въ древности побѣдителямъ на олимпійскихъ играхъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ два раза въ недѣлю, а въ другихъ и три раза классы оканчиваются въ полдень. Да не только въ эти дни, когда уроки кончаются раньше, но и во всѣ остальные ученики по нѣскольکو часовъ предаются играмъ: онѣ служатъ здѣсь не только развлеченіемъ, но составляютъ особый трудъ, часто обязательное занятіе, налагаемое обычаемъ и требуемое начальствомъ школы. Въ нѣкоторыхъ школахъ начальство поощряетъ игры болѣе, чѣмъ занятіе науками, отличившіеся въ крикетъ или въ управленіи лодкой пользуются большимъ почетомъ, чѣмъ ученики, отличившіеся въ главномъ конкурсѣ по словеснымъ и математическимъ наукамъ. И какое оживленіе бываетъ въ дни гимнастическихъ состязаній, какое соревнованіе между воспитанниками одной и той же школы, и еще болѣе одной школы передъ другой! Ученики Рогби посылаютъ вызовъ Итону, Гарроуская молодежь выражаетъ желаніе помѣряться силами съ Итонскою. Въ библіотекѣ Гарроу, на ряду съ портретами лорда Байрона, Пальмерстона и другихъ знаменитыхъ людей, бывшихъ учениковъ этого заведенія, съ гордостью указываютъ на почетный щитъ, въ третій разъ выигрываемый учениками школы Гарроу на состязаніи въ стрѣльбѣ. Эта склонность къ атлетическимъ играмъ переживаетъ дѣтскіе годы. Тотъ же пылъ, то же соревнованіе между студентами и въ университетахъ.

Страсть къ атлетическимъ играмъ, доведенная въ англійскихъ школахъ до высшихъ предѣловъ, имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Несмотря на вѣчно туманное и влажное небо, англійское юношество отличается цвѣтущимъ здоровьемъ, необыкновенной силой, энергіей и самостоятельностью. Но зато умственные занятія нѣсколько страдаютъ, такъ какъ на тѣлесныя упражненія удѣляютъ здѣсь уже слишкомъ много времени. Къ тому же эти игры и состязанія до такой степени увлекаютъ многихъ юношей, что они только и думаютъ о нихъ, и если не бросаютъ уроковъ, такъ какъ начальство за этимъ строго слѣдитъ, то менѣе развиваются умственно, чѣмъ это было бы, если бы эти развлеченія не были въ такой степени поощряемы. Чрезмѣрное поклоненіе физическому развитію въ школахъ служитъ также причиною излишней, утрированной склонности англичанъ къ кулачнымъ боямъ, къ бою пѣтуховъ и инымъ, нерѣдко звѣрскимъ и кровожаднымъ видамъ *спорта*.

Развитіе тѣлесной силы бесспорно прекрасное дѣло, но въ Англіи это уже чересчуръ утрировано, и атлетическимъ играмъ придаютъ слишкомъ большое значеніе. Да наконецъ, къ чему человѣку дѣлаться бѣгуномъ, скороходомъ или боксеромъ? Къ тому же многія изъ игръ и состязаній очень опасны. Даже игра въ мячъ представляетъ здѣсь не обычную оживленную забаву, а часто напоминаетъ ожесточенную схватку дикарей, такъ какъ она обыкновенно оканчивается здѣсь общей свалкой. Играющіе задыхаются отъ усталости, ихъ платье разорвано, на плечахъ

болтаются лохмотья, волосы всклокочены, лицо оцарапано; они покрыты потомъ, кровью, грязью.

Вокругъ многихъ школъ находится нѣсколько пансіоновъ, въ которыхъ живутъ своекоштные воспитанники. Эти пансіоны содержатся учителями школъ. Пансіонеры, за извѣстную плату, живутъ въ семействѣ учителя, совершенно въ семейной обстановкѣ, и каждый изъ нихъ имѣетъ свою отдѣльную комнату. За обѣдомъ, чаемъ и ужиномъ воспитанники встрѣчаются со всѣмъ семействомъ учителя и такимъ образомъ продолжаютъ въ школѣ, какъ и дома, вести семейную жизнь. Хозяинъ дома или пансіона—учитель школы, получившій высшее образованіе. Обыкновенно такой учитель бываетъ и *тьюторомъ*, т.-е. репетиторомъ, и въ то же время главнымъ воспитателемъ и руководителемъ умственного образованія живущихъ у него дѣтей.

Каждый воспитанникъ, при поступленіи въ школу, выбираетъ себѣ *тьютора*, который обыкновенно остается его главнымъ руководителемъ и наставникомъ во все время пребыванія его въ школѣ. Тьюторъ—это другъ и совѣтникъ воспитанника, который всѣ свои радости, печали и затрудненія повѣряетъ ему. Тьюторъ объясняетъ своему воспитаннику все, чего тотъ не понимаетъ, исподоволь слѣдитъ, чтобы онъ вовремя готовилъ свои уроки, провѣряетъ заданное, руководитъ необязательными занятіями, однимъ словомъ замѣняетъ воспитаннику родителей. Если какой-нибудь учитель назначаетъ наказаніе мальчику, онъ прежде всего объявляетъ объ этомъ его тьютору.

Во всѣхъ англійскихъ школахъ существуетъ необыкновенная дисциплина. Повиновеніе закону, разъ заведенному порядку, обычаю, всевозможнымъ предписаніямъ и общественнымъ требованіямъ всасывается англичаниномъ еще съ молокомъ матери. Его братья и сестры подчиняются порядку, установленному родителями. Его родители, несмотря на всю тяжесть и очевидную нелѣпость нѣкоторыхъ обычаевъ, мужественно и безропотно выполняютъ все, что предписано обществомъ. Ребенокъ съ дѣтства видитъ, что отецъ его преклоняется передъ всякимъ закономъ, какъ бы онъ ни былъ стѣснителенъ, жестокъ и даже нелѣпъ. Вслѣдствіе этого англійскіе мальчики въ школахъ легко подчиняются установленному порядку. Въ уставѣ своей школы они видятъ мѣстный законъ своего маленькаго отечества. Они привязываются даже къ странностямъ устава, если онѣ случаются, и уважаютъ ихъ такъ же, какъ и серьезныя постановленія. Перемены и улучшенія въ уставѣ—дѣло трудное даже для властей, до такой степени извѣстныя постановленія обращаются въ привычку воспитанника. Этою привычкою и отчасти привязанностью къ разъ установленному закону, къ разъ обнародованному правилу и можно отчасти объяснить обветшалость нѣкоторыхъ учреждений и устарѣлые обычаи, несообразные съ духомъ времени, господствующіе до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ средне-учебныхъ школахъ. Во главѣ школы стараются поставить лицъ, которыя бы сумѣли пользоваться довѣріемъ молодежи, овладѣть сердцами воспитанниковъ. Учителя очень часто принадлежатъ къ духовному сословію, и они не только преподаютъ въ школѣ, но отправляютъ богослуженіе, говорятъ проповѣди въ церкви. Такимъ образомъ они имѣютъ возможность совершенно овладѣть душою своихъ воспитанниковъ; да это и нетрудно: дѣти, поступающія въ школу, уже дома привыкли относиться съ глубокимъ уваженіемъ и покорностью ко всему религіозному. Еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ англичане усваиваютъ привычку къ молитвѣ, еще сидя на колыняхъ матери привыкаютъ благоговѣнно слушать чтеніе библіи, никогда не выражали при нихъ дома ни малѣйшаго сомнѣнія въ религіи. Невѣрующій англичанинъ низачто не выскажетъ въ семьѣ своихъ воззрѣній на религію, и точно такъ же, какъ и глубоко вѣрующій, онъ высказываетъ

передъ всѣми обрядами и религіозными обычаями совершенное почтеніе. Тоже отношеніе къ религіи и въ школахъ. Каждое утро и вечеръ совершаются общая молитва и чтеніе библіи.

Такимъ образомъ и въ школахъ продолжается положенное въ основаніе семейнаго воспитанія глубоко-религіозное развитіе, что не трудно уже потому, что учителями и воспитателями этихъ заведеній нерѣдко бываютъ люди изъ духовнаго сословія.

Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ за неисполненіе обязанностей наказываютъ очень строго: лишаютъ отпуска, задаютъ выучить лишній урокъ, запираютъ въ карцеръ, прибѣгаютъ и къ тѣлеснымъ наказаніямъ, между которыми до сихъ поръ главную роль играютъ розги, и наконецъ исключаютъ изъ заведенія, что случается впрочемъ въ высшей степени рѣдко; точно также все рѣже и рѣже прибѣгаютъ и къ тѣлеснымъ наказаніямъ, тѣмъ не менѣе они всетаки существуютъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ явленіяхъ англійской жизни, полная свобода и самостоятельность воспитанниковъ идутъ бокъ о бокъ съ средневѣковыми обычаями. Какъ во всей школьной организаціи каждый знаетъ свое мѣсто, каждому выяснена его обязанность, точно также и обязанность съѣхъ издавна предоставлена старшему учителю. Только старшій учитель имѣетъ право собственноручно учинять эту расправу. Въ извѣстный часъ, назначенный для экзекуціи, онъ съѣчетъ всѣхъ мальчиковъ, которыхъ присылаютъ къ нему другіе учителя. По правиламъ школы тѣлесному наказанію подлежатъ всякій воспитанникъ, какого бы возраста онъ ни былъ, но на дѣлѣ розгами наказываютъ только воспитанниковъ младшихъ возрастовъ. По привычкѣ подчиняться всякому закону и уставу иные воспитанники сами стоятъ за розгу и не хотятъ ее промѣнять на другое наказаніе. Однажды старшему учителю одной школы пришло въ голову замѣнить розгу денежнымъ штрафомъ. «Мы сильно воспротивились такому нововведенію», рассказываетъ одинъ англичанинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о школьной жизни, «намъ не хотѣлось, чтобы у насъ отбирали собственные наши гроши. Розга казалась намъ весьма согласимой съ званіемъ джентльмена, но штрафъ — никоимъ образомъ! Школа возстала съ крикомъ: «долой штрафъ, да здравствуетъ розга!» «Розга была торжественно возстановлена.» Но, повторяю, этотъ обычай въ самое послѣднее время начинаетъ мало по малу исчезать.

Раздаются и пощечины въ школахъ, а еще чаще удары по ладони. Учитель, вооруженный гибкою тростью, приказываетъ ученику протянуть руку. Мальчикъ получаетъ ударъ и тотчасъ протягиваетъ другую руку; чрезвычайно ловко онъ подставляетъ для ударовъ то одну, то другую руку, не показывая и вида, что хочетъ отнять ее, и такимъ образомъ хотя на минуту замедлитъ наказаніе. Видно, что воспитанники полагаютъ гордость свою въ томъ, чтобы не кричать, хотя глаза ихъ влажны и слезы катятся по щекамъ противъ воли.

Самое характерное явленіе школьной жизни — *мониторіальная система*. Школьники пользуются полною свободой, но разумно пользоваться этой свободой, по мнѣнію англичанъ, могутъ дѣти, которыя провели въ школахъ одинъ, два года. При школахъ не существуетъ никакихъ классныхъ надзирателей, а потому лучшіе воспитанники старшихъ классовъ, мониторы, должны наблюдать за тѣмъ, чтобы школьная дисциплина выполнялась младшими воспитанниками. Они должны смотрѣть за маленькими, чтобы они не курили, не буйствовали, не бросали камней на улицу, не заходили въ питейныя заведенія, не злоупотребляли бы своей силой, однимъ словомъ никоимъ образомъ не нарушали устава школы. Такая система имѣетъ болѣе дурныхъ, чѣмъ хорошихъ сторонъ. Юноша, наблюдающій за малолѣтними, имѣющій

право его наказывать, часто увлекается своею обязанностию и портит свой характеръ; въ немъ развивается самодовольство, крутой нравъ, официальный, начальнической тонъ, страсть къ тираніи. Шестнадцати, семнадцатилѣтніе юноши рѣдко обладаютъ разсудительностію и опытностію, которыя такъ необходимы для управленія другими: они или слишкомъ снисходительны, или чрезмѣрно строги. Нерѣдко они назначаютъ наказанія въ раздраженіи, такъ какъ не успѣли еще заставить должнымъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ. Между тѣмъ незаслуженный гнѣвъ и раздражительность со стороны власти всегда вызываютъ тѣ же чувства со стороны подчиненнаго. Однако англичане не находятъ возможнымъ уничтожить мониторинговую систему, такъ какъ у нихъ не существуетъ классныхъ надзирателей, которые могли бы смотрѣть за дѣтьми внѣ класса.

Одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ воспитанія въ большинствѣ закрытыхъ среднеучебныхъ заведеній—*fagging*, т.-е. отправленіе маленькими воспитанниками обязанностей прислуги (*fag*—служитель). Всякій ученикъ старшаго класса имѣетъ право на услуги одного или нѣсколькихъ мальчиковъ. Такимъ образомъ старшій воспитанникъ всегда господинъ, а младшій его слуга. Старшій воспитанникъ, замѣтивъ расторопнаго, умнаго мальчика младшаго класса, прямо говоритъ ему: «ты будешь мнѣ служить». Съ этой минуты маленький воспитанникъ дѣлается въ полномъ смыслѣ слова слугою старшаго. «*Fag*» начинаетъ исполнять всѣ порученія своего господина, безпрестанно бѣгаетъ для него то за тѣмъ, то за другимъ, чиститъ его платье, сметаетъ пыль съ его стола, относитъ книги его въ классъ, будитъ его поутру въ назначенный наканунѣ часъ, приготовляетъ ему чай, поджариваетъ ломтики хлѣба, присутствуетъ при его играхъ, не имѣя права самъ принять въ нихъ участіе, а только для того, чтобъ подавать мячики своему господину; онъ долженъ быть постоянно готовъ прибѣжать и откликнуться на зовъ его. Теперь обычай «*fagging'a*» возмущаетъ всѣхъ здравомыслящихъ англичанъ, и онъ быстро начинаетъ ослабѣвать, а въ очень многихъ школахъ совершенно вышелъ изъ употребленія, но еще лѣтъ двадцать тому назадъ жизнь младшихъ воспитанниковъ въ англійскихъ школахъ вслѣдствіе этого была самая несчастная. Обычай прислуживать старшимъ отнималъ у школьниковъ не только все свободное время, но и мѣшалъ имъ учиться, нерѣдко даже порядкомъ поѣсть, лишалъ ихъ забавъ, столь привлекательныхъ въ этомъ возрастѣ. Маленькій мальчикъ никогда не могъ разсчитывать, что послѣ классовъ онъ часъ, два погуляетъ, отправится поиграть или выучить урокъ. Его могли кликнуть каждую минуту и надавать ему массу порученій. Если мальчикъ не выполнялъ точно возложеннаго на него порученія, онъ немедленно получалъ звонкую оплеуху отъ своего господина. Маленькіе воспитанники утромъ должны были вставать очень рано, за два, за три часа до пробужденія своихъ повелителей. Они должны были все приготовить, согрѣть для нихъ воду, развести огонь. Нерѣдко юный повелитель заставлялъ разбудить себя въ 4 часа, а между тѣмъ самъ вставалъ не ранѣе 7-ми ч.; въ такомъ случаѣ бѣдному мальчику нужно было напоминать о вставаніи каждые четверть часа. Но этого мало: служа одному, мальчикъ всегда долженъ былъ услуживать и всѣмъ старшимъ воспитанникамъ, которымъ онъ попадался на глаза.

Хотя самое видное мѣсто въ преподаваніи и теперь еще занимаютъ древніе языки—латинскій и греческій, но въ самое послѣднее время весьма серьезное вниманіе въ общественныхъ школахъ обращено на математику, естественныя науки и на изученіе новыхъ языковъ, предметы, которые еще двадцать лѣтъ тому назадъ были въ большомъ пренебреженіи. Для побужденія юношей трудиться надъ тѣми или другими предметами существуютъ здѣсь могущественныя средства: конкурсы и

цѣнныя награды. Можно сказать, что даже все ученіе представляет собою постоянный конкурс: каждый урокъ есть своего рода экзаменъ. Учитель вызываетъ, и воспитанники становятся полукругомъ у его кафедры. Тотъ, кто отвѣтилъ лучше всѣхъ, ставится первымъ сейчасъ же, и такая перестановка и пересадка учениковъ, въ нѣкоторыхъ школахъ, происходитъ почти каждый урокъ. За лучшія сочиненія награждаютъ медалями и книгами, отъ 18 руб. до 300 руб., а иногда и гораздо болѣе. При этомъ выдаютъ воспитанникамъ даже денежные пенсіи. Всѣ общественныя школы присуждаютъ своимъ лучшимъ ученикамъ годовой доходъ отъ 200 до 800 руб., а иногда и еще болѣе. Такія пенсіи воспитанники общественныхъ школъ получаютъ иногда въ теченіе 4-хъ, 5-ти и даже 6-ти лѣтъ, но обыкновенно съ такимъ условіемъ, чтобъ ученикъ непремѣнно продолжалъ свои занятія въ одномъ изъ университетовъ. Награждая такими богатыми стипендіями школьниковъ, тутъ вовсе не принимаютъ въ расчетъ общественнаго положенія ученика: юноша богатыхъ родителей или со скромнымъ достаткомъ получаетъ пенсію, если только онъ отличится на экзаменѣ.

Немало способствуетъ успѣхамъ въ предметахъ, на которые въ школѣ не обращаютъ большаго вниманія, полная свобода воспитанниковъ старшихъ классовъ. Во всѣхъ грамматическихъ школахъ воспитанники совершенно свободно собираются для обсужденія всѣхъ вопросовъ, какіе только ихъ занимаютъ. У каждой школы есть свои клубы: «Атлетическій-Спортъ-клубъ», клубъ «Ножиго мяча», «Крикетъ-клубъ», клубъ «Общества преній.» Каждый такой клубъ имѣетъ своего президента, казначея и секретаря, и всѣхъ ихъ воспитанники выбираютъ изъ своей же среды; но на почетныя должности, въ родѣ президента и вице-президента, они приглашаютъ своихъ директоровъ и преподавателей; однако, на собраніяхъ присутствуютъ только ученики. Несмотря на это, въ этихъ маленькихъ парламентахъ никогда не нарушается разъ заведенный строгій порядокъ. Въ клубѣ подъ названіемъ «Общество преній», а также и въ литературныхъ кружкахъ воспитанниковъ, обсуждаются всевозможные литературные, политическіе и соціальные вопросы. Нерѣдко на очереди бываютъ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: «можетъ ли женщина пользоваться равноправностью? Слѣдуетъ ли женщинѣ предоставить политическую роль?» Внизу программы обыкновенно выставлены имена ораторовъ, которые будутъ говорить за и противъ того или другого вопроса. Въ одномъ кружкѣ даютъ отчетъ о вновь вышедшемъ романѣ или о книгѣ по естественнымъ наукамъ, въ другомъ читаютъ рефератъ по поводу того или другого громкаго процесса, однимъ словомъ въ такихъ кружкахъ и клубахъ юноши чрезвычайно полезно проводятъ время и мало-по-малу развиваютъ въ себѣ даръ слова. Хотя воспитатели и учителя отсутствуютъ на такихъ собраніяхъ, но засѣданія проходятъ чинно, спокойно и съ достоинствомъ.

Въ каждой большой школѣ издается журналъ подъ редакціею наиболѣе способныхъ учениковъ старшихъ классовъ. Эти журналы, особенно нѣкоторые нумера, чрезвычайно интересны: они обыкновенно содержатъ въ себѣ бюллетень всѣхъ школьных происшествій, при этомъ даютъ особенно подробные отчеты о состязаніяхъ воспитанниковъ одной школы съ другою, отчеты засѣданій различныхъ школьных обществъ, а также тутъ найдешь и литературныя статьи, поэмы, которыя прочитываются какъ учащимися, такъ и прежними учениками школъ. Въ Итонѣ вспоминаютъ еще о «Микрокосмѣ», въ которомъ обратили на себя всеобщее вниманіе многія статьи. И во всѣхъ этихъ журналахъ, какъ прежде, такъ и теперь, появляются, несмотря на юность писателей, замѣчательныя статьи, авторы которыхъ дѣлаются впоследствии извѣстными всему образованному міру.

Несмотря на довольно одностороннее классическое образованіе, которое до самаго послѣдняго времени получали юноши въ общественныхъ школахъ, изъ нихъ всегда выходило немало людей съ солидными познаніями. Этому болѣе всего содѣйствуютъ самостоятельная жизнь въ дѣтствѣ и въ школѣ, правильно развитый физическими упражненіями организмъ и жизнь, полная здоровыхъ впечатлѣній. Свободный доступъ въ громадныя библіотеки по всеѣмъ отраслямъ наукъ, богатѣйшіе музеи, наглядное знакомство еще въ раннемъ дѣтствѣ, во время прогулокъ, въ садахъ, съ жизнью растений и животныхъ, съ исторіею и современною жизнію народовъ, съ промышленностью и всевозможными искусствами—все это уже рано развиваетъ въ даровитомъ ребенкѣ страсть къ серьезнымъ занятіямъ: вспомнимъ хотя прогулки въ садахъ Кристалльнаго и Александровскаго дворцовъ. Въ школахъ занимаются формальною стороною его ума, но впечатлѣнія дѣтства не проходятъ даромъ, и онъ работаетъ самъ. Затѣмъ свободныя учрежденія, политическіе интересы, общественная жизнь, свободное слово и свободный доступъ ко всеѣмъ источникамъ знанія даютъ возможность впослѣдствіи работать еще основательнѣе.

АНГЛІЙСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ.

Оксфордскій университетъ.—Коллегіи.—Какъ управляется университетъ.—«Стипендіаты», «служащіе» и «своекоштные» студенты.—Экзамены.—Правила и наказанія.—Жизнь, нравы, удовольствія, празднества и кутежи студентовъ.—Городскіе торговцы и ихъ значеніе въ жизни учащейся молодежи.—Перемѣна въ возрѣвнѣяхъ англійскихъ профессоровъ и студентовъ.

Наиболѣе древніе изъ англійскихъ университетовъ—Оксфордскій и Кембриджскій; поговоримъ о первомъ изъ нихъ. Тотъ, кто воображаетъ себѣ Оксфордскій университетъ чѣмъ-то въ родѣ другихъ европейскихъ университетовъ—громаднымъ зданіемъ, куда со всеѣхъ концовъ свѣта образованная молодежь стекается слушать лекціи, съ собственными многочисленными слушателями въ аудиторіяхъ, совершенно заблуждается. Прежде всего университетъ въ Оксфордѣ состоитъ не изъ одного или нѣсколькихъ зданій, а почти изъ цѣлаго города, и профессорскія лекціи, хотя и читаются, но далеко не имѣютъ того значенія для студентовъ, какъ въ остальной Европѣ.

Приближаясь къ Оксфорду по желѣзной дорогѣ, путешественникъ видитъ передъ собою безчисленный рядъ готическихъ башенъ, церквей, куполовъ, шпицовъ и другихъ украшеній. Весь городъ наполненъ различными университетскими зданіями, коллегіями, церквами, библіотеками, музеями, средневѣковая архитектура которыхъ въ высшей степени замѣчательна. Изрѣдка только, въ промежуткахъ коллегіальныхъ зданій, встрѣчаются магазины, лавки и нѣсколько частныхъ домовъ. Между магазинами чаще всего попадаются книжныя, магазины картинъ, но болѣе всего табачныхъ лавокъ и лавокъ съ различными орудіями для крикета, рикета, крокета и другихъ англійскихъ игръ, которыми студенты, какъ и все англличане, увлекаются до крайности. Народъ, съ почтеніемъ разступающійся передъ начальствомъ коллегій, магазины и лавки, наполненные предметами, наиболѣе раскупаемыми студентами, все это уже въ первую минуту показываетъ вамъ, что весь городъ существуетъ университетомъ и находится въ полной отъ него зависимости.

Ни одинъ европейскій городъ не напоминаетъ такъ наглядно прошедшія времена, какъ Оксфордъ со своими средневѣковыми, почернѣвшими зданіями готической

архитектуры. Нигдѣ на васъ не вѣетъ такъ средневѣковую исторію, какъ здѣсь, среди этихъ мрачныхъ и угрюмыхъ, но величественныхъ коллегій, напоминающихъ своею внѣшностью средневѣковые монастыри. Но это удаленіе университета отъ столичной суеты, отъ лихорадочной дѣятельности новѣйшихъ городовъ даетъ возможность, какъ думаютъ англичане, жить въ полномъ смыслѣ интересами науки.

Существованіемъ своимъ Оксфордскій университетъ обязанъ не одной какой-нибудь личности и даже не своему правительству: онъ создавался вѣками, и труды многихъ поколѣній, многихъ столѣтій должны были соединиться, чтобы создать подобное учрежденіе, далеко выходящее изъ обыкновеннаго уровня. Ревнители просвѣщенія съ давнихъ временъ поддерживали существованіе этого университета, вносили богатые вклады, основывали все новыя и новыя коллегіи, бібліотеки, музеи. Оксфордскій университетъ такимъ образомъ развивался мало-по-малу, и теперь довольно взглянуть на наружный видъ зданій, на ихъ громадность и многочисленность, чтобы понять, что этого нельзя было создать разомъ, что здѣсь нужна была работа многихъ вѣковъ. Исторія постепеннаго развитія Оксфордскаго университета тѣсно связана со всею прошедшею исторію Англій. Каждое зданіе напоминаетъ вамъ иной вѣкъ, различныя историческія событія. Оксфордъ всегда игралъ важную роль въ англійской исторіи, съ одной стороны, какъ главный центръ умственной дѣятельности, съ другой,—какъ значительный городъ, пользовавшійся выгоднымъ положеніемъ.

Въ настоящее время какъ Оксфордскій, такъ и Кембриджскій университеты, ничто иное, какъ собраніе отдѣльныхъ общинъ, изъ которыхъ большія и богатѣйшія называются «College» (коллегіи), а меньшія «Halls» (подворья). Въ Оксфордѣ 21 коллегія и 5 подворій; въ Кембриджѣ 17 коллегій и 3 подворья. Прежде эти коллегіи имѣли преимущественно религіозно-воспитательную цѣль. Всѣ профессора и воспитатели были прежде исключительно изъ духовнаго званія, и къ нему приготавлилось громадное большинство студентовъ. Англійскіе университеты въ нынѣшнемъ XIX стол. подверглись большимъ реформамъ, сдѣлались свѣтскими учрежденіями, но религіозный характеръ воспитанія хотя и сильно ослабъ, но удержался за ними до сихъ поръ.

Связь университета съ церковью—самая характерная черта Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ. Теперь уже далеко не всѣ, но нѣкоторые изъ профессоровъ и начальствующихъ—люди духовные. Каждая коллегія есть закрытое учебное заведеніе, имѣющая свою собственную церковь и своего пастыря. Богослуженіе и въ настоящее время совершается въ церкви каждой коллегіи ежедневно, а иногда и два раза въ день, и студенты обязаны посѣщать церковь хотя одинъ разъ. Законъ, однако, предоставляетъ студентамъ право не слушать лекцій по богословію и не посѣщать церкви, если онѣ не подходятъ къ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ начальство зорко слѣдитъ за точнымъ выполненіемъ студентами ихъ религіозныхъ обязанностей. Хотя англійскіе университеты и подѣлены на факультеты, но богословіе обязательно для студентовъ всѣхъ факультетовъ: нельзя получить никакой университетской степени ни по одному факультету, не выдержавъ предварительно экзамена по извѣстной программѣ изъ богословскихъ предметовъ. Не менѣе оригинально и то, что для вступленія какъ въ тотъ, такъ и въ другой университетъ не обязательно получить образованіе въ томъ или другомъ заведеніи. Громадное большинство нашихъ русскихъ студентовъ вступаетъ въ университетъ изъ классическихъ гимназій, но, чтобы вступить въ англійскій университетъ, вовсе не обязательно кончить курсъ въ одной изъ школъ для средняго образованія. Англійскій университетъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, гдѣ и какъ учился

молодой человекъ, желающій поступить въ число его студентовъ. Въ университетъ вступаютъ какъ изъ школъ для средняго образованія, такъ и послѣ домашняго приготовленія.

Университетское ученіе въ Англіи имѣетъ опредѣленную и точно намѣченную цѣль. Она «состоитъ въ томъ, чтобы студентъ въ годы своего ученія ознакомился по книгамъ съ извѣстною группою предметовъ и опредѣленныхъ вопросовъ. Ясное и толковое усвоеніе предложеннаго къ изученію матеріала даетъ право на полученіе ученой степени. Диссертации, этого по всюду въ Европѣ необходимаго условія для достиженія ученой степени, не знаетъ англійскій университетъ. Ученая степень, какъ простая, такъ и съ отличіемъ, дается на основаніи убѣжденія экзаменаторовъ, что данный кандидатъ усвоилъ содержаніе опредѣленныхъ книгъ. Мало того, что диссертации нѣтъ для степени бакалавра, ея не существуетъ и для степени магистра, Master of Arts, то-есть высшей ученой степени по предметамъ словеснаго факультета, ибо степени доктора для словесныхъ наукъ не существуетъ вовсе. Степень магистра дается тѣмъ изъ бакалавровъ, которые по достиженіи бакалавреата оставались въ своей коллегіи и, по заявленію начальника ея, посвящали свое время ученымъ занятіямъ».

Во главѣ каждой коллегіи стоитъ начальникъ, котораго называютъ ректоромъ или деканомъ. Онъ выбирается въ свою должность адъюнкты-профессорами (fellows) на всю жизнь. Ректоры пользуются большою властью въ коллегіяхъ и вмѣстѣ съ адъюнкты-профессорами завѣдуютъ управленіемъ. За ректоромъ или деканомъ слѣдуютъ адъюнкты-профессора (fellows); ихъ въ Оксфордѣ до 500 человекъ, но они распределены по коллегіямъ неравномѣрно: въ однихъ ихъ больше, въ другихъ меньше. «Fellows», или «товарищи», управляютъ имуществомъ коллегіи и несутъ различныя коллегіальныя обязанности. Званіе адъюнкты-профессора, въ большинствѣ случаевъ, дается только выдержавшему строгій экзаменъ и получившему, по крайней мѣрѣ, низшую университетскую степень. Изъ сословія «товарищей» выбираютъ декановъ, казначеевъ, экзаменаторовъ и, наконецъ, тьюторовъ.

За «товарищами» слѣдуютъ «тьюторы», родъ репетиторовъ-надзирателей. Обязанность тьютора заключается собственно въ томъ, чтобы заниматься съ тѣми студентами, которыхъ ему назначить деканъ, помогать имъ, наблюдать за ними, заботиться обо всѣхъ ихъ нуждахъ. Тьюторы поэтому живутъ въ зданіи коллегій. Но все это, такъ сказать, *мѣстное начальство*, начальство той или другой коллегіи, между тѣмъ существуетъ еще одна общая корпорація—университетъ, т.-е. корпусъ профессоровъ. Во главѣ этой корпораціи стоитъ канцлеръ, избираемый на всю жизнь. Канцлеръ считается первымъ лицомъ университета и облеченъ гражданскою властью не только надъ университетомъ, но надъ городомъ и графствомъ. Этого званія удостоивается лишь видный политическій дѣятель и притомъ изъ высшей знати. Но на практикѣ его полномочія переходятъ къ избираемому изъ профессоровъ вице-канцлеру, который и есть хозяинъ и глава университета.

Общимъ управленіемъ университета завѣдуетъ еженедѣльный совѣтъ, состоящій изъ начальниковъ коллегій, профессоровъ, тьюторовъ, избранныхъ всѣми членами университета. Такимъ образомъ университетъ—это совершенно особое государство въ государствѣ, которое пользуется правомъ самоуправленія: ни одинъ министръ не можетъ вмѣшиваться въ дѣла университета, развѣ только посредствомъ подачи голоса, наравнѣ со всѣми прочими членами университета. Еженедѣльный совѣтъ издаетъ и измѣняетъ университетскіе законы и собирается обыкновенно подъ предѣдательствомъ вице-канцлера. Одной только власти покоряется университетъ, передъ которой преклоняются и всѣ остальные учрежденія,—власти парламента.

Главный элементъ каждой коллегіи, разумѣется, студенты, которые дѣлятся на студентовъ-*стипендіатовъ* и *своескоштныхъ*. Студенты-стипендіаты—тѣ, которые получаютъ стипендію за успѣхи въ наукахъ. Такихъ студентовъ-стипендіатовъ въ Оксфордскомъ университетѣ болѣе 400 ч. Ихъ стипендіи чрезвычайно разнообразны, отъ 20 до 100 ф. ст. въ годъ. Стипендіанты носятъ даже другое платье, чѣмъ студенты своескоштные. Въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ существуетъ особый разрядъ студентовъ—«служащіе» (*servitors*), которые еще недавно играли довольно унижительную роль, напр. обѣдали послѣ того, когда всѣ остальные кончали обѣдъ; теперь они не испытываютъ никакого униженія и лишь своей одеждой нѣсколько отличаются отъ остальныхъ студентовъ. Студентамъ-стипендіатамъ выдается извѣстная стипендія, которую они самостоятельно тратятъ на свое ученіе въ университетѣ и на собственные издержки. Не хватило стипендіи,—и студентъ долженъ покрыть остальные издержки своими собственными деньгами. Служащіе студенты (*servitors*) не получаютъ стипендій, но коллегія даетъ имъ лишь столъ, одежду и комнату,—это всегда очень бѣдный народъ. Нужно замѣтить, что средства коллегіи обыкновенно такъ громадны и что стипендіи раздаются тамъ такою щедрою рукою, что въ «служащіе» студенты можетъ попасть только лѣнивый или бездарный изъ небогатыхъ молодыхъ людей.

При каждой коллегіи (кромѣ коллегіи «всѣхъ душъ») живетъ большее или меньшее число своескоштныхъ студентовъ. Самая большая и любимая коллегія въ Оксфордѣ, наиболѣе посѣщаемая аристократіей и богатыми людьми, «коллегія Христовой церкви», гдѣ воспитывался принцъ Валлійскій. Тѣмъ не менѣе всѣ оксфордскія коллегіи чрезвычайно богаты. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою капеллу и свою бібліотеку. Въ каждой изъ нихъ вы найдете прекрасно устроенную, огромную обѣденную залу, украшенную портретами знаменитыхъ лицъ, основателей, благотворителей, покровителей коллегіи, знаменитыхъ декановъ и лицъ, прославившихся въ послѣдствіи на политическомъ, литературномъ или духовномъ поприщѣ. Коллегіальныя зданія построены большею частью четырехъугольниками и образуютъ въ серединѣ обширные, покрытые зеленью дворы. При нѣкоторыхъ коллегіяхъ вы найдете превосходные сады, даже парки. Множество зданій предназначено исключительно для помѣщенія студентовъ. Въ нихъ цѣлые ряды комнатъ расходятся по обѣ стороны крутыхъ и узкихъ лѣстницъ. Вообще каждая коллегія представляетъ много любопытнаго, и притомъ каждая чѣмъ нибудь славится: одна—капеллою, другая—паркомъ, третья—обѣденною залою, бібліотекой, башней, своей архитектурой, а есть и такія, которыя исключительно стяжали себѣ громкую славу виннымъ погребомъ. Но, кромѣ коллегій, въ городѣ множество другихъ зданій и учреждений, принадлежащихъ университету: университетскія церкви, общія бібліотеки, музеи, университетская типографія, ботаническій садъ и др.

Посѣщеніе профессорскихъ лекцій предоставлено на усмотрѣніе самихъ студентовъ, и они не особенно ретиво посѣщаютъ ихъ. Студенты прежде всего и болѣе всего заботятся о томъ, чтобы сдать свой экзаменъ. Число студентовъ, отдающихъ научнымъ занятіямъ со всѣмъ пыломъ юношеской страсти, здѣсь не особенно велико. И это немудрено, такъ какъ у англійскихъ студентовъ, кромѣ профессорскихъ лекцій, есть еще лекціи воспитателей въ коллегіяхъ, которыя они обязаны слушать и на которыхъ главнымъ образомъ объясняются предметы, нужные для экзаменовъ. Вотъ поэтому-то лишь нѣсколько человѣкъ изъ каждой коллегіи посѣщаютъ профессорскія лекціи. Въ профессорахъ большинство здѣшнихъ студентовъ не чувствуетъ большой надобности, такъ какъ тьюторы объясняютъ имъ всѣ уроки. Здѣсь не рѣдкость, что весьма интересныя лекціи знаменитыхъ оксфордскихъ и эдинбургскихъ профессоровъ посѣщаются весьма небольшимъ числомъ слушателей.

Познакомившись съ вѣшнимъ устройствомъ коллегіи и университета, перейдемъ теперь къ его внутреннему строю: къ учебному курсу, къ экзаменамъ и къ жизни студентовъ. Изученіе древнихъ классиковъ составляетъ главную основу какъ средне-учебныхъ заведеній, такъ и университетскаго образованія; но теперь уже въ обществѣ существуетъ сильная оппозиція этой классической системѣ. Еще недавно множество первостепенныхъ государственныхъ людей, самыхъ выдающихся педагоговъ, знаменитыхъ ученыхъ и, что особенно важно, специалистовъ по древнимъ языкамъ, подписали протестъ, направленный противъ классической системы образованія.

Курсъ продолжается около трехъ лѣтъ, но многіе остаются четыре года и больше. Тѣмъ не менѣе каждый студентъ для полученія степени бакалавра (нѣчто въ родѣ нашего кандидата) долженъ выдержать четыре экзамена, не считая того, который требуется для поступленія въ одну изъ коллегій. На двухъ первыхъ испытаніяхъ экзаменуютъ изъ грамматики, требуютъ знанія двухъ или трехъ авторовъ греческихъ и латинскихъ, задаютъ нѣсколько вопросовъ изъ библіи и евангелія. Третій экзаменъ обнимаетъ тѣ же предметы, но болѣе разработанные, взятые съ новой точки зрѣнія—критической, исторической и философской. Кромѣ того, студентъ выбираетъ одинъ изъ слѣдующихъ предметовъ: математику или физику, естественныя науки или языки, исторію, право или политическую экономію. Провалившійся на экзаменахъ переходитъ въ другую коллегію, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ начать курсъ съ начала; если его постигнетъ вторая неудача, онъ обыкновенно оставляетъ университетъ.

При поступленіи въ университетъ студентъ прежде всего отыскиваетъ себѣ тьютора, который во всю его университетскую жизнь будетъ служить ему помощникомъ и наставникомъ въ его занятіяхъ. Нѣкоторые тьюторы славятся тѣмъ, что быстро умѣютъ напичкать голову студента всѣмъ, что нужно для экзаменовъ. Такъ какъ экзамены играютъ самую важную роль въ жизни студента, то каждый изъ нихъ старается, раньше чѣмъ поступить, разузнать и найти себѣ опытнаго тьютора. Однако, во многихъ коллегіяхъ самъ деканъ назначаетъ тьютора вновь принятому студенту. При системѣ столькихъ экзаменовъ, при строгомъ требованіи короткаго знакомства съ классиками, студенту приходится здѣсь довольно много штудировать. Выше было уже сказано, что студенты обязаны посѣщать лекціи тьюторовъ. Эти лекціи носятъ на себѣ совершенно школьный характеръ и ничуть не напоминаютъ профессорскія лекціи. Онѣ состоятъ въ чтеніи и разборѣ классическихъ произведеній древнихъ авторовъ, требуемыхъ для экзамена, при чемъ студенты читаютъ, повторяютъ послѣ сдѣланныхъ учителемъ поправокъ, переводятъ, пока преподаватель не добьется отъ нихъ того, чего хотѣлъ.

Въ большей части европейскихъ университетовъ существуетъ полнѣйшая свобода студентовъ, и уже рѣшительно нигдѣ не вмѣшиваются въ ихъ частную жизнь; здѣсь совсѣмъ другое. Англійскій студентъ подчиненъ множеству правилъ, несетъ, какъ малый ребенокъ, наказаніе за отступленіе отъ нихъ, подвластенъ коллегіальному и университетскому начальству относительно своей частной жизни, хотя, разумѣется, онъ отлично научился обходить всѣ эти правила и предписанія.

Каждый студентъ обязанъ жить въ коллегіи, и, послѣ того, когда онъ выдержитъ вступительный экзаменъ, онъ тотчасъ получаетъ такую квартиру, какую ему позволяютъ имѣть его средства. Знатный и богатый занимаетъ въ коллегіи цѣлый рядъ комнатъ, убранныхъ со всею роскошью и комфортомъ богатыхъ людей; кромѣ того, ему отводятъ конюшню для его лошадей и экипажей. Однако, въ большинствѣ случаевъ квартиры эти состоятъ изъ двухъ, трехъ комнатъ: кабинета, спальни, и гостиной. Въ каждой такой квартирѣ вы найдете коверъ, каминъ и въ стѣнѣ шкафъ

чикъ для вина. Случается, однако, что наплывъ желающихъ поступить въ университетъ такъ великъ, что нѣкоторымъ студентамъ не хватаетъ помѣщенія въ коллегіи; тогда имъ дозволяютъ (пока не отыщется квартира въ коллегіи) нанять ее въ частномъ домѣ, но никакъ не внѣ города. Всѣ студенты, живущіе какъ въ коллегіи, такъ и на частныхъ квартирахъ, должны аккуратно являться въ извѣстный часъ къ обѣду въ общую залу коллегіи, каждый день присутствовать вмѣстѣ съ другими въ церкви при богослуженіи и посѣщать лекціи коллегіальныхъ тьюторовъ. Хозяева частныхъ домовъ, у которыхъ живутъ студенты, обязаны аккуратно, каждый вечеръ, записывать часъ, когда ихъ жильцы возвращаются домой, и этотъ ежедневный отчетъ подавать перваго числа каждаго мѣсяца декану коллегіи. За малѣйшую неаккуратность въ этомъ отношеніи ихъ наказываютъ лишеніемъ права содержать студентовъ.

Состояніе студентовъ вы здѣсь узнаете не по одной квартирѣ, но и по одеждѣ. Правда, въ будни всѣ они носятъ черную мантию и четырехугольную плоскую шляпу, но въ праздники одежда богатыхъ людей отличается отъ бѣдныхъ. То же самое и за обѣдомъ: своекоштные обѣдаютъ отдѣльно отъ студентовъ-стипендіатовъ и имѣютъ гораздо болѣе роскошный столъ.

Немало правилъ и постановленій университетскихъ относится ко временамъ давно минувшимъ, но всѣ они и нынче свято соблюдаются, и измѣнить ихъ рѣшаются развѣ въ случаѣ крайней необходимости. Вотъ краткое извлеченіе изъ книжки университетскихъ правилъ: «Такъ какъ первое украшеніе образованнаго челоѣка скромность и чистота нравовъ, то мы опредѣляемъ, чтобы всѣ низшіе вели себя относительно высшихъ почтительно и покорно: учащіеся относительно бакалавровъ, бакалавры относительно магистровъ и всѣ относительно главнаго начальника. Если кто нарушитъ это правило, будетъ наказанъ начальникомъ коллегіи, а въ его отсутствіе вице-магистромъ. Всякій долженъ въ присутствіи магистра снимать шляпу на дворѣ и въ коллегіи. Воспрещается студентамъ вводить въ университетъ какую-нибудь новую или необыкновенную моду въ одеждѣ, предписывается быть скромнымъ въ убранствѣ головъ, не завивать локоновъ и не носить длинныхъ волосъ. Воспрещается водить знакомство съ *городскими* и принимать участіе въ ихъ банкетахъ. Самострѣлы и другія орудія стрѣлбы находятся подъ строгимъ запрещеніемъ, но обыкновенный лукъ со стрѣлами позволяется брать въ руки для *честной забавы*».

Отступившихъ отъ этихъ правилъ въ первый разъ обыкновенно наказываютъ лишеніемъ общаго стола на одинъ мѣсяцъ, во второй разъ—на три мѣсяца, а за третій проступокъ совѣтъ исключаютъ; за нѣкоторые проступки, по усмотрѣнію начальства, налагаютъ штрафы. Тѣхъ, которые опаздываютъ явиться въ коллегію въ назначенный часъ, наказываютъ тѣмъ, что заставляютъ на другой день придти часомъ раньше. Точно также строго запрещено проводить ночь внѣ коллегіи, обѣдать въ своихъ комнатахъ, уѣзжать безъ позволенія начальника изъ города, выходить со двора не въ университетскомъ платьѣ. «Мы желаемъ и постановляемъ, чтобы каждый соблюдалъ чистоту въ своихъ комнатахъ и неумѣреннымъ крикомъ, громкимъ смѣхомъ, пѣніемъ, шумомъ, танцами или музыкою не нарушалъ сна, покоя и занятій своего сосѣда, а также чтобы каждый воздерживался отъ позднихъ пировъ и попойекъ». Но за молодежью трудно услѣдить, и большинство богатыхъ студентовъ пріятно проводить время и нерѣдко только передъ разсвѣтомъ кончаетъ товарищескую попойку.

Вотъ какъ студентъ коллегіи Чичестера, теперь извѣстный писатель, описываетъ свое времяпрепровожденіе. «Я вставалъ рано, чтобы посѣтить въ церковь къ

утреннему богослуженію. Въ Чичестерѣ требовалось быть въ церкви разъ въ день, и я предпочиталъ поспѣвать утреннее богослуженіе, чтобы потомъ мои занятія и развлеченія не прерывались необходимостью отправиться въ церковь въ половинѣятаго пополудни. Чичестерскія власти были еще очень снисходительны на счетъ поспѣшенія церкви студентами, такъ какъ предоставляли имъ на выборъ бывать у вечерняго или утренняго богослуженія; но одинъ разъ въ день необходимо быть каждому. Церковный колоколъ ударялъ за четверть часа до начала службы, т.-е. въ три четверти седьмого; послѣ семи часовъ еще давалось льготы пять минутъ, затѣмъ церковныя двери затворялись, и всякій, приходившій позже пяти минутъ восьмого, подвергался штрафу. Забавно было смотрѣть, какъ съ послѣднимъ ударомъ колокола сбѣгались къ церкви молодые люди со всѣхъ сторонъ, наскоро оканчивая дорогою свой незатѣйливый туалетъ: кто застегивалъ сюртукъ, кто путался въ своемъ стихарѣ (въ Чичестерѣ всѣ обязаны носить сверху стихарь). Такъ какъ каждый старался пробыть въ постели до послѣдней минуты, то туалетъ присутствовавшихъ на утреннемъ богослуженіи бывалъ обыкновенно не полонъ и состоялъ изъ сюртука, застегнутаго на всѣ пуговицы, изъ панталонъ, туфель или спальныхъ сапоговъ и стихаря, накинутаго сверху. Каждый въ коллегіи причащался разъ въ мѣсяцъ; кто не исполнилъ этого, на того начальники смотрѣли неблагосклонно и съ предубѣжденіемъ. Послѣ утренняго богослуженія завтракаютъ по своимъ комнатамъ. Время между девятью и часомъ посвящено урокамъ». Послѣ этого студентъ дѣлался хозяиномъ своего времени, но обязанъ былъ въ извѣстный часъ явиться къ обѣду въ общую столовую.

Въ огромной залѣ тянется множество длинныхъ столовъ; каждый столъ имѣетъ свое назначеніе: одинъ для своекоштныхъ, другой для стипендіатовъ, для бакалавровъ и т. д. Крайній къ двери назначается для новичковъ. Обѣдъ проходитъ, хотя и не въ полномъ молчаніи, но сдержанно. Однако, и тутъ можно замѣтить ту или другую черту оригинальной университетской жизни. Новичекъ живо заговорилъ съ своимъ сосѣдомъ, сначала что-то очень оживленно ему рассказывалъ, а потомъ обратился къ нему съ вопросомъ. Сосѣдъ слушалъ его, нѣсколько сконфузившись, но когда новичекъ сдѣлалъ ему вопросъ, онъ пристально, долго смотрѣлъ ему въ глаза и, не издавъ ни звука, снова началъ ѣсть, какъ ни въ чемъ не бывало. Оказалось, что новичекъ, по закону приличій университета, не долженъ былъ первый начать разговаривать. Нигдѣ такъ строго, какъ здѣсь, не соблюдаютъ этикета. По студенческимъ правиламъ, кто желаетъ познакомиться съ новичкомъ, самъ первый придетъ къ нему, предложитъ ему прогуляться съ нимъ или выпить рюмку вина у него въ комнатѣ послѣ общаго обѣда.

Послѣ обѣда студенты обыкновенно катаются въ лодкѣ въ компаніи или въ одиночку, гуляютъ за городомъ, ѣздятъ верхомъ и занимаются всевозможными гимнастическими упражненіями. Въ пять минутъ десятаго начинаютъ ударять въ большой колоколъ,—этотъ звонъ разносится очень далеко, и при первомъ его звукѣ всѣ бросаются въ коллегію и на свои квартиры. Кто изъ студентовъ возвращается позже послѣдняго удара, тотъ платитъ небольшой штрафъ, который возрастаетъ съ каждымъ просроченнымъ часомъ; того же, кто возвращается въ коллегію послѣ двѣнадцати часовъ ночи, отсылаютъ къ декану, который дѣлаетъ ему выговоръ, но если онъ опаздывалъ уже нѣсколько разъ, то его наказываютъ тѣмъ, что запрещаютъ въ продолженіе двухъ или трехъ недѣль выходить за коллегіальныя ворота послѣ девяти часовъ. Если студентъ опаздываетъ уже много разъ, то ему воспрещаютъ выходить за ворота послѣ пяти часовъ пополудни и такимъ образомъ наказываютъ его затворничествомъ на мѣсяцъ, а иногда и на два.

Хотя молодымъ людямъ приходится много работать для экзаменовъ во все время своего студенчества, но они ведутъ оживленную, веселую жизнь: послѣ обѣда вы видите по лугамъ кучки молодежи, которая занимается игрою въ крикетъ. Особенно много толпится у берега: одни смотря на катающихся, другіе вскакиваютъ въ лодку, гребутъ съ необыкновенной ловкостью, силою и искусствомъ, затѣмъ вдругъ нарочно перевертываютъ лодку вверхъ дномъ, пускаются вплавь, выдѣлывая въ водѣ разныя штуки руками и ногами. Не проходитъ недѣли, чтобы нѣсколько товарищей не уговорились отправиться на охоту или не устроили бы катанья за городомъ. По дорогѣ, въ одной изъ гостиницъ, они заказываютъ себѣ обѣдъ и только стараются въ назначенный часъ возвратиться въ стѣны коллегіи.

Самымъ большимъ и радостнымъ праздникомъ не только въ университетѣ, но и во всемъ городѣ, считается *лодочная гонка*. Гонка совершается по вечерамъ и продолжается нѣсколько дней кряду: одна лодка помѣщается сзади другой въ совершенно ровномъ другъ отъ друга разстояніи. Главная задача состязанія состоитъ въ томъ, чтобы первой лодкѣ удержать за собою свое мѣсто. Но каждая старается стать вмѣсто нея и такимъ образомъ перегнать. Призовъ при этомъ никакихъ не назначается: честь и слава считаются достаточнымъ вознагражденіемъ за все усиліе.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ студенты и «голичнаго университетскаго праздника», когда въ стѣны университета допускаются женщины: въ этотъ день оксфордскій университетъ раздаетъ почетныя степени. Для студентовъ этотъ праздникъ нѣчто въ родѣ сатурналій; имъ дается полная свобода, и они имѣютъ право высказывать въ этотъ день все и всѣмъ, что имъ вздумается. Входъ въ театръ, гдѣ раздаютъ почетныя степени, задолго до начала бываетъ осажденъ огромною толпою. «Старый Шельдонскій театръ представляетъ прекрасное зрѣлище, когда публика сидитъ по мѣстамъ и наступитъ время для начала акта. Вице-канцелярь занимаетъ видное мѣсто; прокторы и пропрокторы стоятъ по обѣ стороны, а онъ сидитъ посреди ихъ со всею гордостью и важною самодержавнаго монарха. Доктора въ своихъ роскошныхъ красныхъ мантияхъ располагаются направо и нѣлѣво отъ него длинною дугою, напоминая придворныхъ. Дамы въ самыхъ богатыхъ нарядахъ размѣщаются позади докторовъ». Театръ весь полонъ народомъ. Надъ сценою устроена галлерея, въ которой помѣщенъ органъ.

Публика и студенты собираются раньше высшаго начальства. Въ этотъ, иногда довольно длинный промежутокъ, студенты забавляютъ публику. Кто-нибудь изъ нихъ кричитъ: «троекратное ура въ честь такого-то министра, профессора, ученаго или поэта». Если имя популярно и вызываетъ симпатію большинства студентовъ, начинается неистовое выкрикиваніе «троекратнаго ура», аплодисменты, топанье ногами; личность, не пользующая сочувствіемъ, вызываетъ свистки и шиканье. Такимъ образомъ они нерѣдко перебираютъ весьма многихъ государственныхъ людей и своимъ свистомъ и аплодисментами выражаютъ свои политическіе взгляды. Потомъ начинаются ура болѣе интимныя: въ честь «дамъ въ розовыхъ шляпкахъ»; въ честь «дамъ въ голубыхъ шляпкахъ», въ честь «голубоглазыхъ ангеловъ», въ честь «волнистыхъ кудрей» и т. п. до безконечности. Дамы смѣются и раскланиваются. Въ эти минуты со стороны студентовъ слышенъ громъ неистовыхъ рукоплесканій и еще болѣе неистовые «ура». Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока звуки органа не возвѣстятъ о приходѣ университетскихъ сановниковъ. Тутъ произносятся рѣчь, и лица, избранныя къ возведенію въ почетную степень, представляются вице-канцлеру чрезъ публичнаго оратора, обязаннаго перечислить ихъ достоинства и заслуги, вслѣдствіе которыхъ оказывается имъ почетъ отъ университета. Людей извѣстныхъ студенты

встрѣчаютъ при этомъ самыми шумными привѣтствіями. По окончаніи раздачи степеней начинается чтеніе сочиненій, написанныхъ на призъ.

Кромѣ празднествъ, установленныхъ университетомъ, студенты сами задаютъ себѣ празднества и пирушки. Каждый студентъ, когда онъ выдержитъ успѣшно экзаменъ, считаетъ своимъ долгомъ задать пиръ товарищамъ. На этихъ пирушкахъ вино льется рѣкой, и послѣ нихъ разогрѣтая винными парами молодежь нерѣдко предпринимаетъ всевозможныя проказы. Бывали случаи, когда веселая компанія съ гикомъ и шумомъ врывалась черезъ окно, а нерѣдко выламывала дверь въ комнату товарищей и принималась, какъ говорятъ тамошніе студенты, за «сѣноворошеніе», т.-е. просто-на-просто переворачивала вверхъ дномъ всѣ пожитки. При этомъ происходятъ обыкновенно и драки. На другой день идетъ расправа; допрашиваютъ по одиночкѣ всѣхъ пострадавшихъ и затѣмъ не пострадавшихъ, но это дѣлается для формы, такъ какъ никто не выдастъ товарища, даже и сильно пострадавши отъ его проказъ; мало того: не выгородить виновнаго всѣми силами считается здѣсь такимъ позоромъ, котораго не смоешь потомъ никакими заслугами.

Городскіе торговцы играютъ чрезвычайно важную роль въ университетской жизни студента. Пріѣхавъ новичекъ въ университетъ и пославъ за чѣмъ-нибудь въ лавочку: все присылается ему немедленно самаго лучшаго достоинства, а также и множество того, чего онъ не просилъ, только для того, чтобы онъ взглянулъ, чтобы познакомился съ товаромъ. Когда студентъ спрашиваетъ о цѣнѣ, ему отвѣчаютъ, чтобы онъ не беспокоился: «мнѣ было бы очень пріятно, сэръ», говоритъ торговецъ, «услужить вамъ, не считаться на первыхъ порахъ въ мелочахъ и, если позволите, записать это на вашъ счетъ въ книгу... но если вамъ хочется непременно платить, я представлю вамъ счетъ черезъ два-три дня». Между тѣмъ на другой день студентъ опять посылаетъ за чѣмъ-нибудь къ торговцу, черезъ два дня счетъ забываютъ представить, просятъ еще подождать денька два, а затѣмъ даже самый аккуратный студентъ махнетъ на все рукой, забираетъ разныя вещи у торговцевъ, не платя ни за что, и только передъ послѣдними экзаменами ему подають ужасный счетъ, отъ котораго онъ блѣднѣетъ и дрожитъ. Мало того, что это на первыхъ же порахъ нерѣдко совѣмъ портитъ его будущность, но это даже и въ данную минуту можетъ лишить его возможности получить ученую степень, изъ-за которой онъ бился столько лѣтъ.

Каждый торговецъ, которому студентъ задолжалъ, имѣетъ возможность, если только этого пожелаетъ, лишить его за долги ученой степени. Нужно, однако, замѣтить, что этимъ правомъ торговецъ пользуется чрезвычайно рѣдко, такъ какъ такой поступокъ былъ бы извѣстенъ въ университетѣ и студенты старались бы обходить его магазинъ. Да въ этомъ онъ и рѣдко нуждается: студентъ въ это время вполне въ его рукахъ и соглашается на всѣ предложенныя ему условія. Но если купецъ по чему-либо боится выпустить изъ рукъ большой кушъ, тогда онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: когда читаютъ имена всѣхъ лицъ, которыхъ предполагено возвести въ степень, торговецъ, который желаетъ сдѣлать препятствіе студенту въ полученіи ученой степени, долженъ подойти къ проктору въ ту минуту, когда онъ произнесъ имя его должника, и «рвануть» его за рукавъ,—въ такомъ случаѣ студентъ не получитъ ученой степени. Университетское начальство имѣетъ возможность положить конецъ чрезмѣрному кредиту студента, но оно рѣдко вмѣшивается въ это дѣло. Какъ ни страдаютъ студенты отъ своихъ торговцевъ, но они стараются всѣми силами не допускать университетскихъ властей вмѣшиваться въ ихъ дѣла; они вооружаются противъ этого, какъ противъ посягательства на ихъ свободу.

До самаго послѣдняго времени Оксфордскій и Кембриджскій университеты служили сборнымъ пунктомъ аристократической, богатой молодежи. Разбогатѣвшіе люди низшаго сословія отправляли сыновей своихъ туда часто единственно для того, чтобы сдѣлать блестящія связи. Многіе родители знали, что на будущій годъ, когда они свезутъ своего сына въ университетъ, туда долженъ поступить NN, съ которымъ они и хотятъ свести своего сына. И вотъ юношѣ, раньше чѣмъ онъ вступалъ въ «храмъ науки», дѣлали внушеніе, которое пятнало его душу, развращало его мечты. Однако, поступивъ въ университетъ, онъ скоро и самъ соглашался съ мнѣніемъ своихъ родителей. «Прислуживаніе, страсть къ комфортабельной обстановкѣ и роскошной жизни», говорилъ еще лѣтъ двадцать тому назадъ одинъ англійскій ученый, — «вотъ пороки нашихъ университетовъ, наиболѣе распространенные и наиболѣе постыдные». Почему это было такъ, а не иначе, будетъ совершенно понятно, если мы познакоимся, хотя въ сжатомъ очеркѣ, съ недавнимъ прошлымъ англійскихъ университетовъ.

Еще въ нынѣшнемъ XIX ст. префессора, тьюторы и «товарищи» (Fellows), однимъ словомъ почти весь персоналъ начальствующихъ лицъ въ университетахъ былъ изъ духовнаго званія. Вслѣдствіе этого университеты находились подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, которое стремилось сохранить въ нихъ средневѣковой характеръ: оно употребляло всѣ усилія къ тому, чтобы университеты и въ XIX ст., какъ и въ средніе вѣка, были центрами только богословской науки и теологическихъ диспутовъ. Будучи англиканскаго вѣроисповѣданія, оно чрезвычайно враждебно относилось къ людямъ другихъ религіозныхъ убѣжденій и требовало отъ профессоровъ и студентовъ, при ихъ вступленіи, присяги по обрядамъ англиканскаго вѣроисповѣданія. Тѣ, которые не придерживались этого ученія (какъ евреи и католики), а также всѣ уклонявшіеся отъ него, т.-е. принадлежавшіе къ различнымъ религіознымъ сектамъ, назывались въ Англіи *нонконформистами*. Этихъ нонконформистовъ было чрезвычайно много въ странѣ, и всѣ они не могли быть ни преподавателями, ни профессорами университетовъ, ни студентами. Кромѣ этого, здѣсь существовало множество другихъ стѣсненій, преграждавшихъ доступъ къ высшему образованію. Студентами были или стипендіаты, получавшіе стипендіи отъ коллегій, или своекоштные, но такъ какъ послѣдніе должны были вносить за свое содержаніе очень высокую плату, то въ университеты вступали лишь люди очень богатые. Такимъ образомъ студентами были или люди аристократическихъ фамилій, учредившихъ въ давнопрошедшее время стипендію, назначая ее главнымъ образомъ для своихъ потомковъ, или сыновья духовныхъ лицъ, въ университетахъ приготовлявшихся къ духовному званію. Полученіе стипендіи было обставлено множествомъ стѣснительныхъ условій, и сами англичане говорили по этому поводу, что каждая университетская стипендія была напередъ предназначена мальчику еще въ минуту его рожденія. Понятно, что всѣ эти причины сдѣлали изъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ строго аристократическія и клерикальныя учрежденія, предназначенныя только для немногихъ, — громадное-же большинство народонаселенія было совершенно лишено высшаго образованія. Англійскіе университеты еще въ началѣ XIX ст. находились въ совершенномъ упадкѣ. Только въ 50-хъ гг. начинаются болѣе или менѣе важныя реформы, которыя оживляютъ университеты, даютъ имъ полную самостоятельность и свободу въ управленіи собственными дѣлами, ослабляютъ употребленіе латинскаго языка, увеличиваютъ количество каедръ, поднимаютъ уровень преподаванія профессоромъ, коллегіямъ даютъ новые уставы, освобождающіе ихъ отъ очень многихъ смѣшныхъ средневѣковыхъ обычаевъ и правилъ, не отвѣчающихъ болѣе духу времени. Въ то же

время было весьма увеличено и количество стипендій, и большая часть прежнихъ стѣснительныхъ правилъ для полученія ихъ была отмѣнена. Это немедленно дало возможность проникать въ университеты несравненно большому количеству людей непри- вилегированныхъ; съ тѣхъ поръ число ихъ постоянно увеличивается, и они входятъ въ среду аристократическихъ юношей. Вслѣдъ за названными реформами появились и другія, которыя также сильно содѣйствовали пробужденію университетовъ и обновленію преподаванія въ нихъ, что уже само собою привлекало все большее количество студентовъ. Вслѣдствіе сильнаго движенія въ пользу религіозной равноправности въ 1871 г. была отмѣнена обязательность присяги, и это въ свою очередь дало возможность огромному числу людей проникнуть въ университеты.

Хотя кромѣ университетскихъ лекцій здѣсь и въ настоящее время существуютъ лекціи въ коллегіяхъ, что и теперь еще сильно ослабляетъ значеніе профессорскихъ лекцій, но прежде коллегіи преобладали надъ университетомъ и совѣтъ уничтожали значеніе профессорскаго преподаванія; теперь университеты получили несравненно болѣе самостоятельное значеніе. Несмотря, однако, на уничтоженіе прежняго преобладанія коллегій надъ университетами, несмотря на увеличеніе числа каедръ, на усовершенствованіе методовъ университетскаго преподаванія, въ Англіи до сихъ не успѣли уничтожить обученіе въ коллегіяхъ. Вслѣдствіе этого обученіе въ коллегіяхъ при помощи тьюторовъ продолжаетъ соперничать съ университетскимъ преподаваніемъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ перемѣны послѣдняго времени не замедлили отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на университетахъ: они лишились своего исключительно религіознаго характера и сдѣлались несравненно менѣе аристократическими учрежденіями.

Нужно, однако, замѣтить, что демократическое направленіе университетовъ шло рука объ руку съ демократизаціей всего англійскаго общества. Количество избирателей въ этой странѣ увеличивалось въ высшей степени быстро *). Университеты не остались глухи къ преобразованіямъ, совершавшимся въ обществѣ. Новыя идеи, проникнувъ въ стѣны университетовъ, потрясли всю жизнь этихъ, еще такъ недавно, средневѣковыхъ учреждений. Профессора начинаютъ постепенно стремиться къ дѣятельности въ совершенно новомъ направленіи, все чаще высказываютъ мысль, что ихъ задача не можетъ ограничиваться доставленіемъ образованія небольшому количеству людей, но что она должна быть несравненно шире, что сами они должны вліять на весь народъ, принять на себя руководство его умственнымъ развитіемъ. Эти мысли стали высказываться все болѣе опредѣленно, и, наконецъ, изъ нихъ возникла дѣятельность подъ названіемъ «University Extension» что буквально означаетъ «расширеніе университета», т.-е. распространеніе среди массъ высшаго образованія.

Множество профессоровъ и университетскихъ преподавателей отправляются теперь во всѣ части Великобританіи и устраиваютъ курсы, которые могутъ слушать люди, не получившіе высшаго образованія, и такимъ образомъ пріобрѣтать университетскія знанія. Но эти интеллигентные люди не ограничиваются только чтеніемъ лекцій: они устраиваютъ экскурсіи, выставки промышленныя и художественныя, при чемъ они являются руководителями народа, устраиваютъ также читальни, клубы, библіотечныя кассы и т.-п. Столько же заботятся они и объ удовольствіяхъ народа:

*) Реформа 1832 г., измѣняя избирательныя условія, увеличила сразу количество избирателей на 400.000. Слѣдующія реформы пошли въ этомъ направленіи еще дальше. Реформа 1867 г. увеличила количество избирателей въ графствахъ съ 540.000 до 800.000, а въ городахъ съ 490.000 до 1.356.000. Реформа 1884 г. увеличила вообще количество избирателей съ 3 152,910 до 5.711.325. Въ 1889 г. количество это увеличилось до 5.932.353.

они устраиваютъ для него разнообразныя развлеченія, которыя отвлекаютъ его отъ пьянства и грубыхъ, порочныхъ наслажденій, облагораживаютъ его умъ и сердце болѣе высшими стремленіями. Съ тою-же цѣлью вмѣстѣ съ профессорами часто отправляется и цѣлая компанія студентовъ, чтобы, поработавъ нѣкоторое время подъ руководствомъ опытныхъ людей, выступить затѣмъ на томъ-же поприщѣ совершенно самостоятельно. Очень многіе студенты, во время вакацій, селятся теперь въ самыхъ жалкихъ уголкахъ Лондона въ качествѣ такихъ же пролетаріевъ, какъ и все населеніе этихъ кварталовъ, входятъ въ тѣсныя отношенія съ обездоленными людьми и, изучивъ ихъ характеръ, понятія и привычки, стараются самымъ разнообразнымъ образомъ быть имъ полезными.

Изъ сказаннаго видно, что цѣль «University Extension»—распространеніе университетскаго образованія на все классы общества, преимущественно на тѣ изъ нихъ которые до настоящаго времени обходились безъ всякаго высшаго образованія и даже не чувствовали въ немъ потребности. Невозможно дать представленіе, какое оживленіе внесло всюду это движеніе, какія благородныя чувства, порывы великодушія и самоотверженія вызвало оно, какую глубочайшую перемѣну въ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ высшихъ классовъ оно произвело! Съ тѣхъ поръ, какъ люди низшихъ классовъ, часто простые рабочіе и ремесленники, содержащіе тяжелымъ трудомъ свои семьи, приносятъ громадныя жертвы, чтобы добиться высшаго образованія, и не только благополучно кончаютъ курсы, но нерѣдко добиваются и полученія ученыхъ степеней,—это сильно возбуждаетъ къ простонародью симпатію и уваженіе въ высшихъ классахъ общества. Это благороднѣйшее возбужденіе всехъ классовъ для дружной, совместной работы на пользу обездоленныхъ принадлежитъ университетамъ. Такимъ образомъ, не смотря на продолжительную спячку, на свой еще недавно средневѣковый и исключительно клерикальный характеръ, университеты, какъ только сдѣлались вполне самостоятельными, пробудились къ жизни; профессора скоро поняли духъ времени и теперь не жалѣютъ своихъ силъ, чтобы удовлетворить его потребностямъ.

ДУХОВЕНСТВО.

Внѣшняя обстановка сельскаго священника.—Жизнь священника, его привычки, отношеніе къ окружающимъ и его общественное положеніе.—Клубы и вечеринки, устраиваемыя священниками для поселянъ.

Англійское село имѣетъ свою особенную фizioномію: здѣсь живутъ не одни только земледѣльцы, но и представители другихъ классовъ общества. Англійскій аристократъ, хотя и ведетъ дѣловую, политическую жизнь, но не совсѣмъ пріурочиваетъ себя къ столицѣ; онъ постоянно живетъ въ деревнѣ, въ столицу же или городъ уѣзжаетъ только на время по дѣламъ. Отъ этого въ каждомъ англійскомъ селѣ по сосѣдству съ маленькими домиками земледѣльцевъ возвышаются богатые дома зажиточныхъ людей и замки аристократовъ. Тутъ же недалеко, обыкновенно на самомъ возвышенномъ мѣстѣ близъ церкви, стоитъ домъ священника, почти всегда окруженный оградой и садомъ; домъ этотъ обыкновенно въ два этажа, всегда убранъ очень чисто и комфортабельно, а нерѣдко и съ большою роскошью. Въ немъ не только есть мѣсто каждому члену большой семьи пастора, но найдется и уютная гостиная для пріема и отдѣльная комната для запоздалаго пріятеля. Дверь дома, противоположная фасаду, выходитъ въ садъ, за которымъ лежитъ лугъ, принадлежащій церкви, и тамъ пасутся овцы священника.

Домъ священника не собственность хозяина, а остался ему отъ его предшественника, который до него занималъ его мѣсто. Въ свою очередь онъ передастъ этотъ домъ своему преемнику, когда оставитъ свою должность. Это заставляетъ священниковъ содержать свои дома въ необыкновенномъ порядкѣ. Преемникъ имѣетъ право взыскать по суду съ предшественника или даже съ его наслѣдниковъ сумму, необходимую на поправку дома, которую тотъ долженъ былъ сдѣлать, но не сдѣлалъ по небрежности.

Молодой человѣкъ, желающій посвятить себя церковному служенію, проходитъ курсъ въ одномъ изъ англійскихъ университетахъ. Университетское воспитаніе приносить священнику много пользы. Молодые люди, которые думаютъ посвятить себя духовному званію, представляютъ въ университетѣ не замкнутое сословіе, а живутъ и воспитываются одинаково со всѣми. Никто не принуждаетъ молодого человѣка выбирать духовную карьеру: онъ останавливается на ней совершенно свободно по своей склонности. Вслѣдствіе этого англійское духовенство не представляетъ какой-нибудь замкнутой касты: молодые священники считаются людьми, получившими наилучшее образованіе; множество экзаменовъ, которые имъ пришлось сдавать, усиленные занятія, настойчивость и твердость, при которыхъ они только и могутъ добиться сана священника, свободный выборъ своей профессіи, ихъ родство и связи, нерѣдко съ самыми аристократическими фамиліями страны, все это даетъ имъ полное право являться въ самомъ избранномъ обществѣ и принимать его у себя. Къ тому же они могутъ привлекать сердца своимъ краснорѣчіемъ, своею религіозною ревностью, своею дѣятельностію на пользу народа и его образованія. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ духовенство въ Англіи пользуется вліяніемъ и уваженіемъ. Жизнь, которую ведетъ англиканское духовенство, ничѣмъ не отличается отъ жизни свѣтскихъ людей. Такъ какъ бракъ имъ дозволяется, то въ обществѣ они, точно такъ же, какъ и всѣ молодые люди, ухаживаютъ за дѣвушками, танцуютъ и нерѣдко женятся на очень знатныхъ и богатыхъ. На одной изъ великолѣпныхъ охотъ за лисицами, составляющихъ славу у Англіи, часто можно встрѣтить и духовное лицо, въ полномъ охотничьемъ вооруженіи, въ сапогахъ со шпорами и съ ножомъ на боку. Въ такіе часы, когда пасторъ вдругъ узнаетъ, что онъ можетъ опоздать къ богослуженію, онъ, не стѣняясь, надѣваетъ сверхъ охотничьяго платья свое длинное одѣяніе и идетъ проповѣдывать съ каеодры. Въ Гайдъ-паркѣ, въ тѣ часы, когда въ него со всѣхъ концовъ столицы стекаются блестящіе амазонки, можно видѣть и духовныхъ лицъ, любезно услуживающихъ дамамъ, помогая имъ садиться въ сѣдло.

Высшее духовенство получаетъ громадное вознагражденіе; доходы ихъ заключаются въ десятинахъ, въ платѣ за исправленіе церковныхъ требъ, въ платѣ за мѣста въ церкви и въ сборахъ, которые дѣлаются послѣ пасхи. Всѣ эти доходы чрезвычайно различны въ различныхъ приходахъ. Есть приходы, которые даютъ священнику не менѣе 7 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, другіе—4 тысячи фунтовъ, 3 тысячи, а есть и такіе, гдѣ получаютъ не болѣе 50 фунтовъ. Во всякомъ случаѣ самый большой доходъ—это «десятины», т. е. десятая часть доходовъ съ поземельной собственности. Прежде налогъ этотъ брали натурою, теперь онъ собирается деньгами. Пасхальные приношенія состоятъ въ слѣдующемъ: каждый годъ въ Пасху приходскій клеркъ (въ родѣ нашего причетника) отправляется по домамъ зажиточныхъ людей съ книжкою отъ священника, куда каждый вписываетъ сумму, которую онъ желаетъ пожертвовать на содержаніе священника. За исполненіе церковныхъ требъ священникъ получаетъ немного: за совершеніе таинства крещенія въ церкви не полагается никакого вознагражденія; точно также и причащающійся

въ церкви не обязанъ платить ни на церковь, ни на священника: каждый кладетъ въ кружку, что онъ пожелаетъ; тѣмъ не менѣе и этотъ сборъ принадлежитъ священнику. Многія семейства платятъ за мѣсто въ церкви отъ 10 до 12 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Англичане и въ церкви хотятъ быть у себя дома, но черезъ это нерѣдко вытѣсняютъ изъ нея людей бѣдныхъ. Оттого-то при построении новыхъ церквей теперь обыкновенно назначаютъ 100 и больше мѣстъ для бѣдныхъ, безъ всякой съ ихъ стороны платы. Доходъ за сидѣнье въ церкви тоже идетъ въ пользу священника.

Какъ-бы много ни получалъ священникъ, ему рѣдко удается что-нибудь скопить. Это происходитъ отъ привычки англичанина жить широко и много тратить, а также и оттого, что ему приходится участвовать въ подпискахъ, помогать бѣднымъ своего прихода, очень много тратить на поддержку своего дома, на приличную, комфортабельную обстановку, которая имѣетъ такую цѣну въ глазахъ всякаго англичанина, на воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей. Жена его и дѣти должны быть всегда хорошо одѣты, содержаться, какъ благовоспитанныя дѣти благородныхъ фамилій. Что касается самого священника, онъ обязанъ носить бѣлый галстухъ и костюмъ изъ тонкаго сукна, однимъ словомъ, долженъ имѣть почтенную внѣшность «человѣка церкви».

Англійскій законъ запрещаетъ священнику заниматься торговлей, но вмѣсто этого ему дозволяется арендовать землю, въ количествѣ 80 акровъ. Такимъ образомъ въ Англіи не рѣдкость встрѣтить священника, который въ то же время и фермеръ. Нѣкоторые изъ нихъ увеличиваютъ свой доходъ, принимая къ себѣ паціентовъ для обученія; очень многіе кое-что зарабатываютъ и литературой. Бѣдныхъ священниковъ въ Англіи гораздо меньше, чѣмъ богатыхъ, и какъ бы священникъ ни былъ бѣденъ, онъ непременно старается, чтобы его дѣти получили университетское образованіе. Многіе изъ нихъ сами занимаются съ своими дочерьми, и тѣ нерѣдко помогаютъ отцу и увеличиваютъ его заработокъ своими переводами. Каждый священникъ помнитъ, что его окружающіе, прежде всего, ищутъ примѣра какъ въ его семейной жизни, такъ и въ общественной, и онъ старается устроить свою жизнь такъ, чтобы она, дѣйствительно, могла служить примѣромъ. Самый домъ священника долженъ отличаться безукоризненной чистотой и порядкомъ, потому что религіозныя обязанности, по понятіямъ англичанина, начинаются съ жизни домашней. Уже по одному этому священникъ долженъ быть женатъ, —какой же примѣръ семейной добродѣтели можетъ показать холостой? Для англійскаго священника нѣтъ никакихъ мелочей въ семейной жизни, которыя бы онъ могъ оставить безъ вниманія. Время и занятія у него строго распредѣлены: въ 8 часовъ утра колоколъ звонитъ къ завтраку. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, священникъ читаетъ молитву, при которой присутствуетъ все его семейство и прислуга. Все утро онъ работаетъ въ своемъ кабинетѣ или посѣщаетъ больныхъ. Въ круглой шляпѣ, съ палкою въ рукахъ, онъ медленно пробирается между изгородами; кто бы ему ни встрѣтился на дорогѣ, всѣ ему кланяются, всѣхъ онъ знаетъ, со всѣми заговариваетъ: онъ знаетъ положеніе каждаго члена семейства своей паствы, ихъ взаимныя отношенія, ихъ недостатки, горе и радости. Встрѣтивъ одну женщину, онъ журитъ ее, что она долго не послала своего сына въ церковь, другой даетъ совѣтъ, чѣмъ облегчить недугъ старухи-матери. Такимъ же уваженіемъ, такимъ же нравственнымъ вліяніемъ пользуется священникъ и въ высшихъ слояхъ общества. Вотъ онъ встрѣтился съ молодой дѣвушкой, богато одѣтой, —она наслѣдница большихъ помѣстій. Священникъ радушно раскланивается съ нею и подробно разспрашиваетъ ее, чѣмъ она занимается, какъ прово-

дѣть свое время. Незамѣтно для нея онъ заинтересовываетъ ее судьбой той или другой школы, проситъ ее удѣлѣть часъ-другой свободнаго времени для занятія съ бѣдными дѣтьми. Разъ дѣвушка выразила свое желаніе заниматься, и онъ уже черезъ полчаса шагаетъ къ ней съ листомъ въ рукахъ, чтобы она записала дни и часы, которые она можетъ посвящать школѣ.

Въ часъ пополудни второй завтракъ, къ которому собирается все семейство пастора; тутъ опять молитва передъ ѣдой и послѣ нея. Послѣполуденное время священникъ отдаетъ визитамъ или какимъ-нибудь дѣламъ по приходу. За полчаса до обѣда, который бываетъ въ 6 часовъ, все семейство священника расходится по своимъ комнатамъ чтобы переодѣться. Колоколъ звонитъ къ обѣду, всѣ сходятся въ столовую, гдѣ обыкновенно уже нѣсколько постороннихъ посѣтителей. Послѣ обѣда всѣ отправляются пить чай, и въ это время одна изъ дочерей пастора поетъ или играетъ на фортепьяно. Въ 11 часовъ священникъ, прочитавъ вечернюю молитву въ присутствіи всей семьи, прощается со всѣми, и всѣ расходятся по своимъ комнатамъ. У нѣкоторыхъ священниковъ есть обычай назначать для пріема гостей особые дни: одинъ разъ въ недѣлю они приглашаютъ рабочихъ своего прихода, въ другой—фермеровъ. Но есть удовольствія и праздники, въ которыхъ одинаково принимаютъ участіе какъ деревенскіе богачи и знать, такъ и простой людъ; этому сближенію высшаго общества съ низшимъ весьма сильно помогаютъ священники.

Жена священника также имѣетъ огромное вліяніе на окружающихъ и старается подавать примѣръ дѣятельнаго участія въ общественной жизни. Она обыкновенно держитъ школу для бѣдныхъ дѣтей, въ которой сама преподаетъ, разсылаетъ вино и кушанье внезапно занемогшимъ, учитъ дѣвочекъ женскимъ рукодѣльямъ, приучаетъ ихъ къ кухнѣ. Здѣсь нерѣдко встрѣтите жену священника, которая черезъ каждые полгода, много черезъ годъ мѣняетъ прислугу. Это происходитъ не отъ сварливости хозяйки, а отъ того, что она набираетъ сразу по двѣ, по три молодыхъ дѣвушки, приучаетъ ихъ къ порядку и къ умѣнью справиться со всякимъ домашнимъ дѣломъ, а затѣмъ сама же старается пріискать имъ хорошее мѣсто. Послѣ этого она опять беретъ себѣ новую прислугу, а дѣвушка, хотя недолго прослужившая у нея, никогда не останется безъ мѣста: всѣ въ сосѣдствѣ наперерывъ стараются зазвать ее къ себѣ, такъ какъ увѣрены, что дѣвушка, пожившая въ семьѣ священника,—хорошей нравственности и приучена къ дѣлу. Въ тоже время сами дѣвушки стараются отличиться своею чистотою и порядочностью, чтобы ихъ приняла къ себѣ пасторша, такъ какъ только такихъ она и беретъ къ себѣ.

Въ воскресенье, въ 10 часовъ утра, раздается церковный благовѣстъ, призывающій прихожанъ къ церковной службѣ. Въ церковной оградѣ, гдѣ находится кладбище, обыкновенно группами стоитъ по-праздничному одѣтый сельскій людъ и толкуетъ о своихъ дѣлахъ. Священникъ проходитъ черезъ кладбище въ церковь, останавливается на минуту съ знакомыми и разспрашиваетъ, почему не пришли ихъ братья и сестры. Онъ никогда не дѣлаетъ выговора за неаккуратное посѣщеніе церкви, но старается удвоить свое вниманіе къ непрішедшему, заходитъ самъ послѣ службы къ нему на домъ узнать о причинѣ и такимъ образомъ невольно возбуждаетъ рвеніе въ тѣхъ, у кого оно начинаетъ ослабѣвать. Въ одномъ приходѣ былъ сквайръ, который никогда не ходилъ въ церковь; однажды священникъ предложилъ собранію прихожанъ молиться за него. «Для чего?» спрашиваетъ удивленный джентльменъ. «Потому что вы никогда не молитесь за себя, и съ вами можетъ случиться какое-нибудь несчастіе», отвѣчалъ ему священникъ.

Англійскіе священники стараются поддерживать и развивать клубы въ дерев-

нихъ. Эти сельскіе клубы устраиваются здѣсь съ цѣлью умственнаго развитія народа, отвлеченія его отъ кабака и при этомъ имѣютъ въ виду побудить земледѣльцевъ къ сбереженіямъ, обезпечивая имъ скорый и вѣрный барышъ. Каждый изъ этихъ клубовъ состоитъ изъ членовъ почетныхъ и членовъ дѣйствительныхъ. Первые, обыкновенно люди богатые, вносятъ въ кассу клуба опредѣленную сумму, которую они жертвуютъ въ собственность клуба, а проценты съ капитала предоставляютъ на его нужды; дѣйствительные члены тѣ, которые вносятъ по нѣскольку копѣекъ еженедѣльно. Въ концѣ года вся собранная сумма раздѣляется между дѣйствительными членами, соразмѣрно количеству ихъ вкладовъ. Такъ, напр., если работникъ круглымъ числомъ вносилъ по пяти коп. въ недѣлю, то къ концу года взносъ его дойдетъ до 2 р. 60 к., которые онъ и получитъ, приобрѣтая сверхъ того отъ 1 руб. 25 к. до 2 р. 50 к., смотря по тому, какъ богаты и щедры сосѣднія семейства, вписавшіяся въ число почетныхъ членовъ. Въ одной изъ комнатъ клуба— читальня, гдѣ желающіе могутъ читать газеты и книги, въ другой отъ времени до времени даются концерты. Есть клубы «каменнаго угля», «клубъ одежды», «клубъ для больныхъ», «клубъ обуви» и т. п. Эти клубы представляютъ поселянамъ нѣкоторыя выгоды: покупая оптомъ и по сходной цѣнѣ, клубъ продаетъ различные предметы первой необходимости своимъ членамъ гораздо дешевле, чѣмъ они могутъ получить ихъ въ лавкѣ. Такимъ образомъ поселяне получаютъ по сходной цѣнѣ и гораздо лучшаго качества каменный уголь, обувь, одежду. Правительство не вмѣшивается въ эти клубы, и они устраиваются совершенно такъ, какъ того пожелаютъ жители каждаго села. Болѣе другихъ дѣятельное участіе тутъ принимаетъ священникъ; зная нужды своихъ прихожанъ, онъ совѣтуетъ имъ устроить тотъ или другой клубъ. Поселяне долго толкуютъ между собой по этому поводу, сообщаютъ свое рѣшеніе священнику, и онъ отправляется въ знакомыя семейства фермеровъ и аристократовъ, говорить о желаніи народа и, наконецъ, склоняетъ ихъ принять участіе въ подпискѣ на новый клубъ. Несмотря, однако, на видную роль, которую онъ играетъ при учрежденіи этихъ клубовъ, все управленіе дѣлами священникъ предоставляетъ сельскому люду, подавая ему отъ времени до времени совѣты, какъ вести дѣло.

Зная, какъ народъ любитъ чай, сельскіе священники устраиваютъ собраніе въ 200, 300 человекъ—лѣтомъ въ какой-нибудь рошѣ, а зимою въ стѣнахъ зданія школы. Въ этихъ удовольствіяхъ принимаютъ участіе богатые и бѣдные, старые и малые. Цѣль этихъ вечеринокъ—сближать между собою людей различныхъ классовъ общества. Тутъ всѣ чувствуютъ себя совершенно свободно, бѣдный не стѣсняется передъ богатымъ, такъ какъ каждый одинаково платитъ за себя. Взносъ за такое удовольствіе доступенъ большинству: 6 пенни съ большихъ и 3 пенни съ дѣтей. Въ то время, когда чайники съ горячей водой кипятъ и шумятъ, живая беседа огромной толпы народа идетъ своимъ чередомъ.

МАТРОСЫ.

Возвращеніе судна.—Вербовщики.—Жизнь, характеръ и привычки англійскаго матроса.—*«Sailor's home»*.—Стремленіе англійскихъ юношей сдѣлаться моряками.

Англія прежде всего нація морская,—такъ она смотритъ и сама на себя, и лучшие люди страны постоянно утверждаютъ, что для того, чтобы она могла удерживать за собой свои обширныя колоніи, ей слѣдуетъ исключительно господствовать на морѣ. Богатство Англіи главнымъ образомъ зависитъ отъ ея цвѣтущей торговли,

торговля же страны тѣсно связана съ ея флотомъ,—вотъ почему флотъ составляетъ первѣйшую заботу этой страны.

Въ Англіи въ 1893 г. общее число служащихъ во флотѣ было 98.000, но число людей, постоянно плавающихъ на большихъ, мелкихъ и рыболовныхъ судахъ и вообще живущихъ моремъ, несравненно больше. Такое огромное число моряковъ въ странѣ заставляетъ насъ ближе познакомиться съ жизнью и нравами этихъ людей.

Едва корабль возвратится изъ дальняго плаванія и, поднимаясь по Темзѣ, достигнетъ Гравезенда, какъ его уже начинаютъ осаждать со всѣхъ сторонъ съ предложеніемъ всевозможныхъ услугъ. Сидя въ лодкахъ, люди самой подозрительной наружности приближаются къ судну и забрасываютъ матросовъ самыми ласковыми привѣтствіями и совѣтами, куда имъ слѣдуетъ направить свои стопы. Эта шумная и жаждающая добычи толпа состоитъ обыкновенно или изъ квартирныхъ хозяевъ, извѣстныхъ на матросскомъ языкѣ подъ именемъ «акулъ», или изъ ихъ помощниковъ, «вербовщиковъ». Залучивъ въ квартиру нѣсколькихъ матросовъ, вербовщикъ получаетъ за cadaго изъ нихъ извѣстное вознагражденіе. Такимъ образомъ матросъ, прежде чѣмъ ступить на землю, ничего не подозрѣвая, бываетъ уже проданъ и купленъ.

Бѣдный матросъ не знаетъ, куда ему повернуться, кого ему слушать посреди этой оглушительной, суетливой толпы, и по своему простодушію, которое вошло въ поговорку, на первыхъ же порахъ попадаетъ въ ловушку. И это понятно. Многие изъ матросовъ входятъ въ первый разъ въ лондонскій портъ: друзья и родные не выходятъ къ нимъ навстрѣчу, а отъ шума, гвалта и движенія у матроса, привыкшаго къ тихой, однообразной жизни на водѣ, кружится голова; между тѣмъ онъ видитъ передъ собою людей, которые такъ дружески болтаютъ съ нимъ, такъ охотно предлагаютъ ему квартиру, гдѣ за дешевую цѣну онъ найдетъ себѣ радушный пріютъ и пищу. Впрочемъ, къ «береговымъ акуламъ» часто идутъ и тѣ изъ матросовъ, которые уже были въ ихъ когтяхъ: матросъ—самое легкомысленное существо: онъ думаетъ, какъ могутъ его надуть во второй разъ; иной идетъ потому, что уѣзжая далъ обѣщаніе опять помѣститься у своихъ прежнихъ хозяевъ. «Береговая акула» отлично изучила нравъ матроса: она знаетъ, что если онъ разъ что-нибудь пообѣщалъ, то безъ всякихъ письменныхъ документовъ считаетъ первѣйшимъ долгомъ порядочнаго человѣка свято выполнить свое слово. И «акула» подстерегаетъ удобную минуту, когда матросъ навеселѣтъ, и беретъ съ него слово. Вотъ почему матросъ, обыкновенно нагло обманутый и обкраденный, нерѣдко прехладнокровно отправляется въ тѣ же вертепы, которые мало-по-малу окончательно втягиваютъ его въ свои болота. И не одни домохозяева пользуются довѣрчивостью матросовъ. Харчевни въ морскомъ кварталѣ Лондона, гдѣ обыкновенно останавливаются матросы, украшаются къ этому времени всѣмъ, что можетъ польстить моряку. Хозяева этихъ заведеній отлично знаютъ, что ничто не веселитъ такъ сердца матроса, какъ изображенія, напоминающія ему о его ремеслѣ. Они и стараются воспользоваться этими слабостями матросовъ и украшаютъ свои дома мачтами, пушками и расписываютъ наружныя стѣны флагами морскихъ націй, ихъ эмблемами и цвѣтами. Такъ какъ матросъ до страсти любитъ музыку, то тутъ же изъ различныхъ трущобъ всегда раздается раздражающій ухо звукъ испорченной скрипки. Танцы, пьянство и табакъ—вотъ слабость матроса, и въ этомъ отношеніи эти грязные закоулки еще недавно вполне удовлетворяли этимъ его потребностямъ. Но теперь громадное количество хорошихъ дешевыхъ концертовъ, театральныхъ представлений,

народныхъ клубовъ все болѣе притягиваютъ къ себѣ матросовъ, и они все меньше посѣщаютъ свои прежніе увеселительные притоны. Но большинство ихъ попрежнему останавливается у «акулъ». Морская жизнь надолго лишаетъ матроса общества, поэтому здѣсь на землѣ онъ чувствуетъ себя совсѣмъ чужимъ: тотъ, кто еще вчера защищалъ другихъ отъ бури, не умѣетъ защитить себя отъ вѣроломства, лжи и коварства. Къ тому же, щедрый по природѣ, матросъ часто доходитъ до безразсудной расточительности, бросая деньги на вѣтеръ. Онъ любитъ при случаѣ показать, что онъ богатъ и что служба на морѣ оплачивается хорошо. Онъ любитъ дать почувствовать «береговому олуху» (такъ моряки называютъ всѣхъ не моряковъ), что золотое руно можно найти только въ морѣ, а безкорыстіе и доброе сердце только въ морякѣ, и потому въ первые дни послѣ своего пріѣзда онъ бросаетъ деньги направо и налево. За это легкомысліе онъ расплачивается дорогою цѣною. По прошествіи нѣсколькихъ дней его кошелекъ дѣлается совершенно пустымъ. Этой-то минуты и ждетъ «акула», чтобы совершенно завладѣть матросомъ. Матросъ съ деньгами—хорошая добыча, но матросъ безъ денегъ еще выгоднѣе. Прокутившемуся матросу хозяинъ тотчасъ предлагаетъ деньги, разумѣется, за огромные проценты. Послѣ долгаго путешествія матросъ нуждается въ новомъ платьѣ: старое сильно пострадало отъ морской воды и смолы. Его другъ «акула» и тутъ беретъ ему помочь и для этого входитъ въ сношенія съ ветошникомъ, торгующимъ матросскимъ платьемъ. Такимъ образомъ онъ получаетъ отъ своего хозяина все, чего пожелаетъ, но все за двойную цѣну. За эти услуги «акула» выговариваетъ себѣ у пріятеля его будущее жалованье. Бѣдный, задолжавшій матросъ ѣстъ и пьетъ у своего хозяина и все болѣе и болѣе дѣлается его рабомъ. Это нерѣдко приводитъ его къ тому, что онъ продаетъ хозяину заработокъ нѣсколькихъ лѣтъ и въ концѣ-концовъ дѣлается его должникомъ на всю жизнь. Въ такихъ случаяхъ безсовѣстный хозяинъ разыскиваетъ такого же безсовѣстнаго капитана какого нибудь частнаго судна и сдаетъ ему за свой долгъ несчастнаго. Съ этихъ поръ матросъ уже не принадлежитъ себѣ.

Матросы отличаются необыкновенною честностью: разъ они займутъ что нибудь, пообѣщаютъ или дадутъ честное слово, можно вполне на нихъ разсчитывать. Какъ бы долго они ни пространствовали въ морѣ, по возвращеніи они свято сохраняютъ свои обязательства. Первою своею обязанностью они считаютъ уплатить самыя ничтожныя долги, на которые съ нихъ не брали даже и росписокъ, о которыхъ забыли часто и тѣ, передъ кѣмъ они обязались. Если кто изъ товарищей кого надулъ, узнавши объ этомъ, матросы считаютъ своею священной обязанностью сложиться и уплатить его долгъ. Рассказываютъ, что, разбивъ въ харчевнѣ, даже въ пьяномъ видѣ, стекло или посуду, матросъ, возвратившись послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованія, разыскиваетъ хозяина, напоминаетъ ему о себѣ и расплачивается. И однако онъ, который не можетъ спать спокойно, если у него хотя шиллингъ на сердцѣ, не прочь обмануть капитана купческаго корабля. Но при этомъ онъ дѣйствуетъ обыкновенно не самостоятельно, а по совѣту или влѣдствіе угрозъ «акулы». Бывали случаи, что эти эксплуататоры матросовъ продѣлывали такія вещи: продавъ однажды матроса и получивъ за него задатокъ, они тотчасъ ведутъ его къ другому хозяину корабля и во второй разъ получаютъ за него деньги. Если въ такое дѣло вмѣшается судъ, то преслѣдуютъ не того, кто втянулъ въ проступокъ, а того, кто его совершилъ.

Рыцарскія чувства, давно исчезнувшія въ наше время, еще до сихъ поръ живутъ въ сердцѣ моряка. Стоитъ только матросу увидѣть или услышать, что оскорбляютъ женщину, и онъ защищаетъ ее нерѣдко съ опасностью жизни. Ни одна

женщина въ затруднительномъ положеніи не встрѣтитъ отказа матроса. Легко понять, какую выгоду извлекаютъ низкіе спекуляторы изъ такого добродушнаго существа, какъ матросъ. У него нѣтъ недостатка ни въ здоровомъ смыслѣ, ни въ умѣ, но ему не хватаетъ практичности. Его морская карта не дастъ ему понятія о тѣхъ подводныхъ камняхъ, какіе существуютъ въ городахъ. Гигантъ въ борьбѣ со стихіями, онъ какъ ребенокъ относится къ окружающимъ его людямъ. Вотъ почему въ англійскомъ простонародьѣ вошло въ поговорку, что «драконовъ океана нерѣдко кусаютъ пискари».

Вслѣдствіе этого въ 1827 г. три капитана королевскаго флота, Гамбье, Элліотъ и Жюстисъ, рѣшили положить конецъ этой гнусной промышленности. Отчасти на свои собственные средства, отчасти на средства своихъ друзей, они купили землю и построили зданіе, которое назначили для помѣщенія матросовъ, когда они пріѣзжаютъ въ столицу. Зданіе это выходитъ съ одной стороны на Велль-стритъ, а съ другой на Докъ-стритъ; послѣдній изъ фасадовъ отличается особымъ великолѣпіемъ; это обширное зданіе называется «Sailor's home». Слово «home» означаетъ у англичанъ собственно не домъ, но мѣсто, въ которомъ человѣкъ чувствуетъ, что онъ «у себя», или, говоря иначе, въ своей семьѣ. Желая, чтобы моряки смотрѣли на это зданіе, какъ на свой собственный уголокъ, ему и дали такое названіе. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются украшенныя массивными колоннами сѣни, въ которыхъ каждый день выставляютъ имена судовъ, отправляющихся въ море; длинные корридоры ведутъ изъ этихъ сѣней въ различныя конторы.

«Sailor's home» представляетъ всѣ выгоды для останавливающихся въ немъ матросовъ. Въ одной изъ конторъ этого заведенія получаютъ и сохраняютъ письма къ матросамъ. Такъ какъ рассчитать съ капитаномъ корабля по окончаніи плаванія дѣлается не тотчасъ, но черезъ нѣсколько дней по приходѣ судна въ портъ, то на первыхъ порахъ кошелекъ матроса бываетъ обыкновенно пустъ. «Sailor's home» выдаетъ ему гинею въ счетъ ожидаемаго имъ жалованья и, не извлекая никакой для себя выгоды, предлагаетъ радушное гостепріимство. Въ то же время заведеніе старается сохранить отъ разграбленія деньги моряка, такъ тяжело имъ добываемыя. Особое бюро принимаетъ всѣ деньги, которыя жильцы захотятъ ему довѣрить. Кромѣ того, по ихъ желанію, кассиръ занимается исковыми дѣлами, отправленіемъ денегъ ихъ семействамъ и другими хлопотами, требующими практическихъ знаній. Здѣсь заботятся также и объ образованіи матроса. Въ заведеніи находится школа, въ которой преподаются начальныя основанія геометріи, алгебры и астрономіи въ примѣненіи къ мореплаванію. Рядомъ съ «Sailor's home» церковь, которую жильцы могутъ посѣщать, не выходя изъ дому.

Въ часъ пополудни звонъ колокола призываетъ живущихъ въ заведеніи къ обѣду. Широкая каменная лѣстница ведетъ во второй этажъ, въ которомъ помѣщаются двѣ столовыя залы: одна для офицеровъ, другая для матросовъ. «Sailor's home» предназначается для матросовъ всѣхъ націй, и потому тутъ можно встрѣтить моряковъ всевозможныхъ цвѣтовъ: сыны жаркой Африки сидятъ подлѣ блѣлыхъ жителей Альбіона. Входятъ группы людей, загорѣвшихъ отъ солнца и вѣтра. Матросъ на материкѣ любитъ показать себя, похвастать, щегольнуть и потому даже свою грубую одежду одѣваетъ по возможности съ шикомъ. Галстукъ въ золотомъ или въ серебряномъ кольцѣ—верхъ матросскаго щегольства. Другіе приходятъ въ грубой бѣлой курткѣ, которую они не снимаютъ какъ на морѣ во время бури, такъ и на сушѣ.

Огромная столовая матросовъ украшена статуей основателя заведенія. Покрытые бѣлыми скатертями и уставленные кушаньями столы тянутся по всему протя-

женію залы. Прислуга заведенія состоитъ преимущественно изъ бывшихъ матросовъ, которыхъ тотчасъ узнаешь по ихъ аккуратности и чистотѣ. Обѣдъ—весьма порядочный, и при этомъ каждый получаетъ по стакану эля. Кромѣ того, заведеніе заботится о томъ, чтобы дать моряку удобную постель и помѣщеніе. Между дортуарами особенно замѣчательнъ одинъ, внутренность котораго совершенно похожа на внутренность корабля. Множество спаленъ, изъ которыхъ въ каждой вы найдете кровать, стулъ и библію; такія каюты слѣдуютъ одна за другой въ каждомъ этажѣ. Легкія деревянныя галлерей въ видѣ палубъ соединены между собою лѣстницами. Заснувъ въ одной изъ такихъ каютъ, матросу не трудно вообразить, что онъ и не оставлялъ моря. Кромѣ нѣкоторыхъ увеселительныхъ игръ, матросъ пользуется библіотекой и помощью доктора. Онъ имѣетъ право выходить, куда ему угодно, и хотя въ половинѣ двѣнадцатаго ночью входъ въ заведеніе запирается, но онъ во всякое время можетъ быть впущенъ сторожемъ. Плата за помѣщеніе и столъ сравнительно чрезвычайно дешева.

Теперь, по образцу лондонскаго «Sailor's home», открыто въ главнѣйшихъ городахъ уже нѣсколько десятковъ такихъ заведеній. Однако, не смотря, на прекрасную цѣль этихъ учреждений, на дѣйствительную пользу, которую они приносятъ матросамъ, нельзя не сознаться, что успѣхъ этихъ «homes» еще не оправдалъ возлагавшихся на нихъ надеждъ. Причинъ этому чрезвычайно много, и этимъ заведеніямъ приходится бороться съ немалыми препятствіями. Прежде всего вербовщики, завидѣвъ матросовъ въ ту минуту, когда они причаливаютъ къ берегу, стараются сдѣлать все, чтобы отвратить ихъ отъ этихъ заведеній и заманить въ свои притоны. «Смотрите, не ходите только въ «Sailor's home»: тамъ отъ желтой лихорадки мрутъ, какъ мухи».—«Какая оспа въ «Sailor's home»! Переболѣло болѣе половины жильцовъ». И простодушный матросъ вѣрить всѣмъ этимъ розсказнямъ и бросается къ «акулѣ». Но и помимо вліянія вербовщиковъ, матросъ имѣетъ немало поводовъ избѣгать этихъ заведеній. Подчиняясь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, строгой дисциплинѣ, люди эти, входя въ портъ, ничего такъ не желаютъ, какъ воспользоваться, хотя на нѣсколько дней, возможностью дѣлать, что имъ захочется. «Мы не затѣмъ», говорятъ они, «оставили корабль, чтобы идти опять въ общество тѣхъ же офицеровъ и видѣть тѣ же самыя лица. Мы не затѣмъ оставили судно, чтобы запереться въ монастырь».—«Морской воронъ не любитъ клѣтки», отвѣчалъ одинъ старый матросъ джентльмену, старавшемуся вразумить его, что онъ поступитъ благоразумнѣе, отправившись въ «Sailor's home», а не въ грязную конуру «акулы», гдѣ онъ будетъ дурно помѣщенъ и плохо накормленъ. Хотя «Sailor's home» и не подвергаетъ своихъ жильцовъ строгой дисциплинѣ, тѣмъ не менѣе онъ заставляетъ ихъ подчиняться нѣкоторымъ правиламъ: въ стѣнахъ заведенія запрещено клясться или употреблять скверныя слова, къ чему такъ привыкаютъ моряки на суднѣ, внутри дома запрещаютъ торговать спиртными напитками, а курить трубку, къ чему особенно привыкъ морякъ, можно только въ извѣстныхъ комнатахъ. Потому-то морякъ, ненавидящій и тѣнь надзора, предпочитаетъ вертены «акулъ» чистымъ каютамъ «Sailor's home'a»: тамъ онъ можетъ дѣлать, что ему заблагоразсудится. Но матросы привыкшіе къ порядочной и трезвой жизни и въ первый разъ иногда случайно попавшіе въ «Sailor's home», уже никогда не возвращаются въ вертены «акулъ».

Среди какого класса населенія набираютъ англійскихъ моряковъ? Прежде всего скажемъ о важномъ различіи между флотомъ и арміей. Въ арміи чины покупаются, во флотѣ же повышенія зависятъ отъ образованія, заслугъ и продолжительности

службы. Въ сухопутной арміи — непереступаемая грань между низшими и офицерскими чинами, напротив—во флотѣ разни́ца совсѣмъ не замѣтна. Нѣкоторые изъ англійскихъ адмираловъ были простыми матросами. Въ спискѣ флотскихъ офицеровъ читаешь иногда громкія фамиліи, однако же видно, что преимущественно средній классъ поставляетъ учениковъ морскихъ школъ, а низшій даетъ матросовъ. Многіе вступаютъ на корабль потому, что не знаютъ другого ремесла, иные же чувствуютъ уже съ раннихъ лѣтъ призваніе къ морской жизни. Между дѣтьми, рожденными по берегамъ Великобританіи, есть много такихъ, на которыхъ море производитъ особое обаяніе. О далекихъ странахъ, о парусахъ, бѣлѣющихъ на голубомъ небѣ, о борьбѣ со стихіями они начинаютъ мечтать съ первыхъ лѣтъ своей жизни. Многіе уже съ семи, восьми лѣтъ начинаютъ просить родителей отпустить ихъ на корабль. Разсказы моряковъ, любовь къ нимъ народа, ихъ смѣлая, мощная фигура, страсть бросать деньги—все это разжигаетъ фантазію юношей, воспламеняемую чтеніемъ романовъ и разказовъ о морскихъ приключеніяхъ. Нерѣдко юноши, упрашивая родителей отпустить ихъ въ море, не получая согласія, убѣгаютъ потихоньку изъ родительскаго дома. Многіе, долго, но тщетно уговаривая сына бросить фантазію, говорятъ: «онъ околдованъ моремъ», или: «море зоветъ его къ себѣ». Послѣ этого они считаютъ уже грѣхомъ отговаривать юношу и отпускаютъ его на всѣ четыре стороны. Но разочарованіе скоро приходитъ. Жизнь на морѣ однообразна и прозаична. Безъ сомнѣнія, юношѣ приходится встрѣчаться съ замѣчательными явленіями природы, но у него нѣтъ времени ихъ наблюдать. Тяжелыя обязанности и механическій трудъ поглощаютъ все вниманіе юнги (молодой матросъ). Голосъ океана говорилъ ему о свободѣ, а онъ нашелъ здѣсь только суровое рабство. Въ каждый часъ дня и ночи по голосу капитана онъ долженъ оставить кровать и броситься на палубу, когда буря и непогода требуютъ большей рабочей силы. Матросъ всегда находится въ полной зависимости отъ своего начальника и отъ стихій. Къ этому слѣдуетъ прибавить ночные караулы въ самое холодное время, грязную и тяжелую работу на суднѣ, суровыя приказанія, строгія наказанія, и каждому будетъ понятно, что чудная поэзія и свобода въ морѣ, о которыхъ такъ мечтали юноша, скоро исчезаютъ въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Вычищая каюту, вымывая полы, сто разъ въ день поднимаясь и опускаясь вверхъ и внизъ по канатамъ и лѣстницамъ, въ одномъ и томъ же платьѣ въ теплой каютѣ и на палубѣ на открытомъ воздухѣ, днемъ въ тихую погоду и ночью во время урагана, усталый, озябшій, промокшій до костей, онъ, какъ снопъ, сваливается на свой матрасъ. Но лишь только онъ успѣлъ согрѣться, строгій голосъ капитана кричитъ: «на палубу!» Онъ не смѣетъ отговариваться тѣмъ, что не слышалъ во снѣ. Въ нѣсколько дней жизни на морѣ онъ долженъ пріучиться и во снѣ, и на яву, въ ту же секунду слышать голосъ капитана и ревъ бури и быть всегда наготовѣ. Въ первую свободную минуту, когда юноша день за днемъ переберетъ въ своей памяти уже нѣсколько проведенныхъ мѣсяцевъ и ясно увидитъ, какъ однообразно тяжело проходитъ его жизнь, онъ съ отчаяньемъ говоритъ морю: «ты меня обмануло». Но разъ юноша сдѣлалъ выборъ самостоятельно, онъ уже ни за что не вернется къ родителямъ и знакомымъ, онъ побоится ихъ насмѣшекъ и прозвища фантазера. Онъ остается на суднѣ, грустный и разочарованный, пока болѣзнь не надломитъ преждевременно его силы. Однако, другимъ матросамъ лучше живется на морѣ, и они легче свыкаются съ своею суровою жизнью. Есть семейства, которыя нарочно посылаютъ своихъ дѣтей въ море, чтобы исправить въ нихъ нѣкоторыя порочныя наклонности. Такіе молодые люди становятся прекрасными моряками. Они ничего не

ждали, и потому имъ не приходится разочаровываться: они бодро принимаются лазить по канатамъ, стараясь извлечь выгоду изъ того положенія, на которое обрекла ихъ судьба. Это обстоятельство дало возможность устроить морскую школу на водѣ для уличныхъ бродягъ, съ цѣлью приготовить ихъ въ моряки. Тутъ дѣти улицы, еще недавно выкрикивавшіе «картофель» или чистившіе сапоги, одѣтые въ синіе панталоны, въ толстую полотняную рубашку того же цвѣта, занимаются различными маневрами. И дѣйствительно, оказывается, что эти уличные торговцы и маленькіе бродяги пригодны для флота. Предпримчивые, закаленные всякими лишениями, привыкшіе съ самаго нѣжнаго возраста полагаться только на самого себя, они дѣлаются лучшими матросами. Съ кровью бродяги въ жилахъ, они легко мѣняютъ одно мѣсто на другое, дѣлаютъ далекія путешествія. Въ продолженіе перваго года ихъ выучиваютъ грамотѣ. Кромѣ работъ на суднѣ, имъ приходится выучиться названіямъ орудій, употребляемыхъ въ мореплаваніи, свыкнуться съ обычаями морской жизни, понять многія явленія. Когда два корабля приближаются другъ къ другу, они разговариваютъ не съ помощью голоса: въ бурное время и на извѣстномъ разстояніи это очевидно было бы невозможно; поэтому необходимо уметь разговаривать знаками. Когда англійскій корабль хочетъ завязать разговоръ съ другимъ, онъ поднимаетъ на извѣстномъ разстояніи флаги, которыхъ число, положеніе, форма и цвѣтъ измѣняются, смотря по тому, что нужно передать. Разговоры между кораблями—первое развлеченіе матросовъ, и каждый разъ послѣ такой встрѣчи это даетъ имъ матеріалъ для разговоровъ и горячихъ споровъ на цѣлую недѣлю.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ, ФЕРМЕРЫ И КРУПНЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЫ.

Почва и климатъ Англій.—Сельское хозяйство.—Какое значеніе придаютъ здѣсь овцамъ.—Крупный скотъ и скаковая лошадь.—Какъ устраиваютъ скотные дворы.—Обработка земли.—Упадокъ сельскаго хозяйства и его причины.—Землевладѣніе.—Богатство крупныхъ землевладѣльцевъ и ихъ значеніе.—Фермеры: ихъ жизнь и положеніе прежде и теперь.—Двѣятельность Гирдлестона и Юсифа Арча.—Выселеніе земледѣльческихъ рабочихъ.—Земледѣльческіе союзы прежде и теперь.—Положеніе рабочихъ въ недавнее время и теперь.—Ихъ заработокъ и жилища.—Сельская жизнь.—Различіе между англійскимъ городомъ и селомъ.

Хотя англійское земледѣліе до послѣдняго времени было въ самомъ блестящемъ положеніи, но почва Великобританіи чрезвычайно бѣдна. Огромныя пространства страны изборождены то каменистыми горами, то торфяными болотами. Во многихъ мѣстностяхъ воздѣлывать землю мѣшаютъ обширные пески, нанесенные океаномъ. Весь бассейнъ Темзы состоитъ изъ вязкой глины, которая, правда, даетъ отличный матеріалъ для построекъ столицы, но требуетъ чрезвычайныхъ усилій отъ земледѣльца. Мѣловой хребетъ тянется по всему южному берегу Великобританіи, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чистый мѣлъ показывается даже на поверхности земли.

Климатъ Великобританіи тоже не особенно привлекателенъ. Туманы и дожди ея вошли въ пословицу; чрезвычайная сырость неблагопріятна для пшеницы, о которой здѣсь особенно заботятся хозяева, такъ какъ въ Англій употребляютъ не ржаной, а пшеничный хлѣбъ.

Но англичане сумѣли преодолѣть всѣ эти препятствія, и до половины нынѣшняго столѣтія Англія считалась одною изъ наилучшихъ воздѣланныхъ европейскихъ странъ. Англійскимъ хозяевамъ уже давно удалось воспользоваться особенностями

своего климата: дождливое лѣто, продолжительная осень, умѣренная зима всегда поддерживаютъ зеленѣющую растительность, и англичане уже издавна стали оставлять подъ пастбищами громадныя пространства земли.

Главное богатство здѣшняго сельскаго хозяина — овцы, которыя чрезвычайно крупны: слѣдовательно, онѣ даютъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, мяса и шерсти. Разсчитливый и практичный англичанинъ замѣтилъ, что этотъ скотъ легче прокормить, чѣмъ всякій другой. Кормъ, который идетъ на овецъ, онѣ возвращаютъ сторицею, такъ какъ даютъ самый лучшій навозъ. Хорошо выкормленная овца приносить и больше шерсти, и больше мяса, которое считается у англичанъ лакомымъ кушаньемъ.

Прежде въ Англіи дорожили больше всего шерстью овецъ, и богатые землевладѣльцы старались выписывать себѣ мериносовъ изъ Испаніи, но они гибли отъ здѣшняго сырого климата. Тогда англичанинъ, по имени Беквель, развелъ въ своихъ помѣстьяхъ огромныя стада овецъ изъ породы, преимущественно свойственной англійскому климату. До него англійскія овцы годились къ бойнѣ не ранѣе четырехъ лѣтъ. Беквель сталъ доказывать что если-бы можно было сдѣлать овецъ годными къ бойнѣ къ концу второго года, то уже однимъ этимъ удвоился бы доходъ, приносимый овцеводствомъ. Съ настойчивостью и упорствомъ, которыми такъ отличаются англичане, онъ достигъ своей цѣли. Этимъ, съ виду ничтожнымъ, нововведеніемъ Беквель просто обогатилъ свою страну, да и самъ онъ получилъ отъ этого громадныя барыши.

Англія славится также рогатымъ скотомъ и лошадьми. Въ то время, какъ въ Европѣ, кромѣ молочныхъ продуктовъ, требуютъ отъ рогатаго скота и работы, въ Англіи думаютъ только о томъ, какъ бы извлечь изъ него побольше молока и мяса, для работы же они употребляютъ лошадей. Можетъ быть вслѣдствіе того, что англійскія коровы почти круглый годъ пасутся на тучныхъ, зеленѣющихъ пастбищахъ, онѣ отличаются необыкновеннымъ обиліемъ молока. Англичане чрезвычайно любятъ его и употребляютъ въ своей кухнѣ во всѣхъ видахъ.

Что касается лошадей, то англійскіе заводы не имѣютъ себѣ равныхъ. Самую громкою и заслуженною славою пользуется англійская скаковая лошадь. Въ Англіи каждый мало-мальски зажиточный человѣкъ стремится пріобрѣсти для себя верховую лошадь, поэтому въ этой странѣ чрезвычайно много великолѣпныхъ лошадей и конскихъ заводовъ, пользующихся громадною извѣстностью.

Огромные луга, густая, сочная, вѣчно свѣжая зелень — вотъ что вы видите всюду въ этой странѣ. Несмотря на громадныя луга, англичане мало заготовляютъ сѣна, такъ какъ кормятъ зимою скотъ турнэпсомъ (бѣлою рѣпою). Къ тому же здѣшній скотъ приходится только прикармливать, такъ какъ онъ почти круглый годъ питается свѣжею травою на пастбищахъ. Только въ немногихъ мѣстностяхъ Англіи, и то только въ самое послѣднее время, стали держать скотъ взаперти. Въ большей же части мѣстностей скотъ поѣдаетъ посѣянную траву и рѣпу на корнѣ.

Тѣ хозяева, которые находятъ болѣе выгоднымъ держать скотъ въ стойлахъ, устраиваютъ у себя такіе скотныя дворы, о какихъ мы не имѣемъ и понятія; ихъ дѣлаютъ здѣсь изъ досокъ, но чтобы воздухъ былъ всегда чистъ, доски не плотно сколачиваются. Такія помѣщенія для скота обвѣшиваются еще внутри соломенными цыновками, которыя, смотря по подобности, поднимаются или спускаются для защиты животныхъ отъ солнца и непогоды. Подъ ногами у нихъ полъ съ отверстіями, и черезъ нихъ навозъ проваливается. Тутъ же рядомъ стоятъ каменные корыта съ водой и кормомъ. Здѣшній хозяинъ прежде всего старается, чтобы всѣ помѣщенія

для скота были какъ можно болѣе чисты, свѣтлы, теплы зимою и прохладны лѣтомъ, чтобы коровы проводили жизнь свою въ полномъ спокойствіи и довольствѣ, такъ какъ англичане замѣтили, что при покоѣ и чистотѣ въ стойлахъ коровы больше даютъ молока. При входѣ въ скотный дворъ васъ поражаетъ отсутствіе какого бы то ни было зловонія. Навозъ сквозъ отверстія въ полу падаетъ прямо въ каналы и оттуда стекаетъ въ резервуаръ, гдѣ смѣшивается съ водой и съ разными удобряющими веществами. Отсюда эта жидкость течетъ по подземнымъ трубамъ, расходящимся по всѣмъ направленіямъ. Черезъ каждыя сто сажень отъ этихъ трубъ идутъ вертикально другія, доходящія до поверхности земли; верхнее отверстіе ихъ закрывается крышкою. Когда требуется удобрить какую-нибудь часть поля, крышка открывается, и къ трубкѣ привинчивается гуттаперчевая кишка. Насосъ, приводимый въ дѣйствіе паровою машиною, гонитъ жидкость по трубкѣ, а работникъ, направляя подвижную кишку, поливаетъ изъ нея кругомъ, какъ пожарною трубой. Одинъ взрослый работникъ, при помощи мальчика, можетъ такимъ образомъ въ одинъ день удобрить около двухъ десятинъ.

Поля и луга доведены у англичанъ до совершенства, такъ какъ никто въ мірѣ не умѣетъ лучше ихъ осушать луга отводными канавами, искусственно поливать ихъ, выбирать удобрение, подходящее къ землѣ, очищать ее отъ камней, размножать на ней питательныя растенія и истреблять дурныя. Наконецъ, нигдѣ такъ щедро не расточаютъ капитала на улучшеніе луговъ, какъ здѣсь, если только есть какая-нибудь надежда извлечь изъ нихъ выгоду.

На удобрение земли англичане смотрятъ, какъ на вѣрное средство улучшить хозяйство, и, несмотря на громадное количество удобренія, которое они получаютъ отъ своихъ многочисленныхъ стадъ, они находятъ, что этого еще не достаточно. Все, что только можетъ удобрить землю: кости, кровь, тряпье, отруби, всякіе остатки отъ различныхъ производствъ — гипсъ, известь и т. п., они тщательно собираютъ и все это примѣшиваютъ къ землѣ. Каждый хозяинъ считаетъ своей первой обязанностью попробовать то или другое неиспытанное еще вещество и сперва дѣлаетъ пробу гдѣ-нибудь на небольшомъ клочкѣ земли. Мало того, каждый совершенно отдается такому изслѣдованію и не броситъ наблюденія при первыхъ неудачахъ. Англійскіе корабли отправляются на край свѣта за удобреніемъ. Гуано (птичій пометъ), такъ прославившійся своею плодотворною силою, привозится сюда изъ-за далекихъ морей.

Такое же вниманіе обращаютъ здѣсь на обработку земли. Ее считаютъ нужнымъ взрыть, разрыхлить, уровнять, выполоть, осушить, чтобы вода въ ней не застаивалась, чтобы корни растеній свободно проникали бы въ землю. Для этихъ работъ изобрѣтено множество различныхъ машинъ. Сельскохозяйственные выставки, которыя бывають здѣсь отъ времени до времени, изумляютъ иностранца разнообразіемъ и практичностью машинъ и огромнымъ спросомъ на нихъ.

Но со второй половины нынѣшняго столѣтія въ Англіи замѣчается сильный упадокъ сельскаго хозяйства: огромныя пространства земли, обрабатываемыя прежде для посѣвовъ пшеницы, ячменя и другихъ хлѣбныхъ растеній, все чаще превращаются теперь въ пастбища. Мало того, въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны остались невоздѣланными огромныя пространства, которыя еще не такъ давно превосходно обрабатывались. Что же за причина такого упадка земледѣлія, упадка послѣ того, когда страна уже достигла самаго цвѣтущаго состоянія?

Упадокъ земледѣлія произошелъ вслѣдствіе очень многихъ причинъ. Сильно помогъ этому цѣлый рядъ неурожаевъ, съ небольшимъ перерывомъ продолжавшихся

съ 1875 по 1881 г., изъ которыхъ неурожай 1879 г. считается самымъ жестокимъ за все послѣднее столѣтіе. Въ то же самое время, вслѣдствіе стоявшей долго сырой погоды, свирѣпствовали всевозможныя болѣзни на скотъ, погубившія огромныя количества его. Еще болѣе пагубно повліяло на земледѣліе въ Англіи пониженіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Это послѣднее было вызвано увеличеніемъ количества желѣзныхъ дорогъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ еще не было, а также удешевленіемъ морского транспорта. Вслѣдствіе этого Англіи, при продажѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, пришлось конкурировать съ очень многими странами: съ Америкой, Австраліею, Индіею, которымъ доставка въ Европу своихъ сельскихъ произведеній обходилась теперь гораздо дешевле прежняго; онѣ переполнили ими всѣ рынки, и цѣна англійской пшеницы и другихъ хлѣбовъ сразу понизилась вдвое и даже втрое. Хотя въ Англіи пшеница произрастаетъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе паденія цѣны на нее, пришлось немедленно сильно уменьшить площадь ея посѣва. То же произошло и въ области молочнаго хозяйства. Вслѣдствіе конкуренціи Даніи и Австраліи, англійскіе фермеры теперь уже не могутъ заготовлять на продажу столько масла, сколько имъ приходилось еще недавно. Австралія сильно конкурируетъ съ англійскими фермерами и въ торговлѣ мясомъ. Но важнѣйшая причина упадка земледѣлія заключается въ томъ, что земля въ Англіи сосредоточивается въ рукахъ небольшого числа лицъ, преимущественно аристократіи, а народъ, или, точнѣе сказать, громадное большинство его, совсѣмъ не имѣетъ ни клочка земли *).

Хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи и существуютъ мелкіе собственники—крестьяне, сами воздѣлывающіе свои поля, но ихъ ничтожное количество. Такимъ образомъ вся поземельная собственность сосредоточена въ очень немногихъ рукахъ и принадлежитъ небольшому числу лицъ. Владѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ громадны, что по своему пространству равняются цѣлымъ французскимъ департаментамъ. Наиболѣе обширныя изъ нихъ находятся въ Шотландіи. Вы то и дѣло встрѣчаете въ этой странѣ безконечныя пустоши, специально предназначенныя для охоты за тетеревами, лѣса и кустарники для оленей и козулей. Замки лэндъ-лордовъ (аристократовъ-землевладѣльцевъ) расположены въ самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ. Эти замки—настоящіе царскіе дворцы, съ безчисленнымъ количествомъ помѣщеній, предназначенныхъ для гостей, съ богатѣйшими картинными и скульптурными галереями, съ обширными библіотеками. «Окрестные лѣса превращены въ парки; сотни оленей и сернь пасутся среди деревьевъ и утоляютъ жажду въ мраморныхъ бассейнахъ,—все здѣсь напоминаетъ сказочное великолѣпіе «Тысячи и одной ночи». Сосѣднія горы съ ихъ феодальными развалинами, рѣки и мосты, охота и рыбная ловля, все принадлежитъ лэндъ-лорду; подобно средневѣковому барону онъ могъ бы именовать себя владыкой горъ и равнинъ. Сдѣлайте на лодкѣ прогулку по Темзѣ между Лондономъ и Оксфордомъ... Вы будете очарованы видомъ этихъ густыхъ рощъ, этихъ зеленыхъ луговъ, которые гигантской каймою тянутся по обоимъ берегамъ рѣки, по повсюду вы увидите надписи, гласящія о запрещеніи сходить на берегъ. Въ Шотландіи, чтобы сѣсть по дорогѣ на пароходъ, дѣлающій рейсы вдоль береговъ Ло-

*) На 36 милліоновъ населенія Великобританіи (за исключеніемъ Лондона) приходится 1.173.794 землевладѣльцевъ. Но изъ нихъ у 852.402 челов. менѣе одного акра (акръ—нѣсколько менѣе $\frac{2}{3}$ нашей русской десятины); у остальныхъ нѣтъ и этого. Слѣдовательно почти вся англійская территорія принадлежитъ 321.392 собственникамъ. Самыми крупными изъ нихъ считаются 600 чел., большая часть которыхъ—лорды; въ сложности ихъ владѣнія составляютъ $\frac{1}{2}$ часть всей поверхности Великобританіи.

мондскаго озера, нужно купить себѣ на это право у мѣстнаго владѣльца; чтобы подняться на гору, тоже надо заплатить. Всюду почти красоты природы составляют личное достояніе крупныхъ землевладѣльцевъ».

Трудно себѣ представить, какъ могущественны и богаты нѣкоторые изъ этихъ аристократовъ, какіе изумительные доходы получаютъ они! Имъ не только принадлежатъ въ деревняхъ громадныя пространства земли, но они владѣютъ и въ городахъ обширными участками; часто даже цѣлые города построены на землѣ того или другого аристократа. Аристократъ-землевладѣлецъ, лэндъ-лордъ, какъ ихъ здѣсь называютъ, отдаетъ подъ городскія постройки свою землю частнымъ лицамъ, правительственнымъ учрежденіямъ или обществамъ. Понятно, что онъ ежегодно получаетъ за аренду такой земли миллионные доходы. Мало того, по истеченіи аренднаго договора всѣ постройки, возведенныя на его городской землѣ, обращаются въ его собственность, хотя онъ не затратилъ на нихъ ни гроша. Есть лэндъ-лорды, которые получаютъ баснословно громадныя суммы отъ горнопромышленниковъ за то, что дозволяютъ имъ производить горный промыселъ на своихъ земляхъ.

Вотъ почему въ Англіи такъ богаты, такъ могущественны, живутъ съ такимъ царскимъ великолѣпіемъ и блескомъ высшіе классы и почему такъ необеспечены низшіе классы,—народъ, громадное большинство котораго не имѣетъ собственнаго клочка земли. Самые большіе капиталы, самыя громадныя помѣстья—все сосредоточено въ рукахъ небольшого числа людей. Громадная поземельная собственность не дробится здѣсь по частямъ и чрезвычайно рѣдко продается,—обыкновенно вся она цѣликомъ переходитъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, оставаясь такимъ образомъ въ одной и той же семьѣ.

Аристократы-землевладѣльцы, хотя и живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, но отдають свои земли въ наемъ фермеру, иногда одному, а еще чаще нѣсколькимъ. Фермеры хозяйничаютъ, а для обработки земли, которую они берутъ въ аренду, нанимають рабочихъ. Встрѣчаются, конечно, въ помѣстьяхъ лордовъ отдѣльные участки, обрабатываемые подъ ихъ личнымъ присмотромъ, но это бываетъ очень рѣдко; точно также мало здѣсь и мелкихъ владѣльцевъ,—да и трудно существовать здѣсь челоѣку, имѣющему небольшой клочокъ земли. Кругомъ хорошо устроенныя хозяйства заставляютъ и мелкаго владѣльца дѣлать огромныя затраты на хозяйственное обзаведеніе и различныя усовершенствованія: на искусственное осушеніе, на машины, на удобреніе,—иначе хозяйство его совсѣмъ не можетъ пойти. Все это требуетъ большого капитала, а его-то обыкновенно и нѣтъ у мелкаго землевладѣльца.

До самаго послѣдняго времени фермеры имѣли здѣсь большое значеніе: они, какъ и землевладѣльцы, живутъ въ деревняхъ, на арендуемой землѣ. Они берутъ землю въ аренду на одинъ, два и три года, иногда даже и на срокъ довольно продолжительный, смотря по мѣстности. Но это не значитъ, что фермеръ, по истеченіи срока, бросаетъ свою землю. Напротивъ, до самаго послѣдняго времени большинство фермеровъ по многу лѣтъ арендовало одну и ту же землю, и очень часто даже сынъ фермера послѣ отца замѣнялъ его, но съ условіемъ, чтобы онъ, то-есть фермеръ, по истеченіи извѣстнаго срока, каждый разъ возобновлялъ свой контрактъ.

Еще недавно фермеры жили весьма порядочно, а очень многіе изъ нихъ и съ большими удобствами, что видно уже изъ того, что они удостоились называться джентльменами (а это въ Англіи не шутка), хотя, правда, съ прибавкою слова «фермеръ». Они живутъ смотря по тому, какъ велика арендуемая ими земля. Вотъ фермеръ, арендующій нѣсколько болѣе ста акровъ (акръ—нѣсколько менѣ $\frac{2}{5}$ нашей десятины). Чистота въ домѣ такого фермера—замѣчательная. Стѣны всѣхъ

постройка бѣлится каждый годъ; домъ—прекрасное, удобное для житья зданіе; у всѣхъ столиковъ разостланы небольшіе коврики, отъ дверей до дверей клеенки или половики. Домъ старинный; на дворѣ великолѣпныя сосны; хорошенькій зеленый садъ окаймляетъ одинъ изъ флигелей. Въ большой залѣ удобная, старинная мебель.

Теперь отправимся на ферму въ 400—500 акровъ, за которую землевладѣльцу платятъ отъ 600 до 700 фунтовъ стерлинговъ *). Жена такого фермера, образованная женщина, вводитъ васъ въ большую, роскошную гостиную. Вы поражены обстановкой: громадныя зеркала, превосходная мебель, столъ съ книгами въ богатыхъ переплетахъ. Хозяйка дома много читаетъ, имѣетъ лично для себя дорогую верховую лошадь.

Но за послѣднія двадцать-двадцать пять лѣтъ положеніе фермеровъ сильно ухудшилось: многіе изъ нихъ разорились, другіе побросали свои хозяйства и возвратили ихъ собственникамъ, несмотря даже на то, что арендная плата чрезвычайно понизилась. Многія фермы остаются на рукахъ землевладѣльцевъ, а тѣ, въ свою очередь, не имѣя возможности ни сдать свою землю въ аренду, ни самимъ хозяйничать, часто бросаютъ ее на произволъ судьбы, и она остается невоздѣланною. Количество такихъ невоздѣланныхъ земельныхъ участковъ съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивается въ Англіи, и уже одно это заставляетъ земледѣльческихъ рабочихъ массами эмигрировать. Обширныя пространства англійской почвы изъяты теперь изъ-подъ обработки, и, такимъ образомъ, хлѣбныя поля съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе замѣняются пастбищами, далеко не нуждающимися въ такомъ количествѣ земледѣльцевъ, какъ пашни, а во-вторыхъ, хотя плата земледѣльческимъ рабочимъ теперь нѣсколько и возвысилась, но все же она еще весьма недостаточна. Между тѣмъ фермеры, въ большинствѣ случаевъ, тоже не могутъ болѣе увеличивать платы рабочимъ, что они доказываютъ тѣмъ, что бросаютъ на руки землевладѣльцевъ свои фермы и ищутъ приложенія своего капитала въ другихъ странахъ. Несмотря на то, что теперь лэндъ-лорды понизили арендную плату на 25—50%, она все еще оказывается слишкомъ высокой для фермеровъ, и множество фермъ, часто съ рентою, пониженною вдвое противъ прежняго, пустуютъ, не находя арендаторовъ. Но тутъ самъ собою возникаетъ вопросъ, почему же прежде, при болѣе высокой арендной платѣ, фермы не пустовали. До сельскохозяйственнаго кризиса земледѣліе въ Англіи стояло на высокой степени совершенства и приносило фермерамъ огромные барыши. И это совершенно естественно: фермерамъ прежде недорого обходился трудъ земледѣльческихъ рабочихъ,—большую часть платы они выплачивали имъ съѣстными припасами, что имъ самимъ стоило сущій вздоръ; притомъ они легко могли сбывать свои сельскія произведенія. Теперь все измѣнилось: вознагражденіе за трудъ возвысилось, и платить рабочему приходится не натурою, а деньгами. При всемъ томъ сильно упали цѣны на сельскіе продукты, да ихъ и не тотчасъ сбудешь съ рукъ, такъ какъ англійскимъ фермерамъ приходится теперь конкурировать съ продуктами многихъ странъ: съ зерновымъ хлѣбомъ Индіи и Америки, съ мясомъ изъ Америки и Австраліи, съ шерстью Капской земли. Новая Зеландія очень хорошо изготовляетъ сыръ «честеръ» и продаетъ его въ Англіи за половинную цѣну. Ко всему этому и потребности фермеровъ сдѣлались теперь несравненно болѣе широкими, чѣмъ прежде. Прежніе фермеры не только сами хозяйничали на своихъ фермахъ, но и сами обрабатывали землю. Даже въ томъ случаѣ, когда они расширяли свое хозяйство, т.-е. когда они брали въ аренду большее коли-

*) 1 фунтъ стерлингъ долженъ былъ бы равняться 6 руб. 30 к., но по нынѣшнему курсу—9 руб. 40 к.

чество земли и имъ уже приходилось нанимать рабочихъ, они съ своими сыновьями и дочерьми не переставали работать въ полѣ, наряду съ своими батраками. Съ теченіемъ времени фермеры стали давать дѣтямъ воспитаніе: дочерей отправляли въ дорогое тоушіе пансіоны, учили ихъ музыкѣ и языкамъ, а сыновьямъ предоставляли университетское образованіе. Въмѣстѣ съ этимъ фермеры, естественно, должны были перемѣнить и свой простой образъ жизни на болѣе роскошный, сами постепенно переставали работать въ полѣ и, въ концѣ концовъ, стали только распоряжаться хозяйствомъ.

Обрабатывать землю фермеры нанимаютъ земледѣльческихъ рабочихъ, представляющихъ въ деревняхъ самую большую группу населенія. Ихъ жилища образуютъ обыкновенно деревню съ церковью по срединѣ, или небольшіе поселки вокругъ каждой фермы. Какъ земля, на которой стоятъ жилища земледѣльцевъ, такъ и самые дома, въ которыхъ они живутъ, принадлежатъ владѣльцу помѣстья. Богатый помѣщикъ (чаще всего имъ является лордъ) или самъ лично, или черезъ посредство своего фермера подчиняетъ всѣхъ деревенскихъ обитателей своей власти, которая даетъ себя чувствовать не меньше, чѣмъ прежде власть феодальнаго владыки. Несмотря на широкую свободу, которою пользуются англичане, земледѣльческіе рабочіе находятся въ полной рабской зависимости какъ отъ власти землевладѣльца, на землѣ котораго они живутъ, такъ и отъ власти фермера, арендуемую землю котораго они обрабатываютъ. Рабская зависимость земледѣльческихъ рабочихъ отъ этихъ двухъ властей прекрасно обрисована въ отчетѣ одного изъ земледѣльческихъ союзовъ и можетъ служить характеристикой громаднаго большинства отношеній между земледѣльческими рабочими и ихъ фермеромъ и владѣльцемъ. «Деревня и приходъ Сентъ-Бернаръ (въ восточн. Вильтширѣ) принадлежитъ Джоржу Роберту Чарльзу Герберту, графу Пемброкъ и Монгомери. Графъ — единственный землевладѣлецъ, глава надъ всѣми живущими въ названной деревнѣ. Всю территорію прихода, состоящую изъ 2,000 акровъ (изъ нихъ 40 акровъ торфяника), вмѣстѣ со всѣми домами, высокоуродный владѣлецъ отдаетъ въ наемъ двумъ фермерамъ. Эти два фермера, кромѣ наблюденія за обработкой почвы и за сдачей внаймы домовъ, облечены полномочіями церковныхъ старостъ, надзирателей за примѣненіемъ закона о бѣдныхъ и школьныхъ попечителей. Одному изъ нихъ поручено вести податные списки. Слѣдовательно, каждый, желающій имѣть занятія въ этомъ приходѣ, можетъ получить работу лишь на землѣ графа у одного изъ его фермеровъ. Графскій фермеръ водворитъ его въ одной изъ хижинъ владѣльца и начнетъ немедленно вычитать плату за помѣщеніе изъ недѣльнаго заработка рабочаго. Съ этой минуты рабочій долженъ будетъ посылать дѣтей своихъ въ школу, состоящую подъ вѣдѣніемъ фермеровъ графа; самъ онъ по воскресеньямъ обязанъ посѣщать церковь, и подъ наблюденіемъ двухъ церковныхъ старостъ (слѣдовательно, опять-таки графскихъ фермеровъ) будетъ слушать проповѣди священника, содержамаго приходомъ (т.-е. графомъ Пемброкомъ). Подъ старость, когда рабочій будетъ уже не въ силахъ работать, или по какой-нибудь несчастной случайности впадетъ въ крайнюю нищету, ему придется прибѣгнуть къ тѣмъ же вѣчнымъ двумъ фермерамъ для полученія пособия, по установленной для бѣдныхъ таксѣ. Если же земледѣлецъ будетъ недоволенъ своею участью, то въ этомъ приходѣ не найдется ни одного дома, гдѣ бы онъ могъ сойтись и побѣсѣдовать съ своими товарищами, если онъ только не заручился заранее разрѣшеніемъ на это отъ тѣхъ же фермеровъ графа Пемброка». Даже если бы это была рабовладѣльческая колонія, то и въ такомъ случаѣ было бы трудно, говоритъ авторъ этого отчета, поставить ея обитателей въ болѣе безвыходное рабство.

Обычай отдавать въ наемъ хижину своему рабочему ставить этого послѣдняго въ несравненно большую зависимость отъ фермера и владѣльца, чѣмъ фабричнаго рабочаго отъ его хозяина и фабриканта. Если земледѣльческій рабочій принадлежитъ къ какой-нибудь сектѣ, фермеръ заставляетъ его ходить въ церковь англиканскаго вѣроисповѣданія, запрещаетъ ему ходить на митинги и слушать ораторовъ, строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы онъ не принадлежалъ къ какому бы то ни было земледѣльческому союзу,—однимъ словомъ, всевозможными способами стѣсняетъ его свободу совѣсти и вмѣшивается во всю его жизнь. Если рабочій въ чемъ-нибудь ослушается фермера, тотъ обыкновенно выгоняетъ его съ своей фермы. Въ такомъ случаѣ рабочій можетъ взять съ собою свою домашнюю утварь, свои рабочіе инструменты и свою одежду. Что же касается денегъ и труда, вложенныхъ въ обработку той полоски земли, которую онъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выговариваетъ себѣ при наймѣ, или денегъ и труда, вложенныхъ на ремонтъ постройки—все это пропадаетъ у него даромъ, и онъ со всею семьею выходитъ на улицу, не зная, гдѣ ему придется переночевать. Нельзя сказать, чтобы формеры или лэндъ-лорды часто пользовались своимъ правомъ выгонять рабочихъ съ своихъ формъ. Теперь такая масса земледѣльческихъ рабочихъ переселяется въ фабричные города и за границу, что въ иной деревнѣ зачастую остаются только дѣти и старики, и если тотъ или другой хозяинъ прослышетъ человѣкомъ придирчивымъ и жестокосердымъ, онъ иной разъ въ горячую рабочую пору не тотчасъ найдетъ для себя рабочихъ, но все-таки такія изгнанія рабочихъ случаются здѣсь и теперь.

Матеріальное положеніе многихъ земледѣльческихъ рабочихъ плохо и въ настоящее время, но 25—30 л. тому назадъ оно было несравненно хуже. Въ 1872 г. они получали 7—8 шиллинговъ въ недѣлю, и это вознагражденіе выдавали обыкновенно не деньгами, а натурой, зерномъ и небольшимъ количествомъ плохой муки, которую фермеръ не могъ продать на рынкѣ. Эти 7—8 шиллинговъ въ недѣлю, при страшнѣйшей дороговизнѣ жизни въ Англіи, рабочій получалъ за 14—16 час. работы въ сутки. Топливо рабочему давали только въ такихъ случаяхъ, когда фермеру необходимо было уничтожить живой плетень. Пища рабочаго была просто ужасна: за утреннимъ завтракомъ онъ ѣлъ похлебку, которая состояла лишь изъ кипяченой воды, хлѣбныхъ сухарей, лука и соли; забѣлить молокомъ дозволялось лишь въ большіе праздники, такъ какъ излишнее молоко фермеръ отдавалъ обыкновенно своимъ свиньямъ. Обѣдъ состоялъ изъ куска хлѣба и сыра, приготовляемаго изъ снятого молока; за ужиномъ рабочему подавали картофель и капусту. Въ 45 лѣтъ крестьянинъ уже имѣлъ видъ дряхлаго старика, что происходило отъ тяжелой, продолжительной работы, совершенно непитательной пищи, отвратительнаго жилища, недостаточной или постоянно мокрой одежды.

Пораженный безотраднѣйшимъ положеніемъ земледѣльческихъ рабочихъ, священникъ Гирдльстонъ еще въ 1863 г. сталъ думать о томъ, какъ бы облегчить ихъ тяжелую участь. Прежде всего, съ церковной кафедры, онъ обратился къ фермерамъ съ рѣчью и увѣщевалъ ихъ измѣнить обращеніе съ рабочими, о которыхъ они гораздо менѣе заботятся, чѣмъ о своемъ скотѣ.

Эта проповѣдь возбудила ужасную бурю въ приходѣ. Фермеры пришли въ страшное негодованіе отъ такого поведенія священника своего прихода и съ этой минуты стали вести противъ него самую ожесточенную войну: помѣщали въ газетахъ оскорбительныя для него письма, распускали про него всевозможныя клеветы. Несмотря на все это, этотъ мужественный человѣкъ продолжалъ свое дѣло: онъ напечаталъ письмо въ газетѣ «Times», въ которомъ описывалъ тяжкое положеніе

земледѣльческихъ рабочихъ въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ, т.-е. въ Девонѣ (Девонъ—одно изъ самыхъ большихъ графствъ на югѣ Англіи, къ востоку отъ Корнваллиса). Въ яркихъ краскахъ онъ изобразилъ жалкій заработокъ землепашцевъ и ихъ нищенскую обстановку, которая ведетъ къ преждевременной старости и болѣзненности. Дѣйствіе, произведенное этимъ письмомъ, было замѣчательно: Гирдльстона забросали письмами изъ всѣхъ частей Великобританіи. Многіе фермеры прислали деньги Гирдльстону, прося его препроводить рабочихъ къ себѣ, на сѣверъ, и предлагая не только уплатить путевыя издержки, но и дать рабочимъ болѣе высокую плату и удобное помѣщеніе. Получивъ средства, Гирдльстонъ началъ выселять девонскихъ рабочихъ въ мѣста съ лучшимъ вознагражденіемъ и помѣщеніемъ. Устроить такое выселеніе было чрезвычайно трудно: рабочіе совершенно свыклись съ своимъ несчастнымъ положеніемъ и по недостатку энергіи и предпріимчивости страшно боялись какой бы то ни было переменъ.

Въ теченіе шести лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Гирдльстонъ неустанно трудился въ пользу рабочихъ, онъ былъ подвергнутъ полному ostracismu и отлученію со стороны мѣстнаго общества. Вражда эта вскорѣ приняла практическую форму. Приходъ Гирдльстона, въ которомъ было множество фермеровъ, отказалъ вотировать требуемые налоги въ пользу церкви. На различныхъ собраніяхъ прихожанъ фермеры старались не слушать рѣчей священника и заглушали его голосъ. Онъ выжидалъ, покауда всѣ успокоятся, и съ словами: «теперь, джентльмены, послѣ того, какъ вы меня обругали, мы приступимъ къ дѣлу», онъ, наконецъ, начиналъ говорить. На него взвели какую-то клевету и начали судебное преслѣдованіе, но судъ постановилъ приговоръ противъ преслѣдователей, которымъ и пришлось уплатить судебныя издержки. Тогда фермеры попробовали произвести безпорядокъ въ церкви, стремились остановить игру органа, звонъ колоколовъ, пѣніе хора и устроить такъ, чтобы школа была пуста. Для восстановленія нарушеннаго порядка была призвана полиція, и это обстоятельство послужило предметомъ жалобы на священника, но она была отвергнута. Многіе фермеры перестали даже ходить въ церковь, гдѣ служилъ Гирдльстонъ. Вражда и месть разгнѣванныхъ фермеровъ и землевладѣльцевъ простиралась даже на женщинъ семейства Гирдльстона, которымъ оказывали при всякомъ случаѣ полное презрѣніе и ненависть, такъ что заставили ихъ ходить по тропинкамъ, гдѣ онѣ могли встрѣчаться лишь съ простонародьемъ. И всея эта ожесточенная ненависть возникла лишь оттого, что священникъ выказывалъ истинное сочувствіе и покровительство умирающему съ голоду рабочему люду, которымъ онъ былъ окруженъ. Несмотря, однако, на всевозможныя препятствія, Гирдльстонъ въ 1866 г. началъ переселять рабочихъ въ мѣстности, гдѣ они, вмѣсто 7, могли получить 10 и 11 шиллинговъ. Устроившись на новыхъ мѣстахъ, земледѣльцы извѣщали объ этомъ своихъ друзей и родственниковъ въ Девонѣ, находили имъ мѣста, даже иногда высылали деньги на дорогу. Такимъ образомъ, общее число крестьянъ, удалившихся изъ Девоншира на сѣверъ Англіи, было весьма значительно. Мало того, сосѣднія графства и мѣстности скоро послѣдовали примѣру девонширцевъ и стали переселяться въ горныя и мануфактурныя округа Англіи. Такимъ образомъ священникъ Гирдльстонъ былъ первымъ піонеромъ движенія среди сельскихъ рабочихъ Англіи. Онъ первый возвысилъ свой голосъ въ защиту рабочихъ, первый обратилъ серьезное вниманіе на ихъ безвыходное положеніе, но, что еще важнѣе, онъ нарушилъ среди нихъ застой, неподвижность, апатію и приниженность, заставилъ ихъ серьезно думать о своемъ положеніи, придумывать средства для его улучшенія, вести переписку и сношенія со своими друзьями и родственниками, переселяющимися въ

другія мѣстности страны. Только съ этихъ поръ крестьяне стали интересоваться условіями жизни другихъ рабочихъ и думать объ измѣненіи своего положенія, но самая важная заслуга Гирдльстона въ томъ, что онъ, вызвавъ болѣе усиленное передвиженіе рабочихъ въ мѣстности съ болѣе возвышенной платой, заставилъ фермеровъ почти повсюду возвысить плату рабочимъ. Черезъ шесть съ половиною лѣтъ борьбы священникъ Гирдльстонъ прекратилъ свою дѣятельность, — его замѣстилъ рабочій Іосифъ Арчъ, который повелъ дальше начатое имъ дѣло.

Арчъ воспользовался движеніемъ среди рабочихъ, вызваннымъ Гирдльстономъ, и на первомъ же митингѣ, который онъ устроилъ, онъ доказывалъ рабочимъ, что они должны требовать отъ своихъ хозяевъ большей заработной платы и что имъ необходимо сплотиться между собою въ «союзъ сельскихъ рабочихъ». Рабочіе письменно потребовали увеличенія платы отъ своихъ хозяевъ, но послѣдніе оставили ихъ письма безъ отвѣта. Тогда образовалась стачка рабочихъ. Нѣкоторые фермеры уступили требованіямъ, другіе, напротивъ, угрожали выгнать рабочихъ изъ коттѣджей и, дѣйствительно, приводили въ исполненіе свою угрозу. Рабочее движеніе тогда охватило $\frac{3}{4}$ страны, и Арчъ разослалъ повсюду письма, въ которыхъ предлагалъ образовать «національный союзъ земледѣльческихъ рабочихъ», который и былъ основанъ въ 1872 г. Члены этого союза должны вносить одновременно 6 пенсовъ и еженедѣльно 2 пенса. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія этого союза насчитывали уже болѣе тысячи всѣхъ отдѣленій его, а членовъ сто тысячъ, и «союзъ» предпринялъ изданіе еженедѣльной газеты. Послѣ образованія этого союза стачки стали устраиваться все чаще: нерѣдко одно появленіе стачки у сосѣдей вело уже къ возвышенію платы. Однако, стачки далеко не всегда вели къ повышенію заработной платы, и «союзъ» нашелъ нужнымъ принять и другія мѣры. Прежде всего онъ содѣйствовалъ переселенію земледѣльческихъ рабочихъ въ сѣверныя графства, гдѣ находятся мануфактурные и горные округа и гдѣ плата рабочимъ нѣсколько выше. Но и это средство онъ скоро нашелъ недостаточнымъ и принялся за выселеніе рабочихъ за границу. Чтобы основательнѣе устроить дѣло переселенія рабочихъ въ другія страны, Іосифъ Арчъ самъ предпринялъ специальную поѣздку въ Америку для изученія мѣстныхъ условій. Съ тѣхъ поръ земледѣльскій людъ сталъ массами покидать деревню: онъ до сихъ поръ переселяется не только въ мануфактурные и горные округа, но и въ Америку и вообще за границу; выселившихся за послѣднее 20-ти-лѣтіе насчитываютъ около 1 милліона. Можно себѣ представить, какъ губительно должно повліять на земледѣліе и сельское хозяйство выселеніе земледѣльцевъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ. При этомъ среди англичанъ и шотландцевъ гораздо большее число эмигрирующихъ вмѣстѣ съ дѣтьми, нежели среди ирландцевъ, такъ что Англію покидаютъ не только рабочіе, которые ей необходимо въ данную минуту, но и будущее поколѣніе земледѣльцевъ, что, конечно, должно вести за собой весьма существенныя перемѣны въ социальномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Какъ къ Гирдльстону, такъ и къ Арчу фермеры и лэндъ-лорды отнеслись недружесливо, а рабочихъ, принадлежащихъ къ «союзу», они выгоняли съ своихъ фермъ и лишали заработка. Но, можетъ быть, потому, что въ началѣ не всѣ фермеры и землевладѣльцы выказывали такую непримиримую вражду къ «союзамъ», они, въ первые годы своего возникновенія, распространялись довольно быстро, хотя и не въ такой степени быстро, какъ этого желали вожаки земледѣльческаго населенія. Замѣтивъ, что болѣе успѣшному распространенію «союзовъ» въ деревняхъ мѣшаетъ недостатокъ помѣщенія, въ которомъ бы рабочіе могли собираться и тол-

ковать о своих дѣлахъ, было рѣшено пустить въ ходъ «красныя фуры». Въ городахъ на этихъ красныхъ фурахъ перевозятъ кладь. Члены сельскихъ союзовъ стали развозить въ нихъ по деревнямъ брошюры, различные циркуляры, а также газеты, издаваемые рабочими союзами. Весь этотъ печатный матеріалъ разбрасывали среди сельскаго люда, верхъ же этихъ фуръ сталъ служить каюдрою для ораторовъ сельскихъ союзовъ.

Вѣдетъ красная фура въ какую-нибудь деревню, остановится на главной площади и вывѣситъ свои флаги. Когда кто-нибудь изъ престопагодія проходитъ мимо, ему выбрасываютъ книжки и газеты, гдѣ описывается, какое значеніе для земледѣльцевъ имѣютъ рабочіе союзы, которые даютъ имъ возможность соединяться вмѣстѣ, обсуждать сообща свое положеніе, требовать тамъ, гдѣ возможно, повышенія рабочей платы, выдавать вспомошествованіе товарищамъ, потерявшимъ работу.

Вечеромъ, по окончаніи работъ, деревенскій людъ толпой валитъ на площадь послушать ораторовъ «красныхъ фуръ». По окончаніи рѣчи изъ толпы обыкновенно выдвигается десятокъ-другой земледѣльцевъ и просятъ ораторовъ записать ихъ въ члены союза. Тутъ же эти новые члены выбираютъ между собой казначея и секретаря, и такимъ образомъ готова новая вѣтвь союза сельскихъ рабочихъ.

Можно себѣ представить, съ какою ненавистью смотрятъ крупныя землевладельцы и фермеры на эти «красныя фуры», которыя въ деревняхъ постоянно мозолятъ имъ глаза, напоминая, что сельскій людъ теперь уже не такъ беззащитенъ противъ ихъ алчности, что, сплотившись между собой, онъ не дастъ себя въ обиду, какъ прежде. Вслѣдствіе этого землевладельцы и фермеры постоянно стараются враждебно настраивать, даже подкупать своихъ рабочихъ, чтобы они дѣйствовали противъ своихъ же защитниковъ, и это нерѣдко вполне удается. Бываютъ случаи, что эти фуры опрокидываютъ въ воду, избиваютъ ораторовъ камнями, нападаютъ на нихъ по ночамъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ полиція, повиная приказанію лэндъ-лорда, прямо запрещаетъ красной фурѣ останавливаться въ деревнѣ, а иногда и сами сельчане, опасаясь не только лишиться работы, но и быть изгнанными изъ своихъ жилищъ, построенныхъ на землѣ лэндъ-лорда, выпроваживаютъ изъ деревни вербовщиковъ союза.

Успѣхъ «Національнаго земледѣльческаго рабочаго союза», весьма значительный въ началѣ его возникновенія, началъ быстро падать черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1875 г. въ союзѣ было 100.000 чел., а въ 1896 г. ихъ насчитывали лишь сорокъ тысячъ на общее число 750.000 земледѣльческихъ рабочихъ. Такая неудача объясняется очень многими причинами. Все большая ненависть фермеровъ, лэндъ-лордовъ и крупныхъ собственниковъ къ этимъ союзамъ и всевозможныя стѣсненія относительно рабочихъ, принадлежащихъ къ нимъ, сдѣлали свое дѣло. Когда возникъ «союзъ», фермеры и лэндъ-лорды были на первыхъ порахъ такъ ошеломлены требованіями своихъ рабочихъ, что отъ времени до времени уступали имъ, но постепенно большая часть ихъ начала придерживаться правила лишать заработка каждаго рабочаго, который принадлежитъ союзу, а нерѣдко даже и за то, что онъ слушаетъ ораторовъ «красныхъ фуръ». Лишившись работы у одного фермера, земледѣлецъ идетъ напиматься къ другому; о немъ немедленно наводятъ справки и, какъ только дѣлается извѣстнымъ, что онъ выгнанъ за принадлежность къ союзу, ему и здѣсь обыкновенно не даютъ мѣста.

Не менѣе повліяла на упадокъ союза и рознь, существующая здѣсь между земледѣльческимъ рабочимъ и его хозяиномъ. Во многихъ странахъ, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ земля принадлежитъ огромному классу народа, гдѣ существуютъ

не только крупные землевладельцы, но много и средних собственников, тамъ хозяинамъ очень часто является крестьянинъ, у котораго земельный надѣлъ настолько великъ, что онъ не можетъ его обрабатывать собственными силами и нанимаетъ для этого одного или нѣсколькихъ рабочихъ. Такой хозяинъ работаетъ вмѣстѣ съ своими рабочими, отдыхаетъ въ одно и то же время съ ними, ѣстъ за общимъ столомъ, спитъ подъ одной и той же кровлей. Въ Англіи совсѣмъ другое: фермеры, а тѣмъ болѣе лэндъ-лорды живутъ въ богатыхъ домахъ и въ роскошныхъ замкахъ и не имѣютъ ничего общаго съ своими земледѣльческими рабочими. Фермеръ въ этой странѣ долженъ быть капиталистомъ: для того, чтобы арендовать приблизительно одинъ акръ земли, необходимо имѣть отъ 40 до 60 рублей, а между тѣмъ ферма въ 100 акровъ считается здѣсь еще незначительною, а въ 200 и болѣе — фермою средней величины. Кромѣ уплаты огромной суммы за аренду земли, каждый фермеръ долженъ много затратить денегъ на устройство и поддержку хлѣвовъ, на закуску лошадей, домашнего скота, множества овецъ и барановъ. Присоедините къ этому значительное число машинъ, сѣнокосилокъ, плуговъ, зерносушилокъ, молотилокъ, вѣялокъ, рѣзалоковъ и проч., и проч., безъ чего не можетъ обойтись здѣсь ни одно хозяйство, и вы увидите, что только на первоначальное обзаведеніе даже небольшой фермы требуется значительный капиталъ въ 10.000 р. и болѣе. Кромѣ того необходимъ и оборотный капиталъ: на уплату вознагражденія рабочимъ, на уплату за аренду фермы, на уплату половины налоговъ, такъ какъ другую половину выплачиваетъ собственникъ земли. Такимъ образомъ фермеръ отличается отъ своихъ рабочихъ не только своими понятіями, привычками и образомъ жизни, но онъ прежде всего капиталистъ, а у рабочихъ обыкновенно нѣтъ ничего, ни клочка земли, ни хаты, никакой собственности. Англійскій фермеръ, въ большинствѣ случаевъ, человѣкъ образованный: имѣетъ прекрасно устроенную бібліотеку, покупаетъ много книгъ, выписываетъ газеты и журналы; цѣлыя поколѣнія земледѣльческихъ рабочихъ, издавна задавленные нуждой и лишеніями, и въ настоящее время являются наименѣе умственно развитыми среди всего англійскаго простонародія. Ихъ матеріальное и нравственное положеніе и въ настоящее время несравненно хуже положенія промышленныхъ рабочихъ: послѣдніе получаютъ въ среднемъ заработокъ гораздо большаго размѣра, болѣе независимы, самостоятельны и даже болѣе ихъ обеспечены, такъ какъ имѣютъ возможность устраивать множество союзовъ, которые своимъ членамъ выдаютъ пособія во время болѣзни, дряхлости, старости и безработицы. Земледѣльческіе рабочіе несравненно больше промышленныхъ рабочихъ зависятъ отъ своихъ хозяевъ, подавлены и угнетены ими, и по своему положенію не могутъ не только объединяться между собою, но хозяева вынуждаютъ ихъ часто даже нападать на своихъ собственныхъ защитниковъ. Они менѣе фабричныхъ имѣютъ времени для чтенія, менѣе ихъ могутъ посѣщать лекціи и всевозможныя учрежденія, устроенныя для образованія народа.

Чѣмъ больше ферма, а слѣдовательно, чѣмъ выше арендная плата, тѣмъ скорѣе фермеръ принимаетъ характеръ предпринимателя, тѣмъ больше разстояніе между нимъ и его рабочими, тѣмъ менѣе первый понимаетъ и желаетъ понимать интересы своихъ рабочихъ. Также мало интересуется земледѣлецъ землею, которую онъ обрабатываетъ, — это не крестьянинъ, а рабочій, поденщикъ, работающій лишь за жалованье. Слишкомъ ничтожные взносы членовъ были одною изъ главныхъ причинъ неудачи союза. Бѣдность земледѣльцевъ и ихъ, сравнительно съ фабричными, ничтожное вознагражденіе за трудъ не давали имъ возможности дѣлать значительные членскіе взносы, а это помѣшало устройству солиднаго фонда, который обеспе-

чивалъ бы членовъ-земледѣльцевъ на время ихъ болѣзни, при несчастныхъ случаяхъ и въ періоды безработицы.

Упадокъ земледѣльческихъ союзовъ отчасти произошелъ также и оттого, что вождями ихъ, руководителями и ораторами, вербовавшими новыхъ членовъ, являлись люди, чуждые земледѣльской средѣ. Нужно замѣтить, что въ другихъ союзахъ, напр. въ союзахъ промышленныхъ рабочихъ, ораторами, руководителями и распорядителями являются обыкновенно рабочіе каждаго даннаго промысла, и это въ сильной степени содѣйствуетъ успѣху. Между тѣмъ вездѣ, гдѣ устраивался земледѣльскій союзъ, во главѣ его стоялъ человѣкъ, чуждый земледѣлію по своей профессіи: въ одномъ изъ нихъ наиболѣе дѣятельная роль принадлежала переплетчику, въ другомъ—столяру, въ третьемъ—человѣку средняго класса. Правда, всѣ эти люди бросали свои занятія и всѣмъ сердцемъ отдавались устройству союзовъ, но, будучи людьми иной среды, они дѣйствовали менѣе успѣшно. Единственный человѣкъ, который вышелъ изъ среды земледѣльскихъ рабочихъ и сталъ во главѣ союза, это Іосифъ Арчъ, о которомъ сказано было выше. Представители земледѣльскихъ рабочихъ, люди наиболѣе преданные ихъ интересамъ, такъ отзываются о земледѣльцахъ: «наши рабочіе медленно все понимаютъ, они неподвижны и противятся всякой новой идеѣ». «Всѣ усилія агитаторовъ», говоритъ одинъ писатель, серьезно изучившій положеніе земледѣльскихъ союзовъ въ Англіи, «направлены къ тому, чтобы хотя сколько-нибудь расшевелить эту инертную массу, встряхнуть эти заснувшіе умы. Ту же цѣль преслѣдуютъ и митинги, организующіеся по инициативѣ нѣсколькихъ существующихъ союзовъ, а также проповѣди представителей земледѣльческаго населенія: всѣ они больше заботятся, какъ кажется, о пробужденіи сознанія земледѣльческихъ рабочихъ, чѣмъ объ ихъ организаціи».

Теперь поговоримъ о матеріальномъ положеніи земледѣльскихъ рабочихъ. Прежде съ ними расплачивались чаще всего натурою. Имъ давали определенное количество зерноваго хлѣба, муки, разрѣшали имѣть корову, свинью, однимъ словомъ давали возможность устраивать собственное маленькое хозяйство. Это позволяло земледѣльцу ближе стоять къ землѣ, она болѣе интересовала его, но его крошечное хозяйство лишь впроголодь прокармливало его семью. Теперь старинная расплата за трудъ натурой смѣнилась денежной, и заработная плата земледѣльца повысилась. Вообще положеніе земледѣльскихъ рабочихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, улучшилось, и это отчасти произошло оттого, что предметы первой необходимости—хлѣбъ, вино, сало, сыръ, масло, одежда сдѣлались дешевле на 20 — 30% противъ того, что они стоили прежде. Англійскій земледѣлецъ теперь лучше ѣстъ, одѣвается уже не въ лохмотья, а по воскресеньямъ даже въ суконное платье, получаетъ вмѣсто 6, 7 и 8 отъ 10 до 15, а кое-гдѣ и до 16 шиллинговъ въ недѣлю. Но, по самому скромному расчету, для содержанія большой рабочей семьи англійскому земледѣльцу необходимо имѣть 20 шиллинговъ въ недѣлю, а потому наниматься на работу приходится не только главѣ семейства, но и его членамъ; когда это не удастся, рабочему и теперь приходится терпѣть немало лишеній. Бѣдствуетъ онъ и въ періодѣ безработицы, что случается весьма нерѣдко, бѣдствуетъ и тогда, когда его выгоняютъ съ фермы.

Хотя здѣшній земледѣлецъ теперь несравненно лучше питается и одѣвается, но квартира его, въ большинствѣ случаевъ, все еще довольно плоха. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи начинаютъ строить порядочныя жилища для рабочихъ, но и теперь еще много плохихъ, переполненныхъ жильцами помѣщеній. Коттэджи (такъ называются въ Англіи маленькіе сельскіе домики) рабочихъ обыкновенно

представляютъ небольшіе двухъэтажные каменные домики, изъ которыхъ каждый разделенъ на двѣ половины, составляющія совершенно отдѣльныя другъ отъ друга квартиры. Каждая половина дома или, точнѣе сказать, квартира состоитъ изъ 4 или 5 комнатъ: двухъ или трехъ нижнихъ и двухъ или трехъ верхнихъ. Дома эти въ различныхъ частяхъ Англіи не одинаковы по величинѣ, но почти всюду одного и того же типа. Большая часть квартиръ земледѣльческихъ рабочихъ переполнена жильцами, которые страдаютъ не только отъ тѣсноты и духоты, но и отъ сырости и ветхости своего жилья. Землевладѣльцы и фермеры никогда не заботились о постройкѣ хорошихъ жилищъ для своихъ рабочихъ: изъ вознагражденія рабочаго имъ не было возможности вычитать болѣе $1\frac{1}{2}$ —2 шиллинговъ въ недѣлю. Плохо выстроенный коттеджъ скоро приходилъ въ ветхость. Рабочій не ремонтировалъ его за неимѣніемъ средствъ, а также и потому, что коттеджъ не составлялъ его собственности и землевладѣлецъ всегда могъ его выгнать изъ него, а собственникъ находилъ убыточнымъ тратить деньги на поправку жилища, которое давало ему ничтожный доходъ. Вотъ почему въ Англіи до сихъ поръ такъ много чрезвычайно плохихъ жилищъ, вотъ почему они страшно сыры и ихъ такъ легко покидаютъ земледѣльцы. Но вслѣдствіе выселенія ихъ въ фабричныя города и въ Америку очень многіе крупные собственники начинаютъ стремиться къ тому, чтобы удержать рабочихъ въ деревнѣ. Не всегда можно продать свою собственность, когда этого хочешь, да и рѣдко кому изъ лэндъ-лордовъ хочется продавать свое помѣстье: у него въ деревнѣ роскошный замокъ, устроенный со всевозможнымъ комфортомъ, чудныя парки, мѣстности, приспособленныя для охоты; отцы и дѣды его жили въ этомъ помѣстьѣ, оно перешло ему въ наслѣдство, онъ и его семья привыкли къ нему, гордились имъ, на улучшенія его потрачены громадныя деньги. Продать помѣстье и лишиться его тяжело, но и поддерживать его въ надлежащемъ порядкѣ тоже невозможно безъ земледѣльческихъ рабочихъ, которые не перестаютъ эмигрировать. Что же дѣлать, чтобы остановить этотъ неудержимый потокъ эмиграціи?—Улучшить жизнь земледѣльцевъ и возвысить имъ плату за трудъ. Наболѣе умные хозяева Англіи и прибѣгаютъ къ этому средству: они строятъ болѣе комфортабельныя и здоровыя коттеджи, возвышаютъ плату за трудъ и не такъ придирчивы къ тѣмъ изъ своихъ рабочихъ, которые состоятъ членами земледѣльческихъ союзовъ. Но, конечно, такихъ собственниковъ, которые сознаютъ необходимость уступокъ, гораздо меньше, чѣмъ такихъ, которые этого не сознаютъ, а потому и плохихъ жилищъ больше, чѣмъ хорошихъ.

Однако, даже и въ тѣхъ, совершенно исключительныхъ случаяхъ, когда земледѣлецъ имѣетъ возможность получить на столько порядочный заработокъ, что устраивается весьма сносно, слѣдовательно, можетъ имѣть питательную пищу, подходящую одежду и здоровое жилище, онъ такъ-же не обезпеченъ, какъ и всѣ его собратья: ссора съ фермеромъ, малѣйшая оплошность съ его стороны, продолжительная болѣзнь,—все можетъ подать поводъ хозяину прогнать его съ своей фермы, лишить куска насущнаго хлѣба и сдѣлать его пролетаріемъ, т.-е. нищимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Такое необезпеченное положеніе происходитъ оттого, что громадное большинство англійскихъ земледѣльцевъ не имѣетъ никакого хозяйства, никакого клочка земли, никакой собственности, гдѣ бы они могли преклонить свою голову хотя на старости лѣтъ, когда годы и тяжелая работа дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ труду. Вотъ потому-то среди земледѣльческихъ рабочихъ Англіи, несмотря на значительное улучшеніе ихъ положенія въ послѣднее время, все же сказывается недовольство своею судьбою, и они безъ сожалѣнія бросаютъ свой земледѣльческій

трудъ и переселяются въ Америку, а еще чаще въ города, искать заработка на фабрикахъ. Покидать деревню заставляютъ ихъ очень многія причины: 1) ихъ вознагражденіе за трудъ все же меньше, и ихъ положеніе хуже положенія промышленныхъ рабочихъ, 2) у нихъ нѣтъ и въ будущемъ надежды на улучшеніе своей судьбы: обширныя пространства земли все чаще остаются безъ обработки и угрожаютъ земледѣльцамъ все болѣе безработицей. Земледѣльческія машины тоже играютъ въ этомъ не послѣднюю роль: онѣ все болѣе замѣняютъ ручной трудъ въ земледѣліи. На англійскихъ поляхъ и лугахъ вы уже не встрѣтите человѣка, который размахами косы снимаетъ хлѣбъ и сѣно, сгребаетъ ихъ вилами и граблями. Даже на маленькихъ фермахъ всѣ ручныя орудія замѣнены теперь машинами: если мелкій фермеръ самъ не можетъ обзавестись ими, онъ беретъ ихъ на прокатъ у крупныхъ собственниковъ. Вотъ почему даже въ самое страдное время вы никогда не встрѣтите на здѣшнихъ поляхъ много рабочихъ. Здѣсь и тамъ, на громадномъ разстояніи другъ отъ друга, вы видите пару или тройку лошадей, запряженныхъ въ какую-нибудь сельскохозяйственную машину, а при ней всего одного человѣка, а очень часто и мальчика. Женщинъ-работницъ вы почти никогда не встрѣтите на поляхъ: онѣ заняты или дома, или отправились на поденную работу къ сосѣдкѣ—къ женѣ фермера, пастора или доктора, у которыхъ онѣ шьютъ, стираютъ бѣлье, чистятъ или убираютъ что-нибудь по домашнему хозяйству. Лишь во время сбора хмеля и фруктовъ женщины идутъ въ поле на работу.

Вслѣдствіе сильной эмиграціи земледѣльческихъ рабочихъ городское населеніе Англіи быстро увеличивается, а сельское уменьшается. Это уменьшеніе сельского населенія въ свою очередь вліяетъ на упадокъ земледѣлія. Въ то же время переселеніе земледѣльцевъ въ города увеличиваетъ число людей, остающихся безъ работы на фабрикахъ. Земледѣльцы, переселяясь въ города, предлагаютъ свои руки дешевле городскихъ и, сбывая цѣну на трудъ, постепенно сами впадаютъ въ нищету и отнимаютъ заработокъ у фабричныхъ.

Плохи или дурны коттеджи рабочихъ, они производятъ болѣею частью хорошее впечатлѣніе: все строеніе обыкновенно обвито жасминомъ или ползучими растеніями. Вообще громадное большинство англійскихъ деревень имѣетъ прелестный видъ. Особенно интересно взглянуть на окрестности съ какого-нибудь высокаго пункта. Внизу разстилаются безконечныя зеленые луга, огороды и поля, раздѣленные живыми изгородями, между которыми то здѣсь, то тамъ рѣзко выделяются красныя черепичныя крыши коттеджей. На горкѣ или на болѣе высокомъ пунктѣ деревни—церковь. «Красивая башня съ часами возвышается надъ ея кровлей и служить путеводной звѣздой для окрестнаго населенія. Удары часовъ на башнѣ гулко раздаются далеко кругомъ, и рабочіе на полѣ и жены ихъ въ деревняхъ и усадьбахъ соразмѣряютъ съ ними свои работы и занятія. Вокругъ церкви стоятъ каменныя плиты изъ мрамора и известняка надъ могилами умершихъ поселенъ».

Въ большой деревнѣ, на главной улицѣ, обыкновенно останавливаютъ вниманіе нѣсколько вывѣсокъ. Болѣе другихъ привлекаютъ: колоніальная и булочная лавка, мясная и нѣчто вроде кабачка. «Ознакомившись со спискомъ товаровъ колоніальной лавки, вы получите довольно вѣрное представленіе о потребностяхъ, вкусахъ и средствахъ здѣшняго деревенскаго населенія. Вы увидите сразу, что оно ничуть не уступаетъ городскому жителю въ comfortъ и утонченности вкуса. Та же посуда, тѣ же съѣстные припасы, тѣ же консервы и деликатессы, но все это лишь немного дороже. Рядомъ съ колоніальной лавкой торгуетъ мясникъ: мясо, какъ и хлѣбъ, здѣсь покупаетъ всякій потребитель ихъ, и никто—ни земледѣлецъ-подещикъ, ни

крупный помѣщикъ не рѣжутъ сами себѣ скота и не пекутъ себѣ хлѣба. Въ кабачокъ посѣтители собираются не для пьянства,—земледѣльческіе рабочіе приходятъ сюда побѣсѣдовать, повидаться съ пріятелями, скоротать время. Они посѣщаютъ кабачокъ ежедневно, вечеромъ, заказываютъ одну или двѣ кружки пива и, выкуривъ при этомъ нѣсколько трубокъ, возвращаются домой совершенно трезвыми. Но если постоянный житель деревни рѣдко встрѣчается вамъ пьянымъ и всегда ведетъ себя чинно и вѣжливо въ кабакѣ и внѣ его, то случайные посѣтители-деревни значительно портятъ картину. Ими являются прежде всего нищіе, сдѣлавшіе бродяжничество по деревнямъ своимъ постояннымъ занятіемъ. Это—настоящіе кочевники, живущіе круглый годъ почти подъ открытымъ небомъ или въ палаткахъ. Иные изъ нихъ имѣютъ лошадь или осла, другіе ручную телѣжку, а иные ходятъ просто съ узелками. Они переѣзжаютъ вмѣстѣ съ семействами изъ деревни въ деревню и, подъ видомъ исканія работы, занимаются попрошайничествами, а подчасъ и воровствомъ.

Болѣ шумнымъ характеромъ отличаются другіе гости, которые, впрочемъ, посѣщаютъ деревню исключительно въ лѣтнее время: это компаніи горожанъ, пріѣзжающихъ сюда любоваться «красотами природы». Большинство ихъ пріѣзжаетъ по желѣзнымъ дорогамъ, а другіе предпочитаютъ поѣздку на лошадяхъ, въ большихъ фургонахъ, запряженныхъ четверкой крѣпкихъ лошадей, съ оркестромъ или съ трубачомъ, который трубитъ въ пастушій рожокъ. Эта компанія почти всегда состоитъ изъ рабочихъ, приказчиковъ, конторщиковъ, ремесленниковъ. Ведетъ себя она до нельзя весело и размашисто и, пріѣхавъ въ какую-нибудь маленькую и тихую деревню, производитъ настоящую ярмарку. Кабакъ оглашается тогда пѣснями, музыкой и криками; величественные парки, тѣнистыя рощи, окружающіе деревню и служащіе главной приманкой туристовъ, засоряются бумагой, бутылками, объѣдами, и нужно все усердіе фермеровъ и лэндъ-лордовъ, вся бдительность и неусыпность мѣстныхъ властей, чтобы содержать все эти столь часто посѣщаемыя парки и рощи, все эти поляны и лужайки въ той дивной чистотѣ, въ томъ порядкѣ, которыми они такъ отличаются въ Англіи.»

Кромѣ лавокъ и кабачка, въ каждой англійской деревнѣ вы теперь непременно найдете два зданія: школу и «деревенскій институтъ» (Village institute). Школьный колоколъ утромъ въ девять часовъ и днемъ въ три возвѣщаетъ о началѣ и объ окончаніи школьныхъ занятій. Въ то время, какъ колоколъ продолжаетъ еще гудѣть подъ навѣсомъ школы, мальчики и дѣвочки спѣшатъ войти въ школу или уйти изъ нея.

«Деревенскій институтъ»—это современное зданіе, и его назначеніе чрезвычайно разнообразно. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Англіи онъ служитъ сельскимъ университетомъ, гдѣ читаютъ всевозможныя лекціи для всѣхъ желающихъ ихъ слушать подъ руководствомъ лекторовъ «University Extension», о которомъ много было говорено выше. Нерѣдко этотъ «деревенскій институтъ» играетъ роль клуба для взрослыхъ, въ которомъ устраиваются танцевальныя вечера, спектакли или концерты. Въ большинствѣ случаевъ зданіе «деревенскаго института» совмѣщаетъ все это, т. е. служитъ и университетомъ, и клубомъ, и залой, въ которой устраиваются для простонародья всевозможныя развлечения. Въ такомъ зданіи существуетъ обыкновенно библіотечка, бильярдъ, домино, шахматы и различные естественно-историческіе атласы и картины.

Англійская деревня поражаетъ всякаго своимъ необыкновеннымъ порядкомъ, дивными парками, великолѣпными замками и домами землевладѣльцевъ. Тутъ не уви-

дишь въ деревнѣ или даже около нея грязныхъ ямъ, закиданныхъ для прохода хворостомъ, непроѣзжихъ и непролазныхъ пространствъ, въ которыхъ вязнуть экипажъ и лошади. Въ англійской деревнѣ, напротивъ, вездѣ проведены не только удобныя дороги, но даже на прелестныхъ пѣшеходныхъ тропинкахъ, прорѣзывающихъ луга и пашни, парки и рощи, перекинута прекрасныя мостики; вы не найдете здѣсь ни рва, ни канавы, которые нельзя было бы перейти совершенно легко. Этотъ изумительный порядокъ, эта царская роскошь, съ которой живутъ здѣсь лэндъ-лорды и крупныя землевладѣльцы, это замѣчательное великолѣпіе садовъ и парковъ и безчисленное количество тѣхъ и другихъ объясняются любовью англичанъ къ природѣ и деревнѣ.

Любовь къ природѣ—историческая, національная черта этого народа. Саксонцы и норманны — дѣти лѣсовъ. Варварскія племена, изъ смѣшенія которыхъ образовался англійскій народъ, съ духомъ личной независимости соединяли врожденное влеченіе къ жизни уединенной. Совсѣмъ другое встрѣчаемъ мы у народовъ латинскихъ. Вездѣ, гдѣ сохранилось вліяніе римскаго духа, въ Италіи, въ Испаніи и до извѣстной степени во Франціи, города рано одержали верхъ надъ селеніями. Римскія поля были предоставлены рабамъ; между тѣмъ все, что только искало какого-нибудь отличія и развлечения, стекалось въ городъ. Эта черта и осталась въ обществахъ ново-латинскихъ. Еще и теперь для итальянца, испанца и въ особенности для француза село—нѣчто въ родѣ мѣста ссылки. Городъ — вотъ куда они всѣ стремятся: тамъ умственные наслажденія, развлечения, общественная жизнь, политика, вся роскошь страны, только тамъ они могутъ «сдѣлать карьеру». У народовъ германскихъ, и особенно у англичанъ, другіе вкусы: англичанинъ менѣе общежителенъ, чѣмъ французъ. Въ немъ, часто, несмотря на его высокое образованіе и широкую общественную и политическую дѣятельность, все-таки остается что-то отъ тѣхъ дикарей, отъ которыхъ онъ произошелъ; онъ ни за что надолго не заключитъ себя въ стѣнахъ города, и свѣжій воздухъ — его природная стихія.

Когда Генрихъ VIII уничтожилъ монастыри, онъ роздалъ знатымъ часть отобранныхъ у монаховъ имѣній. Отсюда-то ведутъ свое начало необъятныя владѣнія нѣкоторыхъ домовъ. Когда его дочь Елизавета увидѣла, что знатные, оставляя свои замки, стекаются къ ея двору, она сама приглашала ихъ возвратиться въ ихъ имѣнія, гдѣ они будутъ имѣть болѣе значенія. Какъ аристократы, такъ и всѣ богатые классы любятъ сельскую жизнь не только ради ея самой, ради свободы, удобства, мирной дѣятельности, домашнего счастья,—этихъ благъ, такъ дорого цѣнимыхъ англичанами, но и потому, что она даетъ уваженіе, вліяніе, власть. Человѣкъ, обладающій поземельною собственностью и живущій въ деревнѣ, пользуется многими преимуществами. Самый богатый землевладѣлецъ въ графствѣ бываетъ обыкновенно лордомъ намѣстникомъ (lord-lieutenant)—титулъ, разумѣется, болѣе почетный, чѣмъ выгодный; но богатому англичанину не нужны деньги,—онъ думаетъ только о почетѣ, власти и общественной дѣятельности. Во Франціи человѣкъ, желающій имѣть какое-либо общественное значеніе, серьезно работать на поприщѣ литературы или какой-нибудь науки, долженъ бросить свою землю и домъ и ѣхать въ столицу страны — въ Парижъ; въ Англіи такіе люди могутъ оставаться въ деревнѣ. Поэтому въ этой странѣ все стремится къ сельской жизни. Всякій, приобрѣтшій себѣ здѣсь порядочное состояніе, покупаетъ землю; разбогатѣвъ, каждый мечтаетъ только о томъ, какъ онъ современемъ будетъ жить въ деревнѣ. У мало-мальски богатыхъ и значительныхъ людей предразсудокъ въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что если кто имѣлъ несчастье родиться въ городѣ, онъ скрываетъ это, сколько можетъ: всѣмъ хотѣлось

бы родиться въ деревнѣ, потому что жизнь въ деревнѣ служитъ признакомъ аристократическаго происхожденія; если кто тамъ не родился, то по крайней мѣрѣ хочетъ тамъ умереть, чтобы передать дѣтямъ своимъ благородное освященіе.

Прочтите въ официальныхъ объявленіяхъ списокъ членовъ палаты лордовъ: обозначивъ ихъ имя, никогда не приводятъ ихъ адресъ въ Лондонѣ, но всегда въ деревнѣ. Точно также и члены палаты общинъ. Каждый, кто имѣетъ домъ въ деревнѣ, непременно означаетъ его, какъ мѣсто постоянного своего пребыванія. Члены обѣихъ палатъ живутъ въ Лондонѣ только во время парламентскихъ засѣданій и, слѣдовательно, нанимаютъ тамъ дома только на время. Остальное время года они проводятъ въ деревнѣ или въ путешествіяхъ. Каждый бережетъ свою роскошь для деревни: тамъ болѣе всего они посѣщаютъ другъ друга, даютъ праздники, предпринимаютъ различныя *parties de plaisir*.

Англійская народная литература вполне выражаетъ отличительную черту этого народа — его любовь къ природѣ. Почти все поэты англійскіе воспѣваютъ просторъ полей и свѣжесть лѣсовъ. Даже романы знаменитыхъ романистовъ проникнуты дивными описаніями красотъ природы и сельской жизни; въ нихъ вездѣ чувствуется живое впечатлѣніе, неподдѣльный глубокий восторгъ отъ красотъ природы. Герои романовъ обыкновенно все живутъ въ деревнѣ. Все искусства занимаются сельскою природою: живописцы то и дѣло рисуютъ тотъ или другой англійскій ландшафтъ. Прислушайтесь къ стихамъ любимаго англійскаго поэта, и вы вездѣ найдете то же чувство: «О, Альбионъ! о, мой родимый островъ, дочь морей! въ твоихъ богатыхъ долинахъ кроткое солнце освѣщаетъ твою мураву; на холмахъ твоихъ, съ волнистыми скатами, эхо повторяетъ лишь голосъ стадъ; все улыбается и дремлетъ, и горы твои, и доли, за оплотомъ скалъ и водъ; и безбрежный океанъ, въ своемъ дикомъ шумѣ, говоритъ лишь о мирѣ твоему спокойному берегу».

Путешествуя по внутренней Англій, на каждомъ шагѣ поражаешься рѣзкимъ различіемъ между городомъ и деревнею. Самые большіе города, какъ Бирмингамъ, Манчестеръ, Шеффилдъ, населены преимущественно рабочими и торговцами. Въ этихъ городахъ мало, или совсѣмъ нѣтъ, памятниковъ искусства, немного, либо вовсе нѣтъ роскоши; слышишь только стукъ фабричныхъ машинъ, видишь только замазанныхъ людей, нигдѣ не останавливающихся, а бѣгущихъ по дѣламъ. Каждый, кто сюда попадетъ, туристъ или мѣстный житель, старается скорѣе убѣжать отъ этого дыма и грязи, чтобы подышать за городомъ болѣе чистымъ воздухомъ и чтобы убѣжать отъ зрѣлища этого непрестаннаго труда. Совсѣмъ другое въ англійскихъ селахъ. Въ громадныхъ паркахъ вы встрѣчаете столѣтніе дубы, липы, яворы, кипарисы и буки, стоящіе въ такомъ изобиліи листвы, о какомъ у насъ и понятія не имѣютъ. Въ центрѣ обыкновенно расположенъ садъ. Въ немъ высятся группы рододендроновъ въ полномъ цвѣтѣ, кусты азалій, розъ, клумбы цвѣтовъ всехъ оттѣнковъ и переливовъ. Вездѣ наблюдаютъ самую строгую послѣдовательность растений: одни цвѣтутъ пять-шесть недѣль, другіе послѣ нихъ, и три четверти года множество куртинъ въ полномъ цвѣтѣ. Тутъ же и великолѣпный дворецъ владѣльца, изъ котораго прекрасный видъ на весь паркъ, имѣющій десятокъ верстъ въ окружности. Искусственные водопады, водоемы, драгоцѣнныя статуи соперничаютъ съ знаменитыми украшеніями загородныхъ дворцовъ европейскихъ влѣстителей. Нѣтъ сколько-нибудь зажиточнаго владѣльца, которому не хотѣлось бы имѣть свой паркъ. Число парковъ въ Англій огромно. Въ этихъ замкнутыхъ оградахъ, даже въ самыхъ скромныхъ изъ парковъ, разводятъ всякаго рода дичь, держатъ оленей, овецъ, коровъ. Изъ окна и съ крыльца своего дома счастливый владѣлецъ видитъ передъ собою пастушескую сцену; онъ можетъ, когда

ему вздумается, скакать верхомъ по своимъ аллеямъ или охотиться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего замка.

Держать у себя свору собакъ считается верхомъ изящества. Владѣльцы постоянно собираются то у одного, то у другого изъ своихъ знакомыхъ, чтобы отправиться вмѣстѣ на охоту на лисицъ или стрѣлять тетеревовъ на самыя неприступныя вершины верхней Шотландіи. Жѣнщины тоже предпочитаютъ сельскія удовольствія городскихъ: предложите свѣтской дѣвушкѣ прогулку верхомъ или блестящій балъ, и она, навѣрно, предпочтетъ первое. Кто такъ несчастливъ, что долженъ круглый годъ цѣлые дни проводить въ городѣ, постоянно мечтаетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь вырваться изъ его душной атмосферы, чтобы провести хотя нѣсколько дней на фермѣ у пріятеля или въ путешествіи по странѣ, знаменитой красотою природы. Всѣ мѣстности страны, сколько-нибудь живописныя, каждый годъ посѣщаются огромной толпой англичанъ, которые высмотрятъ каждый уголокъ, любятъ тѣмъ или другимъ зрѣлищемъ чуть не съ cadaго пригорка. Великимъ счастьемъ считается отправиться въ Шотландію, вволю надышаться запахомъ вересковъ.

Понятно, какъ дѣйствуетъ на обогащеніе селеній это постоянное пребываніе въ нихъ богатыхъ фамилій страны, большая часть доходовъ которыхъ отдается деревнѣ. Никто не захочетъ, чтобы сосѣди видѣли у него развалившіяся строенія, непроходимую дорогу, дурную упряжь; всякій гордится производительными издержками, какъ въ другихъ странахъ гордятся издержками суетными. Въ то время, какъ огромная часть доходовъ французовъ остается въ Парижѣ, въ Англіи большая часть средствъ людей зажиточныхъ идетъ на селенія.

Н Ъ Ю К Э С Т Л Ъ.

Черные алмазы. — Громадное значеніе каменнаго угля. — Жилища углекоповъ. — Ихъ заработокъ и жизнь.

Кто не видалъ или, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о драгоценныхъ алмазахъ! Они украшаютъ собою самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей; даже властители міра спорятъ о томъ, въ чьей коронѣ алмазы больше и цѣннѣе. Но на свѣтѣ существуютъ и другіе алмазы, которые содержитъ въ своихъ нѣдрахъ мать-земля. Правда, они не имѣютъ ни чистоты, ни прозрачности, ни замѣчательнаго блеска и игры драгоценныхъ камней, зато ихъ назначеніе гораздо болѣе полезно: они вносятъ тепло въ хижины бѣдняковъ, служатъ единственнымъ заработкомъ сотни тысячъ тружениковъ, дарятъ несмѣтными богатствами богачей, содѣйствуютъ успѣху наукъ и промышленности, наконецъ — всему ходу цивилизаціи. Мы говоримъ о каменномъ углѣ, который англичане называютъ *«черными алмазами»*.

Одна изъ самыхъ главныхъ причинъ безпримѣрнаго развитія торговли Англіи и ея промышленности заключается въ богатствахъ, скрытыхъ подъ землею. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ богатствъ является каменный уголь. Не даромъ его считаютъ *«хлѣбомъ промышленности»*; онъ безусловно необходимъ какъ для домашняго обихода, такъ для фабрикъ и пароходовъ. Это онъ приводитъ въ движеніе тысячи паровыхъ машинъ, которыя замѣняютъ силы многихъ милліоновъ рабочихъ; это онъ заставляетъ прясть и ткать для всѣхъ частей свѣта американскій хлопокъ, китайскій шелкъ, австралійскую шерсть, наконецъ, онъ въ Англіи производитъ самое дешевое желѣзо въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ всѣ остальные страны въ мірѣ, вмѣстѣ взятыя.

Каменный уголь имѣетъ громадное вліяніе и на распредѣленіе народонаселенія. Города, въ давнопрошедшія времена весьма важные во многихъ отношеніяхъ, теперь не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ они болѣе другихъ удалены отъ каменноугольныхъ копей; между тѣмъ Ньюкэстль, Лидсъ, Манчестеръ, Шеффилдъ, Бирмингемъ и многіе другіе значительные фабричныя города Англіи обязаны своимъ необыкновенно быстрымъ ростомъ исключительно близости этого горючаго матеріала. Гдѣ лежатъ большія каменноугольныя копи, тамъ всюду замѣчательное оживленіе, вѣчно кипитъ неугомонная дѣятельность, торговля, городская и фабричная жизнь, стеченіе всѣхъ классовъ народа.

Ньюкэстльскій каменноугольный округъ пользуется извѣстностью уже съ давнихъ временъ. Нигдѣ въ мірѣ, исключая развѣ самыхъ значительныхъ городовъ, человеческая дѣятельность не проявляется такъ неутомимо и въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ этихъ огромныхъ каменноугольныхъ копияхъ! И днемъ, и ночью безконечныя ряды нагруженныхъ вагоновъ катятся по желѣзнымъ дорогамъ къ рѣкамъ и океану и выгружаются тамъ съ помощью подъемныхъ машинъ. Подъ землею тысячи людей молотами и кирками выламываютъ каменный уголь, а на поверхности другія тысячи людей принимаютъ выломанные куски и нагружаютъ ими отправляемые вагоны. Куда ни помотришь, всюду видишь передъ собою цѣлую сеть маленькихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, повидимому, перекрещиваются въ безпорядкѣ, но въ дѣйствительности всѣ идутъ къ одному общему пункту на берегу рѣки или океана. Куда ни пойдешь, вездѣ замѣчаешь низкіе ряды черныхъ навѣсовъ, надъ которыми поднимаются исполинскія трубы. Здѣсь и тамъ снуютъ черные, какъ негры, люди.

Набережная Ньюкэстля служитъ главнымъ центромъ каменноугольной торговли. Длинными рядами тѣснятся другъ подлѣ друга конторы разныхъ владѣльцевъ копей. Передъ ними вы видите еще болѣе тѣсныя ряды кораблей для перевозки угля, а въ срединѣ между ними черную улицу, оживленную густою толпою черныхъ людей; здѣсь все носитъ цвѣтъ того вещества, которое всѣхъ кормитъ.

Ньюкэстль, этотъ главный городъ каменноугольной промышленности, лежитъ на холмѣ. Болѣе богатая часть жителей живетъ въ верхнемъ городѣ, хорошо построенномъ; въ нижней части города улицы очень узки и густо заселены рабочимъ людомъ.

Еще недавно жилища углекоповъ какъ въ Ньюкэстлѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Англіи были отвратительны,—сыры, холодны, грязны, но теперь они, какъ и все въ этой странѣ, сильно улучшаются; однако, до сихъ поръ множество углекоповъ страдаетъ отъ тѣсноты своихъ квартиръ.

Работаютъ углекопы несравненно меньше, чѣмъ прежде, а именно, нѣкоторые изъ нихъ всего шесть часовъ въ сутки, другіе болѣе 8 ч., но большинство—7½ и 8 ч. Это количество часовъ они работаютъ 5½ дней (такъ какъ суббота, почти всюду въ Англіи, признается полупраздникомъ) и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ всѣ шесть дней.

За свою работу углекопы получаютъ отъ 15 до 18 руб., а нѣкоторые изъ нихъ и до 20-ти руб. въ недѣлю. Однако, нужно замѣтить, во-первыхъ, что многіе углекопы отъ времени до времени страдаютъ отъ безработицы, а во-вторыхъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи работа въ копияхъ въ мертвые сезоны бываетъ лишь по два и по три дня въ недѣлю, и въ такихъ случаяхъ, конечно, уменьшается и заработокъ рабочихъ. Къ тому же въ послѣднее время, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ и затрудненій въ горной промышленности, ихъ заработокъ

уменьшился для однихъ на одну пятую, для другихъ на одну четвертую часть названной платы. Въ настоящее время хозяева и рабочіе угольныхъ копей обыкновенно уговариваются между собой на счетъ платы, устанавливають ее сообща на извѣстное время, а когда истекаетъ назначенный ими срокъ, они опять сообща заключаютъ новыя условія или оставляютъ въ силѣ прежнія.

Несмотря на то, что плата за трудъ углекоповъ въ послѣднее время нѣсколько понизилась, все же она, такъ-же, какъ ихъ жилище и пища, да и все ихъ положеніе сильно улучшились сравнительно съ тѣмъ, что было лѣтъ 25—30 тому назадъ.

Но до сихъ поръ горная работа остается одною изъ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ для жизни и здоровья. Отправляясь на работу въ рудники, рабочій никогда не знаетъ, вернется ли онъ оттуда, или нѣтъ. Его жизнь каждую минуту въ рукахъ капризнаго случая. Вотъ почему такое глубокое значеніе имѣютъ пожеланія горнорабочихъ товарищу, когда онъ для ежедневныхъ работъ спускается въ штольню (штольни — ходы въ горѣ, или подземныя галлерей). Каждый разъ всѣ дружно привѣтствуютъ его словами: «въ добрый часъ». Углекопъ входитъ въ штольню, или въ подземную галлерей, посредствомъ колодца (шахты). Если онъ въ первый разъ пришелъ въ штольню, то чѣмъ болѣе онъ оглядывается кругомъ себя, тѣмъ сильнѣе охватываетъ его ужасъ. Огромное мрачное пространство, въ которомъ онъ очутился, едва освѣщенное слабо-мерцающими лампами, мѣшаетъ ему осмотрѣться. Но черезъ нѣсколько минутъ глаза привыкають къ темнотѣ. Впереди и позади тянутся узкіе корридоры; гдѣ-то вдали небольшое пространство освѣщено болѣе яркимъ огнемъ, и тѣни какихъ-то странныхъ существъ то появляются на стѣнѣ, то снова исчезаютъ въ ночномъ мракѣ. Съ трудомъ передвигая ноги, рабочій идетъ впередъ, и на каждомъ шагу ему попадаются рытвины, камни. Нужно идти какъ можно осторожнѣе: чуть наткнешься на стѣну, больно расшибешься о каменную, холодную и сырую глыбу; съ потолка тоже торчатъ холодные, сырые камни. Кругомъ тишина, какъ въ могилѣ, прерываемая глухимъ гуломъ, звонкими и рѣзкими ударами молота, журчаньемъ воды, трескомъ и шумомъ колесъ, однообразнымъ стукомъ машинъ.

Тяжела жизнь горнорабочаго: онъ работаетъ въ сырости, духотѣ и темнотѣ, не видя свѣта божьяго. Рудокопы и углекопы, какъ кроты, роются въ землѣ всю свою жизнь. При этой работѣ ихъ на каждомъ шагу подстерегаетъ смертельная опасность. Несмотря на то, что вентиляція подземныхъ галлерей улучшена, и теперь еще воздухъ этихъ подземныхъ норъ чрезвычайно вреденъ. Страшный рудниковый газъ, который выходитъ изъ незамѣтныхъ трещинъ, производитъ взрывы и грозитъ смертью; при этомъ во всѣ стороны летятъ осколки камней и нерѣдко увѣчатъ, а то и до смерти убиваютъ рабочихъ. Когда за пластомъ угля, твердаго какъ скала, неожиданно слѣдуетъ другой пластъ, рыхлый, какъ гнилое дерево, тогда происходятъ обвалы, которые убиваютъ рабочихъ цѣлыми десятками. Нѣкоторые проходы такъ низки, что рабочему нужно сгибаться въ три погибели, а иногда ползти на брюхѣ между обвалившимися обломками и даже черезъ нихъ. Надъ его головой висятъ громадные камни, которые грозятъ обрушиться каждую минуту.

М А Н Ч Е С Т Е Р Ъ.

Видъ города и его блестящая хлопчатобумажная промышленность. — Хлопчатобумажные лорды и рабочіе Манчестера. — Заработокъ рабочихъ въ хлопчатобумажной, шерстяной и льняной промышленности.

Еще издали, прежде чѣмъ вступить въ городъ, вы видите необыкновенно высокія трубы множества фабрикъ Манчестера. Онѣ высятся сотнями и тысячами и не знаютъ покоя: вѣчно извергаютъ онѣ клубы дыма, заволакивающего небо. Хотя теперь и нашли средство устраивать трубы такъ, что онѣ гораздо меньше дымятъ, тѣмъ не менѣе воздухъ этого города насквозь пропитанъ дымомъ, копотью и сажею. Туманъ, столь свойственный этой странѣ, и облака черного дыма, извергаемаго мастерскими, придаютъ здѣшней фабричной работѣ какой-то особенно мрачный характеръ. Фабрики города тянутся одна возлѣ другой, — ихъ безконечное множество и въ предмѣстьяхъ этого города. Большая часть этихъ зданій въ шесть этажей и гораздо больше. Въ нихъ раздается непрерывный, оглушающій шумъ станковъ.

До половины XVIII столѣтія Англія была страной хлѣба, сѣна и шерсти, теперь ее можно назвать страной фабрикъ: промышленность переросла земледѣліе. Въ началѣ прошлаго столѣтія, когда промышленность была еще слабо развита, населеніе Манчестера состояло изъ мелкихъ купцовъ и фабрикантовъ: они скупали грубое, простое тканье въ сосѣднихъ деревняхъ, окрашивали его и доставляли на разные рынки. Фабриканты жили очень просто, работали и ѣли вмѣстѣ съ своими слугами; у кого изъ нихъ былъ каменный домъ, тотъ считался богачомъ. Прежде все дѣлалось руками рабочихъ, а теперь имъ приходится только связывать оборвавшіяся нити и наблюдать за ходомъ машины. Все остальное — очистка хлопка, чесаніе, пряжа, крученіе, размотка и все необходимое для ткани, точно такъ-же, разумѣется, какъ и самое тканье, — исполняется машинами. Прядильникъ производитъ теперь въ одинъ день столько же, сколько онъ въ былое время не могъ произвести въ два года. Въ настоящее время производство сдѣлалось чисто машиннымъ, и человѣку осталось только наблюдать за дѣйствіемъ воды и пара; даже подкладка каменного угля въ печь паровой машины совершается машиною.

Увеличеніе числа машинъ, улучшеніе ихъ механизма, необыкновенно усиленная и все еще усиливающаяся быстрота работы произвели полнѣйшій переворотъ въ судьбѣ фабрикантовъ, рабочихъ, въ самомъ производствѣ, въ торговлѣ и промышленности. Капиталы все болѣе и болѣе стекаются въ однѣ руки. Чѣмъ богаче фабрикантъ, тѣмъ легче онъ можетъ обзавестись усовершенствованной машиной, которая, быстро возмративъ затрату, сдѣланную на ея покупку, даетъ возможность купившему ее производить все болѣе и все болѣе увеличивать свои капиталы.

Трудно себѣ представить, съ какой роскошью живутъ теперь здѣшніе фабриканты, которыхъ вслѣдствіе этого называютъ «хлопчатобумажными лордами», какими невѣроятно громадными капиталами они ворочаютъ! Иной получаетъ въ годъ чистаго барыша шесть, другой — восемь-девять милліоновъ и болѣе. Часто отъ одного человѣка здѣсь зависитъ судьба болѣе десяти тысячъ рабочихъ. Это въ своемъ родѣ могущественные владетели человѣческаго труда. Они пользуются здѣсь такимъ же значеніемъ, властью, какъ и государи въ своемъ государствѣ.

Улицы въ рабочихъ кварталахъ Манчестера весьма невзрачны: всюду низенькіе домики, переполненные народомъ. Въ этихъ улицахъ особенно часто попадаются

тряпичныя лавки: въ нихъ продають остатки отъ всевозможнаго рода тканей. Всѣ матеріи на фабрикахъ должны имѣть опредѣленную длину; на ткацкихъ станкахъ чрезвычайно трудно выдержать эту длину; къ тому же разные процессы (крашеніе, бѣленіе) укорачивають матерію. Поэтому каждый кусокъ стараются выткать нѣсколько длиннѣе, чѣмъ его приходится пустить въ продажу. Когда матерія готова, кусокъ перебѣривають, излишекъ отрѣзають и отдають въ эти тряпичныя лавки для продажи по удешевленной цѣнѣ.

Число рабочихъ, занятыхъ въ Великобританіи на фабрикахъ, перерабатывающихъ волокнистыя вещества *), далеко превышаетъ одинъ миллионъ человекъ. Англія—первая страна въ мірѣ по богатству своей промышленности. Наиболѣе значительная—хлопчатобумажная промышленность. Почти треть всего вывоза Англіи составляютъ произведенія хлопчатобумажной промышленности. Это самая старая отрасль крупной промышленности Англіи, которая способствовала основанію торговаго господства и денежной силы этой страны. Въ настоящее время она одѣваетъ полъ-міра только своими бумажными тканями. Эта промышленность преимущественно сосредоточена на весьма небольшомъ пространствѣ вокругъ Манчестера, окруженнаго 9-ю городами и 300 мѣстечками,—и все это громадное населеніе занимается выдѣлкою бумажныхъ тканей. По соедѣству съ Манчестеромъ, въ графствѣ Йоркширскомъ, —Лидзъ, Брадфордъ и др. города служатъ наиважнѣйшими центрами шерстяного производства.

Среди рабочихъ въ хлопчатобумажной промышленности женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, и при этомъ еще работаетъ много дѣтей и подростковъ. На хлопчатобумажныхъ фабрикахъ недѣльный заработокъ лучшихъ работниковъ 10—11 руб., а среднихъ работниковъ, къ которымъ принадлежитъ наибольшее количество женщинъ, отъ 7 до 9 руб. въ недѣлю. Дѣвочки-подростки, которыя помогаютъ взрослымъ работникамъ, зарабатываютъ 3—4 руб. въ недѣлю. Мужчины занимаются самыми разнообразными работами: одни изъ нихъ трепальщики, другіе—чесальщики, третьи—прядильщики и т. п. Прядильщикъ работаетъ обыкновенно съ двумя помощниками, изъ которыхъ одинъ малолѣтній, а другой молодой человекъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 г. Прядильщикъ получаетъ плату за всѣхъ троихъ и уже самъ расплачивается со своими помощниками: при этомъ ему самому приходится получить за недѣлю 16—17 руб., его старшему помощнику 7—8 руб., а на долю младшаго остается 4—5 руб.

Ткачи составляютъ еще болѣе многочисленный классъ рабочихъ уже потому, что съ ткачествомъ связано множество разнообразныхъ работъ; поэтому въ этой группѣ вы прежде всего видите ткачей и ткачихъ, которыя составляютъ большинство рабочихъ; за ними слѣдуютъ развивальщицы (наматывающія пряжу на катушки), сновальщицы (перематывающія пряжу съ катушекъ), размотальщицы и другіе работники и работницы. Наивысшая плата ткачамъ 14—15 руб. въ недѣлю, средній недѣльный заработокъ взрослого ткача 9—10 руб.; подростки получаютъ 4—5 руб., дѣти 2—2 руб. 50 коп.

Заработокъ въ англійской хлопчатобумажной промышленности гораздо выше, чѣмъ въ шерстяной. Болѣе низкій заработокъ въ этой послѣдней отрасли труда объясняютъ непостоянствомъ работы. Хлопчатобумажная промышленность изготовляетъ предметы, крайне необходимыя для бѣднѣйшаго населенія, а шерстяное производство требуется для людей уже болѣе состоятельныхъ, а потому оно въ большей степени подчинено

*) Фабриками, перерабатывающими волокнистыя вещества, называются хлопчатобумажныя, шерстяныя, льняныя, пеньковыя, шелковыя и т. п. фабрики.

вліянію перемѣнчивой моды. Вслѣдствіе этого въ шерстяномъ производствѣ несравненно чаще бывають остановки въ работѣ, такъ что здѣсь рабочіе получаютъ не только болѣе низкій заработокъ сравнительно съ рабочими хлопчатобумажной промышленности, но они и гораздо чаще послѣднихъ остаются безъ всякихъ занятій.

Еще не очень давно хозяева выдавали рабочимъ заработокъ съѣстными припасами или товаромъ изъ своихъ лавокъ, на чемъ они наживали большіе барыши, но теперь этотъ обычай совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, и рабочіе еженедѣльно получаютъ свой заработокъ чистыми деньгами. Искорененіе этого обычая, который велъ къ большимъ злоупотребленіямъ относительно рабочихъ, составляетъ одну изъ свѣтлыхъ сторонъ ихъ современнаго положенія.

РАБОЧІЕ.

Жестокое положеніе дѣтей на фабрикахъ до 1847 г. — Законъ 1878 г. о фабрикахъ и мастерскихъ. — Выселеніе рабочихъ. — Продолжительность рабочаго дня. — Новый законъ о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи. — Отвращеніе къ рабочимъ домамъ. — Характеръ англійскихъ рабочихъ. — Какъ рабочий проводитъ субботній и воскресный день. — Недѣля фабричныхъ каникулъ.

Положеніе рабочихъ на фабрикахъ, а особенно дѣтей, за всю первую половину XIX столѣтія было просто ужасно. Фабриканты находили, что дѣтскій трудъ для нихъ чрезвычайно выгоденъ, и привлекали дѣтей на свои фабрики въ громадномъ количествѣ. Для этого они сносились съ попечителями бѣдныхъ, и тѣ, за условленную плату, доставляли имъ извѣстное количество дѣтей. Очень часто фабриканты заключали условіе на «живой товаръ» съ торговцами, скупавшими несчастныхъ дѣтей у бѣдняковъ, умиравшихъ съ голоду, или у нищихъ, деморализованныхъ крайнею бѣдностью и лишеніями. Покупая дѣтей обоюго пола въ различныхъ частяхъ Англіи, эти «торговцы» гнали ихъ, какъ стадо барановъ, къ извѣстному промышленному округу, гдѣ они рассчитывали выгодно сбыть свой «товаръ». Во время путешествія, при остановкахъ, торговцы держали несчастныхъ малютокъ въ темныхъ подвалахъ и въ такихъ помѣщеніяхъ, за которыя они платили крайне дешево. Когда фабрикантамъ давали знать, что доставленъ новый транспортъ дѣтей, они являлись осматривать ихъ тѣлосложеніе и покупали ихъ цѣлыми партіями для своей фабрики. Съ этой минуты дѣти дѣлались въ полномъ смыслѣ слова «бѣлыми рабами» фабриканта.

«Одна смѣна дѣтей-невольниковъ съ трудомъ, еще не успѣвъ отдохнуть, поднималась съ постели, въ то время какъ другая смѣна измученныхъ работою дѣтей въ изнеможеніи бросалась на ихъ мѣсто, — на постели, служившія благодарной почвой для всякаго рода пороковъ, болѣзней и смерти. Ихъ кормили самой скверной, самой дешевой пищей, или, лучше сказать, морили голодомъ, такъ что они нерѣдко дрались съ хозяйскими свиньями изъ-за остатка корма въ свинныхъ корытахъ. Эти дѣти работали по шестнадцати, восемнадцати и больше часовъ кряду, такъ что многія изъ нихъ, хотя и весьма юныя по годамъ, но старыя по страданіямъ, молились по ночамъ, чтобы пришла смерть и избавила ихъ отъ этой адской муки. Иногда они пытались бѣжать съ фабрики, но подобныя попытки почти всегда оканчивались неудачей; по возвращеніи на фабрику участь неудачника-бѣглеца становилась еще хуже, чѣмъ прежде: для него наступало рабство въ буквальномъ смыслѣ слова, и его заковывали въ цѣпи. Даже молодымъ женщинамъ, если только ихъ подозрѣвали

въ намѣреніи бѣжать, надѣвали кандалы, длинныя звенья и кольца которыхъ шли отъ лодыжекъ ногъ до бедеръ; въ этихъ-то кандалахъ онѣ были принуждены ходить на фабрику и спать. Жестокое наказаніе постигало ихъ, если онѣ не исполняли данной имъ трудной работы, — наказаніе, которое нерѣдко кончалось смертью для «бѣлаго невольника и невольницы». Кнутъ былъ въ дѣйствиіи почти непрерывно; пускались въ ходъ и другія тяжкія мученія, чтобы заставить несчастныхъ, нерѣдко крошку 6—7-ми лѣтъ, продолжать изнурительную работу. Наконецъ, измученныя непосильнымъ фабричнымъ трудомъ, изуродованныя, захирѣвшія отъ безобразныхъ условій жизни, отъ ударовъ кнута надсмотрщика, эти бѣдняжки находили въ смерти облегченіе своей участи».

Но вотъ, наконецъ, одинъ англичанинъ, по имени Ричардъ Остлеръ, который съ жаромъ и воодушевленіемъ боролся противъ невольничества въ Индіи, пораженный безотраднымъ положеніемъ дѣтей на англійскихъ фабрикахъ, началъ вести борьбу съ этимъ зломъ. Въ одну изъ газетъ онъ написалъ длинное письмо, для котораго выбралъ старый эпиграфъ: «гордость Британіи заключается въ томъ, что на ея почвѣ не можетъ существовать рабовъ». Онъ описывалъ всѣ безобразія, совершаемыя на фабрикахъ, и ужасы, которые выносили дѣти. Краснорѣчивыми фактами онъ доказывалъ, что рабство существуетъ и на британской почвѣ, и что оно процвѣтаетъ въ самой ужасной формѣ. Это письмо произвело большой переполохъ въ англійскомъ обществѣ. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, многіе сами предпринимали изслѣдованія быта фабричныхъ рабочихъ и дѣтей, — все это вызывало толки, устраивались митинги съ цѣлью побудить законодательную власть принять мѣры противъ возмутительныхъ злоупотребленій на фабрикахъ. Но фабриканты нѣкоторыхъ промышленныхъ округовъ подали въ парламентъ петицію, въ которой они указывали на невозможность получать какую-бы то ни было прибыль въ случаѣ сокращенія рабочаго дня, говорили о томъ, какъ вредно законодательной власти мѣшаться въ дѣла промышленности и торговли, жаловались на тяжелую участь промышленниковъ (между тѣмъ какъ въ это время барыши въ сто процентовъ они считали ни во что, тысячи процентовъ — вотъ наши барыши, безцеремонно восклицали они), пугали англійское правительство тѣмъ, что новый порядокъ на фабрикахъ губительно повліяетъ на промышленность. Оказалось, что эти жалобы фабрикантовъ и ихъ друзей были достаточно убѣдительными для членовъ парламента: предложенный законопроектъ объ уменьшеніи рабочихъ часовъ для дѣтей подвергся такимъ измѣненіямъ, что при примѣненіи на практикѣ не могъ имѣть никакого значенія.

Ричардъ Остлеръ хотя и видѣлъ, что дѣло его погибло, но продолжалъ раскрывать злоупотребленія фабрикантовъ и внушалъ рабочему классу необходимость добиваться десятичасоваго рабочаго дня. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ было обращено серьезное вниманіе на положеніе дѣтей и взрослыхъ рабочихъ на фабрикахъ. Отъ времени до времени появлялись законы и мѣропріятія для облегченія участи тѣхъ и другихъ. Но всѣ эти законы и мѣропріятія вскорѣ послѣ своего появленія или превращались въ мертвую букву, или ихъ вліяніе оказывалось совершенно ничтожнымъ. Участь несчастныхъ дѣтей на фабрикахъ оставалась возмутительно жестокою вплоть до 1847 г., когда изданъ былъ законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ для дѣтей, подростковъ и женщинъ. Несомнѣнно, что и десять часовъ работы на фабрикахъ, притомъ работы крайне напряженной, — трудъ въ высшей степени непосильный и обременительный для дѣтей, но и это оказывалось уже большимъ облегченіемъ въ ихъ положеніи. Несравненно больше облегчена была участь и улучшено положеніе какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ рабочихъ закономъ 1878 г. Этотъ законъ въ

несравненно большей степени уменьшил злоупотребленія, которыя позволяли себѣ фабриканты и хозяева мастерскихъ относительно рабочихъ. Онъ предписываетъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ соблюдать чистоту и вентилировать (очищать) воздухъ. Булочные, пекарни и другія подобныя заведенія запрещено обращать въ спальни рабочихъ. Этотъ законъ охраняетъ также рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ: всѣ подъемныя машины, колеса, чаны, котлы и т. п. должны находиться въ такомъ положеніи, чтобы не наносить никакого вреда работающимъ. Если, вопреки всѣмъ предосторожностямъ, случится какое-нибудь несчастіе съ рабочимъ, хозяинъ заведенія долженъ немедленно извѣстить о случившемся несчастіи мѣстнаго врача, который обязанъ безотлагательно отправиться на фабрику, произвести слѣдствіе о причинѣ смерти или увѣчья и послать донесеніе объ этомъ фабричному инспектору, число которыхъ по этому закону очень увеличено.

Болѣе всего законъ 1878 г. «о фабрикахъ и мастерскихъ» старается облегчить участь дѣтей, подростковъ и женщинъ. Хозяева и фабриканты не имѣютъ права брать къ себѣ на работу дѣтей до 11-лѣтняго возраста; имѣющихъ отъ 11 до 14 лѣтъ фабричный законъ также считаетъ еще «дѣтьми»; они могутъ работать не болѣе 5½ ч. въ день. Подростки (отъ 14 до 18 лѣтъ) и женщины не могутъ работать болѣе 10 часовъ въ день или 60 часовъ въ недѣлю. Запрещена также ночная работа дѣтямъ, подросткамъ и женщинамъ. И прежде были законы, ограничивавшіе женскій и дѣтскій трудъ, но они плохо соблюдались.

Имѣя въ виду сохранить силы рабочихъ, законъ запрещаетъ имъ работать въ праздники и полупраздники. Каждая суббота должна считаться полупраздникомъ, и работа въ этотъ день оканчивается, за немногими исключеніями, въ 1 или 2 ч. пополудни.

Весь внутренній порядокъ на каждой фабрикѣ (часы начала и окончанія работы, время ѣды) долженъ быть опредѣленъ въ особомъ распisanіи, вывѣшенномъ такъ, чтобы каждый рабочій всегда могъ его прочесть и слѣдить, такъ-ли все это выполняется хозяевами.

Фабричный законъ 1878 г. заботится не только объ охраненіи здоровья дѣтей и подростковъ, но и о предоставленіи имъ возможности учиться. «Каждый ребенокъ, работающій на фабрикѣ», сказано въ немъ, «долженъ посѣщать школу; непосѣщеніе ея допускается только въ праздники и полупраздники, а также во время болѣзни и въ чрезвычайныхъ случаяхъ, удостовѣренныхъ учителемъ. Владѣлецъ фабрики долженъ требовать каждую недѣлю отъ учителя школы, посѣщаемой дѣтьми съ его фабрики, представленія свидѣтельства объ исправномъ посѣщеніи школы. Соблюденіе правилъ о посѣщеніи школы лежитъ на отвѣтственности владѣльца фабрики».

Для того, чтобы всѣ изложенныя мѣры были выполняемы, фабричный законъ 1878 г. подробно излагаетъ права и обязанности тѣхъ лицъ, которымъ поручается наблюденіе за его исполненіемъ. Лица эти называются *фабричными инспекторами*; они не могутъ быть владѣльцами фабрики или мастерской или имѣть какой бы то ни было интересъ въ производствѣ; они имѣютъ право во всякое время дня и ночи осматривать какую угодно фабрику или мастерскую.

Многіе предсказывали разныя злослѣдія, которыя будто бы неминуемо произойдутъ отъ примѣненія выпечприведеннаго закона. Ограниченіе часовъ дѣтскаго и женскаго труда должно было, по ихъ мнѣнію, повести къ сокращенію всѣхъ производствъ, а слѣдовательно, къ уменьшенію промышленности. Мало того, утверждали, что сами рабочіе ничего не выиграютъ отъ новаго закона, что заработная плата—непремѣнно уменьшится, и что, слѣдовательно, положеніе ихъ еще болѣе

ухудшится. Пророчили также, что свободное время у рабочих пойдет лишь на пьянство и пустое времяпрепровождение. Но эти предсказания не сбылись. Уменьшение количества рабочих часов для детей и женщин привело к тому, что на тех фабриках, где мужчины работали вместе с женщинами и детьми, пришлось и для них сократить количество рабочих часов; затем естественно было подумать и о том, как бы вообще уменьшить продолжительность труда взрослого рабочего. С тех пор английские рабочие сами стали постепенно добиваться права работать все меньшее количество часов. Но оказалось, что, когда они отвоевали себе право сократить число рабочих часов, это вовсе не повлиало пагубно на производство, а наоборот увеличило его и чрезвычайно благоприятно отразилось на положении рабочих. Фабриканты, не имея права принимать на свои фабрики детей, вынуждены волею-неволею нанимать большее количество взрослых. Вместо того, чтобы уже с самого раннего детства губить здоровье на фабриках, дети, прежде чем их возраст позволит им поступить туда, могут теперь больше укреплять свои физическія силы, могут больше развиваться умственно, так как в то же время их всех обязали посещать школы. Прежде многие фабриканты заставляли не только взрослых, но и самых маленьких детей работать по 15—17 ч.; теперь часы детского труда на фабриках точно обозначены, так же, как и часы их пребывания в школах: фабричные инспектора и учителя обязаны строго слѣдить за посещеніемъ школъ детьми, работающими на фабриках. Ложными оказались также опасенія техъ, которые утверждали, будто фабричные законы 1878 г. уменьшать заработную плату: съ техъ поръ, напротивъ, почти во всехъ областяхъ труда плата возвысилась. Еще благотѣлнѣе отразился фабричный законъ на здоровьѣ рабочихъ. Продолжительный рабочий день и ночная работа въ душныхъ, никогда не провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, утомительныя занятія при неудобномъ положеніи тѣла въ извѣстнаго рода работахъ создавали множество совершенно особыхъ болѣзней, какъ, напр., искривленіе ногъ, страшная сутуловатость, косоглазіе, всевозможныя горловые и легочныя заболѣванія. Всѣ эти болѣзни, свойственныя преимущественно извѣстнымъ фабрикамъ и мастерскимъ, начинаютъ замѣтно исчезать. Не чувствуя переутомленія отъ продолжительнаго рабочаго дня, англійскій рабочий напрягаетъ теперь во время работы всѣ свои силы, все свое вниманіе: у него не пропадаетъ болѣе ни одной минуты даромъ, а вслѣдствіе этого развивается необыкновенная правильность, вѣрность и цѣлесообразность движеній руки. Все это даетъ ему возможность работать хорошо, отчетливо и вмѣстѣ съ тѣмъ очень быстро. В то же время у рабочаго остается теперь болѣе свободнаго времени, которое онъ употребляетъ на чтеніе, на посѣщеніе лекцій, вообще на свое образованіе. Такимъ образомъ фабричный законъ 1878 г. благотѣльно повліялъ на здоровье не только детей, но и взрослыхъ, усилилъ грамотность и образованіе среди нихъ, отразился на сокращеніи рабочихъ часовъ для взрослыхъ рабочихъ и на увеличеніи рабочей платы.

Продолжительность рабочаго дня въ главныхъ отрасляхъ труда—54 часа въ недѣлю, а на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, въ большинствѣ случаевъ, 56½ ч. Тамъ, гдѣ принято работать 54 ч. въ недѣлю, работаютъ, однако, не 9 ч. въ день, какъ должно было бы приходиться, а 9½ ч., такъ какъ въ субботу, почти вездѣ въ Англии, рабочіе свободны послѣ часа или двухъ. Мало того, въ этой странѣ уже существуютъ фабрики, заводы и мастерскія, въ которыхъ принято, чтобы рабочіе работали 8 ч. въ сутки, а въ нѣкоторыхъ угольныхъ копяхъ работаютъ даже лишь 6—7½ ч. По всей вѣроятности очень скоро, можетъ быть уже черезъ нѣ-

сколько лѣтъ, всѣ рабочіе Великобританіи будутъ работать не болѣе 8 ч. въ сутки; пока, однако, такихъ счастливцевъ немного, но англійское правительство имѣетъ въ виду въ близкомъ будущемъ установить закономъ рабочій день не болѣе 8 час. Новые фабричныя законы, а вмѣстѣ съ этимъ и болѣе тщательный надзоръ за фабриками, заставили очень многихъ фабрикантовъ улучшить условія труда, необходимыя для сохраненія здоровья рабочихъ. Большая часть фабрикантовъ стали теперь несравненно болѣе, чѣмъ прежде, наблюдать за чистотой и вентиляціею въ фабричныхъ помѣщеніяхъ и мастерскихъ, исправлять, если это требуется, печи, трубы, машины, однимъ словомъ болѣе, чѣмъ прежде, затрачивать денегъ на ремонтъ. Послѣдствіемъ этого оказалось прежде всего то, что многія болѣзни, спеціально поражавшія рабочихъ на тѣхъ или другихъ фабрикахъ, исчезли, или число ихъ значительно уменьшилось. Конечно, этому помогаетъ и то, что рабочіе теперь лучше питаются и меньше работаютъ.

Въ 1898 г. вступилъ въ силу новый законъ о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи. Прежде рабочій, потерявшій способность къ труду изъ за увѣчья, происшедшаго по винѣ фабриканта (напр. вслѣдствіе неисправностей фабричныхъ зданій, печей или машинъ), становился нищимъ на всю жизнь; если онъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства, количество нищихъ сразу увеличивалось на нѣсколько душъ. Теперь рабочій, пострадавшій отъ несчастнаго случая по винѣ хозяина, имѣетъ право получить вознагражденіе. Величина этого вознагражденія соразмѣряется не только съ серьезностью увѣчья, но и съ числомъ лицъ, зависящихъ отъ заработка изувѣченнаго. Если рабочій умеръ вслѣдствіе несчастнаго случая, его семья можетъ получить до 300 фунтовъ стер. Рабочій лишается права на вознагражденіе, если несчастный случай произошелъ по его оплошности. Дѣйствію этого новаго закона подлежатъ всѣ рабочіе обоихъ половъ, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, фабрикахъ, а также рабочіе на докахъ и въ складахъ, въ механическихъ прачечныхъ, копияхъ, каменоломняхъ, рабочіе строительныхъ промысловъ. Вслѣдствіе этого закона хозяева и фабриканты вынуждены платить за каждого рабочаго премію въ страховое общество. Этотъ законъ, несомнѣнно, окажется въ близкомъ будущемъ въ высшей степени благотѣльнымъ для здоровья и матеріальнаго положенія рабочихъ. Выплачивая за страхование большія суммы, фабриканты вынуждены будутъ стараться, чтобы на фабрикахъ не было опасныхъ для здоровья рабочихъ неисправностей; если они сами не будутъ заботиться объ этомъ, страховыя общества могутъ отказывать въ страхованіи или брать за него дороже съ неисправнаго хозяина. Законъ этотъ только-что вступилъ въ силу (1-го іюля 1898 г.), но и теперь уже можно смѣло сказать, что онъ принесетъ большую пользу рабочимъ. Въ виду того, что теперь при каждомъ несчастномъ случаѣ на фабрикѣ заинтересовано будетъ много лицъ вопросомъ о томъ, кто виноватъ въ несчастномъ случаѣ—фабрикантъ или самъ рабочій, это будетъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, всесторонне обсуждаться въ печати, а слѣдовательно, въ случаѣ большихъ злоупотребленій на той или другой фабрикѣ, фабрикантъ можетъ легко очутиться на скамьѣ подсудимыхъ. Такая отвѣтственность за каждый несчастный случай, строгое и основательное выясненіе его причинъ, естественно, поведетъ къ устраненію разныхъ неисправностей и злоупотребленій на фабрикахъ, вслѣдствіе которыхъ до сихъ поръ часто случались увѣчья и смерть рабочихъ, а слѣдовательно и полное разореніе ихъ семействъ.

Нужно помнить, однако, что и въ настоящее время далеко не устранены всѣ неблагоприятныя стороны фабричной работы. На очень многихъ фабрикахъ въ хлопчатобумажной промышленности рабочіе страдаютъ отъ пыли, которую распростра-

няютъ волокнистыя вещества, на другихъ—здоровью вредить ужасающая жара и спертый воздухъ, и притомъ въ такой степени, что многимъ женщинамъ дѣлается дурно, и ихъ выносятъ безъ чувствъ изъ мастерскихъ. Ткачи жалуются на чрезмѣрную влажность воздуха. Въ ткацкій залъ, время отъ времени, чрезъ особо устроенныя трубы, выпускаютъ паръ. Это дѣлаютъ для того, чтобы пряжа, пропитываемая влагою, приобрѣтала бы нѣкоторую упругость и меньше рвалась. Нѣкоторые, однако, утверждаютъ, что для этого нѣтъ надобности въ такой степени увлажнять воздухъ и что это практикуется будто бы фабрикантами болѣе всего съ цѣлью придать пряжѣ, а затѣмъ и тканямъ лишній вѣсъ. Какъ бы то ни было, но это сильно вредитъ здоровью рабочихъ. Паръ нагреваетъ воздухъ до весьма высокой температуры и насыщаетъ его влагою, которая осѣдаетъ на одежду рабочихъ и на ихъ верхнее платье, обыкновенно висящее тутъ же на стѣнѣ ткацкаго зала. Рабочій, потный отъ жары, надѣваетъ мокрое платье и выходитъ въ немъ на воздухъ, всегда болѣе свѣжій, а нерѣдко и очень холодный. Понятно, что рабочіе при этомъ легко схватываютъ простуду. Не даромъ многіе ткачи еще въ молодомъ возрастѣ умираютъ отъ легочныхъ болѣзней. Противъ этого зла нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ изданъ законъ, обязывающій фабрикантовъ устраивать въ ткацкихъ совершенно особую вентиляцію, но это далеко еще не вездѣ исполняется.

Несмотря на новые фабричныя законы, исчезли далеко еще не всѣ злоупотребленія относительно рабочихъ: они, несомнѣнно, сильно уменьшились, но и до сихъ поръ рабочимъ приходится переживать много несправедливостей отъ фабрикантовъ и хозяевъ. Особенно штрафы раздражаютъ англійскихъ рабочихъ: опоздалъ на работу на 5, на 10 мин., и рабочаго штрафуютъ. На однихъ фабрикахъ эти штрафы незначительны, на другихъ они несоразмѣрно велики. Англійскіе рабочіе не только возмущаются противъ слишкомъ высокихъ и несправедливыхъ штрафовъ, но вообще противъ обычая хозяевъ и фабрикантовъ штрафовать ихъ, какъ бы этотъ обычай ни примѣнялся. Они говорятъ: «если кто-нибудь изъ насъ опоздалъ на работу или оказался виновнымъ въ порчѣ товара, пусть насъ расчитываютъ и совсѣмъ увольняютъ за это съ фабрики». Хозяинъ, по мнѣнію рабочихъ, не имѣетъ права своею властью штрафовать ихъ, а долженъ взыскивать съ нихъ убытокъ судебнымъ порядкомъ, точно такъ-же, какъ и рабочій не имѣетъ иного пути добиться неправильно задержанной хозяиномъ заработной платы. Такимъ образомъ англійскіе рабочіе настаиваютъ на томъ, чтобы права обѣихъ сторонъ, т. е. фабрикантовъ и фабричныхъ, были признаны равными. Несмотря на то, что многіе защитники рабочихъ вели съ ними по этому поводу безконечные разговоры, убѣждая ихъ въ томъ, чтобы они добивались болѣе умѣренныхъ и справедливыхъ штрафовъ, которые несравненно менѣе суровы и ведутъ къ менѣе печальнымъ для нихъ послѣдствіямъ, чѣмъ расчетъ, т. е. полная потеря работы, тѣмъ не менѣе многіе рабочіе въ этомъ вопросѣ твердо стоятъ на своемъ и скорѣе соглашаются за малѣйшую провинность съ ихъ стороны совсѣмъ оставить фабрику, чѣмъ дозволить хозяину штрафовать себя. Гордая, независимая натура свободолюбиваго англичанина не можетъ помириться съ неравенствомъ и произволомъ, въ какомъ бы видѣ они не проявлялись; онъ готовъ остаться безъ куска хлѣба, но ни за что не позволить распорядиться съ собою по произволу хозяина. Такое враждебное отношеніе рабочихъ къ штрафамъ заставляетъ многихъ фабрикантовъ отмѣнять ихъ и замѣнять полнымъ расчетомъ.

Алчность фабрикантовъ возбуждаетъ въ рабочихъ такую же ненависть къ нимъ, какъ штрафы и другія несправедливости съ ихъ стороны. И дѣйствительно,

очень многіе фабриканты свою жадность доводятъ до такихъ грошевыхъ расчетовъ, что еженедѣльно вычитаютъ съ рабочихъ извѣстную сумму за горячую воду, которую тѣ вынуждены брать на фабрикѣ во время своего завтрака, чтобъ заварить себѣ чай. Однако, несмотря на всевозможныя злоупотребленія хозяевъ и фабрикантовъ еще и въ настоящее время, несмотря на бѣдность и лишенія, которыя до сихъ поръ испытываютъ многіе рабочіе, теперь уже съ достовѣрностью высчитано, что теченіи послѣдняго полустолѣтія средній заработокъ англійскаго рабочаго, по крайней мѣрѣ, удвоился. А если къ этому прибавить, что за это время и цѣны на всѣ предметы первой необходимости (за исключеніемъ платы за квартиру и мясо) сильно понизились, то нельзя не признать того, что за послѣднее полустолѣтіе въ положеніи рабочихъ классовъ произошло сильное улучшеніе.

Хотя фабричныя рабочіе живутъ теперь въ несравненно лучшихъ условіяхъ, но они произошли отъ людей, выродившихся въ физическомъ отношеніи. Старшее поколѣніе рабочихъ заморено долгими часами работы на фабрикахъ, дурною пищею, плохимъ уходомъ матерей и опиумомъ, которымъ ихъ безпрестанно пичкали въ дѣтствѣ и который въ огромномъ количествѣ подмѣшивали въ ихъ пищу, лишь бы они были спокойнѣе, когда одни останутся дома.

Несмотря на то, что англійскіе рабочіе, сравнительно съ рабочими другихъ европейскихъ странъ, получаютъ наибольшій заработокъ, несмотря на то, что они теперь несравненно лучше прежняго питаются и одѣваются, они живутъ, сравнительно съ другими классами, очень недолго; тогда какъ для высшихъ классовъ Англіи средняя продолжительность жизни 55 лѣтъ, для низшихъ она еле достигаетъ 29; среди высшихъ классовъ дѣтей на первомъ году жизни умираетъ 8 человѣкъ изъ сотни, у низшихъ ихъ умираетъ 30 чел. изъ сотни.

Какъ бы ни былъ великъ заработокъ англійскаго рабочаго, его хватаетъ на безбѣдное существованіе только той семьѣ, въ которой добрая половина ея членовъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда семья очень большая, а это не рѣдкость среди рабочихъ) имѣетъ самостоятельный заработокъ. При этомъ условіи семья рабочаго можетъ жить въ Англіи не только весьма порядочно, но и откладывать копѣйку на черный день. Въ Англіи, дѣйствительно, существуютъ такія семьи, гдѣ большая часть членовъ можетъ вырабатывать порядочную сумму, но это только счастливыя исключенія; въ большинствѣ же случаевъ, если мужъ получаетъ высшую заработную плату, женѣ не всегда удается такъ хорошо пристроиться, и наоборотъ. При большой семьѣ обыкновенно лишь немногіе члены могутъ зарабатывать, остальные ничего не производятъ, а только потребляютъ. Затѣмъ, кромѣ содержанія громадной семьи, отложите хотя самую ничтожную часть дохода на болѣзни матери, отца и маленькихъ дѣтей (при большой семьѣ, особенно у фабричнаго рабочаго, часто кто-нибудь боленъ), выкиньте изъ жалованья три-четыре шиллинга на штрафы за опаздываніе, и доходъ тотчасъ сократится на весьма чувствительную сумму. Но это все частныя причины, между тѣмъ надъ всѣми рабочими тяготѣютъ бѣдствія и несчастія, общія всѣмъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Климатъ Англіи хотя и умѣренный, но чрезвычайно сырой, рабочіе выпущены много тратить на уголь, на освѣщеніе, на спиртные напитки. Чтобы вполне подкрѣпить себя, рабочій долженъ здѣсь ѣсть гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Вѣчныя дожди, грязь и слякоть заставляютъ его и одежды изнашивать несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но самое главное несчастье англійскаго рабочаго люда состоитъ въ томъ, что желающихъ получить работу здѣсь всегда гораздо больше, чѣмъ ея существуетъ, а это ведетъ къ страшной придирчивости относительно рабочихъ: чуть что хозяину не

поправилось, онъ безъ страха и безъ всякаго ущерба для себя прогоняетъ рабочаго съ фабрики и сію же минуту найдетъ другихъ, которые пожелаютъ его замѣнить. Обыкновенно внезапно заболѣвшій рабочій, возвращаясь на фабрику черезъ двѣ-три недѣли послѣ болѣзни, находитъ свое мѣсто уже занятымъ. Безработныхъ чрезвычайно много среди всѣхъ отраслей труда. Болѣе всего страдаютъ отъ недостатка работы каменщики, маляры, плотники, матросы, рабочіе на стеклянныхъ заводахъ рабочіе на докахъ.

Недостатокъ въ работѣ, который отъ времени до времени испытываетъ огромная часть англійскихъ рабочихъ, еще увеличивается временными пріостановками: иногда товаръ, на сбытъ котораго рассчитываютъ фабриканты, вдругъ замѣняется французскими или нѣмецкими издѣліями; часто онъ остается на рукахъ вслѣдствіе неурожаевъ или перемѣны моды. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ фабриканты сокращаютъ производство, и тогда уже они десятками и сотнями увольняютъ рабочихъ, и тѣ остаются на улицѣ безъ крова и хлѣба. Трудно представить, какія страшныя лишеныя испытываетъ эта армія безработныхъ, когда она долго не имѣетъ занятій! Для многихъ изъ нихъ остается одно—выселиться съ родины и попытать счастья на чужбинѣ,—къ этому и прибѣгаютъ чрезвычайно многіе: за послѣднія пятнадцать лѣтъ изъ Англіи выселилось болѣе полутора милліона человѣкъ.

Рабочихъ, достигшихъ въ этой странѣ такого положенія, когда они, потерявъ работу, могутъ самостоятельно просуществовать два-три года, очень немного. Въ большинствѣ случаевъ расхворавшемуся рабочему, если онъ не состоитъ членомъ того или другого рабочаго союза, остается только одно прибѣжище—рабочій домъ, на который каждый изъ нихъ смотритъ хуже, чѣмъ на тюрьму.

Рабочіе дома въ Англіи устроены прекрасно: огромное зданіе, безукоризненно чистое, большіе дворы, кругомъ сады, открытый видъ на поля; тутъ есть и церковь, и огромный залъ; постели покрыты одѣялами, вездѣ замѣчательный порядокъ. Каждый получаетъ въ день по два фунта овсянки, $1\frac{1}{2}$ ф. картофеля, $\frac{1}{2}$ ф. хлѣба и четыре раза въ недѣлю мясо. Сравнительно съ трущобами, въ которыхъ живутъ бѣдняки, это дворецъ. Здѣсь работаютъ по 6 часовъ въ день, читаютъ газеты, библію, хорошія книги, живутъ въ чистомъ воздухѣ. А между тѣмъ рабочій домъ почти пустъ. Дѣло въ томъ, что всѣ живущіе здѣсь подчинены самой строгой дисциплинѣ, а англичанинъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, предпочитаетъ свободу хорошо устроенной тюрьмѣ; онъ считаетъ позоромъ идти въ рабочій домъ, такъ какъ лишиться свободы для него значитъ перестать быть человѣкомъ.

Англійскіе рабочіе отличаются замѣчательною усидчивостью, постоянствомъ и добросовѣстностью въ трудѣ. Французскій работникъ работаетъ съ жаромъ и съ необыкновенною энергіею два-три часа; послѣ этого его энергія быстро падаетъ, онъ начинаетъ работать все болѣе вяло, а затѣмъ уже еле двигается. Иногда, впрочемъ, передъ окончаніемъ работы движенія его дѣлаются вдругъ неровны, раздражительны, слова проклятія и брани безпрестанно срываются съ устъ, даже и тогда, когда никого нѣтъ подлѣ. Англичанинъ работаетъ совсѣмъ иначе,—какъ началъ, такъ и кончитъ: онъ ни на одну минуту не обнаружитъ ни признаковъ нетерпѣнія, ни гнѣва, не выкажетъ также особенной энергіи ни въ началѣ, ни въ концѣ. Но это хладнокровіе не мѣшаетъ англійскому рабочему живо интересоваться всѣмъ, что происходитъ на свѣтѣ: его занимаютъ политика, положеніе рабочихъ въ другихъ городахъ его родины и за границей; у очень многихъ изъ нихъ обнаруживается даже сильное стремленіе получить университетское образованіе. Это происходитъ оттого, что англійскіе рабочіе читаютъ газеты, ходятъ въ свободное время въ клубы,

гдѣ толкуютъ о своихъ дѣлахъ; способствуютъ этому также и литературныя чтенія, лекціи и благородныя развлеченія (концерты, спектакли и проч.), которыя устраиваютъ теперь для нихъ, а главное—полная возможность сообщать свободно обсуждать свои дѣла.

Между англійскими рабочими чрезвычайно сильно развито чувство товарищества, въ силу котораго они считаютъ величайшею подлостью не подѣлиться послѣдней копѣйкой съ товарищемъ, не принять самаго дѣятельнаго участія въ несчастіи собрата по ремеслу, когда тотъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ потерялъ работу. Лишь только является въ мастерскую рабочій и объявляетъ, что онъ оставляетъ фабрику, всѣ до единаго принимаютъ участіе въ складчинѣ. Нерѣдко случается, что многіе холостые люди, когда находятъ мѣсто гдѣ-нибудь на фабрикѣ въ глухую пору производства, рекомендуютъ вмѣсто себя семейнаго человѣка, а сами остаются безъ хлѣба.

Не менѣе замѣчательная черта англійскихъ рабочихъ—умѣнье отстаивать свои права. Разъ сговорившись съ товарищами прекратить работу и не начинать ее до тѣхъ поръ, пока хозяинъ фабрики не уступитъ ихъ требованіямъ, ни одинъ не пойдетъ потихоньку просить работы, будетъ голодать день за днемъ, и какъ бы ни страдала жена и дѣти, какъ бы онъ ни любилъ ихъ, ему даже и въ голову не придетъ измѣнить общему дѣлу. Онъ сдается только тогда, когда всѣ сообща рѣшаютъ это сдѣлать. Въ этомъ умѣньи отстаивать общіе интересы ему нѣтъ равныхъ въ мірѣ.

Въ высшей степени своеобразна жизнь на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Каждый ученикъ играетъ въ мастерской роль всеобщаго слуги. Табакъ вышелъ у мастера, захочется ему выпить,—за всѣмъ въ мигъ долженъ бѣжать новичекъ. Но такъ какъ изъ мастерской нельзя выходить безъ основательной причины, онъ всегда долженъ найтись отвѣтить начальству, никогда не посмѣетъ выдать старшаго, если бы даже за это онъ рисковалъ своей спиной. Онъ долженъ умѣть протаскать водку, не возбудивъ ни малѣйшаго подозрѣнія, долженъ смѣло перебраться черезъ стѣну, не поморщиться, если ему придется оборвать штаны и кожу. Большинство рабочихъ большіе охотники до табаку и истребляютъ его въ громадномъ количествѣ; между тѣмъ въ мастерскихъ строго воспрещено курить въ рабочіе часы; рабочіе прячутся во всевозможные закоулки, чтобы только затаиться втихомолку, и ставятъ на стражу новичковъ: зазѣвается бѣдняга, и его осыпаютъ градомъ колотушекъ. Обычный взносъ на выпивку (одинъ изъ наиболѣе крѣпко укоренившихся обычаевъ) весьма часто налагается не во-время и подчасъ съ крайнимъ легкомысліемъ. Существуетъ правило, по которому каждый вновь поступающій рабочій обязанъ угощать товарищей. Нерѣдко передъ этимъ рабочій нѣсколько недѣль сидѣлъ безъ работы,—тѣмъ не менѣе онъ, во что бы то ни стало, обязанъ пропить съ товарищами часть только-что полученнаго заработка. И это происходитъ вовсе не вслѣдствіе жестокости рабочихъ, которые очень хорошо видятъ, въ какое положеніе они ставятъ человѣка этимъ требованіемъ. Стоило бы только вновь прибывшему сказать: «хорошо, братцы, я устрою выпивку, но помните, что она лишаетъ мое семейство послѣдняго куска хлѣба»,—и послѣ этого никто изъ рабочихъ не сталъ бы приставать къ нему съ выпивкою. Но обычай—законъ, и никто въ Англій, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ, не посмѣетъ обойти его.

Суббота—наиболѣе любимый день потому, что за нимъ слѣдуетъ праздникъ, слѣдовательно, въ субботу вечеромъ можно вполне отдаться удовольствіямъ и совсѣмъ забыть про фабрику. За часъ до окончанія субботнихъ работъ утомленные

физиономіи рабочихъ дѣлаются оживленными, поднимаются шутки, остроты, смѣхъ. Рабочіе бѣгутъ мыться и затѣмъ съ фартуками на одной рукѣ группируются въ кружки, ожидая звонка. Въ будній день каждый молча старается, какъ можно скорѣе, направить свои шаги домой,—теперь никто не торопится. Каждого изъ нихъ охватываетъ веселое расположеніе духа. Въ разныхъ кучкахъ поднимается возня, говоръ.

Рабочіе получили свою плату за цѣлую недѣлю и по дорогѣ внимательно рассматриваютъ въ окна магазиновъ и лавокъ, соображая, что имъ нужно будетъ купить, когда, пообедавъ дома, часа черезъ полтора, они явятся сюда со своими хозяйками. Боже, какой соблазнъ передъ ними сегодня! Въ этотъ день всѣ торговцы самымъ заманчивымъ образомъ раскладываютъ свои товары; на окнахъ лавокъ и книжныхъ магазиновъ лежатъ объявленія, украшенные различными картинками; всѣ они рекомендуютъ свои товары «небывалой дешевизны и прочности».

Возвратившись домой, съ блуждающей улыбкой на устахъ, садится рабочій за обѣдъ и старается въ этотъ полупраздникъ все устроить съ особеннымъ удобствомъ. Въ его манерѣ сидѣть, пить, ѣсть видно счастье рабочаго человѣка, что, наконецъ-то, и на его улицѣ праздникъ. Послѣ обѣда Вильямъ или Генрихъ, съ трубкою въ зубахъ, погружается въ сладкую полудремоту, другіе садятся за чтеніе книгъ и газетъ; жена торопливо убираетъ посуду. Затѣмъ начинается туалетъ всего семейства; въ эту минуту по всей комнатѣ только и слышенъ плескъ воды, стукъ отъ упавшей гребенки. Послѣ этой операціи рабочій принимаетъ совсѣмъ другой видъ.

Англійскій рабочій обыкновенно носить куртку, и широкіе шаровары изъ плюса; на головѣ—войлочная шляпа. Въ субботу онъ одѣваетъ то же платье, только воротнички его рубашки блестятъ бѣлизной; однимъ изъ главныхъ украшеній служатъ небольшія стеклянныя и металлическія побрякушки, которыя онъ любитъ привѣшивать къ своимъ часамъ.

Мужъ и жена отправляются на базаръ дѣлать закупки къ завтрашнему празднику. Уже довольно темно, вездѣ зажигаютъ огни. Въ этотъ вечеръ улицы, въ которыхъ сосредоточены конторы, фабрики, склады, представляютъ необыкновенно мрачный видъ: высокія трубы не выбрасываютъ клубовъ дыма, огни вездѣ погашены, окна и двери наглухо заперты. Но заверните въ другую улицу, и все измѣняется передъ вами, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Здѣсь стоитъ несмолкаемый шумъ, прохожіе то и дѣло толкаютъ другъ друга и снуютъ взадъ и впередъ.

Возвратившись домой съ покупками, семья усаживается вокругъ стола. Къ чаю нерѣдко заходятъ знакомые и уговариваются, какъ имъ сообща провести вечеръ. Этотъ вечеръ проводятъ весьма разнообразно: еще до сихъ поръ нѣкоторые отправляются въ кабаки, но громадное большинство теперь уже бѣжитъ на лекціи, на литературные вечера, въ клубы, на концерты, которыхъ въ этотъ вечеръ по нѣскольку во всѣхъ фабричныхъ городахъ; многіе отправляются въ театръ. Театральные райки въ этотъ день биткомъ набиты рабочими; они обыкновенно отправляются туда, словно въ дальній путь: соберутся вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ, возьмутъ съ собою двѣ-три бутылочки пива и закуску и посиживаютъ себѣ въ театрѣ, угощаясь отъ времени до времени. Холостая молодежь любитъ въ этотъ вечеръ посѣщать недорогіе танцевальные вечера. На нихъ приходятъ также фабричныя дѣвушки, но еще болѣе швеи и горничныя. Здѣсь рабочій устраиваетъ свои сердечныя дѣла и, потанцовавъ съ одною и тою же дѣвушкою два-три раза, онъ, глядишь, черезъ мѣсяцъ, другой и женится на ней.

Воскресный день проходитъ гораздо болѣе покойно. Самое любимое наслажде-

ніе этого праздника—какъ можно лучше выпастся. Каждый день рабочему приходится такъ рано вставать, работа такъ утомила его за цѣлую недѣлю, какъ же ему не воспользоваться свободнымъ днемъ? Женщины въ этотъ день хозяйничаютъ особенно ретиво. Рабочій готовъ голодать пять дней въ недѣлю, лишь бы свой субботній чай выпить съ пирожнымъ и хорошо отобѣдать въ воскресенье. Картофель съ сыромъ и зелень съ какимъ-нибудь мучнымъ соусомъ считаются превосходнымъ обѣдомъ для будняго дня, но для воскресенья такой столъ не годится. Въ этотъ день за обѣдомъ рабочаго появляются жаркое, гарнированное зеленью, дешевенькій плумъ-пуддингъ и пиво.

Воскресный обѣдъ играетъ видную роль въ жизни рабочаго не по одному только обилію блюдъ: его подаютъ обыкновенно въ комнатѣ, которая наканунѣ утромъ вымыта и убрана, на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, появляется лучшая посуда, какого-нибудь цвѣтного стекла солонка, блестяція, оловянные ложки,—все это тщательно сохраняется въ комодѣ во всѣ остальные дни недѣли. Отобѣдать стараются въ своемъ семействѣ и приглашаютъ гостей только въ рѣдкихъ случаяхъ. Если къ рабочему заходятъ вечеромъ знакомые и пріятели, онъ оставляетъ ихъ у себя пить чай. Да и безъ приглашенія гости сами приходятъ къ чаю. Забраться же къ кому-нибудь на обѣдъ, безъ особаго приглашенія, считается наглымъ поступкомъ.

Во многихъ промышленныхъ пунктахъ Англіи, особенно въ Ланкаширѣ, существуетъ обычай справлять лѣтомъ «недѣлю фабричныхъ каникулъ». Объ этой недѣлѣ мечтаютъ всѣ рабочіе: старые и молодые, мужчины и женщины, а также подростки обоого пола. Всѣ они задолго до начала этихъ каникулъ условливаются между собой, что посѣтить, куда отправиться на этотъ разъ. Чтобы имѣть деньги на прогулки и увеселительныя поѣздки этой страстно ожидаемой «недѣли», они въ продолженіе всего года дѣлаютъ маленькіе взносы въ особыя кассы, специально устроенныя для этой цѣли. Одни изъ рабочихъ отправляются въ это время въ Лондонъ, чтобы осмотрѣть его достопримѣчательности, другіе — въ ту или другую мѣстность, славящуюся своею красотою, третьи, и такихъ большинство, отправляются на ланкаширское морское купанье. Тогда масса хорошо одѣтыхъ рабочихъ людей расхаживаетъ по берегу моря: тутъ рабочіе хлопчатобумажной промышленности—ткачи, ткачихи, ихъ помощники и помощницы; остальные—большею частью работающіе на машиностроительныхъ заводахъ. Въ улицахъ прибрежнаго морского городка устраиваются для рабочихъ въ эту недѣлю всевозможныя развлеченія: здѣсь съ увлеченіемъ танцуютъ на деревянныхъ помостахъ, тамъ развлекаются каруселями, приводимыми въ движеніе паровой машиной. Среди веселящагося люда вы замѣтите немало проповѣдниковъ, окруженныхъ плотной толпою слушателей; тутъ же неподалеку и дѣти играютъ, и старики расположились кучками, и между ними нерѣдко идетъ оживленный споръ на серьезные темы. Эта «недѣля фабричныхъ каникулъ»—обычай самаго послѣдняго времени; еще лѣтъ тридцать тому назадъ его совсѣмъ не существовало. Какъ развлеченія рабочихъ, такъ уменьшеніе рабочихъ часовъ, увеличеніе заработной платы, самыя разнообразныя общества, товарищества и рабочіе союзы, наконецъ политическая свобода, вмѣсто насильственного подавленія рабочаго движенія, — все въ этой странѣ говоритъ о замѣчательномъ прогрессѣ въ области труда и жизни.

ЧТО ДѢЛАЮТЪ АНГЛІЙСКІЕ РАБОЧІЕ ДЛЯ УЛУЧШЕНІЯ СВОЕГО ПОЛОЖЕНІЯ.

Митинги. — Замѣчательная склонность ко всевозможнымъ организаціямъ и объединенію. — Стачки. — Рабочіе союзы. — Потребительныя артели.

Одно изъ величайшихъ благъ, которыми пользуются англичане, — полная свобода сходовъ и слова: говори, что тебѣ угодно, собирайся, въ какомъ желаешь количествѣ, свободно обсуждай на собраніи какіе угодно вопросы, — все это вполне дозволено. Право сходовъ и свобода слова издавна развили среди англичанъ обычай устраивать митинги, то-есть собранія, сходы, иногда въ высшей степени многочисленные. Всѣ классы общества устраиваютъ здѣсь эти митинги: учителя, плотники, музыканты, рудокопы, столяры. Собравшіеся открыто заявляютъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ или произносятъ цѣлыя рѣчи, предлагая при этомъ различныя средства для искорененія зла. Но прежде всего собравшійся на митингъ народъ выбираетъ председателя. Это необходимо для порядка: иначе многіе заговорили бы сразу, стали бы шумѣть, перебивать другъ друга; председатель наблюдаетъ очередь каждаго, развившаго желаніе говорить. Вслѣдствіе этого все идетъ чинно, благопристойно, безъ всякихъ ссоръ, даже и тогда, когда присутствуетъ 100,000-ная толпа.

Вотъ митингъ носильщиковъ тяжестей въ Лондонѣ: съ національными знаменами въ рукахъ, огромная толпа народа, въ совершенномъ порядкѣ, торжественно выступаетъ по улицамъ, направляясь къ воротамъ Гайдъ-парка. У нѣкоторыхъ въ этой толпѣ вмѣсто знаменъ — огромные шесты, на которыхъ развѣваются листы съ надписями: «на фабрикахъ число рабочихъ часовъ давно уменьшено, только тяжести труда и часовъ занятій носильщика никто не считаетъ». Въ петличкѣ у каждаго цвѣтной бантикъ или кокарда. Впереди огромной толпы идетъ хоръ музыкантовъ и наигрываетъ торжественный маршъ. Кругомъ бѣгутъ дѣти, торговли съ яблоками и пряниками, мастеровые. Гуляющіе останавливаются, чтобы дать дорогу: нарядныя лэди, блестящіе экипажи по полчаса ждутъ, пока пройдетъ послѣдній рядъ этого оригинальнаго войска, нерѣдко длиною въ цѣлую версту. Но вотъ, наконецъ, собравшіеся вступили въ паркъ. Распорядитель указываетъ, куда поставить знамена. Звуки музыки немедленно смолкаютъ. Ораторъ, при громѣ рукоплесканій, всходитъ на возвышеніе и начинаетъ говорить.

Посѣтите подъ рядъ два-три подобныхъ митинга, и вы узнаете, что въ настоящее время волнуетъ и беспокоитъ извѣстную часть англійскаго общества. Если низшіе классы населенія страдаютъ отъ какого-нибудь налога или правительственнаго мѣропріятія, либо какія-нибудь особые обстоятельства вредно отражаются на ихъ положеніи, а то и просто если созрѣваетъ потребность возбудить тотъ или другой вопросъ, — немедленно устраивается митингъ за митингомъ, и притомъ среди людей самыхъ различныхъ профессій. Устроился, напримѣръ, митингъ по поводу того или другого налога, черезчуръ обременительнаго для извѣстной части населенія, — и ораторы подробно излагаютъ, почему тяжесть его особенно для нея чувствительна. Печать и общество обсуждаютъ высказанное народомъ недовольство, а затѣмъ нерѣдко къ правительству поступаетъ множество прошеній объ отмѣнѣ такого налога.

Благодаря такому свободному обсужденію всѣхъ дѣлъ и вопросовъ, они доходятъ до свѣдѣнія всего англійскаго общества, а также и правительству, которое такимъ образомъ имѣетъ всегда ясное и вполне опредѣленное представленіе о нуждахъ, желаніяхъ и взглядахъ своего народа. На митингахъ также обсуждаются дѣла

тельность государственныхъ лицъ, злоупотребленія администраціи, разсматривается, правильно или нѣтъ тратятся казенныя суммы на государственныя нужды, однимъ словомъ нѣтъ вопроса или событія въ общественной жизни англичанъ, который не обсуждался бы на митингахъ.

Митинги являются лучшими помощниками и руководителями печати. Хотя она сама по себѣ свободно обсуждаетъ всѣ вопросы, но митинги представляютъ для нея животрепещущій матеріалъ, даютъ ей возможность направлять вниманіе какъ общества, такъ и правительства на истинныя нужды народа, а слѣдовательно, такимъ образомъ, приносятъ странѣ громадную пользу. Величайшее значеніе этихъ митинговъ заключается также и въ томъ, что они помогаютъ устранять злоупотребленія какъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ, такъ и въ управленіи государствомъ и въ администраціи, однимъ словомъ имѣютъ громадное вліяніе на государственную, экономическую и общественную жизнь, даютъ, наконецъ, возможность английскому народу добиваться всѣхъ этихъ благъ совершенно самостоятельно. Какъ бы ни былъ талантливъ тотъ или другой государственный дѣятель, какъ бы онъ ни былъ преданъ интересамъ своего народа, но онъ не можетъ знать, не имѣетъ силъ и возможности лично изслѣдовать его положеніе въ каждомъ отдаленномъ уголкѣ своей родины. Митинги, которые постоянно происходятъ по всей Великобританіи, знакомятъ правительство и общество (при посредствѣ газетъ, корреспонденты которыхъ немедленно описываютъ каждый митингъ) съ жизнью народа, съ его лишеніями и нуждами, съ его заработками, съ его желаніями, надеждами и требованіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и со степенью его образованія въ самыхъ захолустныхъ уголкахъ страны. Но этимъ еще не ограничивается значеніе митинговъ: они вносятъ жизнь и движеніе, даютъ толчокъ для мысли и матеріалъ для серьезныхъ бесѣдъ въ самыхъ захолустныхъ, провинціальныхъ уголкахъ Англіи.

Митинги въ Англіи существуютъ издавна, но прежде они не имѣли такой силы и значенія, какъ теперь. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ высшіе классы Англіи довольно пренебрежительно относились къ нимъ, и государственные дѣятели чрезвычайно рѣдко выступали съ рѣчами на этихъ публичныхъ сходахъ. Теперь отношеніе къ нимъ высшихъ классовъ совершенно измѣнилось: они, наоборотъ, чрезвычайно интересуются всѣмъ, что на нихъ говорится и обсуждается на митингахъ. Громадное большинство государственныхъ дѣятелей находятъ теперь нужнымъ высказываться на этихъ митингахъ, иногда даже оправдываться передъ собравшимися во взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. На митингахъ ораторами являются теперь какъ простые рабочіе, такъ и люди самыхъ знатныхъ аристократическихъ семействъ. Это развиваетъ въ высшихъ классахъ общества потребность чутко прислушиваться къ мнѣнію народа, стремленіе изучать его бытъ и положеніе, самое искреннее желаніе быть ему полезнымъ. Теперь уже не рѣдкость, что самые знатные люди въ странѣ отдають всѣ свои силы, время и деньги на изученіе народа, дѣлаются ораторами на митингахъ, горячо отстаивая интересы рабочихъ. Это постоянное сближеніе высшихъ классовъ общества съ народомъ невольно заставляетъ англичанъ воспитывать молодое поколѣніе въ несравненно болѣе широкихъ идеалахъ и благородныхъ принципахъ, чѣмъ это было раньше, побуждаетъ ихъ постепенно искоренять въ своихъ дѣлахъ высокомерное, пренебрежительное отношеніе къ бѣднякамъ. Конечно, этому помогаютъ и все болѣе распространяемое образованіе въ массахъ населенія и его быстрое умственное развитіе, но, разумѣется, митинги и сами по себѣ содѣйствуютъ демократизаціи высшихъ классовъ общества, то-есть ихъ сближенію съ народомъ и ихъ искреннему сочувствію къ нему.

Если сравнить прежніе митинги съ теперешними, рѣчи народныхъ ораторовъ тридцать лѣтъ тому назадъ и теперь, то окажется огромная разница: все доказываетъ, что умственное развитіе и просвѣщеніе среди англійскаго простонародья сдѣлали огромные успѣхи, а также и то, что вмѣстѣ съ этимъ весьма упростились и улучшились взаимныя отношенія между высшими и низшими классами общества. Мало того, теперешніе митинги сравнительно съ прежними краснорѣчиво доказываютъ, что въ низшихъ классахъ населенія все сильнѣе развивается потребность обсуждать не только свои личныя дѣла, но и политическіе вопросы, желаніе участвовать въ общественной жизни своей страны. Прежніе ораторы являлись на митинги людьми робкими, наивными, невѣжественными, односторонними, требующими для себя только «хлѣба насущнаго», то-есть желающими, чтобы были удовлетворены лишь ихъ главныя матеріальныя потребности. Теперь совсѣмъ не то: эти народные ораторы оказываются энергичными защитниками интересовъ не только своихъ собственныхъ, но и своихъ товарищей въ другихъ мѣстностяхъ страны; во всемъ, что они теперь говорятъ, видна привычка вдумываться, вглядываться, сравнивать: у всѣхъ у нихъ явились и запросы на пищу духовную, и они не только настоятельно требуютъ распространенія среди нихъ грамотности, техническихъ свѣдѣній, которыя помогаютъ имъ лучше изучать ремесло, но и распространенія высшихъ, университетскихъ знаній.

Въ послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ митинги сдѣлались очень вліятельными, многочисленными и стали обычнымъ явленіемъ англійской жизни. Сто лѣтъ тому назадъ митинги въ четыреста человѣкъ считались уже многочисленными и устраивались несравненно рѣже. Теперь каждый день въ какомъ-нибудь уголкѣ страны происходитъ митингъ, и нерѣдко до такой степени многочисленный, что онъ состоитъ изъ ста тысячъ, а то и двухсотъ тысячъ человѣкъ. Митинги эти, наконецъ, какъ было сказано выше, приобрѣли въ настоящее время такое громадное значеніе, что вліяютъ на законодательство и на образъ дѣйствій самыхъ могущественныхъ лицъ въ государствѣ.

Если мы вспомнимъ безконечное число клубовъ, устраиваемыхъ среди всѣхъ классовъ общества, митинги, стачки, всевозможные, самые разнообразныя союзы, общества и товарищества, то можно смѣло сказать, что стремленіе къ объединенію одна изъ самыхъ яркихъ чертъ характера англичанъ. Они соединяются другъ съ другомъ для выясненія различныхъ вопросовъ, для самозащиты, для умственного и нравственнаго развитія, для устройства развлеченій, а также для улучшенія своего матеріальнаго положенія. Даже здѣшніе чиновники имѣютъ свои общества съ цѣлью охранять интересы своего сословія. И у почтовыхъ чиновниковъ много различныхъ обществъ, и одно изъ нихъ добилося права для всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ принимать дѣятельное участіе въ парламентскихъ выборахъ. Нѣкоторые изъ обществъ, устроенныхъ почтовыми чиновниками, имѣютъ даже печатные органы. Не лишены ассоціацій и таможенные надсмотрщики и служащіе въ разныхъ обществахъ. Весьма сильную и могущественную федерацію (союзъ) составляютъ также чернорабочіе и мастера, служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ. Большинство только-что названныхъ обществъ и союзовъ имѣютъ своею цѣлью не матеріальное обезпеченіе своихъ членовъ, а огражденіе отъ притѣсненій и несправедливости со стороны высшихъ служихъ, съ которыми одинъ человѣкъ, да еще человѣкъ «маленькій», не въ силахъ бороться. Очень сильный союзъ существуетъ у лондонскихъ адвокатовъ; хорошо организованы союзы и среди людей медицинской профессіи: члены этихъ двухъ профессій ограждаютъ себя, главнымъ образомъ, отъ шарлатановъ и невѣждъ и отъ недобросовѣстности кліентовъ и пациентовъ. Немало союзовъ и обществъ и среди людей театрално-музыкальныхъ профессій: «оркестровая ассоціація», «общество хористовъ»,

«общество актеровъ» и другія имѣютъ своей задачей доставленіе мѣстъ, разборъ ссоръ и несогласій между людьми этихъ профессій, а также увеличеніе жалованья. Но у представителей театрално-музыкальной профессіи существуютъ еще особыя общества взаимопомощи, пенсіонныя и другія кассы. Литераторы и журналисты также имѣютъ превосходныя организаціи, богатая по средствамъ и чрезвычайно вліятельныя. Особенно замѣчательнъ «институтъ журналистовъ», который зорко слѣдитъ за интересами своего сословія и за профессиональнымъ поведеніемъ своихъ членовъ. «Фондъ газетной печати» задается исключительно цѣлью матеріальной помощи. Издательскіе интересы авторовъ охраняются «обществомъ авторовъ». Чрезвычайно разнообразны и многочисленны организаціи среди педагоговъ и учителей. Однимъ словомъ, все классы общества, люди всевозможныхъ профессій имѣютъ въ этой странѣ самыя разнообразныя организаціи; только служащіе въ полиціи лишены права организоваться въ общество самозащиты, такъ какъ стачка полицейскихъ могла бы повлечь за собою большіе безпорядки. Зато печать и парламентъ являются могущественными защитниками всякаго низшаго полицейскаго чина отъ произвола старшихъ.

Какъ для митинговъ, такъ и для стачекъ англичане объединяются, въ большинствѣ случаевъ, въ огромномъ количествѣ. Рабочіе устраиваютъ стачку, т.-е. прекращаютъ работу въ томъ случаѣ, когда они предъявляютъ какія-нибудь требованія своимъ хозяевамъ, а тѣ отказываются ихъ выполнить. Рабочіе, напримѣръ, просятъ прибавить имъ жалованья, сократить количество рабочаго времени или уничтожить какой-нибудь разорительный для нихъ штрафъ, — хозяева же находятъ, что рабочіе должны работать на прежнихъ условіяхъ и не думать ни о какихъ улучшеніяхъ въ своей судьбѣ. Тогда рабочіе, условившись между собой, прекращаютъ работу (т.-е. устраиваютъ стачку) въ надеждѣ, что убытки, которые понесутъ отъ этого хозяева, заставятъ ихъ въ концѣ-концовъ выполнить ихъ требованія. Но эти надежды рабочихъ въ прежнее время рѣдко сбывались. Хозяева прекрасно знали, что рабочимъ неоткуда ждать поддержки, что каждый день безъ заработка ведетъ семью рабочаго къ страшной нищетѣ и гибели. И дѣйствительно, когда послѣдняя рубашка была продана, а это случалось очень скоро послѣ прекращенія работы на фабрикѣ, рабочіе бѣжали къ хозяину и умоляли его дать имъ работу на прежнихъ условіяхъ. Тогда уже хозяева начинали обыкновенно жестоко мстить рабочимъ за то, что тѣ осмѣлились устроить стачку и причинили имъ убытки; они пуще прежняго отягощали ихъ работами, вмѣсто прибавки жалованья уменьшали его, увеличивали штрафы. Но съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ «рабочіе союзы», рабочіе, состоящіе членами этихъ союзовъ, получаютъ во время стачекъ хотя нѣкоторое вспомошествованіе; бывали случаи, когда «союзы рабочихъ» выдавали пособія забастовавшимъ рабочимъ и въ томъ случаѣ, когда они не состояли членами союзовъ. Правда, и теперь стачки вносятся въ семьи рабочихъ голодъ, разореніе, отчаяніе и болѣзни, но въ то же время «рабочіе союзы» представляютъ хотя какое-нибудь прибѣжище. Если тотъ или другой рабочій союзъ находитъ, что требованія рабочихъ, предъявленные хозяевамъ, вызваны крайнею необходимостью, въ такомъ случаѣ онъ выдаетъ денежныя пособія участникамъ въ стачкѣ для того, чтобы рабочіе могли смѣлѣе настаивать на выполненіи своихъ требованій, дольше не брались бы за работу и тѣмъ скорѣе понудили бы своихъ хозяевъ выполнить ихъ желанія.

Лучше всего можетъ дать понятіе о нынѣшнихъ стачкахъ та, которая произошла въ докахъ лондонской гавани въ 1889 г. Въ этой стачкѣ участвовало до 150.000 чел. Такъ много участниковъ въ ней оказалось потому, что къ ней присоединились рабочіе и другихъ отраслей труда, только изъ одного сочувствія къ товарищамъ по

труду не требуя ничего лично для себя; всё они геройски переносили всевозможные лишения до самого конца, т.-е. пока желанія доковых рабочих не были удовлетворены.

Портовое рабочее население занято очень разнообразными работами, но преимущественно нагрузкой и разгрузкою судовъ и товаровъ въ складахъ. Такъ какъ судамъ необходимы вода, уголь и газъ, то вслѣдствіе этого существуютъ рабочіе самыхъ разнообразныхъ профессій: нагрузчики, разгрузчики, рабочіе газовые, водопроводные, угольные, спеціально судовые, магазинные, портовые, возчики и т. п. Для разгрузки и нагрузки судовъ въ лондонскомъ портѣ существуютъ пристани, содержимыя мелкими капиталистами, и доки, устроенныя акціонерными компаніями. Богатѣйшая изъ нихъ «компанія ость-индскихъ и вестъ-индскихъ доковъ». По давно установившемуся обычаю, всё работы въ докахъ сдавались не прямо рабочимъ, а съ подряда, черезъ посредство особыхъ предпринимателей-кулаковъ, которые отъ себя уже нанимали рабочихъ; за это посредничество у нихъ оставалась добрая половина платы. Портовыхъ рабочихъ, вѣчно перебивавшихся съ страшною нуждою, всегда возмущали эти кулаки-посредники. Стачка въ докахъ лондонской гавани и произошла потому, что рабочіе потребовали, чтобы эти посредники-кулаки были устранены, а также, чтобы имъ, вмѣсто 5-ти пенсовъ за часъ работы, платили 6-ть пенсовъ *). Нужно замѣтить, что портовые рабочіе нанимаются по часамъ, а не поденно; такъ какъ въ рабочихъ здѣсь нѣтъ недостатка, то ихъ очень часто отпускаютъ послѣ 1, 2, 3 час. работы. Понятно, что даже ничтожная надбавка въ одинъ пенсъ за часъ имѣетъ для рабочаго огромное значеніе.

Началась эта стачка съ того, что небольшая группа рабочихъ ость-индскихъ и вестъ-индскихъ доковъ обратилась въ управленіе компаніи съ просьбою о прибавкѣ платы за работу и объ устраненіи посредниковъ. Время такой просьбы было выбрано очень удачно, такъ какъ изъ печатныхъ отчетовъ компаніи только-что выяснилось, что ея чистый доходъ въ самое послѣднее время возросъ болѣе, чѣмъ на 2 милліона руб. Всѣмъ извѣстная нищета докорабочихъ, ихъ болѣе чѣмъ умѣренныя требованія, а также громадныя барыши доковладѣльцевъ,—все это заставило печать и лучшую часть общества стать на сторону рабочихъ. Однако, долго требованія рабочихъ встрѣчали рѣшительный отказъ.

Этотъ отказъ рабочимъ въ такой скромной и справедливой просьбѣ, удовлетворить которую компанія имѣла полную возможность, раздражилъ огромный классъ докорабочихъ. Доки ость-индской и вестъ-индской компаніи немедленно опустѣли, рабочіе бросились въ стачку, и тысячи ихъ товарищей примкнули къ нимъ. Нагрузка и разгрузка судовъ и товарныхъ складовъ во всѣхъ докахъ и на всѣхъ пристаняхъ Лондона были совсѣмъ прекращены.

Забастовавшіе рабочіе отъ времени до времени собирались на митинги, чтобы подумать сообща о томъ, какія требованія, кромѣ уже представленныхъ, предъявить компаніи ость-индскихъ и вестъ-индскихъ доковъ. Кромѣ прибавки одного пенса въ часъ и устраненія подрядчиковъ, они, наконецъ, рѣшили потребовать прибавки къ платѣ за ночную и сверхсрочную работу. Доковладѣльцы получаютъ за такую работу особенно большую прибыль, и рабочіе нашли справедливымъ, чтобы имъ за нее платили больше, а именно по 8-ми пенсовъ въ часъ. Четвертое требованіе рабочихъ состояло въ слѣдующемъ: они желали, чтобы доковладѣльцы обезпечили имъ

*) Пенсъ равняется безъ малаго 4-мъ коп. на наши деньги, слѣдовательно рабочіе пожелали возвышенія платы съ 20 до 24 к. за часъ.

хотя четыре часа работы въ день или, по крайней мѣрѣ, платили бы имъ за такое количество часовъ даже и въ томъ случаѣ, если въ докахъ не окажется работы на столько времени. Это свое требованіе рабочіе объясняли тѣмъ, что, условившись поступить рабочими на доки, они обязаны являться туда по вызову даже и въ томъ случаѣ, если тамъ окажется работы хотя бы на одинъ часъ, несмотря на то, что при такой ничтожной работѣ сплошь и рядомъ они теряютъ заработокъ въ другомъ мѣстѣ; между тѣмъ на 5-ть, даже на 10-ть пенсовъ, если имъ приходится поработать одинъ-два часа, нельзя прокормить семьи.

Во время этой стачки вожакі рабочихъ устраивали не только митинги, но и громадныя процессіи. Вся толпа въ 40—50, а то и въ 100—150 тысячъ чел., со знаменами и девизами, проходила по улицамъ Лондона, послѣ чего она обыкновенно отправлялась на митингъ. Кстати замѣтимъ, что эти громадныя толпы голодныхъ, забастовавшихъ рабочихъ, проходя процессіями по улицамъ Лондона, въ магазинахъ котораго сосредоточены всѣ богатства и соблазны міра, вели себя необыкновенно благоразумно. Вообще за всѣ пять недѣль стачки поведеніе рабочихъ, испытывавшихъ безъ работы страшныя лишенія, было въ высшей степени сдержанно. Никто изъ нихъ въ это время не посягнулъ на чужую собственность, никто не совершилъ никакого преступленія. Какъ благородное поведеніе рабочихъ во все время 5-ти-недѣльной стачки, такъ и ихъ умѣренные, законныя требованія привлекли къ нимъ вниманіе и сочувствіе всей Великобританіи. Въ продолженіе 5-ти-недѣльной стачки забастовавшіе рабочіе постоянно получали со всѣхъ концовъ страны сочувственные адреса ото всѣхъ товарищей по труду. Защиту интересовъ рабочихъ приняли на себя многія знатныя и вліятельныя лица Лондона. Въмѣстѣ съ тѣмъ открылся конгрессъ—сѣздъ представителей всѣхъ англійскихъ рабочихъ союзовъ (нѣкоторые изъ нихъ располагаютъ громадными средствами). Этотъ конгрессъ выразилъ сочувствіе дѣлу докорбочихъ и ассигновалъ громадныя пособія въ пользу забастовавшихъ; множество богатыхъ и вліятельныхъ людей въ Англіи своими пожертвованіями тоже постоянно увеличивали кассу для помощи стачникамъ. Мало того: многочисленныя пожертвованія приходили и изъ Австраліи для поддержки стачки. Но все это, конечно, не могло составить 300—400 тысячъ руб. (сумма заработка, которую ежедневно получали доковыя рабочіе), но все же пожертвованія поддерживали ихъ и давали имъ возможность продолжать борьбу, т.-е. настаивать на выполненіи предъявленныхъ ими требованій.

Забастовка рабочихъ повела не только къ прекращенію всѣхъ работъ въ лондонскомъ портѣ, но и къ прекращенію торговли въ Сити (главной торговой части Лондона); дѣла остановились, сотни тысячъ людей слонялись безъ дѣла, не только рабочіе, но и ихъ хозяева, а также всѣ купцы Лондона несли миллионныя убытки. Такое положеніе вещей становилось просто опаснымъ не только для доковладѣльцевъ, но для всего населенія англійской столицы. Все чаще и чаще стали раздаваться голоса, что если не удовлетворятъ справедливыхъ требованій рабочихъ, они подымутъ бунтъ, и что такой пріостановкой во всѣхъ дѣлахъ будетъ нанесенъ страшно тяжелый ударъ процвѣтанію англійской торговли и промышленности.

Доковладѣльцы, однако, несмотря на миллионныя убытки, которые они несли вслѣдствіе прекращенія работъ на докахъ, долго и упорно отказывались исполнить требованія рабочихъ; они надѣялись, что голодъ и нищета послѣднихъ принудятъ ихъ, наконецъ, сдаться и заставить ихъ снова, на прежнихъ условіяхъ, просить у нихъ работы. Но упорство доковладѣльцовъ вызвало лишь негодованіе и презрѣніе къ нимъ общества и горячее участіе къ несчастному положенію забастовавшихъ.

Въ концѣ-концовъ доковладѣльцы вынуждены были выполнить главныя требованія рабочихъ, и стачка прекратилась.

Теперь познакомимся съ «рабочими союзами», которые, какъ было сказано выше, приходятъ на помощь рабочимъ въ тяжелыя минуты ихъ жизни. «Рабочіе союзы» (трэдъ-юніоны, какъ ихъ называютъ; «Trade»—ремесло, промыселъ, «Union»—союзъ, т.-е. промышленные союзы; но теперь трэдъ-юніоны сдѣлались общимъ названіемъ рабочихъ союзовъ), дѣйствительно, въ высшей степени помогаютъ англійскимъ рабочимъ улучшать свое матеріальное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ развиваться умственно и нравственно.

Цѣль «рабочихъ союзовъ», устроены-ли они для земледѣльцевъ, или для городскихъ рабочихъ, содѣйствовать возвышенію платы за трудъ, уменьшенію количества рабочихъ часовъ. Они поддерживаютъ также рабочихъ во время болѣзни и безработицы, выдаютъ пособія вдовамъ и сиротамъ умершихъ рабочихъ, оказываютъ содѣйствіе тѣмъ, которые рѣшились выселиться съ родины и проч. Однако, цѣль союзовъ заключается не только въ помощи рабочимъ, но и въ защитѣ ихъ самыхъ разнообразныхъ интересовъ, а также въ борьбѣ съ капиталистами посредствомъ стачекъ, хотя въ самое послѣднее время «союзы» все чаще и чаще стараются улаживать всѣ недоразумѣнія между рабочими и хозяевами миролюбивымъ образомъ.

Основной капиталъ каждаго союза прежде всего образуется изъ членскихъ взносов. Размѣръ этихъ взносов очень различенъ: въ одномъ «союзѣ» онъ больше, въ другомъ гораздо меньше. Къ тому же этотъ взносъ сильно мѣняется: въ несчастныя годы онъ уменьшается, въ счастливыя увеличивается. Случается, что опредѣленнаго взноса не хватаетъ на поддержку капитала въ томъ размѣрѣ, какой принятъ по уставу; въ такихъ случаяхъ онъ увеличивается нерѣдко вдвое и втрое противъ обыкновеннаго. Такимъ образомъ образуется капиталъ, который значительно увеличивается въ счастливыя годы и назначается на поддержку членовъ общества, когда у нихъ нѣтъ работы или когда они не могутъ работать вслѣдствіе болѣзни, дряхлости, стачки или какого другого несчастія.

Вспомоществованіе, выдаваемое союзомъ своимъ членамъ, очень различно. Вотъ что сказано въ уставѣ рабочаго союза для инженеровъ и механиковъ: «Если кто-либо изъ членовъ потеряетъ работу при обстоятельствахъ, благопріятныхъ для его ремесла (т.-е. когда въ производствѣ не произошло никакого кризиса), то получаетъ въ первыя 14 недѣль по 5 шиллинговъ въ каждую, въ слѣдующія 30 недѣль по 3½ и затѣмъ по 3 шиллинга до истеченія года, когда всякая выдача пособій прекращается. Если оставшійся безъ работы членъ общества вздумаетъ поискать счастья въ другой мѣстности, онъ получаетъ отъ секретаря подорожную, которая, удостовѣряя личность предъявителя, даетъ ему возможность получить слѣдующую пенсію въ томъ городѣ, куда онъ переселится. Въ случаѣ болѣзни, рабочій увѣдомляетъ о томъ секретаря и получаетъ въ теченіе 26 недѣль по 5 шиллинговъ каждую недѣлю и затѣмъ по 2½ шиллинга вплоть до самаго выздоровленія. Такое же пособіе получаетъ членъ, заболѣвшій въ дорогѣ во время пріисканія работы. Въ случаѣ нужды, администрація общества увѣдомляетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ друзей и родныхъ больного или даже отправляетъ его къ нимъ на счетъ общества. Членъ означеннаго общества, если онъ вслѣдствіе тяжелой болѣзни или увѣчья навсегда потерялъ способность исполнять какую бы то ни было работу, получаетъ единовременно сумму въ 100 ф. ст. Люди старѣе 50-ти лѣтъ, если они состояли членами въ обществѣ не менѣе 18-ти лѣтъ сряду и не имѣютъ никакихъ занятій, получаютъ, въ случаѣ просьбы съ ихъ стороны, пожизненную пенсію въ

размѣръ 3¹/₂ шиллинговъ въ недѣлю. Въ случаѣ смерти члена, его вдова или ближайшіе родственники, а равнымъ образомъ и всякій членъ, въ случаѣ смерти его жены, имѣютъ право на полученіе суммы, необходимой для покрытія погребальныхъ расходовъ».

Въ 1885 г. масса рабочаго люда осталась безъ куска хлѣба, благодаря кризису, охватившему почти все главныя отрасли производства. Вотъ въ это то время, какъ и въ другія години бѣдствій, тысячи несчастныхъ семействъ буквально могли бы умереть съ голоду, если бы не существовало рабочихъ союзовъ.

Наиболѣе вліятельными изъ этихъ союзовъ считаются: «союзъ рудокоповъ» (500.000 членовъ), затѣмъ «соединенное общество инженеровъ, механиковъ, строителей мельницъ и кузницъ» (75.000 ч.) и друг. Каждый, желающій сдѣлаться членомъ одного изъ союзовъ, долженъ быть рекомендованъ двумя членами, которые обязаны поручиться, а иногда доказать, что рекомендуемое ими лицо хорошо знаетъ свое дѣло и честнаго поведенія. Въ члены того или другого союза не могутъ быть приняты рабочіе, которые занимаются своимъ ремесломъ менѣе 2, 3, а иногда и 5 лѣтъ, и тѣ, которые мало успѣваютъ въ немъ. Организациа рабочихъ союзовъ получила въ Англіи широкое развитіе и представляетъ значительную силу, съ которою приходится считаться.

Въ различныхъ союзахъ Великобританіи насчитываютъ 1.500.000 рабочихъ, —это составляетъ приблизительно пятую часть рабочихъ мужского пола. Хотя еще множество рабочихъ не состоитъ членами союзовъ, но, несмотря на это, союзы уже достигли блестящихъ результатовъ. Одна изъ главныхъ причинъ ихъ замѣчательнаго успѣха—высокія личныя достоинства и необыкновенная преданность дѣлу вождей и руководителей этихъ союзовъ. И дѣйствительно, по большей части, это люди во всѣхъ отношеніяхъ выдающіеся, не даромъ они пользуются всеобщимъ довѣріемъ и исполняютъ многія почетныя обязанности. Они обыкновенно являются представителями рабочаго класса въ парламентѣ. Въ совѣтахъ графства рабочіе ввѣряютъ представительство своихъ интересовъ тоже руководителямъ союзовъ. Съ ними приходится встрѣчаться и въ приходскихъ совѣтахъ, и въ школьныхъ комитетахъ. Очень многіе изъ вождей рабочихъ союзовъ исполняютъ теперь должности мировыхъ судей. Одинъ представитель хлопчатобумажныхъ рабочихъ Ланкашира былъ отправленъ правительствомъ въ Берлинъ на международную конференцію по вопросу о защитѣ рабочихъ. Въ королевской комиссіи, открытой для изслѣдованія положенія рабочихъ, рядомъ съ капиталистами и аристократами, сидятъ и вожди союзовъ. Все это показываетъ, что представители рабочихъ умѣютъ теперь всюду завоевывать почетное положеніе. И это вполне естественно: вожди союзовъ необыкновенно преданы своему дѣлу. Умъ, знаніе и опытность всегда могли бы доставить каждому изъ нихъ выгодное мѣсто, но они предпочитаютъ удовлетворяться скромнымъ содержаніемъ, которое получаютъ отъ союза, и отдаютъ всю свою жизнь на служеніе ему,—это одно уже достаточно говоритъ о ихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ. Зоркій контроль всѣхъ членовъ союза за ихъ дѣятельностью, а также и ихъ собственное нравственное достоинство заставляютъ ихъ дѣйствовать при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ относительно своихъ собратій справедливо, открыто и окружать себя безупречными помощниками. Въ виду того, что имъ приходится рѣшать вопросы въ высшей степени сложные, имъ необходимо быть людьми весьма знающими и сообразительными. И дѣйствительно, все они, несмотря на множество обязательныхъ дѣлъ и хлопотъ по союзу, постоянно пополняютъ свои знанія и много читаютъ. Ихъ неустанное стремленіе возвыситься до уровня тѣхъ людей, съ кото-

рыми имъ приходится вести переговоры, доставило имъ уваженіе этихъ послѣднихъ. Теперь является все большее количество людей богатыхъ и знатныхъ, которые выказываютъ необыкновенное довѣріе представителямъ рабочихъ союзовъ. Теперь уже владѣльцы многихъ промышленныхъ предпріятій отдають формальное приказаніе своимъ агентамъ никогда не принимать важныхъ рѣшеній относительно состава рабочихъ или условій съ ними, не посоветовавшись предварительно съ представителями рабочихъ союзовъ. Такого успѣха союзы добились не только вслѣдствіе высокихъ достоинствъ своихъ представителей, но и потому, что этому соответствуетъ весь личный составъ союза. Члены союзовъ прекрасно понимаютъ свои обязанности и права: они исправно вносятъ въ кассу свои еженедѣльные членскіе взносы, такъ какъ знаютъ, что отъ этого зависитъ денежная обеспеченность союза, а слѣдовательно важнѣйшая матеріальная основа его успѣха. Между тѣмъ взносы эти въ сильныхъ союзахъ достигаютъ высокихъ цифръ отъ 1 до 1½ шиллинга въ недѣлю. Эти взносы вынуждаютъ рабочаго лишать себя многого, но никакіе соблазны не въ силахъ заставить его сдѣлаться неаккуратнымъ плательщикомъ. Сдѣлавшись членомъ того или другого союза, рабочій старается числиться имъ до самой своей смерти. Членъ союза, неуплатившій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль обязательнаго взноса, вычеркивается изъ состава союза, если только его неаккуратность не явилась результатомъ забастовки, несчастнаго случая или болѣзни. Исправность поступленія взносовъ въ кассы союзовъ даетъ возможность послѣднимъ устраивать солидные фонды, часть которыхъ идетъ на непредвиденные случаи въ родѣ стачекъ, а изъ другой части выдаютъ вспомошествованія членамъ. Рабочіе, входящіе въ составъ союзовъ, оказываютъ поддержку своимъ вождямъ не только аккуратными взносами, но и своею хорошею репутацией и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу; они принимаютъ также дѣятельное участіе въ управленіи дѣлами союза и контролируютъ администрацію фондовъ,—однимъ словомъ члены-рабочіе усердно слѣдятъ за ходомъ дѣлъ своего союза. Въ то время, какъ во главѣ земледѣльческихъ союзовъ Англіи часто стоятъ люди, совершенно чуждые земледѣльческому труду, рабочіе промышленныхъ союзовъ всегда выбираютъ своимъ представителемъ рабочаго своей профессіи, который способенъ вполне понять малѣйшія причины недоразумѣній, возникающихъ между фабрикантомъ и его рабочими.

Рабочіе союзы сильно улучшили матеріальное положеніе англійскихъ рабочихъ. За послѣднія 20 — 30 лѣтъ заработная плата англійскаго рабочаго въ общемъ увеличилась почти на треть, а рабочій день сократился на два, на три, а кое-гдѣ и на четыре часа. Вездѣ, гдѣ существуютъ хорошо организованные союзы (трэдъ-юніоны), тамъ число рабочихъ часовъ меньше и заработная плата выше. Вотъ этимъ-то увеличеніемъ заработка и уменьшеніемъ продолжительности работы англійскіе рабочіе преимущественно обязаны рабочимъ союзамъ. Уже это одно служитъ лучшимъ доказательствомъ блестящаго успѣха союзовъ и привлекаетъ къ нимъ симпатіи не только рабочихъ, состоящихъ членами союзовъ, но и всего рабочаго люда, изъ котораго большинство не числится ихъ членами только потому, что членскій взносъ для нихъ чересчуръ обременителенъ.

Члены союзовъ уже много лѣтъ тому назадъ начали сознавать, что для полнаго успѣха союзовъ имъ мало только сочувствія своихъ товарищей по труду, но необходимо добиться уваженія и признанія со стороны фабрикантовъ, хозяевъ, т.-е. вообще предпринимателей. Этого они могли достигнуть, выказывая полное безпристрастіе и справедливость при рѣшеніи недоразумѣній, возникающихъ между рабочими и ихъ хозяевами. И они, дѣйствительно, употребляютъ всѣ усилія, чтобы, съ

одной стороны, охранять интересы своих товарищей, съ другой—не допускать чрезмерныхъ требованій, грубости и недобросовѣстности по отношенію къ фабрикантамъ. Они запрещаютъ своимъ членамъ прибѣгать относительно своихъ хозяевъ къ оскорбительнымъ словамъ, налагаютъ штрафы на тѣхъ изъ нихъ, которые угрожаютъ хозяевамъ местию, иногда даже выплачиваютъ имъ вознагражденіе за негодный трудъ своихъ членовъ и взыскиваютъ съ провинившихся штрафы. Все это постоянно увеличиваетъ теперь число такихъ фабрикантовъ, которые предпочитаютъ нанимать на свои фабрики именно членовъ рабочихъ союзовъ. Такіе фабриканты прекрасно понимаютъ, что имъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе имѣть своими рабочими членовъ союзовъ, такъ какъ между ними они чаще всего найдутъ искусныхъ мастеровъ и порядочныхъ людей, которые, правда, не дадутъ себя въ обиду но зато не станутъ подымать дразгъ изъ-за пустяковъ. Изъ этого видно, что союзы добились уваженія и довѣрія весьма многихъ фабрикантовъ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ труда, напримѣръ въ бумагопрядильномъ производствѣ Ланкашира, фабриканты и рабочіе, при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, пользуются равными правами: здѣсь какъ фабрикантъ, такъ и рабочіе не могутъ самостоятельно устанавливать рабочую плату. Нужно замѣтить, что теперь уже во многихъ промышленныхъ уголкахъ Англіи хозяева, фабриканты, т. е. предприниматели вообще тоже имѣютъ свои союзы; такъ-же, какъ и рабочіе, они употребляютъ всѣ усилія, чтобы защищать и отстаивать свои интересы. И вотъ въ Ланкаширѣ, при договорахъ рабочихъ съ хозяевами, дѣло рѣшаетъ комитетъ, избранный на половину изъ представителей союзовъ рабочихъ, на половину изъ представителей союзовъ фабрикантовъ. Выгода отъ новой машины или отъ какого-нибудь улучшенія въ производствѣ распределяется между хозяевами и рабочими въ справедливой пропорціи,—такимъ образомъ обѣ стороны пользуются преимуществами улучшеннаго производства. Что же касается опредѣленія платы за трудъ, то она устанавливается на слѣдующихъ условіяхъ: 1) плата зависитъ отъ количества сработаннаго; 2) выгода отъ улучшенія въ машинахъ дѣлится между хозяиномъ и рабочими; 3) всякая работа, не входящая въ обычные обязанности рабочаго, оплачивается особо. Подробныя обозначенія цѣнъ для каждаго рода работы занимаютъ въ нѣкоторыхъ округахъ Ланкашира десятки и сотни страницъ мелкой печати. Чѣмъ лучше машина, чѣмъ доброкачественнѣе работа, тѣмъ выше заработокъ рабочаго. Такимъ образомъ въ Ланкаширѣ рабочій получаетъ вознагражденіе не въ зависимости отъ спроса и предложенія, а отъ количества и качества вырабатываемыхъ имъ товаровъ. Это участіе рабочихъ въ преимуществахъ улучшеннаго производства дѣлаетъ то, что сами рабочіе требуютъ введенія новыхъ машинъ и разныхъ улучшеній. И разъ только какая-нибудь новая машина введена на одной фабрикѣ, всѣ остальные фабриканты по сосѣдству вынуждены ввести ее у себя. Если какой-нибудь фабрикантъ не хочетъ или не можетъ этого сдѣлать, его заставляютъ платить дороже за работу со старыми машинами, производительность которыхъ меньше. Да и сами хозяева во многихъ мѣстностяхъ зорко слѣдятъ теперь за тѣмъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ по сосѣдству не платилъ за трудъ меньше другихъ. Вотъ эта то совершенно новая сторона въ англійской промышленности значительно измѣнила и характеръ стремленій нѣкоторыхъ рабочихъ союзовъ. Въ то время, какъ прежде рабочіе соединялись преимущественно между собой для борьбы съ хозяевами и для взаимнаго обезпеченія себя на случай прекращенія работы, теперь они очень часто соединяются для совмѣстной работы съ хозяевами и выдѣляютъ изъ своей среды извѣстное количество людей, т. е. экспертовъ съ той и съ другой стороны, которые составляютъ

комитеты для опредѣленія платы за трудъ и для справедливой разверстки выгодъ отъ роста промышленности. При такомъ порядкѣ вещей стачки могутъ появляться только въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1893 г. ланкаширскіе фабриканты вздумали предложить рабочимъ скидку въ пять процентовъ за извѣстное количество работы; но и тутъ, благодаря превосходной организаціи союза ланкаширскаго бумагопрядильнаго и ткацкаго производства, дѣло до стачки не дошло. Къ сожалѣнію, пока очень немногія отрасли промышленности въ Англіи могутъ похвалиться такими порядками, какіе существуютъ въ Ланкаширѣ, но хорошо и то, что имъ положено начало.

Что же касается стачекъ, то теперь не только въ Ланкаширѣ, но и во многихъ другихъ промышленныхъ пунктахъ, когда происходитъ какое-нибудь недоразумѣніе между рабочими и хозяевами, устраивается комитетъ, состоящій изъ представителей рабочихъ союзовъ и изъ представителей фабрикантовъ. Этотъ комитетъ обсуждаетъ всѣ спорные пункты, употребляетъ всѣ средства для примиренія и очень часто такимъ образомъ предупреждаетъ стачку. Нынѣ нерѣдко можно услышать, что рабочій хвалится тѣмъ, что его союзъ миромъ оканчивалъ всѣ споры между фабрикантами и рабочими за послѣдніе три-четыре года. Въ самое послѣднее время въ Англіи трудно найти прочно организованный рабочій союзъ, который рѣшился бы на стачку, не попытавшись достигнуть удовлетворенія требованій рабочихъ мирнымъ способомъ. Въ настоящее время могущественные союзы такъ-же опасаются стачекъ, какъ и фабриканты, и рѣшаются на нихъ, какъ на послѣднее отчаянное средство, исчерпавъ предварительно всѣ мирные способы рѣшенія вопроса. Союзы сдѣлали внушить уваженіе и довѣріе къ себѣ не только многимъ фабрикантамъ, но какъ высшимъ, такъ и низшимъ классамъ общества. Всѣ въ этой странѣ стараются теперь выказать имъ свое вниманіе. Власти того города, куда являются на конгрессъ представители союзовъ, чествуютъ ихъ, какъ почетныхъ гостей. На одномъ изъ такихъ конгрессовъ мэръ города сказалъ такое привѣтствіе руководителямъ рабочихъ союзовъ: «вы являетесь истинными представителями огромнаго числа рабочихъ людей... Если ваши пренія, а затѣмъ и ваша дѣятельность дадутъ вамъ возможность улучшить условія существованія массы людей, если вы можете доставить счастье и блага просвѣщенія семьямъ, оказавъ поддержку тому, кто даетъ имъ возможность жить, то ваша миссія поистинѣ священна и благородна». Но нужно помнить, что «рабочіе союзы» объединяютъ пока лишь пятую часть всѣхъ рабочихъ Англіи.

Потребительныя общества тоже служатъ важнымъ подспорьемъ для улучшенія быта рабочихъ. Главная цѣль «потребительныхъ обществъ» — продажа различныхъ товаровъ хорошаго качества, а въ концѣ года распредѣленіе прибылей между членами. Всѣ лавки этихъ обществъ обязаны продавать вполнѣ доброкачественные товары. Если продавецъ общества знаетъ какой-нибудь изъянъ въ требуемой вещи, онъ обязанъ предупредить объ этомъ покупателя. Всѣ продукты въ такихъ лавкахъ продаются по обычнымъ рыночнымъ цѣнамъ, но товары должны быть самаго лучшаго достоинства. Каждый покупатель, приобретающій что-нибудь изъ лавокъ «потребительныхъ обществъ», получаетъ цинковую марку съ обозначеніемъ стоимости покупки. Въ концѣ каждой четверти года эти марки предъявляются, и покупателю выдается соотвѣтственная часть дивиденда, обыкновенно отъ 1 до 3 шиллинговъ за покупки на 1 ф. стерлин. Чтобы сдѣлаться членомъ потребительнаго общества, нужно внести лишь одинъ шиллингъ, — но есть потребительныя общества, гдѣ членскій взносъ и больше. Въ настоящее время введено правило, что дивиденды каж-

даго члена удерживаются до тѣхъ поръ, пока они не составятъ достаточной суммы для покупки пяти паевъ общества по фунту стер. каждый. И уже послѣ этого членъ общества начинаетъ получать дивидендъ на свой пай. Въ нѣкоторыхъ обществахъ взносъ одного шиллинга даетъ уже члену право голоса; въ другихъ—оно предоставляется лишь съ приобрѣтеніемъ пая въ одинъ фунтъ стер.

Задумавъ основать потребительное общество, рабочіе добываютъ уставы и правила для нихъ, серьезно изучаютъ ихъ, а затѣмъ набираютъ членовъ среди товарищей и знакомыхъ. Когда такимъ образомъ общество устроилось, выбираютъ должностныхъ лицъ: одни изъ нихъ обязаны заниматься закупкою товаровъ, другіе—устройствомъ склада или лавки для товаровъ и завѣдываніемъ ими, третьи—торговлею. Всѣ эти лица получаютъ за свой трудъ опредѣленное жалованье. Женщины пользуются одинаковыми съ мужчинами правами и могутъ быть какъ служащими въ обществѣ, такъ и руководителями его. Въ настоящее время потребительныхъ обществъ въ Англіи считается около 1.500, а членовъ въ нихъ 1.400.000. Такъ какъ въ складахъ и магазинахъ потребительныхъ обществъ торговлю ведутъ не только безъ обмана, но съ строгою честностью и добросовѣстностью, то большинство этихъ обществъ положительно процвѣтаетъ. Нѣкоторые изъ нихъ до того разбогатѣли, что имѣютъ собственные дома и большіе магазины, а есть и такія, которыя приобрѣли даже свои пароходы. Въ среднемъ каждый членъ потребительнаго общества получаетъ отъ него выгоды до пяти фунтовъ стер. въ годъ. При этомъ онъ можетъ пользоваться не только доброкачественными товарами, но даромъ получать книги изъ библіотеки, посѣщать лекціи, концерты, клубы, устраиваемые потребителемъ обществомъ, членомъ котораго онъ состоитъ. Какъ только основывается такое общество и дѣла его принимаютъ благоприятный оборотъ, первая забота—устройство библіотеки. Вообще потребительныя общества удѣляютъ значительныя средства на образовательныя цѣли: кромѣ постоянныхъ и передвижныхъ библіотекъ, они устраиваютъ всевозможныя лекціи, вечерніе классы, издаютъ полезныя брошюры, устраиваютъ для членовъ и ихъ дѣтей полезныя развлеченія,—концерты, клубы, поѣздки въ глубь страны, на берегъ моря и т. п. Такимъ образомъ потребительныя общества, кромѣ главной своей задачи, преслѣдуютъ ту же цѣль, какъ и «University extension»—распространеніе просвѣщенія и развитіе въ своихъ членахъ высшихъ идеаловъ. Въ захолустныхъ уголкахъ Англіи потребительныя общества устраиваютъ небольшіе кружки для саморазвитія. Собравшись въ клубъ, кто-нибудь изъ рабочихъ такого кружка читаетъ вслухъ какую-нибудь книжку. Когда какое-нибудь мѣсто въ книгѣ оказалось непонятнымъ, или если кто пожелаетъ поднять вопросъ по поводу какого-нибудь пункта, тотъ проситъ чтеца подчеркнуть это мѣсто въ книгѣ,—затѣмъ чтеніе продолжается. Къ концу вечера всѣ подчеркнутыя мѣста просматриваются, поднимаются вопросы, кто изъ присутствующихъ можетъ—даетъ объясненіе на нихъ, возбуждаются споры.

Потребительныя общества занимаются не только просвѣщеніемъ, но отъ времени до времени протягиваютъ и руку помощи «рабочимъ союзамъ».

ОБРАЗОВАНИЕ НАРОДА.

Учаііе правительства и общества въ дѣлѣ просвѣщенія народа. — Народныя школы. — Вечерніе курсы. — Народный дворецъ. — Арнольдъ Тойнби. — Университетское поселеніе въ восточномъ Лондонѣ. — Клубы для рабочихъ. — Распространеніе университетскаго образованія среди народа.

Въ дѣлѣ народнаго образованія въ Англіи принимаютъ участіе и правительство, и общество. Прежде народное образованіе не лежало на обязанности государства; народныя школы учреждались частными лицами и существовали совершенно независимо отъ правительства, которое совсѣмъ не вмѣшивалось въ ихъ жизнь и порядки. Но когда невѣжество народа стало пугать англичанъ, многіе пришли къ убѣжденію, что народное образованіе будетъ двигаться впередъ несравненно быстрее, если о немъ, вмѣстѣ съ частными лицами, позаботится и правительство. Это оказалось вполнѣ справедливымъ.

Въ Англіи каждое общество, каждый образованный человѣкъ имѣетъ право открыть школу, но и правительство не остается теперь безучастнымъ къ школьному дѣлу. Кромѣ школъ, устроенныхъ частными лицами и обществами, въ этой странѣ теперь немало школъ, устроенныхъ исключительно правительствомъ; въ то же время оно выдаетъ вспомошествованія множеству частныхъ лицъ.

Особенно быстро стала распространяться грамотность среди англійскаго народа съ 1871 г., когда первоначальное образованіе сдѣлалось обязательнымъ. Правда, въ первое время, когда была объявлена обязательность обученія, когда правительство потребовало, чтобы всѣ родители посылали въ школы своихъ дѣтей, достигшихъ извѣстнаго возраста, это нововведеніе было встрѣчено чрезвычайно враждебно, такъ какъ любовь англичанъ къ свободѣ и независимости не выноситъ никакого ограниченія. Но въ настоящее время они привыкли подчиняться этому требованію, къ тому же они стали вполнѣ признавать необходимость образованія, и какъ только дѣти достигаютъ извѣстнаго возраста, опредѣленнаго закономъ, родители безпрекословно посылаютъ ихъ въ школы.

Самая блестящая эпоха распространенія грамотности началась съ 1891 г., когда былъ обнародованъ школьный законъ, сдѣлавшій англійскую народную школу даровою или почти даровою. Любопытенъ при этомъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, разосланный родителямъ учениковъ народныхъ школъ: «Всѣ родители въ Англіи имѣютъ безусловное право на даровое обученіе дѣтей своихъ, въ возрастѣ между 3 и 15 годами. Каждый, желающій обучать дѣтей своихъ и не имѣющій на это средствъ, можетъ требовать дароваго обученія отъ министерства народнаго просвѣщенія. Мало того, не только обученіе должно быть даровымъ, но родители не должны нести расходовъ ни на книги, ни на письменныя принадлежности, необходимыя для школы».

Съ этого времени англійское правительство особенно усиливаетъ свое вспомошествованіе частнымъ школамъ. Самый несчастный бѣднякъ въ Англіи можетъ теперь бесплатно выучиться грамотѣ и получить элементарныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія. Въ первоначальныхъ школахъ, устроенныхъ правительствомъ, и въ очень многихъ частныхъ школахъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, родители ничего не платятъ за первоначальное обученіе своихъ дѣтей. Однимъ словомъ, въ настоящее время двѣ трети всѣхъ элементарныхъ школъ въ Англіи даровыя, а одна треть почти даровая, т.-е. за обученіе въ нихъ приходится платить очень немного. Въ другихъ странахъ часто даже люди вполнѣ состоятельные очень рады, когда у нихъ является возможность помѣстить своихъ дѣтей въ какое-нибудь учебное заведеніе бесплатно,

на казенный счетъ. Англичане смотрятъ на это совсѣмъ иначе: даже люди низшихъ классовъ чрезвычайно тяготятся пользоваться чѣмъ-нибудь даромъ и только въ такихъ случаяхъ помѣщаютъ дѣтей въ даровыя школы, когда они подолгу остаются безъ заработка. Чуть только рабочій обезпечилъ себя работой, онъ старается перевести своего ребенка въ частную школу, гдѣ онъ вноситъ плату, хотя очень небольшую. Совершенно даровымъ обученіемъ онъ считаетъ возможнымъ пользоваться только тогда, когда онъ живетъ болѣе, чѣмъ впроголодь.

Въ Англіи не только заботятся о распространеніи грамотности среди народа, но не жалѣютъ денегъ и на то, чтобы она умственно могла развивать его, чтобы она пробуждала въ немъ такой интересъ къ знанію, который не остывалъ бы и послѣ окончанія школы, а потому употребляютъ всѣ силы, чтобы сдѣлать школьное обученіе болѣе широкимъ по объему и болѣе привлекательнымъ по способу изложенія.

Народныя школы раздѣляются на *школы для малолѣтнихъ*, въ которыхъ дѣти остаются отъ 3 до 7-лѣтняго возраста, и на *школы для дѣтей старшаго возраста*—отъ 7 до 14 лѣтъ. Родители могутъ посылать своихъ дѣтей въ школу, когда имъ исполнилось 3 года, но очень многіе отдають ихъ туда гораздо раньше этого возраста. Правда, очень маленькихъ дѣтей не присаживаютъ сразу къ настоящему ученію: они сначала играютъ въ школѣ съ товарищами такого же возраста, подъ надзоромъ опытной учительницы, которая старается играми, маленькими ручными работами, доступными ихъ возрасту, пѣсенками, занимательными разсказами способствовать развитію различныхъ добрыхъ дѣтскихъ склонностей и хорошихъ задатковъ. Самая характерная черта здѣшней народной школы это то, что въ Англіи удивительно рано начинаютъ учить дѣтей. По послѣднему отчету (за 1895 г.) въ народныхъ школахъ Англіи 5000 дѣтей было ниже 3-хъ лѣтняго возраста. Иностранцевъ, посѣщающихъ англійскія школы, крайне поражаетъ то, что дѣти въ нихъ, уже въ самомъ раннемъ возрастѣ, умѣютъ читать, писать и давать правильные отвѣты. «Удивляешься», говоритъ одинъ американскій писатель, «когда встрѣчаешь такъ много знаній у англійскихъ дѣтей 5—6 л. Тѣ, которыхъ я видѣлъ, быстро читали легкія предложенія, писали четко и отчетливо; мало того, они быстро и легко рѣшали въ умѣ маленькія задачки».

Какъ въ учебныхъ заведеніяхъ для высшихъ классовъ Англіи, такъ и въ народныхъ школахъ обращаютъ огромное вниманіе на физическія упражненія и игры на открытомъ воздухѣ, однимъ словомъ, на спортъ. Не только въ каждомъ городѣ, но въ каждой деревнѣ есть паркъ или особое мѣсто, специально предназначенное для дѣтскихъ игръ.

Не менѣе поражаетъ здѣсь и устройство школьныхъ зданій: каждая мелочь въ нихъ обдумана, и всѣ они обставлены въ высшей степени цѣлесообразно. Для очищенія воздуха, кромѣ оконъ и дверей, существуютъ особыя вентиляціи, прекрасно выполняющія свое назначеніе. Обращено серьезное вниманіе на то, чтобы дѣти какъ-нибудь не схватили простуды: для этого раздѣльную комнату устраиваютъ обыкновенно не у главнаго подъѣзда, черезъ который выходятъ дѣти по окончаніи своихъ занятій. Вниманіе и забота, которыя въ Англіи прилагаютъ какъ общество, такъ и правительство при устройствѣ школьныхъ зданій, видны изъ предписанія, которымъ обязанъ руководиться каждый, приступающій къ постройкѣ зданія народной школы: «ни въ одномъ классѣ не должно быть болѣе трехъ рядовъ скамеекъ, потому что, по мѣрѣ того, какъ увеличивается глубина класса, учителю приходится возвышать голосъ; отъ этого, во-первыхъ, онъ скоро утомляется, во-вторыхъ этимъ увеличивается общій шумъ, неизбѣжный въ многочисленномъ классѣ. Во всякой школѣ необходимъ дворъ для дѣтскихъ игръ, часть котораго должна быть крытой».

Всѣ заботы англійскаго правительства и общества относительно распространёнія грамотности среди народа привели къ блестящимъ результатамъ: еще 50 лѣтъ тому назадъ половина населёнія Англїи не знала грамоты,—теперь очень рѣдко можно встрѣтить безграмотнаго.

Не менѣе жертвъ приносить англійское общество и для распространёнія просвѣщенія среди взрослыхъ. Прежде всего для этого по всей странѣ устроены вечерніе классы, чтобы рабочіе, занятые работой въ продолженіе дня, могли воспользоваться ими въ свободное вечернее время. Чѣмъ бы ни интересовался рабочій, онъ всегда найдетъ подходящіе для себя вечерніе курсы, которые могутъ дать ему хорошее среднее образованіе и удовлетворить его специальнымъ запросамъ. На этихъ вечернихъ курсахъ англійскій рабочій всему можетъ научиться: естествознанію и юридическимъ наукамъ, математикѣ, пѣнію, музыкѣ и, наконецъ, основамъ своей профессиональной дѣятельности. Если англійскій простолюдинъ морякъ, онъ можетъ идти на курсы, гдѣ читаютъ навигацію и астрономію, если онъ электротехникъ—есть спеціальныя курсы, на которыхъ можно подробно познакомиться съ электричествомъ, если его болѣе занимаютъ общественные вопросы, онъ можетъ слушать политическую экономію, исторію, политику, литературу.

Чрезвычайно распространены здѣсь школы и курсы для технического образованія народа: въ нихъ юноши, окончившіе народную школу, а также взрослые рабочіе могутъ изучать машиностроеніе, горное искусство, паровыя машины, кораблестроеніе, архитектуру и т. п. При этомъ, если рабочій настолько бѣденъ, что ничего не можетъ платить за посѣщеніе курсовъ, онъ можетъ все слушать совершенно даромъ, если же онъ въ состояніи вносить хотя небольшую плату, онъ самъ не пожелаетъ пользоваться обученіемъ бесплатно.

Объемъ книги не позволяетъ останавливаться на разнообразныхъ и чрезвычайно многочисленныхъ учрежденіяхъ для просвѣщенія англійскаго народа, а потому мнѣ придется сказать лишь о наиболѣе крупныхъ и оригинальныхъ изъ нихъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ «Народный дворецъ». Онъ состоитъ изъ множества самыхъ разнообразныхъ зданій и занимаетъ огромное пространство. Мѣстоположеніе его выбрано чрезвычайно удачно: онъ находится среди бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона; мимо его воротъ проходятъ всевозможные omnibuses и проложена конножѣзная дорога; кромѣ того, близъ него лежитъ станція подземной желѣзной дороги. Такимъ образомъ бѣдному люду и недалеко, и удобно посѣщать свой «дворецъ». Въ «Народномъ дворцѣ» множество учреждений: одни изъ нихъ предназначены для самыхъ разнообразныхъ образовательныхъ цѣлей, другія—для устройства всевозможныхъ развлеченій, третьи—для игръ и для физическаго усовершенствованія. Вы найдете здѣсь къ услугамъ бѣдняковъ и ихъ семействъ зимній садъ съ аллеями зелени, огромную залу съ хорами, украшенную бюстами и портретами и предназначенную для публичныхъ лекцій и концертовъ, громадную бібліотеку, гигантскую кухню, рядъ дешевыхъ столовыхъ, залы для дамъ, гимнастическія залы, химическія лабораторіи, физическіе кабинеты, мастерскія. Но помимо всего этого «Народный дворецъ» является обширнымъ учебнымъ заведеніемъ, такъ какъ онъ заключаетъ: 1) дневную школу для подростковъ (отъ 13—16 л.) съ трехгодичнымъ курсомъ,—въ нее принимаютъ мальчиковъ, пробывшихъ не менѣе 5-ти л. въ первоначальной школѣ; 2) дневные классы для взрослыхъ рабочихъ, желающихъ основательно изучить инженерное искусство или технологію; 3) вечерніе классы для молодыхъ людей обоего пола, готовящихся къ экзамену при одномъ изъ университетовъ; 4) школа ремеслъ, дающая возможность усовершенствоваться въ ремеслахъ—сапожникамъ, портнымъ, переплет-

чикамъ и т. д.; 5) художественные классы для лицъ обоего пола. Хотя почти во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ существуетъ извѣстная плата, но для рабочихъ, не имѣющихъ средствъ, всегда возможно обучаться даромъ, или почти даромъ.

Цѣль «Народнаго дворца» прежде всего заключается въ томъ, чтобы доставлять народу здоровыя и дешевыя развлечения, которыя бы не только отвлекали его отъ пьянства, праздничнаго безобразія, семейныхъ дразгъ и вообще порочнаго времяпрепровожденія, но и развивали бы въ немъ чувство изящнаго, вырабатывали бы постепенно вкусъ къ прекрасному, приучали бы его къ болѣе облагораживающимъ увеселеніямъ, которыя до сихъ поръ были доступны лишь людямъ богатымъ. Для достиженія этой цѣли даютъ концерты два раза въ недѣлю, кромѣ того по воскресеньямъ два раза въ день можно послушать духовную музыку. Затѣмъ, непрерывно другъ за другомъ, идутъ всевозможные базары и выставки: выставки картинъ, выставки различныхъ животныхъ, птицъ, цвѣточные выставки, выставки столярныхъ, металлическихъ и другихъ издѣлій. Увеселенія, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей, чрезвычайно разнообразны: вечеринки, танцы, фокусы, различные игры. Во время всѣхъ этихъ увеселеній, концертовъ и выставокъ, комнаты «дворца» бывають переполнены простонародіемъ.

Вторая цѣль «дворца» — вносить свѣтъ просвѣщенія въ темную массу народа. Для этого здѣсь существуютъ богатѣйшая бібліотека и читальня, переполненная простонародіемъ особенно въ праздничные дни. Въ техническихъ школахъ «дворца» рабочіе могутъ пополнять свои познанія во всевозможныхъ отрасляхъ науки и искусства. Дѣти рабочихъ имѣютъ возможность получать здѣсь теперь основательное техническое образованіе: вѣдь на фабрикахъ или у ремесленниковъ они лишь механически научаются своему ремеслу. Къ тому же въ этихъ техническихъ школахъ мальчикъ можетъ пробовать свои способности въ разныхъ ремеслахъ и уже затѣмъ болѣе разумно выбрать одно изъ нихъ.

Третья задача «дворца» заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать сближенію, какъ между членами этого учрежденія, такъ и между всѣми посѣщающими его; ея достигаютъ устройствомъ клубовъ, собраній, вечеринокъ, разнообразныхъ игръ. Однихъ клубовъ при «Народномъ дворцѣ» насчитываютъ болѣе двадцати: клубъ шахматный, литературный, диалектическій (для упражненія въ краснорѣчіи), клубъ рисовальниковъ, клубъ игроковъ въ крикетъ, клубъ для молодыхъ дѣвушекъ и т. д. Всѣ эти клубы, какъ видно уже изъ ихъ названій, преслѣдуютъ самыя разнообразныя цѣли. Въ клубъ для дѣвушекъ есть музыкальная комната, особая комната для шитья, читальный залъ и другіе. Здѣсь дочери рабочихъ, если пожелаютъ, могутъ проводить свои вечера, занимаясь чтеніемъ, музыкой или шитьемъ, подъ руководствомъ опытной наставницы.

Народный дворецъ — учрежденіе новое, тѣмъ не менѣе онъ пользуется уже большою извѣстностью. Его устройство стоило громадныхъ денегъ, которыя однако были быстро собраны по подпискѣ. Мысль построить «Народный дворецъ» для обездоленныхъ людей, гдѣ они могли бы находить здоровыя развлечения и духовную пищу, такъ понравилась лучшей части англійскаго общества, что пожертвованія со всѣхъ сторонъ сыпались сотнями тысячъ.

Увеселеніями дворца пользуются за самую ничтожную входную плату. Но для того, чтобы входъ во дворецъ съ его разнообразными учрежденіями обходился еще дешевле, необходимо сдѣлаться его членомъ. Члены дворца, какъ мужчины, такъ и женщины, могутъ бесплатно посѣщать всѣ его многочисленныя и разнообразныя выставки, игры, гимнастическій залъ и нѣкоторые концерты; многія же другія учреж-

денія доступны имъ по пониженной, сравнительно съ остальными посѣтителами, платѣ. Дѣйствительными членами могутъ быть всѣ желающіе отъ 16 до 26-ти лѣтняго возраста; люди постарше въ члены не принимаются, а моложе, отъ 13-ти до 16-ти л., поступаютъ въ, такъ называемое, младшее отдѣленіе. Первые, т.-е. взрослые и притомъ мужчины, платятъ за свое членство 10¹/₂ шиллинговъ въ годъ, женщины же 5 шиллинговъ; да кромѣ того тѣ и другіе при своемъ вступленіи вносятъ еще по 1 шиллингу. Мальчики въ младшемъ отдѣленіи платятъ 4 пенса въ мѣсяцъ и 4 пенса при вступленіи. За это, кромѣ тѣхъ же выгодъ, какими пользуются взрослые, они имѣютъ право бесплатно посѣщать уроки рисованія, стенографіи и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ; кромѣ того специально для нихъ устраиваютъ развѣ въ недѣлю какое-нибудь чтеніе, какое-нибудь особое развлеченіе.

Не менѣе «Народнаго дворца» замѣчательно «Университетское поселеніе», построенное въ восточномъ Лондонѣ, — самой жалкой, самой бѣдной части англійской столицы и называемое также «Учрежденіемъ Тойнби». Кто же такой этотъ Тойнби и что это за учрежденіе?

Тойнби былъ воспитателемъ и учителемъ при оксфордскомъ университетѣ и жилъ только на то, что вырабатывалъ своимъ трудомъ. Уже съ ранняго возраста всѣ обращали вниманіе на его необыкновенно благородный характеръ и любящую натуру. Еще въ пору своего студенчества онъ началъ проявлять горячую симпатію и интересъ къ рабочимъ, изучалъ ихъ бытъ и положеніе и всѣми силами старался пріобрѣсти между ними побольше знакомыхъ и друзей. Когда прекращались университетскія занятія, Тойнби на каникулы переселялся изъ университета въ Уайтчепель — въ то время еще самую жалкую и грязную улицу восточной части Лондона, въ закоулкахъ которой до сихъ поръ ютится самая отчаянная голь и нищета. Нанявъ тамъ для себя комнату, онъ предлагалъ свои услуги какому-нибудь мѣстному благотворительному обществу, чтобы получить хотя самое скромное, но непременно официальное положеніе, которое давало бы ему возможность легче проникать во всѣ притоны нищеты. Устроившись такимъ образомъ, онъ посѣщалъ бѣдныхъ, знакомился съ исторіей жизни каждаго изъ нихъ, помогалъ бѣднякамъ совѣтомъ, заботами о нихъ, деньгами, посѣщалъ клубы рабочихъ, гдѣ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе кругъ знакомыхъ, съ которыми вступалъ въ горячіе споры по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Въ концѣ концовъ Тойнби пришелъ къ непоколебимому убѣжденію въ томъ, что личное знакомство образованныхъ людей съ бѣдняками, стремленіе къ болѣе тѣсному сближенію съ ними болѣе всего повышаютъ умственный уровень низшихъ классовъ, даютъ возможность находить средства для улучшенія ихъ бѣдственнаго матеріальнаго положенія, а потому это сближеніе съ народомъ и есть въ настоящее время главная задача и первая обязанность каждаго порядочнаго, образованнаго человѣка. Возвращаясь къ своимъ университетскимъ занятіямъ, Тойнби и своимъ товарищамъ горячо проповѣдывалъ ту же идею. Нужно замѣтить, что онъ всегда и всюду имѣлъ множество самыхъ преданныхъ друзей, былъ страстно любимъ и глубоко уважаемъ окружающими, какъ въ высшей степени симпатичный, высокоразвитый, увлекающійся и страстно преданный своей идеѣ юноша. Онъ нисколько не измѣнился и тогда, когда кончилъ курсъ ученія, послѣ чего онъ сдѣлался учителемъ и воспитателемъ юношества въ университетѣ. Онъ также, какъ и прежде, всюду проповѣдывалъ свои идеи и былъ окруженъ всеобщей любовью и уваженіемъ, чему особенно помогало то, что въ характерѣ Тойнби не было и тѣни тщеславія и самолюбія; онъ осыпалъ каждаго, съ кѣмъ знакомился, всевозможными услугами, отдавалъ всю свою жизнь, всѣ средства несчастнымъ и работалъ для нихъ до изнеможенія.

Эта жизнь, полная самоотверженія и горячей, страстной любви къ ближнему, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, привлекали къ нему все сердца. Его идеи дѣйствительно имѣли громадное вліяніе на всехъ его окружающихъ, а также и на рабочихъ, съ которыми онъ сближался. Его извѣстность въ Англіи росла съ необыкновенной быстротой. Своею популярностью онъ обязанъ и своему краснорѣчію. Тойнби имѣлъ рѣдкій талантъ говорить увлекательно съ людьми всехъ классовъ общества. Но этотъ же даръ краснорѣчія, вмѣстѣ съ лишеніями, которыя онъ постоянно выносилъ, и самоотверженіемъ для блага обездоленныхъ людей, преждевременно надломили его силы, расшатанныя непосильной дѣятельностью въ различныхъ трущобахъ. Съ 1880 г. онъ прочелъ цѣлый рядъ публичныхъ лекцій для народа. Нервное напряженіе, которымъ сопровождался этотъ трудъ, пагубно повліяло на его и безъ того переутомленный организмъ; онъ схватилъ воспаленіе мозга и умеръ, когда ему не было еще 31-го года. На послѣдней своей лекціи, передъ роковой болѣзнью, которая свела его въ преждевременную могилу, уже совсѣмъ больной, задыхаясь, прерывающимся голосомъ, онъ говорилъ народу, собравшемуся его послушать: «мы, представители среднего класса въ Англіи, до сихъ поръ пренебрегали вами. Но вы должны простить намъ наши несправедливости, а если вы намъ и не простите даже, мы все-таки общаемъ посвятить вамъ всю нашу жизнь, — большого, конечно, мы сдѣлать не можемъ»...

Преждевременная кончина Тойнби произвела самое потрясающее впечатлѣніе какъ на университетскую молодежь Оксфорда, такъ и на всехъ, кто зналъ покойнаго. Такъ какъ Тойнби постоянно проводилъ мысль *объ обязанности образованныхъ людей служить народу, знакомиться съ нимъ, помогать ему своими знаніями и средствами*, то рѣшено было устроить въ восточной части Лондона, гдѣ въ юности такъ много трудился Тойнби и гдѣ особенно много бѣдняговъ, «Университетское поселеніе» или общежитіе. Питомцы университетовъ, уже окончившіе курсъ: врачи, адвокаты, учителя, священники, однимъ словомъ все тѣ, которые желаютъ «не умереть безъ дѣла и жить не безплодно» и стремятся сближаться съ народомъ, чтобы приносить ему пользу, приглашаются селиться въ этомъ новомъ общежитіи.

Предложеніе устроить «Университетское поселеніе» было принято съ восторгомъ. Друзья Тойнби нашли, что это будетъ вполне достойный памятникъ въ честь покойнаго. Когда проектъ о такомъ учрежденіи сдѣлался извѣстнымъ во всей Англіи, со всехъ сторонъ стали стекаться громадные пожертвованія на осуществленіе его. Изъ одной части собранныхъ денегъ составили капиталъ или фондъ, названный «фондомъ Тойнби». На проценты съ этого капитала рѣшили отправлять молодыхъ ученыхъ въ промышленные центры Англіи читать лекціи рабочимъ, собирать свѣдѣнія объ ихъ заработкѣ, жизни и положеніи и печатать эти свѣдѣнія на средства того же фонда. Другая же часть собранныхъ денегъ пошла на устройство громаднаго, величественнаго зданія, названнаго «Университетскимъ поселеніемъ».

Цѣль этого поселенія отчасти та же, что и «Народнаго дворца», — устраивать дешевыя развлеченія для народа, дѣлать все, что только возможно, для распространенія образованія и умственнаго развитія среди него, но въ то же время члены университетскаго поселенія своею первою обязанностью должны считать изслѣдованія о положеніи рабочихъ и сближеніе съ людьми низшихъ классовъ. «Въ послѣдніе годы», говорятъ основатели этого учрежденія, «въ нашихъ университетахъ пробуждается все болѣе усиливашійся интересъ къ людямъ низшихъ классовъ. Но ихъ положеніе узнать вполне хорошо можно только тѣсно сблизившись съ ними. Такое сближеніе людей образованныхъ съ народомъ особенно полезно ему. Бѣдный людъ почти никогда

не ведетъ знакомства съ людьми образованными, а дружить лишь съ такими же невѣждами и бѣдняками, какъ онъ самъ. Разстояніе между образованными людьми и бѣдняками въ Англіи особенно велико: въ этой странѣ высшіе и низшіе классы чрезвычайно отдалены другъ отъ друга, а въ Лондонѣ они даже живутъ въ различныхъ кварталахъ. Между тѣмъ каждый годъ университеты выпускаютъ много молодыхъ, образованныхъ и состоятельныхъ людей, ищущихъ такого дѣла, которое бы приносило пользу ближнимъ, и вотъ такіе-то молодые люди могли бы устроиться среди бѣдняковъ и отдавать имъ хотя часть своего времени».

И дѣйствительно, скоро немало людей вызвалось поселиться въ общежитіи. И раньше были попытки со стороны людей образованныхъ къ сближенію съ народомъ, но онѣ дѣлались очень немногими; теперь же съ каждымъ годомъ все большее количество людей стремится сближаться съ простымъ людомъ, а очень часто отдаетъ на служеніе ему и всю свою жизнь. Къ тому же прежде одиночныя усилія не могли принести той пользы, какую оказываютъ теперь друзья народа, поселившіеся вмѣстѣ среди бѣдняковъ. Почему же теперь такое множество даже богатыхъ и обеспеченныхъ молодыхъ людей оставляютъ свой родной домъ, который часто напоминаетъ дворецъ, отказываются отъ жизни, полной наслажденій, отъ блестящей карьеры и селятся въ мрачныхъ кварталахъ, не только среди простыхъ рабочихъ, но часто среди нищихъ и даже преступниковъ? Причины этого явленія очень различны. Конечно, болѣе всего въ этомъ сказывается жажда дѣятельности, столь естественная во всякомъ молодомъ человѣкѣ. Прежде многіе изъ нихъ тратили свои силы только на то, чтобы добыть себѣ блестящее положеніе въ обществѣ или, по крайней мѣрѣ, заработать какъ можно больше денегъ для того, чтобы жить съ наибольшимъ удобствомъ и достаткомъ. Теперь на это выработался совершенно противоположный взглядъ, а именно, что растрачивать свою энергію на улучшеніе своей личной жизни черезчуръ эгоистично и достиженіе такой цѣли не даетъ вполнѣ развитому человѣку нравственнаго удовольствія. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что въ Англіи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, до сихъ поръ господствовало социальное неравенство: богатый презиралъ бѣдняка, знатный высокомерно относился къ человѣку простого званія. И вотъ въ послѣднее время среди англійскаго общества выдѣляется все большая и большая группа людей, которую возмущаетъ это неравенство. Чтобы загладить эту вѣковую несправедливость, эти люди отказываются отъ случайныхъ преимуществъ рожденія и состоянія и идутъ къ обездоленнымъ и несчастнымъ, чтобы дѣлить съ ними труды, горе и радость, чтобы научить ихъ тому, чему они сами научились, чтобы пріучить ихъ къ благороднымъ удовольствіямъ, чтобы отучить ихъ отъ пороковъ, однимъ словомъ, чтобы быть имъ полезнымъ и по возможности скрасить ихъ неприглядную жизнь.

Какъ же осуществляютъ служеніе народу образованные люди, живущіе въ «Университетскомъ поселеніи»? Ихъ дѣятельность чрезвычайно разнообразна. Внимательно изучая бытъ народа и его привычки (что они считаютъ первѣйшею своею обязанностью), они замѣтили, что среди него господствуетъ сильное недовольство однообразиемъ своей трудовой жизни; имъ удалось убѣдиться также и въ томъ, что всѣ рабочіе страстно стремятся къ удовольствіямъ, а это заставляетъ ихъ, какъ людей темныхъ, прибѣгать къ низменнымъ и порочнымъ развлеченіямъ въ родѣ пьянства. Чтобы отвлечь ихъ отъ кабака и тому подобныхъ притоновъ, образованные люди, живущіе въ «Университетскомъ поселеніи», устраиваютъ самыя разнообразныя развлеченія, которыя въ то же время удовлетворяютъ болѣе высокимъ потребностямъ, а именно *клубы для рабочихъ*. Въ нихъ даютъ концерты и драматическія представленія,

читаютъ лекціи по самымъ разнообразнымъ научнымъ предметамъ; въ нихъ существуютъ и кабинеты для чтенія, гдѣ можно найти всевозможные книги, журналы и газеты. Для игръ въ каждомъ клубѣ устроена бильярдная зала, найдется и комната, гдѣ можно потолковать о своихъ дѣлахъ, и, наконецъ, залы для физическихъ упражненій. Однимъ словомъ, рабочій въ своемъ клубѣ можетъ провести время самымъ разнообразнымъ образомъ: если онъ очень утомленъ дневною работою, онъ просто болтаетъ съ пріятелемъ или смотритъ на театральное представленіе; если онъ имѣлъ возможность отдохнуть передъ этимъ, онъ читаетъ или слушаетъ лекцію,—и всѣ эти разнообразные удовольствія онъ получаетъ за самую ничтожную плату.

Однимъ словомъ работа каждого, вступившаго въ общежитіе «Университетскаго поселенія», должна быть направлена какъ на просвѣщеніе народа въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, такъ и на то, чтобы облагородить его чувства, понятія и стремленія. Для достиженія этихъ цѣлей члены общежитія въ то же время должны давать уроки рабочимъ, какъ взрослымъ, такъ и ихъ дѣтямъ, устраивать для нихъ лекціи, сберегательныя кассы, промышленныя и художественныя выставки, при чемъ они же (т.-е. члены общежитія) должны являться руководителями посѣтителей изъ простонародія; они обязаны также устраивать, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей рабочихъ, здоровыя развлеченія. Ту или другую дѣятельность каждый членъ поселенія можетъ выбрать самостоятельно, соображаясь съ своими способностями, но, кромѣ спеціальной дѣятельности, каждый изъ нихъ обязанъ сближаться съ народомъ, посѣщать заболѣвшихъ бѣдняковъ, устраивать ихъ въ подходящихъ больницахъ, посѣщать всевозможные притоны нищеты, помогать бѣднякамъ прискивать работу и направлять дѣтей рабочихъ, согласно ихъ способностямъ, въ тѣ или другія школы,—однимъ словомъ, такъ или иначе содѣйствовать улучшенію быта простого народа въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

«Университетское поселеніе» заботится не только объ умственномъ и нравственномъ преуспѣяніи народа, но и о его здоровьѣ. Доктора «Университетскаго поселенія» обратили особенное вниманіе на дѣятельность санитарнаго комитета въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона, что немедленно вызвало болѣе бдительный надзоръ за домовладѣльцами и ночлежными пріютами. Съ тою же цѣлью члены «Университетскаго поселенія» устраиваютъ лѣтнія фермы и колоніи для бѣдныхъ дѣтей. Въ Лондонѣ существуетъ масса дѣтей, которыя никогда не видѣли деревни, не имѣютъ представленія ни о поляхъ, ни о деревенскихъ работахъ. Чтобы дать имъ возможность подышать чистымъ воздухомъ и познакомиться съ деревней, члены поселенія устраиваютъ для нихъ помѣщенія въ деревняхъ и отправляютъ туда дѣтей рабочихъ цѣлыми партіями, подъ надзоромъ опытныхъ лицъ.

Хотя «Университетское поселеніе» устроено недавно, но оно сдѣлалось центромъ собранія людей самаго различнаго положенія и образованія: здѣсь сходятся учителя, студенты, рабочіе, ученые, швеи, носильщики, уличные торговцы, бродяги,—одни изъ нихъ, чтобы учить, другіе, чтобы поучаться отъ нихъ. Понятно, какъ такое учрежденіе должно демократизировать англійское общество, т.-е. подавлять его аристократическія привычки и высокомерное отношеніе къ бѣднякамъ и рабочимъ.

Не менѣ замѣчательно, не менѣ свѣта и жизни въ темныя массы народа вноситъ и *великое современное движеніе въ Англій, извѣстное подъ названіемъ распространенія университетскихъ знаній среди народа.*

Въ 1867 г. во многихъ большихъ городахъ Англіи начали устраивать дамскія общества съ цѣлью организовать научныя бесѣды. Эти бесѣды, происходившія днемъ, привлекли такую массу слушателей, что лекторы, приглашенные дамскими комитетами,

рѣшили повторять свои чтенія по вечерамъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными для рабочихъ и вообще для лицъ, занятыхъ въ теченіе дня. Успѣхъ этихъ вечернихъ лекцій превзошелъ всѣ ожиданія, и число ихъ стало быстро увеличиваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе ощущался и недостатокъ въ лекторахъ.

Профессоръ кембриджскаго университета, Стюартъ, принадлежалъ также къ числу лицъ, читавшихъ публичныя лекціи въ различныхъ городахъ. Интересуясь своими слушателями и сближаясь съ ними, онъ убѣдился, что преимущественно три класса англійскаго населенія, лишенные благъ высшаго образованія, стремились къ нему: это были женщины изъ различныхъ слоевъ общества и люди безъ опредѣленныхъ занятій, затѣмъ люди дѣловые—мелкіе торговцы, промышленники, ремесленники и фабричныя рабочіе. Онъ сталъ крѣпко задумываться надъ тѣмъ, какъ бы добиться того, чтобы университетское образованіе сдѣлалось доступнымъ всѣмъ и каждому безъ исключенія. Послѣ различныхъ соображеній и опытовъ ему удалось выработать проектъ, который впослѣдствіи былъ положенъ въ основу этихъ новыхъ университетскихъ курсовъ. Главныя пункты этого проекта, оставшіеся до сихъ поръ неизмѣнными, слѣдующіе: 1) Учебные курсы должны состоять изъ ряда лекцій по одному и тому же предмету. 2) Слушателямъ должно быть дано на руки руководство, въ которомъ читаемый предметъ излагается коротко, но точно и ясно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ должны быть указаны книги, излагающія предметъ болѣе подробно. 3) Слушателямъ должно быть предложено представлять еженедѣльно лектору для просмотра письменный отчетъ о томъ, что они усвоили въ теченіе недѣли. 4) Въ лекціяхъ, читаемыхъ вообще не долѣе одного часа, лекторъ излагаетъ только общія основанія предмета; въ слѣдующемъ же за каждою лекціею урокъ онъ долженъ обстоятельно пояснить тѣ части своей темы, которыя требуютъ болѣе удобопонятнаго изложенія. 5) Желательно, чтобы по окончаніи каждаго курса производилось испытаніе и выдержавшимъ его выдавалось свидѣтельство.

Проектъ свой Стюартъ внесъ въ правленіе кембриджскаго университета съ просьбою придать всему движенію, охватившему уже всѣ слои англійскаго населенія, официальный характеръ и позаботиться объ увеличеніи состава профессоровъ, чтобы имѣть возможность посылать ихъ въ тѣ мѣстности страны, въ которыхъ населеніе заявить желаніе устроить научныя курсы.

Едва только пронесся слухъ о существованіи такого проекта, какъ со всѣхъ концовъ Англіи стали посылать въ университетъ просьбы устроить подобные курсы. Университетъ медлилъ исполнить эти желанія народа, такъ какъ они противорѣчили всѣмъ обычаямъ страны, въ которой высшее образованіе получали только высшіе классы. Но такъ какъ число прошеній все увеличивалось, то университетъ рѣшился, наконецъ, назначить комиссію, которой поручилъ обсудить вопросъ, какимъ образомъ лучше удовлетворить просителей; въ то же время онъ уполномочилъ эту комиссію открывать въ видѣ опыта лекціи и курсы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и назначать экзаменаторовъ для опыта оцѣнки достигнутыхъ результатовъ. Опытъ этотъ, продолжавшійся два года, оказался удачнымъ, и комиссія была превращена въ постоянный комитетъ, который долженъ былъ устраивать научныя лекціи вездѣ, гдѣ для этого будетъ собранъ капиталъ, достаточный для вознагражденія лекторовъ, для оплаты ихъ проѣзда и содержанія, а также для устройства надлежащаго помѣщенія для лекцій. Всѣ эти расходы заставляли устроителей курсовъ взимать со слушателей слишкомъ высокую для многихъ плату. Хотя и при этомъ на лекціи собиралось очень много народа, но англійское общество прекрасно сознавало, что если-бы входная плата была уменьшена, лекціи притягивали бы несравненно больше публики. Какъ только большинство пришло къ этому

убѣжденію, такъ по обыкновенію посыпались щедрія пожертвованія, которыя скоро не только дали возможность удешевить плату за слушаніе лекцій, но и соорудить въ весьма многихъ мѣстностяхъ страны особыя зданія для чтенія ихъ. Послѣ этого дѣло распространенія высшаго образованія пошло очень быстро. Конечно, очень многимъ, особенно рабочимъ, и до сихъ поръ чрезвычайно затруднительно посѣщать лекціи, да къ тому же еще потомъ терять время на подготовку къ нимъ, но они преодолеваютъ всякія препятствія и страстно стремятся къ высшему образованію. Посѣщать лекціи многимъ рабочимъ мѣшаютъ и вечернія обязательныя работы, тѣмъ не менѣе теперь уже имѣется немало примѣровъ того, что рабочіе часто лишаются заработка, лишь бы пойти на лекцію, или отработываютъ пропущенное время въ теченіе ночи. На одномъ такомъ курсѣ, гдѣ читался рядъ лекцій по политической экономіи, первая награда за блистательные отвѣты на экзаменахъ была выдана одному изъ горнорабочихъ, а вторая — дочери богатаго фабриканта. Уже одно это показываетъ, какъ разнообразна публика, посѣщающая лекціи, а также и то, что лекторы стараются приспособить свои лекціи къ потребностямъ всѣхъ слоевъ населенія безъ различія пола, возраста, сословія и степени подготовки.

Многіе рабочіе приходятъ въ такой восторгъ отъ пріобрѣтенныхъ знаній, что считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ посѣтить близлежащія мѣстности страны, въ которыхъ еще не открыты такіе курсы, и убѣждать товарищей, чтобы и они просили въ свою очередь устроить у нихъ чтеніе лекцій.

Насколько быстро въ самое послѣднее время демократизировалось англійское общество, видно изъ того, что два древнѣйшихъ англійскихъ университета—Кембриджскій и Оксфордскій, эти очаги аристократизма и клерикализма, въ которыхъ преимущественно воспитывались дѣти аристократовъ и англиканскаго духовенства въ строго религіозномъ и аристократическомъ направленіи, гдѣ студенты высокомѣрно относились къ товарищамъ-бѣднякамъ,—оба эти университета въ послѣднее время дѣлаются центрами движенія въ пользу распространенія высшаго образованія. Цѣль этого движенія въ отчетѣ одного изъ двухъ университетовъ опредѣляется такими словами: *«если народъ не можетъ придти къ университету, слѣдуетъ университетъ привести къ нему.»*

Это движеніе въ пользу распространенія университетскихъ знаній среди народа (извѣстное въ Англіи подъ названіемъ «University Extension») или, точнѣе сказать, среди всѣхъ безъ исключенія,—будь то женщины, мужчины, старики и юноши обоого пола, кто по какимъ бы то ни было причинамъ не имѣетъ такихъ знаній, но пожелаетъ ихъ получить, начало удивительно быстро распространяться всюду. Количество курсовъ, устроенныхъ только Оксфордскимъ университетомъ, въ 1886 г. было—67, а въ 1889—90 уже 148; количество лицъ, посѣщавшихъ эти курсы въ 86 г.,—9.908, а въ 1889—90—17.904 ч.; Кембриджскій университетъ (въ 89/90 г.) устроилъ 125 курсовъ, Лондонскій въ означенномъ году имѣлъ уже 107. Такое же быстрое приращеніе находимъ и въ количествѣ слушателей. Курсы, устроенные только этими университетами, въ 1886 г. посѣщались 16.752 слушателями, ихъ количество въ 1892 году увеличилось до 44.000 ч.

Въ Лондонѣ главнымъ двигателемъ этого дѣла является «Лондонское общество распространенія университетскаго образованія», которое недавно сдѣлало попытку удешевить плату за лекціи: теперь въ бѣдныхъ частяхъ Лондона за цѣлый курсъ въ 12-ть лекцій платятъ 50 коп. на наши деньги. Впрочемъ стремленіе удешевить лекціи сказывается всюду, гдѣ устраиваются такіе курсы для народа; въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ билетъ на 12-ть лекцій уже стоитъ 30 коп. на наши деньги и, вѣроятно, очень скоро онъ будетъ также дешевъ и вездѣ.

Это замѣчательное движеніе въ Англіи въ пользу распространенія высшихъ университетскихъ знаній среди народа имѣетъ, несомнѣнно, громадное значеніе не только для этой страны, но и для всего міра. До сихъ поръ повсюду высшее университетское образованіе получалось только самымъ небольшимъ числомъ людей, было привилегіей очень немногихъ. Англія подала міру великій примѣръ того, что высшее образованіе можетъ быть доступно громадному числу населенія, и не только богатымъ и знатымъ, но простымъ рабочимъ, женщинамъ и мужчинамъ, однимъ словомъ, всѣмъ, желающимъ получить его, безъ различія званія, пола, состоянія и занятій. Англія сдѣлала университетское образованіе всенароднымъ: всѣ одинаково могутъ теперь получать его въ этой странѣ, не нарушая даже хода своихъ обычныхъ занятій.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ университетскихъ знаній вся организація этого движенія стремится къ тому, чтобы привить разношерстнымъ, часто совсѣмъ мало подготовленнымъ слушателямъ любовь къ чтенію вообще, научить ихъ обращать болѣе вниманія на свое общее образованіе и умственное развитіе, указать имъ для этого массу учебнаго матеріала и научить ихъ пользоваться имъ.

Всѣ предметы, читаемые въ этихъ многочисленныхъ новыхъ университетахъ, раздѣляются на двѣ части: въ одной изъ нихъ читаютъ науки естественно-математическія, въ другой—науки историческія и общественныя. Полный курсъ установленъ въ три года. Образованіе во вновь устроенныхъ университетахъ поставлено научно и совершенно серьезно. Хотя это разношерстная толпа—плотники, мастеровые разнаго рода, прачки, швеи, рудокопы, учительницы, торговцы и торговки, лавочники, фабричные рабочіе, женщины различныхъ классовъ общества, молодежь обоого пола лишь съ среднимъ образованіемъ, а часто не окончившіе и его, однимъ словомъ людъ самый разнообразный и всѣ они подготовлены къ слушанію лекцій несравненно менѣе настоящихъ студентовъ, но стремленіе ихъ учиться такъ велико, что они отвѣчаютъ на экзаменахъ въ общемъ нисколько не хуже студентовъ университетовъ,—таковы, по крайней мѣрѣ, повсюду отзывы экзаменаторовъ. Отчеты лекторовъ о ходѣ этихъ лекцій и объ отношеніи къ нимъ слушателей, особенно простыхъ рабочихъ, чрезвычайно трогательны. Въ числѣ новыхъ студентовъ немало рудокоповъ, которые съ лекціи прямо отправляются подъ землю, въ шахту и работаютъ ночью, чтобы быть свободными къ слѣдующей лекціи. На пріобрѣтеніе необходимыхъ для лекцій книгъ эти люди жертвуютъ не только послѣдними грошами, но въ буквальномъ смыслѣ слова не допиваютъ и не доѣдаютъ. Наиболѣе любимые лекторы получаютъ отъ этихъ новыхъ студентовъ массу писемъ. «Вотъ уже 6 лѣтъ», говоритъ одинъ плотникъ, «какъ я въ первый разъ записался въ число студентовъ; я посѣщалъ всѣ лекціи аккуратно, исключая одной, когда былъ боленъ. Я не сумѣю вамъ высказать, какъ много я обязанъ этимъ лекціямъ: онѣ произвели настоящий переворотъ во всей моей жизни. Я имъ обязанъ тѣмъ, что у меня образовался болѣе широкій взглядъ на всѣ вопросы, мои интересы расширились, жизнь моя сдѣлалась занимательнѣе и счастливѣе».

Если такія учрежденія, какъ «Народный дворецъ» и «Университетское поселеніе» подавляютъ аристократическое высокомѣріе относительно бѣдняковъ, то распространеніе университетскихъ знаній пробуждаетъ также и глубокое уваженіе къ простонародію. Всѣмъ извѣстно, что это университетское образованіе достается простымъ рабочимъ несравненно труднѣе, чѣмъ людямъ обеспеченнымъ, и это одно уже

заставляетъ послѣднихъ цѣнить и уважать свой народъ. Гордому англійскому аристократу теперь не мыслимо будетъ презрительно относиться къ рабочему, если тотъ по образованію и умственному развитію окажется не ниже его.

Это образовательное движеніе внесло замѣчательное оживленіе даже въ такіе провинціальныя уголки Англіи, гдѣ до сихъ поръ жизнь проходила вяло и снотворно. Оно чрезвычайно усилило грамотность среди народа, вмѣстѣ съ этимъ и число читающихъ приняло громадныя размѣры, а слѣдовательно усилило и спросъ на книги и на всѣ образовательныя учрежденія: на первоначальныя школы, на средне-учебныя заведенія, бібліотеки, музеи, картинныя галлерей, на литературно-научныя общества и т. п. Мало того, эта разношерстная толпа слушателей самой различной подготовки, различныхъ возрастовъ и умственного развитія имѣетъ огромное вліяніе на самихъ лекторовъ, на выработку способовъ преподаванія. До послѣдняго времени, когда наука была достояніемъ очень немногихъ избранныхъ, лекціи, въ большинствѣ случаевъ, читались очень сухо и непопулярно. Многіе полагали даже, что общедоступное изложеніе науки унижаетъ ее. Теперь каждому лектору приходится принаравливаться къ разнокалиберной толпѣ его слушателей, и, несмотря на это, онъ обязанъ заботиться о томъ, чтобы его лекціи не теряли своего научнаго значенія. Это послѣднее обстоятельство распространяетъ убѣжденіе среди ученыхъ, что они обязаны, какъ въ печати, такъ и на лекціяхъ, дѣлать науку все болѣе доступною, что уже само по себѣ развиваетъ интересъ къ ней. Но самая большая польза этого движенія заключается въ томъ, что число людей съ высшимъ образованіемъ и широкимъ умственнымъ развитіемъ все растетъ среди англійскаго народа.

Вообще это движеніе произвело глубочайшій умственный и нравственный переворотъ въ умахъ не только англійскаго общества, но и всего міра. Подъ его вліяніемъ во всѣхъ классахъ общества стало распространяться убѣжденіе, что образованіе не можетъ и не должно оканчиваться на школьной скамьѣ. Распространеніе университетскихъ знаній, которыя въ обездоленную среду несетъ интеллигенція, устанавливаетъ умственную и нравственную связь, единеніе между высшими и низшими классами общества. Это сближеніе между собой двухъ классовъ общества, которые до сихъ поръ были отдѣлены другъ отъ друга такою глубокою пропастью, поможетъ имъ дружно, рука объ руку идти по пути прогресса и экономическихъ усовершенствованій. Это замѣчательное движеніе, которое столь блестящимъ образомъ проявилось въ Англіи, распространяется теперь не только во всѣхъ уголкахъ Великобританіи, но и въ другихъ странахъ. Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ курсы по образцу англійскаго «University Extension» были уже устроены въ Шотландіи, Ирландіи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ Австраліи. Въ Даніи, Норвегіи и Швеціи тоже возникли учрежденія, напоминающія англійскіе курсы.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Парламентъ и его могущественное значеніе.—Внѣшній видъ парламента.—Палата лордовъ.—Англійская аристократія.—Право первородства.—Старшіе и младшіе сыновья лордовъ.—Палата общинъ.—Выборы.

Англія славится своимъ государственнымъ устройствомъ и широкою свободою личности ея гражданъ; этимъ она обязана не мудрости своихъ королей, не писаннымъ законамъ, а личному характеру англичанъ, не выносившему и тѣни произвола, и ихъ страстной любви къ свободѣ. Народъ англійскій издавна поража

иностранцевъ своею привычкою къ самоуправленію, любовью къ порядку, уваженіемъ къ правосудію и чувствомъ справедливости и законности. Онъ съ большимъ терпѣніемъ выносилъ всякое наказаніе и взысканіе, но лишь въ томъ случаѣ, когда они были на него налагаемы за нарушеніе закона, а не по произволу и капризу власти имѣющаго. Уже въ началѣ XIII столѣтія англійскій народъ разрѣшалъ распри со своими королями путемъ взаимныхъ соглашеній, которыя кончались актами, одинаково обязательными для той и другой стороны. Таковъ, напримѣръ, актъ 1295 г., по которому никакой налогъ не могъ быть установленъ безъ согласія представителей народа.

Вотъ эти-то свойства свободолюбиваго характера англичанъ, проявлявшіяся во всей ихъ прошлой жизни, и создали имъ тѣ права и преимущества, которыми они пользуются и которыя въ то же время еще постоянно развиваются и крѣпнута. Но въ чемъ же они состоятъ?

Одно изъ видныхъ преимуществъ, которымъ пользуются англичане,—равенство передъ закономъ, что означаетъ подчиненіе всѣхъ классовъ общества однимъ и тѣмъ же законамъ, примѣняемымъ обыкновенными судами. Въ Англіи каждое лицо, если даже оно занимаетъ высокое положеніе въ родѣ перваго министра и кончая полицейскимъ, подлежитъ одинаковой отвѣтственности за противозаконный поступокъ, какъ и всякій другой гражданинъ. Ни одинъ англичанинъ не можетъ быть посаженъ въ тюрьму, арестованъ или подвергнутъ какому-нибудь стѣсненію, если его преступленіе не доказано. Это не значить, что въ этой странѣ уже совсѣмъ нельзя невиннаго человѣка запрятать въ тюрьму. Конечно, и здѣсь это вполне возможно, но каждый виновный въ такомъ противозаконномъ поступкѣ не избѣжитъ отвѣтственности и кары. Къ тому же всѣ дѣла подобнаго рода здѣсь подлежатъ рассмотрѣнію обыкновеннаго суда съ судьями и присяжными, которые никогда не оправдаютъ противозаконнаго дѣйствія изъ-за того только, что оно произошло отъ служебнаго усердія или по приказанію начальника. Каждый взрослый человѣкъ въ Англіи, кто-бы онъ ни былъ, отвѣтственъ за всякій незаконный или несправедливый поступокъ, и ему никогда не удастся облегчить своей вины, если онъ будетъ ссылаться на то, что онъ дѣйствовалъ по приказанію своего начальника. Даже приказаніе короля не можетъ служить оправданіемъ въ совершеніи несправедливаго или незаконнаго поступка.

Свобода личности въ Англіи вполне обезпечена: всякій, кто заключенъ въ тюрьму по обвиненію въ какомъ-нибудь преступленіи, можетъ быть увѣренъ, что его дѣло будетъ надлежащимъ образомъ разобрано, и, если онъ былъ арестованъ несправедливо, его отпустятъ на свободу, а затѣмъ онъ въ свою очередь можетъ начать дѣло противъ своихъ обидчиковъ, кто-бы они ни были и какое-бы высокое положеніе ни занимали.

Однажды типографскій ученикъ былъ схваченъ по ошибкѣ и отправленъ въ тюрьму. Онъ возбудилъ искъ о неправильномъ заключеніи и получилъ 300 фунт. стер. убытковъ, сумма, которой онъ не могъ бы заработать въ цѣлые годы. Къ этому нужно прибавить, что типографскій ученикъ просидѣлъ въ заключеніи всего 6 часовъ. Совершенно понятно, что арестъ безъ вполне достаточныхъ къ тому основанийъ сталъ въ Англіи совершенно немыслимъ послѣ подобныхъ судебныхъ приговоровъ. Изъ этого видно, что права личности въ Англіи были завоеваны не столько путемъ законодательнымъ, сколько путемъ судебнымъ.

Каждый англичанинъ можетъ совершенно свободно жить, гдѣ ему вздумается, можетъ проживать и ѣздить по всей странѣ безъ всякаго паспорта, имѣетъ полное

право, оставляя свое мѣсто жительства, никого объ этомъ не предупреждать, если это только ему самому не нужно для личныхъ дѣлъ. Англичанинъ не можетъ противъ своей воли быть высланъ правительствомъ изъ своего мѣстожительства куда нибудь въ отдаленныя мѣста, въ особенности за море; исключеніе составляютъ матросы и солдаты. Всѣ промыслы открыты для всѣхъ гражданъ: желѣзныя дороги, каналы, доки строятся частными лицами или компаніями и составляютъ ихъ собственность; даже постройка военныхъ кораблей, выдѣлка пороха, литье пушекъ—частный промыселъ.

Англичане пользуются свободою совѣсти и богослуженія. Государственною церковью признается англиканская, но множество сектъ, которыя породила эта религія, совершенно терпимы въ Англіи, и всѣ сектанты пользуются одинаковыми правами со всѣми другими гражданами. Каждый гражданинъ можетъ распространять свою собственную религію, но съ условіемъ не писать ничего съ явнымъ намѣреніемъ оскорбить чувства людей, исповѣдующихъ другую религію, не возбуждать неуваженія къ установленной церкви и не подрывать нравственности.

Ни одна страна въ мірѣ не славится такою свободою печати, какъ Англія. Здѣсь не существуетъ никакой цензуры, нѣтъ надобности ни въ какомъ предварительномъ разрѣшеніи. Относительно печати здѣсь не существуетъ даже выражений въ родѣ слѣдующихъ: «преступленія противъ законовъ о печати», «цензура не дозволяетъ». Въ газетахъ, журналахъ и книгахъ не только свободно обсуждаютъ самые разнообразныя вопросы, но постоянно разсматриваютъ дѣйствія министерства, судебныя рѣшенія, однимъ словомъ всѣ явленія жизни государственной, политической и общественной, съ условіемъ не оскорблять частныхъ лицъ, не наносить вреда ихъ чести и доброму имени. Между тѣмъ въ Англіи нѣтъ закона, которой гарантировалъ бы свободу печати. Напротивъ, существуетъ нѣсколько законовъ, весьма сурово карающихъ за преступленія, совершенныя посредствомъ печати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англіи есть законъ, относящійся еще къ 1215 г., по которому ни одинъ англійскій подданный не можетъ быть подвергнутъ какому бы то ни было наказанію или ограниченію въ правахъ иначе, какъ по суду; есть также другой законъ, относящійся къ 1795 г., по которому преступленія печати вѣдаются обычнымъ судомъ присяжныхъ, какъ и всѣ другія преступленія въ родѣ кражи, убійства и т. п. Такимъ образомъ Англія не признаетъ за печатью политическаго права на свободу, но она признаетъ обычное гражданское (имущественное) право печатать, издавать и продавать книги, газеты, журналы совершенно такъ-же, какъ право выдѣлывать и продавать спички или ваксу. За преступленія, совершенныя путемъ печати (ими считаются напечатаніе клеветы на кого бы то ни было, богохульства или пасквиля, оскорбленіе чьей бы то ни было нравственности, призывъ къ мятежу, подстрекательство къ совершенію преступленія) виновный привлекается къ суду присяжныхъ, слѣдовательно самому обществу принадлежитъ право опредѣлить границы возможной свободы печати. Въ различное время эти границы то суживались, то расширялись, тѣмъ не менѣе печать въ Англіи издавна пользуется такою свободою, которой завидуетъ печать всѣхъ остальныхъ государствъ Европы. Но зато въ области общественной нравственности англійскіе присяжные всегда являются въ высшей степени суровыми, напр., нѣкоторые романы Золя, которые свободно расходятся во Франціи и во многихъ другихъ странахъ, въ англійскомъ переводѣ вызываютъ судебный процессъ и суровыя кары.

Въ Англіи каждый гражданинъ пользуется полной личной свободой: невольничества не существуетъ на всемъ пространствѣ великобританскихъ владѣній; всякій рабъ, вступивъ на англійскую почву, становится свободнымъ человекомъ.

Домъ англичанина неприкосновененъ, какъ крѣпость. Произвести обыскъ въ домъ можно лишь по постановленію суда. Тайна писемъ такъ уважается въ Англіи, что только министерство можетъ дать приказаніе вскрыть письмо, и то обыкновенно по подозрѣнію въ какомъ-нибудь важномъ мошенничествѣ.

Люди всѣхъ классовъ общества имѣютъ право собираться, гдѣ имъ угодно, устраивать митинги и говорить на нихъ или читать, что и какъ вздумается, проводить взгляды, кто какіе пожелаетъ, только съ условіемъ не нарушать спокойствія гражданъ, т.-е. не подымать шума и безпорядка.

Такимъ образомъ важнѣйшія права англичанъ можно выразить въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ; 2) свобода движенія по всей странѣ и свободный выѣздъ за границу; 3) свобода труда и промысла; 4) религіозная свобода; 5) свобода печати и слова; 6) неприкосновенность личности; 7) тайна писемъ; 8) право подачи прошеній королю и парламенту; 9) право ассоціацій. Главнѣйшей основой англійской свободы служить также и мѣстное самоуправленіе. Англійскія графства и города управляются совершенно самостоятельно.

Форма правленія Англіи—монархическая, ограниченная парламентомъ. Права короля въ теоріи чрезвычайно обширны: 1) Ему принадлежитъ все государственное имущество; всѣ государственные доходы считаются его собственностью. 2) Только онъ одинъ имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ. 3) Онъ одинъ можетъ заключать трактаты и союзы, имѣетъ право посылать пословъ и принимать ихъ. 4) Только король или королева можетъ вооружать арміи и флоты и воздвигать крѣпости. 5) Король можетъ распустить армію, можетъ дать отставку всѣмъ офицерамъ, начиная съ главнокомандующаго, можетъ также отпустить всѣхъ матросовъ, продать всѣ военные корабли и всѣ морскіе запасы. 6) Король — верховный судья страны; всякое судопроизводство исходитъ отъ него. Онъ можетъ сдѣлать паромъ каждаго гражданина, можетъ превратить любую приходскую школу въ университетъ, можетъ дать отставку большинству гражданскихъ чиновниковъ, можетъ простить всѣхъ преступниковъ. 7) Онъ глава церкви и проч. На основаніи этихъ правъ королева могла бы постоянно тормозить всякую дѣятельность правительства во внутреннемъ управленіи, унижить націю позорнымъ миромъ или войной и, распустивъ всѣ военныя силы, оставить своихъ гражданъ безъ защиты противъ враговъ. Но все это только въ теоріи, а на практикѣ ни одинъ королевскій приказъ не можетъ быть дѣйствителенъ, пока онъ не подписанъ соотвѣтственнымъ министромъ. А такъ какъ министры несутъ отвѣтственность за каждый шагъ короля, то они соглашаются подписывать королевскіе указы только тогда, когда эти указы вполне соотвѣтствуютъ ихъ убѣжденіямъ. Такимъ образомъ королевская власть въ Англіи есть въ дѣйствительности власть министровъ. За королемъ остается только внѣшность, видимость власти, король въ Англіи царствуетъ, но не управляетъ. Но, разумѣется, если подпись министра нужна для скрѣпы королевской подписи, то въ свою очередь и безъ этой послѣдней ни одинъ законъ не будетъ дѣйствителенъ. Однако, случаевъ отказа въ ней не было за все продолжительное царствованіе королевы Викторіи.

Король имѣетъ *три* неотъемлемыхъ права: 1) право требовать отъ министровъ, чтобы каждое его мнѣніе и совѣтъ были выслушаны и приняты къ свѣдѣнію; 2) на нѣкоторое время онъ можетъ, отказавъ въ своей подписи, задержать осуществленіе каждой мѣры, но при настойчивости министровъ король всегда, и даже довольно скоро, долженъ будетъ уступить; 3) право поощрять и предостерегать. На практикѣ вся власть находится въ рукахъ парламента.

Уже издавна англичане стали стремиться къ тому, чтобы обезпечить самодер-

жавіе націи: хотя король признавался верховнымъ судьей, но постепенно было установлено, что всё дѣла должны подлежать вѣдомству обыкновенныхъ судовъ. Король признавался единственнымъ законодателемъ, но въ дѣйствительности уже давно законодательная власть принадлежитъ только парламенту. Точно также и многія другія права короля теперь существуютъ лишь на бумагѣ. Право короля утверждать или отвергать законодательные проекты, принятые парламентомъ, тоже давно уже не существуетъ. Право объявлять войну и заключать миръ также перешло къ парламенту, да иначе и быть не можетъ: парламентъ утверждаетъ ежегодный бюджетъ, а безъ денегъ нельзя вести войну. Даже право помилованія, которое вездѣ принадлежитъ монарху, въ Англіи принадлежитъ министерству, а въ политическихъ преступленіяхъ — палатѣ общинъ: когда депутаты выражаютъ желаніе помиловать преступника, это желаніе всегда выполняется. Хотя по закону все государственное имущество и всё государственные доходы составляютъ собственность короля, однако на дѣлѣ королевскій бюджетъ строго опредѣленъ. Королева Викторія получаетъ на содержаніе своего двора 325.000 фунтовъ стерлинговъ и 60.000 ф. стерлинговъ на ея личные расходы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ея издержки превышаютъ назначенную ей сумму, ей приходится объ этомъ заявлять парламенту. Однажды въ парламентѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы увеличить содержаніе наследнаго принца, но множество депутатовъ высказалось противъ этого, доказывая, что его содержаніе и безъ того велико.

Парламентъ въ Англіи имѣетъ неограниченную законодательную власть, и выше ея нѣтъ никакой другой власти на англійской землѣ. Англійскій парламентъ имѣетъ право утверждать, расширять, ограничивать, отмѣнять, возобновлять, уничтожать и издавать законы, относящіеся ко всевозможнымъ областямъ: къ дѣламъ духовнымъ, свѣтскимъ, гражданскимъ, военнымъ, морскимъ и уголовнымъ. Всё мѣропріятія и злоупотребленія, которыя не подлежатъ вѣдѣнію обыкновенныхъ судебныхъ учреждений, рѣшаются парламентомъ. Онъ можетъ измѣнить порядокъ престолонаслѣдія (чему было нѣсколько примѣровъ въ англійской исторіи), можетъ перемѣнить господствующую религію страны (какъ это было въ царствованіе Генриха VIII и трехъ его преемниковъ), можетъ измѣнить или пересоздать даже устройство англійскаго королевства и самаго парламента; парламентскій актъ можетъ уничтожить дѣйствіе королевскаго приказа. Парламентъ вмѣшивается даже въ права частныхъ лицъ, которыя въ Англіи считаются особенно священными и неприкосновенными, но такое вмѣшательство парламента происходитъ лишь въ запутанныхъ и сложныхъ случаяхъ. Парламентъ можетъ признать несовершеннолѣтняго, даже ребенка — совершеннолѣтнимъ, признать незаконнымъ незаконнаго ребенка, признать дѣйствительнымъ бракъ, который изъ-за какихъ-нибудь формальностей не былъ совершенъ, какъ слѣдуетъ. Парламентъ разрѣшаетъ и вопросы относительно желѣзныхъ дорогъ, портовъ, доковъ и т. п. Нѣтъ никакой власти въ Англіи, которая могла бы уничтожить то, что сдѣлано парламентомъ, нѣтъ имѣющаго право объявлять недействительными парламентскіе акты.

Парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: 1) *палаты лордовъ*, или, какъ ее иначе называютъ, *верхней палаты* и 2) *палаты общинъ* или *палаты депутатовъ*.

Свою верховную власть парламентъ проявляетъ черезъ посредство министерства. Въ Англіи министерство служить посредникомъ между королемъ и парламентомъ. По закону король имѣетъ полное право выбирать себѣ министровъ согласно своему желанію, на дѣлѣ же, однако, выходитъ совсѣмъ другое, и король выбираетъ только тѣхъ министровъ, которыхъ желаетъ парламентъ, очень часто людей, по своимъ взглядамъ съ нимъ совершенно несогласныхъ. Министерство совершенно подчинено парламенту.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ обѣихъ палатъ и о зданіи парламента, этого древнѣйшаго и могущественнѣйшаго учрежденія Англіи. Парламентъ или Вестминстерскій дворецъ — громадное зданіе, замѣчательно богатое, великолѣпное снаружи и удобное внутри. Снаружи оно украшено статуями всѣхъ англійскихъ королей, внутри оно представляетъ рядъ безконечныхъ корридоровъ, проходовъ и комнатъ, 1100 залъ, нѣсколько большихъ дворовъ и двѣ высокія башни. На одной изъ нихъ устроены такіе громадныя часы, что одинъ главный колоколъ этихъ часовъ вѣситъ 780 пудовъ; въ тихую погоду бой этихъ часой слышенъ на весь Лондонъ. Входныя сѣни, ведущія въ парламентъ, представляютъ залу, не только чрезвычайно красивую, но и необыкновенно громадныхъ размѣровъ.

Прежде чѣмъ вступить въ залу палаты лордовъ, приходится пройти нѣсколько проходовъ, иногда весьма величественныхъ, пока вы не дойдете до того изъ нихъ, въ которомъ стоятъ изображенія великихъ англійскихъ государственныхъ людей. Здѣсь дороги расходятся: нѣлво въ *палату общинъ*, направо въ *палату лордовъ*. Нѣлво все на стѣнахъ и потолкахъ дѣлается проще, напротивъ того, направо — все дороже, великолѣпнѣе и роскошнѣе. Искусство соединяется съ богатствомъ, чтобы украсить даже и коридоры, по которымъ придется пройти лордамъ.

Всякій наслѣдственный лордъ, если онъ въ то же время и членъ палаты лордовъ, называется пэромъ. Старшій сынъ пэра будетъ лордомъ до тѣхъ поръ, пока не наслѣдуетъ мѣста отца въ верхней палатѣ. Значительная часть этой высшей аристократіи Англіи — люди весьма образованные и порядочные. Порядочность весьма многихъ англійскихъ аристократовъ зависитъ отъ того, что англійское общество, не смотря на ихъ богатство и высокій титулъ, предъявляетъ имъ требованія, гораздо болѣе строгія, чѣмъ это дѣлается въ другихъ странахъ въ отношеніи высшаго класса общества. Нечего и говорить, что и между англійскими аристократами немало людей совершенно ничтожныхъ, которые только и думаютъ о томъ, чтобы наслаждаться жизнью и кутить, но очень многіе изъ нихъ проникнуты самыми гуманными идеями и отличаются блестящимъ образованіемъ. Ихъ дочери считаютъ долгомъ устранивать школы и преподавать въ нихъ; наиболѣе талантливые изъ ихъ братьевъ, окончивая курсъ въ университетахъ, стараются примѣнить свои знанія, читая безвозмездно лекціи рабочимъ въ разныхъ фабричныхъ городахъ. Наиболѣе знаменитые изъ аристократовъ очень часто стоятъ во главѣ разныхъ благотворительныхъ учреждений.

Но если заслуги аристократіи, дѣйствительно, значительны, то все же онѣ обходятся государству слишкомъ дорого: въ государствѣ созданъ цѣлый рядъ особыхъ мѣстъ исключительно для аристократовъ. Почти всѣ выгодныя и доходныя мѣста въ арміи, флотѣ, администраціи, всѣ наиболѣе вліятельные и выдающіеся посты въ англійскихъ колоніяхъ, въ дипломатическомъ корпусѣ, при дворѣ, даже въ англійской церкви приберегаются для различныхъ членовъ аристократическихъ семействъ. Жалованье, которое они получаютъ, несоразмѣрно велико сравнительно съ ихъ трудомъ и выше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствахъ: очень многіе изъ нихъ получаютъ по 50 и 60-ти тысячъ руб. въ годъ, а нѣкоторые по 100.000 и даже болѣе. Также баснословно велики и пенсіи, получаемыя нѣкоторыми изъ аристократическихъ семействъ уже въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій: здѣсь существуютъ семьи, которыя получаютъ ежегодной пенсіи по 190.000 и по 200.000 р. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ рукахъ аристократическихъ семей преимущественно сосредоточена вся поземельная собственность. Цѣлые города строятся нерѣдко на землѣ того или другого аристократа, и каждый городской домъ, каждое зданіе приноситъ ему извѣстный доходъ, а по истеченіи аренднаго срока всѣ постройки поступаютъ

въ его полную собственность. Тѣ аристократы, которымъ принадлежатъ земли въ горныхъ округахъ, получаютъ десятки милліоновъ отъ горнопромышленниковъ.

Но возвратимся къ палатѣ лордовъ. Хотя многіе изъ аристократовъ, какъ уже было упомянуто выше, выказываютъ весьма серьезную заботливость о благосостояніи народа, но палата лордовъ, какъ законодательное собраніе, ровно ничего не сдѣлала въ этомъ отношеніи, а напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, выступала противницей всѣхъ мѣръ, стремившихся улучшить благосостояніе народа: когда вопросъ идетъ о поземельной собственности, объ интересахъ крупныхъ собственниковъ, палата лордовъ обыкновенно стоитъ на стражѣ крупныхъ собственниковъ и капиталистовъ, однимъ словомъ охраняетъ интересы состоятельнаго меньшинства противъ неимущаго большинства.

По закону первородства въ Англіи только старшій сынъ наследуетъ титулъ своего отца и его недвижимую собственность. Такой порядокъ вещей, какъ думаютъ многіе, порождаетъ зависть съ самыхъ юныхъ лѣтъ. И дѣйствительно, въ то время какъ старшій сынъ, богатый, знатный и независимый отъ рожденія, приходитъ и поселяется въ готовомъ роскошномъ замкѣ, младшій долженъ *сдѣлать свою карьеру*. Англичане, однако, утверждаютъ, что такой порядокъ вещей оскорбляетъ ихъ гораздо менѣе, чѣмъ это предполагаютъ иностранцы: они сживаются съ этими понятіями съ дѣтства; такъ какъ обычай этотъ древній, то они и подчиняются ему вполне и принимаютъ его, какъ нѣчто неизбежное. Допустимъ однако и то, что обычай первородства порождаетъ зависть въ младшихъ членахъ аристократическихъ родовъ, зато онъ вноситъ въ этотъ классъ общества и много хорошаго. Аристократы знаютъ, какая участь предстоитъ ихъ младшимъ сыновьямъ, и стараются пріучить ихъ къ труду, дать имъ основательное образованіе. Младшіе сыновья не хотятъ отстать отъ старшаго брата, и если тому предстоитъ играть высокую роль въ обществѣ въ силу своего рожденія, они стремятся достигнуть не менѣе блестящаго положенія своими талантами и знаніями. Къ тому же, привыкнувъ съ дѣтства къ роскоши и удовольствію, они трудятся съ утра до поздней ночи, лишь бы жить съ прежнимъ комфортомъ. Этотъ обычай первородства, какъ утверждаютъ англичане, удерживаетъ многихъ молодыхъ людей аристократическихъ фамилій отъ праздности, принуждаетъ ихъ къ серьезному труду. Большая часть младшихъ дѣтей лордовъ поступаетъ въ армію, флотъ, въ адвокаты, въ духовное званіе и болѣе всего въ военную службу. Какъ младшіе сыновья, такъ и будущіе пары очень часто женятся по любви на простыхъ дѣвушкахъ изъ средняго класса общества. Даже «хлопчатобумажнымъ князьямъ», какъ здѣсь называютъ богатыхъ владѣльцевъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, нѣрѣдко удается породниться со старою титулованною аристократіею. Изъ этого ясно, что неравный бракъ у нихъ не имѣетъ большого значенія, и аристократическій родъ считается по отцу, а не по матери. Какъ бы то ни было, изъ этого видно, что англійская аристократія не представляетъ собою замкнутаго сословія: въ ея ряды посредствомъ брака постоянно вступаютъ новые люди.

Осмотримъ, однако, залу палаты лордовъ. Солнечные лучи, проникающіе черезъ высокія стекла, необыкновенно эффектная игра и отраженіе свѣта на мозаичномъ полу—вотъ первое впечатлѣніе, которое производитъ зала палаты лордовъ. Но когда, черезъ мгновеніе, вы оглянетесь вокругъ, васъ поразятъ замѣчательная роскошь и блескъ этой залы. Эта высокая, круглая зала со сводомъ имѣетъ просто волшебный видъ! Несмотря на полдень, въ ней темно: кругомъ горятъ лампы, и при этомъ солнце все-таки проникаетъ черезъ толстыя, ярко раскрашенныя стекла. Фрески на стѣнахъ и потолокъ изображаютъ главнѣйшія событія изъ исторіи Англіи, а на раз-

рисованныхъ окнахъ блестятъ яркими красками гербы и девизы старыхъ королевскихъ родовъ и изображены портреты королей и королевъ Великобританіи; въ нишахъ между оконъ стоятъ статуи; позолота и яркія краски гербовъ и другихъ національныхъ украшеній карниза и потолка придаютъ много блеска. Особенный блескъ залъ палатъ лордовъ придаетъ тронъ (подъ золотымъ балдахиномъ), съ котораго короли англійскіе открываютъ и закрываютъ засѣданія парламента. Государство не пожалѣло расходовъ, чтобы придать особенный блескъ и роскошь этому трону; онъ обитъ краснымъ бархатомъ и щедро украшенъ золотомъ и брилліантами. Много также вносятся разнообразія и придаютъ блеска два другіе находящіеся здѣсь трона. Большая часть залы занята скамьями, обитыми краснымъ сафьяномъ.

Прежде, чѣмъ говорить о составѣ палаты лордовъ, нужно имѣть хотя нѣкоторое представленіе о сословномъ дѣленіи англійскаго народа. Многочисленные титулы и разнообразныя названія англійскаго дворянства чрезвычайно запутаны. Мы легко знакомимся съ іерархическою лѣстницею французскаго дворянства, съ его «дюками», «маркизами», «контами», «виконтами», «баронами» и «шевалье»; между тѣмъ для англійскаго высшаго сословія нужно особенное изученіе и помощь различныхъ справочныхъ книгъ. Болѣе всего здѣсь затрудняетъ то, что глава семьи, а иногда и старшій сынъ, носятъ особый титулъ и прозвище, чѣмъ все остальные члены семьи. Такъ, напр. родовое имя герцога Ньюкастля, — Генри Пельгамъ Клинтонъ, а его старшій сынъ — графъ Линкольскій. Сынъ герцога Бедфордскаго называется маркизъ Тавистонъ. Глава знаменитаго дома Монтэгю называется графъ Сандвичъ, а его старшій сынъ носитъ титулъ виконта Гинчинброка; старшій сынъ графа Дерби называется лордомъ Стэнли и т. д. во всехъ фамиліяхъ, изъ которыхъ состоитъ англійское дворянство. Для самихъ англичанъ было бы невозможно найтись въ этомъ генеалогическомъ лабиринтѣ, если бы у нихъ не выходили въ эту цѣлю множество картъ, росписей и нѣсколько различныхъ справочныхъ книгъ, изданныхъ обыкновенно съ особенною роскошью, въ бархатныхъ переплетахъ съ золотыми украшениями, которыя всегда красуются на письменномъ столѣ каждаго знатнаго человѣка.

Въ Англіи существуетъ два главныхъ сословія: nobility (дворянство) и commonalty (среднее сословіе). Къ сословію nobility принадлежатъ герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны. Старшіе сыновья этихъ пяти классовъ получаютъ титулъ лорда и все недвижимое имущество; только они одни и считаются настоящими дворянами, между тѣмъ какъ младшіе сыновья тѣхъ же 5-ти классовъ не причисляются даже къ дворянству. Правда, младшіе сыновья герцоговъ, маркизовъ и графовъ, т. е. трехъ первыхъ, высшихъ классовъ дворянства, въ уваженіе къ ихъ родителямъ, носятъ титулъ лордовъ, но съ этимъ титуломъ не соединяется никакихъ правъ. Commonalty распадается на верхній и нижній слой. Верхній слой образуетъ *джентри*; къ нему принадлежатъ младшіе сыновья высшихъ классовъ дворянства и затѣмъ также три класса низшаго дворянства: knights, которые получаютъ это званіе въ военныхъ или гражданскихъ должностяхъ, *баронеты* и *эсквайры*. Баронеты имѣютъ титулъ сэра и гербъ и передаютъ свое достоинство по наследству. Баронетовъ въ Англіи очень много, и это особенно потому, что прежде короли безпрестанно вознаграждали баронетскимъ патентомъ всякаго, кому они были чѣмъ нибудь обязаны. Все самостоятельные крупные землевладѣльцы, рантье и т. д. пользуются титулами *эсквайра*, котораго не лишается никто изъ принадлежащихъ къ лучшему обществу. Къ *джентри* причисляются все члены нижней палаты, адвокаты, высшіе чиновники, ученые и художники, офицера, духовныя лица, крупные коммерсанты и фабриканты; въ обширномъ смыслѣ слова въ составъ джентри входятъ все образованные и воспитан-

ные люди. Не принадлежать къ джентри и не имѣютъ титула сэра: мелочные торговцы и лавочники, мелкіе фабриканты и ремесленники, арендаторы, рабочіе, матросы, солдаты и т. п.,—всѣ они принадлежатъ къ низшему слою коммоналти.

Верхняя палата парламента или палата лордовъ представляетъ высшее сословіе въ государствѣ—титулованное дворянство. Въ ней засѣдаютъ старшіе сыновья всѣхъ англійскихъ семей лордовъ (со вступленіемъ въ палату лордовъ они называются пэрами), къ которымъ присоединяется 16 членовъ, избираемыхъ на 7-лѣтній срокъ шотландскими лордами, и 28 членовъ, пожизненно избираемыхъ лордами Ирландіи. Кромѣ этихъ свѣтскихъ лордовъ, въ верхней палатѣ засѣдаютъ еще 26 лордовъ духовныхъ, т.-е. архіепископовъ и епископовъ англиканской церкви; они занимаютъ въ ней свои мѣста пожизненно. Общее число членовъ палаты лордовъ въ настоящее время 575 ч.; оно хотя и медленно, но постоянно растетъ вмѣстѣ съ ростомъ числа англійскихъ лордскихъ семей. Прежде сословіе лордовъ было въ высшей степени вліятельнымъ, но въ настоящее время его вліяніе сильно ослабѣло; однако до сихъ поръ оно сохранило весьма важную привилегію—право имѣть самостоятельное представительство въ верхней палатѣ парламента, слѣдовательно, передающееся по наслѣдству право на участіе въ законодательной власти. Остальныя права, какъ-то: право судиться въ палатѣ лордовъ за государственную измѣну и другія преступленія, защита въ судахъ отъ оскорбленія и всѣ другія преимущества лордовъ, въ настоящее время утратили почти всякое значеніе. Тѣмъ не менѣе лорды до сихъ поръ пользуются правомъ на гербы и короны, на наименованіе «мой дорогой кузенъ», съ которымъ король по обычаю обращается къ каждому лорду, и, главное, большимъ почетомъ въ обществѣ. Эти права и преимущества заставляютъ каждаго англичанина, занявшаго въ той или иной сферѣ выдающееся положеніе, мечтать о графской коронѣ. Англійскіе короли имѣютъ неограниченное право раздавать титулы и всегда пользовались этимъ правомъ, чтобы вознаграждать за заслуги на поприщѣ государственной дѣятельности и литературы. Несмотря, однако, на общее стремленіе къ высшимъ титуламъ, бывають и случаи отказа отъ предложеннаго титула, такъ напр., знаменитый Гладстонъ отказался отъ предложенной ему короны графа Говарденъ (по имени его помѣстья).

Рѣдко десятая часть всѣхъ членовъ верхней палаты бываетъ налицо; иногда въ присутствіи трудно насчитать человѣкъ 20. Такимъ образомъ большая часть мѣстъ въ палатѣ лордовъ обыкновенно бываетъ не занята, зала почти пуста. Пустымъ стоитъ тронъ королевы Викторіи; также не занятъ и тронъ налѣво, ступенькой пониже, со страусовыми перьями,—принца Уэльскаго, съ девизомъ: «я служу»; пустъ и остается пустымъ тронъ направо, на которомъ сидѣлъ принцъ Альбертъ, супругъ королевы Викторіи. Средину залы занимаетъ обитый краснымъ столъ, который нельзя себѣ представить безъ трехъ клерковъ въ черныхъ мантияхъ и въ большихъ парикахъ. Парикъ въ Англіи вообще имѣетъ огромное значеніе. Президенты палаты лордовъ и палаты общинъ сидятъ въ огромныхъ напудренныхъ парикахъ, и замѣчательно,—чѣмъ больше парикъ, тѣмъ онъ имѣетъ болѣе важное значеніе. Судьи тоже засѣдаютъ въ парикахъ, но парики ихъ уже менѣе парика лорда-канцлера, а парики адвокатовъ менѣе судейскихъ.

Президентъ палаты лордовъ, глава закона, называется *лордомъ-канцлеромъ*, сидитъ за большимъ столомъ, но не на креслѣ, а на красномъ бархатномъ диванѣ безъ ручекъ и спинки, подушку котораго составляетъ мѣшокъ съ шерстью—«wool-sack», бывший когда-то символомъ главнаго богатства Англіи. Члены палаты не обращаются къ предѣдателю, когда говорятъ рѣчи или высказываютъ свои мнѣнія,

а начинаютъ просто обращеніемъ ко всемъ присутствующимъ словами: «my lords». Кромѣ лорда-канцлера и клерковъ (секретари), у стола сидятъ 12 государственныхъ судей (оберегающіе интересы короны—*les gens du roi*). По обѣимъ сторонамъ трона тнутся мѣста пэровъ. Несмотря на то, что лордъ-канцлеръ глава закона, онъ менѣе необходимъ въ палатѣ лордовъ, чѣмъ *спикеръ* (предсѣдатель) въ палатѣ общинъ. Это видно изъ того, что если собралось установленное закономъ число лордовъ, засѣданіе можетъ происходить и безъ лорда-канцлера; однако обычай требуетъ, чтобы лордъ-канцлеръ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, когда лорды соберутся въ палату. Въ палатѣ лордовъ, какъ и вездѣ въ Англіи, обычай прежде всего. Гласность засѣданій парламента не опредѣлена закономъ, и если бы члены палаты пожелали, они могли бы изгнать всѣхъ репортеровъ; но печатать отчеты о засѣданіяхъ не только давно уже вошло въ обычай, но безъ нихъ теперь не могли бы и обходиться,—понятно, что репортеры могутъ совершенно спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ.

Развалившись на скамьяхъ, обитыхъ красною кожею (красный цвѣтъ — принадлежность палаты лордовъ: куда ни взглянешь, столъ, скамьи, все обтянуто и обито краснымъ; напротивъ того, въ палатѣ общинъ преобладаетъ зеленый цвѣтъ), сидятъ десятка два сонныхъ джентльменовъ. Взглянувъ на эти, чуть не пустыя, сидѣнія, никто не сказалъ бы, что это одно изъ основныхъ государственныхъ учреждений Англіи. Однако не дѣлайте изъ этого поспѣшнаго вывода: вы увидите, — черезъ часъ, полтора эти люди совѣмъ измѣнятся. Полулежаніе, а нерѣдко и самое безцеремонное спанье продолжается до тѣхъ поръ, пока не явится какой-нибудь вопросъ, который живо заинтересуетъ всѣхъ присутствующихъ, что обыкновенно бываетъ къ концу засѣданія. Тогда странную картину представляютъ присутствующіе: они живо поднимаются съ своихъ мѣстъ, и засѣданіе дѣлается иногда даже бурнымъ. Но большей частью говорятъ спокойно и съ знаніемъ дѣла. Нѣкоторые ораторы люди очень старые. Слушая то одного, то другаго изъ нихъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, какъ человѣкъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ можетъ сохранять всю ясность мысли, всю живость и чутье современныхъ интересовъ. Между тѣмъ и въ той, и въ другой палатѣ вы нерѣдко встрѣтите весьма пожилыхъ людей, пользующихся всеобщимъ извѣстностью. Такія явленія свойственны только англичанамъ. Лучшіе ораторы парламента говорятъ съ какой-то величавой скромностью, что составляетъ совершенную противоположность французамъ, гдѣ рѣдкій ораторъ не впадаетъ въ декламаторство, не сопровождаетъ свою рѣчь жестами. Англичанинъ всегда говоритъ что-нибудь дѣльное, практическое, онъ занятъ тѣмъ, *что* онъ скажетъ, а не тѣмъ, *какъ* онъ скажетъ.

Нужно, однако, замѣтить, что палата лордовъ далеко не имѣетъ своего прежняго значенія и въ управленіи страной занимаетъ теперь только второстепенное мѣсто. Главная сила и значеніе заключаются въ настоящее время въ палатѣ общинъ. Палата лордовъ почувствовала, теперь, что политическая власть ускользаетъ отъ нея, что взоры народа и его надежды устремлены на палату общинъ, члены которой выбраны народомъ, и она покорилась своей участи и преклонила передъ настоятельнымъ требованіемъ общественнаго мнѣнія.

Если встрѣчается несогласіе въ мнѣніяхъ между палатою лордовъ и палатою общинъ, палата лордовъ въ большинствѣ случаевъ вынуждена бываетъ уступить. То обстоятельство, что палата лордовъ вынуждена уступать палатѣ общинъ, и доказываетъ, что эта послѣдняя играетъ наиболѣе важную роль при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, считается наиболѣе важнымъ элементомъ верховной власти.

Познакомимся теперь съ палатою общинъ; засѣданія въ ней происходятъ по

вечерамъ и ночью: официально засѣданія начинаются съ 4 часовъ, тѣмъ не менѣе до 9 ч. вечера зала почти пуста. Если вы желаете видѣть палату общинъ въ полной дѣятельности, нужно посѣтить ее въ 10 ч. вечера.

Зала имѣетъ необыкновенно уютный видъ. Тутъ нѣтъ ни пурпура, ни брилліантовъ, ни троновъ, ни гербовъ, ни девизовъ, — все несравненно проще, чѣмъ въ палатѣ лордовъ. Тамъ прежде всего бросается въ глаза красная обшивка, между тѣмъ какъ скромный зеленый цвѣтъ палаты общинъ придаетъ залѣ простоту. Вмѣсто трона здѣсь стоитъ огромное кресло съ деревяннымъ балдахиномъ: это кресло *предсѣдателя палаты общинъ*, котораго называютъ *спикеромъ*. На немъ длинная, черная мантия и огромный парикъ. Можно себѣ представить, какъ трудно спикеру въ такомъ громадномъ парикѣ сидѣть во время июльскихъ жаровъ! Въ такіе дни, когда палата полна, потъ градомъ льется съ его лица. Прежде всѣхъ качествъ спикеръ долженъ обладать неимовѣрнымъ здоровьемъ. Предсѣдательствуя въ палатѣ обыкновенно отъ 5—6 ч. вечера и до глубокой ночи, онъ очень часто долженъ предсѣдательствовать еще отъ полудня до 4 часовъ. При этомъ замѣтите, что спикеръ не можетъ даже на минуту выйти, чтобы освѣжиться: для этого онъ долженъ прервать засѣданіе, такъ какъ палата общинъ безъ своего президента не имѣетъ никакого значенія. Онъ можетъ выйти только тогда, когда палата обращается въ комитетъ; но это бываетъ не часто. Правда, парламентъ открытъ не цѣлый годъ, однако-же главная сессія продолжается съ половины февраля до половины августа.

Обязанности спикера очень многочисленны; онъ читаетъ королевскія петиціи (прошенія) и адреса палаты общинъ; ведетъ судебное разбирательство, когда палата судить кого-нибудь за нарушеніе ея привилегій; онъ объявляетъ отъ имени палаты замѣчанія и выговоры лицамъ, подвергшимся ея неудовольствію; ведетъ переписку палаты, контролируетъ дѣятельность секретарей и другихъ парламентскихъ чиновниковъ; опредѣляетъ, кому говорить, когда встаетъ вдругъ нѣсколько человекъ, — однимъ словомъ его обязанности неисчислимы.

Передъ спикеромъ стоитъ столъ, на который кладутъ бумаги и портфели. Мѣста членовъ окружаютъ залу многими рядами. Направо засѣдаетъ министерская партія, налѣво оппозиція, т.-е. члены, неодобряющіе политику министерства. Если оппозиція получить большинство при голосованіи какого-нибудь важнаго вопроса, то министерство выходитъ въ отставку, а новые министры выбираются уже изъ среды оппозиціи. Когда-же король не пожелаетъ перемѣнить министерство, онъ имѣетъ право распустить парламентъ; тогда производятся новые выборы членовъ палаты общинъ, и затѣмъ, если большинство и новой палаты выскажется противъ министерства, то оно должно уже выйти въ отставку.

Засѣданіе въ палатѣ общинъ открываетъ спикеръ, который появляется, предшествуемый двумя носителями жезла, на одномъ концѣ котораго сдѣлана большая золотая корона, символъ королевской власти. Жезлы кладутъ на столъ передъ спикеромъ; онъ садится на свое кресло, призываетъ къ порядку, и засѣданіе открывается. Изъ всѣхъ членовъ палаты общинъ только одинъ спикеръ безъ шляпы; онъ сидитъ въ длинномъ парикѣ, концы котораго спускаются ниже плечъ.

Каждый билль (проектъ закона), внесенный въ палату общинъ, разсматривается въ ней три раза, и если онъ прошелъ, то переходитъ въ палату лордовъ; если его тамъ отвергаютъ, то его откладываютъ, обыкновенно лишь на время, въ противномъ случаѣ онъ поступаетъ на утвержденіе къ королевѣ, что она дѣлаетъ или лично въ палатѣ лордовъ, или заочно, прикладывая свою печать. Королева имѣетъ право отвергнуть билль, но уже давнымъ давно короли не пользуются этимъ правомъ. Если

королева отвергнетъ билль два раза, а онъ пройдетъ чрезъ обѣ палаты и въ третій разъ, то онъ имѣетъ законную силу и безъ королевскаго утвержденія. Слѣдовательно опять и тутъ королевская власть болѣе призрачна, чѣмъ дѣйствительна. Что касается палаты лордовъ, то она въ большинствѣ случаевъ утверждаетъ билли, которые прошли въ палатѣ общинъ, такъ какъ принимаетъ ея желаніе за желаніе націи.

Первое засѣданіе парламента открывается тронною рѣчью королевы, которая появляется съ большимъ штатомъ въ верхней палатѣ. Когда королева не является, парламентъ открывается королевскими комиссарами.

Вотъ какъ описываютъ торжество открытія парламента королевой Викторіей: «Пестрая гирлянда разодѣтыхъ женщинъ охватывала пурпуровую толпу лордовъ. Яркія красныя мантии пэровъ, обшитыя горностаемъ, украшенныя орденоскими цѣпями, ихъ головы, покрытыя париками, составляли вторую, такъ сказать, внутреннюю кайму. Посрединѣ же залы, какъ разъ передъ трономъ, была знаменитая скамья съ мѣшкомъ или подушкою, набитою шерстью и покрытою краснымъ бархатомъ. Это сѣдалище лорда-канцлера теперь было удлинено и предназначено для болѣе высокихъ гостей.

«Одна часть галлерей отведена для лицъ дипломатическаго корпуса (не пословъ, послы внизу); около нихъ торжественно помѣщенъ на видномъ мѣстѣ лордъ-мэръ, облеченный въ свое средневѣковое блестящее одѣяніе.

«Тронъ покуда пустъ, королевская мантия раскинута на немъ широко въ ожиданіи монархини и ниспадаетъ бѣлою волной на яркочерный коверъ, усыпанный мелкими изображеніями львовъ и розъ. Вправо отъ него сгруппировались посланники.

«Почти два часа: говоръ и шумъ смолкаютъ. Собраніе встаетъ; въ залу вошла герцогиня Эдинбургская въ голубомъ бархатномъ платьѣ, съ небольшою брилліантовою короною и вуалемъ на головѣ; вмѣстѣ съ нею одна изъ принцессъ. Обѣ принцессы опустили на скамью, лицомъ къ трону. Всѣ снова сѣли. Въ это время мощный звукъ извнѣ слегка потрясъ зданіе; за нимъ другой, третій. Это—королевскій салютъ, знакъ, что ея величество вступила въ зданіе парламента. За трономъ распахнулась дверь, за ней видна была зала, уставленная кирасирами, закованными въ металлъ, съ надвинутыми на глаза касками. Между ихъ яркою линіей показались средневѣковые герольды, раздался звукъ трубъ, возвѣщавшій королеву. Герольды, войдя, низко поклонились герцогинѣ Эдинбургской и сгруппировались въ глубинѣ троннаго балдахина; дальше первые чины государства въ мантияхъ, парикахъ, золотыхъ цѣпяхъ шли одинъ за другимъ. Герцогъ Ричмондскій несъ государственный жезлъ, Нортумберландскій—короуну на подушкѣ, лордъ-канцлеръ—государственную печать, первые члены двора въ блестящихъ одѣяніяхъ. Всѣ они быстро сгруппировались на ступеняхъ трона, къ которому, наконецъ, приблизилась Викторія.

«Королева—полная женщина съ правильными, но покрупнѣвшими отъ полноты чертами лица, не то что съ строгимъ, но съ какимъ-то суровымъ и усталымъ выраженіемъ въ глазахъ; длинный бѣлый вдовій вуаль покрывалъ ея голову, увѣчанную невысокой брилліантовой короною, которую скорѣй можно назвать діадемою; черное платье было отдѣлано бѣлымъ мѣхомъ. Взойдя на пурпурныя ступени трона, она величаво встала лицомъ къ палатѣ и отвѣтила на поклоны, съ которыми ее встрѣтили, сначала герцогинямъ, потомъ пэрамъ и публикѣ, направо и налево.

«Королева сѣла на тронъ и знакомъ руки пригласила присутствующихъ сѣсть. Зашуршали дорогія одежды, и опять водворилась глубокая тишина. Тогда носитель чернаго жезла былъ посланъ въ палату общинъ пригласить спикера и членовъ для выслушанія королевской рѣчи.

«Между этимъ моментомъ и появленіемъ спикера зала представляла живую, яркую, богатую красками картину. Ни звука, ни движенія. Всѣ словно боялись дышать. Королева сидѣла неподвижно, опустивъ глаза, и всѣ какъ будто ей подражали.

«Но тишина была нарушена извнѣ. Въ корридорѣ слышались торопливые шаги, и носитель чернаго жезла ввелъ въ залу и поставилъ къ барьеру спикера въ его мантии и парикѣ и членовъ палаты общинъ. Спикеръ низко поклонился королевѣ.

«Когда опять все затихло, лордъ-канцлеръ опустился на колѣни передъ королевою и поднесъ ей тронную рѣчь. Ея величество протянула руку къ подаваемой бумагѣ и затѣмъ какъ-бы отвела ее отъ себя. Канцлеръ всталъ, развернулъ документъ и, обращаясь къ палатамъ, громкимъ, отчетливымъ голосомъ произнесъ: «по повелѣнію королевы я прочту рѣчь ея величества подлинными ея величества словами». Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что тронная рѣчь принадлежитъ не самой королевѣ Викторіи, а ея министрамъ. Но уже принято испоконъ вѣка, чтобы все дѣлать и говорить, какъ разъ заведено. Рѣчь была прочитана. Викторія встала, а за ней всѣ остальные. Ея пажи, герольды и проч. двинулись длинною процессіею, а за ними двинулась обратно и королева, оставивъ и рѣчь, и порфиру въ палатѣ».

Однако, возвратимся къ палатѣ общинъ. Въ Англіи нѣтъ общественнаго положенія, къ которому бы болѣе стремились, которое бы выше цѣнилось и котораго бы такъ искали съ помощью вліянія и денегъ, чѣмъ званія члена палаты общинъ.

Палата общинъ или нижняя палата состоитъ изъ депутатовъ, выбираемыхъ различными классами общества. Тѣмъ не менѣе рабочіе классы до самаго послѣдняго времени не имѣли въ парламентѣ своихъ представителей. Число избирателей было очень не велико, да и выбирали-то они депутатовъ не свободно, а подъ давленіемъ людей состоятельныхъ. Но съ 1867 г. число избирателей, и притомъ принадлежащихъ къ низшимъ городскимъ классамъ, сильно увеличилось—болѣе, чѣмъ на 1 миллионъ. Затѣмъ реформа 1884 г. распространила избирательныя права еще на большую группу людей (см. выше стр. 128). Тогда какъ число избирателей въ началѣ нынѣшняго XIX-го стол. немногимъ превышало полмилліона, теперь ихъ оказывается уже до 6-ти милліоновъ.

Англія раздѣлена на избирательныя округа, по величинѣ болѣе или менѣе равныя другъ другу. Каждый округъ выбираетъ по одному депутату, за исключеніемъ немногихъ, выбирающихъ по два. Правомъ голоса пользуются всѣ мѣстные жители, удовлетворяющіе извѣстнымъ условіямъ. Чтобы быть избирателемъ, нужно быть англійскимъ подданнымъ, мужского пола, совершеннолѣтнимъ; нужно прожить въ данной мѣстности не менѣе года, необходимо владѣть или недвижимою собственностью, или арендовать ее, или занимать квартиру съ ежегодною платою 10 ф. стер. Не могутъ быть избирателями люди, находящіеся подъ опекой или подъ судомъ, живущіе на счетъ общественной благотворительности, сумасшедшіе и т. п.

Что-же касается депутатовъ, т.-е. лицъ, выбираемыхъ въ члены палаты общинъ, то для нихъ законъ не установилъ никакого ценза; каждый, родившійся въ Великобританіи, по достиженіи 21 года, можетъ быть выбранъ въ члены палаты общинъ, если онъ, по своей должности, не принадлежитъ къ лицамъ, не имѣющимъ права вступить въ нее: всѣ духовные англійской, шотландской и католической церкви, судьи, чиновники министерства финансовъ, казенные подрядчики и проч. не имѣютъ права быть членами палаты общинъ. По теоріи выходитъ, что почти всякій, кромѣ небольшого числа лицъ, имѣетъ право сдѣлаться депутатомъ; между тѣмъ, еще и въ настоящее время, палата общинъ преимущественно состоитъ изъ людей весьма зажиточныхъ. Членами этой палаты являются младшіе сыновья бароновъ, затѣмъ

въ ней засѣдаетъ поземельная и денежная аристократія и аристократія таланта, если онъ соединяется съ деньгами. Если перебрать членовъ палаты общинъ, то окажется, что громадное большинство ихъ состоитъ въ самыхъ близкихъ и родственныхъ связяхъ съ высшею аристократіею. Только недавно нѣсколько престоавителей отъ рабочихъ, изъ ихъ же среды, вошло въ палату общинъ.

Но почему же, спросятъ читатели, разъ не существуетъ опредѣленнаго ценза, такъ рѣдко и такъ мало попадаетъ въ депутаты простого народа? Прежде всего потому, что выборы и до сихъ поръ стоятъ порядочныхъ денегъ, въ прежнее же время для нихъ нужно было имѣть просто цѣлый капиталъ. Выше уже было сказано, что ничего такъ не ищутъ въ Англіи, ни къ чему такъ не стремятся, какъ къ званію депутата палаты общинъ, такъ какъ оно даетъ въ англійскомъ обществѣ наибольшій почетъ и уваженіе. Вотъ потому-то прежде каждый кандидатъ въ депутаты не жалѣлъ никакихъ средствъ, лишь бы быть выбраннымъ. Передъ выборами каждый изъ нихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ угощалъ на свой счетъ избирателей, открывалъ для нихъ всѣ трактиры, подкупалъ ихъ и другими способами, чтобы только умиловить и заставить ихъ подать за себя голосъ на выборахъ. Нѣкоторымъ такіе выборы обходились въ 20, 30 и 100 тысячъ руб.; существовали даже и такіе кандидаты, которымъ выборы стоили до милліона. Только законъ 1872 г. о тайной подачѣ голосовъ при выборахъ обуздалъ подкупы, интриги и злоупотребленія, которыя были до тѣхъ поръ въ такомъ ходу при избраніи депутатовъ палаты общинъ. (Прежде выборы были открытые, каждый зналъ за какого кандидата подаетъ свой голосъ избиратель). Съ 1872 г., когда прошелъ законъ о тайной подачѣ голосовъ, каждый избиратель получаетъ листъ, на которомъ напечатаны имена всѣхъ кандидатовъ. Съ этимъ листомъ онъ отправляется къ особой конторкѣ, устроенной такъ, чтобы никто не могъ видѣть, что онъ пишетъ, ставить крестъ противъ имени кандидата, имъ выбираемаго, складываетъ листокъ и опускаетъ его въ закрытый ящикъ.

Теперь, когда избирателей до 6 милл., подкупить такое громадное число людей невозможно, и злоупотребленія при выборахъ окончательно исчезли. вмѣстѣ съ этимъ и самые выборы обходятся несравненно дешевле прежняго, но и теперь еще они не по карману бѣднякамъ, — оттого-то послѣдніе такъ рѣдко попадаютъ въ депутаты. Помимо угощеній, нужны большія деньги на объявленія, которыя наклеиваютъ на всевозможные экипажи, на стѣны домовъ, на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, приходится нанять цѣлую армію разносчиковъ, раздающихъ и разбрасывающихъ листки кандидатовъ, гдѣ изложены ихъ политическія воззрѣнія.

Пока слабая сторона избирательной системы Англіи заключается въ томъ, что избирателемъ можетъ быть только тотъ, кто прожилъ на одномъ и томъ же мѣстѣ по крайней мѣрѣ годъ до составленія избирательныхъ списковъ, а такъ какъ списки эти составляются всегда въ опредѣленномъ мѣсяцѣ въ году, именно въ іюлѣ, то иногда и безъ малаго за два года до выборовъ, если выборы происходятъ въ маѣ или іюнѣ. Наибольшею осѣдлостью отличаются, въ большинствѣ случаевъ, люди зажиточные, многимъ же рабочимъ довольно часто приходится мѣнять мѣста, — благодаря одному этому, нѣкоторые изъ нихъ лишаются права дѣлаться избирателями.

Не менѣе слабой стороною избирательной системы является и слѣдующее: въ спискѣ избирателей записывается каждый, удовлетворяющій опредѣленнымъ условіямъ въ данномъ округѣ. Если онъ удовлетворяетъ имъ въ двухъ, трехъ или болѣе округахъ, то въ каждомъ изъ нихъ онъ пользуется правомъ голоса. Поэтому человекъ, имѣющій въ городѣ домъ, за городомъ виллу, гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ контору,

а въ четвертомъ—фабрику, будетъ располагать четырьмя голосами; встрѣчаются лица, имѣющія право подавать голосъ сразу въ двѣнадцати мѣстахъ.

Хотя депутатовъ изъ рабочихъ еще до сихъ поръ очень немного, но все же они теперь существуютъ. Нужно замѣтить, что обязанности депутатовъ въ Англіи—безвозмездны: они ничего не получаютъ за потерю времени на засѣданіяхъ парламента, да и не нуждаются въ вознагражденіи, такъ какъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, это люди вполне обезпеченные. Другое дѣло рабочіе, которые своимъ трудомъ поддерживаютъ семьи, которымъ дорогъ каждый часъ; но объ этомъ позаботились ихъ избиратели: они назначили каждому депутату изъ рабочихъ болѣе 4.500 руб. въ годъ каждому, чтобы тѣ могли совсѣмъ не обременять себя прежнимъ трудомъ, все свое время исключительно посвятили бы парламентскому дѣлу и такимъ образомъ имѣли бы возможность съ полнымъ знаніемъ дѣла отстаивать интересы рабочихъ классовъ. Выдавая большое содержаніе своимъ депутатамъ, избиратели имѣли также въ виду, чтобы тѣ могли съ достоинствомъ занимать свое положеніе, не шокировали бы остальныхъ членовъ парламента своею бѣдною одеждою, но одѣвались и жили бы, какъ настоящіе джентльмены.

Хотя Англія сохраняетъ въ неприкосновенности свое старинное государственное устройство, но ея политическая жизнь совершенно измѣнилась. Въ началѣ этого вѣка англійскій народъ былъ подчиненъ аристократіи, которая властвовала не только надъ всѣмъ англійскимъ обществомъ и надъ мѣстнымъ управленіемъ, но верховодила даже и въ парламентѣ. Но во второй половинѣ нынѣшняго XIX-го вѣка были постепенно отмѣнены законы и обычаи, освящавшіе неравенство, какъ напр. политическое безправіе нонконформистовъ (уклоняющихся отъ англиканскаго вѣроисповѣданія), католиковъ и евреевъ, насильственный наборъ матросовъ, приниженность неимущихъ классовъ, гоненія, воздвигнутыя на рабочіе союзы и товарищества. Парламентъ сохранилъ свое прежнее устройство, но преобразование выборовъ и огромное увеличеніе числа избирателей дали ему совершенно новое направленіе: палата общинъ, прежде состоявшая изъ депутатовъ аристократическаго сословія, теперь преобразуется все болѣе въ собраніе истинныхъ представителей и защитниковъ интересовъ народа и въ настоящее время является единственной верховной властью: она мало-по-малу отстранила короля и лордовъ отъ управленія и приобрѣла почти всѣ верховныя права.

ШОТЛАНДІЯ.

ПРИРОДА И НАРОДЪ.

Горная Шотландія.—Гэлы.—Ихъ языкъ, одежда и нравы прежняго времени.

Шотландія представляетъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ побѣды генія человѣка, его силы и могущества надъ природой. Еще лѣтъ сто тому назадъ страна эта считалась самою бѣдною и дикою во всей Европѣ, а ея народъ самымъ неразвитымъ, необразованнымъ и суевѣрнымъ. Нельзя не удивляться той быстротѣ, съ какою развилась культура на такой жалкой, скудной почвѣ. Трудно себѣ представить, сколько ума, энергіи, желѣзнаго терпѣнія, денегъ пришлось потратить прежде, чѣмъ природа этой страны сдѣлалась послушнымъ орудіемъ для достиженія человѣческихъ цѣлей. Въ этой тяжелой борьбѣ одна Голландія можетъ сравниться съ нею, даже Швейцарія не представляла такихъ препятствій къ водворенію промышленности. Хотя большая часть мѣстностей Шотландіи, вслѣдствіе своего суроваго величія и поразительныхъ красотъ природы, воспѣта поэтами и прославлена художниками, но съ этими ужасающими красотою, особенно въ сѣверной, т.-е. въ Горной Шотландіи, невообразимо трудно было справиться земледѣльцу. Стоитъ бросить самый поверхностный взглядъ на общую фізіономію страны, чтобы вполне убѣдиться въ справедливости этихъ словъ.

Шотландія раздѣляется на три части: на *сѣверную*, *среднюю* и *южную*. Въ ней преобладаютъ горы, но ихъ болѣе всего въ ея сѣверной части (Highlands), которая въ тѣсномъ смыслѣ слова представляетъ горную страну. Вся эта часть—одна громадная гранитная скала, изрѣзанная острыми вершинами и глубокими безднами. Эта горная часть Шотландіи лежитъ противъ Норвегіи, которую она и напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ. Сѣверный океанъ, который окружаетъ ее и врѣзывается въ нее со всѣхъ сторонъ, безпрестанно тревожитъ ее своими бурями; склоны горъ, постоянно обуреваемые вѣтрами и орошаемые неизсякающими источниками, которые у подошвы ихъ сливаются въ обширныя озера, только кое-гдѣ покрыты растительностью. Только и видишь голыя и крутыя скалы, озера, водопады, пѣнистые ручьи, обширныя трясины, снѣга. Это страна вѣчныхъ дождей и ужасныхъ вѣтровъ сѣвернаго океана. Зима здѣсь длится почти цѣлый годъ, а близлежащіе острова: Гебридскіе, Оркадскіе и Шетлендскіе носятъ уже на себѣ мрачную печать исландской природы.

Однако, преобразованія, совершившіяся во всей Шотландіи, не обошли и сѣверной ея части. Эта страна, прежде совершенно замкнутая, теперь сдѣлалась доступною съ моря и съ суши; употреблены громадныя деньги на проложеніе дорогъ по всѣмъ

направленіямъ, гдѣ только была какая-нибудь физическая возможность; перекинуто множество мостовъ черезъ потоки, выстроены прекрасныя гостиницы и почтовые станціи, немало употреблено денегъ на улучшеніе приморскихъ гаваней, которыя сдѣлались теперь вполне надежными. Прежде, когда здѣсь начинали возводить какую-нибудь постройку, матеріалы привозили изъ разныхъ мѣстностей; точно также приходилось выписывать инженеровъ, каменщиковъ, рудокоповъ, матросовъ, однимъ словомъ, рабочихъ по всѣмъ отраслямъ промышленности и искусства. Теперь мѣстные жители научились сами справлять свои дѣла, и въ этой дикой странѣ явилось множество прекрасныхъ школъ. Можно смѣло сказать, что та часть сѣверной Шотландіи, которая и теперь остается невоздѣланною, вѣроятно, долго останется въ этомъ положеніи, такъ какъ она совершенно уже неудобна для обработки. Тѣмъ не менѣе рѣшительно вездѣ было сдѣлано все, что только возможно; даже въ графствѣ Сотерландскомъ, гдѣ болота особенно многочисленны, а утесы обнажены болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Горной Шотландіи, теперь тянется вдоль берега узкая полоса обработанной земли. Вересняки выжжены, болота осушены посредствомъ сточныхъ рвовъ, а воды собраны въ искусственныя каналы и распределены вдоль горъ. Вслѣдствіе этого горныя верхушки, также какъ и глубокія долины, покрылись густою, тонкою травой.

Точно также и остальная Шотландія далеко не вездѣ представляла возможность обработки; много горныхъ цѣпей проходятъ по ней и соединяють горы Нортумберланда съ горами Грампіенскими. Изъ четырехъ милліоновъ гектаровъ (гектаръ—немного менѣе десятины), составляющихъ ее, два милліона почти совершенно безплодны, другіе же два милліона почти всюду, а въ особенности около Эдинбурга и Перта, представляютъ чудеса обработки, доведенной до высшей степени совершенства, хотя и тутъ богатой и тучной почвы не болѣе половины. Что же касается климата, то достаточно будетъ вспомнить, что Эдинбургъ лежитъ подъ одинаковою широтою съ Копенгагеномъ и Москвой. Снѣгъ или дождь идутъ тамъ почти въ продолженіе трехъ четвертей года; лѣто бываетъ короткое и чрезвычайно измѣнчивое.

Въ прежнія времена къ сѣверу отъ залива Клайдскаго и Фордскаго жилъ особый народъ, который называли сначала каледонцами, а впослѣдствіи пиктами. Въ началѣ VI-го столѣтія къ нимъ присоединилась ирландская колонія, которая заняла южную часть нынѣшняго Арджильшира. Отъ этихъ древнихъ народовъ происходитъ нынѣшнее кельтское населеніе Шотландіи. Сами себя кельты до сихъ поръ называютъ гѣлами. Народъ этотъ въ прежнее время былъ чрезвычайно воинственнымъ, и Горная Шотландія, какъ всѣ страны съ неприступными горами, представляла для него много удобствъ. Вотъ, что сказалъ извѣстный англійскій поэтъ объ этихъ горныхъ жителяхъ:

«За грозными скалами, въ дикихъ лощинахъ,
Издавна могучее племя живетъ:
Богатыя села сосѣдей, равнины
Оно безнаказанно грабитъ и жжетъ».

Этотъ народъ рѣшительно во всемъ рѣзко отличался отъ остального міра: языкомъ, одеждою, нравами. Они говорили только на гальскомъ языкѣ, носили очень короткую куртку съ воротникомъ, отворотами и обшлагами; вмѣсто штановъ они надѣвали нѣчто въ родѣ женской короткой юбки изъ тартана (тартанъ—шерстяная матерія, съ большими клѣтками). Эта часть одежды, напоминающая женскую юбку, называлась *кильтомъ*; множествомъ своихъ складокъ онъ охватываетъ талію, но не доходитъ до колѣнъ, которыя остаются голыми. На ногахъ—клѣтчатые чулки, подвязанные у ко-

лѣнъ лентами. Поверхъ чулокъ одѣвали *сандали*, прикрѣпляя ихъ къ ногѣ ремнями. Но главная часть одежды горца — *плэдъ*, который переняли теперь путешественники всѣхъ странъ: онъ служилъ имъ плащомъ въ дождь и холодъ, въ него завертывался горецъ, когда ему приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ; въ хорошую погоду плэдъ, сложенный въ нѣсколько разъ, прикрѣпляли ремнемъ къ плечу, такъ что онъ представлялъ нѣчто въ родѣ широкого шарфа, которымъ обвивали талию, а концы перекидывали на руку. Синяя шапка съ пестро-клятчатымъ краемъ и съ бѣлымъ или чернымъ перомъ покрывала голову; за поясомъ — кинжалъ. Послѣ плэда не менѣе существенную часть шотландской одежды составляла сумка, привѣшенная на кильтъ спереди: она дѣлалась изъ лисей, выдровой или барсучьей кожи и нерѣдко украшалась головой того или другого животного, снурками и кисточками. Въ этой сумкѣ сохраняли деньги и табакъ.

Англійскій романистъ Вальтеръ-Скоттъ хорошо познакомилъ насъ съ этимъ замѣчательно своеобразнымъ народомъ. Въ яркихъ поэтическихъ картинахъ онъ представилъ намъ ихъ любовь къ приключеніямъ, ихъ безпощадную месть и ненависть къ людямъ равнинъ, которые терпѣли отъ ихъ хищническихъ набѣговъ и потому всегда старались стереть ихъ съ лица земли. Горцы въ свою очередь не пропускали случая платить имъ за это страшною местию. Какъ и всѣ дикія племена, они съ презрѣніемъ относились къ мирнымъ занятіямъ: къ земледѣлію, къ искусствамъ, ремесламъ и промышленности. Всѣ занятія и работы, кромѣ охоты, грабежа и войны, они считали ниже человѣческаго достоинства. Ихъ жалкія поля производили лишь плохой овесъ, да и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ; стада быковъ и овецъ, такихъ же дикихъ, какъ и ихъ хозяева, доставляли имъ очень немного шерсти, молока и мяса. Вотъ почему имъ часто приходилось покидать свои утѣсы, спускаться въ долины и грабить мирныхъ жителей. Нерѣдко они собирались въ огромномъ количествѣ, раздѣлялись на шайки и грабили вразсыпную. Страна, въ которой производилась эта правильная система грабежа, была въ высшей степени удобна для подобной дѣятельности. Она не имѣла въ то время хорошихъ дорогъ, была окружена горами, пропастями, непроходимыми ущельями и болотами, всѣ тропинки и проходы которыхъ были хорошо извѣстны отважнымъ горцамъ. Такимъ образомъ горцы жили въ постоянной борьбѣ съ сосѣдями и не только грабили ихъ имущество, но и брали плѣнницъ, которыхъ они считали самою лучшею добычею. Горецъ, которому нравилась плѣнница, предлагалъ ей тотчасъ руку и сердце, и несчастная не могла безопасно отказаться отъ такого предложенія. Однако, несмотря на это, трудно себѣ представить, съ какою нѣжностью относился дикій и воинственный горецъ къ своей женѣ. Этотъ обычай похищенія женъ былъ до того общепринятымъ въ Горной Шотландіи, что послужилъ источникомъ множеству пѣсенъ и балладъ.

Всѣ горцы дѣлились на множество клановъ, или родовъ. Каждый отдѣльный родъ, согласно своему происхожденію и мѣсту жительства, управлялся своимъ собственнымъ предводителемъ, котораго называли начальникомъ, главою или вождемъ. Первѣйшею добродѣтелью горецъ считалъ любовь къ своему начальнику и оказывалъ ему слѣпое повиновеніе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ заставлялъ его сопротивляться правительству. Члены одного и того же клана любили другъ друга, какъ родные братья, враждовали съ другими кланами, но сходились съ ними только въ ненависти и презрѣніи къ жителямъ равнинъ, грабить которыхъ они считали не только своимъ правомъ, но геройствомъ; такой взглядъ они основывали на преданіи, которое говорило имъ, что равнины въ давнія времена были имъ подвластны. Начальникъ клана имѣлъ огромную власть надъ своими подчиненными. Онъ предво-

дательствовалъ въ стычкѣ или въ сраженіи, въ которомъ принимали участіе члены его клана, улаживалъ всѣ споры, происходившіе между ними, и налагалъ при нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ поборы, какъ, напр., при выдачѣ замужъ дочери или при постройкѣ дома. Если кто изъ членовъ клана отказывался внести этотъ налогъ, его подвергали суровому наказанію; если же и послѣ того онъ упорно настаивалъ на своемъ отказѣ, то, съ общаго согласія, его совѣтъ выключали изъ клана. Начальникомъ клана могъ быть только потомокъ древняго родоначальника.

Болѣе всего несчастій причиняли горцамъ вѣчныя распри между кланами, которыя переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. У каждого клана было мѣсто собранія, куда каждый членъ, способный носить оружіе, долженъ былъ явиться тотчасъ по первому зову. Знакомъ, по которому всѣ члены должны были немедленно явиться на собраніе, была палка, обугленная на одномъ концѣ и обмазанная кровью на другомъ. Эту палку пересылали отъ одного члена клана къ другому, и она должна была вызвать позоръ на голову того, кто не являлся по первому зову; обугленный конецъ грозилъ ему огнемъ, а окровавленный—убійствомъ.

До сраженія при Коллоденѣ въ 1746 г. начальники клана болѣе всего заботились о томъ, чтобы какъ можно больше набрать себѣ воиновъ: могущество, силу и значеніе они приобретали не влѣдствіе своихъ богатствъ, а числомъ вооруженныхъ людей. Послѣ окончательнаго изгнанія Стюартовъ, царствующаго королевскаго дома въ Шотландіи, все измѣнилось. Начальники клановъ, которые прежде не имѣли ни малѣйшаго понятія о комфортѣ и жили съ необыкновенной простотой, теперь стали стыдиться своей бѣдности, старались всѣми силами увеличить свои доходы. Чѣмъ болѣе видѣли они, что дѣлалось въ остальномъ мірѣ, какъ жили при дворѣ англійскомъ и французскомъ, тѣмъ болѣе стали они измѣнять свои привычки, нравы и обстановку. У нихъ было только одно средство къ обогащенію—увеличить доходъ своихъ земель. Но при этомъ они постоянно сталкивались съ двумя страшными препятствіями: съ одной стороны съ суровостью почвы и климата, съ другой—съ дикостью населенія. Однако, они скоро убѣдились, что придежаніемъ и стараніемъ они могутъ улучшить свои земли; но зато люди оказались упорнѣе природы. Ихъ вассалы, хотя и обязаны были повиновеніемъ своему начальнику, но они были воины: по первому знаку всегда готовые идти туда, куда онъ имъ прикажетъ, они не могли не выказать полнѣйшаго отвращенія къ земледѣлію, которое шло въразрѣзъ со всѣми ихъ вкусами, привычками и понятіями. Какъ могъ воинственный горецъ взяться за соху, когда онъ уважалъ только войну, жаркія схватки съ врагомъ, хищническіе набѣги! Горцы и теперь не чувствовали никакой потребности улучшать свой бытъ: отцовская хижина вполне удовлетворяла ихъ. Между тѣмъ населеніе Горной Шотландіи все увеличивалось и, чтобы ихъ прокормить, скоро не стало хватать произведеній почвы. При всемъ навыкѣ къ лишеніямъ, горцы рѣшительно умирали съ голоду, и часто случалось, что они пускали кровь своимъ чахлымъ коровамъ, чтобы питаться этою кровью. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возможно было лучшее хозяйство, его не стоило заводить, пока сосѣднія горы были еще заняты старыми кланами, отъ хищности которыхъ ни хлѣбъ, ни скотъ не могли укрыться. Такимъ образомъ начальники клановъ мало-по-малу пришли къ убѣжденію, что невозможно извлечь какую-либо пользу изъ этихъ горъ, если не выселить оттуда дикихъ и воинственныхъ жителей. Въ этихъ видахъ они и начали стараться всевозможными средствами, сначала тайными, потомъ уже открытыми и даже варварскими, уменьшать народонаселеніе. Англійское правительство очень искусно помогало имъ въ этомъ: оно начало съ того, что подъ разными предлогами вызывало

горцевъ въ Лондонъ, чтобы они мало по малу теряли національное чувство и принимали новыя понятія и новыя привычки. Чтобы найти исходъ для воинственной части шотландскаго народонаселенія, образовали цѣлыя полки, составленные изъ членовъ каждаго клана подъ предводительствомъ наслѣдственнаго ихъ начальника. Эти полки храбро поддерживали честь своего новаго знамени; во время войны противъ французской имперіи воины Горной Шотландіи, отличавшіеся своимъ оригинальнымъ костюмомъ, считались лучшими въ англійской арміи. Однимъ изъ горцевъ предлагали переселиться въ долины, другимъ—на берегъ моря; тѣхъ, которые на это не соглашались, насильно выселяли въ Америку, хижины же этихъ бѣдниковъ тотчасъ разрушали или сжигали до основанія. Такъ какъ вся земля, занимаемая какимъ-нибудь кланомъ, принадлежала одному главѣ, то вся Горная Шотландія въ концѣ концовъ оказалась раздѣленною на нѣсколько огромныхъ помѣстій. Начальникъ каждаго клана началъ самъ изгонять своихъ вассаловъ, которыхъ онъ еще такъ недавно набиралъ съ такимъ усердіемъ. Горцы громадными партіями продолжали уѣзжать съ родины, а на развалинахъ ихъ несчастныхъ хижинъ выстраивались огромныя фермы, назначенныя преимущественно для разведенія барановъ. Это было въ самомъ началѣ XIX столѣтія, въ то самое время, когда вся Европа съ восторгомъ читала произведенія Вальтеръ Скотта. Въ его чудныхъ разсказахъ живо представляется намъ поэтическій образъ горца древней Шотландіи, въ его тартаповомъ плащѣ и съ его страшнымъ *клеиморомъ* (палахомъ). Читатель невольно прощалъ этому дикому воину всѣ пороки и преступленія его племени; онъ видѣлъ, что тотъ поступаетъ такъ потому, что считаетъ это своимъ священнымъ долгомъ, что онъ каждую минуту готовъ отдать свою жизнь не только за общее дѣло, но и за всякаго, кто оказалъ ему малѣйшую услугу, къ кому онъ чувствуетъ симпатію. Вы дрожите за того, кому онъ старается мстить, и въ то же время отлично знаете, какое геройское, рыцарское сердце бьется подъ суровою наружностью этого отчаяннаго и дикаго храбреца. И вотъ, въ то время, когда гениальный романистъ вызывалъ такое горячее сочувствіе къ этому народу, его начинаютъ самымъ варварскимъ образомъ выгонять съ родины, чтобы увеличить барыши нѣсколькихъ владѣльцевъ. Тогда со всѣхъ сторонъ посыпались проклятія на этихъ шотландскихъ владѣльцевъ, стали даже оспаривать ихъ право на обладаніе землею; многіе утверждали, что она принадлежала столько же ихъ вассаламъ, сколько и имъ самимъ. И дѣйствительно, наслѣдники большихъ шотландскихъ помѣстій отнеслись весьма негуманно къ тѣмъ самымъ людямъ, которые еще недавно жертвовали для нихъ своею жизнью.

Тѣ, которые остались на родинѣ, до сихъ поръ отличаются своею замѣчательною бѣдностью, тѣмъ не менѣе всѣ они, нѣкогда столь страшные для своихъ сосѣдей, теперь утратили свои разбойничьи права и ведутъ совершенно мирную жизнь.

Какъ только Горная Шотландія перестала быть театромъ междоусобицъ и вѣчныхъ стычекъ различныхъ клановъ между собою, она приняла совершенно другой видъ. Дурныя земли были очищены отъ камня и разработаны, гавани, каменно-угольныя копи, рыболовство—все улучшалось съ необыкновенной быстротой. Землевладѣльцы, находясь теперь въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, ввели въ свое хозяйство улучшенные способы; тучныя поля, засѣянные ячменемъ и пшеницей, грады турнепса (бѣлой рѣпы) и искусственные луга замѣнили прежнія болота, пустыри и непроходимыя дороги, столь драгоценныя для прежнихъ жителей. Повсюду, откуда только можно было выселить первоначальныхъ жителей, ихъ выселяли, и мѣсто ихъ заступали овцы.

Вмѣсто прежнихъ разрушенныхъ хижинъ высятся теперь удобные дома. На

развалинахъ прежнихъ избушекъ не только потомки шотландскихъ вождей выстроили себѣ замки, но и множество богатыхъ англичанъ купили цѣлыя помѣстья и устроили здѣсь свои резиденціи. На всемъ протяженіи Горной Шотландіи теперь нѣтъ почти ни одной сколько нибудь замѣчательной мѣстности, гдѣ бы не стоялъ замокъ новѣйшей постройки. Превосходныя дороги и пароходы на озерахъ и заливахъ облегчаютъ доступъ въ самые глухіе закоулки страны. Тысячи туристовъ наѣзжаютъ туда въ лѣтнее время и тѣмъ доставляютъ расчетливымъ шотландцамъ новую статью дохода. Но эти улучшенія въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности были куплены цѣною самыхъ тяжкихъ страданій народа. Много выиграли отъ этого землевладѣльцы въ Шотландіи, но не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы приготовить тучное пастбище для овецъ, было изгнано съ родины съ возмутительною жестокостію множество народа.

ЖИЗНЬ НЫНѢШНИХЪ ГЭЛОВЪ.

Ихъ жилища, обстановка и пища.—Крофтеры, ихъ положеніе и отношеніе къ нимъ лэндъ-лордовъ.—Билль 1887 г. и его значеніе.—Суевѣрія шотландцевъ.—Ихъ праздники и обряды; ихъ пѣсни и музыкальные инструменты.—Различіе между шотландцами и англичанами.

Гэльское населеніе Шотландіи ограничивается теперь лишь низшими классами общества. Всѣ, получившіе образованіе и достигшіе высшаго положенія, совершенно англичанятся, совсѣмъ забывая свое кельтское происхожденіе. Такимъ образомъ къ англо-саксонскому элементу постоянно примѣшивается гэльская кровь. Между тѣмъ обратное явленіе встрѣчается гораздо рѣже. Никто не находитъ для себя выгоднымъ пристать къ вымирающему народу, который въ національномъ отношеніи остается до настоящаго времени въ большей чистотѣ, чѣмъ англо-саксонская нація. Правда, на окраинахъ Гебридовъ есть нѣкоторые примѣры, что скандинавскія поселенія, совершенно отдѣленные отъ своей родины и не имѣвшія отсюда никакой поддержки, приняли гэльскій языкъ, но это лишь исключеніе.

Гэлы населяютъ теперь большую часть Горной Шотландіи, ихъ мы находимъ также ниже, къ югу отъ Каледонскаго залива до горы Бенномонтъ; тутъ они населяютъ болѣе западную часть и совсѣмъ не живутъ въ восточной части средней Шотландіи; они занимаютъ также острова западной Шотландіи. Гэловъ насчитываютъ теперь въ Шотландіи немного болѣе 200.000 человекъ. Но, какъ мы уже сказали выше, даже въ тѣхъ частяхъ Шотландіи, которыя исключительно населены гэлами, они составляютъ лишь низшій классъ общества. Всѣ они живутъ чрезвычайно бѣдно, нанимаются обыкновенно въ пастухи, еще чаще дѣлаются мелкими арендаторами (ихъ называютъ также фермерами или крофтерами) и ремесленниками въ маленькихъ городахъ. Крофтеры имѣютъ хижину для жилья и при ней немного земли, на которой они разводятъ картофель, овесъ и рѣпу. Нѣкоторые изъ нихъ держатъ при этомъ нѣсколько коровъ или козъ. Въ однихъ мѣстностяхъ если не уродился картофель или овесъ, а въ другихъ если выпалъ плохой уловъ рыбы, эти люди впадаютъ въ крайнюю нужду и разсыпаются по сосѣднимъ городамъ просить милостыню.

Въ Шотландіи весьма мало селеній; по всѣмъ полуобнаженнымъ горамъ и долинамъ разбросаны хижины, стоящія совершенно уединенно и только изрѣдка маленькими группами. Это характерный признакъ горной шотландской страны. Эти хижины горцевъ, прежде столь воинственныхъ, а теперь такихъ жалкихъ, мирныхъ

и бѣдныхъ, принадлежатъ къ самымъ несчастнымъ человѣческимъ жилищамъ во всей Европѣ. Хижины гѣловъ чрезвычайно похожи другъ на друга. Четыре стѣны такого жилья сдѣланы изъ грубыхъ камней безъ цемента; щели и трещины заткнуты мхомъ и верескомъ; худо сколоченныя двери изъ гнилыхъ досокъ—безъ замка и засова. Окна такія маленькія, что ихъ издали трудно и замѣтить. Кровля, выведенная на нѣсколькихъ тонкихъ деревянныхъ стропилахъ, имѣетъ округленную вершину и напоминаетъ хижины дикихъ. Такъ какъ крыша покрыта дерномъ, то лѣтомъ она весело зеленѣетъ, и если она прислонена къ горѣ, то на ней пасутся овцы. Передъ хижиной, на треугольникѣ, сколоченномъ изъ планокъ, виситъ нѣсколько седелокъ для сушки; позади хижины приготовлена на зиму большая куча торфа.

Полъ въ хатѣ изъ утопанной земли очень неровенъ. Во многихъ хижинахъ вмѣсто деревянной двери виситъ ивовая, плетенная изъ вѣтвей, занавѣска. Порога нѣтъ, и вслѣдствіе этого нерѣдко лужи грязи и воды втекаютъ въ жилище и остаются въ немъ по нѣскольку дней. Все жилище представляетъ одну комнату, разгороженную обыкновенно пополамъ. Тамъ, гдѣ-есть дымовыя трубы и печи, эти хижины имѣютъ еще видъ жалкаго человѣческаго жилья, тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, они похожи на хлѣва. На землѣ между двумя камнями тлѣетъ, распространяя страшный дымъ, торфъ, надъ которымъ, на желѣзномъ крюкѣ, виситъ котелъ. Дымъ наполняетъ все жилье и покрываетъ чернымъ, блестящимъ налетомъ стѣны и скудную утварь. Для выхода его въ кровль сдѣлана дыра, надъ которою иногда, чтобы усилить тягу, ставятъ старый, бездонный боченокъ. Люди и животныя мирно уживаются подъ одною кровлею, раздѣленные между собой легкою перегородкой. Стулъ, столъ, сундукъ съ мѣшкомъ, набитымъ соломой, служатъ постелью; простой, грубый стѣнной шкафъ для сохраненія немногихъ вещей стоитъ у стѣны; въ немъ вы всегда найдете библію на гальскомъ языкѣ. На Гебридахъ хижины гѣловъ еще хуже. Если такая хижина совершенно развалится, то владѣлецъ покидаетъ ее и строитъ недалеко отъ нея новую. Старая постепенно разваливается, и отъ нея остается лишь куча камней и глины. Въ горахъ можно видѣть сотни такихъ развалинъ, и никто не думаетъ ихъ убирать.

Черты лица хозяевъ чрезвычайно выразительны,—особенно васъ поражаетъ въ первую минуту необыкновенно грустное выраженіе. Они развитѣе, чѣмъ можно думать по первому впечатлѣнію. Никому изъ нихъ не чужда исторія ихъ отцовъ и героическія пѣсни.

Главная пища нынѣшнихъ горцевъ лѣтомъ и зимою—сельди, картофель и сухія, горьковатая овсяныя лепешки. Этотъ овсяный хлѣбъ употребляютъ по всей Шотландіи, обыкновенно въ видѣ лепешекъ и пироговъ, и хотя онъ чрезвычайно непріятенъ на вкусъ, но довольно питателенъ; ихъ супъ носитъ названіе «годжъ-почъ» (всякая всячина); въ него кладутъ всякаго рода крупы съ примѣсью разныхъ протертыхъ овощей.

Экономическое положеніе шотландскаго простонародья чрезвычайно плохо. Два десятка шотландскихъ лэндъ-лордовъ владѣютъ болѣе чѣмъ половиною всей Шотландіи. Народъ не имѣетъ земли, а арендуетъ ее небольшими участками и маленькими клочками у своихъ лэндъ-лордовъ; этихъ арендаторовъ называютъ здѣсь крофтерами. Они въ буквальномъ смыслѣ слова, до самаго послѣдняго времени, а именно до 1887 г., были въ полномъ рабствѣ у своихъ лэндъ-лордовъ.

Такое положеніе вещей особенно удивительно потому, что шотландскихъ кельтовъ, этихъ воинственныхъ горцевъ, никто никогда не завоевывалъ. Ирландскіе

кельты были покорены англичанами, которые раздѣлили ихъ землю, поработили и обезземелили народъ. Ничего подобного не было съ Шотландією: шотландскія горы съ ихъ дикими вершинами и зіяющими ущельями и ихъ грозное, воинственное населеніе не только никогда не были завоеваны, но не испытали даже непріятельскаго нашествія. И однако, къ началу XIX вѣка шотландское простонародье очутилось совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и ирландское.

До 1745 г. горцы были такими же собственниками земли, какъ и ихъ вожди. Въ предыдущей главѣ мы уже говорили о томъ, что мало-по-малу англійскій строй жизни, англійскія государственныя понятія, любовь къ комфорту представителей англійской знати привились и къ вождямъ клановъ; они все перенимали у знатныхъ англичанъ и постепенно превращались въ настоящихъ лордовъ. Чтобы имѣть болѣе средствъ къ жизни, они возвысили сборъ, который прежде взимался съ вассаловъ, какъ налогъ въ пользу правителя клана. Крестьяне не подозрѣвали, что эта плата взимается теперь съ нихъ за землю, такъ какъ они уже издавна вносили извѣстную плату своимъ начальникамъ. Правда, она была теперь сильно увеличена, и бѣднымъ горцамъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе ее выплачивать, но они съ молокомъ матери всосали безпрекословное повиновеніе своимъ начальникамъ и не роптали. Что же касается того, что эта плата называлась теперь рентою, горцы не придавали этому никакого значенія. Но рента за землю все росла, все менѣе могли ее выплачивать крофтеры, — такъ назывались земледѣльцы, пользующіеся маленькими клочками земли за извѣстную плату. Въ этой сѣверной странѣ борьба за существованіе очень тяжела, и скудная почва въ соединеніи съ суровымъ климатомъ слишкомъ плохо вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Но лорды не хотѣли объ этомъ думать и стали сотнями выгонять крофтеровъ съ ихъ участковъ и выселять ихъ съ родины. Тѣхъ изъ нихъ, которые выказывали малѣйшее сопротивленіе, насильно хватали, сажали на корабли и отправляли въ Америку, Австралію, Канаду, а дома ихъ жгли или разрушали. Эти выселенія производились съ такою возмутительною жестокостію, что можно было подумать, что шотландскіе лэндъ-лорды задались цѣлью уничтожить цѣлую народность, изъ которой они сами вышли и которую нравственно обязаны были защищать. Когда крофтеры были изгнаны изъ той или другой мѣстности, ихъ мелкіе участки соединяли вмѣстѣ и устраивали на нихъ большую ферму, которую отдавали въ руки обеспеченнаго, богатаго капиталиста, и тотъ аккуратно выплачивалъ лорду ренту и имѣлъ средства на арендуемой фермѣ устроить правильное хозяйство, хорошо расчистить и удобрить землю. Еще чаще отнятую у крофтеровъ землю превращали въ пастбища для овецъ и рогатаго скота, но въ послѣднее время болѣе всего въ огромные парки для оленей и лѣсной дичи. Послѣдній герцогъ Аттольскій насадилъ около 5¹/₂ тысячъ десятинъ лиственницы. Этотъ великолѣпный лѣсъ, которому теперь уже болѣе 80-ти лѣтъ, выросъ съ необычайной силой и застилаетъ горы своимъ темнымъ покровомъ.

Шотландскіе лѣса отличаются необыкновеннымъ обиліемъ дичи: бѣлая куропатка, тетеревъ, множество другихъ птицъ и особая порода куропатокъ, называемыхъ «grouse», водятся здѣсь въ необыкновенномъ количествѣ; оленей, ланей, лосей разводятъ искусственно. Богатые англичане особенно любятъ охотиться въ этихъ лѣсахъ и не жалѣютъ расходовъ и денегъ, сопряженныхъ съ этою охотою. Среди самыхъ отдаленныхъ скалъ настроено множество охотничьихъ павильоновъ, изъ которыхъ каждый отдается въ наемъ съ правомъ охотиться въ окрестныхъ горахъ по 500 ф. ст. за павильонъ на одинъ сезонъ. Всѣ шотландскіе владѣльцы обширныхъ помѣстьевъ развели въ своихъ имѣніяхъ много подобныхъ лѣсовъ. Сѣ-

верная Шотландія сдѣлалась наиболѣе цѣннымъ мѣстомъ охоты какъ шотландской, такъ и англійской аристократіи, и эта охота доставляетъ громадныя барыши здѣшнимъ землевладѣльцамъ. Вотъ почему шотландскіе лорды все чаще оставляютъ свои земли подъ пустыри и парки для дичи. Какъ овцы мало-по-малу вытѣсняли крофтеровъ, такъ теперь олени и другая дичь вытѣсняютъ овецъ. Это превращеніе пастбищъ въ парки для охоты заставляетъ крофтеровъ бѣжать съ родины и искать работы на чужбинѣ; ухаживать за овцами, какъ ни былъ онъ простъ, все же требовалъ болѣе рукъ, чѣмъ уходъ за оленями.

Преслѣдуя исключительно свои личные интересы, шотландскіе лэндъ-лорды обращаются съ крофтерами болѣе вѣроломно и жестоко, чѣмъ ирландскіе лэндъ-лорды съ своими фермерами. Нерѣдко они предлагаютъ сами, а то и снисходя къ просьбамъ крофтеровъ, дозволяютъ имъ въ прибавку къ арендуемому клочку земли взять ту или другую часть пустоши, обработать ее, возвести постройки, обзавестись скотомъ и устроить на ней какое угодно хозяйство. Крофтеры, не жалѣя силъ, начинаютъ расчищать пустошь, неся удобреніе за нѣсколько верстъ въ ручныхъ телѣжкахъ, корзинахъ, но чаще на собственныхъ спинахъ или на спинахъ своихъ дѣтей, проводятъ канавы, воздвигаютъ постройки и начинаютъ хозяйничать, благословляя свою судьбу и прежде всего «его милость лорда». Но въ одинъ прекрасный день факторъ лорда объявляетъ чуть-чуть оперившемуся было крофтеру, что его милости лорду необходимъ именно этотъ участокъ, и потому онъ требуетъ, чтобы крофтеръ немедленно удалился съ этой земли. Ошеломленный, несчастный крофтеръ часто умоляетъ только снять зерно, которое онъ посѣялъ, но ему отказываютъ и въ этомъ и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ сгоняютъ съ участка, въ который онъ самъ и вся его семья вложили столько труда, пота и крови.

Шотландскій народъ долго терпѣлъ гнетъ, тяжкія лишенія, постоянное возвышеніе ренты за свой маленькій клочокъ земли, а если это не заставляло его выселяться добровольно, начинались вынужденныя выселенія, совершаемыя съ возмутительною жестокостію. Всѣ эти несчастія и такое возмутительное къ себѣ отношеніе крофтеры приписывали не своимъ лэндъ-лордамъ, а ихъ управляющимъ и факторамъ. На своихъ лордовъ они долго смотрѣли какъ на своихъ защитниковъ и вождей, привыкли ихъ любить и уважать. Но, наконецъ, этотъ долготерпѣливый шотландскій людъ потерялъ терпѣніе, началъ возмущаться и требовать землю обратно. Въ 1885 г. здѣсь и тамъ въ Шотландіи вспыхнули мятежи, произошли беспорядки, принявшіе особенно рѣзкій характеръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны. Это въ концѣ-концовъ заставило парламентъ обратить вниманіе, и въ 1887 г. удалось провести крофтеръ-билль. Теперь дикій, безчеловѣчный произволъ лордовъ относительно крофтеровъ немыслимъ. Этотъ билль гарантируетъ ихъ отъ изгнанія, признаетъ за ними право собственности на сооруженія и улучшенія, если они ихъ сдѣлали на арендованной ими землѣ; за арендуемые ими участки они будутъ платить ренту, установленную коронными комиссарами. Но этотъ билль не удовлетворилъ, однако, главному и существенному требованію крофтеровъ, а именно онъ не коснулся увеличенія ихъ крошечныхъ участковъ, незначительность которыхъ является главною причиною нищеты населенія Горной Шотландіи. Въ однихъ мѣстностяхъ земля, крайне необходимая для пропитанія несчастнаго шотландскаго простонародья, питаетъ лишь оленей, лосей и дикихъ козъ; въ другихъ мѣстностяхъ огромныя пространства, прежде принадлежавшія крофтерамъ и воздѣлываемыя ими, обращены въ пастбища; такимъ образомъ и тутъ земля пропитываетъ не человѣка, а быковъ и еще чаще овецъ. Возвращенія вотъ этихъ-то земель для расширенія своихъ ничтож-

ныхъ участковъ и желали крофтеры. Этотъ билль такимъ образомъ не осуществилъ всѣхъ надеждъ крофтеровъ, но все же, разъ навсегда, обезпечилъ ихъ отъ произвола лордовъ.

Шотландское простонародье сильно заражено суевѣрiями. Несмотря на очень раннее введенiе христiанства въ Шотландiю (уже въ 563 г. былъ устроенъ монастырь на одномъ изъ здѣшнихъ острововъ) и на продолжительное его влiянiе среди гѣльскаго населенiя, между ними сохранилось множество суевѣрныхъ представлений, связанныхъ со старою языческою религiею. Гѣльскiе горцы вѣрятъ въ чудесныя, подобныя феямъ, существа, которыхъ они называютъ «Daoine shìt», и затѣмъ большую роль у нихъ играетъ ясновидѣнiе. Многiе изъ нихъ утверждаютъ, что они обладаютъ даромъ предвидѣнiя и пророчества и рассказываютъ объ этомъ необыкновенныя вещи. Жителямъ равнинъ, на которыхъ горцы и теперь еще смотрятъ свысока, они отказываютъ въ такомъ необыкновенномъ дарѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранились еще курганы, въ которыхъ находятъ пустыя пространства; простой народъ думаетъ, что въ нихъ живутъ феи. Знахарство играетъ большую роль въ жизни гѣльскаго населенiя. Чтобы излѣчить человѣка, одержимаго падучею болѣзнию, его кладутъ на одну кровать съ мертвецомъ, такъ какъ вѣрятъ, что въ этомъ случаѣ болѣзнь переходитъ на мертваго. Тамъ, гдѣ эпилептикъ (одержимый падучею болѣзнию) упалъ въ первый разъ, тотчасъ зарываютъ живого чернаго пѣтуха, вмѣстѣ съ прядью волосъ и кусочками ногтей больного. Этотъ обычай очень древнiй и сильно распространенъ въ гѣльской горной странѣ. Во всей сѣверо-западной Шотландiи до сихъ поръ вѣрятъ, и этого суевѣрiя не избѣгли даже многiя весьма почтенныя и образованныя семейства, что седьмой сынъ въ каждомъ семействѣ однимъ прикосновенiемъ можетъ вылѣчить золотуху. Онъ кладетъ руку на голову больного и при этомъ говоритъ: «во имя Отца и Сына и Св. Духа». Такъ какъ, по понятiю шотландца, седьмой сынъ уже судьбою предназначенъ лѣчить, то его обыкновенно, даже въ семействахъ людей образованныхъ, стараются заставить изучать медицину. Но ни одинъ родъ суевѣрiя не распространенъ такъ сильно, какъ вѣра въ дурной глазъ. Всѣ несчастiя, имъ причиняемыя, излѣчиваются золотой и серебряною водою. Для этого кладутъ цѣнную золотую или серебряную монету въ стаканъ съ водою и этою водою вспыскиваютъ пациента, произнося въ то же время слова молитвы. Даже духовенство, несмотря на свое огромное значенiе въ странѣ, до сихъ поръ не могло уничтожить нѣкоторыхъ странныхъ обычаевъ и обрядовъ. И теперь еще пастухи совершаютъ жертвоприношенiе, называемое «Pel-tein». Для этого они собираются 1-го мая на какую-нибудь гору. При этомъ каждый приноситъ разные припасы: одинъ овсяныя лепешки, другой пива, виски; никто не долженъ являться съ пустыми руками. Когда всѣ соберутся, молодые люди, вооруженные лопатами, нарѣзаютъ большими кусками дернъ и складываютъ изъ него нѣчто въ родѣ алтаря, на который они кладутъ нѣсколько слоевъ торфу; торфъ зажигаютъ, а на огонь ставятъ большой котелъ, въ который наливаютъ молоко, кладутъ яйца, масло, овсяную муку. Когда эта смѣсь прокипитъ, каждый изъ присутствующихъ наполняетъ ею свою посудину и, разливая жидкость вокругъ себя, громко зоветъ къ невидимымъ духамъ вселенной. Затѣмъ каждый изъ присутствующихъ вытаскиваетъ изъ сумки лепешку изъ овсяной муки съ девятью возвышенiями, изъ которыхъ каждое посвящено особому духу, покровителю стадъ, или животнымъ, приносящимъ ущербъ въ хозяйствѣ. Они оборачиваются спиной къ огню и, отламывая хлѣбныя узлы одинъ за другимъ, бросаютъ ихъ черезъ плечо въ огонь съ словами: «это тебѣ, духъ, чтобы ты сохранилъ моихъ лошадей», «а это тебѣ, чтобы ты

поберегъ моихъ коровъ», «тебѣ, чтобы охранилъ моихъ барановъ». Окончивъ обращеніе къ добрымъ духамъ, горцы обращаются такимъ же образомъ къ злымъ и стараются расположить ихъ къ себѣ дарами: «вотъ для васъ, мыши и крысы, не ѣшьте только моихъ пироговъ и моего сыра», «а это вамъ, ласочки, не разбивайте моихъ яицъ», «это тебѣ, черный воронъ, не трогай ржи на моемъ полѣ» и т. д. Когда эти жертвы и пожеланія окончены, все участвующіе садятся кругомъ на дернъ и раздѣляютъ остатки провизіи, запивая элемъ и виски.

Вотъ какъ встрѣчаютъ горцы новый годъ. Наканунъ этого дня они оканчиваютъ свои ежедневныя занятія гораздо раньше обыкновеннаго, и мужчины, вооружившись топорами и веревками, толпами отправляются за вѣтками можжевельника. Черезъ нѣсколько часовъ они возвращаются домой, нагруженные вѣтками, которые они и раскладываютъ для просушки гдѣ-нибудь у огня. Послѣ этого одинъ изъ нихъ отправляется зачерпнуть «мертвой и живой воды». Горцы вѣрятъ, что вода, почерпнутая наканунъ новаго года изъ какого-нибудь источника кувшиномъ, который въ это время не коснулся земли, получаетъ чудодѣйственную силу. Когда посолъ возвратился, кувшинъ съ водой благоговѣнно ставятъ на столъ, и все отправляются спать.

Въ первый день новаго года, рано утромъ, пока все еще спятъ, подымается тотъ, кто наканунъ черпалъ «мертвую и живую воду», въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ для этого назначаютъ другого. Онъ беретъ кисть или вѣникъ, опускаетъ въ кувшинъ и кропитъ водою стѣны и всехъ спящихъ; затѣмъ зажигаютъ кучи собраннаго наканунъ можжевельника. Подымается страшный, удушливый дымъ: все начинаютъ чихать, кашлять, просыпаться, дѣти подымаютъ ужасный крикъ и плачь, но это нисколько не смущаетъ исполнители обряда: онъ продолжаетъ поджигать вѣтви и еще болѣе наполняетъ хижину дымомъ. Когда онъ самъ не въ состояніи уже болѣе стоять на мѣстѣ, онъ отворяетъ дверь и отправляется окуривать лошадей, коровъ и остальной скотъ. Этимъ обрядомъ горцы надѣются оградить на цѣлый годъ всехъ, кто имъ дорогъ, отъ колдовства, дурного глаза и адескихъ силъ.

Когда горецъ умираетъ, его тѣло кладутъ на доску и покрываютъ толстымъ холщевымъ платкомъ. На грудь ему ставятъ деревянную тарелку съ солью и съ землей. Земля служить тутъ символомъ тѣнности, а соль—безсмертія. Все родственники и знакомые тотчасъ приходятъ въ домъ покойника и приносятъ съ собою волюнку, чтобы съ музыкою и пляскою отпраздновать обрядъ *бѣднїя надъ усопшимъ*. Ближайшіе родственники, жена, дочь или сынъ умершаго, встрѣчаютъ плясками этотъ странный обрядъ. Оригинальный видъ представляетъ тогда комната, гдѣ лежитъ покойникъ: въ одномъ углу играетъ волюнщикъ, въ другомъ женщины всхлипываютъ и причитаютъ, а подлѣ пляшутъ подъ звуки инструмента.

Однако, гальскіе обычаи мало-по-малу исчезаютъ, точно такъ-же, какъ и гальскій языкъ. На гальскомъ языкѣ не пишется ни одно официальное заявленіе, и все дѣлопроизводство совершается на англійскомъ языкѣ. Впрочемъ, никому изъ шотландцевъ гальскаго племени даже и въ голову не приходитъ требовать официального признанія своего родного языка. Напротивъ, они сами внѣ дома обыкновенно говорятъ по-англійски. Во всей горной странѣ не найдешь ни одной вывѣски на гальскомъ языкѣ; даже на Гебридахъ, населенныхъ шотландцами гальскаго племени, видѣются лишь англійскія вывѣски. Но, путешествуя въ западныхъ частяхъ Шотландіи, вы и теперь нерѣдко услышите при встрѣчѣ привѣтствіе на гальскомъ языкѣ. Но ни одинъ бѣднякъ въ гальскихъ округахъ не обратится съ нимъ къ хорошо одѣтому человѣку: онъ полагаетъ, что кромѣ его, священника, да человѣка очень

бѣдно одѣтаго, никто не понимаетъ его родного языка, даже и на его родинѣ. О литературѣ собственно у шотландскихъ кельтовъ не можетъ быть и рѣчи; въ наукахъ и искусствахъ они ничего не сдѣлали, такъ какъ всѣ мысли бѣднаго народа исключительно сосредоточены на томъ, какъ бы добыть себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. На гэльскомъ языкѣ нѣтъ ни одной газеты, на немъ печатаются теперь только библія, катехизисъ и другія религиозныя книги. Зато тѣмъ дѣятельнѣе живое слово, и до сихъ поръ еще въ народѣ, по преданію, живутъ древнія эпическія пѣсни.

Дѣла предковъ были облечены въ эпическую форму и такимъ образомъ дошли, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, до нашихъ временъ. Это особенно проявляется у шотландскихъ горцевъ, такъ какъ природная склонность къ поэзіи этого пастушескаго и воинственнаго народа была еще болѣе возбуждена романтическою прелестью ихъ страны, которая должна была производить особенно сильное впечатлѣніе на умы, способные къ фантазіи. Старыя народныя пѣсни еще существуютъ до сихъ поръ. Это прежде всего Оссіановскія пѣсни, которыя въ свое время возбудили большое вниманіе. Эта Оссіановская поэзія получила первое начало въ Ирландіи, но она развилась блестящимъ образомъ среди жителей Гебридъ и западной Шотландіи и, наконецъ, сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ гѣловъ шотландскихъ горъ. Шотландскій герой называется Фингаломъ, поэтому и пѣсни называются фингаловскими или оссіановскими. Хотя Макферсонъ, издавшій пѣсни Оссіана, и сдѣлалъ въ нихъ весьма значительныя измѣненія, но главною основою для него все-таки послужили пѣсни народа.

До сихъ поръ какъ любовь къ музыкѣ, такъ и любовь къ поэзіи сильно развита между горцами. Они и теперь по вечерамъ всей семьей собираются вокругъ очаговъ своихъ мрачныхъ жилищъ и рассказываютъ другъ другу о событіяхъ своей молодости, о жизни и приключеніяхъ своихъ отцовъ; при этомъ они, сами того не замѣчая, дѣйствительные факты сильно разукрашиваютъ самыми сверхъестественными приключеніями. Что шотландцы и теперь еще имѣютъ немало способностей къ поэзіи, это доказываетъ шотландскій поэтъ Робертъ Бёрнсъ, который въ своихъ уединенныхъ долинахъ, обзаванный только окружающею природою, своимъ чуднымъ горамъ и преданіямъ своего народа, сдѣлался извѣстнымъ и любимымъ народнымъ поэтомъ. Горцы издавна имѣли также большую склонность къ музыкѣ. Горныя мелодіи весьма оригинальны, необыкновенно просты, но при этомъ дики и проникнуты сильнымъ чувствомъ. Арфа была древнимъ національнымъ инструментомъ шотландцевъ; еще и теперь въ шотландскихъ музеяхъ показываютъ старыя арфы, украшенные разнымъ красивыми камнями. Въ XVII-мъ столѣтіи, когда въ Шотландіи начались междоусобныя войны, арфа постепенно начала выходить изъ употребленія, и ея мѣсто заступила болѣе воинственная волынка, такъ какъ инструментъ этотъ былъ разсчитанъ на игру при шумѣ битвъ: онъ звучитъ чрезвычайно рѣзко и пронзительно. Волынка чрезвычайно любима шотландцами. Въ богатыхъ дворянскихъ семействахъ волынщиковъ до сихъ поръ содержатъ на годовомъ жалованьи, а встарину для нихъ было устроено множество особыхъ школъ. Странствующие волынщики попадаютъ теперь все рѣже и рѣже, но между ними еще и теперь можно встрѣтить весьма оригинальнымъ стариковъ, напоминающихъ старыхъ оссіановскихъ бардовъ. Въ шотландскихъ пѣсняхъ прежде всего выражаются печаль и любовь къ родинѣ. Въ нихъ все естественно, первобытно, ни въ чемъ не видно искусственной обработки. Шотландскія пѣсни глубоки и мощны, дики и бурны, какъ волнуемое море, которое ударяетъ о скалистые берега этой страны.

Вмѣстѣ съ оригинальною музыкою и пѣніемъ, вы увидите здѣсь и въ высшей

степени оригинальные танцы. Ихъ «*риль*» и «*флингъ*» трудно описать: ихъ нужно видѣть, чтобы понять. Въ какую бы страну ни пріѣхалъ шотланцевъ, онъ всюду, гдѣ только найдетъ нѣсколько другихъ соотечественниковъ, непременно затѣетъ «*риль*» и «*флингъ*».

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о шотландцахъ болѣе или менѣе образованныхъ, то-есть о людяхъ средняго круга. Различіе между англичанами и шотландцами очень велико: ихъ различная судьба, свои особые обычаи и религіозныя убѣжденія должны, конечно, броситься въ глаза каждому чужестранцу, который посѣтитъ обѣ страны. Въ религіи и правахъ англичане и шотландцы совершенно противоположны. Шотландскія газеты постоянно наполнены церковными спорами. Въ Англіи этотъ элементъ тоже существуетъ, но не въ такой степени. Хотя въ большей части Шотландіи распространился англійскій языкъ, но англичанинъ Лондона, вѣхавъ въ Шотландію, будетъ себя чувствовать въ ней совершенно чужимъ. Благодаря тому, что англичане предоставили, наконецъ, шотландцамъ полную свободу пользоваться своими національными законами и религіозными особенностями, они гораздо крѣпче привязали къ себѣ эту страну, чѣмъ это было прежде, когда ей силою навязывали англійскіе законы.

Пріѣзжая въ Лондонъ, даже образованный шотландецъ прежде всего ищетъ шотландской гостиницы; заболѣвъ, онъ призываетъ врача-шотландца и всего охотнѣе ведетъ свои дѣла съ своими земляками. Англичанинъ смотритъ на шотландца отчасти съ гордостью, такъ какъ его родина принадлежитъ ему, отчасти съ любопытствомъ, съ которымъ онъ вообще относится къ чужестранцу.

Национальное чувство шотландцевъ очень сильно; его нельзя выразить сильнѣе, какъ словами стараго шотландца: «я заявляю, что я чистый шотландецъ; какъ у всякаго порядочнаго человѣка моей родины, у меня сильное національное пристрастіе,—назовите это, если хотите, національнымъ предразсудкомъ. Я питаю сильную любовь къ старому шотландскому языку, интересуюсь прежде всего и болѣе всего всѣмъ шотландскимъ. Я считаю для себя большою честью и величайшимъ счастьемъ, что родился въ Шотландіи»... Такъ думаетъ большинство шотландцевъ, и любовь къ родинѣ сопровождаетъ ихъ и на чужбинѣ. Они страстно любятъ все свое: свой университетъ (въ Глазго), свои школы, на которыя не жалѣютъ средствъ, несмотря на свою скупость, своихъ поэтовъ, писателей и реформаторовъ, въ память которыхъ они ставятъ чрезвычайно дорогіе памятники. Памятники Вальтеръ-Скотту, Бёрнесу, Джонъ Ноксу и другимъ шотландскимъ дѣятелямъ найдемъ въ Эдинбургѣ, Глазго и въ другихъ большихъ городахъ Шотландіи. Куда бы ни отправился шотландецъ, онъ всюду сохраняетъ свою страстную любовь къ родинѣ и свои національныя чувства. Шотланецъ нигдѣ не живетъ праздно и, если онъ за что возьмется, ему рѣдко что не удастся. Гдѣ бы ни жилъ шотланецъ, какія бы страны онъ ни увидалъ, онъ всегда говоритъ, что Шотландія лучше всѣхъ странъ, которыя онъ объѣхалъ. Шотландцы гордятся тѣмъ, что ихъ земляки всегда сумѣютъ быть полезными не только себѣ, но и всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ имъ приходится жить.

Прежняя національная одежда горныхъ шотландцевъ все болѣе и болѣе исчезаетъ и сдѣлалась теперь военною формою нѣкоторыхъ полковъ. Проѣзжая по Шотландіи, вы нерѣдко увидите на площади передъ тѣмъ или другимъ замкомъ ученье рекрутъ того или другого шотландскаго полка. На головѣ солдатъ большія медвѣжьи шапки, украшенныя перомъ; они маршируютъ подъ звуки волынки, и пестрыя ленты на ихъ чулкахъ и волынкахъ развѣваются по вѣтру; армія ея британскаго величества—единственная, въ которой введенъ этотъ допотопный инструментъ. Эти

солдаты въ національной шотландской одеждѣ имѣютъ оригинальный видъ. Впрочемъ, они не всегда ходятъ въ короткомъ килтѣ и съ обнаженными ногами: обыкновенно они носятъ красную или бѣлую куртку и пестрые клѣтчатые штаны.

Своими національными играми шотландцы считаютъ «керлингъ» и «гольфъ». Такъ какъ въ «керлингъ» можно играть только на льду, то это чисто шотландская игра, такъ какъ изъ всей Великобританіи только въ одной Шотландіи можно найти ледъ. Прекрасная, гладкая поверхность льда, которая образуется на шотландскихъ озерахъ и на затопленных берегахъ рѣкъ, подала поводъ къ изобрѣтенію этой игры, которая состоитъ въ томъ, что бросаютъ въ цѣль круглые и плоскіе камни. «Керлерсы», т.-е. участники въ этой игрѣ, въ извѣстный день сходятъ со своихъ горъ, изъ различныхъ мѣстъ и городовъ, въ нарочно приготовленное для игры мѣсто. Все это красивые и ловкіе парни, и многіе изъ нихъ нарочно для этого одѣваютъ народную одежду горцевъ. Всѣ они приходятъ со своими камнями для «керлинга». Эти камни можно видѣть и купить въ каждой лавкѣ всѣхъ шотландскихъ городовъ. Это круглые, плоскіе камни отъ 40 до 50 ф. вѣсу; ихъ очень чисто отдѣлываютъ и хорошо полируютъ. Наверху придѣлана желѣзная ручка, за которую берутъ, чтобы бросить камень. Задача игры состоитъ въ томъ, чтобы камень попалъ въ цѣль и остался тамъ. При тяжести камня и гладкости льда, это требуетъ большой силы, ловкости и хорошаго зрѣнія. Маленькая яма въ снѣгу представляетъ цѣль, вокругъ которой проведены круги различнаго діаметра. Въ игрѣ принимаютъ участіе отъ 20 до 30 человѣкъ; самая трудная минута наступаетъ тогда, когда цѣль окружена камнями и своимъ камнемъ приходится проскользнуть по узкимъ промежуткамъ или попасть въ камень, которому нужно дать толчокъ. На эту игру собирается смотрѣть много народа; со всѣхъ сторонъ слышатся смѣхъ, остроты и крики одобренія. Эту игру одинаково любятъ какъ богатые, такъ и бѣдные. Нѣкоторые богатые шотландскіе жители держатъ для нея даже особые пруды. Игра эта иногда такъ долго затягивается, что ее продолжаютъ при свѣтѣ факеловъ. Для нея существуютъ даже особые клубы; они распространены по всей Шотландіи. Величайшій изъ нихъ «керлингъ-клубъ» въ Эдинбургѣ.

Другая знаменитая національная шотландская игра—«гольфъ»; она состоитъ въ томъ, чтобы возможно меньшимъ количествомъ ударовъ загнать маленькій твердый мячъ въ дыру, сдѣланную на большомъ разстояніи. Внутренность мячей туго набиваютъ перьями посредствомъ маленькой машинки. Послѣ этого кожу мяча покрываютъ нѣсколькими слоями бѣлой краски. Эти мячи бьютъ палками съ нѣсколько загнутой головкой. Внутри палка налита свинцомъ; тамъ, гдѣ за нее берутся, ее обматываютъ шелкомъ: иначе рука будетъ соскальзывать.

Ежегодно, въ концѣ іюля, бываетъ въ Дункельдѣ огромное собраніе горцевъ, на которое сходится до 6 тысячъ человѣкъ. На этихъ собраніяхъ шотландцы танцуютъ, играютъ въ «керлингъ» и упражняются въ борьбѣ и фехтованіи. При этомъ обыкновенно играетъ національная волынка и раздаются призы тѣмъ, кто явится въ лучшей горной одеждѣ. Въ окрестностяхъ Дункельда и Блери-Аттола шотландская одежда встрѣчается чаще, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Шотландіи. Дворяне, которые сочувствуютъ старымъ народнымъ обычаямъ, пріѣзжая на время охоты въ свои шотландскіе помѣстья, надѣваютъ родовой семейный тартанъ. Объ особенной одеждѣ женщинъ теперь уже не можетъ быть и рѣчи: онѣ носятъ общеупотребительную одежду; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно встрѣтить женщинъ въ коротенькихъ тартановыхъ юбочкахъ, въ плащахъ и въ оригинальномъ головномъ уборѣ, но это весьма рѣдко. Знатныя дамы въ большихъ городахъ Шотландіи стень рѣдко

носятъ тартаны, гораздо рѣже даже, чѣмъ въ Германіи, и Шотландія большую часть своихъ клѣтчатыхъ тартановъ отправляетъ въ Германію, особенно въ Саксонію. Изъ сказаннаго ясно, что старая одежда горцевъ уже почти совершенно исчезла, и если мы и теперь еще встрѣчаемъ ее, то она поддерживается искусственно любителями шотландской старины. Въ 1746 г. англичане запретили шотландцамъ носить килты, и съ этихъ поръ національная одежда горцевъ стала постепенно выходить изъ употребленія. Но если въ народѣ шотландскомъ эта одежда стала все болѣе и болѣе терять свое значеніе, зато она въ большомъ почетѣ въ богатыхъ шотландскихъ семействахъ. Почти всѣ мальчики изъ достаточныхъ семействъ до 13—14 лѣтъ ходятъ въ килтъ, въ пестрыхъ чулкахъ, съ обнаженными колѣнями. Въ большихъ городахъ очень рѣдко встрѣтишь взрослого человѣка въ килтѣ и плэдѣ; но зато англичане, путешествуя по шотландскимъ горамъ, стараются ходить въ горной одеждѣ, чтобы придать себѣ мѣстный оттѣнокъ и характеръ горца. Прислуга, егеря и дрессировальщики собакъ у шотландскихъ землевладѣльцевъ ходятъ въ ихъ помѣстьяхъ по большей части въ горной одеждѣ, но простой народъ очень рѣдко. Любимое украшеніе шотландцевъ обоюго пола, какъ прежде, такъ и теперь, разные красивые камни, которые они находятъ въ своихъ родныхъ горахъ. Большіе, свѣтложелтые и дымчатые топазы, агаты, аметисты и яшмы, отдѣланные въ серебро, служатъ брошками и другими украшеніями. Эти украшения не всегда отличаются большимъ вкусомъ, но чрезвычайно оригинальны, а для шотландца довольно и того, что они найдены въ его родимыхъ горахъ. Многое въ домахъ украшено этими камнями и прежде всего огромныя табакерки изъ бараньяго рога, которыя переходятъ за столомъ отъ одного къ другому.

ГОРОДЪ ВИКЪ И ЛОВЛЯ СЕЛЬДЕЙ.

Рыболовствомъ Горная Шотландія славится не менѣе, чѣмъ охотой за дичью, и это естественно, такъ какъ страна эта необыкновенно обильна водами. Послѣ того, какъ Горная Шотландія успокоилась отъ воинственныхъ кликовъ дикихъ клановъ, каждый, кто имѣлъ какой-нибудь доступъ къ рѣкѣ, немедленно наживалъ себѣ крупное состояніе. Форель—царица здѣшнихъ водъ и, вмѣстѣ съ лососиною и сельдями, которыя водятся здѣсь въ огромномъ количествѣ, служатъ предметомъ значительной торговли. Ловлею рыбы занимается большая часть здѣшнихъ жителей.

Ловля сельдей въ Шотландіи уступаетъ въ Европѣ только норвежскому сельдяному промыслу. Всѣ крики объ истощеніи сельдяного богатства Шотландіи ни на чемъ не основаны и происходятъ отъ непостояннаго и довольно капризнаго появленія сельдей на извѣстныхъ мѣстахъ.

Кто желаетъ посмотрѣть на настоящую рыбную ловлю, пусть отправится въ городокъ Викъ (на восточномъ берегу Шотландіи), самый значительный городъ въ странѣ по своей торговлѣ сельдями и по угромному улову этой рыбы. Если вы пріѣдете сюда въ іюль или августъ, когда происходятъ самыя громадныя ловли, то увидите, что горе и счастье всего мѣстнаго населенія, а также и окрестныхъ жителей, исключительно зависятъ отъ этого дара моря.

Викъ—городъ селедокъ: здѣсь, куда вы ни взгляните,—ездѣ сельди. Несмотря на то, что маленькая и узкая гавань города не совсѣмъ удобна для большой ловли, здѣсь въ іюль собирается такая толпа народу и кипитъ такая дѣятельность, что можно въ это время принять этотъ городокъ за какой-нибудь огромный промышленный и торговый городъ.

По вечерамъ нѣсколько сотъ лодокъ покрываютъ поверхность воды, вмѣстѣ съ ударами веселъ раздаются оригинальныя пѣсни подъ аккомпаниментъ волынки. Но настоящая сельдяная ловля происходитъ утромъ. Тогда вы увидите сельдяной флотъ въ тысячу лодокъ и болѣе. Трудно представить себѣ, какое движеніе и какая толкотня происходятъ въ это время на сушѣ и на морѣ! Поверхность волнъ сплошь покрывается точно черными муравьями. Одна лодка за другой, наполненныя сѣтями и сельдями, медленно подплываютъ къ берегу. Всѣ начинаютъ толкаться къ пристани, гдѣ и безъ того уже не видно свободного мѣста. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подвигающагося и напирющаго другъ на друга народа, жители и жительницы Вика располагаются живописными группами. Отовсюду идетъ гулъ, шумъ, дѣловой говоръ, стукъ молота, удары топора. Въ одной группѣ женщины наваливаютъ въ корзины трепещущихъ селедокъ съ серебристымъ, голубымъ и розовымъ оттѣнкомъ на спинѣ, въ другой — мужчины ловко дѣлаютъ надрѣзъ короткимъ ножомъ и вынимаютъ внутренности; въ одну сторону они бросаютъ селедки, которыя принимаютъ отъ нихъ женщины. Съ какою живостью и какъ аккуратно тѣ укладываютъ ихъ въ бочку: одинъ рядъ кладутъ всю рыбу животомъ вверхъ, другой — спинками вверхъ; каждый рядъ посыпаютъ солью. Тутъ же стоятъ бочары, тотчасъ забиваютъ каждую бочку и закрѣпляютъ на ней обручи. Въ другой группѣ женщины горстями подбираютъ внутренности селедокъ и сбрасываютъ ихъ въ корзины; изъ нихъ потомъ вывариваютъ масло, и даже послѣ этого эти выжимки внутренностей идутъ въ дѣло: ихъ употребляютъ, какъ удобреніе. Но Боже сохрани подойти близко къ кому-нибудь изъ собравшагося здѣсь люда. Всѣ, какъ женщины съ высоко подвязанными передниками, такъ и мужчины, сплошь забрызганы кровью и покрыты чешуей. Да и пробраться новичку въ этой толпѣ чрезвычайно трудно: здѣсь стоятъ бочки съ солью, тамъ навалены доски для новыхъ бочекъ, между ними съ необыкновенно дѣловымъ видомъ пробѣгаютъ бочары, торговцы, матросы большихъ кораблей. Ни вершка свободного мѣста, и отовсюду несетъ запахъ, хуже котораго нельзя ничего себѣ представить. Сельди и ихъ внутренности вездѣ разбросаны на грязной землѣ, пропитанной лужами крови и усыпанной чешуей. Двухколесныя телѣжки, запряженныя маленькими лошадами «пони», тянутъ въ городъ огромныя сѣти, которыя, чтобы просушить, разстилаютъ на лугахъ, и тогда они опоясываютъ весь Викъ широкимъ чернымъ поясомъ.

ОБРАЗОВАНИЕ И РЕЛИГІЯ.

Образованіе въ Шотландіи.—Религія шотландцевъ.—Шотландская пресвитеріанская церковь.—Богослуженіе.—Воскресный день.

Народное образованіе въ Шотландіи распространилось гораздо раньше, чѣмъ въ Англіи. Еще въ 1560 г. знаменитый шотландскій проповѣдникъ Джонъ Ноксъ и нѣкоторые изъ его ревностныхъ собратій начертали «Наказъ», въ которомъ они изложили проектъ приходскихъ школъ; съ этого времени по всей Шотландіи быстро стало распространяться народное образованіе. Въ настоящее время въ Шотландіи дѣйствуетъ законъ 1872 г., по которому каждое мѣстечко, каждый приходъ имѣютъ свой школьный комитетъ, подъ вѣдѣніемъ котораго и состоятъ всѣ школы. Всѣ родители обязаны давать образованіе своимъ дѣтямъ, и приходскій совѣтъ вноситъ плату за ученіе дѣтей недостаточныхъ родителей. Школьный комитетъ привлекаетъ къ отвѣтственности тѣхъ родителей, которые не повинуются закону, и судья можетъ приговорить ихъ къ штрафу или тюремному заключенію. Такимъ образомъ въ Шот-

ландіи всё дѣти, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, могутъ получить даровое образованіе, могутъ безъ матеріальныхъ издержекъ подготовиться къ университету, слѣдовательно, высшее образованіе одинаково доступно здѣсь какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ, какъ для знатныхъ, такъ и для простыхъ. Понятно, что бѣднякъ, на низшей ступени общественной лѣстницы, не пойдетъ въ университетъ: ему нужно уже съ 12—13 лѣтъ кормить себя и часто всю семью, тѣмъ не менѣе высшее университетское образованіе здѣсь доступно большому числу лицъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Рабочій людъ, не получившій университетскаго образованія, можетъ слушать курсы «University extension», распространенные здѣсь такъ же, какъ и въ Англіи, и получать ученые степени.

Въ Шотландіи молодые люди развиваются быстро, и мальчикъ уже рано самъ привыкаетъ думать о будущемъ. Родители прежде всего стараются внушить ребенку, что онъ самъ долженъ пробить себѣ дорогу и что въ будущемъ онъ долженъ надѣяться только на собственную голову и руки. Нечего уже говорить о дѣтяхъ простаго народа, но даже и мальчики людей средняго класса, дѣти людей весьма зажиточныхъ, не видятъ въ домѣ той роскоши и комфорта, какъ въ Англіи; ихъ родители чрезвычайно дѣятельны, набожны и, въ большинствѣ случаевъ, суровы до того, что не одобряютъ даже театралныхъ представленій. Такимъ образомъ, по примѣру окружающихъ людей, складывается и характеръ юноши: онъ рано становится серьезнымъ работникомъ, чрезвычайно усердно занимается въ школѣ и даже въ первые годы юности съ презрѣніемъ относится къ свѣтскимъ и легкимъ удовольствіямъ и считаетъ расточительность преступленіемъ. Поэтому, хотя тѣлесное наказаніе не исключено изъ школьной дисциплины, къ нему здѣсь прибѣгаютъ крайне рѣдко. По отчетамъ видно, что за лѣность совѣтъ почти не приходится наказывать воспитанниковъ. За шалости и нарушеніе школьнаго устава, что, впрочемъ, бываетъ тоже чрезвычайно рѣдко, провинившагося бьютъ ремнемъ по рукѣ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, вмѣсто ремня, бьютъ тростью.

Почти три четверти всего народонаселенія Шотландіи, составляющаго около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ, принадлежитъ къ пресвитеріанской церкви; затѣмъ около ста тысячъ исповѣдуетъ римско-католическую религію, и около 60 тысячъ англиканскаго вѣроисповѣданія. Остальные—сектанты: интпенденты, методисты, квакеры, баптисты и другіе. Люди всѣхъ исповѣданій и различныя секты пользуются полною религіозною свободою.

Въ Шотландіи реформація появилась въ одно и то же время съ сосѣднею Англіею, но на первыхъ же порахъ приняла здѣсь свой особенный характеръ, который удержала до настоящаго времени. Главное и существенное отличіе шотландской пресвитеріанской церкви—ненависть къ католической религіи и ко всѣмъ ея церковнымъ порядкамъ и учрежденіямъ. Нигдѣ, кажется, съ такимъ фанатизмомъ не разрушали древнихъ католическихъ храмовъ съ ихъ украшеніями, чтобы не оставить никакихъ слѣдовъ папства, какъ дѣлали это въ Шотландіи, въ первыя времена реформаціи. Другая отличительная черта пресвитеріанской религіи—стремленіе передѣлать всю жизнь, не только церковно-религіозную, но и семейную, гражданскую и государственную на основаніи буквального смысла священнаго писанія. Пресвитеріане во всемъ, и въ особенности въ своемъ церковномъ богослуженіи, стараются слѣдовать буквальному смыслу Св Писанія и отвергаютъ все, на что въ немъ нѣтъ прямого и яснаго указанія. При этомъ болѣе всего придерживаются ветхаго завѣта. Это стремленіе преобразовать жизнь по идеалу церкви, начертанному первыми ея реформаторами, проявляется во всей исторіи шотландской церкви и выражается въ самомъ ея устройствѣ.

Прежде, чѣмъ окончательно утвердилась въ Шотландіи пресвитеріанская церковь, шотландцы долго вели борьбу противъ католичества, потомъ противъ усилій правительства распространить англиканскую религію въ ихъ странѣ. Но въ 1690 г. пресвитеріанская церковь была признана и до настоящаго времени остается господствующею.

Пресвитеріанскіе храмы, какъ по вѣншему виду, такъ и по внутреннему устройству, мало отличаются отъ обыкновенныхъ домовъ. Нѣкоторые изъ нихъ украшены башнями, колоколовъ же совсѣмъ не употребляютъ. Внутреннее устройство и обстановка храма еще болѣе простая; это не что иное, какъ прекрасная, свѣтлая, огромная зала, заставленная скамейками или стульями. Всѣ украшенія рѣшительно изгнаны. Нѣтъ ни иконъ, ни картинъ, ни статуй, ни органа, ни алтаря, ни свѣчъ, ни купели для крещенія, ни креста. Эта зала со скамейками, думаетъ посѣтитель, была бы чрезвычайно удобна для публичныхъ совѣщаній; и въ самомъ дѣлѣ, богослуженіе здѣсь не что иное, какъ бесѣда о высоконравственныхъ предметахъ. Противъ главнаго входа устроена каедрa; нѣсколько ближе къ входу—налой для запѣвалы. Вокругъ налая оставлены почетныя мѣста для духовныхъ лицъ. Прочія мѣста занимаютъ прихожане, но точно такъ же, какъ и во многихъ другихъ западныхъ церквяхъ, каждый за свое мѣсто въ церкви платитъ извѣстную сумму, и это доставляетъ церкви большой доходъ, который идетъ въ пользу школъ и бѣдныхъ.

Въ пресвитеріанской церкви не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ, ни опредѣленной росписи, въ какое время, въ какомъ порядкѣ и какіе отдѣлы Св. Писанія и молитвы должно читать во время того или другого богослуженія. Все предоставляется личному усмотрѣнію и способности духовнаго лица, которое отправляетъ богослуженіе. Относительно церковныхъ пѣсней постановлено только не допускать при богослуженіи пѣсни человѣческія, т.-е. небиблейскія. Ихъ выбираютъ обыкновенно изъ псалмовъ Давида, и для нихъ составлены особыя мелодіи. Всѣ присутствующіе могутъ пѣть подъ руководствомъ запѣвалы.

Въ назначенный часъ прихожане сходятся въ церковь для богослуженія; мужчины нерѣдко входятъ съ шапками на головахъ. Черезъ нѣсколько минутъ на каедрѣ всходитъ проповѣдникъ въ черномъ плащѣ, кланяется собранію и читаетъ псаломъ, который онъ назначаетъ въ этотъ разъ для пѣнія. Запѣвало, стоя у своего налая, начинаетъ пѣніе, за нимъ затягиваютъ и присутствующіе. По окончаніи псалма проповѣдникъ произноситъ молитву собственнаго сочиненія, которую присутствующіе выслушиваютъ стоя, затѣмъ опять пѣніе. Послѣ этого проповѣдникъ читаетъ ту или другую главу Св. Писанія по своему выбору; на это отвѣчаютъ пѣніемъ, и затѣмъ начинается проповѣдь, которая продолжается полчаса и болѣе. Проповѣди эти чрезвычайно однообразны, сухи и скучны. Несмотря на чувство глубокаго уваженія ко всему, что дѣлается вокругъ, шотландцы во время длинныхъ проповѣдей начинаютъ покачиваться и дремать. Проповѣдники замѣчаютъ это, но нисколько не смущаются и продолжаютъ. Послѣ проповѣди опять молитва, пѣніе, и, наконецъ, богослуженіе заканчивается благословеніемъ проповѣдника.

Довольно оригинально крестятъ у нихъ дѣтей: крещеніе происходитъ во время богослуженія, передъ всѣми, на каедрѣ. Воспріемниковъ здѣсь не бываетъ; малютку держитъ отецъ, которому священникъ и объясняетъ, что «по смыслу шотландской, какъ и всякой другой реформатской церкви, окропленіе крещаемаго водою есть знакъ очищенія кровію Іисуса Христа». Послѣ этого духовное лицо троекратно окропляетъ голову ребенка обмоченными въ воду пальцами.

Къ причастію приступаютъ обыкновенно два раза въ годъ, въ нѣкоторыхъ же

мѣстностяхъ и по одному разу. Въ богослуженіи передъ таинствомъ причащенія предметомъ проповѣди бываетъ обыкновенно увѣщаніе покаяться и примириться съ Богомъ, и только; больше не существуетъ передъ причащеніемъ никакого особаго покаянія. Въ назначенный воскресный день, когда происходитъ причащеніе, въ церкви стоитъ одинъ, а иногда и нѣсколько узкихъ столовъ, покрытыхъ бѣлою скатертью. Около нихъ на скамейкахъ садятся причастники, мужчины и женщины; духовное лицо садится на переднемъ мѣстѣ. Передъ нимъ ставятъ хлѣбъ, нарѣзанный на тонкіе длинные ломтики, и красное вино въ серебряныхъ кубкахъ. Послѣ краткой рѣчи священнослужитель прочитываетъ Евангеліе объ учрежденіи таинства. Во время чтенія словъ: «преломилъ и далъ ученикамъ», онъ беретъ ломтики хлѣба, разламываетъ на двѣ половины и подаетъ на обѣ стороны сидящимъ рядомъ съ собою. Затѣмъ тарелки съ хлѣбомъ разносятъ по обѣимъ сторонамъ. То-же дѣлаютъ и съ чашей съ виномъ: сначала священнослужитель подаетъ на обѣ стороны двѣ чаши, которыя затѣмъ тотчасъ переходятъ изъ рукъ въ руки. Послѣ этого происходитъ пѣніе псалмовъ.

Съ тою же простотою совершаются бракъ и погребеніе. Бракъ совершается духовнымъ лицомъ не въ церкви, безъ обрядовъ и даже безъ обмѣна колецъ. Погребеніе совершается безъ пѣнія, безъ молитвъ и рѣчей, и духовныя особы слѣдуютъ за гробомъ въ качествѣ друзей въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ. Гробъ опускаютъ въ землю безмолвно и съ покрытою головою. Надгробные памятники рѣдки, и всего рѣже въ видѣ креста; простыя надписи означаютъ только имя, годъ, день рожденія и смерти умершаго.

Шотландская церковь не признаетъ никакихъ праздниковъ, кромѣ воскресенья, но его соблюдаетъ даже болѣе строго и сурово, чѣмъ англиканская. Самыя нужныя дѣла откладываютъ въ этотъ день. Самые большіе города по воскресеньямъ точно вымираютъ: не видно движенія на улицахъ, не слышно ни шума, крика и брани, ни стука машинъ; даже желѣзныя дороги и пароходы на время прекращаютъ въ этотъ день свою шумную дѣятельность. Улицы оживляются только въ тѣ часы, когда народъ идетъ въ церковь или возвращается изъ нея. Въ этотъ день богослуженіе совершается обыкновенно два раза: въ одиннадцать часовъ и въ два часа пополудни; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ многіе жители понимаютъ одинъ только какой-нибудь языкъ, или англійскій, или только гальскій, богослуженіе совершается и три раза. Въ такихъ случаяхъ можно видѣть, что старики обыкновенно идутъ на богослуженіе, которое будетъ совершаться на гальскомъ языкѣ, а молодежь на то, которое идетъ на англійскомъ. Это еще болѣе подтверждаетъ, что гальскій языкъ положительно вымираетъ и молодежь все меньше разговариваетъ на немъ даже и между собой. Большинство шотландцевъ отправляется и къ утреннему, и къ послѣобѣденному богослуженію. Поѣхать въ воскресенье въ гости, отправиться на прогулку — величайшее преступленіе, и за это нарушитель подвергается общественному порицанію. Время, которое остается отъ посѣщенія церкви, посвящается чтенію библіи. Все семейство нерѣдко собирается въ одну комнату и затягиваетъ вмѣстѣ псалмы или духовныя пѣсни, проникнутыя глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Впрочемъ, чтеніе библіи и пѣніе псалмовъ происходитъ въ семействахъ и въ другіе дни недѣли. За этимъ строго слѣдитъ отецъ семейства. Въ каждомъ семействѣ передъ обѣдомъ хозяинъ читаетъ молитву; когда есть кто-нибудь въ гостяхъ и когда этотъ гость — чловѣкъ почтенный и уважаемый въ семействѣ, то ему предоставляютъ произнести молитву передъ пищей. Общественное мнѣніе, которое строго слѣдитъ за всѣми и жестоко караетъ всѣхъ мало-мальски отступающихъ отъ разъ принятыхъ религіоз-

ныхъ обычаевъ, порождаетъ немало пустого формализма, ханжества и фарисейства. Шотландцы считаютъ преступленіемъ выйти въ воскресенье на улицу, прогуляться, посѣтить родныхъ и друзей, поиграть на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ,—все это могутъ увидѣть или услышать сосѣди и прохожіе, за все это ихъ забрасаютъ грязью.

ИРЛАНДІЯ.

ПРИРОДА И НАРОДЪ.

Природа страны и ея климатъ. — Жилища ирландцевъ, ихъ одежда и пища.

Несмотря на то, что для ирландцевъ родина всегда была злой мачихой, они пламенно, страстно къ ней привязаны и даютъ ей самыя поэтическія названія: «жемчужина морей», «краса океана», «роскопнѣйшій цвѣтокъ вселенной», «зеленый Эринъ», «изумрудный островъ» и множество другихъ нѣжныхъ эпитетовъ. Дѣйствительно, природа Ирландіи, въ большей части мѣстностей, въ высшей степени своеобразна и привлекательна. Прежде всего повсюду въ этой странѣ бросается въ глаза свѣжая зелень. Правда, звѣсь и тамъ чувствуется весьма значительная сырость отъ частыхъ дождей (климатъ Ирландіи даже нѣсколько сырѣ климата Англіи), но это нельзя считать особеннымъ зломъ, такъ какъ сырость вовсе не дѣйствуетъ губительно на плодородіе ирландской почвы и скорѣе способствуетъ тому, что вся эта страна покрыта свѣжею зеленью, такъ что вполне справедливо называется «зеленымъ Эриномъ». Всѣ берега Ирландіи сильно иззубрены глубоко вдающимися бухтами, такъ что нѣтъ мѣстечка, которое отстояло бы болѣе, чѣмъ на 200 километровъ *) отъ морского берега. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что Ирландія открыта теплымъ вѣтрамъ съ Атлантическаго океана, способствуетъ теплотѣ и влажности ея климата. Растенія, которыя въ Англіи могутъ расти только въ теплицахъ, растутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ, наприм.: миртъ и другія растенія южной Европы; въ горахъ же встрѣчаются альпійскія и самыя сѣверныя растенія. Путешествуя по берегу моря изъ Дублина на югъ и проѣзжая округа Уэксфордъ, Квинстоунъ и Коркъ, выносишь впечатлѣніе объ Ирландіи, какъ объ одной изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ земного шара. Но, доѣхавъ до Килларней и поднимаясь по западному берегу все сѣвернѣе, замѣчаешь, какъ быстро природа измѣняетъ свой видъ: луга начинаютъ чередоваться съ болотами, пейзажъ принимаетъ все болѣе однообразный характеръ и переходитъ, наконецъ, въ бесплодную пустыню. Однако, несмотря на болѣе суровую природу, даже и западная часть Ирландіи носитъ своеобразный характеръ. Дикій, бурный океанъ въ вѣчной борьбѣ изрѣзываетъ скалистые берега и придавалъ имъ самыя причудливыя, фантастическія формы. Почти всѣ горы возвышаются вдоль приморскихъ береговъ, а внутренность страны представляетъ волнистую низменность, покрытую множествомъ озеръ, болотъ и топей. Пробираясь по окраинамъ, путешественникъ видитъ, какъ возвышаются то здѣсь, то тамъ горныя хребты и отдѣльныя вершины

*) Километръ — нѣсколько менѣе версты.

въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и въ необыкновенно красивыхъ очертаніяхъ, но дикіе, скалистые и большею частью безлѣсные. Когда цвѣтеть верескъ, всѣ эти вершины и шипцы сіяютъ на солнцѣ темною пурпуровою окраскою и придаютъ странѣ что-то сказочное и таинственное. Не менѣе чудный ландшафтъ представляютъ посреди обширныхъ равнинъ прозрачныя озера, которыя питаются многочисленными горными ручьями, быстро, съ шумомъ падающими со скалъ. Насколько можетъ охватить взоръ, простираются равнины полей и пастбищъ, зеленоватый отливъ которыхъ рѣзко выдѣляется изъ пурпура чудныхъ горъ, синевы озеръ и мрачнаго цвѣта океана. Но эти прелестныя мѣстности совсѣмъ не оживлены; фантастическія горы не увѣнчаны лѣсомъ, даже кустарники не растутъ на нихъ и только дикій тернъ, характерное растеніе ирландскихъ холмовъ, украшаетъ ихъ въ весенніе мѣсяцы своими ярко-желтыми цвѣтами. Заливы и озера совершенно пустынные, и только изрѣдка показывается на нихъ рыбацья лодка или маленькое парусное судно, которое везетъ жалкую провизию къ какому-нибудь полужаснувшему городу, лежащему недалеко отъ берега. Море со страшною силою, съ глухимъ шумомъ и ревомъ разбиваетъ свои пѣнящіяся волны о пустой берегъ и равнины. Здѣсь и тамъ на низменныхъ мѣстностяхъ зеленые луга перемежаются съ черными болотами и съ лужами грязной воды, или тянутся громадныя залежи торфа. Большая часть ирландской почвы состоитъ изъ торфяныхъ болотъ, и торфъ играетъ важную роль въ жизни бѣднаго ирландскаго люда. Ирландскій крестьянинъ, вмѣсто денегъ, часто расплачивается торфомъ, готовитъ на немъ свой скудный обѣдъ и согрѣвается имъ. Чѣмъ ближе та или другая мѣстность расположена отъ залежей торфа, тѣмъ дороже платитъ ирландскій крестьянинъ землевладѣльцу за арендуемый клочокъ земли. Воздухъ Ирландіи весь пропитанъ запахомъ торфа; всѣ кушанья болѣе или менѣе отзываются имъ, и ирландецъ такъ привыкъ къ этому, что считаетъ джинъ и виски только тогда хорошими, когда они распространяютъ тонкій торфяной ароматъ.

Несмотря на своеобразныя, мѣстами даже величественныя картины природы, съ каждымъ шагомъ въ этой странѣ все болѣе и болѣе поражаютъ безжизненность и безлюдность, которыя повсюду даютъ себя чувствовать. Почва Ирландіи очень плодородна, но земледѣліе въ этой странѣ не процвѣтаетъ вслѣдствіе того, что громадная часть земель въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые маленькими клочками раздаютъ ее въ аренду бѣдному ирландскому люду. На склонахъ горъ, вмѣсто веселыхъ деревень съ садами или группами деревень, встрѣчаешь отдѣльно стоящія жалкія землянки—жилища ирландскаго люда, напоминающія скорѣе звѣриныя норы. Вмѣсто многочисленныхъ стадъ крупнаго скота съ веселыми бубенчиками, видишь худыхъ и малорослыхъ коровъ, овецъ и козъ, страшно исхудалыхъ лошадей. Съ большимъ трудомъ выбираютъ они траву изъ-подъ вереска, и ихъ наружный видъ ясно говоритъ, что этотъ скудный кормъ служитъ имъ единственною пищею большую часть года. Большія невоздѣланныя пространства лишь изрѣдка смѣняются маленькими обработанными полями. Вмѣсто оживленнаго говора, стука молотовъ и мельничныхъ колесъ около жилища человѣка, вы услышите гоготанье гусей, которые расхаживаютъ большими стадами около хижинъ, и хрюканье свиней. Всюду, какъ въ горахъ, такъ и близъ озеръ, въ верескѣ и вблизи хижинъ, недостаетъ лучшаго украшенія природы—пѣвчихъ птицъ: изрѣдка раздаются крики чаекъ, но очень рѣдко слышно веселое пѣніе жаворонка и никогда не раздается пѣсня соловья. И это очень понятно: тутъ существуютъ громадныя пространства, на которыхъ птицы не найдутъ для себя не только дерева, но ни одной вѣточки для гнѣзда, ни даже куста. Западные и сѣверо-западные бури здѣсь такъ сильны и повторяются такъ часто, что

ни одно молодое деревцо не может подняться выше человеческого роста: оно лишается своей верхушки и умирает или остается маленьким и уродливымъ. Даже внутри страны всѣ вершины деревьевъ согнуты къ востоку или юго-востоку. Но не одни бури виною ирландскаго безлѣся: въ XIV' и XV' столѣтіяхъ и даже позже Ирландія имѣла довольно значительные лѣса; ихъ безразсечно истребляли, чтобы пріобрѣтать новую землю для обработки и чтобы уничтожать притоны преступниковъ, которыхъ всегда было такъ много въ Ирландіи.

Не менѣе характерное явленіе ирландской природы—громадное количество камней, которые такъ покрываютъ страну, что нерѣдко дѣлаютъ недоступными обработкѣ большія пространства. Хотя эти камни употребляли на постройку валовъ въ нѣсколько миль длины для защиты полей и пастбищъ, хотя хижины и лучшіе домики построены изъ нихъ, они портятъ ландшафтъ: нѣкоторыя мѣстности представляются путешественнику какою-то пустыней съ горами камней, въ безпорядкѣ набросанныхъ здѣсь и тамъ. Очень часто встрѣчаются клочки самой плодородной земли, на которыхъ лежатъ каменные глыбы, не уступающія никакимъ человеческимъ усиліямъ.

А вотъ и жилище этого несчастнаго, угнетеннаго въ продолженіе столѣтій и до сихъ поръ угнетаемаго ирландца. Вы только потому догадываетесь, что это человеческое жилище, что вблизи замѣчаете небольшой, жалкій кустарникъ или плетень, а то увидите поднимающуюся струйку дыма или какое-нибудь живое существо, которое тутъ копошится. Это жилище такого-же цвѣта, какъ земля, на которой оно стоитъ, и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ оно бываетъ выбѣлено. Вся хижина сложена изъ кусковъ торфа и кое-какъ набросанныхъ другъ на друга камней, до которыхъ никогда не касался ни молотокъ, ни рѣзецъ; щели между камнями наполнены смооченной землей. Высота отъ земли до крыши рѣдко превышаетъ 1 сажень; крыша состоитъ изъ соломы, дрока или вереска, который прикрѣпленъ къ стропиламъ посредствомъ ивовыхъ прутьевъ. Въ такомъ жилищѣ двери встрѣчаются очень рѣдко, и ихъ обыкновенно замѣняетъ толстый плетень изъ соломы или дрока. Тотъ входъ, который находится на сторонѣ, обращенной къ вѣтру, всегда забитъ плетнемъ. Въ рѣдкой хижинѣ — стекла въ окнахъ, большею частью они обтянуты высушенной бараньей шкурой. Въ большинствѣ случаевъ вмѣсто трубы въ крышѣ — отверстіе, надъ которымъ опрокинута бочка безъ дна; гораздо рѣже встрѣчаются трубы изъ камня. При громадной массѣ камней въ странѣ не трудно было бы выстроить порядочную хижину, но угнетеніе, нищета и самыя неслыханныя лишенія убили въ ирландцахъ всякую энергію. Нерѣдко новую хижину пристраиваютъ къ старой, полуразвалившейся, только для того, чтобы воспользоваться одной готовой стѣной. Передъ домомъ не существуетъ и одного вершка свободнаго пространства, ни даже узкой тропинки: чтобы пробраться въ домъ, поселяне принуждены каждый разъ переходить черезъ кучи навоза и мусора.

Войдите въ жилище, и вы остановитесь въ ужасѣ: такой страшный безпорядокъ, грязь и нищета представятся вамъ во всей своей наготѣ. Тамъ валяются сваленныя въ одну кучу лопата, кирка, старая метла, сломанная лѣстница, старый сапогъ, разорванная перина, спинка стула, разбитый горшокъ, связка хвороста, и все это трудно различить сразу, такъ какъ глазъ только понемногу привыкаетъ къ полумраку, господствующему въ жилищѣ, съ утра до вечера наполненномъ густымъ дымомъ. Полъ земляной, обыкновенно сырой. Въ одномъ концѣ хижины—очагъ: на крюкѣ, вбитомъ въ стѣну, виситъ желѣзный котелъ, а подъ нимъ наложенъ торфъ. Кругомъ очага разставлено нѣсколько скамеекъ или разложено нѣсколько кучекъ торфа, которыя также служатъ сидѣньемъ. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ недалеко отъ очага нахо-

дится нѣчто въ родѣ кровати, пустое пространство подъ которой служить для сбереженія запасовъ картофеля. На кровати валяется нѣсколько изорванныхъ мѣшковъ, набитыхъ соломою, и нѣсколько грязныхъ тряпокъ, служащихъ одѣлами, но въ большинствѣ случаевъ не существуетъ и такихъ убогихъ кроватей. Иногда одинъ конецъ хижины отгороженъ для животныхъ, но даже и такой комфортъ могутъ позволить себѣ не всѣ, и большая часть ирландскаго люда живетъ въ одной хижинѣ, ѣсть одну пищу и дѣлитъ горе и радость со своими домашними животными. Козы, свиньи, гуси, собаки и кошки совершенно свободно разгуливаютъ по хижинѣ, на полу которой сидятъ дѣти, и очень дружатъ между собою. Они вмѣстѣ играютъ, бѣгаютъ, дерутся, залѣзаютъ подъ кровать, и только когда сильно надоѣдаютъ старшимъ своей бѣготней и визготней, разыгравшагося ребенка выталкиваютъ изъ этой разношерстной толпы друзей и сажаютъ въ одинъ уголъ, а животныхъ отгоняютъ въ другой. Но часто не дѣлаютъ и этого: хозяйка для усмиренія какъ дѣтей, такъ и животныхъ пускаетъ въ нихъ какимъ-нибудь кухоннымъ снарядомъ. Въ углу единственной комнаты, гдѣ живетъ вся семья съ поросятами и домашнею птицею, не рѣдко встрѣтить и лошадь. Въ отверстіе хижины, которое служитъ окномъ, очень часто выглядываютъ рядомъ маленькій ирландецъ и молодая свинья. Однимъ словомъ ирландскія жилища не что иное, какъ жалкіе хлѣва, гдѣ люди живутъ вмѣстѣ съ домашними животными. Крайне жалкій и убогій видъ ирландскихъ жилищъ увеличивается еще и тѣмъ, что онѣ совершенно обнажены и что только въ рѣдкихъ случаяхъ можно видѣть подлѣ нихъ дерево, плетень или кустарникъ. Только на большихъ пространствахъ въ нѣсколько миль изрѣдка встрѣчаются болѣе красивые бѣлые домики зажиточныхъ людей или богатая жилища землевладѣльцевъ.

Въ грязныхъ, жалкихъ хижинахъ, которыя увеличиваютъ суровость ландшафта, живутъ люди, образъ жизни которыхъ вполне соответствуетъ бѣдности ихъ жилищъ и дикости ихъ страны. Платье, которое они носятъ, какъ въ своей хижинѣ, такъ и на полевыхъ работахъ, имѣетъ самый жалкій видъ: оно въ высшей степени грязно и такъ оборвано, что придаетъ ирландцу даже живописный видъ. Менѣе другихъ частей одежды оборвана его коричневая, но совершенно выцвѣтшая шляпа, принявшая рыжій цвѣтъ, или широкая шапка безъ козырька. Верхняя одежда — нѣчто въ родѣ фрака, или, лучше сказать, остатки фрака съ свѣтлыми пуговицами, всегда самая разорванная часть одежды. Если рукава еще сохранились, что случается рѣдко, если руки не обнажены у плечъ, то въ такомъ случаѣ рукава или полы фрака разорваны на нѣсколько продольныхъ полосъ, которыя, какъ ленты, живописно развѣваются по воздуху. Всѣ швы на спинѣ и на бокахъ распороты, и изъ-подъ нихъ сквозитъ нижнее бѣлье, но еще чаще голое тѣло. Иногда одна фалда оторвана на столько, что виситъ до самыхъ пятокъ. Очень часто, куда сегодня вдѣвали ноги, завтра будутъ вдѣвать руки, т.-е. свои штаны ирландецъ употребитъ на рукава. Двѣ-три пуговицы виднѣются на фракѣ, да и онѣ оборваны; петли связаны ремешкомъ или тоненькой веревкой, которая употребляется также вмѣсто пояса. И эти ужасающія лохмотья вы встрѣчаете на людяхъ въ странѣ, которая ежегодно вывозитъ полотна на нѣсколько миллионовъ рублей, каждый житель которой могъ бы получить съ англійскихъ мануфактуръ цѣлый костюмъ за три шиллинга.

Ирландцы не имѣютъ ни порядочной одежды, ни мало-мальски порядочной домашней обстановки. Первѣйшія житейскія потребности — одежда, жилище, домашняя утварь, орудія — уже въ самомъ началѣ заводятся въ такомъ видѣ, который заставилъ бы покраснѣть любое дикое племя; притомъ, во всемъ проглядываетъ безпорядокъ, нищета, безпечность, грязь. Въ каждой образованной странѣ домашнія жи-

вотныя живутъ лучше, комфортабельнѣе и чище, чѣмъ громадное большинство народа въ Ирландіи.

Англичане, когда говорятъ о безпорядочности ирландцевъ, то, желая показать, до чего вкоренились въ нихъ вкусъ и привычки дикарей, обыкновенно приводятъ множество случаевъ, доказывающихъ, какъ трудно развить въ ирландцѣ любовь къ порядочной домашней жизни. Вотъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ. Одна англійская филантропка вышла замужъ за ирландскаго землевладѣльца и рѣшила ввести разныя англійскія улучшенія въ своемъ новомъ отечествѣ. Съ этой цѣлью она построила въ своемъ имѣніи въ Ирландіи нѣсколько коттэджей, которые обставила новой домашней утварью и простенькой мебелью. Эти жилища она раздала ирландцамъ, которые арендовали землю у ея мужа. Благодарственная лэди объяснила каждому семейству, какъ нужно вести хозяйство, поддерживать домашній порядокъ, обращаться съ утварью. Нѣсколько дней все шло хорошо, но въ это время лэди должна была уѣхать въ Англію, и когда она черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратилась, то уже не узнавала своихъ коттэджей: свиньи рылись въ картофелѣ подъ кроватью, горшокъ, который предназначался для варки каши, стоялъ на полу съ грязнымъ бѣльемъ, корыто раскололось на солнцѣ и было брошено въ печь, а тамъ, гдѣ прежде былъ разведенъ хорошенькій садикъ, стояла лужа грязной воды, въ которой поло-скались утки. Большинство хозяекъ этихъ коттэджей жаловалось на то, что трубы вытягиваютъ дымъ и людямъ чрезвычайно холодно въ этихъ жилищахъ. И многія изъ нихъ уже распорядились по своему: чтобы оставить въ хижинѣ дымъ, къ которому онѣ такъ привыкли, онѣ закрыли трубы каменными плитами. Къ несчастью, всѣ эти разсказы вполнѣ справедливы, но мы увидимъ ниже, что не въ характерѣ ирландца лежитъ склонность въ безпорядочной жизни нищаго.

Что касается пищи ирландцевъ, то она вполнѣ соответствуетъ ихъ одеждѣ и всей обстановкѣ ихъ домашняго быта. Кромѣ картофеля, они употребляютъ еще нѣчто въ родѣ густой каши изъ овсяной муки и овсяныя лепешки. Любопытно приготовленіе этого кушанья: въ горшокъ, наполненный водою, насыпаютъ, постоянно мѣшая палкою, грубую овсяную муку; эту массу варятъ до извѣстной густоты, пока она не превратится въ липкій густой клейстеръ или мучную кашицу, которую и ѣдятъ съ сывороткой отъ масла. Ихъ лепешки и каша сильно отзываются овсомъ и еще больше дымомъ. Картофель до сихъ поръ составляетъ главную пищу жителей, и часто въ гостиницахъ небольшихъ ирландскихъ городковъ вы, кромѣ него, ничего не найдете.

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ.

Лимерикъ, этотъ древнѣйшій городъ Ирландіи, производитъ грустное впечатлѣніе. Онъ лежитъ на Шаннонѣ, самой большой ирландской рѣкѣ, раздѣляющей большія провинціи Лейнстеръ и Коннаутъ и соединяющей озера средней Ирландіи съ Атлантическимъ океаномъ, въ который шумно впадаетъ эта рѣка. Лимерикъ лежитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ устье начинаетъ расширяться, такъ что большіе корабли могутъ доходить до самой набережной. Городъ этотъ имѣетъ одну изъ прекрасныхъ гаваней западнаго берега, защищенную самою природою отъ опасностей моря, но она, какъ и всѣ другія, совсѣмъ не оживлена.

Шаннонъ величественно протекаетъ подъ городомъ, и одинъ изъ его рукавовъ раздѣляетъ его на двѣ части: на ирландскій и англійскій городъ. Всю запущенность, грязь и нищету ирландскаго быта вы можете сразу окинуть однимъ взглядомъ въ

ирландской части Лимерика, особенно если вы войдете въ базарный день въ одну изъ главныхъ торговыхъ улицъ. Лишь только вы въ нее входите, васъ тотчасъ обдаетъ неописанною вонью, и голова идетъ кругомъ отъ шума и гама нищенски одѣтаго народа. Дома, которые вы встрѣчаете здѣсь, напоминаютъ затхлыя пещеры и погребя; передъ дверями—бочки сельдей, залитыя какимъ-то грязнымъ отваромъ. Въ открытыхъ лавчонкахъ разложены заплесневѣлые ломти ветчины и разставлены чаши съ телячьими потрохами и ногами; кругомъ развѣшаны заячьи шкурки и гусиные крылья. Улица загромождена телѣжками, запряженными ослами, и каждую изъ нихъ окружаетъ толпа нищенски одѣтыхъ людей.

Нижніе этажи почти всѣхъ домовъ заняты ветошниками, и черезъ три-четыре дома можно найти закладчика. И какія вещи здѣсь увидишь! Сюртуки, рукава которыхъ висятъ только на одной ниткѣ, всевозможное верхнее платье, перебивавшее на плечахъ нѣсколькихъ поколѣній, рваные сапоги и т. п. Не лучше и тѣ, которые покупаютъ эти вещи: мужчины въ продавленныхъ шляпахъ и во фракахъ-лохмотьяхъ, женщины съ густыми всклоченными волосами,—тѣ и другіе съ глубокими черными глазами, съ выразительными чертами лица, но истомленные и едва прикрытые. Кажется, все собралось сюда, чтобы представить воочию всю отчаянную нищету ирландскаго народа. А между тѣмъ Лимерикъ, съ 37¹/₂ тысячами жит., одинъ изъ четырехъ самыхъ большихъ и извѣстныхъ городовъ Ирландіи. Геймаркетъ, рыночная площадь этого города, находится на границѣ между ирландскою и старо-англійскою частями города. Но и въ англійской части Лимерика вы не найдете гордыхъ фронтоновъ домовъ, окружающихъ лондонскій Геймаркетъ, ни порталовъ и колоннадъ, ни всемірной торговли, такой богатой и оживленной, какъ въ Лондонѣ. Ничего этого нѣтъ здѣсь. Глазамъ прежде всего представляется большое пустое пространство, окруженное съ четырехъ сторонъ навѣсомъ на деревянныхъ столбахъ. На всемъ этомъ пространствѣ ничего не видно, кромѣ стараго платья, развѣшаннаго для продажи. Внутри четырехугольнаго двора, на телѣгахъ, запряженныхъ ослами, въ большихъ кадкахъ и жестяныхъ мискахъ стоитъ главный предметъ торговли—сыворотка, которую тутъ же покупаетъ и пьетъ народъ. Видъ старо-англійскаго города (существуетъ еще ново-англійскій городъ Ньютоунъ-Пери, въ которомъ живетъ высшее сословіе Лимерика нисколько не лучше, чѣмъ ирландской части. Здѣсь также вы прежде всего попадаете въ улицу, наполненную ветошниками; въ подвалахъ та же вонь; на улицахъ тѣ же толпы грязныхъ людей и огромныя кучи грязныхъ вещей. Даже на набережныхъ Шаннона и одного изъ его рукавовъ Сальмонъ-Ривера—та же вонь; свѣжій вѣтеръ недалекаго океана не можетъ разогнать затхлый запахъ лохмотьевъ. Во всемъ городѣ, кромѣ улицы Джоржъ-стритъ, хорошо обстроенной, вы рѣдко встрѣтите вполнѣ порядочный домъ: или крыша сломана, или дверь отваливается, или нѣсколько разбитыхъ стеколъ. Застроенъ красивыми домами только Ньютоунъ-Пери, эта лучшая часть города.

Дублинъ производитъ другое впечатлѣніе: это главный городъ Ирландіи съ 361.900 жит. Дублинъ — новый городъ, и поэтому въ немъ нѣтъ ни стараго «City» съ узкими кривыми улицами, какъ въ Лондонѣ, ни древнихъ частей города, говорящихъ о прошлой жизни. Дублинъ отстроенъ англичанами, и потому его внѣшность почти ничѣмъ не отличается отъ внѣшности англійскихъ городовъ. Частные дома здѣшнихъ зажиточныхъ людей такъ-же не велики, опрятны и построены въ томъ же стилѣ, какъ частные дома во всѣхъ англійскихъ городахъ. Приличныя зданія такъ-же богаты колоннами и портиками, какъ публичныя зданія всѣхъ англійскихъ городовъ. Устройство набережныхъ и гавани здѣсь такое же, какъ въ Лондонѣ,

Ливерпуль и другихъ англійскихъ портахъ; здѣсь такія же широкія и удобныя тротуары, какъ въ Лондонѣ, такіе же прелестные зеленые скверы посреди города, какъ и въ англійскихъ городахъ, наконецъ, тотъ же, какъ и въ Лондонѣ, рѣзкій переходъ отъ роскоши къ крайней бѣдности: богатая восточная часть города не имѣетъ ничего общаго съ грязной западною его частью, наполненной нездоровыми жилищами и, какъ въ Лимерикѣ, полуобнаженными людьми.

ПРОШЛАЯ СУДЬБА ИРЛАНДЦЕВЪ.

Историческое прошлое Ирландіи.—Древніе обитатели.—Обезземеленіе народа.—Его страданія и нищета.—Религіозныя преслѣдованія.—Мятежи.—Упадокъ земледѣлія, промышленности и торговли.—Жестокое отношеніе землевладѣльцевъ къ народу.—Смертельная ненависть ирландцевъ къ англичанамъ.—Тайныя общества и ихъ значеніе: «бѣлые парни» и «рибонмены».—Ирландская земельная лига.—Ассоціація феніевъ.—Уступки со стороны Англіи.—Положеніе Ирландіи въ концѣ XVIII-го в.—Какъ жилось ирландцамъ въ началѣ XIX-го в.—Положеніе страны въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.—Болѣзнь картофеля и 40-е и 50-е годы.—Эмиграція.—Жестокія изгнанія народа съ родины и разрушеніе жилищъ.—Билль 1870 г. и новый земельный билль 1881 г.

Прочитавъ предыдущіе очерки, читатель, вѣроятно, прежде всего задастъ вопросъ: почему ирландскіе города и мѣстности имѣютъ такой жалкій видъ? Почему народъ этотъ такъ бѣдствуетъ на своей родинѣ? Гдѣ кроется причина этого ужаснаго нищенства? Въ природѣ страны или въ дряблости и неспособности ирландцевъ? Ни въ томъ, ни въ другомъ. Рѣдкая страна въ Европѣ поставлена въ такія счастливыя условія, какъ Ирландія. Почва этой страны плодороднѣе англійской. Правда, около четверти ея поверхности покрыто скалами, озерами и болотами, другая четверть состоитъ изъ посредственныхъ земель, но зато все остальное, т.-е. около половины всего пространства,—земля чрезвычайно тучная и плодородная. Ровный, умѣренный и влажный климатъ Ирландіи способствуетъ хорошей растительности. Луга, покрытые превосходной зеленью, представляютъ богатые пастбища. Здѣшній климатъ еще влажнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ въ Англіи: по крайней мѣрѣ въ трехъ четвертяхъ острова совсѣмъ не извѣстны ни сильныя жары, ни чрезмѣрный холодъ. Благодаря теченіямъ океана, идущимъ отъ тропиковъ, юго-западное побережье наслаждается непрерывною весною.

Относительно навигаціи, какъ внутренней, такъ и внѣшней, и сообщенія съ другими странами Ирландія въ лучшемъ положеніи, чѣмъ какая бы то ни было страна. Внутри — огромныя озера представляютъ большія удобства для перевозки и сбыта произведеній. Шаннонъ, на половину рѣка, на половину озеро, пересѣкаетъ почти всю Ирландію съ востока на западъ, на протяженіи 300 верстъ, и отличается прежде всего тѣмъ, что отъ самаго устья рѣка эта судоходна вездѣ, кромѣ нѣсколькихъ перерывовъ, которые легко исправить. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и каналамъ, рѣка эта имѣетъ сообщеніе со всѣми частями Ирландіи. На всемъ своемъ теченіи Шаннонъ проходитъ по странѣ, богатой какъ въ минеральномъ, такъ и въ земледѣльческомъ отношеніи: тамъ въ изобиліи каменный уголь и богатѣйшая желѣзная руда, здѣсь онъ течетъ по самымъ плодороднымъ землямъ Ирландіи. Другія рѣки, также судоходныя, вытекая изъ различныхъ озеръ, идутъ по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ, Ирландія находится на большой дорогѣ океана, между Европой и Америкой, и лежитъ недалеко отъ богатѣйшихъ угольныхъ копей Англіи, что также могло бы имѣть громадное значеніе для страны. Атлантическій океанъ и море со всѣхъ сто-

ронъ вдаются въ берега и создали такимъ образомъ безчисленныя бухты и порты, изъ которыхъ одинъ портъ, именно Коркскій, можетъ пріютить огромное число флотовъ. Поверхность почвы не менѣе способна для сухопутныхъ сообщеній; обыкновенныя и желѣзныя дороги проводятъ здѣсь съ меньшими трудами и издержками, чѣмъ въ Великобританіи.

Природа, какъ видите, не была мачихой для этой страны; столько же сдѣлала она и для народа, одаривъ его хорошими умственными способностями, живостью, восприимчивостью и понятливостью къ труду. Однако, большинство путешественниковъ по Ирландіи говоритъ о лѣни ирландцевъ, ихъ неводержности, пьянствѣ, о грязи и нечистотѣ ихъ жилищъ. Все это совершенно справедливо, и ирландецъ является дѣйствительно такимъ на своей родинѣ. Вотъ, что говоритъ одинъ извѣстный американскій писатель, который особенно порицаетъ ирландца за лѣность: «ирландцы самый лѣнивый народъ изъ всѣхъ націй въ мірѣ; но, попавъ въ Америку вслѣдствіе нищеты, тифа и голода на своей родинѣ, онъ становится у насъ такимъ же трудолюбивымъ, такимъ же хорошимъ гражданиномъ американской республики, какъ и всякій другой, родившійся въ предѣлахъ владѣній этого государства». Съ такой же хорошей стороны отзываются американцы объ ихъ умственныхъ способностяхъ: «ирландцы въ Америкѣ постоянно развиваются, идутъ впередъ, улучшаютъ свое положеніе, и, вообще, оставляя свое отечество, они очень много выигрываютъ. Во всѣхъ отрасляхъ жизни они замѣтны здѣсь: какъ купцы, банкиры, фабриканты, адвокаты, медики, инженеры, архитекторы, изобрѣтатели, литераторы, ученые, артисты».

Однако, несмотря на всѣ благопріятныя условія, бѣдность ирландскаго народа уже давно обратилась въ пословицу. Въ большихъ европейскихъ городахъ жертвами нищеты бываетъ извѣстный процентъ рабочаго сословія,—въ Ирландіи поголовно весь народъ нищій. Въ Ирландіи считаютъ четыре большихъ первостепенныхъ города: Дублинъ, Коркъ, Бельфастъ и Лимерикъ. Дублинъ, какъ мы видѣли, имѣетъ полное право считаться первымъ городомъ страны, своимъ богатствомъ и постройками онъ обратилъ бы на себя вниманіе не только въ Ирландіи, но и во всякой другой странѣ. Остальные города далеко не имѣютъ такого вида и значенія, какъ Дублинъ, а Лимерикъ, какъ было сказано, имѣетъ чрезвычайно жалкій видъ. Въ Ирландіи, вообще, чрезвычайно мало городовъ; ея удобныя и безопасныя гавани, судоходныя рѣки и озера, которыя должны были бы вносить повсюду жизнь и движеніе, почти совершенно покинуты торговлей. Огромная, красивая рѣка Шаннонъ во многихъ отношеніяхъ превосходитъ Темзу: уровень ея между Киллало и Лимерикомъ на пространствѣ 15-ти миль понижается на 100 футовъ, и она и обладаетъ здѣсь такою массою воды, что могла бы дать огромную механическую силу, но въ настоящее время ею почти никто не пользуется, и на всемъ ея протяженіи едва встрѣчаются двѣ, три мельницы. А какіе бы могли быть устроены заводы и фабрики при такой рѣкѣ! Часть рѣки съ наибольшею силою теченія пропадаетъ даромъ, а въ мѣстахъ болѣе тихаго теченія она зачастую вмѣсто плодородія приноситъ своими наводненіями лишь одни опустошенія: затопляетъ жатвы, поля, дѣлаетъ окончательно безплодными огромныя пространства земли. Благодаря этимъ условіямъ главной рѣки, ея притоки производятъ подобныя же опустошенія. То же случается и съ меньшими потоками, такъ что по близости ихъ болѣе низменныя земли остаются ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ подъ водою. Это только самые ничтожные примѣры того, какъ пренебрегаютъ въ Ирландіи преимуществами природы.

Причину нищеты и лѣни ирландцевъ должно искать въ ненормальныхъ экономическихъ и социальныхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена Ирландія съ самаго

начала покоренія англичанами. Семивѣковой гнетъ завоевателей, ихъ жестокіе законы, варварскія предписанія и самое возмутительное преслѣдованіе религіи побѣжденныхъ,— вотъ что вконецъ разорило ирландцевъ, сдѣлало ихъ лѣнвыми, лживыми и фанатичными. Къ тому же англичане по своему характеру были совершенно противоположны ирландцамъ и ни въ чемъ не могли сойтись съ ними: на католическую религію они смотрѣли, какъ на религію, несовмѣстную съ свободой; поэтому Ирландію они считали не только своею опасною сосѣдкой и естественнымъ врагомъ, но и относились къ ней съ національною ненавистью и презрѣніемъ. Ирландцы, въ теченіе семивѣковаго рабства подъ игомъ Англіи, терпѣли постоянныя притѣсненія, испытывали всевозможныя преслѣдованія своей религіи и національности, разореніе, нищету, голодъ, лишенія, болѣзни и изгнаніе съ родины.

Первоначальные жители, кельтскаго происхожденія, называли Ирландію «Эриномъ», т.-е. западною страной. Уже въ началѣ V-го столѣтія въ Ирландію стало проникать христіанство, и этотъ островъ, который уже ранѣе назывался «святымъ», сдѣлался средоточіемъ христіанской жизни и христіанской науки.

Набѣги ирландцевъ на Валлисъ и ихъ морскіе разбои заставили англичанъ серьезно подумать о покореніи острова, сосѣдство котораго было невыгодно для Англіи. Папа Адріанъ IV, англичанинъ по происхожденію, рѣшился покорить этотъ островъ англійскому королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подчинить его своей верховной власти. Въ 1156 г. своею буллою онъ подарилъ Ирландію Генриху II, королю англійскому, и тринадцать лѣтъ спустя англонорманны предприняли завоеваніе произвольно отданной имъ страны. Замѣчательно, что папа отдавалъ ирландцевъ въ подданство англичанамъ потому, что онъ встрѣчалъ въ Ирландіи сопротивленіе своей власти и находилъ, что народъ ея недостаточно преданъ католической религіи. Кто бы могъ подумать, что эти самые ирландцы, которыхъ въ то время считали плохими католиками, сдѣлаются впослѣдствіи мучениками католичества, а ревностные католики-англичане, перемѣнивъ религію, будутъ палачами и гонителями той самой религіи, которую они прежде исповѣдывали.

Завоевать Ирландію считалось дѣломъ легкимъ, но расчетъ оказался невѣрнымъ. Завоеваніе, начавшееся въ 1169 г., кончилось только въ 1603 г. Дикость Ирландіи, независимый духъ ея жителей, страстная любовь къ родинѣ и ихъ религіозное одушевленіе, наконецъ, собственныя внутреннія и внѣшнія дѣла Англіи—все мѣшало англичанамъ быстро покорить островъ. Англичане овладѣли восточною частью страны, но въ продолженіе столѣтій не могли подвинуть далѣе своихъ завоеваній.

Однако исторія страданій народа начинается не со времени полнаго покоренія страны, а съ перваго завоеванія, т.-е. съ 1169 г. Прежде земля въ Ирландіи принадлежала народу, но онъ обязанъ былъ выплачивать своимъ вождамъ извѣстную долю изъ собранной жатвы; плата эта, однако, была самая ничтожная и необременительная. Теперь же наступилъ другой порядокъ вещей: начали постепенно отнимать землю у жителей, и они мало-по-малу превращались въ простыхъ съемщиковъ, т.-е. мелкихъ арендаторовъ, или фермеровъ. Ирландцы должны были,—что существуетъ и до сихъ поръ,—брать клочокъ земли у богатаго землевладѣльца и платить ему за это извѣстную аренду,—поэтому они и стали называться *арендаторами*, *съемщиками* или *фермерами*. Такимъ образомъ ирландцы потеряли права на землю, которую они обрабатывали и съ которой землевладѣльцы (ими теперь чаще всего являлись англичане, которымъ раздавали ирландскія земли) могли согнать ихъ по своему произволу. За каждый клочокъ земли арендаторамъ приходилось платить теперь тяжелые налоги и повинности. Тѣ, которые не хотѣли подчиниться этому или находили

налоги черезчуръ обременительными, бросали родную землю и выселялись, а землевладельцы въ такомъ случаѣ тотчасъ старались заселить ее переселенцами изъ Англіи.

Бѣдствія и нищета страны усиливалась съ каждымъ годомъ также и оттого, что тѣ изъ англонорманновъ, которые получили или приобрѣли земли въ Ирландіи, никогда не оставались въ ней жить; они, въ большинствѣ случаевъ, въ то же время имѣли собственность и въ Англіи и жили въ ней или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ все, что они приобрѣтали съ ирландскихъ помѣстій, они проматывали въ Англіи, Франціи или въ другой странѣ, только не въ Ирландіи. Этотъ «абсентеизмъ» (т.-е. систематическое отсутствіе) землевладельцевъ, отъ котораго Ирландія страдаетъ и въ настоящее время, имѣлъ и имѣетъ страшно гибельныя послѣдствія. Зло заключается не только въ томъ, что страна не можетъ такимъ образомъ пользоваться чистымъ доходомъ съ своей земли, что ея богатства не остаются въ ней, а вывозятся изъ нея, но абсентеизмъ (отсутствіе) богатыхъ землевладельцевъ останавливаетъ прогрессъ и цивилизацію, даетъ заработокъ рабочимъ чужой страны и постепенно оставляетъ своихъ безъ дѣла. Богатый землевладелецъ, который постоянно живетъ въ своемъ помѣстьѣ, будетъ всѣми силами стараться о проведеніи хорошихъ дорогъ и о правильномъ почтовомъ сообщеніи: получать аккуратно письма, легко сообщаться съ сосѣдями—потребность каждаго зажиточнаго человѣка, и потому онъ содѣйствуетъ устройству хорошихъ дорогъ и правильному почтовому сообщенію. Вслѣдствіе этого страна мало-по-малу выходитъ изъ своего первобытнаго состоянія. Помѣщикъ выписываетъ хорошія земледѣльческія орудія, улучшаетъ породу скота, и мало-по-малу все земледѣльческое положеніе страны измѣняется къ лучшему. Если помѣщикъ постоянно живетъ въ своемъ имѣніи, ему нужны отъ времени до времени хорошіе ремесленники: столяръ, кузнецъ, портной, плотникъ. Онъ сначала выписываетъ ихъ къ себѣ, многіе изъ нихъ остаются въ странѣ, и такимъ образомъ распространяется классъ ремесленниковъ и устанавливается новый источникъ заработка для народа. Трудно перечислить всѣ выгоды, истекающія отъ жительства богатыхъ землевладельцевъ въ своихъ помѣстьяхъ и указать несчастія и бѣдствія, постигающія страну вслѣдствіе ихъ отсутствія. Къ тому же ирландскіе землевладельцы, или лэндъ-лорды, никогда не живя въ странѣ, не знали нужды народа, не были связаны съ нимъ ни малѣйшею симпатіею.

Не имѣя возможности наблюдать за своими помѣстьями вслѣдствіе своего отсутствія, лэндъ-лорды, за извѣстную сумму, сдавали свои имѣнія на долгіе сроки «миддльменамъ», т.-е. посредникамъ между ними, землевладельцами, и мелкими земледѣльцами. Эти «миддльмены» были настоящими пиявицами народа: они только и думали, какъ бы увеличить свои барыши и одинаково безцеремонно относились и къ несчастнымъ арендаторамъ, и къ землѣ, ничуть не безпокаясь о послѣдствіяхъ. Чтобы еще болѣе увеличить свои доходы, они раздробили землю на самыя маленькіе участки и каждый изъ нихъ отдавали въ наемъ за возвышенную цѣну. Дробленіе дошло до того, что было устроено множество такихъ участковъ, арендная плата съ которыхъ была не болѣе 40 шиллинговъ. Нечего и говорить о томъ, что одинъ такой участокъ не могъ прокормить и ребенка. Лэндъ-лорды не заботились ни о чемъ, лишь бы только «миддльмены» аккуратно выплачивали имъ деньги. Между тѣмъ, при такой дробности земли, правильное земледѣліе и хорошее хозяйство немыслимы. Земля истощалась, способы земледѣлія оставались въ первобытномъ видѣ, арендаторы нищали съ каждымъ днемъ, питались однимъ картофелемъ, а между тѣмъ арендная плата съ каждаго участка поднималась все выше и выше. «Миддльмены» и лэндъ-лорды знали очень хорошо, что народъ не имѣлъ другого средства заработать себѣ кусокъ хлѣба,

кромѣ арендованія этихъ жалкихъ участковъ, и смѣло увеличивали арендную плату.

Гнетъ распространялся на всѣ стороны жизни ирландцевъ. Колонисты изъ Англіи жили по большей части въ ирландскихъ городахъ и занимались торговлей и промышленностью. Англійское правительство скоро дало имъ разныя привилегіи; къ тому же эти колонисты образовали разныя муниципальныя корпораціи и цехи, въ которые ирландцы не имѣли доступа; дѣлали это они съ цѣлью, чтобы упрочить за собой монополію торговли и промышленности. Изъ этихъ англійскихъ колонистовъ составилъ также ирландскій парламентъ, который участвовалъ въ рѣшеніи судьбы этой страны; лица, ставшія во главѣ его, направляли всѣ силы не на то, чтобы усилить благосостояніе Ирландіи, а чтобы постепенно стереть ее съ лица земли. Естественно, что смертельная ненависть къ англичанамъ все сильнѣе и сильнѣе охватывала ирландскую націю. Не разъ возставала она противъ своихъ притѣснителей, и каждое возстаніе англичане подавляли, проливая цѣлые потоки ирландской крови. Послѣдствіями такихъ возстаній были громадныя конфискаціи земли, которую раздавали за разныя заслуги богатымъ англичанамъ. Всѣ усилія англійскаго правительства были направлены къ тому, чтобы всю поземельную собственность ирландцевъ отдать въ руки англійскихъ землевладѣльцевъ. Такъ какъ каждое возстаніе въ Ирландіи страшно обогащало богатыхъ и знатныхъ англичанъ, то правительство, хотя и подавляло всякое вспыхнувшее возмущеніе, но охотно допускало его. Кто-то по этому поводу чрезвычайно мѣтко замѣтилъ: «возстаніе въ Ирландіи — это гусь, который кладетъ золотыя яйца, а верховные судьи — лорды не такъ глупы, чтобы убить его».

Угнетенія, преслѣдованія и желанія обангличанить ирландцевъ все усиливались. Англійскій король Эдуардъ III (1327—1377 г.) запретилъ даже браки между англичанами и ирландцами подъ страхомъ смертной казни, и, дѣйствительно, были примѣры, что казнили смертью даже самыхъ высшихъ лицъ изъ англійской аристократіи, вступившихъ въ бракъ съ ирландцами. Всякій, кто носилъ ирландскій костюмъ, кто говорилъ на языкѣ ирландцевъ, придерживался ихъ обычаевъ, назывался ирландскимъ именемъ, — подвергался тюремному заключенію и конфискаціи имущества. Никто изъ англичанъ не имѣлъ права дозволить какому-нибудь бѣдному ирландскому семейству пасти скотъ на своихъ земляхъ: за это ослушника подвергали строгому взысканію. Запрещено было принимать ирландцевъ на общественную и государственную службу. Мало того: англичанамъ, жившимъ въ странѣ ирландцевъ, запрещено было не только торговать съ ними, но и посѣщать ихъ. Ирландецъ, зашедшій на территорію англійской колоніи, подлежалъ аресту и суду. Наконецъ, каждый англичанинъ имѣлъ право убить ирландца, котораго онъ считалъ завѣдомымъ «воромъ», хотя бы онъ ни разу не поймалъ его на мѣстѣ преступленія.

Къ довершенію неслыханныхъ бѣдствій и страданій народа начинаютъ жестоко преслѣдовать его религію. Англія, перемѣнивъ свою религію, непремѣнно хотѣла заставить Ирландію послѣдовать ея примѣру. Конечно, это желаніе проистекало не столько изъ религіознаго рвенія, сколько изъ корыстныхъ политическихъ и сословныхъ расчетовъ и изъ матеріальныхъ интересовъ, удовлетворять которымъ было такъ удобно подъ предлогомъ искорененія богопротивной ереси. Предлогъ же не трудно было найти, благодаря фанатизму и постояннымъ мятежамъ ирландцевъ. Какъ бы то ни было, но съ 1535 по 1691 г. религіозная война почти не прерывалась. Всѣ короли и правители Англіи въ продолженіе всего этого времени старались превзойти другъ друга въ жестокостяхъ и одинъ за другимъ опустошали и отнимали земли у ирландскихъ католиковъ. Но чѣмъ болѣе ирландцы выносили преслѣдованій

за свои религіозныя убѣжденія, тѣмъ упорнѣ оставались католиками. Отстаивать свою религію ихъ побуждалъ не только фанатизмъ, но ненависть къ англичанамъ, естественное желаніе противиться всему, чего требуютъ враги, и еще болѣе врожденный патріотизмъ ирландцевъ, ихъ страстное желаніе сохранить независимость своей родины и право собственности на землю. Король англійскій Генрихъ VIII (1509—1547) отдалъ католическія церкви англиканскому духовенству, заставилъ подвергать строгому наказанію каждаго, кто хотя наружно не исповѣдывалъ англиканской религіи.

Наконецъ, англійская королева Елизавета довершила завоеваніе Ирландіи въ 1603 г. Вотъ что говорятъ объ Ирландіи того времени: «Страна, прежде богатая, плодородная, весьма населенная, покрытая богатыми пажитями и стадами, нынѣ сдѣлалась пустыня и безплодна. Она ничего не производитъ: нѣтъ болѣе жатвы на поляхъ, нѣтъ стадъ на пастбищахъ, нѣтъ птицъ въ воздухѣ, нѣтъ рыбъ въ рѣкѣ, словомъ, точно проклятіе легло на эту страну».

Однако, несмотря на то, что Ирландія была до послѣдней степени истощена и измучена, она не сдѣлалась англиканской. Тогда Англія прибѣгла къ другимъ средствамъ: къ конфискаціи земель громадными массами, къ изгнанію католиковъ изъ страны десятками тысячъ и заселенію Ирландіи англичанами.

Усмиряя мятежи ирландцевъ, англійская королева Елизавета конфисковала 600,000 акровъ земли въ Ирландіи и раздала ее въ собственность англичанамъ изъ своихъ любимцевъ и другимъ лицамъ на различныхъ условіяхъ, изъ которыхъ главное состояло въ томъ, что ни одинъ ирландскій земледѣлецъ никогда не будетъ допускаемъ на эти земли. Прежніе собственники этой земли должны были удалиться въ дикіе лѣса и горы. Здѣсь, отвывая отъ земледѣлія, они превращались въ охотниковъ, пастуховъ и отчаянныхъ храбрецовъ, которые, постепенно увеличиваясь въ числѣ, дѣлались грозой англичанъ.

Послѣ Елизаветы на англійскій престолъ вступаетъ Іаковъ I, который продолжаетъ въ Ирландіи политику своей предшественницы. Подъ предлогомъ новаго заговора въ Ирландіи, онъ конфисковалъ въ шести сѣверныхъ графствахъ этой страны около 500,000 акровъ земли и роздалъ ее въ собственность англичанамъ и шотландцамъ. Открыто продолжать конфискацію земель онъ находилъ для себя, вѣроятно, неудобнымъ и потому изобрѣлъ новый способъ, посредствомъ котораго онъ сразу лишилъ огромное число ирландцевъ своихъ поземельныхъ участковъ. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ у ирландскихъ землевладѣльцевъ ясныхъ доказательствъ ихъ правъ на владѣніе, и при этомъ малѣйшая неправильность въ формѣ актовъ вела къ конфискаціямъ. Такимъ образомъ было конфисковано еще 450,000 акровъ. Преемникъ Іакова I, Карлъ I, продолжалъ ту же систему: лордъ Страфордъ (въ началѣ царствованія Карла I) ограбилъ всѣхъ жителей Коннаута, позволяя себѣ самыя безчеловѣчныя поступки противъ присяжныхъ, осмѣлившихся противиться его захватамъ; ихъ подвергли за это ужаснымъ пыткамъ: жгли раскаленнымъ желѣзомъ, прокалывали языки, обрѣзали уши. И все это произошло только потому, что лордъ Страфордъ, желая придать своимъ захватамъ законный видъ, отдалъ дѣло на судъ 12-ти присяжныхъ, предоставивъ имъ рѣшить, принадлежитъ ли земля графства королю Англіи, или нѣтъ. Ни подкупъ, ни угрозы, ничто не могло заставить присяжныхъ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ, требуемый Страфордомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ усиливаются и религіозныя преслѣдованія католиковъ. Оливеръ Кромвель, имя котораго до сихъ поръ съ ужасомъ произносится ирландцами, опустошилъ весь островъ огнемъ и мечомъ. Мало того, 20,000 ирландцевъ были про-

даны въ рабство въ Америку и всѣмъ оставшимся католикамъ, подѣ страхомъ смертной казни, не дозволено нигдѣ жить, кромѣ провинціи Коннаута. Всѣ разоренные, обнищавшіе, гонимые, всѣ считавшіе преступленіемъ даже и по наружности измѣнять своей религіи, однимъ словомъ весь отчаянный ирландскій пролетаріатъ, съ своими невообразимыми лохмотьями, но съ своей страстной любовью къ родинѣ и съ своей пламенной ненавистью къ угнетателямъ, бросились въ Коннаутъ. Коннаутъ въ то время былъ жалкой провинціей; масса бѣдныхъ, изнуренныхъ ирландцевъ придавала этой мѣстности поистинѣ ужасный видъ. Недаромъ съ этихъ поръ вошло въ пословицу: «въ адъ или въ Коннаутъ». Несчастіе ирландцевъ увеличилось еще тѣмъ, что имъ совершенно былъ запрещенъ переходъ границы этой провинціи. Каждого ирландца, встрѣченнаго на лѣвомъ берегу рѣки Шаннонъ, бывшей границей, всякій могъ убить совершенно безнаказанно. Но и на этомъ тѣсномъ пространствѣ несчастныхъ не оставили въ покоѣ: англичане нашли нужнымъ и въ этой провинціи утвердить свое господство. Оставивъ католикамъ деревни, они рѣшили своимъ мѣстомъ жительства сдѣлать ирландскіе города, изъ которыхъ съ страшною жестокостью и были немедленно изгнаны всѣ католики.

Ирландія сдѣлалась такимъ образомъ собственностью англичанъ: англичане владѣли теперь ирландскою землею, господствовали въ городахъ, выбирали своихъ депутатовъ въ ирландскій парламентъ, и, наконецъ, англиканская церковь, на содержаніе которой давала средства католическая Ирландія, сдѣлалась господствующею. Такое положеніе дѣлъ вызывало постоянные мятежи, при усмирении которыхъ тысячами грабили несчастныхъ ирландцевъ-католиковъ.

Первый большой мятежъ былъ при Елизаветѣ: четыре ирландскихъ провинціи возстали сначала поодиночкѣ, и каждый разъ ихъ умирляли въ высшей степени жестоко, потомъ эти провинціи, поддерживаемыя иностранными католиками, возстали всѣ разомъ и снова были усмирены, разорены, залиты кровью. Второй великій мятежъ начался въ 1641 г. Ожесточенные и разоренные ирландцы возстали подѣ руководствомъ О'Нейля и дали клятву не оставить въ странѣ ни одного англичанина. Трудно себѣ представить, сколько было пролито крови съ той и съ другой стороны: тѣ и другіе по отношенію другъ къ другу доходили до самаго возмутительнаго варварства. Ирландцы выгоняли англичанъ, отнимали у нихъ имущество, самымъ варварскимъ образомъ умерщвляли ихъ дѣтей, жгли фермы, убивали скотъ, часто даже не пользуясь имъ. Это была месть со стороны ирландцевъ, взрывъ страшнаго негодованія. Захвативъ плѣнниковъ, они нерѣдко запирали ихъ въ какое нибудь зданіе, поджигали его, и въ то время, когда несчастные испускали вопли отчаянія, они радовались ихъ мученіямъ, издѣвались надъ ними самымъ дикимъ образомъ; многихъ плѣнниковъ топили въ рѣкахъ. Ирландскіе священники поощряли эту бойню. Даже женщины осыпали англичанъ проклятіями и обагрjali руки въ ихъ крови. Въ первый годъ мятежа было истреблено около 37,000 англичанъ. Тѣ изъ нихъ, которые избѣгли смерти, бѣжали въ Дублинъ, умирая дорогой съ голоду и разнося повсюду эпидемію, жертвами которой въ одномъ только Дублинѣ было наполнено два новыхъ кладбища. Общественное мнѣніе Англіи стало громко требовать совершеннаго истребленія ирландскаго народа. Многіе англичане, власть имѣющіе въ Ирландіи, нарочно раздували мятежъ и старались впутать въ него какъ можно болѣе лицъ, чтобы пожиться конфискованными богатствами ирландцевъ. Не на жизнь, а на смерть готовилась война Англіи съ Ирландіей. Англійскій парламентъ торжественно заявилъ, что онъ истребитъ всѣхъ ирландцевъ или совершенно уничтожитъ католическую религію въ Ирландіи. Для того, чтобы исполнить свою угрозу,

английскій парламентъ собралъ 50 тысячъ войска и занялъ огромную сумму денегъ, въ обезпеченіе которой впередъ роздалъ заимодавцамъ земли ирландскихъ католиковъ. Война совершалась съ ожесточеніемъ и ненавистью, до сихъ поръ неизвѣстной. Начальникамъ английской арміи было совершенно открыто предписано «поражать, убивать, истреблять всѣхъ бунтовщиковъ, ихъ соучастниковъ и приверженцевъ; сожигать, опустошать, разорять, грабить, разрушать всѣ мѣста, города, дома, въ которыхъ мятежники находятъ убѣжище или помощь, истреблять съѣстные припасы, каждаго, встрѣченнаго съ оружіемъ въ рукахъ, убивать на мѣстѣ». Измученной и совершенно разоренной Ирландіи трудно было защищаться противъ Англіи, и послѣдняя имѣла рѣшительный успѣхъ. Ужасамъ не было конца. Англичане поголовно избивали ирландцевъ, оскверняли мѣста, священныя для нихъ, превращали въ конюшни и казармы католическія церкви и монастыри, разрывали и грабили даже могилы, умерщвляли жителей, спрятавшихся въ церкви, продавали ирландцевъ въ рабство въ Вестъ-Индію. Мятежъ 1641 г. и его усмиреніе стоили Ирландіи около 600,000 человѣческихъ жизней. Послѣ этого черезъ 40 лѣтъ въ Ирландіи опять вспыхнуло возстаніе. И эти возстанія и мятежи продолжались вплоть до половины XVIII вѣка, когда они потеряли свой преимущественно религіозный характеръ.

Несмотря на то, что во время этихъ мятежей ирландцы гибли тысячами, бѣжали на чужбину и совершенно разорились, они не вымирали окончательно. Когда английское правительство увидало, что не можетъ силою оружія истребить ирландцевъ, оно изобрѣло законы, которые должны были окончательно подавить Ирландію. Эти законы въ одно и то же время посягали на частную и публичную жизнь ирландцевъ, на ихъ собственность и на ихъ національное достоинство. Всѣ высшія лица католическаго духовенства должны были навсегда покинуть Ирландію. Если кто изъ высшаго католическаго духовенства оставался въ Ирландіи послѣ упомянутого срока, то подлежалъ тюремному заключенію. Тяжкія наказанія, начиная съ денежныхъ штрафовъ и кончая изгнаніемъ, ожидали каждаго, кто помогалъ этимъ лицамъ или скрывалъ ихъ въ своемъ жилищѣ. Колокольный звонъ и религіозныя процессіи были запрещены безусловно; чудотворныя иконы, кресты, статуи, святыя могилы, — все подлежало истребленію, а ходившіе поклониться имъ пилигримы — бичеванію. Всѣ католическія школы были закрыты, учителя изгнаны и, въ случаѣ возвращенія, подвергались смертной казни. Посылать дѣтей за границу для обученія тоже запрещено было ирландцамъ, подѣ страхомъ тяжкихъ наказаній. Каждый чиновникъ (ирландцы-католики не занимали никакихъ высшихъ мѣстъ и должностей на своей родинѣ, а составляли только простонародье) имѣлъ право требовать отъ католика, чтобы тотъ представилъ ему своихъ дѣтей и тѣмъ доказалъ, что они не отосланы за границу. Мировой судья могъ всегда потребовать отъ католика отчета, какъ онъ провелъ день, гдѣ былъ у обѣдни, кто служилъ ее и кто присутствовалъ на ней; если допрашиваемый не отвѣчалъ или отвѣчалъ невѣрно, то подлежалъ штрафу въ 20 фунтовъ стерлинговъ или же годичному тюремному заключенію. Католикъ не имѣлъ права ни наследовать своимъ протестантскимъ родственникамъ, ни принимать отъ нихъ подарки, ни быть опекуномъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ дѣтей. Ирландскіе католики не имѣли права вступать въ супружество съ лицами другого вѣроисповѣданія. Священникъ, повѣнчавшій католика съ женщиной другого вѣроисповѣданія, или наоборотъ, подлежалъ смертной казни. Только тотъ католикъ, который перемѣнилъ свою религію на англиканскую, могъ сдѣлаться собственникомъ всего родительскаго имущества. Католикъ не могъ быть ни избирателемъ, ни избираемымъ въ члены парламента; онъ не могъ занимать никакихъ государственныхъ и общественныхъ должно-

стей, не могъ быть ни адвокатомъ, ни стряпчимъ, ни присяжнымъ. Не имѣя права быть поземельнымъ собственникомъ, ирландецъ могъ быть только арендаторомъ земли, съ платою за землю не менѣе $\frac{2}{3}$ валового дохода. Щедрая награда ожидала доносчика, который укажетъ правительству католика, арендующаго землю на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ. Ирландцамъ, кромѣ земледѣлія, оставались нѣкоторыя второстепенныя занятія промышленностью и торговлей, но и тутъ законодатели поставили устроить такъ, чтобы католикъ не могъ обогатиться. Торговля и промыслы были въ рукахъ англійскихъ купцовъ и промышленниковъ, религія которыхъ, интересы и законы заставляли устранять ирландцевъ отъ какого бы то ни было занятія. Хотя не было прямого запрещенія занятій ремеслами для ирландцевъ, но ихъ ставили для этого въ возможно неблагоприятное положеніе. Только одна дорога была открыта ирландцамъ—дѣлаться арендаторами маленькихъ клочковъ земли и наемными рабочими. При этомъ всѣ государственныя тягости вваливали на католиковъ, которыхъ облагали самыми тяжелыми налогами. Дороги строились по желанію англійскихъ лордовъ, но не для сообщенія между населенными мѣстностями, а для болѣе удобнаго проѣзда къ замкамъ господъ-землевладѣльцевъ. Школы не строили для ирландцевъ, но зато для нихъ много было настроено тюремъ. «Эти законы», говоритъ одинъ писатель,—«самое ловкое и самое сильное орудіе угнетенія, которое когда-либо изобрѣталъ развратный геній человѣка для того, чтобы разорить, опозорить, унижить до послѣдней степени, окончательно развратить народъ и заглушить въ немъ самые чистые источники человѣческой природы».

Если бы Англія могла поддерживать во всей строгости и заставить безусловно выполнять эти законы, то окончательная гибель ирландскаго народа была бы неизбѣжна. Но сила этой системы оказалась столько же неэффективной, какъ и сила оружія. Невозможно было превратить въ острогъ цѣлую страну, въ арестантовъ цѣлую націю, въ сыщиковъ и неумолимыхъ тюремщиковъ всѣхъ жившихъ въ Ирландіи англичанъ. Законы выполнялись съ неумолимою строгостью во времена смутъ, но затѣмъ энергія англичанъ ослабѣвала, а католики, посредствомъ интригъ, взятокъ, угрозъ и пользуясь ослабленіемъ гнета, обходили упомянутые законы, которые вдобавокъ ко всему нерѣдко противорѣчили одинъ другому. Во время этихъ періодическихъ послабленій католики являлись въ роли адвокатовъ, купцовъ, землевладѣльцевъ; возобновлялись монастыри, снова звонили колокола католическихъ церквей, снова устраивались публичныя процессіи и пилигримства, страна наполнялась монахами и монахинями, архіепископы и епископы въ глазахъ правительства дѣлали свое дѣло, толпы дѣтей посѣщали католическія школы, всякій истый ирландецъ имѣлъ на всякій случай достаточный запасъ оружія. Собравшись съ силами, ирландцы оказывали явное сопротивленіе англичанамъ; тогда снова паставалъ терроръ: разрушались церкви, изгонялись священники, исполнялись во всей строгости законы и предписанія, пока опять все это не кончалось новымъ послабленіемъ до какого-нибудь повода къ возобновленію террора. Но ни та, ни другая система управленія не примиряла ирландцевъ съ ихъ властителями. Терроръ только усиливалъ ихъ патріотическій и религіозный фанатизмъ, доведившій ихъ до отчаянныхъ мятежей, а временемъ послабленій они пользовались для организаціи болѣе правильныхъ возстаній и болѣе систематической борьбы съ англичанами. Уголовныя законы, какъ и управленіе силою оружія, достигли только того, что примиреніе ирландцевъ съ англійскимъ владычествомъ сдѣлалось невозможнымъ, а Ирландія обратилась въ язву, ослаблявшую британское государство.

Народъ возмутительно обвинялъ: земледѣліе, торговля, промышленность,—все было убито. Громадное количество земель, принадлежавшихъ крупнымъ англійскимъ

собственникамъ, не воздѣлывалось и не приносило пользы ни имъ, ни народу, между тѣмъ какъ ирландцы нищали прежде всего отъ обезземеленія. Участки дробились все мельче и мельче, сельское хозяйство приходило въ большой упадокъ, и миниатюрные участки все возвышались въ цѣнѣ. Кто бы могъ повѣрить въ наше время, что цѣлой націи запрещены были промыслы извѣстнаго рода, а между тѣмъ это дѣйствительно было. Сначала англичане запретили ирландцамъ заниматься тканьемъ суконъ. Тогда ирландцы пачали продавать свою шерсть на фабрики во Францію и Испанію. Испугавшись, что это могло повести къ обогащенію ирландцевъ, англичане не дозволили имъ вывозить шерсть за границу и обязали ирландцевъ продавать ее шотландскимъ и англійскимъ ткачамъ. Не видя выгоды быть поставщиками исключительно англійскихъ фабрикъ, ирландцы бросили выработку шерсти. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли скотъ и занимались вывозомъ въ Англію масла, сыра и мяса, но этотъ вывозъ изъ Ирландіи тоже былъ воспрещенъ ради охраненія англійскихъ скотоводовъ, вывозить же эти продукты вдаль, на парусныхъ судахъ, было для ирландцевъ немислимо. Такимъ образомъ и эта отрасль хозяйства, очень выгодная въ странѣ, была приведена къ ничтожеству. Ирландцы разводили ленъ и ткали полотна, пользовавшіяся большою извѣстностью, — англичане немедленно обложили вывозимыя изъ Ирландіи полотна огромными пошлинами, убившими производство. Вильгельмъ III не постыдился объявить въ парламентъ, что онъ сдѣлаетъ все, что отъ него будетъ зависеть, для того, чтобы убить ирландскія фабрики, которыя начинали нѣсколько развиваться. Такимъ образомъ вывозъ большей части ирландскихъ произведеній, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя могли дѣлать хотя слабую конкуренцію Англіи, былъ запрещенъ.

Торговля была стѣнена еще болѣе: вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій иностранные корабли и суда могли пристаать къ Ирландіи не иначе, какъ побывавъ прежде въ какой-нибудь англійской гавани; точно также и корабли ирландскіе, отправляющіеся въ американскія колоніи. Результатомъ этихъ запрещеній было то, что и въ настоящее время, несмотря на удобство ирландскихъ гаваней и на большую свободу, которою они теперь пользуются, вся внѣшняя торговля Ирландіи не превосходитъ внѣшней торговли какого-нибудь второстепеннаго порта Шотландіи.

Ирландскій народъ долженъ былъ заниматься исключительно земледѣліемъ безъ собственной земли и приобрѣтать мануфактурныя произведенія только изъ Англіи. Только одно ремесло оставлено было за ирландскимъ народомъ безъ конкуренціи — ремесло земледѣльца-нищаго и поденщика; но и тутъ англичане сумѣли стѣнить личную свободу ирландца и оскорбить его религіозное чувство: поденщикъ, который отказывался работать въ специально католическій праздникъ, подвергался строгому наказанію.

Ирландскіе католики не только были угнетены англійскими законами: стремленіе къ угнетенію ирландцевъ перешло въ правы англичанъ, и, имѣя въ своихъ рукахъ съ одной стороны огромную власть, признанную законами, съ другой угнетенный народъ, они безъ стѣненія пользовались своею силою. Вотъ, что говоритъ Артуръ Юнгъ, знаменитый путешественникъ, посѣтившій Ирландію въ концѣ XVIII вѣка: «Въ Ирландіи — землевладѣлецъ совершенный деспотъ; въ отношеніяхъ съ своими арендаторами онъ не признаетъ другого правила, кромѣ своего произвола. Нѣтъ приказанія, котораго бы его служитель или земледѣлецъ осмѣлился не исполнить. Онъ требуетъ безпредѣльной покорности и при малѣйшемъ ослушаніи безбоязненно употребляетъ бичъ или палку. Несчастный, который осмѣлился бы показать хотя признакъ сопротивленія, былъ бы мгновенно уничтоженъ подъ ударами. Такого рода убійства соверша-

ются безъ опасенія суда присяжныхъ. Путешественникъ нерѣдко видитъ на дорогахъ Ирландіи, какъ служители какого-нибудь англійскаго джентльмена сталкиваютъ въ ровъ своихъ бѣдныхъ собратьевъ-ирландскихъ крестьянъ только для того, чтобы расчистить дорогу своему господину. Пусть телѣги падаютъ и ломаются... Что за важность! ирландцы безмолвно подымутъ и исправятъ ихъ, а если который нибудь изъ нихъ и возвыситъ свой голосъ, ему отвѣтятъ ударами. Если бѣднякъ осмѣлится подать на джентльмена жалобу, то, вмѣсто того, чтобы взыскать съ обвиняемаго, онъ самъ непремѣнно будетъ обвиненъ. Впрочемъ, ирландскій бѣднякъ слишкомъ хорошо знаетъ свое положеніе, чтобы заводить дѣло съ богатымъ».

Понятно, что система правленія Ирландіею, ея совершенное разореніе и униженіе все болѣе ожесточали ирландцевъ, развивая въ нихъ смертельную ненависть къ англичанамъ и пороки, неизбежные при такомъ возмутительномъ гнетѣ. Ирландцы выработали совершенно особую мораль по отношенію къ англичанамъ: обокрасть, ограбить, убить, поджечь — все это преступленія по отношенію къ своему собрату, но величайшее геройство, если только это сдѣлано съ англичаниномъ. Убіеніе англичанина, поджогъ его фермы, угонъ скота и тому подобныя преступленія постепенно усиливались и уже въ XVIII вѣкѣ начали принимать форму систематической, организованной борьбы. Этихъ исполнителей народной мести, смотря по времени, въ которое они появлялись, и сигналу, ими принятому, называли разными названіями: въ 1760 г. ихъ называли «бѣлыми ребятами», «заступниками» и «уравнителями»; въ 1772 г. они принимаютъ названіе «стальныхъ малыхъ», затѣмъ «молотильщиковъ», потому что оружіемъ ихъ былъ цѣпъ, «чесальщиковъ», потому что они обдирали своихъ жертвъ чесальными инструментами, «лохмотниковъ» (Ribonmen). Шайки эти съ самаго своего появленія обозначали свой путь страшнымъ жестокостями и подъ разными кличками свирѣпствовали болѣе столѣтія.

«Бѣлые парни» появились въ 1760 г. и назывались такъ потому, что носили поверхъ платья бѣлыя рубашки. Они появились въ странѣ повсемѣстно, заставляли сельскихъ жителей давать клятву, что не выдадутъ ихъ, наказывали лэндъ-лордовъ, чрезмѣрно возвышавшихъ арендную плату и заставляли ихъ облегчать положеніе работниковъ. Нерѣдко они сжигали жилища и истребляли имущество людей, которые имъ сопротивлялись. Каждый членъ ихъ общества обязывался, подъ страхомъ смертной казни, хранить тайну и безпрекословно исполнять возложенное на него порученіе, хотя бы оно было и уголовнымъ преступленіемъ. Народъ былъ обложенъ налогомъ, который «бѣлые парни» собирали для покупки оружія, веденія процессовъ, найма адвокатовъ, подкупа свидѣтелей и обезпеченія тѣхъ, которые специально занимались ихъ профессіею. Если землевладѣлецъ чрезвычайно возвышалъ арендную плату, то могъ быть увѣренъ, что черезъ нѣсколько дней на дверяхъ его дома или другого какого нибудь зданія будетъ прибито объявленіе въ родѣ слѣдующаго: «симъ вы извѣщаетесь, что мы не будемъ болѣе терпѣть несправедливости, обязывающей насъ платить вамъ аренду, возвышенную вдвое противъ надлежащаго». Если гдѣ-нибудь ирландскіе работники получали слишкомъ низкую задѣльную плату, точно также являлся подобный таинственный декретъ: «начиная съ сего дня, ни одинъ рабочій не будетъ работать менѣе, чѣмъ за 10 шиллинговъ въ недѣлю. Горе тому, кто согласится работать за меньшую плату». Когда эти предписанія не выполнялись тѣми, къ кому были адресованы, «бѣлые парни» собирались ночью для совѣщанія, назначали наказаніе ослушнику и бросали жребій, кому изъ нихъ быть исполнителемъ воли ихъ общества. Тотъ, на кого падалъ жребій, долженъ былъ обыкновенно или поджечь домъ эксплуататора, или убить его. Такіе агенты «бѣлыхъ парней» иногда

высѣживали свою жертву въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ и умерщвляли ее самымъ варварскимъ образомъ. «Бѣлые парни» наводили ужасъ на самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей страны. Судьи, присяжные, свидѣтели,—все боялись ихъ и очень часто держали ихъ сторону. Едва только начинался какой-нибудь процессъ объ одномъ изъ нихъ, какъ ихъ шайка пускала въ ходъ все средства, чтобы помѣшать дѣйствію закона. По обыкновенію, являлись тотчасъ прокламаціи: «Того, кто покажетъ противъ «бѣлыхъ парней», ждетъ смерть». При этомъ прилагали рисунокъ гроба. И они большею частью точно выполняли свои угрозы. Нѣкоторые изъ нихъ убивали не только землевладѣльцевъ, требующихъ слишкомъ высокой платы за свой участокъ, но и фермера, т. е. своего же брата ирландца, который соглашался ее платить. «Въ Атаонѣ», уже въ концѣ шестидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія говоритъ одинъ писатель, «вывѣшено было объявленіе на дверяхъ католической церкви, въ которомъ арендаторы мистера Кука предупреждались, что, если они будутъ платить болѣе 30 шиллинговъ за акръ, то могутъ заказывать себѣ гробы. Поселянинъ Крофордъ убитъ съ женою и ребенкомъ; онъ самъ никому не причинилъ вреда, но отецъ его выселялъ арендаторовъ. Торнтонъ отказалъ одному изъ пастуховъ, и его вскорѣ нашли зарѣзаннымъ днемъ въ полѣ, гдѣ работали поселяне, и убійца никогда не былъ отысканъ. Мистеръ Дарси Ирвинъ, въ графствѣ Арманакъ, намѣревался сдѣлать нѣкоторые перемѣны въ своемъ помѣстьѣ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, онъ получилъ слѣдующее письмо: «М. Г., если вы приведете въ исполненіе свой планъ удаленія арендаторовъ, то знайте, что васъ ожидаетъ: гробъ готовъ, ружье заряжено, и жребій брошенъ, кому васъ застрѣлить. Это—последнее предостереженіе. Если вы не хотите отправиться къ чорту, вашему повелителю, то откажитесь отъ вашего плана. Иначе вотъ этимъ (слѣдуетъ рисунокъ ружья) этотъ (рисунокъ человѣка) отправить васъ въ ваше жилище (рисунокъ гроба),—подписалъ одинъ изъ 20,000».

Ни одна шайка не существовала такъ долго и не достигала такихъ по истинѣ ужасающихъ размѣровъ, какъ союзъ «лохмотниковъ» или рибонменовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Ribon society»; они господствовали въ странѣ цѣлое полустолѣтіе, а именно съ 1820 по 1870 г. Члены этого тайнаго аграрнаго общества, за весь этотъ періодъ своего владычества, наводили отъ времени до времени паническій ужасъ и непредѣльный страхъ на всехъ земледѣльцевъ и даже на правительство. Подъ названіемъ рибонменовъ, какъ думаютъ, существовала не одна, а множество шаякъ и обществъ; смотря по времени и мѣсту, измѣнялись ихъ цѣли и характеръ: въ одной мѣстности Ирландіи они вели ожесточенную борьбу съ сборщиками церковной десятины, въ другой—противъ изгнанія фермеровъ и возвышенія ренты; здѣсь они принимали мирный характеръ рабочихъ союзовъ и занимались исключительно регулированіемъ заработной платы поселянъ. Они достигли такой силы, что имъ достаточно было издать приказъ, и все немедленно повиновалось ему. Всякое нарушеніе ихъ предписаній каралось жестокими насиліями и убійствами. Замѣчательно, что, несмотря на свое вліяніе, члены общества рибонменовъ состояли изъ людей низшаго слоя: изъ лавочниковъ, ремесленниковъ и преимущественно изъ мелкихъ фермеровъ, но исключительно изъ католиковъ. Ихъ документы и приказы отличались безграмотностью, но устройство этихъ обществъ и ихъ дѣйствія обнаруживали замѣчательное искусство, умъ, ловкость и энергію.

Нужно замѣтить, что все эти тайныя общества, существовавшія въ огромномъ количествѣ вплоть до самаго послѣдняго времени, раздѣляются на аграрныя и политическія. Аграрныя общества, членами которыхъ состояло чуть не поголовно все сель-

ское ирландское простонародье, имѣли въ виду не столько борьбу противъ Англіи и ея правительства, сколько войну съ землевладѣльцами. Подъ вліяніемъ этихъ обществъ производились все покушенія на жизнь лэндъ-лордовъ и ихъ агентовъ. Несмотря на тяжкія уголовныя преступленія, на звѣрскія насилия, убійства и дикое самоуправство, съ которыми члены этихъ тайныхъ обществъ карали лэндъ-лордовъ и всехъ эксплуататоровъ ирландскаго простонародья, суевѣрное католическое население считало ихъ угодными Богу и смотрѣло на нихъ, какъ на своихъ защитниковъ. Каждый простолюдинъ считалъ своею священной обязанностью вступить въ то или другое тайное общество, если только его находили къ тому способнымъ. Въ урожайные годы эти общества мало проявляли свою дѣятельность, но когда наступалъ голодный годъ, противъ нихъ была безсильна полиція, потому что на ихъ сторонѣ былъ весь народъ. «Въ Ирландіи», сказалъ въ парламентѣ одинъ депутатъ, «издавна существуютъ два правительства, имѣющія каждое свои законы: правительство королевы и правительство тайныхъ аграрныхъ обществъ, изъ которыхъ послѣднее нерѣдко пользуется бѣльшимъ авторитетомъ». Къ этимъ аграрнымъ обществамъ относятся «бѣлые парни» и «рибонмены», о которыхъ было сказано выше; ихъ цѣлью была исключительно борьба съ землевладѣльцами.

Наконецъ, общества рибонменовъ стали замѣтно исчезать: ихъ замѣнила «ирландская земельная лига». Это былъ тоже аграрный союзъ, но уже не тайный и болѣе мирнаго характера. Карая землевладѣльцевъ за ихъ беззаконія съ фермерами, лига не считала нужнымъ прибѣгать къ убійству и другимъ преступленіямъ. Главная цѣль членовъ этой лиги, появившейся въ Ирландіи съ 1870 г.,—уговаривать крестьянъ прекращать сношенія съ наиболѣе жестокими лэндъ-лордами. Когда кто-нибудь изъ нихъ прогонялъ арендатора съ своего участка за неплатежъ слишкомъ высокой ренты, все остальные арендаторы по сосѣдству должны были немедленно наказать такого лэндъ-лорда. Это наказаніе заключалось въ томъ, чтобы къ нему ни подъ какимъ видомъ не идти ни въ арендаторы, ни въ работники; мало того: никто не долженъ былъ что бы то ни было продавать ему, давать займы, никто не долженъ былъ даже разговаривать съ нимъ. Такому *изолированію* лига предписывала подвергать всехъ ирландскихъ землевладѣльцевъ, выгонявшихъ фермеровъ, возвышавшихъ ренту и совершавшихъ различныя несправедливости. Первый лэндъ-лордъ, которому пришлось испытать на себѣ эту мѣру, былъ капитанъ Бойкотъ,—послѣ чего она навсегда стала называться «*бойкотированіемъ*». Такимъ образомъ «бойкотировать» значитъ выживать землевладѣльца, прекращая съ нимъ всякія сношенія, дѣлая его во всехъ отношеніяхъ совершенно безпомощнымъ, заставляя его волей-неволей бросить свое хозяйство. Члены лиги обязаны были заботиться, какъ объ арендаторахъ, выгнанныхъ своими лэндъ-лордами, такъ и о судьбѣ крестьянъ, устраивавшихъ «бойкотъ», помогать имъ деньгами, стараться пріискать имъ занятія. Мало-того: когда лэндъ-лордъ назначалъ за свой участокъ слишкомъ высокую плату, члены лиги являлись къ его арендаторамъ, вмѣстѣ съ ними опредѣляли размѣръ платы земельного участка, по этой оцѣнкѣ собирали съ арендаторовъ деньги и отправляли ихъ лэндъ-лорду. Дѣйствія «ирландской земельной лиги» навели большой страхъ на лэндъ-лордовъ. Они заставили многихъ изъ нихъ серьезно подумать о томъ, что наступило, наконецъ, и для нихъ время, когда имъ невыгодно раздражать арендаторовъ своею несправедливостью,—вѣдь иначе они немедленно становились *заклейменными* лигою, т.-е. такими, которымъ никто ничего не смѣлъ продавать, у которыхъ никто ничего не смѣлъ купить, къ которымъ никто не шелъ ни на какую работу: ихъ земли оставались не арендованными, ихъ сады и огороды

не убранными. *Заклейменный* могъ отправить на рынокъ свой скотъ, картофель, зерно, но онъ не долженъ былъ найти себѣ покупателя; покупающій у *заклейменнаго* тоже подвергался бойкотированію; булочникъ не долженъ былъ давать ему хлѣба, мясникъ мяса; отъ дѣтей его все должны были отворачиваться въ школѣ; ни одинъ трактирщикъ не смѣлъ давать ему ночлега. Но въ 80-хъ гг. были арестованы главные дѣятели лиги, — ея члены разсѣялись, и она была закрыта.

Свою ненависть къ англичанамъ и стремленіе улучшить свое отчаянное матеріальное положеніе ирландцы проявляли не только возстаніями, вспыхивавшими въ странѣ то здѣсь, то тамъ, крупными мятежами, тайными союзами (см. союзъ «бѣлыхъ ребятъ», «рибонменовъ» и т. п.), союзами болѣе мирнаго характера въ родѣ «ирландской земельной лиги», но и политическими ассоціаціями. Политическіе союзы отчасти тоже преслѣдовали улучшеніе матеріальнаго положенія ирландцевъ, но главныя ихъ стремленія были направлены на цѣли политическія: освободить ирландцевъ отъ англійскаго владычества. Изъ этихъ политическихъ союзовъ наиболѣе сильными явились союзъ «феніевъ» и союзъ партіи «гомруля».

Тайный союзъ «феніевъ» возникъ въ 1861 г. въ Соединенныхъ Штатахъ и быстро распространилъ свои развѣтвленія изъ Америки по Ирландіи, даже по Англіи, повсюду, куда только переселялись ирландцы, выгоняемые съ своей родины нищетою, болѣзнями и возмутительнымъ произволомъ лэндъ-лордовъ. «Союзъ феніевъ» открыто проповѣдывалъ политическія убійства; подъ его кинжалами пало множество жертвъ.

Феніи имѣли огромную силу въ 60-хъ годахъ нынѣшняго XIX-го столѣтія, издавали газету, устраивали въ Ирландіи возстанія, впрочемъ неудачныя. Въ 1880 г. въ Филадельфіи собралось множество феніевъ, и на этомъ собраніи была основана новая феніанская ассоціація, уже съ чисто террористическими цѣлями, главою которой сдѣлался Одоннованъ-Росса. Ея цѣль — насильственное отторженіе Ирландіи отъ Англіи и провозглашеніе республики въ Ирландіи. Лучшее средство къ достиженію своихъ цѣлей ассоціація Одоннована-Россы видѣла въ организованной системѣ ужасающихъ катастрофъ, совершаемыхъ въ Англіи и на англійскихъ корабляхъ до тѣхъ поръ, пока распространившаяся паника не заставитъ Англію съ радостью «отпустить на волю Ирландію». Феніи не видѣли ничего преступнаго въ ужасающемъ характерѣ тѣхъ средствъ, которыми они не брезгали для достиженія своихъ цѣлей. Они говорили, что они находятся въ войнѣ съ Англіею и потому считаютъ позволительнымъ вредить непріятелю. И дѣйствительно, передъ ихъ грандіозными преступленіями поблѣднѣли все остальные, хотя очень многія изъ нихъ, къ счастью, не удались. Вспомнимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: рядъ неудачныхъ покушеній на взрывъ городскихъ ратушъ въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, таинственная гибель военного корабля, взлетѣвшаго на воздухъ въ морѣ по неизвѣстной причинѣ, открытіе адскихъ машинъ въ бочкахъ съ цементомъ; они принимали также участіе въ аграрныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ въ Ирландіи. Страшныя злодѣянія, убійства, цѣлый рядъ динамитныхъ покушеній феніевъ, — все это привело, наконецъ, въ ужасъ англійское общество. Раздался всеобщій крикъ въ пользу реформъ для Ирландіи. И дѣйствительно англичане вынуждены были сдѣлать ирландцамъ нѣкоторые уступки, и хотя онѣ были въ сущности весьма незначительны, но убійства сразу прекратились. Съ этого времени союзъ феніевъ сталъ быстро ослабѣвать и падать и, наконецъ, уступилъ мѣсто новой политической партіи, совершенно миролюбиваго характера, — партіи «гомруля», которая добивалась отдѣльнаго представительства, т.-е. требовала для Ирландіи отдѣльнаго ирландскаго парламента. Но объ этой партіи будетъ сказано

въ слѣдующемъ очеркѣ. Теперь познакоимся съ тѣмъ, что было въ Ирландіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст.

Печальное состояніе Ирландіи, народныя возмущенія, безконечныя аграрныя преступленія, шайки грабителей и убійцъ, наводящія ужасъ на всѣхъ жителей, вліяніе наиболѣе честныхъ представителей мысли въ Англіи, въ яркихъ краскахъ изображавшихъ отчаянное положеніе Ирландіи, все это уже издавна заставляло англійскій парламентъ отъ времени до времени пересматривать и измѣнять законы Ирландіи. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ 1778 г. Законъ, по которому сынъ, перемѣнившій свою религію на англиканскую, получалъ право завладѣть всѣмъ имуществомъ своего отца-католика, былъ отмѣненъ; отмѣненъ былъ и законъ, по которому католикъ не имѣлъ права получить наслѣдства отъ родственника, принадлежащаго къ англиканской религіи. Дозволено было католикамъ законтрактовывать земли на 99 лѣтъ, и сдѣланы нѣкоторыя облегченія промышленности и торговлѣ Ирландіи. Католики приобрѣли право адвокатства и другихъ общественныхъ службъ, право имѣть работниковъ, право не соблюдать англиканскихъ обрядовъ, право воспитывать своихъ дѣтей, какъ угодно, и жениться на комъ угодно, наконецъ—право голоса на выборахъ. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ имущественныхъ и общественныхъ правъ католиковъ, отмѣнили запрещенія, лежавшія на духовенствѣ, учителяхъ и богослуженіи. Наконецъ, въ 1782 г. Ирландія была объявлена независимымъ королевствомъ, состоящимъ въ федераціи съ Англіею. Въ теченіе четверти столѣтія Ирландія имѣла свой національный парламентъ, но депутаты этого ирландскаго парламента (по крайней мѣрѣ большинство ихъ), были подкуплены англичанами (пенсіями, титулами, подарками), и въ ирландскомъ парламентѣ проводили въ ущербъ интересамъ ирландцевъ все, чего желали англичане.

Но вотъ вспыхнула французская революція; понятно, какой сильный отголосокъ должна была она найти въ сердцахъ изстрадавшагося ирландскаго народа. До того времени Ирландія искала реформъ, какъ уступокъ со стороны Англіи, теперь она стала ихъ требовать, какъ права. Ирландія не чувствовала болѣе признательности за вынужденныя уступки со стороны Англіи и мечтала только о томъ, чтобы совершенно сбросить англійское иго. Въ 1798 г. въ Ирландіи происходитъ возстаніе. Тогда англійское правительство возвратилось къ своей прежней политикѣ и налегло на Ирландію съ жестокостью, напоминающею времена Елизаветы и Кромвеля. Чтобы вынудить сознаніе въ участіи въ возстаніи, заподозрѣнныхъ людей били кнутомъ, подвергали пыткамъ, до полусмерти держали на висѣлицѣ. Если являлись свидѣтели въ пользу обвиняемаго, ихъ отстраняли, а если они настаивали и непремѣнно хотѣли дать показанія, ихъ выгоняли штыками. Смертный приговоръ приводили немедленно въ исполненіе. Приговоренныхъ не только вѣшали, но и уродовали ихъ трупы, издѣвались надъ ними самымъ возмутительнымъ образомъ.

Уже раньше англійское правительство мечтало объ уничтоженіи ирландскаго парламента и о полномъ присоединеніи Ирландіи къ Англіи; но въ мирное время осуществленіе этого плана было невозможно. Теперь же, когда страна послѣ возстанія 1798 г. была разорена и подавлена, серьезнаго сопротивленія присоединенію не могло быть, и Англія потребовала отъ ирландскаго парламента акта самоотреченія. Это предложеніе было сперва отвергнуто съ негодованіемъ, но когда англійскій парламентъ назначилъ для подкупа ирландскихъ депутатовъ 1.600.000 фунт. стерл. и пообѣщалъ имъ множество выгодъ, оно было принято въ 1800 г. Этотъ-то актъ, вырванный самымъ позорнымъ образомъ, Англія назвала добровольнымъ соединеніемъ Ирландіи съ Англіею.

Прошлое ирландцевъ—море крови и слезъ, въ которомъ задышался несчастный народъ! Положеніе Ирландіи въ нынѣшнемъ столѣтіи такъ-же печально, какъ и въ прошломъ. Въ 1829 г. была объявлена эмансипація католиковъ, но, повторяемъ, освобожденная Ирландія находилась въ большей нищетѣ и униженіи, чѣмъ прежде Ирландія угнетенная. Зло, посѣянное семью вѣками, оставило глубокіе слѣды. Вотъ каково было положеніе ирландцевъ въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. «Маленькіе земельные участки отдавались фермерамъ—ирландцамъ за слишкомъ высокую плату. Одежда ирландца—жалкіе лохмотья. Жилище его хуже палатки кочующаго араба: та далеко свѣтлѣе и чище смрадной лачуги ирландскаго арендатора; печи въ ней нѣтъ никакой; всевозможные миазмы наполняютъ такую жалкую хижину. Усилія полиціи и суда не могутъ уничтожить незаконныхъ сборищъ и гнусныхъ преступленій, которыя продолжаютъ позорить страну. Чернь ходитъ толпами по графствамъ, требуя уменьшенія ренты и увеличенія заработной платы, угрожая убійствомъ судьямъ и знати, вѣмъ, кто осмѣлился бы ей не покориться, и возбуждаетъ къ противодѣйствію. Народъ умираетъ отъ дурной пищи и впадаетъ въ болѣзни отъ недостатка одежды во время суровой зимы. Только въ двухъ баронскихъ помѣстьяхъ графства Майо въ половинѣ февраля было до 20,000 человекъ, не имѣвшихъ никакихъ средствъ достать себѣ пищу».

Бѣдность ирландскаго народа усиливалась съ годами также и потому, что участки, которые арендовалъ крестьянинъ, дѣлались все меньше и меньше. И это понятно: количество воздѣлываемой земли оставалось почти одно и то же, между тѣмъ народонаселеніе страшно увеличивалось и жило исключительно земледѣльческимъ трудомъ. Естественнo, что земля при этомъ должна была дробиться на все болѣе и болѣе мелкіе участки. Въ 1672 г. жителей въ Ирландіи было 1.320,000 человекъ; въ 1792 г.—уже болѣе 4-хъ милліоновъ; въ 1834 г. 7.943,000, а въ 1841 г. 8.175,000. Пропорціонально съ этимъ увеличеніемъ народонаселенія и участки дробились все мельче и мельче, а также увеличивался и спросъ на нихъ. Несмотря на всю строгость собиранія арендной платы, народъ такъ обнищалъ, что съ него рѣшительно нечего было взять. Чтобы увеличить доходъ лэндъ-лордовъ съ ихъ земель, былъ изданъ законъ, запрещавшій ввозъ иноземнаго хлѣба. Законъ этотъ, поднявъ цѣны на хлѣбъ, увеличилъ доходы собственника, но заставилъ въ то же время земледѣльца питаться исключительно дешевымъ картофелемъ, а хлѣбъ сѣять только на продажу для уплаты аренды. Хлѣбные законы довели Ирландію до ужаснаго состоянія.

1846 годъ, неурожайный во всей Европѣ, былъ особенно тяжекъ для Ирландіи. Болѣзнь картофеля, уже показывавшаяся съ нѣкотораго времени, въ этомъ году чрезвычайно усилилась и погубила три четверти сбора. Овесъ тоже не уродился. Нужно помнить, что картофель въ это время былъ главной пищей народа. Можно себѣ представить, какое страшное бѣдствіе ожидало страну въ виду болѣзни картофеля, что случалось и прежде, но не въ такой степени. Такъ какъ картофель и до сихъ поръ представляетъ почти исключительную пищу ирландцевъ и болѣзнь на него появляется въ странѣ отъ времени до времени, то мы считаемъ необходимымъ сказать объ этомъ явленіи нѣсколько словъ. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ это явленіе. «Перваго августа бѣдственнаго 1846 г. я былъ пораженъ страннымъ слухомъ, что всѣ поля картофеля въ округѣ святи и что поднимается вонь отъ его гниющихъ стеблей. Я немедленно поѣхалъ верхомъ на поля. Листья картофеля на многихъ поляхъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ, совсѣмъ святи, и странный вонючій запахъ, котораго я никогда прежде не чувствовалъ, по который вскорѣ сдѣлался извѣстенъ на многіе годы, какъ отличительный признакъ болѣзни, наполняя атмосферу

около каждого картофельнаго поля. Вырывъ нѣсколько картофелинъ изъ-подъ завявшихъ стеблей, я увидѣлъ, что онѣ заражены гніеніемъ. Картофель быстро чернѣлъ и размякалъ. Въ поляхъ, только-что тронутыхъ болѣзнью, особенный вонючій запахъ былъ первымъ признакомъ ея; черезъ день или два листь начиналъ вянуть. Ужасъ охватилъ всю окрестность; арендаторы смотрѣли въ отчаяніи другъ на друга, съ сознаніемъ собственной безпомощности и съ мрачнымъ отчаяньемъ въ виду совершеннаго исчезновенія единственной пищи, на которую они могли разсчитывать.

«6-го августа я по обыкновенію поѣхалъ верхомъ на свои горныя поля, и можно себѣ представить мои чувства, когда я, еще прежде нежели увидѣлъ поле, почувствовалъ страшный запахъ, теперь хорошо извѣстный и признанный, какъ приговоръ къ смерти каждого картофельнаго поля. Чѣмъ далѣе я подвигался, тѣмъ менѣе могъ выносить этотъ странный запахъ, который поднимался съ роскошныхъ полей, разстилавшихся по обѣимъ сторонамъ дороги. Но всего оригинальнѣе то, что не было замѣтно ни малѣйшей перемѣны въ цвѣтушей зелени листьевъ, ни въ крѣпости стеблей, ничего, кромѣ страшнаго запаха; но опытъ предыдущихъ дней сказалъ мнѣ, что все погибло. И дѣйствительно, богатые стебли скоро завяли, листь обвалились и сгнили, и болѣзнь дошла до клубней».

Испуганное правительство приняло дѣятельныя мѣры къ доставленію хлѣба и денегъ; но это запоздалое великодушіе не принесло пользы: голодъ былъ повсемѣстный, продолжался нѣсколько лѣтъ и развилъ среди народа множество самыхъ разнообразныхъ болѣзней и эпидемій. Ирландцы, заморенные продолжительнымъ голодомъ, нищетою и лишениями, какъ тѣни бродили теперь вокругъ хлѣбныхъ полей, сараевъ и амбаровъ, воруя зерно, картофель, капусту, однимъ словомъ все, что можно было ѣсть. Приходилось ставить караулъ съ ружьями въ рукахъ, какъ для охраны отъ воровства, такъ и для того, чтобы сѣмена не были выкопаны и не сѣдены сырьемъ.

Такое положеніе вещей нанесло роковой ударъ многимъ прекраснѣйшимъ чертамъ характера ирландцевъ, нравамъ и обычаямъ, утвердившимся среди нихъ уже издавна: наивная довѣрчивость къ людямъ этихъ простодушныхъ дѣтей была навѣки разрушена; ихъ широко раскрытыя двери, гостепримно принимавшія подъ свой кровъ всякаго путника, крѣпко-на-крѣпко начали запираются съ тѣхъ поръ, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще существовали кое-какіе запоры. Испытанія этихъ голодныхъ годовъ сильно повліяли на нравы сельскаго населенія. Древнія забавы и увеселенія исчезли повсюду и во многихъ частяхъ Ирландіи уже никогда болѣе не возобновлялись; также прекратились съ этихъ поръ въ большей части Ирландіи уличныя игры, состязанія и деревенскіе танцы, которые лишь въ очень немногихъ мѣстностяхъ и весьма рѣдко можно видѣть теперь.

Какое страшное вліяніе имѣли эти голодные годы на ирландское населеніе, видно изъ того, что когда въ 1851 г. произведена была десятилѣтняя народная перепись, вмѣсто увеличенія народонаселенія, какъ это было до сихъ поръ, оказался страшный недочетъ въ одинъ миллионъ человекъ: такимъ образомъ восьмая часть населенія погибла за эти годы отъ нищеты и голода.

Это ужасное бѣдствіе сдѣлало то, чего не могли сдѣлать цѣлые вѣка войнъ и крутыхъ мѣръ: оно побѣдило Ирландію. Когда народъ увидалъ, что онъ теряетъ свою главную пищу, онъ только тутъ началъ сознавать, что ему нѣтъ мѣста на родинѣ. Правда, и прежде ирландскій народъ уже переселялся въ Америку, но теперь сотни тысячъ ирландскихъ семействъ начали эмигрировать на чужбину. Съ 1806 до 1851 г. эмигрировало 4½ миллиона; между тѣмъ съ 1852-го до 1859-го, только

въ семь лѣтъ, эмигрировало 2.041,260 человекъ. Мы видѣли уже, что съ 1672 по 1841 г. народонаселеніе Ирландіи постоянно увеличивалось; теперь же, вслѣдствіе эмиграціи, голода и болѣзни, оно стало страшно уменьшаться. Въ 1841 г. было 8.175,000 жителей, а въ 1851 г. жителей было только 6½ миллионъ; въ 1861 г. 5.798,967 человекъ, а въ 1891 г. уже 4.706.162. Къ тому же ирландцы переселяются не только въ Америку: эмиграція въ Англію и Шотландію также достигла значительныхъ размѣровъ. Ирландское населеніе Манчестера, Ливерпуля и другихъ большихъ городовъ Англіи чрезвычайно велико. При постройкахъ и другихъ работахъ въ англійскихъ городахъ ирландцы представляютъ массу рабочихъ рукъ; точно также и мѣста слуганокъ, исполняющихъ въ домѣ всю черную работу, преимущественно заняты ирландскими дѣвушками.

Съ 1760 по 1880 г., слѣдовательно болѣе столѣтія, въ Ирландіи, рука объ руку съ усиленной эмиграціей сельскаго престопа, шло развитіе аграрныхъ преступленій и тайныхъ обществъ, краснорѣчиво говорившихъ о все увеличивающейся пламенной ненависти ирландцевъ къ англичанамъ, къ англійскому правительству и къ своимъ лэндъ-лордамъ. За эти 120 лѣтъ землевладѣльцы и англійское правительство самыми возмутительными средствами помогали эмиграціи народа. Землевладѣльцы, узнавъ по опыту, что ирландскіе фермеры (арендаторы) плохіе плательщики и не даютъ имъ возможности обогащаться, стали обращать прежде обрабатываемые участки земли въ луга и пастбища, для которыхъ уже не требовалось прежняго количества рабочихъ рукъ. Между тѣмъ пастбища и луга приносятъ выгоду лишь землевладѣльцамъ и скотоводамъ, а не земледѣльческому населенію, которое такимъ образомъ окончательно теряетъ работу и должно искать заработка на чужбинѣ. Выселеніе трудолюбиваго класса людей съ родины оказалось чрезвычайно вреднымъ для сельскаго хозяйства. Вмѣсто того, чтобы прилагать рабочія руки къ улучшенію земли, къ увеличенію плодовъ земныхъ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на положеніе дренажныхъ трубъ,—эмиграція ирландцевъ оставляла ихъ родину въ первобытномъ состояніи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Ирландіи, гдѣ народъ противился эмиграціи, его старались прогнать силою и замѣняли его англійскими переселенцами или превращали пашни въ пастбища для скота. Вотъ какъ описываетъ одинъ писатель одно изъ сотни тысячъ выселеній, производившихся послѣ вышеописанныхъ голодныхъ годовъ. «Въ одинъ день 700 человекъ были лишены крова, хотя никто изъ нихъ, кромѣ одного, не долженъ былъ ни шиллинга ренты своему лэндъ-лорду. Полиція съ утра до ночи энергично занималась сломкою жилищъ несчастныхъ ирландскихъ арендаторовъ. Наконецъ, одно обстоятельство нарушило мрачное однообразіе огульнаго разрушенія, которое они производили вокругъ себя. Они вдругъ въ ужасѣ отступили отъ двухъ хижинъ. Оказалось, что тамъ свирѣпствовалъ тифъ, который уже унесъ въ могилу нѣсколько жертвъ. Поэтому они стали умолять довѣреннаго землевладѣльца, распорядившагося этой очисткой, чтобы оставить хотя на время въ покоѣ больныхъ, но онъ былъ неумолимъ и приказалъ, завѣсивъ парусиною кровати, на которыхъ лежали больные, по счастью находившіеся въ бреду, продолжать сломку ихъ хижинъ. На слѣдующее утро четверо изъ этихъ жертвъ умерли на моихъ рукахъ, и надъ ними не было другого крова, какъ парусина и небо. Никогда въ жизни я не забуду этого страшнаго дня! Плачъ женщинъ, крики и вопли дѣтей, безмолвное отчаяніе мужчинъ вызывали слезы на глазахъ у всѣхъ присутствующихъ. Офицеры и солдаты полицейскаго отряда, принужденные присутствовать при этой сценѣ, плакали, какъ дѣти. Всю ночь шелъ проливной, холодный, осенній

дождь, а сосѣдніе землевладѣльцы, на много миль въ окружности, запретили остальнымъ своимъ арендаторамъ давать несчастнымъ ночлегъ».

Такъ какъ послѣ великаго голода 1846—47 г. въ Ирландіи приходилось уничтожать множество жилищъ такимъ варварскимъ способомъ, то для этого требовалось извѣстное искусство, и мало-по-малу образовались работники-спеціалисты, съ особой ловкостью разносившіе ломами хижины. Народъ прозвалъ производившихъ эти очищенія «*ломовою бригадой*». Вскорѣ, однако, ручная работа показалась слишкомъ медленной, и одинъ землевладѣлецъ, мистеръ Скулли, извѣстный своимъ жестокимъ обращеніемъ съ фермерами, изобрѣлъ машину для снесенія крышъ и сломки стѣнъ. Она состояла изъ искусной комбинаціи желѣзныхъ крюковъ, цѣпей и рычаговъ и приводилась въ дѣйствіе одною лошадыю. Съ помощью этой машины можно было въ десять разъ скорѣе уничтожать жилища несчастнаго люда, чѣмъ «ломовою бригадою» въ двадцать пять человѣкъ.

Такое печальное положеніе вещей заставило въ 1870 г. тогдашняго перваго министра Англіи Гладстона провести поземельный билль, который признавалъ, что ирландскіе арендаторы (фермеры) имѣютъ извѣстные права на обрабатываемую ими землю. Чтобы уяснить это себѣ, нужно знать, что до тѣхъ поръ въ Ирландіи лишь въ одной провинціи Ульстеръ (на сѣверѣ) признавались такіа права фермеровъ. Вслѣдствіе этого фермеры въ Ульстерѣ находились, сравнительно съ остальными въ Ирландіи, въ сносомъ матеріальномъ положеніи. Но, кромѣ Ульстера, всѣ ирландскіе фермеры не имѣли права ни на одинъ шиллингъ вознагражденія даже за свои собственныя затраты. Если фермеръ осушилъ или улучшилъ землю, такъ что болото, дававшее прежде ренту въ два шиллинга за акръ, теперь приносило его владѣльцу два фунта стерлинга, лэндъ-лордъ имѣлъ по закону право назвать эти улучшения своими и заставить фермера платить за улучшенную имъ самимъ землю два фунта за акръ. законъ 1870 г. распространялъ на всю Ирландію поземельныя отношенія и обычаи, существовавшіе лишь въ одной провинціи Ульстеръ. По этому биллю, если лэндъ-лордъ изгонялъ фермера по своему произволу, онъ долженъ былъ его вознаграждать «за безпокойство» и заплатить ему за всѣ улучшения, сдѣланныя имъ на фермѣ. Сумму того и другого вознагражденія должны были опредѣлять мѣстные суды. Кромѣ того, чтобы поощрить ирландское простонародье покупать въ собственность землю, казна брала на себя уплату двухъ третей цѣны за землю, которую поселяне желали купить, а землевладѣльцы продать, съ условіемъ, чтобы поселяне постепенно погашали долгъ въ казну. Къ сожалѣнію, законъ 1870 г. не имѣлъ никакого значенія, и это произошло прежде всего потому, что въ немъ не былъ опредѣленъ размѣръ ренты, которую ирландскій фермеръ обязанъ былъ платить за свой участокъ земли. Ирландскіе землевладѣльцы, желая поскорѣе покончить съ сельскимъ ирландскимъ людомъ, на который англійское правительство якобы начинало обращать вниманіе и, чего добраго, въ близкомъ будущемъ могло дать ему черезчуръ много привилегій, немедленно страшно возвысили и безъ того уже высокую ренту. Фермеры советамъ не могли уплачивать ее, и ирландскіе собственники, большинство которыхъ было англійскими лэндъ-лордами, начали выгонять ихъ съ своихъ земель съ прежнею жестокостью. Что же касается до вознагражденія фермеровъ за безпокойство, причиняемое имъ изгнаніемъ, то собственники, выплачивая это вознагражденіе, нисколько не отягощали себя, такъ какъ тотчасъ же увеличивали ренту новымъ фермерамъ, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка, такъ какъ въ Ирландіи земля почти единственный источникъ пропитанія. Что же касается до вознагражденія за сдѣланныя улучшения, то землевладѣльцы старались замучить фермеровъ без-

конечными процессами, представляя свидѣтелей, которые подъ присягой показывали, что всѣ сдѣланныя на фермѣ улучшенія только ее ухудшили. Наконецъ, многіе землевладѣльцы ухитрились вовсе обойти новый законъ и, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ поселянъ, заключали съ ними, подъ угрозой изгнанія, письменныя условія, по которымъ поселяне отказывались отъ всякихъ правъ, дарованныхъ биллемъ 1870 г. Такимъ образомъ этотъ актъ не уничтожилъ произвола землевладѣльцевъ. Точно также не получила никакого практическаго примѣненія и та часть билля, которая открывала поселянамъ возможность приобретать землю въ собственность при помощи казны: они были слишкомъ разорены для того, чтобы что-нибудь приобрести.

Въ 1881 г. Гладстону удалось провести новый поземельный билль, которымъ значительно улучшалось положеніе огромнаго количества арендаторовъ. По этому закону фермеръ, погодно берущій землю въ аренду, можетъ обратиться къ суду или къ особой земельной комиссіи съ просьбою о назначеніи ему «справедливой» арендной платы, которая и опредѣляется на 15-лѣтній срокъ. Въ теченіе этого времени арендная плата не можетъ быть повышена и фермеръ можетъ быть подвергнутъ изгнанію только за нарушеніе «законныхъ условій». По истеченіи 15-ти л. срока фермеръ можетъ вновь ходатайствовать объ установленіи арендной платы, и такимъ порядкомъ аренда можетъ быть постоянно возобновляема. Въ среднемъ выводѣ арендная плата на основаніи закона 1881 г. была понижена, сравнительно съ прежнимъ, на 20%, но она до сихъ поръ еще слишкомъ тяжела для ирландскаго фермера. На фермеровъ, арендующихъ землю по письменнымъ договорамъ, законъ 1881 г. не распространялся, но въ 1887 г. это ограниченіе было отмѣнено, и имъ дано было право въ теченіе двухъ лѣтъ обращаться къ суду съ ходатайствомъ объ опредѣленіи арендной платы. Оба эти закона (1881 и 1887 г.) примѣняются въ настоящее время на пространствѣ до 9 милл. акровъ, составляющихъ около половины всей площади Ирландіи.

Въ срединѣ 80-хъ гг. ирландское земледѣльческое населеніе терпѣло серьезныя затрудненія вслѣдствіе паденія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, вызваннаго конкуренціею со стороны Сѣверной Америки. Вслѣдствіе этого закономъ 1887 г. было предписано произвести пересмотръ арендной платы и, если нужно, понизить ее; тоже было повторено въ 1888 и 1889 гг.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Положеніе Ирландіи въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ гг. XIX столѣтія.—«Національная лига».—Реформа мѣстнаго самоуправленія въ 1898 г.—«Гомруль» и его значеніе.—Жизнь арендаторовъ и сельскихъ рабочихъ.—Земледѣліе и сельское хозяйство въ настоящее время.—Характеръ народа.

Въ 1886 г. въ парламентъ внесено было два билля: 1) о «гомрулѣ», по которому для Ирландіи требовалось учредить собственный ирландскій парламентъ въ Дублинѣ, а слѣдовательно устроить самостоятельное ирландское правительство, совершенно отдѣльное отъ англійскаго. Во второмъ биллѣ отъ англійскаго правительства требовалось 50 милліоновъ фунтовъ стер. для покупки крупныхъ ирландскихъ помѣстій, которыя государство уже само должно было сдавать въ аренду ирландскимъ арендаторамъ; эти земли впоследствии должны были перейти въ собственность арендаторовъ. Хотя оба эти билля были отвергнуты парламентомъ, но они вызвали взрывъ негодованія въ англійскомъ обществѣ. Высшій классъ Великобританіи недо-

воленъ былъ тѣмъ, что въ его странѣ есть люди, которые могутъ думать объ отдѣленіи Англіи отъ Ирландіи, могутъ желать разорять государство для какихъ то жалкихъ ирландцевъ, численность которыхъ давно слѣдовало наполовину уменьшить эмиграціей, чтобы этотъ беспокойный народъ не тревожилъ Англію вѣчными голодовками, волненіями, мятежами и отчаянными преступленіями. Какъ подобныя разсужденія въ обществѣ, такъ и эти билли въ такой степени взволновали ирландцевъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны вызвали столкновенія между католиками и протестантами, такъ что ихъ пришлось даже усмирять военною силою. Хотя эти волненія были, наконецъ, подавлены, но негодованіе ирландцевъ противъ англичанъ не улеглось. Множество арендаторовъ рѣшило не платить своимъ лэндъ-лордамъ аренды, а вносить ее членамъ союза «національной лиги». Нужно замѣтить, что этотъ союзъ «національной лиги» возникъ очень скоро послѣ того, какъ разсѣялись вожди ирландской «земельной лиги». Какъ члены «національной лиги», такъ и всѣ, принадлежавшіе къ партіи «гомруля», старались добиться автономіи Ирландіи; т. е. самоуправленія при помощи отдѣльнаго ирландскаго парламента, но первые считали необходимымъ и поземельную реформу. И вотъ ирландскіе арендаторы рѣшаютъ прекратить всякія отношенія съ своими лэндъ-лордами и вносить ренту не имъ лично, а черезъ посредство «національной лиги.» Англійское правительство, чтобы предупредить этотъ новый враждебный планъ дѣйствій, арестовало вождей ирландской агитаціи, отдало ихъ подъ судъ въ Дублинѣ и добилося присужденія ихъ къ тюремному заключенію.

Въ слѣдующемъ, т. е. въ 1887 г., былъ принятъ новый законъ, по которому можно было объявить тѣ или другіе округа Ирландіи на военномъ положеніи. И правительство вполне воспользовалось этимъ закономъ: оно неоднократно провозглашало военное положеніе, энергично разгоняло разныя сборища, засаживало въ тюрьмы вожаковъ «національнаго союза», а также всѣхъ подстрекателей волненій, тѣмъ не менѣе эти волненія безпрестанно охватывали Ирландію. Британское правительство, испуганное непрекращавшимися смутами въ Ирландіи, обратилось за содѣйствіемъ къ римскому папѣ. Въ 1888 г. папа издалъ одно за другимъ нѣсколько посланій къ католикамъ, въ которыхъ сильно порицалъ ихъ насилія надъ англичанами и вѣчные мятежи. Несмотря на глубокую преданность ирландцевъ католической вѣрѣ, эти папскія посланія не оказали на нихъ никакого дѣйствія, и Ирландія въ слѣдующіе годы продолжала волноваться, что выражалось самыми разнообразными протестами и насиліями противъ англичанъ. Но когда въ 1892 г. оказалось, что въ палатѣ общинъ большинство стоитъ за «гомруль», дѣла въ Ирландіи приняли совсѣмъ другой оборотъ: мятежи и волненія быстро затихли, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшилось и число аграрныхъ преступленій, т. е. потравъ помѣщичьихъ луговъ, избіеній помѣщичьяго скота, порубки лѣсовъ. Видя, что вѣчно-мятежная Ирландія настроена на болѣе миролюбивый ладъ, правительство отобрало у полиціи карабины, которыми та долго была вооружена, и не дозволяло ей свирѣпствовать при производствѣ выселеній ирландцевъ со своихъ фермъ, да и число этихъ выселеній сильно уменьшилось. Духовенство сдерживало своими увѣщаніями людей нетерпѣливыхъ, эмиграція тоже уменьшилась, однимъ словомъ всѣ ирландцы стали ждать съ напряженнымъ вниманіемъ рѣшенія своей участи. Хотя билль о «гомрулѣ» былъ принятъ палатою общинъ, но онъ не прошелъ въ верхней палатѣ: лорды его отвергли подавляющимъ числомъ голосовъ.

Въ самые послѣдніе годы британское правительство оказалось вынужденнымъ болѣе обращать вниманія на дѣла Ирландіи. Выше, въ очеркѣ о государственномъ устройствѣ Великобританіи, было сказано, что въ британскомъ парламентѣ вмѣстѣ съ

другими засѣдаютъ и ирландскіе депутаты. Въ нынѣшнемъ, т. е. въ 1898 г., эти депутаты произвели демонстрацію въ пользу облегченія податного бремени, отъ котораго до сихъ поръ сильно страдаетъ Ирландія. Они требовали устраненія этого зла и статистическими данными доказывали, что Ирландія ежегодно переплачиваетъ въ видѣ налоговъ лишнихъ 3 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ по сравненію съ Англіею. Какъ тяжело положеніе Ирландіи въ этомъ отношеніи, видно изъ слѣдующаго: въ концѣ 30-хъ гг. XIX ст., при населеніи въ 8 милліоновъ человѣкъ, страна эта платила налоговъ 4¹/₂ милліона фунтовъ стерлинговъ; между тѣмъ теперь, когда въ ней населенія числится менѣе 5-ти милліоновъ, налоги превзошли 8 милліоновъ фунт. стерлинговъ. Это можно назвать вопіющей несправедливостью уже потому, что въ Англіи населеніе и богатство страны растутъ, а въ Ирландіи они убываютъ. Ирландцы вѣчно угнетены, физически ослаблены періодическими голодовками цѣлаго ряда предыдущихъ поколѣній, питавшихся почти исключительно картофелемъ, всегда выплачивавшихъ несоразмѣрно высокую ренту, кромѣ земледѣльці почти неимѣвшихъ другихъ занятій. Все это говоритъ о томъ, что ирландцы имѣютъ несравненно меньше силъ и возможности выплачивать свои налоги, чѣмъ англичане. По всей вѣроятности, податное бремя Ирландіи будетъ, дѣйствительно, облегчено въ очень близкомъ будущемъ.

Въ этой странѣ только-что совершилась (въ 1898 г.) весьма значительная реформа, а именно билль о реформѣ мѣстнаго самоуправленія не только прошелъ черезъ нижнюю палату, но и принятъ пѣрами, такъ что черезъ нѣсколько дней онъ сдѣлается закономъ. Такимъ образомъ въ Ирландіи будетъ введена система мѣстнаго самоуправленія, въ основахъ своихъ сходная съ той, которая существуетъ въ Великобританіи уже нѣсколько лѣтъ. Съ этихъ поръ завѣдывать мѣстными дѣлами Ирландіи будутъ ирландцы посредствомъ выборовъ. Право голоса на мѣстныхъ выборахъ будетъ устроено на тѣхъ же условіяхъ, какъ и участіе въ выборахъ парламентскихъ, съ тою только разницею, что на основаніи новаго билля женщины могутъ быть избирательницами. Такое коренное преобразованіе мѣстнаго управленія, какое будетъ введено теперь, откроетъ ирландскому населенію новое и очень широкое поле для проявленія своей самостоятельности и тѣмъ, вѣроятно, надолго отвлечетъ его не только отъ мятежей и волненій, но большинство ирландцевъ и отъ мысли о самостоятельномъ парламентѣ. Какъ бы велика ни была польза для Ирландіи отъ такого преобразованія, законодательство по-прежнему остается въ рукахъ британскаго парламента, громадному большинству депутатовъ котораго не только чужды, но даже враждебны интересы Ирландіи.

Нужно замѣтить, что наиболѣе горячіе патріоты и уметвенно развитые люди уже давно требуютъ для Ирландіи особаго парламента съ полною законодательною властью для того, чтобы ихъ соотечественники имѣли возможность самостоятельно обсуждать и рѣшать свои земельныя отношенія, вводить необходимыя экономическія реформы и улучшенія; большинство изъ нихъ желаетъ однако, чтобы Ирландія оставалась составною частью Великобританіи и подчинялась ея правительству во всѣхъ международныхъ, военныхъ и иныхъ вопросахъ, общихъ для нея съ Англіею,—вотъ эта-то партія и называется партіей «гомруля». Страстное желаніе имѣть свой парламентъ объясняется тѣмъ соображеніемъ, что великобританскій парламентъ не можетъ надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности относительно Ирландіи, и вотъ почему: съ одной стороны онъ страшно заваленъ всевозможными дѣлами, съ другой—недостаточно знакомъ съ потребностями Ирландіи.

Но новая реформа мѣстнаго самоуправленія Ирландіи, какъ думаютъ многіе, повліяетъ успокаивающимъ образомъ на ирландцевъ, которые не могутъ не видѣть

въ ней извѣстной уступки ихъ стремленію къ самостоятельному завѣдыванію своими дѣлами. Большинство англичанъ тоже, по всей вѣроятности, будетъ считать, что Ирландія получила достаточное удовлетвореніе, и вслѣдствіе всего этого осуществленіе «гомруля», можно думать, будетъ отсрочено на долгое время.

Какой оборотъ примутъ дѣла въ Ирландіи вслѣдствіе новой реформы—неизвѣстно, но пока страна эта находится въ высшей степени плачевномъ состояніи. Ирландія является единственной областью Великобританіи, населеніе которой быстро уменьшается. Вся земля страны раздѣлена между небольшимъ количествомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, преимущественно англійскихъ лэндъ-лордовъ, а мѣстное населеніе живетъ тѣмъ, что арендуетъ у нихъ мелкіе участки земли и платитъ за нихъ весьма высокую аренду. По послѣднимъ даннымъ считается 600.000 фермеровъ и 400.000 сельскихъ рабочихъ, которые вмѣстѣ представляютъ земледѣльческое населеніе страны. Ирландскіе фермеры или арендаторы и ирландскіе сельскіе рабочіе не два отдѣльные класса, а одинъ: сельскій рабочій—тотъ же фермеръ, только безъ фермы. Изъ фермеровъ 119.000 ч. арендуютъ не болѣе 5 акровъ земли и 145.000 ч. отъ 5 до 15 акровъ у землевладѣльцевъ, болѣею частью живущихъ въ Ирландіи. Аренда за землю такъ высока, что она или превышаетъ весь доходъ съ земли, или, въ лучшемъ случаѣ, можетъ прокармливать лишь впроголодь. Но такъ какъ сельскій людъ съ одной стороны страстно привязанъ къ землѣ, съ другой здѣсь почти нѣтъ другихъ заработковъ, то ему и приходится арендовать хотя маленькій земельный участокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ его немедленно ждетъ голодная смерть. Земля обрабатывается изъ рукъ вонъ плохо. Если у фермера 10—15 акровъ, то онъ обыкновенно оставляетъ одинъ клочокъ подъ картофелемъ, другой подъ овсомъ и клочокъ подъ пастбищемъ или плохимъ лугомъ. Лугъ содержитъ обыкновенно болѣе сорныхъ травъ, чѣмъ пригодныхъ для корма; картофель и овесъ воздѣлываются такъ долго на одной и той же полосѣ, что она въ концѣ концовъ совершенно истощается, и этимъ объясняются громадныя размѣры, которые приняла болѣзнь картофеля. Сверхъ ренты, уплачиваемый собственнику, фермеръ обязанъ платить поземельные налоги. Случаи голодной смерти и теперь встрѣчаются нерѣдко. Тифъ, черная оспа и другія эпидеміи не перестаютъ поражать народъ вслѣдствіе дурного питанія и отвратительныхъ помѣщеній, въ которыхъ люди живутъ со свиньями и другими животными. И дѣйствительно, жилища, въ которыхъ живетъ сельскій людъ, представляютъ отвратительныя мазанки; ходятъ ирландцы въ лохмотьяхъ, питаются почти исключительно картофелемъ, овсянымъ хлѣбомъ и похлебкой изъ кукурузы, а мясо ѣдятъ два-три раза въ годъ, въ большіе праздники. Нечего удивляться, что такое непрерывное голодное существованіе заставляетъ ихъ искать забвенія въ пьянствѣ.

Положеніе сельскихъ рабочихъ еще хуже: только немногіе изъ нихъ имѣютъ около акра земли, но большинство ничего не имѣетъ, кромѣ лохмотьевъ, прикрывающихъ ихъ наготу; они часто по мѣсяцамъ не могутъ найти работы, а когда получаютъ ее, то имъ платятъ въ день около шиллинга; живутъ они въ самыхъ грязныхъ лачужкахъ, въ которыхъ на соломѣ валяются всѣ вмѣстѣ: мужчины, женщины, дѣти, свинья съ поросятами, у кого они есть.

Въ центральной Ирландіи вездѣ, въ горахъ, селахъ и вдоль дорогъ, вы встрѣчаете разоренныя хижины сельскаго простонародья; но въ графствѣ Майо вы проѣзжаете округа, совершенно лишеныя народонаселенія. Это теперь просто пустыня, и не видно ни людей, ни домашнего скота на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде существовали сотни маленькихъ фермъ. Такъ описываютъ нынѣшнее положеніе Ирландіи даже англійскіе корреспонденты. Каждое крестьянское семейство, не имѣющее до-

статочно земли для своего содержанія, отправляетъ нѣсколькихъ своихъ членовъ собирать милостыню.

Причина нищеты ирландцевъ не только въ страшномъ гнетѣ всей ихъ прошлой жизни, не только въ существующей системѣ землевладѣнія, но и въ плачевномъ состояніи мануфактурной промышленности. Фабричная промышленность могла-бы дать заработокъ множеству рабочихъ рукъ и при несчастномъ сельскомъ хозяйствѣ была бы подспорьемъ для сотни тысячъ людей. Мы уже знаемъ, что шерстяное и полотняное производства существовали въ Ирландіи съ самыхъ давнихъ временъ. Даже въ концѣ XVII столѣтія ирландцы не только имѣли цвѣтущую промышленность, но производили даже многія шерстяныя издѣлія, которыхъ Англія еще не умѣла вырабатывать. Но эта цвѣтущая ирландская промышленность была такъ подавлена и уничтожена запретительными законами Англіи, что она не можетъ подняться и въ настоящее время. Многихъ производствъ, напримѣръ металлическихъ, въ Ирландіи совсѣмъ не существуетъ; даже ирландская національная и самая крупная по размѣрамъ мануфактура—полотняная, и та уступаетъ шотландской. То же можно сказать и относительно другихъ занятій и промысловъ. Такимъ образомъ на родинѣ ирландцу остается теперь только одно занятіе—земледѣіе.

Но не только экономическое положеніе ирландцевъ крайне плохо, но и политическою свободою наравнѣ съ англичанами они до сихъ поръ пользовались скорѣе въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности. Прежде всего англійская политика въ Ирландіи состоитъ въ покровительствѣ и потворствѣ обангличанившимся высшимъ классамъ въ ущербъ народнымъ массамъ. Личность въ Ирландіи вовсе не обезпечена такъ, какъ въ Англіи, отъ полицейскаго произвола. Свобода собраний то и дѣло нарушается вмѣшательствомъ полиціи. То, что можно свободно печатать въ Англіи, въ Ирландіи сплоснь и рядомъ подвергается строгой карѣ. Правда, Ирландія имѣетъ своихъ представителей въ англійскомъ парламентѣ, но съ какимъ бы единодушіемъ ирландскіе представители ни настаивали на той или другой мѣрѣ, правительство лишь въ крайнихъ случаяхъ рѣшается обратить вниманіе на ихъ требованія и до послѣдняго времени отдѣлывалось отъ Ирландіи лишь полумѣрами. Мѣстное самоуправленіе—первая важная реформа послѣдняго времени.

Характеръ ирландцевъ представляетъ смѣсь различныхъ качествъ, часто противоположныхъ другъ другу, при чемъ дурныя качества развились сильнѣе вслѣдствіе несчастнаго положенія народа и его угнетенія въ продолженіе многихъ вѣковъ. Страстный, увлекающійся, подвижный, вѣтранный нравъ составляетъ главное основаніе ирландскаго характера, въ которомъ мы находимъ какъ всѣ достоинства, такъ и недостатки, соответствующіе этимъ качествамъ. Ирландецъ одаренъ поэтической натурой, богатой фантазіей, простосердечіемъ и довѣріемъ ко всѣмъ, кто скажетъ ему доброе слово, разумѣется, кромѣ англичанъ. Онъ готовъ оказать всякому всевозможную услугу, подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба, но въ то же время за малѣйшее противорѣчіе, за одно слово, которое ему не нравится, онъ сейчасъ выпылить, наговоритъ дерзостей и лѣзетъ въ драку. Несмотря на систематическую ненависть къ англичанамъ, жажду мести по отношенію къ нимъ, онъ по своему характеру вовсе не мстителенъ. Съ человѣкомъ, съ которымъ онъ только что горячо повздорилъ, онъ съ удовольствіемъ будетъ сидѣть черезъ минуту въ веселой, шумной компаніи, которую онъ такъ любитъ, и мирно болтать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Рѣдкій человѣкъ на столько довольствуется малымъ, какъ ирландецъ: онъ совершенно счастливъ, если у него есть небольшой запасъ картофеля на зиму, жалкая хижина, въ которой онъ живетъ вмѣстѣ съ животными, и лохмотья, которые кое-

какъ прикрываютъ его тѣло. Онъ ропщетъ только тогда, когда ему совѣтъ уже негдѣ преклонить голову, нѣтъ ни лохмотьевъ, ни картофеля. Несмотря на всю свою откровенность и чистосердечіе, онъ хитеръ съ своими врагами, можетъ принять на себя маску большого простодушія и глупости, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. При всевозможныхъ обстоятельствахъ жизни, куда бы онъ ни былъ брошенъ судьбою, онъ вездѣ выказываетъ понятливость и любознательность; но вслѣдствіе вопіющей нищеты большая часть ирландцевъ невѣжественна и груба, а ихъ богатая фантазія дѣлаетъ ихъ склонными къ суевѣрію.

Вмѣстѣ съ пьянствомъ, которымъ страдаетъ громадное большинство ирландцевъ, среди нихъ сильно распространена эироманія, которая появилась лишь послѣ 1840 г., но въ настоящее время она дѣлаетъ замѣчательные успѣхи, особенно среди католиковъ. Любопытно, что теперь уже, по одному запаху ирландскаго крестьянина, можно опредѣлить его вѣроисповѣданіе: отъ протестанта несетъ алкогелемъ, отъ католика—эиромъ. Нѣкоторые крестьяне, выпивая стаканчикъ виски, прибавляютъ къ нему эиръ. Однако, во многихъ мѣстностяхъ Ирландіи уже существуютъ шинки для продажи одного только эира, и въ нихъ довольно большая рюмка его стоитъ около 2-хъ к. на наши деньги. Эиръ такъ распространенъ въ Ирландіи, что его запахомъ пропитанъ воздухъ вагоновъ почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ этой страны, а въ базарные дни—всѣ дороги, по которымъ проходятъ ирландскіе обозы. Эиръ употребляютъ не только мужчины, но и женщины, а иногда и дѣти; неопытные въ этомъ дѣлѣ люди запиваютъ его водою, чтобы менѣе чувствовать обжогъ, а когда привыкнуть къ нему, то даже самый обжогъ доставляетъ своего рода удовольствіе. Пока эиръ поглощается въ малыхъ дозахъ, онъ приводитъ человѣка въ веселое расположеніе духа, а въ большихъ—сильно разстраиваетъ нервы, производитъ боль въ желудкѣ и состояніе общаго оцѣпенѣнія, которое, впрочемъ, скоро проходитъ. Хотя вліяніе эира непродолжительно сравнительно съ вліяніемъ алкоголя, тѣмъ не менѣе злоупотребленіе имъ доводитъ до того же психическаго и физическаго разстройства, какъ и алкоголь.

ГОЛЛАНДІЯ.

ВНѢШНІЙ ВИДЪ СТРАНЫ.

Первое впечатлѣніе.—Вѣтряныя мельницы.—Ихъ значеніе и польза.—Каналы и ихъ разнообразныя услуги.

«Голландія», какъ справедливо говоритъ одинъ знаменитый писатель, «тріумфъ человѣка надъ океаномъ; она есть дѣло его рукъ: разъ созданная, она можетъ быть и уничтожена по его же желанію.» Здѣсь не только близъ моря, но даже въ городахъ, лежащихъ въ сердцѣ страны, на каждомъ шагѣ встрѣчаешь борьбу человѣка съ «водною» стихіею, и голландцу постоянно приходится отстаивать каждую пядь своей земли.

Голландія—страна въ высшей степени любопытная, во многихъ мѣстностяхъ которой рѣки текутъ выше головъ ея жителей, гдѣ многочисленные, богатые города стоятъ ниже морского уровня, гдѣ рѣки своимъ намывнымъ пескомъ связали цѣлые острова, находившіеся близъ ихъ устьевъ, съ твердою землею и гдѣ, наконецъ, сила морская оторвала отъ береговъ отдѣльныя возвышенности и образовала изъ нихъ новые острова съ многочисленнымъ населеніемъ. Страна эта называется Голландіею или Нидерландами, т. е. низменною страню.

Путешественникъ, который пріѣдетъ въ Голландію изъ другихъ странъ Европы, послѣ того, какъ онъ уже осмотрѣлъ множество цвѣтущихъ городовъ, стяжавшихъ себѣ всесвѣтную славу своимъ блескомъ, торговлею и промышленностью, будетъ пораженъ этимъ уголкомъ міра, гдѣ все—природа, народъ, его нравы, обычаи, произведенія рукъ человѣка—носятъ на себѣ отпечатокъ въ высшей степени оригинальный. Чѣмъ болѣе вглядываешься въ Голландію и узнаешь ея прошлую судьбу, тѣмъ болѣе изумляешься энергіи, упорной дѣятельности, геркулесовской силѣ этого народа. Съ горстью людей страна эта сумѣла отстоять свою независимость, безъ всякихъ каменоломенъ создала громадныя города и зданія, сильно обдѣленная лѣсомъ, она уже съ давнихъ временъ имѣла громадныя корабли, ходившіе по всѣмъ морямъ и нѣкогда оспаривавшіе первенство у другихъ морскихъ державъ; несмотря на неплодную почву, въ ея городахъ уже давно образовались богатѣйшіе рынки рогатаго скота. Но всего изумительнѣе то, что все, что вы видите въ Голландіи,—ея богатая земля, ея роскошные города и замѣчательно опрятныя села, которыя имѣютъ видъ городовъ, обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно своему народу; онъ создалъ все это на землѣ, отнятой у моря. Ровная и плоская, изрѣзанная заливами и бухтами, со множествомъ внутреннихъ озеръ, омываемая рѣками, которыя разлѣваются на множество маленькихъ рѣчекъ, страна эта вѣчно была театромъ жестокой борьбы между землею и водою. Голландцы и до сихъ поръ ведутъ со стихіями

вѣчную, неустанную борьбу за свое существованіе. Ихъ колоссальныя шлюзы, каналы, плотины и множество другихъ построекъ защищаютъ ихъ отъ моря и рѣкъ, которыя въ первую минуту оплошности грозятъ тотчасъ ихъ затопить. Эти замѣчательныя голландскія постройки поглотили гораздо болѣе труда, денегъ и человѣческихъ жизней, чѣмъ всѣ пирамиды и вавилонскія башни, взятыя вмѣстѣ.

Несмотря однако на то, что человѣкъ борется здѣсь съ незапамятныхъ временъ, мощныя и грозныя силы нидерландской природы и теперь часто преодолеваютъ его, и воды, пренебрегая всѣми человѣческими усиліями и затратами, пролагаютъ себѣ новые пути и погребаютъ людей вмѣстѣ съ земляною глыбой, которую они такъ долго отстаивали. Путешественника по Италіи обыкновенно поражаетъ, какимъ образомъ жители городовъ и селъ, лежащихъ у Этны и Везувія, не обращая никакого вниманія на опаснаго сосѣда, усердно воздѣлываютъ свои сады и поля, живутъ безопасно и весело. Въ Голландіи, по крайней мѣрѣ въ большей части ея мѣстностей, народъ живетъ въ постоянной борьбѣ съ силою волнъ и выказываетъ при этомъ не меньшую отвагу и всегда одинаковое присутствіе духа. Океанъ во время бури сильно напираетъ своими волнами, глубоко врѣзывается внутрь страны и дѣйствуетъ несравненно разрушительнѣе и неумолимѣе потоковъ лавы огнедышащихъ горъ. Какъ въ нынѣшній вѣкъ, такъ еще чаще въ прежнія времена, здѣсь рѣдко затопляло цѣлыя области. Лѣтописи Нидерландской исторіи наполнены наводненіями, страшными бѣдствіями и гибелью цвѣтущихъ и многочисленныхъ городовъ. Во время бурь море съ корнями выворачиваетъ деревья, какъ пыль сметаетъ съ поверхности земли кустарники и растительность, тысячами губитъ людей, сноситъ ихъ жилища, стираетъ съ лица земли многочисленные острова. Богатая область превращается послѣ этого въ песчаную отмель или въ опасное болото. Когда море вгоняетъ внутрь земли совершенно новый, глубокій рукавъ, жители стараются воспользоваться имъ для судоходства; на новыхъ берегахъ возникаютъ торговые города и продолжаютъ существовать, пока рукавъ не высохнетъ.

Въ какой бы мѣстности Голландіи вы ни путешествовали, вы вездѣ будете чувствовать въ воздухѣ легкій запахъ торфа. Голландія—отечество торфа, и въ ней почти всюду, гдѣ больше, гдѣ меньше, подъ слоемъ глины или песку можно встрѣтить эту черную и смолистую землю, которую жители употребляютъ, какъ топливо.

Въ жаркій, лѣтній день вы рѣдко отдохнете здѣсь подъ тѣнью вѣтвей какого-нибудь дерева. За исключеніемъ весьма немногихъ мѣстностей, гдѣ вы встрѣтите лѣсъ, Нидерланды можно назвать совершенно безлѣсною страной. Если вы путешествуете съ юга Фландріи и подвигаетесь къ сѣверу Голландіи, васъ прежде всего поразитъ постепенное исчезновеніе лѣсовъ. Вблизи Антверпена вы замѣчаете ихъ послѣдніе остатки. Къ сѣверу отъ Шельды вовсе нѣтъ лѣсовъ, и вся Зеландія совершенно безлѣсна. Бельгія, въ которой тоже мало лѣсовъ, сравнительно съ безлѣсною Голландіею является лѣсною страной. Главная причина этого—сильныя западные вѣтры, приносящіе съ моря много соляныхъ частицъ, разрушительно дѣйствующихъ на растенія. Это прежде всего видно изъ того, что, чѣмъ болѣе приближаешься къ берегу, тѣмъ очевиднѣе уменьшается число деревьевъ. Наконецъ, ихъ можно встрѣтить только въ садахъ, близъ небольшихъ домиковъ, но чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ рѣже вы ихъ встрѣчаете, и, наконецъ, они совершенно исчезаютъ; тогда начинаются пустыни дюнъ, а за ними безконечное водяное пространство.

Посмотрите вокругъ себя: ландшафтъ, который въ большинствѣ случаевъ представляется здѣсь вашему взору,—ровная и плоская мѣстность безъ холмовъ. Васъ вездѣ преслѣдуетъ одна картина—безконечныя зеленые дуга, длинные каналы и ряды какихъ-то странныхъ стѣнъ у береговъ. Блѣдное небо не ослѣпляетъ здѣсь южнымъ

блескомъ: оно обыкновенно совершенно безцвѣтно и не сливается вдаль съ туманными очертаніями горъ. На широкой равнинѣ вездѣ стоятъ вѣтряныя мельницы, какъ стражи страны, махающія своими длинными, неуклюжими крыльями. Зато, гдѣ бы вы ни стояли, вы на далекое пространство охватите вашимъ взоромъ разстилающуюся передъ вами картину мѣстной природы. Вотъ тамъ рѣзко выдается церковная колокольня или хлѣбная мельница, и затѣмъ вы не найдете ни одного высокаго пункта: ни горы, ни зеленого холма, ни крутой тропинки, ведущей на вершину, съ которой вы могли бы полюбоваться хорошимъ видомъ, ни скалъ, ни грохочущихъ и падающихъ водопадовъ, ни ущелій, ни шумящихъ родниковъ. Вы очень много встрѣчаете большихъ и маленькихъ рѣкъ, еще чаще каналы, здѣсь и тамъ подернутые водяною растительностью: вамъ кажется, что корабли на нихъ плывутъ точно среди луговъ. Красивые, чистые, маленькіе домики чрезвычайно похожи другъ на друга. Чаще всего плоская, зеленѣющая равнина усѣяна овцами и коровами. Вездѣ ивы, вода, но стоячая вода въ узкихъ ложахъ, безъ извивовъ, такъ разнообразящихъ всякую мѣстность.

На днѣ длинныхъ, прямыхъ нидерландскихъ каналовъ вы не увидите чистыхъ камешковъ. Здѣсь вода не шумитъ и не журчитъ, не течетъ быстро, а какъ-то беззвучно скользитъ; она не говоритъ чувству, не возбуждаетъ фантазіи. На днѣ ея не живутъ нимфы, онѣ не влекутъ къ себѣ въ свои стеклянные дворцы, не заглядываютъ на юныхъ рыбаковъ. Даже вода здѣшнихъ озеръ не представляетъ никакой таинственности. Вода и земля въ Голландіи не такъ отдѣлены другъ отъ друга, какъ у насъ: въ самомъ центрѣ прелестнаго зеленого лужка, гдѣ блеститъ сочная трава, выглядываютъ стебли тростника. Вода повсюду, вода вездѣ. Вы видите кругомъ овраги, каналы, рѣки, пруды и озера. Глядя на эту картину, каждый готовъ спросить: да что такое Голландія—суша или вода? Она скорѣе всего представляется необъятнымъ пространствомъ воды—океаномъ, повсюду перерѣзаннымъ полосами твердой земли. Какое наслажденіе лѣтомъ представляетъ эта страна для дѣтей! Они полощутся, скорѣе они живутъ цѣлыми днями въ водѣ! Какія катанья и рыбныя ловли предпринимаютъ они! Зимой эти необъятныя пространства воды покрываются льдомъ, и тогда всѣ, отъ мала до велика, скользятъ на конькахъ по гладкой поверхности.

Вотъ летитъ безконечная цѣпь молодыхъ дѣвушекъ, которыя крѣпко держатъ другъ друга за руки. По замерзшимъ каналамъ скользятъ на конькахъ люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ классовъ общества: взрослые и малые, богатые и бѣдные, высокопоставленные и простые, ремесленники и торговки,—и они бѣгаютъ по льду не только для удовольствія: рабочіе спѣшатъ на фабрики и въ мастерскія, торговки мелочью и молочницы несутъ на головахъ свой товаръ, пасторъ спѣшитъ къ одру умирающаго, докторъ къ своему пациенту, всѣ, какъ стрѣла, летятъ на конькахъ по гладкой поверхности. Группы дѣтей съ кожаными ранцами за спиной бѣгутъ на конькахъ въ свои школы. Еще болѣе оживленной и веселой гурьбой скользятъ дѣти во время рекреаций. Послѣ окончанія занятій въ школахъ каналъ покрывается цѣлой толпою учащихся обоего пола. Десятки дѣтей бѣгаютъ на конькахъ, сталкиваются другъ съ другомъ, догоняютъ одинъ другого. Маленькія дѣти, едва начинающія ходить, тоже бѣгутъ на конькахъ, цѣпляясь за юбки своихъ матерей; крестьянки съ грудными дѣтьми не отстаютъ отъ другихъ, несмотря на то, что за плечами привязаны яркими шалами ихъ крошки съ разрумнявившимися щечками. По временамъ между скользящими на конькахъ пролетаетъ кресло на полозьяхъ, заваленное подушками и грѣлками, въ которомъ сидитъ дама, богато одѣтая; это кресло подтал-

киваетъ лакей. А это же что? Да это настоящій корабль мчится на всѣхъ парусахъ. Какъ же онъ мчится по льду? Эти корабли, которые зимою летятъ по всѣмъ большимъ пространствамъ, покрытымъ льдомъ, устроены на полозьяхъ и снабжены огромными парусами, нерѣдко большихъ размѣровъ, нежели паруса судовъ, плавающихъ по водѣ. Эти суда управляются рулемъ и, кромѣ того, для остановки или уменьшенія ихъ хода устроена особая машина. Нѣкоторые изъ этихъ судовъ раззолочены, раскрашены яркими красками и снабжены флагами, которые развѣваются на вершинѣ ихъ мачтъ; другіе бѣлые, какъ снѣгъ, съ такими же бѣлыми парусами, напоминаютъ лебедей, которые плывутъ по теченію. А вотъ и самой разнообразной формы и величины лодки на полозьяхъ; онѣ подвигаются впередъ съ распушенными знаменами и на всѣхъ парусахъ.

Здѣсь, куда вы ни оглянетесь, на первомъ мѣстѣ—терпѣніе человѣка и его предусмотрительность, а природа—послушное орудіе въ его рукахъ. Плотины и запруды, которыя онъ насыпалъ, каналы, которые онъ вырылъ, доказываютъ, что человѣкъ, какъ предусмотрительный школьный учитель, взялъ всю природу подъ свой надзоръ. Вода течетъ по его желанію, гдѣ и какъ это ему понадобилось; деревья онъ насадилъ вдоль дорогъ, и онѣ тянутся рядами; трава растетъ до предписанной ей высоты, и садовыя растенія размѣщены однообразно, сорныхъ травъ, этихъ свободныхъ дѣтей природы, въ Голландіи почти не существуетъ. Но все это не слѣдуетъ понимать слишкомъ буквально. Въ сѣверныхъ и восточныхъ провинціяхъ тянутся торфяныя болота. Рощи и дикіе пустыри перемежаются съ хорошо обработанными оазисами деревень и неразлучно съ ними—пространства съ цвѣтущими травами, распространяющими въ воздухѣ чудное благоуханіе, съ сосновыми и дубовыми лѣсами, представляющими прелестные виды среди однообразной и печальной степной плоскости. Тамъ и здѣсь вы встрѣчаете и рощи изъ сосенъ и маленькихъ дубовъ, а еще чаще пространства, покрытыя верескомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нидерландовъ найдете и глубокія воды съ извилистыми берегами, кое гдѣ даже водопады въ шесть, семь футовъ высоты. Чаще всего, однако, взору путешественника представляется картина, которую мы описали выше. Но за-то вслѣдъ за встрѣчей здѣсь замѣчательно чистенькіе, красивые домики, которые привѣтливо выглядываютъ изъ-за зелени деревьевъ. Хотя вода здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, не окаймляется извилистыми берегами, она все-таки оживляетъ и разнообразитъ мѣстность. Какъ серебрянымъ поясомъ, опоясываетъ она богатые луга и заманчиво мелькаетъ черезъ листву ивъ. Голландія похожа на картинку, на прелестно снятую фотографію—такая она чистенькая, аккуратная, красивая. Тѣмъ не менѣе вы чувствуете, что и надъ этой прелестной страной-картинкой паритъ гений торговли и промышленности.

Первое впечатлѣніе, которое оставляетъ Голландія,—что это страна вѣтряныхъ мельницъ и каналовъ: такъ часто тѣ и другіе мелькаютъ передъ вашимъ взоромъ. Разсмотримъ же ихъ поближе. Изъ земли, нерѣдко на небольшомъ возвышеніи, подымается толстый, обыкновенно безобразный конусъ, сильно суживающійся къверху. По срединѣ его находится неуклюжая галлерей, наверху круглая, безобразная крыша-шапка, точно обрубленная съ одной стороны; здѣсь выдаются крылья, широкая поверхность которыхъ обращена въ разныя стороны. Эти крылья рѣдко бываютъ короче 80-ти футовъ, но многія даже длиннѣе 120-ти футовъ. Когда они медленно и тяжело двигаются, то имѣютъ видъ огромнаго паука. Нѣкоторыя изъ этихъ мельницъ похожи на твердо укрѣпленныя башни, другія поменьше выстроены изъ кирпича или дерева и при этомъ нерѣдко ярко разрисованы.

Тамъ, гдѣ почва болѣе разнообразна, главною двигательною силою для подобныхъ построекъ обыкновенно служитъ проточная вода, но здѣсь большею частью вода стоячая, и поэтому ихъ двигаетъ вѣтеръ. Эти вѣтряныя черпальныя мельницы вычерпываютъ лишнюю воду и такимъ образомъ высушиваютъ почву. Безъ нихъ многія мѣстности до сихъ поръ были бы покрыты болотами. Вся сѣверная Голландія отъ одного конца до другого покрыта такими мельницами. Онѣ самой разнообразной формы и величины и оказываютъ странѣ громадныя и весьма разнообразныя услуги. Однѣ изъ нихъ, какъ мы уже говорили, вычерпываютъ огромное количество воды, другія мелютъ хлѣбъ, нѣкоторыя пилятъ дрова, выдавливаютъ масло, растираютъ табачныя листья, дѣлаютъ бумагу, выколачиваютъ пеньку, мелютъ кофе и шоколадъ. Чтобы построить мельницу, приноровленную къ промышленному предпріятію, необходимъ огромный капиталъ, иногда въ 100 тысячъ рублей на наши деньги и болѣе. Ни одно легкое дыханіе вѣтерка не можетъ ускользнуть отъ нихъ. Ихъ движеніе—комически медленное, точно толстая старая голландка дѣлаетъ торжественный скачекъ, и все общество подражаетъ ея движенію. Нѣкоторыя, впрочемъ, вертятся живо и весело, но такихъ меньше.

Художники часто изображаютъ мельницы, но берутъ обыкновенно для своихъ картинъ одинъ родъ ихъ, именно хлѣбныя мельницы. И это не безъ причины: кругомъ ихъ кипитъ дѣятельная голландская жизнь; онѣ построены обыкновенно на болѣе красивыхъ мѣстностяхъ. Въ большихъ хлѣбныхъ мельницахъ мельникъ живетъ съ своею семьей, между тѣмъ какъ черпальныя мельницы—машины безъ всякаго человѣческаго жилья. Къ хлѣбной мельницѣ подходитъ обыкновенно голландскій крестьянинъ со своимъ осломъ, который непремѣнно навьюченъ мѣшкомъ съ мукою. Мельникъ, весь покрытый бѣлымъ, облокотившись на мѣшокъ, болтаетъ съ собравшимися вокругъ него крестьянами. Вообще около хлѣбной мельницы вы можете наблюдать самыя живописныя сцены голландской жизни. Къ нимъ стекается не только трудовой людъ, но и гуляющіе, такъ какъ хлѣбныя мельницы строятся на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ этой ровной страны.

Еще чаще, чѣмъ мельницы, вы встрѣчаете въ Голландіи каналы. Голландцы устраиваютъ каналы въ каждомъ уголкѣ, который природа забыла снабдить рѣкою или ручьемъ. Поэтому каналы тянутся во всѣ стороны и перекрещиваютъ страну по всѣмъ направленіямъ. Куда бы вы ни шли—впереди, сзади, направо или налево, передъ вами всегда какой нибудь каналъ. Эти водяныя улицы идутъ отъ города въ городъ, проходятъ почти мимо всякой деревни, даже отъ одной дачи къ другой. Каждый городъ, каждое мѣстечко соединяется съ своими окрестностями цѣлою сѣтью каналовъ. Они служатъ не только путями сообщенія, но и стокомъ лишней воды, оградой для полей, луговъ и садовъ, помогаютъ ихъ орошать во время засухъ, даже дома часто окружены этими водяными улицами. Какъ въ другихъ странахъ имущество защищаютъ изгородями, заборами, стѣнами, здѣсь его охраняютъ каналами. Голландія—страна каналовъ; въ ней ихъ не только болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но они здѣсь больше и шире, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Въ каналахъ другихъ странъ едва могутъ развѣхаться два корабля, здѣсь же многіе изъ нихъ шириною въ 60 футовъ и болѣе. Тѣ каналы, которые впадаютъ въ море, снабжены огромными шлюзами, защищающими ихъ отъ вторженія морскихъ волнъ во время прилива. Большая часть каналовъ лежитъ выше прилегающихъ къ нимъ полей и луговъ. Гуляя поднимите голову вверхъ, и вы часто не только не увидите воды въ каналѣ, но даже кораблей на нихъ; развѣваются только бѣлые, красные паруса, которые точно разгуливаютъ по лугамъ и полямъ. Каналы, вырытые внутри страны

для мореходныхъ цѣлей, принадлежать къ числу такихъ сооружений, которыми голландцы имѣютъ полное право гордиться. Чудо Голландіи — «Сѣверо-Голландскій каналъ», который шириною можетъ поспорить съ любой рѣкой; онъ считается самымъ большимъ не только въ Голландіи, но и во всей Европѣ.

БОРЬБА СЪ ПРИРОДОЮ.

Наводненія и несчастія. — Море — врагъ и защитникъ голландцевъ. — Плотины, шлюзы и дюны. — Ихъ значеніе. — Осушеніе озеръ и болотъ. — Гарлемское озеро: его прошлое и настоящее.

У истоковъ трехъ большихъ рѣкъ — Рейна, Мааса и Шельды — расположена страна, называемая Голландіею или Нидерландами. Большая часть этой области — продуктъ наносовъ этихъ рѣкъ. Голландія защищена отъ прибоя морскихъ волнъ искусственно и сдѣлалась годною для обитанія только благодаря неусыпному труду человѣка. Вода служила началомъ существованія страны, и отъ воды же она испытала и теперь еще нерѣдко испытываетъ множество перемѣнъ, которыя иногда придаютъ совершенно другой характеръ ея мѣстностямъ.

Лѣтописи Нидерландъ переполнены описаніями наводненій и несчастій, которыя слѣдовали за ними. Даже въ нашемъ столѣтіи въ Голландіи уже было нѣсколько наводненій, которыя произвели въ ней страшныя опустошенія. Вотъ какъ описываютъ наводненіе 1855 г. Зима въ этомъ году стояла очень холодная; Рейнъ замерзъ. Весна началась внезапно; ледъ сталъ сразу таять въ верховьяхъ Рейна и Мааса, между тѣмъ какъ устья этихъ рѣкъ были еще скованы льдомъ. Когда ледъ взломало на верховьяхъ, теченіе понесло его со всею силою къ Нидерландамъ, гдѣ рѣки еще были покрыты льдомъ. Столкновеніе произошло ужасное: ледяныя глыбы надвигались другъ на друга, громоздились и съ каждымъ мгновеніемъ готовы были рухнуть. Вдругъ ледъ съ трескомъ и стономъ разсѣлся; вода, подавляемая тяжелыми льдинами, усиленная напоромъ съ верховьевъ, не знаетъ болѣе границъ. Рѣка реветъ, льдины сталкиваются, трещатъ, падаютъ и опять встаютъ; вода растетъ съ каждою минутой и наконецъ съ необыкновенной быстротою и силою хлынула изъ своихъ береговъ. Это была страшная минута. Самыя прочныя и высокія плотины были опрокинуты, какъ карточные домики; вся страна потонула въ водѣ: это былъ уже не разливъ могучей рѣки, а настоящій потопъ. Льдины бѣшено мечутся, сталкиваются, опрокидываютъ и уничтожаютъ все, что встрѣчаютъ на пути. Огромные дубы поломаны и съ трескомъ падаютъ въ воду, которая все прибываетъ. Со всѣхъ сторонъ волны ревуть, какъ стада голодныхъ волковъ. Четверть провинцій Гельдерна и Утрехта уже потонула въ водахъ Рейна; часть сѣвернаго Брабанта исчезла въ водахъ Мааса. Нѣтъ болѣе красивыхъ рощъ, зеленыхъ луговъ, отлично воздѣланныхъ голландскихъ нивъ: все погибло, все потонуло, что было ниже уровня этихъ двухъ рѣкъ. Во многихъ мѣстахъ вода стоитъ надъ крышами домовъ; легкія лодки борются съ волнами посреди плавающихъ и сталкивающихся льдинъ. Всѣ плотины, всѣ мосты снесены. Унылый звонъ набата раздается въ воздухѣ; одинъ пушечный выстрѣлъ слѣдуетъ за другимъ. Народъ съ плачемъ и отчаяніемъ мечется во всѣ стороны. Съ наступленіемъ ночи ужасъ жителей увеличивается съ каждою минутой, а врагъ все идетъ впередъ — мрачный, грозный, свирѣпый. Жители бѣгутъ, куда попало: прячутся въ церквахъ и мельницахъ, построенныхъ на возвышенностяхъ, взбираются на холмы и съ крикомъ отчаянія слѣдятъ за гибелью своихъ домовъ, гдѣ у нихъ

остались жены и дѣти. Посреди пѣны разъяренныхъ волнъ и блестящихъ льдинъ мелкають то здѣсь, то тамъ крыши домовъ, столы, стулья, тѣла потонувшихъ людей и животныхъ.

Наводненія прежнихъ временъ, когда искусство голландца защищать себя не было еще доведено до такого совершенства, происходили несравненно чаще и имѣли гораздо болѣе несчастныя послѣдствія. Въ 1421 году море затопило плодороднѣйшую и населеннѣйшую полосу земли между южною Голландіею и сѣвернымъ Брабантомъ; при этомъ погибло 62 цвѣтущихъ деревни и 100 тысячъ жителей. Теперь на этомъ мѣстѣ находится необозримая, болотистая, состоящая болѣе чѣмъ изъ сотни островковъ страна, называемая «Бисбошъ», т. е. ситниковый лѣсъ. Въ настоящее время голландцы все суживаютъ это пространство, съ каждымъ годомъ отрываютъ у царства воды по клочку земли. Но до сихъ поръ еще 22 деревни и 2 монастыря съ своими церквами, кровли которыхъ еще виднѣются во время отлива, ждутъ своего освобожденія изъ темной пучины. Если море постоянно старается расширить свое царство, то и люди съ своей стороны принимаютъ всѣ мѣры, чтобы ограничить его владѣнія. Такъ напр. Брюгге до XII столѣтія былъ морскою гаванью и окрестности его были болотами; теперь океанъ далеко отбѣжалъ отъ этого города.

Тяжелый опытъ заставилъ нидерландцевъ уже давно усердно заниматься всевозможными сооружениями для защиты отъ моря и рѣкъ. Несмотря однако на усовершенствованныя плотины, неумолимая стихія нерѣдко вновь являлась во всеоружіи своей силы: такъ было въ 1682 году. Тогда сломаны были самыя крѣпкія плотины, погибли цѣлыя деревни и было найдено до 6 тысячъ труповъ. Отъ наводненія 1717 года сильно пострадала Фрисландія, Гронингенъ и Оверъ-Иссель: оно погубило 12 тысячъ человекъ, 16 тысячъ лошадей, 30 тысячъ овецъ, 50 тысячъ рогатаго скота и безчисленное множество мелкихъ животныхъ. Наводненія 1739 и 1740 годовъ покрыли въ провинціяхъ Голландіи и Гельдернѣ 165,550 моргеновъ земли (моргенъ — около четверти нашей десятины). Съ тѣхъ поръ, какъ астрономы могутъ точно опредѣлять наступленіе прилива и отлива и среднюю высоту моря, страхъ передъ моремъ менѣе ужасенъ. Къ тому же бдительный надзоръ за плотинами оказался лучшимъ средствомъ противъ наводненій. Но когда происходятъ какія нибудь особенно неблагопріятныя явленія природы, тогда всякая наука уступаетъ силѣ разъяренной стихіи. Въ февралѣ 1825 г. опасный сѣверо-западный вѣтеръ такъ взволновалъ море, что его волны съ ревомъ перебрасывались черезъ плотины. На этотъ разъ море застало жителей ночью, въ кроватяхъ, и воды такъ быстро разошлись по Зеландіи, что не только жители не успѣли спастись, но даже зайцы и другія животныя потонули тысячами. Провинціи: Голландія, Оверъ-Иссель, Зеландія и Фрисландія страшно пострадали. Плотины, единственная надежда приведенныхъ въ отчаяніе жителей, были разрушены: семь тысячъ домовъ стояли подъ водою, множество людей потонуло.

Море, кажется, никогда не можетъ забыть, что Нидерланды нѣкогда произошли изъ ея пучины, и потому никогда не отказывается отъ попытки вновь завоевать эту страну. Даже медленный Рейнъ дѣлается страшнымъ союзникомъ. Губить страну помогаетъ и такое явленіе природы: нерѣдко вода подымается на воздухъ на довольно большую высоту, чтобы оттуда сразу низвергнуться на несчастныхъ жителей. Такъ въ 1839 году надъ Брабантсмъ разразился огромный водяной смерчъ; онъ разрушилъ 22 зданія и потопилъ 74 человекъ. Въ концѣ 1849 года одинъ англійскій астрономъ предсказалъ на 28-е декабря чрезвычайно высокій приливъ. Чтобы не быть захваченнымъ върасплохъ, были приняты всевозможныя предосторожности,

но астрономъ нѣсколько обсчитался: наводненіе, котораго ожидали 28-го, наступило 27-го. Это было страшное наводненіе: приливъ былъ не одинъ, но, что совершенно безпримѣрно, произошло 6 приливовъ одинъ за другимъ. Однако вредъ, благодаря принятымъ мѣрамъ, былъ не очень значительный. Жители уже надѣялись на благоприятный исходъ, какъ въ одну изъ ночей пошелъ сильный снѣгъ, который накопился въ огромныхъ количествахъ на Шварцвальдѣ и Арденнахъ. «Что будетъ съ нами», спрашивали другъ у друга жители, «если внезапная оттепель сразу растопитъ этотъ снѣгъ?» Несчастье превзошло всѣ ожиданія. Сильные дожди содѣйствовали внезапной оттепели, и отъ растаявшихъ сразу массъ снѣга вода въ ручьяхъ и рѣкахъ переполнилась и вышла изъ береговъ. Рейнъ и Маасъ излили на страну огромное количество воды. Наводненіе было такъ велико, что обширныя мѣстности были сплошь затоплены, и среди неизмѣримо громадной грязной равнины водъ виднѣлись только дымовыя трубы и верхушки деревьевъ. Народу погибло не много, но многія тысячи людей лишились всего своего имущества.

Споръ между водою и землею далеко еще не кончился, но раньше было несравненно хуже. До XIII-го ст., въ большей части мѣстностей Голландіи, вмѣсто нынѣшнихъ полей, тянулись лишь безконечныя болота; озера имѣли тогда видъ морей,—такъ были они велики, такія громадныя пространства затопляли они кругомъ; заливы и бухты были несравненно глубже и врѣзывались въ самое сердце страны. Надъ этой необъятной массой водныхъ пространствъ свирѣпствовали вѣчные туманы и бури. Рѣки несравненно чаще, чѣмъ теперь, разливались по странѣ, и хотя жилища первыхъ обитателей лѣпились по возвышенностямъ и пригоркамъ, но жестокіе разливы и наводненія настигали ихъ и здѣсь и еще безпощаднѣе губили народъ и его имущество. Торфяники, болота, пловучіе острова, громадные лѣса составляли сушу. Небо этой влажной земли было постоянно покрыто облаками, которыя сгущались въ туманы; вѣтеръ, дождь и бури смѣняли другъ друга. Такова была страна, которую пришлось оздоровить, защитить противъ напора волнъ, отвоевать у рѣкъ и моря. Изъ такой страны создать цвѣтущее государство, какимъ является Голландія въ настоящее время, осушить ея безконечныя болота, увеличить во много разъ пространство земли, годной для обработки и устройства жилищъ, заковать плотинами рѣки, чтобы онѣ меньше приносили горя людямъ своими разливами, смирить океанъ,—это истинное торжество человѣка надъ природою. И голландцы вѣчно торжествуютъ надъ природою, такъ какъ они и въ настоящее время вынуждены вести борьбу съ силою волнъ; они и теперь еще продолжаютъ отнимать у моря затопленные имъ земли, защищать себя отъ его вторженій. Цѣлая армія инженеровъ разбѣяна по странѣ и зорко наблюдаетъ за моремъ и рѣками. Издержки на ремонтъ и устройство всевозможныхъ сооружений противъ водяной стихіи разложены отчасти на государство, отчасти на народъ. Самый ничтожный недосмотръ — и наступаетъ опасность, которая можетъ погубить множество людей. Когда какой нибудь мѣстности грозитъ малѣйшая опасность, происходитъ наводненіе или другое несчастье, немедленно возникаютъ вѣтряныя мельницы, проводятъ каналы, и черезъ нѣкоторое время, глядишь, дружными усиліями вырываютъ у моря затопленный клочекъ земли. Вѣчный, неустанный трудъ надъ разнообразными сооружениями для защиты отъ ярости волнъ заставляетъ голландцевъ все болѣе усовершенствовать ихъ: плотины, каналы, мельницы, ворота, запирающія бухты во время приливовъ — съ каждымъ годомъ становятся солиднѣе, цѣлесообразнѣе, однимъ словомъ лучше качествомъ и быстро увеличиваются въ числѣ. А море вѣчно бьется о гранитъ, съ дикимъ ревомъ высоко поднимаетъ свои волны надъ самыми блестящими сооружениями и каждую минуту

точно посылаетъ вызовъ человѣку, грозя уничтожить всѣ плоды его тяжелыхъ трудовъ.

Голландцы съ каждымъ годомъ увеличиваютъ количество своей земли: осушая свои безконечныя болота, они ежегодно приобрѣтаютъ все новые клочки земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море ушло и обнажило пространства въ цѣлые десятки верстъ; это произошло оттого, что голландцы прогнали его, поднявъ почву. Въ другихъ мѣстахъ море, послѣ особенно рѣзкихъ и сильныхъ явленій въ природѣ, напримѣръ послѣ наводненій, продолжительныхъ бурь и дождей, вдругъ врѣзывается узкимъ заливомъ въ глубь страны. Очень часто голландцы не только не мѣшаютъ этому, но напротивъ очень рады, такъ какъ вновь образовавшійся заливъ открываетъ для нихъ безъ всякихъ затратъ съ ихъ стороны новый водный путь, новый способъ сообщенія между тою и другою мѣстностью. Иногда послѣ бурныхъ перемѣнъ въ природѣ въ этой странѣ образуются новые острова, перешейки, полуострова, исчезаютъ цѣлыя провинціи. Какъ бы то ни было, но всѣ подобныя явленія, а также и эта вѣчная борьба человѣка съ силою волнъ и всевозможныя сооруженія для самозащиты совершенно измѣнили первоначальную карту Голландіи и очертанія ея береговъ.

Однако море, этотъ злѣйшій врагъ голландцевъ, является въ то же время и ихъ защитникомъ, кормильцемъ, даже источникомъ ихъ колоссальныхъ богатствъ. Оно создало города, которые еще недавно стояли на самомъ берегу, а теперь отдѣлены отъ него, и нерѣдко на значительное разстояніе. Въ этихъ случаяхъ море то самостоятельно отступало, то люди заставляли его отодвинуться. Морю обязаны нидерландцы и тѣмъ, что они уже издавна сдѣлались отважными мореплавателями. Занимаясь сначала китоловствомъ и рыбною ловлею, они постепенно стали совершать далекія морскія путешествія и на различныхъ пунктахъ земного шара захватывали все, что только можно было захватить. Море дало имъ возможность завязать торговыя сношенія съ самыми различными народами и странами; оно-же помогало имъ защищать свою страну противъ враговъ. Всѣ ихъ сооруженія, сдерживающія напоръ волнъ, въ то же время являются вѣрнѣйшимъ средствомъ для уничтоженія враговъ. Когда на нихъ нападали римляне, испанцы, французы, нѣмцы, они открывали шлюзы плотинъ; морскія и рѣчныя волны, ничѣмъ не сдерживаемыя болѣе, съ неудержимою силою неслись на вражескія арміи и губили ихъ. Такимъ образомъ въ рукахъ голландцевъ оказывается болѣе смертоносная сила, чѣмъ сила огнестрѣльнаго оружія.

Выше уже было сказано о мельницахъ и каналахъ, теперь поговоримъ о другихъ сооруженіяхъ голландцевъ. Наиболѣе важное значеніе имѣютъ плотины, шлюзы и дюны.

Устройство плотинъ для ограниченія рѣчныхъ разливовъ было извѣстно въ глубокой древности; но что касается до морскихъ плотинъ, устраиваемыхъ съ цѣлью положить предѣлъ морскимъ наводненіямъ или освободить землю изъ-подъ морскихъ водъ, то мы не знаемъ, чтобы подобнаго рода работы, въ размѣрахъ сколько-нибудь значительныхъ, были гдѣ-либо предприняты ранѣе, чѣмъ въ Нидерландахъ. Полагаютъ, что устройство плотинъ для огражденія отъ затопленія побережныхъ островковъ и для ограниченія разлива прѣсныхъ водъ началось въ Нидерландахъ уже въ 8-мъ столѣтіи, но сооруженіе большихъ морскихъ плотинъ не восходитъ далѣе 13-го столѣтія.

По вычисленію разныхъ ученыхъ, вслѣдствіе устройства плотинъ и осушенія мелкихъ бухтъ и озеръ, нидерландское земледѣліе приобрѣло такое количество земель, которое равняется десятой части всего нидерландскаго королевства.

Нерѣдко случалось однако, что море мѣстами прорывало плотины или, лучше

сказать, пробивало въ нихъ брешь и вновь затопляло пространства, на осушеніе которыхъ были затрачены громадныя дѣньги. Иногда затопленныя пространства снова освобождались изъ-подъ водъ посредствомъ выкачиванія и поправки плотинъ, но случалось, что они навсегда гибли для земледѣлія. Сооруженіе плотинъ требуетъ громадныхъ капиталовъ и затраты времени; но голландцы ничего не жалѣютъ: множество тяжелыхъ испытаній дали народу возможность ясно понять, что безъ этихъ искусственныхъ сооружений Голландія навсегда осталась бы необитаемою страню.

Голландскія плотины устроены очень разнообразно, смотря по характеру препятствій, которыя имъ приходится преодолевать. Въ большинствѣ случаевъ онѣ состоятъ изъ простыхъ насыпей земли, песку и глины, служащей отличнымъ цементомъ; нерѣдко онѣ состоятъ изъ насыпей, укрѣпленныхъ сваями и каменными стѣнами. При этомъ прежде всего стараются, чтобы плотина была построена на прочномъ фундаментѣ, и потому землю, которая находится подъ ними, крѣпко утрамбовываютъ. Считаютъ также не менѣе необходимымъ, чтобы плотины были достаточно широки и высоки, чтобы не допускать наводненія во время прилива. Впрочемъ, высота и толщина плотинъ мѣняется, смотря по высотѣ охраняемаго мѣста, по направленію господствующихъ вѣтровъ и по другимъ мѣстнымъ соображеніямъ; большею частью ихъ дѣлаютъ отъ 15 до 20 футовъ выше уровня воды во время прилива. На откосахъ рѣчныхъ плотинъ разводятъ ивнякъ или другія растенія; ихъ также всегда скрѣпляютъ камнемъ или фашинами. Нерѣдко плотины устраиваютъ на сваяхъ, которыя глубоко вколачиваютъ въ морское дно. Вдоль Фрисландскаго берега, гдѣ нѣтъ дюнъ, на пространствѣ 150 миль вколоченъ тройной рядъ свай изъ сосны. Свай соединены одна съ другой толстыми поперечными перекладами и закрѣплены желѣзными скобами. Промежутки между сваями наполнены камнями. За этими сваями устроена земляная насыпь, нижняя часть которой выложена камнемъ. Большая Гельдернская плотина идетъ на 5 миль въ длину. Самый сильный приливъ не достигаетъ ея вершины, подошва же ея всегда омывается волнами, даже при самомъ сильномъ отливѣ. На нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого устроены громадныя быки, которыхъ высота и ширина пропорціональны высотѣ и ширинѣ плотины. Эти быки даже прочнѣе построены, чѣмъ плотина, и вдаются въ море на нѣсколько сотъ футовъ.

Можно себѣ представить, какіе капиталы приходится затрачивать на эти плотины голландцамъ, которые не имѣютъ ни лѣсовъ, ни каменоломень. Весь гигантскій искусственный берегъ Гельдернской плотины состоитъ изъ норвежскаго гранита, лѣсъ же привозятъ изъ Швеціи и Германіи. Кромѣ того, плотины требуютъ постоянной починки; сваи приходится перемѣнять лѣтъ черезъ 5, 6, а плетень каждые 3, 4 года. Вы встрѣтите въ Голландіи очень много ивъ; ихъ нарочно разводятъ на большихъ пространствахъ для починки плетня плотинъ. Большая часть провинціи Зеландіи защищена плотинами, и одна починка ихъ въ счастливые годы, т. е. когда не случается большихъ наводненій, обходится ежегодно болѣе милліона гульденовъ. Что же онѣ обходятся странѣ въ годы наводненій? Между тѣмъ наводненія здѣсь очень часты. Гербъ этой провинціи лучше всего изображаетъ опасное и низменное положеніе земли; на немъ изображенъ плывущій левъ съ девизомъ: «я борюсь и остаюсь на поверхности». Чтобы вполнѣ понять опасность, которую Голландіи постоянно угрожаетъ океанъ, пройдите въ основаніи морской плотины. Вы услышите надъ своею головою шумный прибой волнъ, которыя одна за другой, не переставая, насккиваютъ на плотину, разбиваются и снова на нее набѣгаютъ.

Когда морскія бури собираются взять приступомъ плотины, вся страна ополчается на ихъ защиту. При первомъ признакѣ опасности, набатные колокола гудятъ

на всѣхъ башняхъ, безпрестанно раздаются выстрѣлы изъ пушекъ, и тогда всѣ бѣгутъ изъ городовъ и деревень къ наиболѣе угрожаемому мѣсту съ лопатами и заступами, паклею и тряпками. Боязливо слѣдятъ сбѣжавшіеся за движеніями бующаго и пѣнящагося моря. Какъ только появляется скважина въ плотинѣ, ее тотчасъ забиваютъ паклею, тряпками, соломой и глиной. Если вода размываетъ и это, то за трещиной дѣлаютъ полукругомъ другую земляную насыпь, чтобы вода, прорвавшая плотину, нашла себѣ новое препятствіе. Но не всегда удается задержать воду: она нерѣдко размываетъ, какъ песокъ, всякія преграды и въ минуту уничтожаетъ цѣлыя деревни и города.

Для охраненія отъ наводненій, кромѣ плотинъ, служатъ и шлюзы. Первые шлюзы были сдѣланы изъ дерева, теперь онѣ изъ камня. Чтобы понять всю силу человеческого генія, нужно осмотрѣть «большія шлюзы» въ Амстердамѣ и особенно въ Катвикѣ. Тутъ построено три ряда шлюзовъ, въ самомъ устьѣ Рейна, въ каналѣ, который помогаетъ ему добраться до моря и защищаетъ здѣсь страну отъ морского напора. Эти шлюзы—настоящая грозная и несокрушимая крѣпость. Когда бываетъ сильная буря, волны бѣшено врываються въ первыя ворота шлюзовъ, но, не имѣя возможности идти далѣе, разбиваются о вторыя ворота. Удивляешься сложному механизму, съ помощью котораго ворота открываются и сами закрываются, смотря по силѣ прибоя, по направленію вѣтра и по высотѣ волнъ. Во время полнѣйшаго отлива ворота открываютъ, и набравшаяся вода съ грохотомъ падаетъ въ море, производитъ сильное волненіе и размываетъ песокъ, принесенный къ устью.

Вся изобрѣтательность жителей направлена на охраненіе родины, и всѣ изобрѣтенія ихъ приспособлены къ нуждамъ страны.

На безконечномъ протяженіи идутъ вдоль берега Голландіи и Фландріи однообразныя, сѣровато-зеленыя дюны; эти застывшіе, песчаные холмы напоминаютъ волны. Это—горы Нидерландовъ, возвышающіяся отъ 50 до 250 футовъ. Океанъ, дикая, разрушительная сила, самъ положилъ себѣ первыя границы: онъ набросалъ вдоль береговъ цѣлые ряды песчаныхъ холмовъ (дюнь). Человѣкъ тотчасъ воспользовался этою первою помощію, укрѣпилъ эти естественные песчаные холмы и такимъ образомъ поставилъ океану новую преграду. Суровый характеръ, который онѣ придаютъ берегу, особенно поражаетъ путешественника, когда онъ въ первый разъ видитъ эти голые холмы, покрытые тощею растительностью. Подъ ногами хруститъ песокъ и шумитъ темная, сухая, косматая трава. Взойдите на вершину дюнь, и передъ вами откроется безконечное море, а цѣпь дюнь какъ бы составляетъ къ ней громадную рамку. На этихъ высотахъ воздухъ свѣжѣе, легче дышется; внизу вода сверкаетъ всевозможными переливами. Надъ зеркаломъ воды проносятся чайки, а вверху надъ вашей головой летаютъ большія вороны съ распущенными крыльями. Дюны все болѣе и болѣе подвигаются внутрь страны и часто даже засыпаютъ заселенныя мѣста. Вслѣдствіе этого жители нѣкоторыхъ мѣстностей должны были выселиться внутрь страны и построить себѣ новыя жилища.

Въ Голландіи три ряда дюнь: внѣшній рядъ холмовъ, ближайшій къ морю, состоитъ изъ рыхлаго песку, на которомъ кое-гдѣ виднѣется тростникъ и верескъ. Средній рядъ—самый высокій и самый широкій изъ всѣхъ. Между вторымъ и третьимъ рядами дюнь почти непрерывно идетъ полоса садовъ и луговъ со множествомъ крестьянскихъ домиковъ. Эта тройная гряда холмовъ, образовавшаяся отъ дѣйствія вѣтра и волнъ, служитъ естественными плотинами; тамъ, гдѣ онѣ защищаютъ берегъ, не нужно строить дорогихъ и искусственныхъ построекъ для защиты. Вслѣдствіе этого ихъ старательно поддерживаютъ: засыпаютъ трещины, а въ нѣко-

торых мѣстахъ обкладываютъ валунами. Чтобы вѣтеръ не разносилъ песка дюнь и не покрывалъ имъ сосѣднія поля и луга, на нихъ сажаютъ особаго рода камышъ, извѣстный подъ названіемъ песчаного камыша; его сажаютъ весною или осенью и защищаютъ отъ вѣтра слоемъ соломы; когда это растеніе пуститъ корни, оно связываетъ сыпучій песокъ и даетъ ему прочность. Растенія, которыя появляются здѣсь отъ времени до времени, разлагаются и образуютъ слой земли, пригодный для разведенія самаго лучшаго картофеля. Опасными врагами дюнь, кромѣ вѣтра, являются кролики, которые водятся здѣсь въ безчисленномъ количествѣ и подтачиваютъ почву. Поэтому ихъ сильно преслѣдуютъ, тщательно высматриваютъ норки и ходы этого маленькаго животнаго и тотчасъ стараются ихъ задрѣзать.

Для защиты отъ вѣшняго врага—моря голландцы построили свои плотины и шлюзы, но, къ несчастію, имъ не менѣе приходилось бороться и съ внутреннимъ врагомъ, т. е. со своими рѣками, озерами, болотами и лужами, которыя дѣлали земледѣіе совершенно невозможнымъ. Вслѣдствіе дождей, приливовъ и наводненій эти водныя пространства и непроходимыя болота все увеличивались въ объемѣ и захватывали все большія полосы обрабатываемой земли.

Въ Голландіи часто бываютъ сильныя холода; приходится много топить, а дровъ нѣтъ. Такимъ образомъ уже съ давнихъ временъ необходимость заставила голландца рыть торфъ, котораго здѣсь очень много. На мѣстахъ, гдѣ вырывали торфъ, образовались глубокія ямы; въ нихъ накоплялась вода, которая увеличивалась наводненіями, и очень часто впослѣдствіи превращала ихъ въ озера и въ громадныя лужи. Чтобы вся земля не превратилась въ одно озеро, голландцы стали придумывать разныя средства, какъ осушивать свои болота. Осушенные болота, тони и озера, сдѣлавшіяся годными для обработки, называютъ *польдерами* (польдеръ—земля, замкнутая плотинами; слово «роел» значитъ «болото» или «лужа»). Въ прежнее время, когда освобождали землю изъ-подъ воды, о машинахъ не имѣли и понятія. Въ 13 и 14-мъ столѣтіяхъ уже было осушено нѣсколько мѣстностей, и изъ болотъ и топей образовались полосы плодородной земли.

При впаденіи рѣкъ въ море во время прилива осаждается слой мелкаго или крупнаго песку. Каждый приливъ оставляетъ новый слой, они соединяются другъ съ другомъ и во время отлива, когда дно остается на нѣкоторое время непокрытымъ водою, блестятъ на солнцѣ, поэтому и называются *бликенъ*. Когда эти «бликенъ» дѣлаются очень высокими, они еще болѣе задерживаютъ осаждающійся илъ, и на нихъ вскорѣ появляется растительность. Тогда ихъ окружаютъ плотинами для защиты отъ наводненій и обрабатываютъ, какъ плодородныя пашни. Такимъ образомъ образовались первые польдеры, но когда впослѣдствіи научились пользоваться силою вѣтра, то построили вѣтряныя мельницы и изъ обнесенныхъ уже плотинами топей и озеръ стали вычерпывать воду. Съ тѣхъ поръ земледѣіе въ Голландіи дѣлаетъ громадныя успѣхи. Первые водочерпальныя мельницы были очень плохи: онѣ могли дѣйствовать только при извѣстномъ направленіи вѣтра; но мало-по-малу онѣ усовершенствовались. Въ концѣ 15-го столѣтія осушеніе болотъ шло уже весьма успѣшно; низменныя земли оаймляли плотинами, строили вѣтряныя мельницы, дѣлали каналы и резервуары для стока вычерпанной воды. Съ усовершенствованіемъ вѣтряныхъ мельницъ осушеніе начали производить въ большихъ размѣрахъ, и этимъ было положено начало развитію сельскаго хозяйства. Въ 1480 году въ провинціи Зеландія было только 93,000 моргеновъ земли, годной для обработки; 50 лѣтъ спустя ея было уже 150,000 моргеновъ. Но самые блестящіе результаты были получены посредствомъ паровыхъ двигателей. Если теперь хотятъ осушить или сдѣлать годнымъ

для обработки какое-нибудь болото или внутреннее озеро, его сначала обводят плотинами, а на углах ставят вѣтряныя мельницы. При болѣе значительныхъ предпріятіяхъ дѣйствуютъ паровыя машины. Изъ большой глубины воду иногда выкачиваютъ насосами. На плотинѣ, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, ставятъ дома, въ которыхъ живутъ подрядчики и инженеры, неумоимо слѣдящіе за работами вѣтряныхъ и паровыхъ мельницъ. Воду, вычерпанную мельницами, отводятъ въ каналъ, посредствомъ котораго она стекаетъ въ рѣку. Когда осушеніе окончено, подрядчики раздѣляютъ землю на нѣсколько правильныхъ участковъ, прокладываютъ на ней дороги, проводятъ каналы, насаживаютъ деревья. Вскорѣ здѣсь начинаютъ разрабатывать землю и строить жилища. Ничто такъ не удивляетъ иностранца, какъ видъ этихъ большихъ полейдеровъ. На ихъ границахъ, какъ испанскіе сторожа, стоятъ цѣлыя ряды вѣтряныхъ мельницъ и постоянно вычерпываютъ лишнюю воду. Большой Беестеръ-польдеръ въ сѣверной Голландіи имѣетъ 49 черпальныхъ мельницъ, которыя поднимаютъ воду на высоту отъ 1 до 4 футовъ и посредствомъ 12 каналовъ отводятъ ее въ разныя стороны. Полядеры лежатъ обыкновенно ниже остальной земли на 14—15 футовъ; такъ какъ хорошая илистая почва ихъ не требуетъ удобрения или требуетъ его очень мало, то они даютъ прекрасные урожаи и цѣнятся очень дорого. Особенно плодородны тѣ изъ нихъ, которые осушены въ недавнее время и находятся недалеко отъ моря. Иногда полядеры затопляетъ на всю зиму водой, но это имъ не вредитъ, и къ концу мая ее уже устраняютъ.

Удачная осушка небольшихъ озеръ и топей породила желаніе попытаться силы и надъ большими препятствіями. Въ 17-мъ столѣтіи удалось осушить много болотъ, и тогда приступили къ большимъ озерамъ: Беестеръ, Пермеръ и Шермеръ. Осушивъ Беестеръ, освободили изъ-подъ воды 7,214 гектаровъ прекрасной земли; озеро Пермеръ дало 3,000 моргеновъ, Шермеръ болѣе 6,000 моргеновъ. Всѣ эти полосы земли теперь обращены въ такія богатые пастбища и поля, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за одинъ моргенъ такой земли платятъ 3,000 гульденовъ.

Отъ 1608 до 1640 года было осушено 26 озеръ, въ 1820 году около 6,000 десятинъ земли было отнято у воды, въ 1844 году — 29,000 десятинъ и затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого осушили одно громадное болото Ноотдорпъ. Постройкою плотинъ и осушеніемъ отодвинули Зюдерзее дальше въ море и такимъ образомъ приобрѣли значительную полосу земли. Количество годной земли точно также увеличивается и въ Зеландіи. Въ Фрисландіи море нѣкогда поглощало одинъ участокъ земли за другимъ и такимъ образомъ образовало заливъ, простиравшійся отъ сѣверной границы до Лейвардена, теперешней столицы Фрисландіи; этотъ заливъ нѣкоторыми своими частями доходилъ также до города Шнекъ и Больсварда и назывался Мидельзее. Теперь, когда этотъ заливъ высушенъ, онъ превратился въ прекрасныя пастбища и плодороднѣйшія поля, засѣянные пшеницею. Много прекрасныхъ деревень съ зажиточными жителями стоятъ теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде бушевали морскія волны; эта мѣстность отличается особеннымъ плодородіемъ.

Обратимся теперь къ Гронингену. Изъ оконъ домовъ деревни Варсумъ видно море, но недалеко то время, когда на самомъ этомъ мѣстѣ увидятъ пасущіяся стада. Море отступаетъ все дальше и дальше и постоянно мельчаетъ вдоль береговъ Гронингена и Фрисландіи. Въ сосѣдствѣ съ деревнею Варсумъ лежитъ сѣверный польдеръ — большая полоса земли съ плодороднѣйшею илистою почвою; онъ обнимаетъ пространство въ 400 голландскихъ моргеновъ. Гдѣ прежде корабли бороздили соленую воду и весело играли рыбы, тамъ теперь играютъ ягнята и плуги бороздятъ землю. Многія сотни овецъ и коровъ ѣдятъ тутъ траву, которая родится въ замѣча-

тельномъ изобилии; болѣе полусотни лошадей обрабатываютъ пашни. Повсюду поднимаются великолѣпныя постройки, похожія на дворцы. Дома и сады окружены рвами и каналами, служащими мѣстомъ стока подземной воды и путями сообщенія. Между тѣмъ прежде здѣсь лежало огромное пустынное болото: не было ни жилищъ, ни людей, ни стадъ; раздавались только крики водяныхъ птицъ и вой дикихъ животныхъ. Посреди находилось озеро, пользовавшееся самою дурною славою, вслѣдствіе чего и называлось «чортовымъ озеромъ». Вода бурлила въ немъ съ ужаснымъ шумомъ; къ этому примѣшивалось кваканье милліона лягушекъ, ужасные концерты которыхъ раздавались на цѣлыя мили вокругъ. Посреди тысячи разнообразныхъ голосовъ животныхъ и шума воды легко можно было различить жалобный крикъ оленя и вой волковъ, которыхъ въ XIII-мъ столѣтіи было здѣсь такъ много, что они не только нападали на живыхъ людей, но и выкапывали трупы. Въ продолженіе многихъ столѣтій люди избѣгали этой мѣстности, надъ которой какъ-бы тяготѣло проклятіе. «Чортово озеро» и болото вокругъ теперь исчезли. Когда вода стекла и мѣстность нѣсколько просохла, тутъ вскорѣ были открыты торфяники, которые стали приносить огромные доходы. Вотъ какія сокровища находятъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Голландіи, гдѣ пробовали осушать землю, прежде затопленную водою.

До нынѣшняго столѣтія всѣ озера были осушены вѣтряными водокачальными машинами, и только позже, при осушеніи Гарлемскаго озера, употребили силу пара. Но и послѣ примѣненія пара къ осушенію земли въ Голландіи не вывелись и, вѣроятно, долго не выведутся вѣтряныя мельницы,—ихъ устройство обходится дешевле паровыхъ машинъ.

Гарлемское озеро имѣло въ окружности до 33-хъ верстъ, 14 фут. глубины и лежало между Амстердамомъ и Лейденомъ, на разстояніи около пяти миль отъ моря. Берега озера были низки и, хотя въ теченіе 80-ти лѣтъ (съ 1767 по 1848) для ограниченія его разливовъ было израсходовано болѣе 3-хъ милл. руб., но оно часто прорывало всѣ препятствія и производило страшныя опустошенія. Съ годами озеро все росло и росло. Во время бури на немъ подымались высокія волны, которыя съ ужасающей силой разбивались о плотины и перебрасывали черезъ нихъ пѣну на далекое разстояніе. Гарлемское море, какъ его также называли, стали считать самымъ бурнымъ и опаснымъ моремъ; суда, чаще чѣмъ гдѣ-бы то ни было, гибли на немъ. И чѣмъ болѣе оно увеличивалось, тѣмъ болѣе опаснымъ сосѣдомъ становилось оно для Амстердама, Лейдена и Утрехта. И дѣйствительно, въ 1836 г., во время бѣшеннаго урагана, вода въ немъ поднялась выше плотинъ и разлилась до самыхъ воротъ Амстердама. Стали серьезно бояться, что это море, не сегодня-завтра, сотретъ съ лица земли всѣ кругомъ лежащіе большіе города Голландіи, зальетъ водой громадное пространство плодородной земли и можетъ, наконецъ, совершенно погубить значительную часть земель, уже отвоеванныхъ у океана цѣной громадныхъ усилий. Стали серьезно думать, какъ-бы избавиться отъ такого опаснаго сосѣда, но различныя попытки не удавались, и народъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что уничтожить озеро рѣшительно невозможно. Но съ тѣхъ поръ, когда былъ открытъ паръ и примѣненъ къ разнымъ житейскимъ потребностямъ, начали снова думать объ осушеніи Гарлемскаго моря. Прежде чѣмъ приступить къ работѣ, было сдѣлано множество опытовъ, и, наконецъ, остановились на исполинской машинѣ, которую и назвали Ли-Уатеръ, въ память человѣка, который первый написалъ проектъ объ осушеніи Гарлемскаго озера.

Въ 1848 г. машина Ли-Уатеръ начала свою работу, и черезъ четыре года опасное море совсѣмъ исчезло. Трудно себѣ представить, какой голый и печальный

видъ имѣлъ первое время пустой бассейнъ исчезнутаго озера. Странно было видѣть дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ птицъ, которыя съ началомъ весны прилетѣли на давно знакомое озеро и не нашли его. Онѣ дико кружились надъ осушеннымъ пространствомъ, кричали, выпускали жалобные звуки, улетали и опять возвращались, не вѣря своимъ глазамъ и дивясь щебетанію лѣсныхъ птицъ тамъ, гдѣ только гудѣлъ вѣтеръ, шумѣли волны и раздавались нестройное криканье и крикъ ихъ водяной братіи.

Множество жителей Амстердама, Лейдена и Утрехта собирались и днемъ, и ночью на осушенное ложе искать кладовъ, монетъ, золота и драгоценныхъ вещей отъ разбитыхъ кораблей. Однако, отъ поглощенныхъ водами Гарлемскаго озера деревень и кораблей нашли чрезвычайно мало остатковъ; вѣроятно, все потонувшее и теперь лежитъ подъ густымъ слоемъ наноса и будетъ открыто черезъ многія тысячелѣтія. Вмѣсто этого на днѣ озера оказалась необыкновенно плодородная земля, которая покупалась нарасхватъ. Всѣ работы по осушенію озера были произведены на счетъ государства. Расходъ этотъ простирался до 5-ти милл. руб., но зато теперь десятина этой земли продается отъ 600 до 700 руб. на наши деньги.

Несмотря на затрату такого громаднаго капитала, осушеніе Гарлемскаго озера было весьма полезной и выгодной операціей. Оно дало заработокъ тысячѣ рабочихъ рукъ, и капиталъ пошелъ на самое производительное дѣло въ государствѣ. Если-бы нидерландское правительство употребило эти деньги на увеличеніе войска, его обмундировку, на постройку какого-нибудь громаднаго корабля,—все это едва-ли бы увеличило силы королевства. Между тѣмъ какъ, увеличивъ количество годной для земледѣлія земли, улучшивъ ея качество, устроивъ много новыхъ хозяйствъ и, что еще болѣе важно, открывъ новый источникъ заработка для рабочаго люда, голландское правительство весьма улучшило экономическій бытъ рабочихъ своей страны. Осушеніе Гарлемскаго озера не только имѣло громадное экономическое значеніе для Голландіи, но и всему свѣту наглядно, во всемъ величій, показало силу науки, ея практическое значеніе и современное развитіе.

Теперь на этомъ, прежде бурномъ, морѣ здѣсь и тамъ возвышаются деревни и церкви; каналы, улицы и ряды деревень пересѣкаютъ однообразную равнину. Такимъ образомъ голландцы, осушивъ озеро, приобрѣли огромное пространство необыкновенно плодородной земли, цѣна на которую съ каждымъ годомъ все возвышается и которая даетъ каждый годъ богатую жатву.

Теперь подумываютъ объ осушеніи Зюдерзее. Это необозримое водяное поле было нѣкогда землею, сплошь покрытою богатыми деревнями и городами.

ПУТИ СООБЩЕНІЯ.

Бада въ трешкотъ.—Хижинъ на водѣ.—Картины голландской жизни и природы.—Дороги и экипажи.

Голландія могла бы обойтись безъ желѣзныхъ дорогъ,—такое множество каналовъ она имѣетъ. Эти водяные пути не только ведутъ отъ города къ городу, отъ деревни къ деревнѣ, но даже отъ одного сельскаго дома къ другому. Въ извѣстное время года, когда въ городахъ мѣняють квартиры, странный видъ принимаютъ каналы: они всюду запружены барками, на которыхъ мебель разставлена въ такомъ порядкѣ, будто ей придется здѣсь всегда оставаться. Различные продукты и особенно

молоко доставляютъ на лодкахъ: по утрамъ около 6 часовъ и въ три часа пополудни все каналы въ городахъ наполнены лодками молочницъ, на которыхъ симметрично разставлены дубовыя ведра съ мѣдными, ярко вычищенными, какъ золото блестящими на солнцѣ обручами и ушками. Такимъ образомъ главнымъ путемъ сообщенія, не только до города и деревни, но даже до порога многихъ домовъ служить вода. Между тѣмъ какъ постройка желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе многочисленныхъ мостовъ, здѣсь обходится очень дорого, матеріалъ для каналовъ—вода существуетъ здѣсь всюду.

Путешественнику, который хочетъ поскорѣе ознакомиться съ особенностями голландской жизни, слѣдуетъ съѣздить на одну изъ барокъ и бичевою странствовать по каналамъ, вдоль и поперекъ Голландіи. Все, что въ другихъ странахъ перевозится на телегахъ, здѣсь доставляютъ водою; это требуетъ меньше времени и обходится гораздо дешевле. На моряхъ, озерахъ и рѣкахъ ходятъ пароходы и маленькія парусныя суда, которыя отходятъ въ извѣстные дни, по каналамъ же болѣе всего двигаются трешкоты. Но вездѣ, гдѣ есть вода, видны также и лодки различной величины и формы. Садовникъ самъ тянетъ на рынокъ свою лодку, наполненную овощами, плодами и цвѣтами, которые онъ располагаетъ съ большимъ вкусомъ. Крестьяне доставляютъ водою на рынокъ продукты своихъ полей: зерновой хлѣбъ, сыръ и безподобное масло. Такое сообщеніе способствуетъ развитію промышленности. А отъ сколькихъ мученій при этомъ избавляются животныя и люди! Самыя большія тяжести, гонимыя вѣтромъ, легко переносятся съ одного мѣста на другое. Толстые тюки легко скользятъ по водѣ до самыхъ дверей складочныхъ магазиновъ, не сгибая въ три погибели спины рабочаго люда. Крестьянинъ не только возитъ водою свои домашнія сбереженія, но онъ даже отправляетъ водою сѣмена на поля и тѣмъ же путемъ везетъ домой снятый съ полей зерновой хлѣбъ. Кнутъ здѣсь вездѣ замѣняетъ весломъ. Даже скотъ избавленъ отъ трудныхъ переходовъ: для него устраиваютъ пловучія стойла, въ которыхъ его перевозятъ до самыхъ боенъ. Поэтому здѣсь такъ мало пыли на большихъ дорогахъ и въ городахъ, и животнымъ и людямъ приходится меньше страдать.

Самымъ національнымъ средствомъ для перевозки людей служатъ «трешкоты». Но что такое «трешкотъ»? Трудно объяснить это въ нѣсколькихъ словахъ. Иностранцы, въ первый разъ увидавшіе «трешкотъ», говорятъ, что образцомъ для него послужилъ Ноевъ ковчегъ. Онъ напоминаетъ и корабль, и омнибусъ, и даже барку. Этотъ голландскій ковчегъ, длиною до 30 фут., покрашенъ цвѣтною краскою и вмѣщаетъ отъ 30 до 40 человѣкъ. Во всю длину идетъ каюта; крыша на ней плоская, такъ что по ней можно ходить, а чтобы не было скользко, она покрыта слоемъ толченыхъ раковинъ, смазанныхъ лакомъ или масляной краской. Каюта раздѣлена на двѣ части, или комнаты, изъ которыхъ самая большая, передняя часть, называется «Roem» и служитъ для помѣщенія людей и багажа; задняя, болѣе парадная часть называется «Roef»; здѣсь плата дороже, чѣмъ въ первой, такъ какъ вторая обставлена съ большимъ комфортомъ. Чтобы попасть изъ одной части въ другую, нужно перейти черезъ палубу, или, лучше сказать, черезъ крышу ковчега. «Roef», назначенный для привилегированнаго класса общества, имѣетъ 4 или 5 окошекъ, украшенныхъ занавѣсками. Посреди комнаты стоитъ столикъ, на которомъ вы видите мѣдную лампочку и такую же пепельницу. И та, и другая блестятъ, какъ золото, потому что вычищены такъ, какъ умѣютъ чистить только одни голландцы, при ихъ опрятности и чистоплотности. Коверъ, зеркало и вдоль стѣнъ деревянныя скамейки съ подушками для пассажировъ составляютъ главное убранство этого воднаго

дилижанса. Предметомъ первой необходимости считается деревянная нагрѣвательница, съ фаянсовымъ тазомъ внутри, въ которомъ во время холодовъ тлѣетъ торфъ. Иногда на полѣ стоитъ нѣсколько книгъ, которыя составляютъ библиотечку корабля. Въ этой простой, но удобной обстановкѣ высказывается весь національный характеръ голландца. «Roef» трешкота можно нанять за нѣсколько дней до предполагаемаго путешествія, потому что онъ приходитъ и уходитъ въ извѣстные дни и часы. «Roeim», для публики попроще, имѣетъ три ряда скамеекъ, идущихъ вдоль всего помѣщенія. Небольшое свободное пространство на носу корабля служитъ складочнымъ мѣстомъ для тюковъ, ящиковъ и бочекъ, и тутъ стоитъ рулевой, не переставая дымить свою трубку. На носу трешкота—шесть, который имѣетъ громкое названіе мачты; его постоянно приходится поднимать и опускать, потому что по дорогѣ встрѣчается множество мостовъ. Отъ верхушки мачты протянутъ къ берегу длинный канатъ, къ которому припряжена одна или двѣ лошади: лошади идутъ по берегу и такимъ образомъ тащатъ за собой трешкотъ. На лошади сидитъ мальчикъ, который погоняетъ ее и трубитъ въ рогъ.

Часть отъѣзда наступаетъ, колокольчикъ сзываетъ запоздавшихъ; приводятъ лошадь съ парнемъ на спинѣ; вмѣсто сѣдла подъ нимъ коврикъ, сплетенный изъ соломы. Парень изъ всѣхъ силъ трубитъ въ свою трубу; онъ подаетъ сигналъ для отхода трешкота, при открытіи шлюзъ, при поднятіи мостовъ, или чтобъ предупредить другой, идущій навстрѣчу трешкотъ. Наконецъ, лошадь двинулась впередъ; чувствуется толчокъ, и за туго натянутымъ канатомъ начинается медленно плыть трешкотъ. Эти водяные голландскіе дилижансы нельзя упрекнуть въ излишней скорости, да и путешествующіе голландцы были бы возмущены быстротою движенія; по темнымъ водамъ канала трешкотъ скользитъ тихо и покойно, такъ что не чувствуешь никакого движенія, не слышишь никакого шума, кромѣ плеска воды о судно.

Заглянемъ теперь въ «Roeim». Васъ прежде всего встрѣчаютъ здѣсь волны табачнаго дыма, такъ что вы сначала ничего не разглядите, но когда протрете глаза, то увидите мужчинъ и женщинъ, рабочій людъ Голландіи; они смѣются, болтаютъ, спятъ или курятъ. Въ этомъ отдѣленіи трешкота свалены не только мѣшки и кладь, но и бочки съ жиромъ, дегтемъ и сыромъ. Все это издаетъ такой ужасный запахъ, что въ первую минуту вы просто задыхаетесь. Вдругъ неожиданной толчокъ. Кладь катится на пассажировъ, женщины кричатъ, мужчины смѣются. Одинъ трешкотъ столкнулся съ другимъ, шедшимъ навстрѣчу. Матросы перебраниваются нѣсколько минутъ, и послѣ этого водяной дилижансъ продолжаетъ снова мирно скользить далѣе. По временамъ трешкотъ причаливаетъ, чтобы высадить на берегъ пассажировъ или принять къ себѣ новыхъ. Когда надобно проѣзжать черезъ городъ или большую деревню, лошадь отпрягаютъ и подвигаются шестью.

Нѣкоторые трешкоты плаваютъ только на небольшомъ разстояніи; другіе поддерживаютъ сообщеніе между болѣе отдаленными мѣстами. Если переѣздъ продолжителенъ, каждый пассажиръ «Roef'a» (парадной части трешкота) старается устроиться какъ можно удобнѣе и занимается своимъ дѣломъ. Мужчины читаютъ, пишутъ, ѣдятъ, прогуливаются по палубѣ, наслаждаются картинами окружающей природы, покуривая при этомъ трубочку. Каждый дѣлаетъ здѣсь все то же, что и дома, продолжаетъ въ трешкотѣ работу, начатую въ кабинетѣ, и старается даже и во время своего водяного путешествія дѣлать все въ тѣ же самые часы и минуты, какъ это онъ привыкъ съ давнихъ поръ. Женщины шьютъ, вяжутъ чулки, спятъ, ѣдятъ и варятъ кофе, какъ дома. Нѣкоторые изъ нихъ столько разъ ѣздили по извѣстнымъ каналамъ, что такъ опредѣляютъ пространство: «отъ такого-то города до такого—поль-

чулка, четверть чулка, цѣлый чулокъ разстоянія»,—это значитъ, что въ дорогѣ отъ такого то города до такого можно связать столько-то чулка. Если случится шарманщикъ, онъ забавляетъ пассажировъ своею игрою. По воскреснымъ днямъ, во время обѣдни, всѣ пассажиры одѣты по-праздничному, не работаютъ, не смѣются, не болтаютъ между собой, а чинно и торжественно поютъ священные гимны. Если въ дорогѣ приходится провести ночь, хозяинъ трешкота приглашаетъ пассажировъ на чашку чая. Онъ достаетъ изъ стѣнного шкафа чашки, чайникъ и сахарницу, ставитъ на столъ сосудъ, наполненный пылающимъ торфомъ, а надъ нимъ чайникъ съ кипяткомъ. Къ ночи «Roef» превращается въ общую спальню и представляетъ одну общую постель, которая занимаетъ всю ширину каюты; ее покрываютъ чистымъ бѣлымъ и бѣлымъ фланелевымъ одѣяломъ. Всѣ ложатся одѣтые, одинъ подлѣ другого, и ночь проходитъ мирно. Между тѣмъ лошадь тихо тянетъ свой грузъ, сзади котораго остается только серебристый слѣдъ на водѣ.

По дорогѣ часто попадаются гостиницы для желающихъ выпить и закусить. Если въ такомъ мѣстѣ перепрягаютъ лошадь, шкиперъ соскакиваетъ на землю и исчезаетъ. Пассажиры напрасно ждутъ его возвращенія, и, наконецъ, сами отправляются на поиски за нимъ. Они вбѣгаютъ въ первую гостиницу, съ разрисованной вывѣской, въ сѣняхъ которой лежитъ нѣсколько бочекъ, и на полкахъ по стѣнамъ разставлены бутылки. Бочки и бутылки наполнены «jenever», можжевеловой водкой, національнымъ напиткомъ голландцевъ. Пассажиръ, пришедшій на поиски, заглядывается на любимый напитокъ, передъ драгоценной влагой вмигъ забываетъ о цѣли своего прихода и самъ садится на лавку. Но вдругъ слышится рогъ погонщика, и всѣ бросаются къ трешкоту. Такія сцены повторяются по нѣскольку разъ въ продолженіе дня, и, когда наступитъ, наконецъ, вечеръ, узнаешь, что проѣхалъ въ это время столько же, сколько можно было пройти пѣшкомъ. Только чужестранцу можетъ придти при этомъ мысль замѣтить хозяину трешкота, что ѣдутъ чрезвычайно медленно. За то тотъ и отвѣчаетъ ему только взглядомъ безпредѣльнаго состраданія, покойно переключая при этомъ свой жевательный табакъ изъ-за одной щеки на другую. Его широкое лицо оживляется только въ ту минуту, когда онъ собираетъ въ свой кожаный мѣшокъ плату за проѣздъ. Эта плата здѣсь ничтожна, и ее берутъ всегда сообразно съ печатнымъ тарифомъ, но сборщикъ не пропускаетъ случая попросить прибавки для себя и погонщика.

Медленная ѣзда на трешкотѣ даетъ возможность наблюдать окружающую мѣстность и разнообразныя картины голландской жизни и природы. Здѣсь и тамъ, на прекрасной зелени луговъ, бродятъ коровы, покрытыя толстыми попонами, которыя защищаютъ ихъ отъ холода и сырости. По берегамъ каналовъ летаютъ утки, журавли, бекасы и другія болотныя птицы; женщины полощатъ бѣлье, но даже и при этомъ отличаются безукоризненной чистотой и опрятностью своего наряда. Мимо тянутся деревни, похожія на маленькія города, съ рядами деревьевъ на набережныхъ, съ прекрасными домиками съ зелеными дверями и ставнями. А вотъ и цѣлый лѣсъ вѣтряныхъ мельницъ. Часто встрѣчаются маленькія барки съ овощами и бочками; онѣ подвигаются еще медленнѣе трешкота: ихъ тянутъ по берегу лошадьми, быками или людьми. На палубѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ иной разъ никого не видно, кромѣ женщины, которая держитъ въ рукахъ ребенка и ногами передвигаетъ румпель руля, въ то время какъ ея мужъ, дочь и собака тянутъ барку по берегу. Иной разъ проплываетъ барка, на палубѣ которой разведенъ очагъ, и около него обѣдаетъ вся семья, или, наоборотъ, всѣ работаютъ или спятъ. Это не что иное, какъ плывучія хижины, въ которыхъ живутъ мужъ и жена съ своими дѣтьми. Дѣти

играютъ на палубѣ, жена управляетъ рулемъ, а мужъ обыкновенно матросъ и капитанъ въ одно и то же время. Въ сѣверной Голландіи можно видѣть группы изъ 10, 20 и 30 барокъ, съ деревянными домиками, въ которыхъ живутъ цѣлыя семейства: это—деревня на водѣ. Внутренность этихъ пловучихъ хижинъ довольно удобна: кусокъ листового желѣза служить очагомъ, постель устроена въ видѣ выдвижныхъ ящиковъ, крошечныя окошки съ чистеньки мизанавѣсками. Жители этихъ домиковъ—рыбаки или вдовы рыбаковъ, съ своими семьями. Такъ-же, какъ кочевые народы степей, сегодня на одномъ мѣстѣ, завтра на другомъ ищутъ новыхъ мѣстъ для пастбищъ, такъ и эти кочевники водѣ переходятъ съ одного мѣста на другое. Въ этихъ корабельныхъ домикахъ вмѣстѣ съ ними живутъ и ихъ домашнія животныя, и замѣчательно: у нихъ такія же серьезныя фізіономіи, какъ и у ихъ хозяевъ. Пѣтухъ гораздо важнѣе выкрикиваетъ свое кукареку на каналѣ, нежели на твердой землѣ. Въ этихъ домикахъ—весь міръ этихъ людей, ихъ счастье и горе. На твердую землю они смотрятъ, какъ на гостиницу; вода качаетъ ихъ колыбель, а вѣтеръ напѣваетъ имъ колыбельную пѣсню. Здѣсь они рождаются, играютъ дѣтьми на палубѣ, борятся съ житейскими невзгодами и тутъ же умираютъ стариками. Только для вѣчнаго сна ихъ предають землѣ, отъ которой они такъ упорно отказывались всю свою жизнь. Изрѣдка можно встрѣтить на берегу канала домикъ, выстроенный изъ старыхъ досокъ надъ остовомъ старой лодки и для защиты отъ дождя и снѣга обтянутый грубой клеенкой или парусиной, пропитанной дегтемъ. Небольшой клочокъ земли обращенъ въ садъ и окруженъ живою изгородью; онъ доставляетъ бѣдной семьѣ овощи, а нѣсколько куръ—яйца. Другія, обращенныя въ жилища, барки и лодки остаются на водѣ; онѣ привязаны канатомъ къ берегу, на которомъ находится также принадлежащій имъ огородъ. Такія жилища большею частью служатъ убѣжищемъ для отдѣльных лицъ—женъ моряковъ, мужья которыхъ не возвратились съ моря.

Нѣтъ въ мірѣ другой страны, въ которой бы пути сообщенія были такъ удобны, какъ въ Голландіи. Большая часть сухопутныхъ дорогъ въ ней вымощены твердыми, маленькими кирпичами; поэтому всѣ дороги очень ровны и прочны, и путешественникъ, какъ и по каналамъ, не испытываетъ здѣсь никакой тряски. Зато эти пути сообщенія стоятъ страшнѣ чрезвычайно дорого: нерѣдко одна миля обходится около 30,000 гульденовъ; но такъ какъ самые тяжелые товары и вещи перевозятъ водою, то они рѣдко требуютъ поправокъ. Сухопутныя голландскія дороги состоятъ обыкновенно изъ узкой тропинки для лошади, которая тянетъ трешкотъ; другая тропинка подлѣ нея посыпана пескомъ и предназначена для пѣшеходовъ; третья, самая широкая дорога для экипажей вымощена кирпичами; нерѣдко бываетъ и еще тропинка—для всадниковъ. Не только большія дороги, но даже и тропинки расположены по точному, строго обдуманному плану, ровны и очень гладки.

На здѣшнихъ дорогахъ мало пыли и очень мало нищихъ, но много собакъ, перевозящихъ разныя тяжести, особенно между Гагою и Шевенингеномъ. Эти собаки имѣютъ плохой видъ, страшно злы, всегда голодны, и тащатъ иногда невѣроятныя тяжести: рыбу, дрова, молоко, плоды и овощи. Настоящее вьючное животное здѣшняго рыбака—его жена и собака. Вы рѣдко встрѣтите здѣсь осла, навьюченного какою-нибудь тяжестью, между тѣмъ собаки здѣсь безпрестанно попадаютъ. Часто передъ вами несется телѣжка, нагруженная доверху, и въ нее впряжены три четыре собаки другъ подлѣ друга, да нерѣдко еще впереди ихъ одна, двѣ собаки. Въ такой телѣжкѣ, кромѣ тяжести, часто сидятъ два три человѣка и нѣсколько дѣтей.

Другіе голландскіе экипажи, которые попадаютъ вамъ по дорогѣ, тоже обра-

пають на себя вниманіе. Особенно оригинальны дрожки въ сѣверной Голландіи. На двухъ большихъ колесахъ покоится экипажъ, нѣсколько напоминающій раковину; онъ разрисованъ золотою или свѣтлозеленою краскою и украшенъ рѣзьбою. Кучеръ сидитъ на страшной высотѣ. Сани — не менѣе старомодный экипажъ: это нѣчто въ родѣ огромной старинной, неуклюжей кареты на обитыхъ желѣзомъ полозьяхъ. По всѣмъ главнымъ дорогамъ проѣзжаютъ дилижансы, которые отходятъ въ назначенное время, чуть не каждый часъ. Эти дилижансы и почтовые экипажи устраиваются частными людьми, но подъ надзоромъ почтовой администраціи. Дилижансы могутъ перевозить только людей и вещи, но не имѣютъ права принимать письма, такъ какъ ихъ пересылкою исключительно занимается государственное учрежденіе.

Несмотря на то, что въ Голландіи разстоянія не велики, чрезвычайно много сухопутныхъ и водяныхъ путей сообщенія, которые чрезвычайно дешевы и покойны, тѣмъ не менѣе въ послѣднее время съ каждымъ годомъ устраиваютъ все болѣе и болѣе желѣзныхъ дорогъ. Теперь уже по всей странѣ проходятъ желѣзныя дороги между главными городами, и желѣзнодорожная сѣть связана съ желѣзными дорогами сосѣднихъ странъ. Желѣзныя дороги стоятъ странѣ страшныхъ денегъ. Онѣ проходятъ нерѣдко по польдерамъ и почти вездѣ по рыхлой, губчатой почвѣ. Поэтому на землю вездѣ навалены кучи хвороста, потомъ онѣ засыпаны слоемъ земли и песку и скрѣплены фашинами. Необходимый песокъ и земля вырыты изъ дюнъ и привезены на челнокахъ по каналамъ, проходящимъ близъ линіи желѣзной дороги. Часто приходилось вновь создать ту землю, по которой проходитъ дорога. Во многихъ мѣстахъ Голландіи, тамъ, гдѣ теперь шумятъ локомотивы, прежде квакали лягушки въ болотной водѣ.

СТРАСТЬ КЪ ЦВѢТАМЪ.

Климатъ.—Знаменитое голландское садоводство.—Тюльпанная горячка.

Климатъ здѣсь не слишкомъ суровъ, но сыръ и переменчивъ. Гдѣ бы вы ни жили въ Голландіи, вы никогда не забудете, что живете у моря, такъ какъ вся масса голландскихъ провинцій выдается къ сѣверу угломъ, почти въ видѣ полуострова, въ Нѣмецкое море. Сѣверо-восточныя бури, которыя несутся изъ Ютландіи и Скандинавіи, разражаются надъ Голландіею; сѣверныя и сѣверо-западные бури безпрепятственно проносятся по Батавской землѣ. Она также совершенно открыта восточному вѣтру со стороны Германіи.

Погода Голландіи такъ-же оригинальна, какъ ея исторія, происхожденіе и обычаи. Весною прекрасный день часто начинается холоднымъ туманомъ, который осаждается въ видѣ бѣлыхъ иголъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Около 9-ти часовъ утра эти иголки начинаютъ таять отъ лучей солнца и падаютъ съ деревьевъ въ видѣ капель. Чѣмъ сильнѣе грѣетъ солнце, тѣмъ замѣтнѣе подымается паръ отъ деревьевъ, такъ что издали даже кажется, что онѣ дымятся. Лѣтомъ погода зачастую мѣняется по нѣскольку разъ въ день. Едва солнце спрячется за облака, и вдругъ все приходитъ въ движеніе. Вѣтеръ гнетъ верхушки деревьевъ и бороздитъ поверхность безконечныхъ водъ; море кипитъ у береговъ, и надъ нимъ тяжелымъ покровомъ простирается туманъ. Даже и въ лѣтнее время воздухъ въ Голландіи бываетъ сыръ, хотя цѣлыя арміи вѣтряныхъ мельницъ уже вычерпали весною наводненные въ продолженіе зимы польдеры. Даже и въ прекрасный лѣтній день вечеромъ отъ земли подымается паръ

и разстилает свое прозрачное покрывало надъ зелеными лугами. Впрочемъ, сравнительно съ древнею Батавіею, климатъ Голландіи значительно измѣнился къ лучшему: вслѣдствіе осушенія болотъ и внутреннихъ озеръ воздухъ сдѣлался гораздо здоровѣе. Но такъ какъ въ настоящее время море и рѣки еще не потеряли своего вліянія надъ Голландіею и безпрестанно бываютъ наводненія, то здѣшній климатъ довольно сыръ и воздухъ напитанъ водяными парами. Зима очень часто бываетъ до того сурова и холодна, что замерзаютъ каналы и льдомъ покрывается даже Зюдерзее, но не на долго.

Вглядываясь въ голландскую природу и небо, начинаешь понимать, почему въ изящныхъ искусствахъ, особенно въ живописи, художники прежде всего любятъ изображать домашнюю жизнь, сельскія картины голландскаго быта и гораздо рѣже берутъ природу. Въ ней нѣтъ ничего грандіознаго и таинственнаго, и если она является на полотнѣ, то въ большинствѣ случаевъ на второмъ планѣ. Солнце здѣсь не свѣтитъ такъ ярко, какъ на югѣ; оно не льетъ потоковъ ослѣпительнаго свѣта, хотя освѣщаетъ довольно сильно каждый предметъ. Здѣсь прежде всего бросаются въ глаза необыкновенно зеленые луга съ баснословно высокой и густой травой; изъ нея выглядываютъ пастухи и пастушки, красивые, молодые, свѣжіе и всегда одѣтые чрезвычайно опрятно. Чудные ландшафты и здоровая, замѣчательно опрятная семейная обстановка голландца,—вотъ что прежде всего привлекаетъ художника. Однако, многіе изъ нихъ и въ голландской природѣ сумѣли отыскать и живо изобразить своего рода оригинальную прелесть и красоту. Знаменитый Рембрандтъ особенно любилъ изображать дюны въ ихъ рѣзкихъ переходахъ отъ свѣта къ тѣни; онъ любилъ представлять эти сыпучіе пески, мѣстами обнаженные, мѣстами съ бѣдною, печальною растительностію, съ морскими чайками, летающими надъ ними, и какъ контрастъ этимъ однообразнымъ песочнымъ горамъ—бѣшено плещущее море.

Голландія лишена осеннихъ удовольствій; ей знакома только сырая весна, перемѣнчивое лѣто и зима. Несмотря на такіа неблагопріятныя условія природы, садоводство здѣсь въ самомъ блестящемъ состояніи. Голландецъ самъ создаетъ себѣ осень, такъ какъ искусственнымъ образомъ заставляетъ дозрѣвать плоды, цвѣсти прекрасные цвѣты. И они здѣсь часто роскошнѣе, чѣмъ въ странахъ съ счастливою природою. Голландскіе садовники уже издавна прославились искусствомъ разводить тепличныя растенія, и ихъ тепличная осень, дѣйствительно, богата фруктами и овощами всевозможныхъ сортовъ, которые безъ замѣчательнаго искусства не могли бы произрастать на холодной и сырой почвѣ Голландіи. Здѣсь выращиваютъ даже виноградъ въ теплицахъ. Маленькія ягоды вырѣзаютъ ножницами, чтобы дать болѣе свободы и мѣста для крупныхъ и сильныхъ; поэтому голландскій виноградъ, самый крупный и лучшій, служитъ украшеніемъ стола богатыхъ людей въ Гагѣ и Лондонѣ. Въ Голландіи созрѣваютъ даже фрукты Италіи: хотя и искусственно, но здѣсь дозрѣваютъ апельсины, сочныя дыни разнообразныхъ формъ и персики. Яблоки и груши, вишни и громадная земляника вездѣ разложены въ корзинкахъ торговцевъ. Ягоды обыкновенной красной смородины такъ же велики, какъ вишни, а кружевникъ величиною со сливу,—все это говоритъ объ изумительномъ искусствѣ голландскихъ садовниковъ.

Голландцы отъ мала-до-велика, мужчины и женщины, богатые и бѣдные, уже съ давнихъ поръ извѣстны своею страстію къ цвѣтамъ. Подъ суровымъ небомъ Голландіи растутъ также самые нѣжные и роскошные цвѣты, но болѣе ими славится Гарлемъ и его окрестности. Вѣтеръ далеко разноситъ чудный ароматъ и наполняетъ воздухъ окрестностей Гарлема запахомъ тысячи цвѣтовъ. Здѣсь вездѣ цвѣты: въ садахъ, въ цвѣтникахъ и даже на поляхъ вы нерѣдко увидите тюльпанъ недалеко

отъ гіацинта. Величина, разнообразіе формъ и роскошь красокъ, какія вы найдете здѣсь, вы рѣдко встрѣтите и въ болѣе благопріятномъ климатѣ. Только голландецъ любитъ цвѣтокъ ради его самого: онъ не требуетъ отъ него ни опьяняющаго благоуханія, не украшаетъ имъ роскошные волосы своей дочери; его любимый цвѣтокъ— тюльпанъ.

Голландскіе тюльпаны имѣютъ свою исторію. Въ 17-мъ ст. любовь къ нимъ превратилась въ манію, а стремленіе разводить ихъ вдругъ охватило всѣ классы общества. Богатые буржуа оставляли свои прибыльные занятія, чтобы покупать и продавать луковицы тюльпановъ за неслыханныя цѣны. Они думали воспользоваться модой и общимъ увлеченіемъ, чтобы нажить себѣ состояніе. Но это удалось немногимъ. Въ то время за тюльпаны платили баснословныя цѣны: одна тюльпанная луковица «*Vicerói*» цѣнилась не менѣе 25,000 гульденовъ; за одну луковицу «*Semper Augustus*» платили 13,000. Собраніе луковицъ тюльпановъ продавалось за 100 тысячъ гульденовъ. Одинъ Амстердамъ продалъ этихъ луковицъ въ это время, въ теченіе одного года, на 10 мил. гульденовъ. Говорятъ, одинъ житель Амстердама нажилъ такимъ образомъ въ 4 мѣсяца 70,000 гульденовъ. Одинъ любитель далъ за рѣдкую луковицу двѣ фуры ячменя, четыре фуры ржи, четыре жирныхъ быка, 8 поросятъ, 12 овецъ, 4 бочки пива и столько же вина, 2 бочки масла, тысячу фунтовъ сыра, полный мужской костюмъ и серебряный кушакъ. Рассказываютъ, что однажды во всей Голландіи существовало только два экземпляра луковицъ «*Semper Augustus*»; одна изъ нихъ находилась въ Гарлемѣ, другая въ Амстердамѣ. За одну изъ нихъ напрасно предлагали прекрасную коляску съ двумя лошадьми и съ полною упряжью, за другую 12 моргеновъ земли.

Въ 1637 году правительство объявило, что долги за цвѣточные луковицы равносильны всякимъ другимъ и должны быть выплачиваемы, какъ всякій другой долгъ. Это подѣйствовало, какъ холодная вода на сумасшедшія головы. Цѣны на тюльпаны сильно упали, и купцы снова принялись за процентныя бумаги.

Гордый тюльпанъ, такъ дорого цѣнившійся прежде, теперь украшаетъ дома простыхъ гражданъ. Хотя тюльпаны теперь и не записываются по номерамъ въ книги, какъ государственныя бумаги, хотя торговля луковицами не ведется уже болѣе на миллионы и тюльпанная горячка 17-го столѣтія совсѣмъ прошла, но разведеніе цвѣтовъ въ Гарлемѣ все еще имѣетъ большое значеніе. Торговля цвѣтами и теперь еще приноситъ голландцамъ значительныя выгоды. Гарлемскіе тюльпаны-луковицы до сихъ поръ распространены во всемъ свѣтѣ; эти луковицы — истыя дѣти Голландіи; на чужой почвѣ онѣ скоро вырождаются, ихъ снова приходится выписывать изъ Гарлема, а это и даетъ ему возможность и теперь еще получать большія выгоды съ цвѣтовъ этого рода.

Такимъ образомъ многіе миллионы гульденовъ притекли въ Голландію вслѣдствіе разведенія цвѣтовъ. Голландцы превзошли въ этомъ отношеніи всѣ европейскіе народы. Не менѣе славятся они своею гвоздикой; ихъ садовники умѣютъ также отлично разводить разныя породы далій и придать гіацинту всевозможные оттѣнки. Трудно сказать, какимъ образомъ искусные садовники умѣютъ такъ распорядиться природой, что она совсѣмъ пересоздаетъ форму, цвѣтъ и величину. Какъ бы то ни было, но цвѣты и плоды доведены здѣсь до совершенства.

ЛЮДИ СРЕДНЯГО ДОСТАТКА.

Дома.—Ихъ внѣшній видъ и внутреннее устройство.—Стойла.—Любовь къ аистамъ.—Голландская опрятность.—Пристрастіе къ китайскимъ бездѣлушкамъ и фарфору.—Кухня и домашняя обстановка.—Образъ жизни и привычки.—Времяпрепровожденіе.—Развлеченія.—Загородные дома.

Въ Голландіи постоянно чувствуется недостатокъ земли: города и деревни чрезвычайно близко отстоятъ другъ отъ друга. Голландскіе дома вообще, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, небольшія зданія, скромныя, но чрезвычайно уютныя. На нихъ лежитъ отпечатокъ неприветливаго характера ихъ жильцовъ. Голландецъ, даже самый небогатый, любитъ имѣть отдѣльный домъ только для себя и своего семейства, и потому здѣсь устраиваются домики только на одну семью; этимъ голландецъ напоминаетъ англичанина. Голландецъ—человѣкъ необщительный. У него нѣтъ способности француза къ общезитію, къ жизни на улицахъ; онъ любитъ быть всегда въ своей семьѣ, принимаетъ гостей очень рѣдко.

Маленькіе домики никогда не носятъ казарменнаго вида: ихъ не штукатурятъ снаружи, и они сохраняютъ темнокрасный цвѣтъ гладкихъ кирпичей и пріятно выглядятъ изъ густой зелени, которая ихъ всегда окружаетъ. Красная или голубая крыша, множество свѣтлыхъ оконъ съ зелеными ставнями, выкрашенными пестрою краской, всегда закрытая дверь съ большимъ мѣднымъ молоткомъ дополняютъ внѣшній видъ голландскаго домика. Большая часть изъ нихъ украшены цѣпами, которыя идутъ вдоль фасада и не даютъ пѣшеходу близко подойти къ дому. Красный цвѣтъ домиковъ, между зеленью деревьевъ, перемѣшивается съ темною синевою каналовъ и свѣтлыми лучами солнца, что придаетъ городамъ и деревнямъ какой-то праздничный, веселый видъ.

Хотя здѣсь, какъ и вездѣ, есть бѣдняки, но ихъ сравнительно меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ; къ тому же нужно замѣтить, что здѣсь существуетъ немало богатыхъ, даже весьма и весьма зажиточныхъ крестьянъ; но объ этомъ будетъ сказано ниже. Понятно, что и дома зажиточныхъ крестьянъ имѣютъ уютный и веселый видъ: стѣны ихъ, тоже темнокрасныя, обыкновенно окружены группами деревьевъ, и если стоятъ подлѣ канала, у берега непременно привязана лодка хозяина дома. Люди и скотъ почти вездѣ живутъ подъ одною и тою же крышею. Но здѣшнее стойло отличается такой чистотой, какую вы рѣдко найдете даже въ домахъ крестьянъ другихъ европейскихъ странъ. Чистая тропинка, напоминающая узкое шоссе, ведетъ къ стойлу; ни подлѣ, ни сзади его вы не встрѣтите ни кучъ мусора и навоза, ни даже помойной ямы. Вся площадка передъ стойломъ вымощена „клинкерсами“, т.-е. маленькими, коричнево-красными, твердыми кирпичами. Скотъ отъ мая до сентября проводитъ день и ночь подъ открытымъ воздухомъ на пастбищахъ. Въ маѣ, когда его выгоняютъ изъ стойла, хозяева тотчасъ приступаютъ къ чисткѣ этого стойла, хотя оно и въ то время, когда скотъ тутъ находится, всегда бываетъ чрезвычайно опрятно. Когда все убрано, хозяева переходятъ на лѣтнее время изъ домовъ въ стойла и такимъ образомъ пользуются прохладой, которую они не могли бы имѣть въ своихъ зимнихъ помѣщеніяхъ. Войдите въ это стойло въ то время, когда въ немъ помѣщается семья, и вы не повѣрите, что оно зимою служитъ жилищемъ для скота. Это огромная, свѣтлая комната, съ чистымъ поломъ, со множествомъ разставленной домашней посуды; молитвенникъ и библія съ серебряными застѣжками за-

нимаютъ на полкѣ свое обычное мѣсто. Все въ голландскомъ домикѣ тщательно прибрано, живетъ-ли семейство въ стойлѣ или въ своемъ зимнемъ помѣщеніи: каждая вещь имѣетъ свое, заранѣе точно опредѣленное мѣсто, повсюду царствуетъ необыкновенная чистота. Окна, стѣны, внутреннія и внѣшнія, непремѣнно моютъ каждую недѣлю, а домашнюю утварь чистятъ и вытираютъ каждый день. Даже въ крестьянскомъ помѣщеніи кухня, ради большей опрятности, находится обыкновенно въ отдѣльномъ маленькомъ домикѣ, недалеко отъ общаго жилья.

Въ Сѣверной же Голландіи для коровъ и лошадей устраиваютъ настоящіе салоны. Полъ въ стойлахъ вымощенъ клинкерами и покрытъ слоемъ мелкаго и бѣлаго песку. Нечистоты стекаютъ посредствомъ трубъ, и въ этихъ громадныхъ, свѣтлыхъ жилищахъ для скота вы не услышите ни малѣйшаго запаха. Но что особенно оригинально, это то, что хвосты коровъ (во многихъ мѣстностяхъ Голландіи, но болѣе всего въ Фрисландіи) привѣшиваютъ къ потолку этихъ скотныхъ салоновъ посредствомъ снурковъ и такимъ образомъ, что корова можетъ свободно имъ двигать и отмахивать мухъ, когда она стоитъ; когда же она ложится, она не можетъ разбрасывать нечистоты и пачкать ими себя. Это придумано очень остроумно, просто и практично и не заставляетъ нисколько страдать корову, тогда такъ нечистота коровъ отражается на здоровьи этихъ животныхъ, а посредствомъ молока вредитъ и людямъ.

Если вы рассказываете по стойлу богатыхъ людей, вы легко можете вообразить себя въ оригинальномъ салонѣ. У стѣнъ стоятъ столы и поставцы, на которыхъ разложены серебряныя вещи и старый китайскій фарфоръ, бережливо переходящій по наслѣдству отъ отца къ сыну, съ XVII и XVIII столѣтій. Горшки съ пунцовыми и яркими цвѣтами и земледѣльческія орудія, тщательно выполированныя, довершаютъ убранство этихъ замѣчательныхъ хлѣбовъ. Въ теченіе всего лѣта, днемъ и ночью, стада остаются на лугу (этотъ обычай существуетъ въ большей части Голландіи, но не вездѣ); чтобы предохранить коровъ отъ простуды, имъ на спины привязываютъ пѣхто въ родѣ попоны; это даетъ поводъ нѣкоторымъ острякамъ говорить, что въ Голландіи коровы ходятъ въ пальто. Такимъ образомъ лѣтомъ хлѣва остаются совсѣмъ пустыми, и множество семействъ переходитъ жить въ нихъ на это время года. Внѣшній видъ хлѣвовъ вполне соотвѣтствуетъ внутреннему убранству. Стѣны ихъ прорѣзаны маленькими окнами, убранными занавѣсками изъ кисеи, и все строеніе напоминаетъ скорѣе жилища богатаго человѣка, чѣмъ жилище скота.

Надъ крышей дома, какъ корона, возвышается большое гнѣздо изъ соломы и вѣтвей, въ которомъ каждый годъ поселяется аистъ, возвѣщая весну. Аистъ для голландцевъ священная птица; никто ни осмѣлится убить его, и тотъ домъ считается счастливымъ, на кровлѣ котораго онъ устраиваетъ свое гнѣздо. Въ этомъ отношеніи голландцы походятъ на нашихъ малороссовъ; и здѣсь, и тамъ для аистовъ заготовляютъ искусственныя гнѣзда и всѣми средствами стараются заманить къ себѣ мимолетнаго гостя. Такая привязанность къ аистамъ, вѣроятно, развилась вслѣдствіе той пользы, которую эта птица приноситъ людямъ; она уничтожаетъ лягушекъ, жабъ, ящерицъ и змѣй. Аисты легко привыкаютъ къ человѣку и особенно часто встрѣчаются въ этой странѣ. Не только въ деревняхъ на каждомъ домѣ, у каждой трубы можно увидѣть семью аистовъ, но ихъ перѣдко встрѣчаютъ и на городскихъ домахъ. Городъ Гага имѣетъ въ своемъ гербѣ аиста, и потому на казенныхъ зданіяхъ этого города обыкновенно вырѣзанъ или нарисованъ аистъ. На рыбномъ рынкѣ, среди торговцевъ, всегда прогуливаются отъ трехъ до четырехъ ручныхъ аистовъ, которыхъ содержитъ городъ Гага, какъ Бернъ своихъ медвѣдей въ городскомъ рвѣ. Иногда аистъ нечаянно сломитъ себѣ ногу; сострадательные горожане ухаживаютъ за

нимъ, лѣзуть его, безпрестанно справляются о его здоровьи и придѣлываютъ ему искусственную деревянную ногу. Аистъ оживляетъ нидерландскій ландшафтъ, и потому голландскіе художники часто изображаютъ эту птицу на своихъ картинахъ.

Голландская любовь къ чистотѣ вошла въ пословицу. Любовь эта—слѣдствіе географическаго положенія, климата и изобилія воды, которая даетъ возможность мыть все дочиста каждую минуту, когда это вздумается. Извѣстно, что туманный воздухъ Голландіи очень быстро разлагаетъ дерево и окисляетъ металлы. Чтобы предохранить отъ разрушенія и то, и другое, дерево необходимо красить настоящими металлическими красками, а металлическія вещи чаще чистить и полировать. Крайняя чистота тутъ необходима болѣе, чѣмъ гдѣ ни было, и для здоровья. Зима здѣсь холодная, весна сырая, а лѣто жаркое. Народъ живетъ чрезвычайно тѣсно, соблюдаетъ крайнюю экономію относительно каждаго клочка земли, который достается здѣсь такъ дорого. Скопленіе народа на небольшихъ пространствахъ при нечистотѣ легко могло бы породить всевозможныя болѣзни, и воздухъ сдѣлался бы вреднымъ для дыханія. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятая, и сдѣлали голландца человѣкомъ замѣчательно чистоплотнымъ, такъ что онъ теперь, поставленный даже и въ другія условія, вездѣ сохраняетъ это прекрасное качество. Какъ-бы то ни было, но чистота благотворительно дѣйствуетъ на здоровье здѣшняго люда и даже на домашнихъ животныхъ. Посмотрите на улицу: народъ идетъ такой здоровый, веселый, краснощекій, въ чистыхъ платьяхъ. Голландки передъ всѣми другими европейскими женщинами отличаются мужественнымъ сложеніемъ, крѣпкою грудью и прекраснымъ цвѣтомъ лица.

Чистота и опрятность въ Голландіи замѣтны на каждомъ шагу, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. На улицахъ мѣдные молотки у дверей всегда блестятъ, какъ звѣзды на небесномъ сводѣ. Наружныя и внутреннія стѣны домовъ моютъ, трутъ и чистятъ съ неумолимой заботливостію. Въ этой странѣ чистятъ и моютъ стѣны, какъ въ другихъ мѣстахъ чистятъ свое платье. По средамъ, пятницамъ и субботамъ производится генеральная чистка. Въ эти дни улицы въ городахъ съ утра запружены служанками: онѣ черпаютъ воду, носятъ ее, поливаютъ вправо, влево, все моютъ и чистятъ: и стѣны домовъ, и домашнюю утварь, и заборы, и крыльцо, и даже улицу. Одна изъ нихъ бѣжитъ со щетками, съ метлами, съ сукоными и шерстяными тряпками, другая ручнымъ насосомъ обливаетъ домъ съ улицы, третья стоитъ на подоконникѣ и выливаетъ на стѣны сверху внизъ воду, ведро за ведромъ, точно будто во время пожара. Эти здоровыя и опрятныя дѣвушки въ деревянныхъ башмакахъ и чепчикахъ воодушевляются до того, что иностранцы называютъ ихъ «вакханками опрятности».

Войдемъ въ домъ зажиточнаго буржуа. Мы уже говорили о томъ, что почти каждый голландецъ имѣетъ отдѣльный домикъ и старается устроить свое гнѣздышко какъ можно лучше и уютнѣе. Этому много способствуетъ то обстоятельство, что дома эти обыкновенно собственныя и переходятъ отъ отца къ сыну. Жильцы въ немъ не временныя, а постоянныя; въ томъ домѣ, гдѣ голландецъ родился, онъ старается и умереть и потому прежде всего заботится передать сыну домъ, полученный имъ самимъ отъ своего отца, какъ можно въ большемъ порядкѣ. Вслѣдствіе этого каждый хозяинъ тщательно поддерживаетъ солидную прадѣдовскую мебель и домашнюю обстановку, постоянно пополняетъ свое хозяйство и передаетъ сыну домъ въ самомъ благоустроенномъ видѣ. Вы лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ найдете здѣсь въ домахъ зажиточныхъ людей легкую, изящную мебель нынѣшнихъ фасоновъ, бронзу, часы, вазы. Напротивъ все, что вы встрѣтите здѣсь въ домахъ

зажиточныхъ людей, очень старо (хотя и прекрасно сохранилось), тяжело, массивно, прочно, но въ то же время и старомодно. На небольшихъ свободныхъ пространствахъ между домами и на дворѣ зеленѣютъ у стѣнъ абрикосовыя и миндальныя деревья, а если ихъ нѣтъ, то виноградная лоза граціозно обвиваетъ домики и здѣсь и тамъ свѣшивается фантастическими фестонами.

Переступивъ порогъ дома, входишь въ сѣни, чрезвычайно хорошо убранныя и которыя служатъ здѣсь мѣстомъ дѣтскихъ игръ. Полъ выложенъ мраморомъ и во всю его длину разосланъ мягкій коверъ. Съ потолка спускается фонарь, иногда очень древній, свѣтъ котораго освѣщалъ дѣтскія игры еще прапрадѣдушки нынѣшняго хозяина. На стѣнахъ развѣшаны портреты предковъ, въ углахъ нерѣдко стоятъ статуи и бюсты. Противъ дверей висятъ домашніе часы въ большомъ футлярѣ краснаго дерева. Нерѣдко вся эта комната уставлена самыми рѣдкими, дорогими растеніями и цвѣтами.

Семейство, если есть нѣсколько этажей, живетъ въ нижнемъ этажѣ, который считается въ Голландіи бель-этажемъ. Только нанимающіе дома живутъ во второмъ этажѣ. Изъ сѣней идетъ прямо жилая комната, потомъ столовая и зало. Чѣмъ богаче хозяева, тѣмъ болѣе виситъ въ комнатѣ картинъ, писанныхъ масляными красками, — произведенія отечественныхъ художниковъ. Голландцы отличаются также необыкновеннымъ пристрастіемъ къ китайскимъ бездѣлушкамъ и къ китайскому фарфору. Въ каждомъ домѣ зажиточнаго человѣка вы найдете множество китайскихъ куколъ и разныхъ бездѣлушекъ, выточенныхъ изъ слоновой кости. Шкапы наполнены китайскимъ фарфоромъ.

Великолѣпный коверъ изъ Смирны покрываетъ полъ зала; на потолкѣ виситъ бронзовая люстра, а по стѣнамъ бронзовыя канделябры. Во всѣхъ комнатахъ мраморныя каминныя съ широкими зеркалами. Мебель изъ краснаго дерева не отличается изяществомъ, но всегда чрезвычайно удобна. Въ углахъ стоятъ плевательницы въ видѣ кувшиновъ съ узкимъ отверстіемъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ эти сосуды служатъ въ тоже время и для выколачиванія трубки, и ихъ подаютъ на столъ вмѣстѣ съ чайной и кофейной посудой. Но самая необходимая мебель, которую вы найдете, какъ въ домѣ богача, такъ и въ домѣ бѣдняка, — *грѣлки*: ими снабжены не только частныя дома, но и общественныя мѣста, ихъ вы найдете также и въ церквахъ. Когда женщина садится на стулъ, ей ставятъ подъ ноги грѣлку съ тлѣющимъ торфомъ. Этотъ обычай вѣроятно дурно дѣйствуетъ на здоровье, такъ какъ горящій торфъ выдѣляетъ сильный, удушливый запахъ. Однако эти грѣлки болѣе всего употребляютъ здѣсь люди зажиточные; можетъ быть поэтому у женщинъ этого класса къ старости выраженіе лица бываетъ чрезвычайно вялое, а цвѣтъ кожи — свинцовый.

Вездѣ и всегда, какъ на улицѣ, такъ и въ домѣ, выгадываютъ мѣсто: шкафы вдѣланы въ стѣны, ставни непременно внутреннія; ночью ими закрываютъ окна, а днемъ ихъ опять вдвигаютъ внутрь стѣны. Чтобы открыть окно, его нужно поднять вверхъ; оно почти цѣлый день завѣшано двойными занавѣсками, такъ что въ комнатѣ всегда царитъ таинственный полумракъ. Часто смотрѣть въ окно для молодой дѣвушки здѣсь считается неприличнымъ, а голландки очень любопытны, вотъ онѣ и придумали зеркала, укрѣпленныя въ простѣнкахъ такимъ образомъ, что въ нихъ отражается вся улица и видны всѣ проходящіе. Молодая голландка сидитъ въ продолженіи многихъ часовъ въ своемъ мягкомъ креслѣ, усердно занимается дѣломъ и только отъ времени до времени броситъ взглядъ въ «шпіона» (такъ называются эти зеркала) и видитъ все, что дѣлается на улицѣ и на каналѣ.

Мебель, посуда и другіе предметы обстановки, какъ мы уже говорили, обыч-

новенно чрезвычайно старинные. Голландецъ имѣетъ страсть къ древностямъ, но, какъ человѣкъ практическій, онъ не любитъ, чтобы предметы, собранные имъ, служили только коллекціею для праздныхъ зрителей. Въ каждомъ зажиточномъ домѣ вы непременно найдете нѣсколько старинныхъ креселъ и столовъ. Вотъ диванъ временъ испанцевъ, а этотъ кубокъ и сервизъ напоминаютъ времена Людовика XIV. Всѣ эти предметы тщательно сохраняются, но всѣ они несутъ практическую службу, хотя многіе изъ нихъ употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ.

Во второй этажъ ведетъ узкая, витая и крутая лѣстница, но непременно покрытая прекраснымъ мягкимъ ковромъ, заглушающимъ шати. Въ верхнемъ этажѣ устроенъ кабинетъ хозяина дома, подлѣ нерѣдко прекрасная библіотека и тутъ же нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ одна, двѣ, превосходно убранныя, остаются со-всѣмъ безъ всякаго употребленія. Нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ отведены для спаленъ гостей, которые посѣщаютъ домъ нѣсколько разъ въ годъ, другія служатъ парадными комнатами для приѣма гостей въ торжественныхъ случаяхъ. Всѣ комнаты оклеены обоями и устланы коврами. Въ этихъ наиболѣе парадно убранныхъ комнатахъ второго этажа никто не живетъ; ихъ открываютъ только для гостей въ высо-каторжественные дни.

Святая-святыхъ хозяйки—кухня. Голландская кухня болѣе всего походитъ на гигантскую аптеку: на полкахъ блеститъ безчисленное множество мѣдной и оловянной посуды; въ большихъ шкафахъ симметрично разставлены серебряные сосуды, кубки и драгоценный китайскій фарфоръ. Мраморный полъ блеститъ, какъ зеркало. Рядомъ съ кухней, въ свѣтлой кладовой, въ большомъ порядкѣ расставлены жестяныя коробочки, бутылки и разные запасы въ глиняныхъ горшкахъ.

Вы спускаетесь въ погребъ. Несмотря на сырую почву, здѣсь все сухо и свѣтло, какъ въ жилой комнатѣ. Нигдѣ ни одной паутинки, такъ какъ голландки немилосердно преслѣдуютъ пауковъ. Вино, уксусъ, масло всегда въ запасѣ, все стоитъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ.

Посмотримъ теперь на образъ жизни въ такомъ хорошо устроенномъ домѣ. Утромъ вся семья, въ 7 или 8 часовъ, въ чистыхъ утреннихъ платьяхъ собирается къ завтраку. Когда всѣ на лицѣ, хозяинъ дома читаетъ молитву, послѣ которой всѣ принимаются за приготовленный завтракъ. Онъ состоитъ изъ чая, хлѣба, сухарей, масла, сыра и холодной говядины разнаго рода. Послѣ завтрака каждый принимается за свое дѣло. Дѣти отправляются въ школу, мужъ и старшіе сыновья въ контору, находящуюся въ домѣ или въ другомъ мѣстѣ, а хозяйка въ кухню или въ кладовую, гдѣ она выдаетъ кухаркѣ припасы на этотъ день. Дѣло кухарки почти исключительно ограничивается кухнею; она даже рѣдко ходитъ на рынокъ, такъ какъ въ Голландіи существуетъ обычай рѣшительно все приносить на домъ. Въ домѣ средней руки, кромѣ кухарки, есть еще горничная. Она должна убирать домъ и служить за столомъ. Относительно прислуги голландцы составляютъ совершенную противоположность англичанамъ: тѣ окружаютъ себя цѣлою арміею служителей, для всякаго дѣла имѣютъ особаго слугу. Здѣсь, наоборотъ, стараются какъ можно болѣе сократить штатъ прислуги. Если живущая въ домѣ прислуга не справляется съ дѣломъ, для этого нанимаютъ постороннихъ людей, приходящихъ только въ извѣстный часъ. Часто одинъ и тотъ же мальчикъ приходитъ утромъ въ нѣсколько сосѣднихъ домовъ поочередно, часа на полтора, только для того, чтобы почистить платья, башмаки и сапоги, и получаетъ за это помѣсячно. Если семейство живетъ не въ самомъ городѣ, оно поручаетъ дѣлать покупки фактору, которому и платитъ точно такъ же помѣсячно, но который въ домѣ тоже не живетъ.

Голландцы любятъ жить комфортабельно и уютно, но не позволяютъ себѣ удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, хотя и не отличаются скупостью и строгой экономіею нѣмцевъ. Устраивая себѣ уютное гнѣздо, голландецъ никогда не спрашивается съ указаніями моды, а принимаетъ въ расчетъ прежде всего то, чтобы все, что онъ сдѣлалъ, могло пригодиться не только его дѣтямъ и внукамъ, но и его правнукамъ. Онъ любитъ жить въ своей семьѣ, рѣдко выезжаетъ, а также рѣдко приглашаетъ къ себѣ гостей. Несмотря однако на свою любовь къ уединенію и къ семейной жизни, каждый голландецъ считаетъ своимъ долгомъ дать въ годъ нѣсколько баловъ и званыхъ обѣдовъ. Эти балы, обѣды и выезды устраиваются съ необыкновеннымъ торжествомъ и на нихъ расходуютъ очень много денегъ, хотя они не доставляютъ удовольствія ни хозяевамъ, ни гостямъ.

Когда богатый банкиръ, землевладѣлецъ или купецъ даетъ балъ или торжественный обѣдъ, что бываетъ не больше трехъ, четырехъ разъ въ году, тогда жена его отворяетъ двери всѣхъ парадныхъ комнатъ. Она снимаетъ чохлы съ мебели, картинъ и люстръ, вынимаетъ изъ шкафовъ китайскій фарфоръ, серебро, золото и всѣ рѣдкости, собранныя въ семействѣ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Гости ѣдятъ и пьютъ изъ древнихъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и кубковъ, лакомятся изъ массивныхъ серебряныхъ вазъ самой древней формы. Праздникъ кончился, и хозяйка на другой день надѣваетъ чохлы на штофную мебель; хрусталь, серебро и золото исчезаетъ въ шкафахъ, парадныя апартаменты запираются, а семья опять спускается въ уютныя комнаты нижняго этажа.

Кто имѣетъ рекомендацію, можетъ смѣло явиться въ голландскій домъ и быть увѣреннымъ въ радушномъ приѣмѣ. Если иностранецъ хочетъ скорѣе приобрести дружбу голландца, онъ долженъ до конца выкуривать трубку, которую ему предложить, выпивать рюмку до дна и никогда ничего не оставлять на тарелкѣ. Онъ долженъ стараться больше слушать, чѣмъ говорить, всегда долженъ быть во фракѣ и въ безукоризненномъ галстухѣ и не плевать, гдѣ попало, а непременно въ урну, которая стоитъ въ углу. Все противное этому — признакъ дурного тона, неумѣнья держать себя съ порядочными людьми, и голландецъ рѣзко, безъ всякихъ обиняковъ, запретъ передъ такимъ невоспитаннымъ человѣкомъ двери своего дома. Но возвратимся къ описанію будничнаго, ежедневнаго времяпрепровожденія.

Когда наступаетъ время для второго завтрака, между 12-ю и часомъ, пьютъ кофе, «jeuneveг» и ликеры и ѣдятъ холодное кушанье. Первый завтракъ почти ничѣмъ не отличается отъ второго, развѣ только тѣмъ, что на послѣднемъ подаютъ болѣе яствъ. Около 4-хъ часовъ — обѣдъ, который совершается у голландцевъ торжественно и отъ котораго они не позволяютъ себя оторвать безъ особенно уважительной причины. Вечеромъ вся семья собирается около главы семейства, который что нибудь рассказываетъ или читаетъ вслухъ, сидя на старинномъ креслѣ, среди облаковъ дыма и въ бѣломъ колпакѣ на головѣ. Точно такъ же и головы всѣхъ остальныхъ членовъ семьи мужского пола, когда они проводятъ вечеръ въ своей семьѣ, покрыты бѣлыми, остроконечными колпаками. Когда наступаетъ вечеръ, вся семья собирается около чайнаго котла. Всѣ садятся вокругъ стола, покрытаго бѣлоснѣжной скатертью, на которой разставлены синія тарелки для сыра и мяса, масляница и синія чашечки.

Голландская кухня не имѣетъ своеобразныхъ національныхъ кушаньевъ, но представляетъ смѣсь англійской, французской и нѣмецкой: тутъ вы найдете и англійскіе ростбифы, и французскія котлеты, и нѣмецкую капусту, и компоты изъ фруктовъ, клецки и множество кушаньевъ изъ яицъ, но все это приготовлено не

особенно вкусно. Суповъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, не существуетъ въ Голландіи; отваръ, который голландцы называютъ супомъ, скорѣе напоминаетъ теплую мутную воду, чѣмъ нашъ супъ. Это происходитъ оттого, что на большое количество воды здѣсь кладутъ очень немного телячьихъ костей и больше ничего. Мясо никогда не ѣдятъ варенымъ, а только жаренымъ; овощи также играютъ второстепенную роль. Въ большомъ употребленіи цвѣтная капуста въ разныхъ видахъ; мелкій, зажаренный картофель дюнъ бываетъ за каждымъ столомъ. Очень любятъ рыбу; изъ рыбныхъ кушаній особенно извѣстностью пользуется «Waterzoodje» — окунь, сваренный въ соленой водѣ съ петрушкой; его ѣдятъ съ хлѣбомъ, намазаннымъ масломъ. Голландцы обладаютъ необыкновенно большимъ аппетитомъ: они болѣе обращаютъ вниманія на количество, чѣмъ на качество. Въ здѣшнихъ ресторанахъ подаютъ такія громадныя порціи, которыя просто поражаютъ иностранцевъ. Французы называютъ ихъ «пожирателями мяса и молока». Это отчасти справедливо, такъ какъ мясо въ самыхъ разнообразныхъ видахъ — бифтекъ, рост-бифъ, различное жаркое — холодное и горячее, шары голландскаго сыра, молочные продукты поглощаются въ громадномъ количествѣ каждой семьей за ихъ двумя завтраками, за обѣдомъ, чаемъ и кофеемъ. Эта частая и обильная ѣда вѣроятно содѣйствуетъ тому, что у многихъ голландцевъ къ старости вырастаетъ огромный животъ, такъ что ихъ называютъ «брюханами».

Вино—привозное; его пьютъ лишь самые богатые люди, такъ какъ оно дорого; пиво невкусное и тоже не дешево; за то настойки и ликеры и дешевы, и хороши. Національный напитокъ—«jenever» и многіе сорта «maagbitter», который употребляютъ ежедневно въ большомъ количествѣ. Хотя въ Голландіи существуетъ «общество трезвости», состоящее уже изъ многихъ тысячъ членовъ, но программа его вѣроятно никогда не осуществится. Сырой климатъ Голландіи требуетъ возбуждающихъ и согревающихъ напитковъ. Много употребляютъ также «advocatenborrel», который состоитъ изъ рома, яичнаго желтка и сахара. Чай голландскаго приготовленія не вкусенъ и горекъ, и даже въ гостиницахъ его не разливаютъ по чашкамъ и не подаютъ приготовленнымъ, а каждый завариваетъ его самъ. Желаящему приносить порцію сухого чая, горячую воду, пылающій торфъ въ особомъ сосудѣ, большой чайный котелъ, чайныя принадлежности, и каждый свою порцію чаю можетъ заварить на двѣ чашки или на 12, по своему усмотрѣнію. Сахаръ никогда не подаютъ кусками, а толченый. При этомъ мужчины непременно предлагаютъ глиняную трубочку.

Богатые люди имѣютъ свои собственные дома не только въ городѣ, но и въ деревнѣ. Когда приходится имѣть только одинъ домъ, его предпочитаютъ выстроить за городомъ, вблизи оживленной большой дороги. Эти голландскіе загородные дома, или дачи, находятся въ красивыхъ мѣстностяхъ и напоминаютъ китайскіе павильоны. Голландецъ чрезвычайно любитъ свой загородный домъ, какъ мѣсто отдыха и тихой семейной жизни, и даетъ ему самыя оригинальныя прозвища, которыя онъ большими буквами надписываетъ на воротахъ. Вотъ эти названія: «Будь доволенъ»; «Мое удовольствіе»; «Больше ничего не нужно»; «Моя отрада»; «Удовольствіе и покой»; «Радость и жизнь»; «Честный человѣкъ живетъ безъ долговъ» и т. п. Здѣсь голландецъ отдыхаетъ по воскресеньямъ отъ работы цѣлой недѣли и занятій въ конторѣ. Тутъ цѣлыми днями сидятъ его жена и дочери, занимаясь шитьемъ и поглядывая на барки, экипажи и путешественниковъ. Когда съ ними сидятъ и мужчины, ихъ еле можно различить въ густыхъ облакахъ табачнаго дыма. Тутъ еще рѣже, чѣмъ въ городѣ, посѣщаютъ своихъ знакомыхъ, и если когда и забредетъ гость, то

остается не долго: выпьетъ вмѣстѣ нѣсколько чашекъ кофею или чаю (нѣкоторые пьютъ по дюжинѣ чашекъ и болѣе) и отправляются восвояси.

Сады этихъ прелестныхъ загородныхъ жилищъ отличаются необыкновеннымъ богатствомъ цвѣточныхъ куртинъ и прекрасными аллеями. Наибольшимъ удовольствіемъ дачной жизни служить охота. Въ Голландіи, какъ мы уже говорили, чрезвычайно мало лѣсовъ, кое гдѣ встрѣчаются только рощи, въ которыхъ попадаются зайцы, слѣдовательно объ охотѣ на животныхъ не можетъ быть и рѣчи. Вмѣсто этого здѣсь сильно распространена охота на птицъ. Болота, луга, равнины и острова, все способствуетъ размноженію въ громадномъ количествѣ дикихъ утокъ, гусей, куликовъ, бекасовъ, чаекъ, береговыхъ и водяныхъ птицъ, которыя оживляютъ однообразную, низменную мѣстность Голландіи. Когда весною молодая трава покрываетъ землю, по ней съ крикомъ бѣгутъ стаи пугалицъ и другихъ птицъ. Чайки безконечными стаями носятся надъ водными пространствами и залетаютъ даже въ города. Въ воздухѣ длинными вереницами проносятся перелетныя птицы, въ тростникѣ раздаются криканье дикихъ утокъ, почти на всѣхъ водяныхъ поверхностяхъ граціозно плаваютъ лебеди, въ болотахъ важно расхаживаютъ длинноногія, береговья птицы и глотаютъ лягушекъ, а журавли быстро проносятся надъ долинами. Охота на птицъ не только служить удовольствіемъ для богатыхъ, но и промысломъ, которымъ занимается множество бѣдняковъ.

Не менѣе предаются голландцы и *уженію рыбы*. Вся страна покрыта водами, богатыми рыбою, и опоясана моремъ. Здѣсь много морскихъ заливовъ; каналы и рѣки идутъ какъ вдоль городовъ, такъ и вдоль деревень, и почти каждый крестьянинъ и большая часть горожанъ имѣютъ челнокъ или рыбацью лодку у самаго дома. Поэтому голландцы страстные охотники ловить рыбу удочкою и неводомъ. Даже низшіе классы народа не только сдѣлали изъ уженья рыбы полезный для себя промыселъ, но въ свободное время предаются съ увлеченіемъ этому удовольствію.

Лица, не имѣющія средствъ выстроить за городомъ домъ съ садомъ, нерѣдко устраиваютъ одинъ садикъ вблизи того города, въ которомъ они живутъ. Въ такихъ садикахъ семья голландца проводитъ цѣлые дни, если только это позволяетъ погода. Васъ поразитъ въ нихъ аккуратность, симметрія, роскошь зелени и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Всѣ дорожки усыпаны золотистымъ пескомъ и по краямъ искусно убраны раковинами. Кромѣ куртинъ и клумбъ съ цвѣтами стоитъ множество глазированныхъ горшковъ съ болѣе дорогими луковичными растеніями. На вѣткахъ деревьевъ висятъ кѣтки съ пѣвчими птицами. Но болѣе всего поражаетъ въ этихъ садахъ оригинальный видъ деревьевъ. Во многихъ мѣстностяхъ Голландіи существуетъ обычай красить деревья въ красный и синій цвѣтъ и такимъ образомъ стигать и подстригать ихъ, что они представляютъ самую разнообразную форму: обелиска, пирамидъ, вазъ и животныхъ. Прежде любили придавать имъ даже человѣческую форму: цѣлая группа деревьевъ, вмѣстѣ и порознь, напоминали то аркадскую пастушку, то голландскаго бургомистра. Впрочемъ теперь все меньше и меньше уродуютъ деревья.

Кто не имѣетъ ни дачи, ни сада, тотъ беретъ свой патріархальный дождевой зонтикъ и отправляется послѣ обѣда въ общественный садъ, съ своей женой, дѣтьми и собакой. Странно смотрѣтъ тогда на голландцевъ: женщины разгуливаютъ въ бѣлыхъ чепчикахъ, мужчины въ бѣлыхъ галстукахъ и съ трубками въ рукахъ. Каждый подходитъ раскурить свою трубку у громадной жаровни. Передъ всѣми чашки или бутылки: здѣсь кофе, тамъ чай или жeneverъ. Всѣ заняты покойнымъ созерцаніемъ или тихими, семейными разговорами. Здѣсь никогда не услышите горячихъ

споровъ, не замѣтите оживленной, южной мимики и жестикуляцій. Все тихо, спокойно, иногда даже черезъ чуръ чопорно, голландецъ оживляется или, точнѣе сказать, совсѣмъ измѣняется лишь во время кермеса, т. е. ярмарки и въ дни бѣганья на конькахъ.

НРАВЫ И ОБЫЧАИ.

Свадьба.—Крестины.—Похороны.—Конскій бѣгъ.—Бѣганье на конькахъ.—Кермесь: необыкновенное оживленіе народа и обычаи въ эти дни.

Когда молодому парню нравится дѣвушка, онъ, не долго думая, проситъ позволенія у ея родителей посѣщать ихъ домъ. Если ему не отказываютъ въ этомъ, молодыхъ людей начинаютъ называть женихомъ и невестой. Но это еще не значитъ, что парень и дѣвушка поженятся, хотя въ большинствѣ случаевъ это обыкновенно кончается бракомъ. Молодой человѣкъ, если хочетъ, можетъ каждый вечеръ ходить къ своей невестѣ, но онъ ни минуты не долженъ оставаться долѣ двѣнадцати часовъ ночи. Въ окрестностяхъ Гронингена и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ крестьяне производятъ нѣчто въ родѣ тайнаго суда надъ молодымъ человѣкомъ, который пренебрегаетъ этимъ обычаемъ. Но для того, чтобы произвести такую расправу, его непременно нужно застать, когда онъ выходитъ отъ невесты. Есть всегда любители, которые садятся въ засаду нѣсколько раньше 12-ти часовъ и ждутъ, когда Гансъ идетъ отъ своей Гретель. Если онъ возвращается позже 12-ти, на него со всѣхъ сторонъ нападаетъ нѣсколько человѣкъ, связываютъ его веревкой и тащатъ окунуть въ первую попавшуюся лужу. Если вода замерзла, его окачиваютъ изъ ведеръ. Таковъ народный обычай и пострадавшій никогда не жалуется въ судъ.

За 8 дней до свадьбы происходятъ поздравленія. Въ этотъ день въ домъ невесты собираются всѣ родственники до 7-го колѣна. Въмѣсто пригласительныхъ писемъ, тому, кого желаютъ пригласить, посылаютъ вино и сладкое печеніе въ красивомъ сверткѣ. Каждый знаетъ, что это означаетъ, и торопится въ домъ невесты въ назначенный день.

Бракъ здѣсь совершается чрезвычайно просто. Онъ считается законнымъ, если брачный контрактъ заключенъ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ. Желаютъ ли новобрачные получить благословеніе церкви, или нѣтъ,—это вполне предоставляется на ихъ усмотрѣніе. Если свадебная церемонія здѣсь очень проста, то свадебный пиръ требуетъ большихъ издержекъ и празднуется на славу. Сельское населеніе живетъ здѣсь очень просто и тихо, но семейные праздники справляетъ съ большою пышностью. Свадьба же считается самымъ большимъ праздникомъ, и потому на нее не только ничего не жалѣютъ, но затрачиваютъ часто заработокъ нѣсколькихъ лѣтъ. Особенно прежде крестьяне такъ тратились на свадьбы, что нерѣдко совсѣмъ разорялись. Это принудило правительство опредѣлить закономъ, сколько можетъ тратить крестьянинъ на музыкантовъ, сколько на свадебные подарки, какое количество блюдъ подавать за обѣдомъ. Этимъ правиламъ не слѣдуютъ, но все-таки теперь не такъ на это разоряются.

Крестьяне, хотя и не имѣютъ особенныхъ комнатъ для торжественныхъ случаевъ, какъ негоціанты и буржуа, но зато у каждаго изъ нихъ непременно двѣ входныхъ двери; одна изъ нихъ, черезъ которую ходятъ каждый день, а другая, запертая въ обыкновенные дни, открывается только ради трехъ торжественныхъ случаевъ: для новорожденного, когда его несутъ крестить, для жениха или невесты,

когда кто нибудь изъ нихъ отправляется вѣнчаться, и для покойника, когда его отвозятъ на кладбище.

Когда у крестьянки умираетъ мужъ, а она еще молода, она нерѣдко выходитъ замужъ за своего старшаго работника, если онъ еще не слишкомъ старъ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: въ тотъ день, когда служащіе получаютъ жалованье, крестьянка отзываетъ въ сторону работника и отдаетъ ему жалованье. Тотъ отказывается принять его, она настаиваетъ, но, наконецъ, уступаетъ, и работникъ вскорѣ дѣлается хозяиномъ. Если же хозяйка твердо стоитъ на томъ, чтобы работникъ взялъ свое жалованье, это означаетъ другими словами, что она ни за что не выйдетъ за него замужъ. Такой работникъ послѣ этого не остается въ домѣ и прощается навсегда съ хозяйкою. Причиною отказа вдовы отъ новаго брака часто бываетъ честолюбіе. Есть много крестьянскихъ семействъ, которые тщеславятся тѣмъ, что онѣ произошли изъ древняго крестьянскаго рода и стараются родниться съ людьми не менѣ древняго происхожденія.

Женскій золотой головной уборъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ играетъ важную роль при сватовствѣ. Когда женихъ приходитъ свататься къ молодой дѣвушкѣ, онъ прежде, чѣмъ рѣшится сказать ей объ этомъ, узнаетъ, можетъ ли онъ рассчитывать на ея согласіе или нѣтъ. Если дѣвушка при входѣ его выходитъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ возвращается въ своей сіяющей діадемѣ, — это означаетъ, что она ему не откажетъ. Если же она чопорно сидитъ передъ нимъ безъ діадемы, то ему не стоитъ и дѣлать предложенія. Когда дѣвушка согласилась на бракъ, женихъ даритъ ей шелковыя подвязки, на которыхъ вытканы изреченія, въ родѣ слѣдующихъ: «о ты, супружескій союзъ! Только смерть можетъ тебя нарушить!» — «Супружеская любовь только тогда достойна уваженія, когда ее раздѣляютъ обѣ стороны» и т. п.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ большомъ ходу при сватовствѣ такой обычай: молодой человекъ завязываетъ въ уголокъ носового платка серебряную монету и передаетъ этотъ узелокъ дѣвушкѣ, которой онъ хочетъ сдѣлать предложеніе. Если дѣвушка развязываетъ узелокъ, это означаетъ, что она желаетъ быть его женой. На этихъ платкахъ также множество изреченій, въ томъ же родѣ, какъ и на подвязкахъ, со всевозможными варіаціями: «Любовь хороша, когда она вознаграждается взаимностью; гдѣ ея нѣтъ, тамъ всѣ старанія напрасны»; «Хвалите Бога».

Мать молодой, еще задолго до появленія новаго члена семьи, дѣлаетъ для будущаго ребенка и для своей дочери большія приготовленія. Конечно, чѣмъ богаче мать молодой, тѣмъ богаче приданое новорожденнаго, но, какъ бы она ни была бѣдна, обычай заставляетъ ее, задолго до появленія на свѣтъ малютки, отослать въ домъ своей дочери: колыбель, грѣлку, какъ можно больше бѣлья, нарядное платье для крестинъ, ремень, укропную воду. Вмѣстѣ съ этимъ она должна заготовить засахаренный анисъ, яичный глинтвейнъ и чайное печенье съ корицей. Этими сладостями угощаютъ женщинъ, посѣщающихъ молодую мать. Бѣда тому, кто допуститъ малѣйшее отступленіе отъ этого обычая. Языки посѣтительницъ употребляютъ все стараніе, чтобы подорвать авторитетъ семейства, совершившаго такое преступленіе. Самое важное угощеніе въ это время «*muisjes*» — засахаренное анисовое сѣмя. Его ѣдятъ слѣдующимъ образомъ: берутъ бисквиты, родъ тоненькихъ круглыхъ сухариковъ, намазываютъ ихъ масломъ или посыпаютъ «*muisjes*» и ѣдятъ съ чаемъ.

Люди болѣе или менѣе богатые вывѣшиваютъ каждое утро на своихъ дверяхъ бюллетень о состояніи здоровья матери и новорожденнаго. Знакомый, подходя къ двери навѣстить семейство, не постучитъ въ нее, если на ней объявленіе, такъ какъ въ это время считается неприличнымъ беспокоить хозяевъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Голландіи существуетъ странный обычай. Какъ только родится ребенокъ, къ дверямъ прибиваютъ «kraamklopper» — символъ радости и страданія матери. Онъ состоитъ изъ дощечки, обтянутой розовой шелковой матеріей и покрытой кружевами, сложенными на углахъ въ складочки, но черезъ которыя просвѣчивается розовая подкладка. Если новорожденный—дѣвочка, то половину дощечки обтягиваютъ бѣлой шелковой матеріей, такъ что фонъ такого «kraamklopper'a» наполовину бѣлый, наполовину розовый. Если же родился мальчикъ, бѣлой матеріи не подкладываютъ, и весь фонъ клоппера, изъ-подъ тонкихъ кружевъ, просвѣчивается розовымъ. У нѣкоторыхъ клопперы бываютъ очень роскошные. Богатые употребляютъ для нихъ самые драгоценныя кружева и самую дорогую шелковую матерію, даже и бѣдные нерѣдко отказываютъ себѣ въ самомъ существенномъ, чтобы только сдѣлать «клопперъ» у своей двери болѣе роскошнымъ. Если ребенокъ умираетъ вскорѣ послѣ своего рожденія, клопперъ дѣлаютъ траурный: дощечку обтягиваютъ черной шелковой матеріей и покрываютъ кружевами; при глубокомъ траурѣ оборву дѣлаютъ не изъ кружевъ, а изъ черного кембрика. Когда клопперъ портится отъ дурной погоды, на другой день вывѣшиваютъ новый.

Гостей не принимаютъ и тогда, когда кто-нибудь хвораетъ. Звонкомъ у дверей умолкаетъ до тѣхъ поръ, пока больной совсѣмъ не поправится. Нѣкоторые при этомъ точно такъ-же вывѣшиваютъ бюллетень съ подписью доктора и такимъ образомъ избавляются отъ посѣтителей.

Когда въ домѣ кто нибудь умираетъ, о его смерти извѣщаетъ сосѣдей, родныхъ и друзей «aanspreker». Это—живое объявленіе о смерти одѣто во всемъ черномъ: въ черномъ фракѣ, въ короткихъ штанахъ, въ длинныхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. На головѣ у него круглая шляпа съ большими полями, на которой развѣвается черный крепъ, такой же длинный, какъ корабельный флагъ. Онъ говоритъ глухимъ, замогильнымъ голосомъ: «я возвѣщаю о смерти такого-то» (при этомъ называетъ имя и адресъ). Этотъ-же самый герольдъ возвѣщаетъ иногда и о рожденіи: такимъ образомъ онъ встрѣчаетъ только-что вошедшаго въ міръ и провожаетъ его въ послѣднее жилище.

Погребеніе происходитъ утромъ, весьма скромно. Друзья, слѣдовавшіе за гробомъ, возвращаются въ домъ покойника и все вмѣстѣ завтракаютъ въ торжественномъ молчаніи.

Прекрасныя голландскія лошади дали случай ко множеству удовольствій и празднествъ. Между національными увеселеніями одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ *конскій бѣгъ*. Но ни въ одной голландской мѣстности не увлекаются такъ страстно этимъ удовольствіемъ, какъ въ Фрисландіи, можетъ быть потому, что эта провинція — родина самыхъ лучшихъ лошадей въ Голландіи. Огромными толпами отправляется народъ къ ристалищу, гдѣ будетъ происходить бѣгъ. Лошадей, назначенныхъ для бѣга, выставляютъ парами. На каждой изъ нихъ сидитъ наѣздникъ въ короткой курткѣ, и вмѣсто сѣдла подъ нимъ коверъ, прикрѣпленный ремнемъ. Сразу могутъ выѣзжать только два ѣздока. Они пускаются къ цѣли съ страшнымъ крикомъ и гикомъ, отчасти чтобы этимъ заставить скорѣе бѣжать лошадь, такъ какъ кнутъ запрещенъ, отчасти чтобы смутить своего соперника. Принято объѣзжать три раза весь кругъ, и только тѣ лошади считаются побѣдительницами, которыя во все три объѣзда достигли цѣли въ числѣ первыхъ. Побѣдные призы состоятъ обыкновенно изъ серебрянаго кубка, дорогого кнута и серебряныхъ шпоръ.

Нѣтъ ничего болѣе любопытнаго, какъ смотрѣть зимой, когда молодыя дѣвушки, съ развѣвающимися отъ холода щеками, съ блестящими отъ удовольствія глазами,

скользятъ на конькахъ по льду. Когда онѣ, въ сопровожденіи брата или жениха, летятъ съ одного конца канала до другого, то граціозно наклоняясь впередъ, то выпрямляясь во весь ростъ, то нѣсколько откидываясь назадъ, дѣлая зигзаги, описывая круги, гордо и увѣренно покачиваясь, трудно вѣрить, что это живыя существа! Кажется, невидимыя созданія или сказочныя феи собрались праздновать на поверхности льда праздникъ въ честь граціи, молодости и красоты.

Страсть кататься на конькахъ — повсемѣстна въ Голландіи: безконечныя равнины, озера, польдеры и безчисленное количество каналовъ—все покрывается зимой ледяной корой, по которой такъ удобно скользить на конькахъ. И дѣйствительно, нигдѣ страсть къ бѣганію на конькахъ не охватываетъ такъ всѣ классы общества, нигдѣ умѣнье и ловкость къ этому упражненію не доходятъ до такого совершенства, какъ здѣсь. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ мороза, съ наступленіемъ котораго всѣ эти неудобныя водныя пространства превращаются въ прекрасныя ледяныя равнины. Сколько удовольствія, наслажденій и удобствъ сулятъ они голландцу! Съ какимъ восторгомъ встрѣчаютъ тутъ первый морозъ! Первый вопросъ каждое утро старика, молодой дѣвушки и ребенка одинъ и тотъ же: «Есть ли сегодня морозъ, окрѣпъ ли ледъ?» Какой шумъ и оживленіе по всѣмъ деревнямъ въ тотъ день, когда на поверхности замѣтятъ смѣльчака, который первый на своихъ конькахъ испробовалъ прочность льда. Всѣ выбѣгаютъ: старики, женщины, юноши, дѣвушки, дѣти, молодые и старые,—всѣ толпятся на льду, не обращая вниманія на рѣзкій вѣтеръ.

Начиная ходить, здѣшній ребенокъ въ то же время уже учится держаться на льду. Каждый изъ нихъ, гораздо раньше, чѣмъ приняться за азбуку, отлично знаетъ бѣгать на конькахъ. Только-что каналы успѣютъ покрыться льдомъ,—нельзя болѣе удержать въ домѣ молодежь. Веселая толпа, съ ранняго утра до поздняго вечера, одинъ за другимъ, по всѣмъ направленіямъ канала скользитъ по ледяной поверхности. Голландцы по справедливости считаются лучшими конькобѣжцами въ мірѣ. Они начинаютъ упражненіе съ самаго ранняго дѣтства и съ каждымъ годомъ увеличивается ловкость, быстрота, легкость и грація ихъ бѣга. Здѣсь есть люди, пробѣгающіе пять миль въ часъ, и самая скорая лошадь не можетъ ихъ догнать. Умѣнье бѣгать на конькахъ служить не только удовольствіемъ. Женщины и дѣвушки доставляютъ такимъ образомъ на рынки и въ города, находящіеся отъ нихъ иногда довольно далеко, свои домашнія сбереженія: молоко, масло, капусту, плоды. На вырученныя деньги онѣ покупаютъ другіе товары и такимъ же способомъ возвращаются съ ними домой. Дѣвушки легко и непринужденно пролетаютъ громадныя пространства на конькахъ, съ тяжелыми ведрами или корзинами на головахъ, какъ и тогда, когда онѣ скользятъ по блестящей поверхности только ради своего удовольствія. При этомъ самая маленькая дѣвочка никогда ничего не уронитъ, не прольетъ и не разобьетъ. Самые цѣнныя и хрупкія вещи поручаютъ дѣтямъ доставить въ ту или другую мѣстность, и они съ гордостью держатъ ихъ на головѣ, всегда умѣя сохранить равновѣсіе.

Пріятно смотрѣть на молоденькихъ дѣвушекъ утромъ, когда онѣ летятъ по льду по разнымъ направленіямъ: золотыя украшенія ихъ головъ, точно средневѣковыя шлемы, придаютъ какую-то особенную энергію ихъ лицамъ и, какъ блуждающіе огоньки, мелькаютъ сквозь туманный воздухъ. Но еще болѣе любопытно наблюдать молодую дѣвушку рано утромъ, когда она только-что собирается въ путь. Высокая, красивая, гордая и увѣренная, съ своимъ блестящимъ уборомъ на головѣ, она выходитъ изъ дому съ коньками въ рукахъ. Съ блуждающею улыбкою на губахъ она нагибается, чтобы одѣть ихъ, но въ ту же минуту къ ея услугамъ бро-

сается молодой парень. Онъ уже давно за изгибами канала ждалъ этой минуты, при- таивъ дыханіе, опасаясь, чтобы кто-нибудь не опередилъ. Вотъ почему онъ съ та- кою живостью бросается къ ея ногамъ. Привязать коньки къ ногамъ красавицы — честь, которой добиваются всѣ парни, такъ какъ за эту услугу имъ платятъ по- цѣлуемъ.

Въ Голландіи коньки стали употреблять уже много столѣтій тому назадъ. Вездѣ, гдѣ только приходилось разрывать холмы, на большой глубинѣ находили коньки, ко- торые нерѣдко принадлежали жителямъ не только X-го столѣтія, но и VIII-го. Коньки въ Голландіи, смотря по мѣстности, устраиваютъ различно: въ Фрисландіи они со- стоятъ изъ желѣзной, совершенно прямой пластинки, тогда какъ пластинки коньковъ въ другихъ мѣстностяхъ нѣсколько согнуты у носковъ.

Тамъ, гдѣ собираются кататься и гдѣ устраиваютъ «бѣги» для состязающихся, поднимаются деревянные постройки, въ которыхъ конькобѣжцы согрѣваютъ оковѣн- ные члены ѣдой или питьемъ. Тутъ музыка играетъ разные танцы, варятъ кофе для желающихъ, продаютъ вино и жарятъ вафли. Въ день, назначенный для бѣга, о чемъ жители узнаютъ по печатнымъ объявленіямъ, все юношество стремится къ мѣсту, гдѣ онъ будетъ происходить. Желających состязаться чрезвычайно много, и такъ какъ сразу всѣ не могутъ принять въ этомъ участіе, то бѣгутъ въ нѣсколько пріемовъ, партіями въ 80 и въ 100 человекъ. Награда, назначенная побѣдителямъ, обыкно- венно состоитъ изъ дорогихъ коньковъ или изъ золотой монеты. На эту монету все семейство выигравшаго смотритъ съ религіознымъ благоговѣніемъ, и существуетъ не- мало мѣстностей въ этой странѣ, гдѣ выигравшій, при самыхъ критическихъ обстоя- тельствахъ, не рѣшится пустить ее въ ходъ. Выиграть во время такого бѣга чрез- вычайно трудно: всѣ такъ хорошо бѣгаютъ, да и состязающихся чрезвычайно много. Дамы тоже участвуютъ въ бѣгѣ.

Когда бѣгъ состязающихся конченъ, вся толпа одѣваетъ коньки и летитъ какъ молнія, разсѣкая воздухъ. Кажется, что конькобѣжцы стоятъ не двигаясь, а посто- ронняя сила носить ихъ по поверхности съ неимоверной быстротой. Тамъ и здѣсь въ этой громадной толпѣ десять, двадцать человекъ держатся за руки и, предста- вляя такимъ образомъ живую цѣпь, быстро скользятъ, не отставая, не перебивая другъ друга, какъ одинъ человекъ. Но еще чаще мелькаютъ передъ вашими глазами отдѣльныя пары: дѣвушка крѣпко держитъ за руку молодого парня, и, забывая весь міръ, они показываются то тамъ, то здѣсь. Это своего рода бѣшеный, національ- ный танецъ. А вотъ и веселые ребята: держа длинную палку, то гуськомъ, то въ линію, подвигаются они впередъ по всѣмъ направленіямъ. Затѣмъ появляются руч- ные сани «*lijssleede*»: въ нихъ сидятъ молодыя дѣвушки, окутанныя въ дорогіе мѣха. Братъ, мужъ или женихъ толкаетъ передъ собой эти сани. Черезъ минуту показываются низкіе стулья на полозьяхъ; ихъ толкаютъ впередъ палкою. Но са- мымъ изящнымъ экипажемъ для катанья по льду считаются позолоченныя сани, расписанныя самыми яркими цвѣтами: въ нихъ впряжена лошадь, оригинально укра- шенная шумными позвонками и красными кисточками. Пестрота и движеніе въ это время — невообразимыя: все шумитъ, летитъ, мелькаетъ, повсюду раздаются смѣхъ, остроты, шутки. Это самое любимое національное удовольствіе.

Еще недавно употребляли трешкоты на полозьяхъ, которые съ большою бы- стротою подвигались впередъ посредствомъ парусовъ. Одинъ такой трешкотъ могъ вмѣстѣ до 30-ти человекъ и проѣзжалъ вдоль берега въ два часа девятичасовое разстояніе, но и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Голландіи попадаютъ сани, устроенныя въ видѣ судовъ съ парусами.

Какъ Италія имѣтъ свой шумный народный праздникъ—карнавалъ, такъ Голландія—кормесъ (ярмарка). Каждый городъ, каждое мѣстечко и каждая деревня имѣютъ свой кормесъ, и всѣ они бываютъ лѣтомъ. Эти народные праздники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Голландіи продолжаются 4—5 дней, въ другихъ цѣлую недѣлю, а есть мѣстности, гдѣ ихъ празднуютъ въ продолженіе 2-хъ недѣль. Эти ярмарки обыкновенно бываютъ въ храмовой праздникъ той или другой мѣстности, и стеченіе народа изъ окрестностей бываетъ чрезвычайно многочисленно. Туда, гдѣ на другой день долженъ быть храмовой праздникъ, а слѣдовательно и кормесъ, водою и на лошадахъ ѣдутъ голландцы съ своими семействами. Мы говоримъ—ѣдутъ, а не идутъ, такъ какъ голландецъ не можетъ себѣ представить удовольствія, на которое онъ долженъ отправиться пѣшкомъ. Смѣшно видѣть по дорогамъ телѣги, точно кладью наполненныя людьми и вмѣщающія иногда до 20 человѣкъ и болѣе.

Невообразимый шумъ, гамъ, крикъ, смѣхъ, звуки скрипки, удары въ барабанъ, рѣзкія взвизгиванія паяцовъ, все это раздается со всѣхъ сторонъ, и вы будете оглушены еще гораздо раньше, чѣмъ вы вступите въ деревню или городъ, гдѣ празднуютъ кормесъ. Необыкновенное оживленіе, которые замѣтите съ перваго шага, васъ совѣмъ ошеломитъ. Вы съ изумленіемъ невольно спрашиваете себя: «да полно, Голландія-ли это?» Весь запасъ юныхъ силъ, жизни, молодости, веселья холодные, расчетливые, практическіе голландцы берегаютъ для этихъ праздниковъ. И дѣйствительно, въ живомъ, бойкомъ, веселомъ до разнузданности человѣкѣ трудно узнать голландца, котораго вы цѣлый годъ знали такимъ сдержаннымъ, скромнымъ, рѣдко улыбающимся, необщительнымъ. Физіономія этого праздника, съ нѣкоторыми ничтожными исключеніями, бываетъ одна и та-же. На болѣе свободномъ и обширномъ пространствѣ деревни или города, за нѣсколько дней до кормеса, какъ по мановенію волшебнаго жезла, вырастаетъ новый городъ, который состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ бараконъ, лавчонокъ, павильоновъ, кофейнъ, каруселей, театровъ, панорамъ, цирковъ, навѣсовъ съ кукольными комедіями. Здѣсь торговцы предлагаютъ самый разнообразный товаръ, тамъ танцуютъ подъ звуки нѣсколькихъ оркестровъ, играющихъ въ одно и то же время разные танцы и пѣсни, которые сливаются въ одну необыкновенно веселую какофонію, далѣе карусели, гдѣ катаются на львахъ, корабляхъ, слонахъ, медвѣдяхъ и рыбахъ; здѣсь парень вертитъ ручку колоссальной шарманки, подѣ женщины-чудовища выкидываютъ разные шутки, далѣе комедіанты, дѣти-колоссы, карлики, великаны, восковые фигуры, шарлатаны, чревоушатели, обезьяны, ученые собаки. Сюда со всѣхъ сторонъ, изъ окрестныхъ деревень и городовъ, являются разряженные поселяне и люди всѣхъ классовъ общества, богатые и бѣдные, старые и молодые, мужчины, женщины, дѣти. Въ этой огромной толпѣ собравшихся отовсюду слышится заразительный, веселый смѣхъ; глаза молодыхъ людей горятъ радостью и весельемъ; всѣ безумно веселятся, шумятъ, острятъ, становятся расточительными. Въ сторонѣ отъ базаровъ располагаются пожилые люди: они разводятъ костры, варятъ кушанье, подогрѣваютъ пуншъ, а то и пускаются въ плясъ или устраиваютъ бѣги и различныя состязанія. Послѣдній день кормеса повсюду превращается въ какую-то безумную вакханалію, отъ которой у каждаго голландца долго трещитъ голова.

Въ улицахъ вновь импровизированнаго городка очень часто попадаются продавцы угрей, что считается здѣсь большимъ лакомствомъ. Молодые дѣвушки бѣгутъ въ холщевую палатку, гдѣ старуха ворожея гадаетъ имъ. А что это за красивый деревянный домикъ? Снаружи онъ выкрашенъ яркою краской, внутри убранъ зеркалами, люстрою, фарфоровыми вазами; вездѣ позолота и прекрасная мебель. По-

среди комнаты на высокомъ стулѣ, передъ пылающимъ огнемъ, сидитъ чисто одѣтая женщина: она черпаетъ тѣсто изъ большой мѣдной, ярко вычищенной миски и готовитъ блины или вафли. Въ комнатѣ, гдѣ она сидитъ, множество посѣтителей; они отправляются въ боковыя комнаты этого помѣщенія и спрашиваетъ себя порцію вафель.

Веселѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, эти праздники проводятъ въ Амстердамѣ и Роттердамѣ. Во время ихъ даже плата за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ уменьшается на половину. Фокусники въ огромныхъ кибиткахъ толпами съѣзжаются сюда еще за долго до праздниковъ. Во время кермеса оживленіе становится необузданнымъ, особенно по субботамъ. Шумная толпа наполняетъ всѣ улицы и увлекаетъ въ своемъ водоворотѣ всѣ классы населенія; крикъ и гамъ въ городѣ, съ утра до вечера, невообразимый; пѣни, танцы, музыка.

Простой народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ этого праздника и страстно любитъ его. Каждая служанка, нанимаясь въ услуженіе, непременно выговариваетъ себя совершенно свободную недѣлю во время храмового праздника. При этомъ существуетъ обычай, который выполняютъ чрезвычайно строго и точно, какъ и всѣ обычаи въ Голландіи. Здѣсь считается неприличнымъ дѣвушка гулять одной по ярмаркѣ или даже въ обществѣ своихъ подругъ. Женщина или дѣвушка должна гулять по улицамъ во время кермеса непременно въ сопровожденіи мужчины. Если у дѣвушки нѣтъ ни брата, ни знакомаго, который бы предложилъ ей свои услуги водить ее по ярмаркѣ, она нанимаетъ себя человѣка, который сопровождаетъ ее всѣ дни праздника. Такому проводнику дѣвушка платитъ по днямъ и по часамъ, какъ извозчику за дрожки. Если проводникъ имѣетъ приличную фizioномію, нарядное платье, безукоризненныя перчатки, новую поярковую шапку и дождевой зонтикъ, бѣдной дѣвушкѣ приходится дорого платить за его услуги. Иногда за нѣсколько прогулокъ съ нимъ она отдаетъ ему сбереженія цѣлаго года. Когда такой провожатый запрашиваетъ слишкомъ дорого, то нѣсколько дѣвушекъ сообща нанимаютъ его.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гронингена крестьянскія дѣвушки имѣютъ право въ эти дни сами свататься къ мужчинамъ, и рѣшительно вездѣ въ Голландіи во время кермеса допускается полная свобода не только для мужчинъ, но и для женщинъ. Женщина, позволившая себѣ что-нибудь хотя нѣсколько похожее на то, что ей вполнѣ дозволено въ эти праздники, опозорила бы себя навѣки.

ХАРАКТЕРЪ НАРОДА, ЕГО РЕЛИГІЯ И ОБРАЗОВАНІЕ.

Характеръ общественной и семейной жизни голландцевъ.—Ихъ достоинства и недостатки.—Внѣшность и одежда мужчинъ и женщинъ.—Религія народа.—Его общественная и религіозная жизнь.—Характеръ церквей.—Благотворительность.—Языкъ голландцевъ.—Современное положеніе народнаго образованія.—Среднее образованіе молодыхъ людей обоого пола.—Лейденскій университетъ.—Его блестящее положеніе въ прошлое время и современный упадокъ.—Отсутствіе высшихъ идеаловъ и упадокъ духовной жизни въ странѣ.

Скорѣе обогатиться — вотъ мечта каждого голландца. Однако, стремленіе къ наживѣ въ той сильной степени, въ какой эта характерная черта господствуетъ въ настоящее время во всѣхъ слояхъ голландскаго общества, развилась лишь въ послѣднія два столѣтія съ небольшимъ. Предки голландцевъ не могли мечтать о богатствѣ; скудная природа не всегда ихъ прокармливала. Нидерландская почва въ минеральномъ отношеніи самая жалкая въ Европѣ: въ ней никогда не находили драго-

цѣнныхъ камней, ни какихъ бы то ни было минеральныхъ богатствъ. Да и чего ждать отъ этой почвы, созданной совершенно искусственно! Но природа-мачиха сама указала странѣ на безконечное поле дѣятельности. Владѣя устьями трехъ большихъ рѣкъ, которыя протекаютъ по Германіи, Франціи и Бельгіи, голландцы держатъ въ своихъ рукахъ торговлю Рейна, Мааса и Шельды. Кромѣ этихъ большихъ торговыхъ артерій для сношенія съ большею частью промышленной Европы, торговля облегчается еще цѣлою сѣтью каналовъ во всѣхъ частяхъ Голландіи: море, съ разнообразными сокровищами въ своихъ нѣдрахъ, съ богатствами Индіи на другомъ берегу, не мало также обогащаетъ страну. Голландцы поняли свое назначеніе. Съ чужбины они привозили лѣсъ для своихъ кораблей, которыми скоро были унижены всѣ моря. Смѣлые рыбаки, они давно уже открыли свое Перу въ ловлѣ сельдей; неустрашимые мореходы, они вездѣ завязали торговые сношенія. Во всѣхъ государствахъ Старого и Нового Свѣта голландцы учреждали свои конторы; страна эта стала складочнымъ мѣстомъ, и сахаръ, чай, кофе, брильянты, зерновой хлѣбъ, однимъ словомъ всѣ богатства стали притекать въ ея порты. Скоро однако могущество Голландіи и господство ея на морѣ перешло къ Англіи, но ея торговля и до сихъ поръ имѣетъ огромное значеніе. Она даетъ средства жителямъ защищать отъ воды свои конторы и свои семейства. Вотъ потому отчасти голландцы такъ любятъ деньги, вотъ потому-то они такъ усердно стремятся къ наживѣ. Имѣть деньги или нѣтъ для голландца—быть или не быть.

Голландецъ, хотя и любитъ простоту, живетъ, одѣвается и ѣстъ чрезвычайно просто и скромно, тѣмъ не менѣе онъ всегда стремится къ комфорту. И это весьма естественно: въ этой странѣ такъ мало того, что дѣлаетъ жизнь пріятною и удобною; голландецъ не имѣетъ возможности восторгаться красотою природы и искусства, онъ въ полномъ смыслѣ слова матеріалистъ и со всею энергіею стремится къ житейскому комфорту. Страна, которая почти никогда не бываетъ суха, которая отъ каждаго дождя превращается въ грязную лужу, заставила голландца употребить всю свою природную дѣятельность и врожденную, доходящую до мании страсть къ чистотѣ и порядку для того, чтобы придать ей необходимыя удобства. Эта склонность помогла ему защититься отъ излишней грязи, которая грозила потопить его на завоеванной имъ почвѣ, въ тинѣ и въ болотныхъ испареніяхъ, въ дымѣ и въ торфяной пыли. Такъ какъ суровая природа, вмѣсто солнечнаго свѣта, зеленыхъ лѣсовъ и яркихъ красокъ, дала жителямъ только мрачныя облака, голландецъ самъ рѣшился вознаграждать себя за этотъ недостатокъ: онъ окружилъ себя чудными садами, пестрыми цвѣтниками, раскрасилъ свои дома и стѣны. Желаніе пополнить недостатокъ природы повело его къ безвкусію: онъ слишкомъ пестро и грубо раскрасилъ жилища; желая имѣть деревья, онъ, нерѣдко придавая имъ искусственную форму, совершенно уродуетъ ихъ.

Бережливость—другая характерная черта голландца. Хотя онъ любитъ поѣсть и отличается, кажется, самымъ большимъ аппетитомъ сравнительно съ другими народами запада, но онъ много и серьезно обдумываетъ, въ какомъ количествѣ слѣдуетъ ему на завтрашній день приготовить кушанья для семьи, и притомъ такъ, чтобы всѣ были сыты по горло, но чтобы и не расходовать слишкомъ много денегъ. Прежде чѣмъ что-нибудь купить, голландецъ основательно ознакомится съ покупкой; если онъ самъ не знаетъ въ ней толку, онъ призываетъ специалиста. Также основательно справляется онъ съ цѣнами каждаго предмета домашняго обихода, и все это дѣлается, чтобы не переплатить лишней копѣйки. Такое обдуманное и, можно сказать, чрезчуръ трезвенное отношеніе къ каждой мелочи практической жизни,

краснорѣчиво доказываетъ необыкновенную расчетливость голландцевъ. Бережливостью, расчетливостью и даже скарденностью при тратѣ каждой копѣйки обязаны руководиться здѣсь не только люди средняго достатка, но и крупные финансисты и богачи, взрослые и дѣти обоого пола: это считается здѣсь для каждаго обязательнымъ. Что-же касается матери и хозяйки дома, то это должно быть главнымъ принципомъ ея жизни, первую ея обязанностью. Она обязана учить бережливости дѣтей съ ранняго ихъ возраста, при каждомъ удобномъ случаѣ объясняя имъ, почему это такъ необходимо. Понятно, что такая всесторонняя, обдуманная экономія сильно поддерживаетъ благосостояніе голландцевъ, даже создаетъ крупныя богатства. Но мысль, вѣчно направленная только на житейскія мелочи и на увеличеніе матеріальныхъ благъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что духовные интересы въ этой, когда-то въ высшей степени интеллигентной странѣ, совсѣмъ заглохли. Тѣмъ не менѣе только съ помощью крайней бережливости большинство голландцевъ можетъ платить тяжелые налоги безъ ущерба для своего пропитанія, только бережливость даетъ имъ возможность постоянно увеличивать дорого стоящія сооруженія для самозащиты; только благодаря ей, народъ можетъ приносить огромныя денежныя жертвы; она одна, наконецъ, даетъ возможность голландцу уснуть покойно. Если у него существуетъ хотя какое-нибудь сбереженіе, онъ можетъ думать, что если завтра волны и сотрутъ его жилище съ лица земли, онъ не умретъ съ голоду. Этими понятіями сильно проникнутъ голландецъ, и онъ рано старается научить своего сына бережливости. Уже съ 6—7-ми лѣтъ, вмѣсто того, чтобы дарить ребенку игрушки, отецъ даетъ ему въ руки деньги и строго наблюдаетъ, чтобы тотъ, расходуя самую небольшую часть ихъ на удовольствія, рано приучался бы откладывать. Родители съ ранняго возраста толкуютъ дѣтямъ, что копить, отказывая себѣ въ удовольствіяхъ, — первый долгъ порядочнаго человѣка, желающаго быть самостоятельнымъ, который не хочетъ никогда и въ будущемъ сѣсть на руки приходу, нищенствовать, пользоваться благотворительностью. Когда ребенокъ скопитъ небольшую сумму, отецъ относитъ ее въ сберегательную кассу. Такимъ образомъ голландскія дѣти сами дѣлаются капиталистами, получаютъ проценты, увеличиваютъ свой капиталъ новыми вкладами, сами считаютъ и видятъ, какъ съ каждымъ мѣсяцемъ растетъ ихъ капиталъ. Пройдетъ 10—15 лѣтъ, и ребенокъ дѣлается молодымъ человѣкомъ, принимается уже за занятія, имѣя небольшой капиталъ, но онъ его не растратитъ, онъ хорошо знаетъ цѣну каждому грошу и навсегда застрахованъ противъ расточительности. Но тѣ люди, которые такъ высоко цѣнятъ золото, не колеблясь отдають его, когда дѣло идетъ объ общественномъ благѣ или о человѣколюбивыхъ цѣляхъ. Ни одна страна въ мірѣ, съ такимъ небольшимъ количествомъ жителей, не имѣетъ столько благотворительныхъ учрежденій для бѣдныхъ, какъ маленькая Голландія. И всѣ эти учрежденія основаны и содержатся на частныя средства. Свое состраданіе къ ближнему голландцы особенно проявляютъ во время общественныхъ бѣдствій. Какъ только гдѣ-нибудь прорветъ плотину и воды опустошатъ страну, раздается призывъ къ пожертвованіямъ, и ни одинъ поденщикъ не откажется внести свою лепту для облегченія пострадавшихъ. Когда поднимается сильная буря, всѣ оставляють свои занятія и спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ волны грозятъ сдѣлать брешь. И богатые, и бѣдные всѣ работаютъ тогда, забывая объ отдыхѣ, снѣ и прибыльности своихъ собственныхъ занятій.

Какъ голландцы забываютъ о бережливости, когда нужно помочь бѣдняку и странѣ, точно такъ-же не боятся они выйти изъ границъ своего бюджета, когда приходится купить произведеніе искусства или дорогую книгу. Мало такихъ богатыхъ

фамилій, которыя не хранили бы съ незапамятныхъ временъ и не считали бы священнымъ что-нибудь изъ домашней утвари, нѣкоторыя картины и предметы, перешедшіе по наслѣдству. Они не покупаютъ модной мебели, роскошныхъ и дорогихъ украшеній женѣ и дочери, но прибавляютъ къ коллекціи, полученной уже по наслѣдству, новыя картины, новыя произведенія искусства. Нѣкоторыя частныя лица имѣютъ собраніе картинъ и драгоценныхъ старинныхъ предметовъ, которые бы сдѣлали честь владѣтельному князю.

Простой народъ, который живетъ еще болѣе разсчетливо, нѣсколько дней въ году, напримѣръ во время кермеса, проводитъ весьма расточительно. Когда земледѣлецъ, фабричный или мастеровой выдаетъ замужъ свою дочь, онъ дѣлаетъ такія издержки на угощеніе и подарки, что нерѣдко въ эти дни празднествъ проматываетъ все, что онъ съ такими лишеніями и трудомъ копилъ цѣлые годы. Такіе разорительные обычаи, празднества, благотворительность бѣднымъ краснорѣчиво говорятъ, что къ разсчетливости голландцы приучены прежде всего тяжелой борьбой съ окружающей природой. Она часто напоминаетъ имъ, что они не должны привыкать къ роскоши и богатству, такъ какъ завтра они могутъ все потерять.

Трудно себѣ представить, до чего распространена здѣсь страсть и привычка курить табакъ. Въ Голландіи всѣ курятъ: старики, молодые люди, дѣти, нерѣдко даже женщины. Одни изъ нихъ никогда не выпускаютъ изъ рта трубки, другіе — крѣчайшихъ сигаръ. Особенно поражаютъ 9-ти, 10-тилѣтніе мальчики, которые бѣгаютъ повсюду съ сигарою во рту. Можно подумать, что здѣсь приучаютъ курить вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ. Куреніе табаку въ этой странѣ такъ-же развито, какъ потребленіе пива въ Германіи. Недаромъ въ Голландіи существуетъ нѣсколько клубовъ, устроенныхъ въ память «великихъ курильщиковъ», и голландцы съ благоговѣніемъ вспоминаютъ объ одномъ роттердамскомъ купцѣ, который послѣ смерти оставилъ все свое огромное состояніе лучшимъ курильщикамъ и завѣщалъ похоронить себя въ гробу изъ дерева отъ ящиковъ гаванскихъ сигаръ.

Другая, не менѣе характерная черта, о которой уже много разъ было упомянуто выше, — необыкновенная страсть къ опрятности. Трудно представить себѣ, въ какой безукоризненной чистотѣ содержатъ свои жилища, утварь и одежду не только богатые, но и самые бѣдные люди. Чистить, мыть, выбивать пыль, однимъ словомъ приводить въ порядокъ всю домашнюю обстановку — главное занятіе голландокъ, и этимъ занимаются здѣсь всѣ женщины каждый день и каждый часъ. Самыя бѣдныя жилища въ Голландіи содержатся въ такой безукоризненной опрятности, какую напрасно искать въ самымъ роскошнѣйшихъ дворцахъ южной Европы. Любопытно посмотрѣть на голландку, когда она начинаетъ что-нибудь чистить: она моетъ, протираетъ, вычищаетъ, выскабливаетъ собственными ногтями каждое крошечное пятнышко. Мебель, одежду, бѣлье не только вычищаютъ, выколачиваютъ и вытираютъ цѣлымъ арсеналомъ самыхъ разнообразныхъ щеточекъ, суконокъ, колотушекъ, но и ежедневно выносятъ провѣтривать. Ковры въ комнатахъ обыкновенно въ двухъ экземплярахъ только для того, чтобы, пока одинъ изъ нихъ лежитъ на полу, другой можно было-бы провѣтривать цѣлый день. Каждый гвоздь, скобка, ручка двери всегда блестятъ здѣсь, какъ зеркало, и отражаютъ въ себѣ другіе предметы. Если случайно въ голландскій домъ попадетъ иностранная прислуга, она не выдерживаетъ долго, ее совсѣмъ изводятъ эти требованія необыкновенной аккуратности во всѣхъ мелочахъ домашней обстановки. Эту чистоту вы встрѣтите здѣсь рѣшительно вездѣ въ конторахъ, жилищахъ, на пароходахъ, трешкотахъ; ни на одномъ предметѣ не найдете ни пылинки, все сверкаетъ и блеститъ, точно только-что купленное,

каждый листокъ комнатнаго растенія вымыть и вытеретьъ. Эта страстная любовь къ чистотѣ въ такой странѣ, какъ Голландія, съ ея влажнымъ климатомъ, на половину затопленная, а слѣдовательно изобилующая вредными испареніями и міазмами, чрезвычайно полезна, такъ какъ удаляетъ изъ жилищъ заразу и оздоравливаетъ вредныя мѣстности страны. Но голландцы злоупотребляютъ этою національною добродѣтелью въ такой степени, что во многихъ случаяхъ она является у нихъ комичной: чтобы коровы не пачкали своей шерсти, они подвѣшиваютъ имъ хвосты; во многихъ садахъ деревья не только подстригаютъ, не только придаютъ имъ неестественную форму, но иногда и раскрашиваютъ ихъ.

Голландцы отличаются также здравымъ смысломъ, стойкостью и послѣдовательностью въ своихъ дѣйствіяхъ. Давъ какое-бы то ни было обѣщаніе, они считаютъ священною обязанностью сдержать свое слово. Прежде чѣмъ пуститься въ какое нибудь предпріятіе, они основательно обдумываютъ, но, принявъ рѣшеніе, не останавливаются ни передъ какими препятствіями, пока не достигнутъ цѣли. Наиболѣе распространенный недостатокъ—рутина: голландцы боязливо относятся ко всему новому, имъ трудно разстаться съ своими старыми привычками, трудно мѣнять свой складъ мыслей.

Хотя голландецъ неповоротливъ, несловохотливъ, его умъ не способенъ къ легкой игрѣ остроумія, флегматиченъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ это все-таки цѣльная натура, одаренная большою энергіею, но въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ, совершенно лишенная духовныхъ интересовъ. Нельзя, однако, отрицать его истинной любви къ родинѣ и независимости. Разъ затронуто національное чувство голландца, онъ дѣлаетъ чудеса. Несмотря, однако, на свою глубокую преданность родинѣ, голландцы прежде всего нація практическая. Ихъ особенно упрекаютъ за то что даже лучшіе представители ихъ страны не выработали себѣ высшихъ идеаловъ. Это, съ сожалѣніемъ, вполнѣ справедливо, но въ то же время совершенно естественно. Чѣмъ болѣе природа угрожаетъ собственности, тѣмъ менѣе имѣетъ человекъ времени думать о чемъ нибудь духовномъ, тѣмъ болѣе занятъ онъ земнымъ. Вѣрно и то, что помыслы о житейскомъ дѣлаютъ изъ многихъ голландцевъ старозавѣтныхъ скопидомовъ. Въ Фрисландіи до сихъ поръ существуетъ нѣсколько фермеровъ, которые, скопивъ капиталъ, не пускаютъ его въ оборотъ, а всего охотнѣе прячутъ его въ кубышки, вмѣсто того, чтобы отдавать его въ чужія руки или класть въ банки. Вообще національный характеръ народа возбуждаетъ болѣе удивленія, чѣмъ симпатіи, качества голландца болѣе солидны, чѣмъ блестящи. Кто-бы вы ни были, вы можете разсчитывать на его помощь, даже на такую, которая потребуетъ самопожертвованія съ его стороны. Онъ, ни минуты не задумываясь, бросится за вами въ воду, когда вы будете тонуть, вытянетъ васъ изъ огня, хотя бы всѣ силы природы каждую минуту грозили уничтожить его самого; онъ раздѣлитъ съ вами послѣдній кусокъ хлѣба, какъ-бы онъ ни былъ бѣденъ, если только узнаетъ, что ваша нищета происходитъ не отъ лѣни, иначе онъ рѣзко и холодно васъ оттолкнетъ. Но на сколько гостепріимно онъ приметъ васъ, когда вы пришли къ нему за дѣломъ, на столько онъ съ вами сухъ и непривѣтливъ, когда вы приходите къ нему въ гости безъ приглашенія, а такъ — покалякать, вечерокъ провести. Онъ не любитъ принимать не только иностранца, но и земляка. Онъ назначаетъ особые дни въ году, два-три раза для пріема гостей, остальное время онъ любитъ проводить въ кругу своего семейства, гдѣ вечеромъ шумитъ мѣдный, чисто вычищенный котелъ. Голландцы вообще ведутъ очень замкнутый образъ жизни въ своихъ семействахъ. Крестьяне точно такъ-же, какъ и жители городовъ, созываютъ гостей на свадьбы, крестины и въ другіе торжественные

дни, а въ остальные дни работаютъ и отдыхаютъ у себя дома, въ кругу своихъ близкихъ. Главное поле дѣятельности голландца въ его конторѣ, въ его складѣ товаровъ, на кораблѣ. Тутъ вы всегда найдете его на своемъ мѣстѣ: онъ читаетъ, считаетъ, пишетъ, думаетъ, взвѣшиваетъ. Онъ любитъ свою работу, свою контору, до страсти привязанъ къ своему дому и семейству.

Человѣка прежде всего цѣнятъ здѣсь по столько, на сколько туго набить его карманъ. Дворянство, чинъ и рожденіе совершенные пустяки по понятіямъ голландца. Въ этой странѣ всегда преобладало вліяніе средняго класса, затѣмъ большимъ значеніемъ пользовались ремесленники, дворянство же никогда не играло въ странѣ важной роли. Родовыхъ дворянъ и аристократовъ здѣсь очень мало. Буржуа только тогда уважаетъ аристократа, когда у того есть деньги; безденежнаго онъ называетъ «голымъ барономъ». Единственная признанная здѣсь аристократія—аристократія капитала. Государственные денежные бумаги—единственные дипломы, которые уважаетъ голландецъ. Незапятнанная фирма купца здѣсь болѣе уважается, чѣмъ родовой гербъ аристократа. Названія «сіятельство», «превосходительство», въ сношеніяхъ одного лица съ другимъ, здѣсь были бы приняты за насмѣшку. Каждый называетъ другого «мингеръ», т.-е. сударь, не прибавляя никакихъ титуловъ. Такъ какъ добываніе денегъ въ Голландіи—первое стремленіе всякаго, то и всѣ роды промысловъ одинаково уважаемы. Мѣста, поступить на которыя въ другихъ странахъ порядочные люди считаютъ для себя унизительнымъ, въ Голландіи замѣщаютъ лицами самыхъ первыхъ фамилій въ странѣ. Званіе гробовщика не считается предосудительнымъ, и гробовщикомъ дѣлается какъ простой смертный, такъ и человѣкъ высокопоставленный, но въ послѣднемъ случаѣ гробы готовятъ другіе, за небольшую плату. Самые почетные люди не брезгаютъ надзоромъ за чистою улицъ, заготовленіемъ каретъ на продажу, вывозомъ нечистотъ для приготовленія искусственнаго гуано. Каждый членъ семьи, если только онъ взрослый, долженъ зарабатывать здѣсь свою долю на хозяйство, и въ тоже время, уже очень рано, онъ начинаетъ понемногу откладывать себѣ капиталъ. Мужъ — корабельный маклеръ или занимается какимъ-нибудь ремесломъ, жена ведетъ хозяйство и, кромѣ того, обыкновенно чѣмъ-нибудь торгуетъ: полотномъ, сыромъ, нитками; дочери содержатъ школы для шитья, сынъ занимается въ конторѣ. Жены проповѣдниковъ многихъ сектъ ведутъ въ домѣ мелочную продажу. Всѣ въ Голландіи *работаютъ, приобрятаютъ и копятъ*. Поэтому, кромѣ небольшого числа пролетаріевъ и бѣдняковъ среди земледѣльческаго населенія страны, вы всюду встрѣтите здѣсь зажиточность и богатство, и *Голландія, въ буквальномъ смыслѣ слова, страна селдеи, сыра и зюнкитъ, блестящихъ червонцевъ*.

Вслѣдствіе своей зажиточности и самостоятельности голландецъ держитъ себя естественно, открыто и непринужденно; какъ съ богатымъ, такъ и съ бѣднымъ, съ знатымъ и простымъ онъ всегда ровень въ обращеніи. Недостаткомъ многихъ скорѣе является грубость, но рабѣнство никогда не было порокомъ голландца. Это, разумеется, слѣдуетъ объяснить не только довольно значительнымъ благосостояніемъ большинства голландцевъ, но и неограниченною свободою совѣсти, политическою свободою страны и отсутствіемъ привилегированнаго родового дворянства.

Во время праздниковъ, народныхъ собраній и увеселеній особенно поражаетъ отсутствіе полиціи. Въ подобныхъ случаяхъ никогда не приходится слышать о безпорядкахъ и уличныхъ скандалахъ. Слѣдовательно, народъ не только свободенъ, но, что не менѣе важно, онъ твердо стоитъ на своихъ собственныхъ ногахъ.

Семейная жизнь здѣсь течетъ совершенно спокойно: между мужемъ и женою нѣтъ ни дразгъ, ни ссоръ, ни подпольныхъ интригъ; каждый членъ семьи серьезно

занять своимъ дѣломъ. Дѣти очень рано становятся самостоятельными. Какъ и англичане, голландцы спрашиваютъ уже у 20-лѣтняго сына: «куда ты думаешь отправиться—въ Азію, Африку или Америку?» Дѣтъ черезъ пять молодой человѣкъ возвращается на родину, повидавъ очень многое на чужбинѣ, поработавъ въ различныхъ областяхъ труда и обстоятельно испытавъ свои силы, безошибочно выбираетъ спеціальность, которой остается вѣрять всю жизнь. Рѣдкій голландецъ мечтаетъ для своего сына о военномъ мундирѣ, но мундиръ моряка пользуется большимъ уваженіемъ. Никто не прочь и отъ того, чтобы сынъ сдѣлался купцомъ, банкиромъ, инженеромъ; здѣсь не брезгаютъ никакимъ трудомъ, и каждый старается выбрать то, что наиболѣе выгодно.

Всѣ отношенія между членами семьи зиждутся на прочныхъ и солидныхъ устояхъ: прислуга умираетъ въ семьѣ, гдѣ когда-то она начала служить; лакеи и горничныя, мѣняющіе свои мѣста, здѣсь очень рѣдки: каждый изъ нихъ обыкновенно становится членомъ семьи и считаетъ для себя унижительнымъ кое-какъ исполнять свои обязанности.

Голландцы высоки ростомъ, крѣпкаго сложенія, широкоплечи, скорѣе рыхлы, чѣмъ мускулисты, а пожилые люди, въ большинствѣ случаевъ, и съ порядочнымъ брюшкомъ, ходятъ переваливаясь съ боку на бокъ. Водянистая почва имѣетъ вліяніе на ихъ тѣлосложеніе. Женины полны, высоки ростомъ; сырой климатъ придаетъ имъ прозрачный, очень бѣлый и нѣжный цвѣтъ лица. Яркія, красныя губы, румяныя щеки, тонкіе, гладкіе волосы, рѣзко очерченныя брови, голубые глаза, длинныя рѣсницы, большія руки и ноги, тяжелая походка—вотъ портретъ голландки. Встрѣчаются и очень красивыя, еще чаще величественныя женщины, но очень много сутуловатыхъ, съ опущенными углами рта, съ одутловатыми, отвислыми щеками и съ громаднымъ подбородкомъ. Климатъ отказалъ также голландскимъ женщинамъ въ мелодическомъ голосѣ, но зато въ ихъ карманахъ отлично звенятъ дукаты. У дѣвушекъ видъ скромный, тихій и чрезвычайно простое обхожденіе.

Существуетъ убѣжденіе, что Голландія одна изъ немногихъ странъ, гдѣ сохранилась національная одежда; однако въ настоящую минуту здѣсь все болѣе распространяется модный туалетъ, конечно, между людьми средняго достатка. Большая часть зажиточныхъ горожанъ носить фракъ и черный цилиндръ. Мужской полъ изъ простонародья, смотря по провинціи, одѣвается различно, но типичныя національныя костюмы совсѣмъ почти исчезли и сохранились лишь у женщинъ, и то лишь преимущественно относительнаго головного убора. Нѣкогда женщины сѣвера носили золотыя ободки на своихъ золотистыхъ, бѣлокурыхъ волосахъ. Діадемы, или пластинки изъ серебра, золота или вызолоченной латуни на лбу, и до сихъ поръ считаются въ Голландіи главнымъ національнымъ украшеніемъ женщины. Различная форма этого украшенія служитъ отличіемъ жительницъ различныхъ провинцій. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти пластинки то шире, то уже, идутъ поперекъ лба и покрываютъ всю средину его; иногда узкая пластинка украшаетъ только одну половину лба, но почти вездѣ она оканчивается на вискахъ различными украшеніями, то въ формѣ розетки, то въ формѣ пуговицы, что и производитъ такое же впечатлѣніе, какъ наглазники лошадей. Эти пластинки нерѣдко украшены самыми цѣнными и дорогими камнями. Смотри по провинціи, къ которой принадлежатъ женщины, онѣ носятъ самыя разнообразныя чепчики, обшитыя настоящими кружевами. Вообще голландки имѣютъ обыкновеніе тратить на свой головной уборъ большія деньги.

Въ Голландіи полная религіозная свобода. Преобладающее вѣроисповѣданіе *ре-*

форматское *); большинство послѣдователей этой религіи живетъ преимущественно на сѣверѣ. На югѣ около 1.200,000 жителей римско-католическаго исповѣданія.

Голландскій народъ, какъ реформаты, такъ и католики, чрезвычайно религіозенъ. Религіозность реформатовъ сильно поддерживаютъ пасторы, которые имѣютъ большое вліяніе на народъ, такъ какъ это люди обыкновенно образованные и развитые; среди нихъ большинство ученыхъ. Болѣе половины реформатскаго народонаселенія каждое воскресенье собирается въ церквахъ. Усердіе голландцевъ къ церковной службѣ такъ велико, что вѣроятно собиралось бы и больше, но не достаетъ мѣстъ въ церквахъ. Какъ ни обширны церкви въ большихъ голландскихъ городахъ, онѣ не могутъ вмѣстить и четвертой части реформатскаго населенія. Часто бываетъ въ нихъ такая тѣснота, что невозможно дышать; многимъ нельзя даже хорошо слышать проповѣдника. Дурной обычай, существующій въ Голландіи, какъ и во многихъ другихъ протестантскихъ странахъ,—платить за мѣста въ церкви, мѣшаетъ весьма многимъ ее посѣщать. Тѣмъ не менѣе церкви бываютъ всегда полны, особенно тамъ, гдѣ является искусный проповѣдникъ. Уже за часъ до начала службы со всѣхъ сторонъ стекается народъ къ церкви, съ толстыми библиями въ рукахъ и съ сборниками церковныхъ пѣсенъ, которые отдѣланы въ бархатъ и золото. Мужчины сидятъ во время проповѣди со шляпами на головахъ и обнажаютъ ихъ только во время пѣнія молитвъ и чтенія священнаго писанія. При выходѣ изъ церкви раздаютъ милостыню, и чѣмъ болѣе проповѣднику удалось тронуть сердца слушателей, тѣмъ болѣе щедрое подаваніе получаютъ бѣдные.

Реформатскія церкви не имѣютъ религіознаго характера, хотя нѣкоторыя изъ нихъ великолѣпно построены въ готическомъ стилѣ. Онѣ обыкновенно окружены жилищами, лавочками, и очень недалеко отъ нихъ иногда находятся трактиры и даже питейные дома. Внутри церковь имѣетъ, вмѣсто великолѣпныхъ сводовъ, какъ того требовалъ бы готическій стиль, деревянные потолки, подъ которыми нерѣдко проходятъ грубыя балки. Такой потолокъ, къ тому же сильно закопченный, не производитъ внушающаго впечатлѣнія. Но своды въ здѣшнихъ церквахъ совсѣмъ невозможны: земля этой страны слишкомъ рыхла, чтобы выдержать тяжесть высокихъ каменныхъ построекъ. Послѣ потолка болѣе всего бросается въ глаза то, что здѣшнія церкви чрезвычайно голы. Входящій видитъ только голыя бѣлыя стѣны безъ всякихъ украшеній. Внутри стоятъ стулья, и тѣ изъ нихъ, которые предназначены для богатыхъ, окружены перилами, а бѣдняки или стоятъ въ проходахъ церкви, или сидятъ на стульяхъ позади. Зато почти во всѣхъ реформатскихъ церквахъ вы найдете превосходные органы.

Богослуженіе по воскресеньямъ въ многочисленныхъ мѣстахъ совершается до четырехъ разъ, въ другихъ три раза и даже въ самыхъ небольшихъ приходахъ по крайней мѣрѣ два раза. Кромѣ того, въ городскихъ церквахъ, какъ и во многихъ сельскихъ, богослуженіе бываетъ нѣсколько разъ на недѣлѣ. Тѣ, которые не могутъ пойти въ церковь, во время службы собираются всѣмъ семействомъ въ комнатѣ, читаютъ молитвы, священное писаніе, біблію. Такъ проводятъ воскресный день се-

*) Населеніе Голландіи въ 1895 г. равнялось 4.795.646 ч. Процентное отношеніе населенія по вѣроисповѣданіямъ можно выразить такимъ образомъ: 60%—протестантовъ (изъ нихъ громадное большинство реформатовъ); 38%—католиковъ и 2%—евреевъ. По своему происхожденію населеніе состоитъ изъ 71% голландцевъ (батавы) въ провинціяхъ: Голландіи, Зеландіи, Утрехтъ и Гельдернъ; 14% фризозъ: въ Фрисландіи, Гронингенъ, Дрентъ и Оверъ-Исселъ; 13% фламандцевъ: въ Сѣверномъ Брабантѣ и Лимбургѣ; 2% нижне-нѣмецкаго племени: въ Нидерландскомъ Лимбургѣ.

мейства всѣхъ голландцевъ безъ исключенія, какъ бѣдныхъ ремесленниковъ, такъ и знатныхъ негоціантовъ.

Религіозное чувство народа особенно проявляется въ семейной жизни голландцевъ. Мать прежде всего даетъ своему ребенку глубоко религіозное воспитаніе. Утромъ и вечеромъ изъ всѣхъ оконъ слышится общая, громкая молитва. Ни одно семейство не сидеть за столъ, не прочитавъ вслухъ молитву. Религіозныя чувства открыто выражаются въ семействахъ не только протестантовъ, но и католиковъ.

Несмотря на множество католиковъ, лютеранъ и громаднаго количества самыхъ разнообразныхъ сектъ, страна все-таки носитъ прежде всего реформатскій отпечатокъ. На всѣхъ общественныхъ памятникахъ видно вліяніе кальвинизма. Политическая исторія Голландіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія ея религіи, въ которой насчитываютъ не одного мученика, павшаго въ борьбѣ за вѣру. Вся исторія борьбы противъ Испаніи есть въ то же время и исторія церкви въ Голландіи. Ея страницы, написанныя кровью, изложены популярно, и ихъ читаютъ во всѣхъ мѣстныхъ школахъ дѣти, проникаясь такимъ образомъ съ самаго перваго возраста глубокимъ уваженіемъ къ тѣмъ, которые умерли за независимость родины. Патріотизмъ голландца неразрывно связанъ съ его религіей. Исключительно католическая Голландія была бы невысказана. Кальвинисты стараго покроя и до сихъ поръ еще съ ненавистью смотрятъ на голландскихъ католиковъ. Ихъ ненависть прежде была такъ велика, что католики, во избѣжаніе преслѣдованій, должны были выѣзживать на своихъ молитвенныхъ домахъ трактирные выѣски. Но теперь голландскіе католики пользуются полною свободою религіознаго исповѣданія. Какъ примѣръ полной религіозной свободы Голландіи, мы можемъ привести слѣдующій фактъ: здѣсь существуетъ множество людей, которые остаются некрещеными до самой глубокой старости и въ то же время занимаютъ въ государствѣ разныя должности. Государство смотритъ на религію, какъ на частное дѣло каждаго, и потому здѣсь существуетъ множество сектъ, которыя появляются, исчезаютъ и всѣ имѣютъ полное право гражданства. Въ Голландіи теперь нѣтъ ни одного большаго города, въ которомъ не было бы по крайней мѣрѣ одной католической церкви, а иногда католическая церковь возвышается рядомъ съ реформатскою. Голландцы-католики, а также и ихъ духовенство съ выгодной стороны отличаются отъ католиковъ другихъ странъ: они настроили въ Голландіи множество превосходныхъ больницъ, сиротскихъ домовъ и богадѣленъ, въ которыя принимаютъ совершенно одинаково какъ католиковъ, такъ лютеранъ, реформатовъ и евреевъ, и это сильно примиряетъ съ ними многихъ свободолюбивыхъ протестантовъ. Къ какой бы религіи ни принадлежали голландцы, несмотря на свою глубокую религіозность, — чѣмъ здѣсь отличаются какъ протестанты, такъ и католики, — всѣ они, кромѣ посѣщенія своихъ храмовъ, не любятъ выполнять религіозныя обряды. Многіе богатые люди не считаютъ даже нужнымъ крестить своихъ дѣтей; правда большинство населенія низшихъ слоевъ обыкновенно крестить своихъ дѣтей, но при этомъ родители объясняютъ, что дѣлаютъ это лишь потому, что, въ случаѣ ихъ смерти, некрещенныя дѣти не могутъ быть приняты въ сиротскіе дома, содержимые благотворителями изъ христіанъ. При бракосочетаніи большинство голландцевъ довольствуется гражданскимъ актомъ и не находятъ нужнымъ вѣнчаться въ церкви. Мало того, никого не интересуетъ здѣсь, выполняетъ-ли кто изъ его знакомыхъ эти обряды, или нѣтъ. Вѣроятно, этой безусловной свободѣ совѣсти, пустившей глубокіе корни въ нравы голландцевъ, евреи обязаны тому, что Голландія издавна сдѣлалась для нихъ настоящею родиною: они никогда не испытывали гоненій въ этой странѣ и чувствуютъ себя здѣсь, какъ дома.

Существует немного странъ, гдѣ бы число благотворительныхъ обществъ было такъ велико, какъ въ Голландіи. При населеніи менѣе чѣмъ въ 5 милліоновъ здѣсь насчитываютъ болѣе 6,000 благотворительныхъ заведеній, половина которыхъ существуетъ для вспомошествованія бѣднымъ, не обращающимся за милостынею. Частныя благотворительныя общества заботятся о бѣдныхъ, начиная отъ ихъ рожденія до гроба. Есть заведенія и общества для дѣтей, для стариковъ, больныхъ и даже для умершихъ, такъ какъ они хоронятъ бѣдныхъ на свой счетъ; существуетъ множество пріютовъ для маленькихъ дѣтей, которые содержатся добровольными пожертвованіями. Въ Амстердамѣ насчитываютъ 20 дѣтскихъ пріютовъ, которые содержатся на добровольныя пожертвованія. Въ этомъ самомъ городѣ существуетъ нѣсколько домовъ для прислуги, приходящей изъ маленькихъ городковъ или изъ деревень искать себѣ мѣсть. Здѣсь, за небольшую плату, они могутъ оставаться безъ опасности для своего имущества и своей нравственности. Вообще здѣшнія благотворительныя общества преслѣдуютъ самыя разнообразныя цѣли: одни изъ нихъ раздають вспомошествованіе жизненными припасами, другіе даютъ пристанище бѣднымъ, затѣмъ идетъ громадное количество госпиталей и лѣчебницъ, обществъ для доставленія работы бѣднымъ, нѣсколько заведеній для умалишенныхъ и т. п. Ежегодные расходы всѣхъ этихъ заведеній приходится обозначать милліонами. Нужно помнить, что все это существуетъ въ очень маленькой странѣ, съ небольшимъ населеніемъ. Между тѣмъ здѣшнія богадѣльни и больницы скорѣе похожи на дворцы, чѣмъ на убѣжища нищеты. Теперь много думаютъ также объ улучшеніи жилищъ бѣдныхъ классовъ. Уже во многихъ городахъ существуютъ общества, которыя строятъ здоровые дома съ необходимою вентиляціею и чистою водою и отдають ихъ бѣднякамъ въ наемъ за ту же цѣну, которую имъ приходилось платить за дурное помѣщеніе.

Языкъ голландцевъ — вѣтвь древняго германскаго языка. Въ теченіе многихъ столѣтій онъ былъ общимъ языкомъ во всѣхъ нидерландскихъ и въ прилегающихъ къ нимъ нѣмецкихъ земляхъ. Только политическія вліянія извнѣ раздѣлили его на многіе діалекты. Во время бургундскаго господства въ Нидерландахъ французскій языкъ не только былъ введенъ при дворѣ, но сдѣлался и языкомъ ученыхъ. Понятно, что онъ оставилъ слѣды на голландскомъ языкѣ. Сношенія Нидерландъ съ Нижнею Германіею тоже имѣли вліяніе на этотъ языкъ. Въ настоящее время въ Нидерландахъ можно различать пять діалектовъ: 1) *голландскій языкъ* — языкъ литературный и научный, на которомъ говорятъ всѣ образованные голландцы, гдѣ бы они ни жили. Народъ говоритъ на немъ только въ провинціяхъ: Утрехтѣ, въ Южной и Сѣверной Голландіи; 2) *Фризскій*, которымъ говоритъ народъ въ Фрисландіи. 3) *Гронингенскій* — въ Гронингенѣ, Оверѣ-Исселѣ и Дрентѣ; 4) *Гельдернскій* — въ Гельдернѣ и 5) *Фламандскій* — въ Сѣверномъ Брабантѣ, Зеландіи и Лимбургѣ.

Преподаваніе въ голландскихъ народныхъ школахъ до XIX-го ст. носило протестантскій характеръ, и это постоянно возбуждало крайнее раздраженіе въ католическомъ населеніи Голландіи. Въ концѣ концовъ правительство вынуждено было изгнать изъ школы духъ протестантизма, но сдѣлало это не сразу. Въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія католики особенно жаловались на то, что въ школахъ читается библія; поэтому правительство сначала предписываетъ, чтобы ее читали въ то время, когда католиковъ нѣтъ въ школѣ, а затѣмъ окончательно изгоняетъ изъ нея чтеніе библіи. Послѣ того католики заявили, что ихъ дѣти не могутъ молиться вмѣстѣ съ протестантами, — правительство и въ этомъ уступаетъ имъ и исключаетъ молитву изъ школы. Наконецъ закономъ 1857 г. окончательно упразднили въ школахъ преподаваніе закона божьяго.

Въ Голландіи существуютъ *частныя* школы, за обученіе въ которыхъ приходится платить, и *общественныя*, — содержимыя государствомъ или общинами. Въ «общественныхъ школахъ» для бѣдныхъ дѣтей обученіе бесплатно; остальные вносятъ ничтожную плату, приблизительно 15 коп. въ мѣсяцъ. Обученіе въ этой странѣ не обязательно. Въ маленькихъ городахъ и деревняхъ Голландіи почти всѣ дѣти школьнаго возраста посѣщаютъ школу, но въ большихъ городахъ, съ увеличеніемъ числа пролетаріевъ, оказывается порядочное количество дѣтей, которыя рѣдко или совсѣмъ не учатся въ школахъ. Голландцы такъ увлекаются идеей свободы, что доводятъ ее до крайности, забывая о благихъ послѣдствіяхъ, какія могло бы имѣть для страны обязательное обученіе. Учредители частныхъ школъ также не хотятъ прибѣгать въ этомъ случаѣ къ принужденію, благодаря чему весьма значительное число дѣтей не посѣщаетъ школъ позже 10 лѣт. возраста. Народное образованіе въ Голландіи двигалось бы и еще медленнѣе, если-бы здѣсь не существовало такого правила: нуждающіеся родители, не посылающіе своихъ дѣтей въ школу, тѣмъ самымъ отказываются отъ всякой помощи со стороны общины, къ которой они принадлежатъ. По статистическимъ даннымъ изъ ста человѣкъ, зачисленныхъ въ военную службу въ 1870 г., было 16 человѣкъ, не умѣвшихъ ни читать, ни писать, а въ 1893 г. такихъ было уже лишь 5 на сто. Самая грустная сторона здѣшняго народного образованія заключается въ томъ, что число учениковъ, посѣщающихъ школы, увеличивается весьма медленно. Многіе въ Нидерландахъ, искренно сочувствующіе дѣлу народного образованія, весьма сожалѣютъ, что голландскій парламентъ до сихъ поръ еще не рѣшился ввести обязательнаго обученія. Въ пользу своего убѣжденія они обыкновенно ссылаются на слѣдующій фактъ, происшедшій въ самой Голландіи. Въ провинціи Гронингенъ, самой образованной во всемъ королевствѣ, замѣчено было, что одно время число учениковъ, особенно въ деревняхъ, постоянно уменьшалось. Тогда издано было постановленіе, по которому каждый отецъ семейства обязанъ былъ вносить въ школу за своего ребенка (отъ 6-ти до 12-ти лѣтняго-возраста) опредѣленную плату. Эту плату родители обязаны были вносить за своихъ дѣтей даже и въ то время, когда они не посѣщали школы. Они избавлялись отъ этого налога только въ томъ случаѣ, когда могли доказать, что воспитываютъ своего ребенка дома или въ частной школѣ. Результатъ такой мѣры превзошелъ всѣ ожиданія. Число учениковъ въ продолженіи немногихъ лѣтъ сильно увеличилось.

Среднее образованіе въ Голландіи получаютъ въ «среднихъ высшихъ школахъ». Свидѣтельство объ окончаніи курса въ этихъ школахъ даетъ право на поступленіе въ одинъ изъ голландскихъ университетовъ, въ военную и артиллерійскую школы; оно необходимо также для поступленія въ инженерную, технологическую и политехническую школы и въ заведеніе для подготовки чиновниковъ для колоній.

Большинство голландцевъ довольствуется скромными свѣдѣніями, приобретаемыми въ первыхъ классахъ средней школы, и покидаетъ заведеніе за долго до окончанія курса. Это объясняется съ одной стороны отсутствіемъ любознательности, съ другой тѣмъ что аттестатъ средняго учебнаго заведенія не даетъ никакихъ преимуществъ и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ специальныхъ школъ, нигдѣ не требуется. Къ тому же у голландца болѣе развита практическая жилка: онъ прежде всего думаетъ о томъ, какъ бы найти такой родъ дѣятельности, который наиболѣе обезпечивалъ бы его въ будущемъ, чѣмъ о безкорыстномъ приобрѣтеніи знаній.

Женское образованіе въ Голландіи поставлено особенно плохо. Здѣшнія дѣвушки не находятъ необходимымъ во что бы то ни стало кончать курсъ средней школы. Общество требуетъ отъ будущихъ женъ и матерей лишь самыхъ элементарныхъ по-

знаний. А потому то въ очень многихъ голландскихъ городахъ совсѣмъ не существуетъ среднихъ женскихъ школъ, и большая часть голландскихъ дѣвушекъ заканчиваетъ свое образованіе въ народной школѣ.

Въ Голландіи, въ этой маленькой странѣ, съ населеніемъ менѣе 5-ти милл., существуетъ пять университетовъ: Лейденскій, Утрехтскій, Амстердамскій и другіе. Самый замѣчательный изъ нихъ Лейденскій; университетъ этотъ — историческій памятникъ не только города Лейдена, но и всей страны.

Нидерланды со времени Карла V подпали подъ тяжелое иго Испаніи. Но самыя возмутительныя злоупотребленія, гнетъ и религіозныя преслѣдованія испытала эта страна при его сынѣ Филиппѣ II, королѣ испанскомъ. Свобода совѣсти въ Голландіи была нарушена въ это время испанцами самымъ возмутительнымъ образомъ. Деспотизмъ религіозный и политическій, инквизиція, произвольные налоги — все это до крайности оскорбляло національное чувство голландцевъ. Испанцы преслѣдовали всѣхъ безъ различія пола и возраста. Повсюду были видны лишь орудія казни и пытки. Наконецъ, висѣлицъ и колесъ стало недостаточно: деревья, окаймлявшія дорогу, были покрыты трупами. По всей Голландіи запылали безчисленные костры, на которыхъ жгли всѣхъ, не только не принадлежащихъ къ католической религіи, но всѣхъ, кто, по мнѣнію инквизиторовъ, былъ недостаточно надежнымъ католикомъ. Каждый день воздвигались эшафоты, на которыхъ кровь текла рѣкой. Тогда-то эта несчастная страна, возмущенная несправедливостями и жестокостями, представила зрѣлище, единственное въ исторіи. Нѣсколько сотенъ людей, приведенныхъ въ отчаяніе, рыболовы, пастухи и негоціанты, соединились, чтобы бороться противъ угнетенія испанцевъ, считавшихся тогда непобѣдимыми. Слѣдуя примѣру другихъ голландскихъ городовъ, жители Лейдена заявили желаніе присоединиться къ храбрецамъ, но на нихъ напали испанцы и окружили ихъ городъ. Тогда граждане Лейдена дали клятву скорѣе похоронить себя подъ развалинами своихъ домовъ, чѣмъ сдаться непріятелю. Голодъ скоро началъ свирѣпствовать между лейденцами. Въ продолженіе семи недѣль въ городѣ совсѣмъ не было хлѣба. Жители въ буквальномъ смыслѣ слова умирали съ голоду: собаки, кошки, крысы и другая нечисть считались роскошью. Несчастные, умирающіе съ голоду, ежедневно толпились вокругъ боенъ, на которыхъ убивали скотину, борясь за каждый кусокъ, который случайно падалъ, и жадно облизывая кровь, текущую по полу; шкуры, изрубленные и сваренныя, пожирались съ жадностью. Женщины и дѣти по цѣлымъ днямъ рылись въ сточныхъ трубахъ и сорныхъ кучахъ, отыскивая куски пицци, которые они яростно оспаривали у голодныхъ собакъ. Но всѣ эти средства не могли отвратить голодной смерти. Ежедневная смертность была ужасна. Матери падали мертвыя на улицахъ съ своими мертвыми дѣтьми на рукахъ. Болѣзнь, называемая моровой язвой, порожденная лишеніями и голодомъ, пришла теперь, какъ будто для того, чтобы изъ жалости сократить агонію народа. Изъ 16-ти тысячъ жителей, которые держались въ крѣпости, половина погибла. Живые только и занимались погребеніемъ мертвыхъ. Трудно даже представить себѣ, какъ могли эти несчастные, которые сдѣлались теперь скелетами, теряя каждую минуту своихъ близкихъ, мучимые голодомъ и разными эпидеміями, ожидая каждую минуту смерти, держаться противъ сильныхъ непріятельскихъ армій. Еще болѣе возбуждаетъ удивленіе то, какимъ образомъ эта небольшая горсть измученныхъ людей могла противостоять искушеніямъ въ такую отчаянную для себя минуту. Когда испанскіе солдаты кричали имъ: «вы умираете съ голоду, сдайтесь, и вы получите сѣбѣстные припасы... Слышите ли вы это, крысоѣды и собакоѣды?» — «Пока вы будете слышать лай собакъ и мяуканье кошекъ въ этихъ стѣнахъ»,

было имъ отвѣтомъ, «знайте, что городъ нашъ держится, а когда все, кромѣ насъ самихъ, погибнетъ, каждый изъ насъ съѣстъ свою лѣвую руку, сохраняя правую, чтобы защищать нашу свободу. Когда придетъ послѣдній часъ, мы своими собственными руками зажжемъ городъ и скорѣе погибнемъ въ пламени, чѣмъ потерпимъ то, чтобы наши дома были осквернены и наши вольности уничтожены».

Не видя ни откуда помощи, нидерландцы рѣшились прорвать плотину. Вода затопила поля и поглотила жатву. Море, этотъ природный врагъ Голландіи, шло теперь на помощь Лейдену, но очень медленно. Вмѣсто съ минуты на минуту ожидаемой опасности, на волнахъ появились барки съ пушками. Эти барки несли на себѣ страшныхъ зеландскихъ моряковъ, израненныхъ, изрубленныхъ и изувѣченныхъ въ постоянныхъ битвахъ за свою независимость. Несмотря на свои жестокія раны и увѣчья, они шли, чтобы освободить своихъ братьевъ. Эти зеландскіе моряки были извѣстны тѣмъ, что никому никогда не давали пощады и ходили только въ *смертный бой*.

Вмѣстѣ съ храбрыми людьми и стихія рѣшилась придти на помощь лейденцамъ. Вѣтеръ паремѣнился, вода вдругъ стала прибывать съ необыкновенною быстротою, и разразилась страшная буря. Потокъ всюду несъ съ собою ужасъ и опустошеніе, а для лейденцевъ—спасеніе. Изумленные и затопленные, оцѣпенѣлые отъ ужаса, испанцы шумно оставляютъ свои посты и бросаютъ свои пушки въ воду. Тотъ же приливъ воды, который уноситъ враговъ, приводитъ храбрую зеландскую флотилію, снабженную провизіею, къ самымъ воротамъ Лейдена. Между свирѣпыми зеландцами и отступающими испанцами завязывается ужасная борьба, отчасти на шлюзахъ, отчасти на баркахъ. Схватка была отчаянная и кровопролитная и дала понятіе о томъ, что рѣшились сдѣлать эти люди, которые шли на освобожденіе своихъ братьевъ, жертвуя своею жизнью. Она показала также, какую безконечную, античеловѣческую ненависть питали угнетенные къ испанцамъ, своимъ угнетателямъ. Одинъ изъ зеландскихъ моряковъ, поразивъ испанца на плотинѣ, сталъ колѣномъ на своего истекающаго кровью врага, вырвалъ сердце изъ его груди, вѣпилъ въ него зубами и потомъ бросилъ его собакѣ съ словами: «слишкомъ горько!»

Такое освобожденіе походило на чудо. Грозная испанская армія, атакованная, отчасти потонувшая, отчасти разбѣянная морскими водами, которыя, точно невидимою рукою, были устремлены на нее, исчезла, какъ армія Фараона. Когда принцъ Оранскій, который всю свою жизнь посвятилъ своимъ согражданамъ нидерландцамъ, который даже въ страшной болѣзни не забывалъ свою родину и, лежа въ постели, писалъ лейденцамъ, ободряя ихъ и умоляя продержаться еще нѣкоторое время, когда онъ явился въ этотъ городъ, народъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ. «Что вы хотите», спросилъ онъ: «основать университетъ или снять нѣкоторые налоги?» Граждане Лейдена не колебались въ выборѣ: «Университетъ!» былъ общимъ ихъ крикомъ, и въ 1575 г., слѣдовательно черезъ два года послѣ осады, которую выдержалъ Лейденъ, былъ сооруженъ въ этомъ городѣ университетъ.

Такимъ образомъ основаніе лейденскаго университета тѣсно связано съ освобожденіемъ страны. Это обстоятельство навсегда породило въ лейденскихъ студентахъ любовь къ историческимъ празднествамъ и процессіямъ. Въ различныхъ процессіяхъ они изображаютъ инквизицію, свирѣпаго Альбу, принца Оранскаго, которому они столько обязаны своей свободой, и другихъ историческихъ знаменитостей этого ужаснаго періода жизни. Но въ этихъ процессіяхъ обыкновенно нѣтъ ни особенной роскоши, ни исторической вѣрности въ костюмахъ. Впрочемъ, студенты въ разныхъ аллегорическихъ формахъ также изображаютъ разныхъ языческихъ боговъ и богинь,

древнихъ ученыхъ и мудрецовъ. Платонъ, Цицеронъ, Аристотель, Виргилій, Музы, Минерва, Аполлонъ являются у нихъ попеременно, въ очень живописныхъ группахъ, но часто въ современныхъ костюмахъ.

Лейденскій университетъ скоро послѣ своего основанія приобрѣлъ такую славу, какой еще не достигалъ ни одинъ изъ университетовъ: онъ сдѣлался истиннымъ средоточіемъ образованія. Философія и другія науки процвѣтали здѣсь съ такимъ блескомъ, что долгое время этотъ университетъ былъ очагомъ знанія и свободной мысли. Къ голосу этого университета прислушивался весь свѣтъ, на его мнѣніе обращали вниманіе и люди, обладавшіе неограниченною властью: государи западно-европейскихъ государствъ боялись осужденія этого знаменитаго университета, зная, что вся мыслящая Европа въ такомъ случаѣ отвернется отъ нихъ.

Вообще нидерландцы послѣ того, когда они вышли побѣдителями изъ 37-милѣтней войны съ Испанією, завоевали себѣ выдающееся положеніе въ Европѣ. Первая половина XVII-го столѣтія особенно была золотымъ вѣкомъ этого народа. Ни одна страна не могла сравниться съ Голландією по развитію промышленности и по государственному устройству. „Европа получала отъ Голландіи почти всѣ предметы роскоши и ежедневнаго обихода: полотно, шелковыя ткани и бархатъ, зеркала, фарфоръ, издѣлія изъ желѣза и стали и многое другое. Огромная армія людей занималась ловлею знаменитыхъ голландскихъ сельдей и снабжала ими всю Европу. Въ это время страна эта обладала двумя тысячами судовъ со 100.000 моряковъ. Нигдѣ во всемъ мірѣ крестьяне не были такъ богаты, какъ въ Голландіи: многіе изъ нихъ, выдавая своихъ дочерей замужъ, давали за ними по 100 тыс. приданого.

«Учрежденія Голландіи соотвѣтствовали ея внѣшнему блеску: то былъ свободный союзъ самоуправлявшихся провинцій. Въ Голландіи впервые была признана свобода совѣсти и всѣ гражданскія и политическія права человѣка. Рабства не существовало, и слуга пользовался равными правами съ господиномъ. Никто никого не преслѣдовалъ за убѣжденія, и каждому предоставлялось право обсуждать и даже порицать дѣйствія правительства и властей. По своей культурѣ и образованію голландцы опередили Европу, по крайней мѣрѣ, на два столѣтія. Въ то время въ этой странѣ рѣдко можно было встрѣтить человѣка безграмотнаго. Каждая деревенька имѣла свою школу. Въ зажиточныхъ семьяхъ сыновья знали по-латыни, дочери говорили по-французски. Чрезвычайно многіе голландцы знали нѣсколько языковъ, и всѣ были проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ. Лейденскій университетъ, какъ было сказано выше, сдѣлался разсадникомъ европейской мысли, и въ него стекались учиться со всѣхъ концовъ Европы. Но мало-по-малу страна начала приходить въ упадокъ: богатые люди жили все съ большею роскошью, имъ подражали не только высшіе слои общества, но всѣ мало-мальски зажиточные люди; о рабочихъ и солдатахъ все менѣе заботились, высшіе классы общества стали все сильнѣе проявлять стремленіе къ наживѣ. Народъ слабѣлъ и бѣднѣлъ, такъ что въ 1672 г. Людовикъ XIV уже не встрѣтилъ отпора, и голландскіе города сдаются по первому его требованію. Впрочемъ, въ концѣ вѣка народное чувство, униженное рядомъ оскорбленій, еще разъ вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ: голландцы совершаютъ рядъ геройскихъ подвиговъ, открываютъ шлюзы и топятъ враговъ, но эта вспышка окончательно истощаетъ энергію народа. Послѣ трактата 1713 г. Голландія перестаетъ быть первоклассной морской державой и переходитъ въ разрядъ второстепенныхъ государствъ, а затѣмъ падаетъ и еще ниже. Могущество и благосостояніе Голландіи уменьшаются по мѣрѣ того, какъ Англія становится сильнѣе и богаче. Эта, еще недавно замѣчательно интеллигентная страна, все болѣе примиряется съ своимъ поло-

женіемъ, все болѣе начинаетъ довольствоваться ролью и славою обширнаго банкирскаго дома, страну, зажиточные классы которой постепенно приобрѣли славу стяжателей богатствъ. Съ утратою политическаго вліянія падало и матеріальное благосостояніе, разлитое въ народныхъ массахъ, началось и вырожденіе народнаго характера». Такимъ образомъ умственный разцвѣтъ Голландіи продолжался недолго. Постепенно громадное большинство голландцевъ и совсѣмъ утратило любовь и стремленіе къ духовнымъ интересамъ. Литература, за все нынѣшнее 19-ое столѣтіе, не поднималась выше посредственности. Голландскіе писатели и поэты—безъиндейные и бездарные люди, лишенные глубокаго художественнаго и общественнаго чутія, превозносящіе, въ большинствѣ случаевъ, лишь счастье тихой семейной жизни, или мистики, черпающіе вдохновеніе изъ Св. Писанія. Громадное большинство газетъ отражаетъ господствующій торгашескій духъ современнаго голландца: за исключеніемъ двухъ-трехъ изъ нихъ, всѣ онѣ, главнымъ образомъ, переполнены цѣнами мірового рынка и представляютъ справочные листки для биржи и банка. Наука въ настоящее время тоже въ совершенномъ упадкѣ: разрѣшеніе различныхъ богословскихъ вопросовъ голландцы называютъ философіей. Жизнь населенія въ голландскихъ городахъ, не исключая и Амстердама, проходитъ вяло, снотворно, патриархально, безъ всякаго умственнаго движенія; каждый галландецъ совершенно поглощенъ своею семьей, биржею и конторой, въ которой онъ служитъ, или тѣмъ дѣломъ, которымъ онъ занятъ. Пять голландскихъ университетовъ не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на жизнь страны. Прежде въ Лейденскій и Утрехтскій университеты стекалась молодежь со всѣхъ концовъ западной Европы; теперь же наиболѣе развитая часть голландской молодежи сама отправляется доканчивать свое образованіе въ Германію, Парижъ и Англію. Громадное же большинство молодыхъ людей, какъ и ихъ отцы и дѣды, думаютъ только о наживѣ. Ихъ не волнуютъ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ ломаетъ голову молодежь другихъ странъ, они не мечтаютъ о распространеніи высшаго образованія въ низшихъ классахъ, какъ это мы видѣли въ Англіи, не думаютъ о томъ, какъ бы уменьшить страданія пролетаріевъ, но стремятся лишь къ практическимъ цѣлямъ, и, чтобы болѣе основательно обезпечить себя выгодными занятіями въ будущемъ, они стараются приобрѣтать знаніе наибольшаго количества иностранныхъ языковъ. Кромѣ своего роднаго языка, громадное большинство зажиточныхъ голландцевъ изучаетъ французскій и нѣмецкій языки, а такъ какъ въ торговыхъ сношеніяхъ необходимъ англійскій языкъ, то очень многіе стараются изучить и его. Кромѣ того, сотни молодыхъ людей, готовящихся занять административныя должности на Зондскихъ островахъ, или тѣ молодые люди, которые когда-либо жили на этомъ отдаленномъ архипелагѣ, должны выучить еще яванскій и малайскій языки. Если принять во вниманіе и то, что многимъ молодымъ людямъ, посѣщающимъ университеты, приходится изучать греческій и латинскій языки, то изъ сказаннаго будетъ ясно, что въ этой странѣ не рѣдкость встрѣтить голландцевъ, прекрасно знакомыхъ съ 6—8 языками.

ЗАНЯТІЯ НАРОДА И ЕГО ПОЛОЖЕНІЕ.

Ловля сельдей и трески.—Городъ Флардингенъ.—Рыбаки и ихъ жены.—Страхъ и надежда женщинъ.—Одежда жителей.—Торфъ и его значеніе въ странѣ.—Охота на птицъ и ловля утокъ.—Скотоводство.—Городъ Алькмаръ и сыровареніе.—Земледѣліе и положеніе земледѣльцевъ.—Богатые и бѣдные крестьяне.—Фабричные рабочіе.—Пища, заработокъ и жилища рабочаго люда.—Отношенія между рабочими и хозяевами.

Обиліе лѣсовъ въ странѣ дѣлаетъ жителей охотниками, сосѣдство озеръ, рѣкъ и морей—рыболовами и моряками. Поэтому рыбная ловля въ Нидерландахъ извѣстна

уже съ древнихъ временъ и была главнымъ источникомъ благосостоянія страны и ея торговли. Море постоянно поддерживало голландцевъ въ годы голода и несчастій; оно всегда съ избыткомъ доставляло имъ рыбу, которую голландцы отвозили въ другія страны, и взамѣнъ ея получали для своихъ построекъ лѣсъ, котораго у нихъ недостаточно, зерновой хлѣбъ, даже золото и брильянты. Изъ рыбъ болѣе всего ловятъ сельдей; этимъ промысломъ заняты въ Голландіи огромный классъ населенія. Онъ не только даетъ заработокъ тысячамъ рукъ, но и пропитываетъ множество народа. Сельдей здѣсь ѣдятъ свѣжими, когда ихъ только-что поймаютъ, солеными и копчеными, въ то время года, когда ихъ нельзя ловить. Но еще въ большемъ количествѣ ихъ вывозятъ въ другія страны.

Уже съ незапамятныхъ временъ главное мѣсто сельдяной ловли было, какъ и теперь, во Флардингенѣ, на правомъ берегу Мааса. По набережной нынѣшняго Флардингена тянутся конторы и магазины: тутъ хранятся всѣ орудія рыбной ловли. Въ отверстіяхъ многихъ построекъ нѣтъ ни стеколъ, ни ставенъ, и видны лишь просушивающіяся сѣти, которыя развѣшаны въ длину всего помѣщенія. Черные, загорѣлые отъ вѣтра и солнца мужчины катятъ бочки изъ гавани, гдѣ только-что успѣли выгрузить корабли.

Улицы Флардингена узки, съ покосившимися, какъ корабли во время вѣтра, кирпичными домиками рыболововъ. Эти жилища, въ которыхъ чистота составляетъ все богатство, имѣютъ видъ, хотя скромный и простой, но не жалкій. Во время лѣта вы встрѣчаете здѣсь только женщинъ и дѣтей: всѣ мужчины на морѣ. Женщины сушатъ передъ домами бѣлье или вяжутъ сѣти. Вся физіономія города, его внѣшній видъ, привычки, обычаи и работы его жителей—все говоритъ о томъ, что всѣ тутъ живутъ моремъ.

Теперешній Флардингенъ принадлежитъ къ нидерландскимъ провинціямъ Южной Голландіи. Сельдяная ловля, въ которой принимаетъ участіе большая часть жителей, начинается 24-го іюня и кончается 30-го октября. Этотъ городъ необыкновенно оживляется передъ отъѣздомъ въ море рыбаковъ. Уже въ началѣ іюня смолать и красятъ сельдяныя лодки, челноки и корабли, набираютъ рыболововъ и приводятъ въ порядокъ паруса и снасти. 10-го или 12-го іюня флотскіе офицеры и капитаны кораблей отправляются въ ратушу и присягаютъ точно слѣдовать законамъ о рыбной ловлѣ и того же требовать отъ подчиненныхъ. По выходѣ изъ ратуши, на корабляхъ поднимаютъ флаги, чтобы всѣ приготовились къ отъѣзду. 14-го іюня, въ «день флаговъ», тѣ, которые рѣшились пуститься въ море, и ихъ родные, друзья и знакомые—всѣ собираются въ церковь помолиться за отъѣзжающихъ.

Сельдяной флотъ стоитъ въ гавани, уже готовый къ отъѣзду. На корабляхъ развѣваются флаги, и на одномъ изъ нихъ золотыми буквами написано имя корабля. Наконецъ, наступаетъ день отъѣзда. Съ ранняго утра жители города, въ праздничныхъ одеждахъ, толпятся у гавани, и множество крестьянъ изъ окрестностей еще увеличиваетъ давку. Въ эту минуту болѣе всего поражаетъ разнообразіе и оригинальность костюмовъ. Здѣсь онъ видитъ и южно-голландскаго крестьянина въ синей курткѣ, въ короткихъ штанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, въ грубой поярковой шляпѣ, ленточка которой прикрѣплена маленькой серебряной пряжкой; въ рукахъ онъ держитъ длинную палку. Рядомъ съ нимъ крестьянинъ одѣтъ въ современную городскую одежду; его можно узнать только по плоской суконной шапкѣ, которую онъ не снимаетъ въ продолженіе цѣлаго дня. Тутъ же и южно-голландская крестьянка съ карими глазами, румяными щеками и двумя рядами бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ. На ней шапочка съ прекрасными, настоящими кружевами, золотой

ободокъ на лбу, золотыя украшенія на вискахъ. Поверхъ шапочки одѣта соломенная шляпа, которая снаружи и изнутри покрыта цѣлымъ садомъ искусственныхъ цвѣтовъ и надъ которой, кромѣ того, развѣвается еще большое зеленое перо съ красными точками. Въ толпѣ этихъ нарядныхъ, деревенскихъ дѣвушекъ то тамъ, то здѣсь снуютъ городскія дѣвушки, которыя одѣты гораздо проще: онѣ не безобразятъ себя шляпой, а носятъ только шапочки съ кружевными вуалями, съ золотымъ ободкомъ на лбу, съ бляхами на вискахъ и съ серьгами въ ухахъ. Чѣмъ богаче женщина, тѣмъ драгоцѣннѣе ея ободокъ и украшеніе на шеѣ, состоящее изъ нѣсколькихъ нитокъ жемчуга и коралловъ.

Но вотъ наступила минута отъѣзда. Всѣ ли возвратятся?—написано на всѣхъ лицахъ; и тамъ, и здѣсь раздаются рыданія женщинъ, заглушаемыя принужденнымъ смѣхомъ и островами мужей.

Сельдяной флотъ въ 80, 90, а то и въ 150 судовъ, въ сопровожденіи двухъ военныхъ кораблей, направился въ путь. Послѣ отъѣзда рыбаковъ въ гавани наступаетъ совершенная тишина, которая царствуетъ до самаго ихъ возвращенія. Рыбаки всегда стараются закинуть первыя сѣти 24-го Іюня, въ день св. Івана, который считается счастливымъ днемъ. Въ этотъ самый день во Флардингенѣ семейства рыбаковъ вмѣстѣ съ кораблевладельцами пьютъ за удачу экспедиціи за завтракомъ или за обѣдомъ, который они устраиваютъ на общій счетъ. Чѣмъ глубже забрасываютъ сѣти въ море, тѣмъ лучшаго качества можно поймать селедку. Когда наловлено, очищено и посолено 100 бочекъ селедокъ, этотъ первый уловъ спѣшатъ отправить въ гавань во Флардингенъ. Между тѣмъ въ городѣ уже съ 1-го іюля начинаютъ съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія первыхъ ловцовъ. Чтобы весь городъ могъ въ одну минуту собраться къ пристани и тотчасъ по возвращеніи свидѣться съ отсутствующими, на городскую башню ставятъ двухъ человѣкъ, которые должны стоять тамъ и смотрѣть на море, не появится ли корабль. Какъ только они замѣтятъ движущуюся точку, они тотчасъ вывѣшиваютъ красный шаръ. «Шаръ наверху, шаръ наверху!» неистово кричатъ дѣти со всѣхъ сторонъ; ихъ крикъ подхватываютъ взрослые, и черезъ минуту народъ съ шумомъ бросается къ гавани. Черезъ четверть часа послѣ того, какъ замѣтили шаръ, уже на многихъ домахъ подняты флаги.

Боченокъ сельдей перваго улова везутъ въ подарокъ во дворецъ въ колесницѣ, самымъ причудливымъ образомъ разукрашенной флагами. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ сельди перваго улова цѣнились чуть не на вѣсъ золота. Хотя и теперь находятъ, что эти сельди гораздо вкуснѣе тѣхъ, которыхъ вылавливаютъ потомъ, но на это, какъ и на луковицы тюльпановъ, была своего рода мода. За такую селедку платили по дукату. Купцы изъ всѣхъ городовъ Голландіи торопились къ этому времени во Флардингенъ, чтобы на мѣстѣ купить подешевле и въ первые же дни сбыть товаръ съ выгодой для себя. На этомъ тоже наживались. Хотя эта мода прошла, тѣмъ не менѣе и теперь селедка перваго улова цѣнится, по крайней мѣрѣ, въ 4 раза дороже той, которая доставляется въ слѣдующій уловъ. Богатые купцы Гаги посылаютъ въ подарокъ въ эти дни маленькіе боченки селедокъ своимъ друзьямъ.

Возвращеніе кораблей часто вноситъ смертельное горе во многія семейства. Въ особенности корабли, которые возвращаются съ зимней рыбной ловли изъ Нѣмецкаго моря, въ которомъ они въ это время ловятъ треску, приносятъ часто глубокую печаль.

Ловля трески зимой сопряжена съ страшными опасностями, и во время ея гибнетъ много людей. Самые крѣпкіе корабли иногда не выносятъ зимнихъ бурь. Съ какой мучительной тревогой жены ждутъ возвращенія своихъ мужей во время

зимнихъ экспедицій. При крикѣ дѣтей «шаръ наверху», лица ихъ покрываются мертвенной блѣдностью, платокъ, который онѣ накидываютъ наскоро на голову, дрожитъ въ рукахъ, и, приблизившись къ гавани, онѣ нѣсколько минутъ боятся поднять глаза вверхъ. Но вотъ, наконецъ, всѣ взоры обратились на палубу. Вдругъ крикъ ужаса раздался въ толпѣ... Нѣсколько женщинъ не замѣтили своихъ мужей, а ясно различили только, что на мачтѣ входящаго корабля флагъ не развѣвается. Это признакъ, что нѣкоторые изъ экипажа погибли, или, по выраженію моряковъ, «остались».

Всю свою жизнь голландскіе рыболовы посвящаютъ на служеніе морю. Жизнь рыбака и его семейства на морѣ преисполнена опасностей, а на сушѣ всевозможныхъ лишеній. Ихъ обычная пища — каша и селедки, ихъ питье — кофе и жeneverъ. Жалованья они получаютъ въ годъ не болѣе 150 руб. Многіе изъ нихъ начинаютъ свою службу на морѣ съ ранняго дѣтства. Родители уже въ 9 лѣтъ начинаютъ посылать своихъ дѣтей зимою въ школу, а лѣтомъ на рыбную ловлю. Рыбаки отличаются такого же храбростью, какъ и моряки.

Физіономія голландскихъ береговъ чрезвычайно однообразна: цѣпи дюнъ, вода, небо, вотъ все, что вы видите нерѣдко на пространствахъ нѣсколькихъ миль. На всемъ берегу западной Голландіи, отъ Гельдерна до Мааса, раскиданы деревни рыбаковъ. Только въ этихъ бѣдныхъ хижинахъ и можно видѣть особенности нравовъ и привычекъ береговыхъ жителей. Мужчины — плотны, широкоплечи, обнаруживаютъ могучую мускульную силу, необходимую для ихъ тяжелаго ремесла. Женщины, высокія и сильныя, работаютъ не менѣе своихъ мужей. Ихъ самый характерный признакъ — обиліе дѣтей. Возлѣ каждой рыбацкой хижины валяется и играетъ въ пескѣ не менѣе десятка дѣтей, а очень часто и еще гораздо больше. Грустно смотрѣть, когда рыбакъ, промоченный съ головы до ногъ соленой водой, тяжело дыша подъ тяжестью сѣтей, возвращается въ свою несчастную хижину; первое, что онъ встрѣчаетъ у пылающаго очага, — цѣлая куча дѣтей разнаго возраста и пола. Онъ не прижимаетъ ихъ страстно къ груди, въ немъ не развиты нѣжныя родительскія чувства: обиліе дѣтей слишкомъ одолѣло его. Промокшій до костей, онъ думаетъ только о томъ, какъ-бы обогрѣться у пылающаго огня, какъ-бы поудобнѣе отдохнуть, между тѣмъ у очага нѣтъ свободнаго мѣста, — все занято дѣтьми. И первое чувство послѣ долгой разлуки — злоба и проклятіе судьбѣ, которая надѣлила его такою многочисленною семьей.

По праздникамъ рыбаки имѣютъ торжественный видъ и расхаживаютъ въ одеждѣ, которую носили ихъ отцы и прадѣды. Прежде всего на нихъ одѣта красная или синяя рубашка изъ байки съ длинными рукавами; сверху сѣрая матросская фуфайка, изъ подъ которой видны рукава рубашки; остальной костюмъ — коричневыя штаны, красныя чулки и деревянные башмаки. На головѣ шляпа съ узкими полями напередѣ, которая сзади гораздо шире и, какъ навѣсъ, закрываютъ затылокъ отъ дождя. На загорѣлой шеѣ небрежно повязанъ цвѣтной галстукъ, во рту — короткая глиняная трубка. Одежда женщинъ — полосатая, коричневая, байковая юбка, корсажъ, сверху котораго накинута кофта, и передникъ, обшитый красною или синею обшивкою. На головѣ — чепчикъ, отдѣланный кружевами, сверху котораго шляпа, подбитая ситцемъ. На ногахъ у нея, такъ-же какъ у мужа, деревянные башмаки; кожаная обувь здѣсь большая рѣдкость. Характеристическая черта голландскаго рыбака — независимость характера. Какъ-бы онъ ни былъ бѣденъ, онъ никогда не станетъ служить; онъ слишкомъ гордъ, чтобы имѣть надъ собой господина. Онъ весь вѣкъ свой лучше будетъ бороться съ бурями моря, ежечасно рисковать жизнію, чѣмъ, нанявшись работникомъ, въ безопасности ѣсть пищу хозяина. Такое же чув-

ство независимости одушевляетъ и женщинъ. Онѣ будутъ носить всевозможныя тяжести, таскать мокрыя сѣти, вязать ихъ, безъ всякой помощи справлять всѣ домашнія работы, вести хозяйство, воспитывать дѣтей, но никогда не пойдутъ ни къ кому служить: онѣ считаютъ это величайшимъ униженіемъ своего достоинства.

Рано берутъ рыбаки съ собою на океанъ своихъ сыновей. Море они считаютъ для нихъ самою лучшею школою, и ихъ дѣти впослѣдствіи точно такъ-же одѣваются, думаютъ, ѣдятъ, такъ-же смотрятъ на жизнь, какъ ихъ отцы и прадѣды. У рыбака свои предразсудки, но онъ не подчиняется предразсудкамъ другихъ. Какъ бы онъ ни былъ бѣдно одѣтъ, онъ съ чувствомъ собственного достоинства относится какъ къ знатному, такъ и къ простому. Для него всѣ люди между собою равны, но болѣе достойны уваженія тѣ, которые презираютъ житейскія опасности и смотрятъ прямо въ глаза смерти, т.-е. рыбаки и моряки. Ихъ суровое ремесло мѣшаетъ развитію нѣжныхъ чувствъ. Рыбаки очень рано женятся и обыкновенно на женщинѣ своей среды, съ которою они бѣгали и играли еще въ дѣтствѣ. Вѣроятно, это раннее знакомство другъ съ другомъ даетъ имъ возможность отлично понимать другъ друга: они тихо сидятъ у пылающаго огня своей хижины, и мужу стоитъ только поднять глаза, задуматься, сморщить лобъ, какъ жена его уже понимаетъ и догадывается, объ чемъ онъ думаетъ, что ему нужно. Но это давнишнее знакомство супруговъ и въ тоже время ихъ суровая жизнь, полная лишеній и заботъ, въ кругу многочисленнаго семейства, развиваетъ какое-то равнодушіе. Они рѣдко разговариваютъ между собою, и мужъ, даже въ то время, когда онъ сидитъ у огня и ничего не дѣлаетъ, никогда не предложитъ женѣ своихъ услугъ, никогда не подниметъ за нее никакой тяжести, хотя бы она совсѣмъ изнемогала подъ ея бременемъ: онъ не выполнитъ вмѣсто нея работы, даже и въ то время, когда она больна. «Мое дѣло — море», говоритъ онъ: «жена должна думать о семьѣ, и каждый пусть думаетъ о своемъ».

Самыя оживленныя минуты въ этихъ рыбацкихъ мѣстечкахъ наступаютъ тогда, когда корабль возвращается. Въ это время отовсюду сбѣгаются женщины съ круглыми корзинками. Если корабль не можетъ близко подойти къ берегу, дѣти засучиваютъ штанишки и перетаскиваютъ рыбу съ корабля на берегъ. Женщины наполняютъ тотчасъ свои корзины и бѣгутъ въ городъ съ криками: «покупайте рыбу!» Другія наполняютъ рыбою тѣлѣжки, запряженныя собаками, и везутъ на продажу лучшую рыбу, а попроще оставляютъ для себя и своихъ собакъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что хотя собаки служатъ здѣсь вмѣсто рабочаго скота, но голландцы мало думаютъ о ихъ прокормленіи. Когда они приготавливаютъ себѣ кушанье изъ рыбы, то бросаютъ несчастнымъ собакамъ только голову, хвостъ, жабры и кишки. Вслѣдствіе этого собаки имѣютъ тощій видъ и постоянно голодны.

Кромѣ рыбы, жены рыбаковъ продаютъ въ городѣ морскія раковины. На вырученныя деньги онѣ покупаютъ все необходимое, чаще всего хлѣбъ, соль и топливо, которое здѣсь особенно дорого: вблизи не растетъ ни одного деревца, исключая искусственно разводимыхъ, нѣтъ также поблизости и торфа; поэтому горючій матеріалъ — одна изъ самыхъ дорогихъ жизненныхъ потребностей. Дѣти рыбаковъ всегда бродятъ у моря и подбираютъ деревянные обломки, которые они съ необыкновенною радостью, какъ самую цѣнную находку, приносятъ домой. Несмотря, однако, на то, что топливо здѣсь такъ дорого и что всѣ рыбацкіе семейства не богаты, женщины никогда не забываютъ, на вырученныя въ городѣ деньги, принести, вмѣстѣ съ предметами первой необходимости, какія-нибудь сласти для себя. Голландскія рыбацкіе — первыя лакомки въ мірѣ, и если только у нихъ остается нѣсколько копѣекъ отъ покупки хлѣба и соли, онѣ покупаютъ пряники, пирожное и другія сласти.

Торфъ въ этой странѣ доставляетъ заработокъ самому огромному количеству рабочихъ. Торфяники находятся во многихъ странахъ Европы, но нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ количествѣ, какъ въ Нидерландахъ. Здѣсь почти всюду подъ слоемъ глины или песку можно встрѣтить эту черную и смолистую землю, которую жители употребляютъ какъ топливо. Вырывая каналы, ставя фундаменты домовъ, всегда открываютъ огромныя залежи этого горючаго матеріала; его находятъ также на днѣ морскомъ. По берегу Нѣмецкаго моря, при отливѣ, почти вездѣ виденъ слой торфа. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ сильныя бури море выбрасываетъ куски торфа на берегъ; но онъ не могъ образоваться въ морѣ, слѣдовательно земля, на которой находятся обильныя залежи торфа, опустилась послѣ того, какъ образовался торфъ.

Почти все населеніе Голландіи отапливаетъ свои жилища этимъ горючимъ матеріаломъ и варитъ на немъ свою пищу. Самый лучшій торфъ сгораетъ очень медленно. Иностранецъ едва переноситъ этотъ черезчуръ скромный домашній огонь, который такъ медленно согрѣваетъ его члены. Но разъ торфъ разгорѣлся, онъ горитъ очень ярко. Торфъ употребляли какъ топливо уже въ самой глубокой древности. Теперь его добываютъ, разумѣется, съ большою легкостью, чѣмъ прежде, и самое приготовленіе его весьма усовершенствовало. Однако, несмотря на всѣ улучшения, онъ не даетъ ни веселаго огня дровъ, ни сильнаго жара каменнаго угля; поэтому въ большихъ морскихъ путешествіяхъ каменный уголь употребляютъ болѣе торфа. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ нужно топливо, въ Голландіи исключительно употребляютъ торфъ, почему въ немъ съ каждымъ годомъ чувствуютъ все болѣе потребности и все болѣе его добываютъ.

Когда собственникъ торфяной степи рѣшилъ добывать торфъ, ему прежде всего нужно освободить свою землю отъ воды, которою она пропитана, какъ губка. Рабочіе, отправляясь на такую работу, должны прежде всего приготовить себѣ особые снаряды для ногъ, называемые по голландски «бредденъ», которые не даютъ этимъ несчастнымъ людямъ проваливаться или завязнуть въ этой вязкой почвѣ. Разъ поверхность приготовлена, начинаютъ рыть ямы. Вода постоянно мѣшаетъ работѣ, и, чтобы ее устранить, существуетъ цѣлая наука. Ее удаляютъ въ рвы, сдерживаютъ шлюзами и мало-по-малу направляютъ къ каналамъ. Ямы прокапываютъ на известномъ разстояніи другъ отъ друга. Когда поле приготовлено, воды удалены, приступаютъ къ добычанію торфа. Одинъ рабочій поднимаетъ заступомъ торфяныя глыбы, другой беретъ ихъ у перваго и выбрасываетъ на поверхность; тотъ накладываетъ ихъ въ тачки, другой сваливаетъ. При этомъ необходимо такъ искусно перевернуть тачку, чтобы не дотронуться руками до торфяныхъ глыбъ, такъ какъ онѣ въ это время бываютъ очень вязки и на нихъ остаются слѣды всего того, чѣмъ до нихъ дотрогиваются.

Когда извлекли торфъ, его начинаютъ просушивать, и для этого его переворачиваютъ съ одной стороны на другую. Когда положить просушивать торфяныя глыбы, болѣе всего опасаются дождя, который можетъ превратить ихъ въ жидкую грязь и такимъ образомъ совершенно уничтожить. Чтобы это предупредить, глыбы торфа собираютъ въ огромныя кучи и покрываютъ сѣномъ или соломой. Не менѣе опасаются огня, который, проникнувъ къ кучамъ, можетъ быть причиною величайшихъ несчастій. Этотъ горючій матеріалъ загорается тогда медленнымъ огнемъ, и такой пожаръ можетъ продолжаться очень долго, такъ какъ огонь постоянно находитъ для себя пищу. Такіе пожары часто случаются въ этой странѣ, приносятъ жителямъ неисчислимыя бѣдствія. Близлежащія жилища людей, хижины рабочихъ, которые занимаются добычаніемъ торфа, все тогда превращается въ пепелъ. Эти пожары могли

бы продолжаться цѣлые годы, если бы не находили средства ихъ прекращать. Когда сложенный торфъ загорается, на него бросаютъ землю и мало-по-малу тушатъ огонь.

Голландскіе крестьяне обращаютъ эксплуатированные торфяники въ обработанные поля и богатые нивы. Торфъ, когда онъ только-что вынуть, имѣетъ цвѣтъ табака: онъ смѣшанъ со сгнившими корнями и вѣтками деревьевъ. Когда торфяникъ уже эксплуатированъ, на его мѣстѣ видна только вода. Видъ этихъ громадныхъ лужъ, на мѣстѣ которыхъ еще недавно были зеленые поля, чрезвычайно печальный. Но зато земля торфяниковъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ обработки цѣнится чрезвычайно дорого. Если вычерпать торфяное озеро или лужу слишкомъ дорого, собственники превращаютъ ее въ прудъ или озерко, наполняютъ рыбою и такимъ образомъ получаютъ новый источникъ дохода.

Всѣ величайшія рѣки Голландіи запружены длинными кораблями, которые перевозятъ этотъ національный горючій матеріалъ. Когда корабль съ торфомъ достигъ мѣста своего назначенія, его выгружаютъ и развозятъ въ тачкахъ. Разносчики и разносчицы торфа составляютъ въ Голландіи особый классъ народа.

Торфъ бываетъ разныхъ родовъ: есть тяжелый и легкій, болѣе и менѣе деревянистый; одинъ болѣе, другой менѣе соответствуетъ тому или другому употребленію, той или другой промышленности. Извѣстный родъ торфа болѣе всего употребляютъ для кухни, другой для камина, третій исключительно для фабрикъ. Голландія имѣетъ громадную выгоду въ томъ, что она употребляетъ горючій матеріалъ, который ей даетъ почва своей страны. Въ этомъ не только огромная выгода, но съ этимъ тѣсно связаны и политическіе интересы страны. Если бы Голландія употребляла каменный уголь, ея желѣзныя дороги, осушеніе озеръ и блестящія побѣды, которыя она постоянно одерживаетъ надъ моремъ,—все это зависѣло бы отъ иностранцевъ,—теперь голландскій народъ вполне самостоятеленъ, и благосостояніе его страны зависитъ отъ него самого. Торфъ оказываетъ странѣ громадныя услуги: онъ одинъ согрѣвалъ народъ въ продолженіе многихъ столѣтій. Его существованіе уже издавна породило въ голландцахъ привычку согрѣвать ноги. Зимой женщины во всѣхъ комнатахъ, и даже въ церкви во время проповѣди, держатъ подъ своими платьями грѣлки съ тлѣющимъ торфомъ. Когда ученые изобрѣтутъ средство, которое уничтожитъ вредный и дурной запахъ, выдѣляемый торфомъ, они окажутъ странѣ громадную услугу.

Первое житейское правило голландцевъ—извлекать какъ можно больше пользы изъ всего, что подъ руками; поэтому они не только пользуются самимъ торфомъ, но даже золою, которую онъ оставляетъ послѣ себя, его сажею и копотью. Зола они употребляютъ, какъ самое лучшее удобреніе, и до сихъ поръ сожалѣютъ о томъ, что научились это дѣлать только въ послѣднее время. Сажа торфа служить въ хозяйствѣ для чистки различныхъ инструментовъ и металлической посуды. Дымъ даетъ возможность готовить разные копченые припасы и между прочимъ сельди, которыя ловятъ въ Голландіи въ громадномъ количествѣ и которыми такъ славится эта страна. Торфъ доставляетъ главный матеріалъ при фабрикаціи бумаги, чернилъ и черной краски. Во многихъ болотистыхъ мѣстностяхъ торфъ служитъ фундаментомъ при постройкѣ домовъ: онъ разбухаетъ въ воднистой почвѣ, не поддается ни сырости, ни разрушенію, однимъ словомъ представляетъ прочное основаніе. Когда домъ падаетъ отъ дряхлости черезъ столѣтіе и болѣе, его торфяной фундаментъ находятъ въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ при постройкѣ дома.

Охота на птицъ въ Голландіи даетъ большія выгоды. Наибольшею извѣстностію въ этомъ отношеніи пользуется Фрисландія, гдѣ особенно много ловятъ утокъ.

Во время своего перелета осенью съ сѣвера на югъ дикія утки проносятся

стоями надъ Фризскими островами; ихъ ловятъ здѣсь совершенно особымъ образомъ. Дикія утки во время своего долгаго путешествія выбираютъ себѣ мѣста, гдѣ онѣ отдыхаютъ и запасаются кормомъ. Для этого онѣ выбираютъ обыкновенно небольшія водныя пространства, защищенныя частымъ кустарникомъ и удаленныя отъ всякаго человѣческаго жилья. Этою привычкою утокъ воспользовались голландцы: чтобы заманить ихъ въ свои сѣти, они устраиваютъ имъ искусственныя воды. Далеко отъ жилища, въ низменныхъ мѣстностяхъ, вырываютъ большіе и глубокіе озера или пруды, обсаживаютъ ихъ кустами и окружаютъ высокимъ валомъ. Отъ такого пруда или озера расходятся въ разныя стороны отъ 6 до 8 каналовъ. Прудъ служитъ для того, чтобы на немъ собирались птицы, ловятъ же ихъ въ каналахъ. При выходѣ изъ озера такой каналъ довольно широкъ, но къ концу онъ постепенно суживается и заворачивается въ сторону такимъ образомъ, что уткамъ на озерѣ не видно, что дѣлается на этомъ концѣ, гдѣ и происходитъ настоящая ловля. Оба берега каналовъ густо покрыты кустарникомъ. Сверху надъ ними натянуты сѣти, которыя совершенно незамѣтны, такъ какъ онѣ густо покрыты разросшейся зеленью. Эти сѣти натянуты тѣмъ ниже, чѣмъ каналъ уже. Каналъ оканчивается ящикомъ, къ внѣшнему краю котораго придѣлана сѣтка въ видѣ мѣшка, откуда уже нѣтъ выхода.

Какъ завлечь утокъ на озеро, а потомъ въ каналы и въ сѣтки? Все это сдѣлалось бы само собою безъ посторонней помощи, такъ какъ дикія утки, привлеченныя уединеннымъ мѣстоположеніемъ пруда, сами на него опустились бы и затѣмъ уже имъ легко было бы попасть въ каналы и сѣти; но чтобы вѣрнѣе достигъ цѣли и наловить ихъ какъ можно больше, нѣсколькихъ пойманныхъ утокъ оставляютъ покойно жить на этомъ пруду, приручаютъ ихъ и употребляютъ для приманки. Приручаютъ ихъ такимъ образомъ: прежде всего, разумѣется, имъ подрѣзаютъ крылья и держатъ въ одномъ изъ загороженныхъ каналовъ. Человѣкъ, который приручаетъ ихъ, часто приходитъ къ нимъ, подолгу стоитъ на берегу канала и бросаетъ имъ кормъ. Отъ времени до времени онъ оставляетъ ихъ безъ пищи, а потомъ, когда приходитъ съ кормомъ, то манитъ ихъ къ себѣ свисткомъ. Тѣмъ, которыя къ нему приближаются, онъ бросаетъ пищу. Когда такимъ образомъ утки совершенно привыкнуть къ смотрителю, онъ изъ канала выноситъ ихъ на озеро, гдѣ онѣ продолжаютъ мирно жить, получая каждый день пищу отъ человѣка. Во второй періодъ своей жизни, т. е. когда онѣ находятся уже на озерѣ, онѣ съ живостью бросаются на свистокъ смотрителя, такъ какъ каждый разъ при этомъ получаютъ отъ него пищу. Нѣкоторыхъ изъ этихъ ручныхъ утокъ смотритель отпускаетъ вмѣстѣ съ дикими. Онѣ улетаютъ съ ними въ далекія страны, кладутъ яйца, выводятъ дѣтенышей и на слѣдующій годъ приводятъ цѣлыя стаи своихъ друзей и птенцовъ къ знакомому, богатому пищею пруду и такимъ образомъ предають ихъ въ руки смотрителя. Другихъ же оставляютъ на искусственномъ озерѣ съ двоякою цѣлью: нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ по низменнымъ мѣстностямъ и на берегу моря, смѣшиваются съ дикими и приводятъ ихъ тоже въ западню. Остальныя остаются на озерѣ и своимъ крикомъ заманиваютъ пролетающія стаи. Дикія утки плаваютъ дружно съ ручными на искусственномъ озеркѣ, которое во время лова бываетъ совсѣмъ покрыто ими. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изъ озера выходятъ каналы, сторожъ выбрасываетъ кормъ; ручныя утки жадно бросаются туда, дикія слѣдуютъ за ними. Сторожъ при этомъ долженъ болѣе всего опасаться, чтобы птицы его не увидѣли и не почуяли, такъ какъ дикія утки обладаютъ превосходнымъ чутьемъ и постоянно насторожѣ; поэтому для лова назначаютъ только тѣ каналы, которые расположены противъ вѣтра, чтобы испаренія сторожа уносились отъ озера. Кромѣ того, онъ постоянно держитъ въ рукѣ

горшокъ съ пылающимъ торфомъ, чтобы уничтожить собственные испаренія и потому похожъ на движущійся дымовой столбъ. Болѣе всего поражаютъ при этомъ тонкость обонянія утокъ и сила испареній человѣка, который на разстоянн двухсотъ шаговъ безъ всякаго шума и движенія можетъ спугнуть цѣлыя стаи. Во время лова берега озера и каналовъ уставлены кулисами изъ деревьевъ, черезъ маленькія отверстія которыхъ охотникъ наблюдаетъ за всѣми движеніями утокъ. Охотникъ можетъ подойти къ каждому мѣсту канала, незамѣченный утками. Прежде всего онъ тихонько ползетъ между двумя кулисами къ устью канала и сыплетъ тамъ немного зеренъ. Ручныя утки, привыкшія получать кормъ, тотчасъ приплываютъ и ѣдятъ, а дикія спѣшатъ за ними. Сторожъ прокрадывается теперь за слѣдующія кулисы и также выбрасываетъ зерна. Съ крикомъ плыветъ за нимъ стая въ нѣсколько дюжинъ. Когда такимъ образомъ онъ ихъ завлечетъ до послѣдней кулисы, гдѣ каналъ дѣлаетъ поворотъ, онъ съ шумомъ выходитъ позади ихъ. Ручныя утки, которыя его знаютъ, не пугаются: онѣ смѣло поворачиваютъ назадъ и плывутъ обратно въ озеро; дикія, напротивъ, бросаются въ каналъ, который все болѣе суживается и надъ которымъ протянута сѣть. Толкая другъ друга, онѣ, наконецъ, попадаютъ въ мѣшокъ, прикрѣпленный на концѣ ящика. Охотникъ быстро подсакиваетъ къ нимъ, стягиваетъ мѣшокъ, снимаетъ его и убиваетъ одну утку за другой, свертывая имъ шею. Для этого тоже нужна большая сноровка: нужно не дать имъ кричать, чтобы не напугать остальныхъ на озерѣ и поскорѣе покончить съ ними. Не прошло и получаса, охотникъ только успѣлъ покончить съ добычей, какъ ручныя утки опять захотѣли поѣсть и опять предательски привели съ собою къ каналамъ нѣсколько сотенъ своихъ друзей. Охотникъ повторяетъ тотъ же маневръ, и такимъ образомъ, въ продолженіе дня, ему удастся наловить отъ 800 до 1,000 утокъ. Сторожа рассказываютъ, что дикія утки такъ пугаются человѣка, который внезапно появляется передъ ними, что, потерявъ голову, безъ всякаго звука, бросаются впередъ, но если, что случается здѣсь очень рѣдко, одна изъ нихъ закричитъ, всѣ находящіеся на озерѣ обращаются въ бѣгство.

Въ продолженіе такого охотничьяго сезона утокъ налавливаютъ до 30, 40 тысячъ; отсюда ихъ рассылаютъ въ сосѣднія мѣстности. Отправляя въ дальніе города, ихъ маринуютъ въ уксусъ и укладываютъ въ бочки. Главная охота на утокъ на Фризскихъ островахъ происходитъ съ половины августа до конца сентября. Можетъ показаться страннымъ, что на утокъ охотятся только во время ихъ перелета съ сѣвера на югъ, т.-е. осенью, и даютъ имъ возможность свободно возвращаться весною съ юга на сѣверъ. Это дѣлается по многимъ причинамъ: осенью бываетъ много молодыхъ утокъ, и мясо ихъ чрезвычайно нѣжно, къ тому же въ это время года онѣ гораздо многочисленнѣе, тогда какъ весной ихъ гораздо меньше и мясо ихъ жестко. Но главная причина, вѣроятно, та, что во время зимы, къ веснѣ, эти птицы забываютъ своихъ дѣтенышей, молодыя дѣлаются совершенно самостоятельными и теряютъ всякую склонность къ общежительности, между тѣмъ какъ осенью молодое поколение слѣдуетъ за родителями, и онѣ перелетаютъ громадными стаями.

Въ Голландіи нигдѣ нѣтъ рѣзкаго различія между городомъ и деревнею. Почти у каждаго голландскаго города есть общее пастбище, на которомъ пасутся сотни быковъ и коровъ. Гдѣ только поднимаются башни голландскихъ городовъ, вы непременно найдете тамъ громадныя стада скота, бродяція на лугахъ и мычаніе которыхъ постоянно слышно даже на самыхъ большихъ улицахъ города. Скотъ большую часть года, днемъ и ночью, остается на жирныхъ пастбищахъ. Кромѣ большихъ городскихъ выгоновъ, каждая деревня, каждый дворъ имѣютъ свои особыя малень-

кія пастбища и небольшія мѣста, окруженныя канавами и насыпями, поросшими кустарниками. Здѣсь бродитъ и лежитъ скотъ днемъ и ночью. Даже лошадей выпускаютъ послѣ работы на ночь не спутанными и безъ привязи.

Скотъ—первая забота голландца. Онъ выстраиываетъ ему стойла, которыя отличаются такою чистотой и богатствомъ постройки, какую вы рѣдко найдете въ жилищахъ простого народа другихъ странъ. Онъ откармливаетъ быковъ и продаетъ ихъ на рынкѣ въ Амстердамѣ; немало также коровъ гонитъ онъ въ Бельгію и Францію, гдѣ и продаетъ ихъ очень дорого; множество прекраснаго, здороваго скота даетъ возможность голландцу готовить огромное количество сыру, которымъ такъ славится эта страна. Болѣе всего сыровареніемъ занимаются въ Сѣверной Голландіи. Благодаря плодородію почвы и сырости сѣвернаго климата, травы здѣсь растутъ особенно хорошо, сами собой, такъ что хозяину приходится не много о нихъ заботиться.

Между Гарлемомъ и крайней оконечностью сѣверной Голландіи, почти ровно на половинѣ пути, лежитъ городокъ Алькмаръ, въ которомъ болѣе двѣнадцати тысячъ жителей: почти всѣ они занимаются значительной торговлей хлѣбомъ и еще болѣе торговлей сыромъ. Городокъ этотъ—образецъ порядка и чистоты, какъ на улицахъ, такъ и въ домахъ. Его ратуша, построенная въ XVI-мъ столѣтіи, и большая церковь—великолѣпныя постройки, но самое замѣчательное въ этомъ городѣ—сырный рынокъ. Со всей сѣверной Голландіи крестьяне приносятъ въ Алькмаръ свой сыръ на продажу, а оттуда его разсылаютъ во всѣ части свѣта: въ Востъ-Индію и южную Америку, въ Лондонъ, Парижъ и Россію. Возможность легко и выгодно сбывать свои домашнія произведенія, обилію которыхъ прежде всего способствуетъ природа мѣстности, чрезвычайно обогатила многихъ здѣшнихъ крестьянъ. Встрѣтить крестьянина, владѣющаго 50—60 тысячами руб., здѣсь вовсе не рѣдкость. Сначала удивляешься, встрѣчая въ маленькихъ городкахъ и нерѣдко въ деревняхъ Голландіи, а особенно въ ея провинціи Сѣверной Голландіи, выставленные въ окнахъ магазиновъ великолѣпную серебряную посуду и коралловыя ожерелья, цѣною въ 300, 400 и 500 р. Невольно спрашиваешь себя, кто носитъ, кто покупаетъ эти предметы необыкновенной въ деревнѣ роскоши? Войдите въ домъ крестьянина, и у многихъ изъ нихъ вы найдете не только серебряную посуду, тарелки и чайники изъ серебра, но даже массивныя вазы. Есть и такіе, у которыхъ въ шкафахъ блеститъ небольшой золотой сервизъ. Несмотря на зажиточность и богатство многихъ голландскихъ крестьянъ, между ними выдѣляется и все большее количество бѣдняковъ. Тайну необыкновенной зажиточности крестьянъ Сѣверной Голландіи только тогда вполне постигаешь, когда побываешь въ этой провинціи въ базарный день. Площади и улицы въ такіе дни буквально завалены сырами, сложенными на подобіе ядеръ въ арсеналѣ. Большая площадь передъ старыми вѣсами вся покрыта сложенными одинъ на другой круглыми, желтыми и красными сырами. Въ Голландіи готовятъ сыръ двухъ родовъ: изъ цѣльнаго и изъ снятого молока. Сыръ послѣдняго рода употребляется въ самой странѣ. Сыръ 1-го сорта называется *эдамскимъ* и предназначается для вывоза; онъ отличается своею круглою формою и красной коркой.

Большую часть земли въ Голландіи оставляютъ подъ постоянными лугами,—Голландія принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, гдѣ луга занимаютъ наибольшее мѣсто. Оказывается, что среднимъ числомъ на прокормленіе домашнихъ животныхъ отведено вдвое болѣе, чѣмъ сколько предназначено подъ пашни, которыя занимаютъ здѣсь около одной четверти всей страны. Огромное количество луговъ даетъ возможность держать много скота, а слѣдовательно производить въ изобиліи

молоко, сыр и масло. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что страна эта, столь богатая лугами, имѣетъ и наибольшее количество животныхъ. Особенно славится она своими лошадьми двухъ породъ, по внѣшности діаметрально противоположныхъ другъ другу: тяжелыя «зеландскія лошади» стяжали извѣстность свою силой и выносливостью, а «фрисландскіе рысаки» —быстрою бѣга, необыкновенною легкостью своихъ ногъ, длинною, гибкою шеею и вороною мастью. Говорятъ, что эти «фрисландскіе рысаки» потомки андалузскихъ жеребцовъ, привезенныхъ въ страну еще испанцами. Коровы настоящей голландской породы цѣнятся во всемъ свѣтѣ: онѣ отличаются громадностью своей туши, небольшою головою и тонкими рогами. Главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что онѣ даютъ много молока хорошаго качества, которое идетъ на сыръ и масло: въ приготовленіи этихъ продуктовъ голландцы достигли большого совершенства. Громадныя голландскія овцы, голова и ноги которыхъ едва выдѣляются изъ ихъ густой шерсти, также даютъ молоко, употребляемое для приготовления сыровъ. Благодаря своему скоту и продуктамъ скотоводства, Голландія получаетъ съ своихъ луговъ доходъ, сравнительно болѣе значительный, чѣмъ Франція и даже Англія.

За исключеніемъ горныхъ странъ, нигдѣ въ Европѣ пахатныя поля не занимаютъ такъ мало мѣста, какъ въ Голландіи, конечно, сравнительно съ ея пространствомъ. Еще и теперь пустыри этой страны простираются почти на $\frac{1}{4}$ всей территории. Несмотря на это, просто изумляешься, когда посмотришь съ какого нибудь возвышеннаго пункта, въ какомъ дивномъ порядкѣ разстилаются у вашихъ ногъ маленькіе клочки обработанной земли. Нужно помнить, что еще недавно эти клочки земли представляли смѣсь озеръ, болотъ и затопленныхъ пространствъ. Здѣсь существуютъ цѣлыя провинціи, которыя были созданы искусственно: Гельдеръ, Гронингенъ и Оверъ-Иссель—эти три провинціи состояли изъ пустырей, или, точнѣе сказать, изъ земель, покрытыхъ торфяниками, болотами и летучими песками. Только изрѣдка можно было встрѣтить среди болотъ и пустырей жалкую деревушку. Даже въ концѣ прошлаго столѣтія въ провинціи Гронингенъ считалось лишь 110.000 жителей, въ Оверъ-Иссель—120.000, а въ Дрентъ—40.000 жит. Втеченіе послѣдняго полустолѣтія народонаселеніе въ Дрентъ болѣе чѣмъ удвоилось. Это увеличеніе народонаселенія было слѣдствіемъ не фабричной промышленности, а отвоеванія у моря множества новыхъ земель, укрѣпленія летучихъ песковъ и осушки торфяниковъ; такимъ образомъ пространство производительной земли все увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и количество народонаселенія. Правда, Голландія и теперь еще населена менѣе, чѣмъ Бельгія, но и ея населеніе весьма многочисленно, сравнительно съ пространствомъ этой страны *). Если принять во вниманіе, что около $\frac{1}{4}$ всей земли негодно для хлѣбопашества и скотоводства, что одна часть этой негодной земли до сихъ поръ покрыта водой, а другая, еще болѣе значительная, состоитъ изъ торфяниковъ и трясучихъ болотъ, то можно еще удивляться тому, что безъ малаго 5 мил. населенія можетъ жить на такомъ незначительномъ пространствѣ, какова обитаемая часть Голландіи.

Хотя голландцы мало ѣдятъ хлѣба (его отчасти замѣняетъ здѣсь картофель), тѣмъ не менѣе зерноваго хлѣба мѣстнаго производства не хватаетъ для удовлетворенія потребностей населенія и его въ значительномъ количествѣ ежегодно приходится привозить изъ-за-границы. Преимущественно сѣютъ рожь: здѣсь обыкновенно употребляютъ ржаной хлѣбъ, что же касается пшеницы, то ея сѣютъ очень мало.

*) По статистическимъ даннымъ за 1895 г. поверхность Нидерландовъ—32.999 квадр. кил., а населеніе—4.795.646 ч. или 146 ж. на 1 квадр. километръ.

Болѣ всего употребляютъ здѣсь картофель, и онъ является однимъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ Голландіи: у бѣдняковъ онъ нерѣдко замѣняетъ хлѣбъ. Даже у людей достаточныхъ, за столомъ которыхъ подаютъ нѣсколько блюдъ, картофель составляетъ необходимую принадлежность чуть не каждаго кушанья. Поэтому и производство картофеля здѣсь весьма значительно. Много въ этой странѣ разводятъ также льну, конопли и табаку, а голландскіе сады въ изобиліи даютъ различные плоды, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ яблоки, сливы, вишни, а также фрукты болѣе южнаго климата—смоква и виноградъ. Трудно представить себѣ, какую массу труда и силъ приходится затрачивать здѣсь, чтобы доставить растенію необходимую почву и свѣтъ, а для благопріятнаго всхода обычныхъ хлѣбныхъ злаковъ, кромѣ усиленнаго труда, необходимо и удобрение, приготовленіемъ котораго голландцы славятся не менѣе англичанъ: они умѣютъ мастерски перемѣшивать глину, торфяную землю, песокъ, илъ, грязную воду изъ сточныхъ трубъ и изъ этой смѣси приготавливаютъ удобрение, которое щедро вознаграждаетъ ихъ за трудъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ Голландіи, сравнительно съ ея населеніемъ, очень мало земли, годной для сельскаго хозяйства. Между крестьянами много весьма богатыхъ и зажиточныхъ, которые живутъ не менѣе комфортабельно, чѣмъ богатѣйшіе помѣщики въ другихъ странахъ. Такіе крестьяне владѣютъ обыкновенно крупной земельной собственностью, то есть отъ 20 до 100 десятинъ земли. Только въ Голландіи, при маломъ количествѣ земли вообще, человекъ, владѣющій 50—100 десятинами земли, считается богачемъ. Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ въ Англіи, владѣющихъ сотнями тысячъ десятинъ земли. Тѣмъ не менѣе многіе голландскіе крестьяне чрезвычайно зажиточны: серебряные и золотые сервизы украшаютъ ихъ дома; ихъ жены и дочери носятъ драгоценныя украшенія, которыя цѣнятся въ 10.000 р. и болѣе. Но главное богатство этихъ зажиточныхъ крестьянъ состоитъ въ громадномъ количествѣ домашняго скота. Это даетъ имъ возможность пріобрѣтать много денегъ отъ продажи молочныхъ скоповъ; ихъ богатству помогаютъ и хорошіе пути сообщенія; по прекрасно шоссированной дорогѣ, а еще гораздо чаще водою, зажиточный крестьянинъ изъ самаго глухого уголка Голландіи, не теряя много времени и денегъ на проѣздъ, доставляетъ свои сбереженія на главные рынки страны.

Кромѣ богатыхъ крестьянъ, тутъ есть и совсѣмъ безземельные, а также и такіе, которые владѣютъ одною десятиною, а то и гораздо меньше—самымъ ничтожнымъ клочкомъ земли, на которомъ можно разбить лишь огородъ и построить домикъ. Эти два разряда крестьянъ, т.-е. какъ малоземельные, такъ и безземельные, нерѣдко арендуютъ маленькій клочекъ земли, но громадное большинство ихъ нанимается у богатыхъ собственниковъ въ качествѣ земледѣльческихъ рабочихъ. Къ сожалѣнію не существуетъ достаточно статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о размѣрѣ крестьянскихъ участковъ въ Голландіи. Извѣстно только, что голландскіе крестьяне, владѣющіе одною десятиною земли и менѣе, находятся въ весьма плачевномъ состояніи: тяжесть податей и налоговъ такъ обременительны, что многіе изъ нихъ въ послѣднее время окончательно отказываются выплачивать что бы то ни было. Въ 1892 г., въ Фрисландіи, среди мелкихъ собственниковъ и безземельныхъ крестьянъ, вспыхнуло волненіе, которое было подавлено нѣсколькими баталіонами пѣхоты. Плохо ихъ положеніе и тогда, когда они въ качествѣ земледѣльческихъ рабочихъ нанимаются у богатыхъ землевладѣльцевъ. Жилище такихъ рабочихъ очень тѣсное, невзрачное и сырое, а пища мало питательна. Кстати замѣтимъ, что пища, какъ фабричнаго, такъ и земледѣльческаго рабочаго, почти одна

и та же. За завтракомъ онъ пьетъ жидкій кофе съ молокомъ и закусываетъ сандвичами, состоящими изъ ломтя чернаго хлѣба, положеннаго между двумя кусками печеванника, чуть-чуть помазанныхъ масломъ. За обѣдомъ прежде всего подаютъ картофель, затѣмъ кушанье изъ моркови, рѣпы и другихъ сваренныхъ овощей, съобренныхъ жиромъ. Во время рыбнаго сезона, вмѣсто кушанья изъ овощей, ѣдятъ рыбу. Вечеромъ подаютъ только картофель. Мясо употребляютъ чрезвычайно рѣдко, и такимъ образомъ главную основу пищи всего голландскаго простонародья составляютъ картофель и овощи съ примѣсью сала, затѣмъ хлѣбъ, а кое гдѣ и нѣсколько риса. Средній заработокъ земледѣльческаго рабочаго 300, а высшій 400 франковъ (112—150 руб.) въ годъ. Этотъ заработокъ можетъ лишь впроголодь прокормить большую семью крестьянина, если только его жена и старшіе члены семьи не работаютъ къ этому въ лѣтнее и осеннее время года еще франковъ сто. Прежде здѣшніе крестьяне рѣдко страдали отъ безработицы; кромѣ разнообразныхъ занятій въ странѣ, много рукъ требовалось при осушеніи озеръ, водныхъ пространствъ и торфяныхъ болотъ, а также при всевозможныхъ сооруженіяхъ. Такой работы становится все меньше, а между тѣмъ народонаселеніе увеличивается, и отъ безработицы начинаетъ страдать все большее количество людей. Вообще, благосостояніе народа въ Голландіи замѣтно уменьшилось и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ условія благопріятны, а тамъ гдѣ онѣ неблагопріятны, среди населенія начинаетъ развиваться даже нищенство. Нужда особенно чувствительна зимою, когда сильно увеличивается расходъ бѣдняковъ на одежду, обувь, освѣщеніе и топливо и когда большее количество людей остается безъ заработка.

Трудъ земледѣльческихъ рабочихъ въ высшей степени тяжелъ: работа лѣтомъ продолжается отъ 14 до 16 часовъ; но самымъ тяжелымъ трудомъ считается здѣсь работа въ торфяникахъ: вѣчно въ сырости и грязи, вдыхая водяные пары и убійственный для здоровья воздухъ, рабочіе легко схватываютъ всевозможныя лихорадки и различныя простудныя болѣзни.

Благотворительность въ странѣ сильно развита, но въ послѣднее время, съ увеличеніемъ количества нуждающихся, помочь всѣмъ оказывается невозможнымъ и потому безработные бѣгутъ въ города, населеніе которыхъ быстро растетъ на счетъ деревень. Но и тутъ далеко не каждый желающій добываетъ работу; во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ онъ ее получитъ, онъ увеличиваетъ собою ряды бѣдности и селится въ скверныхъ городскихъ жилищахъ, которыхъ въ голландскихъ городахъ обыкновенно не видно, такъ какъ они прячутся за большими и роскошными домами богачей. Этотъ изъ ряду вонъ миролюбивый голландскій рабочій, еще лѣтъ 15—20 тому назадъ мирно рѣшавшій всѣ недоразумѣнія съ хозяевами, теперь присоединяясь къ городскимъ бѣднякамъ, все чаще производитъ волненія, требуя работы и хлѣба. Беспорядки и волненія въ 1893 г. охватили въ Голландіи 14 городовъ и селеній; войскамъ пришлось усмирять эти волненія, и во время ихъ, во многихъ мѣстностяхъ, было нѣсколько убитыхъ, раненыхъ, а еще болѣе арестованныхъ. Были различныя волненія среди голландскаго люда и въ нынѣшнемъ 1898 г. Теперь познакомимся съ положеніемъ фабричныхъ рабочихъ.

Въ отношеніи промышленности Голландія далеко не занимаетъ того положенія, какое она имѣетъ въ качествѣ земледѣльческой страны. И это естественно: у нея нѣтъ ни каменнаго угля, ни такихъ сырыхъ матеріаловъ, которые болѣе всего способствуютъ развитію промышленности. Металлической руды въ Голландіи не существуетъ. Большое значеніе въ этой странѣ имѣютъ валуны ея ландовъ, которые такъ необходимы при многихъ постройкахъ и сооруженіяхъ, пески ея дюнъ и различные

сорта глины, изъ которой готовятъ глиняную посуду и твердые звонкіе «клинкеры» (родъ кирпичей), употребляемые здѣсь для мощенія улицъ. Впрочемъ въ Амстердамѣ, Гаарлемѣ и Бреда существуютъ шелковыя фабрики; фабрикація шерстяныхъ матерій занимаетъ много рукъ въ Тильбургѣ, а полотняныя фабрики, выдѣлывающія знаменитое голландское полотно, (съ тѣхъ поръ, какъ къ Бельгіи отошли фландрскіе и брабантскіе города, «голландское» полотно все болѣе дѣлается бельгійскимъ производствомъ) и мастерскія евреевъ въ Амстердамѣ для граненія и шлифованія алмазовъ получили громкую извѣстность во всемъ свѣтѣ. Нѣкоторые города Голландіи имѣютъ винокуренныя заводы, на которые требуется довольно значительное количество ячменя, доставляемаго мѣстными землевладѣльцами, а также и привозимаго изъ-за границы. Если мы напомнимъ еще о приготовленіи фаянса, ковровъ и ликеровъ, то можно смѣло сказать, что мы перечислили все, чѣмъ болѣе или менѣе славится Голландія.

Первое впечатлѣніе путешественника по Голландіи убѣждаетъ его, что страна эта не промышленная. Часто на огромномъ «протяженіи безконечно плоскихъ полей не встрѣчаешь ни одной фабричной трубы, нигдѣ не слышишь шума машинъ, нигдѣ не видишь ни пылающихъ очаговъ кузницъ, ни разноцвѣтныхъ огней плавильныхъ или ткацкихъ станковъ, ни разу не дохнешь прогорклымъ воздухомъ фабрикъ. Уходя изъ вида, стелются тучныя пажити, покрытыя великолѣпною зеленью, по которымъ пасутся сотнями толстобокія коровы. Ярко-зеленыя деревья полускрываютъ живописныя фермы, съ деревянными, красивыми мостами черезъ рвы и каналы, похожими на какія-то оперныя декораціи. Сады и огороды воздѣланы съ необыкновеннымъ искусствомъ. А въ гаваняхъ городовъ, вокругъ которыхъ машутъ крыльями вѣтряныя мельницы, вздымаются цѣлыя лѣса мачтъ и снастей торговыхъ флотилій; коричневые паруса ихъ пробѣгаютъ поминутно провинціи во всѣхъ направленіяхъ».

Но все-же въ Голландіи существуетъ промышленный трудъ. Однако вслѣдствіе незначительнаго развитія промышленности, голландскіе рабочіе не выдѣлились въ рѣзко обособленный классъ, какъ это мы видимъ въ Англіи, Франціи, Германіи и другихъ западно-европейскихъ странахъ. Да это и немисливо, такъ какъ рабочихъ, занимающихся промышленностью въ этой странѣ, очень немного. Фабрикъ и мастерскихъ, въ которыхъ работаетъ свыше 5 рабочихъ, въ 1896 г. здѣсь было 3.330 съ 136.000 рабочими. Если даже и принять во вниманіе, что въ этотъ счетъ не входятъ маленькія мастерскія, то и въ такомъ случаѣ количество рабочихъ не превыситъ 200.000 чел.

Въ 1889 г. былъ изданъ законъ для защиты женщинъ и дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. По этому закону дѣтей можно принимать на работу не ранѣе 12-ти л.; они, какъ и женщины, могутъ работать не болѣе 11 ч.; для тѣхъ и другихъ запрещена воскресная работа, а также ночная, которою считается работа отъ 7-ми часовъ вечера до 5-ти утра. Продолжительность же рабочаго дня для взрослыхъ мужчинъ еще и теперь не ограничена закономъ, но въ большинствѣ случаевъ они трудятся по 11 ч. въ день, хотя на нѣкоторыхъ фабрикахъ и гораздо дольше, даже по 14—16 ч.

Большая часть голландскихъ рабочихъ едва сводитъ концы съ концами, и бѣдность—ихъ обычная доля. Вычислено, что средняя цифра расходовъ семейнаго рабочаго—9 гульденовъ (около 7 руб.) въ недѣлю, а средній заработокъ его 6—7 гульденовъ (отъ 4 р. 70 к. до 5 р. 48 к.). Неизбѣжный дефицитъ приходится покрывать или трудомъ жены и старшихъ дѣтей, или дополнительными часами работы мужа. Когда кто нибудь изъ семьи схватываетъ какую нибудь затажную болѣзнь

или нѣкоторое время не можетъ получить работы, семья испытываетъ тяжелыя лишенія.

Еще недавно стачки среди голландскихъ рабочихъ были явленіемъ въ высшей степени рѣдкимъ, но теперь онѣ происходятъ все чаще и чаще. Усиливающаяся безработица заставляетъ выселяться какъ земледѣльцевъ, такъ и фабричныхъ рабочихъ. Три-четыре года тому назадъ здѣсь образовалось даже «нидерландское общество для вспоможенія эмигрантамъ», которое направляетъ выселяющихся въ Канаду, по климатическимъ условіямъ наиболѣе соответствующую Голландіи; за два первыхъ года отправлено было туда около ста семей. Но даже нуждающіеся голландцы неохотно покидаютъ родину и, сколотивъ небольшую сумму денегъ на чужбинѣ, стараются скорѣе возвратиться на родину.

Однако, не смотря на все это, въ отношеніи рабочаго вопроса, Голландію все же пока можно считать страной самою покойною: если теперь и происходятъ недоразумѣнія между рабочими и хозяевами, которыя далеко не всегда оканчиваются миролюбиво, какъ это было еще недавно, то все-таки здѣсь не существуетъ хроническаго недовольства, непримиримой ненависти и вѣчнаго раздора между тѣми и другими. Хотя число бѣдняковъ и увеличивается въ Голландіи, но все же здѣсь нѣтъ той ужасающей нищеты и пролетаріата, которые встрѣчаются въ Италіи и Англіи.

А М С Т Е Р Д А М Ъ.

Видъ этого города и его прошлая судьба.—Уличная жизнь и движеніе.—Каналы.—Амстердамскіе купцы.—Характеръ домовъ.—Замѣчательныя постройки.—Клубы и ихъ значеніе.—Театры.—Евреи: ихъ прошлое и настоящее положеніе въ Голландіи.—Шлифованіе алмазовъ.

Резиденціею королевскаго двора, мѣстопробываніемъ знати, наиболѣе крупныхъ богачей и высшихъ лицъ администраціи служить Гаага. Въ ней помѣщаются голландскій парламентъ, министерства, судъ, однимъ словомъ наиболѣе важныя учрежденія страны, но мы не будемъ знакомить читателей съ этимъ городомъ, такъ какъ по внѣшности эта элегантная королевская резиденція скорѣе напоминаетъ Парижъ, чѣмъ Голландію. Чтобы получить понятіе о голландскихъ городахъ, мы остановимся на Амстердамѣ, который носитъ на себѣ печать своеобразнаго національнаго характера и природы своей страны.

Еще издали, прежде чѣмъ вступить въ Амстердамъ, эту сѣверную Венецію, замѣчаешь неуклюжія крылья вѣтряныхъ мельницъ. Точно сторожа, стоятъ онѣ на всѣхъ старыхъ валахъ города и постоянно размахиваютъ своими длинными руками. Чѣмъ больше приближаешься къ городу, тѣмъ чаще встрѣчаешь на пути группы дачъ съ прелестными цвѣтниками, въ которыхъ на далекое пространство благоухаютъ и пестрѣютъ гіацинты, гвоздика, розы, анемоны, знаменитые тюльпаны. Наконецъ, вы переправляетесь черезъ городской ровъ шириною въ 80 футовъ и вступаете въ Амстердамъ, главный городъ страны.

Внѣшній видъ Амстердама совершенно оригинальный. Онъ не напоминаетъ ни одинъ изъ городовъ западной Европы. Амстердамъ точно поднимается изъ середины водъ въ видѣ полумѣсяца, вогнутая сторона котораго обращена къ заливу Эй. На цѣлый часъ тянется онъ вдоль этого залива; оба рога полумѣсяца, какъ двѣ испанскія руки, выдаются въ самое море и какъ бы хотятъ обнять и крѣпко сжать этотъ городъ. Море, этотъ широкій міровой путь, вдается въ городъ множествомъ

большихъ и малыхъ водныхъ пространствъ, превращенныхъ въ каналы, раздѣляющихъ его на 90 острововъ, соединенныхъ между собою 300, а можетъ быть и еще большимъ количествомъ мостовъ. Нигдѣ не увидишь ничего подобнаго! Амстердамъ не подавляетъ, какъ Лондонъ, своею величиною и необъятностью; напротивъ, кажется, будто безчисленное множество маленькихъ, красивыхъ, уютныхъ, чистенькихъ мѣстечекъ и крошечныхъ городковъ соединились между собою.

Амстердаму чрезвычайно дорого обходится содержать въ исправности это безчисленное множество мостовъ и каналовъ. Амстердамскіе каналы (кромя нѣсколькихъ) весьма не глубоки и не отлоги и потому они легко засоряются. Кромѣ того въ нихъ вливается огромная масса нечистотъ, которыя распространяютъ вредныя и отвратительныя испаренія. Особенно скверно становится лѣтомъ и по всей вѣроятности было бы еще хуже, если бы морскіе вѣтры не освѣжали воздухъ. Вредное вліяніе испареній уничтожаютъ и искусственно. Черпательныя машины постоянно заняты очищеніемъ каналовъ отъ ила, который употребляютъ какъ удобреніе. Кромѣ того, чтобы вода не застаивалась въ каналахъ и чтобы искусственнымъ образомъ привести ее въ движеніе, дѣйствуютъ нѣсколько мельницъ.

Положеніе Амстердама чрезвычайно удобно: посредствомъ Амстеля онъ соединяется съ южными провинціями; Эй и Зюдерзее даютъ ему возможность водянымъ путемъ сноситься съ провинціями: Фрисландією, Гронингеномъ, Оверъ-Исселемъ и съ Гельдерномъ, а посредствомъ Сѣверо-Голландскаго канала съ Нѣмецкимъ моремъ. Сухимъ путемъ Амстердамъ соединяется со всеміи городами Европы посредствомъ желѣзныхъ дорогъ. Самая оригинальная черта этого города—то, что онъ со всеміи своими домами, церквями, синагогами, театрами, однимъ словомъ со всеміи своими постройками всякаго рода, каналами и плотинами стоитъ на сваяхъ. Прежде чѣмъ городъ явился въ своемъ настоящемъ видѣ, въ его торфяную, болотистую почву пришлось вбить цѣлые лѣса. Ни одна прочная постройка въ Амстердамѣ невозможна безъ этого деревяннаго основанія, и потому фундаментъ дома стоитъ здѣсь гораздо дороже, чѣмъ остальная часть надъ землею. За то тяжелыя, каменныя постройки стоятъ твердо на этихъ сваяхъ и представляютъ сухія, здоровыя жилища даже въ своихъ подвальныхъ этажахъ.

Амстердамъ производитъ на иностранца сильное впечатлѣніе. Широкіе каналы, обсаженные высокими деревьями и усеянные кораблями, идутъ вдоль улицъ и пересѣкаютъ другъ друга. Одна улица непохожа на другую: на многихъ изъ нихъ съ одной стороны видишь кучи сваленныхъ тюковъ, бочекъ, кучи хлопка, съ другой—зеркальные окна магазиновъ и изящныя зданія. Множество высокихъ мостовъ съ перилами переброшены черезъ мутныя воды каналовъ. Одинъ магазинъ возлѣ другого, а за большими зеркальными стеклами все такъ привлекательно блеститъ и сіяетъ! Всюду безчисленныя кладовыя, безконечныя ряды лавокъ, стоекъ и столовъ мелкихъ торговцевъ. Изъ вафельныхъ лавочекъ, которыя здѣсь на каждомъ шагѣ, вась обдаетъ паромъ, возбуждающимъ аппетитъ. Чрезвычайно много самыхъ разнообразныхъ пекаренъ, въ которыхъ расхаживаютъ женщины въ кружевныхъ чепчикахъ. Передъ пивными и кофейнями сидятъ пьющіе. На мостахъ букинисты выставляютъ свой товаръ, и вы только что остановились и успѣли перевернуть первый листъ книги, какъ уже чистильщикъ чиститъ ваши сапоги и дѣлаетъ ихъ блестящими, какъ зеркало; при этомъ съ боку къ вамъ прокрадывается еврей и, держа въ рукѣ лотерейный билетъ, въ длинной рѣчи сулитъ вамъ богатство. Тутъ войска загораживаютъ вамъ улицу, въ другомъ мѣстѣ вы встрѣчаетесь съ похороннымъ шествіемъ, отправляющимся въ церковь. Когда расхаживаешь по тротуарамъ города, каждую

минуту встрѣчаешь что нибудь новое. Въ одномъ мѣстѣ вы увидите деревянныя раскрашенныя головы турокъ и мавровъ, которыя обыкновенно служатъ вывѣсками москательныхъ лавокъ. А это что за диковинка? У многихъ домовъ, мимо которыхъ вы проходите, привѣшено что-то въ родѣ корзинки, которая наполнена цвѣтными тряпочками и золотой бумагой; сверху кой-гдѣ воткнуты зеленые листья и хлѣбныя колосья. Это означаетъ, что въ этихъ домахъ получены свѣжія сельди. На нѣкоторыхъ домахъ красуется надпись: «здѣсь продають крѣпкіе напитки», или коротко: «tapperij»,—это означаетъ кабакъ. Дѣловой шумъ смѣшивается съ шумомъ гавани и ревомъ моря. А какой непроницаемый лѣсъ мачтъ въ гавани. Флаги такъ и пестрѣютъ на солнцѣ! Въ глаза бросается множество парусовъ бѣлыхъ и красныхъ. Вдали Зюдерзее, и на берегу дѣятельная толпа матросовъ, протяжные крики которыхъ смѣшиваются съ шумомъ, ревомъ и скрипомъ. Толпы народа окружаютъ васъ, и вы сразу чувствуете присутствіе торговаго, промышленнаго духа націи. Масса маклеровъ и носильщиковъ снуютъ между биржевиками и купцами. Банки и торговые заведенія—мѣста наиболѣе оживленныя. Съ одной стороны по улицамъ важно расхаживаютъ разодѣтыя дамы, люди различныхъ національностей, съ другой—толчется народъ въ парусинѣ: матросы, судовщики, носильщики. Также разнообразны и звуки: тутъ раздаются звуки фортепіано и разносятся далеко вмѣстѣ съ ароматомъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, тамъ слышится свистъ и пыхтѣніе пароходовъ, крики рабочихъ и всюду въ воздухѣ чувствуется запахъ гари и смолы. Кстати замѣтимъ, что тѣ улицы Амстердама, которыя не перерѣзаны каналами, на столько узки, что съ трудомъ допускаютъ ѣзду въ экипажахъ: когда одинъ изъ нихъ катитъ по мостовой, пѣшеходамъ приходится прижиматься къ стѣнамъ зданій, а то и прятаться въ лавки. Вѣроятно, вслѣдствіе этого тутъ вообще очень мало экипажей, такъ что даже большинство богачей не держатъ ни колысокъ, ни каретъ, а, какъ и рабочій людъ, пользуются пароходами и конками. Шумъ и движеніе въ улицахъ необыкновенны. Въ этомъ гвалтѣ трудно, кажется, различить чей нибудь голосъ, между тѣмъ отчетливо раздается крикъ то молочницы, то торговли овощами, а вотъ и заунывный мотивъ музыканта на арфѣ, звуки тамбурина и веселые танцы, подъ которые пляшутъ маріонетки. Всѣ эти разнообразные звуки, крики, шумъ и гвалтъ каждые полчаса заглушаются громкими аріями курантовъ (часы съ музыкою). Кстати замѣтимъ, что въ Амстердамѣ много церквей съ колокольнями, внѣшній видъ которыхъ въ высшей степени разнообразенъ: «нѣкоторыя изъ нихъ похожи на кіоски, вытянутые въ длину, другія на башни съ выступающими террасами въ нѣсколько ярусовъ, третьи —напоминаютъ минареты, а есть и такія, которыя довольно близко подходятъ къ нашимъ русскимъ колокольнямъ. Всѣ онѣ на половинѣ своей высоты имѣютъ большіе часы, и каждые полчаса городъ оглашается громкими аріями. Иногда эти аріи, несущіяся съ высоты, полны торжественности, иногда онѣ раздаются звонко, какъ пѣніе птицъ. Эти мелодіи, вибрирующія въ воздухѣ, смѣшиваются; колокольни какъ будто перекликаются».

Здѣсь, какъ и во всякомъ большомъ городѣ, живетъ всякій людъ, разной степени зажиточности, образованія и умственнаго развитія; тѣмъ не менѣе преобладающее населеніе составляютъ богатые купцы. По блѣдному лицу и мѣрной походкѣ вы сейчасъ узнаете ихъ среди вертлявыхъ евреевъ, которыхъ здѣсь такъ много, и суетливаго уличнаго люда. Амстердамскій купецъ можетъ страдать только вслѣдствіе разстройства своихъ торговыхъ дѣлъ, жить и надѣяться только на нихъ; это настоящій типъ купца-барышника, которому исключительно дороги его торговые интересы. Этимъ торговымъ, промышленнымъ духомъ онъ отличался уже давно. Въ

самое тяжелое время для страпы, подъ испанскимъ игомъ, этотъ богатый и сильный городъ былъ на сторонѣ враговъ своей родины. Онъ желалъ любить свое отечество только въ такомъ случаѣ, если это не приносило ущерба карману. Разсчитливый амстердамскій купецъ понималъ очень хорошо, чѣмъ грозитъ ему война, и твердо держался выгодной политики. Другіе города были обращены въ дымящіяся, покрытыя кровью развалины, но торговый городъ Амстердамъ продолжалъ торговать. Только когда власть испанцевъ была уничтожена во всей голландской провинціи, онъ высказался за принца Оранскаго, разсчитавъ, что такъ теперь будетъ выгоднѣе. Печальнымъ доказательствомъ его меркантильнаго духа можетъ служить слѣдующій фактъ: когда была сдѣлана неудавшаяся попытка отнять у испанцевъ Антверпенъ, принцъ Оранскій узналъ, что испанцы купили въ Амстердамѣ 300 тысячъ фунтовъ пороху, чтобы доставить его на корабляхъ въ Антверпенъ. По настоянію принца, совѣтъ произвелъ слѣдствіе, которое подтвердило, что одинъ изъ амстердамскихъ купцовъ дѣйствительно нагружилъ порохомъ и оружіемъ 4 испанскихъ корабля. Когда его обвиняли въ государственной измѣнѣ, онъ хладнокровно сослался на свое право, дарованное ему, какъ амстердамскому гражданину, торговать, съ кѣмъ онъ захочетъ. Въ то же время онъ чистосердечно объявилъ, что радъ наживы онъ готовъ проплыть адъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ ему пришлось вернуться изъ него съ сожженными парусами. Кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе совѣта на то обстоятельство, что не онъ одинъ пренебрегаетъ патріотическими чувствами ради наживы, но что и сотни другихъ уважаемыхъ въ Амстердамѣ купцовъ дѣлаютъ тоже самое. Тогда принцъ Оранскій съ отвращеніемъ воскликнулъ: «мой величайшій врагъ—городъ Амстердамъ! Пусть только Антверпенъ будетъ въ моемъ владѣніи, тогда я унижу Амстердамъ такъ, что онъ никогда не поднимется».

Изъ ряда домовъ и деревьевъ вездѣ торчатъ башни съ маленькими арками, колоннами, шпицами. Все это съ богатою позолотою, и когда солнечные лучи ярко падаютъ на эти выдающіяся постройки, блеститъ тысячами огней надъ массою домовъ. Если вы хотите полюбоваться городомъ, то лучше всего наблюдать его съ одного изъ многочисленныхъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ каналы. Но дѣйствительно волшебную картину представляетъ этотъ городъ ночью, если вы въ это время пройдетесь по улицѣ Кальверстратъ, которая прорѣзываетъ центръ города и идетъ къ гавани. Это самая лучшая улица Амстердама. Многочисленные богатые магазины представляютъ въ ней ночью, при газовомъ освѣщеніи, великолѣпный видъ; она еще болѣе оживлена ночью, чѣмъ днемъ. Повсюду мелькаютъ спущенныя ракеты, вездѣ музыка, радостные крики,—все заставляетъ васъ забыть въ эту минуту, что вы находитесь въ «городѣ купцовъ и барышниковъ».

Тутъ нѣтъ, какъ въ Лондонѣ, домовъ, которые напоминали бы дворцы. Амстердамскіе дома узки, но довольно высоки; ихъ устраиваютъ такъ потому, что жалѣютъ земли, да и фундаментъ на большомъ пространствѣ стоитъ здѣсь очень дорого, потому и стараются увеличить объемъ дома въ высоту. Эти высокіе, узкіе дома смотрятъ своими оригинальными фронтонами (фронтономъ называютъ переднюю часть стѣны надъ карнизомъ, подъ кровлею, образующую треугольникъ) на улицу. Когда множество домовъ стоитъ въ линію, они кажутся еще болѣе узкими, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Фронтоны на домахъ людей небогатыхъ нѣсколько напоминаютъ наши голубятни, а иногда наши деревенскія жилища: ихъ деревянная треугольная кровля тоже, какъ и у насъ, нерѣдко украшена рѣзьбой. Обычай строить такимъ образомъ дома произошелъ отъ того, что купцы прежде жили въ тѣхъ же домахъ, въ которыхъ держали склады своихъ товаровъ и подымали тюки на блокахъ до

самыхъ фронтоновъ. Хотя теперь богатые купцы имѣютъ отдѣльные складочные магазины, но обычай строить такимъ образомъ дома остался и до сихъ поръ. Нижний этажъ дома обыкновенно занятъ магазиномъ, и потому въ немъ огромныя зеркальныя окна. Если вы смотрите съ улицы, то васъ поражаетъ прежде всего то, что съ лицевой стороны одно окно расположено надъ другимъ чрезвычайно правильно и симметрично и въ очень близкомъ разстояніи одно отъ другого. Домъ, который имѣетъ съ каждой стороны входной двери по два окна, принадлежитъ уже къ самымъ большимъ. Громадное большинство домовъ нештукатурены; они представляютъ всея отѣнки кирпича: отъ темнокраснаго до свѣтлорозоваго, а то и почти бѣлые. Передъ входной дверью крыльцо съ широкими ступенями изъ мрамора или изъ песчаника и съ зелеными перилами. Но болѣе всего владѣлецъ дома обращаетъ вниманіе на фронтонъ. Онъ украшаетъ его самымъ фантастическимъ образомъ: разными рожищами, фестонами, завитками, цвѣтами, которые придаютъ дому чрезвычайно оригинальный видъ. Нѣкоторыя зданія построены съ претензіею на итальянскій стиль, но весьма неудачно. Вездѣ видна печать голландскаго вкуса, любовь къ бросающимся въ глаза и оригинальнымъ украшеніямъ. Но все-таки амстердамская улица съ рядомъ такихъ домовъ представляетъ необыкновенно живописную картину. Эти вычурные фронтоны такъ весело смотрятъ на толпу народа внизу, разгуливающаго по чистенькой мостовой изъ мелкихъ камешковъ и на тротуарахъ изъ плитняка.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы уже дали нѣкоторое понятіе о голландскомъ домѣ вообще. Въ Амстердамѣ, какъ почти вездѣ въ Голландіи, семейство занимаетъ квартиру, въ которой по комнатѣ въ каждомъ этажѣ. Комнаты людей жилищныхъ устроены съ большимъ комфортомъ, очень уютны и красиво убраны фарфоровыми вазами съ цвѣтами, вышитыми экранами у камина и прелестными бездѣлушками. Почти каждое окно снабжено *зеркаломъ* - *шпюномъ*. Въ верхнихъ этажахъ амстердамскихъ домовъ эти *шпюны* устраиваются подъ угломъ, съ двойнымъ отраженіемъ, но выше уже достаточно было сказано о нихъ.

Изъ замѣчательныхъ построекъ Амстердама первое мѣсто занимаетъ королевскій дворецъ, прежде бывший ратушей, построенный на 13,659 сваяхъ. Это крѣпкое, четырехугольное строеніе изъ плитняка, съ высокими коринфскими колоннами, принадлежитъ ХVІІ-му столѣтію. Положеніе и части этого зданія гармоничны, но въ немъ замѣтно смѣшеніе всея стилией: греческаго, римскаго, итальянскаго, французскаго и нѣмецкаго. Какъ снаружи, такъ и внутри, прежде всего бросается въ глаза множество украшеній, нерѣдко безъ всякаго вкуса. Надъ большимъ строеніемъ возвышается башня съ сквознымъ куполомъ и съ богатыми курантами; вмѣсто шпица и флюгера вы замѣтите позолоченный корабль. Передній и задній фронтоны украшены скульптурой, изображающей морскихъ чудовищъ, и разныя аллегорическія фигуры, прославляющія могучій морской городъ. На вершинѣ фронтона и на углахъ карниза стоятъ три колоссальныхъ мѣдныхъ статуи. Строеніе это стоило громадныхъ денегъ: самое зданіе, его украшенія внутри и снаружи почти столько же, сколько и фундаментъ. Несмотря на это, оно не производитъ особенно сильнаго впечатлѣнія. Такое же тяжелое чувство охватываетъ васъ, когда проходишь по пустымъ, холоднымъ комнатамъ этого зданія, обдающимъ васъ затхлымъ запахомъ гнили и сырости. Особенно странны для королевскаго дворца аллегорическія изображенія торговли и мореплаванія.

Представители наукъ, различныхъ искусствъ, торговли, промышленности, разныхъ благотворительныхъ обществъ, каждый имѣетъ свои особые клубы. Есть клубы, въ которыхъ дается три, четыре бала и только нѣсколько блестящихъ ужиновъ въ

одинъ сезонъ, въ другихъ собираются только сливки буржуазіи. Многіе голландцы ходятъ въ клубы исключительно только читать, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ существуютъ замѣчательныя бібліотеки; въ другіе собираются, чтобы поиграть въ карты. Нѣкоторые изъ этихъ клубовъ существуютъ издавна и владѣютъ громадными денежными средствами. Одному клубу принадлежитъ великолѣпный зоологическій садъ, другому ботаническій; почти каждый клубъ помѣщается въ собственномъ домѣ, прекрасно устроенномъ. Члены выбираются большинствомъ голосовъ, но такъ какъ годовые членскіе взносы чрезвычайно высоки, то членами могутъ быть только люди весьма богатые.

Буржуа средней руки, не принадлежащіе ни къ какому клубу, отправляются по вечерамъ искать развлеченія въ маленькіе народные театры, которые устроены здѣсь весьма своеобразно. Зала, гдѣ помѣщается публика и которая собственно называется театромъ, представляетъ прежде всего комнату, въ которой симметрично расположены множество маленькихъ столовъ. Тутъ же, кромѣ маленькой сцены, глазамъ представляется другое зрѣлище, не менѣе любопытное,—буфетъ съ дымящимся чайнымъ котломъ, съ грудями кусковъ телятины и ветчины и съ выпивкой. За входъ въ это святилище каждый платитъ самую ничтожную плату и испытываетъ множество самыхъ разнообразныхъ наслажденій: не только наслаждается спектаклемъ, но и получаетъ при входѣ, согласно своему желанію, стаканъ пуншу или чашку чаю. Вошедшій въ театръ глава семейства садится съ своими дѣтьми и женой къ столику и беретъ изъ рукъ служителя длинную глиняную трубку, затѣмъ заказываетъ своей семьѣ ужинъ, смотритъ представленіе, слушаетъ пѣніе и музыку, и при этомъ съ большимъ аппетитомъ ѣстъ, пьетъ и куритъ. Какъ зданія этихъ народныхъ голландскихъ театровъ, такъ и пьесы, которыя на нихъ идутъ, музыка и пѣніе не имѣютъ рѣшительно никакого національнаго значенія, и это относится не только къ народнымъ театрамъ, но и къ театрамъ, существующимъ въ Голландіи для высшаго слоя общества. Национальной голландской оперы совсѣмъ не существуетъ; не существуетъ и знаменитыхъ голландскихъ композиторовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ. Самые звуки голландскаго языка производили бы смѣшное впечатлѣніе во время пѣнія, и потому въ Амстердамѣ и Роттердамѣ слушаютъ то нѣмецкую, то итальянскую оперу, въ которыхъ, впрочемъ, главную роль играетъ балетъ. Въ тѣхъ голландскихъ городахъ, гдѣ кромѣ народныхъ театровъ существуютъ и другіе, представленіе большею частью идетъ на французскомъ языкѣ, даютъ французскіе пьесы, и только изрѣдка на голландскомъ, да и то переведенныя съ французскаго. Такіе театры въ большихъ голландскихъ городахъ устроены въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, очень не велики и, сравнительно съ другими европейскими театрами, очень бѣдно отдѣланы.

Ни въ одномъ городѣ Европы нѣтъ такого количества благотворительныхъ заведеній, какъ въ этой сѣверной Венеціи, гдѣ торговля играетъ главную роль въ жизни населенія. Въ Амстердамѣ все живетъ торговлею, начиная отъ купца, получающаго тысячные барыши, до бѣдняка еврея, тяжело дышащаго подъ тяжестью чрезмѣрной ноши. Кстати поговоримъ о евреяхъ, такъ какъ еврейскій элементъ въ Амстердамѣ чрезвычайно значителенъ.

Амстердамскіе евреи живутъ въ особыхъ кварталахъ, которые въ опрятной Голландіи представляютъ единственное грязное пятно. Грязь евреевъ и нечистота ихъ кварталовъ до такой степени противны голландцамъ, что въ прежнія времена еврейскій кварталъ всякую ночь запирался тяжелыми воротами. И дѣйствительно, послѣ здоровыхъ лицъ голландцевъ, необыкновенной чистоты, опрятности и уюта ихъ домиковъ, васъ поражаютъ лица, встрѣчающіяся вамъ въ еврейскихъ кварталахъ.

Здѣсь тѣснѣе, исхудалое, блѣдное населеніе, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ помятыхъ шляпахъ, въ дырчатыхъ платьяхъ. Въ душныхъ, вонючихъ улицахъ тряпичницы-еврейки разложили всякую всячину—утварь, платья, рваную обувь и всевозможный хламъ,—все это распространяетъ сырой, гнилой запахъ. На сковородахъ кипитъ прогорклое масло, и съ шипѣніемъ жарится различная рыба. Грязныя, оборванныя дѣти, съ чудными черными глазами копаются въ кучахъ мусора и сельдяныхъ костей. Дѣвочки хриплымъ голосомъ выкрикиваютъ спички и другія мелочи. Передъ домами сидятъ старухи на еще болѣе старыхъ стульяхъ, желтыя и сухія, какъ муміи, и смотрятъ на толпу безучастнымъ, неподвижнымъ взглядомъ. Изъ оконъ домовъ на шестахъ развѣвается рваная одежда, отовсюду несутся отвратительныя испаренія. Лишь только здѣсь появляется мало мальски порядочно одѣтый человѣкъ, его тотчасъ обступаютъ толпа нищихъ съ горбатыми носами и сѣдыми бородами. Однако, несмотря на то, что люди живутъ здѣсь въ такой тѣсотѣ и бѣдности, тутъ встрѣчаются самые старые люди. Это результатъ необыкновенной воздержности евреевъ въ пищѣ и питьѣ. Евреи составляютъ $\frac{1}{10}$ часть населенія Амстердама и имѣютъ въ этомъ городѣ 4 синагоги. Многіе изъ нихъ богатѣйшіе банкиры и купцы, живутъ въ лучшихъ улицахъ, но большая часть ихъ ведетъ жалкое существованіе въ особыхъ еврейскихъ кварталахъ.

Амстердамъ уже около двухъ сотъ лѣтъ служитъ центромъ брилліантовой промышленности въ весьма широкихъ размѣрахъ и уже болѣе полутора столѣтій пользуется въ ней монополіей, которой не удалось поколебать никакой другой странѣ. Въ настоящее время въ Амстердамѣ много шлифовальнѣ (ихъ также называютъ гранильнями алмазовъ); въ нихъ работаютъ большею частью евреи. Самыя гранильни также нерѣдко принадлежатъ евреямъ. На нихъ ежегодно обшлифовываютъ алмазовъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Недавно пытались завести такія шлифовальни въ Лондонѣ и Парижѣ, но эти попытки не имѣли успѣха, такъ какъ для этой отрасли промышленности необходима большая ловкость и умѣнье пользоваться опытомъ наиболѣе искусныхъ рабочихъ,—къ тому же евреи въ этой работѣ давно превзошли всѣхъ остальныхъ мастеровъ. Первое условіе этого ремесла состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить по виду еще необработаннаго алмаза, что изъ него можно сдѣлать при шлифовкѣ. Не шлифованный алмазъ похожъ на кусочекъ мутнаго гумми-арабика и шлифовка должна ему придать настоящій цвѣтъ, прозрачность и чистоту воды. Для этого нужна не только долгая практика и ловкость, но особаго рода чутье, которое сильно развито у евреевъ. Поэтому шлифованіе алмазовъ нигдѣ и никогда не достигало такого совершенства, какъ въ Амстердамѣ. Болѣе 40.000 чел. живутъ въ Амстердамѣ исключительно этою работою. По внѣшнему виду фабрики для шлифованія алмазовъ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается паровая машина, приводы отъ которой проходятъ по всѣмъ этажамъ. Необработанные алмазы поступаютъ въ верхній этажъ, гдѣ ихъ чистятъ. Такъ какъ эта операція совсѣмъ несложная, не требующая продолжительнаго изученія, то ее производятъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣти и женщины: они очищаютъ камни отъ грязной коры посредствомъ крѣпкой водки и острыхъ стамесокъ. Послѣ «чистки» камни отправляютъ этажомъ ниже, гдѣ имъ придаютъ ту или другую форму,—этотъ процессъ и называется «граненіемъ»: онъ самый важный во всемъ производствѣ. Затѣмъ уже происходитъ «шлифовка», отъ которой зависитъ блескъ и красота брилліанта. Какъ граненіемъ, такъ и шлифованіемъ занимаются уже самые опытные и искусные рабочіе.

БЕЛЬГІЯ.

СТРАНА И НАРОДЪ.

Фламандцы и валлоны.—Природа страны.—Языкъ.—Фламаноманы и результаты ихъ стремленій.—Характеръ народа.—Права и преимущества бельгійцевъ.—Католическое духовенство и его вліяніе.—Буржуазія и ея значеніе —Прежніе выборы и реформа въ конституціи 1893 г.

Бельгія—очень небольшая страна: она въ $22\frac{1}{2}$ раза меньше Австро-Венгріи, въ 18 разъ—Германіи и въ 10 разъ Великобританіи. Она занимаетъ 29.455 квад. километровъ (около 25.000 кв. верстъ), слѣдовательно меньше даже Швейцаріи (41 тыс. квад. километ.). Занимая такое незначительное пространство сравнительно съ другими западно-европейскими странами, Бельгія превосходитъ ихъ своимъ необычайно густымъ населеніемъ. Сумма всего ея населенія не доходитъ до $6\frac{1}{2}$ милл., но такъ какъ ея пространство очень невелико, то по густотѣ населенія страна эта занимаетъ первое мѣсто между европейскими государствами. Средняя густота населенія для всей Бельгіи—213 чел. на квад. километръ.

Благодаря многимъ завоеваніямъ страны и громадному приливу иностранцевъ, проживающихъ и поселившихся въ ней, настоящее населеніе Бельгіи представляетъ смѣсь многихъ народностей, однако громадное большинство среди него составляютъ *фламандцы* и *валлоны*. Фламандское населеніе Бельгіи принадлежитъ къ германскому племени и говоритъ однимъ языкомъ съ своими сосѣдями голландцами (съ нѣкоторыми, иногда значительными, измѣненіями въ правописаніи и произношеніи), такъ какъ фламандскій языкъ (древне-нѣмецкій), близко подходитъ къ голландскому. Но каждый фламандецъ, мало мальски развитой и образованный, каждый, болѣе или менѣе крупный торговецъ, дѣлецъ и всѣ служащіе говорятъ въ то же время и по французски. Кромѣ *фламандцевъ*, Бельгія населена и *валлонами*, принадлежащими къ романскому племени. Фламандцы, въ числѣ болѣе $2\frac{1}{2}$ мил., занимаютъ преимущественно сѣверную часть государства: обѣ Фландріи, Антверпенъ и большую часть Брабанта. Валлоновъ 1.900.000 чел.; они занимаютъ провинціи: Лютихъ, Лимбургъ, Геннегау, Намюръ и Люксембургъ. Остальное число жителей принадлежитъ къ разнымъ національностямъ, между которыми болѣе всего нѣмцевъ, затѣмъ англичанъ и т. д.

Бельгія—страна красиво построенныхъ большихъ городовъ и хорошенкихъ деревень, которыя своею величиною и постройками скорѣе напоминаютъ города. Кромѣ того вездѣ разбросано безчисленное множество дворовъ и мызъ. Болѣе $\frac{1}{3}$ бельгійскаго населенія живетъ въ городахъ, и число горожанъ постоянно возрастаетъ. Послѣ безлѣсной Голландіи, Бельгію можно назвать страной прекрасныхъ лѣсовъ. Ея пер-

вобытныя лѣса нигдѣ не вырублены совершенно, а только разчищены; здѣсь всюду встрѣчаешь прекрасныя деревья, стоящія отдѣльно или группами; деревьями обведены во многихъ мѣстностяхъ луга и пашни, окружены дома и цѣлыя деревни. Съ высоты птичьяго полета вся фландрская земля, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ моря, имѣетъ видъ богатаго лѣса, здѣсь и тамъ прорубленнаго и разчищеннаго. Мѣстами, на большомъ протяженіи, тянутся длинныя полосы, образующія какъ бы непрерывный лѣсъ фруктовыхъ деревьевъ и цвѣтущихъ садовъ. Лишь прибрежная Бельгія и сѣверныя окраины Восточной Фландріи, а также Кампина состоятъ изъ песчаныхъ дюнъ, покрытыхъ плохую растительностью, а нерѣдко и сыпучими песками. Въ большихъ городскихъ центрахъ, среди людей богатыхъ, преобладаетъ роскошь, парижскія моды и французскій языкъ. Въ виду смѣшаннаго населенія страны, въ Бельгіи говорятъ на очень многихъ языкахъ, преобладаетъ же французскій языкъ. Древнія нѣмецкія названія городовъ уже давнымъ давно все болѣе начали уступать французскимъ, и официальнымъ языкомъ, по предписанію Наполеона, сдѣлался французскій; онъ оставался исключительно однимъ официальнымъ языкомъ до 1898 года. При этомъ болѣе всего поражало слѣдующее: несмотря на то, что фламандцевъ въ странѣ большинство, все таки восторжествовалъ французскій языкъ. Въ отправленіи правосудія, въ образованіи, во всѣхъ официальныхъ сношеніяхъ въ Бельгіи употребляли исключительно французскій языкъ. Этотъ фактъ останавливаетъ вниманіе также и потому, что Бельгія съ 1815 до 1830 г. была соединена съ Голландіею. Почему же французскій языкъ сдѣлался въ странѣ языкомъ официальнымъ? Уже издавна стремленіе французовъ распространить свою власть на Нидерланды не прекращалось, а вмѣстѣ съ этимъ распространялся и французскій языкъ. Тѣмъ не менѣе раньше все же придерживались языка страны. Но когда явились французскіе проповѣдники свободы и равенства, въ Бельгіи постоянно стали раздаваться такія воззванія: «свободные люди: бросьте языкъ рабовъ и примите языкъ учителей свободы! Различныя нарѣчія, на которыхъ вы говорите, вышли изъ нечистаго источника феодализма». Въ 1803 г. Наполеонъ предписалъ употреблять французскій языкъ въ официальной сферѣ. Однако въ 1822 году (въ то время Бельгія была присоединена къ Голландіи) вдругъ появилось предписаніе, чтобы всѣ общественныя дѣла, и въ особенности судебныя, производились на языкѣ страны, т.-е. на фламандскомъ. Эта мѣра какъ громомъ поразила всю армію чиновниковъ. Уже болѣе 20-ти лѣтъ всѣ привыкли къ французскому языку; большинство съ трудомъ выучилось ему, между тѣмъ какъ фламандскій языкъ сдѣлался для нихъ теперь чуждымъ, и вдругъ все это должно было измѣниться. Можно себѣ представить, сколько изъ-за этого возникло неудовольствій. Къ противникамъ голландскаго правительства присоединились не только бельгійскіе чиновники, но и духовенство. Католическому духовенству и іезуитамъ не нравилось соединеніе католической Бельгіи съ протестантской Голландіею, и они съ радостію пользовались каждымъ случаемъ, чтобы расшатать и уничтожить эту связь.

Когда въ 1830 г. до Бельгіи достигла вѣсть объ Іюльской революціи, тамъ тотчасъ образовался многочисленный лагерь недовольныхъ и противниковъ голландскаго правительства, между тѣмъ правительство медлило выступать противъ своихъ враговъ, вслѣдствіе чего совершился переворотъ, который болѣе всего былъ необходимъ для интересовъ чиновниковъ и духовенства. Временное правительство немедленно обнародовало между прочимъ слѣдующее: «такъ какъ французскій языкъ былъ до сихъ поръ наиболѣе распространеннымъ въ Бельгіи, то онъ одинъ и будетъ теперь употребляться при официальныхъ сношеніяхъ». Послѣ этого начались всевозможныя стѣс-

ненія фламандскаго языка и фламандской національности. Многіе съ необыкновенною энергіею стали возставать противъ этихъ злоупотребленій и такимъ образомъ постепенно началась агитація (*mouvement flamand*); составилось множество кружковъ и обществъ, которые явно возставали противъ вытѣсненія всего фламандскаго. Начали издавать на фламандскомъ языкѣ книги, основывать журналы, устраивать драматическія и другія общества, и такимъ образомъ фламандскій языкъ, особенно въ литературномъ отношеніи, былъ снова возстановленъ. Уже въ 1851 году насчитывали 1,100 фламандскихъ произведеній и болѣе 50-ти періодическихъ изданій. Фламандцы имѣли и до сихъ поръ имѣютъ талантливыхъ романистовъ и поэтовъ; но все это нисколько не помѣшало успѣху французскаго языка, какъ въ официальныхъ сношеніяхъ, такъ и въ обществѣ. При этомъ каждый успѣхъ французскаго элемента былъ несомнѣннымъ вредомъ для фламандскаго. Особенно роковымъ для фламандскаго движенія оказалось то обстоятельство, что фламандскій языкъ не находилъ поддержки и сочувствія въ высшихъ кругахъ общества. Даже въ старыхъ фламандскихъ городахъ—въ Гентѣ, Брюгге и другихъ давно считалось хорошимъ тономъ говорить по-французски. Фламандскій языкъ въ Бельгійи считается въ настоящее время языкомъ простонародья, а французскій—языкомъ образованныхъ и знатныхъ. Мало того, каждый, маломальски зажиточный человѣкъ старается научить своего сына французскому языку, каждая горничная, поступая въ порядочный домъ, изо всѣхъ силъ выбывается достигнуть того же. Фламаноманы (почитатели фламандскаго языка и литературы) давно уже употребляли все свое вліяніе, чтобы усилить распространеніе фламандскаго языка, и, въ концѣ концовъ, они достигли своей цѣли. Въ нынѣшнемъ 1898 г. былъ утвержденъ законъ, по которому не только члены судебного вѣдомства, но также чиновники и офицеры должны знать оба языка, т. е. какъ французскій, такъ и фламандскій; отнынѣ не только судопроизводство должно производиться на томъ изъ этихъ двухъ языковъ, на которомъ говоритъ обвиняемый, но и въ парламентѣ каждый изъ депутатовъ можетъ говорить на одномъ изъ этихъ языковъ.

Бельгійцы очень трудолюбивы, бережливы и весьма склонны къ торговой дѣятельности. До настоящаго времени они сохранили черты характера, которыми отличались уже издавна. Бельгійцы прежде всего страстные любители какъ свѣтскихъ, такъ и религіозныхъ процессій, празднествъ, ярмарокъ (кermesses), народныхъ забавъ, музыки, всевозможныхъ увеселеній и зрѣлищъ. Какъ прежде, такъ и теперь они соединяются въ самыя разнообразныя общества, любятъ въ компаніи здорово выпить и поѣсть, съ увлеченіемъ отдаются застольнымъ рѣчамъ и, несмотря на заурядность и напыщенность этихъ рѣчей, выражаютъ свое удовольствіе громомъ аплодисментовъ. Въ дни народныхъ празднествъ они отправляется на лугъ пустить въ цѣль стрѣлу, въ надеждѣ быть названнымъ «королемъ» или получить за это выигрышъ. Чтобы понять истинный характеръ бельгійца, мало знать и видѣть его въ обыденной обстановкѣ, когда онъ является неумолимымъ работникомъ, аккуратнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей,—его необходимо наблюдать во время карнавала, въ дни празднествъ и народныхъ торжествъ. Тогда даже фламандцы, несравненно болѣе вялые, чѣмъ валлоны, сбрасываютъ на это время свою флегму и отдаются неудержимому веселію. Все это общія характерныя черты, какъ фламандцевъ, такъ и валлоновъ, тѣмъ не менѣе между ними чрезвычайно много различія. Фламандецъ имѣетъ всѣ отличительныя черты германскаго племени: свѣтлые волосы, голубые глаза, бѣлый цвѣтъ лица. У валлона напротивъ: черные волосы, темные глаза, смуглый цвѣтъ лица. Фламандцы болѣею частью средняго роста, коренасты; валлонцы—стройны и гибки. Фламандцы—флегматичны, вялы на видъ и тяжелы на подъемъ, но настоя-

чивы и неутомимы въ работѣ. Они не отличаются смѣлостью и предприимчивостью, но за то крѣпко привязаны къ своей родинѣ, къ воспоминаніямъ домашнего очага, къ стариннымъ обычаямъ и обрядамъ и вообще ко всему, что они унаслѣдовали отъ своихъ предковъ. Фламандецъ приметъ и введетъ въ свою жизнь только то, что не противорѣчитъ его понятіямъ, которыя сложились у него еще въ раннемъ дѣтствѣ. Валлоны обладаютъ живымъ, бойкимъ, вспыльчивымъ и рѣшительнымъ характеромъ. Доказательствомъ этому служитъ то, что они, составляя меньшую часть населенія Бельгіи, играютъ въ ней главную роль. Нѣжныя дѣти фламандцевъ, съ бѣлою кожею, съ румяными щечками и золотистыми, роскошными волосами, обыкновенно напоминаютъ головы херувимовъ, но съ ростомъ, особенно мальчики, быстро грубѣютъ и начинаютъ развиваться скорѣе въ ширину, чѣмъ въ высоту. У валлона же напротивъ—грубость, дикость и сила, мало гармонирующія съ дѣтскимъ выраженіемъ лица, придаютъ ему, по мѣрѣ того какъ онъ дѣлается юношей, рѣшительное выраженіе, красоту и мужество. Тоже можно сказать и относительно женщинъ: стройныя, граціозныя, живыя валлонки съ блестящими глазами и быстрыми, смѣлыми движеніями обыкновенно гораздо привлекательнѣе фламандскихъ красавицъ, съ правильными чертами лица, медленными движеніями и плавною, обдуманною рѣчью. Оба народа враждебно относятся другъ къ другу и имѣютъ постоянный запасъ бранныхъ словъ и прозвищъ другъ для друга, что нерѣдко даетъ поводъ къ кровавымъ ссорамъ и потасовкамъ. Опытная хозяйка ни за что не возьметъ къ себѣ въ домъ въ одно время фламандку и валлонку: брани и ссорамъ не будетъ конца.

Въ одеждѣ этихъ двухъ народовъ не существуетъ почти никакой разницы: блуза сравняла всѣхъ. Это обыкновенно общая одежда всѣхъ низшихъ и отчасти даже среднихъ сословій въ Бельгіи: крестьяне, ремесленники, торговцы, арендаторы и даже мелкіе землевладѣльцы прикрываютъ блузою различіе своего положенія.

Женщины, да и то лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи, болѣе мужчинъ сохранили одежду прежнихъ временъ. Въ Антверпенѣ до сихъ поръ бросается въ глаза огромный, бѣлый чепчикъ, съ большими лопастями, а жительницы Брабанта и теперь еще одѣваютъ *файле*—родъ чернаго шелковаго плаща, закрывающаго голову и верхнюю часть тѣла. Этотъ нарядъ придаетъ женщинамъ видъ монахинь и дѣлаетъ бѣлый цвѣтъ лица фламандокъ еще болѣе ослѣпительнымъ. *Файле*—остатокъ испанскаго господства, а блуза перешла въ Бельгію изъ Франціи.

Когда въ Бельгіи благополучно окончилась борьба за независимость, немедленно открылся «національный конгрессъ», который и выработалъ конституцію, утвержденную въ 1831 г.; ею были дарованы бельгійцамъ: 1) *равенство передъ закономъ*. Каждый бельгіецъ имѣетъ право занимать какъ высшія, такъ и низшія гражданскія и военныя должности. Въмѣстѣ съ тѣмъ всѣ жители этой страны одинаково равны передъ судомъ; никакихъ различій не дѣлается при обложеніи податями и назначеніи налоговъ. Изъ сказаннаго ясно, что конституція не даетъ преобладающихъ правъ ни одному сословию,—вслѣдствіе этого въ Бельгіи не существуетъ сословныхъ различій.

2) *Свобода личности*. Никто не можетъ быть здѣсь незаконно осужденъ, наказанъ или арестованъ. Жилище каждаго—неприкосновенно: обыскъ возможенъ лишь въ такомъ случаѣ и такой формѣ, какіе предписаны закономъ.

3) *Свободная печать*. Цензуры въ Бельгіи не существуетъ: каждый можетъ писать и издавать, что хочетъ. Всѣ преступленія противъ печати караются судомъ присяжныхъ, причемъ засѣданія суда публичны; закрыть для публики двери суда во время засѣданія можно только по единогласному рѣшенію судей. «Судебному преслѣдованію подлежатъ только случаи клеветы и возбужденія къ открытому возстанію»,

сказано въ одномъ изъ пунктовъ конституціи, но это-то послѣднее и даетъ нерѣдко поводъ къ преслѣдованію того или другого изданія, той или другой газеты или брошюры, непріятной для партіи, стоящей во главѣ управленія. Однако, въ общемъ всѣ условія для развитія свободнаго печатнаго слова въ Бельгіи всегда были весьма благоприятны, что даетъ возможность существовать огромному числу газетъ самыхъ разнообразныхъ направленій и многочисленнымъ періодическимъ изданіямъ. (Въ одномъ Брюсселѣ издается 26 ежедневныхъ газетъ и болѣе 100 періодическихъ изданій; для всей же Бельгіи число періодическихъ изданій превышаетъ 1200, что чрезвычайно много для такой маленькой страны, какъ Бельгія, населеніе которой не доходитъ до 6¹/₂ милл.).

4) *Свобода мнѣній и вѣроисповѣданія.* Каждый можетъ въ Бельгіи выражать какія угодно мнѣнія, совершенно свободно проповѣдывать и исповѣдывать какую угодно религію. Никто никого не вынуждаетъ исполнять или не исполнять тотъ или другой религіозный обрядъ, церемонію, соблюдать или не соблюдать тѣ или другіе праздничные дни. Только въ томъ случаѣ, когда будетъ доказано злоупотребленіе свободою мнѣній и вѣроисповѣданія (напримѣръ возбужденіе къ неповиновенію властямъ и т. п.), она можетъ быть ограничена судебнымъ рѣшеніемъ. Это условіе даетъ иногда возможность вліятельнымъ католикамъ стѣснять свободу мнѣній въ этой странѣ, гдѣ католическое духовенство издавна играетъ выдающуюся роль. Тѣмъ не менѣе въ Бельгіи протестанты, евреи, даже люди, отдѣлившіеся отъ церкви и отвергающіе обряды крещенія, брака и похоронъ, живутъ совершенно покойно: здѣсь никого не преслѣдуютъ ни за какія религіозныя или антирелигіозныя убѣжденія. Каждый бельгіецъ, безъ всякихъ стѣсненій, исповѣдуетъ здѣсь свою религію и выполняетъ свои религіозныя обряды. Церковь совершенно независима отъ государства. Ватиканъ назначаетъ епископовъ по своему усмотрѣнію, а они, въ свою очередь, выбираютъ священниковъ, и государство только платитъ имъ жалованье.

5) *Свобода обученія.* Каждый можетъ открыть здѣсь школу и обучать въ ней,—для этого не требуется никакого предварительнаго разрѣшенія; но учрежденныя школы подчиняются установленному надзору. Образованіе дѣтей въ Бельгіи обязательно, но въ каждой общинѣ должна находиться начальная школа; преподаваніе должно быть бесплатное для всѣхъ бѣдныхъ дѣтей, родители которыхъ подадутъ прошеніе объ освобожденіи отъ платы.

6) *Свобода собраний и ассоціацій.* Какое угодно количество людей можетъ собраться вмѣстѣ для обсужденія своихъ дѣлъ или для развлеченія безъ предварительнаго на то разрѣшенія, но эти собранія подчиняются извѣстнымъ требованіямъ. Свободно и по первому желанію могутъ собираться, гдѣ угодно, общества, кружки и цѣлыя толпы народа и разсуждать, о чемъ вздумается: объ уменьшеніи задѣльной платы и числа рабочихъ часовъ, объ улучшеніи квартиръ для рабочихъ и т. п. Вслѣдствіе этого бельгійцы съ гордостью указываютъ на статью своей конституціи, въ которой сказано: «les belges ont le droit de s'associer, ce droit ne peut être soumis à aucune mesure préventive» (бельгійцы имѣютъ право составлять ассоціаціи; это право не можетъ быть ограничено никакими предупредительными мѣрами). Это право—одно изъ самыхъ древнихъ на почвѣ бельгійской: оно удержалось въ странѣ и во время жестокаго владычества испанцевъ, и во время австрійскаго гнета, и тогда, когда ея судьбою распорядилась Франція. Въ свободѣ ассоціацій, въ возможности дружно служить нерѣдко наиполезнѣйшимъ и благороднѣйшимъ цѣлямъ лежитъ разгадка тѣхъ быстрыхъ успѣховъ, которые оказала Бельгія въ послѣдніе годы.

Остальные права, гарантируемые конституцией: 7) *Свобода петицій*. Каждый может лично или вмѣстѣ съ другими подать прошеніе властямъ. 8) *Свобода корреспонденціи*. За вскрытіе чужого письма, слѣдовательно за наруженіе тайны переписки, законъ строго караетъ. 9) *Свобода слова*. 10) *Преслѣдованіе чиновниковъ за преступленія по дѣламъ службы*. Здѣсь каждый, кто пожелаетъ, можетъ возбудить дѣло по поводу злоупотребленія по дѣламъ службы чиновника, какъ мелкаго, такъ и крупнаго; только для преслѣдованія министровъ и депутатовъ требуется разрѣшеніе парламента.

Кромѣ этихъ правъ, конституція воспретила конфискацію имущества, т. е. отмѣнила наказаніе преступленій путемъ отобранія въ казну имущества и лишенія всѣхъ гражданскихъ и имущественныхъ правъ.

Въ ту эпоху, когда создавалась бельгійская конституція, она считалась, и не безъ основанія, одною изъ самыхъ либеральныхъ въ Европѣ. Репутацію эту она сохраняла очень долго, въ очень многихъ отношеніяхъ сохраняетъ ее и до сихъ поръ, но такъ какъ конституція была утверждена еще въ 1831 г. и безъ перемѣнъ дѣйствовала до 1893 г., т. е. болѣе 60-ти лѣтъ, то при примѣненіи къ практикѣ въ ней оказалось не мало слабаго, непригоднаго и устарѣлаго.

За исключеніемъ 15.000 протестантовъ и 3.000 евреевъ, Бельгія вполнѣ католическая страна. Хотя конституція даровала бельгійцамъ свободу совѣсти и вѣроисповѣданій, но въ Бельгіи эта свобода религіи была установлена подъ вліяніемъ католическаго духовенства и болѣе всего служила папскимъ интересамъ, что сдѣлало изъ Бельгіи притонъ самыхъ фанатическихъ ультрамонтановъ (то есть поборниковъ папской власти). Если мы вспомнимъ исторію страны, намъ будетъ понятно, какимъ образомъ католическое духовенство пустило такіе глубокіе корни въ Бельгіи. Католическо-церковная іерархія въ этой странѣ уже съ давнихъ поръ имѣла громадное значеніе. Кардиналъ-архіепископъ мехелнскій былъ въ прежнее время самостоятельнымъ государемъ Лютиха; епископство гентское и брюггское имѣли важное значеніе для Рима, какъ пограничные пункты противъ протестанскихъ вліяній изъ Англіи и Голландіи. Не только высшія лица и представители духовенства пользовались громаднымъ значеніемъ, властію и привилегіями, но и все это сословіе имѣло громадное вліяніе на народъ, и его значеніе еще болѣе усилилось при испанскомъ владычествѣ, когда правительство прежде всего опиралось на религіозный элементъ. Служители церкви были вмѣстѣ и законодателями, и администраторами; они владѣли обширными имуществами, носившими на себѣ феодальный характеръ. Такой порядокъ вещей такъ утвердился въ Бельгіи, что и впослѣдствіи властители ея должны были считаться съ этимъ вліяніемъ.

Въ настоящее время католическое духовенство совершенно самостоятельно: въ Бельгіи правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла церкви, въ богослужебные обряды или процессіи, которыя повсюду и всѣми могутъ быть совершаемы съ полною свободой, не имѣетъ права также назначать ни на какія духовныя должности. Но государство не устранило, однако, отъ пособія церквамъ, —напротивъ, отъ него требуются весьма значительныя пожертвованія, и они еще болѣе усиливаютъ власть католическаго духовенства. Пользуясь съ одной стороны неограниченной свободой, съ другой щедрымъ пособіемъ государства, духовенство сохраняетъ громадное вліяніе на народъ, противоdѣйствуетъ всѣмъ прогрессивнымъ мѣрамъ, и если не успѣло удержать населеніе въ грубомъ невѣжествѣ, то благодаря только политической свободѣ. Но эта свобода страны нисколько не мѣшаетъ духовенству до сихъ поръ сильно вліять во всѣхъ сферахъ жизни и управленія. Обученіе въ народныхъ шко-

лахъ и въ настоящее время находится въ большой зависимости отъ духовенства: учительскіе институты Бельгіи для подготовленія учителей и воспитателей въ начальныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ основаны наполовину духовенствомъ, наполовину правительствомъ. Католическое духовенство всецѣло завѣдуетъ лувенскимъ университетомъ, содержитъ «*collèges patronnés*» (покровительствуемыя учебныя заведенія), а также весьма многія спеціальныя школы. Кромѣ того, духовенство до сихъ поръ оказываетъ сильное вліяніе на выдачу дипломовъ профессорами. Сотни молодыхъ людей ежегодно готовятся къ священническимъ обязанностямъ въ духовныхъ семинаріяхъ, существующихъ въ очень многихъ городахъ Бельгіи. Наконецъ армія священниковъ въ этой маленькой странѣ—громадна: ихъ здѣсь оказывается болѣе 6000 ч. Женскіе и мужскіе монастыри существуютъ во всѣхъ частяхъ Бельгіи; число монастырей обоого пола, а вмѣстѣ съ тѣмъ монаховъ, монахинь, полумонахинь (бегины, о которыхъ будетъ сказано ниже) все возрастаетъ: съ сороковыхъ годовъ до нашего времени число монастырей увеличилось почти на пѣлю тысячу. Въ настоящее время число духовныхъ лицъ, т.-е. священниковъ и монаховъ (мужчинъ и женщинъ), простирается до 30.000. Въ какой степени быстро увеличивается классъ духовныхъ лицъ въ Бельгіи, видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: на 10.000 мірянъ—духовныхъ лицъ приходилось въ 1846 г.—26, въ 1856 г.—32, а въ 1890 г. уже 45 чел.

Не одно только католическое духовенство пользуется здѣсь громаднымъ вліяніемъ, но также и буржуазія, т.-е. богатый классъ промышленниковъ, торговцевъ, купцовъ, фабрикантовъ, финансистовъ, вообще людей съ значительными капиталами и обладающихъ какой бы то ни было крупною собственностью. Нужно замѣтить, что бельгійская буржуазія уже издавна имѣла значеніе въ странѣ. Еще въ средніе вѣка она управляла городскими общинами, а иногда и всею страню. Однако, во время господства испанцевъ, австрійцевъ, французовъ и голландцевъ, буржуазія временно потеряла власть и значеніе, но зато, за этотъ періодъ времени, она всѣ силы свои направила на развитіе своихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, и снова стала быстро богатѣть. Между тѣмъ, какъ дворянство постепенно слабѣло, нищало и исчезало, буржуазія все богатѣла, усиливалась и приобрѣтала болѣе значенія. Такъ какъ всѣ силы буржуазіи уже издавна были направлены на приобрѣтеніе матеріальныхъ благъ, она все болѣе утрачивала духовныя стремленія и благородные идеалы.

Когда Бельгія въ 1830 г. насильственно порвала свою связь съ Голландією и сдѣлалась самостоятельною, она немедленно созвала «національный конгрессъ». Въ средѣ буржуазіи было въ это время наиболѣе людей зажиточныхъ и умственно развитыхъ; они-то, главнымъ образомъ, и вошли въ составъ «національнаго конгресса», слѣдовательно явились главными составителями конституціи. Чтобы обезпечить за собой господство въ странѣ, держать въ своихъ рукахъ наиболѣе выгодныя предпріятія, буржуазіи необходимо было пользоваться полною свободой и самостоятельностью. Вотъ этотъ-то своекорыстный расчетъ и заставилъ ее провести либеральную конституцію. И въ настоящее время буржуазія не противится благу народа, но лишь настолько, поскольку это не противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ и не идетъ въ ущербъ вліянію католическаго духовенства, такъ какъ этимъ двумъ классамъ общества для взаимныхъ выгодъ, въ большинствѣ случаевъ, приходилось крѣпко держаться другъ друга. Заботясь объ интересахъ другъ друга, они не только мало думали о рабочихъ классахъ, но стремленія послѣднихъ имъ часто были совершенно враждебны. Вотъ почему народное образова-

ніе до сихъ поръ необязательно, а среднее и высшее образованіе доступны лишь зажиточнымъ классамъ, да и поставлено оно такъ, чтобы упрочивать благосостояніе буржуазіи, такъ какъ главною его задачею является подготовленіе практиковъ, т.-е. изученіе специальныхъ предметовъ, а не общее умственное развитіе и усовершенствованіе въ наукахъ. Католическое духовенство, какъ было указано выше, имѣетъ полную возможность вліять на развитіе и образованіе юношества. Замѣчательно, что вниманіе буржуазіи къ народнымъ нуждамъ пробуждалось только тогда, когда были задѣты ея личныя интересы: она заботливо относилась къ различнымъ санитарнымъ мѣрамъ и къ народному здравію, безцеремонно объясняя это необходимостью предупредить развитіе эпидеміи. Болѣе всего вниманія обращало правительство на развитіе торговли и промышленности, отчего та и другая пришли вскорѣ въ цвѣтущее состояніе. Серьезно заботилось оно о путяхъ сообщенія: объ улучшеніи дорогъ, объ увеличеніи желѣзнодорожной сѣти, объ устройствѣ каналовъ. И дѣйствительно, въ настоящее время Бельгія славится своими прекрасными путями сообщенія: по всѣмъ направленіямъ страну пересѣкаютъ желѣзныя дороги, каналы и сельскія дороги въ превосходномъ состояніи, повсюду проведены телеграфы и телефоны. Но болѣе всего привело въ восторгъ бельгійцевъ то, что парламентъ въ 1860 г. освободилъ города отъ заставъ и городскихъ пошлинъ. До этого времени Брюссель былъ окруженъ рвомъ и попасть въ городъ можно было только черезъ ворота. Каждого проходившаго и пробѣжавшаго въ городъ останавливали у этихъ воротъ и брали съ него пошлины, если только онъ провозилъ или проносилъ то, что было обложено ими. Уничтоженіе этихъ пошлинъ и заставъ бельгійцы пріивѣтствовали съ великою радостью. Эта мѣра, дѣйствительно, вносила въ жизнь всего бельгійскаго народа извѣстныя удобства, давала возможность крестьянамъ ввозить въ городъ свои сбереженія, но все это лишь очень слабо улучшало матеріальное положеніе рабочихъ массъ; несравненно болѣе благоприятно отозвалась эта мѣра на развитіи торговли и промышленности, слѣдовательно болѣе всего выгоды она доставила той же буржуазіи. Стоя во главѣ правленія, представители буржуазіи никогда не заботились ни о фабричныхъ, ни о земледѣльческихъ рабочихъ, которые издавна подвергаются со стороны своихъ хозяевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ страшнѣйшей эксплуатаціи. Они не только никогда не заботились объ улучшеніи положенія рабочихъ, но даже требовали отъ государства невмѣшательства въ ихъ экономическую жизнь. Буржуазія болѣе всего боялась того, чтобы ей не пришлось дѣлить когда нибудь политическую власть съ представителями рабочаго населенія. Это опасеніе особенно обнаруживалось въ системѣ выборовъ; благодаря высокому имущественному цензу, установленному для участія въ выборахъ по конституціи 1831 г., существовало всего около 130.000 избирателей. Благодаря этому, огромное число рабочаго люда не имѣло защитниковъ своихъ интересовъ въ парламентѣ. Вотъ почему до послѣдняго времени такъ мало обращали вниманія на увеличивающіяся нужды и безработицу рабочихъ, между тѣмъ, вслѣдствіе быстрого развитія промышленности въ Бельгіи, ихъ число постоянно увеличивалось. Такое положеніе вещей уже давно возбуждало неудовольствіе въ народѣ, выражавшееся въ беспорядкахъ, стачкахъ, демонстраціяхъ, въ уличныхъ дракахъ, принимавшихъ нерѣдко грандіозные размѣры. Всѣ эти беспорядки заставили, наконецъ, въ 1848 г. понизить цензъ, которымъ обусловливалось право участія въ выборахъ, но и послѣ этого составъ парламента оставался тѣмъ же, т. е. чисто буржуазнымъ, вслѣдствіе все еще слишкомъ ограниченаго числа избирателей. Но о болѣшемъ расширеніи избирательныхъ правъ пока не могло быть и рѣчи, такъ какъ къ такой реформѣ невозможно было приступить, не измѣняя конституціи, не под-

вергая ее пересмотру. Къ тому же и рабочее сословіе въ Бельгіи въ пятидесятихъ годахъ еще мало думало о всеобщемъ голосованіи, такъ какъ оно было умственно неразвито и подавлено. Но свобода слова, печати, сходовъ, союзовъ, дарованная конституціей, возможность посѣщать все большее количество устраиваемыхъ вечернихъ школъ и лекцій, наконецъ множество дешевыхъ газетъ мало по малу просвѣщали рабочую массу и заставляли ее все съ большимъ вниманіемъ слѣдить за политическою жизнью своей страны, прислушиваться къ мнѣніямъ представителей въ парламентѣ. Передъ нею все болѣе выяснялось то, что было въ дѣйствительности, т. е., что всѣ заботы представителей государственнаго управленія преимущественно направлены на удовлетвореніе интересовъ буржуазіи и на поддержку вліянія католическаго духовенства, а что о рабочемъ сословіи никто не думаетъ. Мало по малу среди рабочихъ образовалась значительная рабочая партія (о ней будетъ сказано въ очеркѣ о рабочихъ), которая все громче начала требовать пересмотра конституціи. И дѣйствительно, всѣ наиболѣе развитые люди, мало по малу, приходили къ убѣжденію въ необходимости такого пересмотра: все чаще повторяющіяся стачки и волненія грозили серьезно нарушить весь ходъ общественной и государственной жизни. Наконецъ, въ 1892 г. вынуждены были приступить къ пересмотру конституціи. Но созванное для этого бельгійское учредительное собраніе высказалось противъ всеобщей подачи голосовъ, которой требовала въ Бельгіи преимущественно рабочая партія. Раздраженные этимъ, рабочіе угрожали общей грандіозной и неслыханной до тѣхъ поръ стачкой, если не будетъ введена всеобщая подача голосовъ. И дѣйствительно, волненіе и движеніе среди рабочихъ уже начало проявляться во многихъ мѣстностяхъ страны. Подъ давленіемъ этихъ угрозъ, члены учредительнаго собранія рѣшили принять въ 1893 г. всеобщее голосованіе, но не обычное, а сильно измѣненное, сравнительно съ другими странами; оно называется здѣсь множественнымъ голосованіемъ (*suffrage universel plural*). Выработанъ былъ новый, довольно замысловатый, избирательный законъ *), но каковы бы ни были его подробности, во всякомъ случаѣ, общее число избирателей въ Бельгіи увеличилось, сравнительно съ прежнимъ, по крайней мѣрѣ въ 10 разъ. Этотъ новый законъ о выборахъ установилъ всеобщую подачу голосовъ для населенія мужского пола, начиная съ 25-лѣтняго возраста; но это всеобщее голосованіе устроено въ высшей степени своеобразно, причемъ хотя въ основаніе положено равенство всѣхъ гражданъ, кромѣ явно недостойныхъ, но все таки данъ перевѣсъ лицамъ, матеріально болѣе другихъ обеспеченнымъ, либо такимъ, которые превосходятъ другихъ образованіемъ, слѣдовательно опять таки преимущественно буржуазіи.

*) Однимъ голосомъ пользуются всѣ граждане бельгійскіе 25 лѣтъ мужескаго пола, прожившіе не менѣе года въ общинѣ и не лишенные избирательнаго права въ силу закона. Изъ числа голосующихъ получаютъ еще второй добавочный голосъ тѣ, которые удовлетворяютъ одному изъ слѣдующихъ условий: 1) Достигшіе 35 лѣтъ, женатые или вдовцы, имѣющіе законныхъ дѣтей и платящіе не менѣе 5 франковъ личной подати съ жилья, а также освобожденные отъ этой подати по роду своихъ занятій. 2) Имѣющіе при 25-ти лѣтнемъ возрастѣ недвижимую собственность въ 2.000 франковъ по кадастру или правительственную ренту въ 100 р. годового дохода по государственной догловой книгѣ, или такой же доходъ по книгѣ сберегательной кассы, если они пользовались этимъ доходомъ не менѣе двухъ лѣтъ. Имущество жены причитается мужу, а несовершеннолѣтнихъ дѣтей — отцу. Изъ голосующихъ двумя добавочными голосами пользуются: 1) имѣющіе дипломъ отъ государственнаго или частнаго высшаго или средняго учебнаго заведенія; 2) лица, отправлявшія должности общественныя или занимавшіяся профессією, предполагающую, по крайней мѣрѣ, среднее образованіе.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Свобода сходокъ и устройство различныхъ обществъ.—Цѣль и средства этихъ обществъ.—Ихъ громадное значеніе въ странѣ и увеселенія.—Любовь къ музыкѣ и театральнымъ представленіямъ.—Бельгійская пивная.—Состязанія.—Общества стрѣлковъ прежде и теперь.—Общества больдерсовъ.—Общества поощренія игры въ шахматы, въ шашки и кости.—Состязаніе между собою членовъ общества въ подражаніи пѣтушьему крику и куриному клохтанью.—Цвѣточные выставки.—Ихъ значеніе для бельгійцевъ.—Выставки скота.—Головы быковъ, увѣнчанныя лавровыми вѣнками.—Общества распространенія голубей и канареекъ.—Раздача призовъ.—Съ какимъ восторгомъ чествуютъ побѣдителя.—Торжественныя встрѣчи королей.—Торжества новѣйшаго времени.—Церковныя братства.—Шествіе великановъ.—Святые бельгійцевъ и путешествія къ святымъ мѣстамъ.—Процессіи въ честь святыхъ.—Процессія въ Верне.—Проглатываніе живой рыбки.—Фламандскія и валлонскія игры на ярмаркахъ.—Карнавалъ: балы, увеселенія и обычаи этого времени.—Праздники для дѣтей.

Самое характерное явленіе общественной жизни бельгійцевъ—полное, безконтрольное право сходокъ, ассоціацій и всевозможныхъ обществъ. И дѣйствительно, трудно найти другую страну, въ которой бы существовали такіа оживленныя, развѣтвляющіяся на разныя подраздѣленія общества, какъ въ Бельгіи. Здѣсь можно найти торговыя, ремесленныя и земледѣльческія общества, общества скотоводства, зоологическихъ и ботаническихъ садовъ, общества разведенія плодовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ, общества поощренія наукъ и искусствъ, благотворительности, обученія, религіи, политики, безопасности и вспомошествованія, для чтенія книгъ и газетъ, общества игры, охоты, рыболовства, верховой ѣзды и стрѣлбы, танцевъ и пѣнія, общества для шутокъ, болтовни и серьезнаго дѣла, однимъ словомъ въ Бельгіи для всего существуютъ общества, на все распространилась страсть къ товариществамъ. Каждый полезный и даже бесполезный проектъ тотчасъ находитъ дружное содѣйствіе; образуются митинги или простое собраніе членовъ въ какой-нибудь пивной (*estaminet*). На членскій взносъ или на деньги, собранныя по подпискѣ, начинаютъ издавать журналъ, печатаютъ брошюры, читаютъ лекціи. Иное общество имѣетъ по нѣскольку сотенъ членовъ, другое—имѣетъ ихъ очень небольшое число, смотря по цѣли, которую оно преслѣдуетъ и по сочувствію къ нему народа. Въслѣдствіе этого одно общество существуетъ съ давнихъ поръ, другое—умираетъ на слѣдующей недѣлѣ, а его члены пристають къ новой корпораціи или измѣняютъ свою первоначальную цѣль.

Едва-ли найдется въ этой странѣ какой-нибудь городокъ или маленькая деревенька, въ которой не было-бы одного или нѣсколькихъ обществъ, а въ каждомъ большомъ городѣ ихъ безконечное число.

Торговцы, артисты, рабочіе, военные, финансисты, однимъ словомъ рѣшительно всѣ богатые и бѣдные, старые и молодые объединяются въ общества. Трудно найти бельгійца, который бы не былъ членомъ какого-нибудь общества, а большинство числится членами нѣсколькихъ обществъ. Любовь и привычка къ объединенію настолько развиты среди бельгійцевъ, что она вошла въ ихъ плоть и кровь. Цѣль огромнаго количества этихъ обществъ—устройство сообща всевозможныхъ развлеченій и торжественныхъ процессій, но между ними не мало и такихъ, члены которыхъ задаются высокими и благородными стремленіями служить на пользу рабочаго люда и его просвѣщенія: таковы, напримѣръ, общества для устройства библіотекъ, школъ, изданій дешевыхъ книгъ, чтенія лекцій, устройства народныхъ театровъ, улучшенія квартиръ бѣдняковъ; множество рабочихъ союзовъ устраиваются съ цѣлью сообща

молодежь пришла къ мысли, что общими усиліями она гораздо больше доставить себѣ удовольствій, чѣмъ можетъ пользоваться ими каждый изъ нихъ отдѣльно. Молодые рабочіе и составляютъ кружки отъ 10 до 20-ти паръ въ каждомъ, т. е. поровну — сколько мужчинъ, столько и женщинъ. Во главѣ каждаго такого кружка находится избранный членами распорядитель, которому всѣ безпрекословно повинуются. Такимъ образомъ, эти общества посѣщаютъ танцевальныя залы, вечеринки, пивныя, устраиваютъ прогулки за городъ, присутствуютъ на народныхъ театрахъ и представленіяхъ, устраиваютъ въ складчину обѣды, и все это имъ обходится гораздо дешевле, да и веселѣе въ компаніи. Съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ они ярмарочныхъ празднествъ и еще болѣе трехъ дней масленицы, къ которымъ члены начинаютъ приготовляться за нѣсколько мѣсяцевъ. Они терпятъ нужду, лишь бы прикупить лишнюю копѣйку къ этому, столь желанному, времени. Въ дни ярмарокъ и масленицы денегъ понадобится много; болѣе всего онѣ нужны для костюмовъ, которые обходятся иногда весьма дорого. Но бельгіецъ скорѣе вынесетъ всякія лишнія, а въ дни процессій непременно одѣнетъ какой-нибудь оригинальный костюмъ.

Во время праздниковъ, въ дни ярмарокъ (кermесовъ), карнавала, въ дни юбилеевъ эти безчисленные всевозможныя общества выступаютъ съ своими эмблемами, знаменами, хоругвями, съ барабаннымъ боемъ и музыкою и торжественно проходятъ по улицамъ города. Весьма многія общества имѣютъ свои собственныя помѣщенія и залы, въ которыхъ члены собираются толковать о своихъ дѣлахъ или на которыхъ выборные даютъ отчетъ въ расходахъ и приходахъ общественныхъ суммъ. Богато общество или бѣдно, но послѣ засѣданія его члены отправляются въ пивную (*estaminet*), чтобы освѣжиться. Существуетъ очень мало обществъ, которыя бы не имѣли своей пивной. Бельгіецъ не можетъ жить безъ нея: окончивъ дѣло или серьезное совѣщаніе, онъ непременно отправляется съ товарищами въ пивную, гдѣ въ компаніи курить трубку, пьютъ пиво и весело болтаютъ. Куреніе табаку сильно распространено среди бельгійцевъ, фламандецъ же совсѣмъ не понимаетъ отдыха безъ трубки, пива и непринужденной болтовни среди хорошо знакомаго круга пріятелей.

Съ жизнью обществъ соединено множество состязаній. Нигдѣ не раздають такого количества призовъ, нигдѣ не устраиваютъ такого множества состязаній, нигдѣ такъ часто не увѣнчиваютъ побѣдителей, какъ въ Бельгіи. Начиная отъ королевской академіи до самой незначительной деревенской школы, отъ общества литераторовъ и художниковъ до общества разведенія и усовершенствованія канареекъ, вездѣ вопросы о назначеніи призовъ обсуждаются безъ конца. Нѣкоторыя учрежденія этого рода, напримѣръ, выставка произведеній искусства и промышленности, преміи академіи за лучшія сочиненія, конкурсы разныхъ учебныхъ заведеній и т. п. находятъ покровительство въ самомъ государствѣ; другихъ поощряютъ общинныя власти, въ большинствѣ же случаевъ призы и преміи — естественное проявленіе жизни обществъ, обычай, который существуетъ уже болѣе пяти столѣтій и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Право составлять общества — одно изъ самыхъ древнихъ въ общественной жизни Бельгіи. Различныя общества въ этой странѣ были уже извѣстны въ XIII-мъ и XIV-мъ столѣтіяхъ. Особенно много было обществъ стрѣлковъ; они устраивали состязанія между своими членами или съ такими же обществами въ другихъ городахъ, выдавали призы за ловкость. Члены этихъ обществъ устраивали особенно много процессій, на которыхъ они являлись въ костюмахъ, стоившихъ имъ громадныхъ денегъ. Какъ въ нынѣшнее время, такъ и тогда, награждались не только ловкость, но и особенная роскошь и оригинальность костюма.

Общества стрѣлковъ имѣли громадное значеніе: они занимали первое мѣсто во фландрскомъ войскѣ. Князья, государи, епископы и аббаты не только записывались ихъ членами, но и сами принимали участіе въ состязаніяхъ. Эти общества пользовались различными льготами и правами, такъ какъ они всегда должны были быть готовыми къ бою и часто оказывали большія услуги какъ городамъ, такъ и государямъ. Вслѣдствіе этого ихъ освобождали отъ обычныхъ налоговъ, и имъ сильно покровительствовали государи и высшія лица страны. Одинъ «царь» гентскихъ стрѣлковъ былъ освобожденъ отъ податей на всю жизнь. Даже жены «королей» стрѣлковъ пользовались иногда особыми правами и, во всякомъ случаѣ, были окружены большимъ вниманіемъ и почтеніемъ, чѣмъ другія женщины.

Какъ теперь, такъ и тогда, каждое общество имѣло извѣстныя правила, свои цвѣта и гербы, установленный костюмъ для торжественныхъ дней и процессій, свой домъ для собраній, свое собственное мѣсто для упражненій; нѣкоторыя даже имѣли свои больницы. Какъ каждое общество стрѣлковъ, такъ и другія общества выбирали своимъ покровителемъ какого-нибудь святого, выбивали золотомъ или вышивали шелками его имя или изображеніе на знаменахъ и хоругвяхъ, которыя носили во время процессій и празднествъ. Дни, посвященные памяти святого, праздновались съ особеннымъ торжествомъ тѣмъ обществомъ, которое выбрало его своимъ покровителемъ. Многія общества имѣли свои собственные часовни и даже церкви, посвященные памяти своего патрона. Этимъ обстоятельствомъ и преданностью католиковъ къ святымъ своей церкви и можно объяснить существованіе многочисленныхъ часовенъ въ Бельгіи и множества запрестольныхъ образовъ. Въ Гентѣ ткачи, стрѣлки изъ самострѣловъ, стрѣлки изъ луковъ и др. имѣли свои собственные часовни и маленькія церкви, на которыя они тратили огромныя суммы. Въ назначенный для процессіи день и въ извѣстномъ мѣстѣ всѣ члены, какъ прежде, такъ и теперь, обязаны явиться въ костюмѣ, заранѣе опредѣленномъ, съ своими знаменами и знаками своей корпораціи.

Въ настоящее время торжественныя процессіи стрѣлковъ происходятъ довольно часто, особенно въ дни ярмарочныхъ праздниковъ и на страстной недѣлѣ, но власти теперь не вмѣшиваются въ ихъ дѣла, и современные общества не пользуются никакими преимуществами. Это скорѣе союзы для упражненія въ стрѣльбѣ и для другихъ увеселеній. При этомъ праздники и процессіи стрѣлковъ нынче происходятъ съ меньшимъ блескомъ и черезъ болѣе долгіе промежутки времени. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время существуетъ множество обществъ стрѣлковъ изъ самострѣловъ, которые не только упражняются въ стрѣльбѣ, но отъ времени до времени устраиваютъ и общія состязанія. Впрочемъ, при особенныхъ торжествахъ, эти стрѣлковыя общества устраиваютъ процессіи съ роскошью и пышностью прежняго времени.

Самыя многочисленныя въ настоящее время общества во Фландріи — *больдерсовы*, или игроковъ въ дискъ. На одномъ концѣ ровнаго пространства поставлена поперекъ толстая доска съ 10-ю надрѣзами. Каждый надрѣзъ снабженъ номеромъ и, смотря по тому, чрезъ какое отверстіе и съ какимъ номеромъ проскакиваетъ дискъ, и считается выигрышъ. *Больдерсы* устраиваютъ состязанія, и игра въ дискъ чрезвычайно любима въ западной Фландріи. Въ восточной Фландріи, впрочемъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, предпочитаютъ игру въ *кегли*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одно общество для поощренія игры въ кегли торжественно праздновало въ Гентѣ юбилей своего «короля». При этомъ юбиляру поднесли золотую табакерку; послѣ обѣда состязались въ кегли на дорогіе призы; вечеромъ устроили фейерверкъ. Женщины точно также принимаютъ участіе въ увеселеніяхъ, устраиваемыхъ обще-

ствами, и въ состязаніяхъ, на которыхъ выигрываютъ призы. Изъ другихъ обществъ для игры, устраивающихъ состязанія, можно назвать: общества поощренія игры на билліардѣ, въ шахматы, шашки и даже въ кости, члены которыхъ отъ времени до времени приглашаютъ другъ друга на состязаніе. Иногда происходятъ даже состязанія въ подражаніе *пѣтушьему крику* и *куриному клохтанью*; призами служатъ серебряная медаль и живой пѣтухъ; побѣдителю устраиваютъ торжественную серебряную-кукуреку.

Самую замѣчательную и поэтическую картину представляютъ состязанія обществъ поощренія садоводства и цвѣтоводства или цвѣточные выставки, ежегодно устраиваемыя во всѣхъ большихъ городахъ, а особенно въ Гентѣ, который въ этомъ отношеніи считается первымъ городомъ, любимымъ отечествомъ самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ и растений. Его цвѣты отправляютъ во всѣ части свѣта. Одинъ изъ 10 огромныхъ садовъ Гента занимаетъ площадь болѣе, чѣмъ въ 40 моргеновъ, на которой ежегодно разводятъ около 75,000 розовыхъ кустовъ, что даетъ занятіе цѣлой арміи садовниковъ и множеству рабочихъ рукъ. Въ нѣкоторыхъ садахъ Гента, во всякое время года, можно найти свѣжія камелии, розы и азалии всевозможныхъ родовъ. Въ разведеніи тепличныхъ растений никто не можетъ сравниться съ садоводами Гента. Тутъ существуетъ множество обществъ садоводства, которыя занимаютъ цвѣтами цѣлыя поля. Можно себѣ представить, какой видъ имѣетъ цвѣточная выставка въ Гентѣ! Зрители приходятъ тысячами полюбоваться и посмотреть новыя экземпляры. Нѣкоторыя общества садоводства тратятъ по 100,000 франковъ для приобрѣтенія новыхъ растений. Когда на выставкѣ появляется какое нибудь новое растеніе, такое событіе можетъ взволновать городъ. Нерѣдко послѣ выставки можно видѣть слѣдующее: нанимаютъ большую парадную коляску, ставятъ въ нее пьедесталъ, покрытый какою нибудь шелковою матеріею, а на него цвѣтокъ въ разукрашенной вазѣ и въ сопровожденіи безчисленной толпы народа, съ музыкой, торжественно провозятъ его по всѣмъ улицамъ города.

Болѣе прозаичны, но имѣютъ еще болѣе значенія выставки скота. Онѣ даютъ поводъ къ соревнованію хозяевъ и различныхъ обществъ и такимъ образомъ оказываютъ хорошее вліяніе на сельское хозяйство Бельгіи. За самый жирный и тяжелый убойный скотъ въ различныхъ провинціяхъ правительство каждый годъ выдаетъ призы, отъ 50 до 800 франковъ за каждую голову скота. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ раздачи наградъ, головы телятъ, свиней, барановъ и быковъ уже побѣдоносно выставлены въ окнахъ извѣстныхъ мясниковъ города. Прежде, чѣмъ поставить за стекла магазиновъ головы побѣдителей, мясники выстригаютъ имъ шерсть и украшаютъ ихъ цвѣтами, лавровыми вѣнками и пестрыми флагами, съ медалями или съ похвальными отзывами во рту. Существуютъ любители и гастрономы, которые тотчасъ являются въ магазины, въ окнахъ которыхъ выставлены увѣчанныя головы, и покупаютъ за возвышенную плату мясо этихъ животныхъ. Купившій такое мясо сзываетъ своихъ пріятелей на обѣдъ; при этомъ много пьютъ и еще больше говорятъ рѣчей. Нечего и говорить о томъ, что мясники въ это время чрезвычайно наживаются, часто продавая мясо животныхъ, не получившихъ никакой награды.

Съ особенною любовью разводятъ также голубей. Антверпенъ—главное средоточіе любителей этихъ птицъ. Впрочемъ, не только антверпенцы, но, вообще, всѣ бельгійцы со страстью занимаются разведеніемъ голубей и ихъ воспитаніемъ. Нечего и прибавлять, что существуетъ много обществъ поощренія разведенія этихъ птицъ, происходятъ выставки, раздаютъ призы. Съ такою же любовью разводятъ канареекъ въ Антверпенѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Бельгіи. На выставкѣ этихъ

птицъ назначаютъ обыкновенно множество призовъ: одни—для пестрыхъ самцовъ, другіе—для пестрыхъ самокъ, для желтыхъ самцовъ и желтыхъ самокъ. «Я видѣлъ», говоритъ одинъ писатель, «этихъ побѣдоносныхъ птичекъ; но, не будучи посвященъ въ таинство разведенія птицъ, я не могъ понять, за что именно онѣ получили призъ. Одинъ изъ экспонентовъ замѣтилъ, что я съ недоумѣніемъ смотрю на его увѣнчанную канарейку; онъ поставилъ клѣтку къ свѣту и началъ выводить рукою какія то линіи и круги въ воздухѣ, прищелкивалъ языкомъ и производилъ какой-то свистящій звукъ. Когда птица, по его мнѣнію, находилась въ самомъ выгодномъ положеніи, онъ смотрѣлъ на меня молча, но взглядъ его ясно говорилъ: «развѣ эта птица не стоитъ всѣхъ призовъ?»

Выставки и раздачи призовъ сопровождаются различными торжествами. Залы украшаютъ флагами, выставляютъ изображеніе «короля», т. е. человѣка, получившаго первый призъ за то или другое, но болѣе всего при этомъ говорятъ рѣчей, высказывая въ нихъ патріотическія чувства. Ни одно празднество не обходится въ Бельгіи безъ рѣчей и ни одна рѣчь—безъ выраженія патріотическихъ чувствъ. И такъ какъ каждый разъ выраженія этихъ чувствъ встрѣчаются громомъ аплодисментовъ, то можно себѣ представить, сколько говорятъ рѣчей и сколько аплодируютъ въ этой странѣ. Право, можно повѣрить тому, что аплодисменты—бельгійское изобрѣтеніе. Наиболѣе удачныя рѣчи, произнесенныя на томъ или другомъ празднествѣ, и имена ораторовъ тотчасъ дѣлаются извѣстными публикѣ. Всѣ бельгійскія газеты охотно печатаютъ ихъ, такъ какъ это нравится публикѣ, хотя бельгійскіе ораторы произносятъ свои рѣчи всегда на одинъ ладъ. Когда имена побѣдителей, т. е. людей получившихъ призы на состязаніяхъ, конкурсахъ или выставкахъ, объявлены, ихъ друзья говорятъ о нихъ съ гордостью. Побѣдителю устраиваютъ пиръ, задаютъ серенаду, дѣлаютъ его почетнымъ членомъ какого нибудь общества, къ которому онъ еще не принадлежалъ, заказываютъ даже медали, на которыхъ выбиваютъ число и годъ или начальныя буквы его имени и каждый разъ говорятъ при этомъ рѣчи. Фламандецъ высоко цѣнитъ остроуміе и веселость, и если побѣдитель сумѣетъ отвѣтить бойкою и веселою рѣчью, восторгамъ нѣтъ конца.

Вы иногда случайно вѣзжаете въ какой нибудь маленькій бельгійскій городокъ. Дома улицы, по которой вы проѣзжаете, сплошь украшены флагами, коврами, вѣнками. Здѣсь и тамъ устроены триумфальныя арки, и вы навѣрно подумаете, что въ этотъ день сюда ждутъ короля или кого нибудь изъ членовъ его семейства. Между тѣмъ все это устроено въ честь мальчика, получившаго призъ за лучшую школьную работу. Нерѣдко улица украшена арками и дома убраны флагами и цвѣтами только потому, что въ ней живетъ мясникъ, купившій быка, получившаго призъ на выставкѣ. И такъ, чтобы привести въ волненіе всю улицу, разукрасить ее триумфальными арками, дома зеленью и флагами, устроить вечеромъ иллюминацію, здѣсь не нужно быть ни коронованнымъ лицомъ, ни доблестнымъ героемъ родины. Виновиномъ торжества здѣсь можетъ быть всякій, хотя нѣсколько отличившійся на какомъ нибудь поприщѣ дѣятельности или просто даже въ игрѣ: ребенокъ бѣдно одѣтый, литераторъ, художникъ, мясникъ, стрѣлокъ, однимъ словомъ всякій, получившій призъ. Всѣ эти торжества бельгійцы устраиваютъ чрезвычайно быстро. Только что сдѣлалось извѣстнымъ, что ученикъ, который живетъ въ такой-то улицѣ, получилъ награду, и черезъ полчаса, когда онъ возвращается домой, улица уже имѣетъ праздничный видъ. Это происходитъ оттого, что каждый домъ имѣетъ извѣстныя украшенія, каждая улица свои триумфальныя арки, флаги, вѣнки, вензеля, ленты,

все это уже давно существует, легко может быть возобновлено, и часто вполне достаточно часа времени, чтобы украсить весь городъ. Молодой поэтъ Биле получилъ первый призъ, состоящій изъ медали и 200 франковъ деньгами за весьма посредственное стихотвореніе «Несравненный бельгіецъ». Когда этотъ поэтъ, послѣ торжественной раздачи наградъ, возвращался назадъ, жители маленькаго города, въ которомъ онъ родился, устроили ему торжественную встрѣчу. Въ процессіи принимало участіе болѣе 30 обществъ съ флагами, около 40 экипажей выѣхали ему навстрѣчу. Люди, принявшіе участіе въ этомъ торжествѣ, были не только его друзья: тутъ были многія власти города, національной гвардіи и гарнизона; дома улицъ, по которымъ должна была пройти эта процессія съ поэтомъ во главѣ, были по обыкновению украшены.

Такое живое участіе и проявленіе радости, несмотря на преувеличеніе, чрезвычайно симпатично. Эти торжества, эту безумную радость, которую проявляетъ общество, когда одинъ изъ его членовъ хотя чѣмъ нибудь отличился, нельзя, конечно, исключительно приписать глубокому сочувствію бельгійскаго народа къ наукамъ, поэзій, искусствамъ и промышленности; въ нихъ болѣе всего выражается страсть народа къ зрѣлищамъ, веселью, пирамъ, къ дружнымъ сходкамъ. Тѣ, кому удалось видѣть въ Бельгіи церковныя процессіи, приписываютъ ихъ религіозному рвенію бельгійцевъ; кто былъ свидѣтелемъ, съ какимъ торжествомъ встрѣчаютъ бельгійцы своего короля Леопольда, какъ безъ сожалѣнія бросаютъ они цѣлые милліоны на юбилейныя торжества, процессіи и праздники при бракосочетаніи кого нибудь изъ королевскаго семейства,—приписываетъ это глубокой преданности престолу. Но то и другое объясненіе совершенно ошибочно: всѣ эти торжества краснорѣчиво говорятъ лишь о природной склонности народа къ блестящимъ зрѣлищамъ. Бельгійцы всегда торжественно встрѣчали своихъ государей. Ихъ «joyeuses entrées» извѣстны всему свѣту, и они устраивали ихъ не только королямъ, которыхъ они любили, но и тѣмъ, которыхъ ненавидѣли. При этомъ, какъ прежде, такъ и теперь, на эти торжественныя вѣзды тратились безумныя деньги. Въ самыя тяжелыя времена фламандцы никогда не могли побороть свою страсть къ зрѣлищамъ.

Филиппъ Добрый въ 1453 году обошелся очень строго съ возмущившимися гентцами: двѣ тысячи самыхъ знатныхъ гражданъ за полмили должны были выйти къ нему навстрѣчу, босикомъ, съ непокрытыми головами. Знамена должны были быть выданы, ворота, чрезъ которыя вышли возмущившіеся, были забиты навсегда, и гентцы потеряли многія права; но, несмотря на все это, тому же Филиппу былъ устроенъ блестящій приемъ. Передъ воротами его встрѣтили съ зажженными факелами, и при приближеніи королевскаго поѣзда всѣ упали на колѣни. Точно также отнеслись къ нему брюггенцы: они помирились съ своимъ герцогомъ и выказали при этомъ самыя рабскія чувства. Его вѣздъ былъ отпразднованъ рядомъ замѣчательно блестящихъ торжествъ. На перекресткахъ всѣхъ улицъ были устроены триумфальныя арки и другія украшенія; во многихъ мѣстахъ стояли группы трубачей и музыкантовъ съ арфами, лютнями, флейтами, свирѣлями, тамбуринами. Живыя картины съ объяснительными надписями устроены были на подмосткахъ, на всѣхъ углахъ улицъ. Нѣкоторыя изъ картинъ отличались необыкновенною наивностью; такъ, напримѣръ, былъ представленъ Іовъ, сидящій на навозной кучѣ; съ одной стороны его стояли музыканты, съ другой его сварливая жена. Брюггенцы хотѣли этимъ выразить, что они находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи и надѣются только на своего повелителя. Въ другомъ мѣстѣ видна была Марія Магдалина, упавшая къ ногамъ Спасителя. При этой картинѣ была надпись, въ которой заключался намекъ на про-

винившихся, но покаявшихся бруггенцевъ. Въ бассейнѣ, на рыночной площади, плавали наяды и морскія божества. Надъ фонтаномъ бассейна были устроены подмостки, на которыхъ сидѣли мальчики и пѣли хоромъ.

Но болѣе всего торжественныхъ процессій, представленій, состязаній, праздниковъ и всевозможныхъ зрѣлищъ было во время царствованія Карла V. Несмотря на его жестокость, онъ былъ самымъ популярнымъ государемъ. Это болѣе всего можно объяснить себѣ тѣмъ, что онъ, почти послѣ двухъ столѣтій, былъ первымъ изъ правителей, который свободно говорилъ на языкѣ своего народа, не чувствовалъ антипатіи къ зрѣлищамъ и нисколько не стѣснялъ бельгійцевъ устраивать ихъ. Напротивъ, понявъ, что любовь къ зрѣлищамъ—величайшая страсть народа, онъ выказывалъ къ нимъ большое расположеніе. Онъ требовалъ только, чтобы народъ оставилъ свои мечты о свободѣ и аккуратно доставлялъ ему денежныя средства. Однако, несмотря на любовь къ Карлу V, гентцы были, наконецъ, возмущены постояннымъ увеличеніемъ податей для непрерывныхъ войнъ. Произошло возстаніе, но Карлъ скоро усмирилъ непослушныхъ. Гентцы должны были просить у него прощенія на коѣняхъ, босикомъ и *съ веревками на шеѣ*. Карлъ ограничилъ нѣкоторыя права народа, главныхъ зачинщиковъ возмущенія казнилъ, а другихъ изгналъ изъ страны. Даже большой колоколъ Роландъ, который такъ часто сзывалъ бельгійцевъ къ возстанію, на этотъ разъ былъ также осужденъ: его сняли, и онъ былъ объявленъ конфискованнымъ. Но раздоръ продолжался недолго: Карлъ находилъ болѣе выгоднымъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими подданными. Въ 1544 году старый Роландъ былъ торжественно повѣшенъ на башнѣ, и когда осенью того же года былъ заключенъ миръ между императоромъ и королемъ французамъ, вся Бельгія праздновала устраненіе французскихъ притязаній. Сыну его Филиппу II тоже устраивали торжественныя встрѣчи и празднества. Но онъ мало находилъ для себя удовольствія въ выраженіи радости своихъ подданныхъ. Несмотря на предостереженія и совѣты своего отца, Филиппъ держалъ себя сурово и угрюмо во время всѣхъ процессій, устраиваемыхъ въ честь его. Брюссельцы придумали, однако, средство, которое поколебало даже суровость Филиппа. На одномъ изъ многочисленныхъ экипажей праздничнаго поѣзда находился органъ, трубы котораго были замѣнены ящиками, гдѣ помѣщены были кошки, и такимъ образомъ, что ихъ хвосты были соединены съ клавишами органа. Когда музыкантъ, наряженный медвѣдемъ, ударялъ по клавишамъ, раздавалась настоящая кошачья музыка, подъ которую плясала цѣлая толпа ребятъ, переряженная обезьянами, собаками и медвѣжатами. Во время волненія и войнъ при Филиппѣ II обычныя празднества часто пріостанавливались. Многія общества были запрещены, другія ограничены или находились подъ строгимъ надзоромъ. Но врожденная склонность народа проснулась снова, когда король рѣшился отречься отъ Нидерландъ въ пользу своей дочери Изабеллы. Несмотря на долготѣнній застой промысловъ, на безконечныя бѣдствія и притѣсненія, которыя пришлось вынести странѣ во время правленія Филиппа II, въ процессіяхъ и торжествахъ, которыми встрѣтили въѣздъ Изабеллы, бельгійцы проявляли замѣчательную роскошь.

Изъ послѣдующихъ правителей Нидерландъ императоръ Іосифъ II не покровительствовалъ бельгійскимъ торжествамъ. Онъ особенно не любилъ, когда празднества устраивались лично для него. Когда въ 1781 году онъ посѣтилъ Бельгію, чтобы познакомиться съ положеніемъ страны, онъ старался дѣлать все, чтобы не обращать на себя вниманія: выходилъ изъ дворца черезъ заднія двери и старался быть неузнаннымъ. Во время его правленія сокращали расходы для празднествъ и въ виду этого отмѣнили фейрверки. Многіе объясняютъ, что преобразованія и нововведенія

Иосифа встрѣтили въ Нидерландахъ такое сопротивленіе прежде всего потому, что онъ стѣснялъ проявленія веселаго темперамента народа, его страсть къ зрѣлищамъ. Когда въ 1786 г. было объявлено запрещеніе и ограниченіе нѣкоторыхъ ярмарочныхъ празднествъ, процессій и зрѣлищъ, когда костюмы и знамена гильдій подвергались опалѣ, когда во время процессій была запрещена музыка и сказочныя представленія, когда бельгійцы не смѣли болѣе возить по улицамъ во время процессій своихъ любимыхъ великановъ, недовольство едѣлалось общимъ; послѣ этого скоро созрѣла и брабантская революція.

Когда во время правленія французовъ Наполеонъ посѣтилъ Брюссель, его встрѣтили цѣлымъ рядомъ блестящихъ празднествъ, продолжавшихся нѣсколько дней, и затѣмъ ихъ устраивали при Леопольдѣ I *) и при настоящемъ королѣ Леопольдѣ II.

Бельгійцы и въ настоящее время, такъ-же, какъ и прежде, страстно любятъ устраивать шумныя празднества съ разнообразными процессіями, чтобы участвующіе въ нихъ были разодѣты въ золото, пурпуръ и оригинальные костюмы, чтобы торжественное шествіе двигалось при звукахъ музыки многочисленныхъ оркестровъ, однимъ словомъ, чтобы все въ это время шумѣло, пестрѣло, блестѣло, привлекало слухъ и зрѣніе, веселило бы душу самаго мрачнаго человѣка. Во время наиболѣе торжественныхъ празднествъ обыкновенно выступаютъ и «историческія колесницы». Чего только вы тутъ не увидите! И колоссальную статую того или другого города, игравшаго наиболѣе видную роль въ прошлой жизни бельгійцевъ, предшествуемую трубачами въ бѣлыхъ одеждахъ и съ крыльями за плечами, и спящую красавицу, и Орфея въ царствѣ Плутона, Женевьеву Брабантскую, Апполона съ музами и т. д. Всѣ эти колесницы обыкновенно ярко освѣщены электрическимъ свѣтомъ; имъ предшествуютъ пѣшіе и конные въ кирасахъ, всадники и всадницы въ оригинальномъ женскомъ уборѣ, съ толпою пажей, крестьяне съ знаменами, эмблемами и хоругвями. Очень часто особенно поражаетъ тотъ или другой cortege неслыханнымъ блескомъ и дороговизной костюмовъ участвующихъ въ немъ лицъ.

Характеръ нынѣшнихъ процессій и торжествъ въ главныхъ чертахъ напоминаетъ прошлыя времена. Это видно изъ того, что коммиссія, разсылая программу предстоящихъ празднествъ и объясняя причину, почему она желаетъ ввести и представить въ лицахъ ту или другую картину изъ прошлой жизни, прямо ссылается на древнія преданія. Только теперь эти историческія процессіи все болѣе и болѣе разнообразятъ представленіями изъ современной жизни. За великолѣпными экипажами Карла V, Филипа II и другихъ бывшихъ королей страны, со свитою этихъ государей и ихъ приближенными, нерѣдко появляются экипажи, олицетворяющіе земледѣліе. Громадный плугъ блеститъ позолотой, украшенъ гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ и колосеьевъ. Плугъ сопровождаютъ деревенскіе рабочіе съ различными земледѣльческими орудіями. При особенно значительныхъ торжествахъ каждая провинція высылаетъ экипажъ, олицетворяющій ея главнѣйшую отрасль производства. Лувенцы выдѣлываютъ лучшее пиво, и экипажъ, посылаемый ими, прославляетъ пивоваренное производство ихъ города. Гентъ вѣчно прославляетъ свое цвѣтоводство. Каждый праздникъ, конечно, чѣмъ-нибудь разнообразится, но въ главныхъ чертахъ эти празднества носятъ одинъ и тотъ же характеръ.

Въ Бельгіи существуютъ и церковныя общества или братства. При церковныхъ процессіяхъ, устраиваемыхъ этими братствами, прежде всегда происходилъ страстно любимый народомъ «омегангъ», т.-е. *шествіе великановъ*, что можно ви-

*) Леопольдъ I былъ первый бельгійскій король, вступившій на престолъ въ 1831 году, — отецъ нынѣшняго короля Леопольда II-го, вступившаго на престолъ въ 1865 году.

дѣтъ и въ наше время, только далеко не такъ часто, какъ прежде. Каждую изъ этихъ исполинскихъ фигуръ съ большими глазами несутъ во время процессій спря-танный подъ нею человекъ. Для того, чтобы носить «великановъ», выбираютъ особенно сильныхъ людей, такъ какъ этихъ великановъ при пѣніи народа приходится повертывать чуть ли не каждую минуту, а это весьма трудно для носильщиковъ,—бывали случаи, когда они совершенно изнемогали. По объясненію однихъ, это и служить поводомъ къ сокращенію процессій съ великанами, другіе видятъ въ этомъ желаніе правительства сократить расходы при процессіяхъ. Едва-ли найдется городъ во Фландріи и Брабантѣ, который бы не имѣлъ своихъ великановъ; ихъ до сихъ поръ можно видѣть даже въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Для бельгійца праздникъ не въ праздникъ, если не устроенъ «омегангъ», и верхомъ блаженства для себя онъ считаетъ шествіе великановъ, на которое приглашены великаны другихъ городовъ. Трудно изобразить, какой эффектъ въ публикѣ производитъ объявленіе въ программѣ фламандскаго сельскаго праздника о томъ, что «великаны появятся на этомъ разѣ въ новыхъ костюмахъ». По случаю особенно торжественныхъ празд-нествъ и въ настоящее время приглашаютъ въ гости «великановъ» съ ихъ семьями изъ другихъ городовъ. Каждый городъ славится своимъ особымъ великаномъ и не-рѣдко вмѣстѣ съ его многочисленною семьею. Такъ, въ Брюсселѣ громкую славу стя-жалъ «Janneken en Mieke» (Жанъ и его супруга Микенъ), въ Лувенѣ—Герку-лесъ и жена его Мегера, въ Ати—Голиафъ съ женою и дѣтьми; въ Малиньи—семья великановъ, состоящая изъ дѣда, отца, матери и трехъ дѣтей обоего пола; чудо-вищный Друонъ—въ Антверпенѣ. Этотъ великанъ такого громаднаго роста, что въ дни праздничныхъ торжествъ его никогда нельзя посылать въ другіе города уже потому, что всѣ ворота для него слишкомъ низки. Онъ изображенъ въ видѣ рим-скаго воина съ вызолоченнымъ шлемомъ на головѣ и считается мастерскимъ произ-веденіемъ временъ Карла V. Жена этого великана должна была сначала изображать городъ Антверпенъ, но потомъ превращена была въ Минерву. Обѣ эти фигуры самыя выдающіяся лица шествія, которое до сихъ поръ совершается во вторникъ послѣ Успенія Божьей Матери. Это шествіе открываютъ музыканты; за ними появ-ляется китъ, на которомъ сидитъ купидонъ. Онъ одѣтъ въ розовое платьѣ съ зеле-нымъ вѣнкомъ на головѣ, и вмѣсто лука и стрѣлы у него въ рукахъ мѣхъ съ водою. Онъ направляетъ струю воду то въ толпящійся кругомъ народъ, то въ окна домовъ, которыя переполнены зрителями. За китомъ слѣдуютъ дельфины, на которыхъ си-дятъ дѣти, одѣтыя ангелами. Сзади нихъ кони тащутъ трехмачтовое судно, окру-женное маленькими шлюпками. Дѣти, которыя сидятъ въ нихъ, одѣты въ бѣлое; затѣмъ выступаетъ вторая группа музыкантовъ: она идетъ впереди двухъ велика-новъ, за которыми слѣдуютъ парадныя кареты; въ нихъ сидятъ группы людей, изо-бражающія въ аллегорической формѣ различныя искусства, науку, литературу или историческія событія. Позади можно видѣть иногда коня Баярда. Въ нѣкото-рыхъ городахъ его выводятъ съ четырьмя жеребятами, но самый знаменитый и огромный конь хранится въ Термондѣ, въ домѣ городской ратуши. Его въ высшей степени художественная голова принадлежитъ, какъ говорятъ, рѣзцу одного приго-вореннаго къ смерти узника, которому будто-бы за эту работу возвратили жизнь и свободу. Этого коня во время шествія великановъ несутъ болѣе 30-ти человекъ, которые совершенно скрыты подъ покрываломъ, свѣшивающимся съ коня. Какъ-бы много людей ни взялось нести этого коня, ихъ обязанность все-таки оказывается въ высшей степени тяжелою, такъ какъ на немъ, въ огромномъ сѣдлѣ, сидятъ еще четыре юноши, одѣтыхъ въ латы. Конь останавливается передъ домами знатныхъ

гражданъ города и дѣлаетъ поклонъ. На площади, въ разныхъ мѣстахъ, стоитъ нѣсколько маленькихъ пушекъ, изъ которыхъ стрѣляютъ въ Баярда и въ сидящихъ на немъ всадниковъ. Благородный конь становится на дыбы и дѣлаетъ то направо, то налево фронтъ врагамъ. Послѣ долгой борьбы онъ остается побѣдителемъ и отправляется въ обратный путь къ ратушѣ среди радостныхъ криковъ окружающей его толпы. Музыка во время всего шествія наигрываетъ мелодію пѣсни, которую въ это время поютъ тысячи человѣческихъ голосовъ: «вотъ поднялся конь Баярдъ, вышелъ подъ огонь непріятельскій, а конь Баярдъ—простая лошадь съ веревкою на хвостѣ». И дѣйствительно, хвостъ коня Баярда чрезвычайно длинный и сдѣланъ болѣе, чѣмъ изъ тридцати обыкновенныхъ лошадиныхъ хвостовъ, связанныхъ веревкою. Шествіе великановъ производитъ необыкновенное впечатлѣніе. Пѣсня великановъ, которую поютъ при такихъ шествіяхъ, оканчивается припѣвомъ: «повернись одинъ разъ»; при этомъ фигуру заставляютъ повернуться или плясать.

Въ прежнія времена папы сильно поддерживали путешествія народа къ святымъ мѣстамъ, которыя существуютъ въ Бельгіи до сихъ поръ и совершаются очень часто, такъ какъ у бельгійцевъ безчисленное число святыхъ и вѣра въ нихъ не изсякла и въ настоящее время. Каждое общество, каждая отрасль труда, ремесла, промысла, сословія имѣютъ своего собственнаго святого патрона или патронессу. Множество святыхъ защищаютъ человѣка специально противъ той или другой напасти или болѣзни, покровительствуютъ ему во время путешествія, войны и т. п. Болятъ глаза—отправляются на поклоненіе къ одному святому, заболятъ зубы—совсѣмъ въ другую мѣстность и къ другому святому, падетъ скотъ—къ третьему, и такъ до безконечности. Иногда, впрочемъ, одинъ и тотъ же святой или святая сразу исцѣляютъ отъ нѣсколькихъ болѣзней.

Св. Блезъ чудесно исцѣляетъ горло; къ нему прибѣгаютъ также родители идіотовъ, которымъ онъ, по понятіямъ бельгійцевъ, можетъ открыть разумъ. *Св. Антуанъ*, которому посвящено въ Бельгіи болѣе 40 церквей, избавляетъ скотъ отъ чумы и разныхъ другихъ болѣзней. Въ церкви, специально посвященной памяти этого святого, 17 января, приносятъ со всѣхъ сторонъ головы свиней. Въ тотъ же день послѣ службы эти головы публично продаютъ въ пользу церкви. Бѣдные крестьяне, которые не могутъ купить голову свиньи, приносятъ этому святому въ даръ голубей, куръ, утокъ. *Св. Антоллина* исцѣляетъ зубную боль. Подлѣ церквей, посвященныхъ ея имени, продаютъ свурки изъ краснаго шелка, которые носятъ на шеѣ противъ зубной боли. *Св. Гертруда*—патронесса странствующихъ и путешествующихъ. Къ этой святой стекаются на поклоненіе тысячи крестьянъ, берутъ воду, которая стоитъ въ церкви, посвященной ея памяти, и, возвратившись домой, брызгаютъ ею въ поляхъ и огородахъ. Народъ вѣритъ, что вода этой святой избавляетъ землю отъ крысъ и мышей, а этому придаютъ здѣсь огромное значеніе. Для уничтоженія мышей, кротовъ и различныхъ гадовъ, вредныхъ для полей, здѣсь во многихъ селахъ существуютъ даже особые общества. Каждое такое общество имѣетъ своего распорядителя и ежемѣсячныя собранія, на которыхъ каждый членъ обязанъ представить, по крайней мѣрѣ, двѣ мышиныхъ головы или столько же кротовыхъ хвостовъ въ доказательство того, что онъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ преслѣдуетъ этихъ животныхъ. Неисполнившій этого обязанъ заплатить штрафъ, а тотъ, кто въ концѣ года представитъ наибольшее количество головъ и хвостовъ, получаетъ премію и титулъ «короля». Народъ, который такъ энергично преслѣдуетъ гадовъ, приносящихъ вредъ его полямъ, естественно питаетъ глубокое уваженіе къ святой, избавляющей отъ нихъ. Вотъ потому-то св. Гертрудѣ и посвящено въ странѣ

болѣе 40 церквей. *Св. Анна*—мать Богородицы. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ Бельгiи, гдѣ восторженное, глубокое почитаніе дѣвы Маріи, какъ и во всѣхъ католическихъ странахъ, сильно распространено среди народа, ея мать пользуется большимъ почитаніемъ. Ей посвящено въ странѣ 37 церквей; она патронесса множества братствъ, а портнихи, прачки, кружевницы считаютъ ее своею покровительницею. *Св. Николаю*, самому популярному изъ всѣхъ святыхъ, посвящено 106 церквей: лодочники, красильщики, маляры, бочары и множество другихъ ремесленниковъ считаютъ его своимъ патрономъ. Въ Гентѣ существуетъ даже Богоматерь «*наступи на ногу*». Во второе воскресенье послѣ Пасхи молодежь обою пола собирается къ воротамъ, и парни выбираютъ себѣ на лѣто подругу; о своемъ желаніи они даютъ знать дѣвушкамъ, наступая ей на ногу. Поэтому и существуетъ Богоматерь «*наступи на ногу*». Небольшой городокъ Гааль привлекаетъ бездѣтныхъ родителей, которые желаютъ имѣть дѣтей. Многочисленныя изображенія дѣтей и другіе знаки обѣтовъ, находящіеся въ тамошней часовнѣ, доказываютъ, что слава Богородицы вполнѣ заслужена. Одна семья почувствовала однажды на себѣ излишнее благоволеніе Богородицы, и послѣ 7-го ребенка мужъ сталъ уговаривать жену взять обратно съ гаальской Богоматери всѣ пожертвованія, опасаясь, что иначе ея благодать сдѣлается для него горемъ. Много колодцевъ, которые излѣчиваютъ отъ лихорадки: это служитъ доказательствомъ, что жители низменныхъ частей страны, и особенно западной Фландріи, сильно страдаютъ отъ этой болѣзни. Вѣра въ святость этихъ ключей вѣроятно очень древняя.

Въ процессіяхъ въ память того или другого святого или святой принимали участіе драматическія общества, которыя устраивали представленія и живыя картины изъ жизни того святого, котораго чествовали. Нерѣдко обращеніе къ святымъ во время этихъ процессій было чрезвычайно оригинально. Въ день св. Михаила, когда носили изображеніе этого святого, при каждой остановкѣ изображеніе святого поворачивали во всѣ стороны, и голоса изъ толпы кричали во все горло: «Св. Михаилъ, обрати благосклонный взоръ на мою рѣпу», другіе просили обратить вниманіе на морковь и т. п. По окончаніи этихъ процессій нерѣдко заходили въ какую-нибудь пивную вмѣстѣ съ изображеніемъ святого. Однажды при этомъ всѣ такъ перепились, что хозяинъ пивной хотѣлъ взять въ залогъ изображеніе святого, такъ какъ присутствующимъ уже нечѣмъ было болѣе расплатиться. Въ вербное воскресенье и во многіе другіе дни по улицамъ таскали на веревкахъ большія картины, изображавшія тотъ или другой моментъ изъ жизни Іисуса. При этомъ обыкновенно происходили драки за честь тащить картину. Кромѣ того, во время церковныхъ празднествъ происходили въ церквахъ разныя представленія. Вплоть до нынѣшняго столѣтія въ праздникъ Благовѣщенія спускали со сводовъ маленькаго пѣвчаго въ видѣ ангела. Это представленіе было запрещено только тогда, когда веревка оборвалась, и бѣдный ангелъ, несмотря на свои крылья, сломалъ себѣ шею. Въ большинствѣ случаевъ церковныя процессіи состояли изъ множества колесницъ съ разнообразными группами, представлявшими событія изъ жизни святыхъ, времена года, стихіи. Въ нихъ участвовали и животныя: павлинъ, орелъ, левъ, драконъ, единорогъ, пеликанъ, крокодилъ, верблюдъ и др. Въ большинствѣ случаевъ эти животныя имѣли подходящую свиту: единорогъ слѣдовалъ за колесницею, изображавшею Парнасъ съ девятью музами, и т. п.

Эти церковныя процессіи чрезвычайно часто происходятъ и въ настоящее время, но все-же несравненно рѣже прежняго, и хотя въ главныхъ чертахъ онѣ сохранили тотъ же характеръ, но уже съ большими измѣненіями въ мелочахъ. Одна

только церковная процессія въ Вёрне остается почти неизмѣнною и въ настоящее время совершается ежегодно. Она происходитъ въ послѣднее воскресенье іюля мѣсяца. Кромѣ членовъ братства «страданія Христа» и мѣстнаго духовенства, въ этой процессіи принимаютъ участіе и другія лица, въ особенности кающіяся, какъ мужчины такъ и женщины. Постороннія лица, если они хотятъ участвовать въ процессіи, должны внести извѣстную плату, за что они получаютъ все предметы для участія въ процессіи. Только роли евреевъ, на которыя обыкновенно нѣтъ охотниковъ, раздаются бесплатно. Эта процессія продолжается нѣсколько часовъ и проходить по всемъ главнымъ улицамъ города. На кающихся мужчинахъ надѣта власяница съ капюшономъ, которая дѣлаетъ ихъ совсемъ незнаваемыми, такъ какъ только глаза остаются открытыми. Кающіяся женщины идутъ босикомъ, въ темныхъ платьяхъ, съ платкомъ, наброшеннымъ на голову, который закрываетъ имъ все лицо, кромѣ глазъ, и съ крестомъ въ рукахъ. Мужчины, обыкновенно около 100 человекъ, идутъ подъ тяжестью различныхъ орудій и тащутъ за собою тяжелые кресты и большіе желѣзные шесты. Нѣкоторые изъ этихъ орудій покаянія вѣсятъ до 80 фунтовъ, и потому ихъ не несутъ, а тащутъ. Другіе участвующие идутъ съ орудіями пытки и съ различными предметами изъ исторіи страданія Спасителя: одинъ съ терновымъ вѣнкомъ, другой несетъ три гвоздя, третій копье, губку, багряницу, кости, долженствующія напомнить тѣ, которыми метали жребій объ одеждѣ Спасителя, факелы, желѣзную перчатку, веревки, лѣстницы, фонари, рукомойникъ Пилата, копелекъ Іуды съ 30-ю сребренниками, разорванную завѣсу. При этомъ несутъ также исполнинскую трещотку, смыслъ которой совершенно непонятенъ. Впрочемъ, можетъ быть она напоминаетъ тѣ трещотки въ католическихъ церквахъ, которыя употребляютъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ вмѣсто церковныхъ колоколовъ. Эту трещотку несутъ передъ гробомъ, за которымъ слѣдуютъ три дѣвушки, изображающія трехъ Марій съ горшечками елея. Нѣкоторые несутъ изображенія и щиты съ надписями или представляютъ различныхъ лицъ изъ библейской исторіи. При этомъ носятъ также слѣдующія картины: «Тайная вечеря», «Исусъ въ саду Геосиманскомъ» (несутъ 6 кающихся и 1 трубачъ), «Іуда, цѣлующій Спасителя», «Апостолъ Петръ съ пѣтухомъ», «Пилатъ», «Марѳа», «Поруганіе Спасителя», «Его бечеваніе» и «Пригвожденіе на голову тернового вѣнца». Все картины выставляются въ церкви за нѣсколько дней до процессіи; при этомъ одна изъ нихъ, а именно «Поруганіе Спасителя», въ которой между прочимъ изображенъ еврей, высовывающій языкъ Спасителю, подвергается неистовству огромной толпы мальчиковъ; когда ее несутъ, они показываютъ еврею языкъ, кричатъ, топаютъ ногами. Прежде въ этой процессіи носили и выставляли также гробъ, въ которомъ лежала увѣнчанная Смерть. Когда пружину ящика нажимали, изъ него внезапно выскакивалъ скелетъ. Это возбуждало необыкновенное вниманіе дѣтей, тѣмъ болѣе что въ то время, когда носили этотъ ящикъ, съ нимъ останавливались на всехъ углахъ улицъ, заставляя скелетъ каждый разъ выскакивать. Поэтому, лишь только начинали останавливаться, толпы дѣтей бѣжали къ ящику, съ криками: «выскочи, Петерхень», «покажись, Петерхень». Уже въ 20-хъ годахъ 19-го ст. оставили этотъ обычай, и въ настоящее время носятъ только пустой гробъ. Но вмѣсто этого въ процессіи является теперь живой человекъ, на сѣрой одеждѣ котораго сверху до низу разрисованъ скелетъ; онъ изображаетъ чуму. Чертъ также появляется въ этихъ процессіяхъ, какъ и въ другихъ церковныхъ представленіяхъ. Если для ролей евреевъ мало желающихъ, то на роли чертей ихъ всегда болѣе, чѣмъ нужно.

Въ этой процессіи появляются также и колесницы съ представленіями. На пер-

вой изъ нихъ изображенъ вилеемскій хлѣвъ, въ которомъ сидятъ Іосифъ и Марія; подлѣ нихъ—быкъ и оселъ, а въ ясляхъ лежитъ младенецъ, котораго Марія отъ времени до времени показываетъ народу. Вторая колесница служитъ для изображенія главнѣйшихъ добродѣтелей. На третьей везутъ гробницу Спасителя, окруженную молодыми дѣвушками, одѣтыми въ бѣлыя платья, съ черными вуалями. Последнія двѣ колесницы везутъ лошади, а вилеемскій хлѣвъ тащутъ кающіеся.

Кромѣ колесницъ, можно видѣть группы людей, изображающихъ слѣдующихъ личностей: 8 пророковъ, три волхва съ арабомъ, курящимъ опіумъ, Иродъ съ 4-мя князьями, Симеонъ съ ребенкомъ Іисусомъ, Іосифъ и Марія, Святое семейство во время бѣгства, Іисусъ у фарисеевъ, Марія Магдалина съ двумя сопровождающими ее женщинами, Спаситель, отправляющійся на ослѣ въ Іерусалимъ въ сопровожденіи 12-ти учениковъ и народа, кричащаго ему «Осанна», Іисусъ, несущій свой крестъ вмѣстѣ съ Симеономъ, кающійся и пераскакавшійся разбойники, нѣсколько евреевъ, Марія и Іоаннъ, Пилатъ и др. Къ этому нужно еще прибавить нѣсколько дюжинъ ангеловъ, молодыхъ дѣвушекъ, многочисленныхъ курильщиковъ опіума, знаменосцевъ, барабанщиковъ, литаврищиковъ, вооруженныхъ людей и всадниковъ.

Нѣкоторыя роли, въ продолженіе многихъ лѣтъ, исполняются одними и тѣми же лицами. Очень часто нѣтъ никакой возможности узнать, кто изображаетъ того или другого, такъ какъ они скрываютъ это даже отъ самыхъ близкихъ. Говорятъ, что человекъ, который еще недавно изображалъ въѣзжающаго Спасителя, исполнялъ эту роль въ продолженіе 20 лѣтъ, и всѣ называли его «неизвѣстнымъ», такъ какъ никто не зналъ, кто онъ такой. Кающуюся Магдалину долгое время представляла дѣвушка, которая продолжала исполнять эту роль и послѣ своего замужества, и по прежнему такъ таинственно, что объ этомъ даже мужъ ея узналъ только послѣ ея смерти. Правила процессіи строго опредѣляютъ каждому свое мѣсто, предписываютъ, какъ держать себя всѣмъ, исполняющимъ ту или другую роль, что, кому, какъ и когда говорить. Нужно замѣтить, что въ XVII столѣтіи одинъ монахъ написалъ нѣсколько пьесъ, которыя и теперь еще, съ небольшими измѣненіями и прибавленіями, произносятъ участвующіе во время процессіи. Каждый говоритъ, разумѣется, сообразно съ тою ролью, которую онъ играетъ. Если не достаетъ стиховъ, то ихъ начинаютъ сначала и такимъ образомъ повторяютъ, пока не пройдутъ всего пути. Даже маленькія дѣти, которыя изображаютъ ангеловъ и идутъ передъ различными группами, имѣютъ строго опредѣленную задачу; между прочимъ они тоже должны говорить стихи, но произносятъ ихъ такъ, что жители Вѣрне, когда они проходятъ, говорятъ: «а вотъ и блеяніе малютокъ».

На рынокѣ, гдѣ устроенъ алтарь, дѣлается остановка: три волхва приближаются къ Іисусу и подносятъ ему свои дары; при этомъ происходитъ и нѣсколько другихъ сценъ. Наконецъ, въ заключеніе этой процессіи, въ церкви идетъ представленіе пьесы, въ которой главными дѣйствующими лицами являются: Іосифъ и Марія, три волхва, ангелы и пастухи. Можно себѣ представить, какое волненіе производитъ эта процессія между жителями, и какую массу народа привлекаетъ она изъ окрестностей.

Не менѣе оригинальная процессія происходитъ въ городѣ Ваверенъ, въ день заговѣнья. Рано утромъ крестьяне изъ всѣхъ окрестностей приходятъ въ городъ. Въ два часа начинается шествіе, во главѣ котораго идетъ духовенство, а за нимъ несутъ множество огромныхъ корзинъ съ сельдами и печеньемъ. Это шествіе происходитъ при звонѣ колоколовъ и въ сопровожденіи музыки. Оно направляется къ холму, на которомъ стоитъ ваверенская часовня. Народъ вмѣстѣ съ духовенствомъ входитъ въ нее, чтобы отслужить молебенъ Богородицѣ. По окончаніи службы на-

родъ останавливается у церкви и ждетъ выхода священника. Лишь только тотъ показывается, какъ народъ окружаетъ его и ведетъ на вершину холма. Тамъ торжественно подаютъ священнику кубокъ вина, который онъ долженъ выпить передъ всею толпою. Какою бы стойкостью ни отличался священникъ, на его лицѣ всегда замѣтно нѣкоторое смущеніе; по обычаю, въ кубокъ вина, который подносятъ ему, пускаютъ живую рыбку, которую онъ долженъ проглотить. Говорятъ, что священники, на которыхъ ляжетъ эта тяжелая обязанность, хлопочутъ передъ распорядителями, чтобы рыбка эта была какъ можно меньше, но избѣгнуть необходимости проглотить ее нѣтъ никакой возможности. Послѣ этого вынимаютъ все изъ корзины и раздаютъ собравшемуся народу. Происхожденіе этого праздника объясняютъ различно. Одни говорятъ, что онъ устроенъ въ память насыщенія І. Х. двумя рыбами и пятью хлѣбами пяти тысячъ народа; нѣкоторые объясняютъ его поклоненіемъ германскому божеству, иокровительствующему рыбной ловлѣ.

Бельгійцы любятъ праздники столько же, сколько и процессіи,—Бельгія въ широкомъ смыслѣ слова—страна праздниковъ.

Ярмарки, называемыя въ Голландіи и Бельгіи кермесаами, уже давно приняли характеръ національных праздниковъ, и народъ всегда ожидаетъ ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. На бельгійскихъ ярмаркахъ любопытно посмотрѣть на игры, въ которыхъ рельефно выступаетъ характеръ народа. Фламандскія игры стремятся возбудить смѣхъ, а валлонскія представляютъ нѣчто въ родѣ состязанія въ физической силѣ и ловкости, хотя строгую границу между ними провести трудно, такъ какъ у тѣхъ и другихъ много общихъ игръ.

Зайдите наудачу въ одинъ изъ городовъ Фландріи, Антверпена и большей части Брабанта, и вы непременно встрѣтите огромную толпу народа, занятую странной игрой. На огромномъ ровномъ пространствѣ стоитъ множество деревенскихъ парней. Пожилой человѣкъ завязываетъ имъ глаза и отверстія затыкаетъ ватой. Затѣмъ эта внезапно ослѣпшая компанія становится въ сторону, а завязывавшій имъ глаза отправляется за бургомистромъ. Тотъ съ своей стороны подходитъ къ парнямъ и еще разъ осматриваетъ, дѣйствительно ли они ничего не видятъ; затѣмъ по данному знаку барабанщикъ начинаетъ бить въ барабанъ, и вся толпа слѣпцовъ начинаетъ кувыркаться, чтобы достигъ границы, обозначенной заранѣе связками соломы. Но они скоро сбиваются и начинаютъ ковылять по разнымъ направленіямъ. Игроки, наконецъ, разбрелись въ разныя стороны и далеко отошли отъ назначенной имъ границы. Тогда выходитъ барабанщикъ и бьетъ въ барабанъ. Начинается настоящая потѣха: состязающіеся съ новымъ жаромъ начинаютъ кувыркаться, падаютъ одинъ черезъ другого, угощаютъ другъ друга пинками, въ то время какъ зрители хохочутъ во все горло. Рѣдко одинъ изъ играющихъ достигнетъ цѣли, и для этого необходимы предварительныя упражненія. При этой игрѣ дѣло не обходится безъ разбитыхъ носовъ и сильныхъ ушибовъ, но чтобы предохранить отъ серьезныхъ увѣчій, играющіе должны быть босикомъ.

На другомъ концѣ развлекаются иначе. Тутъ устроено нѣчто въ родѣ маленькой висячей качели съ лоханкою, качающейся между подпорками. Лоханка наполнена водой и снабжена кольцомъ. Рѣшившійся участвовать въ состязаніи садится на телѣжку. Когда поданъ знакъ начинать, товарищи толкаютъ телѣжку, чтобы она прокатилась подъ лоханкой. Въ эту минуту состязающійся долженъ попасть копьемъ въ отверстіе кольца, прикрѣпленнаго у лоханки. Если онъ промахнется и попадетъ въ лоханку, та немедленно покачнется и обливаешь его водой. Если же онъ попадетъ въ цѣль, то получаетъ призъ, состоящій изъ штановъ или чего нибудь въ этомъ родѣ.

Ярмарка у валлоновъ проходить шумнѣе, пестрѣе и оживленнѣе, нежели у фламандцевъ. Самая любимая ихъ игра слѣдующая: на крѣпкой веревкѣ виситъ кусокъ дерева, вырѣзанный въ родѣ птицы и снабженный стальнымъ остриемъ вмѣсто клюва. Этою птицею бросаютъ въ цѣль, въ которую она и должна воткнуться. Самые ловкіе игроки получаютъ призы, состоящіе изъ сала и ветчины, которыя и выставлены недалеко отъ играющихъ.

Масляница считается настоящимъ карнаваломъ. Съ утра до вечера замаскированные люди бѣгаютъ по улицамъ толпами и въ одиночку и издають рѣзкіе звуки и свистъ изъ различныхъ инструментовъ. Шуты гримасничаютъ и отпускаютъ шутки, деревенскія телѣги, отъ времени до времени, приѣзжаютъ изъ-за города съ замаскированными людьми и катаются по всѣмъ улицамъ. Въ карнавальныя дни нерѣдко устраиваютъ блестящія кавалькады и процессіи. Улицы переполняются народомъ, когда раздается колоколь, такъ какъ это означаетъ приближеніе процессіи. И вотъ выступаетъ кортежъ: появляются дельфины, которыхъ несутъ мужчины, за ними слѣдуетъ колесница, запряженная шестью лошадьми, на которой везутъ китовъ; далѣе, верхами на лошадяхъ,—геніи, съ крыльями бабочекъ и такъ далѣе все, уже нами описанное. Такъ какъ геніевъ изображаютъ уличныя мальчишки, то они исподтишка обливаютъ то одного, то другого зрители, или направляютъ струю воды на балконъ, на которомъ собрались смотрѣть на зрѣлище блестяще разодѣтыя дамы. Особенно достается во вторникъ на масляной тѣмъ, кто рѣшается въ этотъ день побродить среди толпы, когда народное веселье не знаетъ предѣловъ, когда идетъ настоящая сатурналія. Такихъ смѣльчаковъ забрасываютъ печеньемъ изъ муки и меда, грубаго, какъ камни,—тогда во всѣхъ улицахъ завязывается настоящая борьба. Уличные мальчишки только и ждутъ этихъ минутъ: они подхватываютъ печенье, которое, какъ дождь, падаетъ отовсюду, пригоршнями засовываютъ его въ ротъ и грызутъ, какъ орѣхи. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ, раздаются самые разнообразныя звуки музыки и пѣсенъ. Маскированные свистятъ, кричатъ въ уши, останавливаютъ прохожихъ, бьютъ въ барабаны. Здѣсь и тамъ шмыгаютъ маленькіе маркизы, астрологи, люди-рыбы, люди-волки, толпы арлекиновъ. Вдругъ раздается крикъ: «*saïoren brocike*» (т.-е. маленькій хлѣбъ изъ сиропа)! И показывается безобразно загримированный человекъ, съ длинною удочкой, на крючкѣ которой болтается маленькій хлѣбецъ въ сиропѣ. Множество парней старается ртомъ схватить этотъ хлѣбецъ, но прежде, чѣмъ это кому-нибудь удастся, всѣ, кто попадаетъ въ толпу, надъ головами которыхъ гуляетъ удочка съ «хлѣбцомъ», пачкаютъ себѣ голову, лицо, глаза. Но тотъ, кому удастся схватить ртомъ и зажать въ зубахъ этотъ хлѣбецъ, получаетъ награду.

Не менѣе любопытны въ карнавальныя дни балы для простонародія. Зала, въ которой ихъ устраиваютъ, обыкновенно вмѣщаетъ до 4,000 чел., а иногда и болѣе. Около 10-ти ч. вечера, когда уже неудобно бродить по улицамъ, такая зала представляетъ чрезвычайно оригинальный видъ. Огромная комната биткомъ набита мужчинами и женщинами низшихъ слоевъ общества. Собравшійся людъ—въ самыхъ странныхъ и оригинальныхъ костюмахъ: въ маскахъ, съ трещотками, рогами, трубами, дудками, хлопушками и другими предметами въ рукахъ и во рту. Трудно себѣ представить гвалтъ и дикій шумъ, которые оглушаютъ васъ въ первую минуту. Всѣ другъ друга задѣваютъ, кривляются, свишутъ одинъ другому въ уши, звонко хохочутъ; нѣкоторые скачутъ, трубятъ на всѣ тоны, поютъ разными голосами, и все это смѣшивается въ одномъ дикомъ, бурномъ ревѣ. Къ этому прибавьте еще паръ и дымъ отъ ихъ трубокъ, который носится надъ ними и завлакиваетъ ихъ густымъ

облакомъ, и вы получите нѣкоторое понятіе о картинѣ, которая открывается передъ вами у входныхъ дверей. Но соберитесь съ духомъ и войдите, заплативъ при входѣ ничтожную плату (обыкновенно 4—8 к.). Никто не подвинется дать вамъ дорогу, ее нужно проложить вамъ самимъ настойчивостью и терпѣніемъ, медленно подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ. На другомъ концѣ зала находится возвышеніе, гдѣ, заплативъ еще 2—3 к., вы можете отдохнуть на стулѣ. Оглядывшись кругомъ, вы увидите возвышенное мѣсто для музыкантовъ. Но пройдетъ много времени прежде, чѣмъ до вашихъ ушей донесется хотя одинъ звукъ музыки. Наконецъ, до васъ долетаютъ нѣсколько рѣзкихъ аккордовъ, раздается барабанная дробь и звукъ рога. Толпа какъ будто становится тише, здѣсь и тамъ появляются отдѣльныя группы людей и пары, которыя вертятся и топчутся на одномъ мѣстѣ. Эти движенія впередъ и назадъ становятся все бѣшенѣе, имъ все бѣшенѣе аккомпанируютъ смѣхъ, крикъ, свистъ, оглушительный шумъ трубъ, барабановъ, трескъ хлопущекъ и трещотокъ, такъ что нельзя понять, кто хочетъ перещеголять другъ друга въ этой бѣшеной сатурналіи: музыканты ли танцующихъ или танцующіе музыкантовъ. Наконецъ, музыка смолкаетъ, но какъ въ этомъ хаосѣ не сразу услышишь ее, точно также нельзя тотчасъ замѣтить, когда она прекращается. Можно подумать, что теперь вслѣдствіе утомленія наступитъ отдыхъ, но чрезъ двѣ-три минуты снова начинается неистовый шумъ. Толпа свиститъ, прицеливается пальцами, хлопаетъ хлопущками и скачетъ припѣвая какойнибудь припѣвъ простонародной пѣсни. Въ ту же минуту во всѣхъ концахъ зала начинаютъ напѣвать, но каждый свою собственную плясовую, и вся публика снова пускается въ плясъ, или, лучше сказать, дѣлаетъ неистовые скачки на одномъ мѣстѣ.

На этихъ балахъ болѣе всего поражаетъ то, что, несмотря на громадную толпу народа, безпорядокъ, попойки, шумъ и гвалтъ, вы не услышите ни одного неприличнаго слова, не увидите ни одного непристойнаго движенія, не будете свидѣтелемъ ни ссоры, ни скандала, не замѣтите нигдѣ и слѣда полиціи.

Отъ перваго дня карнавала до послѣдняго бельгійцы постоянно устраиваютъ попойки, на которыя принято приглашать родителей, не имѣющихъ дѣтей. При этомъ пьютъ за здоровье будущихъ новорожденныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуютъ для это даже особые кубки: когда въ нихъ нальютъ вино, изъ нихъ тотчасъ выскакиваетъ маленькая куколка. Начинаются поздравленія и безконечныя рѣчи. Если кто отказывается пить, его упрашиваютъ и произносятъ стихи, въ которыхъ высказывается такая мысль: «если я много пью, я могу погибнуть; если-же я не буду пить, я долженъ буду умереть; поэтому лучше погибнуть, нежели не пить и умереть».

Четвертое воскресенье поста—день, страстно любимый и съ нетерпѣніемъ ожидаемый бельгійскими дѣтьми. Это точно воскресенье карнавала, но преимущественно для дѣтей, хотя многочисленныя маски съ утра бѣгаютъ по улицамъ, а вечеромъ отправляются на балы, которые мы описали выше. Въ этотъ день существуетъ обычай дѣлать дѣтямъ сюрпризы и дарить подарки. Наканунѣ его каждый ребенокъ, прежде чѣмъ ложиться спать, несетъ корзину, наполненную сѣномъ и корками, и ставитъ ее куда-нибудь въ сѣни или въ уголокъ камина. Какъ бьется дѣтское сердце, когда онъ отходитъ отъ этой завѣтной корзинки! Онъ положилъ въ нее сѣно и корки, такъ какъ няня говорила ему, что «дѣдушка Грефъ» придетъ завтра на своей бѣлой лошади. Послушнымъ дѣтямъ дѣдушка наложитъ въ корзинку гостинцевъ и игрушекъ, а дурнымъ оставить въ ней розги. Дитя вспоминаетъ свои шалости и капризы и кладетъ въ корзинку сѣно и корки, чтобы задобрить хотя бѣлую лошадь «дѣдушки Грефа». Если дѣдушка оставитъ розги, то ихъ привѣшиваютъ куда-нибудь въ уголъ,

и онѣ остаются тамъ висѣть до дня Св. Николая. Наканунѣ этого дня дѣти всячески стараются задобрить этого святого; прежде чѣмъ лечь спать въ этотъ день, они затягиваютъ пѣсню: «Св. Николай, будь такъ добръ, дай мнѣ что-нибудь, тогда я буду служить тебѣ всю свою жизнь. Если не дашь, не буду тебѣ служить и не буду тебя любить». Однако, несмотря на эту угрозу, святой иногда остается неумолимъ и приноситъ розгу непослушнымъ дѣтямъ.

Но не только эти дни предназначены для торжества дѣтей. Въ день св. Мартына (11-го ноября) вдругъ открывается дверь въ комнату, гдѣ сидятъ дѣти, и невидимая рука святого бросаетъ направо и налево разныя лакомства: яблоки, пряники, орѣхи. Иногда онъ является къ дѣтямъ одѣтый епископомъ.

КАМПИНА.

Характеръ мѣстности и нравы жителей.—Геель.—Колонія сумашедшихъ.—Ихъ жизнь и отношеніе къ окружающимъ.

Кампина занимаетъ огромное пространство въ провинціяхъ Брабанта, Антверпена и Лимбурга; она уже давно славится своимъ бесплодіемъ. Необъятныя пространства Кампины представляютъ огромную равнину, которая только въ нѣкоторыхъ пунктахъ возвышается до 80 метровъ надъ уровнемъ моря. Передъ взоромъ путешественника разстилается безконечный верескъ. Дикій тернъ, дрокъ, мелкая сосна и верескъ единственные представители растительнаго царства. Отъ Мааса до Антверпена по всей Кампинѣ тянется безконечная линія совершенно обнаженныхъ дюнь, бѣлый песокъ которыхъ волнуется отъ малѣйшаго вѣтерка, засыпая дороги и обработанные участки по сосѣдству. Тамъ и здѣсь, въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, дождевая вода, задержанная на одномъ мѣстѣ непроницаемою почвой, образовала множество болотъ, которыя привлекаютъ къ себѣ своею свѣжею зеленью и различными растеніями. Но бѣда тому, кто, пораженный этимъ чуднымъ зеленымъ ковромъ среди пустынныхъ ландшафтовъ, вздумаетъ по нимъ прогуляться: корни растительности быстро разрываются подъ ногами, и человѣкъ легко можетъ провалиться въ ужасную трясицу. Такія болота покрываютъ здѣсь собою нерѣдко громадныя пространства. Но они въ то же время приносятъ огромную пользу, такъ какъ даютъ возможность извлекать торфъ, котораго здѣсь такъ много.

Огромныя пространства, покрытыя верескомъ и пересѣченныя дюнами и болотами, преимущественно представляетъ почву, состоящую изъ чистаго песка; такія пространства сущее несчастье для агронома; но Бельгія издавна прославилась умѣньемъ и необыкновеннымъ прилежаніемъ, съ какимъ въ ней превращаютъ голыя пустыни въ цвѣтущія мѣстности. Кампина служитъ этому лучшимъ примѣромъ. Чтобы улучшить землю въ этой части Бельгіи, правительство провело множество каналовъ и сдѣлало громадныя денежныя затраты. Вслѣдствіе этого еще недавно огромныя пространства безплодной земли превращены теперь въ луга и сѣнокосы. Кампину можно раздѣлить на двѣ части: на *западную*, теперь уже совершенно воздѣланную, и *восточную*, въ которой еще далеко не все воздѣлано. До сихъ поръ еще въ восточной части много песчаныхъ пустынь, но тѣмъ не менѣе и здѣсь васъ нерѣдко поражаютъ замѣчательные контрасты: подлѣ самыхъ печальныхъ пустынь песку и сухого вереска передъ вами разстилаются роскошныя поля ржи и картофеля.

Въ жителяхъ Кампины ярко отразились всѣ выдающіяся черты характера

бельгійцевъ: условная вѣжливость, страсть къ процессіямъ и религіозныя суевѣрія, доведенныя до дикаго фанатизма. Въ отношеніяхъ другъ къ другу среди людей низшаго класса существуетъ не то особая какая-то вѣжливость, не то цеременность, или, точнѣе сказать, множество правилъ, отъ которыхъ никто не имѣетъ права отступитъ ни на шагъ. Проходя мимо поля, необходимо сказать рабочимъ: «помогай вамъ Богъ»; на это вамъ должны отвѣчать: «благодарствуйте, сударь». Дѣвушка, подавая стаканъ пива или водки въ трактирѣ, непременно должна сказать: «благослови васъ Богъ, сударь»; на это ей должны отвѣчать: «сдѣлай мнѣ одолженіе, дѣвушка, отвѣдай изъ стакана».

Религіозныя свои чувства они прежде всего выражаютъ участіемъ въ религіозныхъ процессіяхъ и тѣмъ, что безпрестанно осѣняютъ себя знаменіемъ креста. Они не только крестятся, начиная ѣсть, пить и что-нибудь дѣлать, но и по окончаніи этого, а также получая деньги и выдавая ихъ, садясь за столъ и вставая, входя въ комнату и выходя изъ нея. Возница, остановившись передъ кабакомъ, чтобы выпить стаканчикъ можжевеловой водки, правой рукою крестится, а лѣвою, въ то же время, принимаетъ поднесенный ему стаканъ; служанка, принимаясь рѣзать хлѣбъ, креститъ его и себя. Эту привычку безпрестанно креститься болѣе всего развиваетъ множество изображеній Богородицы, которыя вдѣланы въ нишахъ на всѣхъ перекресткахъ, прибиты на дощечкахъ къ колодцамъ, на столбахъ у дороги, привѣшены даже на деревьяхъ. Большинство этихъ изображеній освѣщается вечеромъ лампами. Вотъ поэтому, когда мужчина идетъ здѣсь по дорогѣ, онъ безпрестанно снимаетъ шляпу и крестится, дѣвушки, даже на ходу, преклоняютъ колѣна и тоже крестятся.

Посреди пустынь Кампины лежитъ селеніе Геель, прославившееся своею колонією умалишенныхъ. Это учрежденіе для страждущихъ разстройствомъ умственныхъ способностей вовсе не напоминаетъ ни одного изъ подобныхъ заведеній въ другихъ образованныхъ странахъ. Большая часть обитателей Гееля состоитъ изъ людей бѣдныхъ, но совершенно здоровыхъ и тѣломъ, и душою; меньшую часть населенія составляютъ сумашедшіе, которые живутъ среди здоровыхъ на полной свободѣ, исполняютъ вмѣстѣ съ ними домашнія и полевые работы, гуляютъ, гдѣ имъ вздумается, и участвуютъ даже вмѣстѣ со всѣми въ процессіяхъ и праздникахъ. Вслѣдствіе того, что эти несчастные, лишенные ума люди, живутъ постоянно среди здоровыхъ, всегда заняты вмѣстѣ съ ними полезною работою, въ Геелѣ господствуетъ такое же спокойствіе и безопасность, какъ и въ другомъ мѣстѣ. Это спокойствіе поражаетъ тѣмъ болѣе, что здѣсь, какъ извѣстно, очень много умалишенныхъ.

Чѣмъ ближе къ Геелю, тѣмъ чаще попадаются фермы, наружность которыхъ уже не такъ бѣдна; растительность съ каждымъ шагомъ становится богаче; здѣсь и тамъ ручеекъ освѣжаетъ иссохшую землю, и все чаще среди этой пустыни попадаются, хотя маленькіе, но прелестные оазисы. Вотъ, наконецъ, и множество домиковъ, окруженныхъ садами, и вы думаете, что вы среди большого трудолюбиваго населенія, которое и въ такой мѣстности нашло какой-нибудь особенный источникъ благосостоянія. Вы въ Геелѣ, который считается самымъ значительнымъ пунктомъ бельгійской Кампины.

Уже въ VII столѣтіи въ пустыняхъ Кампины находилась часовня въ честь св. Мартина. Часовню окружало нѣсколько келій, которыя и послужили началомъ нынѣшнему Геелю. По преданію сюда пріѣхала молодая дочь ирландскаго короля, Димфна, бѣжавшая отъ преслѣдованій своего преступнаго отца. Однако, отецъ открылъ ея убѣжище и собственноручно отрубилъ ей голову. По нѣкоторымъ легендамъ, нѣсколько умалишенныхъ, которые были очевидцами мученической смерти принцессы, тотчасъ

получили исцѣленіе. Такимъ образомъ народная молва стала приписывать исцѣленіе сумашедшихъ этой несчастной принцессѣ, которую съ этихъ поръ стали считать святою и покровительницею умалишенныхъ. Когда распространилась эта молва, многія семейства стали привозить сюда своихъ родственниковъ, одержимымъ помѣшательствомъ. Вскорѣ это вошло въ обычай. По прошествіи нѣкотораго времени группа бѣдныхъ лачугъ разрослась въ село, а потомъ и въ значительный городъ, важнѣйшій пунктъ Брабантской Кампины. Фермы и хижины быстро размножались въ окрестностяхъ и, наконецъ, образовали общину.

Хотя родственники, оставляя больного въ томъ или въ другомъ семействѣ, и вносили за него небольшую плату, но ея обыкновенно не хватало на содержаніе, такъ какъ мѣстность была чрезвычайно бесплодная. Между тѣмъ, по понятіямъ жителей, они обязаны были принимать къ себѣ каждаго умалишеннаго, котораго къ нимъ привозили, такъ какъ св. Димфна, въ мѣстности, въ которой они жили, покровительствовала этого рода больнымъ. Бѣдность поселянъ, вѣра въ св. Димфну, какъ покровительницу умалишенныхъ, и небольшая плата, которую они получали за больныхъ, все это заставило ихъ жить очень дружно съ помѣшанными, обходиться съ ними очень гуманно и въ то же время приучать ихъ дѣлать съ ними всѣ труды. Такъ какъ здоровые никогда не оставляютъ больныхъ, то за ними существуетъ всегда бдительный надзоръ; постоянный физическій трудъ служитъ лучшимъ лѣкарствомъ противъ излишняго раздраженія нервовъ. Умалишенные, находящіеся въ заведеніяхъ для больныхъ этого рода, подчиненные строгому надзору, всегда чувствуютъ себя въ возбужденномъ нервномъ состояніи. Въ Геелѣ же устроилось иначе. Умалишенный пьетъ, ѣстъ, одѣвается, работаетъ, гуляетъ, какъ и здоровые, окружающіе его люди, и потому онъ въ болѣе нормальномъ состояніи духа.

Личныя выгоды «кормильцевъ» (такъ называются хозяева дома, въ которомъ содержится умалишенный) заставили ихъ уже давно относиться къ своимъ сумашедшимъ гораздо гуманнѣе, чѣмъ это предписывали имъ различныя постановленія. Въ 1676 г. имъ приказывали употреблять цѣпи и веревки, чтобы мѣшать сумашедшимъ наносить вредъ окружающимъ. Но цѣпи и веревки мѣшали работать, и каждый «кормилецъ» говорилъ про своего больного: «помилуйте, мой сумашедшій вовсе не золъ, онъ никому не дѣлаетъ вреда». Новый законъ 1851 года, которымъ руководствуются и въ наше время, составляетъ новую эру для этого заведенія. По этому закону правительство совѣтъ не вмѣшивается въ дѣла колоніи и вполне предоставляетъ дѣло присмотра за больными общинѣ и учрежденію медицинского надзора изъ трехъ врачей-специалистовъ и инспектора.

Когда путешественникъ въѣзжаетъ въ Геель, онъ не найдетъ здѣсь рѣшительно ничего такого, что могло бы заставить его думать, что онъ въ колоніи умалишенныхъ. Улицы почти совершенно пусты; въ садахъ трудятся нѣсколько работниковъ, изъ оконъ выглядываютъ любопытные, немногіе праздные толкуются на площади; вездѣ тишина, говорящая объ отсутствіи дѣятельной фабричной и торговой жизни. Но если путешественникъ заранее знаетъ, куда онъ пріѣхалъ, если онъ знакомъ съ симптомами сумашествія, то замѣтитъ странность, которая невольно остановитъ на себѣ его вниманіе: вотъ человѣкъ, занятый, какъ и всѣ остальные, работой; онъ отличается отъ другихъ только тѣмъ, что безпрестанно улыбается; другой, прогуливаясь, отдаетъ поклоны направо и налево; третій внезапно и рѣзко обращается къ вамъ, какъ человѣкъ власть имѣющій.

Въ Геель принимаютъ помѣшанныхъ всякаго рода, исключая тѣхъ, болѣзнь которыхъ требуетъ постоянного употребленія укротительныхъ мѣръ, какъ напр., по-

мѣшанныхъ на самоубійствѣ, убійствѣ, поджигательствѣ, однимъ словомъ такихъ, дѣйствій которыхъ могли бы нарушить общественную безопасность. Что касается до изступленныхъ, которые отъ времени до времени впадаютъ въ страшное бѣшенство, то ихъ крестьяне принимаютъ къ себѣ съ особенною охотой. Это, повидимому, страшное явленіе объясняется очень просто: бѣшенство доказываетъ физическую силу организма; въ періоды спокойствія эти сумашедшіе бываютъ сильными и здоровыми работниками и потому чрезвычайно полезны для хозяина. Напротивъ, идіоты или параличные, обыкновенно чрезвычайно тихіе и спокойные, только обременяютъ его, и труды ихъ едва вознаграждаютъ расходы на содержаніе. Понятно, что послѣдняго сорта больныхъ всего болѣе избѣгаютъ «кормильцы». Главный контингентъ умалишенныхъ составляютъ неизлѣчимые больные. Когда умопомѣшанному никакія медицинскія пособія не помогли, его посылаютъ въ Геель, надѣясь на чудотворную силу святой покровительницы. Но такой больной и здѣсь остается неизлѣчимымъ; характеръ болѣзни мѣняется только въ томъ отношеніи, что онъ въ большинствѣ случаевъ крѣпнѣетъ физически и, занятый работою, не дѣлаетъ никому вреда.

Жители общины—католики, но свобода вѣроисповѣданія, существующая въ Бельгій, еще болѣе священна относительно помѣшаннаго. Всѣмъ оказываютъ здѣсь одинаковое братское гостепріимство: старикамъ и дѣтямъ, богатымъ и бѣднымъ, ученымъ и необразованнымъ, протестантамъ и католикамъ, бельгійцамъ, французамъ, нѣмцамъ, однимъ словомъ людямъ всѣхъ національностей. Впрочемъ, въ Геель есть нѣсколько семействъ, гдѣ богатые умалишенные встрѣчаютъ если не роскошь, то по крайней мѣрѣ гораздо больше удобствъ, чѣмъ у большинства «кормильцевъ». При болѣе высокой платѣ за содержаніе, больные могутъ имѣть прислугу, экипажъ, и все это, нужно замѣтить, за цѣну несравненно меньшую, чѣмъ гдѣ-либо.

Здѣшніе сумашедшіе—люди разныхъ національностей; поэтому существенное неудобство, съ которымъ здѣсь сталкиваются, это различіе языковъ: природные жители говорятъ на фламандскомъ нарѣчій, а этотъ языкъ мало извѣстенъ въ другихъ странахъ. Впрочемъ, сходство его съ нѣмецкимъ и голландскимъ языками нѣсколько облегчаетъ разговоръ для больныхъ этихъ двухъ сосѣднихъ націй.

Дома, гдѣ живутъ сумашедшіе, во всякое время дня совершенно открыты для родственниковъ и всѣхъ желающихъ посѣтить больныхъ. У каждого больного есть своя особая комната, смотря по состоянію, но всегда отлично провѣтренная. Нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ, дѣйствительно, очень малы и напоминаютъ монашескія кельи, но всѣ безъ исключенія отличаются безукоризненною чистотою. При постройкѣ новаго дома въ Геель лучшая его часть всегда предназначается для умалишенныхъ. Постель больного, согласно съ мѣстными обычаями, состоитъ изъ чистаго соломеннаго матраца. Больной ѣстъ вмѣстѣ съ своимъ «кормильцемъ» простыя деревенскія кушанья, и каждый разъ сколько ему вздумается, и только въ крайнихъ случаяхъ, когда требуетъ здоровье больного, онъ получаетъ кушанье по порціямъ. Одежда больного не отличается ни формою, ни цвѣтомъ отъ одежды другихъ жителей и потому не обращаетъ на себя вниманія. Онъ можетъ ложиться спать и вставать, работать и отдыхать, читать и писать, пѣть или говорить, когда и какъ угодно. Хотя «кормильцы» насильно своихъ больныхъ ни къ чему не принуждаютъ, но просятъ ихъ сдѣлать то или другое ласково и достигаютъ этимъ того, что они работаютъ, пьютъ, ѣдятъ и отдыхаютъ въ одно время съ здоровыми, и такъ какъ они постоянно находятся вмѣстѣ, то и не требуютъ за собой особаго надзора: онъ устанавливается самъ собою. Сумашедшій не только свободно выходитъ изъ дому, гуляетъ по дорогамъ, садамъ и полямъ, но даже посѣщаетъ гулянья, заходитъ въ кофейни, играетъ

въ карты, читаетъ журналы. Но, куда бы ни пошелъ больной, содержатели кофеенъ и другихъ заведеній должны знать въ лицо каждаго больного. Если онъ потребуетъ у нихъ спиртныхъ напитковъ, то они ни подъ какимъ видомъ не должны исполнять этого (безъ особаго на то разрѣшенія); но въ то же время они должны съумѣть отказать, не раздражая больного. За продажу спиртныхъ напитковъ больнымъ съ продавца взимается большой денежный штрафъ. Многіе утверждали, что подобная свобода можетъ повести помѣшанныхъ къ самоубійству, но факты совершенно разсѣяли эти опасенія, и въ десятки лѣтъ здѣсь едва насчитываютъ одинъ подобный случай. И это понятно: больные цѣлый день работаютъ на чистомъ воздухѣ, и это подъ вечеръ такъ утомляетъ ихъ, что они отлично спятъ. Что касается покушенія на жизнь другихъ лицъ, то это случилось всего два раза въ теченіе полулѣтѣ. Такія преступленія до того рѣдки въ Геелѣ, что жители и не думаютъ объ опасности. Бываютъ случаи, когда тотъ или другой больной подвергается припадку бѣшенства, но тогда все семейство съ помощью своихъ сосѣдей легко укрощаетъ его. Если такіе припадки дѣлаются хроническими, то на больного надѣваютъ особаго рода одежду, которая мѣшаетъ ему сдѣлать себѣ или другимъ какой-нибудь вредъ. Можно подумать, что при такой свободѣ больнымъ часто удастся бѣжать изъ заведенія; но эти случаи здѣсь также чрезвычайно рѣдки: ихъ насчитываютъ не болѣе шести въ годъ, и при этомъ совсѣмъ убѣжать изъ колоніи всетаки не удастся. Лишь только помѣшанный исчезаетъ, его «кормилецъ» тотчасъ даетъ знать объ этомъ въ управленіе, которое немедленно поднимаетъ на ноги сторожей, полицію и мѣстныя власти. Но это обыкновенно оказывается совершенно лишнимъ: окрестные жители, лишь только замѣчаютъ лицо, въ которомъ обнаруживаются признаки сумашествія, а они знакомы съ ними до тонкости, тотчасъ отправляютъ его въ Геель. Къ тому же управленіе выдаетъ всякому, кто приведетъ бѣжавшаго сумашедшаго, награду, смотря по разстоянію, въ одинъ франкъ съ мѣли. Понятно, что при такихъ мѣрахъ попытки къ побѣгу удаются чрезвычайно рѣдко.

Женщины, страдающія умопомѣшательствомъ, занимаются здѣсь приготовленіемъ кружевъ; кто зналъ прежде какое-нибудь мастерство или здѣсь научился ему, дѣлается портнымъ, сапожникомъ, швеей, а больные изъ сельскаго сословія занимаются садовыми и полевыми работами. Есть немало больныхъ, которые до такой степени превосходно исполняютъ то или другое ремесло, что находятъ себѣ заказчиковъ. Чтобы еще болѣе побудить больныхъ къ труду, имъ назначаютъ небольшое денежное вознагражденіе, даютъ бутылку пива или немного табаку, смотря по желанію.

Больные развлекаютъ себя здѣсь музыкой, и между ними нерѣдко являются виртуозы. Въ Геелѣ жилъ одинъ помѣшанный, извѣстный подъ названіемъ «великаго Кольбера». Онъ былъ необыкновенно талантливымъ скрипачемъ и, несмотря на разстройство умственныхъ способностей, основалъ геельское общество пѣнія. Члены этого общества до сихъ поръ сохраняютъ память о немъ и украсили залу общества портретомъ этого талантливаго помѣшаннаго. Въ концертахъ общества пѣнія, на религіозныхъ торжествахъ и патріотическихъ празднествахъ—вездѣ участвуютъ сумашедшіе; роли распределены между всѣми, смотря по таланту каждаго, не обращая никакого вниманія на состояніе его разсудка. На клиросѣ церкви св. Димфы поютъ всѣ, у кого есть голосъ, какъ помѣшанные, такъ и здоровые. Вы нерѣдко замѣчаете въ церкви, какъ многіе изъ нихъ, искренніе католики, горячо и съ глубокимъ чувствомъ, на колѣняхъ, молятся Богу. Другіе, напротивъ, когда всѣ преклоняютъ колѣна, гордо стоятъ: они воображаютъ себя богами, королями или принцами и считаютъ для себя унизительнымъ преклонять колѣна.

Итакъ, если умопомѣшательство въ Геелѣ далеко не всегда проходить, то большой имѣетъ случай окрѣпнуть здѣсь физически и нравственно, и жизнь его, вмѣсто вреда, приносить пользу.

ПРИБРЕЖНЫЕ ЖИТЕЛИ.

Дюны и жилища въ нихъ.—Прибрежные жители, ихъ жизнь и занятія.—Ловля креветокъ, рыбы, устрицъ, ракушекъ.

Вездѣ, на всемъ фландрскомъ и голландскомъ побережьѣ, тянутся однообразныя цѣпи дюнь, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышаются на 50 и даже на 80 футовъ надъ уровнемъ моря. Тутъ, какъ и въ Голландіи, морскія волны съ помощью буръ и растительности сами устроили защиту противъ океана. Такая помощь природы тѣмъ болѣе кетати, что нерѣдко тотчасъ за дюнами почва лежитъ ниже уровня воды во время прилива, а здѣсь и тамъ постоянно наталкиваешься и на болота. (О дюнахъ и объ услугахъ, которыя онѣ оказываютъ странѣ, см. очерки о «Голландіи»).

Когда во время отлива надъ побережьемъ проносится рѣзкій вѣтеръ, песокъ тотчасъ приходитъ въ движеніе и несется надъ поверхностью земли длинными, бѣлыми тучами. Чѣмъ сильнѣе и суше вѣтеръ, тѣмъ бѣшенѣе его бѣгъ. Дышать въ такую минуту, если находишься на открытомъ воздухѣ, чрезвычайно тяжело, а идти противъ вѣтра можно только съ большимъ трудомъ, такъ какъ песчинки ударяютъ о кожу, какъ ледяныя иглы. Если при этомъ свѣтитъ солнце, то весь берегъ между водою и дюнами покрытъ свѣтлымъ облакомъ, и видъ моря, песка и неба представляеть въ эту минуту величественную картину. Но для жителей побережья такіе потоки песку—величайшее несчастье: они заносятъ дуга, поля и сады, обработанные и разведенные съ большимъ трудомъ. Чтобы хотя нѣсколько защитить себя отъ этихъ бѣшеныхъ потоковъ песку, прибрежные жители окружаютъ обработанныя земли рвами и насыпями, которыя они скрѣпляютъ разными травами. Растенія, растущія на естественныхъ и искусственныхъ дюнахъ и насыпяхъ, отличаются своими необыкновенно длинными корнями, глубоко пронизывающими песчаный холмъ. Такъ какъ растенія, скрѣпляя дюны, сдерживаетъ песокъ, не дають ему возможности легко подыматься при вѣтрѣ и засыпать камни и сады, то на разведеніе этихъ растений обращено серьезное вниманіе. Они извѣстны подъ разными названіями: «песчаный ячмень», «песчаный овесъ», «песчаный ситникъ». И тутъ природа помогаетъ людямъ: кромѣ растений, разведенныхъ жителями, вы найдете множество сѣмянъ, занесенныхъ вѣтромъ, какъ напримѣръ: «морская горчица», «репейникъ», «тропичинъ цвѣтъ», «тысячелистникъ»,—все это цвѣтетъ и зеленѣетъ до глубокой осени и такимъ образомъ скрашиваетъ однообразный пейзажъ дюнь. Между растеніями дюнь особенно обращаетъ на себя вниманіе песчаный тернъ, но онъ встрѣчается только со стороны суши и на вершинѣ болѣе широкихъ холмовъ. Онъ достигаетъ здѣсь не болѣе двухъ локтей высоты, но очень вѣтвистъ, имѣетъ густую листву и особенно необходимъ для защиты другихъ нѣжныхъ растений. Его ягоды, величиною съ горошину, принимаютъ позднею осенью красноватый цвѣтъ и придаютъ оживленіе и оригинальную окраску дюнамъ. Эти ягоды съ продолговатою косточкою совсѣмъ не употребляются людьми, но приманиваютъ къ себѣ перелетныхъ птицъ. Густота и роскошь растительности на нѣкоторыхъ песчаныхъ холмахъ чрезвычайно удивляетъ многихъ, но это явленіе можно легко объяснить себѣ тѣмъ, что всѣ эти

травы вообще отлично растутъ въ чистомъ пескѣ и особенно тамъ, гдѣ песокъ плотнѣе. Къ тому же дюны вовсе не такъ сухи, какъ объ этомъ можно подумать. Вслѣдствіе осажденія паровъ онѣ всегда прохладны и сыры внутри. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только разрыть гдѣ-нибудь ихъ поверхность. Въ самые жаркіе лѣтніе дни, даже послѣ продолжительныхъ засухъ, у подножія дюнъ вы найдете свѣжій ключевой источникъ. Вотъ почему прибрежные жители нерѣдко устраиваютъ колоды въ дюнахъ.

Склоны дюнъ чрезвычайно различны; со стороны моря они подвергаются дѣйствію приливовъ и разрушительныхъ бурь, поэтому они круто обрываются, обнажены и только на поверхности поросли травами. Со стороны суши дюны болѣе защищены, и потому онѣ вездѣ поросли растительностью, и здѣсь и тамъ между холмами или у подножія ихъ разведены довольно хорошіе луга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дюны состоятъ изъ двухъ, трехъ и даже больше рядовъ холмовъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, въ которыхъ встрѣчаются небольшія пастбища и озерки.

Въ дюнахъ и долинахъ царствуютъ уединеніе и покой. Пройдитесь вдоль цѣпи дюнъ и остановитесь въ одной изъ низменныхъ долинъ. Трещитъ кузнечикъ, жужжитъ пчела, порхаетъ бабочка или жукъ блеститъ въ пескѣ, однимъ словомъ попадаютъ только насѣкомыя, и лишь вдали раздается глухой шумъ морского прибоя. Это уединеніе иногда нарушаетъ кроликъ, который пробѣгаетъ между холмами.

Однако, здѣсь и тамъ, между этими пустынными холмами, попадаютъ иногда крохотные, чрезвычайно бѣдные домики: это жилища прибрежныхъ жителей, которые занимаются ловлею рыбы, креветокъ, ракушекъ и разныхъ другихъ даровъ моря. Чтобы войти въ такое жилище, нужно сильно нагнуться, — такъ не высоки его двери. Днемъ хижина обыкновенно пуста. Двое-трое дѣтей валяются въ пескѣ передъ дверью и стерегутъ ее. На вопросъ, гдѣ родители, они отвѣчаютъ, что отецъ на рыбной ловлѣ, мать, четыре-пять братьевъ и столько же сестеръ ушли собирать ракушекъ и креветокъ. Семейства рыбаковъ отличаются необыкновеннымъ количествомъ дѣтей. Семья въ 12 человекъ не считается еще многочисленною. Когда вы узнаете это, вы начинаете съ удивленіемъ разсматривать небольшое пространство, занятое хижиной. Все жилище состоитъ только изъ одной комнаты. Полъ — песчаный, крыша изъ черепицъ, а стѣны изъ голыхъ кирпичей. Крошечное окно едва освѣщаетъ маленькую комнату; возлѣ двери — очагъ для варки кушанья; около него также согрѣваются члены семьи въ холодное время года. Противъ двери отгорожено мѣсто отъ 5 до 6 футовъ ширины, служащее большою кроватью для родителей и для самыхъ маленькихъ дѣтей. Надъ нею придѣлано нѣсколько досокъ, одна надъ другою, и на каждой изъ нихъ брошено нѣсколько связокъ сѣна или травы дюнъ. На этихъ доскахъ, которыя расположены другъ надъ другомъ въ родѣ полокъ, спятъ дѣти средняго возраста. Рядомъ съ этими постелями стоитъ шкафъ и ларь; пара прорванныхъ стульевъ и столъ дополняютъ мебель. Лопата, нѣсколько горшковъ, мисокъ, но прежде всего сѣть для ловли креветокъ — наиболѣе драгоценное имущество такого жилья. «Но гдѣ же спятъ остальные ваши братья и сестры? Вѣдь въ избѣ не хватитъ мѣста для такой многочисленной семьи?» невольно спрашиваете вы у дѣтей, которые такъ довѣрчиво ввели васъ въ свою хижину. Ребенокъ выходитъ за дверь и показываетъ вамъ рукою на крошечный шалашъ, прилоненный къ хижинѣ, или, лучше сказать, на нѣчто въ родѣ собачьей конуры, сложенной изъ обломковъ кирпича. Въ эту конуру можно пролѣзть только ползкомъ, чрезъ низенькое отверстіе. Тутъ устроена на соломѣ постель для дѣтей, которымъ

нѣтъ мѣста на кровати родителей или надъ ними. Здѣсь они дерутся изъ-за обрывковъ одѣялъ, которыя имъ даютъ на зиму, и кончаютъ тѣмъ, что мирно засыпаютъ, прижимаясь другъ къ другу, чтобы согрѣться. Можно себѣ представить, какова эта постель, когда надъ дюнами проносится буря съ дождемъ или снѣгомъ! Хотя климатъ у побережья Бельгіи умѣреннѣе, чѣмъ внутри страны, но иногда бываютъ сильные морозы и непогода, и тогда жестоко страдаютъ прибрежные жители, а въ особенности обитатели этихъ несчастныхъ конуръ. И это понятно: они только со стороны моря нѣсколько защищены песчаными холмами, но съ другой стороны до нихъ достигаетъ каждый порывъ вѣтра, каждая капля дождя, такъ какъ о деревьяхъ здѣсь нѣтъ и помину.

Несмотря на очевидную бѣдность, на жестокія лишенія, на бури и сквозняки, пронизывающіе ихъ до костей, эти люди бодры и веселы. Хотя открытое положеніе ихъ хижинъ имѣетъ много неудобствъ, но зато они дышатъ чистымъ воздухомъ и обыкновенно пользуются здоровьемъ. Море рѣдко отказывается помочь имъ въ бѣдѣ; если нѣтъ креветокъ, оно доставляетъ раковинъ и рыбу, а нерѣдко даже и топливо, такъ какъ вдоль всего побережья тянутся торфяныя залежи: во время бури волны отламываютъ куски торфа и выбрасываютъ ихъ къ подножію дюнь. Находить торфъ можно также во время отлива, и кто во-время позаботится объ этомъ, тотъ можетъ (посредствомъ солнца и вѣтра) насунить себѣ большой запасъ топлива на всю зиму. Нерѣдко прибрежные жители разводятъ между песчаными холмами или у подножія дюнь маленькіе садикъ, устроить которые чрезвычайно трудно. Поэтому они ухаживаютъ за ними съ необыкновенною любовью и разводятъ въ нихъ картофель, который отлично родится, нѣсколько капусты и рѣпы. Въ такомъ крошечномъ садикѣ непременно встрѣтишь одну-двѣ хорошенькихъ цвѣточныхъ клумбы.

Въ самыхъ бѣдныхъ домикахъ, среди жалкой домашней обстановки, можно замѣтить любовь къ украшеніямъ. Въ каждой хижинѣ на окнѣ стоитъ букетъ цвѣтовъ, кровать родителей съ пестрыми занавѣсками; нѣсколько изображеній святыхъ и распятіе такъ размѣщены, что ясно показываютъ, что они служатъ столько же для молитвы, сколько и для убранства комнаты. Когда въ семействѣ, кромѣ огорода, есть и коза, то оно считается весьма зажиточнымъ, хотя это животное ничего не стоитъ хозяевамъ, такъ какъ оно само добываетъ себѣ пищу на склонахъ холмовъ. Болѣе бѣдные изъ прибрежныхъ жителей имѣютъ всегда нѣсколько кроликовъ, и только самыя нерадивые или, лучше сказать, несчастные изъ нихъ и того не имѣютъ. Когда вы осматриваете жилище прибрежнаго жителя, дѣти непременно покажутъ вамъ своихъ любимыхъ кроликовъ, которые живутъ не только въ главной избѣ, но и въ конурѣ. Но кроликовъ разводятъ здѣсь не для удовольствія дѣтей: во всей Фландріи производится значительная торговля этими животными, и ихъ ежегодно тысячами вывозятъ въ Англію. Такимъ образомъ эти бѣдныя семейства добываютъ кое-что и на кроликахъ, и это имъ достается безъ особеннаго труда и затраты, такъ какъ дѣти съ любовью ухаживаютъ за ними. Иногда, въ дни большихъ праздниковъ, вы находите за столомъ этихъ жителей кушанья изъ кроликовъ.

Прибрежные жители преимущественно занимаются рыбнымъ промысломъ, но не одна рыба даетъ имъ заработокъ: море полно безчисленными дарами. Несмотря на это, они обыкновенно бѣдны, такъ какъ не всегда легко и возможно добывать скрытыя въ морѣ сокровища. Они проводятъ всю свою жизнь въ трудахъ и опасностяхъ и имѣютъ столько, сколько нужно, чтобы едва поддерживать скудное существованіе. Правда, бываютъ случаи, что нѣкоторые изъ нихъ вдругъ начинаютъ много зарабатывать и богатѣть, но и тутъ обыкновенно являются какое-нибудь несчастіе,—буря или

крушение корабля, и все добытое быстро исчезаетъ въ волнахъ, а нерѣдко море и совершенно прекращаетъ дальнѣйшую борьбу за существованіе.

Ловля креветокъ — одинъ изъ самыхъ скудныхъ заработковъ. Бѣдные люди, которые занимаются этимъ, часто должны стоять по поясъ въ водѣ по нѣсколько человѣкъ кряду, двигая передъ собою тяжелую сѣть для улова. Креветка — маленькое, стройное черепокожее животное; оно особенно любитъ плоскія песчаные побережья и ловится въ Нѣмецкомъ морѣ въ большомъ количествѣ. Особенно благоприятствуютъ этой ловлѣ весенніе и осенніе мѣсяцы. Креветокъ сначала варятъ, а потомъ уже несутъ на рынокъ или изъ дома въ домъ: онѣ составляютъ любимую пищу бельгійцевъ. Креветокъ легко можно разсмотрѣть на днѣ моря, и когда ихъ спугнуть, онѣ быстро прячутся въ песокъ. Поэтому сѣтку устраиваютъ такъ, что ее легко можно двигать посредствомъ шеста по дну моря, т.-е. по поверхности песка. Испуганныя животныя попадаютъ въ сѣтку вмѣстѣ съ морскими звѣздами; ихъ выбираютъ и бросаютъ черезъ плечо въ корзину, висящую на спинѣ. Креветокъ на фландрскомъ берегу обыкновенно ловятъ женщины. При этомъ онѣ одѣваютъ родъ мужского костюма, на спину подъ корзинку кладутъ подкладку, чтобы поша не надавливала, на голову надѣваютъ шляпу. Большею частью это самыя бѣдныя, покинутыя созданія, которыя такимъ образомъ добываютъ себѣ скудное пропитаніе.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ ловля креветокъ, имѣетъ *рыбная ловля*. Въ прежнія времена на фландрскомъ побережьи производилась ловля сельдей, которая, однако, никогда не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ Голландіи. Въ послѣднее время ловля сельдей во Фландріи, и въ особенности въ Остендѣ, стала незначительною, хотя дѣлали всевозможныя усилія, чтобы поднять ее. Гораздо значительнѣе здѣсь ловля трески; она начинается весною и продолжается до конца октября. Обыкновенно въ это время совершается два или три плаванія, смотря по обстоятельствамъ. Первое плаваніе предпринимаютъ тотчасъ послѣ пасхи, не обращая вниманія на время, когда бываетъ пасха. Каждое плаваніе продолжается отъ 6 до 8 недѣль. Незадолго до отхода этихъ маленькихъ флотилій набережная сильно оживляется. Одни убираютъ неводы и ящики, выгружаютъ камни, служащіе балластомъ, повсюду чинятъ паруса и снасти, на суда доставляютъ соль, провіантъ и бочки съ водою, однимъ словомъ дѣлаютъ всевозможныя приготовленія для продолжительнаго плаванія. Въ понедѣльникъ на святой совершается месса, и рыбаки съ своими семействами наполняютъ церковь; по выходѣ изъ нея народъ начинаетъ прогуливаться по набережной, а мужчины отправляются въ пивныя. Въ путь пускаются при первомъ попутномъ вѣтрѣ, и когда день уже назначенъ, набережная кипитъ женщинами и дѣтьми, которыя провожаютъ отплывающихъ криками и поклонами.

Каждое судно обходится отъ 16 до 18 тысячъ франковъ. Согласно съ установившимися обычаями, рыбаки дѣлятъ добычу между собою и владѣльцемъ корабля. Прежде всего изъ общей выручки уплачиваютъ маклеру мѣстные пошлины, за право торговли, комиссіонеру, который устраиваетъ это дѣло между владѣльцемъ судна и рыбаками, вносятъ извѣстную сумму во вдовью кассу, дѣлаютъ вычеты за бочки, отопленіе, потери, за порчу снастей и сѣтей. Такимъ образомъ выходитъ очень крупная сумма, которую приходится вычестъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлежу между хозяиномъ и рыбаками. Чистую прибыль дѣлятъ на три части: одну часть получаетъ владѣлецъ корабля, другую — служащіе при кораблѣ и третью — рыбаки.

Часть наловленной рыбы солятъ, а другую привозятъ живою. Чтобы привезти на рынокъ живую рыбу, употребляютъ судно, въ которомъ одна часть трюма про-

дыравлена и такимъ образомъ постоянно наполняется морскою водою, а рыба сохраняется живою до самаго возвращенія. Кромѣ трески, уловъ состоитъ изъ разнаго рода рыбы: камбалы, скаты, бѣлорыбицы; ихъ тотчасъ раскладываютъ по сортамъ, кладутъ въ продыравленные ящики и такимъ образомъ привозятъ живую рыбу всевозможныхъ сортовъ.

Рыбаки продаютъ рыбу поштучно или корзинами, но то и другое дѣлается въ такомъ случаѣ, когда она остается послѣ аукціона, который устраиваютъ тотчасъ послѣ возвращенія. Продавецъ, окруженный покупателями, указывая на ту или другую рыбу, громко выкрикиваетъ ей цѣну. Если она оказывается слишкомъ высокою, онъ получаетъ въ отвѣтъ гробовое молчаніе. Оглядывшись кругомъ, онъ назначаетъ другую цѣну, болѣе низкую. Часто и послѣ этого его встрѣчаютъ взрывами смѣха; онъ начинаетъ браниться, говорить о трудности путешествія, о тяжести полатей и налоговъ и кончаетъ тѣмъ, что опять сбавляетъ цѣну, увѣряя при этомъ, что болѣе не уступаетъ ни полушки.

Не меньшій заработокъ доставляетъ *ловля устрицъ*. Ихъ находятъ у всѣхъ европейскихъ береговъ, начиная съ Средиземнаго моря и кончая берегами Норвегіи. Но самыя замѣчательныя и болѣе славящіяся въ торговлѣ—остендскія и англійскія. Ихъ собираютъ съ августа до середины апрѣля, во-первыхъ—потому, что лѣтомъ устрицы плодятся, и слѣдовательно промышленникамъ невыгодно вынимать ихъ изъ воды и не давать имъ размножаться, а, во-вторыхъ, потому, что въ холодное время гораздо легче перевозить ихъ въ отдаленныя мѣстности. Если молодая устрица, послѣ появленія своего на свѣтъ, не найдетъ удобнаго мѣста для прикрѣпленія на какомъ-нибудь подводномъ предметѣ, то она умираетъ; вслѣдствіе этого ловцы устрицъ вбиваютъ въ мѣстности, гдѣ онѣ водятся, колья или опускаютъ въ море пучки хворосту, къ которымъ и прикрѣпляются молодыя животныя. Когда устрица достаточно выросла, ее снимаютъ съ кола или съ хворостника и опускаютъ на дно, гдѣ она продолжаетъ жить, пока не сдѣлается годною для продажи. Ихъ нельзя продавать, прямо вынимая изъ моря, такъ какъ онѣ имѣютъ непріятный иловатый вкусъ. Прежде, чѣмъ пустить ихъ въ продажу, ихъ готовятъ въ особыхъ вмѣстелищахъ. Вмѣстелища эти состоятъ изъ ряда неглубокихъ прудовъ, лежащихъ близъ берега моря и заливаемыхъ морскою водою во время каждаго прилива. Тутъ живутъ устрицы и мало-по-малу теряютъ свой непріятный вкусъ. Прибрежные жители рѣдко сами употребляютъ ихъ, а берегутъ для продажи, такъ какъ знаютъ, что всегда найдутъ для нихъ покупателя; зато бѣдный людъ много ѣстъ ракушекъ.

Ракушки встрѣчаются на берегу во время отлива и покрываютъ балки гавани безчисленными массами. Гдѣ только найдется предметъ, который можетъ служить точкой опоры, къ нему прикрѣпляются ракушки и покрываютъ его точно мозаикой. Во время отлива онѣ остаются на сушѣ, и по нимъ можно ходить, нисколько не вредя этой живой мостовой. Своею привычкою собираться большими массами въ одномъ мѣстѣ эти съѣдобные слизняки приносятъ большую пользу водянымъ постройкамъ, такъ какъ быстро наполняютъ въ нихъ всѣ щели и отверстія, предохраняя ихъ отъ разрушенія. Размножаются ракушки чрезвычайно быстро, и въ срединѣ лѣта вода у тѣхъ береговъ, гдѣ онѣ живутъ, иногда окрашивается въ красный цвѣтъ; это происходитъ отъ огромнаго числа только что развившихся молодыхъ животныхъ. Ракушекъ собираютъ и истребляютъ милліонами: ихъ можно встрѣтить за столомъ какъ бѣдняка, такъ и перваго богача.

Въ большихъ бельгійскихъ и голландскихъ городахъ ракушки составляютъ важный предметъ разносной торговли. Продавецъ тащитъ маленькую телѣжку самъ

или впрягаетъ въ нее собакъ и такъ переходитъ онъ отъ одного дома къ другому, громко выкрикивая свой товаръ, но при этомъ съ такой интонаціей и съ такимъ выговоромъ, что только мѣстные жители понимаютъ, что онъ продаетъ.

ХАРАКТЕРЪ БЕЛЬГІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

Страна городовъ.—Зданіе городской ратуши и вѣчевая башня.—Гентъ.—Памятники прошлаго и нынѣшнія постройки.—Цвѣтоводство.—Хлопчатобумажное производство.—Жизнь бегинень, ихъ права, обычаи и занятія.

Бельгія — страна городовъ. Ихъ было чрезвычайно много даже и тогда, когда Филиппъ II путешествовалъ по этой странѣ; одинъ городъ слѣдовалъ за другимъ, и онъ въ изумленіи воскликнулъ: «можно подумать, что страна эта одинъ непрерывный городъ!» Увеличенію числа городовъ еще въ средніе вѣка особенно содѣйствовало то, что многіе изъ нихъ пользовались большими привилегіями и уже въ то время находились въ самомъ цвѣтущемъ промышленномъ и торговомъ состояніи. Вывозъ за границу различныхъ произведеній постоянно развивалъ и поддерживалъ городскую промышленность и блестящую, оживленную торговлю. Всѣ эти причины содѣйствовали тому, что городское населеніе Бельгіи стало быстро расти, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось и число городовъ. Такимъ образомъ эта маленькая страна начинаетъ постепенно преобразовываться въ чисто городское государство. Ростъ городского населенія и въ настоящее время идетъ съ изумительною быстротою. Народонаселеніе Брюсселя въ теченіе 45 лѣтъ удвоилось, Гента — болѣе чѣмъ удвоилось, Антверпена — увеличилось по крайней мѣрѣ на одну треть.

Большія, замѣчательныя зданія многихъ бельгійскихъ городовъ говорятъ о богатствѣ гражданъ и объ огромномъ значеніи городовъ въ прежнее время. Особенное впечатлѣніе производятъ обыкновенно два старинныхъ зданія: зданіе *городской ратуши* и *вѣчевая башня*. Городская ратуша издавна представляла главный центръ городской жизни и дѣятельности, а потому города тратили колоссальныя деньги на ея сооруженіе и на украшенія, выписывали для этого знаменитостей изъ странъ самыхъ отдаленныхъ. Вотъ потому-то всѣ дворцы, которые остались отъ того времени, незначительны въ сравненіи съ великолѣпными зданіями ратушъ. Великолѣпіе этихъ зданій показываетъ, какъ велико было въ то время значеніе городского сословія. Несмотря на множество блестящихъ современныхъ зданій въ бельгійскихъ городахъ, эти ратуши до сихъ поръ изумляютъ оригинальностью своей постройки и необыкновеннымъ блескомъ архитектурныхъ украшеній. Хотя эти ратуши строились въ очень многихъ городахъ, но по внѣшнему своему виду онѣ чрезвычайно разнообразны: каждая изъ нихъ выстроена совершенно оригинально и по особому плану. При постройкѣ такого зданія не послѣднее вниманіе было обращено на крыльцо, съ котораго городскія власти говорили съ народомъ.

Большинство городовъ уже въ XIII-мъ и XIV-мъ столѣтіяхъ пользовалось извѣстными привилегіями и льготами, т. е. обладало «хартіями вольностей». Конечно, не всѣ города получили эти хартіи одновременно и съ одинаковою легкостью, и полученныя льготы были весьма различны. Но всѣ эти «хартіи вольностей» были письменными договорами и торжественно вручались городскимъ представителямъ, сохранившимъ ихъ въ высокихъ «вѣчевыхъ башняхъ» съ огромнымъ колоколомъ, звонъ котораго призывалъ къ войнѣ, къ возстаніямъ или возвѣщалъ начало празднествъ и

процессій. По вѣншему виду такая вѣчевая башня напоминает то крѣпостную башенку, то церковную колокольню.

На площади, гдѣ построены эти два зданія, т.-е. ратуша и вѣчевая башня, въ прежнее время устраивалось обыкновенно народное собраніе.

Гентъ въ XVI в. былъ самымъ большимъ промышленнымъ городомъ въ Европѣ. Жители его не только отстаивали свои права, но стремились даже къ господству надъ цѣлыми областями. Императоръ Карлъ V однажды строго покаралъ жителей Гента за то, что они наотрѣзъ отказались выплатить назначенную сумму. Онъ отнялъ у Гента его привилегіи, казнилъ мятежниковъ, наложилъ на горожанъ контрибуцію, отобралъ у нихъ оружіе и колоколъ Роландъ, который такъ часто призывалъ гражданъ къ возстанію. Часть денежнаго штрафа онъ употребилъ на постройку цитадели, чтобы держать жителей Гента въ повиновеніи, и съ тѣхъ поръ уже ни одинъ городъ въ Бельгіи не возставалъ противъ Карла. Самою чувствительною потерей для города было то, что у него были отняты его привилегіи и ограничена его свобода; это скоро отозвалось на его промышленности и торговлѣ. Нужно замѣтить, что Гентъ своимъ цвѣтущимъ положеніемъ былъ обязанъ своей промышленности. Производство сукна въ XVI столѣтіи достигло здѣсь такого развитія, что имъ было занято болѣе 40,000 человекъ. Но когда гентцы потеряли свои привилегіи, промышленность стала быстро падать. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, однако, она снова начала развиваться. Самую существенную часть ея въ настоящее время составляютъ бумагопрядильныя фабрики и ткацкое производство. Высшаго развитія своихъ бумажныхъ мануфактуръ этотъ городъ достигъ не ранѣе 1819 г., когда онѣ среднимъ числомъ давали 45% прибыли. Такой барышъ вскружилъ всѣмъ головы, и число фабрикъ стало увеличиваться съ каждымъ днемъ. Развилась необузданная страсть къ предпріятіямъ этого рода: землевладѣльцы продавали свои помѣстья, купцы распродалъ свои товары, чтобы цѣлыми компаніями заводить бумагопрядильни. Хотя въ настоящее время эти фабрики не даютъ уже такихъ барышей и бумагопрядильная лихорадка прошла, но и теперь положить капиталъ на бумагопрядильную фабрику или войти съ кѣмъ-нибудь въ часть при ея устройствѣ считается вѣрнымъ помѣщеніемъ денегъ; при этомъ можно разсчитывать получить хорошій процентъ. Гентъ совершенно справедливо называютъ бельгійскимъ Манчестеромъ.

Высшей степени процвѣтанія достигло здѣсь также цвѣтоводство, о которомъ было упомянуто выше. Кромѣ замѣчательнаго городского ботаническаго сада, въ Гентѣ насчитываютъ болѣе 400 обширныхъ оранжерей. Здѣсь каждый годъ происходятъ большія выставки цвѣтовъ, превосходящія все, что только можно себѣ представить. Кромѣ ежегодныхъ общихъ выставокъ, бываютъ и малыя выставки. Можно даже сказать, что каждое воскресенье утромъ происходитъ выставка цвѣтовъ, такъ какъ въ этотъ день на большой площади города устраивается огромный цвѣточный базаръ, и при этомъ нерѣдко за лучшіе цвѣты раздають призы.

Гентъ расположенъ на множествѣ острововъ, соединенныхъ мостами, такъ что многіе называютъ его «сѣверной Венеціей». Въ Бельгіи это городъ чуть-ли не самый богатый своими историческими воспоминаніями. Первое впечатлѣніе однако довольно мрачно: при вступленіи въ него безпрестанно встрѣчаешь полуразвалившіеся валы, темныя и высокія садовыя стѣны, узкія улицы, дома съ высокими и остроконечными фронтонами. Но чѣмъ дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ чаще попадаются каналы, мосты, аллеи, общественныя зданія, театры, церкви, колокольни и часовни, которыя говорятъ о замѣчательномъ вкусѣ народа. Древнія готическія постройки, памятники и остатки искусства свидѣтельствуютъ о могуществѣ и богатствѣ этого города въ

прежніе вѣка. Своеобразный характеръ Гента болѣе всего происходитъ отъ множества острововъ: куда вы ни пойдете, передъ вами вездѣ темная поверхность водъ. Выдающіеся балконы домовъ, богатые скульптурныя украшенія, древнія строенія, сводчатыя галлерей, множество лодокъ у набережной, здѣсь и тамъ поэтическія развалины, обросшія плющемъ, все это придаетъ городу живописный видъ и уничтожаетъ первое мрачное впечатлѣніе.

Изъ построекъ Гента особенно замѣчательнъ соборъ св. Баво,—одна изъ самыхъ великолѣпныхъ церквей въ Бельгіи. Въ соборѣ находится подземная церковь 941 г. Въ числѣ замѣчательныхъ произведеній искусства въ этомъ храмѣ хранятся многія знаменитыя картины. Почти въ самой срединѣ города стоитъ башня Бельфридъ или Бельфрау, возведенная въ XII ст. Лишь только съ ея высоты раздавался колокольный звонъ, какъ граждане, съ оружіемъ въ рукахъ, слѣшили въ собраніе. То же самое гласитъ и надпись, находящаяся на одномъ громадномъ колоколѣ, Роландъ: «имя мое Роландъ; когда я звоню,—значитъ пожаръ; когда я трезвоню,—Фландрія въ опасности». На мѣсто этого колокола въ XVII ст. устроены были куранты—часы, очень любимыя бельгійцами. Эти куранты въ Гентѣ каждую четверть часа провожаютъ протекшее время какою-нибудь пѣсней или наигрываютъ разныя аріи изъ оперъ.

Въ каждомъ старомъ голландскомъ и бельгійскомъ городѣ есть свои куранты, но самыя знаменитыя изъ нихъ въ бельгійскихъ городахъ. Механизмъ этихъ часовъ состоитъ изъ колеса, который вертитъ большой валъ, усаженный шипами. Эти шипы задѣваютъ за проволоки, расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ и которыя приводятъ въ движеніе языки колоколовъ и желѣзные молотки. Чтобы сыграть какую-нибудь мелодію, число колоколовъ должно быть велико. Самые замѣчательныя бельгійскіе куранты—въ Гентѣ и Брюгге. Брюггскіе куранты, лучшіе въ Европѣ, снабжены 48 колоколами. Куранты можно назвать самыми древними, самыми прилежными, самыми высокими и самыми безкорыстными музыкантами въ свѣтѣ, такъ какъ они не требуютъ никакой платы отъ своихъ слушателей. Хотя валы курантовъ имѣютъ огромное число шиповъ, но они могутъ играть только ограниченное число арій и музыкальных пьесъ. Чтобы разнообразить эту музыку и дать что-нибудь новое хотя въ праздничные дни, многіе изъ нихъ снабжены чѣмъ-то вродѣ клавиатуръ и педалями, такъ что башенный сторожъ можетъ играть на нихъ по нотамъ и наизусть. Въ прежнія времена выдавали награды лучшимъ музыкантамъ на курантахъ, и изъ нихъ многіе были настоящими виртуозами. Теперь наградъ не выдаютъ, но башенные сторожа почти всѣ умѣютъ играть на этихъ оригинальныхъ инструментахъ. Прежде куранты наигрывали духовныя мелодіи псалмовъ и церковныхъ пѣсней; теперь времена перемѣнились, и, вмѣсто благочестивой музыки, вы слышите аріи изъ Нормы, веселые вальсы Штрауса и бурные галопы.

Въ Гентѣ находится пользующійся громадною извѣстностью Бегиненгофъ—особый городокъ въ городѣ, основанный въ XIII ст., со стѣнами, рвами, съ сотнями домовъ, нѣсколькими монастырями, или, какъ ихъ называютъ, конвентами, и двумя церквями. Эти «бегиненгофъ» находятся не только въ Гентѣ, но и въ Лувенѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Бельгіи. Въ нихъ живутъ *бегины*, женщины, которыя соединяются вмѣстѣ для общаго сожителства, труда и молитвы. Ихъ цѣль—тихая религіозная жизнь и благотворительность. Это нѣчто въ родѣ полумонахинь, однако съ тою разницею, что бегины живутъ въ этихъ монастыряхъ на свои собственныя средства или на свой собственный заработокъ и только на время своего пребыванія въ общинѣ даютъ обѣдъ цѣломудрія и полного подчиненія предписаннымъ правиламъ. Обитательницы этихъ монастырей чрезвычайно оригинально соединяютъ монашескій об-

разъ жизни со свѣтскимъ, свободу съ рабскимъ подчиненіемъ, общественность съ полнѣйшимъ уединеніемъ, повиновеніе и молитву съ проявленіемъ власти, простоту и скромность жизни съ блескомъ и тщеславіемъ. Изъ всѣхъ городовъ Бельгіи учрежденія бегинъ достигли наибольшаго развитія въ Гентѣ. Женщинъ насчитываютъ здѣсь болѣе 900 человекъ.

Бегиненгофъ раздѣляется на двѣ общины: *большую общину* бегинъ, которая лежитъ вблизи брюггенскихъ воротъ, и на *малую общину* въ противоположной сторонѣ. Эти общины окружены стѣнами и рвами, и каждая изъ нихъ имѣетъ ворота, которыя въ ночи закрываются и затѣмъ открываются только по важной причинѣ. Въ большой общинѣ изъ жилища священника устроенъ особый входъ въ бегиненгофъ, чтобы облегчить ему посѣщеніе больныхъ и умирающихъ во время ночи. Устройство въ общинахъ, за исключеніемъ мелочей, совершенно одинаковое.

Каждая община имѣетъ свою собственную церковь, подлѣ которой находится лужайка, обсаженная липами. Кругомъ, на нѣкоторомъ разстояніи, стоитъ множество отдѣльных домиковъ; между ними проходятъ маленькія, чистыя улицы и переулки. Домики построены изъ красныхъ кирпичей, около оконъ и дверей виднѣются бѣлыя зубчатые украшенія, что придаетъ имъ веселый видъ. Каждый домъ отдѣляется отъ улицы и отъ соседнихъ строеній маленькимъ переднимъ дворомъ, окруженнымъ стѣною. Ворота во дворѣ держатся на запорѣ; они снабжены звонкомъ и рѣшеткою, чрезъ которую можно смотрѣть и говорить. Здѣсь и тамъ на дворѣ нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ, а то и плодовыхъ деревьевъ. По стѣнамъ вьется виноградъ, плющъ или жимолость. Каждый домъ носитъ какое-нибудь названіе, которое можно прочитать на наружныхъ воротахъ, напр. «домъ св. Ливена», «св. Креста», «св. Алексѣя», «св. Варвары» и т. п. Конвенты или монастыри точно также носятъ особые названія: «св. Ангела», «Іоанна Крестителя»; но нѣкоторые имѣютъ и совершенно свѣтскія названія, напр. «подъ дубами»: эти уже, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія.

Большая община состоитъ изъ 18 монастырей и болѣе сотни отдѣльных домиковъ; малая община имѣетъ 7 монастырей и около 90 домиковъ. Каждый конвентъ, или монастырь имѣетъ свою настоятельницу, которую выбираютъ всѣ сестры, или обитательницы этого конвента. Выбранная не имѣетъ права отказаться отъ должности, которую она должна исполнять въ продолженіи года, но она обыкновенно остается настоятельницей на всю жизнь; ее называютъ «juffrow» (дѣва), между тѣмъ какъ остальные обитательницы называютъ другъ друга «сестра». Настоятельница наблюдаетъ за хозяйствомъ и за порядкомъ, руководитъ молитвами, даетъ разрѣшеніе выходить со двора, принимать посѣтителей. Настоятельницы всѣхъ конвентовъ выбираютъ между собою *старшую* (groot juffrow, т. е. старшая дѣва), которая начальствуетъ надъ всею общиною и имѣетъ еще двухъ помощницъ, а въ большой общинѣ, кромѣ того, и двухъ совѣтницъ. Власть *старшей* относительно порядка общины и внутренняго ея устройства почти неограничена. Она должна два раза въ годъ пересмотрѣть всѣ конвенты и дома, конфисковать у бегинъ все, что найдетъ недозволенаго въ утвари, платьѣ и убранствѣ комнаты.

Чтобы сдѣлаться бегинюю, необходимо католическое вѣроисповѣданіе, незапятнанный дѣвичій или вдовій образъ жизни и, кромѣ того, нужно предъявить извѣстный доходъ на свое содержаніе. Последнее требованіе дѣлается въ виду того, чтобы не обременить кассу бѣдныхъ и больныхъ. Хотя каждая бегина обязана сама содержать себя, но о немощныхъ, старыхъ и обѣднѣвшихъ заботится община. Въ большой общинѣ каждая бегина должна вносить ежегодно 110 франковъ за свое содержаніе,

а въ малой общинѣ 60 гульденовъ, что почти то же самое; монахини со средствами, кромѣ того, должны при своемъ вступленіи пожертвовать сумму по крайней мѣрѣ въ 54 гульдена.

Не опредѣлено возраста, требуемаго для поступленія, и потому встрѣчаются даже 15-лѣтнія послушницы. Вступающія должны выдержать два года искуса въ конвентѣ; послѣ перваго года бываетъ *малое посвященіе*, при чемъ, какъ и при вступленіи, монахиня устраиваетъ пиръ для сестеръ. Если и второй годъ проходитъ благополучно и послушница остается при своемъ прежнемъ намѣреніи, то происходитъ *церковное посвященіе*—«bruiloft», т.-е. свадьба. Въ Бегиненгофѣ это громкое и веселое событіе, въ которомъ принимаетъ участіе не только *невеста*, ея семейство и конвентъ, въ которомъ она живетъ, но и вся община. Въ этотъ день дорога отъ конвента въ церковь вся усыпана цвѣтами и разноцвѣтными бумажными обрѣзками. Месса носитъ на себѣ печать особенной торжественности; на невестѣ надѣта корона изъ жемчуга и блесокъ. До начала богослуженія «сестры» подносятъ ей букеты, вѣнки и стихотворенія, въ которыхъ на разные лады превозносятъ счастье мирной жизни бегинъ и блаженство удостоившейся чести стать невестой Христа. Однимъ словомъ все имѣетъ видъ свадьбы, только жениха нужно вообразить. Есть даже подружки: двѣ маленькія дѣвочки, которыя не покидаютъ невесту въ продолженіе цѣлаго дня, во время службы сидятъ рядомъ съ нею, передъ главнымъ алтаремъ держатъ концы покрывала въ то время, когда она принимаетъ причастіе. Въ концѣ богослуженія читаютъ нѣчто въ родѣ наставленія на латинскомъ языкѣ, чего, разумѣется, ни невеста, ни окружающія ее сестры не понимаютъ. Когда богослуженіе совсѣмъ оканчивается, одна изъ сестеръ подноситъ невестѣ стаканъ вина, чтобы подкрѣпить силы, такъ какъ она не ѣла съ утра. Затѣмъ священники, снявъ облаченіе, окружаютъ невесту и ведутъ ее въ сопровожденіи всѣхъ гостей, родныхъ и сестеръ въ домъ конвента, гдѣ уже приготовленъ свадебный обѣдъ, устроенный на счетъ невесты или ея родныхъ. При торжественныхъ обѣдахъ имѣетъ право присутствовать только извѣстное число родственниковъ: во время малаго посвященія ихъ допускаютъ 8 человекъ, при «свадьбѣ» 12. Въ церковь же во время торжественнаго обряда «свадьбы», кромѣ священниковъ, постороннихъ мужчинъ не допускаютъ. Что же касается ограниченаго числа гостей во время обѣда, то это правило никогда не соблюдается, и настоятельница всегда умѣетъ придать законность всѣмъ отступленіямъ отъ предписанныхъ постановленій. «Невеста» должна помнить во время обѣда о всѣхъ сестрахъ ея конвента, которыя почему-нибудь не явились на этотъ пиръ или которыя живутъ внѣ общаго дома: каждое кушанье, которое подаютъ, она откладываетъ на особую тарелку и посылаетъ то той, то другой сестрѣ. Послѣ обѣда, который часто проходитъ очень весело, устраиваютъ прогулку или что-нибудь въ этомъ родѣ. Эти пиры не всегда происходили соотвѣтственно скромной монастырской жизни, что видно изъ различныхъ предписаній, въ которыхъ порицаютъ чрезмѣрную роскошь и веселіе бегинъ въ тѣ дни, когда «невесты» посвящаютъ себя Богу. Въ XVII столѣтіи аббатъ Ванъ-Рикель прямо говоритъ: «онѣ не ищутъ счастья и радости въ Богѣ, думаютъ не о Христѣ, которому посвящаютъ свою жизнь, но о винѣ, обжорствѣ, тщеславіи и безуміи. Онѣ не думаютъ о томъ, какъ бы сдѣлаться болѣе удобными Христу, но вся ихъ мысль направлена на то, какъ бы перешеголять другъ друга золотою, серебряною и фаянсовою посудой». Говорятъ, въ большой общинѣ въ настоящее время этотъ обрядъ носитъ болѣе скромный характеръ.

Послѣ свадьбы обвѣнчанная обязана прожить еще четыре года въ конвентѣ, слѣдовательно всего 6 лѣтъ; послѣ этого ей предоставляется право поселиться въ од-

номъ изъ отдѣльныхъ маленькихъ домиковъ, которые устроены для двухъ или нѣсколькихъ женщинъ. Если бегина и прожила въ конвентѣ 6 лѣтъ, но не достигла еще 28-лѣтняго возраста (а въ большой общинѣ 30-лѣтняго возраста), она должна остаться въ конвентѣ. Никто изъ сестеръ не имѣетъ права жить въ этихъ домикахъ совершенно отдѣльно, а непременно съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ: съ сестрой, которой тоже вышелъ срокъ жить внѣ общины, съ какой-нибудь родственницею, даже съ свѣтскою подругою или съ служанкою. Каждая сестра имѣетъ въ такомъ домикѣ свою постель, свою собственную мебель, утварь, однимъ словомъ свое собственное хозяйство и пользуется большою свободою и самостоятельностью, чѣмъ въ конвентѣ. Въ этихъ мирныхъ домикахъ можно найти даже бутылки отъ вина, но строго воспрещается богатая мебель, ковры, вышитыя занавѣски. Роскошные предметы конфискуются настоятельницею, когда она посѣщаетъ эти домики. Въ этихъ комнатахъ вы увидите только голыя стѣны, простые столы и стулья, но все блеститъ необыкновенною чистотою. Даже самые маленькіе изъ домиковъ просторны для немногихъ лицъ, которыя въ нихъ живутъ. Вы въ нихъ найдете не только спальни (ихъ всегда устраиваютъ по числу обитательницъ), ледникъ, чердакъ, но часто двѣ кухни и одну общую комнату. Въ комнатахъ нѣтъ печей, вмѣсто нихъ употребляютъ грѣлки.

Въ конвентахъ, кромѣ общей комнаты и молитвенной залы, существуютъ еще прачечная и кухня съ многочисленными очагами, зала, назначенная для различныхъ торжествъ, другая для посѣщеній и, наконецъ, общая столовая. Эта послѣдняя особенно замѣчательна тѣмъ, что въ ней вы наглядно можете видѣть самостоятельныя хозяйства каждой монахини, несмотря на общую жизнь. Здѣсь каждая пьетъ свой собственный кофе, имѣетъ свое отдѣльное мѣсто для ѣды. Вдоль стѣнъ столовой стоятъ маленькіе шкапы (впрочемъ, въ малой общинѣ въ большинствѣ конвентовъ общіе столы), въ которыхъ сохраняютъ столовую посуду, хлѣбъ, соль, и т. под. Если отворить обѣ половины дверей такого шкафа, то на извѣстной высотѣ можно выдвинуть доску, которая служитъ столомъ. Такимъ образомъ обѣдающіе сидятъ близко одна отъ другой, но повернувшись спинами и отдѣленные другъ отъ друга открытыми половинками дверей шкафа.

Домашній и церковный порядокъ бегинъ подчиненъ строгимъ правиламъ. Все время, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней въ году, проходитъ въ ненарушимой тишинѣ и однообразіи. Монахини, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Бегиненгофѣ, превращаются въ дѣтей: бѣгаютъ въ свободное время по лугу, затѣваютъ игры, ссоры, которыя онѣ тотчасъ забываютъ, и ждутъ съ нетерпѣніемъ праздниковъ, особенно св. Петра, когда вечеромъ, на небольшой лужайкѣ, зажигаютъ огни въ честь этого святого и когда онѣ гуляютъ и веселятся болѣе обыкновеннаго. Жизнь этихъ полумонахинъ не нужно представлять себѣ мрачной, сосредоточенной и суровой: онѣ поютъ, смѣются, шутятъ, а въ архивахъ общинъ прежнихъ временъ осталось множество предписаній настоятельницамъ о запрещеніи монахинямъ танцевъ и непристойныхъ пѣсней. Живя постоянно и исключительно въ женскомъ обществѣ, не получивъ понятія о высшихъ стремленіяхъ и идеалахъ, не умѣя заняться никакимъ умственнымъ трудомъ, эти женщины скоро привыкаютъ къ сплетнямъ и лжи. Эти качества такъ свойственны имъ, что существуетъ даже фламандская поговорка: «это ложь монахини бегинъ». Болѣе всего онѣ любятъ поболтать, и если только почувствуютъ довѣріе къ посѣтителю, ихъ языкъ работаетъ не переставая. Большинство ихъ отличается необыкновенною веселостію, — характерная черта фламандскаго народа.

Монахини любятъ музыку; въ одной изъ комнатъ монастыря очень часто стоитъ инструментъ, заваленный нотами. Комната, въ которой находится фортепьяно, слу-

жить въ то же время приѣмной для посятителей. Каждая монахиня имѣетъ право не только принимать своихъ ближайшихъ родственницъ и родственниковъ, но даже и оставлять ихъ ночевать, но не иначе, какъ съ разрѣшенія настоятельницы. Всѣхъ, кто остается ночевать, приводятъ къ настоятельницѣ, которою обыкновенно бываетъ старая дѣва, и гости ночуютъ въ одной изъ комнатъ ея дома. Но разъ монахинѣ дозволено принимать родственниковъ, трудно контролировать, кто къ ней приходитъ—знакомый или братъ. Впрочемъ, если бегины прославились своимъ мотовствомъ на «свадебныхъ пирахъ», своею болтливостью и пошлыми сплетнями, на нихъ рѣдко падаютъ упреки въ безнравственности. Къ ихъ чести нужно прибавить также, что онѣ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и услужливостью исполняютъ всѣ возложенныя на нихъ обязанности: ухаживаютъ за больными, учатъ въ школахъ, плетутъ кружева, и никто не слышитъ отъ нихъ жалобъ на свое положеніе.

Комнаты и залы въ конвентахъ убраны такъ же просто, какъ и въ отдѣльных домикахъ: единственное украшеніе—цвѣты и изображенія святыхъ. Ложась въ постель, прежде чѣмъ начать раздѣваться, монахини должны погасить свѣчи. При входѣ въ конвентъ подѣ стекломъ вывѣшены наставленія въ родѣ слѣдующихъ: «безъ любви монастыри представляютъ адъ, а обитатели ихъ уподобляются дьяволамъ; любовь же обращаетъ монастыри въ рай, а обитателей уподобляетъ ангеламъ».

Когда монахиня умираетъ, устраиваютъ публичный аукціонъ оставшемуся отъ нея имуществу; при этомъ сестры считаютъ величайшею для себя честью и заслугою, если за эти вещи дорого платятъ. Вырученныя деньги идутъ въ пользу близкихъ покойницы, а если они отказываются, то въ кассу общины для бѣдныхъ и больныхъ. Если монахиня пользовалась хорошею репутаціею, прославилась благочестивою жизнью, ея имущество, обыкновенно совершенно ничтожное, продаютъ иногда за большія деньги, и купившій хранить ея вещи, какъ святыню. Умершихъ одѣваютъ и кладутъ на постель на двое сутокъ. Онѣ лежатъ съ распятіемъ въ сложенныхъ рукахъ, съ вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на головѣ и съ двумя зажженными свѣчами по сторонамъ. Двѣ монахини сидятъ безотлучно около покойницы, и въ продолженіе двухъ дней къ ней приходятъ прощаться всѣ сестры одна за другой.

Бегины, какъ мы уже замѣтили, не связаны никакимъ обѣтомъ. Онѣ могутъ съ разрѣшенія настоятельницы поѣхать погостить къ своимъ роднымъ на извѣстное время, могутъ выйти замужъ, когда имъ вздумается, или просто смѣнить жизнь въ Бегиненгофѣ на собственный домъ. Тѣмъ не менѣ каждая община считаетъ дѣломъ чести, чтобы замужества и выходы случались какъ можно рѣже. Католическая религія даетъ много средствъ дѣйствовать на паству такъ, какъ этого хотятъ ея представители. И дѣйствительно, число лицъ, по какой-либо причинѣ оставляющихъ общину, чрезвычайно ничтожно. Право выхода имѣетъ болѣе всего значенія, какъ средство обуздать властолюбіе и неограниченную власть главной настоятельницы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна 50-ти лѣтняя сестра такъ поссорилась съ настоятельницей, что вышла изъ монастыря. Выходъ «сестры» вредитъ прежде всего репутаціи настоятельницы, и она старается, чтобы ея характеръ не давалъ къ этому поводовъ.

Большая часть монахинь—крестьянки ближайшихъ окрестностей. Когда у фламандца большое семейство и въ особенности много дочерей, онъ считаетъ себя счастливейшимъ, если можетъ помѣстить одну изъ нихъ въ Бегиненгофъ. Объ этомъ мечтаютъ даже самые богатые изъ нихъ. Эти «общины бегинъ» для фландрскихъ и брабантскихъ крестьянъ то же самое, что у насъ институты для дворянъ. Впрочемъ, между бегинами немало встрѣчается дѣвушекъ и изъ класса буржуазіи. Къ тому же многія женщины, имѣющія небольшія средства, часто безъ всякаго расположенія

къ монастырской жизни, все-таки стремятся найти себѣ убѣжище въ одномъ изъ домиковъ Бегиненгофа. Нерѣдко матери, овдовѣвъ и не имѣя на рукахъ маленькихъ дѣтей, начинаютъ жить въ этихъ домикахъ со своими дочерьми, которыя уже прошли двухгодичный искусь и отжили свои года въ конвентѣ. Точно также всевозможныя несчастія, житейскія неудачи, горе, семейный раздоръ побуждаютъ многихъ дѣлаться бегинами.

При каждой общинѣ находится бесплатная школа для бѣдныхъ дѣтей, и бегины охотно занимаются съ ними. Кромѣ этого, онѣ ведутъ хозяйство, вяжутъ, шьютъ, вышивають, плетутъ кружева. Многія изъ нихъ извѣстны какъ великолѣпныя работницы и зарабатываютъ порядочныя деньги. Уплачивая за свое содержаніе скромную сумму, онѣ имѣютъ возможность помогать роднымъ изъ своего заработка. Одежда монахинь не подчиняется модѣ и шьется изъ прочной матеріи. Пестрые цвѣта, шелкъ и украшенія строго запрещены: всѣ должны одинаково одѣваться. Главная часть ихъ костюма—бѣлый, полотняный платокъ, оригинально скотытый и падающій складками на спину: его носятъ вмѣсто чепчика. У старшихъ монахинь эти чепчики нѣсколько отличаются формою и называются «barbette». Подъ этимъ платкомъ гентскія монахини носятъ еще простой бѣлый, гладкій, полотняный чепчикъ, который завязываютъ у подбородка. Этотъ чепчикъ, такъ-же, какъ и носящія его, называется по-фламандски «begijne». По праздникамъ надѣваютъ платья изъ синевато-темнаго сукна, а въ будни совершенно черное. Когда онѣ выходятъ со двора, то накидываютъ еще на голову очень длинный платокъ изъ чернаго камлота со вложеннымъ кускомъ папки, такъ что его концы покрываютъ плечи и руки и доходятъ почти до ногъ: онъ называется «faljie», а по-французски «faille».

Бегины имѣютъ оригинальный видъ въ церкви: онѣ завертываются въ большіе, бѣлые, полотняные, продолговатыя платки, которые онѣ приносятъ сложенными на головѣ. При входѣ въ церковь, прежде нежели сѣсть, всѣ сразу развертываютъ эти платки и покрываются ими вмѣсто «faille», которыя онѣ снимаютъ на это время. Это бѣлое покрывало называется «vouwte» или «vaute». Когда монахини надѣли такое покрывало, вы ничего не видите въ церкви, кромѣ бѣлыхъ, запеленатыхъ фигуръ. Наступаетъ полнѣйшая тишина. Вдругъ раздаются звуки органа, и присутствующіе начинаютъ усердно молиться. Послѣ окончанія богослуженія, передъ выходомъ изъ церкви, бѣлая покрывала снимаютъ, быстро складываютъ и кладутъ на голову, на которую раньше набрасываютъ «faljie». Всѣ монахини, которыя не могутъ извиниться болѣзною, должны два раза въ день присутствовать при богослуженіи. Къ тому же четыре или пять разъ каждый день происходитъ чтеніе вслухъ библіи и нѣкоторыхъ молитвъ. Монахини при этомъ сидятъ и работаютъ, но непрерывно всѣ должны присутствовать; онѣ не могутъ отказаться незнаеміемъ времени, такъ какъ объ этомъ каждый разъ извѣщаетъ колоколь. Кромѣ того, читаютъ молитвы, когда ложатся спать и встаютъ; это чтеніе происходитъ частью на фламандскомъ, частью на латинскомъ языкахъ. Къ тому же каждая бегина ежедневно должна прочесть 7 латинскихъ псалмовъ. Отъ этого ее освобождаютъ только тогда, когда въ общинѣ идутъ очень спѣшныя работы. Такимъ образомъ монахини проводятъ большую часть своего времени въ молитвѣ и трудѣ. Тѣмъ не менѣе нужно сознаться, что эти общины и другія монастырскія учрежденія Бельгіи отвлекаютъ много здоровыхъ рукъ отъ болѣе полезной и производительной работы.

БРЮССЕЛЬ И ЛУВЕНЬ.

Положеніе бельгійской столицы и ея значеніе.—Характеръ жителей.—Древнія и современныя постройки.—Соборъ св. Гудулы.—Народный Домъ.—Лувень.—Ратуша.—Высшее образованіе въ Бельгіи.—Жизнь студентовъ.—Лувенскій университетъ.

Столица Бельгіи—Брюссель не только резиденція двора, но и центръ научной, политической и промышленной жизни страны. Благодаря счастливому центральному положенію между Франціей, Германіей, Англіей и общенію водяными путями съ бельгійскими городами, число жителей Брюсселя быстро увеличивается: съ пригородами въ немъ считается 460.000 жит. Въмѣстѣ съ этимъ столица постоянно обстраивается новыми кварталами. Новые бульвары, проложенные на всемъ протяженіи между сѣвѣрною и южною желѣзными дорогами, тянутся между двумя безконечными рядами роскошныхъ домовъ, украшенныхъ балконами и скульптурою; частныя и общественныя зданія такъ великолѣпны, что могутъ даже внушить ложное представленіе о благоденствіи и зажиточности всего бельгійскаго народа, чего въ дѣйствительности не существуетъ.

Брюссель живописно раскинулся на холмѣ и своими безчисленными зданіями покрываетъ этотъ холмъ и долину, разстилающуюся у подношья его. На верху, на горѣ, построили себѣ жилища владѣтели страны, и здѣсь же поселились дворяне и придворные. Бургундскіе герцоги привлекали къ себѣ много французскихъ рыцарей, которые вмѣстѣ съ ними возводили укрѣпленія на такъ-называемой «Montagne de la cour». Изъ этого мы видимъ, что брюссельскій акрополь не только теперь, но уже въ давнія времена былъ французскою частью города, между тѣмъ какъ нижній городъ, вдоль каналовъ и около хлѣбныхъ и овоцныхъ рынковъ,—фламандскою. Такимъ образомъ Брюссель раздѣляется на двѣ части: на «верхній» и «нижній» городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жители столицы дѣлятся на высшее и низшее сословіе. Въ нижнемъ городѣ преобладаетъ буржуазная жизнь и торговля, языкъ и нравы фламандскіе; верхній городъ—мѣстопробываніе двора, правительственныхъ учреждений, большихъ гостиницъ, парка съ бассейнами и статуями,—это сборный пунктъ высшаго общества и богатыхъ иностранцевъ. Здѣсь господствуютъ языкъ, обычаи, нравы, моды—все французское.

Въ Брюсселѣ вполнѣ сказывается характеръ народа, населяющаго Бельгію, его торговый, промышленный духъ, его страсть къ процессіямъ и шумнымъ празднествамъ. Брюссель, какъ было уже упомянуто, никакъ нельзя считать только резиденціею короля и мѣстопробываніемъ администраціи: онъ имѣетъ громадное значеніе своею промышленною и фабричною дѣятельностью. Онъ издавна славится своими знаменитыми кружевами, сукнами, коврами и экинажами, которые извѣстны всему свѣту. Въ Брюсселѣ, какъ и въ другихъ многочисленныхъ городахъ этой страны, величіе и красота древнихъ построекъ встрѣчаются на ряду съ комфортомъ, удобствомъ, практичностью и роскошью новѣйшаго времени. На ряду съ блестящими современными постройками вы находите постройки, напоминающія почти каждый періодъ мѣстной исторіи—бургундскій, испанскій, австрійскій, голландскій и, наконецъ, новѣйшій бельгійскій. Вы встрѣтите въ этой столицѣ все богатство, роскошь и плодородіе страны: рынки, магазины, лавки, частныя жилища и, наконецъ, наружность самыхъ зданій,—все говоритъ вамъ о богатой торговлѣ, мануфактурахъ и высокой степени развитія земледѣлія.

Брюссель многіе называютъ «маленькимъ Парижемъ»: нѣкоторыя зданія, напр. биржа и множество богатѣйшихъ гостиницъ, просто поражаютъ своимъ великолѣпіемъ; широкія улицы, электрическія желѣзныя дороги, изящныя магазины, прекрасная мостовая, электрическое освѣщеніе, чудные парки, въ которыхъ вмѣстѣ съ мѣстными деревьями растутъ и великолѣпныя пальмы разнообразныхъ породъ, зоологическій и ботаническій сады и очень многое другое краснорѣчиво говоритъ о дѣйствительномъ великолѣпіи и замѣчательномъ блескѣ бельгійской столицы. Но въ главныхъ, характерныхъ чертахъ Брюссель совсѣмъ не напоминаетъ французскую столицу, развѣ только замѣчательною любезностью и предупредительностью своихъ жителей. Спросишь о чемъ-нибудь проходящаго, и, кто бы онъ ни былъ, онъ съ удовольствіемъ все растолкуетъ и покажетъ вамъ, и еще въ заключеніе непремѣнно скажетъ: «*merci, monsieur*». — «*Merci*» не сходитъ здѣсь съ языка. Спросишь у торговки, почемъ рыба, и пойдешь, она отвѣтитъ на вопросъ, затѣмъ тотчасъ прибавитъ: «*merci, madame*». Идущій сзади васъ человѣкъ подымаетъ оброненный вами платокъ, подаетъ его и на прощаніи говоритъ «*merci*». Но кромѣ этой французской учтивости и общительности, васъ поражаетъ здѣсь буржуазная жизнь съ ея мелкими, грошевыми интересами, нескрашенная ни парижскимъ шикомъ, ни его великолѣпіемъ. Прежде Брюссель отличался мирною жизнью; теперь, вслѣдствіе недовольства рабочихъ своимъ положеніемъ, это сильно измѣнилось. Но въ высшемъ и среднемъ классахъ интересы биржевые и фабричныя на первомъ планѣ. Новая биржа, какъ храмъ съ колоннами, построена посреди города на лучшей улицѣ.

Нижній городъ носитъ на себѣ старинный германскій отпечатокъ и содержитъ самыя древнія, лучшія постройки города. У рыночной площади стоитъ ратуша, украшенная изящной башней, самая замѣчательная постройка столицы. Въ ней Карлъ V отрекся отъ престола и отсюда въ 1568 году повели Эгмонта и Горна на площадь, чтобы обезглавить. На мѣстѣ казни находятся ихъ статуи. За ратушей фонтанъ «*Manneken-Pis*» (т.е. маленький мальчикъ). Брюссельцы питаютъ необыкновенное пристрастіе къ этому фонтану. Тутъ изображенъ маленький мальчикъ или купидонъ изъ бронзы; такъ какъ онъ былъ отлитъ еще въ началѣ XVII в., то его называютъ «старѣйшимъ брюссельскимъ гражданиномъ». Мошенники не разъ посягали на эту статую, и каждый разъ брюссельцы приходили въ такое волненіе, подымали такой шумъ, что она въ концѣ концовъ отыскивалась. Этотъ бронзовый купидонъ-кумиръ брюссельцевъ имѣетъ множество самыхъ разнообразныхъ нарядовъ. Еще недавно одна старая дѣва, умирая, завѣщала на его гардеробъ 40.000 флориновъ. Въ дни торжественныхъ процессій «мальчика» одѣваютъ генераломъ національной гвардіи или въ какой-нибудь фантастическій нарядъ. Туалетомъ этого народнаго любимца занимается особый гардеробмейстеръ, получающій за это отъ города 200 франковъ жалованья въ годъ.

Между церквями самая замѣчательная—соборъ св. Гудулы. Это—древнее зданіе съ двумя высокими четырехугольными, плоскими башнями, которыя возвышаются надъ множествомъ каменныхъ лѣстницъ, ведущихъ къ нимъ. Этотъ соборъ отчасти напоминаетъ «*Notre Dame*» въ Парижѣ, но далеко не такъ богато украшенъ, какъ знаменитый парижскій храмъ. Внутри его множество высокихъ круглыхъ, массивныхъ колоннъ поддерживаютъ стрѣльчатые своды; всюду множество хорошо исполненныхъ украшеній. Больше всего обращаютъ на себя вниманіе высокія и широкія окна съ великолѣпною живописью на стеклѣ. На верху, въ самыхъ разнообразныхъ картинахъ, представлены событія изъ новаго завета, а внизу живо схвачены самыя характерныя событія изъ прошлой жизни Нидерландъ. Фигуры почти въ настоящую

величину, и каждая отдѣльная картина представляетъ талантливое художественное произведеніе. Не менѣ интереса возбуждаетъ каѳедра—колоссальное произведеніе рѣзбы изъ дерева, находящаяся посреди церкви. У основанія ея, на невысокомъ подножіи, изображены въ ростъ человѣка покидающіе рай прародители рода человѣческаго. Они несутъ, какъ бы тяготящій надъ ними грѣхъ,—полушаріе, на которомъ зиждется каѳедра. По лѣвую сторону отъ нихъ поднимается древо познанія добра и зла и охватываетъ всю каѳедру своими многочисленными вѣтвями, а по правую сторону изображенъ змѣй, шея и голова котораго выдается надъ крышей каѳедры. Здѣсь же, т.-е. на крышѣ каѳедры, посреди облаковъ, стоитъ въ полумѣсяцѣ Дѣва Марія, окруженная ангелами, а передъ нею Святой младенецъ прокалываетъ заостреннымъ концомъ креста шею змія. При этомъ—двѣ лѣстницы, ведущія съ двухъ сторонъ на каѳедру и украшенныя эмблемами рая. Въ одномъ мѣстѣ вырѣзана зелень, птицы, въ другомъ обезьяна съ яблокомъ, дальше бѣжитъ бѣлка между вѣтвями и т. п., однимъ словомъ, трудно рассказать, какъ своеобразно выполнено это произведеніе.

Брюссель — средоточіе научной дѣятельности страны: здѣсь различныя ученныя общества и академіи, знаменитая обсерваторія, оказавшая наукѣ громадныя услуги, два университета, множество библіотекъ и музеевъ, въ которыхъ хранятся драгоценныя картины, принадлежащія стариннымъ живописцамъ, преимущественно фламандской и современной бельгійской школѣ живописи. Въ знаменитомъ «дворцѣ промышленности» Брюсселя находятся великолѣпныя естественно-историческія коллекціи. Столица Бельгіи славится также своею музыкальною консерваторіей, своими концертами и громаднымъ количествомъ всевозможныхъ обществъ хорового пѣнія. Наконецъ не менѣ заслуживаетъ вниманія и «Народный Домъ» бельгійской столицы.

Снаружи *Народный Домъ* (Maison du Peuple) обращаетъ на себя вниманіе оригинальною архитектурой и крупною надписью надъ дверями: «*Travail, Solidarité, Collectivisme.*» Внутри очень скромная обстановка: голыя стѣны, простыя скамейки и стулья и всегда шумная толпа рабочихъ. Одни изъ нихъ закусываютъ, другіе читаютъ газету, третьи обращаются за справками въ контору. «Народный Домъ» нѣчто въ родѣ клуба рабочихъ; тутъ каждый изъ нихъ можетъ пить и ѣсть дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было, получая при этомъ доброкачественные припасы; тутъ же мѣсто сходакъ самыхъ разнообразныхъ обществъ и союзовъ рабочихъ, представители которыхъ могутъ обсуждать здѣсь свои дѣла. Въ «Народномъ Домѣ», наконецъ, существуетъ особый залъ для концертовъ и публичныхъ лекцій по разнообразнымъ предметамъ; есть въ немъ также библіотека и справочная контора. Музыкальныя знаменитости, посѣщая Брюссель, нерѣдко выражаютъ желаніе дать даровой концертъ въ залѣ «Народнаго Дома»; въ такомъ случаѣ его могутъ слушать рабочіе со своими семействами. Однако помѣщеніе, занимаемое «Народнымъ Домомъ», оказывается слишкомъ тѣснымъ, и рабочіе мечтаютъ, какъ только позволятъ средства, выстроить нѣчто болѣе грандіозное, но когда это осуществится,—неизвѣстно.

Къ востоку отъ Брюсселя находится Лувенъ; въ XIV в. этотъ городъ былъ столицей Брабанта и, по развитію своей промышленности, считался однимъ изъ самыхъ населенныхъ городовъ того времени. Особенно славился онъ фабрикаціею суконъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ эта фабрикація перешла въ Англію, улицы и аллеи, окружающія городъ, сдѣлались чрезвычайно пустынными и тихими. Между постройками, которыя свидѣтельствуютъ о прежнемъ значеніи города, замѣчательна ратуша, основанная въ 1448 году,—одна изъ красивѣйшихъ готическихъ построекъ, которая не находитъ себѣ равныхъ по изяществу. Изъ современныхъ построекъ обращаетъ на

себя вниманіе университетъ, но прежде, чѣмъ говорить о немъ, мы считаемъ долгомъ дать хотя нѣкоторое понятіе о высшемъ образованіи въ Бельгіи.

Высшее образованіе получаютъ въ Бельгіи въ университетахъ и въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ. Въ этой маленькой странѣ пять университетовъ: два правительственныхъ, т. е. такихъ, которые правительство содержитъ на свой счетъ, — одинъ изъ нихъ находится въ Гентѣ, другой — въ Люттихѣ (или Льежѣ), третій университетъ принадлежитъ католическому духовенству и находится въ Лувенѣ и два университета — въ Брюсселѣ.

Одинъ изъ брюссельскихъ университетовъ былъ открытъ либеральною партіей, главная цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы университетъ этотъ былъ совершенно независимъ отъ католическаго духовенства. Средства, которыя идутъ на него, получаютъ отъ нѣкоторыхъ провинцій и общинъ. Однако, мало-по-малу, этотъ университетъ сталъ забывать традиціи и принципы, во имя которыхъ онъ былъ основанъ, все менѣе началъ удовлетворять требованіямъ науки, вліяніе католическаго духовенства дѣлалось все болѣе замѣтнымъ, и, наконецъ, онъ даже сталъ допускать въ свои стѣны лекторовъ съ клерикальнымъ направленіемъ. Тогда многіе профессора оставили этотъ университетъ и вмѣстѣ съ другими недовольными имъ устроили въ Брюсселѣ *новый университетъ* для подготовки не только ученыхъ и специалистовъ, но и общественныхъ дѣятелей, людей разносторонне умственно развитыхъ. Для этого, кромѣ факультетскаго образованія, устроены еще вечернія лекціи по общественнымъ наукамъ. Такимъ образомъ былъ учрежденъ пятый университетъ въ Бельгіи и второй въ Брюсселѣ, но этотъ университетъ еще совсѣмъ молодой и только начинаетъ развиваться.

Бельгійскіе студенты, кромѣ студентовъ лувенскаго университета, о которомъ рѣчь впереди, много работаютъ и много веселятся. Они аккуратно посѣщаютъ каждую лекцію, какъ бы она ни была скучна, и записываютъ все сказанное профессоромъ. Нельзя сказать, чтобы между ними совсѣмъ не было студентовъ, которые бы серьезно работали и много читали, однако большинство ограничивается тѣмъ, что выучиваетъ только то, что записано за профессоромъ. Бельгійскіе студенты народъ въ высшей степени живой и общественный. Если иностранцы чувствуютъ себя одинокимъ въ другихъ университетахъ, то здѣсь они, какъ у себя дома: практическій, живой и общественный бельгіецъ дружится съ каждымъ, будь то иностранецъ или соотечественникъ, лишь бы онъ былъ интереснымъ собесѣдникомъ и нравился ему. Отчасти этой чертѣ характера бельгійцевъ иностранные студенты обязаны тѣмъ, что они по своимъ правамъ ничѣмъ не отличаются отъ туземцевъ: точно такъ-же, какъ и бельгійскіе студенты, они не только числятся членами различныхъ студенческихъ обществъ, но и могутъ быть избираемы въ составъ администраціи этихъ обществъ. Бельгійскій студентъ совсѣмъ не напоминаетъ нѣмецкаго студента: онъ не драчливъ и не любитъ прибѣгать къ дуэлямъ, которыя случаются здѣсь чрезвычайно рѣдко; пьетъ онъ мало и весьма умѣренно. Здѣшніе студенты любятъ соединяться въ различныя ассоціаціи, но преимущественно ради научныхъ цѣлей, для увеселеній сообщами или для вспомошествованія бѣднымъ товарищамъ.

«Только побывавшій здѣсь, самъ участвовавшій въ различныхъ кружкахъ и обществахъ, — только тотъ можетъ представить ту кипучую общественную и политическую жизнь, какую ведутъ студенты. Постоянныя сходы, собранія научнаго и политическаго характера, гдѣ молодежь учится говорить, перемѣниваются со всякаго рода балами, маскарадами и вечерами, устраиваемыми студентами, гдѣ та же молодежь учится весело проводить время, свободное отъ серьезныхъ занятій».

Совсѣмъ иной характеръ жизни студентовъ въ лувенскомъ университетѣ. Этотъ

самый древній университетъ уже давно находится въ рукахъ католическаго духовенства. Это заведеніе совершенно независимо отъ правительства, и такъ какъ оно подчинено духовенству, то вліяніе послѣдняго здѣсь очень сильно,—студенты вполне подчинены всѣмъ правиламъ и обрядамъ католической церкви. Всѣ студенты въ первый годъ послѣ поступленія должны жить въ коллегіяхъ, гдѣ каждому изъ нихъ отведено особое помѣщеніе. Они обѣдаютъ въ общей столовой, не имѣютъ права выходить за порогъ коллегіи безъ дозволенія монаха, обязаны въ извѣстный часъ и минуту являться къ столу, въ церковь, на проповѣди, которыя произносятся по нѣскольку разъ въ недѣлю, на молитву и на лекціи. Свободное время и занятія студентовъ устроены такъ, что они постоянно находятся подъ строгимъ надзоромъ монаха. Жизнь студентовъ проходитъ въ молитвѣ, въ слушаніи проповѣдей и увѣщаній, въ постоянномъ посѣщеніи церкви. Ихъ преслѣдуютъ не только за куреніе, но даже и за посѣщеніе театровъ. Выборъ книгъ дѣлается монахами, и каждая книга, появившаяся въ рукахъ студента, подвергается строгой цензурѣ католическаго духовенства. Юноши, которые подчиняются всѣмъ этимъ требованіямъ, скоро окончательно тупѣютъ, а въ даровитыхъ подобная система развиваетъ замѣчательное лицемеріе и ханжество.

Начальство лувенскаго университета обыкновенно проводитъ юнымъ студентамъ мысль, что свободой будутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, которые совершенно терпѣливо выдержатъ первый годъ искуса и въ продолженіе всего года будутъ тщательно выполнять всѣ требованія и предписанія. Всѣ студенты, выдержавшіе этотъ искусъ, или наиболѣе ловкіе изъ нихъ, которые сумѣли поправиться начальству, наружно выполняя все, что отъ нихъ требовали, а за спиною дѣлая все, что хотѣлось, такіе студенты, повторяю, получаютъ право во второй годъ жить на отдѣльныхъ квартирахъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Лихорадочное отношеніе общества къ дѣлу народнаго образованія.—Законъ 1842 г.—Вліяніе католическаго духовенства и его послѣдствія.—Законъ 1879 г.—Современное положеніе школьнаго дѣла.—Заведенія для маленькихъ дѣтей отъ 3 до 6 лѣтъ.—Народныя училища.—Школы іезуитовъ и монашествующихъ орденовъ.—Распространеніе просвѣщенія въ настоящее время.

Ни въ одной европейской странѣ дѣло народнаго образованія не вызываетъ такого лихорадочнаго интереса во всѣхъ классахъ общества, какъ въ Бельгіи, не играетъ такой видной роли въ государствѣ, не связано такъ тѣсно съ политической и экономической жизнью народа. Въ Бельгіи даже изданіе того или другого школьнаго закона нерѣдко вызываетъ такую страстную, ожесточенную борьбу партій, которая проявляется многочисленными демонстраціями и даже кровопролитными столкновеніями.

Говорить о бельгійскихъ школахъ можно только съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, такъ какъ самостоятельное Бельгійское королевство существуетъ лишь съ 1830 г. Какъ только страна получила возможность заняться своими внутренними дѣлами, въ 1842 г. былъ изданъ законъ, который обязывалъ каждую общину (вся Бельгія раздѣлена на множество общинъ) имѣть, по крайней мѣрѣ, одну первоначальную школу. Этотъ законъ далъ бѣднымъ людямъ право на бесплатное обученіе, но онъ же установилъ и двойную школьную инспекцію, т. е. съ тѣхъ поръ надзоръ за каждой школой былъ порученъ въ одно и то же время свѣтской власти и духовной.

Католическое духовенство въ Бельгiи, какъ и въ другихъ католическихъ странахъ, всегда стремилось къ исключительному влiянiю и господству. Законъ 1842 г. давалъ ему преобладающее значенiе въ школахъ: духовенству, безъ всякаго участiя свѣтской власти, была теперь предоставлена цензура школьныхъ книгъ и учебниковъ, а также наблюденiе за преподаванiемъ. Понятно, что католическое духовенство и сторонники его влiянiя, такъ называемые «клерикалы», не замедлили воспользоваться своимъ положенiемъ, чтобы придать народному образованiю исключительно католическiй характеръ.

Однако въ 60-хъ годахъ въ бельгiйскомъ обществѣ уже ясно стали сознавать пагубныя послѣдствiя такого преобладанiя клерикальнаго направленiя. Чтобы противо-дѣйствовать въ этомъ отношенiи духовенству, начали устраивать исключительно свѣтскiя частныя школы. Но болѣе всего подрывала значенiе и влiянiе духовенства въ это время огромная ассоциация, которую можно назвать антиклерикальною лигой. Члены ея устраивали повсюду народныя библiотеки, публичныя чтенiя, курсы; въ то же время они стали вести весьма дѣятельную пропаганду противъ школьнаго закона 1842 г. Борьба антиклерикальной лиги закончилась побѣдой либераловъ на выборахъ 1878 г. Трое изъ членовъ совѣта лиги сдѣлались министрами, а остальные депутатами и бургомистрами; такимъ образомъ лига стала правительствомъ.

Либеральное министерство энергически принялось за дѣло. Въ 1879 г. былъ обнародованъ новый школьный законъ, по которому народныя школы были совершенно освобождены отъ влiянiя католическаго духовенства. «Обученiе религiи», значилось по одной изъ статей этого закона, «предоставляется заботамъ семействъ и священнослужителей различныхъ вѣроисповѣданiй; школа даетъ помѣщенiе для уроковъ законоучителей до начала или по окончанiи ежедневныхъ классныхъ занятiй». По другой же статьѣ того же закона, «учитель обязанъ воздерживаться при преподаванiи отъ всякой критики религiозныхъ вѣрованiй семействъ, поручающихъ ему своихъ дѣтей». Изъ сказаннаго ясно, что названный школьный законъ не только не отрицаетъ религiи, но возлагаетъ обязанность обученiя ей на родителей и духовныхъ лицъ, ограждая дѣятельность послѣднихъ отъ враждебнаго отношенiя къ нимъ свѣтскихъ учителей. Но клерикалы, раздраженные тѣмъ, что новый законъ положилъ предѣлъ ихъ влiянiю въ школахъ, усмотрѣли въ немъ то, чего въ немъ вовсе не было, а именно безбожiе, и вмѣстѣ съ духовенствомъ стали распространять клеветы противъ «школы безъ Бога», какъ они начали называть новую правительственную школу, и противъ атеистическаго правительства,—эпитетъ, который они теперь давали правительству за то, что оно осмѣлилось издать законъ, уничтожающiй въ школахъ власть духовенства. Между тѣмъ либералы съ своей стороны тоже обвиняли духовенство въ тяжкихъ преступленiяхъ.

Для выясненiя истины палата депутатовъ избрала комиссiю, которая употребила всѣ усилiя, чтобы слѣдствiе вышло нелицеприятнымъ. Комиссiя эта засѣдала одновременно въ 6-ти пунктахъ Бельгiи, куда наиболѣе удобно было являться свидѣтелямъ. Цѣлыхъ 157 дней затрачено было на эти засѣданiя, и во время ихъ было допрошено около 5000 свидѣтелей. Передъ началомъ разслѣдованiя комиссiя обратилась съ печатнымъ воззванiемъ къ народу, убѣждая его не скрывать отъ представителей народа ни одного факта, который могъ бы послужить къ изобличенiю свѣтскихъ учителей во враждебности къ церкви, а также и духовенства въ агитацiи противъ правительственной, т.-е. неклерикальной школы. Несмотря на искреннее желанiе правительства дѣйствовать по правдѣ и совѣсти, клерикалы немедленно выпустили брошюру, въ которой безцеремонно давали священникамъ совѣты показывать

ложно подъ присягой. На засѣданіи комиссіи они оставляли запросы безъ отвѣта и уклонялись даже отъ объясненія ими же взведенныхъ обвиненій противъ учителей и свѣтской власти. Но и показаній тѣхъ клерикаловъ, которые, подъ угрозой наказанія, появились въ засѣданіи, и тысячи другихъ свидѣтельскихъ показаній было достаточно для того, чтобы во всей ужасающей наготѣ выставить поведеніе клерикальной партіи и раскрыть то, какъ она, не разбирая средствъ, дѣлала все, чтобы уничтожить свѣтскую школу. Еще до введенія новаго школьнаго закона, вслѣдствіе распространенія въ странѣ свѣтскихъ школъ, католическіе епископы издали инструкціи, которыя предписывали священникамъ всѣми мѣрами мѣшать дѣтямъ посѣщать школы, не состоящія въ вѣдѣніи духовенства; имъ запрещалось даже преподавать въ нихъ законъ Божій.

Почти всѣ священники, спрошенные парламентскою комиссіею о томъ, не имѣютъ ли они чего-нибудь возразить противъ направленія преподаванія свѣтскихъ учителей, отозвались, что они «ничего не имѣютъ сказать противъ этого обученія». Несмотря на то, своими проповѣдями въ церквахъ они продолжали возбуждать паству противъ свѣтскаго преподаванія: «хотятъ изгнать Бога изъ школы», говорили они собравшемуся люду. «На будущее время не будетъ болѣе религіи, все будетъ дозволено: убивать, красть, грабить». Но духовенство не ограничивалось этимъ: въ печати, въ рѣчахъ, однимъ словомъ всюду оно порицало правительство, издавшее новый законъ, и не стѣнялось нападать прямо на короля. Лаской, угрозой, подкупомъ, оно энергично вербовало себѣ приверженцевъ среди правительственныхъ чиновниковъ, которые вмѣстѣ съ клерикалами всячески старались вредить свѣтской школѣ. Въ одной мѣстности долго не назначали учителя для того, чтобы школа закрылась, въ другой выносили изъ школы классную мебель или въ самое холодное время переставали отпускать учителю освѣщеніе и топливо или уплачивать жалованье; многіе изъ приверженцевъ духовенства задавались цѣлью мѣшать учителямъ въ пріисканіи квартиры и выгоняли ихъ изъ своихъ домовъ. Но всего возмутительнѣе при этомъ было то, что нѣкоторые бургомистры и общинныя власти, подстрекаемые духовенствомъ, сами выносили распятіе изъ правительственныхъ школъ, изъ которыхъ либералы никогда не удаляли его, и все это дѣлалось для того, какъ говоритъ парламентская комиссія, «чтобы оправдать въ глазахъ народа постоянно повторяемый призывъ къ войнѣ противъ свѣтской школы». Въ комиссіи вполнѣ выяснилось, что духовенство хлопотало только о томъ, чтобы удержать въ школѣ свое вліяніе, и вовсе не заботилось о народномъ образованіи. Во многихъ общинахъ дѣти лишены были перваго причащенія, если они посѣщали свѣтскую школу. Священники приказывали родителямъ лучше совсѣмъ не отдавать дѣтей своихъ ни въ какую школу, чѣмъ отдавать ихъ въ свѣтскую.

Для достиженія своей цѣли клерикалы прибѣгали и къ экономическому гнету на народъ, невѣжество котораго они поощряли всѣми силами; съ этою цѣлью бельгійское духовенство вступило въ союзъ съ нѣкоторыми изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и торговцевъ, и тѣ лишали работы рабочихъ, посылавшихъ своихъ дѣтей въ свѣтскую школу. Патеры отказывали въ отпущеніи грѣховъ на исповѣди, въ причащеніи и соборованіи лицамъ, не раздѣлявшимъ ихъ неукротимой ненависти къ правительственнымъ школамъ. Озлобленіе духовенства противъ учителей и учительницъ свѣтскихъ школъ дошло до того, что многіе священники открыто отказывались вѣнчать ихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отлучили ихъ отъ церкви. «Почти повсемѣстно», говоритъ комиссія, «съ церковной кафедры, во время исповѣди, за уроками, передъ конфирмаціей священники убѣждали дѣтей не слушаться

родителей, если бы послѣдніе пожелали опредѣлить ихъ въ правительственную школу. Они наставляли дѣтей, какъ они должны добиваться своего, подучивая ихъ умолять, плакать, цѣловать колѣни, въ случаѣ же безуспѣшности этихъ средствъ, притворяться и лгать и скорѣе провести учебныя часы на улицѣ, чѣмъ подчиниться волѣ родителей, посылающихъ ихъ въ правительственную школу».

Законъ 1879 г., которымъ былъ положенъ предѣлъ вмѣшательству духовенства въ школьныя дѣла, дѣйствовалъ съ большою пользою для народнаго образованія до 1884 г., когда либеральная партія въ парламентѣ, вслѣдствіе внутреннихъ разногласій, потерпѣла поражение и снова уступила власть духовенству. Нужно замѣтить, что всегда, какъ только духовенство получало большинство въ парламентѣ, такъ первое, что оно старалась сдѣлать, это усилить свое вліяніе въ школахъ. Такъ было и на этотъ разъ: оно снова предписало, чтобы религія входила въ число предметовъ школьнаго преподаванія и все болѣе властно распоряжалось народнымъ образованіемъ. Чтобы противо-дѣйствовать этому клерикальному направленію, либералы устраивали сходки и манифестаціи въ пользу свѣтскаго народнаго образованія. Но власть и значеніе духовенства въ это время такъ усилились, что оно одно за другой закрыло множество свѣтскихъ школъ и замѣнило ихъ монастырскими съ учителями монахами и монахинями. Въ 1895 г. сила духовенства еще болѣе утвердилась: клерикальное правительство провело законопроектъ, по которому надзоръ за народнымъ образованіемъ былъ переданъ въ руки духовенства. Этотъ законопроектъ возмутилъ либеральную и рабочую партію, которая видѣла въ немъ покушеніе на свободу совѣсти. Цѣлый рядъ шумныхъ манифестацій въ странѣ показалъ, какъ много недовольныхъ дѣйствіями католическаго духовенства. Но духовенство, пользуясь огромнымъ значеніемъ въ странѣ, сумѣло угрозами и обѣщаніями, а также устройствомъ процессій и всевозможныхъ торжествъ особенно расположить къ себѣ крестьянъ фламандской области, которые всегда поддерживаютъ его. Въ концѣ концовъ католическая партія опять превозмогла всѣ препятствія, и статья объ обязательномъ обученіи катехизису прошла большинствомъ голосовъ; такимъ образомъ школьный законъ 1895 г. отдалъ въ вѣдѣніе духовенства религіозное образованіе въ школахъ.

Въ Бельгіи обученіе начинается съ 3-хъ лѣтняго возраста. Для маленькихъ дѣтей отъ 3-хъ до 6-ти и 7-милѣтняго возраста существуютъ особыя заведенія «Ecoles gardiennes», извѣстныя въ Германіи и въ другихъ странахъ подъ названіемъ «дѣтскихъ садовъ». Матери, отправляясь на фабрики и работы и не имѣя возможности брать съ собою ребенка, относятъ его въ дѣтскій садъ. Такія «Ecoles gardiennes», или дѣтскіе сады, въ Бельгіи чрезвычайно переполнены,—по 400 и даже по 500 дѣтей въ каждомъ. Главная цѣль этихъ дѣтскихъ садовъ не только призрѣть дѣтей въ то время, когда ихъ родители заняты работой, но развитъ всѣ ихъ умственныя, нравственныя и физическія способности. Достигнуть этого стараются посредствомъ игръ и работъ, вполне доступныхъ этому возрасту, но при такомъ количествѣ дѣтей чаще достигаютъ совершенно противоположныхъ результатовъ, т.-е. забываютъ и притупляютъ дѣтей. Скопленіе множества дѣтей въ одной комнатѣ принуждаетъ воспитательницу примѣнять строгую дисциплину, которая приноситъ особенный вредъ дѣтямъ этого нѣжнаго возраста. Учительница стучитъ особаго рода сигнальною машинкой, и дѣти разомъ протягиваютъ руку къ тому или другому предмету, отвѣчаютъ, начинаютъ пѣть, однимъ словомъ все дѣлается по командѣ. Ясно, что это не можетъ содѣйствовать развитію.

Въ 6, 7 лѣтъ ребенокъ начинаетъ посѣщать народное училище, гдѣ продолжаетъ ученіе обыкновенно до 12 ти лѣтъ. Народная школа—обыкновенно обширная

и большая комната. Ви́шнее убранство классовъ очень просто: какъ особенность, надо замѣтить аспидныя доски, крѣпко вдѣланныя въ столъ передъ мѣстомъ каждаго. У передней стѣны въ двѣ ступени идетъ возвышеніе для учителя. Большія доски, служащія для классныхъ объясненій, также вдѣланы въ стѣну, гдѣ онѣ могутъ свободно подыматься и опускаться, точно рамы въ окнахъ.

Въ Бельгіи много школъ іезуитовъ и другихъ братствъ и монашествующихъ орденовъ. Всѣ эти школы духовныхъ братствъ и въ особенности іезуитовъ представляютъ собою образецъ прекраснаго ви́шняго устройства. Вездѣ замѣчательная чистота и порядокъ, чистый воздухъ въ спальняхъ, необыкновенная опрятность въ постеляхъ, умывальномъ приборѣ и проч. Даже и тутъ уже, во ви́шнемъ устройствѣ спаленъ и классовъ, бросается въ глаза желаніе начальства отдѣлить одного воспитанника отъ другого. Каждая кровать отдѣлена отъ другой перегородкою; въ каждой изъ такихъ келій, которыхъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ существуетъ до ста, вы найдете молитвенникъ и распятіе на стѣнѣ.

Интерны (живущіе въ заведеніи) видятъ экстерновъ (приходящихъ для ученія) только во время ученія, но и тогда они не могутъ съ ними сообщаться, такъ какъ сидятъ на особыхъ скамейкахъ. Какъ интерны отдѣлены отъ экстерновъ, такъ и маленькіе воспитанники отдѣлены отъ взрослыхъ: тотъ и другой возрастъ имѣютъ не только особые классы, залы для игры, но даже и особые выходы. Столько же стараются отдѣлить одного воспитанника отъ другого: начальство поощряетъ такія игры и удовольствія, гдѣ сразу можетъ участвовать весь классъ или большое количество воспитанниковъ, какъ напр.: игра на бильярдѣ и особенно игра на домашнемъ театрѣ. При томъ и другомъ удовольствіи одна часть воспитанниковъ играетъ активную роль, а другая часть смотритъ на нихъ. Бесѣдамъ же, разговорамъ и спорамъ вдвоемъ или въ небольшомъ кругу товарищей начальство старается противодействовать всѣми силами.

Какъ въ наукахъ, такъ и въ играхъ прежде всего стараются возбуждать честолюбіе и тщеславіе. Система поощреній посредствомъ наградъ играетъ здѣсь очень важную роль. Книга, заключающая правила, которымъ должны слѣдовать заведенія подобнаго рода, подробно пересчитываетъ всѣ роды и степени наградъ. Тутъ встрѣчаются и похвальные листы и почетный крестъ. Носящій крестъ пользуется большими привилегіями: онъ не подвергается никакому другому наказанію, кромѣ лишенія этой награды.

Ученіе начинается утромъ въ 7^{1/2} часовъ. Какъ утромъ, такъ и послѣ обѣда, до начала и по окончаніи уроковъ, воспитанники ходятъ въ капеллу на молитву: слушаютъ или читаютъ извѣстное число молитвъ, предписанныхъ съ большою точностью. Въ классахъ всѣ стѣны обвѣшаны священными изображеніями; посрединѣ, на возвышеніи, находится кафедра; въ дверяхъ окно, чтобы начальникъ могъ всегда видѣть, что дѣлается въ классѣ. Въ правилахъ точно объяснено, какъ воспитанники должны встрѣчать каждого посѣтителя: гостя привѣтствуютъ рукою, встаютъ только передъ директоромъ или передъ знатнымъ посѣтителемъ. Обращаясь къ учителю, начальникъ называетъ его братомъ, «frère». Вообще здѣсь во всемъ, болѣе чѣмъ нужно, обращаютъ вниманія на ви́шность: смотрятъ, чтобы красиво и изящно были переписаны уроки въ тетрадяхъ и совсѣмъ не обращаютъ вниманія на умственное развитіе.

Чтобы имѣть неизгладимое вліяніе на юношество, начальство старается окружать его постояннымъ, неусыпнымъ надзоромъ: патеры и спятъ, и играютъ съ воспитанниками, постоянно чередуясь между собою въ ночномъ дежурствѣ. Этому неусыпному надзору и полнѣйшему подчиненію юношества строгой школьной дис-

циплинѣ много помогаетъ, особенно у іезуитовъ, то обстоятельство, что у нихъ всѣ лица, входящіе въ составъ школы, даже служителя, принадлежать къ тому или другому ордену и по объѣту обязаны доносить своему начальству не только обо всемъ, что они замѣчаютъ дурного и хорошаго въ воспитанникѣ, но даже о каждомъ его словѣ.

Теперь посмотримъ, насколько въ Бельгіи распространена грамотность. Изъ статистическихъ данныхъ за 1896 г. видно, что среди 1.668.457 мужчинъ 21 года 25% (т. е. изъ ста двадцать пять ч.) совершенно не умѣли ни читать, ни писать. Среди женщинъ безграмотныхъ еще больше: изъ ста женщинъ такого же возраста 33 безграмотныхъ. Множество малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 10 до 14 л. только записаны въ школахъ, а на самомъ дѣлѣ они работаютъ на фабрикахъ. Притомъ въ официальныхъ источникахъ не скрывается, что около 200.000 дѣтей, по различнымъ причинамъ, совершенно не посѣщаютъ школъ. Нужно имѣть въ виду, что эти 200.000 составляютъ 18% дѣтскаго населенія Бельгіи. По отдѣльнымъ мѣстностямъ процентъ безграмотныхъ подымается еще выше: такъ, напр., въ округѣ Оденардѣ (d'Audenarde) ихъ 48%, а въ Кутрѣ даже 50%. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ наиболѣе безграмотныхъ округахъ особенно часто происходятъ воровство и другія преступленія, наибольшее количество смертей, болѣе всего настроено кабаковъ и наиболѣе низкая заработная плата. По народному образованію Бельгія сильно отстаетъ отъ очень многихъ европейскихъ государствъ. Это зависитъ съ одной стороны оттого, что народное образованіе, переходя изъ рукъ духовенства къ свѣтской власти и наоборотъ, не имѣетъ прочно установившагося школьнаго режима, съ другой—клерикалы, чтобы не потерять вліянія въ школахъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы вредить успѣшному развитію свѣтскихъ школъ. Страшная бѣдность рабочихъ классовъ Бельгіи не менѣе вредитъ распространенію образованія: родители не имѣютъ возможности долго оставлять своихъ дѣтей въ школахъ.

Однако, нужно надѣяться, что въ очень близкомъ будущемъ такое безотрадное положеніе народнаго образованія въ этой странѣ измѣнится въ благопріятномъ смыслѣ. Въ самое послѣднее время во всѣхъ городахъ частныя лица и общества устраиваютъ лекціи и общедоступныя бесѣды, издають популярныя книги и дешевыя газеты, открываютъ множество библіотекъ и читаленъ для народа (въ 1896 г. ихъ было болѣе 600), устраиваютъ для школьниковъ праздники, а для взрослыхъ полезныя развлеченія. Мало того: здѣсь, какъ и въ Англіи, явилась мысль распространить въ массахъ высшее университетское образованіе, и въ нѣкоторыхъ городахъ уже устроены популярныя лекціи по многимъ предметамъ. Кромѣ того, въ 1893 г. возникла мысль не только устраивать популярныя лекціи, но и распространять систематическое университетское образованіе въ массахъ. Теперь такіе курсы по очень многимъ предметамъ устроены не только во всѣхъ университетскихъ, но и во многихъ провинціальныхъ городахъ. Каждый курсъ представляетъ законченное цѣлое по одному изъ предметовъ: по политической экономіи, сельскому хозяйству, литературѣ, исторіи и другимъ. Эти курсы двухъ родовъ—одни для болѣе подготовленныхъ, другіе для менѣе подготовленныхъ слушателей. При началѣ чтенія каждый слушатель получаетъ краткое содержаніе лекціи и списокъ книгъ, чтеніемъ которыхъ онъ можетъ расширить знанія по предмету лекціи; при этомъ желающимъ даютъ подробное объясненіе всего непонятаго. Плата за каждый курсъ самая ничтожная. Всѣ эти лекціи посѣщаются очень усердно простыми рабочими, чиновниками, учителями, женщинами, вообще всѣми, безъ различія пола и состоянія, не получившими высшаго образованія, но желающими его получить. Кромѣ того, съ тою же цѣлью въ Бельгіи устроены «стран-

ствующій университетъ»; это въ высшей степени оригинальное учрежденіе: профессора и лекторы объѣзжаютъ маленькіе бельгійскіе города и деревни, останавливаются то здѣсь, то тамъ и читаютъ рядъ лекцій по тому или другому предмету. Лекціи «странствующаго университета» пользуются такимъ успѣхомъ, что провинціальная печать наперерывъ перепечатываетъ ихъ. Все это, конечно, не только усилить умственное развитіе среди народа, но, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, быстро повліяетъ и на увеличеніе числа грамотныхъ.

Такому разнообразному и широкому развитію народныхъ университетовъ болѣе всего содѣйствуетъ свобода, которою пользуются бельгійцы. Устраивать лекціи здѣсь можетъ каждый, кто этого пожелаетъ; при этомъ онъ не обязанъ ни подавать для этого прошенія, ни просить разрѣшенія.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ.

Землевладѣніе.—Крупные землевладѣльцы.—Средніе арендаторы и средніе собственники: ихъ жизнь и страстная привязанность къ землѣ.—Мелкіе арендаторы и мелкіе собственники.—Земледѣльческіе рабочіе: ихъ заработокъ, рабочій день и пища.—Производство брабантскихъ кружевъ.—Трудъ, заработокъ и положеніе кружевницъ.—Плетеніе соломы.—Громадное количество кабаковъ.—Исключительно благоприятное положеніе крестьянъ въ Арденнахъ.—Влестящіе успѣхи земледѣлія и тяжелый трудъ землепашца.—Что дѣлаетъ правительство и общество для развитія земледѣлія.—Провинція Фландрія.

По своимъ географическимъ условіямъ Бельгія раздѣляется на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой: на сѣверо-западную, низменную страну, въ которой хотя и существуетъ довольно значительное количество фабрикъ, но ихъ несравненно меньше, чѣмъ въ другой ея части, гдѣ населеніе преимущественно занимается земледѣліемъ, и юго-восточную, гористую часть, представляющую средоточіе бельгійской промышленности. Вслѣдствіе этого земледѣліемъ, въ большинствѣ случаевъ, занимаются фламандцы, а промышленностью—валлоны.

Въ Бельгіи менѣе $6\frac{1}{2}$ милл. ж., между тѣмъ сельскаго населенія около 2 милл., включая сюда и малолѣтнихъ; взрослого же земледѣльческаго населенія считается немногимъ болѣе милліона (1.002.720 ч.). Эта цифра оказывается весьма значительною для такой крошечной страны, какъ Бельгія, которая сама по себѣ меньше самой маленькой изъ русскихъ центральныхъ губерній; она говоритъ о томъ, что Бельгія представляетъ страну съ чрезвычайно мелкою земельною собственностью. Это вполне подтверждается и статистическими данными, по которымъ здѣсь оказывается 980.000 отдѣльныхъ хозяйствъ. Если у двухмилліоннаго сельскаго населенія (съ малолѣтними включительно) существуетъ безъ малаго милліонъ отдѣльныхъ хозяйствъ, это возможно только при условіи чрезвычайнаго дробленія земельной собственности. И дѣйствительно, весьма значительное число дѣвшихъ крестьянъ или совѣмъ не имѣетъ земли, или владѣетъ такими крошечными земельными участками, на которыхъ еле-еле можно выстроить домикъ и разбить огородъ, а немало и такихъ земельныхъ участковъ, на которыхъ нельзя устроить и этого; въ такомъ случаѣ его засѣваютъ чѣмъ-нибудь или пасутъ на немъ корову. Многіе крестьяне владѣютъ такими мелкими участками, что ихъ называютъ даже «носовыми платками». Участки земли въ 40—50 десятинъ считаются здѣсь чрезвычайно крупными, и ихъ въ странѣ весьма немного. Изъ милліона съ небольшимъ взрослого рабочаго сельскаго населенія почти половина, а именно 535.075 ч. владѣетъ земельными участками менѣе 3-хъ гектаровъ (гектаръ $\frac{9}{10}$ десятины). Между тѣмъ въ Бельгіи земельный участокъ даже

въ 4—5 гектаровъ не можетъ, безъ постороннихъ заработковъ, мало-мальски сносно обезпечить большую семью. Это обстоятельство и вынуждаетъ крестьянъ, владѣющихъ ничтожною землею собственностью, а также безземельныхъ, брать землю въ аренду или дѣлаться земледѣльческими или фабричными рабочими.

Сельское населеніе Бельгіи можно раздѣлить на четыре группы. *Первая группа* самая малочисленная; къ ней принадлежатъ *крупные земельные собственники*, т. е. владѣльцы 40—50 десятинъ и болѣе; ихъ считается всего 2.388 ч. Эти крупные собственники пренебрегаютъ земледѣльческимъ трудомъ и за высокую плату отдаютъ свою землю въ аренду, обыкновенно раздробивъ ее на множество мелкихъ участковъ. Они живутъ, какъ и всѣ болѣе или менѣе зажиточные люди средняго достатка. Несравненно болѣе ихъ богатыми являются въ Бельгіи крупные фабриканты, владѣльцы угольныхъ копей, люди, занимающіеся крупными торговыми оборотами, финансисты,—многіе изъ нихъ получаютъ милліонные доходы и живутъ съ царскимъ великолѣпіемъ.

Вторая группа—средніе собственники, имѣющіе отъ 3 до 20 гектаровъ земли; къ ней принадлежатъ также арендаторы, арендующіе земельную площадь приблизительно такой же величины. Судьба этихъ среднихъ собственниковъ и арендаторовъ почти одинаковая и далеко не завидная, хотя положеніе арендаторовъ все же хуже. Прежде всего тѣ и другіе, не покладая рукъ, не только работаютъ съ своими семьями въ теплое время года по 15—17 ч. въ сутки, но прихвываютъ и половину ночи, такъ какъ днемъ имъ приходится терять много времени на отправку своихъ продуктовъ на базары. Встаютъ они въ 3 ч. утра и тотчасъ же должны нагружать тележку молочными скопами и овощами и все это тащить на базаръ. Только немногіе живутъ близко отъ базаровъ, а большинству приходится дѣлать отъ 4 до 10 верстъ. Всѣ ихъ сельскія сбереженія продаются на базарѣ чрезвычайно дешево сравнительно со стоимостью производства. Продавъ все, что было лучшаго въ хозяйствѣ, и оставивъ для семьи только то, что крайне необходимо для скуднаго пропитанія, земледѣльцы этой группы не получаютъ денегъ даже настолько, чтобы сводить концы съ концами, по крайней мѣрѣ арендаторамъ всегда приходится занимать. Да какъ обойтись безъ долговъ, когда арендная плата такъ высока! Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Брабантѣ, Генегаву и Льежѣ за одинъ гектаръ (т. е. меньше десятины) приходится платить 45, 50, а иногда даже 60, 70 руб.; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ аренда менѣе высока, то высчитано, что средняя плата за аренду одного гектара 41 р. на наши деньги, слѣдовательно все же слишкомъ тяжела для бѣднаго арендатора, недаромъ она называется «мучительной рентой». Кромѣ высокой арендной платы, каждому арендатору приходится затрачивать много денегъ на покупку искусственнаго удобрения, примѣнять къ своему хозяйству дорого стоящія машины, за пользованіе которыми тоже требуется плата. Чтобы достать необходимыя для хозяйства средства, приходится прибѣгать къ помощи ростовщиковъ, которые даютъ деньги въ долгъ за такіе высокіе проценты, что одна уплата ихъ поглощаетъ весь доходъ крестьянина. Въ большинствѣ случаевъ, чтобы уплатить ростовщику проценты въ надлежащій срокъ, крестьянинъ продаетъ за безцѣнокъ сельскіе продукты, за которые онъ могъ бы получить гораздо больше черезъ 3—4 недѣли, но деньги для расплаты нужны немедленно, и арендатору приходится уменьшать свой и безъ того жалкій бюджетъ. Громадное большинство арендаторовъ и почти половина собственниковъ этой группы оказываются въ неоплатномъ долгу у ростовщиковъ. У многихъ арендаторовъ, кромѣ арендуемой, есть еще и свой собственный клочекъ земли. Нужно замѣтить, что земля здѣсь стоитъ чрезвычайно дорого,

и если бы крестьянинъ разстался съ своимъ небольшимъ участкомъ, онъ могъ бы расплатиться съ долгами и кое какъ обернуться на первыхъ порахъ. Почему же онъ не продаетъ его и предпочитаетъ оставаться неоплатнымъ должникомъ?

Когда крестьянинъ совершенно запутывается въ долгахъ, его землю продаютъ, но продать хотя самый ничтожный клочекъ земли по собственной волѣ здѣшній крестьянинъ не въ силахъ. Трудно представить, какую невѣроятную страсть питаетъ къ своей землѣ каждый здѣшній крестьянинъ! Никакія лишенія не заставляютъ его продать свой надѣлъ: онъ будетъ работать со всѣмъ семействомъ до совершеннаго истощенія, пойдетъ въ кабалу къ ростовщику, и только когда тотъ самъ не пожелаетъ взять его къ себѣ въ работники и потребуетъ немедленной уплаты, онъ разстается съ своей землицей. Эту упорную привязанность къ землѣ можно объяснить тѣмъ, что для крестьянина, оторваннаго отъ нея, чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно устроиться какъ-нибудь иначе: работы на здѣшнихъ фабрикахъ и заводахъ всегда ждетъ громадная толпа кандидатовъ голодныхъ, нищихъ, безработныхъ, которые готовы за грошъ взять на себя самый тяжелый трудъ, и пробиться сквозь эту густую толпу жаждущихъ заработка весьма мудрено. Для обезземеленнаго пролетарія, казалось-бы, есть еще одинъ выходъ—поступить въ батраки. Но и это не такъ-то легко, вслѣдствіе незначительнаго количества въ странѣ крупныхъ хозяйствъ, нуждающихся въ наемномъ трудѣ, и тутъ тоже обыкновенно приходится ждать подолгу. Отчасти земля привязываетъ крестьянина и тѣмъ, что, обладая этою единственною кормилицею, крестьянинъ сознаетъ, что онъ болѣе или менѣе самостоятельный человѣкъ, и страхъ сдѣлаться въ будущемъ совершеннымъ пролетаріемъ заставляетъ его биться изо всѣхъ силъ.

Такъ какъ въ Бельгіи земля крайне раздроблена, то арендатору часто приходится брать землю одновременно у нѣсколькихъ землевладѣльцевъ,—иногда сразу у двухъ, трехъ, даже у десяти. Есть мѣстности въ Бельгіи, гдѣ сложились въ высшей степени оригинальныя отношенія между арендаторами и собственниками земли, какъ напр., въ Pays de Waes. Тутъ арендаторъ беретъ землю иногда одновременно: у пивовара, у мелочного торговца, продавца платьевъ, трактирщика, доктора, у адвоката, приходскаго священника. Не слѣдуетъ думать, что у арендатора такимъ образомъ составляется большой участокъ земли: такъ какъ ему у всѣхъ названныхъ лицъ пришлось взять по крошечному клочку, то и въ общемъ изъ нихъ составилъ очень небольшой участокъ. Притомъ такой арендаторъ со всѣхъ сторонъ обремененъ тяжелыми обязательствами: его землевладѣлецъ-пивоваръ требуетъ, чтобы онъ бралъ у него пиво; мелочной торговецъ ждетъ его къ себѣ для покупки кофе и другого мелочного товара; продавецъ платьевъ никогда не проститъ ему, если кто-нибудь изъ его семьи будетъ одѣваться въ другой лавкѣ; онъ долженъ отъ времени до времени помогать своему хозяину-землевладѣльцу въ полевыхъ работахъ безъ всякаго вознагражденія; если онъ или его семья совсѣмъ не нуждаются въ помощи врача, докторъ ищетъ себѣ менѣе здороваго арендатора. Такіе обычаи въ высшей степени выгодны для землевладѣльцевъ: одинъ докторъ, жена котораго была модисткою, отдавалъ одинъ акръ земли арендатору, имѣвшему большое семейство, состоящее, между прочимъ изъ семи дѣвушекъ; за свою землю докторъ получалъ нѣсколько десятковъ франковъ въ годъ, но продажею лѣкарствъ и шитьемъ платьевъ на своего арендатора онъ увеличивалъ доходъ до 400 франковъ въ годъ. Если арендаторъ не исполняетъ требованія одного изъ своихъ землевладѣльцевъ, тотъ по истеченіи срока отнимаетъ отъ него свой клочокъ земли и передаетъ его другому, болѣе послушному.

Отношенія между землевладѣльцами и ихъ арендаторами очень плохи: землевла-

дѣлецъ старается выжать изъ своего участка земли побольше выгоды, не обращая вниманія на то, что это разоряетъ бѣднаго арендатора. Если онъ видитъ, что его арендаторъ не въ силахъ выплачивать «мучительной» ренты, онъ безъ церемоніи сгоняетъ его съ своей земли.

Къ *третьей группѣ* принадлежатъ *мелкіе арендаторы и мелкіе собственники*, которыхъ земельная собственность или арендуемый участокъ меньше 3-хъ гектаровъ. Громадное большинство крестьянъ этой группы располагаетъ такими крошечными участками, которые называются «носовыми платками». Какъ собственники, такъ и арендаторы этой группы несравненно болѣе бѣдствуютъ, чѣмъ только-что описанные нами средніе арендаторы и средніе собственники. Это самая неустойчивая группа людей, такъ какъ каждый изъ нея не сегодня завтра можетъ сдѣлаться земледѣльческимъ рабочимъ или оказаться совершеннымъ пролетаріемъ безъ крова и хлѣба и очутиться пенсіонеромъ на иждивеніи общественной благотворительности.

Четвертую группу населенія составляютъ *земледѣльческіе рабочіе*. Средняя плата такому рабочему 1 франкъ (37½ коп.) въ день безъ пищи, а постоянные рабочіе (батраки) получаютъ, кромѣ пищи,—мужчины отъ 15 до 20 фр. въ мѣсяцъ, а женщины—отъ 10 до 15 фран. Рабочій день отъ марта до конца октября—16 ч. Эти рабочіе не только получаютъ ничтожную плату за продолжительный день, но ее еще выдаютъ имъ во многихъ мѣстностяхъ продуктами. Пищу они получаютъ весьма нещадательную: хлѣбъ, бобы и различнаго рода зелень, сыворотку, а главное картофель и немного пива. Свиное сало считается большимъ лакомствомъ, а мясо они получаютъ лишь по большимъ праздникамъ. Чтобы нѣсколько увеличить скудные средства своей семьи, здѣшній крестьянинъ запрягаетъ въ работу своего ребенка, если только для него найдется мѣсто гдѣ-нибудь на фабрикѣ или на фермѣ, такъ что многія дѣти остаются совершенно безграмотными.

Бельгійскіе земледѣльческіе рабочіе, мелкіе арендаторы и собственники, а также огромная часть среднихъ собственниковъ и среднихъ арендаторовъ не переходятъ въ разрядъ совершенныхъ пролетаріевъ только въ такомъ случаѣ, когда, кромѣ земледѣлія и сельскаго хозяйства, они имѣютъ другіе заработки. Трудно представить изумительное трудолюбіе земледѣльческаго люда. Глава семейства, проработавъ весь день на поденной работѣ и поздно возвращаясь домой, немедленно отправляется на свой клочекъ земли, который обрабатываетъ уже при свѣтѣ луны. Онъ утилизируетъ рѣшительно все, что у него подъ руками: выкачиваетъ жидкое удобреніе изъ выгребной ямы, перекачиваетъ, взрываетъ заступомъ каждый клочокъ, разбиваетъ и разрыхляетъ каждый комокъ, можно сказать, безъ преувеличенія, не оставляетъ непроизводительнымъ ни одного вершка своего крошечнаго участка. Всѣ члены его семьи обязаны работать, чтобы сколько нибудь увеличить бюджетъ: жена и дочери плетутъ кружева, мальчики присматриваютъ за собаками, которыя не только стерегутъ домъ, но въ большинствѣ случаевъ замяняютъ и лошадь; на ихъ обязанности лежитъ также забота о кроликахъ, для которыхъ они срываютъ каждый пучокъ травы, попадающійся имъ по дорогѣ. Кроликовъ продаютъ скупщику, и шкурки этихъ звѣрковъ составляютъ довольно значительный предметъ вывоза, такъ какъ онѣ идутъ на изготовленіе шапокъ. Несмотря на то, что всѣ члены семьи трудятся, не покладая рукъ, все-таки ихъ общаго заработка часто не хватаетъ даже на покупку жалкой верхней одежды, такъ что имъ приходится страдать отъ холода въ зимнее время. Въ такихъ случаяхъ жена оставляетъ плетеніе кружевъ, забрасываетъ хозяйство и отправляется на поденную работу. Если ея нельзя достать или если это невозможно вслѣдствіе болѣзни дѣтей, она прибѣгаетъ къ благотворительности, на счетъ которой живутъ столь многіе въ этой странѣ.

Прежде чѣмъ закончить нашъ очеркъ о земледѣльческомъ людѣ, необходимо познакомиться съ *производствомъ брабантскихъ или брюссельскихъ кружевъ*, плетениемъ которыхъ занято въ странѣ около 130 тыс. женщинъ,—этою работою мужчины занимаются только въ рѣдкихъ случаяхъ. По официальнымъ даннымъ, средній заработокъ кружевницъ—52 сантимъ (около 19 коп.) въ сутки. Но есть и такія, которыя приобрѣли извѣстность своимъ необыкновеннымъ искусствомъ въ этомъ дѣлѣ; выдающіяся по своему таланту кружевницы получаютъ отъ 1 до 4 фр. въ день, а иногда даже и болѣе. Но онѣ составляютъ исключеніе: громадное большинство испытываетъ тяжкую нужду и лишенія, и прокормиться только плетениемъ кружевъ, даже и въ томъ случаѣ, когда этимъ занимаются 14—15 ч. въ сутки, здѣсь очень мудрено. Несмотря на это, большинство бельгійскихъ женщинъ предпочитаетъ эту работу фабричной, такъ какъ она происходитъ въ домашней обстановкѣ. Въ то время, какъ самыя прилежныя кружевницы не могутъ существовать только одною этою работою, скупщики и торговцы кружевъ наживаютъ себѣ солидные капиталы. Въ одномъ Брюсселѣ существуетъ множество роскошныхъ магазиновъ, торгующихъ этимъ товаромъ на сотни тысячъ франковъ.

Среди бельгійцевъ всѣхъ классовъ общества, а слѣдовательно и среди рабочихъ, занимающихся промышленностью, устраиваются самые разнообразныя союзы, которые имѣютъ свои магазины и лавки для продажи произведеній своихъ членовъ и для закупки матеріала оптомъ; это даетъ возможность членамъ союза получать всю выгоду отъ своей работы. Но кружевницы не объединены ни въ какія общества, да и вообще наиболѣе бѣдная часть земледѣльческаго населенія Бельгіи очень рѣдко устраиваетъ союзы между собой; это на руку хозяевамъ, ростовщикамъ, торговцамъ и посредникамъ, которые львиную долю заработка тружениковъ оставляютъ въ своихъ карманахъ.

Съ незапамятныхъ временъ Бельгія, а въ особенности Фландрія и Брабантъ, считались родиною самыхъ изящныхъ кружевъ. И въ настоящее время брабантскія кружева считаются лучшимъ и изысканнымъ украшеніемъ женскаго туалета. Нужно замѣтить, что кружево, называемое «брюссель», «валансьенъ», «малинь» (мехельнь), теперь далеко не всегда выдѣляются въ этихъ городахъ; но слава бельгійскихъ кружевъ связана съ ихъ именами. Въ настоящее время въ Бельгіи болѣе всего выдѣляются кружева валансьенъ, хотя городъ, отъ котораго онѣ получили свое названіе, уже давно принадлежитъ Франціи; въ Гентѣ болѣе всего выдѣляются мехельнскихъ кружевъ—«point de Malines»; въ Брюгге, Остенде и Иперѣ—валансьенъ. Кружева отличаются другъ отъ друга не цвѣтомъ и узоромъ, а своею основою (основой называютъ сѣтчатую ткань, состоящую изъ петель). Петли валансьенъ расположены въ видѣ четырехугольниковъ; point de Malines представляютъ довольно правильные шестиугольники, между тѣмъ какъ брюссельскія напоминаютъ пчелиныя соты. Мехельнскія кружева отличаются отъ всѣхъ другихъ еще тѣмъ, что ихъ цвѣты имѣютъ болѣе толстый и рельефный край.

Въ XVIII стол., когда стали употреблять механическій ткацкій станокъ и силу пара, въ производствѣ кружевъ всѣхъ родовъ произошелъ полный переворотъ. Кружева стали поддѣлывать такъ искусно, что нуженъ опытный глазъ для того, чтобы отличить теперь машинную работу отъ ручной. Тканые кружева своею дешевизною и быстротою изготовленія подорвали цѣну ручному производству. Хотя до сихъ поръ настоящія, то-есть ручныя, бельгійскія кружева цѣнятся въ магазинахъ чрезвычайно дорого и считаются самымъ изысканнымъ украшеніемъ женскаго туалета, но кружевницамъ платятъ жалкое вознагражденіе, а весь барышъ остается въ карманахъ

торговцевъ и посредниковъ, которые скупаютъ у работницъ кружева и передаютъ ихъ для продажи въ магазины большихъ городовъ, особенно Брюсселя. Кромѣ взрослыхъ женщинъ и маленькихъ дѣвочекъ, занятыхъ этою работою въ городахъ и деревняхъ, она имѣетъ значеніе для бѣдныхъ дѣвочекъ разныхъ заведеній: пріютовъ, сиротскихъ школъ и т. п. Нечего и говорить о томъ, что при этомъ происходитъ страшнѣйшая эксплуатація дѣтскаго труда и здоровья: дѣти этихъ школъ чрезвычайно блѣдны, худы и отличаются искривленіемъ спинного хребта. Тѣмъ не менѣе, эти несчастныя дѣвочки своимъ трудомъ много помогаютъ своимъ семействамъ и не разъ выручали ихъ изъ нужды въ такіе годы, когда свирѣпствовала страшная нищета.

Кромѣ школъ, въ которыхъ плетеніе кружевъ введено между прочимъ, въ Бельгіи существуетъ множество школъ кружевницъ, въ которыхъ специально занимаются этою работою. Изъ бельгійскихъ городовъ болѣе всего плетеніемъ кружевъ занимаются въ Брюгге. Когда вы проходите по самымъ отдаленнымъ улицамъ этого города, вы увидите передъ каждымъ окномъ прилежныхъ кружевницъ. Дѣтмъ онѣ сидятъ группами у дверей, болтаютъ или поютъ пѣсни, но лица ихъ страшно блѣдны. Замѣтивъ ихъ, вы непременно засмотритесь на изумительную ловкость ихъ рукъ. На козняхъ, передъ каждой изъ нихъ, лежитъ подушка, а подлѣ—полоска пергамента съ наколотымъ узоромъ. Съ той и другой стороны подушки висятъ коклюшки, которыя онѣ перебрасываютъ очень быстро. Кажется, это просто забава, между тѣмъ въ срединѣ образуется изящная полоска цвѣтовъ, и эта, съ виду легкая, работа быстро подтачиваетъ здоровье фламандскихъ красавицъ.

Въ Лимбургѣ и его окрестностяхъ, а также и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ солома растущихъ хлѣбновъ отличается особенною мягкостью, населеніе занимается плетеніемъ шляпъ; скупщики перекупаютъ ихъ и продаютъ въ большихъ городахъ Бельгіи и Франціи.

Небольшимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ служить и разведеніе домашней птицы: куръ, гусей, утокъ, индѣекъ, голубей.

Несмотря однако на совмѣстный трудъ всѣхъ членовъ семьи, матеріальное положеніе громаднаго большинства земледѣльческаго населенія весьма жалкое. Это подтверждается и двумя характерными явленіями, служащими обычными спутниками нищеты простонародья, а именно множество кабаковъ и безработныхъ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого громаднаго, сравнительно съ пространствомъ, числа кабаковъ и трактировъ, какъ въ этой странѣ, и нигдѣ въ мірѣ расходъ на спиртные напитки не составляетъ такой солидной суммы въ бюджетѣ крестьянина, какъ здѣсь. Въ этой крошечной странѣ, менѣе чѣмъ съ 6½ мил. жит., насчитываютъ 195 тыс. заведеній, торгующихъ спиртными напитками. Здѣсь есть мѣстности, гдѣ одинъ кабакъ приходится на 4—5 семействъ. Пьянство особенно сильно развито не въ городахъ, а въ тѣхъ деревенскихъ уголкахъ, гдѣ сосредоточено наиболѣе безграмотное, умственно неразвитое, безработное, обезземеленное населеніе. Замѣчено, что въ тѣхъ мѣстностяхъ Бельгіи, гдѣ у крестьянъ особенно мало земли, менѣе всего и грамотныхъ, и тамъ болѣе всего тратится денегъ по трактирамъ, болѣе всего народу содержится и поддерживается общественною благотворительностью. Мало того, именно въ этихъ-то жалкихъ деревняхъ католическое духовенство имѣетъ особенно сильное вліяніе.

Во всѣхъ отрасляхъ труда желающихъ получить работу больше, чѣмъ ее можно добыть, слѣдовательно вездѣ много безработныхъ. И не мудрено: и въ земледѣліи, и въ промышленности введены и постоянно вводятъ наиболѣе усовершенствованныя

машины, уменьшающія число рабочихъ рукъ. Кромѣ того, крупные землевладѣльцы и фермеры всячески ухитряются во всемъ соблюдать экономію, а слѣдовательно прежде всего—избѣгать наемнаго труда. У нихъ собаки не только стерегутъ домъ и возятъ товаръ на рынокъ, но нерѣдко исполняютъ трудъ человѣка: на многихъ фермахъ собака сбиваетъ масло. Эту работу она исполняетъ обыкновенно такимъ образомъ: къ одной изъ наружныхъ стѣнъ дома придѣлано колесо, сообщающееся съ цѣлой системой зубчатыхъ колесъ, которыя устроены съ внутренней стороны той-же стѣны и при движеніи заставляютъ вращаться деревянные лопаты, опущенныя въ чанъ со сливками, которыя и сбиваютъ сливки въ масло. Собака помѣщается внутри колеса такъ, что, если она не будетъ дѣлать попытокъ къ движенію, то она получаетъ сильные уколы отъ остроконечныхъ иглъ, вбитыхъ въ одну изъ заднихъ спицъ колеса. Такимъ образомъ собака непрерывно, въ теченіе часа, а иногда и болѣе, переступаетъ ногами, дѣлая попытки къ движенію, отчего колесо вращается, и сливки сбиваются въ масло.

При такомъ стремленіи зажиточныхъ землевладѣльцевъ и фермеровъ съ одной стороны утилизировать все окружающее, съ другой—во всемъ соблюдать строгую экономію, земледѣльческіе рабочіе страшно бѣдствуютъ. Бѣдность земледѣльческаго люда усиливается и оттого, что продажа бельгійскаго хлѣба встрѣчаетъ сильныхъ иностранныхъ конкурентовъ. Въмѣстѣ съ усовершенствованіемъ и удешевленіемъ путей сообщенія, иностранный хлѣбъ, преимущественно американскій, наводняетъ бельгійскіе рынки и очень часто продается дешевле мѣстнаго хлѣба, производство котораго на скудной почвѣ требуетъ громадныхъ затратъ.

Это особенно печально отражается на судьбѣ мелкихъ арендаторовъ, которые, выплачивая «мучительную ренту», затрачивая на производство зернового хлѣба особенно тяжелый трудъ и сравнительно большія деньги, занятыя за громадные проценты, не могутъ вознаградить себя выгодною продажей своего урожая.

Лучше живетъ земледѣльческому люду лишь въ тѣхъ немногихъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Бельгіи, гдѣ большая часть земли принадлежитъ крестьянамъ и гдѣ сохранились общинныя угодья, т.-е. гдѣ каждый можетъ пасти свою корову въ общественномъ лѣсу, собирать въ немъ дрова и желуди: одна изъ такихъ мѣстностей—Арденны. «Здѣсь нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, но всѣ равно зажиточны. Во всей Бельгіи это единственная мѣстность, гдѣ благотворительности почти нечего дѣлать. Жилища здѣсь не особенно блестятъ изяществомъ, но зато въ самой бѣдной арденнской избѣ вы найдете подъ потолкомъ великолѣпную ветчину—ежедневную пищу крестьянина. Напротивъ, въ домахъ фламандскихъ крестьянъ вы встрѣтите сухой хлѣбъ и снятое молоко».

Хотя чрезмѣрное дробленіе земли часто очень вредно отражается на развитіи земледѣлія, но этого отнюдь нельзя сказать о Бельгіи, гдѣ земледѣліе находится въ блестящемъ состояніи. Это объясняется всего болѣе густотою населенія, что заставляетъ дорожить каждымъ клочкомъ земли. Въ сельскохозяйственномъ отношеніи Бельгія достигла самыхъ блестящихъ результатовъ, которые ставятъ ее на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ государствъ Европы. Успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ, сдѣланные въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, дѣйствительно изумительны: общая цифра непроизводительныхъ земель страны уменьшилась болѣе, чѣмъ на четверть; урожаи улучшились на 20%; длина путей сообщенія увеличилась вдвое, что, конечно, весьма облегчило сбытъ сельскихъ произведеній. Такіе быстрые и блестящіе успѣхи земледѣлія изумляютъ еще болѣе, когда вспомнишь, что Бельгія принадлежитъ къ числу странъ съ наименѣе плодородною почвою; около трети ея занято

песками; громадныя пространства приходятся на долю глинистыхъ или каменистыхъ почвъ. И несмотря на это, большинство мѣстностей въ настоящее время представляетъ что-то въ родѣ роскошнаго сада. Благодаря хорошей обработкѣ почвы и разумному употребленію удобреньй, здѣсь достигаютъ того, что получаютъ двѣ жатвы въ годъ. Во многихъ частяхъ фламандскихъ провинцій деревня, несмотря на бѣдность и бездолье земледѣльческаго люда, имѣетъ веселый и кокетливый видъ.

Особенно нѣкоторыя мѣстности въ Бельгіи поражаютъ своимъ изумительнымъ плодородіемъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Фландрія. Эта чудесная страна производитъ рѣшительно все, что только можетъ пожелать себѣ человекъ, и притомъ въ изумительномъ изобиліи. Особенно много получаютъ здѣсь зернового хлѣба всевозможныхъ родовъ. Здѣсь разводятъ также лучшій въ свѣтѣ скоть. Хотя почва Фландріи песчаная, но она доведена до высшей степени плодородія, такъ какъ рѣшительно вездѣ воздѣлана, какъ роскошнѣйшій въ мірѣ садъ. Въ этой странѣ нѣтъ, кажется, ни одного дюйма запущеннаго пространства. Такого плодородія и высокой степени совершенства въ земледѣліи жители Фландріи достигли многими средствами. Здѣшніе земледѣльцы необыкновенно старательно собираютъ каждый атомъ городскихъ нечистотъ. Они охраняютъ свое удобренье, какъ первѣйшее въ мірѣ сокровище, и возводятъ надъ нимъ крышу для предохраненія его отъ дождя и солнечныхъ лучей. Они собираютъ илъ изъ рѣкъ, грязь изъ каналовъ, по большимъ дорогамъ—пометъ животныхъ, а кости ихъ превращаютъ въ фосфорно-кислую соль. Коровьей мочей, собираемой въ ведрахъ, они поливаютъ рѣпу, которая безъ того тутъ никогда не произрастала бы, и расходуютъ неимовѣрныя суммы на гуано и искусственныя удобрения. Эти громадныя суммы фламандецъ пріобрѣтаетъ воздѣлываніемъ тончайшаго льна, заслуженно пользующагося уже съ давнихъ поръ громкою извѣстностью; много также онъ продаетъ сурѣпицы, хмѣля и цыкорія. Фландрія имѣетъ также большое количество фабрикъ, хотя знаменитые мануфактурныя центры Бельгіи находятся не во Фландріи, а въ землѣ валлоновъ. Другая причина блестящаго земледѣлія во Фландріи—замѣчательное искусство и опытъ давнихъ лѣтъ, полученный фламандцами въ наслѣдство отъ своихъ дѣдовъ. Самые древніе историческіе памятники говорятъ о томъ, что земледѣліе во Фландріи давно было на высокой степени совершенства. Преданія прошлаго пустили глубокіе корни. Къ тому же Фландрія обязана своимъ блестящимъ положеніемъ земледѣлія какъ правительству, такъ и обществу. Цѣлый рядъ учреждений разрабатываетъ здѣсь самые разнообразные вопросы земледѣлія и сельскаго хозяйства. Повсюду устроены земледѣльческія станціи; агрономы изучаютъ почву страны и ея составныя части, употребляютъ всѣ усилія для распространенія сельскохозяйственныхъ знаній, дѣлаютъ самыя разнообразныя опыты для изученія все большаго количества удобреньй, всюду существуютъ учрежденія для улучшенія породъ рогатаго скота, овецъ, лошадей, свиней. Правительство, не желая вводить насильно ту или другую сельскохозяйственную систему, старается побудить принять ее посредствомъ всевозможныхъ поощреній. Съ этою цѣлью оно устраиваетъ сельскохозяйственныя выставки, конкурсы, публичныя лекціи. Въ каждой сельской школѣ преподаютъ элементарныя свѣдѣнія по садоводству, сельскому хозяйству и огородничеству. Высшія сельскохозяйственныя школы и школы садоводства, прекрасно устроенныя, бібліотеки которыхъ постоянно пополняются новыми сочиненіями, ежегодно выпускаютъ агрономовъ и садоводовъ съ солидными знаніями и опытностью, а поля и сады при этихъ школахъ наглядно доказываютъ, какъ слѣдуетъ вести это дѣло.

Но такіе блестящіе результаты при жалкой почвѣ даютъ себя чувствовать зе-

млепашцу: трудно себя представить, съ какимъ трудомъ добываетъ бельгійскій рабочій свой хлѣбъ, часто выполняя то, что въ другихъ странахъ дѣлаетъ рабочій скотъ. Здѣсь сплошь и рядомъ попадаются мѣстности, при обработкѣ которыхъ не можетъ помочь ни плугъ, ни лошадь, и мужчины, женщины и дѣти вскапываютъ землю желѣзными лопатками. Иногда представляется и болѣе любопытное зрѣлище: мужчины и женщины на веревкахъ тянутъ по полю борону. Но еще тяжелѣе жизнь земледѣльцевъ, поселенныхъ около болотистыхъ мѣстъ, которыхъ здѣсь такъ много. Чтобы сдѣлать какую-нибудь сажень земли удобною для обработки, нерѣдко множество рабочихъ проводятъ дни и мѣсяцы, стоя по грудь въ сырой землѣ. Столько же, а можетъ быть еще и болѣе труда и невзгодъ для тѣхъ изъ землепашцевъ, которымъ приходится превращать на огромныхъ пространствахъ зыбучіе пески въ пахатныя поля, луга и пастбища. Такимъ образомъ здѣшній грунтъ, въ большинствѣ случаевъ, искусственный: глина привезена изъ отдаленныхъ мѣстъ, гуано и другія удобрения покрыли песокъ и произвели землю, вполне удобную для обработки. Тамъ-же, гдѣ земля плодородна отъ природы, обработка ея въ этой странѣ доведена до совершенства, и она даетъ баснословную жатву.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОЧІЕ.

Промышленность страны.—Положеніе фабричныхъ.—Каменноугольная промышленность.—Хозяева угольныхъ копей.—Новые фабричныя законы.—Безработица.—Продолжительность рабочаго дня.—Рабочая плата.—Пища.—Жилище.—Одежда.—Характерныя качества бельгійскихъ рабочихъ.—Награды и развлечения.—Бельгійская рабочая партія.—Кооперативныя булочныя.

Бельгія въ промышленномъ отношеніи занимаетъ видное мѣсто среди европейскихъ государствъ. По размѣрамъ производства, по количеству рабочаго населенія, по обилію капиталовъ и размѣру вывоза, конечно, сравнительно съ ея пространствомъ, ее можно сравнить лишь съ Англіею. Но англійскіе промышленные рабочіе по своему умственному развитію и образованію, по общественной роли, которую они играютъ въ государствѣ, по тѣмъ широкимъ правамъ, которыхъ они добились, далеко опередили своихъ бельгійскихъ товарищей. Умственная отсталость бельгійскихъ рабочихъ, ничтожныя права, которыми они пользуются по сравненію съ англійскими собратьями, объясняются многими причинами. Нужно помнить, что во всѣхъ сферахъ жизни въ Бельгіи преобладали и до сихъ поръ преобладаютъ два класса общества—буржуазія и духовенство, которымъ было невыгодно ни просвѣщеніе народа, ни расширеніе его политическихъ правъ. Къ тому же здѣшніе рабочіе долго не были ограждены никакими законами отъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій со стороны хозяевъ; только послѣ 1886 г. былъ изданъ рядъ фабричныхъ законовъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ весьма слабо защищающихъ ихъ отъ эксплуатаціи не только хозяевъ, но и ихъ многочисленныхъ посредниковъ. Что касается политическихъ правъ, то бельгійскій народъ добился ихъ совсѣмъ недавно (см. I-ый очеркъ о Бельгіи), слѣдовательно до самаго послѣдняго времени онъ не имѣлъ въ парламентѣ надлежащаго количества защитниковъ своихъ интересовъ, а потому и не обладалъ достаточною силой для проведенія реформъ, идущихъ въ разрѣзъ со стремленіями капиталистовъ, а между тѣмъ всѣ наиболѣе существенныя желанія рабочихъ въ этой странѣ идутъ наперекоръ желаніямъ капиталистовъ, слѣдовательно вліятельной буржуазіи. Правительство до самаго послѣдняго времени мало интересовалось судьбою рабочихъ, а влія-

тельные въ странѣ представители буржуазіи даже настаивали на томъ, чтобы оно и не вмѣшивалось въ отношенія между хозяевами и рабочими. Что касается другого вліятельнаго класса—духовенства, то оно, хотя подчасъ и признавало тяжелое положеніе народа, но усердно заботилось лишь о распространеніи религіозныхъ чувствъ. Такимъ образомъ рабочіе до самаго послѣдняго времени были совершенно лишены какой-бы то ни было поддержки и защиты со стороны какъ правительства, такъ и общества.

Чтобы не потерять значенія на международномъ рынкѣ, Бельгія съ необыкновенною поспѣшностью стала вводить у себя тѣ-же усовершенствованія, какъ и другія промышленныя государства запада. Вслѣдствіе этого производство стало быстро развиваться, а число мелкихъ промышленныхъ заведеній сильно падать. Мало-по-малу производство сконцентрировалось въ рукахъ небольшого числа хозяевъ; такъ-напримѣръ съ 50-хъ до 90-хъ гг., т. е. за послѣднія 40 лѣтъ этого XIX-го ст., число мелкихъ промышленныхъ заведеній сократилось въ три, четыре и пять разъ. Вычислано, что за это время было уничтожено 18 т. мелкихъ мастерскихъ, вслѣдствіе чего пошло по міру 43 тысячи рабочихъ. Устройство громадныхъ промышленныхъ заведеній привлекло къ промышленности лишь самыхъ крупныхъ капиталистовъ и значительно уменьшило число мелкихъ хозяевъ. Устроить и вести въ Бельгіи промышленное заведеніе можетъ теперь только человѣкъ съ весьма крупнымъ капиталомъ; иногда для этого недостаточно даже средствъ одного лица, и тогда соединяются вмѣстѣ нѣсколько крупныхъ капиталистовъ, устраиваютъ между собою общество или компанію на паяхъ и ведутъ грандіозныя предпріятія, распоряжаясь судьбою громаднаго количества рабочихъ. Затрачивая солидные капиталы, бельгійскіе фабриканты и хозяева угольныхъ копей получаютъ громадныя барыши. Вѣчно опасаясь, что ихъ доходъ уменьшится, тѣ и другіе страшно скупаются дѣлать какія-бы то ни было затраты на ремонтъ зданій, машинъ, мастерскихъ и угольныхъ копей и для соблюденія часто самыхъ ничтожныхъ своихъ выгодъ жертвуютъ не только здоровьемъ, но и жизнь рабочихъ. Всѣ члены той или другой компаніи, вращаясь громадными капиталами, имѣютъ большое вліяніе, сильныя связи и представляютъ сплоченный союзъ, крѣпко объединенный одними и тѣми-же интересами и стремленіями. Такія общества и компаніи представляютъ большую силу, всегда дружно и сообща дѣйствующую относительно рабочихъ: до изданія новыхъ фабричныхъ законовъ все дѣлалось такъ, какъ они того желали, а они прежде всего желали пользоваться въ производствѣ львиною долею барыша. Хотя фабричныя законы доставили рабочимъ нѣкоторую защиту, но столь незначительную, что барыши капиталистовъ не могли, какъ это мы сейчасъ увидимъ, особенно пострадать отъ примѣненія этихъ законовъ къ практической жизни.

Болѣе всего неудовольствія среди рабочихъ вызывалъ издавна укоренившійся обычай расчета, по которому заработокъ рабочему выдавалъ хозяинъ не наличными деньгами, а товарами изъ собственной, или изъ такой лавки, на которую онъ указывалъ. Этими товарами рабочихъ рассчитывали по той цѣнѣ, по которой они продавались въ мелочныхъ лавкахъ. Во многихъ промышленныхъ мѣстностяхъ Бельгіи въ дни расчета рабочимъ приходилось получать такъ мало денегъ и такъ много товаровъ, что они вынуждены были тотчасъ-же отправляться въ городъ и тамъ въ ссудныхъ кассахъ закладывать эти товары или продавать ихъ, при этомъ всегда дешевле того, во что оцѣнивалъ ихъ хозяинъ, слѣдовательно получать свой жалкій заработокъ еще въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ слѣдуетъ. Нѣкоторые хозяева, уплативъ рабочему товарами, черезъ недѣлю-другую сами выкупали у него эти товары, но уплачивали за нихъ цѣну несравненно ниже той, по которой они отдавали ихъ ему при расчетѣ.

Немало было и такихъ хозяевъ, которые, несмотря на то, что принимали свой товаръ обратно по пониженной цѣнѣ, за одну половину его выдавали наличными деньгами, а другую обмѣнивали на какіе-нибудь припасы и продукты своего производства. Такимъ образомъ рабочіе теряли и при получкѣ товаровъ, и при продажѣ ихъ обратно; столько же теряли они при покупкѣ всего необходимаго для жизни, такъ какъ все это они вынуждены забирать въ лавкахъ своихъ фабрикантовъ и хозяевъ. По статистическимъ даннымъ они получали мыло на 56% дороже, сахаръ на 27—72%, однимъ словомъ въ среднемъ переплачивали въ лавки своихъ хозяевъ дороже на 60—80%. Этотъ вредный обычай существовалъ вездѣ: и на фабрикахъ, и въ угольныхъ копяхъ. «Почему большая часть рабочихъ на докахъ подвержена пьянству?» спрашиваютъ одного изъ нихъ. «Потому что всѣ хозяева доковъ въ то-же время содержатъ пивныя и кабаки. Въ склады входъ постороннимъ воспрещенъ, но кельнерши каждый разъ входятъ и смотрять, не нужно-ли намъ еще принести напитковъ. Рабочій, изнуренный трудомъ, выпиваетъ рюмку, быстро пьянѣетъ и постепенно дѣлается пьяницей». Фабриканты и хозяева такъ привыкли къ этому жестокому обычаю, такъ мало стѣснялись имъ, что давали тѣмъ, кто ихъ спрашивалъ, самыя циничныя объясненія. Вотъ слова одного изъ нихъ: «Мужчины зарабатываютъ у меня 15—20 фр. въ недѣлю и должны дѣлать покупки у моей дочери на треть своей платы; женщины во столько же времени зарабатываютъ 8—10 фр. и должны покупать у меня на четверть своего заработка. Я никого не принуждаю работать, я всегда могу найти рабочихъ, сколько мнѣ нужно». Только-что описанная система вознагражденія съ особенною силой господствовала въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ рабочіе получали отъ хозяевъ матеріалъ и работали у себя въ своихъ квартирахъ, напр. въ оружейномъ дѣлѣ, при плетеніи изъ соломы и кружевъ, въ производствѣ сигаръ и т. п. Расплата съ такими рабочими производилась исключительно товарами.

Трудно высчитать весь вредъ, который приносилъ этотъ обычай: если хозяинъ имѣлъ пивную, его рабочій, какою-бы отраслью труда онъ ни занимался, непременно пилъ больше пива; если тотъ имѣлъ лавку красныхъ товаровъ, рабочій получалъ расчетъ этими товарами. Вѣчно забирая товаръ въ «фабричныхъ лавкахъ» на книжку, рабочій никогда не зналъ точно, на какую сумму онъ набралъ этого товара, и въ концѣ концовъ оказывался вѣчнымъ должникомъ, рабомъ своего хозяина.

Фабричный законъ 1887 г. предписываетъ выдавать плату за трудъ деньгами, но позволяетъ хозяину выдавать рабочимъ въ счетъ платы необходимыя для работы инструменты и матеріалы, жизненные припасы, одежду и освѣтительные матеріалы; такимъ образомъ новый законъ весьма недостаточно ограничилъ злоупотребленія хозяевъ относительно расплаты. Главныя улучшения, произведенныя этимъ закономъ, состоятъ въ томъ, что съ этихъ поръ хозяева не имѣютъ права производить расчетъ съ рабочими въ кабакахъ и трактирахъ, должны расплачиваться съ ними наличными деньгами и не имѣютъ права навязывать рабочимъ ненужныхъ товаровъ, но отъ этого хозяева мало пострадали, и вознагражденія деньгами рабочій получаетъ все-таки немного, такъ какъ у него высчитываютъ за инструменты, матеріалы, жизненные припасы, однимъ словомъ за все то, что необходимо рабочему для его жизни и работы; какъ и прежде, ему приходится брать все это въ лавкѣ хозяина или въ той, въ прибылахъ которой его хозяинъ участвуетъ.

Бельгія въ послѣднее время сдѣлала блестящіе успѣхи въ развитіи своей промышленности. Казалось-бы, что при сильномъ увеличеніи размѣровъ производства должно было-бы увеличиться и число рабочихъ рукъ, но этого не произошло. Ра-

бочія руки все болѣе замѣняются теперь силою пара, а трудъ рабочаго и его искусство—усовершенствованною машиною. Правда, за послѣднія 15 лѣтъ число рабочихъ въ Бельгіи увеличилось на 15—16%, но нужно помнить, что это очень немного превышаетъ естественный приростъ населенія, слѣдовательно, несмотря на сильное увеличеніе размѣровъ производства сравнительно съ прежнимъ временемъ, число рабочихъ возрасло лишь очень слабо,—машина вездѣ сокращаетъ число рабочихъ рукъ. Къ тому-же усовершенствованная современная машина до того упростила трудъ рабочаго, что женщины и дѣти могутъ выполнять фабричную работу. Однообразный трудъ, утомительно длинный день вредно отражаются на здоровьѣ взрослыхъ рабочихъ, но еще зловреднѣе вліяютъ они на дѣтей, вынужденныхъ работать въ душныхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ, нерѣдко зараженныхъ вредными испареніями. Въ той семьѣ, гдѣ мать, отецъ и старшія дѣти проводятъ цѣлый день на фабрикѣ, не существуетъ семейной жизни: маленькихъ дѣтей относятъ въ пріюты, называемые «дѣтскими садами», и они видятъ своихъ родителей только тогда, когда тѣ возвращаются домой усталыми и измученными, слѣдовательно растутъ безъ материнской ласки и ухода. А затѣмъ подрастая дѣти рано поступаютъ на фабрики, плохо питаются и не могутъ правильно физически развиваться. Не мудрено, что при подобныхъ условіяхъ, жизнь рабочаго люда Бельгіи такъ непродолжительна: въ то время, какъ средняя продолжительность жизни въ обезпеченной средѣ равняется здѣсь 53 годамъ, среди рабочихъ она не превышаетъ 28 лѣтъ. Что же касается дѣтей, то смертность среди нихъ въ промышленныхъ округахъ просто поразительна. Фабричная инспекція въ своемъ отчетѣ за 1897 г. приводитъ случай, когда изъ 368 дѣтей, родившихся у работницъ одной фабрики, 69 родились мертвыми, а 228 не дожили до года; до пяти лѣтъ дожили всего 8% дѣтей. Въ 619 случаяхъ смерти отъ чахотки, бывшихъ въ Гентѣ, 511 относятся къ рабочему классу. Вотъ причина, почему населеніе Бельгіи увеличивается такъ медленно.

Какъ-бы бельгійскіе хозяева ни относились къ своимъ рабочимъ, послѣднимъ приходится мириться со всѣмъ: около каждой фабрики или завода всегда толпится огромная толпа голодныхъ и безработныхъ, которые готовы взять работу за грошъ, лишь бы сегодня поѣсть и накормить свою семью. Излишекъ рабочихъ оказывается не только вслѣдствіе того, что сила пара и усовершенствованныя машины все болѣе замѣняютъ рабочія руки, но и отъ густоты населенія, которая чрезвычайно мало уменьшается эмиграціею: валлоны, преимущественно занимающіеся промышленностью, почти совсѣмъ не эмигрируютъ, и только фламандцы выселяются во Францію, да и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Общее число безработныхъ считается болѣе 100.000 ч., и эта армія все увеличивается, а вмѣстѣ съ нею увеличивается и число людей, обращающихся за помощью къ общественной благотворительности: въ 70-хъ гг. такихъ было всего 8.000 ч., а въ 90-хъ—ихъ оказалось уже болѣе 18.000.

Кромѣ общихъ предписаній о содержаніи мастерскихъ въ порядкѣ и требованій, чтобы помѣщенія для рабочихъ были просторны, вотъ главные пункты новыхъ фабричныхъ законовъ: 1) дѣти моложе 12 л. совсѣмъ не должны работать подъ землею, слѣдовательно дѣтей раньше этого возраста нельзя ни нанимать для работъ въ горной промышленности, ни держать ихъ въ мастерскихъ съ механическими двигателями, а также и въ другихъ отрасляхъ труда, опасныхъ для здоровья. 2) Дѣти съ 12-лѣтняго возраста могутъ работать подъ землею только днемъ (начиная съ 4-хъ ч. утра) и не болѣе 10½ ч., включая сюда спускъ и подъемъ въ шахты. 3) Подростки (отъ 14 до 16 л.) могутъ работать ночью подъ землею не болѣе

10 ч. 4) Женщины могутъ работать подъ землею только тогда, когда имъ исполнится 21 г.; онѣ также не могутъ работать ранѣе, какъ черезъ четыре недѣли послѣ родовъ. 5) Рабочее время для дѣтей отъ 12 до 13 л. на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ хлопчатой бумаги, льна и пеньки, а также для дѣтей отъ 12 до 14 л. на сигарныхъ и тому подобныхъ фабрикахъ, особенно вредныхъ для здоровья, можетъ продолжаться не болѣе 6-ти ч. въ день; это распоряженіе составляетъ многихъ хозяевъ совѣмъ не нанимать дѣтей этого возраста на такую работу.

Изъ сказаннаго видно, что новые фабричныя законы берутъ подъ свою защиту почти исключительно трудъ женщинъ и дѣтей, да и ихъ-то они ограждаютъ болѣе, чѣмъ умѣренно, такъ какъ допускаютъ дѣтскій трудъ подъ землею съ 12-ти лѣтъ въ размѣрѣ 10½ ч., предписывая только, чтобы работа происходила не иначе, какъ днемъ, начиная съ 4-хъ часовъ утра. Такое жалкое и ничтожное облегченіе участи рабочихъ не могло удовлетворить ихъ самыхъ скромныхъ и законныхъ требованій. Вотъ почему и послѣ изданія этихъ законовъ, т.-е. въ эти послѣднія десять лѣтъ, стачки и волненія среди рабочихъ не уменьшились, а среди углекоповъ онѣ сдѣлались почти хроническимъ явленіемъ.

Самая главная промышленность Бельгіи—*добываніе каменнаго угля*. Центръ угольнаго производства—окрестности Льежа (Люгиха), Монса и Шарлеруа. Вокругъ этихъ городовъ, на далекое пространство, кипитъ непрерывная дѣятельность. Особенно Шарлеруа—царство угля въ полномъ смыслѣ слова. Главное зданіе этого города—громадный вокзалъ, со всѣхъ сторонъ котораго пролетаютъ вагоны, наполненные углемъ и рудой. Всюду тянутся фабрики и громадныя стеклянныя заводы, безконечныя трубы которыхъ выбрасываютъ густыя клубы дыма, заволакивающіе небо.

Хотя въ Бельгіи залежи каменнаго угля занимаютъ громадное пространство, Франція, Англія и Германія имѣютъ еще болѣе богатые залежи угля, слѣдовательно въ этомъ производствѣ они являются сильными конкурентами Бельгіи. Бельгійскій рабочій добываетъ свой уголь съ несравненно большимъ трудомъ, чѣмъ это дѣлается въ названныхъ странахъ, такъ какъ бельгійскія угольныя копи менѣе богаты углемъ и расположены подъ землею гораздо глубже, чѣмъ въ названныхъ странахъ; слѣдовательно, отъ бельгійскаго углекопа требуется несравненно большей затраты времени и труда. Естественно, что при этихъ условіяхъ добываніе угля въ Бельгіи обходится дороже, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. Кромѣ только-что указанныхъ особенностей, здѣсь, какъ и вездѣ, работа подъ землею представляетъ наибольшую опасность для здоровья и жизни. Углекопъ постоянно работаетъ въ согбенномъ положеніи, вслѣдствіе чего у него оказывается неравномѣрное развитіе органовъ: грудь и плечи развиваются на счетъ конечностей, позвоночный столбъ подвергается искривленію. Частыя перемѣны температуры и вредныя испаренія въ подземельѣ губительно дѣйствуютъ на легкія и легко производятъ простуду; къ тому же работа при искусственномъ и плохомъ освѣщеніи едва мерцающихъ фонарей вредно дѣйствуетъ на зрѣніе и на весь организмъ. Вотъ почему къ сорока годамъ рудокопы и углекопы имѣютъ видъ дряхлыхъ стариковъ, а очень часто и совершенныхъ инвалидовъ. Хотя новые фабричныя законы нѣсколько облегчили тяжелый трудъ женщинъ и дѣтей, но онъ до сихъ поръ для нихъ особенно изнурителенъ: проработавъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, женщина къ 26—27 годамъ имѣетъ видъ дряхлой, изнуренной старухи, съ искривленнымъ позвоночнымъ столбомъ; смертность среди нихъ сильнѣе, чѣмъ среди другихъ труженицъ.

Второе мѣсто послѣ добыванія угля занимаетъ *ткацкое производство*, дающее

занятіе 91^{1/2} т. рабочихъ. Хотя эта работа не такъ вредна для здоровья, какъ работа въ копяхъ, но она тоже не очень легка: въ здѣшнихъ ткацкихъ мастерскихъ обыкновенно плохо устроена вентиляція, и воздухъ такой спертый, что хозяева и даже мастера входятъ туда только тогда, когда ихъ присутствіе крайне необходимо. Работа въ прядильняхъ производится при очень высокой температурѣ (около 32—33°) и всегда при извѣстной влажности. Мужчины работаютъ въ прядильняхъ въ однихъ брюкахъ, женщины—въ платьяхъ. Есть помѣщенія, гдѣ мужчины и женщины работаютъ вмѣстѣ.

Послѣ угольныхъ копей и ткацкой промышленности важное значеніе для Бельгіи имѣетъ *обработка руды и металловъ*.

Положеніе фабричнаго люда въ Бельгіи можно въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить такъ: низкая заработная плата, въ высшей степени враждебныя отношенія между хозяевами и фабричными, обиліе рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе этого хроническая безработица, часто повторяющіяся стачки, нищета, невозможность для огромнаго класса людей обходиться безъ помощи благотворительности,—вотъ характерныя черты его жизни. Если положеніе бельгійскихъ рабочихъ на фабрикахъ плохо, то въ угольныхъ копяхъ оно болѣе чѣмъ ужасно. Бельгійскіе монополисты угольныхъ копей принадлежатъ къ числу самыхъ хищныхъ эксплуататоровъ въ мірѣ. Въ умѣнны выжимать изъ рабочаго соки, понижать заработную плату, плохо устраивать шахты и штольни, гдѣ работаютъ рабочіе, во всемъ этомъ они перещеголяли предпринимателей другихъ странъ западной Европы. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что въ Англіи, Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ разработка угольныхъ копей ведется въ болѣшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Бельгіи, вы нигдѣ не встрѣчаете такого громаднаго числа случаевъ взрывовъ, обваловъ и всевозможныхъ несчастій, какъ здѣсь. Цари угольныхъ бельгійскихъ копей скупаются дѣлать какія бы то ни было затраты на поправки и сооруженія, необходимыя для сохраненія жизни и здоровья рабочихъ, обогащающихъ ихъ своимъ трудомъ. Поэтому въ бельгійскихъ угольныхъ копяхъ безпрестанно происходятъ страшныя несчастія. Вслѣдствіе этого между здѣшними углекопами часто происходятъ волненія, которыя обыкновенно принимаютъ чрезвычайно широкіе размѣры. Ненависть рабочихъ къ фабрикантамъ, особенно къ хозяевамъ угольныхъ копей, распространена въ Бельгіи сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ: когда хозяева понижаютъ плату, рабочіе въ злобѣ и ненависти портятъ инструменты и машины, поджигаютъ фабрики, разносятъ мельницы.

Вотъ официальное изслѣдованіе (въ 1897 г.) рабочей платы болѣе чѣмъ у трехъ сотъ тысячъ рабочихъ: 9,180 получаютъ менѣе 1 фр. въ день, 20,704—отъ 1 до 2-хъ, 108,144—отъ 2-хъ до 3-хъ, 160,375—отъ 3-хъ до 4-хъ, 22,809—отъ 4-хъ до 5-ти фр. въ день, и только 8,070 получаютъ болѣе 5 фр. Даже такая тяжелая работа, какъ добываніе угля и рудъ въ копяхъ и рудникахъ, оплачивается въ среднемъ 948 фр. въ годъ, т.-е. 2 фр. 60 сант. (около рубля) въ день.

Что касается продолжительности рабочаго дня, то здѣсь тоже нѣтъ ничего утѣшительнаго: среди 300.000 обследованныхъ правительственными статистиками рабочихъ 45 проц. работаютъ ежедневно по 12 час. и болѣе, 19 проц. работаютъ 11 час. и всего 36 проц. трудятся 10 час. въ день. На кирпичныхъ заводахъ дѣти 12 лѣтъ работаютъ по 14—15 час. Въ кружевномъ производствѣ маленькія дѣвочки сидятъ по 15 час. въ сутки.

Несмотря, однако, на крайнюю умѣренность такого вознагражденія, прежде оно было гораздо меньше: высчитано, что за послѣдніе тридцать лѣтъ рабочая плата

увеличилась болѣе, чѣмъ вдвое. Въ различныхъ отрасляхъ промышленности плата не одинакова; самая высокая на стеклянныхъ заводахъ, гдѣ въ среднемъ она около 1 р. 80 к. на наши деньги. Но размѣръ платы бельгійскихъ рабочихъ не даетъ надлежащаго понятія о ихъ положеніи: нерѣдко фабриканты и капиталисты понижаютъ ее, что вызываетъ стачки, которыя вносятъ въ семьи рабочихъ страшный голодъ и нищету. Такъ же сильно и часто страдаютъ они и отъ безработицы, которой періодически подвергается огромное большинство здѣшнихъ рабочихъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ рабочій вынужденъ за безцѣное продавать свое жалкое, но необходимое имущество, которымъ ему приходится обзаводиться, какъ только онъ получаетъ работу; это многимъ мѣшаетъ выбиваться изъ крайней нужды.

Немногіе счастливы, получающіе рабочую плату круглый годъ, могутъ порядочно питаться. Пища бельгійскихъ рабочихъ не только плоха качествомъ, но и дурно приготовлена: жены работниковъ, съ дѣтства измученные тяжелымъ трудомъ, оказываются плохими хозяйками. Рабочіе пьютъ жидкій кофе, употребляютъ въ огромномъ количествѣ и въ разнообразномъ видѣ картофель, свѣжія или сухія овощи съ саломъ, свинину въ ничтожномъ количествѣ,—вотъ главная пища. Мясо ѣдятъ очень рѣдко, многіе питаются исключительно картофелемъ, хлѣбомъ и зеленью. Безработица, крайняя бѣдность и плохое питаніе развили страшное пьянство: дома рабочіе рѣдко пьютъ пиво, но въ кабакахъ поглощаютъ большое количество пива и плохой водки. Англійскіе рабочіе обладаютъ большею работоспособностью, чѣмъ бельгійскіе рабочіе, и работа ихъ несравненно лучше; работа бельгійцевъ не отличается ни прочностью, ни изяществомъ, ни тонкостью отдѣлки. Но какъ бы ни была плоха пища здѣшняго рабочаго, и она улучшилась въ послѣднее время: употребленіе картофеля уменьшилось, а вмѣсто него увеличилось количество мясной пищи, которую еще недавно здѣшніе рабочіе почти не употребляли. Прежде громадное большинство ѣло ржаной хлѣбъ, а теперь онъ совсѣмъ вышелъ изъ употребленія и замѣненъ пшеничнымъ.

Но если до сихъ поръ бельгійскій рабочій питается хуже всѣхъ своихъ западноевропейскихъ собратьевъ, исключая ирландцевъ и итальянцевъ, зато квартира его несравненно лучше, чѣмъ у очень многихъ его товарищей по труду. Когда послѣ изслѣдованія положенія рабочихъ въ 1886 г. оказалось, что большая часть рабочихъ живетъ въ высшей степени вредныхъ для здоровья квартирахъ, въ парламентѣ и обществѣ началось необыкновенное движеніе въ пользу построекъ здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ. Года черезъ два послѣ этого былъ уже утвержденъ законъ, предоставлявшій значительныя льготы обществамъ и союзамъ для устройства жилищъ для бѣдныхъ. Число обществъ съ этою цѣлью стало быстро разрастаться, и теперь уже въ разныхъ мѣстностяхъ страны построено много хорошихъ и дешевыхъ квартиръ, и ихъ число увеличивается съ каждымъ годомъ. Изслѣдованіе квартиръ рабочихъ, произведенное въ Бельгіи въ 1890 г., показало, что 36% рабочихъ семей занимало одну комнату, 42%—двѣ комнаты и 7%—три комнаты; остальные семьи рабочихъ занимали квартиры съ большимъ количествомъ комнатъ. Всѣ комнаты, отдающіяся въ наемъ для рабочихъ, просто, но недурно меблированы; средняя плата за одну комнату въ городахъ Бельгіи 8—11 фр. (около 3—4 руб.) въ мѣсяцъ, а въ деревняхъ за ту-же цѣну можно имѣть маленькій домикъ въ 3—4 комнаты.

Бельгійскій рабочій носитъ бумажныя панталоны, фланелевую рубашку и жилетъ. Отправляясь на работу, онъ сверхъ этого надѣваетъ еще синюю холщевую блузу и суконную шапку. Обувью для всѣхъ возрастовъ и половъ рабочаго люда служатъ преимущественно «сабо» (деревянные башмаки), которые рабочій приобретаетъ за

60—80 сант. пару. Для воскресныхъ и праздничныхъ дней почти у каждаго рабочаго есть суконная пара. Теперь одежда рабочихъ дешева, но эта дешевизна разорительная, такъ какъ нынѣшняя одежда скоро изнашивается, едва выносить починку и требуетъ частаго возобновленія. Привычки къ нѣкоторой роскоши проникли въ среду бельгійскаго рабочаго люда.

Въ Бельгіи существуетъ оригинальный законъ, по которому наиболѣе искусные и наиболѣе нравственные изъ рабочихъ, какъ фабричные, такъ и ремесленники, земледѣльцы и рыбаки награждаются отъ правительства орденомъ. Орденъ этотъ двухъ разрядовъ: орденомъ 1-го разряда награждается до 500 лицъ, а 2-го разряда—до 1200. Получившій орденъ имѣетъ право носить его на лѣвой сторонѣ груди, на лентѣ національныхъ цвѣтовъ. Этотъ орденъ представляетъ продолговатую медаль изящной работы, золотую для 1-го разряда и серебряную для 2-го, окаймленную бордюромъ изъ голубой эмали и украшенную короной. При орденѣ выдается патентъ, художественно награвированный, въ которомъ обозначено имя и профессія лица, получившаго орденъ. Этотъ патентъ рабочіе обыкновенно вставляютъ въ рамку и прибиваютъ на видномъ мѣстѣ въ своемъ жилищѣ.

Любовь къ независимости, одна изъ отличительныхъ чертъ бельгійскаго характера, свойственна рабочимъ какъ земледѣльческимъ, такъ и фабричнымъ: они неспособны выносить давленіе и уступать принужденію и никогда не забываютъ дурного съ ними обращенія. Здѣшній рабочій людъ очень трудолюбивъ и терпѣливъ. Баллоны исполняютъ работу съ большою живостью, но фламандцы крайне медлительны. Какъ тѣ, такъ и другіе отличаются въ нѣкоторыхъ работахъ: въ выдѣлкѣ кружевъ, въ рѣзбѣ на деревѣ, въ приготовленіи мебели, въ произведеніяхъ изъ мрамора. Но вслѣдствіе вѣчной нужды, пьянства и плохого питанія они мало улучшаютъ качество работы. Считается, что они лучше выдѣлываютъ дешевые предметы, чѣмъ изящные, но эта дешевизна идетъ въ ущербъ не только отдѣлкѣ, но даже и прочности произведенія.

Любимое развлеченіе рабочаго люда—пойти вечеромъ по окончаніи работы въ кабачекъ или таверну, чтобы покурить, поболтать и выпить съ товарищемъ; тѣмъ не менѣе по буднямъ, если рабочій не напьется до-пьяна, онъ остается мирнымъ, добродушнымъ и приличнымъ, но совсѣмъ перерождается въ дни кермессовъ и большихъ праздниковъ. Въ такіе дни вы совсѣмъ не узнаете даже фламандцевъ, по внѣшности всегда холодныхъ, сдержанныхъ и молчаливыхъ. Впрочемъ тѣ и другіе точно также измѣняются, какъ по мановенію волшебнаго жезла, когда между ними распространяется извѣстіе объ уменьшеніи платы, о несправедливомъ поступкѣ хозяевъ съ кѣмъ нибудь изъ товарищей, о взрывѣ и несчастіи, случившемся вслѣдствіе алчности хозяина. Тогда съ непримиримою злобой бѣгаютъ товарищи другъ къ другу, оповѣщая о случившемся, и немедленно собираютъ сходку; но очень часто, не будучи въ состояніи хладнокровно обсудить дѣло, они въ страшномъ волненіи бросаются къ фабрикѣ, ломаютъ инструменты и машины. Такъ же быстро перерождаются они, когда наступаютъ дни праздниковъ, и изъ вялыхъ, молчаливыхъ и разсудительныхъ становятся чрезвычайно оживленными. Балы, концерты, театры въ праздничные дни непреодолимо влекутъ ихъ къ себѣ. Кромѣ того они въ такіе дни развлекаются стрѣльбою въ цѣль изъ лука и изъ мушкета, охотою за птицами и, кажется, болѣе всего, пусканіемъ странствующихъ голубей,—этою страстью всего бельгійскаго люда. Каждая деревня имѣетъ по крайней мѣрѣ 2 голубиные клубы. Иногда по нѣскольку вагоновъ наполняются голубями и членами клубовъ, которые отправляются на нѣкоторое разстояніе отъ мѣста жительства, гдѣ и выпускаютъ голубей,

которые немедленно возвращаются обратно. Однако теперь, въ свободное время, все большая группа рабочихъ посѣщаетъ лекціи, литературныя чтенія и концерты, устраиваемые для нихъ.

Повышенія платы, сокращенія количества рабочихъ часовъ, нѣкотораго облегченія дѣтскаго и женскаго труда, а главное всеобщаго избирательнаго права рабочіе добились самостоятельно, посредствомъ своихъ представителей, объединенныхъ въ одну, теперь весьма значительную по размѣрамъ, группу, извѣстную подъ названіемъ «бельгійской рабочей партіи». Она, какъ сказано въ первой статьѣ ея устава, «основана для того, чтобы объединить всѣхъ рабочихъ въ видахъ улучшенія общими силами судьбы рабочаго класса». Рабочіе, объединенные въ «бельгійской рабочей партіи», вовсе не сторонники насилія и произвола, не разрушители; они стараются добиваться улучшенія своего положенія путемъ реформъ, которыя можно было-бы провести при существующихъ условіяхъ въ различныхъ областяхъ труда и жизни. «Рабочая партія» старается постоянно проводить среди рабочихъ мысль, что насиліе вредно для ихъ-же преуспѣянія, и прежде всего заботится о томъ, чтобы сплачивать рабочихъ между собою посредствомъ обществъ, союзовъ и коопераций, однимъ словомъ учить ихъ добиваться усовершенствованій въ жизни мирнымъ путемъ, законной агитаціей, объединеніемъ, а не путемъ революціи и насилія. Бельгійская рабочая партія выработала цѣлый рядъ мѣръ, осуществленія которыхъ она добивается посредствомъ печати и устнаго слова на митингахъ. Размѣры нашего очерка не позволяютъ намъ дать полнаго перечня тѣхъ преобразованій, которыхъ они требуютъ; назовемъ лишь главные изъ нихъ: 1) необходимость болѣе энергичнаго вмѣшательства государства въ отношенія между рабочими и хозяевами, 2) расширеніе фабричнаго законодательства, 3) страхование рабочихъ на счетъ хозяина, 4) запрещеніе дѣтскаго труда до 14 л., 5) запрещеніе ночного труда для подростковъ и женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ онъ несовмѣстимъ съ нравственностью и гигиеной, 6) установленіе законодательнымъ путемъ восьми-часоваго рабочаго дня и одного праздника въ недѣлю, 7) націонализація рудниковъ и копей. Рабочая партія желаетъ, чтобы государство выкупило у частныхъ лицъ и компаній рудники и копи, чтобы тѣ и другіе принадлежали государству, сдѣлались-бы національною собственностью,—для того во-первыхъ, чтобы государству, а не частнымъ лицамъ принадлежалъ такой крупный источникъ дохода, а во-вторыхъ для того, чтобы рабочіе, работающіе въ угольныхъ копяхъ и рудникахъ имѣли дѣло не съ капиталистами, которые относятся къ нимъ съ такою жестокою несправедливостью, а съ государствомъ.

Изъ программы рабочей партіи видно, что она стремится къ реформамъ не только въ области экономической, но требуетъ и расширенія политическихъ правъ. Она добивается: 1) всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ, достигшихъ 21 г. и прожившихъ въ опредѣленной мѣстности шесть мѣсяцевъ. Хотя бельгійцы добились всеобщаго избирательнаго права, но законъ 1893 г., даровавшій имъ его, не далъ рабочимъ полнаго удовлетворенія (см. первый очеркъ о Бельгій). 2) Свѣтскаго дароваго и обязательнаго обученія: они желаютъ, чтобы духовенство не вмѣшивалось въ преподаваніе въ свѣтскихъ школахъ. Рабочая партія требуетъ также обученія всѣхъ дѣтей какому нибудь ремеслу, преобразованія университетовъ и дарованія имъ полной автономіи, т.-е. самоуправленія. Она требуетъ также распространенія университетскаго образованія среди массъ (*l'extension universitaire*). 3) отдѣленія церкви отъ государства: до сихъ поръ власть въ странѣ была предоставлена духовенству и буржуазіи. Рабочая партія желаетъ отдѣленія церкви отъ госу-

дарства, т.-е. требуетъ, чтобы духовенство занималось исключительно своими религиозными обязанностями. 4) Дарового судопроизводства. 5) Уничтоженія замѣстительства въ военной службѣ. Теперь люди богатые откупаются отъ солдатчины, желаютъ, чтобы это неравенство было уничтожено. Однимъ словомъ, задача представителей рабочихъ двоякая: они желаютъ быть сытыми, работать въ лучшихъ условіяхъ, а съ другой стороны требуютъ для себя образованія и доли участія въ политической жизни. Можно надѣяться, что если не тотчасъ, то мало по малу рабочей партіи удастся осуществить многое, намѣченное въ ея программѣ. Раньше эта программа была нѣсколько иная: всѣ свои силы партія употребляла на то, чтобы добиться всеобщаго избирательнаго права, и она добилась этого. Хотя она не вполне удовлетворена этою реформою, но число избирателей возросло съ 300.000 до 1.371.000, что составляетъ почти 25% всего населенія. Рабочіе имѣютъ теперь въ парламентѣ 29 своихъ представителей, а въ 78 общинныхъ совѣтахъ ихъ представители обладаютъ большинствомъ голосовъ, слѣдовательно тѣ и другіе постоянно будутъ отстаивать интересы рабочихъ. Къ тому-же свои требованія и желанія рабочая партія развиваетъ въ цѣломъ рядѣ популярныхъ брошюръ и въ своихъ газетахъ, издаваемыхъ ею крайне дешево и специально предназначенныхъ для распространенія среди рабочихъ. Уже изъ одного этого видно, что эта партія располагаетъ весьма солидными средствами. Отъ времени до времени она устраиваетъ митинги, на которыхъ собираетъ подписи для петиціи въ палату депутатовъ, созываетъ конгрессы изъ представителей рабочихъ, гдѣ обсуждаются вопросы, важные для рабочаго люда.

Особенно сильное вліяніе на развитіе рабочей партіи и на приобрѣтеніе необходимыхъ для нея средствъ оказываютъ, между прочимъ, кооперативныя общества. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: гентская булочная, извѣстная подъ фирмою «Voorguit» (Впередъ) и булочная въ Брюсселѣ,—обѣ онѣ служатъ образцами кооперативныхъ учреждений.

Каждый рабочій можетъ сдѣлаться членомъ кооперативной булочной «Впередъ», если онъ пользуется безукоризненною репутаціею и внесетъ 25 сантимовъ (около 9 к.) единовременно и 5 сантим. еженедѣльно. Изъ прибылей, которыя придутся на долю новаго члена, отчисляется одинъ франкъ въ основной капиталъ. При вступленіи каждый получаетъ книжку съ номеромъ, которая служитъ удостовѣреніемъ въ принадлежности къ союзу. Члены этого общества пользуются слѣдующими выгодами и правами: они получаютъ прекрасный хлѣбъ на 25% дешевле, чѣмъ въ остальныхъ булочныхъ. Разъ въ недѣлю одинъ изъ служащихъ обходитъ членовъ союза и раздаетъ мѣдные жетоны; каждый членъ покупаетъ на наличныя деньги столько этихъ жетоновъ, сколько ему понадобится хлѣба на извѣстный срокъ. Эта сумма вписывается служащимъ въ книжку члена. Затѣмъ ему доставляютъ хлѣбъ, который развозятъ на собакахъ въ телѣжкѣ и обмѣниваютъ его на жетоны. Каждые три мѣсяца происходитъ дѣлежъ прибылей между членами, но эту прибыль выдаютъ не наличными деньгами, а чеками, принимаемыми только въ магазинахъ фирмы «Впередъ».

Кооперативная булочная Гента владѣетъ нѣсколькими огромными заведеніями: магазинами для платья, кофейней, большою типографіею (въ которой печатается ея собственная газета «Впередъ»), и члены этой булочной нисколько не затрудняются сбывать чеки, такъ какъ каждый изъ нихъ стремится покупать въ магазинахъ, принадлежащихъ этой булочной: онъ все получаетъ въ нихъ лучшаго качества, его никогда не обманываютъ и притомъ весь товаръ онъ получаетъ со скидкой 6%. Члены этой булочной пользуются помощью во время болѣзни, если только

они, кромѣ членскаго взноса, уплачиваютъ еженедѣльно еще 5 сант. Въ такомъ случаѣ, во время болѣзни, лѣкарства въ теченіи шести мѣсяцевъ отпускаются члену бесплатно, и кромѣ того больной даромъ получаетъ въ теченіе шести недѣль по шести хлѣбовъ въ недѣлю. Члены пользуются также книгами изъ библіотеки булочной и, кто изъ нихъ пожелаетъ, уроками школы кройки и шитья. Особый комитетъ заведуетъ развлеченіями, устраиваемыми для членовъ. Для этого булочная имѣетъ особое помѣщеніе, въ которомъ даютъ театральныя представленія, устраиваютъ концерты, литературныя чтенія и балы. Входъ для членовъ бесплатный. Недавно общество кооперативной булочной объявило даже объ учрежденіи пенсіонной кассы. Теперь каждый членъ этой кооперации, достигшій 60 л., будетъ получать пенсію по 120 фр. въ годъ, если только онъ пробылъ членомъ союза въ теченіе 20 л. и сдѣлалъ за это время въ различныхъ его магазинахъ покупокъ не менѣе, какъ на 3000 фр. Право на пенсіонъ передается и вдовѣ умершаго. Къ союзу «Впередъ» примыкаетъ и общество взаимнаго страхованія на случай болѣзни. Тѣ, которые числятся его членами, платятъ 30 сант. въ недѣлю. Въ случаѣ болѣзни они даромъ пользуются врачебною помощью, лѣкарствами и кромѣ того получаютъ по $2\frac{1}{2}$ фр. въ день въ теченіе шести мѣсяцевъ и по $1\frac{1}{4}$ фр. въ день въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ.

Чтобы получить понятіе о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ подобныхъ кооперативныхъ булочныхъ, а также о положеніи въ нихъ рабочихъ, познакомимся съ кооперативною булочною въ Брюсселѣ.

Зданіе такой булочной въ Брюсселѣ—двухъэтажное съ массою пристроекъ: пекарня, мастерская плотниковъ, лавка для продажи хлѣба, квартиры заведующихъ, помѣщеніе для одежды рабочихъ, особая комната для умыванія рукъ, сарай и, наконецъ, чрезвычайно опрятный дворикъ для собакъ, употребляемыхъ для доставки членамъ хлѣба. Рабочіе работаютъ смѣнами: въ среднемъ каждый рабочий трудится одну ночь изъ трехъ сутокъ. Каждая три недѣли для отдыха назначается два дня подрядъ. Заработная плата—4 фр. 50 сант. въ день. «Если вспомнить при этомъ, что рабочіе являются акціонерами и получаютъ еще $2\frac{1}{2}\%$ со всѣхъ барышей (доходы отдѣльныхъ предпріятій идутъ всегда въ общую кассу), нельзя будетъ не признать, что рабочіе этой хлѣбопекарни оказываются прекрасно вознагражденными. Всѣ остальные условія какъ нельзя болѣе благоприятны для рабочихъ: прекрасными машинами ихъ трудъ облегченъ до чрезвычайной степени; имъ не приходится заботиться объ одеждѣ, потому что кооперация даетъ имъ по три смѣны въ годъ. Рабочіе въ этой хлѣбопекарнѣ своими руками дѣлаютъ только одно: придаютъ тѣсту надлежащія формы,—всѣ остальные работы производятся механически: изъ верхняго этажа, черезъ особое отверстіе, мука сама сыплется въ большіе чаны, куда проведена теплая вода; изъ другихъ рукавовъ въ тѣсто подсыпаются дрожжи, и все это перемѣшивается огромною механическою мутовкой. Каждая такая мутовка выполняетъ работу нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ рукъ, устраняя и грязь, и утомленіе трудящихся. Чаны съ мутовками соединены приводами съ газовыми локомотивами. Рабочему остается только вынуть приготовленное такимъ образомъ тѣсто и придать ему форму хлѣбовъ. Затѣмъ эти хлѣбы раскладываютъ на полки и покрываютъ ихъ полотенцами; когда они просохнутъ, ихъ перекладываютъ въ печь такимъ образомъ: изъ печей выдвигается громадный желѣзный листъ въ нѣсколько сажень; на него накладываютъ хлѣбы заразъ, вмѣстѣ съ полками, на которыхъ они лежали, и затѣмъ онъ легко вдвигается въ печь (на колесахъ) двумя рабочими».

Хорошо устроенная кооперация имѣетъ много преимуществъ: она служитъ сред-

ствомъ объединенія рабочихъ, даетъ имъ возможность жить дешево, получать большее вознагражденіе, больше отдыхать, быть человекомъ болѣе развитымъ и образованнымъ. Изъ двухъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что основной принципъ коопераціи—устраненіе безполезныхъ посредниковъ, т-е. купцовъ. Плата за трудъ бельгійскаго рабочаго вообще низка, а цѣны на предметы первой необходимости несоразмѣрно съ нею высоки. Это происходитъ прежде всего оттого, что существуетъ множество посредниковъ (купцовъ, продавцовъ, капиталистовъ) между производителемъ извѣстнаго предмета—рабочимъ и потребителемъ—покупателемъ. Эти посредники получаютъ отъ производства огромную часть прибыли. Цѣль кооперативныхъ обществъ—обойтись безъ посредниковъ, чтобы вся прибыль оставалась въ карманѣ рабочаго. Въ Бельгіи изъ ста человекъ—десять занимаются торговлей, т-е. ничего не производятъ, а только покупаютъ товары и перепродаютъ ихъ съ барышемъ. Торговцы въ три, четыре раза удорожаютъ товары, но нерѣдко еще обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ и обсчитываютъ покупателя, продаютъ ему продукты, негодные или фальсифицированные ядовитыми веществами. Кооперація даетъ возможность рабочимъ имѣть за ту-же сумму денегъ больше товара и притомъ хорошаго качества, что имѣетъ огромное значеніе для рабочихъ. Притомъ кооперативныя общества приносятъ пользу не только своимъ членамъ, но и всѣмъ бѣднякамъ: снабжая хлѣбомъ по дешевой цѣнѣ, онѣ заставляютъ и другія булочныя понижать цѣну на хлѣбъ.

НОРВЕГІЯ.

ПРИРОДА СТРАНЫ.

Фіорды, шхеры и водовороты.—Норвежскіе горы, лѣса, глетчеры и озера.—Безчисленное множество водопадовъ.—Бури и ихъ причины.—Пути сообщенія.

Норвегія—страна чудныхъ водопадовъ, большихъ, великолѣпныхъ ледниковъ, грандіозныхъ снѣжныхъ горъ, обнаженныхъ вершинъ и скалъ, дикихъ, мрачныхъ ущелій, прозрачныхъ озеръ, живописныхъ рѣкъ и ручейковъ, растрескавшихся скалистыхъ береговъ, безчисленнаго множества фіордовъ (заливовъ) и самыхъ разнообразныхъ скалистыхъ острововъ. Громадные лѣса сосенъ, березъ и елей смѣняются большими пространствами бесплодной земли, загроможденной утесами и камнями или покрытой безконечными болотами. Но мрачная, суровая и величественная природа Норвегіи даетъ возможность наслаждаться и прелестными пейзажами на берегу моря или озера, которые, въ свою очередь, смѣняются веселыми усадьбами и превосходно обработанными полями. Характерное явленіе береговой линіи Норвегіи—заливы (фіорды), глубоко вдающіеся въ землю и окруженные красивыми берегами. Не менѣе поражаютъ здѣсь безчисленные бурные потоки и журчащіе ручейки, быстрыя рѣки, бѣгущія съ горныхъ вершинъ къ океану и образующія по дорогѣ величественные водопады. Болѣе дикихъ скалъ и горъ не найдешь ни въ какой другой странѣ. Норвегія подверглась, вѣроятно, большому первобытному переворотамъ, такъ какъ всюду встрѣчаешь слѣды ужаснаго разрушенія. По всей странѣ разбросаны безчисленныя, оторванныя глыбы скалъ, и число ихъ такъ велико, что можно предположить, что горы, къ которымъ онѣ нѣкогда принадлежали, были гораздо выше, чѣмъ теперь. По этимъ скаламъ проходятъ глубокія трещины—долины этихъ горъ, и въ нихъ живутъ люди, съ большимъ трудомъ обрабатывающіе свои поля. Норвегія, въ высшей степени живописная, поэтическая страна, полна фантастическими преданіями, но еще болѣе богата она самыми разнообразными родами рыбы, а также красотами своей мрачной, величественной природы.

Въ высшей степени извилистая береговая линія Норвегіи изрѣзана безчисленными заливами (фіордами). Какую бы запутанную и извилистую линію вы ни представили себѣ, дѣйствительность превосходитъ фантазію,—такъ изогнуть, иззубренъ, изрѣзанъ западный норвежскій берегъ отъ Ставангера (на юго-западѣ) до Нордъ-Капа, крайняго сѣвернаго пункта. Масса скалистыхъ острововъ (шхеръ) наполняетъ эти заливы и ограждаетъ ихъ со стороны моря, еще болѣе увеличивая изрѣзанность береговъ. Безчисленное количество маленькихъ и большихъ гранитныхъ островковъ—*шхеръ* (по шведски «skäre» означаетъ рѣзать, и дѣйствительно эти островки точно отрѣзаны отъ берега) особенно окружаютъ западную Скандинавію: они разбросаны какъ бы

случайно, то гуще, то рѣже, выдаются то выше, то ниже надъ водою, лежатъ то очень близко одна отъ другой, то съ большими промежутками. Только камень, изъ котораго онѣ состоятъ, вездѣ одинъ и тотъ же, въ остальномъ же—въ величинѣ, въ формѣ, въ наружномъ видѣ очень много разнообразія. Иногда между множествомъ обнаженныхъ и круглыхъ утесовъ появляется рядъ красивыхъ холмовъ, свѣжая зелень и густые деревья которыхъ представляютъ пріятный контрастъ съ пустыми, скалистыми верхушками сосѣдей. Зубчатая цѣпь Лофоденскихъ острововъ (на сѣверо-западѣ) настоящее царство шхеръ: здѣсь онѣ перепутаны съ массою остроконечныхъ, скалистыхъ шпицовъ высокихъ горъ, и весь этотъ рядъ островныхъ группъ, разбѣянныхъ по берегамъ, обрисовывается на голубомъ фонѣ неба въ поразительно причудливыхъ очертаніяхъ. Гребни вершинъ такъ круты и остроконечны, что на нихъ не могъ бы удержаться даже альпійскій козелъ. Шхеры очень разнообразны по виду: одна изъ нихъ напоминаетъ кита, другая исполинскую ящерицу, третья полуразвалившійся замокъ, башню, церковь, всадника на конѣ, лападиную голову. Нѣкоторыя изъ нихъ, смотря по тому, что онѣ напоминаютъ, носятъ и подходящія названія. Вотъ «палка исполина»,—это тонкій, высокій шпигъ, поднимающійся надъ огромными ледниками, «семь сестеръ», и т. п.

Близъ шхеръ много подводныхъ камней,—понятно, какимъ опасностямъ подвергается каждый, кто рѣшается плавать между ними. Еще опаснѣе *водовороты*, которые происходятъ вслѣдствіе встрѣчи двухъ морскихъ теченій. Когда теченіе изъ внѣшняго моря несется, во время прилива, на встрѣчу волнѣ, они сталкиваются между собой, нерѣдко съ ужасающей силой, и образуютъ водоворотъ. Самый знаменитый изъ нихъ Малынтрэмъ (въ шхерахъ Лофоденской группы). «Онъ спокоенъ большую часть сутокъ, но когда забушуетъ во время наибольшей силы прилива, тогда самый ужасный водопадъ не можетъ сравниться по своему величію съ этимъ дивнымъ явленіемъ природы. Слово вулканъ кипитъ тогда въ морѣ; съ невѣроятною быстротой крутится вода между берегами, докручиваясь до глубины нѣсколькихъ десятковъ сажень, откуда она выбрасываетъ рыбъ и морскихъ животныхъ». Но прибрежные жители, моряки и рыбаки—люди опытные: они не только днемъ, но даже ночью и въ туманѣ умѣютъ безопасно проводить самыя большія суда чрезъ этотъ невообразимый лабиринтъ шхеръ, островковъ, фіордовъ, подводныхъ камней и мелей.

Море всюду врывается въ каменные берега Норвегіи то широкими, то узкими заливами (фіордами). Длинные и узкіе (ширина нѣкоторыхъ изъ нихъ не болѣе версты), врѣзываются они въ берега страны на десятки и сотни верстъ. Хотя многіе изъ этихъ заливовъ довольно узки, они, въ большинствѣ случаевъ, такъ глубоки, что даже большія суда могутъ проходить по нимъ; только на самыхъ узкихъ изъ нихъ, въ которыхъ суда уже не могутъ повернуться, какъ вслѣдствіе ихъ узости, такъ и вслѣдствіе того, что они переполнены шхерами, не существуетъ судоходства. Швеція не имѣетъ фіордовъ, но за то она покрыта множествомъ озеръ. Самое большое число фіордовъ и самыя большіе изъ нихъ находятся на западномъ берегу Норвегіи. Углубляясь въ сушу, эти фіорды не всегда расширяются; они очень часто раздѣляются на боковыя вѣтви и тогда напоминаютъ рѣку съ ея притоками. Нѣкоторыя изъ этихъ боковыхъ вѣтвей похожи на трещины въ нѣсколько миль длины, а высокія, отвѣсныя стѣны, иногда въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты, не допускаютъ лучей солнца проникать въ нихъ. Эти боковыя трещины образуютъ множество полуострововъ, изъ которыхъ и состоитъ по большей части западный берегъ. Чѣмъ дальше вы приближаетесь къ сѣверу, тѣмъ больше побережье принимаетъ этотъ видъ, пока наконецъ въ Финмаркенѣ не оканчивается большими косами. Полуострова какъ

бы продолжаютсѣ далѣе цѣлымъ рядомъ большихъ и маленькихъ острововъ, которые окружаютъ весь берегъ. Они образуютъ настоящій лабирантъ скалъ, острововъ, островковъ, безчисленныхъ проливовъ и морскихъ рукавовъ. Норвежскіе фіорды обыкновенно очень извилисты и такъ прозрачны, что на глубинѣ 100 и 130 футовъ ясно видно ихъ дно. Громадное большинство фіордовъ съ круглыми, высокими горами по его бокамъ напоминаютъ испанскій каналъ съ его берегами. Здѣсь и тамъ, гдѣ круто спадающія горы представляютъ болѣе отлогіе склоны, можно встрѣтить иногда обработанныя поля. Иногда фіордъ расширяется въ небольшое озеро, по которому свободно скользитъ пароходъ. Нѣсколько далѣе вы вдругъ оказываетесь въ узкомъ корридорѣ, по которому даже на лодкѣ трудно пробираться. По скаламъ и шпицамъ горъ, замыкающимъ эти заливы, съ высокихъ ледниковъ низвергаются водопады.

Милліоны морскихъ птицъ кружатся, летаютъ, покрываютъ всѣ скалы фіордовъ. Трудно себѣ представить, какой шумъ стоитъ въ воздухѣ отъ разнообразнаго свиста, крика, гоготанья, производимаго несмѣтными полчищами этихъ морскихъ птицъ,— по временамъ онъ заглушаетъ даже ревъ волнъ и завываніе бури. «Нужно видѣть», говоритъ одинъ извѣстный путешественникъ, «эти громады птицъ, населяющихъ сѣверныя фіорды, чтобы не удивляться массамъ помета, оставляемымъ ими на всѣхъ скалахъ. Издали эти скалы, окруженныя несмѣтными тучами птицъ, кажутся погруженными въ волнующійся паръ или туманъ. Шумъ, производимый размахами крыльевъ поднимающейся стаи птицъ, слышенъ по вѣтру иногда за нѣсколько верстъ, а вблизи походитъ на свистъ урагана. Нѣкоторые скалы и острова, совершенно покрытые тучами чаекъ, тупиковъ, гагаръ и гагъ, называются «птичьими горами» или «птичьими клубами». Эти птичьи притоны трудно доступны для человѣка, и мнѣ удалось взобраться лишь на одинъ изъ нихъ. По скатамъ острова къ морю я едва пробрался чрезъ тучи птицъ, медленно взлетающихъ и кружившихся вокругъ меня; я очутился буквально среди массы птицъ, которыя чуть не сѣли на голову, били крыльями о самое лицо, обсыпали пометомъ и оглушали такимъ пронзительнымъ крикомъ, что не слышно было даже выстрѣла двухствольнаго ружья. Грохотъ выстрѣла мало испугалъ тучу птицъ, и я подвигался впередъ, вползая на верхъ, точно на приступъ крѣпости, защищаемой тысячами бойцевъ. Нога моя почти не ощущала камня, скользила и проваливалась въ мягкія и засохшія массы помета, которыя скоро облѣпили меня такъ, что я принужденъ былъ бѣжать. При спускѣ я наткнулся на мѣсто высадки и попалъ на поверхность, буквально устланную массой яицъ и птенцовъ; нельзя было ступить, чтобы не раздавить яичка или птенца. Облѣпленный пометомъ, оглушенный криками птичьей рати, подавленный невольнымъ ужасомъ отъ смерти, причиненной мною многимъ десяткамъ молодыхъ птицъ, я бѣжалъ изъ птичьяго царства съ тѣмъ, чтобы не пытаться посѣщать его въ другой разъ».

По берегамъ фіордовъ безпрестанно попадаются рыбацкія хижины, которыя лѣпятся на скалистыхъ обрывахъ, какъ гнѣзда дикихъ птицъ; при этомъ лодка, единственное средство сообщенія, вытянута на берегъ у самой воды.

Какъ разнообразны прибрежныя скалы, такъ причудливы и горы: онѣ стоятъ то плотными рядами, то отдѣльными плато, то торчатъ остріями, то высятся каменными громадами, нагроможденными одна на другую. Многочисленныя вершины горъ покрыты не только вѣчными снѣгами и льдами, но и могучими глетчерами (ледниками). Свартизенъ, самый величайшій глетчеръ въ сѣверной Норвегіи, покрываетъ площадь въ 1500 кв. верстъ и лежитъ въ видѣ шапки на цѣлой группѣ горныхъ великановъ. Глетчеры встрѣчаются не только въ сѣверной, но и въ средней и южной Норвегіи.

Вся страна представляет сплошную гористую массу, въ которой долины не болѣе какъ трещины; между тѣмъ только эти долины заселены и обработаны, тогда какъ высоты пустыни и не воздѣланы.

Безчисленные, громадные и безконечные лѣса, покрывающіе горы, доставляютъ обильный и цѣнный матеріалъ не только для торговли, но и для промышленности. Какъ Швеція, такъ и Норвегія очень богаты лѣсами. Но не слѣдуетъ думать, что лѣса придаютъ однообразіе норвежскому ландшафту: они вездѣ разнообразятся отвѣсными скалами, пѣнящимися потоками, могучими водопадами и глубоко-вдающимися морскими заливами, большими озерами и красивыми зелеными долинами. Норвежцы утверждаютъ, что ихъ страна гораздо живописнѣе Швейцаріи. Несмотря на свое пристрастіе ко всему родному, они правы въ этомъ отношеніи: въ Швейцаріи нѣтъ одного элемента, придающаго необыкновенную красоту ландшафту: нѣтъ моря. Въ Норвегіи горы, со своими крутыми скалами и высокими водопадами, омываются моремъ у береговъ, глубоко изрытыхъ безчисленными фіордами, что придаетъ видамъ невыразимое величіе.

Природа Норвегіи прекрасно обрисована въ одной сагѣ *), впрочемъ нѣсколько передѣланной на новый ладъ. Когда земля была сотворена и Богъ только что окончилъ свое твореніе, Онъ погрузился въ глубокую думу. Вдругъ что-то тяжелое упало въ океанъ. Творецъ взглянулъ и увидѣлъ черта, который притащилъ громадный кусокъ скалы и бросилъ его въ морскую пучину. Отъ тяжести этого тѣла задрожала земная ось, грозила переломиться, до сихъ поръ продолжаетъ колебаться и будетъ колебаться во вѣки. Однако своимъ могуществомъ и силою Господь сохранилъ свое твореніе отъ окончательной гибели. Онъ удержалъ его своею сильною рукою, а другою пригрозилъ злему врагу такъ, что тотъ съ воемъ удалился. Но страшная скала повсюду торчала надъ водами: высокая и мрачная выходила она изъ глубины и достигала облаковъ; она была черная, точно вся обожженная. Заостренные, дикія, обнаженные стѣны обрывались въ неизмѣримую глубину моря и наполняли его безчисленными утесами и подводными камнями. Господь бросилъ наконецъ взглядъ состраданія на эту пустыню, набралъ плодородной земли и разбросалъ ее по обнаженнымъ, мрачнымъ скаламъ. Но увы,—земли было слишкомъ мало: она едва наполняла углубленія и трещины, и только въ немногихъ мѣстахъ ея попало столько, что могли вырасти плодовые деревья и созрѣть посѣвы. Однако чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ рѣже этотъ даръ Божій, и наконецъ есть мѣстности, гдѣ его нѣтъ и слѣда. Это точно владѣніе дьявола, которое было какъ будто обречено на вѣчное безплодіе. Но Богъ протянулъ свою всемогущую руку и благословилъ эту обиженную мѣстность. «Если здѣсь не будутъ цвѣсти цвѣты, пѣть птицы, произрастать травы», произнесъ Онъ свое всемогущее слово, «то все таки ты не будешь обречена сдѣлаться владѣніемъ злого духа. Я жалею надъ тобой и поселю людей, которые страстно будутъ привязаны къ твоимъ голымъ скаламъ». Послѣ этого Господь повелѣлъ рыбамъ оживить моря своими огромными стаями, а снѣжныя поля онъ населилъ удивительнымъ животнымъ, на половину коровой, на половину лошадыю (оленемъ), которое своимъ молокомъ, масломъ, мясомъ, шкурой и жилами должно было питать и одѣвать человѣка.

*) Сага—древнее сказаніе, или героическій разказъ. Содержаніемъ ея обыкновенно служить какое нибудь поэтическое преданіе о происшествіяхъ, нерѣдко самыхъ отдаленныхъ временъ. Вотъ почему въ этихъ сказаніяхъ нельзя искать исторической правды, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и не лишены исторической основы. Согласно съ младенческимъ состояніемъ тогдашнихъ народовъ, въ сагахъ являются сверхъестественныя силы и божества, принимающія непосредственное участіе въ дѣлахъ человѣческихъ.

Норвежцы, особенно прибрежные жители, часто страдают отъ бурь, нерѣдко напоминающихъ ураганы. Эти бури появляются здѣсь иногда внезапно и свирѣпствуютъ съ разрушительною силою. Причина этого бѣдствія кроется въ развитіи норвежскихъ береговъ. Во многихъ мѣстахъ вѣтры, дующіе извнутри страны, стѣняются горами и направляются по узкимъ долинамъ и фюрдамъ, скалистыя стѣны которыхъ заставляютъ ихъ принять какое нибудь опредѣленное направленіе, и потому они вырываются изъ нихъ на морской берегъ съ необыкновенною силою, какъ изъ какой нибудь колоссальной трубы. Часто изъ горныхъ ущелій порывы вѣтра вырываются съ такою силою, что они разметають въ пыль морскія волны и поднимають ихъ на нѣсколько сотъ футовъ высоты.

Норвегія, болѣе чѣмъ какая либо другая гористая страна, отличается обиліемъ озеръ и всевозможныхъ текущихъ водъ. Большая часть поверхности Норвегіи покрыта озерами, которыя славятся не величиною, но своимъ большимъ числомъ, глубиною и огромною массою воды. Норвежскія озера узки, длинны и богаты рыбою.

Рѣки и воды въ этой странѣ шумятъ со всѣхъ сторонъ. Вода часто низвергается съ утеса то тонкой лентой, то громаднымъ потокомъ, то скачетъ рядомъ отдѣльныхъ водопадовъ, все болѣе расширяясь. Норвегія—страна водопадовъ. Со всѣхъ сторонъ падаютъ они со скалъ, то совершенно отвѣсно, то въ видѣ дуги, то съ одного уступа на другой, то развѣтвляются на тысячу вѣтвей и всюду разбрасываютъ свою блестящую на солнцѣ пѣну. Отдѣльныя нити бѣлоснѣжной воды тянутся по крутому склону и кажутся издали необыкновенно нѣжными и тонкими. Но когда приближаешься къ этимъ нитямъ, то удивляешься ихъ объему и массѣ. Происхожденіе такого множества водъ можно объяснить особеннымъ устройствомъ поверхности страны. Норвежскія горы, какъ было сказано выше, очень разнообразны по формѣ; между прочимъ онѣ образуютъ и широкія, плоскія плато. Когда идетъ дождь, вода задерживается нѣкоторое время на горной плоскости, иначе называемой фьельдъ, затѣмъ она стекаетъ въ узкія долины. Такъ какъ эти долины рѣдко развѣтвляются, а обыкновенно слѣдуютъ по одному направленію, то нѣкоторые рѣки, текуція черезъ нихъ, преимущественно питаются ручьями, бѣгущими съ фьельдовъ, и потомъ водопадами низвергаются въ глубину. Къ тому же дождь въ долинахъ Норвегіи идетъ чрезвычайно часто, и его выпадаетъ каждый разъ очень много; но безъ сомнѣнія на фьельдахъ онъ еще сильнѣе, чѣмъ во внутреннихъ долинахъ. Кромѣ этого поверхность плоскихъ возвышенностей, въ продолженіи двухъ третей года, болѣе или менѣе покрыта снѣгомъ, который таетъ въ лѣтніе дни точно такъ же, какъ и во время дождей, и даетъ пищу рѣкамъ. Ко всему этому присоединяется также и то, что водяные пары, приносимые западными вѣтрами, осаждаются на горахъ и затѣмъ скатываются безчисленными потоками съ горныхъ плоскостей. Вода не задерживается, а быстро скатывается потому, что скалистая почва трудно ее всасываетъ въ себя. Всѣ эти причины сдѣлали Скандинавскій полуостровъ чрезвычайно богатымъ рѣками, водопадами и озерами.

Изъ множества водопадовъ Норвегіи особенно славится дымящійся водопадъ Рюкандъ-Фоссъ (фоссъ—водопадъ) въ Телемаркѣ. Чтобы наслаждаться зрѣлищемъ большихъ водопадовъ, приходится обыкновенно совершать довольно отдаленныя путешествія, такъ какъ они расположены въ самыхъ дикихъ частяхъ страны. Чтобы посмотрѣть на Рюкандъ-Фоссъ, необходимо взобраться по довольно оригинальной дорогѣ, представляющей родъ лѣстницы въ скалахъ. Тѣмъ не менѣе по этимъ лѣстницамъ всходятъ лошади. Это кажется невѣроятнымъ, но норвежскія лошади давно прославились своимъ искусствомъ взбираться на страшныя высоты.

Рьюкандъ самый оригинальный водопадъ. Впечатлѣніе этого величественнаго явленія увеличивается еще болѣе дикими окрестностями, могучими черными скалами и торжественнымъ молчаніемъ окружающей природы. Посреди этого молчанія раздаются только громовые раскаты воды. Еще за полчаса до приближенія къ водопаду вы видите поднимающіеся столбы пара. Скалистая тропинка дѣлается все круче и затруднительнѣе, и лошадь, уже задыхаясь, взбирается по ней. Вотъhalb, на склонѣ стоятъ нѣсколько хижинъ: это крайній предѣлъ жилищъ человѣка. За одной изъ нихъ дорога спускается въ глубину. Вы сходите по ней, затѣмъ пробираетесь по краю отвѣснаго обрыва и черезъ нѣсколько водопадовъ, выходящихъ изъ трещинъ скалистой стѣны, надъ которыми устроены мосты изъ гладкихъ мокрыхъ бревенъ и стволовъ; для этого нужна большая ловкость и присутствіе духа, такъ какъ ноги скользятъ нерѣдко и въ ту минуту, когда вы стоите надъ страшною пропастью. Чѣмъ дальше вы подвигаетесь, тѣмъ явственнѣе слышенъ шумъ водопада. Наконецъ, вы внезапно очутились передъ нимъ. Вы долго стоите, прикованные къ этому величественному зрѣлищу, и наконецъ садитесь на край выступа, чтобы лучше осмотрѣть его.

Утесы образуютъ котловину. Это котловидное углубленіе возвышается надъ густымъ лѣсомъ, мрачное и обнаженное, и изъ этого исполинскаго котла высоко поднимается въ прозрачный воздухъ огромный столбъ пара. Черезъ извѣстныя промежутки времени этотъ столбъ то исчезаетъ, то опять появляется, точно паръ, поднимающійся съ необъятной поверхности кипящей воды. Это и есть паровой столбъ дымящагося водопада Рьюкандъ-Фосса. Когда между облаками, покрывающими небо, блеснетъ лучъ солнца, огромный столбъ пара превращается въ могучій воздушный потокъ расплавленного серебра. Мириады его брызговъ блестятъ какъ искры и переливаются всѣми цвѣтами радуги, то измѣняясь, то исчезая, то снова появляясь. Масса воды въ Рейнскомъ водопадѣ при Шафгаузенѣ больше и шире, но высота его достигаетъ лишь 75 футовъ; дымящійся же водопадъ низвергается съ высоты отъ 400 до 500 футовъ.

Каждое поразительное явленіе природы даетъ поводъ мѣстнымъ жителямъ къ какому нибудь романическому или таинственному преданію. У Рьюканда есть хребетъ, гдѣ проходятъ по опасной тропинкѣ надъ пропастью, называемой тропинкою Маріи. Преданіе говоритъ, что нѣкогда прекрасная дѣвушка Марія полюбила юношу, по имени Эйстенъ, и ходила къ нему на свиданіе по этой тропинкѣ. Когда отецъ Маріи узналъ ея тайну, онъ запретилъ ей эти прогулки, и юноша долженъ былъ оставить свою родину. Но когда черезъ нѣсколько лѣтъ Марія сдѣлалась свободною и могла располагать своею рукой, она дала знать Эйстену, который для сокращенія пути хотѣлъ пройти къ любимой дѣвушкѣ по прежней тропинкѣ. Марія уже ждала его на другомъ берегу Рьюканда и, увидѣвъ его, радостно вскрикнула. Эйстенъ хотѣлъ броситься къ ней въ объятія, но поскользнулся и исчезъ въ волнахъ. Марія лишилась разсудка, волосы ея посѣдѣли, она скоро одряхлѣла, но съ тѣхъ поръ каждый день до самой смерти ходила по роковой тропинкѣ, садилась надъ пропастью на выступъ скалы и вела тихую бесѣду съ любимымъ человѣкомъ.

Вслѣдствіе дикости и крутизны горъ, множества водопадовъ и ущелій норвежцамъ приходилось бороться съ необыкновенными препятствіями, чтобы устроить пути сообщенія. Норвежцы побороли всѣ препятствія, и Норвегія славится своими прекрасными и въ высшей степени разнообразными путями сообщенія. Дорога отъ Христіаніи къ Трондгейму, пересѣкающая всю Норвегію, считается одною изъ лучшихъ и самую любопытною въ Европѣ по грандіознымъ, поэтическимъ картинамъ,

встрѣчающимся на каждомъ шагѣ. Путешественникъ въ этой странѣ мчится по желѣзной дорогѣ, нерѣдко на высотѣ двухъ съ половиною тысячъ футовъ, пролетая надъ горами и скалами, надъ грохочущими водопадами, скатывающимися съ огромныхъ высотъ, надъ долинами съ прелестными озерами, надъ ущельями, по которымъ протекають рѣки; съ одной стороны мелькають то снѣжныя поля, то ледяныя рѣки, окруженныя скалами, то величественныя глетчеры; по другую сторону разнообразныя заливы смѣняются горами, покрытыми чудными лѣсами, или обнаженными скалами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Норвегіи для устройства какой бы то ни было дороги пришлось преодолѣвать особенно много затрудненій: дорога отъ Нистуэна къ морю была прежде до того опасною, что на ней безпрестанно гибло множество людей. Въ настоящее время большую часть этого пути норвежцы сдѣлали почти безопаснымъ: дорога отчасти возведена изъ камней, отчасти пробита въ скалахъ; нерѣдко она проходитъ у самаго края пропасти, гдѣ для защиты ѣдущихъ устроены желѣзные перила. Въ двухъ мѣстахъ черезъ долины возведены сооруженія, дающія возможность ѣхать, не спускаясь съ крутыхъ горъ.

ЛѢТО И ЗИМА.

Пробужденіе природы.—Желѣзныя ночи.—Свѣтлыя лѣтнія ночи.—Сѣнокосъ и жатва въ деревняхъ.—Жестокое преслѣдованіе ядовитыми комарами и москитами.—Возвращеніе скота и пастухи.—Сѣверное сіяніе.—Норвежскія лыжи и сани

Вслѣдствіе сѣвернаго положенія Норвегіи можно бы подумать, что въ ней очень холодно, но на самомъ дѣлѣ климатъ въ этой странѣ довольно умѣренный. Въ то время, какъ въ Сибири подъ 60° с. ш. не встрѣчается уже больше пашень, въ Норвегіи занимаются земледѣліемъ еще подъ 70° сѣв. шир. Мало того, въ южной Норвегіи, на защищенныхъ мѣстахъ, созрѣваютъ виноградъ и абрикосы. Главная причина этого явленія заключается въ томъ, что теплая вода изъ тропическихъ морей приносится къ берегамъ западной Норвегіи, черезъ что значительно умѣряется ея климатъ. Это теплое теченіе, извѣстное подъ названіемъ *гольфштрёма*, все оживляетъ, всему даетъ жизнь въ этой странѣ; безъ него жизнь человека здѣсь была бы немыслима. Не будь гольфштрёма, берега фіордовъ оставались бы необитаемыми, такъ какъ полярныя льды, проникнувъ въ сѣверную часть Норвегіи, загромождали бы всѣ фіорды. Умѣряя климатъ, это теплое теченіе даетъ возможность нѣкоторымъ хлѣбнымъ растеніямъ произростать на западномъ берегу Норвегіи даже выше полярнаго круга. Кромѣ вліянія гольфштрёма, огромное значеніе вообще имѣетъ и близость моря, которое тоже сильно умѣряетъ температуру. Въ мѣстностяхъ, подверженныхъ вліянію моря, холодъ никогда не бываетъ такъ силенъ, а жаръ такъ томителенъ, какъ въ странахъ континентальныхъ. Вдоль всего западнаго побережья море не замерзаетъ; даже у Нордъ-Капа оно не покрывается ледяными массами, тогда какъ Скагерракъ замерзаетъ. Средняя температура въ лѣтніе мѣсяцы въ округѣ Бергенъ достигаетъ только 13° по Реомюру, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ, которыя находятся дальше отъ берега, напр. въ округѣ Валле, жары лѣтомъ достигаютъ до 34° Р., а холодъ зимою до 28° Р. Поэтому-то на многихъ, высоко лежащихъ долинахъ, гдѣ средняя годовая температура, вслѣдствіе большихъ холодовъ зимою, низка, не только созрѣваетъ хлѣбъ, но и весь процессъ развитія, отъ посѣва до жатвы, совершается въ промежутокъ времени отъ 8 до 12 недѣль. Фіорды, далеко вдающіеся въ землю, даютъ возможность морскому вѣтру проникать внутрь страны, а низменныя полосы

вдоль фьордовъ защищены отъ вліянія сѣвернаго вѣтра окружающими ихъ стѣнами. Вслѣдствіе этого зимою температура здѣсь такъ умѣренна, что даже въ странахъ болѣе южныхъ въ это время года нерѣдко бываетъ холодне. Въ мѣстностяхъ около Гардангеръ-фьорда средняя годовая температура приближается къ средней годовой температурѣ Австріи. Эта умѣренная температура зимою въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ морского берега, даетъ возможность заниматься рыбною ловлею. Но если климатъ Норвегіи вообще довольно умѣренный, то главнымъ недостаткомъ его, особенно въ сѣверныхъ и западныхъ мѣстностяхъ, являются частые туманы, дожди, холодные, понижающіе вѣтры и жестокія бури.

Тридцатая часть поверхности Норвегіи покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, и самыя большія снѣжныя поля и глетчеры находятся въ горной странѣ между Гудбрандсдалемъ и Согне. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе увеличиваются снѣжныя поля и глетчеры; но къ счастью, по направленію къ сѣверу, въ то же время уменьшается высота норвежскихъ горъ, такъ что онѣ даютъ скоту и сѣвернымъ оленямъ мохъ и траву. Если бы высота горъ увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, то весь Норландъ, за исключеніемъ берега, представлялъ бы необозримое, недоступное снѣжное поле. Люди въ Норвегіи пользуются хорошимъ здоровьемъ и достигаютъ глубокой старости, что служить также доказательствомъ хорошаго климата страны. Отъ климата зависитъ также и растительность. Болѣе всего встрѣчается въ Норвегіи хвойныхъ деревьевъ, и первое мѣсто между ними занимаютъ ель и пихта. Хотя гораздо рѣже, но все таки встрѣчаются: букъ, дубъ, ясень, вязъ, кленъ, липа, ольха, береза, а также плодовые деревья.

Лѣто наступаетъ въ Норвегіи сразу, почти безъ всякой весны. Весна сурова и непродолжительна, и послѣ нея тотчасъ наступаютъ лѣтніе жары и показываются изъ земли молодые посѣвы, а на деревьяхъ развертываются почки и листья. Но и во время лѣта, послѣ сильныхъ жаровъ днемъ, часто бываютъ, крайне холодныя, такъ называемыя, «желѣзныя ночи», которыя нерѣдко губятъ все, что уже отлично взшло; не смотря на это, хорошая погода стоитъ обыкновенно большую часть сентября.

Если Норвегію и посѣщаетъ столь ужасное для жителей явленіе, то въ ней бываютъ и прелестныя свѣтлыя ночи, какія могутъ быть только на сѣверѣ. Въ глубокихъ долинахъ ночи еще нѣсколько темнѣе, но чѣмъ выше вы поднимаетесь, чѣмъ обширнѣе дѣлается горизонтъ, тѣмъ становится все свѣтлѣе. Съ послѣднихъ дней мая и до конца іюня въ сѣверной части Скандинавскаго полуострова солнце свѣтитъ днемъ и ночью. Правда, ночью вы не увидите ни блеска солнечныхъ лучей, ни звѣздъ, и луна такъ блѣдна, что вовсе не свѣтитъ. Въ дни полуденнаго солнца, около 12-ти час. ночи, распространяется какой то полусвѣтъ, который однако нельзя сравнить съ луннымъ свѣтомъ. Все покрыто въ это время ровнымъ, блѣднымъ освѣщеніемъ, и въ этомъ полусвѣтѣ безъ тѣней царствуетъ самая торжественная тишина. Дома явственно и совершенно отчетливо поднимаются передъ вами, и нигдѣ не замѣтно никакого движенія. Собаки не лаютъ, птицы молчатъ, и только вода журчитъ, стекая съ горъ, да шелестъ деревьевъ прерываетъ торжественную тишину.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ исчезновенія полуденнаго солнца день быстро уменьшается, и въ половинѣ августа воздухъ становится холоднымъ, трава и листья желтѣютъ, увядаютъ и падаютъ; перелетныя птицы спѣшатъ на югъ; сразу, и очень рано, наступаютъ вечернія сумерки, звѣзды ярко блестятъ на блѣдно-голубомъ небѣ; луна снова становится царицей ночи.

Лѣто—самое любимое время года. Ему посвящено множество стихотвореній и пѣсенъ, и его встрѣчаютъ съ необыкновенною радостью. Въ каждой деревнѣ въ это

время года стоит березка, футовъ 15 вышины, увѣшанная вѣтками, розами и лентами; на верху вертится скрипучій флюгеръ и показываетъ, откуда и куда дуетъ вѣтеръ. Однако лѣтомъ здѣсь некогда веселиться. Въ такой странѣ, какъ Норвегія, гдѣ собственно только два времени года, лѣто и зима, и гдѣ лѣто такъ непродолжительно, нужно торопиться съ сѣнокосомъ и жатвою.

Морозъ сковываетъ почву обыкновенно отъ октября до мая, и часто зима наступаетъ такъ быстро, что едва успѣваютъ убрать жатву. Не только холодное лѣто, но каждый дурной день наноситъ земледѣльцу страшный ущербъ, такъ какъ хорошее время года здѣсь непродолжительно. Даже во время прекраснаго лѣта здѣшній земледѣлецъ принужденъ прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ приспособленіямъ, неизвѣстнымъ, да и не нужнымъ въ другихъ странахъ. Сѣнокосъ начинается отъ конца іюля и продолжается до конца августа, иногда происходитъ и въ первыхъ числахъ сентября. Тогда заняты всѣ рабочія руки, и путешественнику на почтовыхъ станціяхъ даютъ лошадь съ большимъ неудовольствіемъ.

Чтобы извлечь пользу изъ каждаго солнечнаго луча, скошенную траву обыкновенно раскладываютъ на подмосткахъ. Когда сѣно достаточно сухо, его перевозятъ въ амбары въ телѣгахъ, имѣющихъ самый первобытный видъ: это ничто иное какъ ясли, положенные на два колеса, изъ которыхъ каждое величиною съ тарелку. Такимъ образомъ сѣно здѣсь не складываютъ въ стоги, но сваливаютъ на сѣноваль большого амбара, который составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго хозяйства. Для прокормленія скота, въ продолженіи долгой зимы, употребляютъ не только сѣно и солому, но даже листья различныхъ деревьевъ, напримѣръ ольхъ, тополей и березъ. Какъ только приближается осень, повсюду видны женщины и дѣти, срывающія листья съ этихъ деревьевъ и несущія ихъ въ связкахъ на головахъ. За позволеніе обрывать листья съ деревьевъ нѣкоторые крестьяне платятъ владѣльцамъ извѣстную пошлину. Здѣшній крестьянинъ держитъ много скота, и нужно припасти много корму для продолжительной зимы; это заставляетъ норвежца дорожить каждымъ клочкомъ земли, поросшимъ травою; онъ смѣло идетъ на выступы скалъ и скашиваетъ траву съ ужасающихъ высотъ.

Тотчасъ послѣ сѣнокоса слѣдуетъ жатва. Пшеницы здѣсь мало сѣютъ; только изрѣдка увидишь небольшія поля, засѣянные этимъ хлѣбомъ, да и то колосья его такъ рѣдки и тощи, что сборъ едва вознаграждаетъ трудъ по обработкѣ. Болѣе всего воздѣлываютъ ячмень, рожь и овесъ. Чтобы больше сохранить соломы, стебли срѣзаютъ у самаго корня. Полевая растенія сушатъ не такъ, какъ сѣно: по всему полю разставлены въ правильныхъ промежуткахъ колья; на нихъ навязываютъ снопы такимъ образомъ, чтобы колосья были направлены къ югу. Это придаетъ полю чрезвычайно странный видъ, особенно вечеромъ, когда солнце приближается къ западу: тогда колья отбрасываютъ длинныя тѣни и кажутся великанами, стоящими въ полѣ на караулѣ. Иногда скашиваютъ совершенно зеленый хлѣбъ и оставляютъ его въ полѣ даже во время первыхъ морозовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снопы вѣшаютъ на горизонтально положенныя балки, надъ которыми устроена крыша, защищающая хлѣбъ отъ мороза, между тѣмъ какъ вѣтеръ свободно его обдуваетъ. Однимъ словомъ здѣсь употребляютъ всевозможныя средства, чтобы приготовить къ зимѣ какъ можно болѣе сѣна и хлѣба и сдѣлать это въ наивозможно короткій срокъ.

Къ числу самыхъ характерныхъ явленій лѣта, какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи, принадлежатъ міриады ядовитыхъ насѣкомыхъ, которые не даютъ чловѣку покоя ни днемъ, ни ночью. Чѣмъ болѣе поднимается путешественникъ на сѣверъ этихъ странъ, тѣмъ укулы этихъ насѣкомыхъ становятся для него невыно-

симѣ, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ онѣ, и тѣмъ несмѣтнѣе дѣлаются ихъ полчища. Въ шведской Ланландіи и въ норвежскомъ Финмаркенѣ безчисленные рои москитовъ положительно представляютъ страшный бичъ для народа, тяжелое бѣдствіе, которое къ счастью продолжается не болѣе шести недѣль.

Около Иванова дня, когда солнце совсѣмъ не заходитъ въ сѣверныхъ частяхъ этихъ странъ, а на югѣ только не надолго скрывается, когда вся природа оживаетъ и покрывается веселымъ, цвѣтушимъ зеленымъ покровомъ, появляются и эти необыкновенно кровожадные мучители и миллиардами распространяются по всей странѣ. Мошки, комары, овода, мухи и всевозможныя крылатыя твари различной формы и величины съ особеннымъ остервененіемъ нападаютъ на человѣка подъ вечеръ и не только измучиваютъ его до отчаянія, но и обезображиваютъ его такъ, что онъ дѣлается неузнаваемъ. Руки и въ особенности лицо распухаютъ такъ, что на немъ чуть замѣтны глаза и брови; къ тому же эти сѣверные кровопійцы оставляютъ еще на поверхности опухоли пятна самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Единственное средство предохранить себя отъ этихъ мучителей—намазать себѣ лицо и руки дегтемъ, но при этомъ, конечно, не знаешь, что лучше: сдѣлаться ли жертвою несмѣтныхъ полчищъ крылатыхъ мучителей, или послѣ такой смазки совсѣмъ опротивѣть самому себѣ. Деготь, которымъ мажутъ лицо и руки, чтобы предохранить себя отъ укуловъ наѣдомыхъ, смѣшиваютъ со сливками и обмазываются этимъ по нѣскольку разъ въ день, такъ какъ комары снова начинаютъ надобѣдать, какъ только этотъ составъ высохнетъ. Вслѣдствіе этого кожа принимаетъ смуглый цвѣтъ, и человѣкъ становится похожъ на цыгана или на краснокожаго индѣйца. Изъ комнаты комаровъ выгоняютъ дымомъ, выкуривая ихъ можжевеловымъ или заженной березовой лучиной. Въ это время у порога дома нерѣдко замѣтишь курильницу, которая постоянно дымится и не даетъ имъ влетать въ комнаты. Тамъ и здѣсь на открытомъ воздухѣ ночью зажигаютъ костры и ложатся въ ту сторону, куда вѣтеръ гонитъ дымъ.

Лишь только начинается таять снѣгъ, пастухи гонятъ скотъ въ норвежскіе Альпы. Сначала они заставляютъ его пастись на пастбищахъ болѣе низкихъ, но съ половины лѣта они отправляются все выше и подъ конецъ пасутъ свои стада въ мѣстностяхъ, лежащихъ на нѣсколько миль отъ заселенныхъ долинъ. Горныя пастбища съ хижинами разбросаны вездѣ отъ Телемаркена до Гардангерскихъ горъ. Трудно себѣ представить, какъ въ этой горной странѣ юноши и дѣвушки стремятся въ Альпы. Первая оттепель—большой праздникъ для всѣхъ: мгновенно пробуждается жизнь и движеніе, двери домовъ и хлѣвовъ съ шумомъ отворяются, слышенъ смѣхъ, шутки, и всѣ весело торопятся по горнымъ тропинкамъ къ свѣжей зелени. Лошадей нагружаютъ различною утварью и всѣмъ, что необходимо для приготовленія масла и сыра. Кромѣ того берутъ съ собою теплыя одѣяла и все, что нужно для жизни, а также и лѣсъ для постройки и для поправки хижинъ, такъ какъ горныя пастбища находятся выше лѣсной полосы. Жизнь на Альпахъ тяжелая и исполненная безустаннаго труда: нужно пасти скотъ, собирать сѣно, готовить масло и сыръ и отвозить всѣ запасы въ долины. Несмотря на это, такая жизнь считается норвежскою молодежью на столько привлекательною, что работники и работницы нанимаются не иначе, какъ съ условіемъ, что лѣтомъ они будутъ жить въ Альпахъ. Владѣльцы дворовъ и люди побогаче посылаютъ туда на лѣто своихъ дѣтей, и каждая молодая дѣвушка была бы здѣсь просто въ отчаяніи, если бы родители не позволили ей хотя нѣсколько недѣль провести въ пастушеской хижинѣ. Нѣсколько такихъ хижинъ стоятъ рядомъ, и самая большая изъ нихъ служитъ кладовой. Женщины, дѣ-

бушки, дѣти и молодые парни пасутъ скотъ, занимаются приготовленіемъ разныхъ запасовъ и такимъ образомъ живутъ въ горахъ совершенно самостоятельно. Мужчины заняты въ долинахъ обработкою полей, но по праздникамъ они отправляются въ горы повидаться съ родственниками и знакомыми.

Веселую картину представляетъ скотъ, возвращающійся съ лѣтнихъ пастбищъ. Стада гонятъ обратно домой въ половинѣ сентября, отчасти для того, чтобы продать нѣсколько штукъ, отчасти, чтобы запереть его въ хлѣва. Впереди выступаютъ пастухи и несутъ принадлежности молочнаго хозяйства или ведутъ лошадей, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ; сзади нихъ идетъ самая лучшая изъ стада корова съ бубенчикомъ, а за нею слѣдуютъ всѣ остальные. Пастухи представляютъ необыкновенно живописное зрѣлище, такъ какъ они одѣты въ національные костюмы тѣхъ округовъ, къ которымъ принадлежатъ; эти костюмы во многомъ походятъ на тирольскіе, съ тою только разницею, что норвежцы очень часто носятъ довольно цѣнные серебряныя украшенія оригинальной формы, которыя иногда соединяются между собой серебряною цѣпочкою.

Зима въ Норвегіи продолжается съ октября до апрѣля, а иногда и до мая, при чемъ земля бываетъ покрыта толстымъ слоемъ снѣга. Растенія въ это время спятъ крѣпкимъ сномъ и просыпаются только въ концѣ мая. Главную особенность западнаго берега представляютъ страшныя бури и сильныя грозы зимою; зимнія грозы сопровождаются сильнымъ градомъ. Однако всѣ фіорды западнаго побережья и даже море около Нордъ-Капа почти никогда не замерзаютъ зимою, и только на два, на три градуса сѣвернѣе отъ Нордъ-Капа можно встрѣтить пловучія массы льда; между тѣмъ Ботническій заливъ и Остѣ-Зее обыкновенно замерзаютъ.

Здѣшнимъ жителямъ не только не приходится наслаждаться длинною весной, но они не знаютъ и осени. Зима и лѣто непосредственно смѣняются другъ друга. Лишь только смолкаетъ пѣніе птицъ, и зима уже свѣтъ на землю изъ облачнаго покрыва снѣгъ, ледъ и гремучій градъ. День уменьшается быстро; немного спустя, солнце чуть поднимается на горизонтѣ и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Мѣсяцъ и звѣзды блещутъ цѣлый день; только въ полдень они блѣднѣютъ, и на южномъ краю неба, вдоль горизонта, загорается красная огненная полоса, какъ будто при закатѣ солнца, и потухаетъ опять. День похожъ на свѣтлыя сумерки. Ночь, освѣщенная луною, такъ же свѣтла, какъ день, а иногда вспыхиваетъ *сѣверное сіяніе*. Оно появляется на сѣверѣ въ началѣ обыкновенно довольно слабымъ свѣтомъ, но блескъ его, по мѣрѣ приближенія къ зениту, все увеличивается и образуется столбъ пламени, изъ котораго вылетаютъ мерцающіе снопы свѣта. Эти цвѣтовые столбы представляются иногда колоннами великолѣпнаго зданія, освѣщеннаго солнцемъ, радугой и огнемъ. Цвѣтъ этихъ блестящихъ столбовъ нѣсколько измѣняется иногда особымъ блескомъ, напоминающимъ миганіе электрическихъ искръ. Потомъ вдругъ все исчезаетъ, и наступаетъ темная ночь; но вотъ опять неизмѣримое пространство неба мгновенно загорается огнемъ, который принимаетъ совершенно новый видъ и разливаетъ то слабый, серебряный свѣтъ, то вспыхиваетъ очень ярко, иногда окрашиваясь въ радужные цвѣта. Явленіе это часто принимаетъ самый фантастическій видъ.

Народъ по сѣверному сіянію опредѣляетъ погоду, и очень часто такія предсказанія оправдываются. Если сѣверное сіяніе ровно распространилось по небу, а погода въ это время стоитъ ясная и хорошая, то она установится на долго; но если замѣтить, что сѣверное сіяніе низко опустилось къ сѣверному склону неба, или если пламя идетъ дугой поперекъ неба, то ожидаютъ бурной погоды; тоже бываетъ и тогда, когда сѣверное сіяніе принимаетъ часто измѣняющіеся цвѣта.

Зимою норвежцы быстро разъѣзжают по своимъ снѣжнымъ пустынямъ; но сообщеніе между горными жителями очень затруднительно. Едва только завалить эти дороги густымъ слоемъ снѣга, норвежцы тотчасъ расчищаютъ ихъ; они впрягаютъ одну, а иногда и цѣлый десятокъ лошадей въ плугъ, имѣющій подобіе треугольника безъ дна, и счищаютъ имъ сугробы. Какъ ни пріятна санная ѣзда въ Норвегіи, но она доставляетъ гораздо болѣе удовольствія въ странахъ, представляющихъ обширныя равнины. Тутъ же вы можете быстро нестись только по гладкой поверхности замерзшихъ рѣкъ и озеръ, которыя въ это время служатъ главными путями сообщенія. Сламываютъ заборы и вынимаютъ ворота изъ петель, чтобы открыть вѣздъ прямо на рѣку и сократить неудобную дорогу, ведущую черезъ горы. Пѣшеходы, чтобы быстро передвигаться съ одного мѣста на другое, употребляютъ для этой цѣли миниатюрныя санки, называемыя «kólke». Эти санки имѣютъ около двухъ футовъ длины и около 15 дюймовъ ширины. Они состоятъ изъ ровной доски, прикрѣпленной къ двумъ деревяннымъ полозьямъ, обитымъ желѣзомъ, а впереди ихъ привязана веревка. Такія санки чрезвычайно легки, и въ гору ихъ обыкновенно тащатъ за собою, привязывая къ поясу; но лишь только владѣлецъ «kólke» подходитъ къ какому нибудь склону, онъ садится на нихъ и съ необыкновенною быстрою несется внизъ, держась за веревку и управляя ногами.

Но еще болѣе распространены лыжи незамысловатаго устройства. Онѣ состоятъ изъ тонкой, длинной доски (отъ 4 до 6 футовъ длины), спереди заостренной и загнутой кверху. Посрединѣ доски придѣлана маленькая дуга изъ вѣтвей, въ которую нога входитъ какъ въ калошу. Владѣлецъ лыжъ вставляетъ ноги въ дуги, упирается въ землю длиннымъ шестомъ или палкою, сдвигаетъ себя съ мѣста сильнымъ толчкомъ и мчится впередъ съ быстротою молніи съ горы такъ же быстро, какъ въ «kólke», а по равнинѣ еще быстрѣе. Палка, которою норвежецъ обыкновенно упирается, спускаясь съ горы на лыжахъ,—съ желѣзнымъ наконечникомъ, надъ которымъ придѣлана круглая дощечка, предохраняющая ее отъ погруженія въ снѣгъ. Узкія бороздки, которыя оставляютъ за собою лыжи, тянутся не только по льду рѣкъ и озеръ, но и по самымъ высокимъ скаламъ. Если смотрѣть издали, то люди, скатывающіеся по склону горы на лыжахъ, скорѣе походятъ на птицъ, чѣмъ на людей.

Лыжи эти употребляютъ здѣсь съ давнихъ поръ. Прежде въ Норвегіи и Швеціи существовали полки, которые должны были производить ученіе на лыжахъ, и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія во время войны ихъ употребляли въ дѣйствительной службѣ.

НОРВЕЖЦЫ.

Характеръ народа: его честность, прямодушіе и любовь къ животнымъ.—Широкое гостепріимство.—Чувство равенства.—Трудолюбіе и безпечность.—Пьянство въ прошлое время.—Обычаи народа.—Улучшеніе расы.—Женщина и ея положеніе.—Самостоятельность дѣтей.—Населеніе и болѣзни.—Образованіе.—Религія.—Вѣщій видъ народа и его языкъ.—Пища.—Одежда.—Жилище.

Приморскія страны Европы, въ древнія времена, часто подвергались нападенію норманновъ. Эти замѣчательно храбрые люди появлялись въ легкихъ судахъ своихъ на всѣхъ моряхъ, нападали на встрѣченные ими корабли, опустошали города и села. Отечествомъ норманновъ была Скандинавія, то есть та часть сѣверной Европы, въ составъ которой теперь входитъ Швеція съ Норвегіею и Даніа. Страны эти въ то

время раздѣлялись на множество мелкихъ владѣній, и въ каждомъ изъ нихъ былъ свой король, или, какъ его называли, *конунгъ*, съ ограниченою властію; въ случаѣ войны онъ дѣлался предводителемъ войска.

Главнымъ сословіемъ у скандинавовъ были владѣльцы болѣе или менѣе обширныхъ участковъ земли. Они распоряжались въ своихъ помѣстьяхъ совершенно независимо, и вся ихъ обязанность въ отношеніи къ конунгу состояла въ томъ, что они должны были слѣдовать за нимъ на войну. Конунгъ всегда выбирался народомъ, и съ своимъ саномъ соединялъ званіе верховнаго жреца. При религиозныхъ торжествахъ онъ самъ отправлялъ богослуженіе въ храмѣ. За конунгами, по знатности сана, слѣдовали *ярлы*, которые нерѣдко бывали главами областей.

Хотя война считалась норманнами почетнымъ занятіемъ, но болѣе всего они любили морекіе походы, были страстными моряками. Начальниками въ морскихъ походахъ нерѣдко бывали младшіе сыновья конунговъ, которые, не имѣя надежды сдѣлаться королями, хотѣли приобрести себѣ власть, славу и значеніе своими подвигами. Такіе воители и храбрецы назывались *викингами* или *морскими конунгами*. Даже въ настоящее время встрѣчаются на берегахъ фіордовъ большіе холмы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ погребали викинговъ вмѣстѣ съ кораблемъ.

Норвегія въ высшей степени оригинальная страна: несмотря на недостатокъ хлѣба, суровую природу и скудную почву, она не имѣетъ нищихъ. Это одна изъ очень немногихъ странъ въ мірѣ, гдѣ всѣ равны, гдѣ нѣтъ ни дворянства, ни титуловъ и чины не имѣютъ никакого значенія. Норвегія—страна мужиковъ, рыбаковъ и земледѣльцевъ-собственниковъ.

Склонность къ морской жизни велика у норвежцевъ и въ настоящее время; они и теперь съ большимъ удовольствіемъ вступаютъ въ морскую службу, и всѣ страны охотно принимаютъ къ себѣ норвежскихъ матросовъ. Къ тому же благоприятное развитіе береговъ сильно поддерживаетъ любовь къ морю. Съ самаго ранняго дѣтства каждый норвежецъ смотритъ на море, какъ на главнаго кормильца, и старается искать въ немъ заработка.

Норвежцы народъ простой, трудолюбивый, отличающийся необыкновенною честностью. Они поистинѣ могутъ гордиться тѣмъ, что даже въ старину, когда вся Европа томила подъ игомъ рабства, только норвежскій народъ пользовался свободою. Норвегія—страна грамотныхъ поселанъ, настоящее крестьянское царство. «Честность, образованность, свобода, обладаніе обрабатываемою землею—вотъ главные черты нравственнаго, политическаго и общественнаго строя этой любопытной націи, которая, не обращая вниманія на звонъ оружія въ окрестныхъ странахъ, заботится только о своемъ внутреннемъ мирномъ развитіи. Успокоительное впечатлѣніе производитъ этотъ забытый уголокъ послѣ одуряющей сумятицы современнаго европейскаго общества, гдѣ рядомъ съ безумною роскошью царитъ ужасающая нищета, гдѣ вѣчная погоня за наживой и лихорадочная жажда удовольствій порождаетъ безконечный рядъ преступленій. Конечно, здѣсь нѣтъ того внѣшняго лоска, той блестящей обстановки, того утонченнаго комфорта, которыми пользуется европейское меньшинство, но за то скандинавское большинство имѣетъ обезпеченный кусокъ хлѣба, платитъ менѣе налоговъ, чѣмъ націи, кичащіяся своимъ богатствомъ, и считаетъ въ своей средѣ болѣе грамотныхъ, чѣмъ самые передовые цивилизованные народы».

Честность жителей Скандинавскаго полуострова вошла въ пословицу: въ этой странѣ никто ничего не запираетъ. Если бы хозяева вздумали запирать свои комоды и сундуки, большинство служащихъ у нихъ людей считало бы это для себя вели-

чайшимъ оскорбленіемъ. Многіе, уходя изъ дому, имѣютъ обычай оставлять ключъ въ наружной двери: это дѣлается для того, чтобы путешественникъ могъ войти въ домъ и отдохнуть. Всѣ описанія путешествій по Скандинавскому полуострову наполнены разсказами о возвратѣ потерянныхъ вещей и денегъ. Кража считается самымъ отвратительнымъ изъ преступленій, и примѣры ея очень рѣдки. На человѣка, разъ похитившаго чужую собственность, смотрятъ какъ на прокаженного; самые близкіе родственники чуждаются его, и вору не остается ничего болѣе, какъ удалиться въ какой-нибудь отдаленный округъ, чтобы тамъ скрыть пятно безчестія. Увѣренность въ безопасности имущества такъ велика, что развила обычай никогда и не передъ кѣмъ не скрывать своего состоянія, и это въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доведено до наивности: когда человѣкъ скопитъ извѣстную сумму денегъ, онъ кладетъ ихъ въ маленькій котелокъ, который привѣшиваетъ къ потолку въ своемъ домѣ. Конечно, въ большихъ городахъ и приморскихъ портахъ нравственность норвежцевъ слабѣе въ этомъ отношеніи, но мы говоримъ о деревняхъ и тѣхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ народъ живетъ вполне по дѣдовскимъ обычаямъ и всецѣло сохранилъ его добродѣтели и пороки.

Кромѣ честности, норвежцы отличаются необыкновенною правдивостію и прямодушіемъ; они ревниво охраняютъ свободу своей страны, страстно любятъ свою родину и искренно радуются, когда она нравится иностранцу. Объ чемъ бы вы ни заговорили съ норвежцемъ, онъ всегда съумѣетъ поддержать разговоръ, съ большимъ интересомъ относится ко всему, что вы ему сообщаете, говоритъ всегда живо и съ большимъ юморомъ. Всѣ они смѣлы и предприимчивы и, хотя уже болѣе не развѣзжаютъ по всѣмъ морямъ въ своихъ судахъ, какъ это нѣкогда дѣлали ихъ предки, тѣмъ не менѣе они охотно совершаютъ большія морскія путешествія, такъ какъ любить жизнь моряка и храбро встрѣчаютъ опасности на сушѣ и на водѣ.

Норвежцы отличаются также необыкновенною опрятностію. Какъ бы ни была бѣдна хижина и какъ бы ни была груба и первобытна утварь и мебель, она тщательно вытерта, вычищена и стоитъ на своемъ мѣстѣ. Каждый норвежецъ чрезвычайно вѣжливо обходится съ иностранцами, путешествующими въ ихъ странѣ, но если кто нибудь изъ нихъ пожелаетъ ему добраго дня на его родномъ языкѣ, онъ быстро снимаетъ передъ нимъ шапку и отвѣшиваетъ глубокій поклонъ, не произнося ни слова.

Его честолюбіе и любовь къ свободѣ дѣлаютъ его особенно вспыльчивымъ въ сношеніяхъ со шведами. Вражда этихъ двухъ сосѣднихъ народовъ, которая происходила въ продолженіи многихъ столѣтій и выражалась многочисленными битвами, не угасла еще и въ настоящее время, только теперь она выражается иначе, чѣмъ прежде. Норвежцевъ особенно возбуждаетъ то, что шведы, когда разговоръ идетъ объ этихъ двухъ странахъ, показываютъ видъ, что Норвегія составляетъ придатокъ къ ихъ государству. Одинъ писатель разсказываетъ, что однажды небольшой кружокъ шведовъ пилъ за здоровье короля Швеціи и Норвегіи; одинъ стаканъ оказался неопорожненнымъ, и онъ принадлежалъ норвежцу. На просьбу объясниться онъ отвѣтилъ: «Я не могу выпить подобный тостъ, но я охотно выпью за короля Норвегіи, который въ то же время и король Швеціи». Въ официальныхъ дѣлахъ въ Норвегіи, при названіи обѣихъ странъ, прежде упоминаютъ Норвегію, а потомъ Швецію.

Путешественникъ, котораго судьба заставитъ отдохнуть въ норвежской или шведской хижинѣ, всегда можетъ быть увѣренъ, что онъ будетъ принятъ не только съ искреннею радостью, но что съ нимъ раздѣлятъ послѣдній кусокъ хлѣба. По-

стель норвежца, его одежда, жилище, пища, все къ услугамъ путешественника; каждый изъ нихъ все это уступить гостю, котораго онъ видитъ первый разъ въ жизни и который забрелъ къ нему совершенно случайно. Для пришельца хозяинъ уступаетъ свою постель и отправляется спать подъ открытымъ небомъ, часто во время очень суровой ночи. Лишь только забредетъ гость въ норвежское жилище, будь онъ пріятель, хорошій знакомый, близкій родственникъ или иностранецъ, котораго видятъ въ первый разъ въ жизни,—все равно: всѣ обитатели хижины окружаютъ гостя, предлагаютъ ему то одно, то другое угощеніе и стараются по выраженію его лица угадать, не хочетъ ли онъ еще чего нибудь. Такое гостепріимство существуетъ какъ въ норвежскихъ городахъ, такъ и въ деревняхъ, какъ въ богатыхъ жилищахъ, такъ и въ самыхъ жалкихъ хижинахъ. Этою чертою характера норвежцы отличаются издавна: такъ угощали и принимали гости ихъ дѣды и прадѣды, и преступить этотъ дѣдовскій обычай и нынѣшнее поколѣніе считаетъ не только низостью, но даже преступленіемъ. Вотъ какъ одинъ нѣмецкій путешественникъ, который посѣтилъ Норвегію въ компаніи съ другими учеными, описываетъ гостепріимство норвежцевъ: «Сѣверное гостепріимство не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ другихъ странахъ и исполнено такого радушія, которому можно только удивляться. Хозяинъ совершенно исчезаетъ въ своемъ гостѣ: кажется, онъ живетъ только для него и каждую минуту готовъ исполнить его малѣйшее желаніе. Надо остерегаться высказывать громко свое желаніе, которое дало бы поводъ хозяину оказать услугу, потому что подъ конецъ чувствуешь себя пристыженнымъ пожертвованіемъ времени и заботъ, какое оказываетъ вамъ норвежецъ.

«Но нужна и здоровая натура, чтобы выдерживать сѣверное гостепріимство. Въ честь насъ былъ данъ большой обѣдъ, на который собрались у хозяина всѣ знатнѣйшіе граждане города. Высшіе чиновники всякаго рода, естествоиспытатели, купцы и пасторы помѣщались за длиннымъ столомъ, который чуть не ломился подъ тяжестью яствъ и питій. Только что обнесли первое блюдо, какъ хозяинъ и хозяйка дома начинаютъ всячески поощрять гостей къ храброму натиску, даже требовать этого настоятельно. Почти постоянно обходятъ они столъ и истощаютъ все свое краснорѣчіе на то, чтобы убѣдить гостя взять еще и еще. Мужское общество въ это время ближе знакомится съ винами, которыя очень хороши, но большею частію тяжелы и горячительны. Хозяинъ дома встаетъ и въ пышной рѣчи провозглашаетъ тостъ за почетныхъ гостей, въ честь которыхъ устроены обѣдъ. Гости, разумѣется, должны отвѣчать на это, потому что на нихъ имѣютъ въ это время большія притязанія. Каждый, сидящій за столомъ, полагаетъ, что погрѣшнить противъ обычая, если не осушить стакана съ каждымъ почетнымъ гостемъ или не выпьетъ «skal», какъ здѣсь выражаются. «Skal» слышится съ одного конца стола, и видишь передъ собою сіяющее лице и руку, протянутую со стаканомъ бордо. Скорѣе наполняешь свой стаканъ, и вино въ немъ тотчасъ исчезаетъ. Но въ это время уже другой поднимаетъ свой стаканъ хереса, третій свой стаканъ портвейна, и если, полный боязливаго сомнѣнія на счетъ возвращенія на корабль и головной боли съ похмѣлья, попытаешься углубиться всецѣло въ свою тарелку, то сосѣдъ легкимъ толчкомъ локтя навѣрно не преминетъ обратить ваше вниманіе на зачинщика, пьющаго «skal». Такимъ образомъ каждый долженъ, подобно Леониду при Фермопилахъ, выдерживать нападеніе въ двадцать разъ большей силы, передъ которой не помогутъ никакая стратегическая уловка и никакое правильное отступленіе. Наконецъ, бросаешься въ бой съ храбростью отчаянія, не отводишь удары, а раздаешь ихъ на всѣ стороны; вызываешь на всевозможныя оружія: портвейнъ, бордо, рейнвейнъ,

хересъ и шампанское. Уже не думаешь ни о будущемъ, ни о мучительной боли и мигрени, которая непременно появится завтра, а воодушевляешься только боемъ и поддержаніемъ національной чести противъ сѣверныхъ богатырей. На мгновеніе бой умолкаетъ, послѣ того какъ онъ свирѣпствовалъ нѣсколько часовъ сряду. Каждый перепилъ «skal» со всѣми по нѣсколько разъ. Всѣ встаютъ, выражая свою благодарность за обѣдъ. Кофе и сигары успокаиваютъ нѣсколько сердца. Но скоро выступаетъ свѣжее войско: различные ликеры, водки, гроги большей или меньшей крѣпости, теплые и холодные пунши, однимъ словомъ разнообразіе спиртныхъ напитковъ, о которыхъ не имѣютъ и понятія люди, живущіе на югѣ».

Вмѣстѣ съ гостепріимствомъ тѣсно связана еще болѣе нравственная черта норвежца—его безкорыстная готовность помочь ближнему во всякомъ несчастіи. Если кто нибудь впадаетъ въ бѣдность, онъ совершенно спокойно отправляется къ своему родственнику, вполне увѣренный, что съ нимъ раздѣлять послѣдній кусокъ хлѣба. Если ему придется жить у родныхъ въ домѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, пока не поправятся его дѣла, онъ никогда не услышитъ ни одного упрека, какъ бы ни было его роднымъ тяжело кормить двѣ семьи.

Кромѣ того, что норвежцы вообще живутъ очень уединенно, особенно, конечно, въ захолустныхъ уголкахъ, этому способствуетъ отчасти и природа, суровая большую часть года, а во время короткаго лѣта каждый работаетъ здѣсь, не покладая рукъ; въ характерѣ же этого народа, при всякомъ удобномъ случаѣ, сказывается любовь къ удовольствіямъ, пирамъ, веселью и выпивкамъ сообща. То же самое мы видимъ и у норманновъ. Побѣда, смерть героя и другіе торжественные случаи служили поводомъ къ роскошнымъ пирамъ. Для пиршествъ были даже особыя комнаты, которыя старались украшать особенно тщательно и во вкусѣ того времени: стѣны увѣшивали щитами, мечами, узорчатыми тканями или позолоченными кожами. По обѣ стороны почетнаго мѣста возвышались два столба, или изваянные въ видѣ истукановъ, или увѣнчанные ликами боговъ и по большей части украшенные рѣзьбой. Скамьи покрывали разноцвѣтными коврами, а мѣста, гдѣ должны были сидѣть наиболѣе важные гости,—подушками. Сначала вокругъ пирующихъ стояли мальчишки съ факелами, но позднѣе, когда распространилась роскошь, на столахъ появились канделябры изъ дорогихъ металловъ. Полъ во время пира устилали соломой, и этотъ обычай до сихъ поръ сохранился не только въ Норвегіи, но даже и въ Швеціи, хотя теперь посыпаютъ также вѣтвями и иглами хвойныхъ деревьевъ и можжевельникомъ. Даже многіе напитки остались почти тѣ же. На пирахъ у норманновъ обыкновенно подавали медъ; въ большомъ почетѣ было также пиво, которое варили женщины. Вино, получаемое изъ Германіи и Англіи, употребляли только самые богатые люди, конунги и ихъ семейства.

Несмотря однако на широкое гостепріимство, на любовь къ удовольствіямъ, пирамъ и выпивкамъ, даже зажиточные норвежцы—люди въ высшей степени расчетливые: они не возьмутъ билета перваго или втораго класса на пароходъ или желѣзной дорогѣ, а довольствуются третьимъ, находя подобный расходъ неразумнымъ; они скорѣе щедры, чѣмъ скупы, но не имѣютъ ни малѣйшаго стремленія ни къ роскоши, ни къ утонченному комфорту.

Между норвежцами чрезвычайно развито чувство равенства; они одинаково уважаютъ и бѣднаго, и богатаго, и ни одно занятіе не считаютъ унижительнымъ: члены парламента, судьи, учителя сами воздѣлываютъ землю; работники обыкновенно спятъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, которые обращаются съ ними, какъ съ равными. Бѣдные скотницы живутъ съ дочерьми зажиточныхъ землевладѣльцевъ, какъ ихъ родныя сестры.

По трудолюбію нѣтъ равныхъ шведамъ и въ особенности норвежцамъ; это качество болѣе всего развила суровая природа страны: во время короткаго лѣта норвежцы работаютъ съ ранняго разсвѣта до сумерекъ; въ остальное время года они занимаются самою разнообразною работою: земледѣлецъ въ одно и то же время часто бываетъ кузнецомъ, столяромъ, сапожникомъ. Женщины въ трудолюбіи не отстаютъ отъ мужчинъ, и, чтобы не терять ни минуты времени, когда онѣ должны отправиться куда нибудь за нѣскольکو верстъ, онѣ походя вяжутъ; для этого у нихъ существуетъ особая вещь, прищипляемая къ поясу, въ которой помѣщается клубокъ съ шерстью.

Самый образованный и умственно развитый норвежецъ не отличается изяществомъ манеръ; напротивъ, даже въ характерѣ самыхъ добродушныхъ изъ нихъ всегда чувствуется присутствіе какой-то грубости. Эта черта особенно проявляется у норвежца, когда онъ попадаетъ въ толпу: если его что нибудь заинтересуетъ, онъ безъ всякой церемоніи проталкивается, усердно раздавая толчки направо и налево, работая локтями и колѣнями, не останавливаясь и тогда, когда онъ встрѣчаетъ на своемъ пути женщину или ребенка. Въ Норвегіи не существуетъ ни для женщины, ни для старика какихъ бы то ни было привилегій или первенства: каждый заботится здѣсь о самомъ себѣ. Несмотря однако на эту внѣшнюю грубость, норвежцы съ необыкновенною кротостью и нѣжностью относятся къ животнымъ: они скорѣе забудутъ позаботиться о своемъ обѣдѣ, чѣмъ о своихъ домашнихъ животныхъ. Во время ихъ болѣзни всѣ члены семьи норвежца нѣжно ухаживаютъ за ними; на всѣхъ почтовыхъ трактахъ красуются столбы съ надписью: «будьте добры къ лошадямъ». Эту черту характера объясняютъ тѣмъ, что большая часть норвежцевъ живетъ съ своими семьями очень уединенно, обособленно, и только домашнія животныя нѣсколько развлекаютъ ихъ.

Дѣтей своихъ норвежцы приучаютъ къ самостоятельности уже съ ранняго возраста: оставить дѣтей однихъ въ домѣ на всю ночь, даже у людей зажиточныхъ, позволить 6—7-ми-лѣтнимъ малюткамъ скакать безъ кучера на горячей лошади считается въ Норвегіи дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Норвежцы, какъ прежде, такъ и теперь, всегда были чужды рыцарскаго отношенія къ женщинѣ. Они уважаютъ въ женщинѣ силу и самостоятельность и не любятъ хрупкихъ, слабыхъ, нѣжныхъ созданій. Такой взглядъ норвежскаго общества издавна заставилъ женщинъ съ упорствомъ и энергіею добиваться самостоятельности. И онѣ въ концѣ концовъ добились почти полной равноправности съ мужчиной: совместно съ мужчинами онѣ обучаются теперь и въ начальной школѣ, и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ университетѣ. До сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ захолустныхъ мѣстностяхъ, сохранились еще слѣды того подчиненнаго положенія, въ которомъ нѣкогда находилась норвежская женщина: въ такихъ удаленныхъ отъ столицы уголкахъ дочери и теперь еще не смѣютъ садиться вмѣстѣ со всѣми за обѣденный столъ, а хозяйка дома сидитъ за столомъ не на главномъ мѣстѣ, а на самомъ послѣднемъ, но число такихъ старозавѣтныхъ семействъ быстро уменьшается съ тѣхъ поръ, какъ норвежскія женщины стали пользоваться почти одинаковыми правами съ мужчинами. Теперь въ большинствѣ норвежскихъ семей дѣвушка пользуется такою же самостоятельностью, какъ и ея братъ. Она такъ же, какъ и онъ, отправляется, куда вздумается, путешествуетъ такъ же свободно съ товарищемъ, съ подругой или одна, если того пожелаетъ, отправляется въ гости въ семейный домъ или къ товарищу-студенту, катается на велосипедѣ, который необыкновенно распространенъ въ послѣднее время во всей Скандинавіи. Трудно сказать, кто тутъ не ѣздитъ на немъ:

начиная съ дѣтей и кончая старцами, убѣленными сѣдинами и пожилыми женщинами, всѣ катаются на велосипедѣ, но преимущественно молодежь обоего пола. Дѣвушка такъ же, какъ и мужчина, по окончаніи курса, немедленно пристраивается къ какому нибудь дѣлу или службѣ и хотя чаще всего продолжаетъ жить съ родителями, пока не обзаведется собственной семьей, но начинаетъ непремѣнно жить и работать совершенно самостоятельно. Такъ поступаютъ даже дочери состоятельныхъ людей и такихъ, которые занимаютъ видное положеніе въ странѣ. Норвежская женщина свободно слѣдуетъ своему призванію, никто не осудитъ ея, какую бы карьеру она ни избрала: она дѣлается балериной, артисткой, писательницею, учительницею, конторщицей, швеей, экономкой, и всѣ двери домовъ ея знакомыхъ открыты передъ нею такъ же, какъ и прежде. Въ дѣлѣ замужества женщинѣ также предоставлена здѣсь широкая свобода: молодые люди могутъ хорошо узнать другъ друга; они, не опасаясь навлечь чье бы то ни было осужденіе, могутъ другъ съ другомъ проводить сколько угодно времени: ходить вмѣстѣ въ ресторанъ, театръ, путешествовать, посѣщать другъ друга. Нигдѣ среди женщинъ не попадается такъ много энтузіастокъ, какъ въ этой сѣверной странѣ: есть не мало такихъ, которыя всю жизнь отдаютъ наукѣ, искусству, обученію другихъ, и разъ онѣ видятъ въ этомъ осуществленіе своихъ идеаловъ, никакія лишенія и бѣдствія не могутъ заставить ихъ измѣнить свой образъ жизни. Многія изъ нихъ стремятся въ настоящее время уничтожить въ себѣ великую тѣнь женскаго кокетства, онѣ объясняютъ это тѣмъ, что наряжаться для того, чтобы нравиться мужчинамъ, недостойно порядочной женщины, и это можетъ себѣ позволить только «гаремная затворница». Норвежскія женщины производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: онѣ отличаются необыкновенною искренностью, безыскусственностью, независимостью и смѣлостью своихъ сужденій.

Стремленіе къ общему равенству отражается во всемъ, даже въ совершенныхъ мелочахъ; кучеръ пожимаетъ вамъ руку на прощанье, если имѣлъ случай когда нибудь сказать съ вами два слова; слуга гостиницы не внесетъ вамъ вещей, если вы не попросите его объ этомъ въ самой вѣжливой формѣ. Если вы кому нибудь и какъ нибудь начнете отдавать приказанія въ повелительномъ тонѣ, васъ вытолкаютъ за дверь. Слуги въ Норвегіи пользуются полною свободой, и по вечерамъ, по окончаніи работы, уходятъ изъ дому, не спрашивая объ этомъ своихъ хозяевъ. Эта свобода и чувство собственнаго достоинства въ обращеніи съ людьми, болѣе богатыми и высшими по положенію, сказывается и среди крестьянскаго населенія. Несмотря однако на демократизмъ и равенство, въ нихъ замѣтно инстинктивное влеченіе къ аристократизму. Во многихъ норвежскихъ семействахъ съ благоговѣніемъ чтутъ память о происхожденіи ихъ отъ викинговъ, этихъ безстрашныхъ сыновъ моря, и каждый членъ семьи съ гордостью указываетъ на такое свое преимущество.

Вообще въ характерѣ норвежцевъ много противорѣчій: несмотря на крайнюю расчетливость, они весьма безпечны; молодые люди очень часто вступаютъ въ бракъ не только безъ всякихъ средствъ, но и не имѣя ничего въ виду. Если имъ удастся на нѣкоторое время обезпечить себя выгодною работой, они все проживаютъ, ничего не откладывая на черный день. Родители не заботятся ни о приданомъ для своихъ дочерей, ни объ обезпеченіи себя подъ старость; поэтому среди норвежцевъ чрезвычайно рѣдко встрѣчаются рантьеры, живущіе на проценты съ своего капитала; каждый работаетъ здѣсь, не покладая рукъ, до конца своей жизни.

Еще недавно пьянство было бичемъ какъ шведскаго, такъ и норвежскаго народа: они не только употребляли чрезвычайно много спиртныхъ напитковъ, но подливали водку чуть не во все жидкое: въ воду, даже въ кислое молоко. Эту склоп-

ность къ горячительнымъ напиткамъ поддерживала и развила суровая природа, тяжелыя работы, ходьба по горамъ и скаламъ, а также и множество винокуренныхъ заводовъ. Но въ послѣдніе годы, благодаря новымъ законамъ, стѣсненнымъ производство и продажу крѣпкихъ напитковъ, пьянство значительно уменьшилось. Частныхъ заведеній для куренія вина прежде было около 10,000, теперь существуетъ не болѣе 22 большихъ винокуренныхъ заводовъ. Въ 1871 г. правительство предоставило право на розничную торговлю спиртными напитками особымъ акціонернымъ обществамъ, которыя обязались всю чистую прибыль, за вычетомъ 5% и извѣстной части, идущей на основаніе фонда, отдавать муниципалитету (городскому управленію) на различныя общественныя нужды. Затѣмъ этимъ обществомъ дозволено было выкупить у частныхъ лицъ ихъ права на производство розничной торговли спиртными напитками. Дѣятельность этихъ обществъ находится подъ строгимъ двойнымъ контролемъ: со стороны правительства и муниципалитета. Владѣльцы ресторановъ и отелей могутъ производить торговлю спиртными напитками, но только въ томъ случаѣ, если они пользуются безукоризненной репутаціей и продаютъ спиртные напитки по прейскуранту, вывѣшенному въ каждомъ заведеніи. Никакой прибыли отъ продажи этихъ напитковъ хозяева ресторановъ и отелей имѣть теперь не могутъ, но вынуждены держать ихъ, чтобы не отказывать своимъ посѣтителямъ. Такимъ образомъ продавцы крѣпкихъ напитковъ не имѣютъ выгоды поощрять пьянство, и кабаки не обращаются теперь въ притоны разврата. Къ тому же продажа водки запрещена по воскресеньямъ и праздникамъ, такъ же какъ и наканунѣ этихъ дней послѣ 5 часовъ вечера; въ будніе дни продавать водку нельзя раньше 8 ч. утра; ея нельзя продавать и на ярмаркѣ. При этомъ точно опредѣлено количество водки, болѣе котораго нельзя отпустить одному человѣку, и сдѣлано обязательнымъ, чтобы пьющій въ кабакѣ предварительно сѣлъ что нибудь, такъ какъ съ пустымъ желудкомъ человѣкъ скорѣе пьянѣетъ. Кромѣ всѣхъ этихъ строгихъ мѣръ, въ высшей степени затрудняющихъ покуску водки, вездѣ образовались общества трезвости, которыя стараются дѣйствовать на общественное мнѣніе популярными сочиненіями и лекціями. Такія заботы, вмѣстѣ съ широкимъ распространеніемъ грамотности и образованія въ массѣ, значительно уменьшили пьянство: теперь пьянаго въ Норвегіи можно встрѣтить лишь на свадьбѣ или въ большой праздникъ.

Одно изъ самыхъ характерныхъ учреждений, какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи,—баня. Это маленькій бревенчатый домикъ безъ оконъ и съ однимъ только отверстіемъ для дыма; его строятъ всегда отдѣльно отъ домашнихъ построекъ, на случай пожара; внутри домика, по срединѣ, печь изъ кирпичей. Каждую субботу вечеромъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, весь народъ, старые и молодые, женщины и мужчины отправляются вмѣстѣ мыться въ банѣ. Незнакомаго иностранца не допускаютъ обыкновенно на это общее мытье; если онъ пожелаетъ помыться, ему устроить баню дома, и мыть его явится женщина, обыкновенно старая. Но иностранцевъ, съ которыми норвежки близко сойдутся, они приглашаютъ съ собою въ баню. Вотъ какъ это описываетъ одинъ путешественникъ: «Однажды въ субботу нѣсколько юношей сказали мнѣ: «Приходи, Поль, мыться съ нами». Молодые дѣвушки и ихъ родители подтвердили это приглашеніе. Было очень холодно, и земля была покрыта снѣгомъ; поэтому я былъ очень радъ, что баня находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Вечеромъ изъ окна я видѣлъ, какъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ быстро пробѣжали въ баню въ такомъ костюмѣ, который напомнилъ мнѣ Африку. Вскорѣ за ними послѣдовали старухи, старики, юноши, дѣти совершенно нагѣ, за исключеніемъ старухъ, прикрывавшихъ свое тѣло старыми юбками. Нако-

нецъ отправился и я, также легко одѣтый. Быстро отворивъ дверь въ баню, я очутился среди многочисленнаго общества, которое привѣтствовало меня очень радушно. Жара была такая нестерпимая, и переходъ отъ двадцати градусовъ мороза къ духотѣ столь неожиданный, что я попросилъ на время не поддавать болѣе пара. Сначала я сѣлъ на нижнюю лавку, но потомъ залѣзъ на полкъ и вскорѣ былъ весь въ поту. Между тѣмъ стали вновь поддавать пару, и жара становилась все удушливѣе. По временамъ мы обливали другъ друга холодной водой и били по спинѣ и бедрамъ березовыми вѣтками до красноты. Спустя полчаса, всѣ начали расходиться также совершенно нагѣ, и многіе по дорогѣ домой бросались въ снѣгъ. Я последовалъ ихъ примѣру, и нашелъ это очень пріятнымъ. При большой быстротѣ подобное возвращеніе изъ горячей бани по морозу не представляетъ никакой опасности».

Народонаселеніе въ этомъ оригинальномъ уголкѣ Европы прежде увеличивалось довольно медленно, но теперь гораздо быстрѣе: вслѣдствіе увеличивающагося благосостоянія уменьшается эмиграція; къ тому же процентъ заболѣваній и смертности здѣсь чрезвычайно незначителенъ: въ Швеціи изъ 1,000 жителей умираетъ 18, а въ Норвегіи—17 ч., слѣдовательно меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Но что особенно достойно удивленія, такъ это то, что скандинавская раса постоянно улучшается. По официальнымъ свѣдѣніямъ ростъ солдатъ на Скандинавскомъ полуостровѣ замѣтно увеличился въ послѣдніе годы. Если мы перейдемъ къ уголовной статистикѣ, то увидимъ, что ни въ одной европейской странѣ нѣтъ такого малаго числа преступленій; убійства чрезвычайно рѣдки: въ Норвегіи по одному или по два въ годъ, а бываютъ годы и вовсе безъ убійства. Жителей въ Норвегіи немного болѣе 2-хъ миллионѣвъ; они почти исключительно состоятъ изъ норвежцевъ, такъ какъ лопарей считается только 19,000 и финѣвъ, или квенѣвъ 7,800.

Несомнѣнно, что населеніе увеличивалось бы еще быстрѣе, если бы двѣ тяжкія болѣзни не свирѣпствовали въ этой странѣ: *проказа* поражаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ прибрежныхъ жителей отъ Бергена до Трондгейма, а *цынга* господствуетъ на сѣверѣ.

«Проказа зачастую свирѣпствуетъ въ семействахъ до тѣхъ поръ, пока не перегубитъ всѣхъ ея членѣвъ. И, къ несчастію, она проявляется обыкновенно въ такомъ возрастѣ, когда люди, которые уже имѣли ее въ крови, произвели потомство и передали ее своимъ дѣтямъ. Этою болѣзною заболѣваютъ и дѣти, и очень часто совершенно излѣчиваются отъ нея, между тѣмъ какъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ можно только облегчить, но не вылѣчить человѣка. Иногда больные имѣютъ здоровый видъ, и только красноватые пятна, которыя появляются на тѣлѣ и бываютъ такъ неясны, что ихъ можно открыть лишь при самомъ внимательномъ изслѣдованіи, даютъ знать о врагѣ, который уже работаетъ внутри. При этомъ страшнѣйшія боли пронизываютъ все тѣло и отдѣльные члены. Внѣшнія ощущенія притупляются, пораженная часть тѣла становится наконецъ совершенно безчувственною, между тѣмъ какъ отъ мучительной боли странно сводить суставы. Эти корчи доходятъ до ужасающей степени и кончаются постепеннымъ омертвеніемъ и антоновымъ огнемъ въ конечностяхъ. Нерѣдко, среди несказанныхъ мукъ, это постепенное омертвеніе подступаетъ къ позвоночному столбу, пока, наконецъ, смерть не закончитъ драмы, которая тянется иногда десятки лѣтъ. Гораздо ужаснѣе въ своемъ внѣшнемъ проявленіи шишковатая форма, которая однако кончается иногда выздоровленіемъ. Толстые, твердые шишки появляются на всѣхъ частяхъ тѣла и больше всего на лицѣ, лопаются, разрастаются съ отвратительнымъ гноеистеченіемъ, обезображивающимъ лицо самымъ страшнымъ образомъ. Но внутреннія боли и разстройство нервовъ далеко не такъ значительны,

какъ въ пятнистой формѣ, и положеніе больныхъ гораздо сноснѣе, несмотря на вѣшнее безобразіе».

Цынга—болѣзнь сѣвера: она принимаетъ здѣсь ужасающіе размѣры потому, что пища сѣверныхъ жителей особенно плоха, однообразна, лишена зелени и состоитъ преимущественно изъ рыбы. Эта болѣзнь начинается съ общей слабости, пухнутъ ноги и руки; «на тѣлѣ появляются красныя и синія пятна, мѣстами показываются язвы, затѣмъ въ рукахъ и ногахъ появляются корчи, острые боли пронизываютъ больного насквозь, аппетитъ исчезаетъ, кровь выступаетъ не только изъ десенъ, но изъ горла и изъ кожныхъ язвъ, больной издаетъ отвратительный запахъ, и умираетъ послѣ продолжительныхъ страданій».

Во всей Норвегіи введено даровое и обязательное обученіе. На тысячу жителей едва можно найти одного совершенно безграмотнаго человѣка. Это поражаетъ въ особенности потому, что въ Норвегіи существуетъ болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, препятствій для распространенія образованія. Скалы, фіорды, озера, узкія долины, горные потоки мѣшаютъ дѣтямъ посѣщать школу. Жилища норвежцевъ отстоятъ чрезвычайно далеко другъ отъ друга; земля большую часть года бываетъ покрыта снѣгомъ; такимъ образомъ чрезвычайно трудно собирать дѣтей въ школу. Тѣмъ не менѣе Норвегія вышла побѣдительницею изъ всѣхъ затрудненій. Въ мѣстностяхъ, гдѣ постоянная школа не возможна, устраиваютъ, такъ называемую, *подвижную школу*. Школьный учитель порѣзжаетъ изъ одной хижины въ другую, вездѣ занимаетъ для школы лучшую комнату и учитъ дѣтей, оставаясь въ одномъ и томъ же мѣстѣ известное время, затѣмъ ѣдетъ въ другой округъ и такимъ образомъ объѣзжаетъ всю мѣстность, ввѣренную его обученію.

Въ низшихъ общественныхъ народныхъ школахъ обученіе совершенно бесплатное. Дѣти, которымъ родители, по крайней бѣдности, не могутъ дать приличную одежду и не имѣютъ возможности покупать книги и тетради, получаютъ отъ школьных совѣтовъ все необходимое. Если родители, безъ уважительной причины, не посылаютъ въ школы своихъ дѣтей и въ то же время не даютъ имъ домашняго образованія, ихъ подвергаютъ штрафу. Ихъ штрафуютъ и въ томъ случаѣ, если дѣти, безъ серьезной причины, неаккуратно посѣщаютъ школу. Школьные совѣты, обязанные слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти получали правильное воспитаніе и обученіе, имѣютъ право даже отобрать дѣтей отъ родителей, отличающихся безнравственностью и порочною жизнію, и помѣщать ихъ въ другія семьи. Подвергаютъ штрафу хозяевъ фабрикъ и промышленныхъ заведеній, если они не освобождаютъ дѣтей отъ работы въ то время, когда они обязаны посѣщать школу. Хотя обученіе въ низшихъ общественныхъ школахъ совершенно бесплатное, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Норвегіи существуютъ школы, принимающія и даровыхъ, и платныхъ учениковъ. Это, вѣроятно, происходитъ въ тѣхъ, весьма немногихъ, школахъ, гдѣ расходъ на содержаніе школы превышаетъ средства; въ такомъ случаѣ состоятельные люди вносятъ небольшую плату за обученіе своихъ дѣтей.

Учитель обязанъ вести правильный списокъ своихъ уроковъ и дѣлать отмѣтки обо всѣхъ ученикахъ. Если ученикъ изъ одной мѣстности переселится въ другую, то школьный учитель долженъ тотчасъ сообщить это властямъ. Каждый годъ происходитъ публичный экзаменъ, на который должны являться всѣ дѣти, достигшія школьнаго возраста, въ томъ числѣ и получающіе воспитаніе внѣ школы. Родители дѣтей, не являющихся на экзаменъ, а также и тѣхъ изъ нихъ, которые оказываются совсѣмъ неподготовленными къ нему, подвергаются штрафу. Норвежскіе законы чрезвычайно строго относятся къ безграмотнымъ. Норвегія—одна изъ самыхъ свободныхъ странъ

въ Европѣ: въ ней царствуетъ совершенное равенство всѣхъ сословій и въ то же время законъ строже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, относится къ нарушителямъ народнаго образованія.

Норвежскія школы—прекрасныя зданія, встрѣчающіяся во всѣхъ отдаленныхъ уголкахъ, даже на крайнемъ сѣверѣ. Проходя по городу или селенію, вы тотчасъ узнаете школу, такъ какъ она занимаетъ лучшее зданіе. Такъ же хорошо и разумно обставлена она: при каждой школѣ есть бібліотека, столовая, гимнастическая зала и два большихъ двора, предназначенныхъ для дѣтскихъ игръ. За санитарнымъ состояніемъ школъ неустанно слѣдитъ санитарная коммиссія, а потому всѣ школьныя зданія отличаются образцовымъ порядкомъ и чистотой.

Въ этой странѣ существуютъ и высшія народныя школы—«крестьянскіе университеты», какъ ихъ здѣсь называютъ, въ которыхъ заканчиваютъ свое образованіе молодые люди обоюго пола, принадлежащіе къ рабочему классу; мы будемъ говорить о нихъ въ Швеціи.

Норвежцы—лютеранскаго вѣроисповѣданія; это народъ въ высшей степени религіозный. Какая бы ни была погода, какъ бы ни было велико разстояніе, каково бы ни было состояніе его здоровья, онъ запрягаетъ лошадь, беретъ жену, дѣтей и всѣхъ своихъ служащихъ и отправляется въ праздникъ въ церковь, чтобы присутствовать при богослуженіи. Церковь въ праздничный день полна народу. Женщины, покрытыя бѣлыми платками, держатъ въ рукахъ маленькихъ дѣтей, большинство которыхъ кричитъ во время богослуженія. Но это нисколько не смущаетъ пастора на кафедрѣ, который спокойно чатаетъ сквозь очки свою проповѣдь и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на плачъ дѣтей.

Церкви въ Норвегіи въ праздничные дни бываютъ биткомъ набиты народомъ прежде всего потому, что норвежскій народъ живетъ уединенно въ своихъ жилищахъ, никого не видить въ продолженіе цѣлой недѣли и назначаетъ праздничный день для свиданія съ пріятелями и для разныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Все это совершенно вѣрно, но никакъ нельзя отрицать и религіозности норвежца: въ самой бѣдной лачугѣ можно найти молитвенникъ, біблію и книгу съ церковными пѣснями, которыя въ большомъ употребленіи между членами семьи.

Норвежцы имѣютъ здоровенный видъ: превосходно сложены, стройны, сильны, мужественны, смѣлы и очень гордятся своею силою. Какъ у ихъ предковъ норманновъ, такъ и въ настоящее время, первымъ признакомъ красоты считается свѣтлый цвѣтъ кожи и волосъ. Русые и рыжіе волосы нравились норманнамъ, черные же глаза и волосы и смуглый цвѣтъ кожи они не любили, такъ какъ они служили отличительными признаками другихъ племенъ, на которыя скандинавы смотрѣли съ презрѣніемъ. Густыми, свѣтлыми кудрями они гордились и считали ихъ признаками нравственнаго достоинства. У рабовъ и у женщинъ, запятнавшихъ свою честь, остригали волосы; дѣвушка безукоризненнаго поведенія и всѣ свободные люди носили длинные волосы. Мужчину, который ходилъ съ длинными кудрями, считали женоподобнымъ. Дѣвушки ходили съ распущенными волосами; невѣсты подбирали ихъ сѣткой; замужнія женщины надѣвали на голову платокъ, покрывало или шапку. Такъ или почти такъ все осталось и въ настоящее время. Изъ подъ мѣховою шапки мужчинъ висятъ длинные, гладкіе, свѣтлые волосы; замужнія женщины накалываютъ на голову бѣлый платокъ. Впрочемъ въ различныхъ мѣстностяхъ типъ населенія и костюмъ не одинаковы. На юго-западѣ попадаются жители чрезвычайно рослые и съ орлинымъ носомъ; въ Согне (близъ Согне-фіорда)—малорослы, крѣпкаго сложенія и ловки въ движеніяхъ. Мужчины въ Телемаркенѣ—красивѣйшіе въ Норвегіи, женщины

Норвежцы до сихъ поръ носятъ старинную одежду, въ которой красовались ихъ дѣды и прадѣды. Смотра по мѣстности, она различна въ мелочахъ, но въ главномъ много общаго. Мужчины носятъ куртки изъ сукна съ цвѣтными нашивками, иногда короткіе панталоны до колѣнъ, стянутыя цвѣтными подвязками, разноцвѣтные чулки и башмаки съ серебряными пряжками; простые рабочіе и ремесленники ходятъ нерѣдко въ длинныхъ, широкихъ штанахъ. Цвѣтъ куртокъ или камзоловъ, смотря по мѣстности, времени года, праздничному или буднему дню,—различны. Нѣкоторые носятъ сѣрые, другіе зеленые или бѣловатые камзолы съ зелеными или красными обшивками. Кромѣ общепотребительной мѣховой шапки, носятъ фуражки съ козырькомъ. За поясъ воткнуть ножъ, какъ кинжалъ въ ножнахъ. Серебряныя пряжки и украшения на поясѣ, вмѣстѣ съ остальными принадлежностями костюма, очень къ лицу норвежцу. Здоровыя лица, длинные волосы, большіе глаза, все имѣетъ совершенно особый, типичный видъ.

Дѣвушки носятъ цвѣтные, часто красные корсажи, широкую, также цвѣтную юбку, чаще всего голубую съ нашитой на ней темной каймой. Норвежскія дѣвушки заплетаютъ волосы въ длинныя косы, а замужнія покрываютъ голову платкомъ. Этотъ бѣлый головной платокъ прикалываютъ къ таліи, и изъ подъ него выглядываетъ миловидное женское личико, подернутое загаромъ. Однако свѣжесть лица норвежскія женщины сохраняютъ очень недолго: трудная работа, тяжелая пища и суровый климатъ быстро превращаютъ миловидныхъ женщинъ въ старухъ съ глубокими морщинами.

Въ Норвегіи особенно любопытенъ нарядъ невѣсты. (Приложенная картинка снята съ фотографіи жениха и невѣсты Гардангера и близлежащихъ мѣстностей). Каждая норвежская невѣста чувствуетъ себя въ день свадьбы чрезвычайно неудобно подъ тяжестью короны, въ которой она обыкновенно ходитъ цѣлый день. Эта корона изъ чистаго серебра, очень массивна, вызолочена и сплошь убрана разными украшениями: медалями, бабочками, пчелками и разными привѣсками. Ея длинную, совсѣмъ не стройную талію обхватываетъ поясъ изъ массивнаго серебра съ большою пряжкой напередѣ. Поверхъ передника изъ пестрой матеріи висятъ ленты въ три конца. Руки невѣсты спрятаны въ муфту, которая сдѣлана изъ шерсти домашней пряхи.

ЗАНЯТІЯ НОРВЕЖЦЕВЪ.

Ничтожное развитіе промышленности.—Кустарныя издѣлія.—Земледѣліе.—Бондеры.—Гусмѣнды.—Лѣсная промышленность.—Рыбная ловля—главный промыселъ норвежцевъ.—Ловля сельдей, трески и другихъ даровъ моря.—Промыслы норвежцевъ на Шпицбергенѣ.—Тюлений промыселъ и преслѣдованіе китовъ.—Добываніе гагачьяго пуха.—Горное производство.

Норвегія—страна не промышленная; она до сихъ поръ остается чѣмъ-то въ родѣ сѣверной и приморской Швейцаріи. Ея жители преимущественно занимаются *рыбною ловлею, разведеніемъ скота, рубкою лѣса, земледѣліемъ, кустарными промыслами*; очень многіе изъ нихъ *анимаются матросами* на государственный флотъ или поступаютъ на многочисленныя торговые корабли; но вы встрѣтите чрезвычайно мало норвежцевъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ. И это понятно: норвежская промышленность только зарождается. Однако въ странѣ существуютъ наилучшія условія для развитія промышленности: безчисленныя водопады даютъ въ изобиліи двигательную силу; превосходный норвежскій флотъ дешево и легко доста-

вляеть въ страну продукты всёхъ странъ. Наконецъ норвежскіе рабочіе всегда отличались замѣчательною способностью къ техническимъ производствамъ; но недостатокъ капиталовъ ведетъ къ тому, что пока въ Норвегіи производятъ лишь предметы первой необходимости.

Такъ какъ народонаселеніе Норвегіи разбросано на большомъ пространствѣ и рынки находятся на огромномъ разстояніи одинъ отъ другаго, а разсѣянные повсюду жилища отдѣлены другъ отъ друга пропастями, скалами и высокими горами, то эти условія мѣстной природы, вмѣстѣ съ ничтожнымъ количествомъ собственныхъ фабрикъ, заставляють норвежцевъ все необходимое для домашняго обихода готовить дома, собственными руками. Вслѣдствіе этого кустарная промышленность издавна сильно развита въ странѣ. Здѣшній крестьянинъ, занимаясь земледѣліемъ зимой, когда онъ свободенъ отъ полевыхъ работъ, вмѣстѣ съ своими домочадцами плететь корзины, готовитъ мебель, вытачиваетъ и выдѣлываетъ разныя вещицы и игрушки, занимается плетениемъ изъ стружекъ и соломы, но все это до сихъ поръ онъ дѣлаетъ преимущественно для домашняго обихода: вслѣдствіе отдаленности рынковъ и раскиданности жилищъ, кустарныя издѣлія норвежцевъ мало распродавались даже на родинѣ, а потому и не могли усовершенствоваться, такъ какъ каждое семейство выдѣлывало только извѣстныя издѣлія по собственнымъ образцамъ, при томъ мало было знакомо съ подобною работою остальныхъ тружениковъ своей родины. Теперь, съ возникновеніемъ новаго, въ высшей степени энергичнаго «норвежскаго общества поощренія кустарной промышленности» дѣло это несомнѣнно приметъ другой оборотъ. Это общество прежде всего устраиваетъ даровые курсы кустарнаго труда. Такъ какъ они основаны съ практической цѣлью, то «общество» покупаетъ ткацкіе и токарныя станки и разнообразныя инструменты и, подъ руководствомъ опытныхъ людей, ведетъ занятія по слѣдующимъ предметамъ: 1, рѣзбѣ по дереву, токарному искусству, выдѣлкѣ игрушекъ, 2, тканью по узорамъ, 3, кройкѣ и шитью, 4, вышиванью, 5, изготовленію работъ изъ щетины (щетки, кисти), 6, плетенью корзинъ, 7, плетенью изъ стружекъ, соломы, конскаго волоса и друг.

«Норвежское общество поощренія кустарной промышленности» не ограничивается, только устройствомъ курсовъ: оно разсылаетъ въ различныя мѣстности Норвегіи учителей и учительницъ кустарныхъ ремеслъ. Не менѣе важное значеніе имѣетъ и то, что оно составляетъ громадныя коллекціи моделей и узоровъ и снабжаетъ ими кустарей, часто устраиваетъ выставки и лотереи художественно-кустарныхъ предметовъ. Въ высшей степени громадное значеніе имѣетъ также и то, что оно основываетъ склады и магазины для приѣма отъ кустарей и сбыта въ публику ихъ издѣлій, при чемъ публика имѣетъ возможность недорого покупать, а кустари сбывать ихъ такимъ образомъ, что вся выгода отъ производства, за вычетомъ самаго ничтожнаго процента въ пользу общества, остается въ ихъ карманахъ. Это общество основано лишь въ 1891 г., но, судя по его первоначальной дѣятельности, можно уже сказать, что оно быстро будетъ расширяться и доставитъ порядочный заработокъ тысячамъ рукъ. По послѣднимъ выставкамъ этого общества видно, какъ быстро развивается вкусъ кустарей, какъ увеличивается разнообразіе ихъ издѣлій: во многихъ норвежскихъ семействахъ уже возобновились давно забытыя издѣлія, такъ напр. выдѣлка золотистой кожи, плетеніе изъ конскаго волоса, вышиванье въ древне-національномъ вкусѣ и т. п. На одной изъ выставокъ кустарныхъ издѣлій къ иностранцу, внимательно разглядывавшему выставленныя крошечныя деревянныя модели норвежскихъ салазокъ для рыбной ловли, подошелъ старикъ-норвежецъ съ словами: «вотъ эти вещи я дѣлалъ, чтобы забавлять моихъ внучатъ, и никогда не думалъ, что этимъ можно зарабаты-

вать деньги. Теперь, благодаря обществу, я ежегодно зарабатываю въ годъ этою работою до 400 кронъ (крона около 55 к. на наши деньги) и, несмотря на мою старость, могу кое-что вносить въ семью».

Подъ вѣчными снѣгами въ Норвегіи находится около $\frac{1}{30}$ части всей страны и около $\frac{1}{5}$ занято обнаженными горными вершинами; вся эта часть территоріи не только не доступна для земледѣлія, но и для жизни. Многочисленные лѣса, озера, самыя разнообразныя воды, масса неприступныхъ скалистыхъ и каменистыхъ мѣстностей точно также сильно сокращаютъ площадь, годную для земледѣлія. Вотъ почему собственнаго хлѣба для мѣстнаго потребленія оказывается недостаточно и требуется ежегодной ввозъ его изъ другихъ странъ.

Изъ людей, занимающихся земледѣліемъ, собственниковъ, т. е. бондеровъ, — 85%, а арендаторовъ (въ большинствѣ случаевъ пожизненныхъ) — 15%. Изъ этого видно, что огромное большинство крестьянъ въ Норвегіи имѣетъ собственную землю. Произошло это отчасти оттого, что въ Норвегіи никогда не существовало рабства, и земля переходила отъ отца къ дѣтямъ, а также и вслѣдствіе того, что въ странѣ не существуетъ права первородства, и имущество дѣлится поровну между всѣми наслѣдниками. Но если участокъ умершаго не великъ, а наслѣдниковъ осталось много, то, чтобы избѣжать чрезмѣрнаго дробленія земли, тутъ установился обычай, по которому наслѣдники уступаютъ свои доли одному, преимущественно старшему сыну покойнаго, который выплачиваетъ братьямъ ихъ часть деньгами и натурой, а часто и пожизненнымъ пенсіономъ. Что касается до размѣра поземельныхъ участковъ, то, несмотря на ровный раздѣлъ наслѣдствъ, они вовсе не мелки: весьма немногіе участки менѣе 30 акровъ (акръ — нѣсколько менѣе $\frac{2}{5}$ рус. десятины) и весьма многіе болѣе 200 ак.; при этомъ нѣкоторые бондеры владѣютъ еще пастбищной землею въ горахъ. Какъ бы ни былъ малъ участокъ, онъ все же можетъ прокормить семью; если онъ недостаточенъ, крестьянинъ беретъ въ аренду землю и сбываетъ въ городъ избытокъ своихъ продуктовъ; но еще чаще берутъ въ аренду землю тѣ крестьяне, которые совсѣмъ не имѣютъ собственной земли.

«Крупныхъ дворянскихъ помѣстій въ Норвегіи почти нѣтъ, благодаря условіямъ ея прошедшей исторіи. Она всегда была страной крестьянъ, которые съ самыхъ древнихъ временъ пользовались свободой, независимостью и поземельной собственностью. Несмотря на неограниченное монархическое правленіе и феодальную систему, Данія, въ продолженіе четырехвѣковаго обладанія Норвегіей, не могла ввести въ ней привилегированнаго дворянства и подвергнуть поземельную собственность тѣмъ повинностямъ, которыя обременяли ее во всѣхъ феодальныхъ странахъ Европы. Собственно говоря Норвегія только по имени составляла провинцію Даніи и была гораздо свободнѣе этой страны, гдѣ крестьяне находились подъ гнетомъ чужеземныхъ дворянъ и должностныхъ лицъ. Напротивъ, почти все населеніе Норвегіи состояло изъ крестьянъ, владѣвшихъ землею, переходившей съ незапамятныхъ временъ отъ родителей къ сыновьямъ. Немногіе же дворяне, потомки древнихъ королей и предводителей, отказались отъ своихъ титуловъ, чтобы только не являться къ копенгагенскому двору. Была сдѣлана попытка создать новое дворянство, и для этой цѣли выбрали сыновей крестьянъ, которыхъ отправили на воспитаніе въ Данію; но они оказались непокорными, избили учителей и вернулись въ отечество. Съ присоединеніемъ къ Швеціи положеніе крестьянъ еще болѣе улучшилось, а вслѣдъ за окончательнымъ упраздненіемъ дворянъ эта страна стала, наконецъ, и по формѣ, какъ была доселѣ по существу, настоящимъ крестьянскимъ царствомъ. Если въ Норвегіи еще и сохранилось нѣсколько, но очень немного, бывшихъ дворянскихъ помѣстій, то ихъ владѣльцы не поль-

зуются никакими привилегіями, не имѣютъ никакого вліянія на окрестную страну и стараются продать отдѣльнымъ собственникамъ свои фермы, отдающіяся доселѣ въ аренду.

«Несмотря на суровость климата, скудость природы и посредственное плодородіе почвы, норвежскіе крестьяне занимаютъ въ Европѣ первое мѣсто въ матеріальномъ и нравственномъ смыслѣ. Они составляютъ зерно норвежской націи. Классъ мелкихъ собственниковъ, изъ коихъ каждый владѣлъ бы не менѣе тридцатью акрами земли, почти не существуетъ въ другихъ мѣстахъ, если же и встрѣчается, то рядомъ съ значительнымъ числомъ богатыхъ землевладѣльцевъ и торговцевъ. Здѣсь же крестьяне-собственники составляютъ высшій классъ въ народѣ. Жители городовъ представляютъ такой незначительный процентъ всего населенія, и въ числѣ ихъ такъ мало богачей, что они не могутъ имѣть преобладающаго вліянія. Каждый изъ норвежскихъ бондеровъ—король въ своей усадьбѣ. Платимыя имъ общественныя подати такъ незначительны, что о нихъ нечего и упоминать, и хотя поземельный налогъ довольно тяжелъ, но за то землевладѣлецъ пользуется тѣмъ, что дѣлаетъ легкой самую тяжелую повинность—именно правомъ, чрезъ своихъ представителей въ стортингѣ (парламентѣ), распоряжаться расходами и слѣдить за законнымъ ихъ употребленіемъ. При этомъ онъ съ удовольствіемъ видитъ, какъ съ каждой сессіей стортинга уменьшаются повинности. Нѣтъ никого, кто могъ бы смотрѣть на него свысока или за кѣмъ онъ чувствовалъ бы попользованіе тянуться изъ ложнаго честолюбія. Участки земли не столь велики, чтобы освободить собственниковъ отъ собственноручной работы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне достаточны, чтобы доставить имъ и ихъ семействамъ полное обезпеченіе. Они работаютъ не столько для продажи, сколько для удовлетворенія своихъ потребностей. Они сами строятъ свои жилища, сами изготовляютъ для себя мебель, телѣги, плуги, сбрую, желѣзныя и деревянныя вещи, однимъ словомъ, все, что нужно въ хозяйствѣ, кромѣ стекла, посуды и стальныхъ издѣлій.»

Мы уже говорили, что бондеры владѣютъ не только пашнями, лежащими около ихъ жилищъ, но часто и пастбищами въ горахъ, гдѣ лѣтомъ пасется скотъ и гдѣ построенъ «сѣтеръ», нѣчто въ родѣ шалѣ, т. е. небольшая хижина изъ бревенъ или камня. Бываютъ сѣтеры мужскіе, существуютъ и исключительно дѣвичьи, чаще всего послѣдніе; въ нихъ живутъ лѣтомъ дѣвушки, присматривающія за скотомъ и приготавлиющія молочные продукты. «До многихъ изъ этихъ сѣтеровъ очень трудно добраться, и надо переходить горные кряжи, снѣжныя равнины, рѣки; а самая жизнь въ нихъ уединенная, такъ какъ хозяинъ только два раза въ лѣто посѣщаетъ свой сѣтеръ, чтобы освѣдомится, какъ идутъ тамъ дѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Норвегіи много пастбищъ, а слѣдовательно и сѣтеровъ; въ другихъ они рѣдки и раскинуты на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Въ сѣтеръ отправляются передъ Ивановымъ днемъ, а возвращаются въ срединѣ или въ концѣ сентября. И обыкновенно эту обязанность возлагаютъ на молодыхъ дѣвушекъ, хотя работа въ сѣтерѣ довольно трудная.

Многіе бондеры и болѣе зажиточные арендаторы не успѣваютъ сами исполнять работъ по сельскому хозяйству, и имъ помогаютъ «гусмѣнды», или «коттеры». Эти гусмѣнды платятъ за пользованіе хижиной и маленькимъ участкомъ земли землевладѣльцу, который имъ ихъ отдалъ, собственною работою въ теченіе извѣстнаго числа дней въ году. Они владѣютъ небольшимъ клочкомъ земли, но однако достаточнымъ, чтобы прокормить двухъ коровъ, нѣсколькихъ барановъ или козъ и чтобы дать возможность существовать двумъ лицамъ—коттеру и его женѣ. Во время обязательной работы у собственника земли коттеры получаютъ отъ него въ рабочіе дни пищу

и плату, которая въ среднемъ бываетъ лѣтомъ отъ 60 до 80 к. въ день, а зимою 40—50 к. Ихъ считаютъ съ семьями 263.000 ч. Положеніе коттеровъ несравненно хуже, чѣмъ положеніе бондеровъ, и многіе изъ нихъ недовольны своею судьбою. Изъ эмигрирующихъ въ Соединенные Штаты они составляютъ большинство.

Норвегія по своему географическому положенію и по протяженію береговой линіи страна приморская и торговая еще болѣе, чѣмъ земледѣльческая. Мореходство въ ней достигло замѣчательнаго развитія: пропорціально своимъ размѣрамъ и населенію эта страна владѣетъ самымъ большимъ флотомъ въ мірѣ. Во всѣхъ иностранныхъ портахъ можно видѣть норвежскіе корабли, нагруженные деревомъ или рыбою. Большая часть небогатыхъ городскихъ жителей помѣщаетъ свои сбереженія не въ банкахъ, а вкладываетъ ихъ въ предпріятіе, связанное съ тѣмъ или другимъ кораблемъ. Такимъ образомъ всѣ являются прямо или косвенно судовладельцами, — преимущественно въ этомъ и заключается причина необычайнаго успѣха, какой сдѣлало норвежское мореходство. Торговый флотъ Норвегіи достигаетъ до 9000 судовъ съ 75.000 чел. экипажа, не считая еще 20—30 тысячъ небольшихъ рыбацкихъ судовъ. Если принять во вниманіе небольшое населеніе Норвегіи, то нельзя не признать, что она развила свой торговый флотъ болѣе, чѣмъ какая либо другая страна. Жители городовъ и приморскихъ округовъ промышляютъ или лоцманствомъ, или служатъ на корабляхъ, яхтахъ и лодкахъ, или отправляются для сплава строевого лѣса или на рыбную ловлю. Всѣ названныя лица обязаны записываться въ списки моряковъ и, въ случаѣ нужды, подлежатъ призыву на морскую службу.

Неизмѣримые лѣса, покрывающіе горы, доставляютъ обильный и цѣнный матеріалъ не только для торговли, но и для промышленности. Какъ Швеція, такъ и Норвегія богаты лѣсами, которые имѣютъ европейское значеніе. Досками и бревнами изъ своихъ лѣсовъ эти страны снабжаютъ Германію, Голландію, Францію, Англію, берега Средиземнаго моря и многія другія страны. Если торговля досками и бревнами уменьшится, трудно будетъ пополнить значительный дефицитъ, который тотчасъ окажется вслѣдствіе этого въ доходахъ обѣихъ странъ. Лѣсъ не только служитъ здѣсь предметомъ торговли и даетъ матеріалъ для мѣстнаго судостроенія, но отъ него зависитъ также успѣхъ горной промышленности и даже самое существованіе народа: на сѣверѣ потребленіе лѣса на постройки и топливо гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. При этомъ лѣсъ имѣетъ громадное вліяніе на климатъ страны, на плодородіе почвы и здоровье жителей. Жаль, что въ лѣсномъ хозяйствѣ этихъ странъ не существуетъ особеннаго порядка. Болѣе всего вреда причиняютъ частые лѣсные пожары; они происходятъ отъ небрежности угольщиковъ, пастуховъ, охотниковъ, рыбаковъ и другихъ лицъ; нерѣдко ихъ устраиваютъ нарочно. Когда пожаръ начался, то уже никто не заботится о томъ, чтобы его потушить, и при малочисленности народонаселенія, особенно въ сѣверныхъ частяхъ, почти нѣтъ для этого никакихъ средствъ. Поэтому здѣшній народъ давно привыкъ смотрѣть на лѣсной пожаръ съ полнымъ равнодушіемъ. Къ тому же очень многіе поджигаютъ лѣсъ, чтобы превратить его въ пастбище для скота или чтобы построить себѣ хижину въ томъ или другомъ мѣстѣ. Лѣсъ сильно страдаетъ также вслѣдствіе права всѣхъ крестьянъ пасти скотъ, гдѣ угодно, въ общинныхъ лѣсахъ. Коровы, лошади, овцы, а на сѣверѣ Швеціи и Норвегіи многочисленныя стада козъ пасутся въ лѣсу съ ранней весны до поздней осени, истребляя молодые побѣги деревьевъ и ломая вѣтви. Обширные лѣса находятся еще въ Финмаркенѣ и въ Норландѣ. Хотя на югѣ Скандинавскаго полуострова и встрѣчаются большіе буковые и дубовые лѣса, вездѣ чрезвычайно много, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, ольхи, но характерныя

и наиболѣе распространенныя деревья этихъ странъ хвойныя—ель и сосна, но много также и березы. Ничто въ нихъ не пропадаетъ даромъ: иглами хвойныхъ деревьевъ усыпаютъ полы комнатъ; когда онѣ сдѣлаются негодными, ихъ сжигаютъ, а пепелъ употребляютъ для удобренія полей; листьями березъ кормятъ скотину, а берестой кроютъ крыши. Кору нѣкоторыхъ деревьевъ мелютъ, откармливаютъ ею свиней, а въ неурожайные годы бѣдняки подмѣшиваютъ даже въ хлѣбъ такую муку.

Рыбная ловля—главное занятіе жителей. Огромная часть населенія Норвегіи принадлежитъ къ классу рыбаковъ, и такъ или иначе морскимъ промысломъ существуетъ болѣе 200.000 чел., что представляетъ громаднѣйшую цифру для такого небольшого населенія страны, слѣдовательно дары моря составляютъ одну изъ первыхъ основъ богатства страны и доставляютъ народу дешевую пищу. Кромѣ того рыба является однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза.

Норвежскіе берега чрезвычайно способствуютъ обилію рыбнаго промысла. Сельдь и треска—вотъ главные обитатели моря, которые представляютъ богатый источникъ дохода, дающій ежегодно многіе милліоны и заработокъ огромному классу людей. Невозможно вообразить, какія многочисленныя стаи сельдей ежегодно появляются у всѣхъ береговъ сѣверной Европы. Рыба эта ловится цѣлыми милліардами, милліардами погибаетъ отъ хищныхъ рыбъ и птицъ и снова всплываетъ въ такомъ же громадномъ изобиліи. Во всякое время отдѣльныя необъятныя стаи этой рыбы плывутъ то къ Шотландію, то въ Балтійское море, то къ берегамъ Голландіи, то въ фіорды Финмаркена или далеко внизъ къ норвежскому берегу. Сельдь обитаетъ обыкновенно въ глубинахъ тѣхъ морей, у береговъ которыхъ она мечетъ икру. Когда она поднимается на поверхность, подплывая къ берегамъ, тогда и происходитъ самая значительная ловля. Однако до сихъ поръ никто не опредѣлилъ точно этого времени. У рыбаковъ есть различныя примѣты, по которымъ они судятъ о приближеніи сельдей, но онѣ такъ не точны, что голландцы, по ихъ словамъ, дали бы съ удовольствіемъ боченокъ золота за вѣрное указаніе времени и мѣста, гдѣ должны появиться стаи сельдей. Да и годъ на годъ не приходится. Иной разъ появляются въ извѣстномъ мѣстѣ огромныя массы, а въ слѣдующій годъ здѣсь попадетъ въ стѣ очень немного этой рыбы. Иногда сельди, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, внезапно покидаютъ на время или навсегда берега, у которыхъ они десятки лѣтъ появлялись милліардами. Такой судьбѣ подвергся шведскій городъ Готенбургъ, гдѣ прежде сельдь появлялась въ безчисленномъ количествѣ и гдѣ теперь уже нѣсколько лѣтъ нѣтъ никакого улова. Рыбаки на побережьи совсѣмъ обнищали; за то скопленіе этой рыбы необыкновенно увеличилось у норвежскаго берега, отъ Бергена до Линдеснеса.

Хотя сельдь и ловится постоянно у береговъ, но главный ея уловъ обыкновенно происходитъ лѣтомъ и осенью, когда она приближается къ берегу, отыскивая себѣ пищу, и зимой съ конца января до марта, когда она несмѣтными стаями плыветъ къ берегамъ фіордовъ: ловля въ это время доставляетъ особенно жирныхъ сельдей. Когда сельди поднимаются изъ глубины, замѣтно ихъ сверканіе на поверхности. Моряки, каждый день выѣзжающіе на встрѣчу своей добычѣ далеко въ море, замѣтивъ синевато-серебристый блескъ, вылавливаютъ стѣями безчисленныя стаи сельдей. Часто также присутствіе сельдей въ глубинѣ обозначается жирноватымъ или слизистымъ веществомъ. Одни принимаютъ это за молоки самцовъ, другіе за печеночный жиръ, который, вслѣдствіе своей легкости, поднимается на поверхность воды изъ сельдей, тысячами разрываеваемыхъ хищными акулами. Сельди плывутъ къ берегу не только для того, чтобы метать икру, но и чтобы спастись отъ безчисленныхъ враговъ. Нужно помнить, что все, что въ морѣ посильнѣе сельдей, ста-

рается пропитать себя ими. Дельфины, треска и акулы толпами преслѣдуютъ и яростно нападаютъ на нихъ. Съ крикомъ и дракою носятся чайки, бакланы и буревѣстники надъ стаею сельдей, и горе несчастной рыбѣ, которая покажется близъ поверхности. Всѣ утесы и скалы наполнены ненасытными и жестокими врагами ихъ, а человѣкъ соединенными силами истребляетъ ихъ больше всѣхъ.

Норвежскія свѣжія сельди крупнѣе, жирнѣе и лучше на вкусъ, чѣмъ всѣ остальные. Между тѣмъ онѣ далеко не пользуются такою извѣстностью, какъ голландскія, и продаются гораздо дешевле ихъ. Это происходитъ оттого, что норвежцы упорно придерживаются старины и не хотятъ заимствовать у голландцевъ ихъ способъ приготовленія. Норвежская сельдь солится и готовится къ продажѣ, какъ это дѣлалось сто лѣтъ тому назадъ, и вслѣдствіе своего непріятнаго вкуса цѣнится ниже голландской. Сельдь чрезвычайно нѣжная рыба,—она умираетъ большею частью уже въ сѣтяхъ; послѣ этого черезъ нѣсколько часовъ начинаютъ разлагаться ея мясо и внутренности. Вмѣсто того, чтобы сейчасъ же солить рыбу, пойманную ночью, норвежцы часто отвозятъ ее за нѣсколько миль, гдѣ ее разгружаютъ, пересчитываютъ, записываютъ и снова нагружаютъ на барки для отправки въ Ставангеръ или Бергенъ. И такимъ образомъ только послѣ того, какъ эта рыба нѣсколько дней пролежитъ и начнетъ разлагаться, норвежцы начинаютъ ее пластать и солить. Кромѣ того норвежцы кладутъ обыкновенно своихъ сельдей въ свѣжіе словые боченки, которые придаютъ имъ вкусъ смолы.

Бергенъ—также складочное мѣсто и для трески, которую ловятъ вдоль всѣхъ береговъ королевства и его острововъ, во всѣ времена года, но самый значительный ловъ этой рыбы производится близъ Лофоденскихъ острововъ. На западъ отъ этихъ острововъ въ морѣ находится отмель, гдѣ треска мечетъ икру. Здѣсь норвежскіе рыбаки болѣе всего любятъ забрасывать свои сѣти. Въ серединѣ января эта рыба прежде всего показывается на западномъ побережьи, потомъ она громадными стадами проникаетъ въ Вестъ-Фіордъ, гдѣ ее уже ждутъ рыбаки со всего сѣверо-западнаго берега. На пустынномъ побережьи они устраиваютъ себѣ шалаши и хижины, въ которыхъ и живутъ во время всей рыбной ловли. Съ своей треской норвежцы поступаютъ точно такъ же, какъ и съ сельдями. Норвежская треска не уступаетъ по своимъ достоинствамъ ньюфаундлендской, но по цѣнѣ стоитъ гораздо ниже послѣдней. Ньюфаундлендская треска подается у всѣхъ за столомъ, между тѣмъ норвежская, подъ названіемъ штокфишъ, употребляется только простымъ народомъ въ Россіи и по берегамъ Средиземнаго моря. И все таки норвежское побережье выше Бергена живетъ только треской, и жизнь многихъ тысячъ людей была бы немыслима безъ этой рыбы.

Ловъ трески на Лофоденскихъ островахъ производится удочками, ярусами и сѣтями. Самые бѣдные рыбаки ловятъ треску обыкновенно удочкой, наживляя ее соленою селедкой, кусками той же трески или ея внутренностями. Одинъ человѣкъ легко можетъ выловить болѣе 50 штукъ рыбы въ день. Ярусы—ряды канатовъ, связанныхъ концами въ одну линію, на которую привязаны небольшія бичевки съ крючками; на эти послѣдніе для приманки насаживаютъ мелкую рыбешку. Эти ярусы, съ помощью различныхъ тяжестей, опускаютъ на дно и оставляютъ всю ночь въ морѣ, а утромъ ихъ вытягиваютъ и снимаютъ рыбу съ крючковъ.

Сначала трескъ отрѣзаютъ голову, потомъ вынимаютъ печень и молоки. Головы и разные ничтожные остатки этой рыбы сбываютъ на фабрики гуано для приготовленія удобренія или сушатъ для корма скота. Молоки продаютъ мѣстнымъ купцамъ или солятъ въ бочкахъ съ отверстіями внизу для стока рассола. Печень трески скупаютъ хозяева заводовъ для добыванія тресковаго или рыбьяго жира. Самую рыбу

развѣшиваютъ и сушатъ, обращая ее въ штокфишъ, но въ пищу она идетъ не только сушеная, но также соленая, вяленая и копченая. Крѣпко высушенное мясо этой рыбы растирается въ муку, изъ которой готовятъ лепешки. Вообще ничто въ трескѣ не пропадаетъ, все даетъ миллионные обороты.

Норвежскій народъ существуетъ не только ловлею сельдей и трески. Во все времена года, по всемъ берегамъ страны, въ ея озерахъ и рѣкахъ ловятъ рыбу всевозможныхъ родовъ. Между Бергеномъ и Тромзее чрезвычайно много попадаетъ налимовъ и килекъ. Кильки тоже играютъ не послѣднюю роль въ продовольствіи края. Ихъ готовятъ отъ 40 до 50 тысячъ бочекъ. Кильку ловятъ, обыкновенно загораживая ей выходы изъ заливовъ чрезвычайно частыми сѣтями. Ее готовятъ почти такъ же, какъ и сельдь; большая часть этой рыбы остается въ Норвегіи для мѣстнаго употребленія и только очень немного отправляютъ въ Россію, Пруссію, Голландію и Гамбургъ.

Близъ Бергена вылавливаютъ также много макрелей. Ихъ ловятъ сѣтями и удочками, опуская сразу по двѣ и наживляя ихъ кусками краснаго сукна. При этомъ судно пускаютъ по вѣтру со всевозможною быстротою. Макрель съ жадностью бросается на эту приманку и становится добычею промышленниковъ. Судно съ пятью, шестью рыбками въ одну ночь добываетъ до 3,000 штукъ; въ большой же неводъ ее нерѣдко сразу попадаетъ болѣе 30,000 штукъ.

Не менѣе развита въ Норвегіи ловля омаровъ (морскихъ раковъ). Омары попадаютъ по всемъ берегамъ Норвегіи; они не только служатъ подспорьемъ въ продовольствіи страны, но вывозъ ихъ за границу даетъ ежегодно огромный доходъ. Когда омары къ веснѣ приближаются къ берегамъ, для нихъ готовятъ оригинальную западню. «Корзины изъ ивы или корзинообразныя сѣти, растянутыя на обручахъ, въ которыхъ сдѣланы отверстія, суживающіяся книзу, опускаютъ на дно и вынимаютъ спустя нѣсколько часовъ; въ корзину кладутъ приманку (сушеную рыбу или что нибудь подобное). Обыкновенно за омара длиною въ 5 вершковъ, съ двумя клешнями, платятъ отъ 7 до 8 копѣекъ; за тѣхъ изъ нихъ, которые покороче или съ одною клешнею, даютъ половину этой цѣны. Большую часть омаровъ вывозятъ живыми, но въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ высылаютъ за границу консервами, въ банкахъ. Попадаетъ также не мало краббовъ: они до того прожорливы, что на наживку, на которую бросится одинъ омаръ, краббовъ вѣспится, по крайней мѣрѣ, двадцать или тридцать сразу. Но они малоцѣнны: самые крупныя изъ нихъ продаются отъ 1 до 1½ копѣйки. По всемъ берегамъ Норвегіи добываютъ также и креветокъ, которыхъ впрочемъ употребляютъ только въ качествѣ наживки».

Въ Норвегіи сильно развитъ также и промыселъ на акулъ. Въ сѣверныхъ округахъ Норланда и въ Финмаркенѣ съ этою цѣлью снаряжаютъ особенно много судовъ. «Жиръ акулъ, приготовленный на мѣстныхъ заводахъ, даетъ лучшее масло для освѣщенія и идетъ на кожевенное производство. Туши ихъ тоже не пропадаютъ даромъ: ихъ сбываютъ на фабрики гуано. Лѣтній бой бѣлугъ, моржей, бѣлыхъ медвѣдей, оленей и тюленей на Шпицбергенѣ, несмотря на большія опасности, развивается здѣсь съ необычайною быстротою. Прежде на Шпицбергенъ ходили голландцы, у которыхъ тамъ было большое селеніе, англичане, русскіе; теперь норвежцы насъ вытѣснили оттуда. Часто льды затираютъ суда, и промышленники по неволѣ остаются тамъ на зимовку. Нерѣдко норвежскія суда совсѣмъ гибнутъ, а спасшіеся люди остаются безъ всякой помощи на этихъ голыхъ островахъ. Но доходы съ этого промысла заставляютъ забывать объ опасностяхъ. Судно съ 7—8 промышленниками въ теченіе 6—10 недѣль успѣетъ собрать добычи на 5,000—7,000 рублей. Охота на Шпиц-

бергенѣ, впрочемъ, далеко не имѣетъ такой важности, какъ тюлений промыселъ на островѣ Янъ-Майенѣ въ Ледовитомъ океанѣ. Южная Норвегія снаряжаетъ для этого до двадцати пяти паровыхъ, обшитыхъ мѣдью и парусныхъ судовъ. Кромѣ того раннею весною норвежцы отправляются въ Новую-Землю бить моржей и тюленей».

Самый любимый норвежскій промыселъ—охота за китами. Въ борьбѣ съ китами—норвежцы на своемъ мѣстѣ: они являются въ высшей степени отважными и предпримчивыми. Этимъ промысломъ они занимались уже издавна и приобрѣли въ немъ много опытности. Еще кое-гдѣ и теперь можно найти у прибрежныхъ жителей самострѣлы, которые они употребляютъ при ловлѣ китовъ. Если китъ заснетъ у берега, норвежецъ пускаетъ въ него стрѣлу. Животное медленно истекаетъ кровью, и волны перѣдко прибываютъ его далеко отъ того мѣста, гдѣ его настигла стрѣла. Однако по знаку, выжженному на ней, узнаютъ того, кто ее пустилъ, и ему выдаютъ известную долю при дѣлежѣ выручки за кита. Но при охотѣ на китовъ теперь все рѣже и рѣже пускаютъ въ ходъ самострѣлы, и они все болѣе становятся украшеніемъ музеевъ. Вадсе, на далекомъ сѣверѣ,—«центръ китобойнаго промысла, такъ какъ тамъ единственный въ Норвегіи заводъ Фойна, не только обрабатывающій китовые продукты, но и занимающійся охотою на китовъ. Нѣсколько пароходовъ, принадлежащихъ заводу и вооруженныхъ на носу особаго рода пушкой, стрѣляющею гарпунами, постоянно крейсируютъ въ морѣ и высматриваютъ китовъ въ подозрныя трубы. Едва замѣтитъ караульщикъ фонтанчикъ кита, какъ пароходъ направляется на ловлю. И какъ ни быстро убѣгаетъ огромное животное отъ своего страшнаго врага, но гдѣ же ему уйти отъ пара и человѣка. Гонить, гонить царя океановъ быстроходный китобой и, настигнувъ бросаетъ смертоносное оружіе, которое дѣйствительно всѣхъ самострѣловъ въ мірѣ. Одинъ заводъ Фойна такимъ образомъ избиваетъ въ годъ до сотни китовъ, и немудрено, что число этихъ колоссальныхъ животныхъ быстро уменьшается».

Несмѣтныя стаи птицъ (о которыхъ было сказано выше), населяющихъ сѣверныя фіорды Норвегіи, если и не даютъ такого громаднаго заработка жителямъ, какъ рыбная ловля и охота на китовъ, все же приносятъ весьма значительный доходъ. Правда, мясо этихъ птицъ, питающихся рыбою и различными морскими животными, очень жестко, суховато и невкусно, но мѣстные жители съ удовольствіемъ ѣдятъ его, и въ года менѣе богатаго улова рыбы оно сильно поддерживаетъ ихъ. Употребляютъ они также и яйца весьма многихъ породъ этихъ птицъ, но еще чаще они составляютъ предметъ значительной торговли. Однако несравнено дороже для торговли птичьимъ перьямъ и пухъ. Болѣе всего, разумѣется, цѣнятся гагачій пухъ,—его одного вывозятъ изъ Норвегіи приблизительно на 150.000 руб. Къ сожалѣнію добыча этого драгоценнаго гагачьяго пуха, представляющая одинъ изъ оригинальнѣйшихъ промысловъ сѣвера, въ высшей степени тяжела и опасна, такъ какъ гага кладетъ свои яйца на высокихъ скалахъ. «Смѣльчаку приходится взбираться на страшныя крутизны (одинъ невѣрный шагъ ведетъ къ неминуемой гибели), спускаться же—съ усажающихъ отвѣсовъ надъ поверхностью бушующаго океана или надъ зіяющими пропастями, но жажда добычи драгоценнаго пуха, который птица вырываетъ у себя на груди для того, чтобы устлать гнѣздо будущихъ дѣтенышей, превозмогаетъ все. Добываніе птичьяго гуано представляетъ для норвежцевъ тоже не маловажную статью дохода, который былъ бы еще больше, еслибы скалы Финмаркена были бы доступнѣе».

Въ Норвегіи существуютъ также богатые мѣдныя и желѣзныя руды, но суровость климата мѣшаетъ надлежащему развитію горнаго производства, а потому этотъ заработокъ и занимаетъ, сравнительно съ другими промыслами, небольшое количество

рабочихъ рукъ. Рудныя богатства разрабатываются преимущественно въ южной и центральной частяхъ Швеціи.

ХРИСТИАНІА.

Немногочисленность городовъ.—Внѣшняя фізіономія столицы и ея окрестности.—Университетъ и жизнь студентовъ.

Въ Швеціи и Норвегіи городовъ такъ мало, что въ этомъ отношеніи Скандинавскій полуостровъ представляетъ совершенную противоположность Бельгіи: до 90-хъ гг. 19-го ст. жителей въ нихъ было чрезвычайно мало, но въ послѣдніе годы городское населеніе Норвегіи стало увеличиваться быстро, благодаря развитію торговли. Самые многолюдные города: Христианія и Бергенъ.

За исключеніемъ Христианіи, столицы Норвегіи и Бергена—центра рыбной торговли, всѣ норвежскіе города походятъ другъ на друга; всѣ они, кромѣ одного Рораса, находящагося внутри страны и обязаннаго своимъ существованіемъ соседнимъ мѣднымъ рудникамъ, расположены на узкой прибрежной полосѣ и составляютъ торговые порты.

Христианія, главный городъ и столица Норвегіи, имѣетъ чрезвычайно красивое мѣстоположеніе и напоминаетъ собою южные города Геную и Неаполь. Городъ расположенъ въ глубинѣ Христианъ-фіорда, вдающагося въ страну на 12 норвежскихъ миль. Долина, въ которой лежитъ Христианія, одна изъ самыхъ красивыхъ и плодородныхъ въ Норвегіи. Съ трехъ сторонъ городъ окруженъ, какъ амфітеатромъ, цѣпью холмовъ и горъ, покрытыхъ лѣсомъ, хорошенькими вилами и богатыми крестьянскими дворами; съ юга онъ омывается заливомъ (фіордомъ), который кормитъ весь городъ: онъ покрытъ безчисленными парусами рыбацкихъ челноковъ, высокими мачтами чужеземныхъ фрегатовъ и кораблей, какъ военныхъ, такъ и купеческихъ. Этотъ небольшой городокъ—столица Норвегіи производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, какъ прелестный уголокъ съ 200.000 ж. Отличныя улицы, блестящія своею опрятностью тротуары, красивые дома, магазины, конки, бани,—все здѣсь устроено въ высшей степени комфортабельно, но безъ роскоши большихъ европейскихъ столицъ: она была бы не по карману норвежскому народу, который хотя и живетъ въ довольствѣ, но среди него нѣтъ ни крупныхъ богачей, ни нищихъ. Въ настоящее время Христианія сильно застраивается: пробиваются, а то и вовсе срываютъ скалы, засыпаютъ щебнемъ овраги и всѣ неровности и выстраиваютъ дома въ 4—5 этажей съ красивыми фасадами или дачи-особняки, окруженные садами. Особенно пріятное впечатлѣніе производятъ эти дачи: онѣ построены изъ кирпича и камня, но много между ними и деревянныхъ, съ выступами, террасами и балконами, и все это украшено рѣзьбой. Деревянные дома не выкрашены, а покрыты особымъ лакомъ, который хорошо сохраняетъ дерево. Христианія разбросана сравнительно на слишкомъ большомъ пространствѣ и не вездѣ правильно построена. Къ тому же она не имѣетъ отпечатка всемірнаго города. Широкія улицы съ тротуарами прямы; дома, кромѣ новѣйшихъ, по большей части двухэтажные. Путешественника, пріѣхавшаго сюда не только изъ столицы, но изъ большого города, поразитъ тишина и отсутствіе толкотни на улицахъ. Простота, вѣжливость и обходительность—выдающіяся черты характера жителей столицы свободныхъ крестьянъ. На главной улицѣ, которая пересѣкаетъ весь городъ отъ восточнаго вокзала до королевскаго замка въ западной части, построено нѣсколько порядочныхъ отелей. Съ тѣхъ поръ, какъ Норвегія сдѣлалась страной

самостоятельно, Христіанія, какъ главный городъ страны, стала быстро развиваться. Такъ какъ въ Христіаніи находится университетъ, происходятъ съѣзды представителей, сосредоточена торговля и управление страной, то все это возвысило благосостояніе города.

Окрестности Христіаніи красивы и представляютъ много возвышенныхъ пунктовъ, съ которыхъ открываются прекрасные виды. Лишь только вы выходите за городъ, предъ вами предстанетъ величественная природа Норвегіи, съ ея разнообразными холмами, застроенными хижинами, съ безчисленными озерами, мелькающими между зеленыхъ равнинъ, и рѣками, катящими свои воды среди дремучихъ сосновыхъ лѣсовъ. Эти рѣки обыкновенно запружены лѣсомъ, который отправляютъ въ отдаленныя мѣстности Норвегіи. Когда эти сплавы прибудутъ къ мѣсту назначенія, имъ дѣлаютъ осмотръ и затѣмъ нанимаютъ рабочихъ, которые уносятъ бревна на плечахъ или увозятъ на лошадяхъ на пилы. Число выданныхъ бревенъ записываютъ не на бумагѣ, а на спинахъ работниковъ мѣломъ, вмѣстѣ съ платою, которую слѣдуетъ получить каждому изъ нихъ за работу. Поэтому рабочіе страшно боятся прикоснуться къ стѣнѣ и съ величайшей бережностью сохранны доставляютъ эти странные письменные документы своимъ хозяевамъ, которые немедленно производятъ по нимъ расплату.

Въ двухъ миляхъ отъ Христіаніи природа принимаетъ дикій и величественный характеръ. Передъ вами разстилается длинная гряда холмовъ и горъ съ самыми разнообразными вершинами. Дальше горъ не видно, но вся мѣстность представляется вамъ точно бурныя волны, застывшія по мановенію волнебнаго жезла. Между горами тянется равнина, окаймленная густымъ сосновымъ лѣсомъ. На всемъ пространствѣ не слышно ни звука человѣческаго голоса: до слуха долетаетъ только шумъ волнъ, ударяющихся объ утесы, шелестъ деревьевъ да крики хищныхъ птицъ.

Недалеко отъ города возвышается гора Рингрингъ. Какъ объ этой горѣ, такъ и объ ея сосѣдѣ, высокой и обрывистой горѣ Гаартколь, ходитъ въ народѣ множество поэтическихъ преданій. Въ хижинѣ каждаго норвежца вы услышите объ этихъ горахъ или рассказъ, или балладу, или пѣсню, которую поетъ дѣвушка, сидя за прялкой. Въ настоящее время это самое модное загородное мѣсто, на которомъ происходятъ публичныя гулянья и увеселенія. Гора Рингрингъ покрыта старыми, густыми соснами; одна изъ ея возвышенностей называется Кофильдомъ (Kofield—коровій прыжокъ). Однажды, говоритъ народное преданіе, близъ этого мѣста жила вдова, все имущество которой заключалось въ одной коровѣ. Вдругъ, какъ-то видитъ она на одной изъ возвышенностей Рингринга свою корову, преслѣдуемую медвѣдемъ. Бѣдная старушка бросается на колѣни и горячо умоляетъ Бога спасти ея сокровище. Ея молитва услышана: въ то время, какъ она произносила послѣднія слова, корова сдѣлала съ вершины утеса отчаянный, но ловкій прыжекъ, очутилась у ногъ своей колѣнопреклонной хозяйки и начала вокругъ нея радостно мычать. Медвѣдь, не желая упустить корову, послѣдовалъ ея примѣру, но разбился въ дребезги о гранитныя обломки. Старуха весело привела домой свою корову и продала шкуру медвѣдя съ большою выгодною. Съ этого дня утесъ, съ котораго прыгнула корова, стали называть Кофильдомъ.

Съ Гаартколемъ народное преданіе связываетъ еще болѣе поэтическія воспоминанія. На вершинѣ этой горы нѣкогда стоялъ замокъ, въ которомъ жилъ ярль (такъ назывались въ древности герцоги и начальники областей) съ своею единственною дочерью Сири-Сарою. Описывая ея необыкновенную красоту, норвежцы не скупятся на краски. Никогда еще солнце Скандинавіи не согрѣвало своими лучами такой кра-

савицы. Только утренняя заря могла поспорить съ нею своею свѣжестью; одно развѣ майское небо было голубѣе и привѣтливѣе ея чудныхъ глазъ. Ни одному скальду (пѣвцы древней Скандинавіи), въ самой сладкозвучной пѣснѣ, не удалось высказать, сколько доброты, кротости и любви выражало ея лицо. Каштановыя кудри красавицы служили покровомъ ея дѣвичей стыдливости; губки алѣли, какъ самыя рѣдкіе кораллы, и въ ихъ изгибахъ блестяли зубы, какъ рядъ самыхъ отборныхъ жемчужинъ. Красавица скучала въ уединенномъ жилищѣ своего отца. Чтобы развлечься, она, какъ серна, прыгала съ камня на камень, часто спускалась въ долину и порхала по ней легче птички, веселая, беззаботная, возбуждая зависть цвѣтовъ, съ восторгомъ преклонявшихъ передъ нею свои дивныя вѣнчики. Однажды, во время прогулки, она встрѣтила юношу, такого же прекраснаго, какъ и она сама, но бѣднаго и незнатнаго. Она знала, что никакія просьбы не помогутъ ей убѣдить отца согласиться на бракъ съ человѣкомъ бѣднымъ и незнатнымъ, поэтому она тайно обвинчалась съ нимъ. Король скоро узналъ объ этомъ, гнѣвно потребовалъ ее къ себѣ и приказалъ ей объявить имя мужа и указать его жилище. Сири-Сара, не колеблясь, объявила, что никакія пытки не заставятъ ее выдать мужа. Разгнѣванный отецъ призвалъ слугъ, велѣлъ приковать непослушную тяжелыми цѣпами ко дну челнока и бросить ее въ озеро съ вершины утеса. Она утонула, но норвежцы до сихъ поръ слышатъ, какъ глухое эхо волнъ въ своихъ перекатахъ постоянно повторяетъ ея имя. Они нерѣдко даже различаютъ ея стоны, мольбы и прощальныя слова любви, посылаемыя ею тому, за котораго она отдала свою молодую жизнь.

Университетъ въ Христіаніи центръ просвѣщенія Норвегіи,—учрежденіе новое. Прежде молодые люди, искавшіе высшаго образованія, должны были отправляться въ Германію и Францію. Раньше норвежская молодежь училась въ копенгагенскомъ университетѣ. Характеръ датчанъ того времени, образовавшійся подъ французскимъ вліяніемъ, мало гармонировалъ съ наклонностями и привычками серьезныхъ норвежцевъ, всецѣло преданныхъ старинѣ. Наконецъ, въ 1811 г., Фридрихъ VI, король датскій, пожертвовалъ зданіе, библіотеку и 300,000 франковъ на основаніе университета, остальное довершила національная подписка. Вотъ почему его до сихъ поръ называютъ университетомъ короля Фридриха. Теперь университетъ этотъ процвѣтаетъ; со всѣхъ концовъ Норвегіи собирается сюда трудящаяся молодежь; библіотека его обогащается и увеличивается съ каждымъ днемъ.

Теперь въ норвежскомъ университетѣ 5 факультетовъ: богословскій, юридическій, медицинскій, естественно-математическій и историко-филологическій. Между профессорами есть люди, пользующіеся громкою извѣстностью. Студенты Христіаніи ничего не платятъ за слушаніе лекцій. Любимымъ ихъ развлеченіемъ служить клубъ, специально устроенный для студентовъ на средства, пожертвованныя родителями и людьми, заинтересованными въ развитіи живой жизни въ университетѣ. Домъ клуба находится противъ самаго университетскаго зданія и прочно построенъ изъ камня, которымъ такъ изобилуетъ Норвегія. Въ этотъ клубъ есть читальня, комната для бесѣдъ, для театра, для танцевъ, а также ресторанъ, такъ что студенты могутъ проводить здѣсь хотя цѣлый день. Норвежскіе студенты—народъ чрезвычайно скромный и тихій. Они прилежно работаютъ днемъ, но вечеромъ любятъ сойтись вмѣстѣ, пива выпить и спѣть нѣсколько любимыхъ національныхъ пѣсенъ, между которыми слѣдующая занимаетъ главное мѣсто: «Сыны Норвегіи, древняго государства, пойте подъ торжественныя звуки арфы. Пусть ваши голоса раздаются громко и величественно. Отечество, тебѣ посвящаемъ мы нашу пѣсню! При воспоминаніи о родинѣ нашихъ отцовъ передъ нами возстаетъ славная память нашихъ предковъ! При од-

номъ твоёмъ имени, о, родина, бьются сердца и пылаютъ щеки твоихъ сыновъ, и они съ горячею любовью поютъ хвалу тебѣ».

НОРВЕЖСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.

Стортингъ: его права и значеніе.—Одельстингъ.—Латтингъ.—Значеніе короля и его veto.—
Стремленія современныхъ норвежцевъ и ихъ вражда къ шведамъ.

Норвегія въ послѣдній разъ соединилась съ Швеціей въ 1814 г. Та и другая страна представляетъ два отдѣльные государства, соединенныя въ лицѣ одного короля. Союзъ этихъ двухъ государствъ не мѣшаетъ тому и другому изъ нихъ пользоваться полнѣйшею автономіею: каждая изъ странъ сохраняетъ свою конституцію, свой парламентъ, свое министерство, свою армію.

Норвегія имѣетъ чисто демократическое устройство; у нея независимая, самостоятельная конституція. Несмотря на то, что въ основу норвежской конституціи легли идеи 1789 г., въ ней соблюдены и выработаны по отношенію къ королю и королевской власти самое почтительное отношеніе и формы выраженій. Стортингъ, норвежскій парламентъ или собраніе депутатовъ, избранныхъ народомъ, который одинъ имѣетъ законодательную власть въ странѣ, обыкновенно «умоляетъ» короля объ утвержденіи того или другого закона. Между тѣмъ власть короля въ Норвегіи весьма ограничена, и онъ можетъ только дважды приостанавливать своимъ veto законъ, принятый стортингомъ. Если законъ проходитъ и въ третій разъ, то онъ получаетъ окончательную силу независимо отъ воли короля. Такимъ образомъ король имѣетъ возможность только нѣсколько замедлить ходъ дѣлъ, но не можетъ вліять на ихъ окончательное рѣшеніе. Исторія норвежской конституціи даетъ самыя осязательныя доказательства того, что стортингъ всегда будетъ стоять на своихъ ногахъ и не уступить королю ни одной изъ своихъ обширныхъ прерогативъ. Такъ какъ по норвежской конституціи король имѣетъ только *отлагательное veto* (т.-е. право лишь на время приостановить ходъ дѣлъ), то короли обыкновенно считаютъ себя преимущественно государями Швеціи, и это весьма естественно: ихъ значеніе и авторитетъ въ норвежской конституціи не особенно высоки. Къ тому же многіе изъ нихъ боялись, что демократическая конституція Норвегіи будетъ имѣть слишкомъ много поклонниковъ въ Швеціи. Карлъ XIV сдѣлалъ стортингу предложеніе *предоставить королю абсолютное veto*, т.-е. чтобы безъ его согласія законъ ни въ какомъ случаѣ не могъ получить силу. При этомъ онъ употребилъ всѣ средства, чтобы убѣдить стортингъ въ необходимости исполненія его просьбы. Несмотря на это, предложеніе короля было отвергнуто стортингомъ. Еще большій ударъ былъ нанесенъ королевскому авторитету въ 1822 г. Въ одной изъ статей норвежской конституціи сказано: «*Впередъ* не должны быть даваемы титулы графовъ и бароновъ и никакія наслѣдственные преимущества»; но существовавшіе титулы и привилегіи были оставлены. Понятно, что такое положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться въ свободной странѣ: разъ конституція запретила *впередъ* давать титулы и привилегіи, она находила ихъ вредными, а если это такъ, то нелогично было удерживать и существовавшіе. И дѣйствительно стортингъ вотировалъ уничтоженіе титуловъ, привилегій и всѣхъ остатковъ дворянскихъ правъ. Король положилъ свое veto, но слѣдующій стортингъ подтвердилъ прежнѣе рѣшеніе. Король опять положилъ свое veto. Между тѣмъ, какъ было уже сказано, по норвежской конституціи, королевское veto имѣетъ силу только два раза, а если въ третій разъ стортингъ подтверждаетъ тотъ

же проектъ, то онъ становится закономъ. Король чувствовалъ всю важность такой минуты; если проектъ пройдетъ, то этимъ будетъ нанесенъ ударъ королевскому авторитету и его значенію въ странѣ. Онъ употребилъ все возможное, чтобы вліять на стортингъ. Прежде чѣмъ собраться стортингу въ третій разъ, король самъ пріѣхалъ въ Христіанію, объявилъ, что онъ соглашается на отѣну всѣхъ тѣхъ прерогативъ дворянства, которыя были уничтожены въ 1814 г., но былъ противъ уничтоженія существовавшихъ титуловъ и привилегій. Онъ обращался къ представителямъ и къ обществу то съ просьбами, то съ угрозами и наконецъ придвинулъ шведскую армію къ границѣ,—все было напрасно: стортингъ почти единогласно (за исключеніемъ 3 голосовъ) объявилъ уничтоженіе не только преимуществъ, но и самого имени дворянства, и такое рѣшеніе получило законную силу.

Въ послѣднее время короли тоже старались убѣдить стортингъ измѣнить норвежскую конституцію, уравнивъ ее со шведскою. Нынѣшній король Оскаръ II нѣсколько разъ клалъ свое veto на постановленія стортинга; между прочимъ онъ открыто утверждалъ, что въ вопросахъ объ измѣненіи конституціи король имѣетъ право на безусловное veto. Въ 1881 г. королевское правительство, изложивъ защиту своего «безспорнаго права» въ длинномъ офиціальномъ документѣ, обратилось въ юридическій факультетъ университета Христіаніи для разрѣшенія этого вопроса. Отвѣтъ университета былъ въ пользу абсолютнаго veto короля въ случаяхъ измѣненія конституціи; министры тоже были согласны съ мнѣніемъ короля. Тутъ особенно интересно обращеніе короля въ спорѣ съ парламентомъ къ третейскому суду науки, что составляетъ одну изъ своеобразнѣйшихъ особенностей скандинавской общественной жизни. Но въ концѣ концовъ борьба, возникшая между демократическою партіею въ Норвегіи и королемъ Оскаромъ II изъ за конституціонныхъ правъ послѣдняго, кончилась полною побѣдой этой партіи; что же касается министровъ, согласившихся съ мнѣніемъ короля въ этомъ дѣлѣ, то они были преданы суду, который приговорилъ ихъ къ отрѣшенію отъ должности. И такъ норвежская конституція даетъ народу въ настоящее время почти республиканскую свободу. Въ Норвегіи совершенно не существуетъ различія передъ закономъ по сословіямъ, точно такъ же какъ въ ней фактически не существуетъ дворянства, уничтожены всѣ его льготы и титулы, а также маіораты. Впрочемъ иначе конституція не была бы демократическою, такъ какъ маіораты создаютъ поземельную аристократію, которая обыкновенно имѣетъ большое вліяніе на управленіе страной; въ Норвегіи же вся существеннѣйшая часть государственной власти въ рукахъ представителей народа.

Норвегія соединена съ Швеціей, какъ равное государство съ равнымъ: по конституціи королевство Норвегія—свободное, независимое, неотчуждаемое государство, соединенное подъ главенствомъ одного и того же короля. Въ данное время король Швеции и Норвегіи—Оскаръ II, который вступилъ на престолъ въ 1872 г. По закону король имѣетъ право собирать войско, объявлять войну, заключать и расторгать трактаты и поддерживать дипломатическія сношенія. Но всѣ эти права короля въ Норвегіи болѣе призрачны, чѣмъ дѣйствительны. Если король пожелаетъ начать войну, то объ этомъ онъ долженъ извѣстить норвежское правительство и узнать его мнѣніе по этому поводу. Свобода короля при распоряженіи военными силами Норвегіи тоже весьма ограничена постановленіемъ норвежской конституціи, по которой королю разрѣшено употреблять регулярную армію только для защиты государства, для наступательной-же войны онъ можетъ пользоваться ею только съ разрѣшенія стортинга. Къ тому же организація военныхъ силъ фактически зависитъ отъ стортинга, который можетъ, если найдетъ это полезнымъ для страны, и совсѣмъ изъять изъ подъ власти ко-

роля всѣхъ военныхъ силы Норвегіи, мало того, — онъ можетъ отказать королю въ деньгахъ, необходимыхъ для веденія войны. Стортингъ зорко наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы король не превысилъ своихъ правъ, чтобы онъ не нарушилъ принципа равноправности двухъ государствъ, и во всякой попыткѣ расширить королевскую власть онъ усматриваетъ продѣлку властолюбивыхъ шведовъ, стремящихся къ господству въ Скандинавіи.

Норвегія, несмотря на унію со Швеціею, государство вполне самостоятельное: оно имѣетъ свой отдѣльный государственный банкъ, свою денежную систему, свой особый торговый флотъ; суммы норвежскаго государственнаго казначейства остаются въ Норвегіи, стортингъ (норвежскій парламентъ) всегда долженъ собираться въ Норвегіи, король часть года долженъ находиться въ этой странѣ.

Законодательная власть вполне предоставлена палатѣ депутатовъ — *стортингу*, который ежегодно собирается въ Христіаніи въ январѣ на 3—4 мѣсяца и состоитъ изъ 114 членовъ. Стортингъ состоитъ только изъ одной палаты, но она раздѣляется на 2 части: на *одельстингъ* и на *лагтингъ*. Депутаты выбираютъ изъ среды своей четвертую часть — это лагтингъ, остальные три четверти одельстингъ. Каждый *тингъ* засѣдаетъ и разсуждаетъ отдѣльно, но вся власть въ одельстингѣ: лагтингъ не болѣе какъ постоянная коммиссія, имъ избранная. Сеймъ собирается самъ въ очередь, безъ королевскаго созыва, но въ случаѣ нужды король имѣетъ право созвать экстраординарный стортингъ. Проектъ закона, принятый одельстингомъ, переходитъ въ лагтингъ, который или принимаетъ его, или отвергаетъ съ изложеніемъ причинъ и замѣчаній. Когда какой нибудь проектъ отвергнуть лагтингомъ, онъ снова поступаетъ въ одельстингъ, который или соглашается съ замѣчаніями лагтинга, и тогда такой проектъ откладываютъ въ сторону, или онъ не соглашается съ его мнѣніями, и тогда проектъ, въ прежнемъ видѣ или нѣсколько измѣненный, поступаетъ опять на разсмотрѣніе лагтинга. Если лагтингъ и во второй разъ отвергаетъ проектъ, то оба отдѣленія стортинга соединяются въ общее засѣданіе, гдѣ вопросъ рѣшается большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Права стортинга чрезвычайно обширны. Онъ можетъ: 1) издавать и отмѣнять законы; 2) устанавливать налоги, сборы и повинности; 3) заключать всевозможные займы на нужды государства; 4) наблюдать за денежными дѣлами; 5) утверждать смѣту государственныхъ расходовъ; 6) опредѣлять ежегодную сумму на содержаніе короля и членовъ королевской фамиліи; 7) требовать на разсмотрѣніе трактаты, заключаемые королемъ съ иностранными державами; 8) вызывать для объясненія всѣхъ государственныхъ людей Норвегіи, за исключеніемъ короля и его семьи, если только ея члены не занимаютъ никакихъ должностей въ государствѣ; 9) разсматривать оклады жалованья и пенсій должностныхъ лицъ и измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію, если только стортингъ найдетъ это необходимымъ. Стортингъ имѣетъ также въ числѣ своихъ правъ: а) назначеніе наслѣдника престола, если его нѣтъ у короля; б) назначеніе новой династіи, если король умираетъ безъ наслѣдника; в) назначеніе регентовъ, если новый король не совершеннолѣтній. Рѣшенія стортинга по этимъ тремъ вопросамъ получаютъ окончательную силу, когда онѣ согласны съ рѣшеніями, принятыми на этотъ счетъ шведскимъ парламентомъ.

И такъ фактически стортингъ является всемогущимъ распорядителемъ судебъ Норвегіи. Основной законъ этой страны допускаетъ даже, чтобы министровъ отдавали подъ судъ не только за нарушеніе законовъ, но и за скрѣпу резолюціи короля, явно вредной для государства. Вредна или нѣтъ для страны резолюція короля, это рѣшаетъ опять таки стортингъ, онъ-же выбираетъ членовъ суда, онъ-же отдаетъ подъ судъ и министровъ. Однимъ словомъ вездѣ и во всемъ дѣйствуетъ всесильный,

всемогущій стортингъ, депутаты котораго состоятъ изъ представителей народа и выбраны самимъ народомъ.

Норвежскій стортингъ—въ высшей степени дѣятельное, работающее собраніе. Рѣдко дѣла подвергаются такому внимательному, всестороннему разсмотрѣнію, какъ здѣсь, и разрѣшаются такъ правильно и точно. Засѣданіе стортинга носить на себѣ мирный отпечатокъ и только тогда становится оживленнымъ, когда дѣло идетъ о важныхъ вопросахъ. Обычай, существующій въ другихъ странахъ въ подобныхъ собраніяхъ, прерывать оратора возгласами одобренія или порицанія, здѣсь вовсе не существуетъ; президенту почти никогда не приходится лишать слова оратора или призвать собраніе къ порядку. Между депутатами стортинга сидитъ множество здоровенныхъ загорѣлыхъ людей изъ земледѣльческаго сословія, нерѣдко въ самыхъ допотопныхъ костюмахъ своихъ провинцій, которые идутъ прямо изъ засѣданія, гдѣ рѣшали вопросы государственной важности, къ своей скотинѣ, чтобы задать кормъ или запретъ себѣ лошадей. Способъ подачи голосовъ самый простой. Встаютъ, когда утверждаютъ какое нибудь предложеніе, и сидятъ, когда его отвергаютъ. Нѣтъ ни лѣвой, ни правой стороны, ни министерской партіи, ни оппозиціи. Каждый членъ подаетъ голосъ согласно своему убѣжденію. Краснорѣчіе норвежское холодно; ораторы говорятъ просто, но съ достоинствомъ. Каждый говоритъ съ своего мѣста; залъ слушаетъ оратора съ большимъ вниманіемъ, но безъ оживленія, порицанія или восторга.

Хотя шведы и норвежцы принадлежатъ къ одному и тому-же племени, исповѣдуютъ одну и ту-же религію, говорятъ языками, близко подходящими другъ къ другу, хотя права этихъ двухъ народовъ имѣютъ между собой много общаго въ главныхъ чертахъ, тѣмъ не менѣе оба эти народа ненавидятъ другъ друга. Причина этой ненависти лежитъ какъ въ прошлой, такъ и въ современной жизни обоихъ народовъ, а также и въ естественныхъ условіяхъ того и другого государства. Въ теченіе столѣтій Норвегія знала только одного врага—шведа, желавшаго ее подчинить себѣ и при Карлѣ XII, и при Густавѣ III, и при Густавѣ IV, а также и позже. Не одинъ разъ норвежцы встрѣчались со шведами на поляхъ сраженій, какъ заклятые враги. Положеніе Швеціи и Норвегіи на Скандинавскомъ полуостровѣ обусловило соединеніе этихъ двухъ государствъ между собою, но въ характерѣ народовъ, ихъ населяющихъ, сказывается рѣзкое различіе. Чувство равенства и любовь въ свободѣ несравненно болѣе присущи нравамъ и характеру норвежцевъ, чѣмъ шведовъ. Въ Норвегіи уже въ началѣ XIX-го столѣтія совершенно пала родовая аристократія, въ Швеціи-же она сохраняла свое вліяніе въ теченіе всей первой половины этого столѣтія. Хотя въ 1866 г. шведское дворянство потеряло свои политическія преимущества, тѣмъ не менѣе оно осталось со своими титулами и средневѣковыми замками. Жизненные интересы этихъ двухъ народовъ тоже весьма различны: въ Швеціи все болѣе развивается сельское хозяйство и промышленность, которая чрезвычайно слабо развита въ Норвегіи. Зато природа дала Норвегіи много естественныхъ гаваней и богатыхъ рыбныхъ ловли, но очень скупо надѣлила ее землей, годной для земледѣлія, такъ что она, уже по условіямъ своей природы, болѣе всего зависитъ отъ развитія рыболовства, торговли и судоходства. Различіе и вражда между этими двумя народами увеличиваются и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ жителей: Швеція съ 4.800.000 ж. въ $2\frac{3}{4}$ раза сильнѣе Норвегіи, у которой немногимъ болѣе двухъ милліоновъ населенія. Соединеніе сильной Швеціи съ болѣе слабою Норвегіей возбуждаетъ въ послѣдней постоянное опасеніе за свою самостоятельность, а это раздражаетъ норвежцевъ, гордящихся своею родиной и свободой, подрываетъ въ нихъ нравственную связь и довѣріе къ шведамъ. Различіе принциповъ, положенныхъ въ основу государственнаго строя, тоже не содѣй-

ствуешь сближенію: норвежская конституція построена на принципѣ полного народо-властія, слѣдовательно на чисто демократическомъ, почти республиканскомъ принципѣ, а государственное право Швеціи основано на принципѣ двоевластія короля и народа; власть короля въ Швеціи не уступаетъ власти народного представительства. Шведы стремятся сохранить сильную, самостоятельную королевскую власть, а норвежцы наоборотъ—насколько возможно сдѣлать ее призрачною и фиктивною. Шведская конституція не допускаетъ изданія закона безъ согласія короля, а тѣмъ болѣе противъ его воли, между тѣмъ норвежскій стортингъ пользуется такимъ правомъ, и всѣ его стремленія направлены къ тому, чтобы вовсе обойтись безъ короля. Шведская конституція не даетъ права парламенту судить членовъ государственнаго совѣта, а стортингъ имѣетъ право предавать суду норвежскихъ министровъ и судить ихъ въ государственномъ судѣ.

Это различіе въ личномъ характерѣ и положеніи двухъ народовъ-братьевъ, какъ принято говорить или какъ точнѣе будетъ сказать—двухъ народовъ-враговъ, заставляетъ норвежцевъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе стремиться къ отдѣленію отъ Швеціи, т.-е. къ совершенному уничтоженію власти шведскаго короля надъ Норвегіею и къ устройству самостоятельнаго норвежскаго государства. Чтобы достигъ этой цѣли, они требуютъ пока «самостоятельнаго представительства въ иностранныхъ государствахъ, т.-е. учрежденія самостоятельныхъ норвежскихъ консульствъ, независимыхъ отъ шведскихъ. Существующія въ настоящее время шведско-норвежскія консульства въ иностранныхъ державахъ имѣютъ представителями преимущественно шведовъ, между тѣмъ норвежскій коммерческій флотъ значительно больше шведскаго. Пропорціонально пространству и населенію Норвегіи, флотъ норвежскій—самый большой изъ коммерческихъ флотовъ, и двѣ трети этого флота, къ которому нужно еще прибавить тысячи рыболовныхъ судовъ, принадлежатъ берегамъ Норвегіи. Въ портахъ соединенныхъ королевствъ двѣ трети судовъ плаваютъ подъ норвежскимъ флагомъ. Что касается судоходства Швеціи, то, хотя къ шведскимъ портамъ привлекается значительное число купеческихъ судовъ, но большая часть этого торговаго флота принадлежитъ не шведскимъ судовладѣльцамъ. Понятно, что норвежцы, въ интересахъ развитія своего коммерческаго флота, желаютъ имѣть въ своихъ рукахъ и консульское представительство въ иностранныхъ государствахъ».

Норвежцы говорятъ, что, такъ какъ конституція вручила свою власть надъ государствомъ простому норвежскому народу и онъ до сихъ поръ мудро велъ дѣла своей страны, то должно быть для всякаго ясно, что норвежцы—народъ честный, справедливый и понимающій, что для нихъ нужно и полезно. Наиболѣе горячіе патріоты представляютъ въ Норвегіи демократическую партію: это они болѣе всего содѣйствовали уничтоженію титуловъ, привилегій и всѣхъ остатковъ дворянскихъ правъ; это они со времени соединенія Норвегіи съ Швеціей отстаиваютъ свободу и независимость своей родины, они же печатно и устно, за послѣднее время особенно энергично, распространяютъ такіа идеи: Норвегіи не нужны ни войско, ни флотъ. Наша безоружная слабость, говорятъ они, лучшая защита, да никто и не стремится отнять у насъ наши скалы, тогда какъ честолюбивые шведы въ сильномъ войскѣ и флотѣ видятъ оплотъ государства. Для насъ же, простыхъ, мирныхъ людей, могущество Скандинавіи не имѣетъ ни малѣйшаго значенія; намъ дорога свобода народа, мы должны добиваться все большаго благосостоянія и просвѣщенія его, мы не хотимъ служить тщеславнымъ цѣлямъ шведовъ, которые не должны мѣшать осуществленію нашихъ цѣлей.

ШВЕЦІЯ.

ПРИРОДА СТРАНЫ.

Скогъ.—Обиліе озеръ.—Шоненъ и Норландъ; характеръ этихъ мѣстностей.

Въ этой странѣ вездѣ и всюду прежде всего встрѣчаешь огромныя кучи камней; даже посреди волнующихся хлѣбныхъ полей, точно рифы, торчатъ обнаженные скалы. Эти непрошенныя гости постоянно напоминаютъ, что подъ слоемъ земли—каменное основаніе. Изъ скалистыхъ обломковъ, покрытыхъ мхомъ, возвышаются стройныя пихты. Корни деревьевъ не могутъ глубоко проникнуть въ каменистую почву, и бури, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой страны жестоко свирѣпствуютъ, легко ихъ выворачиваютъ. Очень часто гніющіе остатки пихтъ покрываютъ скалы, которыя прежде служили имъ подножіемъ. Какъ и въ Финляндіи, рѣки текутъ здѣсь по каменистому руслу, которое часто расширяется и образуетъ озеро, окруженное утесами.

Покрытая прежде моремъ, какъ большая часть странъ Европы, Швеція, по всеѣмъ признакамъ, вышла изъ него въ болѣе поздній періодъ, такъ какъ она до сихъ поръ носитъ на себѣ первобытный характеръ морского дна. На огромныхъ пространствахъ является первобытный каменистый слой и противится разрушительному вліянію климата. Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ скалы давно разсыпались и обратились въ землистую поверхность, которая способна къ обработкѣ, здѣсь повсюду торчатъ гранитныя, гнейсовыя и порфировыя скалы и образуютъ хаосъ, который приводитъ въ отчаяніе самаго энергичнаго труженика. Борьба съ этими скалами очень часто оказывается не только тяжелою, но просто невозможною, и ихъ оставляютъ нетронутыми на много лѣтъ, а можетъ быть и столѣтій. Пейзажъ, который въ Швеціи чаще всего представляется взору,—необъятный хаосъ скалъ, растений и деревьевъ вмѣстѣ. Мохъ, травы, папоротники и различныя мелкіе кустарники покрываютъ эту скалистую пустыню какъ бы сплошнымъ ковромъ, а надъ нимъ возвышается лѣсъ пихтъ, сосенъ, березъ и ольхъ. Этотъ растительный коверъ первобытнаго лѣса покрываетъ скалистые обломки почвы и такъ обрастаетъ ихъ, что его можно отдѣлать только посредствомъ огня. Между деревьями возвышаются здѣсь и тамъ гранитныя и гнейсовыя скалы фантастической формы. Иногда онѣ разбросаны по землѣ колоссальными обломками. Вотъ эту-то смѣсь скалъ, растений и деревьевъ называютъ здѣсь «скогомъ» (skog). Войдите въ такой скогъ, и вы черезъ нѣсколько минутъ потеряете тропинку и заблудитесь. Здѣсь и тамъ вы попадете на дорожку, протоптанную пасущимся скотомъ, но она заведетъ васъ еще дальше въ чащу. Пробираясь сквозь путаницу скалистыхъ глыбъ и растений, вы обрываете платье, царапаете лицо

и наконецъ оставляете всякую попытку идти дальше. Такой скогъ покрываетъ всю страну, отъ волнистой равнины Шонена до пустынь Лапландіи. Культура является здѣсь изрѣдка, въ видѣ оазисовъ, всегда какъ контрастъ съ дикой лѣсной природой. Если бы вы посмотрѣли на Швецію съ извѣстной высоты, то, за исключеніемъ Шонена, Готскихъ равнинъ и еще немногихъ мѣстностей, вы увидѣли бы сплошной, необъятный, темно-зеленый коверъ и на немъ, въ видѣ цвѣтковъ, отдѣльныя голубыя, свѣтлозеленыя или желтыя пятнышки. Темнозеленый фонъ—это скогъ, состоящій изъ пихтъ, сосенъ и скалъ, обросшихъ растительнымъ покровомъ; цвѣтки на немъ—голубыя озера и мѣста, обработанныя человѣкомъ, которыя лѣтомъ имѣютъ свѣтло-зеленый цвѣтъ, а позднѣе желтый. Зимой, когда снѣгъ покрываетъ страну, картина нѣсколько мѣняется: скогъ остается такимъ же, только сдѣлался еще темнѣе, почти чернымъ; озера и обработанныя клочки нельзя болѣе отличить другъ отъ друга: они покрыты теперь однообразнымъ бѣлоснѣжнымъ покровомъ.

Число озеръ такъ велико въ Швеціи, что только Финляндія можетъ превзойти ее въ этомъ отношеніи. Въ Зѣдерманландѣ существуетъ даже поговорка: «когда Богъ отдѣляя сушу отъ воды, онъ забылъ о Зѣдерманландѣ». Нужно помнить, что на картахъ обозначаютъ только самыя большія озера, озерамъ же средней величины и маленькимъ здѣсь буквально нѣтъ числа. При путешествіи по этой странѣ безпрестанно появляются эти водные бассейны, которые сначала изумляютъ иностранца, но черезъ нѣсколько часовъ онъ привыкаетъ къ нимъ и перестаетъ ихъ считать. Они всегда лежатъ посреди лѣса, простирающагося на нѣсколько миль, окружены скалистыми вершинами, всегда отражаютъ голубое небо и великолѣпный вѣнокъ изъ зелени. По берегамъ этихъ безмолвныхъ, покойныхъ и уединенныхъ озерковъ растетъ камышъ и тростникъ, а между ними торчатъ темныя обломки скалъ. Только изрѣдка у такого озера стоитъ домикъ, красныя стѣны котораго рельефно отражаются въ водѣ. Здѣсь и тамъ на берегу лежитъ маленькій челнокъ, въ которомъ жители перевозятъ съ другого берега скошенную траву, чтобы высушить ее около своего двора. Кругомъ такихъ озеръ—уединеніе и безмолвіе. Иногда надъ ними проносится чайка, гдѣ нибудь дятель стучитъ клювомъ въ кору дерева, бѣлка прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, изрѣдка пролетитъ ястребъ, а то вдругъ испуганныя дикія утки поднимутся вверхъ и исчезнуть. Вы не услышите здѣсь пѣнія птицъ, не увидите игры веселыхъ, шумныхъ ласточекъ; даже рѣдко слышно журчаніе ручейковъ: оно пропадаетъ въ необъятной пустынѣ.

Въ эту спокойную, молчаливую природу вступилъ человѣкъ и устроилъ себѣ жилище. Сначала онъ поселился тамъ, гдѣ лѣсъ покрывалъ обширныя и плодородныя равнины, близъ Упсалы, на богатыхъ лугахъ Готланда; потомъ сталъ мало по малу проникать далѣе и строить жилища среди мрачнаго скога. Трудности, съ которыми пришлось бороться этимъ первымъ піонерамъ культуры скога, не могутъ сравниться даже съ борьбою, какую пришлось преодолѣть первымъ американскимъ поселенцамъ. Главнымъ врагомъ водворенія человѣка въ новомъ свѣтѣ были непроходимыя лѣса; въ Швеціи это не считается даже большимъ препятствіемъ: деревья здѣсь срубаютъ или сжигаютъ; густой слой растительности, точно войлокомъ обтягивающій скалистую почву, какъ прежде, такъ и до сихъ поръ уничтожаютъ огнемъ. Шведы снимаютъ лопатою этотъ растительный покровъ, складываютъ его въ кучи и поджигаютъ. Огонь уничтожаетъ неплодородныя растенія, обращаетъ ихъ въ пепелъ, который въ свою очередь удобряетъ почву. Когда все это сдѣлано, тогда только начинается самая трудная работа, приходится уничтожить безконечное число скалъ. Здѣсь уже не помогаетъ ни лопата, ни топоръ, необходимо взрывать порохомъ, да и послѣ этого, чтобы уда-

лить всѣ обломки, очистить и образовать слой земли, годный для посѣва, нужно еще работать много лѣтъ. Нерѣдко у поселенца не хватаетъ терпѣнья, но гораздо чаще ему нѣтъ рѣшительно никакой возможности производить работы и думать о будущемъ, забывая настоящее: онъ оставляетъ каменные глыбы посреди своего участка, бросаетъ сѣмена или садитъ картофель между ними, не трогаетъ съ мѣста полуобгорѣлаго пня дерева и огромнаго вывороченнаго камня, который такъ и остается торчать среди зеленого хлѣба и придаетъ полю въ высшей степени оригинальный видъ. Обломки скалъ шведы тщательно собираютъ и устраиваютъ изъ нихъ каменные валы, которыми они окружаютъ свои обработанные клочки земли, чтобы защитить ихъ отъ вторженія лѣсныхъ животныхъ и пасущихся стадъ. Часто подоженные стволы деревьевъ употребляютъ для деревяннаго забора; иногда такой заборъ ставятъ на каменный валъ и такимъ образомъ устраиваютъ двойную защиту. Изъ этого видно, что шведъ живетъ на почвѣ, которую онъ самъ создалъ и которую онъ мало по малу отвоевываетъ у дикаго скога.

Только провинція Шоненъ, на крайнемъ югѣ Швеціи, представляетъ совсѣмъ другую картину. Шоненъ для этой страны то же, что Ломбардія для Италіи,—цвѣтущій садъ, въ которомъ природа съ избыткомъ вознаграждаетъ трудъ человѣка. Южная Швеція, въ особенности провинція Шоненъ, представляетъ характеръ датскихъ острововъ: обширная холмистая страна съ плодородными полями, здѣсь и тамъ лиственный лѣсъ, плоское морское побережье, окаймленное дюнами, все напоминаетъ Данію. Только изрѣдка, нѣсколько далѣе, внутри страны, поднимаются вершины выше средняго уровня или круто обрываются надъ моремъ. Большая часть жителей Шонена датскаго происхожденія, но теперь они сдѣлались настоящими шведами. И дѣйствительно, Шоненъ прежде принадлежалъ Даніи. Окруженный моремъ, Шоненъ находится въ очень благоприятныхъ условіяхъ. Когда лѣто стоитъ теплое, въ Шоненѣ созрѣваютъ не только каштаны и грецкіе орѣхи, но даже персики, абрикосы и виноградъ. Земледѣіе достигло здѣсь высокой степени процвѣтанія. Великолѣпныя поля покрываютъ громадныя пространства, часто прерываемыя буковыми лѣсами, которые здѣсь растутъ такъ же роскошно, какъ и въ южныхъ странахъ Европы. Обыкновенно сѣютъ рожь, овесъ, ячмень, пшеницу и ленъ. Здѣсь много большихъ дворянскихъ имѣній. Городовъ въ этой провинціи, какъ и во всей Швеціи, особенно на сѣверѣ ея, чрезвычайно мало. Деревень тоже нѣтъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ: тутъ встрѣчаются богатые помѣстья съ великолѣпными парками и замками и отдѣльные дворы шведскихъ крестьянъ, прерываемые роскошными нивами и лугами, богатство почвы которыхъ вошло въ пословицу еще въ древніе времена.

Совсѣмъ другое представляетъ Норландъ, при воспоминаніи о которомъ не только иностранецъ, но даже и шведъ представляетъ себѣ снѣгъ, холодъ, сѣверное сіяніе, грозныя скалы, горы, медвѣдей, сѣверныхъ оленей. И дѣйствительно, большая часть этой провинціи занята высокими горами, пустынями и снѣжными равнинами. Горы высятся однѣ надъ другими огромнымъ амфитеатромъ. Посреди ихъ, по долинамъ, текутъ быстрые потоки съ прозрачною водою и съ шумомъ падаютъ безчисленные водопады. Норландъ—родина древнихъ исполиновъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво повѣствуютъ саги. Лѣто здѣсь очень короткое. Въ нѣсколько недѣль все отцвѣтаетъ и созрѣваетъ, но непродолжительность теплаго времени выкупаютъ магическія, свѣтлыя ночи. Къ тому же погода лѣтомъ бываетъ довольно ровная, съ постоянно безоблачнымъ небомъ и умѣренными вѣтрами. Самый злой врагъ норландскаго земледѣлія—ранніе ночные морозы, извѣстные подъ названіемъ «железныхъ ночей», о которыхъ мы уже говорили при описаніи Норвегіи. Къ сожалѣнію, одна такая ночь часто раз-

рушаетъ всѣ надежды земледѣльца и подвергаетъ всю мѣстность страшной нуждѣ на слѣдующую зиму. Нужно однако замѣтить, что далеко не всѣ части Норланда страдаютъ отъ этого бѣдствія. Къ тому же опустошительныя бури, сопровождаемыя градомъ, приносятъ жителямъ южныхъ мѣстностей Швеціи не меньше вреда. Въ Гамтландѣ, въ хорошіе годы, созрѣваютъ даже яблоки и нерѣдко цвѣтутъ розы на открытомъ полѣ, особенно въ болѣе низменныхъ долинахъ Норланда. Почва почти вездѣ не дурна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже превосходнаго качества; рожь собираютъ еще очень далеко на сѣверѣ; подѣ 68° с. ш. созрѣваетъ ячмень, между тѣмъ какъ въ Азіи земледѣліе прекращается на 60°, а въ Америкѣ уже на 51°. Между тѣмъ земледѣлію въ Норландѣ приходится бороться съ большими трудностями, чѣмъ въ средней Швеціи, не вслѣдствіе своей почвы, но прежде всего потому, что эта мѣстность лежитъ очень высоко надъ поверхностью моря.

Лѣто здѣсь, какъ мы уже сказали, скоро смѣняется холодомъ и мракомъ, и наступаетъ долгая зима съ длинными ночами. Все лежитъ подѣ безконечнымъ снѣжнымъ саваномъ, надъ которымъ блеститъ сѣверное сіяніе. Въ домахъ крестьянъ трещать тогда въ печахъ дрова, при свѣтѣ которыхъ женщины прядутъ ленъ, повторяя древнія сказанія и пѣсни. При всѣхъ недостаткахъ, происходящихъ отъ сѣвернаго положенія, Норландъ все-таки можно назвать прекрасною страной. Въ этомъ уголку міра существуютъ мѣстности, которыя даже увлекательно хороши и совсѣмъ не имѣютъ, какъ это думаютъ многіе, гренландскаго характера. Кто любитъ величественныя ландшафты, пусть отправляется на красивый островъ Фрессъ, въ Гамтландѣ, лежащій посреди знаменитаго горнаго озера Сторс-Гёна. Съ вершины этого острова онъ можетъ насладиться чуднымъ горнымъ ландшафтомъ и увидитъ между прочимъ скалистую массу Арескутанъ, удаленную на 12 шведскихъ миль отъ острова, вершина которой поднимается высоко надъ всѣми окружающими скалами, достигая высоты въ 4920 футовъ надъ уровнемъ моря. Арескутанъ представляетъ какъ бы передовой постъ норвежскаго міра скалъ; съ вершины его открывается видъ на 18 шведскихъ миль въ окружности.

Между скалами лежатъ большія, прозрачныя озера съ зелеными островами и живописными бухтами, или глубокія долины, окаймленныя лѣсами, по которымъ съ шумомъ текутъ могучія рѣки, характеризующія норландскія провинціи. Многія изъ этихъ долинъ по справедливости прославились своими замѣчательными красотами. Долина Солефтеа, на рѣкѣ Ангерманѣ, считается самою красивою, и одинъ нѣмецкій путешественникъ говоритъ даже, что она превосходитъ красотой долины Рейна и Неккера, другой называетъ ее «Швейцаріею Норланда». Такъ какъ норландскія рѣки берутъ свое начало изъ озеръ, лежащихъ очень высоко, то понятно, что водопады, которые встрѣчаются здѣсь такъ часто, чрезвычайно величественны. Самый большой изъ нихъ водопадъ Ніомельзаскасъ, но онъ лежитъ уже въ долинѣ Лулео (въ Лапландіи). Вода падаетъ въ немъ съ высоты 400 ф. потокомъ въ 3500 ф. ширины. Шумъ этой падающей огромной массы воды слышенъ на нѣсколько миль въ окружности. Зимой водяные пары, поднимающіеся изъ глубины водопада, превращаются въ ледъ и образуютъ надъ верхнимъ уступомъ водопада чудный ледяной сводъ.

Итакъ, даже самыя отдаленныя мѣстности безлюднаго сѣвера норландской страны имѣютъ не мало привлекательнаго въ мрачномъ величіи природы, въ очаровательномъ короткомъ лѣтѣ безъ ночей, въ великолѣпнѣ зимнихъ ночей съ блескомъ звѣздъ и сѣвернаго сіянія, при безмолвіи неизмѣримыхъ лѣсовъ, богатыхъ дичью и звѣрями, съ безчисленными рѣками, къ которымъ лѣтомъ слетаются лебеди съ юга. Кромѣ охоты и рыбной ловли, страна эта славится обработкою льна, пригото-

ніемъ полотенъ и многими другими домашними производствами. Когда будетъ улучшено земледѣліе и лѣсоводство и облегчены пути сообщенія, эта провинція обѣщаетъ быть настоящимъ алмазомъ въ шведской коронѣ. Недостатокъ капиталовъ—главное препятствіе процвѣтанію этой страны. Къ сожалѣнію, даже шведамъ Норландъ мало знакомъ. Они смотрятъ на него, какъ на страну совѣтъ нецивилизованную. Когда зимою въ Стокгольмъ пріѣзжаютъ норландцы, широкоплечіе и сильные люди, которые привозятъ продавать огромные грузы дичи на своихъ санихъ, запряженныхъ рослыми, черными лошадьми, то на нихъ сбѣгается множество народа. Если случается, что путешественникъ изъ южной Швеціи отправляется на сѣверъ, напр. хотя въ Іамтландъ, или молодая дѣвушка выходитъ замужъ и уѣзжаетъ туда съ мужемъ, всѣ родные смотрятъ на нее съ величайшимъ сожалѣніемъ, точно она отправляется въ Калифорнію или на какой нибудь необитаемый островъ.

ПРАЗДНИКИ.

Канунъ Рождества и торжественныя приготовленія къ этому празднику.—Подарки.—Рождественскій старикъ и старуха.—Домовой и его значеніе для шведскихъ и норвежскихъ крестьянъ.—Рождественскія куклы и козелъ.—Святочныя игры, гаданія и удовольствія.—Обычаи и суевѣрія.—Канунъ новаго года.—Юноши съ Вишлеемской звѣздой.—Пасха.—Празднованіе перваго мая.—Весенній выгонъ скота.

Въ Швеціи, Норвегіи и Даніи Рождество—самый большой домашній праздникъ. Онъ продолжается въ теченіе двухъ недѣль, и въ это время исполняются только самыя необходимыя работы. Морозъ, который въ южныхъ странахъ загоняетъ людей въ комнаты, здѣсь сближаетъ жителей самыхъ отдаленныхъ долинъ. Сани летятъ по всѣмъ дорогамъ, молодые люди спѣшатъ на лыжахъ по горамъ, и всѣ торопятся посѣтить друзей и родственниковъ, живущихъ въ наиболѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, именно въ то время, когда снѣгъ и ледъ покрываютъ всю страну.

Къ празднику Рождества начинаютъ готовиться въ этихъ странахъ за цѣлый мѣсяцъ: убиваютъ свиней, готовятъ кровяныя колбасы и дѣлаютъ множество другихъ приготовленій. Въ эти праздники необходимо имѣть на столѣ много вкусныхъ вещей. Хлѣбъ пекутъ всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ. Тутъ долженъ быть шафранный хлѣбъ, шоколадныя лепешечки, пряники, изображающіе людей, поросятъ и дѣтей, торты съ вареньемъ съ уточками сверху. Приготовленіе «тарелки» для каждаго члена семьи составляетъ не послѣднюю заботу хозяйки; этихъ тарелокъ нужно имѣть столько, сколько членовъ семьи: какъ у каждаго ребенка, такъ и у взрослого, какъ у хозяевъ, такъ и у слугъ должна быть для праздника своя тарелка, наполненная орѣхами, конфетками, свѣжими, сухими и засахаренными фруктами. Кромѣ того въ огромномъ количествѣ, для своихъ и чужихъ, заготавливаютъ рождественскіе подарки; ихъ тщательно и красиво обертываютъ въ бумагу и запечатываютъ, такъ что запахъ сюргуча наполняетъ весь домъ. Если мы прибавимъ къ этому, что почти каждый къ подарку старается приложить еще и стихотвореніе, то можно себя представить, какая масса заботъ и хлопотъ передъ рождественскими праздниками! Нужно имѣть въ виду еще и то, что рождественская елка—главная основа всего праздника, а она сама по себѣ требуетъ не мало труда. Она обыкновенно стоитъ въ домахъ до 6-го Января: въ первые дни праздника ее освѣщаютъ для собственной семьи и друзей, а въ день Новаго Года для бѣдныхъ дѣтей, которые собравшись поютъ вокругъ нея гимны, танцуютъ, получаютъ подарки и гостинцы. Вообще трудно пред-

ставить всю разнообразную дѣятельность и оживленіе шведскихъ семей передъ рождественскими праздниками! Все, что шведы заготавливаютъ въ это время, они стараются сдѣлать какъ можно лучше. Они не скажутъ въ это время: надо приготовить эль, печенье, а прибавятъ: рождественскій эль, рождественское печенье, т.-е. самое лучшее, такое, какое было бы достойно высокорожественнаго праздника. Для варки рождественскаго эля выбираютъ даже особые снопы, изъ которыхъ и вымолачиваютъ зерно; тоже дѣлаютъ и для разнаго рождественскаго печенья.

Утромъ наканунѣ Рождества крестьянинъ, его сыновья и мужская прислуга дѣлаютъ запасъ «рождественскихъ дровъ». Они распиливаютъ ихъ на гладкія и ровныя полѣнья и складываютъ подъ длинной скамьей, которая тянется вдоль всей комнаты. Это, конечно, дѣлается отчасти для того, чтобы не работать во время праздниковъ, но болѣе всего потому, что всѣ предметы, приготовленные къ Рождеству и оставшіеся у хозяина послѣ праздника, становятся священными для его семьи, и имъ приписываютъ чудотворную силу.

Съ праздниками Рождества связано множество обычаевъ и примѣтъ. Наканунѣ праздника скотъ выводятъ на пойло гораздо раньше обыкновеннаго: это дѣлается для того, чтобы убрать жатву во время. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ день дѣлаютъ мѣломъ кресты на дверяхъ хлѣва, дома и пристроекъ, чтобы отогнать злыхъ духовъ. Въ очень многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай садить въ этотъ день возлѣ дома молодыя сосны, очищая ихъ отъ коры и вѣтвей почти до самой верхушки, въ другихъ же мѣстностяхъ болѣе чѣмъ на половину.

По понятію скандинавскаго народа, все живое въ мірѣ должно радоваться въ этотъ день, и потому каждый изъ нихъ старается удѣлить въ сочельникъ что нибудь для бѣдныхъ: онъ раздастъ имъ хлѣбъ, свѣчи, чтобы они могли провести праздникъ безъ особенной нужды. Передъ закатомъ солнца даже самый бѣдный изъ крестьянъ привязываетъ къ шесту снопъ немолотаго хлѣба и ставитъ его на кровлю дома. Этотъ обычай поддерживаетъ существованіе воробьевъ и маленькихъ птичекъ, которымъ иначе грозила бы голодная смерть. Дворовую собаку, прикованную день и ночь къ своей конурѣ, тоже выпускаютъ на свободу въ этотъ вечеръ, такъ какъ всякая тварь, по понятію народа, должна въ этотъ день радоваться и пользоваться свободой. Пока мужчины заняты всѣми этими приготовлениями, женщины хлопочутъ дома: чистятъ и моютъ полъ и посуду и такъ убираютъ комнату, что она получаетъ чрезвычайно оригинальный видъ. Къ потолку прибиваютъ куски полотна, а надъ столомъ привѣшиваютъ родъ короны или вѣнца изъ соломы, къ которому прикрѣпляютъ лоскутки зеленой, красной и голубой матеріи. Передній уголъ комнаты украшаютъ холстомъ, на которомъ нарисованы сюжеты изъ св. писанія: рожденіе Спасителя, три волхва, бракъ въ Канѣ и т. п. Полъ посыпаютъ вѣтками можжевельника или мелко изрубленнымъ ельникомъ, что тотчасъ распространяетъ пріятный запахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляютъ для этого ржаную солому. Простой народъ думаетъ, что этотъ обычай установленъ въ память рожденія Спасителя въ хлѣву; въ дѣйствительности же, вѣроятно, это остатокъ языческихъ временъ. Какъ бы то ни было, шведскіе крестьяне приписываютъ рождественской соломѣ чудодѣйственную силу: они посыпаютъ ею бесплодныя поля, надѣясь на обильную жатву будущаго года.

По окончаніи всѣхъ приготовленій женская половина семьи, за исключеніемъ самой хозяйки, занятой домашними хлопотами, отправляется въ хлѣвъ угостить скотъ самымъ лучшимъ и обильнымъ кормомъ, какой только имѣется въ домѣ. При этомъ, подавая кормъ, обращаются съ словами въ родѣ слѣдующихъ: «вотъ тебѣ на сочель-

никъ, моя коровушка», «а это тебѣ, радуйся празднику». Въ то же время раздаютъ животнымъ угощенье, состоящее изъ остатковъ послѣ стола. Когда такимъ образомъ распределена всеѣмъ животнымъ праздничная пища, начинается туалетъ: на каждое животное надѣваютъ новую шлею или ярмо. «Иначе», говорятъ шведы, «если бы тварь могла говорить, она сказала бы: пусть лучше змѣя обовьется вокругъ моей шеи, чѣмъ старая шлея въ сочельникъ». Кстати прибавимъ, что, когда женщины входятъ въ хлѣвъ, онѣ стараются въ точности замѣтить, въ какомъ положеніи найдутъ животныхъ. Если скотина лежитъ, это служить признакомъ, что слѣдующая жатва будетъ обильная; если же она на ногахъ,—предвѣстникъ большаго неурожаа. Прежде чѣмъ уйти изъ хлѣва, въ ясли кладутъ нѣсколько волосковъ, вырванныхъ изъ шкуры только что убитаго медвѣдя, для того, чтобы хищные звѣри не тревожили скотъ въ слѣдующее лѣто. Изъ хлѣва отправляются въ конюшню, гдѣ лошадямъ даютъ отборное сѣно и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже эль, чтобы онѣ бодрѣе бѣжали въ слѣдующее утро, когда семья отправится къ заутренѣ. Въ этотъ день не забыто ни одно животное: каждое изъ нихъ получаетъ что нибудь лакомое и необычайное; даже курамъ даютъ кашницу изъ бѣлой муки или риса, приготовленную на молокѣ.

Когда питаніе животныхъ, уборка комнатъ и имущества окончены, вся семья отправляется въ баню, всегда стоящую особнякомъ. Возвратившись домой, зажигаютъ огонь изъ сухихъ лучинъ и освѣщаютъ еще комнату нѣсколькими свѣчами необыкновенно большихъ размѣровъ, изъ которыхъ одна бываетъ съ тремя или даже съ четырьмя развѣтвленіями. Усѣвшись за столъ и напившись кофею, начинаютъ обмѣниваться подарками. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обмѣнъ подарковъ совершается въ первый день Рождества. Смотря по мѣстности, это дѣлается различно. Иногда, когда семейство сидитъ за столомъ, дверь вдругъ открывается, и въ нее вбрасываютъ связку сѣна или соломы съ подаркомъ внутри. Молодежь бросается къ нему и начинаетъ разворачивать его. Самый подарокъ бываетъ иногда завернутъ во множество пакетовъ и бумагъ, на страницахъ которыхъ можно прочесть стихи или загадочныя поздравленія; при этомъ авторъ никогда не обнаруживаетъ своего имени. Вся семья начинаетъ читать, разсматриваетъ подарокъ и дѣлаетъ предположенія, отъ кого бы онъ могъ быть. Въ другихъ мѣстностяхъ это совершается иначе. Вдругъ у самой комнаты зазвонилъ звонокъ, дверь быстро открывается, и въ нее входятъ двѣ фигуры въ маскахъ, одѣтыя потѣшнымъ образомъ: одна представляетъ «рождественскаго старика», другая «рождественскую старуху». Старикъ держитъ въ рукахъ колокольчикъ, въ который и звонитъ, чтобы извѣстить о своемъ приближеніи; старуха держитъ въ рукахъ большую открытую корзину, наполненную запечатанными свертками. Она раздаетъ ихъ лицамъ, которымъ они предназначены, и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ и въ первомъ, прежде чѣмъ увидѣть подарокъ, получающему приходится развернуть его изъ нѣсколькихъ бумагъ и прочесть множество стихотвореній и посланій безымянныхъ авторовъ. Когда подарки розданы и «рождественская пара» затворила за собою двери, начинается настоящее веселье. Нужно замѣтить, что шведскіе крестьяне вообще большіе любители музыки и многіе изъ нихъ съ большимъ искусствомъ играютъ на скрипкѣ. Каждый большой праздникъ или канунъ его открывается музыкой и танцами. Безъ пляски и музыки шведская молодежь не можетъ представить себѣ праздника. Народные танцы здѣсь очень разнообразны. Говорятъ, что ихъ насчитываютъ въ Швеціи до сорока. У шведовъ много древнихъ танцевъ, которые они пляшутъ не только съ припѣвами, но и съ пѣснями, сопровождаемыми своего рода представленіями. Одинъ

танецъ, напр., изображаетъ ухаживаніе молодаго человѣка за дѣвушкою; она встрѣчаетъ его сначала отказомъ, а затѣмъ принимаетъ.

Также разнообразны игры, которыми забавляются крестьяне въ рождественскіе вечера. Молодые дѣвушки вдругъ наклоняются къ полу и начинаютъ связывать пучки изъ рождественской соломѣ, которою онъ устанъ, и затѣмъ подбрасываютъ ихъ въ потолокъ. Смотри потому, сколько пучковъ останется на стропилахъ, столько у нихъ будетъ поклонниковъ въ эти праздники. Въ это время отецъ молодыхъ дѣвушекъ тоже гадаетъ, только о другомъ. Онъ сидитъ на обрубѣ дерева, и кто нибудь изъ его дѣтей или его жена кладутъ ему на колѣни пучекъ соломѣ; онъ выдергиваетъ изъ него соломинку за соломенной и бросаетъ ихъ въ потолокъ. Чѣмъ больше соломинокъ останется на потолокъ, тѣмъ больше у него будетъ сноповъ ржи въ слѣдующую осень. Надоѣло гадать, и молодежь устраиваетъ изъ рождественской соломѣ фигуру, нѣсколько напоминающую куклу, и ставитъ ее на полъ. Одинъ изъ присутствующихъ ложится на полъ, головою къ куклѣ, старается схватить ее ногами и приподнять съ земли. Если это не удастся, то всѣ начинаютъ острить надъ нимъ и смѣяться, намекая на то, что онъ передъ этимъ, вѣроятно, черезчуръ угостился. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Швеціи эти соломенные куклы называются «Говами». Двое мужчинъ, широко разставивъ ноги, становятся другъ къ другу спиною. Передъ однимъ изъ нихъ ставятъ маленькую фигуру изъ соломѣ. Другой держитъ въ рукахъ палку, которую онъ продѣваетъ между своими ногами и ногами своего противника, и затѣмъ спрашиваетъ: «дома ли Ювъ?» Они ведутъ другъ съ другомъ потѣшные разговоры, которые забавляютъ публику, и наконецъ одинъ изъ нихъ старается опрокинуть палкой соломеннаго Юва. Тотъ, который стоитъ ближе къ куклѣ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы предупредить это.

Другая игра не менѣе комична. Къ потолоку, на веревкѣ, прикрѣпляютъ тяжелую дубину, которая не достаетъ до земли только на нѣсколько дюймовъ. Человѣкъ ложится спиною на полъ такимъ образомъ, чтобы дубина приходилась надъ его грудью. Игра состоитъ въ томъ, что онъ одною рукой долженъ держать кувшинъ и въ то время, когда онъ начнетъ изъ него пить пиво, мѣрно кружить другою рукою висѣщую надъ нимъ дубину. Если это ему не удастся, то его заставляютъ, въ видѣ наказанія, осушить до послѣдней капли второй кувшинъ пива, что впрочемъ едва ли особенно мучительно.

Не мало тѣшить собравшуюся компанію рождественская старуха. Ее изображаетъ обыкновенно юноша, до такой степени навьюченный юбками, что онъ кажется одинаковыхъ размѣровъ въ ширину и въ длину. Такимъ образомъ разряженная старуха, расхаживая по комнатѣ взадъ и впередъ, отвѣчиваетъ книксены то одному, то другому.

Но болѣе всего приводитъ въ восторгъ «рождественскій козелъ», который является не только наканунѣ Рождества, но и во время всѣхъ рождественскихъ праздниковъ. Одинъ изъ юношей изображаетъ «рождественскаго козла». Онъ весь скрытъ подъ шкурами съ метлой вмѣсто хвоста. Голова и хвостъ двигаются съ помощью веревокъ, или скорѣе палокъ, которыя держитъ юноша, и все зависитъ отъ ловкости, съ которою онъ распоряжается ими. У козла перѣдко бываютъ рога, и его торжественно вводятъ въ комнату два человѣка и затягиваютъ длинную незамысловатую пѣсню, содержаніе которой можно кратко передать такимъ образомъ: «Добрый вечеръ, дѣвушки и парни; мы привели рождественскаго козла такъ скоро, какъ только могли: когда мы нашли его близъ горной тропинки, онъ трясъ своей головой въ страшной ярости». Затѣмъ эти люди дѣлаютъ видъ, что убиваютъ козла, который

въ ту же минуту падаетъ на землю; тогда они продолжаютъ пѣть: «одинъ изъ насъ угрожалъ ему; другой нанесъ сильный ударъ. Рождественскій козель убитъ и распростертъ на землѣ». При словахъ пѣсни: «тутъ козликъ вскочилъ, тряхнулъ всѣмъ на смѣхъ бороною и ударилъ своимъ лбомъ о стѣну», козель вскакиваетъ съ земли и своими прыжками и бѣготней кругомъ комнаты возбуждаетъ смѣхъ и веселье всей компаніи.

Въ 11 часовъ, когда всѣ уже устали, садятся за ужинъ, предъ которымъ всегда читаютъ молитву. Чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ болѣе различныхъ яствъ увидите вы за столомъ. Но богатъ онъ или бѣденъ, у него непременно за этимъ ужиномъ столъ украшенъ свиною головою и продолговатымъ короваемъ, называемымъ «рожденскій вепръ», вѣроятно въ память вепря, нѣкогда приносимаго въ жертву богу Фрею. Здѣсь и тамъ на столѣ груды рождественскихъ хлѣбовъ, большихъ и маленькихъ лепешекъ, специально испеченныхъ къ этому празднику. Эти лепешки и продолговатый корвай должны оставаться на столѣ нетронутыми до окончанія праздника, послѣ чего они дѣлаются священными, и ихъ употребляютъ при разныхъ напастяхъ. На столѣ во время этого ужина раскладываютъ деньги, разставляютъ серебряныя чарки и всю лучшую посуду, не для того только, чтобы почтить наступающій праздникъ, но для того, чтобы «рождественскій огонь» сохранилъ эти вещи въ продолженіи года и умножилъ ихъ. Во время этого ужина очень долго сидятъ: много подаютъ кунаній, а въ особенности эля и шведской водки. Послѣ ужина опять возобновляются танцы, игры и гаданія. На сколько веселятся крестьяне въ подобныхъ случаяхъ, достаточно видно изъ припѣва старой пѣсни: «У крестьянъ законъ и обычай пить всю эту ночь на пролетъ, пить и забывать все горе, забывать, что ждетъ его завтра». Прежде, чѣмъ идти спать, хозяйка ставитъ на столъ закрытый кувшинъ «Angla öl», т. е. «эль для угощенія ангеловъ». Она не забываетъ также и «старика домового», «Tomte Gubbe». Этотъ домовый, по понятіямъ шведовъ, живетъ среди людей, и если онъ поселится въ какомъ нибудь домѣ, гдѣ встрѣчаетъ ласковый пріемъ, то охраняетъ его всѣми силами. Чтобы задобрить его и заручиться его покровительствомъ, ему оставляютъ на ночь «рождественскую кашу», а также немного табаку или что нибудь изъ одежды; все это кладутъ на очагъ или на полъ житницы, такъ какъ предполагаютъ, что эти мѣста наиболѣе посѣщаются домовыми. Такого домового шведъ представляетъ себѣ не иначе, какъ маленькаго роста, но въ то же время онъ непременно старикъ. Одѣвается онъ въ сѣрый камзолъ изъ домашней шерстяной матеріи, носитъ панталоны до коленъ, грубые башмаки и ходитъ всегда въ красномъ ночномъ колпакѣ. Онъ приноситъ большое счастье семейству, въ которомъ поселится, но для того, чтобы ему понравиться, нужно соблюдать величайшую бережливость и опрятность и неусыпно ухаживать за домашними животными. Домовой любитъ, чтобы въ домѣ былъ за всѣмъ хорошій уходъ, но домашнія животныя находятся подъ его особымъ покровительствомъ. Онъ очень трудолюбивъ, и въ продолженіи лѣта и осеннихъ мѣсяцевъ люди нерѣдко видятъ, какъ онъ относитъ на мѣсто поднятый съ земли колосъ или соломинку. Въ этихъ случаяхъ онъ идетъ очень медленно и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается, чтобы перевести духъ, какъ будто несетъ величайшую тяжесть. Говорятъ, что одинъ крестьянинъ, встрѣтивъ жившаго у него «Tomte Gubbe» съ такою легкою ношей, грубо замѣтилъ ему: «Какая польза изъ того, что ты принесешь мнѣ такую бѣздѣлицу?» Этотъ вопросъ такъ оскорбилъ домового, что онъ вскорѣ послѣ того переселился въ другое мѣсто. Крестьянинъ, жившій до того въ полномъ довольствѣ, впалъ въ нищету, между тѣмъ какъ бѣдный бобыль, въ домъ котораго переселился домовый, быстро разбога-

тѣль. Изъ всего этого видно, что «Tomte Gubbe» играетъ важную роль въ жизни шведскаго простонародья. По его понятіямъ, когда человѣкъ рубить дрова, онъ держитъ топоръ, но срубаешь дерево домовою. Когда лошадь или другое домашнее животное имѣетъ хорошій видъ, то все это приписываютъ маленькому человѣчку.

Съ Рождественской ночью связано и множество другихъ предрассудковъ. Вся семья должна спать въ эту ночь подъ одной кровлей, а дѣти на постели изъ «рождественской соломы», потому что младенецъ Іисусъ лежалъ на соломѣ во время пребыванія своего въ Вилеємѣ. Передъ сномъ башмаки всего семейства должны быть поставлены въ одно мѣсто, чтобы между членами семьи господствовало единодушіе. Если къ утру одинъ изъ башмаковъ окажется лежащимъ на полу, то это вѣрный признакъ, что въ теченіи года будетъ покойникъ въ домѣ. Огарки «рождественскихъ свѣчей» тщательно берегутъ до слѣдующаго Рождества, потому что они имѣютъ особенно цѣлительное свойство: быстро вылечиваютъ растрескавшіяся руки, ноги, губы и больное вымя коровы. Въ рождественскую ночь, по понятію народа, бродитъ много злыхъ духовъ. Въ пустынныхъ и поросшихъ верескомъ мѣстахъ можно видѣть въ эту ночь вѣдьмъ, ѣдущихъ на волкахъ, свиньяхъ, метлахъ. Онѣ отправляются на веселый шабашъ, который устраиваютъ въ пещерахъ горъ, гдѣ онѣ пляшутъ, поютъ и бражничаютъ всю ночь.

Въ Рождество всякій считаетъ своею обязанностью быть у заутрени, которая начинается очень рано утромъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже за нѣсколько часовъ до разсвѣта. Въ земледѣльческихъ округахъ жители отправляются въ церковь съ горящими факелами въ рукахъ, что представляетъ особенно живописное зрѣлище тамъ, гдѣ нѣсколько семействъ идутъ вмѣстѣ. Не далеко отъ церкви они сбрасываютъ свои факелы въ одну кучу, и изъ этого образуется яркій костеръ, освѣщающій не только церковныя стѣны, но и всю окружающую мѣстность. Внутренность церкви ярко освѣщена, потому что, кромѣ многочисленныхъ восковыхъ свѣчей у алтаря, кандеры и въ канделябрахъ, у каждой скамьи горитъ нѣсколько свѣчей. Полъ церкви устланъ вѣтками можжевельника или ельникомъ.

Послѣ церкви шведы проводятъ очень скромно первый день, исключительно въ своей семьѣ, въ чтеніи религіозныхъ книгъ и въ пѣніи псалмовъ.

Наканунѣ новаго года вся семья собирается къ обѣду, но никто не садится за столъ, а каждый, одинъ за другимъ, обмакиваетъ свой кусокъ «рождественскаго хлѣба» въ огромную кастрюлю, въ которой варится свинина—очень жирное кушанье, столь любимое шведами. Думаютъ, что этотъ обычай очень древній и установленъ въ память кабана (или вепря), котораго приносили въ жертву богу Фрею, когда жрецы, какъ и при другихъ жертвенныхъ празднествахъ, варили мясо заколотыхъ жертвъ въ огромныхъ котлахъ, прежде чѣмъ раздавать его народу.

Нарожденіе новаго мѣсяца «Nyet» въ новомъ году съ незапамятныхъ временъ обращало на себя особенное вниманіе, и потому съ нимъ связано множество различныхъ предзнаменованій. До самаго послѣдняго времени можно было видѣть, какъ люди, обращаясь къ вновь народившемуся мѣсяцу (Nyet), повторяли слова несомнѣнно очень древняго происхожденія: «Добро пожаловать, новый король, добро пожаловать, господинъ,—съ зерномъ и плодами, со свининою и мясомъ, съ хорошимъ осеннимъ урожаемъ».

Тринадцатый день послѣ Рождества совпадаетъ съ шестымъ январемъ и установленъ въ память явленія звѣзды на востокъ и поклоненія Спасителю трехъ царей. Въ католическія времена этотъ праздникъ встрѣчали съ большимъ торжествомъ и различными церемоніями и процессіями. Три священника въ царскихъ одеждахъ от-

правлялись процессіей въ церковь, въ сопровожденіи многочисленной свиты, несшей предварительно собранные подарки. Входя въ храмъ, одинъ изъ священниковъ указывалъ жезломъ на звѣзду, давая этимъ знать, что именно тутъ нужно поклониться Спасителю. И надъ алтаремъ дѣйствительно виднѣлась звѣзда, съ большимъ искусствомъ и блескомъ освѣщенная восковыми свѣчами. «Кого вы ищете?» спрашивали вошедшихъ стоящіе тутъ два священника. «Новорожденного младенца Іисуса», было имъ отвѣтомъ. Затѣмъ отдергивали занавѣсъ, за которымъ былъ младенецъ, всѣ падали передъ нимъ ницъ въ знакъ поклоненія и подносили ему дары. Этотъ древній обычай католической церкви переняли впоследствии школьники. Въ настоящее время они ходятъ съ Виолеемскою звѣздой не только на двѣнадцатый день Рождества, но каждый день въ продолженіи всѣхъ святокъ.

Вотъ какъ это теперь происходитъ въ Швеціи. «Stjern Gossar» — такъ называютъ юношей, которые обходятъ деревню съ «Виолеемскою звѣздой». Ихъ бываетъ человекъ 5, 6. Трое изъ нихъ изображаютъ трехъ царей или волховъ съ востока. Они одѣты въ длинную бѣлую одежду, опоясанную красною лентой. Черезъ правое плечо тоже одѣта лента, но уже другого цвѣта; лѣнтой перевязана и правая рука. На головѣ бумажные вѣнцы изъ золотой и серебряной бумаги. Четвертый юноша, звѣзда-царь, одѣтъ такимъ же образомъ, только его головной уборъ болѣе высокъ и блестящъ, чѣмъ у остальныхъ. Какъ показываетъ названіе, онъ несетъ «Виолеемскую звѣзду». Эта «Виолеемская звѣзда» ничто иное, какъ фонарь въ формѣ шестиугольной звѣзды; онъ сдѣланъ изъ разноцвѣтной бумаги и освѣщенъ одною или нѣсколькими восковыми свѣчами. Эта звѣзда надѣта на длинную палку и устроена такимъ образомъ, что можетъ постоянно оборачиваться кругомъ. Пятый юноша изображаетъ Іуду, въ рукахъ у него кошелекъ; онъ въ звѣриной шкурѣ мѣхомъ вверхъ, а на головѣ у него рогатая шапка изъ черной бумаги. Шестой мальчикъ изображаетъ царя Ирода. Онъ съ большой бородой, съ деревяннымъ мечемъ, привѣшеннымъ сбоку, и въ двуконечной шапкѣ изъ бѣлой бумаги. Мальчики, одѣтые такимъ образомъ, странствуютъ изъ дома въ домъ и входя затягиваютъ пѣсню: «Добрый вечеръ, господа и госпожи; хозяинъ съ хозяйшкой будьте веселы; радостнаго Рождества желаемъ мы вамъ; Господь да оградитъ васъ отъ всякаго зла въ этотъ день». Затѣмъ мальчики продолжаютъ свое пѣніе, при чемъ въ плохихъ стихахъ рассказываютъ о томъ, какъ Марія отправилась въ Виолеемъ, какъ родила божественнаго младенца, какъ волхвы представили свои дары. Когда мальчики пропоютъ въ стихахъ всѣ рассказы священной исторіи изъ времени рожденія Спасителя, Іуда обходитъ присутствующихъ, собирая деньги, хлѣбъ, свѣчи и все, что ему дадутъ на «Виолеемскую звѣзду». Послѣ этого они затягиваютъ хоромъ прощальную пѣсню: «Спасибо, добрые люди, за ваши дары; всякій милостивый даръ будетъ отмѣченъ на небѣ; веселаго Рождества желаемъ мы вамъ; добрая ночь, добрая ночь и большимъ, и малымъ».

Въ числѣ различныхъ увеселеній, которыми забавляется народъ 6-го января, существуетъ оригинальный обычай въ Далекарліи, въ приходѣ Лима. Обычай этотъ называется: «взять себѣ крещенскую жену». Во время танцевъ молодежи, музыка внезапно прекращается, запираютъ двери и выбираютъ изъ среды собравшихся двухъ распорядителей игры. Эти распорядители приказываютъ женщинамъ стать въ кругъ, а мужчинамъ размѣститься рядами у стѣны. По данному знаку музыка начинаетъ играть, и снова начинаются танцы. Черезъ нѣсколько минутъ распорядитель приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ мужчинъ, какъ женатыхъ, такъ и холостыхъ, «выбрать себѣ жену среди танцующихъ женщинъ». Тогда завязывается настоящая схватка между мужчинами, при чемъ нѣкоторые желаютъ овладѣть одною и тою же женщи-

ной или дѣвушкой. Когда выборъ сдѣланъ, каждый изъ мужчинъ обязанъ обнять и поцѣловать свою временную подругу и протанцовать съ нею. Послѣ этой пляски брачный союзъ расторгается и возобновляются обычные танцы съ прежнимъ весельемъ. Та женщина, которая никѣмъ не будетъ выбрана въ этотъ вечеръ въ «крещенскія жены», въ теченіе всего года подвергается изъ-за этого упрекамъ и насмѣшкамъ своихъ знакомыхъ.

Наканунѣ Пасхи также идутъ большія увеселенія. Куда бы ни пошли въ этотъ день, вы со всѣхъ сторонъ услышите выстрѣлы изъ огнестрѣльнаго оружія. Кромѣ того зажигаютъ костры на холмахъ и пригоркахъ. Нѣкоторые объясняютъ обычай этого дня стрѣлять изъ огнестрѣльнаго оружія и зажигать огни желаніемъ отогнать злыхъ духовъ, которые въ это время, какъ и въ Рождественскій сочельникъ, становятся особенно дѣятельными. Ученые же говорятъ, что эти костры имѣютъ нѣкоторую связь съ огнями, нѣкогда зажигаемыми среди лѣта, во время праздника, въ честь Бальдера, бога солнца. Въ этотъ вечеръ каждый ѣстъ молочную рисовую кашу, а также круто сваренныя яйца. Это дѣлается на томъ основаніи, что яйцо считается символомъ воскресенія; хотя оно, какъ говорятъ шведы, повидимому безжизненно, но въ немъ кроется зародышъ жизни, который, сбросивъ земную оболочку, вознесется вверхъ, въ видѣ птицы.

Первое мая—великій народный праздникъ въ среднихъ и южныхъ провинціяхъ Швеціи. Его справляютъ еще наканунѣ вечеромъ. Костры, которые зажигаютъ выстрѣланіемъ двухъ кремней, горятъ на всѣхъ холмахъ и пригоркахъ. Въ каждомъ приходѣ можно видѣть отъ 20 до 30 такихъ огней. Къ нимъ со всѣхъ сторонъ стекается молодежь обоего пола, образуя вокругъ ихъ круги. Если компанія многочисленна, то иногда можно видѣть два и три круга одинъ въ другомъ, которые танцуютъ до пѣздней ночи. Пока молодежь забавляется такимъ образомъ, старики переходятъ отъ одного костра къ другому, подмѣчая, въ какую сторону направляется огонь и четное или нечетное число костровъ въ той или другой мѣстности. Этимъ способомъ они надѣются угадать, какая будетъ весна, холодная или теплая, ранняя или поздняя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи существуетъ въ этотъ вечеръ обычай собираться для празднованія приближенія весны. Для этого парни и дѣвушки, держа въ рукахъ сорванныя березовыя вѣтки, съ деревенскимъ скрипачемъ во главѣ, ходятъ изъ дому въ домъ съ пѣніемъ майскихъ пѣсенъ, главное содержаніе которыхъ состоитъ въ молитвѣ о хорошей погодѣ для посѣва, объ обильной жатвѣ, о земныхъ и небесныхъ благахъ. При пѣніи послѣдняго стиха всѣ снимаютъ шапки и поднимаютъ глаза къ небу. Затѣмъ музыканты переходятъ въ другой тонъ и начинаютъ пѣть молитву Господню, переложенную въ стихи. Хозяева подаютъ пѣвцамъ яйца, хлѣбъ и другіе подарки. Въ томъ домѣ, гдѣ ихъ хорошо приняли, они втыкаютъ въ крышу надъ дверью дома зеленую вѣтку. Такимъ образомъ они странствуютъ всю ночь до утра; когда они посѣтятъ послѣдній домъ, они поютъ сами себѣ прощальную пѣсню и затѣмъ расходятся по домамъ.

Если въ первый день мая стоитъ хорошая погода, то его проводятъ въ уличныхъ увеселеніяхъ и играхъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ приближенію весны. Иногда студенты Упсальскаго университета справляютъ первое мая, представляя въ лицахъ цыганскій таборъ, крестьянскую свадьбу, а однажды они съ большою торжественностью устроили похороны отходящей зимѣ. По окончаніи церемоніи была произнесена остроумная рѣчь, которая впрочемъ была переполнена намеками на лица и событія, имѣющія только мѣстный интересъ. Надгробная рѣчь надъ «правителемъ снѣжныхъ странъ и кавалеромъ ордена снѣжной сохи» была въ послѣдствіи напечатана.

Главную роль въ увеселеніяхъ перваго мая играютъ, какъ и всегда въ Швеціи, музыка и танцы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ танцуютъ въ этотъ день особый танецъ. Юноши становятся въ большой кругъ; они попарно складываютъ свои руки, на которыя садится дѣвушка, опираясь своими руками на плечи обоихъ кавалеровъ, а иногда и обнимая того и другого за шею. Музыка играетъ польку или какой-нибудь другой веселый мотивъ, и танецъ начинается. Юноши мѣрно качаютъ свою ногу, то поднимая, то опуская ее подъ тактъ музыки. Между тѣмъ дѣвушки перебрасываются между собой платками, завязанными въ узелъ, что даетъ поводъ къ нескончаемому смѣху и веселью.

У дѣтей идетъ свой особый пиръ. До его начала они съ опасностью жизни достали изъ сорочьихъ гнѣздъ яйца и птенцовъ, сложили все это въ большую корзинку и, переходя изъ дома въ домъ, поютъ такую пѣсню: «Вамъ поклонъ отъ господина и госпожи сороки, отъ всѣхъ ихъ яицъ и всей мелюзги; дайте имъ милостыню, хотя небольшую, курицъ и цыплятъ, яицъ и всего; добыча, вѣрьте, достанется сорокѣ». И дѣтямъ, дѣйствительно, выносятъ яицъ, ветчины, молока и другихъ домашнихъ припасовъ для «майскаго пиршества».

Первый весенній день, когда послѣ томительной зимы выгоняютъ скотъ на пастбище, съ незапамятныхъ временъ былъ большимъ народнымъ праздникомъ въ Швеціи; это бываетъ въ различное время, смотря по погодѣ, но большею частью около половины мая. Празднество начинается еще наканунѣ тѣмъ, что повсюду зажигаютъ огни, надѣясь такимъ образомъ предохранить скотъ на все лѣто отъ дикихъ звѣрей. Къ тому же, желая отогнать звѣрей какъ можно дальше отъ своихъ стадъ, парни разъѣзжаютъ всю ночь по лѣсу, стрѣлая изъ ружей, трубятъ въ рога и производятъ всевозможный шумъ. Рано утромъ пастухъ, сумка котораго въ этотъ день полна вкусною закуской, отправляется съ своимъ стадомъ въ лѣсъ и тамъ, пока пасется скотъ, украшаетъ его рога листьями и цвѣтами. Въ это время онъ долженъ сдѣлать себѣ палку изъ горной ясени, такъ какъ это дерево обладаетъ разными чудесными свойствами. Въ его отсутствіе дѣвушки рвутъ цвѣты и плетутъ изъ нихъ гирлянды или вѣнки, которыми и украшаютъ свои ворота. Когда въ полдень пастухъ возвращается со скотомъ, то снимаетъ вѣнокъ съ воротъ и прикрѣпляетъ его къ концу своей палки. Важно шествуя во главѣ своего стада, онъ торжественно несетъ эту палку передъ собою. Его встрѣчаютъ жители всей деревни и провожаютъ на скотный дворъ. Каждое животное привязываютъ къ яслямъ, навязываютъ на шею колокольчикъ и, если какая-нибудь изъ коровъ не имѣетъ еще прозвища, то, ударяя ее три раза по спинѣ ясеновой палкой, громко произносятъ имя, которое хотятъ ей дать: «Майская Роза», «Камешекъ», «Снѣжинка», «Божья коровка», «Милая» и другія, не менѣе нѣжныя прозвища. Скоту въ этомъ день задаютъ самый лучшій кормъ, и всѣ присутствующіе садятся за праздничный обѣдъ на скотномъ дворѣ.

Весною скотъ пасутъ сначала по близости деревни, но черезъ нѣсколько недѣль, когда трава подрастаетъ, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ частяхъ страны, его выгоняютъ на «Säter», т. е. выгонъ. Каждая деревня владѣетъ однимъ или нѣсколькими выгонами, которые находятся иногда за нѣсколько миль отъ жилищъ крестьянъ, и оставляютъ тамъ скотъ на все лѣто. Эти небольшіе выгоны разгорожены обыкновенно на нѣсколько участковъ, и на каждомъ изъ нихъ находится, такъ называемая, «Säter Stuga», или хижина, служащая временнымъ жилищемъ для дѣвушекъ, которыя пасутъ скотъ. Ихъ занятія въ продолженіи лѣта очень разнообразны. Онѣ не только пасутъ скотъ, но приготавливаютъ сыръ, масло, исправляютъ разныя домашнія работы. Когда наступитъ время сѣнокоса, онѣ убираютъ и кладутъ въ стога сѣно и дѣлаютъ

на зиму огромный запасъ вѣнниковъ для скота. Эти дѣвушки, чтобы развлечься, а отчасти, чтобы пугать волковъ и медвѣдей, то и дѣло оглашаютъ лѣсъ своими криками и пѣснями. Отъ времени до времени онѣ трубятъ въ пастушескій рогъ, который издаетъ здѣсь протяжные, но чрезвычайно мелодичные звуки, производящіе сильное впечатлѣніе, когда они раздаются среди дикаго пустынного лѣса. Однако часто ни крики дѣвушекъ, ни ихъ пѣсни, ни мелодичные звуки рога, ничто не останавливаетъ голоднаго волка, и онъ дерзко выхватываетъ животное изъ стада. При этомъ дѣвушки выказываютъ замѣчательную храбрость; какъ онѣ вступаютъ въ борьбу съ хищными животными, какъ онѣ выхватываютъ жертву почти изъ пасти, обо всемъ этомъ существуетъ здѣсь множество разсказовъ. И дѣйствительно, лишь одна изъ нихъ замѣтитъ звѣря и закричитъ, дѣвушки бросаются прямо на него, вооруженныя палками. И въ то время, когда свирѣпое животное расправляется со своею жертвою, обрабатываютъ его бока своими палками. Нерѣдко имъ приходится дорого поплатиться за свою смѣлость.

Всѣ описанные праздники, съ самыми ничтожными измѣненіями въ деталяхъ, празднуютъ въ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

СВАДЬБА.

Когда сватовство окончено, то, прежде чѣмъ обвѣнчаться, женихъ и невѣста въ Швеціи совершаютъ обрядъ обрученія: приглашаютъ родныхъ, друзей, въ присутствіи собравшихся обмѣниваются кольцами и берутъ другъ друга за руки для удостовѣренія въ неизмѣнной вѣрности. Въ это время присутствующіе кладутъ свои руки на руки обрученныхъ: это служитъ свидѣтельствомъ торжественнаго обязательства, взятаго на себя женихомъ и невѣстой. Затѣмъжимаютъ руки обручившимся, всѣ подходятъ къ нимъ, поздравляютъ и желаютъ счастья. Если при этомъ присутствуетъ священникъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, то обрученіе получаетъ законную форму и можетъ быть расторгнуто только по взаимному согласію. Когда обрядъ конченъ, женихъ даритъ свой невѣстѣ, въ числѣ другихъ вещей, молитвенникъ съ вытѣсеннымъ на переплетѣ золотымъ сердцемъ и нѣкоторыми изреченіями изъ библіи, подобранными къ данному случаю.

Бракъ совершается обыкновенно спустя нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда даже и лѣтъ. Вѣнчаніе можетъ происходить не только въ церкви, но его очень часто устраиваютъ въ домѣ родителей невѣсты, въ домѣ священника, или въ какомъ нибудь другомъ зданіи. Но, гдѣ бы ни происходилъ этотъ обрядъ, онъ приноситъ съ собою много хлопотъ, и къ нему начинаютъ готовиться за нѣсколько мѣсяцевъ. Свадебныя пиршества продолжаются нѣсколько дней, и такъ на нихъ, даже у бѣдныхъ людей, собирается до ста человѣкъ родни и знакомыхъ, то, казалось бы, они должны быть сопряжены съ большими издержками, но въ дѣйствительности это не такъ. Правда, хозяинъ, дочь котораго выходитъ замужъ, долженъ приготовить порядочный запасъ напитковъ, напечь множество хлѣбовъ и свадебныхъ караваевъ, убить скотину, но всего этого было бы весьма недостаточно для большого количества гостей и для пира, который длится иногда цѣлую недѣлю. Его выручаетъ въ этомъ отношеніи, такъ называемый, обычай «Förning» (отъ шведскаго слова föra—принести). Такъ какъ на свадьбу приглашаютъ обыкновенно все семейство: хозяина, хозяйку, дѣтей и всѣхъ домашнихъ, то глава семейства и посылаетъ людямъ, его пригласившимъ, множество различныхъ съѣстныхъ припасовъ, между которыми главную роль играетъ сыръ, большой коровый и разнаго рода хлѣбы.

За два, за три дня до свадьбы начинают убирать домъ: лѣтомъ его украшаютъ листьями, цвѣтами и гирляндами, но какъ лѣтомъ, такъ и зимой съ каждой стороны ставятъ, такъ называемыя, «невѣстины елочки», т. е. молодыя елки, которыя болѣе чѣмъ до половины очищаютъ отъ вѣтвей и коры такъ, чтобы онѣ представляли нѣчто въ родѣ короны, въ знакъ того, что въ домѣ есть королева.

Въ самый день свадьбы большая суматоха идетъ въ домѣ жениха. На дворѣ слышенъ говоръ и конскій топотъ; лошади выведены изъ конюшни и осѣдланы. Къ лбу лошади, предназначенной для жениха, привязанъ въ большинствѣ случаевъ букетикъ цвѣтовъ, а шея ея обвита гирляндой изъ васильковъ или искусственныхъ цвѣтовъ. Друзья, другъ за другомъ, подъѣзжаютъ къ дому жениха; всѣ они верхами, въ синихъ развѣвающихся по вѣтру плащахъ. Наконецъ, выходятъ женихъ, съ кнута-мъ въ рукѣ и съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ въ петлицѣ своего синяго кафтана. Всѣ садятся на лошадей и отправляются въ домъ невѣсты. Впереди ѣдетъ сватъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ музыкантовъ, за ними женихъ и множество пріятелей; всѣ вооружены ружьями или пистолетами. Сзади нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, тянется еще фура, нагруженная яствами и напитками.

Въ каждой деревнѣ, гдѣ имъ придется проѣзжать, поставлена триумфальная арка, чрезвычайно мило и оригинально убранная цвѣтами, лентами, зеленью, вѣнками. Лишь только поѣздъ въѣзжаетъ подъ арку, какъ мгновенно всѣ пріятели жениха стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, нѣкоторые соскакиваютъ даже съ лошадей и стрѣляютъ въ нарочно приготовленные кучки хвороста, которыя легко вспыхиваютъ другіе подбѣгаютъ къ фурѣ, быстро выхватываютъ бутылку съ пуншемъ или водкой, наливаютъ ее и угощаютъ другихъ съ криками ура; музыка гремитъ въ эту минуту съ особенной энергіей и нерѣдко раздается даже дробь барабана. Но вотъ опять сразу все смолкаетъ, и поѣздъ снова пускается въ путь. Такое оживленіе происходитъ каждый разъ при въѣздѣ подъ триумфальную арку.

Наконецъ приближаются къ дому невѣсты. Четыре человѣка выѣзжаютъ впередъ и объявляютъ хозяину, что одинъ воинъ (а иногда говорятъ: рыцарь) съ своею свитою остановился въ лѣсу и проситъ гостепріимства. «А много ли васъ?» спрашиваетъ отецъ невѣсты. — «Сотни три, по крайней мѣрѣ», отвѣчаютъ ему. — «Будь васъ въ семеро больше — добро пожаловать, а вы напередъ выпейте», говоритъ хозяинъ и подаетъ каждому вина. Послѣ этого все общество жениха съ веселыми криками, съ музыкой объѣзжаетъ кругомъ «невѣстиныхъ елочекъ», дѣлая выстрѣлы, и, наконецъ, при крикахъ ура и подъ звуки очень шумной музыки, всѣ сходятъ съ лошадей.

Между тѣмъ невѣста, съ короною на головѣ и со слезами на глазахъ, сидитъ въ комнатѣ. Смотри по мѣстности, она и одѣта различно. Иногда вы увидите на ней красный корсажъ съ широкими полотняными рукавами; станъ ея обхватываетъ поясъ, вышитый золотомъ; на шеѣ нѣсколько нитокъ жемчугу. Въ иныхъ мѣстностяхъ подвѣчный нарядъ состоитъ изъ чернаго шелковаго платья, украшеннаго пестрыми лентами, серебряными украшениями и искусственными цвѣтами. Но откуда бы ни была невѣста, на головѣ ея непременно вѣнецъ. Иногда корона, состоящая обыкновенно изъ цвѣтной бумаги и украшенная блестками, лежитъ на вѣнкѣ изъ полевыхъ розъ или изъ кипарисовыхъ вѣтвей. Очень часто на головѣ невѣсты одѣта церковная корона, тяжелый серебряный вѣнецъ, который дѣвушка-невѣста имѣетъ право надѣть не только въ церкви, но и въ домѣ въ день брака.

Изъ дома невѣсты брачный поѣздъ отправляется въ церковь. Музыканты и дружки, сопровождающіе невѣсту, бываютъ обыкновенно самые сильные и растороп-

ные юноши и идутъ верхами. Шляпы этихъ людей украшены длинными, распущенными пестрыми лентами; на шеѣ у нихъ слегка завязаны полотняные платки, концы которыхъ развѣваются по воздуху. Какъ во время пути къ дому невѣсты, такъ и теперь по дорогѣ къ церкви или дому священника, вездѣ, гдѣ нужно проѣзжать триумфальную арку, стрѣляютъ, кричатъ ура и музыка наигрываетъ веселые мотивы.

Свадьба въ Швеціи совершается обыкновенно по воскресеньямъ. И женихъ, и невѣста пріѣхали къ началу службы. Къ концу богослуженія брачная чета приближается къ алтарю и на нѣкоторомъ разстояніи отъ него преклоняетъ колѣна. Священникъ исполняетъ надъ ними церемонію, которая здѣсь очень несложна и оригинальна только въ томъ отношеніи, что подружки невѣсты и нѣкоторые изъ присутствующихъ мужчинъ все время держатъ надъ головами брачующейся четы балдахинъ изъ шалей.

По окончаніи церемоніи священникъ даетъ свое благословеніе, и всѣ выходятъ изъ церкви почти въ томъ же порядкѣ, какъ вошли: музыканты идутъ впереди, наигрывая тотъ или другой веселый мотивъ, за ними молодые и наконецъ гости.

Если бракъ совершается въ домѣ невѣсты, то комнату, въ которой будетъ совершена брачная церемонія, увѣнчиваютъ бѣлымъ холстомъ, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ будетъ стоять брачная чета, устраиваютъ балдахинъ изъ шалей. Въ ту минуту, когда женихъ и невѣста занимаютъ уже свои мѣста подъ балдахиномъ и передъ ними становится священникъ, раскрывается дверь, и молодыя дѣвушки, при звукахъ музыки, вносятъ въ комнату свадебную подушку, украшенную цвѣтами и лентами, и кладутъ ее передъ брачующимися, такъ какъ они преклоняютъ на нее свои колѣна.

Когда послѣ вѣнчанія возвращаются домой, садятся за торжественный обѣдъ, при чемъ гости размѣщаются сообразно степени ихъ родства съ женихомъ и невѣстой. Несмотря на это, гости очень долго размѣщаются по мѣстамъ. То одинъ, то другой исчезаетъ изъ комнаты, гдѣ накрытъ столъ, чтобы заставить искать себя и чтобы уже сами хозяева привели его на то мѣсто, какое онъ долженъ занять на этотъ разъ. Занять самому мѣсто наиболѣе почетное считается большою навязчивостью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ молодыхъ садятъ за особый столъ вмѣстѣ съ подругами молодой женщины, но болѣею частью они сидятъ за общимъ столомъ и подъ балдахиномъ. Каждое кушанье, которыхъ обыкновенно бываетъ отъ четырехъ до семи, вносятъ въ комнату при звукахъ музыки. Прислуживаютъ за столомъ дружки жениха, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остаются въ шляпахъ во время обѣда. Всего оригинальнѣе то, что самъ хозяинъ, чтобы показать, что онъ господинъ и у себя въ домѣ, расхаживаетъ безъ сюртука и лично не принимаетъ никакого участія въ распоряженіяхъ; онъ отдастъ приказанія распорядителю, которымъ бываетъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ. Такой распорядитель долженъ обладать двумя качествами: быть краснорѣчивымъ, чтобы умѣть сказать хорошую рѣчь и, несмотря на обильныя возліянія, до конца пира оставаться на ногахъ. Хотя пьянство въ Скандинавскомъ государствѣ теперь значительно уменьшилось, но все же во время свадебнаго пира трудно оставаться трезвымъ, особенно если принять во вниманіе склонность шведовъ и норвежцевъ къ вину и то, что въ это время, кромѣ «Finkel» (обычной мѣстной водки, перегоняемой изъ картофеля), на столѣ стоитъ коньякъ и множество другихъ напитковъ.

Вставъ изъ-за стола, старики принимаются за трубки, а молодые танцуютъ, забавляясь въ промежуткахъ играми и загадками. При этомъ во многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай «вытанцовывать вѣнецъ съ головы новобрачной». Молодой завязываютъ глаза, и въ то время, когда кругомъ ея дѣвушки пляшутъ хороводомъ, она

снимаетъ вѣнецъ съ своей головы и на удачу надѣваетъ его на голову той или другой дѣвицы. Существуетъ повѣрье, что та, на долю которой выпадаетъ эта честь, раньше другихъ выйдетъ замужъ. Послѣ этого завязываютъ глаза дѣвушкѣ, которая получила вѣнецъ, и она въ свою очередь надѣваетъ его на голову слѣдующей. Затѣмъ молодую на стулѣ поднимаютъ надъ головами ея подругъ, и она должна, среди оглушительныхъ криковъ, провозгласить тостъ, сущность котораго заключается въ пожеланіи, чтобы всѣ присутствующія дѣвушки вышли замужъ. Затѣмъ она пьетъ за здоровье женщинъ.

Но вотъ уже давно полночь, а молодежь все танцуетъ и забавляется. Дѣвушки становятся въ кружокъ около новобрачной, а замужнія женщины составляютъ другой кружокъ и стараются проникнуть къ дѣвушкамъ и отнять у нихъ молодую. Имъ удастся это послѣ продолжительнаго сраженія. Тогда онѣ снимаютъ корону съ головы молодой, жемчугъ съ ея шеи, развязываютъ передникъ и въ одномъ платѣ въводятъ ее въ ея комнату, куда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слѣдуютъ за нею всѣ гости съ зажженными свѣчами.

Въ это время новобрачный подвергается почти той же церемоніи, какъ и новобрачная. Холостые образуютъ вокругъ него кругъ, и затѣмъ одинъ изъ нихъ поднимаетъ его на свои плечи; при этомъ молодой прощается съ своими холостыми товарищами. Тутъ подходятъ женатые и насильно овлаживаютъ имъ, при чемъ между ними и холостяками происходятъ стычки, которыя по временамъ бываютъ на столько энергичны, что оставляютъ слѣды не только на одеждѣ, но и на физиономіяхъ участвующихъ.

ХАРАКТЕРЪ И ЗАНЯТІЯ НАРОДА.

Жизнь и понятія шведовъ.—Ихъ національныя добродѣтели и пороки.—Грамотность и обученіе въ школахъ ручному труду.—«Крестьянскіе университеты» и ихъ замѣчательное вліяніе на крестьянъ.—Общества трезвости и ихъ значеніе.—Жилище, пища и одежда шведовъ.—Карріоль—знаменитый экипажъ скандинавскаго полуострова и дороги въ странѣ.—Прошлое шведскаго народа.—Землевладѣніе.—Сельское и лѣсное хозяйство.—Скотоводство.—Земледѣліе.—Арендаторы-фермеры, торпары, сельскіе рабочіе,—ихъ трудъ и заработокъ.—Промышленность и шведскія фабрики.—Отношеніе между хозяевами и рабочими.—Характеръ шведскихъ рабочихъ и ихъ положеніе.—Горное дѣло и Даннеморскіе рудники.—Кустарная промышленность.—Охота и рыбная ловля.

Голубые глаза, свѣтлые волосы и розовыя щеки шведовъ тотчасъ обнаруживаютъ ихъ германское происхожденіе. Говоря о ихъ національномъ характерѣ, нужно имѣть въ виду, что горожане сильно отличаются отъ сельскихъ жителей. Мало того, существуетъ большое различіе между горожанами большихъ городовъ и малыхъ. Зажиточные жители Стокгольма и Готенбурга стараются подражать французамъ; деревенское же населеніе придерживается старины, живетъ какъ жили дѣды и прадѣды, на сколько это возможно въ настоящее время. Представителями шведскихъ крестьянъ считаютъ далекарлійцевъ—жителей провинціи Даларне. (Даларне собственно означаетъ «земля долинъ», а далекарлійцы—«люди долинъ»). Далекарлійцы стройны, высоки ростомъ, чрезвычайно хорошо сложены; они отличаются необыкновенною простотою жизни и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Они сохранили національную шведскую одежду и многіе старые обычаи. Въ Даларне вы встрѣчаете далекарлійца, въ большинствѣ случаевъ, въ круглой шляпѣ, большихъ сапогахъ и въ свѣтломъ камзолѣ съ синими обшлагами; ихъ жены въ пестромъ передникѣ и еще болѣе пестромъ головномъ уборѣ, или въ широкой свѣтлой юбкѣ и въ бархатномъ корсажѣ, застегнутомъ цѣпочками.

Деревенскіе жители въ Швеціи чрезвычайно привязаны ко всему старинному и патриархальному. Они твердо придерживаются старыхъ обычаевъ и правовъ въ отношеніи религіи, одежды, пищи и при народныхъ празднествахъ. Впрочемъ и сельскіе жители состоятъ нерѣдко изъ двухъ элементовъ,—изъ крестьянъ и дворянъ. Народъ шведскій до 1865 г. раздѣлялся на четыре сословія: *дворянъ, духовенства, горожанъ и крестьянъ*. Хотя съ 1865 г. дворяне потеряли свои политическія преимущества, тѣмъ не менѣе у нихъ остались до сихъ поръ ихъ титулы и средневѣковые замки, но прежняго гонора не осталось и слѣда.

Въ характерѣ и обычаяхъ шведскаго простонародья чрезвычайно много общаго съ норвежцами: въ гостепріимствѣ они не отстаютъ отъ своихъ сосѣдей; въ замѣчаете въ нихъ то же добродушіе, ту же сдержанность вмѣстѣ съ склонностью къ веселю и пирамъ. Выдающіяся черты характера этого народа, какъ и въ Норвегіи,—благочестіе, трудолюбіе и гостепріимство. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ сохранилось много суевѣрій отъ языческихъ временъ. Здѣсь играютъ большую роль симпатіи, колдовство, волшебство, заговоры, привидѣнья, предсказанья и волшебныя жезлы. Иногда можно видѣть большую кучу камней, обязанную своимъ происхожденіемъ суевѣрію. Шведы вѣрятъ, что казненный долго бродитъ на землѣ, принимая самые странные образы. Чтобы избавиться отъ этого, считаютъ вѣрнымъ средствомъ, проходя мимо мѣста казни, каждый разъ бросить туда камень. Ни одинъ народъ не богатъ такъ преданіями, какъ шведы, и ни одинъ народъ, за исключеніемъ исландцевъ, не сохранилъ въ такой степени память о языческихъ богахъ.

Съ ранней молодости шведъ привыкаетъ къ тяжелой работѣ, къ разумному распредѣленію времени, и въ послѣдствіи онъ становится человѣкомъ дѣятельнымъ и практичнымъ. Скучная жатва его полей и длинная зима заставляютъ его, какъ въ Норвегіи, изучить множество работъ и ремеслъ. Каждый крестьянинъ въ одно и то же время сапожникъ, плотникъ, кузнецъ, столяръ, каменщикъ, портной; его жена вяжетъ, прядетъ, ткетъ и шьетъ. Такомъ образомъ, всѣмъ потребностямъ шведы удовлетворяютъ собственными средствами. Тѣмъ не менѣе здѣсь, какъ и въ Норвегіи, существуютъ «странствующие ремесленники». Эти «странствующие ремесленники» составляютъ совершенно особый классъ бездомныхъ бродягъ. Каждый изъ нихъ объѣзжаетъ извѣстную мѣстность и живетъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, оставаясь въ нихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обошьетъ всю семью. Шведы, при своей однообразной, одинокой и уединенной жизни, всегда рады такому странствующему ремесленнику. Онъ вноситъ большое оживленіе, рассказывая о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ другихъ семействахъ. Ему особенно рады дѣти, такъ какъ ихъ мать въ эти дни подаетъ на столъ лучшія кушанья и старшіе оживлены болѣе обыкновеннаго. Но эти странствующие ремесленники являются въ домахъ наиболѣе зажиточныхъ и тамъ шьютъ только праздничную одежду и обувь, все остальное шведы дѣлаютъ сами, какъ ради экономіи, такъ и потому, что всѣ они имѣютъ большую способность къ механическимъ работамъ разнаго рода. Дѣвушки изготовляютъ столько нарядовъ и предметовъ домашняго обихода, что ихъ приходится продавать. Если же, несмотря на трудолюбіе, шведа постигаетъ какое-нибудь несчастіе—пожаръ, который случается здѣсь довольно часто вслѣдствіе деревянныхъ построекъ, неурожай, онъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и мужествомъ переноситъ свое несчастіе. Онъ безропотно ѣстъ свой хлѣбъ изъ желудей и древесной коры, берется за всякую работу, какая только ему представится, и, когда уже ничто не удастся, выселяется съ родины.

На иностранца шведъ производитъ впечатлѣніе человѣка ласковаго, миролюбиваго

ваго и гостепріимнаго. Какъ въ Норвегіи, такъ и въ Швеціи, всякій можетъ разсчитывать на самое безкорыстное гостепріимство. Какъ бѣднякъ, такъ и первый богачъ готовъ отдать все путешественнику, который забрелъ въ его хижину. Собственность чужестранца, какъ и его особа, считаются здѣсь неприкосновенною святыней. Воровство, которое случается здѣсь вообще въ высшей степени рѣдко, считается постыднымъ порокомъ. Что касается умственныхъ качествъ шведовъ, то люди талантливые между ними не рѣдкость, что доказываетъ намъ большое число писателей, ученыхъ и художниковъ, тѣмъ не менѣе, какъ бы согласно съ суровою природою своей страны, шведы не отличаются блестящими качествами подвижнаго ума. Они чрезвычайно проницательны, благоразумны, обдуманно въ своихъ поступкахъ, болѣе отдаются семейнымъ интересамъ, чѣмъ общественнымъ, и если любятъ собираться вмѣстѣ, то прежде всего для личныхъ цѣлей, чтобы повеселиться и выпить. Когда они въ сборѣ, они танцуютъ и говорятъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ,—политика ихъ интересуется меньше, чѣмъ норвежцевъ, и лишь самые интеллигентные представители молодого поколѣнія выработали опредѣленные общественные идеалы. Вообще шведы менѣе склонны къ общественной жизни и политикѣ, чѣмъ ихъ сосѣди норвежцы. Хотя шведы, какъ и норвежцы, никогда не испытали рабства, но все же шведскій народъ обладаетъ менѣе широкими правами, чѣмъ норвежцы. Вслѣдствіе многочисленности и обширности своихъ озеръ, которыя въ свою очередь соединяются каналами съ моремъ, шведъ, среди своей скалистой страны, на половину сдѣлался морякомъ. Поэтому родина варяговъ, морскихъ королей и викинговъ и до настоящаго времени даетъ самыхъ лучшихъ моряковъ и воиновъ, хотя слава ихъ, вслѣдствіе историческихъ причинъ, нѣсколько поблекла въ послѣднее столѣтіе.

Почти первобытная простота, первобытное уединеніе и тишина царствуютъ въ этихъ странахъ сѣвера. Не только въ деревняхъ, но и въ городахъ, часто тотчасъ за городскими воротами, вы бываете окружены дикими лѣсами. Куда ни взгляните, вездѣ темнѣютъ ели, надъ вашей головой висятъ длинныя вѣтви, обремененныя красными и синими еловыми шишками; подъ ногами хруститъ коверъ изъ пожелтѣлыхъ иглъ; кругомъ тишина лѣса.

Шведскіе крестьяне встаютъ очень рано и даже среди зимы принимаются за дѣло въ три или четыре часа утра. Такимъ образомъ еще за нѣсколько часовъ до разсвѣта можно слышать шумъ самопрялки или стукъ цѣпа на дворѣ. По воскресеньямъ, несмотря ни на какую погоду, ни на отдаленность церкви отъ жилища, шведъ непременно отправляется въ нее не только изъ благочестія, но чтобы съ людьми повидаться, дѣла свои обдѣлать и узнать новости. Съ церковной кафедры по воскресеньямъ обыкновенно провозглашаютъ всѣ законы и рѣшенія, все, что касается торговли и сношеній, продажи съ аукціона и т. п., такъ какъ въ деревняхъ нѣтъ ни газетъ, ни объявленій. Обыкновенно крестьяне хорошо знаютъ законы своей страны и нѣкоторые изъ нихъ занимаются мелкими адвокатскими дѣлами, составляютъ жалобы и разные документы.

Хотя шведы очень серьезны, медленны и покойны, но они дѣлаются ужасны при сильномъ раздраженіи. Они рѣдко прощаютъ обиду и всегда стараются отомстить. Деревенскія дѣвушки страстно любятъ танцы и наряды и, если нанимаются въ услуженіе въ городъ, тратятъ на свои украшенія все жалованье. Шведскій крестьянинъ большой охотникъ покурить, и даже жена его по временамъ куритъ трубку. Многіе жуютъ и нюхаютъ табакъ и иногда доходятъ до излишества въ томъ и другомъ. Набивая табакомъ ротъ, шведы обыкновенно кладутъ его между нижней губой и зубами.

Божба сильно распространена между шведскими крестьянами; они никакъ не могутъ отстать отъ этой дурной привычки. Кромѣ того, чѣмъ больше раздраженъ шведъ, тѣмъ большее количество чертей призываетъ онъ въ свидѣтели. «Ахъ, чертъ», срывается у него съ языка, когда вѣтви дерева коснутся его лица; «тысячу чертей», кричитъ онъ, когда раздеретъ себѣ одежду этими вѣтвями; «сто тысячъ чертей» и даже цѣлый «милліонъ» вызываетъ онъ тогда, когда съ нимъ случается какая нибудь непріятность уже большой важности.

Подъ старость или въ случаѣ увѣчья, если бѣднякъ не имѣетъ родныхъ или достаточно средствъ, чтобы себя содержать, его кормить тотъ приходъ, гдѣ онъ числится по мѣсту жительства. Здѣсь бѣдныхъ не запираютъ въ рабочіе дома, какъ въ Англіи, но, помогая имъ, предоставляютъ полную свободу оставаться въ своихъ семействахъ; иногда ихъ отдаютъ «на прокормленіе», т. е. они получаютъ столъ и квартиру у прихожанъ по очереди, или помѣщаютъ ихъ въ какой нибудь семьѣ на счетъ прихода. Однако, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эти приходы играли чрезвычайно печальную роль въ жизни народа, и человѣкъ представлялъ собою родъ недвижимаго имущества. Принужденный обстоятельствами жить не тамъ, гдѣ родился, шведъ часто терялъ право считаться членомъ прихода, къ которому онъ принадлежалъ въ силу своего рожденія, и такимъ образомъ онъ терялъ право гражданства въ старомъ приходѣ и не получалъ его въ новомъ. Во всякомъ случаѣ переходъ изъ одного прихода въ другой былъ сопряженъ со множествомъ неудобствъ. Но теперь законы на столько измѣнились въ этомъ отношеніи, что, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ другомъ приходѣ, шведъ можетъ получить въ немъ осѣдлость. Это гораздо удобнѣе для бѣдняка, который въ настоящее время можетъ искать себѣ заработка въ любой части королевства.

Только немногіе изъ шведскихъ крестьянъ имѣютъ прозвища, и потому дѣти къ своему имени обыкновенно прибавляютъ имя отца. Такъ, напр., если отецъ называется Свенъ Ларсонъ, то сынъ его, Янъ или Нильсъ, уже будетъ Янъ Свеновъ или Нильсъ Свеновъ, а дочь Марія или Бритта Свенова. Тѣмъ не менѣе этотъ обычай былъ бы крайне неудобенъ, если бы не было принято въ дѣлахъ вмѣстѣ съ именемъ обозначать и мѣсто жительства даннаго лица.

Начиная отъ молоденькой дѣвочки до пожилой женщины, въ Швеціи всѣ дѣлаютъ книксенъ. Если вы покупаете что нибудь у торговки, то она благодаритъ васъ и при полученіи денегъ дѣлаетъ вамъ глубокій книксенъ. Всѣхъ дѣвицъ средняго и низшаго сословія называютъ «мамзель»,—это то же самое, что у французовъ *mademoiselle*; но дѣвушекъ изъ семействъ дворянъ или вообще образованныхъ называютъ «fröken». Первая пѣвица Стокгольмской оперы—«мамзель», дочь же знатнаго дворянина—»fröken». Впрочемъ это различіе въ названіи все болѣе исчезаетъ, и ко всѣмъ дѣвушкамъ, какъ благороднымъ, такъ и къ неблагороднымъ обращаются со словомъ «fröken». Замужнія женщины въ Швеціи называются «fröw», но у болѣе знатныхъ къ этому прибавляютъ еще титулъ мужа.

По вечерамъ между замужними женщинами существуетъ обычай устраивать посидѣлки для пряжи. Сговорившись напередъ, у кого собираться, всѣ женщины работаютъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, гдѣ каждая сидитъ за своей самопрялкой и такимъ образомъ вмѣстѣ, въ разговорахъ и пѣняхъ, коротаютъ длинные зимніе вечера. Молодыя дѣвушки также нерѣдко устраиваютъ собранія, но не въ домѣ, а обыкновенно на скотномъ дворѣ.

Шведы, какъ мужчины, такъ и женщины, чрезвычайно любятъ ярмарки, которыя они всегда усердно посѣщаютъ, и не только для того, чтобы сбыть свои работы

и хозяйственные сбереженія, но чтобы поболтать и посмотреть на движеніе. Одна изъ извѣстныхъ ярмарокъ въ странѣ устраивается обыкновенно въ Лундѣ, въ Шоненѣ. Она продолжается отъ начала поста до Пасхи и имѣетъ такое же значеніе для народа, какъ карнавалъ въ южныхъ европейскихъ странахъ. Въ среду на первой недѣлѣ здѣсь устраиваютъ лошадиный базаръ. Множество народу собирается посмотреть лошадей. Здѣсь между лошадиными барышниками, какъ и вездѣ, множество цыганъ. Они молодцовато гарцуютъ на горячихъ лошадяхъ, которыя часто въ другихъ рукахъ не идутъ ни взадъ, ни впередъ и оказываются совершенно негодными для ѣзды. Этотъ день въ то же время и самый оживленный во время всей ярмарки. Трактиры и харчевни полны народа. Огромная толпа снуетъ въ балаганахъ, построенныхъ среди улицы. Въ одной кучкѣ собравшіеся затѣяли ссору и довольно усердно поколачиваютъ другъ друга въ спину и тягаютъ за шиворотъ, въ другой пускаютъ въ ходъ и ножи,—крестьяне носятъ ихъ постоянно при себѣ сбоку въ кожаномъ мѣшкѣ; но эта расправа практикуется все рѣже, особенно съ уменьшеніемъ пьянства.

Крестьяне, въ обычныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, не проявляютъ чувства равенства: крестьяне-собственники значительнаго земельного надѣла относятся къ малоземельнымъ, а особенно къ безземельнымъ не какъ равные къ равнымъ, а покровительственно, перѣдко даже высокомѣрно, какъ высшіе къ низшимъ. Правда, зажиточный крестьянинъ не обидитъ своего батрака или мелкаго арендатора, не будетъ безжалостно прижимать его работой, тѣснить его уплатой жалованья; онъ работаетъ вмѣстѣ съ батракомъ и отдыхаетъ съ нимъ одинаковое количество времени, тѣмъ не менѣе онъ держитъ себя съ нимъ совсѣмъ иначе, чѣмъ съ такимъ-же, какъ онъ, крестьяниномъ-собственникомъ. Безземельный или малоземельный идетъ въ гости къ человѣку своего положенія, но не къ крестьянину, владеющему крупнымъ земельнымъ участкомъ, къ которому онъ заходитъ только по дѣлу. Лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ богатый крестьянинъ выдаетъ свою дочь замужъ за малоземельнаго, считая такой бракъ для себя униженнымъ. Въ самое послѣднее время, когда молодые крестьяне, прослушавъ курсъ въ одно изъ «крестьянскихъ университетовъ», возвращаются домой, ихъ снѣсъ по отношенію къ бѣднымъ собратьямъ замѣтно ослабѣваетъ и замѣняется иногда даже искреннею дружбою, но такихъ пока еще очень мало, а на крестьянокъ, всегда болѣе закоренѣлыхъ въ своихъ предразсудкахъ, даже университетскій курсъ вліяетъ въ этомъ отношеніи очень мало. Встрѣчаясь съ другими въ стѣнахъ «крестьянскихъ университетовъ», каждая дѣвушка, какъ и въ своей деревнѣ, держится только своихъ: крестьянки зажиточныхъ семей дружатъ съ дѣвушками одинаковаго съ ними положенія, дочери родителей безземельныхъ—съ безземельными, мѣщанки только съ мѣщанками. Даже тутъ, въ университетѣ, въ который многія изъ нихъ вступаютъ такъ же, какъ и крестьянскіе юноши, «горожанки задираютъ носъ передъ мужичками, а богатые крестьянки съ своей стороны презираютъ нищенковъ-мѣщаночекъ».

Грамотность среди шведовъ разлита широкой волной. Въ устройствѣ школъ и въ преподаваніи въ Швеціи и Норвегіи очень много общаго: какъ здѣсь, такъ и тамъ обученіе обязательно. Земства въ деревняхъ, а городскія думы въ городахъ обязаны устраивать столько школъ, чтобы въ нихъ было мѣсто для каждого ребенка въ околѣдѣ. Обученіе даровое: платы съ учениковъ не берутъ, а если родители представляютъ свидѣтельство о бѣдности, то ихъ дѣтямъ даютъ даромъ даже книги и учебныя пособія. Такимъ образомъ у шведскаго простонародья совершенно отнять какой бы то ни было предлогъ оставлять своихъ дѣтей безъ образованія, но если такіе найдутся, что бываетъ здѣсь крайне рѣдко, то отъ нихъ отнимаютъ

совсѣмъ дѣтей, какъ отъ людей, не достойныхъ ихъ воспитывать. Кромѣ того на родителей, нерадивыхъ относительно грамотности своихъ дѣтей, налагаютъ значительный денежный штрафъ. Штрафу подвергается также каждый фабрикантъ, каждый мастеръ, который приметъ къ себѣ ребенка, не имѣющаго аттестата объ окончаніи элементарнаго курса. Тамъ, гдѣ разстояніе жилищъ слишкомъ далеко одно отъ другого, или гдѣ устройству школы мѣшаютъ большія водныя пространства и необитаемыя мѣстности, тамъ, какъ и въ Норвегіи, устраиваютъ передвижныя школы. Кромѣ обычныхъ предметовъ, въ народныхъ школахъ обучаютъ рисованію, черченію геометрическихъ фигуръ, пѣнію, гимнастикѣ. Если при школѣ существуетъ огородъ или садъ (что бываетъ обыкновенно), въ такомъ случаѣ дѣтей обучаютъ посадкѣ и уходу за растеніями и деревьями, а также прививкѣ фруктовыхъ деревьевъ. Затѣмъ каждый желающій можетъ научиться въ народной школѣ самымъ разнообразнымъ ручнымъ работамъ. Хотя обученіе ручному труду здѣсь не обязательно, но обыкновенно всѣ ученики и ученицы съ большою любовью занимаются имъ, такъ какъ получили къ нему привычку еще дома. Сильно помогаетъ этому и «общество для содѣйствія развитію домашнихъ работъ». Это общество между прочимъ поставило своею задачей введеніе обученія домашнимъ работамъ въ начальную школу. Не мало содѣйствуетъ усовершенствованію домашнихъ издѣлій и правительство, которое назначаетъ пособіе для поддержанія этого дѣла въ народныхъ школахъ, а также на учрежденіе внѣшкольных занятій по этому предмету. Ручнымъ трудомъ занимаются преимущественно въ старшихъ отдѣленіяхъ народныхъ школъ. Ученики обучаются прежде всего столярному и кузнечному ремеслу, а если есть время и возможность, то и токарному искусству, вырѣзыванію изъ дерева, всевозможнымъ вязаньямъ, шитью, картонажному мастерству и т. п. Въ народной шведской школѣ можно прекрасно научиться различнымъ домашнимъ работамъ не только отъ учителей специалистовъ, но и отъ товарищей; большинство, кромѣ общераспространенныхъ ручныхъ работъ, знаетъ и какую нибудь особенную работу, переходящую въ его семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе,—ее-то быстро перенимаютъ школьники и школьницы.

Между шведами трудно найти безграмотнаго: шведская школа не только уже давно прекрасно обставлена и поставлена, но она постоянно совершенствуется, что видно изъ статистическихъ данныхъ: въ 1875 г. изъ ста человѣкъ еще можно было найти одного безграмотнаго, а въ 90-хъ г.г. такого не всегда встрѣтишь даже изъ 500 человѣкъ.

Какъ шведы, такъ и норвежцы имѣютъ теперь возможность не ограничивать свое образованіе народной школой, а весьма расширить его въ высшихъ народныхъ школахъ.

Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ г.г. нынѣшняго XIX стол., въ Швеціи и Норвегіи появилось множество романовъ и повѣстей изъ крестьянскаго быта, и въ обществѣ той и другой страны пробудился живѣйшій интересъ къ своему народу. Многіе молодые люди, окончивъ курсъ въ университетахъ и нерѣдко имѣя въ виду выгодную карьеру, бросали все, чтобы идти въ народъ въ качествѣ учителей и лекторовъ и нести просвѣщеніе въ темную массу. Мало по малу начала возникать и мысль объ устройствѣ высшихъ народныхъ школъ для крестьянъ обоего пола. И дѣйствительно, какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи, скоро были устроены такія заведенія, по образцу датскихъ школъ, но въ названныхъ двухъ странахъ онѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, превзошли ихъ. Законъ Божій въ составъ преподаванія этихъ университетовъ не входитъ потому, что среди учениковъ много послѣдователей различныхъ сектъ. Вотъ это-то обстоятельство на первыхъ порахъ сильно содѣйствовало увели-

ченію числа учащихся: когда сектанты убѣдились, что «высшія школы «дѣлаютъ свое дѣло и не думаютъ вовсе о томъ, чтобы обращать ихъ въ лоно государственной церкви, они стали сильно стремиться въ нихъ. Хотя въ этихъ школахъ нерѣдко обучаются не только дѣти земледѣльцевъ, но и другихъ рабочихъ (въ послѣднее время начали устраивать и школы спеціально для рабочихъ), но ихъ чаще всего называютъ здѣсь «*крестьянскими университетами*», такъ какъ главный контингентъ учениковъ и ученицъ—молодежь крестьянскаго сословія. Мысль устроить такіе университеты въ Швеціи и Норвегіи особенно удачна: Норвегія—страна съ чрезвычайно слабо развитою промышленностью, а въ Швеціи, несмотря на быстрый ростъ промышленности въ послѣднее время, она едва-ли, даже въ далекомъ будущемъ, разовьется въ такой степени, какъ въ западно-европейскихъ государствахъ. По всей вѣроятности Швеція еще очень долго останется страной преимущественно земледѣльческою. Необходимо было устроить крестьянскіе университеты въ этихъ двухъ странахъ и вотъ по какой причинѣ: тамъ, гдѣ простой народъ играетъ какую нибудь роль въ политической жизни страны, обыкновенно жалуются на то, что крестьяне являются въ высшей степени консервативнымъ элементомъ и противодействуютъ необходимымъ реформамъ и нововведеніямъ. Это происходитъ обыкновенно оттого, что крестьяне—люди наименѣе умственно развитые и образованные. Такъ какъ въ Швеціи народъ играетъ весьма дѣятельную роль въ государственной жизни, а въ Норвегіи онъ является неограниченнымъ распорядителемъ своей судьбы, то это уже одно требуетъ, чтобы крестьяне въ этихъ странахъ были людьми болѣе или менѣе свѣдущими и просвѣщенными. Къ тому-же у крестьянъ этихъ двухъ странъ, вслѣдствіе суроваго климата и продолжительной зимы, остается много свободнаго времени. Во время осеннихъ бурь, зимнихъ мятелей и непогоды прекращается иногда всякое сообщеніе на продолжительное время, а жители шхеръ (скалистыхъ островковъ) иногда по цѣлымъ недѣлямъ не могутъ выходить даже изъ дому. Жители этихъ шхеръ, до самаго послѣдняго времени, а отчасти даже и теперь, представляютъ въ высшей степени грубую, невѣжественную массу, среди которой нерѣдко совершаются звѣрскія преступленія. Для всѣхъ скандинавскихъ крестьянъ вообще, а для жителей этихъ шхеръ въ особенности, «крестьянскіе университеты» являются настоящимъ благодѣяніемъ.

Въ настоящее время въ Швеціи существуетъ уже 25 такихъ университетовъ или высшихъ крестьянскихъ школъ, болѣе чѣмъ съ тысячею учащихся; изъ нихъ $\frac{3}{4}$ мужчинъ, остальные—женщины. Цѣль, которую преслѣдуютъ эти «крестьянскіе университеты», такова: не отнимая крестьянина отъ земли, пробудить въ немъ сознание, сдѣлать его человекомъ мыслящимъ и интересующимся окружающею жизнью, развить въ немъ любовь къ полезному чтенію подъ руководствомъ опытнаго наставника. Главные предметы преподаванія: родной языкъ, исторія скандинавскихъ народовъ, всеобщая исторія, математика, географія, гигиена, физика, химія, чтеніе авторовъ какъ собственныхъ, такъ отчасти и иностранныхъ, пѣніе, гимнастика и ремесла. Программа обученія далеко не одинакова во всѣхъ высшихъ школахъ: отъ ректора, завѣдующаго крестьянскимъ университетомъ зависитъ измѣнять ее, смотря по составу учениковъ и по нуждамъ данной минуты. Кромѣ ежедневныхъ занятій днемъ, ученики по вечерамъ или читаютъ что-нибудь подъ руководствомъ наставника, или устраиваютъ диспуты по различнымъ вопросамъ. Въ зданіи высшихъ школъ нерѣдко читаются и публичныя лекціи, привлекающія многочисленныхъ слушателей изъ крестьянскаго сословія.

Несмотря на то, что въ элементарныхъ школахъ Швеціи и даже въ гимна-

зіяхъ обученіе даровое, съ учениковъ крестьянскихъ университетовъ, которые не могутъ представить свидѣтельства о бѣдности, берутъ сравнительно высокую плату, приблизительно около 25 руб. на наши деньги за сезонъ. Но эта плага не пугаетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ: чтобы отправить дочь, а еще чаще сына въ одинъ изъ такихъ университетовъ, шведскіе и норвежскіе крестьяне буквально не допиваютъ и не доѣдаютъ, откладывая каждый грошъ. Это всеобщее стремленіе крестьянъ въ университеты особенно поддерживаютъ крестьянскіе юноши. Когда, прослушавъ курсъ, они возвращаются въ свои захолустья, старые и молодые, при первой возможности, собираются въ домъ возвратившагося, а онъ, окруженный друзьями и сосѣдами, съ благоговѣніемъ и восторгомъ, часто со слезами на глазахъ начинаетъ рассказы-вать имъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, какъ онъ смотритъ теперь на вещи, какъ весело онъ проводилъ время въ университетѣ, какъ его учили жить по-братски и по-совѣсти, какъ отечески относились къ нему ректоръ и учителя заведенія. Эти высшія народныя школы, имѣя благотворное вліяніе на учениковъ, оставляютъ по себѣ самое свѣтлое воспоминаніе. Обыкновенно ученикъ послѣ окончанія курса поддерживаетъ сношенія съ ректоромъ, ведетъ съ нимъ переписку, сообщаетъ ему о радостяхъ и неудачахъ своей крестьянской жизни, извѣщаетъ его о своемъ житьѣ-бытьѣ, о женитьбѣ, разспрашиваетъ о томъ, что дѣлается теперь въ школѣ, проситъ снабдить его книгами, указаніями. Эта связь съ университетомъ поддерживается и ежегодными праздниками, на которые съѣзжаются всѣ прежніе ученики. Восторженное отношеніе крестьянскихъ юношей къ своему университету возбуждаетъ и въ другихъ желаніе учиться. Ректорами и учителями этихъ университетовъ являются люди не только съ солиднымъ высшимъ образованіемъ, но, по собственному влеченію и призванію, люди идейные и гуманные, безраздѣльно отдающіеся этому дѣлу, считающіе пробужденіе сознанія въ темной массѣ своею главною, жизненною задачею. Вотъ почему характерною чертою этихъ заведеній является не только отсутствіе какого-бы то ни было формализма въ этихъ школахъ, но гуманныя, братскія, чисто семейныя отношенія между учащими и учащимися. Поступленіе въ эти высшія школы является для крестьянской молодежи исполненіемъ ея страстнаго желанія, и она вступаетъ въ ихъ съ восторгомъ и надеждою, а покидаетъ ихъ съ большимъ сожалѣніемъ; воспоминаніе о времени, проведенномъ въ стѣнахъ этихъ университетовъ, является для нея самымъ свѣтлымъ лучемъ въ тяжелой, трудовой крестьянской жизни.

Никакихъ экзаменовъ не существуетъ въ этихъ школахъ; онѣ не даютъ ни дипломовъ, ни правъ, не доставляютъ никакой выгоды ученикамъ, между тѣмъ съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивается. По окончаніи курса крестьянская молодежь опять возвращается къ своимъ земледѣльческимъ занятіямъ и нисколько не тяготится ими, но только теперь у нихъ появляется стремленіе провести свое свободное время не въ кабацѣ, а въ чтеніи или въ сообщеніи окружающимъ чего нибудь интереснаго. Образовательное вліяніе такихъ высшихъ школъ на окружающую мѣстность сказывается все сильнѣе. Все болѣе увеличивается въ захолустныхъ мѣстностяхъ число библіотекъ, все болѣе уменьшается число кабаковъ и отвратительныхъ сценъ—расправы ножомъ и потасовокъ, которыхъ они были убѣжищемъ.

«Въ Норвегіи и Даніи большинство высшихъ крестьянскихъ школъ—общія для мужчинъ и женщинъ. Въ Швеціи-же почти повсюду существуетъ два курса: зимній для мужчинъ, лѣтній для дѣвушекъ. Замѣчено, что молодой человѣкъ или дѣвушка, сами побывавшіе въ школѣ, неохотно женятся или выходятъ замужъ за лицъ, не получившихъ такого-же образованія. Случается часто, что молодой парень «изъ

ученыхъ» высмотритъ себѣ невѣсту, но прежде чѣмъ жениться на ней, требуетъ, чтобы она поучилась въ крестьянскомъ университетѣ и въ виду этого откладываетъ свадьбу на годъ или на два. Иногда-же бываетъ, что молодая, только что обвѣнчавшаяся парочка идетъ вмѣстѣ учиться въ одну изъ общихъ высшихъ школъ».

Ученики живутъ во все время своего обученія въ зданіи университета. Вотъ описаніе устройства одного изъ нихъ: «Весь верхній этажъ этого крестьянскаго университета состоитъ изъ небольшихъ клѣтушекъ въ одно окно; въ каждой изъ нихъ—двѣ кровати, комодъ, большой столъ и полочка для книгъ,—это помѣщенія для учениковъ. Такъ какъ въ школѣ всего 30 такихъ комнатокъ, слѣдовательно есть мѣсто для 60-ти учениковъ, а ихъ набралось 85, то нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось размѣститься пансіонерами у сосѣднихъ крестьянъ. Годовой курсъ начинается съ 1-го ноября и продолжается до начала или до конца апрѣля, смотря по тому, ранняя или поздняя весна, спѣшная-ли работа дома или нѣтъ. Собственно школа помѣщается въ 4-хъ просторныхъ залахъ, по стѣнамъ которыхъ развѣшаны карты и различные рисунки изъ естественной исторіи. Средній возрастъ учениковъ колеблется между 18 и 25 годами, но есть между ними и старше».

Что-же касается знаній учениковъ, то тѣ изъ нихъ, которые пробыли въ университетѣ двѣ зимы, просто поражаютъ массою свѣдѣній. Правда, что въ самое первое время послѣ вступленія въ школу усидчивыя занятія отражаются на здоровьи нѣкоторыхъ учениковъ,—они обыкновенно начинаютъ страдать головными болями. Для такихъ немедленно назначаютъ усиленную гимнастику, а для всѣхъ остальныхъ по вечерамъ устраиваютъ игры и бѣганье въ запуски, и ученики черезъ мѣсяць-другой послѣ вступленія совершенно привыкаютъ къ усиленнымъ занятіямъ и школьнымъ порядкамъ.

Шведы давно уже привыкли предаваться неумѣренному пьянству, и въ началѣ нынѣшняго XIX стол. оно достигло такихъ ужасающихъ размѣровъ, что многіе предсказывали совершенное вырожденіе шведской національности. Развитію этого порока особенно помогло то, что въ 1809 г. было разрѣшено выдѣлывать водку дома для домашняго употребленія; вслѣдствіе этого каждый крестьянскій домъ скоро превратился въ настоящій кабакъ. Когда пьянство сдѣлалось общимъ среди шведовъ, тогда, одно за другимъ, начали возникать общества трезвости. Первое такое общество образовалось среди учащейся молодежи: товарищескія пирушки въ то время чрезвычайно часто оканчивались безобразными попойками. Движеніе въ пользу отрезвленія народа постепенно начинаетъ усиливаться, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и число самыхъ разнообразныхъ обществъ трезвости. Пьянство хотя медленно, но все-же начинаетъ уменьшаться. Сильно помогло этому и то, что въ это время шведы особенно много стали пить кофею и чаю, а также улучшалось и удешевлялось домашнее освѣщеніе. Хорошій свѣтъ лампы, освѣщавшей теперь всю комнату, давалъ возможность крестьянамъ проводить вечера за домашнею работою. Уменьшенію пьянства еще больше содѣйствовало распространеніе просвѣщенія, развивавшее въ народѣ интересъ къ полезному чтенію и къ общественнымъ вопросамъ. Вмѣстѣ съ обществами трезвости начали выдвигаться и личности, дѣйствовавшія въ томъ-же направленіи, напр. Перъ Війселягрэнъ. Чтобы больше имѣть вліянія на своихъ слушателей, онъ принялъ санъ священника и началъ устно, печатно и собственнымъ примѣромъ указывать на необходимость покончить съ пьянствомъ. Его вдохновенныя проповѣди создали ему много послѣдователей, но въ то-же время и ожесточенныхъ враговъ, которые покушались даже на его жизнь. Его замѣчательныя проповѣди увеличили число обществъ трезвости, которыя въ концѣ концовъ объединились въ

«шведскій союзъ трезвости», задавшійся цѣлью путемъ печати и публичныхъ лекцій раскрывать передъ обществомъ вредныя послѣдствія пьянства и убѣждать его въ крайней необходимости противоѣствовать употребленію крѣпкихъ напитковъ. Когда король и кронъ-принцъ записались членами этого союза, въ него быстро стали вступать представители духовенства и высшихъ правительственныхъ и аристократическихъ сферъ. Поклонники отрезвленія народа мало по малу начали добиваться проведенія законопроекта объ отмѣнѣ винокуренія въ семействахъ, что и удалось наконецъ въ 1855 г. Но огромная часть народа враждебно отнеслась къ этому закону, такъ какъ въ запрещеніи домашняго винокуренія онъ видѣлъ посягательство на его личную свободу, и это вызвало даже серьезные безпорядки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи. Однако мало по малу сказалось полезное вліяніе новаго закона: нравы смягчались, уменьшалось число дракъ и преступленій, а вмѣстѣ съ этимъ и число раззорившихся изъ-за пьянства крестьянъ. Въ 1829 г. каждый шведъ въ среднемъ выпивалъ 42 литра въ годъ, въ 1856 г.—уже 10 литровъ, а затѣмъ употребленіе спиртныхъ напитковъ понизилось до 9 литровъ, но все-же пьянство было еще сильно распространено. Послѣ 1879 г. въ Швеціи начали устраиваться чрезвычайно крупныя общества трезвости, напр. общество «Скала» съ 50.000 членовъ, «Братство синей ленты» съ 40.000 членовъ, (которые, въ знакъ полного отреченія отъ спиртныхъ напитковъ носятъ синюю ленту) и множество другихъ обществъ и братствъ. Члены нѣкоторыхъ обществъ обязываются воздерживаться не только отъ употребленія какихъ-бы то ни было спиртныхъ напитковъ, но даже отъ табака и другихъ дурманящихъ веществъ. Кромѣ того они считаютъ своимъ долгомъ печатно и устно указывать на вредъ ихъ употребленія и находятъ нужнымъ пропагандировать мысль о необходимости реформъ въ пользу трезвости и содѣйствовать избранію представителями народа сторонниковъ трезвости. Но этимъ дѣло не ограничилось, и въ послѣднее время появилось «шведское общество пресѣченія», которое добивается изданія закона о совершенномъ запрещеніи употребленія опьяняющихъ напитковъ. Вмѣстѣ съ этимъ появляется и множество книгъ и брошюръ, пропагандирующихъ трезвость. Въ 1892 г. было введено закономъ во всѣхъ правительственныхъ народныхъ школахъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе ученикамъ и ученицамъ новаго предмета—о вредѣ спиртныхъ напитковъ.

Дома шведскихъ крестьянъ, какъ и наши избы, построены изъ бревенъ, положенныхъ вдоль одно на другое; промежутки законопачиваются мхомъ. Дома деревянные, даже въ городахъ еще много деревянныхъ построекъ. Вотъ почему въ этой странѣ такъ часто происходятъ пожары. Стѣны жилищъ шведскихъ крестьянъ довольно высоки и съ большими окнами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на крышу накладываютъ слой березовой коры, а потомъ дѣрнъ. Такая крыша образуетъ нѣчто вродѣ зеленой террасы, на которой растутъ различныя травы и мхи, и гдѣ иногда рѣзвятся дѣти; случается, что на такой крышѣ пасется коза. Эта древняя шведская или скорѣе скандинавская крыша начинаетъ все чаще замѣняться въ Швеціи крышею, выкрашенною въ красный цвѣтъ, какъ и стѣны всего дома. Вотъ этотъ то красный цвѣтъ шведскихъ жилищъ—самая характерная ихъ особенность. Пока краска свѣжа, эти домики чрезвычайно рѣзко бросаются въ глаза, но когда они выцвѣтутъ отъ дождя, солнца и сырости, они получаютъ рыжеватый или темнокрасный оттѣнокъ. Шведъ старается оживить свою однообразную, бѣдную цвѣтами природу и окрашиваетъ свой домъ краснымъ цвѣтомъ, чтобы онъ могъ видѣть его еще издали. Мало того, онъ не довольствуется тѣмъ, что выкрашиваетъ красною краскою стѣны своего дома, но дѣлаетъ и оконныя рамы довольно значительной ширины и выкрашиваетъ

ихъ бѣлою краскою. Такой контрастъ производитъ впечатлѣніе. Шведскіе дома не только имѣютъ красивый видъ, но они кокетливо выглядываютъ съ вершины горы, а рядомъ съ голубымъ озеромъ оживляютъ ландшафтъ. Даже и тамъ, гдѣ нѣтъ по близости озера и гдѣ вся мѣстность имѣетъ сѣрый, холодный колоритъ, эти красные дома, точно громадные цвѣты мака, среди сѣрыхъ скалъ и темной зелени лѣса, придаютъ всему ландшафту своеобразный характеръ. При домикахъ очень часто разбитъ небольшой садикъ, гдѣ растутъ картофель, бобы и другія овощи; иногда вы замѣтите въ нихъ и цвѣты, но рѣдко найдете дерево. Шведъ любитъ солнце. Онъ въ самые сильные жары открываетъ окно, чтобы полюбоваться его лучами, и находитъ, что тѣнистое дерево можетъ лишить его этого рѣдкаго удовольствія. Скогъ такъ надоѣлъ ему своею тѣнью, а длинная и суровая зима такъ надолго загнала его въ жилище, что онъ съ большою радостью встрѣчаетъ лѣтомъ свѣтъ и солнце. При домахъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ бываютъ различныя пристройки: амбаръ, конюшня, скотный дворъ. Всѣ эти пристройки иногда отдѣлены отъ дома, но нерѣдко составляютъ собою три стороны четырехугольника, а домъ четвертую. Сель, въ нашемъ смыслѣ слова, въ Швеціи почти не существуетъ. Крестьяне въ громадномъ большинствѣ случаевъ селятся отдѣльными дворами, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

Дома шведскихъ крестьянъ различны, смотря по мѣстности. Большинство жилищъ въ Смаландѣ плохи и невзрачны, въ Вестерготландѣ они уже гораздо лучше, а самыя обширныя и удобныя въ Норландѣ. Тамъ мы встрѣчаемъ у крестьянъ не только одноэтажные, но и двухэтажные дома съ 5-ю комнатами. Въ такомъ случаѣ на верху три комнаты, служащія спальнями: одна для хозяина съ хозяйкой, другая для всей женской, третья для всей мужской части семьи. Внизу двѣ комнаты: одна—просторная кухня; въ ней не только стряпаютъ и ѣдятъ, но она служитъ и жилой комнатой для всей семьи, члены которой работаютъ здѣсь въ длинные, зимніе вечера. Вторая комната внизу—гостиная, въ обычные дни у многихъ запертая на ключъ. Всѣ жилыя комнаты убраны очень просто: голый полъ, голыя стѣны, деревянные лавки. За то гостиную стараются украсить какъ можно лучше, хотя обстановка и не отличается вкусомъ. На окнахъ висятъ бѣлыя кисейныя занавѣски: у одной стѣны стоитъ диванъ съ прямой спинкой, обитый ситчикомъ, на полу передъ нимъ—тканый коврикъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ; на стѣнахъ картинки; въ углу комодъ, покрытый бѣлою скатертью, со всевозможными бездѣлушками. Хотя крестьянскій домъ переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, но тутъ не найдешь старинныхъ вещей, которыя можно встрѣтить у норвежскихъ крестьянъ. Еще не очень давно въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ въ Швеціи ихъ было очень много, но лѣтъ тридцать тому назадъ къ нимъ стали наѣзжать торговцы изъ Стокгольма и убѣдили крестьянъ промѣнять старинныя вещи на новомодныя блестящія бездѣлушки. Въ каждомъ домѣ и вокругъ него необыкновенная чистота. Какъ бы ни былъ малъ даже и одноэтажный домъ, въ немъ большею частью двѣ комнаты: *кухня* и *гостиная*. Входная дверь очень низка, и входъ въ нее затрудняется высокимъ порогомъ. Вообще шведы любятъ имѣть много комнатъ; даже простой ремесленникъ старается имѣть по крайней мѣрѣ двѣ комнаты.

Вы входите въ домъ не стучась, и если вы человѣкъ знакомый, вы должны обойти всѣхъ сидящихъ въ комнатѣ и каждому пожать руку. Затѣмъ васъ просятъ взять стулъ, но если вы сядете у двери, то васъ до тѣхъ поръ будутъ уговаривать занять болѣе почетное мѣсто въ переднемъ углу комнаты, пока вы не исполните желанія хозяевъ. Если домъ одноэтажный, всего въ двѣ комнаты, а семья большая,

то по вечерамъ члены семьи сидятъ въ гостиной. Въ такомъ случаѣ эта гостиная—жилая комната: она занята большимъ сосновымъ столомъ, нѣсколькими стульями, ткацкимъ станкомъ, нѣсколькими самопрялками и наконецъ длинными скамейками. На этихъ скамейкахъ днемъ сидятъ, а ночью ихъ сдвигаютъ вмѣстѣ, и онѣ служатъ постелями. Однако хозяинъ и хозяйка дома и въ такомъ случаѣ спятъ на кровати деревянной и очень высокой, которая стоитъ тутъ же въ сторонѣ и почти всегда съ занавѣсками. Надъ постелью виситъ толстая веревка на подобіе звонка, за которую при вставаніи хватаются лежащіе. Неизбѣжное украшеніе комнаты—громко бьющіе часы и маленькая полка съ книгами. Полъ усыпанъ ельникомъ или можжевельникомъ, изрубленнымъ на мелкіе куски. Въ такой комнатѣ нерѣдко устроенъ каминъ, выдающийся сверху карнизъ котораго украшенъ множествомъ незатѣйливыхъ бездѣлушекъ. Въ кладовыхъ, какъ и у норвежцевъ, большіе запасы сыровъ, соленого мяса и толстыхъ лепешекъ съ дырочками посрединѣ, которые нанизаны на веревку и подвизаны къ потолку отъ одного конца стѣны до другого. Понятно, что большое количество пристроекъ существуетъ у болѣе зажиточныхъ людей, однако и жилища бѣдняковъ въ этой странѣ несравненно лучше, помѣстительнѣе и комфортабельнѣе несчастныхъ грязныхъ конуръ, которыя мы встрѣчаемъ въ Шотландіи и Ирландіи.

Зажиточные крестьяне, какихъ здѣсь очень много, живутъ хорошо: въ ихъ домахъ можно найти большой запасъ ржаной и овсяной муки, молоко, масло, сыръ, свинину. Говядину или баранину ѣдятъ обыкновенно соленою; много употребляютъ овощей и въ особенности картофеля, безъ котораго они рѣдко садятся за столъ. Но ржаной хлѣбъ, въ томъ видѣ, какъ мы его употребляемъ, пока еще мало знакомъ въ Швеціи, а бѣлый преимущественно употребляютъ въ городахъ. Болѣе всего въ ходу «кнакебрѣдъ», твердый какъ камень, круглый хлѣбъ, величиною и толщиною съ тарелку, съ дырочкой посреди и испещренный полосками, чтобы его можно было легче разламывать. Въ шведскихъ кладовыхъ эти хлѣбы висятъ тысячами на веревкахъ, продернутыхъ сквозь отверстіе посрединѣ. Ихъ пекутъ большею частью изъ ржаной муки, и только въ немногихъ сѣверныхъ провинціяхъ употребляютъ для этого овсяную. Изъ напитковъ шведы употребляютъ пиво, «finkel», или картофельную водку, и слабый чай, который пьютъ въ крестьянскомъ сословіи гораздо рѣже, чѣмъ кофе. О пищѣ шведовъ можно сказать то же самое, что и о жилищѣ; хотя въ неурожайные годы они иногда подмѣшиваютъ въ муку желуди, а то и древесную кору, но обыкновенно они питаются несравненно лучше, чѣмъ простонародье южной Европы. Что же касается до среднихъ классовъ и до болѣе зажиточныхъ изъ крестьянъ, то столъ ихъ отличается большимъ изобиліемъ.

Мы считаемъ почти невозможнымъ описать нарядъ шведскихъ крестьянъ, потому что онъ иной не только въ каждой провинціи, но и въ различныхъ приходахъ. Единственная вещь, которая можетъ считаться характерною въ Швеціи, это головной уборъ женщинъ, или платокъ, различно наколотый, который носятъ почти во всей странѣ. Начиная отъ простого пестраго бумажнаго платка до богатаго парчеваго и атласнаго съ густой бахромой, почти всѣ шведки носятъ платки; однако есть мѣстности, гдѣ вмѣсто нихъ на голову надѣваютъ нѣчто въ родѣ сѣтки. Вотъ напр. одежда крестьянки прихода Герреста въ Шоуенѣ: у нея стоячіе воротнички, концы цвѣтнаго кушака висятъ спереди, концы ея атласнаго платка, приколотатаго чрезвычайно оригинально, торчатъ какъ крылья съ двухъ сторонъ головы; если она отправляется въ церковь, то въ рукахъ ея непремѣнно молитвенникъ, обернутый чистымъ носовымъ платкомъ. Подлѣ нея мужъ въ круглой шляпѣ, поля которой удлинены спереди. Онъ въ сѣромъ пиджакѣ, обшитомъ свѣтло-зеленой матеріей, въ пале-

выхъ узкихъ штанахъ, которые подвязаны нѣсколько ниже колѣнъ и съ боку которыхъ висятъ по двѣ кисточки, обувъ его—высокіе сапоги. Однако есть приходы по со-сѣдству, гдѣ мужчины вмѣсто сапогъ носятъ башмаки и чулки.

Дороги, какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи, чрезвычайно хороши,—шведскія однако превосходятъ норвежскія: онѣ выровнены здѣсь, какъ токъ, несравненно лучше, чѣмъ въ Англіи, и самыя совершенныя во всемъ свѣтѣ. Какъ въ дѣтской коляскѣ на ровномъ полу, такъ же покойно и легко катитесь вы по здѣшнимъ дорогамъ въ національной телѣжкѣ—карріолѣ. Карріоль—національный экипажъ не только Швеціи, но и всего Скандинавскаго полуострова: это очень легкая, двухколесная открытая телѣжка, въ которую впрягаютъ одну лошадь. Въ этомъ маленькомъ экипажѣ можетъ помѣститься только одинъ человекъ. Свою небольшую поклажу путешественникъ ставитъ подъ ноги, но когда это его стѣсняетъ, онъ привязываетъ ее къ дощечкѣ, придѣланной позади экипажа. На эту дощечку позади экипажа или на багажъ, привязанный къ ней, садится, а то и становится стоймя мальчикъ почтальонъ, называемый «skydsgut». Если возжи достаточно длинны, этотъ почтальонъ правитъ лошадыми. Но часто это дѣлаетъ самъ путешественникъ, такъ какъ здѣшнія лошади очень смиренны, а дороги великолѣпны. Иногда карріоль состоитъ изъ четырехугольнаго деревяннаго ящика съ сидѣньемъ, гдѣ могутъ помѣститься двое; тогда поклажу кладутъ подъ сидѣнье, и «skydsgut» садится рядомъ съ путешественникомъ.

Мы уже говорили о томъ, что какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи никогда не существовало крѣпостнаго права. Норвегія и понынѣ осталась страной вполне свободною, что же касается Швеціи, то короли ея съ XVI ст. начинаютъ мало-помалу не только увеличивать привилегіи дворянъ въ этой странѣ, но и раздавать имъ въ громадномъ числѣ государственныя земли съ правомъ собирать съ крестьянъ подати, прежде непосредственно поступавшія въ казну. Помѣщики очень скоро перестали довольствоваться сборомъ назначенныхъ податей и начали увеличивать поборы съ крестьянъ, а въ послѣдствіи даже обременять ихъ барщиной. Хотя при Карлѣ XI бѣлая часть розданныхъ земель и была возвращена казнѣ, но шведское дворянство все-таки успѣло сохранить въ своихъ рукахъ, до конца прошлаго столѣтія, огромную часть поземельной собственности, а именно почти треть всей поверхности страны. Но въ послѣдствіи за крестьянами, поселенными на государственной землѣ, было признано право собственности на занимаемые ими участки, и всѣ сословія получили право пріобрѣтать дворянскія помѣстья. Съ тѣхъ поръ поземельная собственность начала быстро переходить въ руки крестьянъ.

Въ настоящее время громадное большинство шведскихъ землевладѣльцевъ—крестьяне. Изъ 4.800,000 жит. Швеціи земледѣліемъ занимается $\frac{3}{4}$ всего населенія. Одинъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія шведовъ—земледѣліе, которое постоянно продолжаетъ развиваться, хотя холодный климатъ, суровыя горы и дикія, обнаженныя скалы на сѣверѣ ставятъ преграды его распространенію. Морозныя ночи въ августѣ иногда въ нѣсколько дней совсѣмъ разоряютъ земледѣльца. Несмотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, земледѣліе въ Швеціи въ послѣднія двадцать лѣтъ сдѣлало необыкновенные успѣхи. Само собою понятно, что въ странѣ, въ южныхъ провинціяхъ которой поютъ соловьи и агасты выютъ свои гнѣзда, а въ сѣверной части, лежащей за полярнымъ кругомъ, едва дозрѣваетъ рѣпа, состояніе земледѣлія очень различно: въ южной и средней Швеціи оно быстро идетъ впередъ, въ сѣверной же части этой страны оно плохо развивается, и въ ней попадаетъ не мало мѣстностей, совершенно необработанныхъ. Какъ бы то ни было, земледѣліе въ Швеціи не могло бы развиваться въ такой степени, если бы препятствія, создаваемые

ея сѣвернымъ положеніемъ, не смягчались, даже отчасти не устранялись вовсе, такъ напр. средняя годовая температура, вслѣдствіе вліянія гольфстрема и сравнительно ровной поверхности земли, значительно выше, чѣмъ въ другихъ странахъ на тѣхъ же градусахъ широты. Хотя шведская зима длинна, и лѣто наступаетъ позже, чѣмъ въ Германіи, но лѣтняя температура такъ же высока, мѣстами даже выше, чѣмъ въ Германіи, а островъ Готландъ, по лѣтней температурѣ, стоитъ наравнѣ съ Триестомъ. Растительность этого острова отличается совершенно южнымъ характеромъ: здѣсь растутъ тутовое дерево и деревья грецкихъ орѣховъ. Въ средней Швеціи дозрѣваетъ порода южныхъ яблоковъ и табакъ достигаетъ полной зрѣлости. Кромѣ вліянія гольфстрема, этому содѣйствуетъ также и то, что солнце въ этой странѣ лѣтомъ долго находится надъ горизонтомъ, такъ что въ сѣверной Швеціи почти не бываетъ пикакихъ, а въ средней лишь непродолжительные сумерки; такъ какъ для жизни растений свѣтъ столь же необходимъ, какъ и теплота, то развитіе растительности этимъ очень ускоряется. При благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ пшеница и овесъ растутъ до 64° сѣв. шир., а рожь даже до полярнаго круга; ель и рѣна достигаютъ самой крайней точки государства; лось на 64° смѣняется сѣвернымъ оленемъ. Въ земледѣліи Швеціи теперь повсюду употребляютъ машины, которыя изготовляются въ странѣ, такъ какъ Швеція славится своимъ машиностроеніемъ. Прежде въ этой странѣ безпрестанно повторялись неурожаи: теперь они случаются далеко не такъ часто и при томъ не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ. Конечно, такіе благопріятные результаты возможны только въ странѣ, подобной Швеціи, обладающей громадными невоздѣланными пространствами, естественными лугами и огромными дѣвственными лѣсами, а также благодаря тому, что правительство и общество употребляютъ всѣ средства, чтобы улучшить земледѣліе.

Хорошіе результаты даетъ теперь и молочное хозяйство. Уже многіе шведскіе хозяева въ настоящее время такъ же серьезно занимаются имъ, какъ и хлѣбопашествомъ, и зарабатываютъ порядочныя деньги продажей масла, молока и сыра.

По официальнымъ даннымъ въ Швеціи 331.286 землевладѣльцевъ, не считая ихъ семействъ. Изъ нихъ 62.000 собственниковъ владѣютъ землею менѣе 2 гектаровъ, 200.000 хозяевъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи отъ 2 до 20 гектаровъ, а у остальныхъ еще большее количество земли. Кромѣ землевладѣльцевъ здѣсь существуютъ и арендаторы: ихъ считается около 50.000 человекъ. Какъ среди землевладѣльцевъ здѣсь наибольшее количество среднихъ, т. е. такихъ, которые владѣютъ отъ 2 до 20 гектаровъ, такъ и среди арендаторовъ—наибольшее количество арендующихъ отъ 2 до 20 гектаровъ. Такимъ образомъ, въ Швеціи чрезвычайно мало крупныхъ землевладѣльцевъ и очень немного крестьянъ съ нищенскимъ надѣломъ. То, что здѣсь сравнительно не особенно много фермеровъ-арендаторовъ, объясняется тѣмъ, что здѣшніе землевладѣльцы, даже весьма богатые изъ нихъ, очень усердно сами занимаются хозяйствомъ и лишь въ крайнемъ случаѣ отдаютъ свою землю въ аренду. Арендуютъ землю обыкновенно на очень долгій срокъ, но все же не болѣе какъ на 50 лѣтъ; но встрѣчаются и пожизненные аренды. Мелкіе арендаторы обыкновенно держатъ арендуемый участокъ до самой смерти, а затѣмъ онъ переходитъ къ ихъ сыновьямъ. Отношенія между арендаторами и землевладѣльцами въ высшей степени порядочныя, и о чемъ нибудь въ родѣ ирландскихъ выселеній фермеровъ здѣсь не можетъ быть и помину.

Среднюю ступень между арендаторомъ-фермеромъ и сельскимъ рабочимъ составляетъ, такъ называемый, «торпаръ», т. е. селянинъ, пользующійся отъ землевладѣльца хижинкой, а иногда еще и клочкомъ земли для небольшого огорода, за что онъ дол-

женъ отрабатывать извѣстное количество рабочихъ дней въ году, обыкновенно два дня въ недѣлю. Хозяинъ обязанъ поддерживать и чинить жилище торпара, снабжать его кормомъ для скота и топливомъ, наконецъ долженъ дозволить ему пользоваться хозяйскимъ рабочимъ скотомъ, если только у того нѣтъ собственного. Торпаръ за все это обязанъ работать на своего землевладѣльца въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не только два дня въ недѣлю, но исполнять для него и другія работы, напр. дѣлать телѣги, его семья должна прясть извѣстное количество льна и т. п. Торпаръ обыкновенно проводить всю свою жизнь на одной и той же торпѣ; когда онъ умираетъ, его въ большинствѣ случаевъ замѣняетъ его сынъ. Этихъ торпаровъ считаютъ въ странѣ болѣе 100.000 ч. Свое пропитаніе «торпаръ» зарабатываетъ тѣмъ, что въ дни, свободные отъ работы на своего хозяина, занимается какимъ нибудь ремесломъ или же напимается поденщикомъ къ другимъ крестьянамъ. Есть мѣстности въ Швеціи, гдѣ «торпары» выговариваютъ себѣ право на извѣстную часть продуктовъ съ поля, въ обработкѣ котораго они принимаютъ участіе. Вообще взаимныя обязательства между торпарами и крестьянами-собственниками, смотря по мѣстности, очень различны, сложны и запутаны. Несмотря на это, а также и на то, что люди безземельные не пользуются особеннымъ уваженіемъ крестьянъ-собственниковъ, которые смотрятъ на нихъ сверху внизъ, какъ на низшія существа, договоры между тѣми и другими, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, заключаются устно и основаны на полномъ взаимномъ довѣріи. Здѣсь почти никогда не выходитъ споровъ изъ за условій между крестьяниномъ и его «торпаромъ» и дѣла этого рода не доходятъ до судебного разбирательства, такъ какъ собственники чрезвычайно рѣдко притѣсняютъ своихъ торпаровъ.

Классъ сельскихъ рабочихъ еще многочисленнѣе: ихъ насчитываютъ болѣе 310.000. Люди этой группы обставлены наименѣе благоприятно. Немногіе изъ нихъ получаютъ отъ 6 до 12 кронъ (крона—около 55 к. на наши деньги) въ недѣлю, остальные получаютъ не болѣе 6 кронъ. Если члены семьи земледѣльческаго рабочаго могутъ увеличить бюджетъ главы семейства своимъ заработкомъ, такая семья можетъ существовать безъ особенно тяжелыхъ лишеній. Если же они по болѣзни, или по чему нибудь другому, не могутъ заниматься поденщиной, вся семья страдаетъ отъ недостатка въ самомъ существенномъ. Хотя очень рѣдко, но все же въ послѣднее время и между ними иногда вспыхиваютъ неудовольствія; такъ, напр. въ 1890 г., во время жатвы, въ окрестностяхъ Стокгольма, между земледѣльческими рабочими произошло волненіе: они требовали не только увеличенія платы за свой трудъ, но и уменьшенія количества рабочихъ часовъ.

Изъ сказаннаго видно, что огромное большинство населенія Швеціи занимается *хлѣбопашествомъ, сельскимъ хозяйствомъ и лѣсными промыслами*, такъ какъ страна не только чрезвычайно богата вѣчно-зелеными хвойными лѣсами, но и другими породами деревьевъ. Такимъ образомъ Швеція по преимуществу страна земледѣльческая и лѣсная, промышленность же играетъ въ ней второстепенную роль. Тѣмъ не менѣе она еще изстари славилась своими *рудниками* и своею *горнозаводскою промышленностью*. Особенно богата она *железомъ*, громадное количество котораго добывается въ знаменитыхъ рудникахъ Даннемора; много его и въ горѣ Гелливаръ въ Норботтенѣ. Кромѣ того, болота и озера, которыхъ такъ много въ Швеціи, тоже чрезвычайно богаты *железомъ*, и при этомъ нужно замѣтить, что шведское *железо* превосходитъ *железо* всѣхъ другихъ странъ. Здѣсь добываютъ также *мѣдь, серебро, золото* и др., но, кромѣ *железа*, количество остальныхъ металловъ, сравнительно съ другими государствами, весьма незначительно, и не потому, что Швеція бѣднѣ

другихъ странъ этими сокровищами, а потому, что она не богата каменноугольными залежами, которыя встрѣчаются только въ юго-западныхъ ея провинціяхъ. Дороговизна каменнаго угля и чувствительный недостатокъ его въ странѣ ведетъ къ тому, что металлургическое производство обходится здѣсь очень дорого и вынуждаетъ пользоваться лѣсомъ, древеснымъ углемъ и привознымъ англійскимъ каменнымъ углемъ.

Добываніе рудъ и обработка металловъ нерѣдко соединяются здѣсь съ земледѣліемъ. Иногда лѣсные округа и сосѣдніе заводы для обработки металловъ имѣютъ одного и того же хозяина: рабочіе, трудящіеся часть года на заводѣ или въ рудникѣ, остальное время заняты рубкою и перевозкою лѣса или обработкою собственной земли.

Горнымъ дѣломъ въ Швеціи занято около 29,000 рудокоповъ. Добываніе желѣза увеличивается съ каждымъ годомъ; хотя въ этомъ отношеніи страна эта не можетъ конкурировать съ Англіею, вслѣдствіе недостатка каменнаго угля вблизи ея рудниковъ, тѣмъ не менѣе послѣ нея она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

На 5 миль къ сѣверу отъ Упсалы, въ ровной мѣстности, лежатъ извѣстѣйшіе въ мірѣ Даннеморскіе рудники, представляющіе неистощимыя богатства отличной желѣзной руды. Еще за нѣсколько верстъ до Даннеморы, у самой дороги, разбросано нѣсколько низенькихъ каменныхъ строеній, выкрашенныхъ бѣлою краскою. Путешественника прежде всего поражаетъ то, что онъ думаетъ встрѣтить здѣсь огромныя горы и между тѣмъ видитъ продолженіе той же равнины, по которой ѣхалъ. Онъ видитъ кругомъ огромныя, глубокія ямы, а на краю ихъ лежатъ кучи руды чернаго цвѣта. Здѣсь существуетъ до 80 рудниковъ, но разрабатываютъ далеко не всѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ копей очень обширны и глубоки, а черный видъ руды еще болѣе увеличиваетъ странный видъ этихъ пропастей, внезапно открывающихся у вашихъ ногъ. Рабочіе спускаются въ рудники и выходятъ изъ нихъ отчасти по лѣстницамъ, прикрѣпленнымъ почти отвѣсно одна надъ другой по стѣнамъ рудника, отчасти стоя на краю чановъ, которые опускаются и поднимаются. Нѣкоторые изъ этихъ рудниковъ имѣютъ нѣсколько сотъ футовъ глубины и нѣсколько тысячъ футовъ въ окружности. На днѣ ихъ и по бокамъ торчатъ острые и неровные края скалъ, которые придаютъ пропастямъ еще болѣе страшный видъ. Здѣсь и тамъ на днѣ ямы движутся люди. Они уже просверлили камень въ разныхъ мѣстахъ, набили отверстія порохомъ и вложили туда фитиль. Одинъ взрывъ раздается за другимъ, оставляя за собою продолжительное эхо. Подобные звуки, то глуше, то яснѣе вылетаютъ и изъ другихъ рудниковъ. Зимой, когда въ рудникахъ нельзя работать вслѣдствіе образующагося тамъ льда, плавятъ руду, добытую въ продолженіи лѣта. И весною въ нихъ нельзя было бы начинать работать безъ искусственнаго введенія теплаго воздуха въ рудники, что ускоряетъ таяніе льда.

Количество фабрикъ въ Швеціи до сихъ поръ не велико, а еще недавно ихъ было и совсѣмъ мало. Вотъ какія отрасли фабричной промышленности развились здѣсь наиболѣе значительно: *бумагопрядильни* и *льнопрядильни*, *механическія бумагопрядильни*, *красильныя фабрики*, *фабрики платъ* и *кожевенныя фабрики*, *машинныя заводы*, *фарфоровыя заводы*, *сахарорафинадныя*, *табачныя* и *спичечныя фабрики*, *химическіе заводы* и т. п. Число фабрикъ въ самое послѣднее время выросло до 3.300, а число рабочихъ, занятыхъ теперь на фабрикахъ, немногимъ превышаетъ 98.000 чел. Въ Швеціи существуетъ не мало и ремесленниковъ,—ихъ насчитываютъ здѣсь (мастеровъ и рабочихъ вмѣстѣ) болѣе 55.000 чел.

Фабричная и ремесленная промышленности распределены очень неравномѣрно. Прежде всего столица Швеціи—Стокгольмъ и окрестности служатъ центромъ особенно

большого количества фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, затѣмъ наибольшее ихъ количество въ провинціяхъ, обладающихъ самыми удобными и разнообразными путями сообщенія, т. е. каналами, желѣзными дорогами или хорошими гаванями; такъ напр., въ Женевѣ и Готенбургѣ.

Несмотря однако на быстрый ростъ фабричной и ремесленной промышленности, шведы все еще употребляютъ очень много иностранныхъ фабричныхъ произведеній. Такимъ образомъ фабрики и ремесленные заведенія Швеціи пока не могутъ приготовить издѣлій въ достаточномъ количествѣ, и, несмотря на сильное развитіе въ последнее время фабрикъ, а также земледѣлія, лѣсной и горной промышленности, стоимость ввоза въ страну (въ 1891 г.) пока сильно превышаетъ вывозъ.

Огромныхъ фабрикъ, съ большимъ количествомъ рабочихъ, какія можно встрѣтить въ Англіи, Бельгіи и Германіи, здѣсь не существуетъ. Изъ наиболѣе значительныхъ фабрикъ, но, конечно, сравнительно съ тѣми, которыя находятся въ этой странѣ, можно назвать двѣ-три. Большая часть значительныхъ шведскихъ фабрикъ принадлежитъ или товариществамъ, или акціонернымъ обществамъ, такъ какъ крупныхъ капиталистовъ здѣсь очень не много, да и они владѣютъ, сравнительно съ богачами другихъ западно-европейскихъ странъ, незначительными капиталами. Гораздо чаще фабрикъ здѣсь встрѣчаются маленькія ремесленные заведенія. Въ той или другой области труда ремесленникъ беретъ себѣ двухъ-трехъ помощниковъ-мастеровыхъ, и такія маленькія ремесленные заведенія находятся во всѣхъ городахъ, а также въ селахъ. Нельзя сказать, чтобы эти ремесленные заведенія, въ виду увеличенія числа фабрикъ, владѣли-бы жалкое существованіе: они до сихъ поръ имѣютъ сбытъ своихъ произведеній среди зажиточныхъ классовъ своей родины, большинство которыхъ предпочитаетъ ремесленный трудъ фабричному, какъ болѣе прочный и добросовѣстный.

Самая оригинальная особенность здѣшней фабричной жизни это то, что далеко не всѣ фабрики сконцентрированы въ городахъ и ихъ окрестностяхъ, а очень многія изъ нихъ разсѣяны по деревнямъ, стоятъ на берегу рѣкъ или озеръ. Эта отдаленность фабрикъ отъ городскихъ центровъ имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Въмѣсто того, чтобы скопляться въ городахъ большими группами, жить въ плохихъ жилищахъ, питаться недоброкачественною пищею, дышать воздухомъ, зараженнымъ отъ слишкомъ большого скопленія рабочихъ въ извѣстныхъ пунктахъ, все болѣе отвыкать отъ семейной жизни и воспитывать дѣтей въ развращающей фабричной обстановкѣ, огромное число шведскаго фабричнаго люда живетъ въ деревняхъ, гдѣ онъ имѣетъ нерѣдко и собственное жилище, и собственный клочекъ земли. Свою землю шведскій фабричный обрабатываетъ въ свободное время или тогда, когда по какой нибудь причинѣ теряетъ занятіе на фабрикѣ; дѣти его воспитываются на чистомъ воздухѣ, среди полей и лѣсовъ, и если глава семьи не можетъ круглый годъ оторваться отъ фабричныхъ занятій, они собственными силами обрабатываютъ землю. Уже одно то, что у многихъ шведскихъ фабричныхъ рабочихъ и рудокоповъ есть свой клочекъ земли, что многіе изъ нихъ могутъ жить въ деревнѣ вмѣстѣ съ своею семьею, уже одно это обстоятельство говоритъ о томъ, что условія жизни очень многіхъ шведскихъ рабочихъ лучше, чѣмъ ихъ собратьевъ на западѣ. Но въ томъ, что многія шведскія фабрики находятся вдали отъ городовъ, есть и дурная сторона: при такомъ положеніи фабрикъ сбытъ ихъ издѣлій очень затрудненъ, и это особенно давало себя чувствовать въ то время, когда только начиналась постройка желѣзныхъ дорогъ. Теперь, когда въ странѣ много путей сообщенія, этотъ недостатокъ становится все менѣе чувствительнымъ, а выгоды такого обычая отражаются прежде всего на здоровьѣ здѣшнихъ фабричныхъ: они имѣютъ не только здоровый,

но многіе изъ нихъ даже двѣтущій видъ, что прежде всего отличаетъ ихъ отъ за- падныхъ собратьевъ по труду, громадными массами скученныхъ въ фабричныхъ городахъ.

Фабричное законодательство Швеціи болѣе всего стремится: 1) обезпечить здо- ровье рабочихъ, въ особенности малолѣтнихъ, и 2) дать имъ возможность получить элементарное образованіе. Фабрики не имѣютъ права нанимать несовершеннолѣт- нихъ, т. е. не достигшихъ 21 г., если они не окончили курса въ элементарной народной школѣ. Дѣти (ниже 14-ти-лѣтняго возраста) не могутъ работать на фабри- кахъ болѣе 6-ти часовъ, подростки (отъ 14 до 18 лѣтъ) могутъ работать не болѣе 10-ти ч., но не иначе какъ съ промежутками отъ получаса до 2 ч. Несовершенно- лѣтніе рабочіе (отъ 14 до 21 г.) не могутъ находиться на фабрикѣ въ свободное отъ работъ время въ помѣщеніи, гдѣ происходитъ работа; ихъ нельзя также застав- лять чистить машины, когда онѣ въ ходу. Подростки, женщины и дѣти не должны работать ни въ рудникахъ, ни въ каменноломняхъ. Наблюдать за исполненіемъ этихъ правилъ долженъ санитарный совѣтъ, который обязанъ также опредѣлить, можетъ-ли быть вредною для несовершеннолѣтнихъ рабочихъ та или другая работа. За нару- шеніе этихъ правилъ работодателя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и родители, отдавшіе своихъ дѣтей на фабрику, подлежатъ очень строгому штрафу, и ихъ привлекаютъ также къ суду.

Взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ въ общемъ весьма добропоря- дочны. Въ большинствѣ случаевъ на большихъ фабрикахъ существуютъ кассы для вспомошествованія больнымъ и семействамъ умершихъ рабочихъ; не мало и такихъ фабрикъ, гдѣ, кромѣ названныхъ кассъ, существуютъ и пенсіонныя кассы, изъ ко- торыхъ выдаютъ пенсіи рабочимъ, проработавшимъ на фабрикѣ извѣстное количе- ство лѣтъ. Фабриканты обыкновенно вносятъ ежегодно въ эти кассы извѣстную сумму. Въ самое послѣднее время, среди шведскихъ фабрикантовъ началъ рас- пространяться обычай устраивать на свой счетъ жилища для своихъ рабочихъ, такъ какъ ихъ наемныя жилища очень плохи.

Размѣръ заработной платы весьма различенъ въ различныхъ отрасляхъ про- мышленности, и притомъ онъ не всегда одинъ и тотъ-же у различныхъ хозяевъ. Вообще около половины фабричныхъ рабочихъ получаетъ отъ 6 до 12 кронъ (крона—около 55 к.), т. е. отъ 3 р. 30 к. до 6 р. 60 к. въ недѣлю. Наибольшую рабочую плату получаютъ желѣзнодорожные рабочіе, а также въ крупной промыш- ленности. По занятіямъ эта плата такова: рабочимъ въ промышленности и морякамъ въ среднемъ— $12\frac{1}{2}$ кронъ въ недѣлю, желѣзнодорожнымъ рабочимъ— $13\frac{1}{2}$ кронъ. Наи- меньшая рабочая плата существуетъ на спичечныхъ фабрикахъ, а именно: 6 кронъ въ недѣлю, а на бумажныхъ фабрикахъ—8 кронъ; наибольшее вознагражденіе ра- бочіе получаютъ въ строительномъ дѣлѣ— $18\frac{1}{2}$ кронъ въ недѣлю; нѣкоторые полу- чаютъ и до 30 кронъ въ недѣлю, но такихъ пока очень немного. Вознагражденіе женщинъ во всѣхъ отрасляхъ труда—ниже: мало у кого изъ нихъ рабочая плата достигаетъ до 12 кронъ въ недѣлю,—громадное большинство ихъ получаетъ отъ 3 до 6 кронъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности работаютъ менѣе 9 ч., а въ другихъ—болѣе 12; въ среднемъ шведскіе рабочіе работаютъ нѣсколько болѣе 11 ч.

Несмотря на добропорядочныя отношенія между рабочими и ихъ хозяевами, все-же въ послѣднее время въ этой странѣ иногда вспыхиваютъ волненія, и не только среди земледѣльческихъ рабочихъ, о которыхъ было упомянуто выше, но и среди рабочихъ въ другихъ отрасляхъ труда. Въ 1879 г. владѣльцы лѣсопильных заводовъ, около Зундсвалла, вслѣдствіе плохой продажи лѣсныхъ матеріаловъ, отка-

зали рабочимъ въ обычномъ повышеніи весенней заработной платы. Тогда весь округъ названной мѣстности, въ которомъ находилось до 6.000 рабочихъ, началъ волноваться, и рабочіе рѣшили забастовать. Для ихъ усмиренія были вызваны даже войска. Эта забастовка была первою въ Швеціи, а затѣмъ было и еще нѣсколько небольшихъ волненій, но во всякомъ случаѣ такіе беспорядки происходятъ здѣсь чрезвычайно рѣдко. Это объясняютъ тѣмъ, что очень многіе шведскіе фабриканты стараются всячески улучшать бытъ рабочаго класса.

Благодаря уменьшенію пьянства, положеніе шведскихъ рабочихъ особенно замѣтно улучшается въ самое послѣднее время. Несмотря на ихъ скромный заработокъ, они здѣсь лучше питаются и находятся въ несравненно болѣе благопріятныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ собратья по труду въ большинствѣ другихъ европейскихъ странъ. Это происходитъ отъ многихъ причинъ: лишь очень немногіе изъ нихъ, и то сравнительно довольно рѣдко, остаются на время совсѣмъ безъ заработка, такъ какъ они обыкновенно соединяютъ работу на фабрикахъ и въ мастерскихъ съ земледѣльческимъ трудомъ. Къ тому-же ихъ порядочныя, патріархальныя отношенія съ хозяевами избавляютъ ихъ отъ забастовокъ, которыя такъ раззорительны для рабочихъ.

Среди шведскихъ рабочихъ существуетъ теперь нѣсколько союзовъ для взаимной помощи и обществъ для закупки матеріаловъ, увеличилось и число производительныхъ ассоціацій. Эта любовь къ ассоціаціямъ вытекаетъ изъ стремленія шведскаго рабочаго постоянно улучшать свое матеріальное положеніе, все болѣе дѣлаться независимымъ. Для этого онъ всегда готовъ рискнуть своими небольшими сбереженіями и присоединить ихъ къ сбереженіямъ своихъ товарищей. Однако далеко не объ одномъ матеріальномъ улучшеніи заботятся здѣшніе рабочіе: они не мало устроили ассоціацій для умственного и нравственного развитія своихъ членовъ, для устройства лекцій и библіотекъ, которыми пользуются ихъ члены, заботятся о совмѣстныхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. Благодаря всей совокупности благопріятныхъ условій, а также широкому развитію образованія и уменьшенію пьянства, шведскій народъ идетъ впередъ, пользуется прекраснымъ здоровьемъ, нравственный уровень его постоянно подымается, онъ возрастаетъ въ численности и постепенно улучшаетъ свою промышленность и земледѣліе.

Хотя при описаніи народныхъ школъ мы уже упоминали о *кустарной промышленности*, но такъ какъ она имѣетъ огромное значеніе въ Швеціи, то должны сказать о ней еще нѣсколько словъ. Въ Швеціи, гдѣ продолжительная зима надолго отрываетъ крестьянина отъ земледѣльческихъ работъ, ему пришлось бы болѣе половины своей жизни провести въ бездѣйствіи, если-бы здѣсь не существовало кустарной промышленности: она въ высшей степени улучшаетъ благосостояніе шведскаго народа и поддерживаетъ привычку къ труду. Еще въ средніе вѣка въ Швеціи уже процвѣтала кустарная промышленность: еще тогда страна эта славилась своимъ полотномъ и сукнами, а также разными домашними издѣліями. Кустарная промышленность особенно развилась въ Швеціи въ послѣднее тридцатилѣтіе, чему сильно содѣйствуютъ и правительство, и общество. Благодаря устройству лѣтнихъ курсовъ, во время которыхъ молодые крестьяне и крестьянки обучаются пряжѣ и тканью, благодаря тому, что домашнія издѣлія введены какъ предметъ обученія (хотя и не обязательный) въ народную школу, а еще болѣе благодаря тому, что по всей странѣ устроено множество школъ специально для кустарей и появилось множество курсовъ для приготовленія учителей-ремесленниковъ, кустарная промышленность дѣлаетъ здѣсь блестящіе успѣхи. Нѣкоторые округа этой страны славятся своими великолѣпными

полотнами, орудіями для молотѣбы, плугами, ситами, различными издѣліями изъ волосѣ, телѣгами, бричками, самыми разнообразными токарными издѣліями. Въ Далекарліи напр. процвѣтають производства гребенокѣ, шилѣ, булавокѣ, волосяныхѣ издѣлій, корзинокѣ и лодокѣ. Еще недавно въ нѣсколькихѣ мѣстностяхѣ начали было исчезать нѣкоторыя отрасли кустарной промышленности, такѣ напр. производство обуви, мебели и т. п.,—теперь они снова оживаютѣ.

Источникомѣ заработка шведскаго люда служить также *охота*, которая впрочемѣ довольно незначительна въ безлѣсныхѣ частяхѣ страны и въ южныхѣ ровныхѣ мѣстностяхѣ; въ среднихѣ-же частяхѣ она представляетѣ прибыльное побочное занятіе. Въ сѣверныхѣ округахѣ продажа мѣха убитыхѣ звѣрей и дичѣ являются однимѣ изъ самыхѣ важныхѣ источниковѣ пропитанія очень большого числа жителей. Но число хищныхѣ животныхѣ сильно уменьшилось и постоянно уменьшается, такѣ какѣ правительство назначаетѣ награду за ихѣ истребленіе; зато зайцы, рябчики, куропатки и другая дичѣ попадаются въ огромномѣ количествѣ.

Еще значительнѣе *рыболовство*, но все-же оно здѣсь менѣе значительно, чѣмѣ въ Норвегіи, при описаніи которой мы уже достаточно говорили о немѣ.

ДВОРЯНЕ.

Ихѣ обстановка, семейная жизнь, нравы, обычаи и удовольствія.

Дворяне еще недавно играли въ странѣ самую выдающуюся роль, — занимали высшія служебныя мѣста, какѣ въ гражданской, такѣ и въ военной службѣ. Они дѣлились и дѣлятся до сихѣ порѣ на три категоріи: 1) графы и бароны, 2) кавалеры или столбовые дворяне, 3) фамиліи, возведенныя въ дворянское достоинство не раньше XVII ст. Но въ 1865 г. дворяне потеряли какое бы то ни было политическое значеніе и свои привилегіи. Прежде имѣ принадлежала $\frac{1}{3}$ всѣхѣ земель въ Швеціи, но съ тѣхѣ порѣ, какѣ дворянское помѣстье могѣ купить каждый, у кого были деньги, дворянскія земли стали переходить въ руки разночинцевѣ, и демократическій духѣ проникаетѣ все болѣе не только въ шведское общество вообще, но даже въ среду самихѣ дворянѣ. Хотя шведскіе дворяне потеряли свои права и преимущества, тѣмѣ не менѣе они остались съ своими титулами, а нѣкоторые изъ нихѣ до сихѣ порѣ еще живутѣ въ средневѣковыхѣ замкахѣ своихѣ дѣдовѣ и прадѣдовѣ. Несмотря на то, что все шведское общество, не исключая и дворянѣ, сильно демократизируется, дворянскіе титулы до сихѣ порѣ имѣютѣ значеніе. Это видно даже изъ того, что король шведскій и въ настоящее время, когда желаетѣ отличить кого нибудѣ за заслуги или талантѣ, награждаетѣ титуломѣ. Норденшильдѣ, послѣ своего возвращенія изъ полярной экспедиціи, былѣ встрѣченѣ въ столицѣ своей родины великолѣпными празднествами, король сдѣлалѣ его барономѣ и пожаловалѣ ему звѣзду, усыпанную брилліантами. Норденшильдѣ былѣ изъ дворянской семьи, но не имѣлѣ титула.

Теперь не только шведскіе дворяне высшихѣ аристократическихѣ семей, но даже и аристократки, при недостаткѣ средствѣ, не считаютѣ для себя стыдомѣ взять какое нибудѣ платное мѣсто—учительницы, конторщицы. Между тѣмѣ, какѣ еще совсѣмѣ недавно, въ подобныхѣ случаяхѣ, онѣ скорѣе согласились бы пользоваться помощью своихѣ родственниковѣ, чѣмѣ взяться за работу, которую они считали позоромѣ какѣ для себя, такѣ и для всего своего знатнаго рода. Въ послѣднія три-четыре десятилѣтія эти взгляды сильно измѣнились: дворяне и особенно дворянки

прежде всего стремятся къ высшему образованію, къ самостоятельному заработку, если у нихъ нѣтъ средствъ, и вообще къ дѣятельности полезной для общества и для своего народа. Въ Швеціи, особенно въ южной ея части, находится много помѣстій старыхъ дворянскихъ семей, живущихъ въ средневѣковыхъ замкахъ, окруженныхъ парками съ великолѣпными оранжереями. Но даже и у этихъ богатыхъ и знатныхъ родовъ нынче сильно поубавилась ихъ аристократическая спѣсь: большинство ихъ теперь серьезно занимается хозяйствомъ, вводитъ новые, улучшенные способы земледѣлія, а если и сдаетъ свои земли въ аренду, то относится къ своимъ арендаторамъ весьма порядочно; дѣтей своихъ они тоже воспитываютъ въ несравненно болѣе демократическомъ духѣ.

Кромѣ этихъ аристократовъ, остальные семьи шведскихъ дворянъ живутъ чрезвычайно просто, какъ и всѣ образованные люди среднего круга и среднего достатка. Характерная черта людей этого круга—необыкновенная простота жизни и патріархальныя отношенія къ окружающимъ, ко всѣмъ служащимъ, не исключая и прислуги: они не стараются перешеголять другъ друга ни нарядами, ни убранствомъ своихъ домовъ, нѣтъ у нихъ и стремленія разбогатѣть во что бы то ни стало, не выказываютъ они и поползновеній прожигать свою жизнь въ блестящихъ столицахъ западной Европы. Шведскіе дворяне вообще отличаются большимъ благоразуміемъ, спокойствіемъ, разсудительностью, добродушіемъ и отсутствіемъ эlegantности въ манерахъ и въ образѣ жизни. Они не любятъ мѣнять своихъ, обыкновенно консервативныхъ взглядовъ, но, если убѣждаются въ несостоятельности однажды усвоеннаго ими міросозерцанія, не останавливаются на полдорогѣ и, перемѣнивъ воззрѣнія, открыто дѣйствуютъ сообразно съ ними. Бросить прислугу, прожившую долго въ домѣ на произволъ судьбы, если она заболѣла и не можетъ работать, считается среди нихъ величайшею подлостью: они относятся къ своимъ слугамъ, какъ къ членамъ семьи, и тѣ, въ большинствѣ случаевъ, служатъ имъ вѣрой и правдой, стараясь поддерживать въ домѣ величайшій порядокъ и тишину, что считается здѣсь однимъ изъ первыхъ условій порядочнаго шведскаго дома. Своимъ дѣтямъ люди среднего круга даютъ прекрасное воспитаніе, обращая серьезное вниманіе на ихъ физическое развитіе: шведскія дѣти много остаются на воздухѣ, бѣгаютъ зимою на конькахъ и катаются въ салазкахъ, и всѣ они обыкновенно занимаются гимнастикой, которою такъ славится эта страна. Родители находятъ необходимымъ съ ранняго возраста учить своихъ дѣтей плаванью, и большинство шведовъ оказывается прекрасными пловцами. Въ Стокгольмѣ существуетъ даже школа плаванья, ученики которой въ извѣстные дни показываютъ публикѣ свою ловкость въ этомъ искусствѣ. Въ высшей степени забавно видѣть тогда всѣ эти удивительно ловкіе прыжки въ водѣ искусныхъ пловцовъ и ихъ ныряніе. На одномъ изъ такихъ представленій иностранецъ былъ очевидцемъ такого происшествія: одна дама, повидимому внимательно разсматривавшая пловцовъ, вдругъ переступила черезъ край мостковъ, устроенныхъ на большой глубинѣ, и упала въ воду съ зонтикомъ въ рукахъ. Какой-то господинъ изъ толпы, какъ былъ въ платьѣ, такъ и бросился за нею въ воду и нырнулъ. Онъ скинулъ съ себя въ водѣ сюртукъ и сапоги, погрузился въ глубь за упавшей и скоро вынесъ ее на мостки при радостныхъ крикахъ и громкихъ аплодисментахъ собравшихся. Иностранецъ, наблюдавшій эту сцену, былъ пораженъ, когда ему сказали, что все это было заранѣе подготовлено и нерѣдко случается здѣсь во время такихъ публичныхъ представленій пловцовъ, и что это дѣлается, чтобы показать свою особенную ловкость въ плаваніи. Шведскія дѣвушки и женщины, что видно уже изъ сказаннаго, тоже принимаютъ участіе при состязаніяхъ въ плаваніи и нерѣдко получаютъ призы, какъ и мужчины.

Жизнь людей среднего достатка въ Швеціи съ вѣшной стороны сильно напоминаетъ нашихъ бывшихъ помѣщиковъ средней руки: они любятъ имѣть большіе дома, много прислуги, хотя, конечно, далеко не въ такомъ размѣрѣ, какъ это было у насъ при крѣпостномъ правѣ, много хозяйственныхъ построекъ (даже и при маленькой семьѣ), специально устроенныхъ для всякой особой отрасли хозяйства.

Прежде всего входишь въ сѣни, тепло отапливаемыя, какъ и весь домъ, и къ которымъ примыкаетъ кухня и жилыя комнаты. Даже и въ небольшихъ квартирахъ около кухни — одна или нѣсколько кладовыхъ и комнаты для служанокъ. Вообще шведскія квартиры средней руки устроены несравненно болѣе уютно и комфортабельно, чѣмъ нѣмецкія. И это понятно: шведъ большую часть своего времени проводитъ въ домѣ; правда, у него всегда есть гостиная, но онъ и безъ гостей проводитъ въ ней съ своимъ семействомъ много времени, тѣмъ болѣе, что въ этой комнатѣ всегда зимою пылающій каминъ, кругомъ котораго такъ любитъ сидѣть семья, и качающееся кресло, такъ располагающее къ душевной болтовнѣ. Спальни тоже существуютъ не только для сна, поэтому въ нихъ вмѣсто кроватей часто употребляютъ софы, въ которыя днемъ убираютъ всѣ постельныя принадлежности, или складныя кушетки; кровати же, если онѣ существуютъ, стоятъ въ нишахъ, которыя задергиваются днемъ драпировкою. Подлѣ спаленъ — маленькія темныя комнаты, служащія гардеробною или умывальною, и потому спальня не загромождена здѣсь ни шкалами, ни кроватями, ни умывальниками.

Поболтавъ съ полчаса въ шведскомъ семействѣ, иностранецъ чувствуетъ себя въ высшей степени хорошо. Такому настроенію содѣйствуетъ необыкновенное радушіе и простота хозяевъ, а также и ихъ безграничное гостепріимство и искренняя радость, съ которою принимаютъ гостя. Гости въ Швеціи, и особенно въ домахъ средней руки, смѣняютъ одни другихъ; дома такъ устроены, что въ нихъ всегда найдется особая комната для гостей. Гости, какъ и у насъ въ помѣщичьемъ быту въ старое время, гостятъ по нѣскольку дней. Какъ хозяева ни въ какомъ отношеніи не стѣсняютъ гостей, такъ и за собой они оставляютъ полную свободу продолжать свои обычные занятія.

Шведъ среднего достатка чрезвычайно серьезно занимается хозяйствомъ, но не обрабатываетъ своего поля и обыкновенно не отдаетъ его въ аренду, а нанимаетъ сельскихъ рабочихъ. Въ самыхъ скромныхъ домахъ средней руки вы найдете не менѣе двухъ прислугъ — горничную и кухарку, а чуть домъ позажиточнѣе, — нѣсколькихъ горничныхъ, экономку и другія рабочія силы. Хозяйка дома совершенно избавлена отъ мало-мальски черной или механической работы и посвящаетъ себя воспитанію дѣтей, а также присмотру за хозяйствомъ. Несмотря на то, что у нея достаточно времени для занятій съ дѣтьми, въ домѣ всегда есть учитель и учительница, такъ какъ школа обыкновенно находится далеко отъ дома; сама мать занимается съ дѣтьми двумя, тремя предметами, остальное преподаетъ учитель или учительница; тотъ и другой живутъ въ домѣ на равныхъ правахъ со всѣми остальными членами семьи, въ наилучшихъ отношеніяхъ съ хозяевами, принимая живѣйшее участіе въ семейныхъ радостяхъ и невзгодахъ. Несмотря на то, что у здѣшнихъ матерей, при воспитаніи дѣтей, существуетъ помощникъ или помощница, онѣ чрезвычайно заняты; нужно помнить, что даже скромное хозяйство весьма сложно, — при каждой усадьбѣ не мало хозяйственныхъ службъ: пекарня, прачешная, скотобойня, ткацкая, амбары, кладовыя, представляющія небольшія постройки, которыя группируются около главнаго дома; все это находится подъ строжайшимъ хозяйскимъ надзоромъ. Вслѣдствіе

рѣдкаго населенія и большого разстоянія усадебъ одна отъ другой, каждое семейство должно изготовлять все само на себя.

Въ шведскихъ семействахъ господствуетъ полнѣйшая гармонія, какъ между членами семьи, такъ и между хозяевами и служащими: ссоры, интриги, дразги, шумъ, безобразіе, — все это можно встрѣтить развѣ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Не существуетъ здѣсь и рѣзкаго дѣленія половъ: молодые люди обоего пола свободно читаютъ и гуляютъ другъ съ другомъ. Шведы народъ очень общительный и, несмотря на большія разстоянія, свиданія между сосѣдями и знакомыми происходятъ довольно часто. Лѣтомъ все общество помѣщается на верандахъ и балконахъ, зимой въ гостиныхъ у пылающаго камина.

Шведъ любитъ много и хорошо поѣсть: за завтракомъ и за обѣдомъ столъ уставленъ множествомъ кушаньевъ. За завтракомъ подаютъ яйца, говядину по крайней мѣрѣ двухъ сортовъ и хлѣбы самыхъ разнообразныхъ родовъ и видовъ: тутъ, какъ и за столомъ простолюдина, вы встрѣтите твердый хлѣбъ, въ видѣ круглыхъ лепешекъ, съ дыркой въ серединѣ; одинъ сортъ этого хлѣба готовятъ съ тонкими пряностями, а другой совершенно простой; кромѣ того подаютъ мягкій хлѣбъ нѣсколькихъ сортовъ и уже всегда особенно любимый желтый—шафранный. Къ обѣду сервируютъ особый столъ, уставленный закусками: на немъ, кромѣ самыхъ разнообразныхъ закусокъ, вы найдете холодное жаркое, оленину, жареный картофель, сыръ, яичницу. Посреди этого стола возвышается цѣлая батарея водокъ и ликеровъ. На сосѣднемъ столѣ, за которымъ и обѣдаютъ, пиво и любимый пѣнящійся напитокъ «socherdricka», приготовленный изъ воды, сахара, хмѣля, лимоннаго сока и дрожжей. Послѣ закуски приступаютъ къ обѣду; сначала подаютъ мясныя кушанья, а затѣмъ сладкіе супы. Очень распространена форель въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, которая въ изобиліи водится въ рѣкахъ Норланда; въ большомъ употребленіи и оленина. Обѣдъ проходитъ очень оживленно: всѣ пьютъ за здоровье другъ друга и при этомъ произносятъ разныя пожеланія. Какъ передъ обѣдомъ, такъ и послѣ него, ребенокъ произноситъ молитву, а если въ домѣ нѣтъ дѣтей, взрослые тихо молятся про себя. Послѣ обѣда подаютъ кофе, а вмѣстѣ съ нимъ — для мужчинъ ликеръ или коньякъ; затѣмъ пьютъ обыкновенно холодный шведскій пуншъ.

Почти каждое семейство даетъ въ зиму хотя одинъ балъ, на который приглашаетъ всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ; но шведы предпочитаютъ по вечерамъ бѣгать на конькахъ, при чемъ каждый, участвующій въ бѣгѣ, держитъ въ рукахъ факель. Кромѣ бѣганья на конькахъ, устраиваютъ и катанье въ саняхъ, въ которомъ принимаютъ участіе и старыя, и малыя.

РЕЛИГІЯ. ДУХОВЕНСТВО. СЕКТАНТЫ.

Швеція—классическая страна лютеранства; несмотря на это, ея церковь отчасти удержала весьма значительную часть пышности католическихъ обрядовъ. Въ обрядахъ богослуженія у шведовъ сохранилось гораздо болѣе слѣдовъ католицизма, чѣмъ у нѣмцевъ; даже облаченіе шведскихъ пасторовъ, особенно въ случаяхъ болѣе торжественныхъ, напоминаетъ одежду священниковъ западной церкви. Въ требникѣ шведской церкви мы находимъ даже исповѣдь и обѣдню. Тайная исповѣдь происходила въ Швеціи еще 150 лѣтъ послѣ введенія реформации, и только въ 1670 г. ея мѣсто заняла общая исповѣдь. Теперь исповѣдь состоитъ въ томъ, что пас-

торъ говоритъ собравшимся короткую рѣчь о покаяніи и исправленіи, потомъ провозноситъ отъ имени кающихся исповѣданіе въ грѣхахъ и, не выслушавъ покаяніи въ грѣхахъ, объявляетъ отпущеніе ихъ. Вѣроятно потому, что шведская церковь сохранила католическій отпечатокъ, переходъ шведовъ-католиковъ въ лютеранскую религію совершился безъ большихъ волненій: народъ и не подозрѣвалъ, что произошла какая нибудь перемѣна, отчасти потому, что внѣшность осталась прежняя.

Хотя королевскимъ эдиктомъ уже съ XVIII столѣтія было дозволено реформатамъ, англиканамъ и католикамъ открыто совершать свое богослуженіе, но до 1870 г. всѣ гражданскія права были связаны исключительно съ лютеранскимъ исповѣданіемъ. Нелютеране не имѣли въ Швеціи никакихъ политическихъ правъ; мало того, до самаго послѣдняго времени переходъ изъ лютеранской религіи въ какую нибудь другую вызывалъ изгнаніе изъ страны. Только въ 1870 г. былъ изданъ законъ, который даровалъ право всѣмъ христіанскимъ сектамъ, а также католикамъ и евреямъ, наравнѣ съ послѣдователями господствующей религіи, занимать въ государствѣ всѣ должности, кромѣ поста министра, который можетъ быть занятъ лишь лютераниномъ.

Содержаніе священниковъ страшнымъ гнетомъ ложится на народъ. Они получаютъ доходы не только отъ общества, но и отъ правительства. Вездѣ въ селахъ для священниковъ существуютъ дома съ необходимыми при нихъ службами и полевыми угодьями. Имъ дозволяютъ пользоваться церковнымъ лѣсомъ и заниматься хлѣбопашествомъ. Они могутъ съ выгодною для себя хорошо вести сельское хозяйство, потому что обработка полей, уборка сѣнокосовъ и другія хозяйственныя работы дѣлаются крестьянами безъ малѣйшей платы. Кромѣ обыкновенныхъ церковныхъ домовъ и полей, здѣшнее духовенство пользуется еще доходами съ отдѣльныхъ мызь или дачъ. Народу особенно обременительна *третья десятина*, по которой всѣ прихожане безъ исключенія, какъ крестьяне-землепашцы, такъ и дворяне-землевладѣльцы, обязаны отдавать въ пользу духовенства одну десятую часть всего сбора. Такою десятиною пользуется шведское духовенство еще отъ временъ католическихъ; третнюю же десятиною этотъ налогъ называется потому, что собственно священникъ пользуется изъ нея $\frac{1}{3}$ десятиннаго сбора, а другія двѣ трети въ свою очередь раздѣляются на три части, изъ которыхъ одна идетъ епископу, другая—церкви, третья—бѣднымъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Готландѣ, вся десятина сполна отдается пастору. Главный предметъ третней десятины—пшеница, овесъ и всѣхъ родовъ зерновой хлѣбъ.

Избавиться отъ такого побора рѣшительно нѣтъ никакой возможности: если бы кто нибудь вздумалъ обратить свое поле въ лугъ или не обрабатывать его, то и въ такихъ случаяхъ духовенство ничего не потеряетъ и владѣлецъ земли выплатитъ ему деньгами по существующимъ цѣнамъ и по урожаю даннаго года. Крестьяне, живущіе на берегахъ, даютъ вмѣсто зерна съ каждой своей лодки извѣстное количество рыбы. Отъ третней десятины шведскій законъ освобождаетъ только весьма немногихъ: священническихъ вдовъ, солдатъ, матросовъ и поселенцевъ пустопорожнихъ мѣстъ. Да и то относительно солдатъ и матросовъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя они и освобождены отъ третней десятины, какъ люди неимѣющіе никакихъ полей, но за то и они, когда находятся дома, въ отпуску, должны отбывать оброкъ духовенству рабочими днями или платить извѣстную сумму денегъ. Что же касается до поселенцевъ пустопорожнихъ мѣстъ, то ихъ освобождаютъ отъ подати только на время.

Третняя десятина простирается не только на зерновой хлѣбъ и рыбу, но рѣшительно на всѣ отрасли хозяйства. Существуетъ десятина со скота: съ овецъ, ягнятъ,

телятъ, козъ, жеребятъ и даже съ гусей; *десятина съ масла*—отъ каждой коровы фунтъ, натурою или деньгами, по мѣстнымъ цѣнамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ десятина съ сѣна, дровъ и пр. Помимо всѣхъ этихъ поборовъ существуютъ еще такіе, которые введены обычаями. Къ такимъ доходамъ принадлежитъ плата за аттестаты, выдаваемые пасторами прислугѣ при переходѣ ея изъ одного прихода въ другой, а также и при перемѣнѣ ея мѣста. При этомъ пасторы не только пользуются небольшою платою, которая вошла въ обычай, но и такъ называемыми «добровольными приношеніями». Прислуга знаетъ, что если пасторъ дастъ дурной аттестатъ, то она нигдѣ не найдетъ себѣ мѣста, и преподноситъ своему пастырю по мѣрѣ силъ и возможности. Кромѣ сбора съ служащихъ крестьянъ и крестьянокъ за аттестаты, существуетъ еще поборъ, называемый «рождественскимъ пропитаніемъ», или дань духовенству въ праздникъ Рождества. «Рождественское пропитаніе» состоитъ изъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ: яицъ, колбасъ, гусей. Кромѣ этого пасторы получаютъ отъ прихожанъ вознагражденіе за исполненіе требъ.

Юноши, желающіе посвятить себя церкви, кончаютъ свое образованіе въ университетахъ Лунда или Упсалы. Для поступленія въ духовное званіе, куда допускаются только по достиженіи 23-хъ-лѣтняго возраста, они должны сдать не только обычный университетскій экзаменъ по богословію, но также экзаменъ на должность священника передъ мѣстнымъ духовнымъ судомъ. Затѣмъ, прежде чѣмъ получить мѣсто, они подвергаются вторичному, болѣе строгому экзамену. Въ пасторы обыкновенно идутъ сыновья достаточныхъ крестьянъ и люди средняго сословія. Не отличаясь въ Швеціи особенными пороками, этотъ классъ общества не заявилъ себя здѣсь и ничѣмъ особеннымъ: онъ не выказалъ ни особыхъ добродѣтелей, ни особенно возвышенныхъ идеальныхъ стремленій. Вѣроятно вслѣдствіе хорошихъ доходовъ и зажиточности, здѣшнее духовенство отличается чрезвычайно вылощенною наружностью, плотностью и дородствомъ.

Главное основаніе лютеранскаго богослуженія — проповѣдь; здѣсь она развита, кажется, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Существуютъ отдѣльные уроки и множество специальныхъ сочиненій, какъ писать и говорить проповѣди. Шведскій пасторъ во время проповѣди говоритъ съ необыкновенной жестикуляціей, съ большимъ пафосомъ, большею частью искусственнымъ; въ рукахъ онъ вертитъ бѣлый носовой платокъ, а еще чаще размахиваетъ имъ, что оказываетъ ему множество услугъ: когда онъ забудетъ что-нибудь въ заученной рѣчи, онъ обмахиваетъ имъ себѣ лицо и заглядываетъ въ бумажку, гдѣ у него написана проповѣдь.

Хотя громадное большинство шведовъ исповѣдуетъ лютеранскую вѣру, но въ Швеціи встрѣчаются также католики, евреи и особенно много сектантовъ: баптисты, мармоны, методисты, сведенборгіанцы, анабаптисты и др. Съ 1803 г. въ Швеціи возникла новая секта «лезаровъ», или чтецовъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ крестьянскому сословію. Впрочемъ они не могутъ быть названы даже сектантами въ точномъ значеніи этого слова, потому что признаютъ правило и ученіе господствующей церкви; но, находя существующее богослуженіе недостаточнымъ, они собираются для молитвы и болѣе усерднаго поклоненія Богу въ одномъ изъ частныхъ домовъ, который они называютъ молеельною. Они не имѣютъ никакой особенной формы богослуженія, но, какъ показываетъ самое названіе ихъ, главнымъ образомъ занимаются чтеніемъ и толкованіемъ Св. Писанія. Они посѣщаютъ также и общественное богослуженіе, но свое ученіе они считаютъ болѣе чистымъ и съ фанатизмомъ встаютъ противъ всякихъ земныхъ и суетныхъ удовольствій.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Четырехсословное представительство и вредъ такой системы для народа.—Шведскій сеймъ послѣ реформы.—Шведское правительство.—Власть короля.—Значеніе риксдага.

Наиболѣе важныя реформы въ Швеціи произошли въ царствованіе Карла XV, который управлялъ этой страной съ 1859 по 1872 г. Огромное значеніе для страны имѣла реформа «сословнаго представительства», — вотъ въ чемъ она заключалась. Прежде сеймъ въ Швеціи состоялъ изъ представителей четырехъ сословій: *дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ*. Это дѣленіе на четыре сословія или куріи существовало въ Швеціи съ XVI ст. до 1866 г. Эта система представительства страдала очень многими существенными недостатками, и прежде всего тѣмъ, что громаднѣйшія группы населенія Швеціи не имѣли на сеймѣ своихъ представителей, защитниковъ своихъ интересовъ. При этомъ каждая курія была организована на началахъ строгой, замкнутой сословности и думала только о своихъ узко-сословныхъ интересахъ.

Первая курія состояла изъ главъ дворянскихъ семействъ. Дворянинъ могъ явиться на сеймъ и присутствовать на немъ, сколько ему хотѣлось: онъ и сидѣлъ, пока рѣчь шла о вопросахъ, его интересовавшихъ, но какъ только онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, или если онъ, не получая вознагражденія за засѣданія въ сеймѣ, находилъ, что жизнь въ столицѣ для него дорога и вообще не такъ пріятна, какъ въ отцовскомъ имѣніи, онъ немедленно уѣзжалъ домой. Такимъ образомъ дворянамъ было предоставлено право участія въ законодательной власти, когда и какъ они хотѣли ея пользоваться, и бросать свою обязанность, когда она становилась для нихъ утомительной или даже скучной. Но этимъ еще не ограничивались широкія права дворянъ: они не только присвоили себѣ право участвовать въ законодательствѣ, но если кто-нибудь изъ нихъ не могъ или не хотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, онъ передавалъ свой голосъ другому. Слѣдствіемъ этого было то, что дворяне торговали своимъ правомъ голоса, продавали его иногда очень выгодно, и это служило орудіемъ всевозможныхъ интригъ. Бѣдные и промотавшіеся дворяне продавали право своего голоса разбогатѣвшимъ купцамъ.

Вторая курія состояла изъ духовныхъ лицъ, — изъ епископовъ и приходскихъ священниковъ. Огромная часть шведовъ всегда находила, что политика и религія ничего не имѣютъ общаго между собой, что соединеніе дѣятельности религіознаго проповѣдника и политическаго дѣятеля приноситъ ущербъ религіозной жизни народа и вносить въ политику духъ религіозной нетерпимости. Зачѣмъ привлекать духовенство къ участію при рѣшеніи вопросовъ о податной реформѣ, о военной организаціи, о флотѣ? спрашивали шведы все чаще и чаще. При обсужденіи вопросовъ, касающихся спеціально церкви, можно было-бы созывать духовныхъ лицъ и передавать такіе вопросы на ихъ обсужденіе, — для этого имъ вовсе нѣтъ надобности участвовать на сеймѣ: такъ думали многіе. Но это общее недовольство второй куріей не измѣняло дѣла.

Третья курія на сеймѣ состояла изъ представителей горожанъ. Нужно имѣть въ виду, что въ Швеціи до сихъ поръ, а тѣмъ болѣе прежде, совсѣмъ не была развита городская жизнь, какъ это мы видимъ напр. въ Бельгіи и другихъ государствахъ запада. И въ настоящее время въ Швеціи чрезвычайно мало городовъ, а

при четырехсословномъ представительствѣ 100 т. горожанъ имѣли на сеймѣ такое-же значеніе, какъ несравненно большія группы населенія. Другой существенный недостатокъ этой куріи состоялъ въ слѣдующемъ: читателямъ уже извѣстно, что въ Швеціи далеко не всѣ фабрики находятся въ городахъ. Люди, имѣвшіе фабрики въ деревняхъ и другихъ мѣстностяхъ, не могли подавать голоса ни въ одномъ изъ четырехъ сословій: они не считались горожанами, потому что не жили въ городахъ и не имѣли тамъ недвижимой собственности, они не могли считаться и крестьянами, потому что не принадлежали къ составу сельской общины. Такимъ образомъ собственники очень многихъ фабрикъ и рудниковъ не имѣли въ сеймѣ защитниковъ своихъ интересовъ; между тѣмъ въ ихъ рукахъ сосредоточивались крупные капиталы, отъ успѣха ихъ дѣла сильно зависѣло развитіе благосостоянія Швеціи. Законъ 1820 г. далъ право владѣтелямъ рудниковъ и заводовъ избирать трехъ депутатовъ, которыхъ и причислили къ куріи горожанъ; но это мало измѣнило положеніе вещей.

Четвертая курія состояла изъ крестьянъ, но она вовсе не была представительницею всего шведскаго земледѣльческаго класса. Арендаторы, мелкіе землевладѣльцы, торпары, а также огромный классъ сельскихъ рабочихъ не имѣли на сеймѣ защитниковъ своихъ интересовъ. Только настоящій крестьянинъ, болѣе или менѣе крупный землевладѣлецъ, имѣвшій постоянную осѣдлость, могъ быть представителемъ на сеймѣ. Относительно этой куріи тоже, конечно, чувствовалась крайняя необходимость расширить ее представителями другихъ земледѣльческихъ группъ.

Кромѣ указанныхъ недостатковъ, это четырехсословное представительство приводило къ страшной запутанности при рѣшеніи очень многихъ вопросовъ. Напримѣръ, не было выяснено, въ какомъ сословіи должны были подавать голоса дворяне, не владѣющіе дворянскимъ имуществомъ. Всѣ дѣла шли съ необыкновенною медленностью, и шведы все болѣе начали сознавать жестокій вредъ четырехсословнаго представительства. Наконецъ въ 1866 г., при Карлѣ XV, произошла реформа, уничтожившая четырехсословное представительство, *и сословный сеймъ былъ замѣненъ всесословнымъ народнымъ представительствомъ.*

Государственная форма правленія въ Швеціи представляетъ собою наследственную монархію, ограниченную шведскимъ парламентомъ или риксдагомъ. Шведскій король — наследственный конституціонный монархъ почти надъ пятью миллионами шведовъ, не считая норвежцевъ. Шведскій король долженъ быть лютеранской вѣры. Если онъ находится въ отсутствіи болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ или если болѣзнь не позволяетъ ему управлять государствомъ въ теченіи означеннаго срока, созывается чрезвычайная сессія риксдага, на которой и принимаются для этого необходимыя мѣры. Если король умираетъ, оставляя несовершеннолѣтняго наследника, риксдагъ назначаетъ регентовъ для управленія государствомъ до совершеннолѣтія короля. Если послѣ смерти короля не остается наследника, риксдагъ избираетъ короля и устанавливаетъ новую династію.

Шведскій король пользуется широкими правами: онъ можетъ издавать законы и раздѣляетъ законодательную власть съ риксдагомъ. Онъ пользуется правомъ veto: можетъ отказывать въ утвержденіи законовъ, принятыхъ обѣими палатами (камерами) риксдага. Онъ созываетъ, открываетъ и распускаетъ риксдагъ; но онъ не можетъ распустить его вторично ранѣе четырехъ мѣсяцевъ послѣ открытія. Онъ назначаетъ предсѣдателей и вице-предсѣдателей палатъ. Король можетъ объявлять войну и заключать миръ, но выслушавъ предварительно по этому поводу мнѣнія министровъ и представителей Норвегіи. Король — главный предводитель сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ; онъ можетъ возводить въ дворянское достоинство и жаловать дворян-

намъ баронскій и графскій титулы. Онъ имѣетъ право миловать преступниковъ, смягчать ихъ наказанія, возвращать почести и конфискованныя имущества, но по соглашенію съ Государственнымъ Совѣтомъ и Верховнымъ судомъ. Король имѣетъ право назначать на высшія должности въ королевствѣ и на нѣкоторыя изъ низшихъ, но только лютеранъ. Губернаторъ провинцій, королевскій генеральный прокуроръ, дипломатическіе агенты, старшіе офицеры арміи и флота могутъ быть уволены королемъ; но другіе чиновники могутъ быть уволены со своихъ должностей только послѣ слѣдствія по предписанію суда. Король не имѣетъ права облагать народъ податью, но ни одинъ изъ вводимыхъ налоговъ не можетъ быть взимаемъ безъ его согласія.

Есть одно мѣсто въ Швеціи, изъ котораго король исключенъ закономъ: онъ не можетъ переступить порогъ помѣщенія, въ которомъ засѣдаетъ риксдагъ. Однако, несмотря на это, открытіе риксдага совершается съ необыкновеннымъ торжествомъ, но не въ специальномъ зданіи, предназначенномъ для него, а во дворцѣ. Въ такомъ случаѣ зало дворца украшено флагами національных цвѣтовъ, усыпаннымъ золотыми коронами. На эстрадѣ стоитъ тронъ подъ высокимъ балдахиномъ, усыпаннымъ коронами. Но вотъ послышался шумъ и движеніе у дверей залы. Появляются люди въ мундирахъ, торжественно проходятъ черезъ залъ и кланяются передъ трономъ, который пока остается еще пустымъ; затѣмъ они занимаютъ предназначенныя имъ мѣста. Но вотъ всѣ поднимаются, — входятъ принцы въ коронахъ; ихъ голубыя, обшитыя горностаемъ мантии влачили-бы по полу, если-бы придворные не несли ихъ въ рукахъ. Послѣднимъ входитъ король въ великолѣпной красной мантии, вышитой золотомъ, съ горностаевымъ воротникомъ и со знаками высшаго ордена Серафима. Его мантию, которую такъ бережно поддерживаютъ, отбрасываютъ на спинку серебрянаго трона, и принцы сейчасъ же становятся сзади его. Король говоритъ сидя, читая по бумагѣ. Главные сановники королевства оставляютъ залъ раньше королевской фамиліи; затѣмъ, въ строгомъ порядкѣ, удаляются принцы и наконецъ самъ король.

Представителемъ шведскаго народа является *риксдагъ* (шведскій парламентъ): онъ состоитъ изъ двухъ палатъ, имѣющихъ одинаковыя права и значеніе. Несмотря на то, что для выборовъ въ первую палату установленъ болѣе высокой цензъ, чѣмъ для выборовъ въ депутаты второй палаты, но она вовсе не играетъ роли представительницы высшаго сословія или чиновной аристократіи. Депутатовъ первой палаты 136 ч.; ихъ выбираютъ на девять лѣтъ въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ, а вторая палата состоитъ изъ 198 депутатовъ, выбираемыхъ народомъ на три года. Получаютъ вознагражденіе только депутаты второй палаты; каждый изъ нихъ имѣетъ 1.200 кронъ за сессію, продолжающуюся обыкновенно четыре мѣсяца. Хотя обѣ палаты должны имѣть одинаковое значеніе, но такъ какъ во второй изъ нихъ больше членовъ, то она имѣетъ и больше силы, особенно когда подаютъ голоса всѣ депутаты риксдага, какъ это бываетъ въ дѣлахъ, касающихся бюджета. Чтобы быть депутатомъ первой камеры (палаты), надо имѣть 35 лѣтъ отъ роду и получать не менѣе 4.000 кронъ годового дохода. Для того, чтобы быть выбраннымъ во вторую камеру, необходимо имѣть недвижимость, оцѣненную въ 1000 р. Депутатовъ въ эту вторую палату выбираютъ на три года, полагая по одному кандидату на 6.000 сельскаго и на 10.000 городского населенія. Очередной риксдагъ собирается ежегодно къ 15-му января, а чрезвычайный риксдагъ сзывается по распоряженію короля. Предсѣдатель и вицепредсѣдатель утверждаются королемъ и избираются изъ членовъ каждой палаты. Депутатъ риксдага не можетъ-быть преслѣдуемъ судомъ или арестованъ за свои поступки или рѣчи въ качествѣ члена риксдага, если только на то не будетъ дано полномочія палатою, къ которой онъ принадлежитъ.

Епископы и сельскіе пасторы, дворяне и крестьяне, писатели и кузнецы встрѣчаются между собою въ риксадагѣ, какъ равные. «Господинъ» — вотъ обычная форма обращенія членовъ другъ къ другу, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обращаются къ графу или барону, — тогда ихъ обыкновенно называютъ по титулу. Депутатовъ риксадага приглашаютъ во дворецъ на различныя увеселенія. Однако жены депутатовъ второй палаты не включаются въ эти приглашенія, если онѣ не дворянскаго рода и не были представлены ко двору. Когда кто-либо становится министромъ, жена его имѣетъ право быть представленной ко двору, кто-бы ни были ея предки.

Въ шведскомъ риксадагѣ нѣтъ особенно знаменитыхъ ораторовъ: ихъ рѣчи обыкновенно очень просты, но разумны, практичны и указываютъ на полное знаніе дѣла, о которомъ они говорятъ. Спокойствіе и порядокъ засѣданій риксадага не нарушаются никакими скандальными сценами и исторіями, какими полны парламенты очень и очень многихъ европейскихъ странъ: въ его стѣнахъ никто не слышалъ ни о какихъ подкупахъ; никогда не происходило здѣсь ни постыдныхъ процессовъ, ни свалокъ, ни побоищъ. Все происходитъ здѣсь просто, тихо и благопристойно.

СТОКГОЛЬМЪ.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ этотъ городъ. — Его улицы, зданія и жизнь. — Дьургарденъ, его увеселенія и празднества. — Окрестности города. — Меларъ.

Стокгольмъ, столица Швеціи, превосходитъ всѣ сѣверные города Европы красотами природы и славится многочисленными историческими памятниками. Окруженный со всѣхъ сторонъ и перерѣзанный всюду водою, онъ по своему мѣстоположенію напоминаетъ Венецію, хотя не имѣетъ ея дивныхъ дворцовъ. Шведская столица построена на нѣсколькихъ скалистыхъ островахъ, соединенныхъ между собой прекрасными мостами, перекинутыми черезъ заливы и протоки и лежитъ у озера Мелара; она чрезвычайно красиво расположена амфитеатромъ вокругъ гавани, представляя взору, на склонахъ окрестныхъ горъ, безчисленныя дачи и замки, а на вершинахъ богатые лѣса. Стокгольмъ славится своими оригинальными окрестностями. Голыя, обнаженные или покрытыя зеленью скалы, холмы, озера, рѣки, плодородныя поля, тѣнистыя лѣса, богатые луга, роскошныя, величественныя замки и простенькіе, но красивенькіе загородные домики перемежаются другъ съ другомъ.

Стокгольмъ — самый оригинальный изъ всѣхъ европейскихъ городовъ. Всѣ остальные города въ мірѣ совершенно измѣнили тотъ клочекъ земли, на которомъ имъ пришлось обстроиваться: горы снесены, углубленія засыпаны, рѣки отведены. Большія европейскія столицы имѣютъ обыкновенно огромное вліяніе на нѣсколько миль въ окружности: какъ бы ни была пустынная мѣстность кругомъ, она обращается въ плодороднѣйшіе сады, самыя непроходимыя болота — нерѣдко въ прекрасныя парки. Сады, фабрики, дачи уже за нѣсколько часовъ до вѣзда въ столицу указываютъ на приближеніе къ ней. Нерѣдко трудно опредѣлить, гдѣ городъ начинается и гдѣ онъ оканчивается. Совѣмъ другое вы видите въ Стокгольмѣ. Городъ этотъ построенъ посреди первобытнаго лѣса, и этотъ характеръ сохранился въ немъ и до сихъ поръ. Правда, одна огромная вершина въ Нормальмѣ (Нормальмъ — сѣверная часть города) снесена и уровнена, на мѣстѣ одного огромнаго болота теперь паркъ съ тѣнистыми аллеями, но стоитъ только войти на обсерваторію въ Нормальмъ, и вы посреди города, рядомъ съ домами, увидите обнаженную, первобытную каменную массу. Здѣсь

дворецъ, а рядомъ съ нимъ обрывается скала. Въмѣсто того, чтобы слѣдовать по углубленіямъ и обходить возвышенности, улицы здѣсь, особенно въ Зѣдермальмѣ (южная часть города), идутъ то вверхъ, то внизъ. Люди и экипажи, появляющіеся на возвышеніяхъ, обрисовываются на небѣ, и это производитъ странное впечатлѣніе. Такимъ образомъ Стокгольму до сихъ поръ не вполне удалось обработать почву, на которой онъ стоитъ, и это еще менѣе посчастливилось ему сдѣлать по отношенію къ своимъ окрестностямъ. Приближаясь къ Стокгольму, путешественникъ встрѣчаетъ богатые поля, сады и дома, какъ исключеніе; передъ нимъ, какъ и во время его путешествія по странѣ, лежитъ дикая пустыня, гдѣ онъ встрѣчаетъ твердый гранитъ. Какъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ страны, такъ и близъ Стокгольма, природа имѣетъ суровый характеръ, и нерѣдко большія пространства покрыты первобытнымъ лѣсомъ. Съ какихъ бы возвышенныхъ пунктовъ вы ни наблюдали Стокгольмъ, вы видите первобытный лѣсъ и мертвую пустыню скалъ, рѣзко выдѣляющихся среди блеска и великолѣпія шведской столицы. Эта непосредственная близость дворцовъ и скалъ, культуры и пустыни,—особенность Стокгольма.

Положеніе Стокгольма очень выгодно въ торговомъ отношеніи: суда, нагруженные товарами и идущія изъ Балтійскаго моря, могутъ входить въ средину города, и гавань такъ глубока, такъ прекрасно защищена отъ вѣтра, что самыя обширныя военныя суда могутъ входить въ нее безпрепятственно, а озеро Меларъ представляетъ удобное сообщеніе съ самыми плодородными провинціями внутри страны.

Надъ всѣми строеніями Стадена (старый городъ; онъ лежитъ на островѣ и соединяется мостами съ двумя меньшими островами) поднимается королевскій дворецъ, къ которому со всѣхъ сторонъ примыкаютъ красивыя зданія. Онъ не только виденъ во всѣхъ частяхъ города, но когда еще приближаешься къ Стокгольму, онъ производитъ величественное впечатлѣніе. Онъ построенъ въ итальянскомъ стилѣ и представляется еще болѣе красивымъ вслѣдствіе своего великолѣпнаго мѣстоположенія, такъ что никакой другой дворецъ не можетъ сравниться съ нимъ. Онъ поднимается посреди Стокгольма на постепенно возвышающейся горѣ, подножіе которой омывается съ двухъ сторонъ Меларомъ и Соленымъ озеромъ. Съ этой горы во всѣ стороны открывается прелестный видъ на оба озера, на всѣ острова и проливы, на гавань, шхеры и на части города, поднимающіяся по склонамъ горъ,—королевскій дворецъ построенъ изъ высѣченныхъ гранитныхъ глыбъ. Внутренность этого изящнаго королевскаго дворца соответствуетъ его великолѣпному наружному виду и содержитъ, кромѣ королевскихъ комнатъ, дворцовую капеллу, большой тронный залъ и комнаты для художественныхъ и научныхъ коллекцій.

Стаденъ—самая древняя, но не самая красивая часть города; улицы въ немъ узкія, кривыя и неровныя, дома высокіе, нѣсколько мрачныя. При возникновеніи Стокгольма дома строились почти безъ всякаго плана. Биржа, банкъ и монетный дворъ—огромныя строенія, но далеко не величественны. Здѣсь царствуетъ торговый міръ. Около набережной останавливаются купеческіе корабли. Улицы очень мало оживлены: экипажей совсѣмъ почти не видно, и во многихъ мѣстахъ имъ невозможно было бы и разѣхаться. Двѣ болѣе широкія улицы пересѣкаютъ Стаденъ по всей его длинѣ, но онѣ соединяются между собою такими тѣсными переулками, какихъ вы не встрѣтите въ другихъ частяхъ шведской столицы. Магазины, лавки, конторы обыкновенно занимаютъ нижній этажъ этихъ старинныхъ домовъ, фронтоны и внѣшнія украшенія которыхъ напоминаютъ XV и XVI столѣтіе.

Островъ, на которомъ расположенъ Стаденъ, соединяется съ островомъ Риддергольмъ посредствомъ моста; онъ застроенъ общественными зданіями и между ними

первое мѣсто занимаетъ «дворецъ дворянства». На этомъ же островѣ возвышается Риддергольмская церковь, которую можно назвать усыпальницею шведскихъ королей,—прежде она была монастырскою церковью. Высоко надъ крышей церкви поднимается на огромную высоту стройная башня изъ чугуна, самая высокая во всей Швеціи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ бывшей монастырской церкви францисканскихъ монаховъ, за исключеніемъ главнаго алтаря, убрали все, что напоминаетъ о католическомъ богослуженіи и обратили ее въ королевскую церковь. Въ ея склепахъ и подъ ея мраморными плитами покоятся короли страны. На стѣнахъ, въ главномъ проходѣ храма, повѣшены небольшія дощечки, по черному фону которыхъ изображены гербы съ надписями лицъ, когда-либо награжденныхъ высшимъ королевскимъ отличіемъ въ Швеціи—орденомъ Серафима. Стѣны церкви въ мѣстахъ, гдѣ находятся саркофаги почившихъ королей, увѣшаны военными трофеями. Пилястры, которые поддерживаютъ сводъ, тоже украшены гербами, трофеями и знаменами здѣсь погребенныхъ. Куда вы ни взглянете въ этомъ храмѣ, вездѣ знамена и оружія. Военные трофеи изъ пурпура, саркофаги изъ гранита и красного порфира, вездѣ воспоминаніе о битвахъ и о славѣ шведскаго оружія.

Зѣдермальмъ, или южное предмѣстье, прежде представляло только дикія горы. Оно круто и отвѣсно возвышается, такъ что дома выглядятъ какъ гнѣзда птицъ, прилѣпленные къ горѣ. Вы отправляетесь вдоль Бесвергата (Трудная улица), которая то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, идетъ до самой высокой и скалистой части Зѣдермальма, до Скинарвикена. Здѣсь скалы обрываются отвѣсно на двѣсти футовъ къ Мелару. Въ ущельяхъ и у самаго берега пріютились различныя фабрики, которыя поддерживаютъ сношенія съ городомъ преимущественно водою. На высотѣ же стоитъ цѣлый лабиринтъ домовъ. Несмотря на это, скалистая почва до сихъ поръ всюду выступаетъ огромными массами, на которыхъ стоятъ дома. Даже и теперь между выстроеными домами нерѣдко взрываютъ скалы и уравниваютъ почву. Тутъ, какъ и во всей странѣ, идетъ вѣчная борьба съ упорнымъ гранитомъ. Хотя и здѣсь есть нѣсколько большихъ и хорошихъ зданій, но большею частью домики очень маленькіе, и въ нихъ живутъ люди, занимающіеся мелкою торговлею и поденною работою. Но возвратимся къ Скинарвикену. Взорвавшись на самую большую его возвышенность, мы очутимся на расколотой первобытной каменной массѣ, и предъ нами раскроется превосходная картина: весь городъ точно плыветъ на морѣ. Съ одной стороны вы видите Меларъ съ замками и дворцами, съ другой—острова, въ высшей степени разнообразныя; напротивъ Нормальмъ (сѣверное предмѣстье), а направо море домовъ Стадена и Риддергольма, надъ которыми возвышается королевскій дворецъ, далѣе виднѣются высоты Зоологическаго сада, а позади простирается Зѣдермальмъ съ своими то поднимающимися, то опускающимися массами домовъ. Гдѣ прекращаются дома, тамъ возвышаются холмы гранитной почвы, пустынные, какъ потокъ застывшей лавы, и наконецъ ихъ окаймляетъ первобытный лѣсъ, эта неизбѣжная рамка шведскаго ландшафта. Къ высотамъ южной гористой части можно подняться въ вагончикѣ на подъемной паровой машинѣ, за что берется нѣсколько копѣекъ.

Третья главнѣйшая часть города, Нормальмъ, соединена со Стаденомъ великолѣпнымъ гранитнымъ мостомъ, оканчивающимся у большой площади Густава Адольфа, посреди которой возвышается конная статуя. Нормальмъ служить мѣстопребываніемъ аристократіи и министровъ и потому украшенъ великолѣпными домами.

Для Стокгольма Дьургарденъ тоже что для Вѣны—Пратеръ, для Рима—Вилла Боргезе, для Парижа—Булонскій лѣсъ. Дьургарденъ былъ нѣкогда зоологическимъ садомъ, но теперь это прекрасный огромный паркъ съ великолѣпными большими ду-

бами, съ прелестными вилами, съ многочисленными ресторациями, съ каруселями. Дьургарденъ—средоточіе всевозможныхъ увеселеній стокгольмцевъ. Особенно много жизни здѣсь по воскресеньямъ. Богатые имѣютъ здѣсь дачи; даже одинъ изъ шведскихъ королей построилъ себѣ тутъ красивый загородный замокъ, Розендалъ. Кромѣ того здѣсь находится театръ, въ которомъ играютъ только лѣтомъ. Дьургарденъ занимаетъ почти весь островъ, имѣющій полмили въ окружности. Всѣ постройки возвышаются на краю острова, а внутри прекрасныя мѣста для прогулки, съ аллеями, съ группами скалъ и съ романтической глушью лѣса.

Лѣтомъ стокгольмцы безпрестанно посѣщаютъ окрестности города, но болѣе всего Дьургарденъ. Пароходы по праздникамъ каждыя пять минутъ привозятъ множество желающихъ погулять въ его тѣнистыхъ аллеяхъ. Вообще здѣсь отличное сообщеніе посредствомъ пароходовъ, и на нихъ можно сѣсть, откуда угодно: стоитъ только помахать платкомъ, и пароходъ быстро подходитъ къ скалѣ, на которой стоишь. Эти пароходы настоящіе водяные omnibuses, и не одинъ городъ не способствуетъ такъ ихъ распространенію, какъ Стокгольмъ, расположенный на многихъ островахъ, раздѣленныхъ широкими каналами, похожими на проливы. Всѣ окрестности Стокгольма, какъ со стороны суши, такъ и съ моря, имѣютъ характеръ шхеръ и на протяженіи многихъ миль острова смѣняются каналами. На этихъ островахъ и у этихъ проливовъ расположены тысячи веселенькихъ лѣтнихъ дачъ, множество замковъ, и очень многіе стокгольмцы переѣзжаютъ на лѣто за городъ. Поэтому здѣсь такъ необходимы пароходы и ихъ такъ много; они даютъ возможность купцу, занимающемуся въ городѣ каждый день, отправляться къ своему семейству на одинъ изъ острововъ, они увеличиваютъ число торговцевъ, снабжающихъ эти загородныя жилища, и необыкновенно оживляютъ лѣтомъ жизнь шведовъ.

Лишь только пароходъ пристаетъ къ низкому берегу Дьургардена, предъ вами тотчасъ открывается множество прекрасныхъ зданій съ тѣнистыми садами и съ дивными верандами. Пройдемъ по большой улицѣ, которая идетъ по южной, ровной части Дьургардена, и передъ нами, направо и налево, одинъ за другимъ мелькаютъ сады, виллы; направо, за деревьями, виднѣется Соленое озеро съ прибывающими и отплывающими кораблями, а съ лѣвой стороны отвѣсно поднимаются скалистыя высоты. И здѣсь, въ этомъ паркѣ, все тотъ же характеръ природы страны. Между тѣмъ какъ равнина представляетъ самую утонченную роскошь, на уединенныхъ скалистыхъ высотахъ парка, на которыя вы взбираетесь съ большимъ трудомъ, царствуетъ бозмолвіе пустыни. Вы вдругъ очутились среди шведскаго первобытнаго лѣса, среди скога. Стѣны утеса круто обрываются къ югу и совершенно недоступны, а вершину гранитныхъ высотъ покрываетъ дикій сосновый лѣсъ. Посреди этого лѣса вы легко можете вообразить себя далеко отъ всякой культуры, но когда подойдете къ краю скалы, вамъ представится необыкновенно величественный ландшафтъ.

Недалеко отъ одной изъ пристаней находится вила Бистромъ, построенная болѣею частью изъ каррарскаго мрамора въ древне-итальянскомъ стилѣ. Недалеко отсюда находится гостиница съ прекраснымъ садомъ, въ которомъ по вечерамъ даютъ концерты и гдѣ стоитъ дубъ, воспѣтый любимымъ шведскимъ поэтомъ Бельманомъ. По тѣнистой аллеѣ вы достигаете равнины Дьургардена, гдѣ акробаты, маріонетки, шарманки и пѣвцы привлекаютъ публику. Перваго мая здѣсь происходитъ народный праздникъ, въ которомъ принимаетъ участіе королевскій дворъ, и тогда стекается сюда весь Стокгольмъ. Кромѣ загороднаго замка Розендала, въ Дьургарденѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя гигантская ваза изъ эльфдальскаго порфира.

Множество дорогъ ведутъ отъ Розендальскаго замка по всеѣмъ направленіямъ къ

прекраснымъ лугамъ и лѣсамъ. Вы проходите черезъ еловый лѣсъ и достигаете перекрестка, гдѣ на возвышенности, осѣненной вѣковѣчными дубами, стоитъ бронзовый бюстъ шведскаго поэта Бельмана, который былъ торжественно открытъ 26-го іюля 1829 года. Съ тѣхъ поръ въ этотъ день ежегодно стекается сюда масса народа. Бельманъ былъ поэтомъ любви, и молодежь обоюго пола считаетъ своимъ долгомъ присутствовать на этомъ праздникѣ.

Выше было сказано, что въ окрестностяхъ Стокгольма чрезвычайно много великолѣпныхъ замковъ. Это отчасти объясняется тѣмъ, что ни одинъ король не выбираетъ своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ дворецъ своего предшественника; каждый изъ нихъ строитъ новый замокъ по своему вкусу или выбираетъ запущенный замокъ, въ которомъ уже давно не жилъ ни одинъ изъ его предшественниковъ, и отдѣлываетъ его заново. Многіе шведскіе дворяне въ прежнія времена тоже строили замки.

Поговоримъ о Меларѣ, къ берегамъ и островамъ котораго такъ стремятся стокгольмцы во время своего короткаго лѣта. Мы нарочно говоримъ Меларъ, а не озеро Меларъ, такъ какъ въ продолженіи многихъ часовъ можно кататься по его водамъ и не знать, что находишься на озерѣ. Мы видимъ воду и сушу и долго не можемъ понять, что изъ нихъ играетъ главную роль, — находимся ли мы на озерѣ съ тысячею острововъ, или на сушѣ, перерѣзанной безчисленнымъ множествомъ каналовъ, составляетъ ли вода здѣсь главный элементъ, а скалистая суша только исключеніе, или наоборотъ. Мы оглядываемся и видимъ вокругъ лабиринтъ скалъ и воды, острововъ, водныхъ рукавовъ и бухтъ и наконецъ рѣшаемся назвать все это просто Меларомъ. Иногда намъ кажется, что мы ѣдемъ по рѣкѣ, которая отъ времени до времени расширяется въ бассейнъ, иногда, — что мы не выберемся болѣе изъ этого лабиринта скалъ и попадемъ въ какой нибудь заливъ, изъ котораго уже нельзя будетъ подвинуться дальше. При этомъ чрезвычайно трудно различить, что передъ нами — материкъ или острова, потому что въ землю глубоко врѣзываются бухты и каналы, а острова такъ близко слѣдуютъ одинъ за другимъ, что составляютъ какъ бы сплошную массу и принимаютъ характеръ материка. Часто скалистые острова едва поднимаются надъ поверхностью воды въ видѣ кротовыхъ кучъ; нерѣдко они возвышаются отвѣсными гранитными скалами на нѣсколько сотенъ футовъ, иногда имѣютъ нѣсколько квадратныхъ миль въ объемѣ, то лишь нѣсколько сотенъ локтей. Величина острововъ тоже чрезвычайно разнообразна, начиная отъ шхеры, на которой едва замѣтишь небольшое возвышеніе изъ камней, и крошечнаго острова, на которомъ растетъ одна искривленная сосна, и кончая островами въ нѣсколько квадратныхъ миль. Всѣхъ острововъ на Меларѣ насчитываютъ около 1,300. Лодки, парусныя суда, корабли, изящныя яхты появляются и исчезаютъ между каменными группами, а яркіе солнечные лучи отражаютъ на зеркальной поверхности озера голубое небо, гранитныя скалы и темный первобытный лѣсъ. Меларъ самое красивое озеро Швеціи: оно образуетъ широкую и длинную впадину и имѣетъ прѣсную воду. Но такъ какъ его восточная оконечность находится очень недалеко отъ моря, то вода озера иногда стекаетъ въ море или наоборотъ — морская вода вливается въ озеро, такъ что соленая вода нерѣдко проникаетъ въ него. Само озеро глубже, чѣмъ это необходимо для морскихъ кораблей. Маленькіе военные корабли старыхъ временъ могли свободно въѣзжать почти во всѣ закоулки этого озера; поэтому его можно было бы разсматривать также какъ морской заливъ. Въ этомъ отношеніи Меларъ единственное озеро во всемъ длинномъ шведскомъ восточномъ побережьи, — это единственный большой Фіордъ, который имѣетъ Швеція. Во всей странѣ нѣтъ другого воднаго пути, по которому плаваніе изъ открытаго моря было бы такъ легко, какъ по Мелару. Его

боковые проливы, заливы и острова, а также и устья многочисленныхъ рѣкъ, изливающихся въ него, представляютъ множество мѣстъ, удобныхъ для стоянки кораблей. Берега Мелара только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утесисты и отвѣсны; онъ далеко не такъ узокъ и не такъ окруженъ высокими скалами, какъ фіорды въ Норвегіи. Его рамкою обыкновенно служатъ прекрасныя нивы и луга, на которыхъ охотно селится человѣкъ. Провинціи, окружающія его: Упландъ на сѣверѣ, Зѣдерманландъ на югѣ, Вестманландъ на западѣ,—принадлежатъ къ самымъ плодороднѣйшимъ и богатымъ мѣстностямъ страны. Строить корабли вблизи Мелара очень удобно, такъ какъ около него великолѣпные лѣса. Недалеко отъ этого озера существуютъ также большія залежи металла, главнымъ образомъ желѣза, которое находятъ въ неистощимыхъ желѣзныхъ рудникахъ Даннеморы, на сѣверѣ отъ Мелара. Самый извѣстный серебряный рудникъ Швеціи, Зала, находится также недалеко отъ бассейна Мелара. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ на берегахъ этого озера уже издавна процвѣтаетъ мореплаваніе, торговля, живетъ сравнительно густое населеніе и встрѣчаются самыя древнія города Швеціи

УНИВЕРСИТЕТЫ.

Жизнь студентовъ.—Съ какимъ торжествомъ въ Швеціи даютъ ученые степени.—Печать.

Въ Швеціи три университета: Стокгольмскій, Упсальскій и Лундскій. Университетъ въ Упсалѣ—одно изъ самыхъ древнихъ учреждений этого рода.

Студенты раздѣляются не по факультетамъ, а по націямъ: прежде чѣмъ студентъ получить университетскія правила, онъ обязанъ приписаться, по мѣсту своего рожденія, къ одной изъ 13-ти націй: къ стокгольмской, упландской, зѣдерманландской и т. п. Каждая нація имѣетъ свой домъ: тѣ, которыя не имѣютъ его, нанимаютъ особое помѣщеніе, а для постройки собственнаго дома идетъ очень успѣшно сборъ по всему королевству. Въ немъ члены націи собираются для чтенія студенческихъ сочиненій, для диспутовъ, для веселыхъ пиршествъ, для танцевъ, музыки, для различныхъ представленій, для произнесенія рѣчей, однимъ словомъ какъ для удовольствій, такъ и для дѣла. Каждая нація имѣетъ свою собственную кассу, въ которую каждый членъ вноситъ извѣстную сумму. Собранныя такимъ образомъ деньги идутъ на ремонтъ зданія, на увеличеніе бібліотеки, на покупку фортепіанъ, биллиардовъ и на устройство увеселеній. Когда та или другая нація устраиваетъ балъ, спектакль или какое нибудь увеселеніе, она приглашаетъ къ себѣ студентовъ другихъ націй и профессоровъ. Въ такомъ домѣ непременно есть просторная зала съ каедрою, комната для чтенія газетъ, бібліотека, гимнастическая зала и садъ. Главное убранство залъ составляютъ портреты тѣхъ членовъ націи, которыми она можетъ гордиться въ какомъ нибудь отношеніи. Бібліотеки нѣкоторыхъ націй очень богаты, и ими пользуются даже профессора. Въ каждомъ такомъ домѣ непременно есть большое знамя; на его бѣломъ полѣ яркими шелками вышитъ гербъ націи. Эти знамена употребляютъ въ торжественныхъ случаяхъ, напр., при встрѣчѣ особъ королевской фамиліи, въ торжественныхъ процессіяхъ, при полученіи ученой степени.

У каждой націи есть свой годичный праздникъ, для котораго студенты придумываютъ различныя забавы и представленія. Перваго мая бываетъ общій студенческій праздникъ, или такъ-называемый карнавалъ, сопровождаемый шумными потѣхами. Болѣе всѣхъ удовольствій студенты любятъ—домашній театръ. Актерами на этихъ пред-

ставленіяхъ являются исключительно студенты, и даютъ они ихъ обыкновенно съ благотворительною цѣлю; не смотря на то, что актерами и актрисами являются неподготовленные къ этому дѣлу юноши, всѣ мѣста, назначенныя для публики, всегда бываютъ заняты.

Послѣ театра любимое удовольствіе «kalàs» (пиръ). Бывшіе студенты, уже сдѣлавшіеся взрослыми людьми, всегда съ увлеченіемъ вспоминаютъ «kalàs», когда они съ чашей въ рукахъ, наполненной пуншемъ, говорили рѣчи, пили заздравные тосты, пѣли свои любимыя пѣсни. Воспоминаніе о «каласахъ» пробуждаетъ даже въ душѣ старика всю поэзію и удалъ молодости. Несмотря однако на то, что шведскіе студенты много пьютъ и отъ души веселятся на своихъ «каласахъ», они никогда не доходятъ до излишества. Скандалы и потасовки никогда не случаются на этихъ пирахъ, и дуэли совсѣмъ незнакомы шведскому юношеству.

Шведскіе студенты особенно любятъ пѣніе и посвящаютъ ему много времени. Общества пѣвцовъ существуютъ при каждомъ университетѣ, даже при каждой націи. Не слышавъ ихъ, трудно представить, до какого совершенства доведено ихъ пѣніе. Собраніе студенческихъ пѣсенъ очень велико; нѣкоторыя переведены съ нѣмецкаго, но большая часть оригинальныя. Многіе студенческія пѣсни сдѣлались народными. Вотъ одна изъ нихъ: «Пойте о счастіи студенческихъ дней. Будемъ радоваться веснѣ юности. Еще сердце бьется у насъ живо, и свѣтлая будущность впереди. Еще никакихъ бурь нѣтъ въ нашей душѣ», и т. д. Народный шведскій гимнъ «Изъ глубины шведскихъ сердецъ» также принадлежитъ къ числу студенческихъ пѣсенъ. Музыка шведскихъ національныхъ пѣсенъ выражаетъ удалъ вмѣстѣ съ какимъ-то неизъяснимо грустнымъ чувствомъ. О студенческихъ хорахъ въ Швеціи всѣ единогласно отзываются, что ни въ какой другой странѣ не существуетъ ничего подобнаго. Часто эти юные пѣвцы лѣтомъ объѣзжаютъ различныя мѣстности страны и даютъ концерты. Нерѣдко вечеромъ студенты подходятъ къ квартирѣ любимаго профессора и даютъ ему серенаду; ни одинъ «каласъ», не только въ домѣ націи, но даже и въ профессорской квартирѣ, не обходится безъ студенческихъ хоровъ.

Студенты не имѣютъ никакой формы: они отличаются только отъ другихъ бѣлой фуражкой съ синимъ околышемъ и съ желтой розеткой надъ козырькомъ. Учебный годъ распадается на два семестра: *осенній*—отъ середины сентября до середины декабря и *весенній*—отъ середины января до середины іюня. Но такъ какъ послѣ каждаго семестра нѣсколько времени уходитъ на экзамены, лекціи начинаются обыкновенно позже назначеннаго срока и тутъ существуетъ не мало праздниковъ, то можно считать всего шесть учебныхъ мѣсяцевъ. Университеты получаютъ свои доходы отчасти съ данныхъ имъ поземельныхъ участковъ, отчасти изъ государственныхъ средствъ. Число стипендіатовъ въ uppsальскомъ университетѣ около 500, и каждая стипендія—отъ 100 до 200 кронъ.

Составъ слушателей въ аудиторіяхъ довольно разнообразенъ: здѣсь дѣти дворянъ, чиновниковъ, но иногда и зажиточныхъ крестьянъ встрѣчаются съ принципами крови, которые имѣютъ обыкновеніе кончать свое высшее образованіе на студенческихъ скамьяхъ. Оскаръ II, нынѣшній король Швеціи и Норвегіи,—почетный докторъ философіи дундскаго и бывшій слушатель uppsальскаго университета. Старшій сынъ короля блистательно выдержалъ пріемный экзаменъ для поступленія въ тотъ же университетъ, въ которомъ когда-то учился и его отецъ.

Возведеніе въ степень доктора до сихъ поръ совершается здѣсь съ необыкновеннымъ торжествомъ. Оно открывается обыкновенно еще наканунѣ вечеромъ безконечными серенадами студентовъ. Въ 6 часовъ утра пушечные выстрѣлы извѣщаютъ

о торжественномъ днѣ. Эти торжества носятъ на себѣ не только свѣтскій, но и религіозный отпечатокъ. Такой праздникъ извѣстенъ задолго, и на него стекается множество народа изъ окрестностей. При второмъ колокольномъ звонѣ гостей со входными билетами впускаютъ въ соборъ и указываютъ имъ мѣста. Въ 10 часовъ раздается особенно торжественный колокольный звонъ, и при его звукахъ къ церкви тянется длинное шествіе властей университета, гостей и студентовъ. Молодые дѣвушки несутъ лавровые вѣнки для магистровъ-юбиларовъ, а сзади ихъ идутъ разные члены университета съ знаменами и скиптрами. При входѣ ихъ раздается праздничный маршъ и кантата. Послѣ этого промоторъ (торжественное возведеніе въ ученые степени называется здѣсь промоціей; промоторы—профессора, которымъ поручается совершеніе промоціи) держитъ рѣчь, нѣкогда на латинскомъ, а въ настоящее время на шведскомъ языкѣ и испрашиваетъ позволенія у проканцлера (обыкновенно архіепископа) начать актъ возведенія. Послѣ этого промоторъ говоритъ краткое обращеніе къ юбиларамъ, и затѣмъ раздаются три пушечныхъ выстрѣла. Вслѣдъ за этимъ начинается возведеніе въ ученую степень. Деканъ прежде всего возлагаетъ вѣнокъ на себя и на магистровъ-юбиларовъ, которые были произведены въ эту степень раньше, а потомъ лавровые вѣнки на только что произведенныхъ и вручаетъ имъ дипломы. «Юбилейными докторами и магистрами» называютъ въ шведскихъ университетахъ ученыхъ, которые получили докторскія шляпы и магистерскіе вѣнки за пятьдесятъ лѣтъ до той или другой университетской промоціи. По обычаю, эти ветераны науки черезъ полустолѣтіе торжественно обмѣниваютъ свои лавры на новые. Нужно замѣтить, что доктора по юридическому факультету, кромѣ шляпъ и грамотъ, получаютъ еще кольца. Послѣ этого одинъ изъ молодыхъ ученыхъ говоритъ рѣчь. Въ заключеніе поется кантата и произносится проповѣдь. При выходѣ новаго доктора его привѣтствуютъ пушечнымъ выстрѣломъ, а перваго даже двумя. Послѣ этого торжества бываетъ праздничный обѣдъ, а вечеромъ концертъ. При этомъ вновь произведенные магистры являются съ своими лавровыми вѣнками на головахъ.

Шведская печать совершенно свободна и независима. Законы о печати предписываютъ впрочемъ неприкосновенность королевской семьи, а также уваженіе къ репутациі каждого гражданина. Преступленія противъ печати судятся девятью присяжными, изъ которыхъ трое избираются обвиненнымъ, трое обвинителемъ и трое правительствомъ. Необходимо шесть голосовъ, чтобы оправдать или обвинить. Но процессы и преступленія противъ печати здѣсь совѣмъ почти неизвѣстны, какъ неизвѣстны процессы противъ оскорбленія величества. На дѣлѣ для шведской прессы не существуетъ ни пошлинъ, ни конфискацій, ни запрещеній. Каждый, кто не былъ обвиненъ и наказанъ за какое-нибудь преступленіе, можетъ издавать газету; онъ только долженъ заявить объ этомъ министру юстиціи. Этою свободою и независимостью шведская печать пользуется уже издавна. Процессы противъ печати обыкновенно ограничиваются въ Швеціи жалобами на оскорбленіе и клевету и возбуждаются только частными лицами. Вслѣдствіе свободы печати здѣсь чрезвычайно много газетъ. Во всѣхъ кондитерскихъ и гостиницахъ столы покрыты періодическими листами всѣхъ форматовъ и цвѣтовъ. Здѣсь есть газеты утреннія и вечернія, ежедневныя, ежедневныя, серьезныя и забавныя, консервативныя и либеральныя, столичныя и провинціальныя. Вслѣдствіе свободы печати шведская періодическая пресса касается всѣхъ вопросовъ, интересующихъ общество.

ДАНІЯ.

ПРИРОДА ЮТЛАНДІИ.

Восточное и западное побережье.—Что еще недавно представляла изъ себя западная Ютландія и что она представляет теперь.—Дѣятельность Дальгаса и ея громадное значеніе для страны.—Остатки языческихъ временъ.

Съ 1864 г. Данія владѣтъ въ Европѣ только Ютландією, Датскимъ Архипелагомъ и группою Фарѣрскихъ острововъ.

Съ юга на сѣверъ Ютландіи тянется рядъ возвышенностей, раздѣляющихъ ее на двѣ совершенно различныя части: на восточную и западную. Западная часть состоитъ изъ однообразныхъ равнинъ, еще очень недавно совершенно безплодныхъ, и безконечныхъ степей, ничѣмъ не ограниченныхъ на горизонтѣ и кое-гдѣ окаймленныхъ высокими дюнами. Напротивъ того восточная Ютландія—прекрасная полоса земли: красивые холмы, покрытые лѣсами, смѣняются плодороднѣйшими въ мірѣ полями, многочисленные ручьи орошаютъ луга, поражающіе своимъ плодородіемъ, жилищные крестьянскіе дворы краснорѣчиво говорятъ о богатствѣ ихъ владѣльцевъ. Прекрасныя шоссеиныя дороги соединяютъ маленькіе и большіе приморскіе города, которые соперничаютъ другъ съ другомъ миловидностью и необыкновенною опрятностью. Особенно плодородны тѣ полосы земли, которыя прежде представляли морское дно. Ихъ легко узнать по ровной поверхности, которая сразу бросается въ глаза среди холмистой мѣстности. Близъ Вейле вы встрѣчаете огромную плодородную низменность, которая далеко простирается внутрь страны. Такихъ мѣстностей и полосъ земли, которыя вѣроятно были прежде морскимъ дномъ, чрезвычайно много въ восточной Ютландіи. Всѣ онѣ отличаются баснословнымъ плодородіемъ.

Характерная черта Ютландіи состоитъ въ томъ, что къ западу плодородіе исчезаетъ. Это происходитъ отъ вредныхъ западныхъ вѣтровъ, которые густыми облаками разносятъ песокъ, выброшенный моремъ, и уничтожаютъ всякую растительность. Не менѣе препятствій для плодородія представляютъ известковые пласты: вода и сырость просачиваются сквозь известъ въ глубину, а поверхность ея остается сухою. Здѣсь такъ много известковыхъ пластовъ и они такъ велики, что въ нѣкоторыхъ озерахъ и рѣкахъ видны даже бѣлые камни. Весь западный берегъ Ютландіи отъ Скагена до границы Шлезвига до 1866 г. представлялъ, за исключеніемъ очень немногихъ и притомъ небольшихъ мѣстностей, громадныя, безплодныя, песчаныя степи, перемежающіяся съ равнинами, покрытыми верескомъ. Жители этой западной части могли лишь впроголодь поддерживать свое жалкое существованіе.

Отъ времени до времени въ Даніи возникала мысль всѣ дюны вдоль западной границы Ютландіи обсадить лѣсомъ, который защитилъ-бы страну отъ губительныхъ

Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ютландіи, при самомъ разнообразномъ платьѣ, носятъ оригинальный бѣлый чепчикъ съ большими крыльями по обѣ стороны головы. Настоящая національная датская одежда женщинъ сохранилась только на очень немногихъ островахъ и въ немногихъ мѣстностяхъ Ютландіи; такъ какъ она весьма дорога, то ее носятъ немногія. Вотъ каковъ этотъ костюмъ: широкое черное платье; оно спереди и кругомъ на подолѣ богато украшено розетками или серебряными украшениями въ видѣ монетъ. Голову и шею покрываютъ большимъ бѣлымъ платкомъ, обшитымъ тонкими кружевами; изъ подъ платка на груди видно ожерелье. Обычная одежда женщинъ въ деревняхъ—длинные шерстяныя юбки, корсажъ съ длинными рукавами, высокія шляпы, мало чѣмъ отличающіяся отъ мужскихъ цилиндровъ, и деревянныя башмаки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ женщины носятъ бѣлый чепчикъ съ большими крыльями по обѣ стороны головы, тамъ эти шляпы, почти совершенно мужскія, одѣваютъ поверхъ такого чепчика. Во время работы онѣ надѣваютъ высокіе передники, закрывающіе грудь, а на руки надѣваютъ полотняные рукава. Матерію для своихъ нарядовъ женщины обыкновенно сами прядуть, ткнутъ и красятъ.

Датская изба не богата, но чрезвычайно опрятна и уютна. Характерная особенность во многихъ мѣстностяхъ та, что постели устроены въ стѣнѣ посредствомъ выдвижныхъ досокъ. Когда ютландецъ собирается спать, а это обыкновенно бываетъ два раза въ сутки—послѣ обѣда и ночью, онъ выдвигаетъ изъ стѣны постель и, когда просыпается, снова вдвигаетъ ее въ стѣну. Громадный каминъ стариннаго фасона служить семейнымъ очагомъ: около него бѣгаютъ дѣти, работаютъ и бесѣдуютъ между собой старшіе. Семья обѣдаетъ за круглымъ столомъ, освѣщеннымъ висячею лампою. Громадное большинство деревенскихъ жителей ѣстъ очень простую, но сытную пищу: въ каждомъ семействѣ можно найти солонину и баранину; рыба дешева повсемѣстно.

Почти въ каждой датской деревнѣ нѣсколько крестьянъ выделяются своею зажиточностью: нѣкоторые имѣютъ даже порядочный капиталецъ, который они стараются нѣсколько увеличить мелкою торговлею; есть и такіе, которые даютъ за дочерьми довольно богатое приданое.

У деревенскихъ жителей существуетъ весьма оригинальный обычай: во время лѣтнихъ каникулъ городское и деревенское населеніе обмѣниваются между собой дѣтьми; дѣти городскихъ жителей, преимущественно рабочихъ классовъ, отправляются въ деревню, въ семьи крестьянъ, которые вмѣсто нихъ посылаютъ своихъ дѣтей въ столицу. Каждый датскій крестьянинъ старается послать, хотя ненадолго, своего ребенка-подростка въ Копенгагенъ, чтобы тотъ могъ, подъ присмотромъ опытнаго наставника, осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности, ознакомиться съ городскою жизнью. За это крестьянинъ съ радостью принимаетъ въ свой домъ мальчика горожанина, старается доставить ему всѣ деревенскія удовольствія, дать возможность подышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ, попить вволю деревенскаго молока. Правительство, понимая какую пользу въ умственномъ и физическомъ отношеніи приносить подростающему поколѣнію такая перекочевка, содѣйствуетъ этому, предлагая дѣтямъ бесплатный проѣздъ по всѣмъ датскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Деревенскихъ дѣтей, пріѣзжающихъ цѣлыми партіями въ столицу Даніи—Копенгагенъ, встрѣчаютъ учителя и учительницы—члены комитета, специально организованнаго для устройства этихъ вакаціонныхъ путешествій; они отводятъ ихъ въ тѣ дома, гдѣ имъ предстоитъ жить, и заботятся о нихъ во время всего ихъ пребыванія въ столицѣ. Оригинально смотрѣть на этихъ «вакаціонныхъ дѣтей» (какъ ихъ здѣсь называютъ), когда они

изъ города отправляются въ деревни: они идутъ на желѣзную дорогу группами, въ сопровожденіи учителей и учительницъ. При этомъ у каждого ребенка на груди припишена бумажка, на которой обозначено, куда онъ отправляется. Если бы ребенокъ какъ-нибудь заблудился, каждый знаетъ, что это «вакаціонный ребенокъ» и считаетъ своимъ долгомъ препроводить его на мѣсто. Но это бываетъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Кромѣ маршрута, у каждого ребенка въ рукахъ датское знамя, которое онъ несетъ съ большой гордостью. Когда отрядъ этихъ дѣтей отправляется на желѣзную дорогу, то впереди его идетъ учитель тоже со знаменемъ въ рукахъ, но большей величины. Учителя и учительницы не сопровождаютъ этихъ дѣтей во время путешествія: они сдаютъ ихъ на руки кондукторамъ, которые зорко слѣдятъ за ними во время дороги и везутъ ихъ въ специальныхъ поѣздахъ, а на станціяхъ, гдѣ тому или другому ребенку нужно выходить, его опять встрѣчаетъ учитель, членъ комитета и отводитъ въ то семейство, куда онъ предназначенъ.

ЗАНЯТІЯ НАРОДА.

Сельское хозяйство.—Силькеборгъ—родина деревянныхъ башмаковъ.—Картина ютландской степи и ея жители.—Пожаръ въ степи.—Привычка вязать чулки.—Верескъ и его значеніе для мѣстнаго населенія.—Ваарде—родина ютландскихъ горшковъ.—Блокгаузъ—мѣстонахожденіе янтаря.—Жители Скагена и его маякъ.—Рыбная ловля.—Промышленность и города страны.

Географическое положеніе и суровый климатъ Даніи, казалось-бы, предназначали этому государству быть страной торговой и прежде всего страной морской торговли; между тѣмъ статистическія данныя показываютъ, что едва 30% населенія Даніи ищутъ средствъ къ своему существованію въ водахъ океана, тогда какъ 50% занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Несмотря на то, что отъ Даніи еще недавно были отняты земли, лежащія къ югу отъ Ютландіи, и несмотря на разорительныя войны съ Пруссією, земледѣліе страны не только не упало, но напротивъ того продолжало и продолжаетъ развиваться и въ настоящее время.

Такимъ образомъ *скотоводство* и *земледѣліе* наиболѣе существенныя занятія жителей. Конечно, датское земледѣліе стоитъ ниже англійскаго и бельгійскаго, но нужно помнить, что развитіе сельскаго хозяйства въ Даніи началось несравненно позже, чѣмъ въ Англіи и Бельгіи. За то въ борьбѣ съ тяжелыми условіями природы датскіе земледѣльцы выказали не менѣе энергіи и предпріимчивости, чѣмъ бельгійскіе.

Природныя условія Даніи чрезвычайно благоприятствуютъ скотоводству, которое достигло здѣсь высокой степени развитія и играетъ еще болѣе важную роль, чѣмъ земледѣліе; ютландцы въ большомъ количествѣ разводятъ лошадей, рогатый скотъ, овецъ, но болѣе всего свиней. Чрезвычайно успѣшно идетъ и разведеніе рогатаго скота; овцеводство болѣе всего распространено въ Ютландіи, степи и луга которой очень удобны для этого. Скотъ день и ночь проводитъ на пастбищахъ; при этомъ каждое животное обыкновенно привязано къ одному какому-нибудь мѣсту; три раза въ день перемѣняютъ мѣсто, чтобы животное всегда могло находить себѣ пищу. Каждое стадо въ 100—150 коровъ ввѣряютъ пастуху, который, если животныя привязаны, можетъ ночью и въ ненастную погоду находить себѣ убѣжище въ подвижномъ жилищѣ на колесахъ. Въ этомъ крошечномъ жилищѣ пастуха стоитъ ящикъ; гдѣ хранится его имущество, служащее ему въ тоже время постелью, а также прибиты двѣ-три полки, на которыхъ разставлено лекарство для животныхъ.

Ютландцы чрезвычайно любят свой скотъ, который доставляетъ имъ разнообразныя выгоды, но истинною ихъ страстью является лошадь: они берегутъ ее, какъ родное дѣтище, постоянно наблюдаютъ, чтобы ясли были чисты и чтобы въ нихъ всегда было достаточно корму. Во время путешествія ютландецъ прежде всего заботится о своей лошади: онъ никогда не начнетъ пить, ѣсть, отдыхать, прежде чѣмъ не устроить все, что нужно для нея. При ѣздѣ онъ никогда не бьетъ лошадь кнутомъ, такъ что датчане острововъ смѣются надъ ютландцами, надъ ихъ пристрастіемъ къ лошадямъ, доходящимъ до смѣшного, и надъ ихъ черепашной ѣздой изъ боязни замучить животное.

Прежде Данія вывозила хлѣбъ въ западноевропейскія страны, но въ 1870 г. цѣны на него стали быстро падать, такъ какъ Америка начала въ громадномъ количествѣ поставлять свой хлѣбъ въ западную Европу. Тогда датчане немедленно измѣнили систему своего хозяйства: вмѣсто того, чтобы дешево продавать свой хлѣбъ, они предпочли потреблять его дома, а для продажи вырабатывать масло. Большія выгоды отъ молочнаго хозяйства скоро заставили датчанъ все болѣе уменьшать размѣры хлѣбныхъ запасекъ и вмѣстѣ ихъ увеличивать скотоводство, такъ какъ при возрастающей цѣнѣ на продукты отъ скотоводства можно получить съ нихъ больше барыша, чѣмъ отъ продуктовъ хлѣбопашества. Вывозъ коровьяго масла въ Англію сталъ быстро увеличиваться и увеличивается до сихъ поръ: въ 1893 г. масла было вывезено на 40 милл. руб., а въ 1895 г. уже на 53 милл. руб. Такимъ же образомъ возникла и другая датская промышленность—посолка свинины и заготовленіе ветчины. Раньше датчане вывозили въ Германію много живыхъ свиней, но когда появилась холера на свиней, и ввозъ ихъ въ Германію былъ запрещенъ, датчане принялись сами за приготовленіе соленой свинины и стали вывозить ее въ огромномъ количествѣ: прежде они вывозили до 300 тысячъ живыхъ свиней, а послѣ 1887 года, когда былъ запрещенъ ихъ ввозъ въ Германію, они стали вывозить болѣе милліона съ четвертью этихъ животныхъ, но въ соленомъ и копченомъ видѣ. Такимъ образомъ датчане получаютъ громадный доходъ съ продуктовъ сельскаго хозяйства, между тѣмъ все населеніе этой крошечной страны состоитъ изъ 2.200.000 ч. Такое умѣнье примѣняться къ условіямъ рынка и извлекать изъ всѣхъ переменъ пользу для себя свидѣтельствуетъ о замѣчательной сообразительности сельскихъ хозяевъ Даніи. И это будетъ понятно, когда мы вспомнимъ, какое основательное элементарное образованіе получаютъ они въ своихъ народныхъ школахъ, какъ умѣло и практично поставлены ихъ крестьянскіе университеты и какое прекрасное сельско-хозяйственное образованіе можетъ получить каждый въ здѣшнихъ специальныхъ школахъ, пользующихся правительственными субсидіями. Блестящему успѣху сельскаго хозяйства не менѣе содѣйствуютъ и сельско-хозяйственныя общества, чрезвычайно распространенныя во всей странѣ, которыя приходятъ на помощь своимъ членамъ, когда какое-нибудь предпріятіе требуетъ денегъ и необходимости дѣйствовать сообща. Почти въ каждомъ деревенскомъ приходѣ есть товарищество или общество для выработки масла и сыра, а для посолки и продажи свинины существуетъ даже множество специальныхъ товариществъ; есть особые общества для выращиванія рогатаго скота, лошадей и свиней, и очень многія изъ этихъ обществъ получаютъ правительственныя пособія. Эти общества выдаютъ кредитъ желающимъ и достойнымъ довѣрія на постройку домовъ, на устройство дренажа и т. п. По предложенію сельско-хозяйственныхъ обществъ государство выдаетъ пособія тѣмъ изъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, которые пожелаютъ познакомиться съ веденіемъ дѣла на лучшихъ фермахъ, находящихся въ другой части страны.

Въ Даніи существуетъ и совершенно особый національный промыселъ—*производство деревянныхъ башмаковъ*, которымъ занимаются въ этой странѣ очень многіе, но преимущественно въ средней части Ютландіи, около Силькеборга. Окрестности Силькеборга прославились въ Даніи бесплодіемъ почвы и прелестью своихъ ландшафтовъ. Поэтому здѣсь жители не занимаются ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ, а воспользовались тѣмъ, что дала имъ природа, т. е. силою воды и лѣсомъ. Силькеборгъ только недавно сдѣлался городомъ и въ которое значеніе приобрѣлъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько фабрикантовъ основали здѣсь свои фабрики. Въ Даніи народъ вынужденъ носить обувь, свойственную сырой почвѣ страны,—деревянные башмаки. Вотъ почему крестьяне этой лѣсистой мѣстности уже давно зарабатываютъ свое существованіе приготовленіемъ деревянныхъ башмаковъ. Силькеборгъ—отечество деревянныхъ башмаковъ, которые въ Даніи носятъ не только жители деревень, но нерѣдко и городское простонародье. Лѣтомъ жители Силькеборга занимаются выжиганіемъ угля, а зимой они готовятъ деревянные башмаки. Самые бѣдные люди этой мѣстности входятъ обыкновенно для этого въ соглашеніе съ владѣльцами дворовъ. Они работаютъ «съ половины», т. е. владѣлецъ двора даетъ крестьянину дерево, которое онъ употребляетъ въ дѣло, а барышъ они дѣлятъ пополамъ. Крестьяне позажиточнѣе часто держатъ у себя особыхъ батраковъ, исключительно занимающихся приготовленіемъ деревянныхъ башмаковъ.

За Силькеборгомъ тянутся громадныя степныя пространства; мало по малу вся поверхность принимаетъ темный, буроватый цвѣтъ, и холмы, поросшіе низкимъ тернистымъ кустарникомъ, возвышаютъ близость степи. Когда вы поднимаетесь здѣсь на болѣе возвышенный пунктъ, передъ вами разстилается необозримая равнина. Только изрѣдка сѣровато-желтый степной мохъ разнообразитъ отдѣльными пятнами эту однообразную картину равнины. Здѣсь и тамъ виднѣтся одинокій степной домикъ. Вдали блеститъ шпиль церковной колокольни, но чѣмъ больше къ нему подвигаешься, тѣмъ дальше онъ уходитъ отъ васъ. Наконецъ всякая дорога прекращается; съ этой минуты указаніемъ служатъ только отдѣльныя колеи, которыми эта мѣстность перекрещивается по всѣмъ направленіямъ. Природа принимаетъ все болѣе унылый характеръ. Лошади медленно плетутся по дорогѣ и тащутъ повозку по вереску. Глухой песокъ хруститъ подъ колесами. Надъ темнымъ верескомъ порхаетъ бабочка. Овцы и коровы изрѣдка попадаютъ въ степи; онѣ бродятъ, срывая отдѣльныя былинки травы, которая пробивается между верескомъ. Отъ времени до времени вы встрѣчаете пастуха съ чулкомъ въ рукахъ; если онъ не занимается вязаньемъ, какъ это дѣлаетъ большинство населенія Даніи обоего пола, то насвистываетъ на камышевой флейтѣ. Но вотъ вы достигли наконецъ двора въ степи; около него поле хозяина двора, съ жалкою растительностью. А вотъ и низкія постройки, крытыя верескомъ. Крестьянинъ и его жена тотчасъ замѣчаютъ, что кто-то проѣзжаетъ мимо ихъ жилища и выбѣгаютъ посмотреть. Если вы спрашиваете у нихъ дорогу, они только объясняютъ ее вамъ; ютландецъ въ своей степи, точно опытный морякъ на морѣ, безъ всякаго компаса отлично знаетъ всѣ четыре страны свѣта. Крестьянинъ, живущій въ степи, кормится тѣмъ, что она ему даетъ. Когда онъ захочетъ обработать какой-нибудь клочекъ степи, онъ прежде всего вспахиваетъ его плугомъ; верескъ, вывороченный съ корнемъ, зажигаютъ, такъ какъ пепелъ—превосходное удобреніе. Обработку земли производятъ рогатымъ скотомъ, такъ какъ лошади не живутъ въ степи. Болѣе всего степной крестьянинъ держитъ овецъ, которые лѣтомъ и зимою бродятъ по вереску и, несмотря на дурной уходъ, даютъ ему такую хорошую шерсть, которая годится не только для вязанія чулокъ, но охотно покупается фабрикантами шляпъ и сукна.

Верескъ оказываетъ степному жителю разнообразныя услуги. Лѣтомъ онъ кормитъ его овецъ и молодую скотину, и очень часто, когда зимою не хватаетъ сѣна и соломы, его употребляютъ какъ зимній кормъ. Длинными, густыми кустиками вереска кроютъ крыши, и такая крыша съ подстилкою изъ соломы можетъ продержаться очень долго. Верескъ употребляютъ также какъ подстилку для скота, и ежегодно въ огромномъ количествѣ его истребляютъ, какъ топливо. Его продаютъ также въ города булочникамъ, которые топятъ имъ хлѣбныя печи, вслѣдствіе равномернаго жара, имъ распространяемаго. Мало того: степной житель набиваетъ верескомъ даже свой тюфякъ. При такомъ разнообразномъ употребленіи вереска, пожаръ въ степи, который истребляетъ часто большія пространства, всегда является великимъ несчастіемъ для мѣстныхъ жителей. Небольшое количество травы, которая вырастаетъ послѣ такого опустошенія, приноситъ мало пользы, и только черезъ 20—30 лѣтъ послѣ пожара верескъ опять приобретаетъ прежнюю силу. Мы уже говорили о томъ, что когда степной житель пожелаетъ обработать небольшое пространство, онъ сжигаетъ верескъ, и это нерѣдко ведетъ къ величайшимъ пожарамъ, особенно при сильныхъ вѣтрахъ, которые здѣсь иногда начинаютъ дуть совершенно внезапно. Въ такихъ случаяхъ пожаръ можетъ распространиться на нѣсколько миль. Пламя, съ невѣроятной быстротой, бѣжитъ во всѣ стороны и зажигаетъ все, что попадаетъ на пути: посѣвы на поляхъ, деревья въ садахъ и нерѣдко разрушаетъ амбары и дома. Особенно опасно, если пожаръ распространится на торфяное болото: тогда огонь уже невозможно потушить, и онъ горитъ до тѣхъ поръ, пока не истлѣетъ послѣдній кусочекъ торфа. Днемъ пожаръ торфа обнаруживается дрожаніемъ воздуха, бѣлымъ дымомъ и далеко распространяющимся жаромъ; ночью же онъ представляетъ ужасное, но прекрасное зрѣлище. Еще издали можно видѣть дымъ, который поднимается и разстилается по небу громаднымъ облакомъ всевозможныхъ оттѣнковъ—нѣжно розовымъ, голубымъ и чернымъ. Вы прежде всего поражены этимъ моремъ огня, но минутами пламя какъ будто то останавливается, то вспыхиваетъ и быстро крутится; кругомъ все трещитъ и хруститъ. Огромныя облака съ пурпуровыми краями поднялись въ вышину и исчезли; здѣсь и тамъ, облитые заревомъ огня, копошатся люди,—жители сосѣднихъ приходоу, которые поспѣшили сюда, чтобы остановить пожаръ. Какъ только замѣчаютъ огонь, звонятъ во всѣ колокола, и издалика, за нѣсколько миль, собираются крестьяне съ лопатами и кирками и толпятся около необъятнаго пожарища. Воду очень рѣдко можно найти вблизи, и потому огонь стараются потушить, выворачивая землю къверху. Но чаще всего, чтобы потушить пожаръ, проводятъ «границу», т. е. вырываютъ канаву въ нѣсколько локтей ширины, которая мѣшаетъ огню перескочить черезъ нее.

Не смотря на разнообразныя услуги, которыя оказываетъ верескъ степнымъ жителямъ, теперь, какъ было изложено выше, чрезвычайно много безплодныхъ, песчаныхъ равнинъ превращаютъ въ богатѣйшія поля и пастбища, а вмѣстѣ съ этимъ сокращаются и площади, покрытыя верескомъ. Хотя такимъ образомъ громадныя безплодныя равнины уже культивированы, но все же и теперь еще въ этой странѣ существуетъ не мало песчаныхъ равнинъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія ютландскія степи старались заселить нѣмцами. Чтобы привлечь ихъ сюда, имъ давали всевозможныя привиллегіи. Однако эта попытка колонизировать дикую мѣстность не удалась. Тощая почва не могла обогатить бѣдняковъ: большинство колонистовъ снова возвратилась на родину, а немногіе нѣмцы, которые до сихъ поръ остались здѣсь, ведутъ жалкое существованіе. Кромѣ нѣмцевъ, какъ въ этихъ, такъ и въ окрестныхъ степяхъ, пещерахъ, живетъ еще и другой народъ; ночи онъ нерѣдко прово-

дѣтъ въ пляскѣ вокругъ огня, пѣніи и музыкѣ или отправляется на охоту: это цыгане. Еще за 400 лѣтъ они появились въ Ютландіи и сохранили въ ней во всей силѣ свои первобытные обычаи и множество церемоній. Хижины цыганъ устроены изъ земли, по большей части даже внутри земли, а нерѣдко и въ языческихъ могилахъ. Степные цыгане большую часть времени проводятъ на открытомъ воздухѣ, бродятъ по странѣ, охотятся и съ первыми лучами весенняго солнца ежегодно принимаютъ большія путешествія. Главнымъ источникомъ ихъ пропитанія здѣсь, какъ и вездѣ, служатъ музыка и пѣніе, пляска, гаданіе и барышничество; кромѣ того они часто являются искусными мѣдниками и лудильщиками. Въ своихъ путешествіяхъ они обходятъ Ютландію, Шлезвигъ, Голштинію, при этомъ всегда стараются держаться материка, такъ какъ питаютъ непреодолимое отвращеніе къ морю. Осенью они снова возвращаются въ степь, въ свои жилища, и проводятъ въ нихъ всю зиму.

Ютландцевъ собственно датскаго происхожденія очень немного въ степи. Ихъ жилища не лучше цыганскихъ. Всѣ эти степные жители вмѣсто свѣчей употребляютъ торфъ, смѣшанный со смолой, такъ называемый «Lichtklun»; пока онъ сырой, онъ мягокъ и жиренъ на ощупь, а послѣ просушки дѣлается твердъ и бѣловатъ, и когда его зажигаютъ на очагѣ въ зимніе вечера, онъ распространяетъ въ хижинѣ яркій свѣтъ. Житель степи всю свою жизнь проводитъ въ борьбѣ съ окружающею природою и съ большимъ трудомъ добываетъ то немного, чѣмъ онъ пользуется; поэтому степь по справедливости называютъ родиною бѣдныхъ тружениковъ.

Въ Даніи все населеніе, чѣмъ бы оно ни занималось, въ тоже время вяжетъ чулки. Въ степи занимаются чулками болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Уже съ пяти лѣтъ мальчики и дѣвочки принимаются за чулки, и съ тѣхъ поръ не оставляютъ вязанья, гдѣ бы они ни находились. Ютландцы степей достигаютъ въ этой работѣ необыкновеннаго совершенства. Въ полѣ, дома, выгоняя скотъ, слѣдуя за возомъ, каждый крестьянинъ или крестьянка непременно вяжетъ чулокъ. Они незамѣтно перебираютъ петли, съ необыкновенной быстротою двигаютъ пальцами и совсѣмъ не смотрятъ на работу. Когда нужны руки для болѣе серьезнаго дѣла, мужчина закалываетъ иголкой свое вязанье въ петлицу куртки, а женщины къ корсажу платья или даже въ голову. Во время бесѣды или въ гостяхъ всѣ сидятъ съ чулками въ рукахъ. Особенно странно смотрѣтъ на молодого, здороваго парня, который идетъ съ такою работою въ рукахъ. По дорогѣ въ церковь или выходя изъ нея, всѣ тоже вяжутъ. При скудномъ заработкѣ степныхъ жителей продажа чулокъ весьма поддерживаетъ ихъ. Зимой они обыкновенно собираются другъ къ другу сообща коротать вечеръ: рассказываютъ, поютъ, или кто нибудь одинъ читаетъ вслухъ, и при этомъ всѣ вяжутъ чулки.

На западномъ побережьи, въ 6 миляхъ къ сѣверу отъ Рипена и болѣе мили отъ берега, лежитъ Ваарде, маленькій городокъ, родина датскихъ горшковъ: въ окрестностяхъ этого города ихъ выдѣлываютъ въ громадномъ количествѣ. Производствомъ горшковъ въ окрестностяхъ Ваарде занимались еще въ самыя древнія времена; отсюда фабрикація распространилась по всей странѣ и сдѣлалась значительнымъ промысломъ, но и до сихъ поръ это производство сосредоточено, главнымъ образомъ, въ окрестностяхъ Ваарде. Владѣльцы дворовъ не занимаются сами выдѣлкой горшковъ, но исключительно для этой работы держатъ дѣвушекъ. Крестьяне даютъ имъ жилище и пищу, а также песокъ, глину и топливо. Дѣвушки дѣлаютъ горшки, крестьянинъ продаетъ ихъ, и затѣмъ барыши дѣлятъ пополамъ. Эти горшки выдѣлываютъ въ настоящее время такъ же, какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ, и всѣ новѣйшія изобрѣ-

тенія, которыя хотѣли примѣнить къ этой работѣ, не были одобрены дѣвушками, такъ какъ онѣ ни за что не хотятъ разстаться съ своими старыми привычками. Урны, которыя находятъ въ древнихъ гробницахъ, и пивная кружка, найденная глѣбоко подѣ торфомъ, сдѣланы изъ такого же матеріала и такимъ же образомъ, какъ и нынѣшніе горшки.

Глину для горшковъ крестьяне выкапываютъ осенью; она имѣетъ тогда синеватый или зеленоватый видъ. Выкопанная глина лежитъ въ продолженіи всей зимы до весны, когда дѣвушки приступаютъ къ своей работѣ и исполняютъ ее безъ всякаго инструмента. Сначала онѣ смѣшиваютъ глину съ мелкимъ пескомъ, который долженъ быть тщательно очищенъ отъ всякихъ камней, потомъ прибавляютъ воды, и изъ этой мягкой массы дѣвушки скоро и ловко лѣпятъ руками сосуды всевозможной формы. Край выгибаютъ и выравниваютъ круглымъ каменкомъ, а потомъ къ горшку придѣлываютъ ручки и ножки. Нѣкоторое время горшки остаются на воздухѣ, и когда они высохнутъ, ихъ прикрѣпляютъ къ палкѣ и ставятъ въ землю, въ углубленіе, наполненное торфомъ. Торфъ зажигаютъ, и въ продолженіи четырехъ дней горшки подвергаются вліянію огня и дыма, и отъ этого-то они получаютъ свой черный цвѣтъ. Послѣ этого обжиганія дѣвушки обмазываютъ свои горшки смоченною глиною, чтобы придать имъ шероховатый видъ, и обдѣлываютъ ихъ еще кремнемъ. Приготовленные такимъ образомъ горшки вставляютъ одинъ въ другой, маленькіе въ большіе, ставятъ на землю и покрываютъ торфомъ. Тутъ они подвергаются второму обжиганію, и послѣ этого они уже готовы для продажи. Эти горшки распространены не только по всей Ютландіи, но ихъ отправляютъ и за границу.

Блокгаузъ (въ сѣверной части Ютландіи) можно считать однимъ изъ замѣчательныхъ пунктовъ страны. Въ этомъ оживленномъ городѣ ежегодно бываетъ ярмарка, и жители окрестностей собираются сюда, чтобы продавать свой хлѣбъ и скотъ. Въ Блокгаузѣ живутъ также таможенные чиновники, существуетъ гостиница, почтовая станція и т. п. Блокгаузъ не имѣетъ гавани, и только норвежскіе крестьяне пріѣзжаютъ сюда на своихъ маленькихъ судахъ, чтобы обмѣнивать свои дѣнные товары на хлѣбъ. Жители побережья преимущественно занимаются рыбною ловлею. Важное событіе для Блокгауза представляетъ крушеніе корабля, что случается весьма часто у этого опаснаго берега. Во всякое время дня и ночи можно видѣть береговыхъ сторожей, которые ходятъ вдоль залива для того, чтобы люди, не имѣющіе на то права, не уносили товаровъ, выброшенныхъ моремъ съ разбитыхъ кораблей, такъ какъ все это составляетъ имущество государства. Каждого, покусившагося на это, наказываютъ, какъ за воровство.

Море выбрасываетъ здѣсь не только остатки имущества несчастныхъ, погибшихъ при кораблекрушеніи. Когда буря въ продолженіи многихъ дней глубоко волнуется море, то оно выбрасываетъ на песокъ множество янтаря вмѣстѣ съ водорослями и морскими животными. Часто даже и при благопріятной погодѣ янтарь приносится волнами Балтійскаго моря. Море выкидываетъ янтарь, этотъ продуктъ погибшихъ лѣсовъ, погребенныхъ подѣ землею и на днѣ морскомъ, лишь въ разбитыхъ кускахъ, но его здѣсь также добываютъ и изъ земли, и часто глыбами величиною въ дѣтскую голову. Торговцы издавна пріѣзжаютъ въ Блокгаузъ, чтобы покупать янтарь. Этотъ городъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ пунктовъ Ютландіи не только вслѣдствіе своего оживленія, но и по величественному виду Нѣмецкаго моря, которое является здѣсь во всемъ великолѣпіи. Если погода тиха, то оно совершенно покойно и ничто не нарушаетъ благоговѣнія, которое охватываетъ человѣка при видѣ этой могучей стихіи. Маленькія рыбацкія лодки скользятъ недалеко отъ берега, и только

изрѣдка виднѣются паруса корабля, такъ какъ мореплаватели избѣгаютъ этой опасной бухты. Большіе парусные корабли обыкновенно плывутъ такъ далеко отъ берега, что вы видите только, какъ что-то неопредѣленное скользитъ по блестящей поверхности моря. Но какъ бы ни было спокойно море вдали отъ берега, у самаго берега оно никогда не молчитъ: волны прибой одна за другою разсыпаются на песчаныхъ отмеляхъ. Ибнящіяся волны покойно отливаютъ обратно, пока не поднимется новый прибой. Бурю предвѣщаетъ обыкновенно глухой шумъ, который, точно изъ глубины, приближается все болѣе къ берегу, воздухъ дѣлается удушливымъ, солнце теряетъ свой блескъ и высокія волны надъ рифами покрываются зубчатою пѣною. Вслѣдъ затѣмъ быстро разражается буря, и рыбаки поспѣшно возвращаются въ своихъ лодкахъ между опасными утесами къ берегу, гдѣ ихъ ждутъ жены и дѣти. Если буря загонитъ корабль въ «бухту Печали», то онъ нерѣдко разбивается на многочисленныхъ рифахъ, и всѣ заняты тогда спасеніемъ утопающихъ; жители Блокгауза вслѣдствіе частаго упражненія приобрѣли въ этомъ большую опытность.

Чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ болѣе дикимъ характеромъ отличается берегъ: все менѣе встрѣчаете вы человѣческихъ жилищъ, все чаще поднимаются дюны и раздается крикъ водяныхъ птицъ. На берегу вамъ попадаетъ выброшенные волнами мертвая рыба, раковины, водоросли и обломки разбитыхъ кораблей. Часто изъ воды торчатъ огромные остовы разбитыхъ судовъ, свидѣтельствующіе о ярости стихій, и въ то же время на далекомъ горизонтѣ преспокойно скользятъ бѣлые паруса кораблей, какъ будто здѣсь не существуетъ никакой опасности. Наконецъ, вы встрѣчаете нѣсколько маленькихъ дворовъ, которые называются «мѣстечками ворвани». Эти домики построены посреди дюнъ, которыя высоко выдаются надъ ними и защищаютъ ихъ отъ вѣтровъ. На каждомъ шагу, даже во время прекраснаго солнечнаго сіянія, все заставляетъ васъ думать здѣсь о разрушительной силѣ моря и о разбитыхъ корабляхъ. Хижины построены изъ корабельныхъ обломковъ; обломки мачтъ и досокъ служатъ для различныхъ цѣлей, и даже домашняя утварь представляетъ пеструю смѣсь предметовъ съ погибшаго корабля, выброшенныхъ на берегъ. Отъ этихъ домиковъ дорога дѣлается почти непроходимой, и лучше всего ѣхать вдоль берега по мелкой водѣ. Наконецъ показывается колокольня Скагена, и тутъ опять замѣтна жизнь, существуютъ люди, животные и даже поля и деревья,—это Скагенъ, самый сѣверный городъ Ютландскаго полуострова.

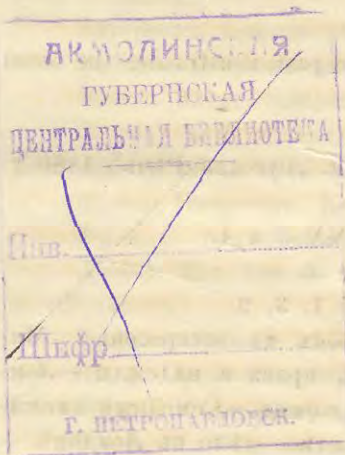
Жители Скагена занимаются преимущественно рыбною ловлею, и ненужные остатки и внутренности рыбы служатъ удобреніемъ для песчаной почвы, на которой созрѣваютъ кое-какіе посѣвы и болѣе всего ячмень. Топливо жителямъ Скагена доставляетъ море, такъ какъ здѣсь ежегодно случается среднимъ числомъ тридцать крушеній. Кромѣ того они находятъ въ землѣ, хотя и въ небольшомъ количествѣ, топливо, въ родѣ каменнаго угля, которое они называютъ болотнымъ торфомъ. Каждое утро и каждый вечеръ въ Скагенѣ раздается оригинальный скрипъ. Онъ происходитъ отъ телѣжекъ, въ которыхъ рыбаки въ извѣстный часъ везутъ свои рыболовные снасти по улицамъ Скагена, по направленію къ берегу, гдѣ они ловятъ рыбу и откуда вечеромъ возвращаются домой съ добычею.

Въ получасѣ пути отъ Скагена возвышается маякъ: онъ построенъ изъ кирпича, песчаника и желѣза, но въ верхней своей части онъ состоитъ изъ желѣза и стекла. Сторожъ имѣетъ наверху маленькую комнату, а внизу около башни крошечный садикъ. Начиная отъ маяка, полуостровъ имѣетъ еще только 600 локтей протяженія и представляетъ маленькую косу или рифъ, образовавшійся изъ наноснаго песку. Этотъ рифъ является какъ бы послѣднимъ отрогомъ Ютландскаго хребта, про-

должастся подѣ водою и такимъ образомъ представляетъ подводное соединеніе съ Норвегіею. Эта крайняя оконечность полуострова особенно замѣчательна тѣмъ, что она, при своей незначительной ширинѣ, выдается какъ граница между страшными волнами двухъ морей. Отсюда видны въ одно и то же время Нѣмецкое и Балгійское моря; здѣсь ясно видна борьба двухъ встрѣчающихся водъ, и Нѣмецкое море, какъ болѣе сильное, болышею частію выходитъ изъ нея побѣдителемъ. Съ необыкновенною силою поднимается здѣсь одна волна противъ другой; ни одна изъ нихъ не уступаетъ; обѣ поднимаются горизонтально, бросаются одна на другую и поглощаютъ другъ друга, чтобы уступить мѣсто новымъ борцамъ. Для судоходства это опасное мѣсто: на этомъ пѣнящемся гребнѣ маленькія суда бросаетъ во все стороны, и, только напрягая все свои усилія, опытный морякъ можетъ вывести ихъ на болѣе спокойную воду.

Промышленность Даніи не имѣетъ большого значенія, но къ промышленному классу и къ классу домашнихъ слугъ все же принадлежитъ въ странѣ 20% населенія. Изъ промышленныхъ занятій болѣе всего рабочихъ рукъ занято фабрикаціею чугунныхъ издѣлій и изготовленіемъ перчатокъ; датскія перчатки и кожи пользуются нѣкоторою извѣстностью и за границей. На островѣ Борнгольмѣ въ Ренне занимаются приговленіемъ часовъ. Корабль, нагруженный часами, разбился здѣсь въ 1750 г., что и послужило поводомъ здѣшнимъ жителямъ заниматься этою работою.

Согласно съ слабымъ процвѣтаніемъ промышленности, въ Даніи мало городовъ; но тѣ изъ нихъ, которые существуютъ, производятъ пріятное впечатлѣніе. Въ нихъ широкія, чистыя улицы, прекрасная мостовая, хорошее освѣщеніе. Названіе нѣкоторыхъ городовъ, напр. Альборгъ, Скандерборгъ и т. п., указываетъ происхожденіе ихъ отъ старыхъ замковъ. Города, названіе которыхъ оканчивается на *кьбингъ*, произошли влѣдствіе того, что въ этихъ мѣстахъ производилась торговля. Другіе города получили названіе отъ ихъ мѣстоположенія; если названіе оканчивается на *несъ*, какъ напр. Горзенесъ (въ настоящее время Горзенсъ), то это показываетъ положеніе города на мысѣ. Окончаніе на *осъ*, какъ напр. Рандросъ, Ааросъ (теперь Рандерсъ, Ааргусъ), указываетъ, что городъ расположенъ на устьѣ рѣки.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

- Esquiros**, L'Angleterre et la vie anglaise. 5 vols.
Ложель. Англія въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Спб. 1874.
Тэнъ. Очерки современной Англіи. Спб. 1872.
Фонъ-Реаль. Англія и Лондонъ. Спб. 1876.
Wall и **Jenny Hirsch**. Haus и. Gesellschaft in England. 1878.
Луи-Бланъ. Письма объ Англіи. Спб. 1866 г. 2 т.
Фоше. Очерки Англіи. Спб. 1863.
Kervigan. L'Angleterre telle qu'elle est, ou seize ans d'observations dans ce pays.
 2 vols. P. 1860.
London, a pilgrimage by **Gustave Doré** and **Blanchard Jerrold**. Lond. 1872.
Вадинъ. Лондонъ. Общественные и бытовые очерки. Спб. 1883.
 Письма графа **Василія**. Лондонское общество. Спб. 1886.
Мансъ Орель. Джонъ Буль и его островъ. Современные нравы и жизнь англичанъ. Спб. 1884.
Rodenberg. Studienreisen in England. Leipz. 1872.
Rodenberg. Tag und Nacht in London. Berl. 1863.
Beta. I-ter Band. Aus dem Herzen der Welt. II ter Band. Londoner Lebens- und Verkehrsbilder. Leipz. 1866.
Mayhew. London labour and the London poor; a cyclopaedia of the condition and earnings of those that will work, those that cannot work, and those that will not work. 2 ed. Lond. 1862.
Greenwood. The seven curses of London. Lond.
Thiselton Dyer. British popular customs, present and past, illustrating the social and domestic manners of the people, Lond. 1876.
Althaus. Englische Charakterbilder. 1869 г. 2 Bd.
Натчеръ. Изъ английской жизни. Этюды и очерки. „Русская Рѣчь“ 1880 г. № 12, 1881 г. №№ 1—4.
Франсъ. Лондонская голытьба. „Дѣло“ 1884 г. №№ 3 и 4.
 Отверженный Лондонъ. „Отеч. Зап.“ 1884 г. № 3.
 Очерки Англіи. „Загранич. Вѣстн.“ 1864 г. №№ 1, 3, 9.
Н. Ф—ъ. Лондонъ подъ землей и водой.—Лондонъ въ воскресенье. Митинги въ Гайдъ-Паркѣ.—Английскія женщины, ихъ права и надежды.—Лондонъ въ туманѣ.—Новый Александровскій паркъ и дворецъ.—Семейный англійскій клубъ.—Царство журналистики въ Англіи.—Газетное дѣло въ Лондонѣ.—„Недѣля“ 1875 г. №№ 3, 5, 8, 11, 12, 13, 18, 45 и 46.
Charles Booth. Life and Labour of the people. 8 vols.
Бутсъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб. 1891.

- Янжуль.** Практическая филантропія въ Англіи. „Вѣст. Евр.“ 1890 г. № 2.
 Лабораторія газеты „Таймсъ“. „Книжки Недѣли“, 1892 г. № 11.
Діонео. Лондонскіе Левіаѳаны. „Русск. Богатство“ 1898 г. № 2.
Рыбаковъ. Лондонская ежедневная печать. „Сѣв. Вѣст.“ 1893 г. №№ 11—12.
Графъ Парижскій. Рабочіе союзы въ Англіи. Перев. Баллина. 1871.
Lavergne. Economie rurale d'Angleterre.
Каблуновъ. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ (въ Англіи). М. 1884.
Янжуль. Очерки и изслѣдованія. М. 1884 г., т. II.
 Актъ о фабрикахъ и мастерскихъ 1878 г., перев. И. Янжула въ Трудахъ Коммисіи, учрежденной моск. ген. губ. для осмотра фабрикъ и заводовъ. М. 1880. вып. I.
 Рабочіе союзы въ Англіи. Соч. Работника. М. 1868.
Ludlow und Lloyd Jones. Die arbeitenden Klassen Englands in socialer und politischer Beziehung. Aus dem Englischen von Holtzendorff. Berl. 1868.
Heath. The english peasantry. 1893.
 Владѣніе и пользованіе земель въ различныхъ странахъ. Собраніе статей извѣстныхъ современныхъ экономистовъ. Спб. 1871.
Nadaud. Histoire des classes ouvrières en Angleterre. P. 1872.
Марксъ. Капиталъ, т. I. Спб., изд. 2-е. 1898.
З. Экономическіе эскизы (о земледѣльческихъ рабочихъ и сельскомъ хозяйствѣ въ Англіи). „Отеч. Зап.“ 1880 г. № 12, 1881 г. № 5.
Англійскій рабочій. „Вѣстн. Евр.“ 1873 г. № 8.
К. Ремесленные союзы въ Англіи. „Вѣстн. Евр.“ 1878 г. № 8.
Ермоловъ. Очеркъ сельскохозяйственнаго строя въ Англіи. „Журн. Сельск. Хоз. и Лѣс.“ 1873.
Ю. Лондонскія стачки. „Сѣв. Вѣст.“ 1889 г. № 10.
 Радикальная Англія, ея экономическій кризисъ и притязанія на міровое господство. Спб. 1895 г.
 Стачки рабочихъ въ Англіи. „Юридич. Вѣстн.“ 1890 г. № 8.
Holyoake. The cooperative movement to-day. 1892.
Н. Рабочіе союзы въ Англіи и восьмичасовой рабочій день. „Рус. Мысль“, 1892 г. № 12.
Горбуновъ. Стачки рабочихъ въ Англіи. „Юрид. Вѣстн.“ 1890 г. №№ 7—8.
 Рабочее движеніе въ Англіи. „Рус. Богат.“ 1891 г. № 3.
Эрвинъ Нассе. Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи. Ярослав. 1893.
Зотовъ, А. В. Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи. „Рус. Богатство“ 1895 г. №№ 1, 2 и 3.
Шульце-Гевеициъ. Крупное производство. 1897.
Р-ръ, С. Англійская деревня. „Вѣстн. Евр.“ 1897 г. № 8.
Діонео. Изъ Англіи. „Рус. Богат.“ 1897 г. № 9 (кооперативное движеніе), № 12 (театръ).
Озеровъ. Рабочіе клубы въ Англіи. „Русск. Мысль“, 1898 г. № 4.
Рузье. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Спб. 1898.
Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Спб. 1898.
Р-тъ, С. Неудавшаяся стачка. „Вѣстн. Евр.“ 1898 г. № 5.
Nasse R. и Krümmner. Die Bergarbeiter-Verhältnisse in Grossbritannien. 1891.
Schmid, C. A. Beiträge zur Geschichte der gewerblichen Arbeit in England während der letzten 50 Jahre. Iena. 1896.

Кулаковский. Современное состояніе англійскихъ университетовъ. „Русск. Вѣстн.“ 1886 г. № 7.

Новѣйшія преобразованія въ англійскихъ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Изящная Литература“ 1884 г. № 10.

Reybaud. L'enseignement des classes moyennes en Angleterre. Rev. des deux Mondes, 1865, 1 Juillet.

Вольскій. Оксфордскій университетъ. „Русск. Вѣстн.“ 1861 г. № 2.

Никласъ Роу. Университетская жизнь въ Англіи. „Русск. Вѣстн.“ 1864 г. №№ 6—9.

Вальрондъ. Внутренній бытъ Итонской школы. „Рус. Вѣстн.“ 1867 г. № 3.

Штейнъ. Государство и народное образованіе въ Англіи, Германіи и Франціи. 1876 г.

Деможо и Монтуччи. Среднія учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи. М. 1870.

Клейберъ. Кембриджскій университетъ. „Вѣстн. Евр.“ 1890 г. № 10 и 11.

Окольскій. Реформа англійскихъ университетовъ въ XIX ст. „Рус. Мысль“ 1892 г. №№ 1, 2, 4, 5.

О высшемъ женскомъ образованіи въ Англіи. „Рус. Школа“, 1892 г. №№ 7—8.

Максъ Леклеркъ. Помощь англійскихъ университетовъ народному образованію. „Міръ Божій“ 1893 г. № 1.

M. Leclerc. L'éducation des classes moyennes et dirigeantes en Angleterre. 1894.

Герье. Университеты и народъ въ Англіи. „Вѣстн. Евр.“ 1896 г. № 2.

Мижухевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи. Спб. 1896.

Мижухевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Спб. 1898.

Богдановичъ. Народное образованіе въ Англіи. „Наблюдатель“ 1898 г. №№ 3—5.

Народное образованіе во Франціи и Англіи. „Рус. Мысль“ 1897 г. № 12.

Діонео. Изъ Англіи (объ University Extension). „Рус. Боч.“ 1898 г. № 5.

Михайловскій. Англійская церковь и ея отношеніе къ православію. Спб. 1864.

Селининъ. Общество друзей или квакеры. „Православное Обозрѣніе“ 1870 г. №№ 8 и 10.

Поповъ. Устройство и бытъ англійской церкви. „Правосл. Обзор.“ 1860 г. №№ 7, 8 и 9.

Р. Религіозный вопросъ. Корреспонденція изъ Лондона. „Вѣстн. Евр.“ 1874 г. № 8.

Кустодіевъ. Жизнь сельскаго духовенства въ Англіи. „Православное Обозрѣніе“. 1867 г. № 8.

Флурансовъ. Религіозныя наблюденія въ Англіи. „Наблюдатель“, 1892 г., №№ 2 и 7.

Р. Въ Лондонѣ (I. Публичный митингъ. II. Квакеръ-реформаторъ. III. Перерожденная церковь). „Недѣля“, 1894 г. № 2.

Фишель. Государственный строй Англіи. Перев. Цейдлера. Спб. 1862 г.

Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Перев. подъ редакцію проф. Виноградова. Спб. 1891.

- Порритъ.** Современная Англія, права и обязанности ея гражданъ. Спб. 1897 г.
- Водовозовъ.** В. В. Государственный строй Великобританіи въ приложеніи къ книгѣ Э. Реклю „Великобританія“, изд. Поповой.
- Дерюжинскій,** В. Публичные митинги въ Англіи. „Вѣстн. Евр.“ 1893 г. №№ 2 и 3.
- „Письма изъ Англіи“ (о школахъ и выборахъ). „Рус. Богат.“ 1895 г. № 1.
- И. К.** Новѣйшія реформы мѣстнаго самоуправленія въ Англіи. „Вѣстн. Евр.“ 1895 г. № 9.
- Andree.** Die ethnograph. Verhältnisse Schottlands. Globus. 1874 г. Bd. 25, №№ 1—3.
- Д—скій.** Поѣздка въ горную Шотландію. „Рус. Вѣст.“ 1862 г. т. 39 и 42.
- Fontane.** Jenseit des Tweed. Bilder u. Briefe aus Schottland. Berl. 1860.
- Ramsay.** Reminiscences of skottish life and character. Edinb. 1874.
- Andree.** Vom Tweed zur Pentlandföhrde. Iena. 1866.
- Англійская политика въ Ирландіи. „Вѣст. Евр.“ 1874 г. № 2.
- Д. Н.** Поземельный вопросъ въ Ирландіи. „Русск. Вѣст.“ 1878 г. № 7.
- Янжулъ.** Англійская торговая политика въ Ирландіи. „Юридич. Вѣст.“ 1877 г., Ноябрь и Декабрь.
- Laveleye.** La question agraire en Irlande et en Angleterre. Rev. des deux Mondes, 15 Juin et 15 Juillet 1870.
- Зиберъ.** Аграрный вопросъ въ Ирландіи. „Юридич. Вѣст.“ 1882 г. №№ 9 и 10.
- Ирландскій вопросъ. „Отеч. Запис.“ 1881 г. №№ 7—9.
- Сүлливанъ.** Новая Ирландія. „Русская Мысль“ 1881 г. №№ 4, 5, 7—9.
- Аграрный вопросъ въ Ирландіи. „Отеч. Зап.“ 1872 г. №№ 7 и 8.
- Объ аграрномъ строѣ въ Ирландіи. „Вѣст. Евр.“ 1870 г. № 3.
- Мануиловъ.** Аренда земли въ Ирландіи. М. 1895.
- Lasteyrie.** Les Fenians et l'Irlande. Revue des deux Mondes. 1866, 15 Avr.
- Lasteyrie.** L'Irlande et les causes de sa misère. Rev. des deux Mondes. 1863, 15 Octobre.
- Lavergne.** L'Irlande en 1867. Rev. des deux Mondes, 1867, 1 Décembre.
- Macaulay.** James. Ireland in 1872. A tour of observation. With remarks on irish public questions. L. 1873.
- Милль.** Англія и Ирландія. Харьк. 1873.
- Тренчъ.** Очерки ирландской жизни. Перев. съ англ. Спб. 1873.
- Helfferrich.** Skizzen u. Erzählungen aus Irland. Berl.
- Востоковъ.** Ирландія въ 1893 г. „Наблюдатель“ 1893 г. № 9.
- Каутскій.** Ирландія. Культурно-историческій очеркъ. „Русск. Богат.“ 1893 г. № 12.
- Wild.** Die Niederlande. Ihre Vergangenheit und Gegenwart. 2 Bd. Leipz. 1862.
- Esquiros.** La Néerlande et la vie Hollandaise. P. 1859, 2 vols.
- De Amicis.** La Hollande. P. 1885.
- Havard.** La Hollande pittoresque. Voyage aux villes mortes de Zuiderzée. P. 1874.
- Havard.** La Hollande pittoresque. Les frontières menacées. Voyage dans les provinces de Frise, Groningue, Drenthe, Overijssel, Gueldre et Limbourg. Paris. 1876.
- Вернеръ.** Страна плотинъ. Очерки современной Голландіи. 1884.
- Laveleye.** Economie rurale de la Hollande. Rev. d. d. Mondes. 1863, 15 Sept. et 1 Nov., 1864, 15 Janv. et 1 Avr.

Réville. L'église des anciens catholiques en Hollande. R. d. d. M. 1872, 15 Mai.
Судаковъ. Реформатская церковь въ Голландіи. „Христ. Чтен.“ 1861 ч. I, №№ 4 и 5.

Кб. Положеніе рабочаго класса въ Голландіи. „Юридическій Вѣстникъ“ 1888 г. № 10.

Ө. Рабочая Голландія. Письмо изъ за границы. „Вѣстн. Евр.“ 1891 г. № 1.

Положеніе земледѣльческаго класса въ Голландіи. „Гласность“ 1897 г. № 54.

Van der Borcht. Die niederlandische Fabrikinspektion in den Jahren 1894—96. Archiv für sociale Gesetzgebung u. Statistik, herausg. v. Dr. H. Braun. Berl. 1898, XII Band., 2-tes Heft.

Ө. Церковь и школа въ Голландіи. „Русскій Вѣстникъ“ 1895, № 5.

Oetker. Belgische Studien. Schilderungen und Erörterungen. Stuttgart. 1876.

Reinsberg-Düringsfeld. Traditions et legendes de la Belgique. Brux. 1870. 2 vols.

Lemonnier. La Belgique, contenant 323 gravures. 1888.

Laveleye. Essai sur l'économie rurale de la Belgique. 2 ed. 1863.

Лавелей. Поземельная система Бельгіи и Голландіи (въ сборникѣ: Владѣніе и пользованіе землей въ различныхъ странахъ. Спб. 1871)

Консидеранъ. Первоначальное, среднее и высшее обученіе въ Бельгіи. Ж. М. Н. Пр. ч. CXIII, № 1.

Бар. Корфъ. Бельгійскіе клерикалы и школа. „Рус. Мысль“, 1883 г. № 6.

Зибержъ. Экономическіе эскизы (землевладѣніе и земледѣліе въ Бельгіи). „Отечеств. Записки“, 1882 г. № 6.

Тарасовъ. Интензивное хозяйство и сельско-хозяйственная политика (въ Бельгіи). 1886.

Нестеровъ. Бельгійская „рабочая партія“. „Сѣверн. Вѣст.“ 1886 г. № 11.

Бертранъ. Л. Общества взаимной помощи въ Бельгіи. Спб. 1898.

Водовозовъ. Н. Рабочее движеніе въ Бельгіи въ „Экономическихъ этюдахъ“ того же автора. М. 1897.

Водовозовъ. Н. Кооперативная булочная. „Рус. Вѣдом.“ 1894 г. № 188.

Безсоновъ, М. Письма изъ Бельгіи. „Сынъ Отечества“ 1898 г. №№ 98, 119, 130, 131, 136, 137, 146, 147, 173, 192, 195, 202, 203, 224, 234, 242.

П. Положеніе рабочихъ классовъ въ Бельгіи. „Юридич. Вѣстн.“ 1889 г. № 10.

Положеніе промышленности въ Бельгіи. „Юридич. Вѣстн.“ 1888 г. № 6—7.

Спасовичъ, В. Избирательная реформа въ Бельгіи. „Сѣв. Вѣстн.“ 1895 г. № 5.

Nicolai. Salaires et budgets ouvriers en 1853 et en 1891. Brux. 1895.

„Vooruit“ въ Гентѣ. „Степной Край“ 1897 г. № 67.

Vanderrydt. Die Arbeitsinspektion in Belgien während der Jahre 1895 и 1896. Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik, herausg. v. Dr. Heinr. Braun. XII Bd., 2 Heft., 1898.

Елистревъ, А. Путешествіе въ Скандинавію и Лапландію. М. 1886 (или въ его книгѣ: „По бѣлу свѣту“, 1895 г. т. II).

Коптевъ, А. Путевыя замѣтки по Швеціи и Норвегіи до Нордъ-Капа въ 1892 г. Спб. 1893.

Ганзенъ. Общественная самопомощь въ Даніи, Швеціи и Норвегіи. Спб. 1898.

Верховскій. Норвегія и Швеція. Варш. 1898.

Берендтсъ. О шведско-норвежской униі. Историко-политическій этюдъ. Ярсл. 1895.

Страннолюбская, Е. Очерки народного образованія въ скандинавскихъ странахъ. Спб. 1896.

Hugues le Roux. Notes sur la Norvége. 1894.

Woods Baker. Pictures of swedish Life or Svea and their children. L. 1894.

Ковалевская, С. В. Литературныя сочиненія. Спб. 1893. (статьи: „Три дня въ крестьянскомъ университетѣ въ Швеціи“ и „Письмо въ неизвѣстную редакцію“).

Берендтсъ. Государственное хозяйство Швеціи ч. II, вып. 1 и 2. Ярослав. 1894—95 гг. (или во „Временникѣ Юридическаго Лицея“.)

Петерсонъ. Письма изъ Норвегіи и Даніи. „Сѣв. Вѣстн.“ 1894 г. № 10.

Zschokke. Reisebilder aus dem Skandinavischen Norden. 1877.

Passarge. Drei Sommer in Norwegen. Reiseerinnerungen und Kulturstudien. 1881.

Verkrüzen. Norwegen, seine Fjorde und Naturwunder. 1871.

Brandes. Ausflug nach Norwegen. 1867.

Passarge. Schweden, Wisby und Kopenhagen.

Rasch. Aus einem freien Lande. Reisebuch durch Schweden. Wien. 1869.

Lloyd. Peasant life in Sweden. 1870.

Broch. Le royaume de Norwége et le peuple Norwegien. Christ. 1876.

Vandal. En karriole à travers la Suède et la Norwége. P. 1876.

Zöllner. Schweden. Land und Volk. 1882.

Costumes Suédoises de la Scanie. (Съ великолѣпно раскрашенными рисунками).

Герье. О сословіяхъ въ Швеціи. „Русск. Вѣстн.“ 1862 г. т. 38, № 4.

Фохтъ. Путешествіе на сѣверъ вдоль Норвежскаго берега. Спб. 1867.

Страна полуночнаго солнца и грамотныхъ поселянъ. „Отеч. Зап.“ 1883 г. № 2 и 3.

Kist. Dänisches und Schwedisches. 1869.

Wittken. Studien über Jütland. Berl. 1865.

Земледѣльческій промыселъ въ Даніи. „Труды Вольн. Экон. Общ.“ 1872 г. т. III.

Saint-Amand. Le Danemark en 1873. Revue des deux Mondes. 15 Mai 1873.

С. Крестьянскіе университеты въ Даніи. „Рус. Вѣд.“ 1887 г. № 112.

Godefroy. Economie rurale du Danemark. P. 1878.

Буква. Датская деревня. „Русск. Вѣдом.“ 1892 г. № 162.

I. v. Düringsfeld. u. O. Fr. v. **Reinsberg-Düringsfeld.** Hochzeitsbuch. Brauch u. Glaube der Hochzeit bei den christlichen Völkern Europa's. Leipz.

I. v. Düringsfeld u. O. Fr. v. **Reinsberg-Düringsfeld.** Ethnographische Curiositäten. Leipz. 1879.

Lavollée. Les classes ouvrières en Europe. Etudes sur leur situation matérielle et morales. 2 vols. 1882., 3-me vol. 1896.

Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. М. 1896.

Магаймъ. Профессиональные рабочіе союзы. Перев. Н. Водовозова. Спб. 1895.

Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Спб. 1897.

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. М. 1896.

Левассёръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Спб. 1898.

Recueil de rapports sur les conditions du travail dans les pays étrangers adressés au ministre des affaires étrangères. 1890—91.

Подъ общимъ названіемъ „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“ издано
семь книжекъ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ:

- 1) Турки, 2) Англичане, 3) Итальянцы, 4) Нѣмцы, 5) Испанцы,
6) Чехи, Поляки, Русины, 7) Болгары, Сербы, Черногорцы.

Шесть книжекъ „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“, а именно: 1) **Испанцы**, 2) **Итальянцы**, 3) **Турки**, 4) **Нѣмцы**, 5) **Англичане** и 6) **Чехи, Поляки, Русины**, одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній.

Шесть книжекъ „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“: 1) **Итальянцы**, 2) **Турки**, 3) **Нѣмцы**, 4) **Англичане**, 5) **Чехи, Поляки, Русины**, 6) **Болгары, Сербы, Черногорцы**—одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ каждой книжкѣ „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“ отъ 6-ти до 14-ти картинокъ, изображающихъ типы названныхъ народовъ. Картинки нарисованы художниками *Васнецовымъ, Пановымъ, Бухгольцемъ* и другими. Цѣна каждой книжки (отъ 160 до 225 стр.) 40 коп.

Складъ изданія у автора: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 2 линія, домъ № 11, д. Шрейдеръ, кв. 15, Елизавета Николаевна *Водовозова*. Тутъ же можно приобрѣтать книги покойнаго *Василія Ивановича Водовозова*. Всѣ эти книги продаются съ уступкою 30% съ каждого экземпляра; съ цѣны переплетовъ уступки не дѣлается.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ

В. И. СЕМЕВСКАГО:

- 1) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I. Цѣна 3 руб.
2) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половины XIX вѣка. Т. II. Ц. 3 руб.
3) Крестьяне при Екатеринѣ II. т. I Ц. 3 руб.
4) **Василій Ивановичъ Водовозовъ**. Біографическій очеркъ съ портретомъ. Ц. 50 коп.
5) **Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ**. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. Ц. 3 р.
6) **Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ**. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Ц 3 р.